



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slaw 424.50 (53)

**Harvard College
Library**



By Exchange

Slon 20.4.53

ЗАПИСКИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ LIII.

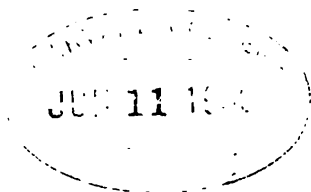
I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

~~9200 20.4.53~~

P Slav 424.50 (53)



By exchange

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, 20 Ноября 1899 г.

Декавъ П. Никитинъ.

И. М. Гревсъ.

Иванъ М. Гревсъ

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ

РИМСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВО ВРЕМЯ ИМПЕРІИ)

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

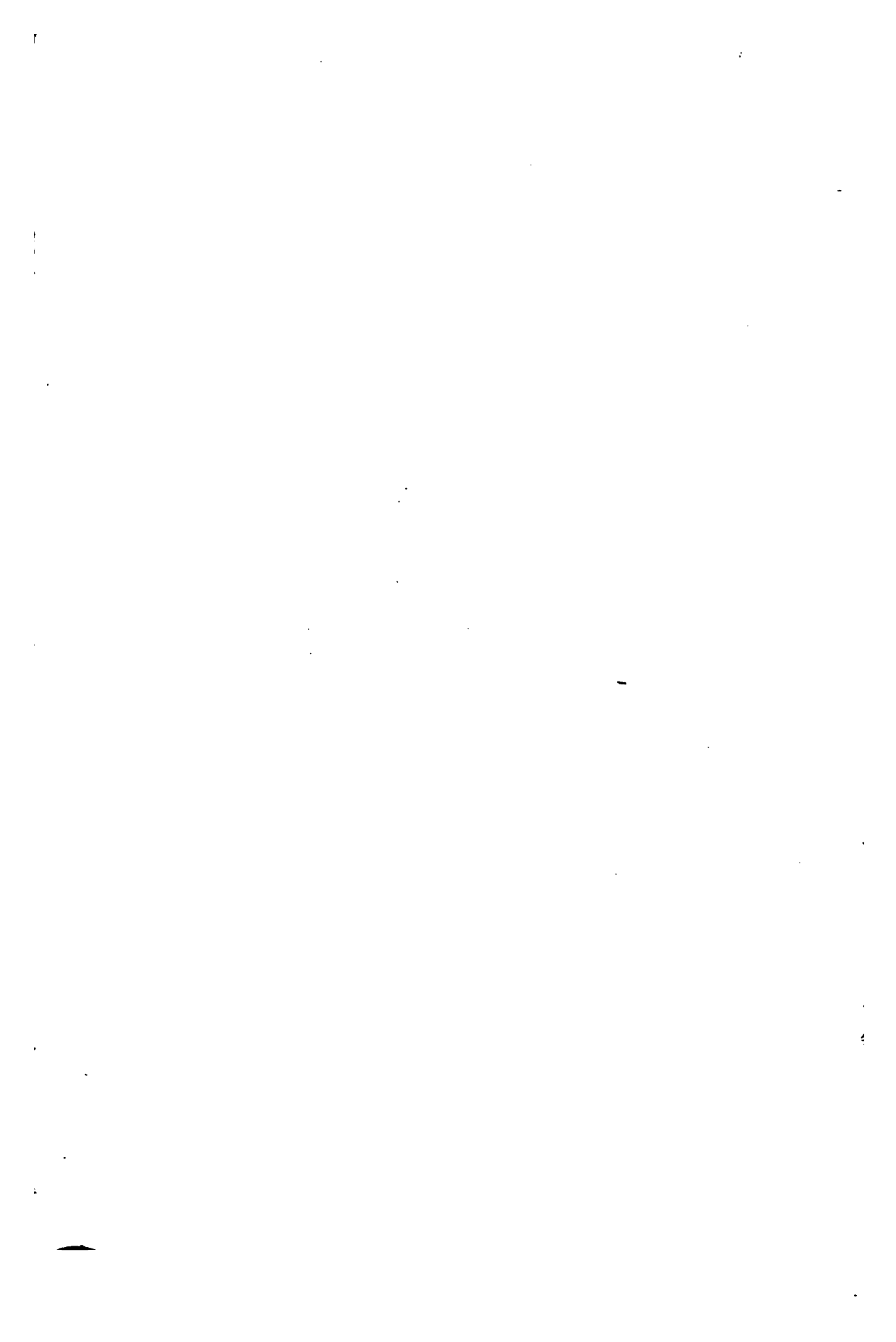
1899.



2861

20-117
29-16

*Дорогой памяти своей матери
посвящает настоящий трудъ
авторъ.*



СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
А. Предисловіе.	XI
Б. Введеніе: Научная разработка исторіи римскаго землевладѣнія	3
1. Обзоръ и характеристика библиографіи ученыхъ сочиненій по данному вопросу	5
2. Причины неудовлетворительнаго состоянія изслѣдованія означенной исторической проблемы.	32
3. Необходимость широкой постановки изученія римской аграрной исторіи и тщательной разработки ея деталей; схема предстоящихъ трудовъ автора въ названной области; значеніе частныхъ разысканій по исторіи римскаго землевладѣнія; планъ и содержаніе настоящей книги и специальная цѣль подобныхъ ей работъ въ общей задачѣ разъясненія соціального прошлаго римскаго міра	51
В. Очеркъ первый: Землевладѣніе во времена Августа по сочиненіямъ Горация	63
I. Гораций, какъ источникъ для соціальной исторіи Рима	63
II. Помѣстье Горация въ сабинской землѣ	73
1. Топографія его	75
а. Происхожденіе и мѣстоположеніе помѣстья (топографическія переживанія)	75
б. Составъ недвижимаго состоянія Горация: римскій городской домъ, тибуртинская загородная вилла и сабинское сельское помѣстье	88
2. Описаніе отдѣльныхъ частей сабинскаго помѣстья	94
а. Усадьба (ея расположеніе и характеръ)	96
б. Сельскохозяйственные культуры (виноградникъ, пашня, лугъ)	107
в. Лѣсъ, пастбища, пустоши	114
г. Барская и арендная половины	118
3. Общее заключеніе о размѣрахъ и типѣ сабинскаго имѣнія Горация	124

III. Господствующія формы земельных отношеній въ римскомъ мѣрѣ во время Горация	132
1. Развитие крупной собственности и подавление ею мелкой (фиктивной и историческія иллюстраціи этого явленія у Горация и отчасти у другихъ поэтовъ)	133
2. Земельное магнатство и его социальныя нравы	156
3. Положеніе низшихъ земледѣльческихъ классовъ (обезземеленіе крестьянства)	164
4. Данныя Горация о сохраненіи крестьянскаго землевладѣнія	178
IV. Выводы	185
1. Картина аграрнаго строя, извлекаемая изъ сочиненій Горация, какъ наглядный критерій современнаго ему общественнаго мнѣнія о состояніи землевладѣнія во времена Августа	186
2. Подчиненное социальное положеніе Горация, какъ признакъ, опредѣляющій мѣсто его имѣнія въ іерархіи земель въ римскомъ мѣрѣ	193
3. Земельные собственники средней руки (примѣры: Гораций, Тибуллъ, Вергилій, Ювеналь и Марціалъ) и крупное землевладѣніе. — Торжество послѣдняго ко времени утвержденія имперіи.	202

G. Очеркъ второй: Т. Помпоній Атиккъ, какъ представитель особаго типа земельных магнатовъ въ переходную эпоху отъ республики къ имперіи.	237
Задача этюда (біографическій методъ, какъ средство социально-историческаго изученія)	237
I. Происхожденіе Атика и разнообразныя пути его обогащенія	246
Мѣсто Атика среди различныхъ группъ римской аристократіи. — Значеніе его біографіи для историка римскаго землевладѣнія.	246
1. Наслѣдственное состояніе Атика и намѣченный имъ планъ жизни	251
а. Удаленіе отъ службы и сосредоточеніе на созданіи частнаго богатства	251
б. Отношеніе его къ обществамъ публикановъ	263
2. Капиталистическія предпріятія Атика	268
а. Крупныя спекуляціи	268
б. Второстепенныя виды денежныя дѣла. Атиккъ—книжный издатель	276
в. Обогащеніе его наслѣдствами. — Результаты приобрѣтательской дѣятельности Атика и прекращеніе его финансовыхъ операцій	281
II. Реализація состоянія Атика въ недвижимыхъ имуществѣхъ. — Атиккъ—крупный земельный собственникъ	288
1. Италійскія владѣнія его.	291
а. Римская резиденція и городскіе доходные дома.	291

	СТРАН.
б. Подгородныя виллы	306
в. Помѣстья внутри полуострова	317
г. Участіе Аттика въ пользованіи государственными землями въ Италіи	325
2. Провинціальныя владѣнія	338
а. Эпирская латифундія Аттика (ея происхожденіе, составъ и вѣроятная организація)	338
б. Земледѣльческое населеніе помѣстій Аттика; окончательное общее сужденіе о размѣрахъ и расположеніи его недвижи- мой собственности	352
III. Политическая философія Аттика и его общественное поведеніе. Необходимость изученія политическихъ взглядовъ Аттика и ихъ примѣненія для оцѣнки его соціальной роли	368
1. Какъ сложились жизненныя воззрѣнія Аттика?	373
а. Развѣтіе индивидуализма въ высшихъ классахъ римскаго общества и вліяніе эпикурейства на ихъ политическое на- строеніе въ концѣ республики	373
б. Особенность практической политики Аттика (honestum otium).—Аттикъ и дружба	390
в. Осуществленіе выработанной программы на дѣлѣ (кованіе своего счастья)	400
2. Результаты жизненной работы Аттика	416
а. Полный успѣхъ личныхъ плановъ и увѣнчаніе семейнаго благополучія	416
б. Аттикъ, какъ представитель важнаго и новаго соціально- политическаго теченія среди римской знати въ эпоху окон- чательнаго упадка республики	422
в. Имперія и республиканская аристократія	432
Д. Заключеніе: Общеисторическое значеніе крупной земель- ной собственности въ римскомъ мірѣ въ связи съ основ- ными особенностями экономическаго строя древности	441
I. Частныя и общіе вопросы въ разработкѣ исторіи римскаго земле- владѣнія	444
1. Мѣсто индивидуальныхъ этюдовъ въ общемъ планѣ изученія даннаго предмета	444
2. Необходимость ихъ обобщенія.—Всемирно историческая точка зрѣнія, какъ лучшей объединяющей принципъ	453
II. Теорія Родбертуса-Бюхера, какъ средство познанія экономиче- скаго строя классической древности	468
1. Происхожденіе и сущность теоріи Родбертуса-Бюхера объ осо- бенностяхъ хозяйственной эволюціи античнаго міра	468
2. Система замкнутаго домашняго хозяйства и римское эконо- мическое развитіе по Бюхеру	484

	СТРАН.
III. Теорія Бюхера и римская исторія (опытъ критическаго разсмотрѣнія ея)	496
1. Признаки постепеннаго развитія народно-хозяйственной организаціи въ экономической жизни римскаго міра, какъ факты, подрывающіе цѣльность бюхеровской системы	496
2. Односторонность результатовъ первоначальнаго торжества капиталистическихъ формъ хозяйства въ римскомъ государствѣ къ концу республиканскаго періода	515
3. Условія, разлагавшія замкнутое домашнее хозяйство во время имперіи, какъ причины начинавшагося перерожденія экономического строя римской древности (экономическая политика принципата)	528
IV. Стойкость системы крупныхъ замкнутыхъ хозяйствъ, какъ перво-степенная социальная причина паденія римской имперіи	540
1. Симптомы малой жизненности римской торговли даже въ эпоху ея наибольшаго развитія	542
2. Невыдѣленность или малая самостоятельность въ римскомъ обществѣ купеческаго и ремесленнаго классовъ	555
3. Мѣсто рабскаго труда въ производствѣ и специально въ индустріи	567
4. Новое возрожденіе крупнаго ойкоснаго хозяйства и разложе-ніе имъ имперскаго единства	580
а. Послѣдовательныя фазы въ развитіи, разложеніи и возрожденіи ойкосной системы въ римской исторіи. — Вліяніе ея на государственное хозяйство имперіи	582
6. Эволюція отношеній большихъ частныхъ ойкосовъ къ го-сударственному во время имперіи и торжество первыхъ надъ послѣднимъ въ IV-мъ и V-мъ вѣкахъ (начало фео-дализаціи общественнаго строя)	594
в. Ойкосное хозяйство и духовная культура имперіи (зависи-мость его отъ варваризаціи сознаній)	613
E. Указатели	621
I. Источниковъ (Index locorum)	621
II. Литературы	640



ПРЕДИСЛОВІЕ.

«L'histoire n'est pas une science facile; l'objet qu'elle étudie est infiniment complexe; une société humaine est un corps dont on ne peut saisir l'harmonie et l'unité qu'à condition d'avoir examiné successivement et de très près chacun des organes qui le composent et qui en font la vie. Une longue et scrupuleuse observation du détail est donc la seule voie qui puisse conduire à quelque vue d'ensemble. *Pour un jour de synthèse il faut des années d'analyse...*»

Fustel de Coulanges.

Настоящая книга, являющаяся результатом не малаго и не кратковременнаго труда, можетъ быть названа плодомъ проникновенія автора приведеннымъ только-что девизомъ научнаго изслѣдованія, который выраженъ словами знаменитаго историка. — Я привлеченъ былъ къ изученію соціальной исторіи римской имперіи вскорѣ послѣ окончанія курса на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго Университета. Интересъ къ данной эпохѣ и вкусъ къ подобнаго рода сюжетамъ былъ впервые внушенъ мнѣ занятіями подъ руководствомъ покойнаго моего учителя—профессора и академика Василія Григоріевича Васильевскаго.—Подчиняясь обычной въ юности склонности къ широкимъ построеніямъ, я увлекался сначала намѣреніемъ написать обширное сочиненіе, которое рассматривало бы полную исторію

аристократическихъ классовъ въ римской имперіи и раскрывало бы ихъ общественную роль, могущественность которой ощущается почти въ каждомъ фактѣ исторіи римскаго государства. Но приступая къ обработкѣ избраннаго вопроса съ тою внимательною осторожностью и съ тѣмъ серьезнымъ уваженіемъ къ требованіямъ ученыхъ разысканій, которыя усваивались учениками Василя Григоріевича уже на студенческой скамьѣ, я не могъ очень скоро не убѣдиться въ его огромной сложности и чрезвычайной трудности. Сознаніе это естественно приводило къ необходимости ограниченія предмета изслѣдованія. Надо было подходить къ нему мало-по-малу, захватывать его по частямъ, принимая въ расчетъ самое положеніе вопроса въ наукѣ и стараясь точно оцѣнивать собственные силы; понимая возможность только медленной побѣды надъ препятствіями, но замѣчая при этомъ, что она облегчается и приближается систематичностью борьбы съ ними при постепенномъ ростѣ по мѣрѣ упражненія индивидуальныхъ научныхъ средствъ самого изслѣдователя.

Для достиженія указанной цѣли, то-есть, для установки опредѣленныхъ рамокъ работы съ научною ясностью и строгою цѣлесообразностью слѣдовало подробно анализировать порознь и тщательно сравнить между собою основные элементы историческаго явленія или института, поставленнаго объектомъ наблюденія. Послѣ этого приходилось, не теряя изъ вида общей концепціи темы, выдѣлить для ближайшаго спеціальнаго изученія ту сторону вопроса, которая оказывалась въ одно время и особенно существенною, и наименѣе выясненною. Тѣмъ самымъ пріобрѣталась бы возможность, работая надъ важною проблемою,

сказать о ней новое научное слово. — «Аристократизмъ», несомнѣнно, былъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ чертъ римскаго общественнаго строя во всѣ періоды историческаго существованія великаго народа. Рядомъ съ этимъ необходимо выдвинуть, что знать всегда являлась въ римскомъ обществѣ и политически привилегированнымъ сословіемъ, носителемъ верховно-административныхъ правъ, и классомъ, господствовавшимъ надъ остальными въ социальномъ-экономическомъ отношеніи, то есть, вслѣдствіе особенностей хозяйственнаго строя римлянъ — обладателемъ земельного богатства. «Землевладѣніе» должно быть названо, стало быть, самымъ кореннымъ экономическимъ факторомъ развитія социальной жизни въ римскомъ мірѣ, какъ «аристократія» — самую главную дѣйствовавшую въ немъ политическою силою. При этомъ сословно-административная организація знати въ ея послѣдовательномъ развитіи изучена въ имѣющейся научной литературѣ по римской исторіи гораздо лучше, чѣмъ уяснена связь ея судебъ съ аграрною эволюціею римскаго міра, которая и сама остается до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ мало освѣщенной областью. Слѣдовательно, чтобы не оставлять первоначально взятаго на себя дѣла — изученія исторіи римской аристократіи — и разсмотрѣть ее съ наименѣе извѣстной стороны, самымъ лучшимъ оказывалось изслѣдовать развитіе высшихъ классовъ римскаго общества съ социально-экономической точки зрѣнія.

Подобная ориентировка темы труда обращала меня къ разработкѣ исторіи крупной земельной собственности въ Римѣ, субъектомъ которой именно являлась и до конца оставалась знать. Въ такой фор-

мулѣ я нашелъ выходъ изъ первоначальной неопре-
дѣленности рисовавшейся задачи; ею же указывалась
дѣйствительно значительная историческая проблема и
намѣчалась область, въ которой каждому добросо-
вѣстному научному труженику можно и должно
искать нетронутыхъ еще данныхъ и находить новые
отвѣты на неразрѣшенные вопросы. Я сообщаю здѣсь
выводы, обусловившіе постановку темы моего со-
чиненія, къ которымъ привела меня послѣ многочи-
сленныхъ опытовъ и немалыхъ колебаній долгая под-
готовительная работа надъ избраннымъ предметомъ.
Цѣлый рядъ лѣтъ упорнаго труда далъ мнѣ въ руки
обильный матеріалъ, помогъ выяснить существен-
ныя основныя идеи, добиться важныхъ обобщеній и
выработать остовъ цѣльнаго построенія земельной
исторіи въ римскомъ мірѣ преимущественно во времена
имперіи. Но различныя неблагопріятныя условія, среди
которыхъ слагалась моя научная жизнь, мѣшали мнѣ
до сихъ поръ придать полученнымъ результатамъ
форму, которая позволила бы обнародовать ихъ уже
теперь въ полномъ видѣ. Съ другой стороны самый
предметъ и освѣщающіе его источники оказались
такого свойства, что потребовали положительно гро-
мадной черновой работы, а затѣмъ предварительной
и провѣрочной комбинаціи. Такъ, на самомъ дѣлѣ
оправдывался тезисъ, что всякое даже частичное
синтетическое обобщеніе можетъ устанавливаться
сколько-нибудь прочно лишь на фундаментѣ медленно
строившихся передъ тѣмъ аналитическихъ изслѣдо-
ваній. Параллельно съ постепеннымъ установленіемъ
общей задачи всего труда, разработкою его плана,
систематическимъ собираніемъ матеріала и перво-
начальнымъ его анализомъ и классификаціею неиз-

бѣжно приходилось предпринимать различныя спеціальныя изысканія и детально освѣщать нѣкоторыя отдѣльные пункты. Последнее должно было содѣйствовать въ наиболѣе трудныхъ случаяхъ лучшему раскрытію и точнѣйшему разсмотрѣнію основныхъ элементовъ изучаемаго явленія, а также болѣе полному опредѣленію ихъ дѣйствительнаго мѣста въ его организмѣ и ихъ функцій въ его развитіи. Для удовлетворенія данной цѣли я пытался выработать особую форму «индивидуальныхъ этюдовъ», которые послужили бы лишнимъ орудіемъ познанія того, что скрываютъ историческіе памятники для воспроизведенія одного изъ крупнѣйшихъ процессовъ всемірно-исторической соціальной эволюціи. Во введеніи и заключеніи настоящей книги и во вводныхъ главахъ отдѣльныхъ очерковъ выяснены какъ общій планъ будущаго основнаго труда, надъ которымъ я работаю въ означенной сферѣ соціально-экономической исторіи римской древности, такъ и схема этюдовъ, подготовляющихъ его осуществленіе. Здѣсь я только счелъ нужнымъ бѣгло указать, какъ возникла книга, которую я нынѣ рѣшаюсь предложить вниманію читателей. Я не буду утомлять ихъ подробнымъ разсказомъ біографіи своего труда, но невольно ощущалъ потребность проводить послѣдній въ свѣтъ нѣсколькими словами, поясняющими его происхожденіе и природу.

Какъ скромно ни оцѣниваю я настоящее свое сочиненіе со стороны важности и новизны его результатовъ, я не могу не заявить совершенно откровенно слѣдующаго: я не въ состояніи былъ бы достигнуть и того, что въ немъ можетъ быть найдено заслуживающимъ вниманія съ точки зрѣнія фактическаго содержанія, общихъ идей и методологическихъ прие-

мовъ, если бы не пользовался постоянно въ различныхъ формахъ руководящимъ вліяніемъ или помощью, поддержкою или совѣтами нѣсколькихъ лицъ, которымъ мнѣ должно и дорого выразить свою признательность.

Авторамъ научныхъ монографій не приходится, конечно, благодарить своихъ предшественниковъ, труды которыхъ оказали имъ прямыя услуги, или великихъ историковъ, являвшихся, безъ сомнѣнія, ихъ учителями. Но приступая къ публикованію серіи изслѣдованій, однородныхъ по содержанію и сосредоточенныхъ около одной эпохи и одного явления, я позволяю себѣ назвать имя крупнаго ученаго, котораго лично не зналъ, но сочиненія и идеи котораго обнаружили исключительно сильное и широкое вліяніе на образованіе моего научно-историческаго міросозерцанія. Я говорю о Фюстель де Куланжѣ. Обстоятельства не дали мнѣ формальнаго права назвать себя его ученикомъ, такъ какъ мнѣ не выпало на долю счастья слушать его лекціи и стать подъ его личное руководство. Когда я первый разъ пріѣхалъ въ Парижъ въ 1889-омъ году для продолженія своего научнаго образованія, знаменитый ученый незадолго передъ тѣмъ скончался. Но вся умственная атмосфера Сорбонны была, такъ сказать, полна свѣжихъ и яркихъ воспоминаній о немъ и согрѣтаго сильною скорбью отъ понесенной утраты восторга передъ его только-что умолкшимъ преподаваніемъ. Ощущеніе такой горячей симпатіи и благоговѣйнаго уваженія къ личности и дѣятельности замѣчательнаго профессора въ его непосредственныхъ питомцахъ, съ которыми удалось тогда вступить въ общеніе, поднимало и укрѣпляло во мнѣ увлеченіе работами и взглядами Фюстель де Куланжа, которымъ я былъ проникнутъ уже и раньше. Чувство это

невольно влекло меня примкнуть къ членамъ оставленной имъ тѣсной школы и, во всякомъ случаѣ, побуждало все дальше углубляться въ изученіе его книгъ, число которыхъ какъ разъ тогда умножалось выходящими посмертными изданіями необнародованныхъ еще частей основного труда его жизни («*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*»). Я не могу сказать, что являюсь адептомъ всѣхъ теорій Фюстель де Куланжа, а также настоящимъ сторонникомъ его методологическихъ воззрѣній; но я чувствую всетаки на своемъ ученомъ складѣ такіе глубокіе слѣды воздѣйствія его историческаго таланта, что долженъ признать во многихъ отношеніяхъ свою зависимость отъ его научнаго направленія.

Переходя къ тѣмъ, которые оказывали мнѣ уже непосредственное личное содѣйствіе, я считаю долгомъ прежде всего помянуть словомъ высокаго почитанія и глубокой сердечной благодарности покойнаго своего ближайшаго учителя В. Г. Васильевскаго. Я уже высказывалъ въ печати свое искреннее сужденіе о томъ, чѣмъ былъ умершій профессоръ для Петербургскаго Университета, для своихъ слушателей и учениковъ¹⁾. Въ частности относительно себя я долженъ сказать, — и говорю объ этомъ съ радостью, — что обязанъ его авторитетной научной помощи и неизмѣнному нравственному участию многимъ, весьма существеннымъ, какъ въ общемъ своемъ научномъ развитіи, такъ спеціально въ дѣлѣ разработки настоящаго сочиненія и подготовки тѣхъ, которыя за нимъ послѣдуютъ. Мнѣ горько, что не удалось своевременнымъ выпускомъ еще

¹⁾ См. мою замѣтку — «Василій Григоріевичъ Васильевскій, какъ гель науки» въ августовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1899-й годъ.

при жизни его своихъ трудовъ, которыми онъ всегда интересовался съ рѣдкою благожелательностью руководителя и друга, удовлетворить по мѣрѣ силъ его надежды. Для меня будетъ счастьемъ, если критика признаетъ эту книгу, надъ которой мнѣ дорого было чувствовать духовное покровительство почившаго наставника, хоть въ нѣкоторой степени оправданіемъ его сочувствія и довѣрія!..

Исполняя долгъ дальнѣйшей благодарности, не могу не отмѣтить, что получилъ много въ высшей степени цѣнныхъ совѣтовъ отъ уважаемаго профессора Московскаго Университета, нашего замѣчательнѣйшаго знатока средневѣковой исторіи П. Г. Виноградова. Я съ большою пользою примѣнилъ къ своей работѣ важныя теоретическія соображенія, которыя были высказаны имъ по поводу изслѣдуемой мною темы во время нашихъ встрѣчъ въ Москвѣ Парижѣ и Петербургѣ въ тотъ періодъ, когда первоначально слагался общій планъ моего труда; съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю я о бесѣдахъ съ нимъ, сожалѣя лишь, что онѣ повторались недостаточно часто для того, чтобы мнѣ оказалось возможнымъ въ желательной широтѣ воспользоваться его ученымъ вліяніемъ. — Значительно содѣйствовала общему ходу моихъ занятій и поддержка, встрѣченная мною вообще въ членахъ Историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета, которые неоднократно также оказывали мнѣ довѣріе, ходатайствуя о командированіи меня за границу и, наконецъ, постановивъ напечатать настоящую работу въ своихъ «Запискахъ». Я приношу поэтому профессорамъ означеннаго факультета свою глубокую признательность. Специально же обращаюсь я съ выра-

женіемъ этого чувства къ Н. И. Карѣеву, постоянно съ истинно-дружескимъ вниманіемъ относившемуся къ моей работѣ.

Воспроизводя въ памяти протекшую половину своей научной жизни, во время которой выросла настоящая книга и зарождались слѣдующія, съ живымъ волненіемъ переносусь я специально къ тѣмъ годамъ, когда работа шла особенно напряженно и успѣшно, то-есть, когда я жилъ, всецѣло отдаваясь наукѣ, въ Парижѣ и, особенно, Римѣ. Кому удалось провести нѣсколько лѣтъ молодости съ ученою цѣлью въ крупныхъ умственныхъ центрахъ Западной Европы, тотъ хорошо знаетъ, какую чудную пору самага интенсивнаго умственнаго роста будущаго научнаго дѣятеля составляютъ они,—пору, ярко освѣщенную юношескимъ энтузіазмомъ, полную увлекательнаго движенія бодрой энергіи, одухотворенную свѣжимъ идеализмомъ и свѣтлыми надеждами, облагороженную творческимъ вдохновеніемъ. Время пребыванія моего въ Римѣ, когда создавались идея и планъ трудовъ, которые, вѣроятно, займутъ значительную часть всей дальнѣйшей моей жизни, если сохранится для меня возможность заниматься наукой, останется навсегда незабвеннымъ, какъ никогда не разрушится въ сердцѣ любовь къ Вѣчному городу — этой великой школѣ духовнаго труда. Живя подъ прекраснымъ небомъ Рима, среди украшающихъ его грандіозныхъ памятниковъ славной старины, уже начинаешь чувствовать вліяніе хотя бы одной внѣшней культурной обстановки на умственное настроеніе и понимать значеніе этого настроенія для научной работы. Находя рядомъ съ этимъ превосходныя внутреннія условія такой работы въ много-различныхъ ученыхъ учрежденіяхъ, выросших тамъ

подъ сѣнью великаго прошлаго—національныхъ итальянскихъ библіотекахъ и музеяхъ, папскихъ и частныхъ архивахъ, а также французскихъ и нѣмецкихъ археологическихъ школахъ и историческихъ институтахъ, которые получили пріютъ во всемірной столицѣ; — встрѣчая у завѣдующихъ ими выдающихся знатоковъ исторіи и древностей радушный пріемъ, только и научаешься познавать, что такое научная атмосфера въ настоящемъ смыслѣ слова; только тогда дѣлается яснымъ, чего лишается русскій научный труженикъ, которому не дано было никогда ею дышать ¹⁾. — Вмѣстѣ съ работою въ Римѣ нераздѣльно вспоминается мнѣ происходившее тамъ же научное общеніе и дружеское сотрудничество мое съ Вяч. Ив. Ивановымъ. При его дѣятельной и разнообразной помощи подготовлялись или писались мною этюды о Гораци и Аттикѣ, на страницахъ которыхъ онъ найдетъ замѣтные слѣды своей мысли и даже мѣстами своей критической работы. Посылаю и ему привѣтъ душевной благодарности.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить живѣйшую признательность друзьямъ моимъ—профессору С. Ф. Ольденбургу и А. С. Зарудному, а также ученицамъ—Н. И. Бокій и О. А. Добіашъ, оказавшимъ мнѣ существенное содѣйствіе при корректурѣ текста книги. Труды послѣдней я обязанъ и составленіемъ указателя.

Прибавлю здѣсь еще только нѣсколько словъ о самой книгѣ. Я выпускаю ее въ черезчуръ разросшемся видѣ сравнительно съ первоначальными намѣреніями.

¹⁾ См. объ «ученой жизни въ Римѣ» интересный, живой и одушевленный очеркъ В. И. Модестова въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1892-й годъ.

Это является ея слабою стороною, такъ какъ внѣшнему объему неполнѣ соотвѣтствуетъ внутренняя отдѣлка: послѣдней не удалось придать во всѣхъ частяхъ строгую законченность и надлежащую сжатость. Обиліе матеріала и неизслѣдованность его являются причиною указанной сейчасъ неблагопріятной особенности. Эти же трудности заставили меня публиковать книгу позже, чѣмъ я того желалъ. Обозначенные недостатки — и запоздалость, и нѣкоторая недоработанность формы цѣлаго — вытекають оба изъ того обстоятельства, что содержаніе даннаго сочиненія составилось изъ отдѣльныхъ разысканій, осуществлявшихся рядомъ съ изслѣдованіемъ основной задачи, то-есть, эволюціи крупной собственности въ Римѣ вообще, и производившихся въ качествѣ подготовительныхъ, дополнительныхъ и, въ то же время, провѣрочныхъ опытовъ. Такой характеръ состава настоящаго труда, думаю, объясняетъ уже въ значительной степени недостатки построенія: собраніе этюдовъ не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ строгой архитектоники. Однако кто ознакомится съ книгою цѣликомъ и обратитъ вниманіе на высказанныя ниже замѣчанія о программѣ всего сочиненія и отношеніи между его частями, уже напечатанными и имѣющими быть обнародованными, тотъ, можетъ быть, согласится увидѣть во всемъ произведеніи внутреннее единство и общую связь. Послѣдній отдѣлъ даннаго тома съ перваго взгляда нѣсколько не соотвѣтствуетъ второму и третьему, именно, своимъ гораздо болѣе общимъ содержаніемъ и своею гораздо болѣе суммарною обработкою. Но, быть можетъ, внимательный читатель всетаки не откажется признать между ними органическую зависимость, принимая въ расчетъ общую схему всего труда, разъ-

ясненную во введеніи. Помимо необходимости поставить на обобщенную почву два предложенныя здѣсь индивидуальныя изслѣдованія, автору важно было дать въ заключительной части формулировку той основной истины, которая выводится, по его убѣжденію, изъ полного изученія вопроса, и которая рисуется ему руководящимъ принципомъ для объединенія и истолкованія результатовъ этого изученія. Она является канвою, по которой будетъ строиться дальнѣйшее изложеніе, и ее необходимо было начертить теперь же, чтобы, не запаздывая больше, дать понятіе объ уже готовыхъ элементахъ будущаго цѣлаго и выясненныхъ идеяхъ, долженствующихъ осмыслить изображеніе всего вопроса о сущности аграрной эволюціи римскаго міра.

Авторъ отлично чувствуетъ всѣ пробѣлы своей работы и сожалѣетъ, что ему не удалось выпустить въ свѣтъ одновременно и дальнѣйшіе, продолжающіе и развивающіе данную книгу очерки и изслѣдованія ¹⁾. Различныя другія нелегкія научныя обязанности, которыя на немъ лежали, сильно затянули окончаніе предпринятой задачи. Занятый отвѣтственнымъ преподаваніемъ средневѣковой исторіи въ Петербургскомъ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, онъ могъ отдавать специальной работѣ лишь сравнительно небольшой досугъ. Онъ однако не ощущаетъ никакой горечи по отношенію къ своей профессорской дѣятельности. Напротивъ, онъ вспоми-

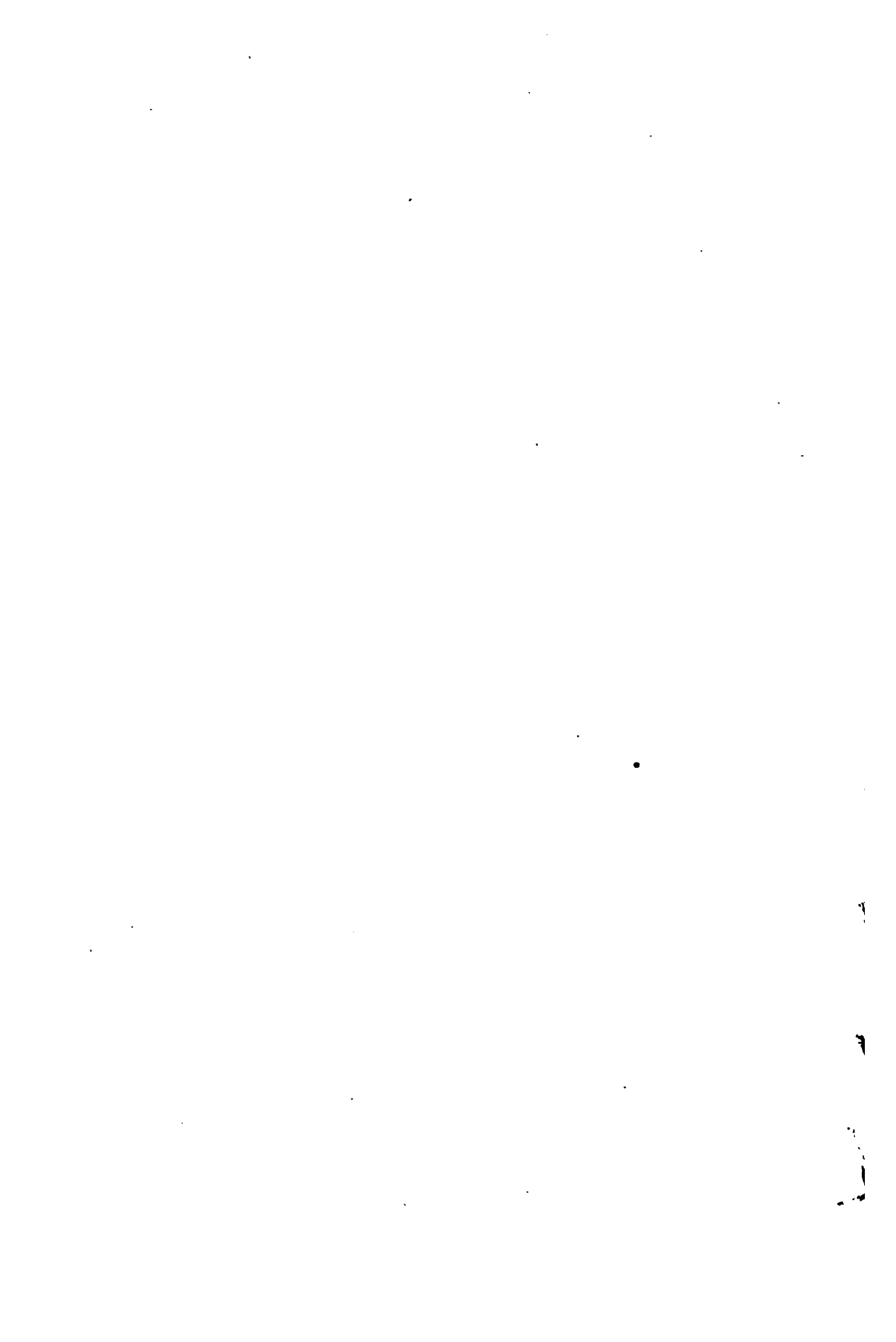
¹⁾ Настоящая книга названа поэтому первымъ томомъ «Очерковъ»; но она можетъ разсматриваться и какъ самостоятельное сочиненіе. Прибавленіе къ заглавію поясняющихъ словъ — „преимущественно во время имперіи“ — должно указывать, что изслѣдованіе, хотя и вращается иногда въ кругу событийъ республиканскаго періода, имѣетъ въ виду истолкованіе отношеній, сложившихся уже въ императорскую эпоху.

наеть о ней съ благодарнымъ чувствомъ: преподаваніе замедляло ходъ личныхъ ученыхъ изслѣдованій автора; но оно же влагало въ нихъ то одушевленіе, которое наполняетъ сердце человѣка, любящаго науку, когда онъ сообщаетъ данныя и выводы ея растущимъ поколѣніямъ, ищущимъ образованія, и въ этомъ видитъ поприще для благороднаго жизненнаго примѣненія своей кабинетной работы на благо другимъ.—Несмотря на всѣ сомнѣнія въ достоинствахъ тѣхъ частей труда, которыя приведены теперь къ окончанію, авторъ думаетъ всетаки, что онъ не долженъ оставлять ихъ дольше подъ спудомъ, а обязанъ подѣлиться достигнутыми результатами съ тѣми, кто занимается или интересуется наукою. Представляемая на судъ критики книга, вѣроятно, во многихъ отношеніяхъ слабая книга; но она, навѣрно, честный трудъ. Можетъ быть, окажется она нѣкоторую пользу для разъясненія сложнаго и еще мало изслѣдованнаго предмета. Работа автора направлялась исканіемъ истины и вдохновлялась любовью къ ней. «Знаніе—сила»: оно плодитъ и разливаетъ духовный свѣтъ; а просвѣщеніе—самое прочное орудіе прогресса. Органъ его—наука, и счастлива та страна, гдѣ зрѣлые люди ее цѣнятъ, а юноши увлекаются ею. Пусть же и въ нашей родинѣ встрѣчаютъ поддержку въ различныхъ слояхъ и группахъ общества тѣ, которые добросовѣстно отдають наукѣ свою жизнь!..

Ив. Гревсъ.

Шмееке, Эстляндской губ.

24 іюля 1899 г.



I.

ВВЕДЕНІЕ.

Научная разработка исторіи римскаго
землевладѣнія.



НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ РИМСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

Современная „наука о классической древности“, безъ сомнѣнія, стоитъ на высокой ступени процвѣтанія. Никто не можетъ отрицать, что ею совершены громадныя и блестящія успѣхи: о нихъ свидѣлствуютъ замѣчательныя и твердыя результаты, достигнутыя ею во всѣхъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и обширныхъ областяхъ, которыя входятъ теперь въ сферу непосредственнаго ея вѣдѣнія или косвеннаго вліянія. Однако, несмотря на такое положеніе дѣла, многіе весьма важныя процессы духовнаго развитія и образованія общественнаго строя грековъ и римлянъ въ ихъ цѣломъ до сихъ поръ освѣщены недостаточно глубоко, точно и отчетливо. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя основныя явленія античной жизни не могутъ быть и теперь представлены въ томъ совершенствѣ, какое соотвѣтствовало бы высотѣ и строгости требованій истиннаго научнаго знанія и удовлетворяло бы запросамъ философской или соціологической мысли нашего времени.

Къ числу такихъ, далеко не вполне выясненныхъ, капитальныхъ „фактовъ“ исторической жизни древнихъ народовъ принадлежатъ многіе институты ихъ экономическаго быта. Въ частности относительно римской древности, на примѣръ, можно сказать, что у насъ до настоящей минуты нѣтъ основнаго и цѣльнаго сочиненія по исторіи землевладѣнія, которое захватывало бы всю задачу, т.-е. рассматривало бы развитіе земельныхъ формъ и отношеній во все продолженіе

исторіи Рима и изучало бы его на всемъ протяженіи римскаго міра. Между тѣмъ въ настоящее время ощущается положительная необходимость въ систематическомъ изслѣдованіи по такому вопросу первостепенной важности особенно для уразумѣнія римской исторіи. Поэтому было бы весьма существенно появленіе крупнаго сочиненія, построеннаго изъ всей совокупности имѣющагося теперь обильнаго матеріала, обработаннаго по установившимся приѣмамъ твердаго научнаго метода разрѣшенія трудной исторической проблемы, и осуществляющаго широкій планъ, который обнималъ бы всю тему не только пространственно и хронологически, но и по внутреннему содержанию ея ¹⁾. — Правильность только-что высказаннаго утвержденія можетъ быть доказана относительно затронутаго въ настоящей книгѣ частнаго предмета (т.-е. землевладѣнія) отмѣченной области (т.-е. экономической исторіи Рима) пересмотромъ литературы, въ которой онъ изучается. Объясненіе же ему будетъ найдено, если взглянуть въ направленія, по которымъ производилось въ прошедшемъ изслѣдованіе древности, и нарисовать себѣ специальныя трудности, съ которыми связано научное воспроизведеніе развитія и опредѣленіе вліянія именно экономическаго фактора въ римской исторіи.

¹⁾ До самыхъ послѣднихъ лѣтъ то же можно было повторить и объ исторіографіи землевладѣнія въ древней Греціи; но три слишкомъ года тому назадъ появилась обширная работа французскаго ученаго, *Paul Guiraud*, *La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine* (Paris, Hachette, 1894 gr. 8^o). Авторъ ея, ученикъ Фюстеля де Куланжа, одинъ изъ лучшихъ профессоровъ Сорбонны, уже извѣстенъ нѣсколькими раньше написанными имъ частными изслѣдованіями по римской исторіи, а настоящее его сочиненіе еще въ рукописи было премировано французской Академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ. — Въ печати оно вышло въ значительно распространенномъ и основательно переработанномъ видѣ. Компетентная критика, къ сожалѣнію, до сихъ поръ обстоятельно не установила, въ какой степени полно и окончательно выясненъ вопросъ въ книгѣ г. Гиро; но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ ней замѣчательнаго научнаго произведенія, въ которомъ задача впервые поставлена широко и цѣльно, матеріалъ привлеченъ весь и обработанъ правильно и твердо. Такъ что, несомнѣнно, появленіе ея совершаетъ важный шагъ впередъ въ области разъясненія существенно важнаго явленія не только въ исторіи древности, но и во всеобщей исторіи.

1. — Неудовлетворительное состояніе разработки исторіи римскаго землевладѣнія въ научной литературѣ прошлаго и настоящаго дѣйствительно ясно обнаруживается изъ обзорѣнія ученыхъ сочиненій, такъ или иначе посвященныхъ изученію этой стороны экономическаго строя римскаго государства. Приступая къ разсмотрѣнію такой исторіографической задачи, прежде всего убѣждаемся, что совсѣмъ нельзя назвать трудовъ, стоящихъ на уровнѣ современной науки, — широкихъ по замыслу и богатыхъ по содержанію, которые прямо и точно ставили бы себѣ цѣлью изслѣдованіе земельной исторіи Рима. Чтобы ориентироваться въ ней хоть отчасти, приходится обращаться чаще всего къ книгамъ, касающимся предмета лишь косвенно или разслѣдующимъ только отдѣльные его элементы.

Когда припоминаются большія работы, въ которыхъ изображаются ходъ и результаты различныхъ процессовъ „матеріальной“ жизни римскаго государства и общества, въ ряду первыхъ приходитъ на умъ изслѣдованіе французскаго экономиста и статистика, Дюро де ла Малля, — „Политическая экономія римлянъ“ ¹⁾. — Это очень интересное сочиненіе, чрезвычайно содержательное, добросовѣстно и талантливо написанное; оно заключаетъ немало основательныхъ и оригинально добытыхъ, когда то вполне новыхъ данныхъ и выводовъ. Много мѣста въ немъ отдается изученію и описанію землевладѣнія и земледѣлія. Но, во-первыхъ, книга Дюро де ла Малля не представляетъ собою систематическаго изображенія вопроса, какъ можно было бы предполагать, судя по ея заглавію; она даетъ скорѣе рядъ монографій изъ области экономической или финансовой исторіи Рима, лишь въ самомъ общемъ смыслѣ связанныхъ единствомъ идеи. Во-вторыхъ, надо замѣтить, что въ теченіе пятидесятилѣтія, прошедшаго со времени ея выхода, открыта солидная масса новыхъ памятниковъ, выработаны и съ успѣхомъ примѣнены новые, очень важные, способы изслѣдованія, выдвинуты новыя требованія и получены результаты, совершенно измѣняющіе постановку основныхъ положеній и освѣщеніе

¹⁾ *M. Dureau de la Malle, Economie politique des Romains, 2 volumes, Paris, 1840.*

деталей. Противъ всего этого „Политическая экономія римлянъ“ не можетъ устоять, и ея слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью.—Другое, французское же, сочиненіе Моро де Жоннеса—„Статистика народовъ древности“¹⁾—вышло лишь десятью годами позже только-что названнаго изслѣдованія Дюро де ла Малля; притомъ оно не отличается глубиною и серьезностью послѣдняго, нѣсколько поверхностно разрабатываетъ поставленные вопросы, чуждо истинно-критическаго отношенія къ источникамъ, такъ что мало сообщаетъ достовѣрныхъ свѣдѣній и выводовъ, на которые можно было бы опереться.

Болѣе новыхъ научныхъ произведеній сколько-нибудь общаго характера по экономической исторіи Рима, въ которыхъ обстоятельно разсматривалась бы и исторія землевладѣнія, въ ученой литературѣ не существуетъ. Большія обзорнія такъ называемыхъ „римскихъ правовыхъ древностей“ изображаютъ по преимуществу государственныя учрежденія, лишь косвенно затрагивая сословный строй и только случайно касаясь экономическихъ явленій именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они находились въ непосредственной связи съ развитіемъ политическихъ формъ. Такъ, напримѣръ, въ знаменитомъ „Handbuch der römischen Alterthümer“ Моммзена и Марквардта можно найти данныя о такихъ вопросахъ, какъ земельная собственность, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, торговля, деньги, населеніе, только въ отдѣлахъ о финансовой организаціи, частномъ бытѣ, распространеніи колонизаціи, или въ главахъ, описывающихъ провинціальное устройство и муниципальные порядки; причемъ эти темы нигдѣ не разбираются здѣсь систематически въ виду разъясненія ихъ самихъ, а затрогиваются лишь попутно, какъ иллюстраціи государственнаго строя или административной системы.—То же самое можно сказать о другихъ нѣмецкихъ, а также французскихъ трудахъ подобнаго рода, напримѣръ, руководствахъ Герцога и Мадвига²⁾ или Вил-

¹⁾ *A. Moreau de Jonnés*, Statistique des peuples de l'antiquité, 2 volumes, Paris, 1851.—Римскому міру посвященъ томъ 2-й.

²⁾ *E. Herzog*, Geschichte und System der römischen Staatsverfassung, 3 Bände, Leipzig, 1884—1891.—*J. N. Madvig*, Verfassung und Verwaltung des römischen Staates, 2 Bände, Leipzig, 1881—82.

лемса, Миспулэ, Бушэ-Леклерка ¹⁾ и др.—Только въ двухъ новѣйшихъ компендиумахъ по римскимъ древностямъ, изъ которыхъ одинъ французскій, другой нѣмецкій, дѣлаются попытки измѣнить установившуюся систему распредѣленія матеріала введеніемъ въ нее самостоятельныхъ главъ, которыя бы знакомили съ явленіями экономическаго быта. Но первое—курсъ исторіи римскихъ учреждений Робіу и Делонэ—представляетъ собою лишь краткій школьный учебникъ ²⁾; второе—обзоръ „частныхъ римскихъ древностей“ Моритца Фойгта въ извѣстной большой энциклопедіи Ивана Мюллера „Handbuch der classischen Alterthumswissenschaft“,—хотя и осуществляетъ опытъ гораздо болѣе глубоко, полно и удачно, все же не выходитъ изъ рамокъ схематическаго и элементарно-догматичнаго изложенія ³⁾. Въ виду отмѣченныхъ особенностей названныя книги не могутъ основательно восполнить указанный пробѣлъ ⁴⁾.

¹⁾ *P. Willems*, *Le droit public romain* (6 éd. Louvain-Paris, 1888).—*J. B. Misroulet*, *Histoire des institutions politiques des Romains* (2 v. Paris, 1882—1883).—*A. Bouché-Leclercq*, *Manuel des institutions politiques des Romains* (Paris, 1886).

²⁾ *F. Robiou et F. Delaunay*, *Manuel des institutions et des antiquités romaines* (3 volumes, Paris, 1886—1888).—Заглавіе первой части третьяго тома („Economie politique et lois agraires“) объѣзжаетъ гораздо больше, чѣмъ даетъ.

³⁾ См. вторую половину IV-го тома (2 Aufl. München, 1892) означеннаго обширнаго руководства.—Характерно самое измѣненіе санкціонированнаго традиціонной терминологіей заглавія: къ выраженію—„Römische Privatalterthümer“ прибавлено—„und Kulturgeschichte“.—Авторъ (М. Фойгтъ) самъ замѣчаетъ въ предисловіи (стр. 271): „Der in dieser Schrift behandelte Stoff hat vom kulturhistorischen Gesichtspunkte aus eine umfassende Darstellung bisher noch nicht gefunden“. Ниже онъ продолжаетъ; „Die vorliegende Arbeit übernimmt die Aufgabe, eine geschichtliche Darstellung der Lebens-Aeusserungen und -Entwicklungen zu geben, wie solche im alten Rom in der bürgerlichen Gesellschaft und der Familie, wie an dem Individuum typisch sich gestalteten, und dabei solchen Stoff innerhalb eines zugewiesenen bescheideneren Raumes, wenn auch nicht in allen Details zu erschöpfen, so doch vollständig zu umfassen, in seinen wichtigsten Momenten voll und deutlich darzustellen und in sachlicher Behandlung, wie in Verwertung der Quellen ebenso auf das von den Vorgängern Gebotene zu stützen, wie aber auch durch selbständige Arbeit zu neuen Ergebnissen weiter zu führen“.—Въ этихъ словахъ прямо не ставится чисто экономической задачи; но въ изложеніи Фойгта мы находимъ такіе отдѣлы, какъ „Volkswirtschaftliche Verhältnisse“, „Landwirtschaft“, „Handwerk und Lohngewerbe“, „Finanzrecht und Geldgeschäft“, „Gross- und Kleinhandel“ и т. п.

⁴⁾ Слѣдуетъ еще отмѣтить, что довольно большой матеріалъ изъ области аграрной исторіи вводитъ въ свое изложеніе *L. Lange* въ извѣстномъ трудѣ

Конечно, такого первостепенного вопроса, какъ судьбы земельной собственности и развитіе аграрныхъ отношеній, не могутъ не касаться *общіе труды по римской исторіи* или сочиненія, обозрѣвающія какіе-нибудь большіе періоды ея. Но это дѣлается въ нихъ черезчуръ бѣгло и часто слишкомъ шаблонно, т.-е. повторяются общія мѣста безъ обстоятельной ихъ аргументаціи и реального обоснованія и безъ настоящаго генетическаго построенія. Исключеніе представляетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, такой классическій трудъ, какъ „*Römische Geschichte*“ Моммзена. Юристъ по образованію, гениальный ученый сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ филологовъ; но онъ является несомнѣнно также настоящимъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ слова; онъ не остается чуждымъ и новѣйшихъ научныхъ теченій, такъ что превосходно понимаетъ важность социальныхъ и экономическихъ фактовъ исторіи, хотя не въ ихъ разработкѣ лежитъ основа его славы. Знаменитый авторъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своего капитальнаго труда постоянно говоритъ о матеріальномъ бытѣ во времена республики. Въ нѣсколькихъ главахъ у него превосходно ставятся, твердо и оригинально разрѣшаются также основные вопросы, относящіеся къ развитію землевладѣнія. Но Моммзенъ, какъ извѣстно, даетъ лишь мастерски нарисованную, сжатую, синтетическую картину, не вдаваясь въ анализъ ея деталей, не обнаруживая самаго хода своей работы и не приводя оправдательныхъ документовъ. Авторитетно и властно чертитъ онъ блестящую формулу развитія или быстро отмѣчаетъ его главные моменты и признаки, рѣзко и ярко живописуетъ результаты, но не заботится о томъ, чтобы помочь дальнѣйшимъ изслѣдователямъ въ отысканіи данныхъ и указать пути для ихъ разработки. Такимъ образомъ, изложеніе Моммзена опредѣляетъ лишь основныя идеи и раскрываетъ нѣкоторыя руководящія понятія для ознакомленія съ дѣломъ, притомъ только въ республиканскій періодъ исторіи Рима ¹⁾),

„*Römische Alterthümer*“ (3 Bände, 3 Aufl. Berlin, 1876). Но онъ расцѣпанъ по всему сочиненію и также не разработанъ систематически самъ по себѣ, а привлеченъ къ выясненію различныхъ другихъ пунктовъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, авторъ до сихъ поръ воздерживается отъ обнародованія уже готоваго, какъ говорятъ, IV-го тома своей „*Римской Исторіи*“, который

а затѣмъ оставляетъ изучающаго безъ поддержки. Такая особенность повѣствованія вытекаетъ изъ самаго характера замѣчательнаго произведенія перваго изъ современныхъ историковъ. Онъ говоритъ, какъ научный вождь, обращаясь къ обширному просвѣщенному кругу слушателей; онъ сообщаетъ имъ „les grandes lignes“ историческаго развитія великаго народа, считая такое знакомство съ римскимъ прошлымъ для нихъ обязательнымъ, но какъ бы требуя безусловнаго довѣрія и отвергая мысль о необходимости представлять доказательства. Это и лишаетъ приступающаго къ разработкѣ исторіи римскаго землевладѣнія специалиста возможности опираться на сочиненіе Моммзена, какъ на обильно обставленный фактами и потому удобный и твердый исходный пунктъ. Другія обзорѣнія римской исторіи или какой-нибудь ея части доставляютъ еще гораздо менѣ свѣдѣній для первоначальнаго изучения вопроса. Превосходный трудъ Шwegлера захватываетъ слишкомъ небольшой періодъ только древнѣйшихъ судебъ римскаго народа ¹⁾; у Нитча даются лишь краткіе наброски, обусловленные лекціонною формою изложенія ²⁾. Нѣсколько болѣе систематическое изображеніе заключается въ обширной „Исторіи Римлянъ“ Дюрюи ³⁾; но и онъ не углубляется въ подробную и самостоятельную обработку матеріала и не задается по настоящему цѣлью представить полное и строй-

онъ особенно бы обогатилъ науку, и въ которомъ, несомнѣнно, долженъ былъ бы много сказать о развитіи земельного строя и социальномъ значеніи его.

¹⁾ Къ тому же онъ нѣсколько отсталъ отъ послѣднихъ успѣховъ изслѣдованія римской древности, для которыхъ самъ проложилъ дорогу (A. Schwegler, Römische Geschichte, 3 тома, вышли въ 1858 г.). Немногія части, посвященныя въ немъ изображенію аграрныхъ отношеній, главнымъ образомъ цѣнны большимъ количествомъ твердо установленныхъ и систематически сгруппированныхъ фактовъ.

²⁾ E. W. Nitzsch, Geschichte der römischen Republik (2 Bände, Leipzig, 1884—85). Нужно еще помнить, что мы имѣемъ не подлинный текстъ Нитча, а обработку замѣтокъ автора и студенческихъ записей, выполненную ученикомъ его, G. Thourret.—„Римская исторія“ Ime сообщаетъ также немного для интересующагося аграрнымъ развитіемъ Рима.

³⁾ Victor Duruy, Histoire des Romains, nouv. éd. ill. 7 volumes, 4^e, Paris, 1879—85. См. еще живо написанныя страницы, изображающія состояніе землевладѣнія въ различныя эпохи римской исторіи въ талантливой обширной „Storia dell' Italia antica“ итальянскаго историка Atto Vannucci (4 v. Milano, 1873—76).

ное его обобщение. Если говорить болѣе специально о времени имперіи, то нужно замѣтить, что, напримѣръ, соответствующія главы сочиненія Гиббона—„Исторія разрушенія и упадка римской имперіи“—хотя блестяще написанныя, носятъ почти исключительно внѣшне-описательный характеръ, и на нихъ отражается, разумѣется, болѣе чѣмъ столѣтній возрастъ знаменитаго произведенія ¹⁾. Наконецъ въ самомъ новомъ изъ общихъ трудовъ по исторіи римской имперіи, написанномъ Германомъ Шиллеромъ, можно сказать, нисколько не продвинута впередъ экономическая исторія ²⁾.

Далѣе могутъ быть указаны нѣсколько старыхъ работъ, которыя болѣе специально посвящены изученію вопроса о римскомъ землевладѣніи. Ближе всего подходитъ къ нему книга французскаго писателя, Лабулэ, по исторіи земельной собственности на западѣ ³⁾ и работа французскаго же изслѣдователя, Шарля Жиро, по исторіи права собственности у римлянъ ⁴⁾, или также сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго романиста, Савиньи, о правѣ владѣнія ⁵⁾. Последнее, какъ всѣ труды великаго основателя исторической школы права въ Германіи, до сихъ поръ сохраняетъ извѣстное значеніе; первая не отличается большою глубиною; вторая, написанная выдающимся ученымъ, къ сожалѣнію, осталась неоконченною; наконецъ, всѣ три несомнѣнно устарѣли и не соответвуютъ уровню современнаго знанія. То же при-

¹⁾ *G. Gibbon, History of the decline and fall of the roman empire*. Интересенъ французскій переводъ этого сочиненія съ примѣчаніями Гизо. Въ настоящее время выходятъ новое англійское изданіе труда Гиббона съ дополненіями извѣстнаго ученаго *Bury*; London, 1896).

²⁾ *H. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit*, 2 Bände, Gotha, 1885—87. Немногія страницы, удѣленные здѣсь историко-экономическимъ вопросамъ, не заключаютъ ничего новаго или самостоятельнаго. *O. Seeck, Geschichte des Untergangs der antiken Welt* (1 Band, Berlin, 1895), даетъ мнѣніе цѣннаго экономическаго матеріала и выводовъ, чѣмъ можно было бы ожидать.

³⁾ *E. de Laboulaye, Histoire du droit et de la propriété foncière en Occident*, Paris, 1839.

⁴⁾ *Ch. Giraud, Recherches sur le droit de propriété chez les Romains*, tome I (seul paru), Paris, 1838.

⁵⁾ *Fr. v. Savigny, Das Recht des Besitzes* (1 Aufl. Giessen, 1803; 4-e vermehrte, Ibid. 1837). Есть французскій переводъ этой работы (trad. *I. Béving*, Bruxelles, 1840).

ходится повторить о нѣкоторыхъ другихъ книгахъ на подобныя же темы, появившихся до середины нынѣшняго вѣка ¹⁾; а позднѣе сочиненій общаго характера объ исторіи права собственности или земельныхъ отношеній не выходило, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя пересадили бы вопросъ на новую почву и двигали бы его разработку рѣшительнымъ образомъ впередъ.

Вслѣдствіе отсутствія удовлетворяющихъ требованіямъ науки въ ея настоящемъ развитіи обобщающихъ изслѣдованій по исторіи землевладѣнія въ римскомъ мірѣ при ознакомленіи съ тѣмъ, что сдѣлано уже для освѣщенія даннаго вопроса учеными различныхъ странъ, приходится пользоваться либо такими сочиненіями, въ которыхъ онъ составляетъ лишь часть содержанія или второстепенный предметъ изученія, либо специальными разысканіями въ области отдѣльныхъ пунктовъ, изъ совокупности которыхъ слагается, такъ сказать, весь его организмъ.

Извѣстная сумма цѣнныхъ фактовъ, полезныхъ выводовъ и методологическихъ замѣчаній можетъ быть извлечена изъ нѣкоторыхъ большихъ научныхъ руководствъ по политической экономіи такъ называемой „исторической школы“²⁾.

¹⁾ Для примѣра можно указать во французской литературѣ *Ch. Pellat*, *Exposé des principes généraux du droit romain sur la propriété* (Paris, 2 éd. 1853), или въ нѣмецкой *Pagenstecher*, *Geschichte des Eigenthumsrechts der Römer* (3 Theile, 1857—59).

²⁾ Тутъ приходится прежде всего назвать, что касается количества общаго матеріала, различныя работы извѣстнаго нѣмецкаго экономиста *Wilhelm'a Roscher'a*. См., напр., очень полезныя экскурсы въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ его труда „*Grundlegung der Nationaloekonomie*“ (20-е изданіе вышло въ 1892 г.). Ср. еще его же книги „*Nationaloekonomie des Ackerbaues*“ (12 Aufl. Stuttgart, 1888) и „*Ansichten der Volkswirthschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte* (Leipzig, 1878, 3 Aufl. 2 Bände). Нужно только показать, что слишкомъ немногія политико-экономическія сочиненія вводятъ въ кругъ изслѣдованія факты, касающіеся древности, и пытаются открыть и изобразить особенности матеріальнаго быта и экономического развитія классическихъ народовъ. Замѣчательныя и оригинальныя этюды знаменитаго экономиста Родбертуса стоятъ болѣе или менѣе одиноко. См. *C. Rodbertus-Jagetzow*, „*Untersuchungen auf dem Gebiete der National-oekonomie des classischen Alterthums*“, помѣщавшіяся въ журналѣ Гильдебранда, „*Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik*“, за 60-ые и 70-ые годы. — Любопытно отмѣтить, что въ обширной солидной энциклопедіи Коппада, Деннингга, Лексиса и Эльстера „*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*“, въ которой

Но особенно важную услугу, преимущественно со стороны группировки фактовъ или въ смыслѣ установленія системы построения общей эволюціи собственности, оказываетъ литература по исторіи римскаго права.—Юридическая наука долгое время развивалась въ данной области главнымъ образомъ въ догматическомъ направленіи, интересуясь притомъ почти исключительно гражданскимъ правомъ. Но послѣднія десятилѣтія и здѣсь историческая точка зрѣнія стала завоевывать себѣ опредѣленное и широкое мѣсто. Рядомъ съ анализомъ частноправовыхъ институтовъ стали изучаться принципы публичнаго права, и первые разсматривались не только сами по себѣ, но и въ виду уясненія социальныхъ факторовъ, которые играли роль образующихъ силъ при ихъ сложении. Несомнѣнно, что въ сочиненіяхъ отмѣченной здѣсь категоріи, согласно основной цѣли изслѣдованія, воспроизводится гораздо болѣе развитіе юридическихъ нормъ собственности, чѣмъ историческихъ формъ землевладѣнія; но и эта сторона дѣла имѣетъ большое значеніе для экономическаго историка Рима ¹⁾. Въ

находимъ много серьезныхъ статей историческаго характера, разсматривается преимущественно лишь экономическая исторія современныхъ европейскихъ народовъ. За исходную точку при этомъ обыкновенно принимается германская національная старина; экономическій же бытъ древности чаще всего вычерчивается изъ плана обзорной. Интересный очеркъ Карла Бухера подъ словомъ „Gewerbe“ и любопытная статья Эдуарда Мейера „Bevölkerung“ являются и здѣсь исключеніемъ. Равнымъ образомъ блестящій этюдъ Бухера „Die Entstehung der Volkswirtschaft“ (въ книгѣ того же заглавія, вышедшей въ Лейпцигѣ въ 1898 году) долженъ быть названъ одною изъ рѣдкихъ въ послѣднее время попытокъ представить и выяснить своеобразныя черты экономическаго развитія древности, исходящихъ изъ круга специалистовъ по политической экономіи (только что появилось второе переработанное изданіе этой книги). Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что въ недавно вышедшемъ (Jena, 1897) второмъ дополнительномъ томѣ только что указанного словаря, редакція его, повидимому, стремится пополнить этотъ пробѣлъ. Въ немъ можно найти нѣсколько важныхъ статей историко-экономическаго содержанія изъ области римской древности. См., напримеръ, очерки *M. Weber*, „Agrarverhältnisse im Alterthum“, *Eduard Meyer*, „Gracchische Bewegung“, *H. Dessau*, „Finanzen des alten Roms“, *A. Schulten*, „Römische Kolonisation“ и др.

¹⁾ Въ числѣ многихъ трудовъ подобнаго рода, если говорить только объ общихъ обзорахъ, слѣдуетъ упомянуть, какъ наиболѣе полезныя въ данномъ случаѣ, нѣмецкія работы Вальтера (*Ferd. Walter*, *Geschichte des römischen Rechts*, 8 Aufl. 2 Bde, Bonn, 1860—61), Г. Ф. Пухты (*Cursus der Institutionen*,

ряду общихъ трактатовъ по исторіи римскаго права разсмотрѣнію земельныхъ отношеній отдается особенно много мѣста и вниманія въ книгахъ нѣмецкихъ ученыхъ—Карловы ¹⁾ и Моритца Фойгта ²⁾. Для ознакомленія съ первоначальными степенями исторіи собственности въ Римѣ много свѣдѣній даетъ работа французскаго историка-юриста, Кюка, о древнеримскихъ правовыхъ учрежденіяхъ ³⁾ и итальянскаго ученаго

историческое введене въ 2-хъ томахъ, изд. 10-е, переработанное П. Крюгеромъ. Leipzig, 1898), I. Кунтце (Cursus des römischen Rechts, 2 Aufl. Leipzig, 1879), А. Данде (Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts, 2 Aufl. 2 Bände, 1871—73), а въ болѣе элементарномъ видѣ Ф. Шулина (Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts, Leipzig, 1889) или Эсмарка (Römische Rechtsgeschichte, 3 Aufl. 1893) и др. Затѣмъ надобно указать французскія книги такого же характера *Ch. Maunz*, Cours de l'histoire du droit romain (5 éd. Bruxelles, 1891, 3 v.) или *A. Rivier*, Introduction historique au droit romain (2 éd. Bruxelles, 1889), потомъ еще итальянскую *G. Padeletti e Cogliolo*, Storia del diritto romano (2 ed. Firenze, 1886); русскій курсъ проф. С. А. Муромцева, Гражданское право древняго Рима (Москва, 1883) и др.—Кромѣ чисто историческихъ обзорѣвъ по римскому праву, изучающій исторію землевладѣнія долженъ пользоваться и догматическими руководствами, какъ напр. превосходнымъ трудомъ Г. Дернбурга, Pandekten, 3 Bände, 4 Aufl. Berlin, 1890 (Ср. также *B. Windscheid*, Lehrbuch des Pandektenrechts, 7 Aufl. 3 Bände, 1891; *F. Regelsberger*, Pandekten, 1893), или сочиненіемъ французскаго юриста *C. Accarias*, Précis de droit romain (4 éd. 2 v. P. 1886—91) и т. п., такъ какъ они способствуютъ критической выработкѣ основныхъ понятій о правѣ собственности. Особенно важно ознакомленіе и съ такими научными произведеніями, какъ капитальный трудъ *R. v. Ihering*, Geist des römischen Rechts, потому что они заставляютъ историка, удивившагося въ философію римскаго права, выйти въ цѣломъ, пробѣрять добываемыя историческими путемъ частныя положенія, которые характеризуютъ развитіе одной изъ его областей.

¹⁾ *O. Karlowa*, Geschichte des römischen Rechts.—Первый томъ (Staatsrecht und Rechtsquellen) вышелъ въ Лейпцигѣ въ 1885 г.; второй (Privatrecht, Civilprozess, Strafrecht und Strafprozess) еще не оконченъ (два выпуска вышли въ 1892 и 93 гг.). Въ обоихъ есть главы, существенныя для изученія затронутого здѣсь вопроса.

²⁾ *M. Voigt*, Römische Rechtsgeschichte; 1-er Band (Leipzig, 1893).—Труды Фойгта въ литературѣ по римскому праву занимаютъ важное мѣсто именно потому, что авторъ въ нихъ ставитъ не только чисто юридическую, но и культурно-историческую точку зрѣнія, изслѣдуя вліяніе общественныхъ (и въ частности экономическихъ) условій на развитіе права. Ср. въ этомъ смыслѣ очень интересное обширное сочиненіе его—„Die XII Tafeln“ (2 Bände, Leipzig, 1883). Раньше было указано на его же „Römische Privatalterthümer und Kulturgeschichte“.

³⁾ *Ed. Cuyq*, Les institutions juridiques des Romains, envisagées dans leurs rapports avec l'état social et avec le progrès de la jurisprudence.—I. ancien droit (Paris, 1891).

Карле, о происхождении римского права ¹⁾; а драгоценныя данныя по землевладѣнію послѣдняго періода римской имперіи почерпаются изъ весьма замѣчательнаго изслѣдованія Цахаріэ фонъ Лингенталя по исторіи греко-римскаго права ²⁾. Кроме того, изучая исторію римской земельной собственности, неизбѣжно пересматривать множество спеціальныхъ юридическихъ разсужданій и статей по частнымъ вопросамъ вѣшнаго права ³⁾.

Не мало матеріала, часто въ отдѣльности очень подходящаго для разрѣшенія данной проблемы, отыскивается въ различныхъ мѣстахъ общихъ сочиненій и монографій по исторіи римской администраціи ⁴⁾, въ частности финансовой ⁵⁾ и въ особенности по вопросу объ организаціи земельной подати ⁶⁾,

¹⁾ *Giuseppe Carle, Le origini del diritto romano. Torino, 1888.*

²⁾ *K. E. Zachariae von Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Auflage, Berlin, 1892.*

³⁾ Онъ разсѣянъ по различнымъ научнымъ журналамъ, не только юридическимъ, но часто также историческимъ и даже филологическимъ, или исчезаетъ въ массѣ нѣмецкихъ диссертаций и „программъ“, либо французскихъ „тезъ“, и составленіе ихъ библиографіи есть задача очень трудная, свидѣнія же, извлекаемыя изъ нихъ, часто между тѣмъ очень полезны.—Фойгтъ (*Römische Privatalterthümer*) собралъ известное число указаній на такія работы. См. также рядъ такого же рода ссылокъ въ обширныхъ статьяхъ *G. Capone, Saggio di ricerche sulle vicende della proprietà e sulla origine storica del possesso in Roma (Archivio giuridico, v. L, LI, 1893)* или въ книгѣ *E. Beaudouin, La limitation des fonds de terre à Rome dans ses rapports avec le droit de propriété (P. 1894)*; но они не избавляютъ изслѣдователя отъ необходимости тратить много времени на ознакомленіе съ тѣмъ, что сдѣлано для разъясненія вопроса. Такія библиографическія изданія, какъ „Jahresberichte“ Бурсіана-Мюллера или Ястрова помогаютъ только отчасти.

⁴⁾ Кроме выше названныхъ руководствъ Марквардта (*Handbuch der römischen Alterthümer*) и Мислуэ (*Institutions politiques des Romains, томъ 2-й*) слѣдуетъ въ ряду многихъ другихъ отмѣтить тутъ французскія сочиненія *D. Serrigny, Droit public et administratif romain (2 v. P. 1865)* и *C. Jullian, Les transformations de l'Italie sous les empereurs romains (P. 1884)*; особенно же важно прекрасное изслѣдованіе *O. Hirschfeld, Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte (1-er Band, 1876)*.

⁵⁾ Значительную услугу оказываетъ въ этой области сочиненіе *G. Humbert, Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains, 2 volumes, Paris, 1887*, такъ какъ въ немъ исторія землевладѣнія затрогивается съ разныхъ сторонъ и сообщается богатая библиографія.

⁶⁾ Тутъ упоминаются изслѣдованія Савиньи (*Vermischte Schriften, II*), Гущке (*Ueber den Census und die römische Steuerverfassung, 1847*), Рудорффа (*Berichte d. Berl. Akad. 1866—69*), Родбертуса (*Jahrbücher für Nationaloek.*

а отчасти также въ работахъ, изучающихъ муниципальное устройство ¹⁾. Слѣдуетъ еще обращаться нерѣдко къ руководствамъ по исторіи средневѣкового, преимущественно французскаго права, которыя въ первыхъ главахъ обыкновенно занимаютъ римскими учрежденіями ²⁾. Въ этомъ же смыслѣ очень полезны книги, въ которыхъ разсматривается экономическій бытъ, социальное устройство или управление Италіей въ первоначальный періодъ средневѣковья, или вообще обзорѣнія и трактаты по древнѣйшему итальянскому праву ³⁾.

1864), Цахаріэ фонъ Лингентала (Memoires de l'Ac. de St.-Petersb. 1863), П. В. Маттіаса (Die römische Grundsteuer, 1882) и мн. др.

¹⁾ См. основательную и много дающую книгу *E. Kuhn*, Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs (2 Bände, 1864); кроме того еще *C. Hegel*, Geschichte der Stadtverfassung in Italien (1847; 1-er Band); отчасти *A. Houdoy*, Le droit municipal (1875) и др. Ср. еще *J. Toutain*, Les cités romaines de la Tunisie (P. 1895). Нужно только сожалѣть, что въ новѣйшее время римскій муниципальный строй сравнительно мало привлекаетъ вниманіе ученыхъ, и богатія эпиграфическія находки послѣднихъ десятилѣтій, въ которыхъ заключается масса матеріала и для исторіи преимущественно провинціального (но также и итальянскаго) землевладѣнія, до сихъ поръ не использованы ими.

²⁾ См. старія сочиненія *Ch. Giraud* и *V. Raynouard* и новыя курсы *E. Glazson* (1887), *P. Viollet* (1889; 1892) и *A. Esmein* (1895) — „Histoire du droit français“ или „Institutions politiques de la France“. (У нихъ указана и другая общія и специальная литература). — Нѣкоторые труды специально разрабатывающіе исторію земельного строя во Франціи и Германіи въ первоначальное средневѣковое и даже изучающіе феодальное землевладѣніе, также затрогиваютъ римское. См. напр. *H. d'Arbois de Jubainville*, Recherches sur l'origine de la propriété et des noms de lieux habités en France (Paris, 1890), *A. Blumenstock*, Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums (1-er Band, Innsbruck, 1894). См. также *B. Guérard*, Prolégomènes au polyptique de l'abbé Irminon (P. 1844); *K. Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte (1 Band, Leipzig, 1879); ст. *W. Sickel*, Die Privatherrschaften im fränkischen Reiche (Westdeutsche Zeitschrift für Gesch. und Kunst, 1896) и др. Не можетъ избѣжать римскихъ фактовъ землевладѣнія и *J. Flach*, Les origines de l'ancienne France (I, 1886) и т. д.

³⁾ Таково, напримѣръ, старое сочиненіе итальянскихъ ученыхъ *Baudi de Vesme* и *Spirito Fossati* — Le vicende della proprietà in Italia dalla caduta dell'Impero Romano fino allo stabilimento dei feudi (Torino, 1886); также новыя прекрасныя работы *Ch. Diehl*, Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (P. 1888); *L. M. Hartmann*, Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (Leipzig, 1889). Очень цѣнно, въ такомъ же смыслѣ нѣвѣстное изслѣдованіе профессора П. Г. Виноградова, Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Ломбардской Италіи (С.-Пб. 1880). Изъ историческихъ обзорѣній развитія итальянскаго права можно назвать сочиненіе *Pertile*, Storia del diritto italiano, vol. I (ed. 2), 1891. Ср. еще *A. Gaudenzi*, Sulla proprietà in Italia (1884) и др. Имѣютъ большое значеніе также работы, специально посвященныя изученію землевладѣнія Римской церкви

Хорошими пособиями для ознакомленія съ отдѣльными классами или группами фактовъ, относящихся къ исторіи земельного строя въ римскомъ мірѣ, являются иногда различнаго рода научныя работы, посвященныя изслѣдованію какихъ-нибудь специальныхъ областей внутренняго развитія римскаго общества. Таковы труды по сословной исторіи ¹⁾, по такъ называемой исторіи нравовъ ²⁾; очень цѣнны еще географическія и статистическія описанія римскаго міра, направленные къ выясненію количества и движенія народона-

въ первые вѣка послѣ паденія Римской имперіи. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, напримѣръ, монографіи о „патримоніяхъ св. Петра“ во времена папъ Григорія Великаго. Таковы кромѣ послѣдней (очень интересной) главы въ изслѣдованіи Фюстель де Куланжа, „Le colonat romain“, статья *Grisar* въ „Zeitschrift für katholische Theologie“ (1-er Band, 1877), затѣмъ небольшое сочиненіе *W. Wisbaum*, Die wichtigsten Richtungen und Ziele der Thätigkeit des Papstes Gregors des Grossen (Köln, 1884) и любимая статья Можисена „Die Bewirthschaftung der kirchlichen Güter unter Papst Gregor I“ (въ „Zeitschr. für Social- und Wirthschaftsgeschichte“, 1-er Band). Ср. еще ст. *Fabre*, „Le patrimoine de l'église romaine dans les Alpes Cottiennes“ (*Mélanges de l'Ecole fr. de Rome*, 1884) и подобныя частныя изслѣдованія. Много отдѣльныхъ данныхъ почерпается изъ ученыхъ комментаріевъ аббата *L. Duchesne* къ его изданію *Liber Pontificalis* (Paris, 1886). Ср. *P. Fabre*, Etude sur le liber censuum de l'Eglise romaine (P. 1892). Имѣвшіяся до сихъ поръ сочиненія по исторіи *Италии* въ первоначальное средневѣковье устарѣли, и они занимаютъ преимущественно политическую и культурную исторіей, мало разработывая социально-экономическую (таково извѣстное сочиненіе *H. Leo*, Geschichte von Italien, 5 Bände, Hamburg. 1829—32, и прекрасная работа П. Н. Кудрявцева, Судьбы Италіи). Но только что вышелъ первый томъ широко задуманной общей исторіи Италіи талантливаго историка и крупнаго спеціалиста *L. M. Hartmann*, „Geschichte Italiens im Mittelalter“ (1 Band, Leipzig, 1897), въ которомъ именно эта сторона дѣла подвергнута тщательной и новой обработкѣ.

¹⁾ См., напримѣръ, до сихъ поръ необходимое, хоть и старое сочиненіе *H. Walton*, Histoire de l'esclavage dans l'antiquité или книгу *P. Allard*, Les esclaves chrétiens (P. 1876); важныя данныя для социальной исторіи высшихъ классовъ сообщаетъ также, очень хорошее изслѣдованіе *Ch. Lécrivain*, Le sénat dans l'empire Romain de Constantin à Justinien (P. 1888). Ср. еще отчасти *E. Belot*, Histoire des chevaliers romains, 2 v. (P. 1866—73). Вообще же исторія сословій въ Римѣ мало изучена.

²⁾ Превосходное всѣмъ извѣстное сочиненіе *L. Friedländer*, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms (см. 6 Aufl. 3 Bände, Leipzig, 1888—1890) оказываетъ тутъ часто драгоценную помощь. Полезно заглядывать еще въ книги *Becker-Göll*, Gallus (Berlin, 1880, 3. Bde) или *Ch. Désobry*, Rome au siècle d'Auguste (4 v. 5 éd. P. 1886). Случайныя, но часто интересныя, данныя попадаются въ различныхъ работахъ *G. Boissier* (напр., La religion romaine, L'opposition sous les Césars, Cicéron et ses amis etc.).

селенія или распространенія городскихъ формъ общежитія и римской культуры вообще ¹⁾. Затѣмъ факты, относящіеся къ той или другой эпохѣ земельной исторіи, нерѣдко оказываются сгруппированными въ немаломъ числѣ и хорошо освѣщенными съ различныхъ частныхъ точекъ зрѣнія въ книгахъ и статьяхъ, излагающихъ царствованія отдѣльныхъ императоровъ ²⁾, содержащихъ біографіи государственныхъ людей и писателей ³⁾ или повѣствующихъ о событіяхъ отдѣльныхъ небольшихъ періодовъ римской исторіи ⁴⁾. Но, несомнѣнно, наибольшій интересъ, какъ вспомогательныя средства при изученіи сложной и трудной проблемы, о которой здѣсь говорится, представляютъ серьезныя разысканія, изслѣдующія и разрабатывающія такъ или иначе различные спеціальныя пункты именно по исторіи земельныхъ отношеній.

¹⁾ Солиднымъ изслѣдованіемъ подобнаго рода въ области экономической исторіи Рима является книга *Julius Beloch, Die Bevölkerung des griechisch-römischen Welt* (Leipzig, 1886), изъ которой историкъ землевладѣнія можетъ извлечь безбездольный матеріалъ и интересныя выводы. Много свидѣній даетъ сочиненіе *J. Jung, Die romanischen Landschaften des römischen Reichs* (Innsbruck, 1881). См. также историко-географическія описанія различныхъ провинцій; богатая бібліографія работъ этой категоріи сообщается тѣмъ же Юнгомъ въ его очеркѣ географіи римскаго міра въ энциклопедіи Ив. Мюллера (См. *Handbuch, III Band, 2 Aufl. München, 1896*).

²⁾ Извѣстное количество указаній на нихъ собрано въ книгѣ *G. Goyau, Chronologie de l'empire romain* (P. 1891) и у *H. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit*; см. также у *Niese, Grundriss der römischen Geschichte, 2 Aufl. München, 1897* (*Iw. Mueller's, Handbuch, III, 5*).

³⁾ Въ этомъ отношеніи масса свидѣній заключается въ извѣстномъ старомъ, тяжело читаемомъ, но чрезвычайно богатомъ фактами сочиненіи В. Друманна, „*Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republicanischen zur monarchischen Verfassung*“ (6 Bände, Königsberg, 1834—1838). Вообще жизнеописанія всякаго рода римскихъ дѣятелей должны привлекать вниманіе историка землевладѣнія, потому что почти каждый римскій человекъ, выдвигавшійся на какомъ-нибудь поприщѣ, имѣлъ то или другое отношеніе къ землѣ и такимъ образомъ представляетъ въ своей экономической біографіи иллюстрацію современнаго ему земельного строя. Вотъ почему „біографическій“ матеріалъ цѣненъ для „экономическаго“ историка римскаго прошлаго. Здѣсь не мѣсто, конечно, систематизировать указанія на особенно важныя въ данномъ случаѣ біографическія работы.

⁴⁾ Трудно было бы перечислять книги такого содержанія. Но факты по земельной исторіи могутъ заключаться не только въ такихъ работахъ, какъ *F. Chatagny, Les Césars* и *Les Antonins*, (4 тома, 40-не года), или *Richter, Das Weströmische Reich* (Berlin, 1865), но и въ трудахъ, подобныхъ *Wietersheim-Dahn, Geschichte der Völkerwanderung*, 2 Bände, 1880).

Тутъ надобно имѣть въ виду прежде всего сочиненія, трактующія о первобытной организаци римской гражданской общины, въ которой земельный строй игралъ роль одной изъ главныхъ силъ, опредѣляющихъ формы быта ¹⁾. Затѣмъ важное мѣсто занимаютъ въ настоящей связи изслѣдованія объ аграрномъ законодательствѣ ²⁾ или о раз-

¹⁾ Подъ названной рубрикой могутъ быть сгруппированы очень разнообразныя по содержанию книги. Здѣсь приходится обращаться, во-первыхъ, къ тѣмъ, въ которыхъ разсматривается вопросъ о первыхъ фазахъ эволюціи собственности вообще, причѣмъ данныя о римскомъ прошломъ привлекаются, какъ матеріалъ для сравненія. Впрочемъ, въ имѣющихся сочиненіяхъ такого общаго характера (здѣсь можно вспомнить *E. de Laveleye, La propriété et ses formes collectives*, 4 éd. P. 1891, или *Ch. Letourneau L'évolution de la propriété*, 1888) мало найдется положительныхъ извѣстій и твердыхъ выводовъ, относящихся къ римскому міру, и они могутъ быть отчасти полезны только въ смыслѣ методологическомъ.—Затѣмъ существуетъ рядъ изслѣдованій, въ которыхъ вопросъ о первобытныхъ формахъ земельныхъ отношеній разсматривается болѣе специально на почвѣ римской древности: они должны быть уже предметами серьезнаго вниманія историка. Для примѣра можно указать прежде всего очень дѣльный трудъ извѣстнаго ученаго *August Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Germanen, Kelten, Römer, Finnen und Slaven* (1-er Band, Berlin, 1895), въ которомъ большой и важный отдѣлъ посвященъ древнему Риму. Въ такомъ же смыслѣ надо обратить вниманіе на работы *P. Viollet, Caractère collectif des premières propriétés immobilières* (Bibliothèque de l'École des Chartes, t. XXXIII, 1872); *Paul Michel, De l'inaliénabilité primitive des terres* (Caen, 1891); *Dubois, De l'occupation et de la concession de la terre par l'état ou par la „gens“* (Lille, 1893); *P. Gauckler, La propriété collective à Rome*, Nancy, 1883); *G. Capone, Le vicende della proprietà in Roma* (Archivio Giuridico, L, LI, 1893); въ послѣднемъ сочиненіи вопросъ изучается не только въ первобытныя времена.—Далѣе почти всѣ вообще трактаты о древне-римскомъ правѣ и первоначальныхъ ступеняхъ развитія общественнаго строя Рима и частныя разсужденія по исторіи происхожденія различныхъ классовъ римскаго общества или отдѣльныхъ учреждений государства, или даже труды по топографіи города Рима затрагиваютъ такъ или иначе аграрныя отношенія. Невозможно и не для чего было бы перечислять здѣсь книги этой категоріи, такъ какъ пришлось бы, во-первыхъ, лишній разъ называть обзорнія по римской исторіи и древностямъ (Моммзена, Швеглера, Марквардта, Герцога, Мадвига, Кюка, Карле и т. д.), во-вторыхъ, составить длинный списокъ сочиненій, прямо не относящихся къ дѣлу, какъ, положимъ, *H. Jordan* или *O. Gilbert, Topographie der Stadt Rom*, *G. Bloch, Les origines du sénat romain* (P. 1883) и др. Всѣ имѣющіяся данныя изъ исторіи римскаго землевладѣнія въ древнѣйшіе періоды критически сведены въ одно цѣлое въ очень полезномъ для историка земельной собственности въ римскомъ мірѣ солидномъ грудѣ французскаго ученаго *E. Beaudouin, La limitation des fonds de terre dans ses rapports avec le droit de propriété* (Paris. 1894).

²⁾ Этотъ вопросъ давно уже привлекалъ интересъ специалистовъ по социальной и государственной исторіи Рима, и въ области его изслѣдованія удалось

личныхъ формахъ землевладѣнія и права собственности въ Италіи и провинціяхъ ¹⁾; особенно существенны работы о распредѣленіи землевладѣнія между личностями и классами ²⁾, многочисленная литература о происхожденіи колоната ³⁾, или

достигнуть цѣльныхъ и прочныхъ результатовъ, такъ какъ источники, касающіеся *ager publicus*, слагаются въ болѣе или менѣе сложную массу. Не приходя всей извѣстной литературы, можно указать прежде всего старія, но любопытныя работы *A. Macé*, *Les lois agraires chez les Romains* (P. 1846) и особенно *K. W. Nüssch*, *Die Gracchen* (1847), а затѣмъ весьма замѣчательныя и извѣстныя руководящее значеніе для изученія всего вопроса комментарий къ аграрному закону 648-го года отъ основанія Рима Рудорффа (*Zeitschr. für die gesch. Rechtswissenschaft*, IX, 1842) и Моммзена (*Corp. Inscr. Lat. I*, p. 75 sqq...). Вслѣдствіе того, что „аграрный вопросъ“ проходитъ черезъ всю исторію римской республики, объ аграрныхъ законахъ систематически говорится во всѣхъ руководствахъ по римскимъ государственнымъ древностямъ (напр., у Моммзена и Марквардта); тамъ сообщается и библиографія (въ отдѣлахъ объ устройствѣ и эксплуатаціи государственныхъ доходовъ или о развитіи колонизаціи). Ср. еще *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités* (статья *ager publicus* и *agrariae leges*).

¹⁾ См. прежде всего названную книгу *E. Beaudouin*, *La limitation des fonds de terre à Rome* (у него подробныя указанія на литературу). Сдѣланное имъ критическое и обобщающее разсмотрѣніе вопроса избавляетъ отъ необходимости ссылаться на болѣе старія работы, посвященныя разъясненію пунктовъ, которые связаны съ этою очень важною и сложною проблемою. Ср. еще *A. Bleu*, *La propriété dans les provinces* (P. 1894). Можно еще указать, что не безполезно пересматривать сочиненія, подобныя книгѣ *L. Mitteis*, *Reichs recht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs* (Leipzig, 1891).

²⁾ Такова, напр., замѣчательная статья Моммзена „*Die italische Boden theilung*“, помѣщенная въ XIX-изъ томѣ „*Neumes*“ (1884 г.), и различныя новѣйшія французскія и нѣмецкія работы о развитіи и организаціи „крупныхъ доменовъ“ въ римскомъ мірѣ, о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди.

³⁾ *Литература вопроса о римскомъ колонатѣ* собрана въ статьѣ автора настоящей книги „Новое изслѣдованіе о колонатѣ“, помѣщенной въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* (1886, Ноябрь), въ которой разбирается трудъ Фюстель де Куланжа, *Le colonat romain* (см. въ сборникѣ отдѣльныхъ его работъ *Recherches sur quelques problèmes d'histoire*, P. 1835).—Изъ сочиненій, вышедшихъ позже и изучающихъ ту же тему, можно назвать интересную и оригинальную по взгляду брошюру англійскаго ученаго *R. Pelham*, *The imperial domains and the colonate* (London, 1890) и четыре обширныя статьи *G. Segrè*, *Studio sulla origine e lo sviluppo storico del colonato romano* (см. *Archivio giuridico*, 1889—90, томи 42, 43, 44 и 46-й) съ подробною библиографіею сочиненій по исторіи земельной собственности въ Римѣ. Полезна соответствующая глава у *Karlowa*, *Römische Rechtsgeschichte* (1 Band, 1885). М. Веберъ въ своей книгѣ „*Römische Agrargeschichte*“ (1891), о которой будетъ сказано ниже, предлагаетъ свое особое новое толкованіе и построеніе вопроса. Въ различныхъ университетскихъ городахъ Франціи постоянно выходятъ „тези“ о колонатѣ (достаточный

еще труды и этюды, посвященные изучению образования и управления императорских недвижимых имуществ¹⁾, развития „эмфитеозы“²⁾, практиковавшихся въ римскомъ мирѣ способовъ сельскаго хозяйства³⁾ и т. д.⁴⁾.

списокъ такихъ этюдовъ включаетъ рукописный систематическій каталогъ большой „salle de travail“ парижской Национальной Библиотеки); но онъ рѣдко даетъ что-нибудь самостоятельное, по большей части повторяя задѣи и чаще всего безцеремонно выписывая изъ Фюстель де Куланжа.

¹⁾ Тутъ можно назвать нѣсколько интересныхъ специальныхъ работъ, какъ *Ch. Lécrivain*, *De agris publicis imperatorisque ab Augusti tempore usque ad finem imperii Romani* (Parisiis, 1887); *R. Wiart*, *Le régime des terres du fisc au Bas Empire* (P. 1894); *R. His*, *Die Domänen der römischen Kaiserzeit* (Leipzig, 1896).

²⁾ См. объ этомъ сочиненія: *A. Vuy*, *De originibus et natura iuris emphyteutici Romanorum* (Heidelberg, 1838), *Pepin Lehalleur*, *Histoire de l'emphytéose* (P. 1844), *Lefort*, *Histoire des locations perpétuelles* (1876), *P. Garsonnet*, *Histoire des locations perpétuelles et des baux à longue durée* (1879). Ср. исследование *Arndt*, *Zur Lehre v. d. Emphyteusis* (Gesammelte Schriften, 1 Band), *Perna*, *L'enfiteusi nel diritto antico e moderno* (1892) и т. д. и соответствующіе отдѣлы въ трудахъ по римскому праву. См. еще указанія литературы у *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités* (подъ словомъ *emphytéose*).

³⁾ Сочиненій по этому предмету особенно много выходило на нѣмецкомъ языкѣ въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ. Можно указать, напримѣръ, различныя работы: *A. F. Magerstedt*, подъ общимъ заглавіемъ „*Bilder aus der römischen Landwirtschaft*“ (въ частности — „*Der Feld-Garten- und Wiesenbau*“, 1862; „*Die Viehzucht*“, 1859 etc.). См. еще *P. Oemler*, *Antike Landwirtschaft* (Berlin, 1872); *H. Wissemann*, *Die antike Landwirtschaft* (Leipzig, 1859). Существуютъ сочиненія подобнаго же содержанія на французскомъ и на англійскомъ языкахъ; напр. *Rougier*, *Histoire de l'agriculture ancienne des Romains* (1834) или *Ch. Daubeny*, *Lectures on roman husbandry* (1857) и т. д. Но большинство книгъ такого рода устарѣли, и онѣ носятъ чисто описательный характеръ, являясь скорѣе „реальнымъ комментариемъ“ къ авторамъ, чѣмъ социально-историческими этюдами изъ области сельскаго хозяйства. Большую библиографію трудовъ о римскомъ земледѣліи собралъ *M. Voigt*, *Römische Privatalterthümer* (см. подъ рубриками „*Landwirtschaft*“, въ которыхъ дается сжатый сводъ данныхъ объ этомъ вопросѣ). Ср. еще обстоятельно составленный очеркъ подъ словомъ „*Ackerbau*“ въ новомъ совершенно переработанномъ изданіи *Pauly-Wissowa*, *Realencyclopaedie des classischen Alterthums*“ (Stuttgart, 1898, I, 270). Затѣмъ весьма полезно обращаться къ замѣчательной книгѣ *V. Hehn*, *Culturpflanzen und Hausthiere* (6-е, изданіе вышло въ Берлинѣ въ 1894 г.) или къ основательной работѣ *H. Nissen*, *Italische Landeskunde* (1 Band, Berlin, 1893).

⁴⁾ Даже такой специальный вопросъ, казалось бы, далекій отъ земледѣнія, какъ, напримѣръ, исторія благотворительности въ Римѣ, позволяетъ заглядывать въ нѣкоторыя важныя стороны развитія аграрнаго строя. Такъ, напримѣръ, изученіе „алиментарныхъ учреждений“ императора Траяна вскрываетъ состояніе средней и мелкой собственности въ Италиіи во второмъ вѣкѣ имперіи и выясняетъ социально-экономическую политику правительства въ этой области.

Въ предшествующемъ обзорѣ не имѣлось въ виду дать непременно подробный систематическій и тѣмъ болѣе критическій очеркъ историографіи вопроса о развитіи и судьбахъ земельной собственности въ римскомъ государствѣ. Здѣсь требовалось только показать при помощи извѣстной суммы примѣровъ, взятыхъ изъ числа сочиненій, затрогивающихъ вопросъ прямо или косвенно, насколько изслѣдованіе его производилось до сихъ поръ безпорядочно и неровно, и насколько самая библиографія всего сдѣланнаго остается въ положеніи хаотическомъ: никто еще не позаботился составить ея полный инвентарь и установить въ немъ точную классификацію. Такое состояніе литературы по исторіи римскаго землевладѣнія является отраженіемъ самаго уровня, на которомъ стоитъ въ современной наукѣ разработка этой важной исторической задачи: она находится въ стадіи монографическаго разслѣдованія, въ періодѣ борьбы съ трудностями собиранія и уясненія матерьяла и побѣды надъ препятствіями при построеніи общаго плана предстоящаго дѣла; послѣдній создается лишь по частямъ и до сихъ поръ не достигъ цѣльности и симметріи. Старыя раньше намѣченныя схемы разрушаются, такъ какъ не выдерживаютъ напора новаго матерьяла, который извлекается значительными массами изъ источниковъ, открываемыхъ вновь или недавно привлеченныхъ къ истинно научному анализу. Такъ какъ твердой программы работы еще нѣтъ, то нерасчищенная почва захватывается, какъ придется, съ разныхъ концовъ. Изслѣдованіе производится въ формахъ спеціальнаго разъясненія отдѣльныхъ элементовъ сложнаго явленія, и результаты его обнаруживаются въ видѣ чаще всего небольшихъ детальныхъ или во всякомъ случаѣ частныхъ этюдовъ, печатающихся по большей части въ научныхъ журналахъ и изданіяхъ ¹⁾ или составляющихъ

См. замѣчанія объ этомъ у *O. Hirschfeld*, *Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte* (1876); I, p. 115—122, и *Mispoulet*, *Les instit. polit. des Romains* (1883), II, 240—244.—Спеціальную литературу по данному вопросу приводятъ оба названные автора (ср. также *M. Voigt*, *Privatalt.* p. 429). Особенно интересны съ точки зрѣнія землевладѣнія статьи Моммзена (*Hermes*, XIX, 1884) и *Mattiasa* (*Jahrbücher für Nationalökonomie*, N. F. X, 1885).

¹⁾ Такими, напримѣръ, на нѣмецкомъ языкѣ: *Historische Zeitschrift*, *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*, *Hermes*, *Philologus*,

предметъ отдѣльныхъ диссертаций, либо специальныхъ разысканій.

Отмѣчая общее неудовлетворительное положеніе исторіографіи разсматриваемаго предмета, справедливо и важно вмѣстѣ съ тѣмъ выставить на видъ, что въ фактическомъ изслѣдованіи развитія и теоретическомъ выясненіи роли землевладѣнія, какъ въ эволюціи римскаго государства и общества, такъ и въ образованіи социальныхъ порядковъ первоначальнаго средневѣковья, занимаетъ первостепенное мѣсто научная дѣятельность Фюстель де Куланжа.

Такое участіе знаменитаго французскаго ученаго въ разработкѣ исторіи римскаго землевладѣнія обусловливается самымъ историческимъ міровоззрѣніемъ его и общимъ направленіемъ всей его ученой работы. До появленія его сочиненій въ наукѣ несомнѣнно господствовали взгляды школы „германистовъ“. Когда „происхожденіе общественнаго строя древней Европы“ изображалось въ свѣтѣ воззрѣній, установленныхъ капитальными трудами ученыхъ Вайтцевской и Ротовской группы, изученіе римскаго землевладѣнія являлось, конечно, специальною заботою только историковъ Рима. Разслѣдованіе же частныхъ пунктовъ изъ этой области представлялось лишь вспомогательнымъ орудіемъ для познанія „древностей“ или даже исключительною сферою упражненія любознательности особыхъ приверженцевъ трудныхъ антикварныхъ темъ. Фюстель де Куланжъ, какъ извѣстно, снова съ большою силою поставилъ на очередь идею о великой исторической роли римской традиціи, какъ средство найти отвѣтъ на коренной вопросъ о связи между „древнимъ“ и „новымъ“ міромъ. Но этотъ „новый романизмъ“ рисуется въ его замѣчательныхъ трудахъ

Rheinisches Museum für Philologie, Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst, Jahrbücher für Nationalökonomie, Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, Wiener Studien, также труды и извѣстія Берлинской, Вѣнской, Лейпцигской, Мюнхенской академій, Германскаго археологическаго Института, различныя эпиграфическія обозрѣнія и др. — Во Франціи—*Revue archéologique, Revue historique, Nouvelle revue historique de droit français et étranger, Mélanges de l'école française de Rome, Journal des Savants*, отчеты парижскихъ и труды нѣкоторыхъ провинціальныхъ Академій и африканскіе эпиграфическіе журналы. Въ Италіи—*Rivista Storica Italiana, Studi storici, Rivista di storia antica, Archivio giuridico*, различныя римскія и

не въ образѣ возрожденнаго ученія о побѣдѣ въ исторіи культурныхъ народовъ европейскаго запада одного расоваго начала надъ другимъ, ученія, которое само по себѣ болѣе или менѣе сомнительно ¹⁾. То, что было „романизмомъ“ у предшественниковъ Фюстель де Куланжа, вырастаетъ у него въ широкую концепцію о непрерывности историческаго развитія, въ величественную идею о живучести могучаго культурнаго преданія и о необходимости торжества его надъ варварствомъ. Эта теорія впервые примѣнена была знаменитымъ авторомъ съ полнымъ и блистательнымъ успѣхомъ къ истолкованію общаго хода и внутренней сущности одного изъ самыхъ трудныхъ кризисовъ въ исторіи человѣчества. Онъ проводитъ съ рѣдкимъ талантомъ, и нерѣдко съ побѣдоносною убѣдительною рѣшительный тезисъ о глубинѣ и продолжительности вліянія формъ и институтовъ общественнаго строя, которые сложились въ римскомъ мірѣ, на дальнѣйшую эволюцію европейскихъ государствъ ²⁾.

При такой руководящей точкѣ зрѣнія неудивительно, что Фюстель де Куланжъ, какъ историкъ происхожденія, между прочимъ, феодальнаго землевладѣнія, долженъ былъ прежде всего стремиться къ точному и серьезному воспроизведенію аграрнаго развитія римской имперіи. Ему дѣйствительно уда-

иѣстныя археологическія и эпиграфическія изданія, извѣстія академій (Римской, Туринской), труды ученыхъ обществъ и т. д.

¹⁾ Именно въ силу того, что его „романизмъ“ совсѣмъ не похожъ по основнымъ чертамъ, составляющимъ его природу, а не только по характеру самой гипотезы, на „германизмъ“ его противниковъ, авторъ отчетливо заявляетъ, что не выводитъ средневѣковаго строя изъ однихъ *римскихъ* корней, но изображаетъ его сложнымъ результатомъ развитія древнихъ началъ въ новой исторической средѣ, среди новыхъ вліяній, выросшихъ съ теченіемъ времени. Онъ только сравнительно мало видитъ въ этихъ вліяніяхъ специфически германскихъ положительныхъ чертъ. См. напр. „Les origines du systѣme féodal“ (préf. p. XI).

²⁾ *Романизмъ* Фюстель де Куланжа есть дѣйствительно признакъ *культурный*, а не *расовый*, и онъ гораздо лучше способствуетъ проведенію и осуществленію принциповъ *эволюціоннаго* изученія и понятію о *генезисѣ*, чѣмъ старая теорія, которая носитъ это имя. Вотъ почему онъ такъ оскорблялся, когда противники называли его „романистомъ“. (См. *P. Guiraud, Fustel de Coulanges, Paris, 1896, p. 188; 148*), что они однако дѣлали до конца очень упорно. (См. *H. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, II, 2*). Только что цитированная книга г. Гиро является лучшею до сихъ поръ характеристикой личности, идей, трудовъ и дѣятельности Фюстель де Куланжа; она написана съ сочувствіемъ и нѣтъ сомнѣній, но беспристрастно и свободно отъ панегирика.

лось и специальными разысканиями, и общемою схемою основного труда—„Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“—существенно подвинуть изучение римской земельной истории и подготовить возможность ея цѣльнаго построения. Авторъ не оставилъ намъ полной истории земельной собственности въ римскомъ мѣрѣ, но онъ подмѣтилъ и обнаружилъ ускользнувшія отъ вниманія предшественниковъ важныя черты и характерныя особенности, предопредѣлившія самую сущность явления и его развитія; онъ нашелъ совершенно новыя, любопытныя и твердыя объясненія фактовъ и теченій, передъ истолкованіемъ которыхъ останавливались въ недоумѣніи или отдѣльвались скептическими фразами выдающіеся ученые. Эти открытія, вызванныя прямымъ, пристальнымъ и систематическимъ наблюденіемъ раньше мало или только косвенно затрогивавшейся области, привели съ другой стороны Фюстель де Куланжа къ коренному обновленію вопроса о происхожденіи феодализма. Въ истолкованіи процесса феодализациі общественнаго строя имъ не только рѣшительно поставлено на первомъ планѣ значеніе земельного элемента; но феодальное землевладѣніе великолѣпно показано естественно развивающимся въ тѣсномъ преемствѣ съ аграрными формами и отношеніями, вышедшими изъ римской имперіи. Превосходныя работы Фюстель де Куланжа о колонатѣ и затѣмъ о прекаріи въ римскомъ мѣрѣ и объ организациі крупнаго римскаго помѣстья, а также главы объ образованіи бенефициальной собственности въ Меровингской Франціи должны быть названы мастерскими образцами научныхъ работъ изъ области земельной исторіи ¹⁾. И нужно ска-

¹⁾ Первая (*Le colonat romain*) помѣщена въ сборникѣ его отдѣльныхъ статей, озаглавленномъ *Recherches sur quelques problèmes d'histoire* (P. 1885) и представляетъ самую замѣчательную работу изъ всѣхъ посвященныхъ выясненію этого много изучавшагося института. Вторая (*Le précaire romain*) входитъ въ составъ его сочиненія *Les origines du système féodal* (5-й томъ основного труда *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*) и является также одною изъ оригинальнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ попытокъ истолковать особенности развитія и опредѣлить социальное значеніе римскаго землевладѣнія. Третья, не менѣе существенная, новая и цѣнная, составляетъ часть 4-го тома „Institutions“ (спеціально озаглавленнаго *L'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne*). Вообще 4-й и 5-й томы главнаго сочиненія Фюстель де Куланжа отводятъ широкое мѣсто исторіи землевладѣнія, сообщаютъ массу ма-

зять, что какъ римскій, такъ и средневѣковый историкъ нашихъ дней, который не принимаетъ во вниманіе результатовъ, достигнутыхъ великимъ французскимъ ученымъ, рискуетъ остаться позади того, что теперь должно быть признано на основаніи его словъ историческою истиной.

Блестящія свойства исключительнаго ученаго и писательскаго таланта Фюстель де Куланжа не могли не производить яркаго, глубокаго и неотразимаго впечатлѣнія. Книги его вызывали горячее увлеченіе или страстный протестъ, но врядъ ли могли онѣ оставить равнодушнымъ сколько-нибудь чуткаго и заинтересованнаго читателя, не говоря уже объ историкахъ по призванію. Въ силу этого дѣятельность его должна была породить большое возбужденіе мысли и работы, и онъ самъ сдѣлался вдохновителемъ разнообразныхъ научныхъ начинаній. Широкая постановка задачи изслѣдованія, всегда освѣщавшаяся всемірно-историческою точкою зрѣнія, опиралась у Фюстель де Куланжа на огромную массу знаній, которыми онъ располагалъ, какъ господинъ. Выдающіяся качества ученаго дарованія историка, соединенныя съ неуклоннымъ стремленіемъ его постоянно и систематически пользоваться своею замѣчательною эрудиціею для твердаго и полнаго обоснованія своихъ взглядовъ и выводовъ, поддержанныя могучею склонностью строить новыя гипотезы, вырабатывать новыя методы, естественно ставили его въ положеніе главы, если не новой исторической школы, то особой ярко и самостоятельно окрашенной группы искателей и истолкователей прошлаго. Сила и прочность вліянія его крупной индивидуальности во много разъ увеличивались тѣмъ, что онъ развивалъ свои идеи не только путемъ печати въ превосходныхъ сочи-

теріалахъ и открываютъ рядъ блестящихъ идей и убѣдительныхъ выводовъ, какъ по вопросу о римской аграрной исторіи, такъ и по вопросу о вліяніи римскихъ земельныхъ порядковъ на сложеніе феодальной собственности. Необходимо прибавить, что и своими изслѣдованіями по исторіи первобытнаго германскаго землевладѣнія (См. „Du régime des terres chez les Germains“ въ сборникѣ *Recherches sur quelques problèmes d'histoire*), и теоретико-методологическими этюдами объ изученіи первобытной собственности („Les origines de la propriété“ въ сборникѣ *Questions historiques*, P. 1893), какъ бы одностороннимъ и ошибочнымъ ни были иногда защищаемые имъ взгляды, Фюстель де Куланжъ много сдѣлалъ для того, чтобы привлечь ученыхъ къ изученію капитальной проблемы познанія прошлаго и ясно поставить главныя цѣли ея разъясненія.

няхъ, но и помощью живого краснорѣчиваго слова съ профессорской кафедрѣ, продолжительнымъ авторитетнымъ преподаваніемъ и плодотворнымъ научнымъ руководствомъ. Съ другой стороны теоріи Фюстель де Куланжа носятъ печать такой острой личной оригинальности, и онѣ настолько противорѣчатъ ходячимъ мнѣніямъ; онѣ выражаютъ кромѣ того свои взгляды настолько смѣло и рѣзко, не опасаясь односторонности, не избѣгая жестокихъ нападокъ на противниковъ и жаркой полемики съ ними, что дѣятельность его не могла привести лишь къ образованію около него круга преданныхъ учениковъ и убѣжденныхъ адептовъ, которые привлекались къ продолженію его работъ и развитію его идей. Онѣ долженъ былъ также сплотить противъ себя представителей противоположныхъ доктринъ и приемовъ для критики его сочиненій и борьбы съ его направлениемъ и вліяніемъ.

Указанными особенностями научнаго темперамента Фюстель де Куланжа опредѣляется мѣсто, которое онѣ занялъ въ новѣйшей европейской историографіи. Значеніе его въ развитіи французской исторической науки, безъ сомнѣнія, велико. Можно сказать, что въ современномъ поколѣніи французскихъ историковъ большая часть видныхъ талантовъ и замѣчательныхъ изслѣдователей являются либо прямыми учениками Фюстель де Куланжа, либо находятся такъ или иначе въ зависимости отъ его ученыхъ воззрѣній. Но его часто непримиримое отрицаніе теоріи германистовъ и исключительность нѣкоторыхъ его идей, которыя ставятся иногда слишкомъ круто и проводятся слишкомъ далеко, сузило сферу его научнаго воздѣйствія. Указанныя тутъ крайности обусловили въ другихъ странахъ либо враждебное отрицаніе его идей и опредѣленную антипатію къ его трудамъ, какъ въ Германіи ¹⁾, либо сдержанную оцѣнку его роли

¹⁾ Такой авторитетный и вѣстѣ съ тѣмъ такой сдержанный ученый, какъ Вайтцъ, прямо отказывается признать за главнымъ трудомъ Фюстель де Куланжа какое-нибудь научное значеніе (См. въ сборникѣ *G. Waite, Gesammelte Abhandlungen*, Göttingen, 1896, p. 597). Бруннеръ, также принадлежащій къ лучшимъ представителямъ современной нѣмецкой школы исторіи права, равнымъ образомъ очень строго оцѣниваетъ его дѣятельность. См. *Deutsche Rechtsgeschichte*, II, 2: „Ein schätzbares, aber eigenartig beschränktes Talent, zimmert sich Fustel

въ наукѣ и скептическое отношеніе къ его выводамъ и потому недостаточное пользованіе результатами его работы ¹⁾).

Вниманіе, которое Фюстель де Куланжъ удѣлялъ въ своихъ сочиненіяхъ исторіи римскаго землевладѣнія и многіе новыя положительныя результаты, которыхъ ему удалось достигнуть въ области изученія этого вопроса, оправдываютъ, какъ кажется, большое мѣсто, которое отдано этому ученому въ настоящемъ историографическомъ очеркѣ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что труды Фюстель де Куланжа знаменуютъ собою одинъ изъ послѣднихъ моментовъ въ исторіи разработки означенной трудной проблемы, и что достоинства и важность ихъ не оцѣнены еще по заслугамъ. Разсматривая дальнѣйшій прогрессъ ея выясненія, нельзя утверждать, что влияніе Фюстель де Куланжа уже обнаружилось въ данной именно области съ особенною силою. До сихъ поръ не появлялось въ ряду трудовъ представителей его школы крупнаго обобщающаго сочиненія по исторіи римской земельной

de Coulanges eine Methode zurecht, die grundsätzlich nur ein räumlich und zeitlich engbegrenztes Quellengebiet durchsucht, alles andere absichtlich ignoriert, daher die Quellen vielfach missversteht und vor gewaltsamen Auslegungen nicht zurückschreckt, um das vermeintliche Durchschnittsergebniss des Untersuchungsfeldes zu retten“. Авторъ боится, какъ бы знаменитый французскій историкъ не завербовагъ учениковъ и въ Германіи; но страхъ его, кажется, мало основателенъ: нѣмецкіе ученые не только не подчиняются Фюстель де Куланжу, но даже основательно не разбираютъ его трудовъ, предпочитая игнорировать или замалчивать ихъ. Это врядъ ли похвальный научный приѣмъ.

¹⁾ Въ Россіи, напримѣръ, первое крупное сочиненіе Фюстель де Куланжа (*La Cité antique*) имѣло успѣхъ и вышло три перевода. Но второй основной трудъ его „*Les institutions politiques de l'ancienne France*“ до сихъ поръ не переведенъ, несмотря на значительное расширеніе у насъ за послѣдніе годы переводовъ капитальныхъ научныхъ работъ, и хотя переводятся такіа, сравнительно, по средственнаа произведенія, какъ, напримѣръ, „Исторія Германіи“ Лампрехта. Въ интересной и оригинальной характеристикѣ „итоговъ и приѣмовъ ученой работы Фюстель де Куланжа“, принадлежащей профессору П. Г. Виноградову (См. Русская Мысль, 1890, Янв.), глубоко схвачены и часто превосходно разобраны недостатки его идей и метода, но о достоинствахъ ученаго уважаемый авторъ, научное слово котораго заслуженно пользуется въ нашей литературѣ высочайшій вліяніемъ и довѣріемъ, говоритъ холодно и отводитъ довольно суровое мѣсто плодамъ его дѣятельности. Нужно, правда, отмѣтить, что, когда П. Г. Виноградовъ писалъ свой этюдъ, неизвѣстны были совсѣмъ два послѣдніе тома большаго труда Фюстель де Куланжа, только что вышелъ четвертый и не появлялось еще переработанное третье изданіе первыхъ двухъ, такъ что не всѣ результаты труда его жизни находились передъ глазами критика.

собственности ¹⁾). Но слѣдуетъ сказать, что обширная и прекрасная выше указанная работа одного изъ самыхъ близкихъ его учениковъ, Поля Гиро, по исторіи землевладѣнія въ Греціи есть очевидный плодъ такого вліянія, и не лишнее будетъ замѣтить, что тотъ же авторъ занятъ теперь подготовкою общаго труда, который будетъ разсматривать земельную эволюцію во всемъ римскомъ мірѣ отъ момента зарожденія римскаго государства до паденія римской имперіи. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что выдающійся ученикъ такого замѣчательнаго учителя окажетъ рѣшительное содѣйствіе пополненію существеннаго пробѣла въ римской и всемірной исторіи.

Въ Германіи сильное новое оживленіе изслѣдованія различныхъ сторонъ внутренней исторіи римскаго міра произвели замѣчательныя эпиграфическія находки и открытія послѣднихъ десятилѣтій. Такъ какъ въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ надписей, собранныхъ на территоріи всѣхъ провинцій римской имперіи, находятся очень любопытные тексты, касающіеся экономическаго строя и въ частности землевладѣнія, то эпиграфическая наука должна была много содѣйствовать сосредоточенію силъ на разработкѣ этой раньше мало изученной области. Вѣрные особенностямъ своего генія, нѣмецкіе ученые подъ руководствомъ Моммзена и наиболѣе крупныхъ представителей его школы выбрали предварительно путь не широкихъ объединяющихъ построеній, а по прежнему тщательныхъ детальныхъ разысканій ²⁾). Въ этомъ на-

¹⁾ Можно вспомнить тутъ пока только нѣсколько мелкихъ этюдовъ учениковъ его, Декривена и Жюліана, о нѣкоторыхъ специальныхъ пунктахъ, печатавшихся въ различныхъ ученыхъ журналахъ и изданіяхъ.

²⁾ Такъ напримѣръ, анализъ надписей алиментарныхъ учреждений, о которыхъ уже говорилось выше, вызвалъ цѣлую литературу, связанную съ исторіею землевладѣнія (спеціально интересны цитированныя выше статьи Моммзена и Маттіаса). Не особенно любопытна также отдѣльная группа работъ, выросшая около изслѣдованія знаменитыхъ земельныхъ надписей объ африканскихъ *saltus*. Тутъ имѣются въ виду любопытные ученые этюды, разсматривающіе извѣстный бурунганскій памятникъ и другіе подобные ему, позже открытые въ римской Африкѣ эпиграфическіе тексты, напр. статья Моммзена „Das Decret des Commodus“ (Hermes, XV) и А. Шультена — „Die lex Hadriana de rudibus agris“ (Ibid. XXIX, 1894) и его же особая брошюра „Die lex Manciana“ (Berlin, 1897, представляющая отдѣльный оттискъ изъ Abh. d. Königl. Ges. d. Wiss. zu Göttingen, Phil.-Hist. Cl. N. F., Band II, № 3) и нѣкоторыя другія. Ученымъ удалось воспользо-

правленіи они опять оказали значительную услугу окончательной обработкѣ матеріала по многимъ очень важнымъ отдѣльнымъ пунктамъ, входящимъ въ вопросъ, и увлекли за собой ученыхъ собратій другихъ національностей ¹⁾.

Въ заключеніе представленнаго библиографическаго пересмотра того, что и какъ сдѣлано для изученія исторіи развитія римскаго землевладѣнія, высказывая общій приговоръ о бессистемности производившихся въ области разслѣдованія его работъ и разрозненномъ состояніи добытыхъ отдѣльными усиліями результатовъ, слѣдуетъ присоединить къ нему слѣдующее ограничительное наблюденіе. Группировка и сличеніе частныхъ трудовъ по исторіи земельного строя въ римскомъ мірѣ, появившихся въ послѣдніе годы, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой перемѣнѣ въ

ваться, какъ источникомъ для исторіи землевладѣнія, даже такими, казалось бы, сухими и бѣдными текстами, какъ кирпичные штемпели (доіарныя надписи) и на основаніи ихъ воспроизводитъ земельныя состоянія различныхъ лицъ и даже составляетъ себѣ сужденіе о способахъ эксплуатаціи ихъ помѣстій. См. по этому поводу интересную статью французскаго историка *Geffroy, L'épigraphie doliaire chez les Romains (Journal des Savants, 1886)* съ указаніемъ литературы.— Много интересныхъ и важныхъ замѣчаній, чрезвычайно цѣнныхъ для историка римскаго землевладѣнія, сообщается различными издателями *Corpus Inscriptionum Latinarum*, попутно при помѣщеніи „аграрныхъ текстовъ“ въ отдѣльныхъ томахъ этого капитальнаго изданія, до сихъ поръ далеко не использованнаго по затрагиваемому здѣсь вопросу. Наконецъ, не мало мелкихъ замѣтокъ о томъ же предметѣ разсыяны по специальнымъ эпиграфическимъ обзорѣніямъ. Здѣсь неумѣстно было бы систематическое ихъ перечисленіе.

¹⁾ Особенно заслуживаютъ упоминанія французскія многочисленныя книги и статьи, посвященныя преимущественно разработкѣ также африканскаго эпиграфическаго матеріала, для открытія и освѣщенія котораго такъ много сдѣлала не только французскіе ученые спеціалисты, но также офицеры и врачи (См. ст. *Ch. Diehl* въ *Revue intern. de l'enseignement, 1894, t. 24*). Слѣдуетъ тутъ назвать въ видѣ прихвровъ статьи *Esmein (Journ. des Sav., 1880)*, *Cagnat et Fernique (Rev. arch. 1881)*, *Mispoulet (Nouv. rev. hist. de dr. fr. 1892)*, *Carton (Rev. arch. 1892 и 1893)* и *Toutain (Nouv. rev. hist. de dr. fr. 1897)*; затѣмъ обширный серьезный трудъ *Ch. Tissot, Géographie de l'Afrique romaine (P. 1884—88, 3 volumes)* или отчетъ доктора *Carton, Découvertes épigraphiques et archéologiques faites en Tunisie (P. 1895)*. Въ послѣднихъ двухъ весьма почтенныхъ работахъ есть много матеріала и для исторіи землевладѣнія, и опять же, необходимо сказать, много мелкихъ интересныхъ замѣтокъ разбросаны въ специальныхъ эпиграфическихъ журналахъ, преимущественно издаваемыхъ во французской Африкѣ. Можно было бы назвать англійскія и итальянскія работы, полезные въ томъ же смыслѣ, т.-е. въ дѣлѣ ориентировки среди матеріала и его истолкованія.

характерѣ и направленіи изслѣдованія: вопросъ, долго стоявшій въ сторонѣ отъ основного научнаго теченія въ области древней исторіи, начинаетъ сближаться съ его главнымъ русломъ. Давно уже ощущавшаяся потребность объединять полученные частные выводы изъ его детальной разработки, приводя ихъ къ обобщенному цѣлому, начинаетъ осуществляться. Правда, такія попытки дѣлаются пока преимущественно лишь въ формѣ дѣловыхъ обзоровъ въ ученыхъ энциклопедіяхъ¹⁾; но и то обстоятельство, что въ подобнаго рода изданіяхъ, относящихся къ сферѣ науки о классической древности, статьи историко-экономическаго содержанія занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ прежде, является уже признакомъ дѣйствительнаго улучшенія знакомства съ этою областью и достиженія возможности критическаго свода матеріала. Впрочемъ, кромѣ такихъ руководящихъ обзоровъ справочнаго характера могутъ быть указаны новѣйшіе и чисто научные труды болѣе общаго содержанія по исторіи римскаго землевладѣнія. Интереснымъ и выдающимся примѣромъ работъ такой категоріи должна быть названа талантливо написанная, оригинально построенная и заключающая въ себѣ много новыхъ выводовъ книга нѣмецкаго ученаго Макса Вебера—„Римская аграрная исторія“²⁾. Да и вообще можно сказать, что молодые научные работники и опытные изслѣдователи охотно подходятъ теперь къ изученію этого любопытнаго и во многихъ отношеніяхъ нетронутаго еще вопроса, стремясь къ постановкѣ основныхъ задачъ его освѣщенія. Замѣчательно, что всѣ послѣдніе труды, относящіеся къ исторіи римскаго земельного строя, сосредоточиваются на выясненіи развитія крупной собственности и организациі большого помѣстья: это, безъ сомнѣнія, кардинальный пунктъ всей проблемы³⁾. Во всякомъ случаѣ вопросъ

¹⁾ Можно упомянуть незамѣнимыя статьи такого характера въ лексиконахъ *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, или *E. De Ruggiero*, *Dizionario epigrafico delle antichità romane*, и въ новой переработкѣ стараго превосходнаго словаря *Pauly-Wissowa*, *Realencyclopaedie der classischen Alterthums*.

²⁾ *Max Weber*, *Römische Agrargeschichte in ihrer Beziehung für das Staats- und Privatrecht* (Stuttgart, 1891).

³⁾ Появившаяся два года тому назадъ работа Адольфа Шультена, „*Die römischen Grundherrschaften, eine agrarhistorische Untersuchung*“ (Weimar, 1896)

выставленъ въ числѣ очередныхъ, и неудивительно, если въ разныхъ странахъ теперь въ тиши ученыхъ кабинетовъ готовятся общія сочиненія по исторіи развитія земельной собственности въ всемъ римскомъ мірѣ; причемъ энергія и одушевленіе постоянно поддерживаются въ авторахъ новыми блестящими эпиграфическими находками, позволяющими заглянуть каждый разъ все глубже въ аграрное прошлое странъ и народовъ римской имперіи; а конкретному воспроизведенію помощью воображенія и яркому пониманію этого прошлаго способствуютъ также крайне увлекательныя ученныя путешествія въ самыя мѣстности, гдѣ когда то развивались изучаемые земельные порядки, и которыя сохраняютъ до сихъ поръ слѣды ихъ въ видѣ великолѣпныхъ развалинъ виллъ и драгоцѣнныхъ слѣдовъ хозяйственныхъ сооружений ¹⁾.

представляетъ опытъ систематизаціи нѣвѣщагося (преимущественно эпиграфическаго) матеріала о развитіи крупной собственности. Выше поименованныя книги Декривена, Віара и Гиса объ организаціи и управленіи императорскихъ большихъ нѣвнѣй также относятся къ сферѣ выясненія того же основного вопроса объ образованіи и устройствѣ латифундій. — На французскомъ языкѣ въ настоящее время печатается въ *Nouvelle revue historique de droit français et étranger* (за 1897 и 1898 г.) обширная попытка объединенія достигнутыхъ до сихъ поръ результатовъ въ области изслѣдованія того же пункта. Это очень важная и полная работа *Ed. Beaudouin*, „*Les grands domaines dans l'empire romain d'après des travaux récents*“. Она составитъ въ цѣломъ видѣ объемистое сочиненіе и займетъ видное мѣсто въ литературѣ о римскомъ земледѣвіи. Когда въ 1895-мъ году былъ представленъ въ парижскую академію нравственныхъ и политическихъ наукъ докладъ *Dramard*, *Etude sur les latifundia* (См. *Mém. de l'Ac. des sc. mor. et polit.*, 1895, t. 143, p. 554 ss.), то онъ вызвалъ живой интересъ и обильныя мысли, въ которомъ принимали участіе выдающіеся ученые, какъ, напр., Пико, Дарестъ, Жеффруа и др. Ср. еще вышедшую въ Италіи работу *N. Minutillo*, *I latifondi nella legislazione dell' impero romano* (Napoli, 1896).

¹⁾ Остатки такого рода дѣйствительно важны и для соціального исторіа, такъ какъ, позволяя иногда воспроизводить топографію виллъ и помѣстій, они даютъ возможность бросить взглядъ, такъ сказать, въ конкретную дѣйствительность далекой римской землевладѣльческой и земледѣльческой старшин.— Въ наукѣ сдѣлано до сихъ поръ немного для изученія подобнаго рода археологическихъ памятниковъ съ точки зрѣнія интересовъ соціально-экономической исторіи; но это пунктъ, заслуживающій большого вниманія. Развалины виллъ, не только увеселительныхъ, но и сельскохозяйственныхъ, находится не мало въ Италіи и провинціяхъ, и археологъ, который взялся бы за ихъ изученіе, оказалъ бы исторіку хорошую услугу. Много данныхъ для

2.—Причины образованія и долгаго сохраненія обнаруженнаго предшествующимъ очеркомъ большого и важнаго пробѣла въ разработкѣ экономической исторіи античнаго міра приходится искать прежде всего въ тѣхъ путяхъ и направленіяхъ, по которымъ двигалось развитіе исторической науки вообще. Затѣмъ онѣ кроются также во внутреннихъ условіяхъ, среди которыхъ находилось и совершалось въ частности изслѣдованіе древняго міра.

При изученіи прошедшихъ судебъ человѣчества вниманіе ученыхъ, какъ извѣстно, раньше всего обратилось къ воспроизведенію самаго теченія „событій“. Работа очень долго сосредоточивалась именно около этой задачи представленія хода исторической драмы. Только мало-по-малу въ кругъ изображенія рядомъ съ рассказомъ о войнахъ, смѣнахъ правителей, громкихъ переворотахъ въ жизни народовъ и вообще о такъ называемыхъ „великихъ“ событіяхъ „внѣшней“ исторіи, а также еще о „блестящихъ дѣяніяхъ“ знаменитыхъ людей, стали вводиться новые элементы. „Повѣствованіе“ начало дополняться „картинами“ религіи, государственнаго устройства, быта и нравовъ, т.-е. статьями о „внутреннемъ состояніи“ общества и измѣненіяхъ его „культуры“. Только постепенно съ другой стороны всѣ эти факты стали связываться между собою путемъ истолкованія ихъ причинной зависимости и органической связи ¹⁾. Лишь значительно позже

этого уже собрано въ различныхъ старыхъ сочиненіяхъ, воспроизводящихъ топографію отдѣльныхъ частей Италіи, напр., окрестностей Рима. Тутъ полезны и давнишній большой трудъ *Antonio Nibby, Analisi storico-topografico-antiquaria dei contorni di Roma* (Roma, 3 v. 1837—38). Ср. *R. Burn, Rome and Campagna* (London, 1871), и новѣйшія спеціальныя изслѣдованія, какъ ст. *Lanciani, Delle antiche ville Tuscolane* (въ *Bull. arch. commun. di Roma*, 1884, p. 172 sgg.) и др. См. также сочиненіе Ю. Белоха о Кампаніи (Campanien, Topographie, Geschichte und Leben der Umgebung Neapels im Alterthum, Berlin, 1879); отчетъ о виллахъ открытыхъ въ Bosco Reale около Неаполя (*Römische Mittheilungen*, IX Band; *Notizie degli scavi*, 1895, p. 207) и т. п. Изъ провинцій богаты такими остатками прирейнскія страны (см., напр. ст. *Schumacher, Römische Meierhöfe im Limesgebiet, Westdeutsche Zeitschrift f. Gesch. und Kunst*, XV, 1896) и Африка. См. *Gaston Boissier, L'Afrique romaine* (P. 1895, p. 127 ss). Ср. много данныхъ у *Tissot, Géographie de l'Afrique romaine*, и проч.

¹⁾ Даже знаменитый Ранке говорилъ еще, что онъ, вопрошая прошлое, хочетъ только знать, какъ совершалось въ немъ чередованіе событій („...Ich will

проявился въ кругу дѣятелей исторической науки особенный интересъ къ „государственнымъ учрежденіямъ“, и поставлена была ближайшая цѣль самостоятельнаго, глубокаго и полнаго изслѣдованія ихъ природы и развитія. Такой интересъ вызванъ былъ крупными явленіями въ новѣйшей политической жизни европейскихъ народовъ въ XIX в. и специально расширеніемъ правъ активнаго участія въ ней отдѣльныхъ личностей, классовъ и группъ, а стало быть улучшеніемъ условій и научнаго наблюденія въ данной сферѣ. Обстоятельства эти повліяли на прогрессъ юридической науки; послѣдняя же оказала замѣтное дѣйствіе въ свою очередь на вкусы и стремленія историковъ ¹⁾. Аналогично съ указаннымъ, въ другой области увлеченіе философій, сдѣлавшееся характерною особенностью умственнаго строенія европейскаго общества въ извѣстную эпоху первой половины нынѣшняго столѣтія, обусловило особое движеніе и въ историографіи. Представители его стремились, съ одной стороны, изображать теченіе всемірной исторіи, какъ осуществленіе опредѣленнаго плана, или, съ другой, изслѣдовать прошлое, какъ „исторію цивилизаци“, привлекая къ дѣлу преимущественно факты духовнаго развитія человѣчества ²⁾.

ниг sagen, wie es eigentlich gewesen..“); его замѣчательныя сочиненія служатъ именно превосходными образцами „прагматически“ построеннаго величественнаго изображенія такъ называемой *политической* исторіи. Достоинство замѣчанія, что въ самые послѣдніе годы (т.-е. въ 90-ые), когда и концепція исторіи, и ея научная методика кореннымъ образомъ переродились, въ Германіи опять возникъ споръ между „старыми“ и „новыми“ способами ея построенія, причѣмъ воззрѣнія „школы политической исторіи“ нашли себѣ все таки достаточно адептовъ, вступившихъ въ полемику съ представителями такъ называемой „культурной исторіи“. См. краткій отчетъ о ходѣ и результатахъ этой новѣйшей контрверсанъ по поводу вопроса, имѣеть ли еще „политическая исторія“ право гражданства въ современной наукѣ, въ статьѣ *Pirenne*, „Une polémique historique en Allemagne“. (*Revue historique*, 1897, tome 64, p. 50—57). Споръ былъ опять возобновленъ однимъ изъ главныхъ его участниковъ, Дампирехтомъ, въ статьѣ „Der Ausgang des geschichtswissenschaftlichen Kampfes“ (см. въ журналѣ „Zukunft“ за 1897 годъ).

¹⁾ Достаточно упомянуть одно имя Савиньи и представить себѣ широкій кругъ воздѣйствія идей его и его школы на характеръ исторической работы не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ, чтобы подтвердить сказанное.

²⁾ Чтобы дать примѣръ сильнаго воздѣйствія философій на изученіе исторіи, можно вспомнить о вліяніи гегелианства (см. объ этомъ книгу *P. Barth*, „Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer“, 1890)

Идея о необходимости систематическаго и тщательнаго изслѣдованія фактовъ и явленій развитія социально-экономическаго строя при воспроизведеніи историческаго процесса выяснилась въ историографіи сравнительно недавно. Изъ только-что приведенныхъ примѣровъ возникновенія различныхъ направленій въ исторической наукѣ видно, что побужденія къ изученію прошлаго и точки зрѣнія, съ высоты которыхъ оно производилось, опредѣлялись въ большой мѣрѣ умственными потребностями и общественными стремленіями, господствовавшими въ томъ настоящемъ, изъ котораго исходило такое изученіе. Въ частности и тому повороту къ познанію экономической исторіи, который совершился въ самыя послѣднія десятилѣтія, могущественнымъ образомъ содѣйствовали блестящіе новѣйшіе успѣхи политической экономіи и статистики и, еще шире, то великое значеніе, которое приобрѣли въ социальной жизни и общественной мысли современности вопросы объ экономической организаціи общества. Правда, къ такому обращенію испытующаго взора историковъ въ новую, мало разслѣдованную область, могло привести и самостоятельное внутреннее развитіе исторической науки: приступая къ работѣ или продолжая ее, вырабатывая каждый, такъ сказать, планъ своей ученой жизни, выдающіеся историки неизбежно должны были заботиться о выясненіи незатронутыхъ или мало обработанныхъ пунктовъ и о приложеніи силъ къ освѣщенію темныхъ пространствъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ, и первыя изслѣдованія по „экономической исторіи“ вышли изъ „чисто научно-историческихъ“ моти-

или позитивизма (см. *E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode*, 2 Aufl. Leipzig, 1894, p. 533 sqq.). Тутъ же удобно указать, какъ быстрые и блестящіе успѣхи, достигнутые въ нынѣшнемъ вѣкѣ *естествознаніемъ*, особенно въ эпоху перваго увлеченія дарвинизмомъ, не менѣе сильно отразились на взглядахъ историковъ и вызвали къ жизни особое теченіе въ исторической наукѣ, направляя работу воссозданія прошлаго къ особой дѣли (см. также у Бернгейма, стр. 82 и сл.). О различныхъ типахъ построенія исторіи отчасти въ связи съ разъясненіемъ вліянія на нее другихъ наукъ, а также умственныхъ и общественныхъ движеній подробно и систематически говоритъ *P. Barth* въ недавно вышедшемъ весьма интересномъ и важномъ сочиненіи „*Die Philosophie der Geschichte, als Sociologie*“ (Erster Theil, Leipzig, 1897).

вовъ ¹⁾. Но нельзя не признать, что политико-экономическіе трактаты Карла Маркса и его крупныхъ послѣдователей, а затѣмъ вообще пышный современный расцвѣтъ экономической литературы, научной и публицистической, различныхъ школъ и партій, играли тутъ выдающуюся роль. Они создали и поддерживаютъ ту особенную умственную атмосферу, которая въ наши дни вдохновляющимъ образомъ дѣйствуетъ и на практическую, и на теоретическую мысль и, между прочимъ, живоительно отражается на историческихъ изслѣдованіяхъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что „экономическая исторія“ теперь, несомнѣнно, существуетъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ періодамъ ²⁾, пополняя отчасти важный пробѣлъ въ историческомъ изученіи прошлаго.

Новизною идеи о построеніи исторіи, какъ процесса развитія экономическихъ формъ и институтовъ, открытыми благодаря ей свѣжими руководящими взглядами, полученными яркими обобщеніями и любопытными выводами легко объясняется замѣчающееся теперь крайнее увлеченіе историко-экономическими разысканіями или этюдами. Оно всецѣло охватило въ послѣднее время умы многихъ писателей и ученыхъ и привело къ появленію гипотезы „экономическаго монизма“, какъ будто бы послѣдняго и рѣшающаго слова такъ называемаго „соціологическаго отношенія къ исторіи“.

Очевидно, что указываемое тутъ исключительное пристрастіе къ изученію экономическихъ явленій прежнихъ вѣковъ

¹⁾ Такии именно побужденіями руководствовался въ своихъ работахъ Георгъ Людвигъ Мауреръ, одинъ изъ первыхъ широко поставившій на очередь задачу разъясненія экономическихъ явленій и вызвавшій образованіе особой ученой группы въ нѣмецкой историографіи. То же можно сказать о многихъ другихъ солидныхъ нѣмецкихъ историкахъ экономическаго направленія, К. В. Нитчѣ, Инама-Штернеггѣ, Беловѣ и др., а также о трудахъ Роджерса въ Англіи, Гиро во Франціи, профессоровъ И. В. Луцицкаго и П. Г. Виноградова у насъ и т. д.

²⁾ Очеркъ зарожденія экономическаго направленія въ европейской историографіи послѣднихъ временъ даетъ проф. П. Г. Виноградовъ (см. введеніе къ его сочиненію „Исслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“), который самъ является замѣчательнымъ представителемъ историко-экономическихъ изслѣдованій. Полный и обстоятельный обзоръ литературы по экономической исторіи представилъ проф. Н. И. Карѣевъ въ рядѣ статей, собранныхъ въ книгѣ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“ (Сиб. 1896 г.).

и преувеличение экономического объяснения прошлого, направляя внимание историковъ на одинъ привилегированный, особенно ярко освѣщенный пунктъ, есть фактъ, несомнѣннѣе нормальный. Развиваясь, оно можетъ заслонить въ ихъ полѣ зрѣнія большую часть громаднаго горизонта, который они должны точно наблюдать, полно и достовѣрно изслѣдовать. Но трудно предположить, чтобы взгляды такъ называемаго „экономическаго матеріализма“ сдѣлались господствующими въ теоретическомъ міросозерцаніи исторіографіи конца XIX-го и начала XX-го вѣковъ. Врядъ ли можетъ такая односторонняя доктрина устоять противъ глубокаго и безпристрастнаго изслѣдованія прошлого, отъ котораго не откажутся истинные историки, и которое обнаружитъ поверхностность и необоснованность концепціи. Поучительно отмѣтить, что и до настоящаго момента, когда экономическій матеріализмъ находится въ періодѣ особенно быстраго развитія, онъ не привлекъ еще окончательно на свою сторону ни одного крупнаго и тѣмъ болѣе первостепеннаго историка. Только экономисты или практическіе политики являются въ большинствѣ случаевъ его безусловными адептами ¹⁾. Нѣкоторые уважаемые представители

¹⁾ См. въ выше цитированной книгѣ профессора Н. И. Карѣва, „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“, систематическій пересмотръ и разборъ теоретическихъ взглядовъ ученыхъ и публицистовъ, высказывавшихся въ той или другой степени за экономическій матеріализмъ. Въ числѣ тѣхъ изъ нихъ, которые принимаютъ ученіе *ex suo sponte*, и возвращенія которыхъ опровергаются авторомъ, не встрѣчается ни одного имени, которое звучало бы какъ внушительный научно-историческій авторитетъ. Наиболѣе даровитые и ученые раздѣляютъ лишь нѣкоторые изъ принциповъ „новой школы“. Такія же произведенія, какъ талантливые и остроумные этюды Каутцкаго объ экономической основѣ различныхъ великихъ умственныхъ и религіозныхъ движеній (христіанства, гуманизма, реформаціи...), не могутъ играть замѣтной роли въ развитіи исторической науки, такъ какъ опираются не на безпристрастное изученіе и твердое знаніе подлиннаго матеріала, а представляютъ ловкую группировку искусно подобранныхъ данныхъ, выхваченныхъ изъ контекста, для иллюстраціи варягѣ признаннаго за истину, а не выведеннаго изъ изслѣдованія тезиса. Наиболѣе сѣмля общія построения исторіи въ духѣ указываемой доктрины, исходящей изъ отдѣльныхъ мыслей Маркса, развитыхъ Энгельсомъ и преувеличенныхъ ихъ продолжателями, тѣмъ и любимы, что своей стройностью лучше всего доказываютъ несостоятельность самой идеи.—Во всякомъ случаѣ, только такое чисто отрицательное значеніе можетъ быть приписано теоретическимъ главамъ вышедшей на русское языкъ и

исторической науки, правда, высказывают иногда замѣчания, которыя заставляют думать, что они, повидимому, раздѣляютъ отдѣльныя крайности экономическаго матеріализма. Такъ, напримѣръ, приходится иногда читать въ ихъ работахъ утверждения, что экономическіе факты въ исторіи важнѣе всѣхъ другихъ ¹⁾, или что только они могутъ разрабатываться по истинно-научному методу ²⁾. Но подобныя преу-

надѣлавшей довольно много шума книги г. Н. Бельтова, „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ (С.-ПБ. 1895 г.). Что же касается критическихъ ея главъ, то онѣ обнаруживаютъ и недостаточное знаніе вопроса о развитіи „исторіологическихъ взглядовъ“, и чрезвычайное произвольное и легкое отношеніе къ нему. Грубые же приемы полемики съ противниками, которые такъ развѣсно практикуются авторомъ, можетъ быть, производятъ эффектъ въ глазахъ неопытнаго читателя съ неуставившимися привычками, но передъ взоромъ серьезнаго критика явѣе только изобличаютъ его невооруженность, и вызываютъ протестъ въ каждомъ писателѣ, дорожащемъ хорошими литературными правами.

¹⁾ См., напр., у *J. E. Th. Rogers'a* въ его сочиненіи „The economic interpretation of history“ (1888; 2 ed. London, 1891) первый этюдъ („The economical side of history“). Взглядъ его разобранъ у Н. И. Карѣева, „Старое и новое этюды“, стр. 15—30. Въ томъ же приблизительно смыслѣ у насъ высказывался профессоръ И. В. Лучицкій. См. различныя мѣста въ его некрологѣ Роджерса, *Юрид. Вѣсти.* 1891, Февраль.

²⁾ См., напр. въ нашей литературѣ мнѣніе, сформулированное проф. Д. М. Петрушевскимъ въ его рецензіи на англійское изданіе извѣстной работы П. Г. Виноградова, „Villainage in England“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1892, Дек. стр. 312). Авторъ утверждаетъ, что строгія научныя требованія пока могутъ прихлѣваться только къ матеріальной исторіи, такъ какъ прежде тѣмъ изучать развитіе высшихъ отраслей общественнаго организма (т.-е. идей), истинно научное направленіе должно поставить себя цѣлью изслѣдованіе структуры, генезиса и развитія самаго общественнаго организма и изученіе его элементарныхъ отраслей (т.-е. экономическихъ институтовъ). До тѣхъ поръ, пока не выработано „вполнѣ отчетливое представленіе о матеріальной почвѣ, возвращающей культурные люди“, изученіе „культурнаго (идейнаго) процесса“ должно стоять на второмъ планѣ; и если тутъ можно и не ограничиваться только „собираніемъ и очисткою матеріала для будущихъ историковъ“, то все же при этомъ теперь „слѣдуетъ совершенно отказаться отъ всякихъ притязаній на истеричающее рѣшеніе и твердо помнить, что все, на что пока можетъ рассчитывать въ этомъ случаѣ добросовѣстный изслѣдователь, это по возможности точное описаніе культурнаго процесса и установленіе культурныхъ фактовъ въ порядкѣ сусуществованія и послѣдовательности“. Признавалъ такимъ образомъ, повидимому, историко-экономическій матеріалъ единственно доступнымъ теперь объектомъ научнаго изслѣдованія въ полномъ смыслѣ слова, авторъ называетъ однако одностороннею крайностью доктрину экономическаго матеріализма. Нигдѣ въ своихъ работахъ не выражалъ полной солидарности съ этою концепцію

величенія объясняются у нихъ скорѣе настойчивостью желанія выдвинуть на первый планъ важную и до сихъ поръ пренебреженную область историческаго вѣдѣнія, чѣмъ приверженностью къ ложной историологической идеѣ ¹⁾.

Не легко предвидѣть, конечно, какъ пойдетъ и къ чему придетъ послѣдующая работа построения обще-историческаго міросозерцанія. Мысль современнаго человѣка склонна къ объединенію его идеєю монизма. Можетъ быть, его удастся обосновать въ будущемъ. Весьма вѣроятно при этомъ предположить, что онъ будетъ формулированъ именно, какъ идеалистическій монизмъ, а не какъ тотъ, который по чѣму то теперь рисуется у насъ въ глазахъ многихъ и самымъ достовѣрнымъ въ научномъ, и самымъ прогрессивнымъ въ общественномъ отношеніи. Но въ настоящее время во всякомъ случаѣ историкъ принужденъ такъ или иначе допускать множественность дѣйствующихъ въ исторіи и создающихъ процессъ ея основныхъ факторовъ. Относительно „экономическаго матеріализма“ можно думать, что онъ растворится въ атмосферѣ будущаго прогресса человѣческой мысли, какъ уже растворился матеріализмъ „философскій“. Теперь же односторонности его не слѣдуетъ считать угрожающими предстоящимъ успѣхамъ научной исторіи. Можно

и П. Г. Виноградовъ, взгляды котораго Д. М. Петрушевскій выдвигаетъ, какъ образецъ истинно-научнаго отношенія къ исторіи.

¹⁾ Полное опроверженіе экономическаго матеріализма, какъ „соціологической доктрины“, не предпринято еще специалистами историками. Дѣло это нелегкое, если добиваться дѣйствительнаго разъясненія истины, а не довольствоваться „популярными красотами“, если задаваться цѣлью не самою дѣлать *исследовать* прошлое, а не насильственно впадать произвольно выхваченные изъ него факты въ заранѣе готовую схему. Убѣдительно доказательство ложности идеи, построенной *a priori*, или ошибочности распространенія вывода, полученнаго отъ излученія одной лишь стороны общественнаго быта одного изъ позднѣйшихъ періодовъ исторіи, на весь историческій процессъ можетъ быть установлено только послѣ тщательнаго пересмотра всего историческаго матеріала именно съ точки зрѣнія опредѣленія сравнительной роли въ развитіи человѣческаго общества различныхъ факторовъ. Это одна изъ назрѣвшихъ *теоретическихъ* задачъ исторической науки, но для выполненія ея сдѣлано еще не очень много, и дальнѣйшая работа потребуетъ не малаго времени. См. интересныя замѣчанія объ „экономическомъ построеніи исторіи“ въ уже цитированной книгѣ P. Barth, *Die Philosophie der Geschichte, als Sociologie* (стр. 284 и сл.). Ср. еще L. Stammler, *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung* (Leipzig, 1896).

даже привѣтствовать тотъ энтузіазмъ, который вносится въ работу его талантливыми, убѣжденными и добросовѣстными сторонниками, и который поднимаетъ общую энергію людей науки. Если приходится назвать невѣрнымъ и узкимъ взглядъ, низводящій въ разрядъ не только вторичныхъ, но и второстепенныхъ задачъ историческаго изслѣдованія всѣ явленія жизни народовъ, которыя прямо не связаны съ экономическимъ строемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не ожидать весьма цѣнныхъ плодовъ уже въ ближайшемъ будущемъ отъ сосредоточенія значительныхъ ученыхъ силъ на изученіи экономическихъ фактовъ исторіи, капитально важныхъ, но недостаточно извѣстныхъ. Надо еще прибавить къ сказанному, что привлеченіе къ исторической обработкѣ матеріала по экономической исторіи раскрыло болѣе полное понятіе о сущности историческаго процесса, позволило установить прочно и устойчиво „генетическое“ построеніе исторіи и вполне усвоить „эволюціонную“ точку зрѣнія взамѣнъ устарѣлаго „прагматизма“. Благодаря такому результату, можно надѣяться, что „культурная исторія“ въ дальнѣйшемъ будетъ изучаться и строиться, какъ цѣльная картина развитія человѣчества, и въ такомъ высшемъ единствѣ исчезнетъ неполнѣе справедливое и нежелательное рѣзкое противоположеніе между исторією соціального и духовнаго развитія. При этомъ вниманіе изслѣдователя снова съ удвоеннымъ интересомъ обратится къ разысканію новыхъ фактовъ и обновленному воссозданію міровыхъ теченій также умственной, нравственной и религіозной жизни людей, и въ такой благотворной работѣ наука дастъ человѣческому знанію много блестящихъ открытій и великихъ идей ¹⁾.

¹⁾ Предшествующія страницы, безъ сомнѣнія, не преслѣдуютъ цѣли самостоятельно и полно охарактеризовать различныя направленія, обнаруживающіяся въ современной исторіографіи. Это не требуется общимъ планомъ настоящей книги, это нарушило бы даже ея экономію. Онѣ должны только послужить къ выясненію точки зрѣнія, которою руководится авторъ, выступающій съ рядомъ этюдовъ изъ области экономической исторіи и вытекающійся продолжать дальнѣе свои работы въ кругу тѣхъ же вопросовъ во времена римской имперіи и въ средніе вѣка. Выпуская въ свѣтъ первый опытъ обработкѣ—нѣсколько новымъ способомъ—нѣкоторыя пункты исторіи римскаго землевладѣнія, онъ считаетъ себя обязаннымъ показать,

Изъ намѣченнаго только что пути, по которому совершалось въ развитіи исторической науки постепенное передвиженіе центра тяжести ученой работы отъ однихъ объектовъ къ другимъ, дѣлается понятнымъ, почему многіе вопросы экономической исторіи, въ частности касающіеся и классической древности, оказываются до сихъ поръ плохо разработанными или даже совсѣмъ не затронутыми. Но не одно не-

какъ понимаетъ онъ свою задачу при изученіи социально-экономическаго прошлаго древняго Рима, и какіе теоретическіе взгляды освѣщаютъ ему путь и руководятъ его работой. Для иллюстраціи сказаннаго можно припомнить здѣсь слова одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ социально-экономической исторіи, П. Н. Милюкова. Его опредѣленіе значенія историко-экономическихъ изслѣдованій и отношеніе къ материалистической концепціи исторіи выражаетъ наиболее правильное изъ возможныхъ теперь рѣшеній вопроса. Въ известной своей работѣ, „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго“ (Спб., 1892), онъ, „признавая вполне необходимымъ продолженіе работъ въ области культурной исторіи“, предпочитаетъ „употребить свой трудъ на разработку другой области, имѣющей во всякомъ случаѣ не меньшее теоретическое значеніе и (какъ ему кажется) болѣе близкое отношеніе къ *очереднымъ* вопросамъ исторической науки“. Это именно „изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, исторіи экономической и финансовой, исторіи социальной...“ (Предисловіе, стр. XIV). Въ предисловіи ко 2-му выпуску „Очерковъ по исторіи русской культуры“ тотъ же уважаемый ученый отказывается вводить „духовное“ изъ „матеріальнаго“ въ исторіи, точно такъ же, какъ рѣзко противопоставляетъ ихъ одно другому; онъ прибавляетъ дальше: „Можно, въ известномъ смыслѣ, согласиться, что весь процессъ человѣческой эволюціи совершается подъ вліяніемъ могущественнаго импульса, необходимости приспособиться къ окружающей средѣ. Но отношенія человѣка къ окружающей средѣ не ограничиваются одной только экономической потребностью. Въ человѣческой психикѣ отношенія эти являются настолько уже дифференцированными, что историкъ приходится отказаться отъ всякой надежды свести всѣ ихъ къ какому-то первобитному единству. Ему остается лишь слѣдить за параллельнымъ развитіемъ и дальѣйшимъ дифференцированіемъ много-различныхъ сторонъ человѣческой природы въ доступномъ его наблюденіямъ періодѣ социальнаго процесса“ (стр. 4). На предидущихъ страницахъ профессоръ Милюковъ мѣтко указываетъ методологическія ошибки и принципиальныя крайности экономическаго матеріализма и приписываетъ ему „важную, но временную“, преимущественно критическую „роль устраненія изъ соціологій послѣднихъ слѣдовъ метафизическихъ объясненій“. Не входя въ разборъ послѣдней оцѣнки, необходимо согласиться, что современный историкъ действительно долженъ разсматривать „соціальный“ и „идейный“ факторы исторіи, какъ самостоятельныя начала, и изучать каждый „во внутреннемъ развитіи“ и оба „во взаимодействіи“. Кроме того, выдвигая въ планъ своихъ историческихъ работъ на важное мѣсто социально-экономическія изслѣдованія, онъ пойдетъ по единственной дорогѣ, по которой будетъ выяснена истинная роль матеріальнаго фактора въ процессѣ исторіи.

равномѣрное распредѣленіе ученыхъ силъ около различныхъ основныхъ задачъ работы, объясняемое господствующими умственными вкусами и общественными настроеніями, обуславливало отсталость и неодинаково быстрое и успѣшное освѣщеніе отдѣльныхъ областей внутри данной отрасли знанія. Къ одностороннему развитію каждой изъ нихъ приводили также неправильно слагавшіяся условія взаимодѣйствія между различными науками.

Выше было указано, какъ сближеніе другъ съ другомъ отдѣльныхъ наукъ—права, философіи, политической экономіи, исторіи,—которое все болѣе и болѣе дѣлается характерною чертою умственного состоянія современности, оказываютъ сильное и полезное вліяніе на расширеніе горизонта, увеличеніе числа объектовъ и усовершенствованіе методовъ каждой изъ нихъ. Въ былыя же времена и даже еще недавно, наоборотъ, схоластическія перегородки, отдѣлявшія другъ отъ друга различные факультеты и строго разобщавшія сферы изслѣдованія хотя бы родственныхъ дисциплинъ, очень препятствовали свободной выработкѣ вѣрнаго и широкаго взгляда на область и цѣли каждой спеціальной науки, сознанию глубокой связи между ними и необходимости взаимной поддержки.

Замкнутость, въ которой происходила разработка каждою наукою подвѣдомственнаго ей матеріала, своеобразно отразилась на изученіи античнаго и преимущественно римскаго міра, который главнымъ образомъ имѣется здѣсь въ виду. Все, что относилось къ римской древности, долго считалось частною собственностью классическихъ филологовъ, и въ изученіи исторіи римскаго народа выдвигались преимущественно тѣ стороны, которыя ближе всего отвѣчали прямымъ интересамъ ихъ знанія. Вслѣдствіе этого, древняя исторія Рима долго не могла вырасти въ совершенно самостоятельную науку, которая находилась бы въ живомъ общеніи съ сосѣдними однородными съ нею, а занимала мѣсто какъ бы вспомогательной филологической дисциплины. Помимо разработки вопросовъ хронологическихъ и біографическихъ либо воспроизведенія такъ называемой внѣшней или политической исторіи, необходимыхъ для безпрепятственнаго толкованія произве-

деній классической литературы, она, правда, ставила также задачу изслѣдовать „внутреннее развитие Рима“. Но и тутъ ей приходилось подчиняться главной цѣли, т.е. служить познанію и уразумѣнію текстовъ авторовъ, такъ что она обращалась чаще всего въ „ученіе о древностяхъ“ („Alterthümer“, „Alterthumswissenschaft“). При этомъ установлена была постепенно строго опредѣленная схема, наиболѣе соотвѣтствующая такой именно цѣли. Она наложена была, такъ сказать, на древнюю исторію; въ рамкахъ ея классифицировался обрабатываемый матеріалъ, и она же влияла на самое направленіе работы. Нѣмецкая наука, стоящая въ нынѣшнемъ вѣкѣ несомнѣнно во главѣ филологическаго движенія, начертила именно три большіе круга, въ сферѣ которыхъ должно было совершаться изученіе историческаго развитія римскаго общества,—1) древности государственныя (Staatsalterthümer, Staatsrecht), 2) древности административнаго устройства (Staatsverwaltung) и 3) древности частнаго быта (Privatalterthümer). Къ этимъ рубрикамъ тѣмъ или инымъ способомъ подгонялись различные вопросы, выясненіе которыхъ требовалось для прогресса филологіи прежде всего. Такая система въ значительной степени предопредѣляла пути для исходившихъ изъ нея многочисленныхъ монографическихъ разысканій, и она не давала простора для введенія въ область изображенія экономическихъ институтовъ, прямо не укладывавшихся въ схему; самостоятельнаго же мѣста она имъ не предоставляла, такъ какъ разъясненіе ихъ менѣе было важно для интерпретации писателей. Ученые, занимавшіеся римскою исторіею, почти всѣ безъ исключенія принадлежали къ разряду чистыхъ филологовъ, и они охотно подчинялись уже готовымъ и удобнымъ для нихъ рамкамъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что не рутинна сама по себѣ удерживала на показанной дорогѣ такъ долго. Давно бы нашлись, конечно, среди даровитыхъ специалистовъ по римской древности самостоятельные умы и смѣлые инициаторы, которые разорвали бы старыя рамки и начертали бы новые планы; но ихъ удерживали на старомъ пути огромныя трудности, которыя оказалось необходимо преодолѣть, чтобы окончателно его проложить. Пришлось

потратить массу работы на то, чтобы осмыслить и выяснить устройство и управление римскаго государства и развитие внѣшняго быта и умственной культуры римлянъ. Въ этой области сдѣлаво было великое научное дѣло, которое и составляетъ огромную заслугу филологовъ и по отношенію къ исторіи; но сложность задачи, поглощавшей всѣ силы на разработку пунктовъ, раньше всего поставленныхъ впередъ, долго мѣшала замѣтить существенное упущеніе въ классификаціи, санкціонированной авторитетомъ великихъ учителей.

Извнѣ до послѣднихъ временъ только юристы вносили нѣчто капитально новое въ область познанія римской древности. Важная роль, которую играло римское право въ юридическомъ развитіи народовъ новой Европы, вызвало появленіе уже много вѣковъ тому назадъ, именно въ эпоху возрожденія и рецепціи римскаго права въ различныхъ странахъ, знаменитой школы „романистовъ“. ¹⁾ Легисты и глоссаторы, государственные практики и ученые, они смѣняли другъ друга вмѣстѣ со смѣною поколѣній, непрерывно поддерживаясь и развиваясь вплоть до настоящаго времени. Отправляясь отъ изученія и толкованія великихъ законодательныхъ памятниковъ—Юстиніанова свода и преимущественно Институцій и Дигестъ,—они создали постепенно громадную науку догмы и философіи гражданскаго права древняго Рима и его историческаго развитія, достигшую въ настоящемъ вѣкѣ высокаго совершенства. Затрогивая по необходимости и публичное право, они неизбежно соприкасались съ трудами филологовъ, работавшихъ надъ государственными древностями, и, само собою, содѣйствовали созданію римской исторіи, какъ отдѣльной отрасли изученія античнаго міра ²⁾. Но и юристы, въ большинствѣ случаевъ, оста-

¹⁾ См. объ этомъ, между прочимъ, книгу *J. Flach*, „*Études critiques sur l'histoire du droit romain au moyen âge*“ (Paris, 1890).

²⁾ Можно даже сказать о самомъ Моммзенѣ, что одною изъ главныхъ и наиболее характерныхъ особенностей его метода должно быть названо призываніе юридическихъ нормъ къ изслѣдованію и истолкованію историческихъ явленій. Тонкость и глубина правового чутія, оригинальность и смѣлость юридической интерпретаціи и вразительное искусство съ замѣчательною вѣрностью воспринимать и рѣдкою яркостью воспроизводить происхожденіе и развитіе го-

вались далекими отъ постоянного интереса къ прямому изслѣдованію соціально-экономической исторіи Рима ¹⁾. Ученые же экономисты посвящали свои силы, главнымъ образомъ, выработку теоретическихъ принциповъ экономической науки, а не воспроизведенію исторіи экономического быта. Тѣ же изъ нихъ, которые пытались установить историческій методъ въ области своихъ изысканій, обыкновенно не обладали спеціальною подготовкою, необходимою для оперированія надъ матеріаломъ, состоящимъ изъ классическихъ текстовъ, и, поэтому, предпочитали обращаться къ изслѣдованію болѣе новыхъ періодовъ ²⁾. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что и въ средѣ самихъ ближайшихъ дѣятелей и двигателей исторической науки почти до послѣдняго времени господствовало полное разобщеніе между изслѣдователями различныхъ отдѣловъ ея. Поэтому ученые медіэвисты, уже работавшіе надъ историко-экономическими вопросами, мало интересовались римскою соціально-экономическою стариною. Отчасти это происходило вслѣдствіе долгаго преобладанія въ исторіографіи взглядовъ германистовъ, на что уже было обращено вниманіе при оцѣнкѣ значенія научной дѣятельности Фюстель де Куланжа. Но, главнымъ образомъ, такое продолжительное равнодушіе ихъ къ соціальной исторіи древняго Рима объясняется медленнымъ проникновеніемъ въ сознаніе даже представителей научной специальности идеи о всемірной исторіи, какъ цѣльномъ и единомъ процессѣ: слишкомъ поздно сплотило ихъ убѣжденіе въ необходимости строго генетическаго изученія исторіи съ цѣлью опредѣленія внутренней, живой и нерасторжимой связи между ея частями, вмѣсто замыканія работы въ тѣсныя рамки устарѣлой періодизаціи, чтобы такая идея могла уже теперь дать рѣшительные результаты.

сударственного устройства и публично-правовыхъ идей составляютъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ элементовъ его геніальности.

¹⁾ Въ исторіографическомъ очеркѣ было отмѣчено, что историки римскаго права лишь рѣдко ставили своею задачею параллельное изученіе развитія соціального строя.

²⁾ Работы знаменитаго нѣмецкаго экономиста, Родбертуса-Ягетцова, по политической экономіи классической древности, какъ указано уже и выше, представляютъ явленіе почти совершенно исключительное.

Такъ или иначе, но въ силу отмѣченныхъ общихъ причинъ и, можетъ быть, различныхъ еще другихъ болѣе специальныхъ обстоятельствъ, экономическое развитіе Рима остается до сихъ поръ мало разработаннымъ, и слѣдуетъ повторить, что серьезная постановка его разъясненія должна теперь быть очереднымъ дѣломъ ученыхъ, занимающихся римской древностью со всемірно-исторической точки зрѣнія. Въ ряду же отдѣльныхъ задачъ, представляющихся разрѣшенію соціального историка Рима, первую и самую существенную открывається именно изслѣдованіе землевладѣнія. Оно дѣйствительно было самымъ могущественнымъ факторомъ экономической жизни народовъ римскаго міра, оказывало глубокое дѣйствіе на развитіе всѣхъ остальныхъ сторонъ общественнаго строя римскаго государства, и формы его черезъ римскія вліянія обусловили многія основныя особенности соціальной эволюціи средневѣковой Европы ¹⁾.

¹⁾ Древній Римъ несомнѣнно былъ отъ начала до конца своей исторіи государствомъ *земледѣльческимъ* и *землевлладѣльческимъ*. Громадное большинство его гражданъ въ первоначальный періодъ жило личною работою на землѣ, составляла *крестьянскую общину*, а въ послѣдствіи сила и степень власти человѣка надъ землею, т.-е. *земельная собственность*, обуславливала могущество и значеніе личности въ обществѣ, и всегда извѣстное отношеніе человѣка къ землѣ опредѣляло его соціальное мѣсто. Эта господствующая черта экономического быта вырабатывала особый складъ гражданскаго устройства Вѣчнаго города, налагала глубокую печать на національный характеръ римлянина, вселяла въ него любовь къ землѣ, порождала стойкую борьбу за обладаніе ею и ростила уверенный духъ земельного стяжанія, который сыгралъ немаловажную роль и въ позднѣйшемъ развитіи римскаго общества. Положеніе, — что *земледѣліе* было занятіемъ, которому римляне предавались во всѣ періоды своей исторіи, и на которое они смотрѣли, какъ на главный источникъ жизни, — является уже теперь безспорнымъ для каждаго научно-образованнаго человѣка на западѣ. Мы встрѣчаемъ его формулированнымъ даже въ учебникахъ. См. напр. *Robiou et Delamare*, Manuel des instit. rom. (t. III, 1-ère partie, préf.) или *M. Voigt*, Römische Privatalterthümer (*во. Mueller's Handbuch*, 2 Aufl. IV, 2, p. 289). Однако такое представленіе, по видимому, еще не укрѣпилось въ русской исторической литературѣ. По крайней мѣрѣ, въ одной довольно объемистой книгѣ, появившейся въ Петербургѣ въ 1897-мъ году, приходится читать слѣдующія довольно изумительныя строки: „Поглощенный одною мыслью, одною заботой (т.-е. именно дѣлюю осуществить идею мирового господства), Римъ презиралъ торговлю, промышленность, *земледѣліе*, науку, искусство, инстинктивно чувствуя, что эти во общему праву творческія начала по своимъ мирнымъ свойствамъ представляютъ начало, развѣдающее для той воинской, по выраженію Спенсера, организаціи государства, которую навсегда старался удержать *народъ-сол-*

Приступая къ работѣ надъ областью, во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не разслѣдованною, въ нѣкоторыхъ лишь—слегка

дать“. См. В. М. Грибовскій, „Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ“, стр. 36. Слова эти напоминаютъ рассказъ старыхъ учебниковъ или дѣтскихъ книжекъ, о томъ, что Римъ былъ основанъ шайкой разбойниковъ, которые и потомкамъ передали исключительно кровавые навыки; они обнаруживаютъ полное незнакомство автора съ римскою исторіею. Онъ, должно быть, забылъ не-многія, но превосходныя страницы въ „Römische Geschichte“ Моммзена, посвященныя описанію римскаго земледѣлія, и между прочимъ блестящую мысль знаменитаго историка, что „многіе народы побѣждали и завоевывали, но ни одинъ изъ нихъ такъ не срослася съ завоеванною почвою, обрабатывая ее въ потѣ лица и какъ бы второй разъ приобретаая плугомъ то, что захвачено было вошьемъ“, какъ именно римляне. Авторъ говоритъ (Ibid.), что римляне перенесли всегда порядокъ лагеря въ общественныя отношенія, а изученіе исторіи показало бы ему, что римлянинъ былъ прежде пахаремъ, чѣмъ солдатомъ (*Karlowa*, *Römische Rechtsgeschichte*, II, 354), что необходимость защищать земледѣліе заставляла его взяться за оружіе (*R. Pöhlmann*, *Die Anfänge Roms*, Erlangen, 1881, p. 25), а потребность расширить его сдѣлала его завоевателемъ (*M. Weber*, *Römische Agrargeschichte*, Stuttgart, 1891, p. 68). Здѣсь не мѣсто систематически опровергать такое странное воззрѣніе, не имѣющее ничего общаго съ наукой: настоящая книга даетъ частный отвѣтъ на него; а относительно самой отдаленной римской древности нишущій эти строки можетъ сослаться на свои статьи, помѣщенныя въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ (сент. и окт.); въ нихъ дѣлается попытка свода данныхъ о первоначальномъ римскомъ крестьянствѣ, имѣющая цѣлью показать первостепенное мѣсто, которое занимало земледѣліе въ жизни древнихъ римлянъ. Что же касается прервннн римлянъ къ торговлѣ, то одинъ бѣглый взглядъ, брошенный въ соответствующіе отдѣлы общедоступныхъ компендіумовъ по римскимъ древностямъ (напримѣръ, въ руководства Марквардта, „*Römische Staatsverwaltung*“, или Фойгта, „*Römische Privatalterthümer*“) показавъ бы г. Грибовскому, что какъ разъ противоположное вѣрно. Пусть онъ еще взглянетъ, напримѣръ, въ спеціальную монографію французскаго юриста *A. Deloume*, „*Les manieurs d'argent à Rome*“ (2 éd., Paris, 1892), и даже эта довольно посредственная книга отлично покажетъ ему, какъ умѣлъ Римъ организовать торговныя дѣла, блестящаго развитія которыхъ г. Грибовскій не замѣтилъ въ исторіи римлянъ, ослабленный и оглушенный, должно быть, блескомъ и шумомъ ихъ оружія. Не даромъ Фюстель де Куланжъ часто повторяетъ, что римляне были едва ли не лучшими торговцами и финансистами, чѣмъ воителями (см., напр., *L'invasion germanique et la fin de l'empire*, p. 208: „*Le fond du caractère romain n'était pas l'amour de la guerre, c'était l'amour de l'argent*“). Встрѣтить доказательство такого коренного незнанія самой сути внутренней жизни Рима въ популярной статьѣ, не претендующей на научное достоинство, можетъ быть, не очень поразило бы у насъ читателя, хорошо освѣдомленнаго о нашихъ литературныхъ обычаяхъ. Но подобнаго рода идея, развиваемая въ ученое „опитѣ историко-догматическаго изслѣдованія“, написанное преподавателемъ университета, вызываетъ истинное удивленіе. А то обстоятельство, что книга представляетъ диссертацию, доставившую автору ученую степенъ, свидѣтельствуесть

затронутою наукою, социальный историкъ Рима долженъ предвидѣть тѣ трудности, которыя ему предстоятъ, и которыя многоразличны и внушительны.

Первая изъ нихъ лежитъ глубоко въ самой основѣ темы и быстро обнаруживается при обращеніи къ подлиннымъ источникамъ, то-есть, древнимъ „текстамъ“, въ которыхъ остаются слѣды развитія и организаціи землевладѣнія. Ихъ оказывается очень много, и они весьма разнообразны, но извѣстія отличаются отрывочностью, а иногда самый памятникъ, въ которомъ сохраняется фактъ, дошелъ до насъ лишь въ фрагментарномъ видѣ. Вслѣдствіе этого приходится очень тщательно собирать свѣдѣнія въ документахъ всѣхъ категорій, дорожа каждымъ свидѣтельствомъ, какъ бы ничтожно оно ни казалось съ перваго взгляда. Приходится знакомиться цѣликомъ съ обширными законодательными сводами V-го и VI-го вѣковъ, стараясь выискать, подмѣтить и ухватить весь подходящий прямо или косвенно матеріалъ, заключающийся въ различныхъ отдѣлахъ кодексовъ, то-есть, въ главахъ и статьяхъ, относящихся ко всевозможнымъ сторонамъ быта. Параллельно съ этимъ должны изучаться весьма внимательно ученые трактаты и комментаріи римскихъ юрис-

о невысокомъ уровнѣ требовательности нашего научнаго спроса. Было бы, пожалуй, не такъ странно, если бы выписанное утвержденіе незамѣтно проскользнуло въ текстъ сочиненія, какъ неосторожное замѣчаніе о предметѣ третьестепенномъ въ планѣ изслѣдованія. Но характеристика „романизма“ является важнымъ вопросомъ въ работѣ г. Грибовскаго, который сравниваетъ его съ „эллинизмомъ“ и оцѣниваетъ всемірно-историческое вліяніе обоихъ. Какова же можетъ быть эта оцѣнка, если „римскій духъ“ изображается ише приведенными чертами, и какъ можетъ быть понята авторомъ культурная роль Рима въ дѣлѣ распространенія эллинской образованности, когда онъ думаетъ, что римляне также съ презрѣніемъ смотрѣли на грековъ, называя ихъ „варварами“ (стр. 55), между тѣмъ какъ опять развѣ только обратное справедливо? Что другіе вопросы, составляющіе содержаніе сочиненія г. Грибовскаго, разработаны нисколько не лучше, чѣмъ указанный, въ этомъ можно удостовѣриться изъ рецензій Э. Д. Грима въ журналѣ „Византійскій Временникъ“ за 1897 г. Когда наталкиваешься на такого рода смѣлыя противъ истиннаго свидѣтельства въ русскихъ сочиненіяхъ съ „учеными притязаніями“, невольно укрѣпишься въ убѣжденіи, что у насъ полезно и необходимо даже просто знакомить интересующихся наукою въ обобщенномъ видѣ съ тѣмъ, что сдѣлано на западѣ, а не только стремиться сотрудничать съ западными учеными въ дѣлѣ разработки не изслѣдованныхъ періодовъ, вопросовъ и пунктовъ.

консультовъ. Необходимо прочитывать вслѣдъ за тѣмъ одни за другимъ огромные фоліанты эпиграфическихъ сборниковъ, прослѣживая надпись за надписью и не довѣряясь указателямъ, составители которыхъ, привыкшіе къ установившимся схемамъ, вовсе не имѣли въ виду классифицировать тексты, сообщающіе данныя по аграрному вопросу. Затѣмъ обязательно углубляться въ изученіе значительной массы литературныхъ источниковъ, сочиненій историковъ, поэтовъ, философовъ, ораторовъ, эпистолографовъ, панегиристовъ, агрименсоровъ, сельско-хозяйственныхъ писателей, географовъ, натуралистовъ и т. д. Кромѣ того, нельзя избѣгать ознакомленія съ специальною христіанскою литературою—произведениями апологетовъ, проповѣдниковъ, богослововъ, хрониками церковныхъ историковъ, житіями святыхъ, твореніями Отцовъ церкви и т. под. Невозможно устранить помимо латинскихъ, многочисленные греческіе источники, относящіеся къ римскому времени: не говоря уже о литературныхъ памятникахъ, т.-е. авторахъ, писавшихъ на греческомъ языкѣ, безусловно слѣдуетъ вчитываться и въ греческіе эпиграфическіе тексты, которые, какъ извѣстно, въ высшей степени трудно пересмотрѣть систематически въ виду отсутствія полныхъ изданій и помогающихъ работъ указателей; равнымъ образомъ неизбѣжно привлекать къ дѣлу имѣющіеся греческіе юридическіе документы, хотя бы они были поздняго происхожденія. Наконецъ, нельзя уклоняться отъ сравнительнаго изученія на ряду съ матеріаломъ, почерпаемымъ въ источникахъ всѣхъ указанныхъ классовъ, данныхъ, содержащихся въ произведеніяхъ и сборникахъ древнѣйшаго средне-вѣковья: лѣтописи, кодексы, писцовыя книги, грамоты, даже поэтическія сочиненія, возникшія на западѣ и въ Византіи, даютъ нерѣдко очень цѣнныя косвенныя свидѣтельства и допускаютъ любопытныя и важныя обратныя заключенія. Словомъ, трудъ, требующійся для одного первоначальнаго собиранія матеріаловъ, оказывается очень значительнымъ, а въ результатѣ его все-таки получится сумма фактовъ, далеко недостаточная для того, чтобы отдѣльныя ея слагаемыя могли быть слиты въ цѣльную картину. Они будутъ представлять лишь обломки (*disiecta membra*) огромной мозаики, которую

нельзя всю точно сложить, такъ какъ множества кусковъ ея не хватаетъ. Надобно будетъ многое строить воображеніемъ, воспроизводить гипотетически, чтобы заполнить пустыя мѣста, которыя всегда являются большимъ препятствіемъ при истолкованіи даже сохранившихся рисунковъ и ихъ частей.

Другая трудность задачи историка земельного строя въ римскомъ мірѣ раскрывается при обработкѣ собраннаго матеріала и происходитъ отъ неустановленности метода такого рода историко-экономическаго изслѣдованія классической древности. Многіе изъ детальныя приемы работы должны быть тутъ создаваемы вновь, другіе приспособляемы заново, чтобы постепенно выработаться въ особую систему. Приходится, на примѣръ, примѣнять и видоизмѣнять, въ цѣляхъ „историческаго“ изученія, понятія, взятые изъ другой науки—политической экономіи, съ которыми эта послѣдняя орудовала до сихъ поръ главнымъ образомъ при „догматическихъ“ построеніяхъ. Рядомъ съ этимъ надобно пользоваться понятіями правовыми и ихъ вводить въ сферу разысканія экономическаго явленія, рассматривая послѣднее не только аналитически, но и генетически, прилагая къ работѣ всѣ разнообразныя средства юридической интерпретаціи памятниковъ и прибѣгая къ конструкціямъ науки права для возсозданія исчезнувшихъ учреждений. Затѣмъ еще необходимо перелагать и перерабатывать при операціяхъ надъ римскими данными историко-экономическіе способы изслѣдованія, сложившіеся на практикѣ изученія земельного развитія по памятникамъ другихъ періодовъ и вѣковъ: такъ что разработка, положимъ, средне-вѣковыхъ хозяйственныхъ порядковъ историками или изображеніе современнаго хозяйства экономистами должны служить образцами тѣхъ путей, которыми лучше всего возможно подойти къ освѣщенію и выясненію древне-римскаго аграрнаго прошлаго ¹⁾). Помимо всего сказаннаго надо еще отмѣтить,

¹⁾ Между тѣмъ такого рода примѣненіе понятій, схемъ и методовъ, выработанныхъ на другой почвѣ, въ рассмотрѣніи римской древности далеко не просто и не легко. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе экономической исторіи другихъ періодовъ производилось до сихъ поръ преимущественно или въ области верховнаго права, или въ области феодальнаго строя, или въ области нѣкѣихъ капиталистическихъ отношеній, которыя всѣ должны значительно

что вслѣдствіе именно особенностей подлинныхъ текстовъ, съ которыми обращается изслѣдователь соціальной исторіи Рима, онъ долженъ наравнѣ съ умѣніемъ владѣть приемами исторической, правовой и экономической науки, свободно распоряжаться и филологическимъ методомъ, придерживаясь во всей ихъ строгости правилъ ученой эмендаци авторовъ и эпиграфическихъ документовъ.

Въ заключеніе требуется еще указать, что не мало затрудненій встрѣтится на дорогѣ историка римскаго землевладѣнія, когда онъ будетъ приступать къ построению результатовъ работы. Архитектоническія трудности при изображеніи аграрной эволюціи римскаго государства вытекаютъ изъ того, что земельныя отношенія окрашивали своимъ вліяніемъ *est* его институты, и формы земельного строя въ свою очередь испытывали на себѣ обратное воздѣйствіе этихъ институтовъ. Благодаря этому приходится работать на очень сложной почвѣ, познаніе которой возможно для историка только при наличности у него разнообразной и глубокой

отличаться (по крайней мѣрѣ, что касается комбинаціи составныхъ элементовъ) отъ матеріальнаго и соціальнаго быта римскаго государства и общества особенно во время ихъ расцвѣта и паденія.—Надо сказать болѣе: до настоящаго времени не полученъ ясный отвѣтъ даже въ самой общей формѣ на только что упомянутый очень важный вопросъ. Мы не знаемъ еще окончательно, представляла ли реально экономическая дѣйствительность римской древности существенныя черты вполнѣ оригинальнаго склада, которыя заставляли бы и подходить къ изученію ея, находясь подъ руководствомъ особнхъ идей и прилагая индивидуализированные способы анализа; или возможно предполагать, что основаніе устой хозяйственнаго строя были въ античномъ государствѣ и обществѣ тѣ же, что и въ настоящемъ, такъ что допустимо работать при истолкованіи ихъ одинаковыми орудіями изслѣдованія, пользоваться тѣми же категоріями, которыя выработаны экономической наукою при изученіи современности. Подтвержденіемъ такой неустановленности руководящихъ понятій въ данной области являются противоположныя отвѣты на только что указанный вопросъ, высказанные въ послѣдніе годы двумя такими выдающимися и вполнѣ компетентными учеными, какъ Карлъ Бюхеръ и Эдуардъ Мейеръ. Сочиненіе первого названо выше въ очеркѣ литературы; второй помѣстилъ въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ за 1895-й годъ любопытный этюдъ—„Die wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums“, вышедшій потомъ отдѣльною брошюрой, въ которомъ авторъ рѣшительно вооружается противъ взгляда К. Бюхера о радикальной противоположности между хозяйственнымъ развитіемъ древности и новыхъ временъ. Ср. замѣтку Л. М. Гартмана на только что цитированную работу Э. Мейера въ „Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“ за 1895-й годъ. Оба взгляда будутъ разобраны въ заключительномъ отдѣлѣ настоящей книги.

эрудиции. Даже когда онъ обладаетъ ею въ высокой степени; очень нелегкою остается задача выработать такой широкій и законченный планъ изображенія даннаго явленія, который выросталъ бы своими корнями изъ различныхъ слоевъ этой почвы и объединялся бы въ одинъ стволъ съ стройно распределенными вѣтвями, образуя изъ себя органически живое цѣлое.

Ясное сознаніе всѣхъ перечисленныхъ условий, дѣлающихъ изученіе развитія римскаго землевладѣнія весьма трудною историческою проблемою, заставляетъ рядового научнаго работника чувствовать невольную робость при вступленіи въ означенную недостаточно еще изученную область. И только убѣжденіе въ великой важности сосредоточенія добросовѣстнаго ученаго труда возможно большаго числа специалистовъ на выясненіи вопроса, ставшаго на одну изъ первыхъ очередей, даетъ ему силу взяться за посильное его разслѣдованіе, несмотря на хорошо ощущаемыя въ себѣ различныя несовершенства.

3. Вѣрное представленіе о состояніи разработки исторіи римскаго землевладѣнія въ современной наукѣ, соединенное съ истиннымъ пониманіемъ великаго значенія этого вопроса не только для познанія исторіи римскаго міра, но и для уразумѣнія связи между социальнымъ строемъ древности и образованіемъ государства и общества народовъ новой Европы могутъ оказать существенную научную услугу. Обоиими этими выводами устанавливается важность спеціальнаго направленія вниманія на данную капитальную и трудную задачу, до сихъ поръ однако не разрѣшенную и даже не поставленную въ настоящемъ видѣ и полнотѣ. Выясненіе только что указанныхъ пунктовъ опредѣляетъ и ближайшую цѣль историка, который желалъ бы направить свои усилія на обработку именно означенной области историческаго вѣдѣнія. Всемирно-историческая важность самой проблемы покажетъ ему, что настало время позаботиться о созданіи широкаго плана ея изслѣдованія въ видахъ обобщеннаго построенія. Сложность ея состава и неразработанность многихъ ея элементовъ или частей обнару-

жить передъ его взоромъ необходимость осторожно двигаться впередъ при выполненіи начертываемой общей программы и вдаваться нерѣдко въ самостоятельныя частныя разысканія при отдѣлкѣ деталей послѣдней. Такимъ образомъ критическое отношеніе къ основной цѣли труда обусловитъ и его внутреннюю сущность, и приемы, какими онъ будетъ подготавливаться и постепенно приводиться къ осуществленію. Крупное и общее сочиненіе по исторіи римскаго землевладѣнія будетъ медленно выростать изъ совокупности монографическихъ работъ, образующихъ постепенно стройное цѣлое въ силу объединяющаго дѣйствія конечной задачи и руководящей идеи.

Исходя изъ убѣжденія въ необходимости добиваться при дальнѣйшемъ изображеніи исторіи земельного развитія римскаго міра обобщенной картины его, можно выбирать различные способы, намѣчать неодинаковые пути. Вопросъ можетъ захватываться систематически весь и изучаться, такъ сказать, вся внутренняя природа явленія въ его происхожденіи и эволюціи и въ его распространеніи на всей территоріи римскаго государства. Такъ будетъ достигаться изолированное наблюденіе предмета и воспроизведеніе явленія, какъ самостоятельной формы исторической жизни въ опредѣленной культурной средѣ, въ данныхъ предѣлахъ пространства и времени. Такова, повидимому, точка зрѣнія профессора Гиро, работающаго теперь, какъ было указано выше, надъ общою исторіею землевладѣнія во всемъ римскомъ мірѣ съ древнѣйшаго періода до паденія имперіи. Но возможно дѣйствовать иначе, находясь въ томъ же кругу изслѣдованія и ставя ту же цѣль, то-есть стремясь къ обобщенному представленію вопроса. Возможно выдѣлить одно изъ наиболѣе существенныхъ теченій въ процессѣ земельной эволюціи и разсматривать его не только во внутренней послѣдовательности развитія, но и въ тѣсномъ взаимодействіи съ другими явленіями исторической жизни народовъ римскаго міра, а также въ связи съ уясненіемъ значенія, которое принадлежитъ изучаемому вопросу, какъ фактору прогресса и упадка римскаго общественнаго строя, и какъ прецеденту соціальнаго развитія средневѣковыхъ государственныхъ и національныхъ

организмовъ.—Такова точка зрѣнія автора настоящей книги въ задуманномъ имъ большомъ трудѣ изъ экономической исторіи римскаго міра, для котораго эта книга является лишь одною изъ подготовительныхъ работъ. Примѣненіе ея суживаетъ полноту систематическаго обзрѣнія, но расширяетъ удобство эволюціоннаго изученія, опредѣленія взаимоотношеній между различными силами, творящими процессъ исторіи, въ рамкахъ извѣстнаго періода и преемственной зависимости между періодами сосѣдними.—Поэтому объ эти точки зрѣнія имѣютъ серьезное и неотъемлемое право на совмѣстное существованіе и развитіе.

Важнымъ систематизирующимъ терминомъ для объединительнаго построенія второго рода представляется автору первостепенный въ исторіи римскаго міра и до сихъ поръ недостаточно разъясненный вопросъ о развитіи императорскаго землевладѣнія и его соціальной роли. Изслѣдованіе этой проблемы, поставленное въ связь съ исторією экономического положенія народной массы и социально-политического развитія аристократическихъ классовъ, можетъ привести, съ одной стороны, если не къ новой теоріи о паденіи римской имперіи, то къ новому пониманію многихъ изъ главнѣйшихъ причинъ этого великаго всемірно-историческаго кризиса и ихъ реальной комбинаціи. Съ другой стороны, разсмотрѣніе результатовъ, къ которому привело развитіе указаннаго явленія въ эпоху распадѣнія великаго государства, броситъ несомнѣнно новый и яркій свѣтъ въ далекую и до сихъ поръ темную глубь первоначальной исторіи европейскихъ народовъ и тѣмъ будетъ содѣйствовать твердому и окончательному рѣшенію основного вопроса объ участіи римскихъ началъ въ эмбриогеніи средневѣкового строя.—Такимъ образомъ около названнаго предмета и обозначенной задачи слагается обширная схема соціально-исторической работы въ области сравнительной исторіи земельных классовъ древней и новой Европы, способная занять трудъ цѣлой ученой жизни. Успѣшный результатъ такого труда можетъ не только сильно подвинуть впередъ уясненіе и изображеніе хода всемірно-исторической эволюціи культурнаго человѣчества, но также дать важный идейный матеріалъ

для раскрытія и формулировки общихъ законовъ, по которымъ оно должно совершаться всегда и вездѣ.

Работая надъ трудной темою въ такой общей ея постановкѣ, какъ было указано, нельзя ограничиться систематическимъ собираніемъ всего относящагося къ ней матеріала и ровнымъ послѣдовательнымъ анализомъ его, равномерно двигаясь до конца, симметрично подготавливая планъ и выводя части зданія въ ихъ планомѣрномъ порядкѣ одну за другой.— Вслѣдствіе того, что многія стороны великаго вопроса до сихъ поръ изучались лишь поверхностно, а серьезныя недоумѣнія разрѣшались почти а priori, добытые или придуманные отвѣты никакъ не могутъ войти въ составъ новаго построенія. Поэтому на каждомъ шагу открывается необходимость останавливаться и углубляться въ частныя экскурсы. Такимъ путемъ изъ тщательнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ важныхъ, а иной разъ даже и второстепенныхъ, повидимому, пунктовъ удается получить свѣтъ, который разливается широко вокругъ и озаряетъ обширный горизонтъ на дорогѣ, по которой надобно идти дальше впередъ. Изъ подобныхъ специальныхъ разысканій сами собою (именно благодаря неизслѣдованности данной научной территоріи) вырастаютъ самостоятельныя этюды. Одни изъ нихъ могутъ сосредоточиваться на толкованіи опредѣленнаго источника—юридическаго, литературнаго или эпиграфическаго, и анализировать его, какъ матеріалъ для исторіи землевладѣнія; другіе—централизовать вниманіе около какой-нибудь исторической личности, на жизни которой особенно ярко отражается социальная роль землевладѣнія, и экономическая біографія которой воплощаетъ наиболѣе типичныя его формы; третьи—поставить цѣлью разъясненіе какой-нибудь особенно темной области въ общей суммѣ вопросовъ, изъ совокупности которыхъ слагается вся проблема, или подробнаго анализа какого-нибудь особенно сложнаго процесса, входящаго въ составъ самаго явленія.

Каждому историку, избравшему своею специальностью познаніе аграрнаго прошлаго Рима, почти неизбѣжно подвигать работу именно такимъ способомъ. Настоящее сочиненіе, которое отдается на судъ нашей ученой критики, и предлагается вниманію образованныхъ людей, интересующихся ис-

торією, — является именно попыткой группировки нѣсколькихъ подобныхъ „очерковъ“, возникшихъ и развившихся во время общаго хода основной работы вводныхъ и вспомогательныхъ разысканій („Vorstudien“, „Nebenstudien“), подготавливающихъ широкое синтетическое изображеніе предмета ¹⁾. Оно должно заключать въ полномъ видѣ четыре подобныхъ частныхъ изслѣдованій, связанныхъ, однако, между собою единствомъ общей задачи. Стремленіе найти положительный отвѣтъ на коренной вопросъ, дѣйствительно ли и насколько крупная земельная собственность была силою, объединявшею около себя все экономическое развитіе римской древности, служить органомъ такой связи. Объ этомъ много говорили, такъ что тезисъ о торжествѣ крупнаго помѣстья (латифундіи), какъ причинѣ паденія имперіи, успѣлъ сдѣлаться даже банальнымъ историческимъ образомъ. Но на самомъ дѣлѣ истина эта являлась въ значительной степени пустою фразою, которую лишь въ самое послѣднее время стали пытаться обосновать или опровергнуть данными и приемами, достойными науки, и для окончательнаго утвержденія которой потребуется еще немало труда.

Переходя къ опредѣленію содержанія отдѣльныхъ этюдовъ, въ которыхъ выполняется планъ означенной работы, нужно дать слѣдующія разъясненія о специальной цѣли, поставленной каждому. Первое звено указываемой четырехчленной схемы представляетъ попытку на примѣрѣ изученія всего матеріала, который даютъ для воссозданія исторіи землевладѣнія стихотворенія Горация, обнаружить, въ какихъ формахъ рисовался земельный строй въ моментъ утвержденія имперіи одному изъ наиболѣе сознательныхъ, заинтересованныхъ и освѣ-

¹⁾ Конечно, такъ дѣлается и вообще или въ большинствѣ случаевъ при изученіи всякаго періода и всякаго большаго историческаго вопроса. Сначала онъ изслѣдуется монографически однимъ ученымъ, а потомъ обобщается другими. Но въ спеціальному смыслѣ было бы прекрасно, еслибы каждый научный работникъ самъ по себѣ, разъ онъ предпринимаетъ трудъ, крупный по задачѣ, въ своей личной работѣ проходилъ обѣ эти ступени: ступень предварительной разясненія темы, а затѣмъ окончательной ея обработки. Образецъ такого распределенія формъ и цѣлей научной дѣятельности даетъ опять же Фюстель де Куланжъ на примѣрѣ своихъ „частныхъ изслѣдованій“ (*Recherches, Nouvelles recherches, Questions*), какъ бы создающихъ фундаментъ для общаго изучаемаго дѣла его жизни (*Institutions politiques de l'ancienne France*).

домленныхъ свидѣтелей-современниковъ. — Второй очеркъ, посвященный воспроизведенію исторіи состоянія Аттика, знаменитаго друга Цицерона, даетъ возможность сосредоточиться на детальномъ изученіи соціального положенія и вліянія одного изъ носителей того экономическаго строя, общую картину котораго лишь эскизно начертываетъ Горацій. — Затѣмъ третій этюдъ естественно ставитъ задачу обобщающаго характера, предлагая отвѣтъ на вопросъ объ образованіи большого помѣстья въ республиканскій періодъ исторіи Рима и о распространеніи крупныхъ формъ собственности во всемъ римскомъ мірѣ ко времени утвержденія имперіи. — Наконецъ, четвертое изслѣдованіе разсматриваемой группы должно въ заключеніе описать самый организмъ латифундіи, какою она сложилась уже къ началу II-го вѣка послѣ Р. Хр., уразумѣть ея внутреннюю жизнь и показать воздѣйствіе ея на окружающій соціальный міръ; чтобы придать послѣднему экскурсу характеръ живой индивидуальности, его удобно приурочить также къ изображенію имущественной біографіи и земельного богатства одного изъ типичнѣйшихъ представителей римскаго магнатства первой половины императорскаго періода, а именно Плинія Младшаго. — Такимъ образомъ, первые два этюда направлены къ отчетливому констатированію факта утвержденія крупнаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ уже до великаго событія, составившаго поворотный пунктъ въ его исторіи (т.-е. до основанія имперіи); третій—къ болѣе полному и систематическому изученію происхожденія и развитія этого замѣчательнаго явленія; четвертый—къ формулировкѣ соціально-историческихъ результатовъ его укрѣпленія и торжества.

Первоначально авторъ предполагалъ, что окажется возможнымъ помѣстить всѣ перечисленные очерки въ одной книгѣ. Но ближайшая обработка матеріала убѣдила его въ необходимости расширить рамки изложенія. Третья часть, особенно значительно разросшаяся, составитъ предметъ отдѣльнаго (второго) тома ¹⁾, къ которому будетъ присое-

¹⁾ Начало ея было помѣщено въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1897 г. подъ за-

дана четвертая, или же, может быть, последнюю также придется выделить в небольшой дополнительный (третий) томъ.—Въ появляющійся нынѣ (первый) томъ входятъ только первые два этюда.¹⁾ съ присоединеніемъ къ нимъ въ видѣ послѣсловія нѣсколькихъ замѣчаній объ особенностяхъ экономическаго развитія римскаго міра.—Было бы, безъ сомнѣнія, правильнѣе и цѣлесообразнѣе выпустить въ свѣтъ одновременно весь циклъ выше поименованныхъ очерковъ. Но такъ какъ и первые два представляютъ до известной степени самостоятельное цѣлое въ томъ видѣ, въ какомъ они сложились теперь, и имѣютъ, такъ сказать, вводный характеръ, то авторъ рѣшается издать ихъ отдѣльною книгою до окончательной обработки послѣдующихъ, въ которыхъ эти первые найдутъ свое обоснованіе и оправданіе въ доступной его силамъ полнотѣ.

Остается прибавить въ настоящей связи еще нѣсколько словъ объ особенностяхъ содержанія и изложенія настоящей книги. Они нѣсколько отличаются отъ обычнаго способа постановки, разработки и построенія историко-экономическихъ темъ. Настоящій трудъ не слагался подъ влияніемъ стремленія подвести изслѣдованіе подъ суровую безличную схему, раскрывать изучаемое явленіе исключительно въ видѣ стихійнаго процесса, въ которомъ пропадаютъ единицы и группы людей, какъ въ огромномъ, все уносящемъ потокѣ. Напротивъ того, развитіе даннаго сочиненія постоянно направлялось опредѣленнымъ намѣреніемъ всегда пытаться ставить вопросъ о воздѣйствіи крупнаго социальнаго теченія, которое составляло главный предметъ разысканія, на повсе-

глазѣмъ: „Большое сельское помѣстье древней Италіи и крупное землевладѣніе въ римскомъ мірѣ въ концѣ I-го вѣка Имперіи“. Въ полномъ видѣ это будетъ самостоятельная и законченная работа, которая и должна получить свое независимое мѣсто въ особой книгѣ.

¹⁾ Первый („Римское землевладѣніе во времена Августа по сочиненіямъ Горація“) былъ напечатанъ въ январской книгѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1895 г. Второй („Т. Помпоній Аттиксъ, какъ представитель особаго типа земельныхъ магнатовъ въ переходную эпоху отъ республики къ имперіи“) — такъ же въ 1896-мъ году (Ок., февраль, июль и сентябрь). Въ настоящей книгѣ оба подверглись исправленіямъ и дополненіямъ.

дневный бытъ общества и его сословій, на внутреннюю жизнь — умственную и нравственную — челоѣка въ различныхъ слояхъ этого общества, а также, съ другой стороны, выяснять обратную реакцію индивидуальнаго и классовога сознанія на явленія и учрежденія соціальнаго строя. Поэтому однимъ изъ приемовъ, которому подчинялась мысль автора при составленіи „Очерковъ“, было выдѣленіе личности изъ-подъ оболочки общественнаго устройства, изучаемаго здѣсь съ извѣстной стороны его природы и историческаго развитія въ извѣстный періодъ, и противопоставленіе ихъ другъ другу, какъ самостоятельныхъ объектовъ изолированнаго и сравнительнаго наблюденія. Такая точка зрѣнія побуждала привлекать въ кругъ анализа, кромѣ чисто экономическаго, нерѣдко и такъ называемый культурно-историческій матеріаль. Происходило это не отъ неясности цѣлей изслѣдованія или желанія во что бы то ни стало расширить рамки изложенія введеніемъ въ нихъ возможно разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ могли бы строиться богатая красками картины. Указываемая отличительная черта является отраженіемъ сознательно выработавшагося у автора представленія о сущности и задачѣ познанія историческихъ судебъ челоѣчества.

При современномъ состояніи разработки теоретическихъ взглядовъ на сущность исторіи уже нельзя противопоставлять одинъ другому два фактора—развитіе общества и развитіе личности—, какъ это дѣлалъ Гизо, и подчинять такъ рѣзко первый второму, какъ средство цѣли ¹⁾; но все же, думается, и нынѣ остается и всегда будетъ величайшею проблемою историка возсозданіе путей развитія челоѣческаго сознанія въ исторіи челоѣческаго общества. Открытіе соціологическихъ законовъ необходимо не только для того, чтобы возможно было правильно понимать условія образованія среды, въ которой совершается жизнь челоѣка и челоѣчества; оно не только послужитъ также для того, чтобы опредѣлить качество и степень активнаго вліянія самаго со-

¹⁾ См. его знаменитую вступительную лекцію о сущности цивилизаціи и прогресса въ сочиненіи „Histoire de la civilisation en Europe“.

знания и носителя его, человеческой личности, на сложение этой среды; оно нужно специально и самостоятельно для уразумения самих законов роста человеческого духа, как последней проблемы испытующей и творческой деятельности познающего ума. Если социологъ будетъ всегда имѣть передъ своимъ умственнымъ взоромъ такую цѣль, болѣе высокую даже, чѣмъ конечная задача его собственной науки, онъ, быть можетъ, въ состояніи будетъ найти въ работѣ надъ нею же твердыя средства не только для построения научной теории эволюціи общества, но и для объективной формулировки „прогресса человечности“ (*de l'humanité*).

Идея, на которую здѣсь намекается, можетъ найти плодотворное примѣненіе къ каждому данному случаю, и когда она ложится въ основаніе великаго и всеобъемлющаго историческаго произведенія, какъ, на примѣръ, „всемирной исторіи“, „философіи исторіи“ или „соціологіи“, и когда она освѣщаетъ скромное монографическое изслѣдованіе того, кто считаетъ себя простымъ труженикомъ науки.—Въ послѣднюю категорію именно и должна быть зачислена настоящая книга, содержаніе которой, въ виду только что сказаннаго, наиболѣе точно можетъ быть передано въ слѣдующихъ словахъ, болѣе длинныхъ, чѣмъ данное ей заглавіе: „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія и развитія сознанія и нравовъ римскаго общества преимущественно во время имперіи“ ¹⁾.

¹⁾ Самая намѣченная въ предшествующихъ строкахъ точка зрѣнія обусловлена нѣкоторыми и другія особенности настоящаго труда. Ею, на примѣръ, объясняется необходимость нѣредко очень мелкаго анализа отдѣльныхъ пунктовъ и иногда, пожалуй, почти миниатюрной живописи наиболѣе сложныхъ рисунковъ. Чтобы парализовать возможность затемненія общей нити построенія излишними подробностями, авторъ старался устранить ихъ изъ текста изложенія, отводя разработку деталей въ примѣчанія, которыя, онъ надѣется, представляютъ экскурсы, не лишенины интереса для спеціалиста, но легко могутъ быть пропущены образованнымъ читателемъ изъ болѣе широкаго круга.



II.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Землевладѣніе во времена Августа по
сочиненіямъ Горація.



ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВО ВРЕМЕНА АВГУСТА ПО СОЧИНЕНІЯМЪ ГОРАЦІЯ.

I.

Горацій, какъ источникъ для соціальной исторіи Рима.

Произведенія поэта, писавшаго къ тому же стихотворенія преимущественно лирическаго или, во всякомъ случаѣ, по большей части „личнаго“ характера, съ перваго взгляда могутъ показаться мало подходящимъ источникомъ для самостоятельнаго экскурса при выясненіи существенныхъ признаковъ одной изъ эпохъ развитія чисто экономическаго явленія римской исторіи. Однако, если углубиться въ чтеніе римскихъ поэтовъ и взглянуть пристально въ содержаніе ихъ сочиненій, то скоро можно убѣдиться, что въ нихъ заключается богатое собраніе весьма важныхъ данныхъ для ознакомленія съ самыми различными сторонами общественнаго строя римскаго народа. Въ этомъ смыслѣ для историка оказывается цѣннокъ вся римская поэтическая литература—героическія и историческія поэмы Вергилія и Лукана, нравоописательные романы Петронія и Апулея, комедіи Плавта, сатиры Ювенала, элегіи Тибулла или Овидія, эпиграммы Марціала, или именно оды, сатиры и посланія Горація. Нужно даже замѣтить, что римскій лирикъ тутъ нерѣдко бываетъ особенно интересенъ. По самому существу и духу своей поэзіи онъ беретъ обыкновенно темы изъ повседневныхъ фактовъ, ими волнуется, надъ ними философствуетъ, ихъ изобра-

жаеть, восхваляетъ или бичуетъ, имъ радуется или ихъ оплакиваетъ. Благодаря такому содержанию, стихотворенія его представляютъ живое и конкретное отраженіе современной ему жизни, полны размышленій о ней и намековъ на нее; изъ нея онъ беретъ моралистическіе примѣры и образцы для аллегорическихъ фигуръ; она служитъ ему источникомъ для отысканія стилистическихъ эффектовъ, метафоръ, сравненій; она же является у него фономъ, на которомъ развертываются рисуемые имъ эскизы и силуэты; она даетъ краски для ихъ выполненія и обусловливаетъ настроеніе, которымъ проникнуты самыя піесы.

Отмѣченную сейчасъ особенность хорошо поняли ученые, занимающіеся такъ называемою „исторіею нравовъ“ („*Sittengeschichte*“), то-есть, точнѣе, исторіею умственной и нравственной культуры римлянъ, или исторіею „частныхъ древностей“ („*Privatalterthümer*“), то-есть, внѣшней, главнымъ образомъ матеріальной обстановки ихъ быта. И тѣ, и другіе прекрасно эксплуатируютъ для своихъ „научныхъ“ цѣлей „художественные“ образы, заключающіеся въ стихотвореніяхъ римскихъ поэтовъ. То же самое въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ, и болѣе систематически, слѣдуетъ сдѣлать и соціальному историку Рима, а въ частности историку землевладѣнія. Земля была самымъ важнымъ элементомъ природы въ жизни римлянина; земельныя отношенія во всѣ періоды исторіи Рима захватывали главные реальные интересы всѣхъ слоевъ общества ¹⁾, въ силу чего аграрныя впечатлѣнія сильно воздѣйствовали и на поэтическое творчество, вызывая въ воображеніи поэта многочисленные мотивы и сюжеты, извлекаемые именно изъ круга фактовъ землевладѣнія и земледѣлія. Вотъ почему произведенія римскихъ поэтовъ должны быть для историка-экономиста необходимымъ предметомъ

¹⁾ См. *Fustel de Coulanges*, „L'invasion germanique et la fin de l'empire“, p. 150: „Il était dans les habitudes de l'esprit romain de considérer la possession du sol comme le bien suprême de l'homme; on y voyait la meilleure satisfaction de ses besoins naturels et de ses intérêts, le gage de sa moralité, l'assurance de sa liberté; on faisait de cette possession la mesure des devoirs politiques de l'homme et de ses droits. Le plus petit propriétaire fut toujours plus estimé que le riche négociant“.

тщательнаго вниманія и весьма благодарною областью для разысканія и собиранія нужныхъ ему свѣдѣній.

Таково общее основаніе, которое прежде всего должно привлекать изслѣдователя социальнаго развитія странъ и народовъ римскаго міра къ изученію сочиненій Горация, какъ матеріала для исторіи римскаго землевладѣнія во времена Августа. Но кромѣ такого общаго соображенія въ природныхъ свойствахъ самого Горация и въ событіяхъ современной ему жизни могутъ быть указаны спеціальныя черты и обстоятельства, которыя еще увеличиваютъ цѣну его стихотвореній для данной цѣли. Помимо того, что Гораций, въ силу отличительныхъ чертъ своего таланта, былъ тонкимъ наблюдателемъ дѣйствительности, онъ любилъ именно деревню и находилъ большое удовольствіе въ изображеніи окружающей его сельской жизни. Ему нравилось просто описывать ея картины; онъ охотно мыслилъ надъ ея часто мелкими, но всегда поучительными фактами, и она постоянно возбуждала въ немъ активную работу фантазіи. Затѣмъ еще Гораций жилъ въ такой моментъ римской исторіи, когда вопросы землевладѣнія особенно обострились, принявъ форму серьезнаго социальнаго кризиса. Они приковывали вслѣдствіе этого особенно сильно взоры всѣхъ, такъ какъ рѣзко затрогивали самое существованіе однихъ классовъ, благосостояніе другихъ, могущество третьихъ. То или иное отношеніе личности или группы къ землѣ обусловливало процвѣтаніе или бѣдствія; земельные интересы заставляли работать и бороться, вообще приводили въ движеніе и старую аристократію, и народившуюся денежную знать, и падавшее крестьянство, и многочисленную зависимую и рабскую массу. Такое положеніе невольно давало и поэту лишнее побужденіе обращаться чаще къ темамъ особаго рода, близкимъ къ той, которая разсматривается здѣсь, и предопредѣляло извѣстнымъ образомъ направленіе его музы.

Нужно еще прибавить одно важное замѣчаніе. Жизнь Горация такъ сложилась, что онъ долженъ былъ быть хорошо знакомъ со многими фактами различныхъ порядковъ, которыми характеризовалось тогда состояніе землевладѣнія. Поэтъ самъ былъ сыномъ мелкаго собственника южной окраи-

ны средней Италіи, вольноотпущенника по происхожденію ¹⁾. Онъ родился въ Венузіи или въ расположенномъ недалеко отъ этого города помѣстьѣ отца, въ 65 г. до Р. Хр. (689 отъ основанія Рима) ²⁾, и въ этомъ италійскомъ захолустѣ прошло его дѣтство ³⁾. Живя въ мѣстности, находившейся на границѣ между тремя областями—Самніумомъ, Апуліей и Луканіей ⁴⁾, проводя, вѣроятно, не мало времени въ деревнѣ, онъ близко могъ узнать бытъ и нравы сельскаго населенія названныхъ частей Италіи, съ представителями котораго часто встрѣчался; а впоследствии обстоятельства помогли ему осмыслить эти дѣтскія воспоминанія ⁵⁾. Такимъ образомъ Гораций непосредственно переживалъ жизненныя вліянія, воспитывавшія тогда людей скромнаго типа, вышедшихъ изъ самыхъ низовъ общества, получавшихъ отъ земли необходимое лишь обезпеченіе, скудную матеріальную опору противъ превратностей судьбы, отъ чрезвычайныхъ ударовъ которой они пытались защитить себя, приманиваясь къ общественной

¹⁾ *Hor. Sat. I, 6, 6*: „...me libertino patre natum...“ *Ibid. v. 91*: „...quod non ingenuos habeat clarosque parentes...“ *Ср. v. 45 sq.*; *Epist. I, 20, 20*; *Sat. I, 6, 71*: „patri qui *macro pauper agello*...“ *Ibid. v. 58*:

Non ego me claro natum patre, non ego circum
Me Satureiano vectari rura caballo.

²⁾ *Suet. Vit. Hor. (ed. Roth, p. 296)*: „...libertino patre Venusii nascitur“.—*Hor. Carm. IV, 9, 2*: „Longe sonantem natus ad Aufidum...“ *Ср. Juven. Sat. I, 51. Teuffel, Gesch. d. Röm. Litt. (5 Aufl.) I, 515.—Orelli, Horat. Op. (4 ed.) I, p. XIII.*

³⁾ О своихъ юныхъ годахъ Гораций рассказываетъ въ шестой сатирѣ первой книги, въ которой вообще заключается много автобіографическаго матеріала.

⁴⁾ Поэтому Гораций называетъ свое происхожденіе „anceps origo“ (*Sat. II 1, 34*):

Sequitur hunc Lucanus an Appulus anceps:
Nam Venusinus arat finem sub utrumque colonus.

⁵⁾ Венузія (нынѣ Venosa) расположена была не только въ важномъ пунктѣ съ стратегической точки зрѣнія (*См. Kiessling, Hor. Sat. p. 125*), но и въ очень плодородной мѣстности. Гораций (*Carm. III, 30, 11*) называетъ жителей Апуліи „populi agrestes“, и страна въ тѣ времена, какъ и теперь, производила много хлѣба (*Carm. IV, 14, 25 sqq. Cfr. III, 16, 25*). Стало бытъ, дѣйствительно, поэтъ выросъ среди обстановки, которая окружала его разнообразными земледѣльческими ландшафтами и сельскохозяйственными сценами. *См. интересное сочиненіе французскаго писателя Ch. de Walckenaer, Histoire de la vie et des oeuvres d'Horace (2 volumes, Paris, 1858), I, 3—5.*

службѣ, разумѣется, также на низшихъ ступеняхъ ея ¹⁾. Правда, среди вспыхнувшихъ скоро съ новою силою гражданскихъ междоусобій, во время войны вторыхъ триумвировъ съ старыми республиканцами (послѣ битвы при Филиппи), онъ, какъ сторонникъ Брута ²⁾, былъ лишень отцовскаго наслѣдственнаго помѣстья ³⁾: оно было конфисковано побѣдителями вмѣстѣ съ другими владѣніями частныхъ лицъ везувинскаго края для раздачи ветеранамъ ⁴⁾. Но и это обстоятельство, сильно отразившееся на личномъ благосостояніи поэта, дало ему рядъ новыхъ наблюдений, которыя прямо вытекали изъ земельныхъ смутъ этого времени: онъ испытать на себѣ не только безсиліе мелкой собственности въ борьбѣ съ крупною, но и непрочность ея среди потрясавшихъ общество политическихъ революцій, которыя сокрушали могущество даже земельныхъ магнатовъ. Наконецъ, во вторую половину жизни, когда поэту удалось снова возвыситься и занять выгодное положеніе въ придворномъ кругу

¹⁾ Отецъ Горация занималъ мѣсто должностнаго лица, служившаго при публичныхъ аукціонахъ (*auktiones*);— „*coactor*“ (*Hor. Sat. I, 6, 86*). Ср. *Suet. Vit. Hor.* (ed. Roth, p. 297) „...*exactionum coactore*...“—См. *Orelli, Hor. I, p. XIV; Schmid, Op. Hor.* (Bibl. Teubn.), p. XXIII.—*Noël des Vergers, Etude sur Horace* (p. 8) поясняетъ: „...*receveur ou collecteur pour les ventes aux enchères*...“—*M. Schanz, Römische Literaturgeschichte* (у *Iwan Mueller, Handbuch, VIII, 71—72*). Что онъ былъ небогатъ, это нѣсколько разъ говоритъ самъ Гораций, когда заявляетъ, напримѣръ, что родился „*in tenui re*“ (*Epist. I, 20, 20*), и когда называетъ себя сыномъ бѣдныхъ родителей (*Carm. II, 20, 5*: „*Non ego pauperum sanguis parentum... obibo*“). Но при большомъ распространеніи и значеніи, которое получили аукціонныя продажи въ экономической жизни римскаго общества того времени, должность *coactor*'а могла сдѣлаться источникомъ хорошаго дохода. См. объ *auktiones* и *coactores* статьи Моммзена, „*Die Pompejanischen Quittungstafeln*“ (*Hermes, XII, 1877*) и *Caillemet, „Un commissaire-priseur à Pompéi“ (Nouv. rev. hist. de dr. fr. et étr. t. I, 1877)*.

²⁾ Гораций встрѣтился съ М. Брутомъ въ Аеннахъ, куда онъ отправился для усовершенствованія своего образованія. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ привлеченъ имъ въ число его адептовъ. Онъ вступилъ въ ряды арміи Брута и Кассія съ званіемъ *tribunus militum* (*Sat. I, 6, 48; Suet. Vit. Hor. ed. Roth, p. 297*) и раздѣлилъ съ послѣдними защитниками падающей республики ихъ возращеніе (*Carm. II, 7, 9; Epist. II, 2, 49*).

³⁾ *Epist. II, 2, 50 sq.*: „...*inopemque paterni et laris et fundi*...“

⁴⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Аппіанъ (*Bell. Civ. IV, 3*). См. *Marquardt, Röm. Staatsverw.* (2 Aufl.), I, 117.

благодаря дружбѣ съ Меценатомъ¹⁾, онъ опять сталъ „помѣщикомъ“, получивъ отъ покровителя въ подарокъ расположенную въ сабинской области землю²⁾, въ которой онъ потомъ проводилъ довольно значительную часть года³⁾. Самъ руководя культурою своего имѣнія, онъ, стало быть, по необходимости изучилъ на практикѣ сельское хозяйство и связанныя съ нимъ социальныя явленія и отношенія. Слѣдуетъ еще указать для полноты представленія, что Гораций вообще обладалъ широкою жизненною опытностью; онъ находился въ постоянномъ общеніи съ представителями различныхъ круговъ и сословій, со всѣми дѣйствовавшими тогда партіями и группами. Такія встрѣчи и столкновенія со множествомъ людей при разнообразныхъ условіяхъ политической и частной жизни въ столицѣ и провинціи дѣйствительно широко знакомили его съ современностью; близкія связи съ видными членами высшей аристократіи втягивали его въ самый центръ общественнаго движенія. Все это должно было въ результатѣ доставить ему большую сумму свѣдѣній о томъ, чѣмъ волновалось населеніе огромнаго государства, и въ частности о той сторонѣ социальнаго быта, которая особенно занимаетъ историка экономическаго развитія Рима, то-есть, о землевладѣніи.

Если справедливо все только-что сказанное, то можно предположить, что внимательное изученіе произведеній Горация должно дать матеріалъ, достаточный для того, чтобы на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ его стихотвореній, нарисовать общую картину состоянія землевладѣнія въ римскомъ мірѣ при самомъ появленіи принципата, или, по край-

¹⁾ Гораций былъ введенъ въ домъ Мецената Вергиліемъ и Л. Варіемъ (*Sat.* I, 6, 54) уже послѣ того, какъ обратился къ писанію стиховъ и сталъ пріобрѣтать извѣстность (*Epist.* II, 2, 51); онъ скоро сблизился съ нимъ (рассказъ объ этомъ въ той же сатирѣ ст. 54—62. Ср. *Sat.* II, 6, 40), имъ былъ представленъ Августу (*Suet.* Vit. Hor. ed. Roth, p. 297) и оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Меценатомъ до его смерти, съ императоромъ до конца собственной жизни (*Hor.* Carm. II, 17, 8—9. *Suet.* Vit. Hor. *Ibid.*—*Orelli*, Hor. op. I, p. XXXV).—Ср. *Walckenaer*, Hist. de la vie et des oeuvres d'Horace, I, 356—358; II, 27.

²⁾ *Teuffel*, Gesch. der Römischen Litteratur (5 Aufl.), I, 515.

³⁾ Это видно, напримѣръ, изъ одного письма его къ Меценату (*Epist.* I, 7).

ней мѣрѣ, обозначить ея контуры.—Такой попытки систематически до сихъ поръ никто не сдѣлалъ, а между тѣмъ задача эта можетъ оказаться далеко не безынтересною для общей цѣли изслѣдованія исторіи римскаго земельного строя.

Разсматривая сочиненія Горация съ указанной только что точки зрѣнія, надо, конечно, помнить, что имѣешь передъ собою не юридическій текстъ, даже не историческій рассказъ, а поэтическое произведение; надо всегда умѣть отличать зерно истины и точный слѣдъ достовѣрнаго факта или настоящіе размѣры дѣйствительнаго явленія въ піесѣ, представляющей художественный образъ съ элементами, переработанными воображеніемъ, часто усиленными и субъективно соединенными для достиженія специальной цѣли поэтическаго замысла. Кромѣ того, при пользованіи данными Горация надобно иногда примѣнять къ нимъ еще другую поправку. Его поэтическія картины представляютъ часто образцы сатирическаго описанія выхваченнаго изъ жизни явленія или поводы для моралистическаго осужденія и обоснованія философскаго тезиса. Это обстоятельство заставляетъ поэта придавать своимъ рисункамъ нерѣдко слишкомъ крупныя формы, сгущать ихъ краски, упрощать для облегченія эффекта самую концепцію и построеніе ихъ, то-есть, брать изъ явленія то, что подходитъ къ темѣ и затушевывать или даже совсѣмъ опускать остальное. Требуется, стало быть, нерѣдко возстановлять по тенденціозному портрету скрытую отъ глазъ натуру.

Относясь критически къ даннымъ Горация и его изображенію жизни, нельзя, безъ сомнѣнія, забывать только что указаннаго общаго мѣрила, служащаго для определенія достовѣрности его, какъ историческаго источника. Но сдѣланное тутъ замѣчаніе не уничтожаетъ цѣны историческаго матеріала, доставляемаго поэтомъ, а только осложняетъ приемы научнаго обращенія съ нимъ. Историкъ обязанъ очищать его отъ примѣсей, внесенныхъ поэтическимъ трактованіемъ сюжета, исправлять односторонность объясненія, отбрасывать иногда и форму, и толкованіе, принимая лишь сущность содержанія и умѣряя край-

ности.—Нужно даже оговориться, что, имѣя дѣло съ Горациемъ, приходится опасаться, какъ бы не преувеличить эту предосторожность и тѣмъ самымъ понапрасну не обезцвѣтить характерныя особенности почерпаемыхъ у него свѣдѣній. Гораций по складу своего таланта не фантастъ и не утопистъ; онъ жанровый художникъ. По своей духовной природѣ онъ не фанатикъ опредѣленной и узкой идеологии, подобный послѣднимъ принципиальнымъ защитникамъ республики; онъ не раздраженный обличитель, какъ Ювеналь, не разочарованный пессимистъ, какъ Тацитъ. Но, съ другой стороны, его несправедливо было бы считать жалкимъ льстецомъ новаго государя или называть безличнымъ панегиристомъ торжествующаго порядка, какимъ, несомнѣнно, являлся позднѣе талантливый, но безпринципный Марцалъ. Онъ—человѣкъ, потерпѣвшій сначала серьезныя личныя неприятели отъ утверждения императорскаго строя,—потомъ получилъ отъ его руководителей возможность вновь обрѣсти благополучіе. Удачное избавленіе отъ критической опасности, въ которую онъ былъ поставленъ обстоятельствами жизни, примирило Горация съ новыми государственными формами. Упроченіе имущественной обезпеченности заглушило, а потомъ и совсѣмъ излѣчило горечь, неистощимый запасъ которой до смерти мучилъ и раздражалъ настоящихъ жертвъ переворота. Онъ, и раньше не отличавшійся честолюбіемъ и не вознесенный слишкомъ высоко успѣхами на общественной службѣ, готовъ теперь легко утѣшиться въ потерѣ политической свободы и довольствоваться частными правами гражданина-подданнаго. Такой темпераментъ и такое настроеніе дали ему опредѣленный устой для выработки нейтральныхъ взглядовъ, сглаживающихъ контрасты между прошлымъ и настоящимъ. У него рано вывѣтрилось то, что въ наше время часто именуется на языкѣ „солидныхъ“ людей „юношескими иллюзіями“; это—„трезвый“ умъ и „уравновѣщенный“ характеръ. Гораций однако не сразу сдался новому режиму, а нѣкоторое время держался въ сторонѣ ¹⁾.

¹⁾ Онъ не боялся прославлять память Брута и пѣть о благородной смерти Катона (См. напр. *Serm.* II, 7); онъ долго не упоминалъ въ своихъ стихотвореніяхъ имени императора и посвящалъ оды такимъ людямъ, какъ Мурена или

Только мало-по-малу перешелъ онъ на сторону перваго императора.—Тогда онъ началъ прославлять цезаризмъ, но не унижался до пошлаго искательства; онъ пытался заложить скромный фундаментъ новаго „монархическаго“ идеала¹⁾, но не отказывался отъ права прямо наблюдать и откровенно описывать то, что видѣлъ. Онъ остался все-таки достаточно впечатлительнымъ, чтобы интересоваться жизнью и обладать достаточнымъ идейнымъ развитіемъ, чтобы понимать сущность, значеніе и взаимодѣйствіе наблюдаемыхъ фактовъ и выводить изъ нихъ серьезныя социальныя и этическія поученія. Онъ спокоенъ и самостоятеленъ, и потому способенъ высказывать о видѣнномъ болѣе или менѣе безпристрастное мнѣніе, но онъ также настолько честенъ, что будетъ всегда волноваться зломъ, такъ какъ обладаетъ пронизательностью, нужною, чтобы его замѣчать. Указанныя тутъ черты, освѣщающія личность и міровоззрѣніе Горація, понижаютъ степень и силу недостатковъ произведеній поэта, какъ историческаго источника, которые обусловлены ихъ субъективной и поэтической, въ частности сатирической, формой, и вслѣдствіе этого облегчаютъ пользованіе ими.

Предстоящій этюдъ имѣетъ въ виду изобразить сначала самаго Горація, какъ помѣщика, а затѣмъ начертать общій очеркъ современнаго ему земельного строя въ тѣхъ краскахъ, какими онъ рисуется авторомъ. Въ концѣ же концовъ въ немъ сдѣланъ будетъ опытъ поставить воспроизведенную на примѣрѣ имѣнія Горація индивидуальную единицу земельной собственности и сельскохозяйственной культуры на соответствующее ей мѣсто въ громадной коллективной суммѣ владѣній, образующей взаимоотношеніями своихъ слагаемыхъ именно то, что составляло земельный строй Римской Имперіи, и посмотрѣть, не можетъ ли эта единица служить въ извѣстномъ смыслѣ не только характерною подробностью,

Азиній Полліонъ, оппозиціонное настроеніе которыхъ было извѣстно (см. напр. *Сарм.* II, 1). Светоній (*Vita Hor.* ed. Roth, p. 297) также говоритъ о довольно независимомъ отношеніи поэта къ Августу.

¹⁾ См. любознательную рѣчь Моммзена, посвященную анализу первыхъ одъ третьей книги именно съ точки зрѣнія изученія развитія у Горація „идеи цезаризма“, въ *Sitzungsberichte d. Berliner Akad.*, 1889 p. 23 ff.

но и опредѣляющимъ признакомъ этого строя въ разсматриваемый моментъ исторіи обширнаго государства.

Изложеніе, позволительно надѣяться, покажетъ, что изученіе сочиненій Горация въ самомъ дѣлѣ можетъ привести къ выводу, который броситъ своеобразный свѣтъ на разсматриваемое явленіе. Оно же, думается автору, обнаружитъ, что такое изученіе въ нѣкоторой степени содѣйствуетъ также опредѣленію путей, по которымъ должно направляться и дальнѣйшее болѣе общее изслѣдованіе для провѣрки и подтвержденія намѣчающихся изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній результатовъ или для ихъ критики и ограниченія.

II.

Помѣстье Горация въ сабинской землѣ.

1. Топографія его. — 2. Описаніе отдѣльных частей (усадьба, сельскохозяйственныя культуры; пустоши).—Барская и арендная половины.—3. Общее заключеніе о его величинѣ и характерѣ.

Сабинское помѣстье Горация давно привлекало къ себѣ любознательность филологовъ, изучавшихъ произведенія знаменитаго поэта времени Августа; оно сильно интересовало также археологовъ, специально занимавшихся топографическими изслѣдованіями. Такъ что оно само сдѣлалось знаменитымъ и вызвало цѣлый рядъ большихъ и малыхъ работъ. Но авторы ихъ, стараясь преимущественно установить мѣстонахожденіе виллы и стремясь реконструировать ея внѣшній видъ или характеръ и описать обстановку и образъ жизни поэта во время его пребыванія подъ ея кровомъ, только случайно и вскользь касаются вопроса о ея протяженіи, составѣ ея угодій и культурѣ ея земли. Никто до сихъ поръ вполне обстоятельно не разсматривалъ ее преимущественно какъ социальную-экономическую единицу недвижимой собственности, и какъ сельскохозяйственное цѣлое ¹⁾. А между тѣмъ въ стихотвореніяхъ поэта можно со-

¹⁾ Такимъ образомъ всѣ сочиненія, образующія литературу о виллѣ Горация, являются чаще всего косвенными пособіями для предстоящаго изложенія. Тѣмъ не менѣе полезно сгруппировать здѣсь указанія на важнѣйшія книги, брошюры, статьи, главы и замѣтки, трактующія о ней, такъ какъ заключеніе

брать не мало чертъ, изъ суммы которыхъ составляется довольно полное описаніе его владѣнія именно съ этой стороны.

въ нихъ многочисленныя факты и высказываемыя мысли и предположенія, значительно облегчаютъ собираніе матеріала и позволяютъ обходиться безъ самостоятельной разработки нѣкоторыхъ не прямо входящихъ въ настоящую тему, но вспомогательныхъ для нея пунктовъ. Опредѣленіе топографіи виллы Горація интересовало писателей и ученыхъ уже въ ту эпоху, когда впервые вновь возникла любовь къ классическому міру. Во времена возрожденія *Flavio Biondo* уже занимался этимъ вопросомъ (См. его „*Italia illustrata*“, Venezia, 1543). Въ XVII в. о ней писали Клуверъ (*Cluverius, Italia antiqua*, Leiden, 1624) и Гольштейнъ (*Holstenius, Adnotationes ad Cluveri Italiam antiquam*, Roma, 1666); причѣмъ она помѣщалась или находилась ими въ различныхъ краяхъ Италіи. Въ концѣ прошлаго вѣка задался цѣлью всесторонне изслѣдовать задачу о мѣстовахожденіи таинственнаго еще тогда помѣстья Горація страстный поклонникъ его, французскій аббатъ, Кампартенъ де Шолл, который послѣ многолѣтнихъ трудовъ выпустилъ обширное сочиненіе, всецѣло посвященное обнародованію результатовъ работы и подробной аргументаціи выводовъ. Вотъ его заглавіе: *L'abbé Campartin de Chaury, Découverte de la maison de sarragne d'Horace* (3 volumes, Rome, 1767—69). Ученый авторъ, первый на основаніи огромной начитанности въ римской литературѣ, благодаря превосходному знакомству съ произведеніями самого поэта и удивительному терпѣнію и неутомимости археолого-топографическихъ изысканій, дѣйствительно „открылъ“ приблизительный пунктъ, гдѣ несомнѣнно должна была находиться знаменитая виλλα. Но чересчуръ распутое изложеніе загромождено массою матеріала, совершенно не относящагося къ дѣлу, и потому сочиненіе его трудно читаемо. Кромѣ того, работа чужда истинно-критическаго метода; въ ней сообщаются факты и высказываются взгляды, отвергнутыя наукою, такъ что можно обращаться къ ней за свѣдѣніями, но слѣдуетъ иногда остерегаться выводовъ. Даже для ознакомленія съ данными, собранными Кампартеномъ, лучше всего пользоваться сокращеннымъ изложеніемъ всего, что въ его сочиненіи прямо говорится о виллѣ Горація, сдѣланнымъ французскимъ же писателемъ, Кампенономъ, и помѣщеннымъ въ началѣ его перевода стихотвореній Горація: „*Oeuvres d'Horace, traduites par MM. Campenon et Deprès, accompagnées du commentaire de l'abbé Galiani*“ (2 volumes, Paris, 1821). Это извлеченіе (небольшая брошюра страницъ въ 50) переведено на нѣмецкій языкъ („*Untersuchungen über das Landhaus des Horaz, aus dem französischen des Hrn. Campenon*“, Leipzig, 1826). Шестью годами ранѣе изслѣдованія Кампартена появилась небольшая книга его итальянскаго собрата—*Abbate Domenico de Sanctis, Dissertazione sopra la villa di Orazio Flacco* (Roma, 1761; 2 ed. 1768). Это также добросовѣстный трудъ, въ которомъ высказываются тѣ же заключенія, что у Кампартена; но онъ не можетъ отнять у послѣдняго славы самостоятельности его „открытія“. Изъ работъ о томъ же предметѣ, появившихся позднѣе, можно назвать маленькій этюдъ нѣмецкаго филолога, Фридриха Якобса. *Lectiones Venusinae*, въ которомъ находится извѣстное описаніе Гораціева нѣ-

1.

1. Земля, входившая первоначально въ составъ недвижимаго состоянія Мецената, а потомъ подаренная имъ другу-

ня (См. въ V-мъ томѣ его „Vermischte Schriften“, Leipzig, 1834). Больше или меньше обстоятельно очерки, изображающіе виллу Горация, встрѣчаются еще въ различныхъ старыхъ изданіяхъ или переводахъ его сочиненій, напр., въ нѣмецкихъ—Виланда (Horazens Briefe, Leipzig, 1790), Тейффеля (Satiren, Stuttgart, 1852), или въ переводѣ одъ *Strodtmann'a* (Leipzig, 1852); также во французскомъ изданіи Валькенара (Paris, 1846). Особенно же подробное и интересное описаніе принадлежитъ извѣстному французскому археологу, *Nobél des Vergers*. Оно сдѣлано на основаніи собственныхъ наблюденій автора на мѣстѣ и приложено въ книгѣ стихотвореній Горация, изданныхъ фирмой *Didot* (Paris, 1856), а также напечатано отдѣльно тогда же вмѣстѣ съ биографіею (Etude sur la vie d'Horace). См. еще статью *Pietro Rosa*, Notizie intorno alla villa di Orazio (Bullet. dell'Institut. di corr. arch. 1857). Перечисленіе другихъ старыхъ сочиненій, такъ или иначе затрагивающихъ вопросъ о помѣстьѣ Горация, см. въ ст. *C. G. Zumpt*, Abhandlung über das Leben des Horaz, изданной въ видѣ предисловія къ изданію сатиръ поэта съ прим. Гейндорфа, въ переработкѣ Вюстемана (Leipzig, 1848). Ср. ст. *Obbarius* о томъ же въ журналѣ Зебоде и Яна „Archiv für Philologie und Paedagogik“ (1832, I, 581). Изображеніе виллы опять же главнымъ образомъ въ топографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ находимъ въ книгахъ, посвященныхъ описанію Римской Кампаньи, напр. въ работѣ итальянскаго ученаго *Nibby*. Viaggio antiquario nei coltorni di Roma (1819); также у *Christian Müller'a* Rom's Campagna (Leipzig, 1824) и у *Robert Burn*, Rome and Campagna (London, 1871). Слѣдствія о ней съ точки зрѣнія выясненія быта и нравовъ, а также литературныхъ взглядовъ Горация сообщаются его биографами—Арнольдсомъ, Герлахомъ, Луи. Миллеромъ, Вейссенфельсомъ (впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ ограничиваются нѣсколькими словами). На русскомъ языкѣ необходимо назвать интересную главу (VI-ю) въ живомъ и обстоятельно написанной книгѣ Н. М. Благотѣнскаго, Гораций и его время (Изд. 2, Варшава, 1878). Наконецъ, существуютъ болѣе новые небольшіе очерки и изслѣдованія, специально изучающіе вопросъ о помѣстьѣ Горация или популярно изображающіе его. Таковы, напримеръ, нѣмецкая брошюра *W. Pfisterer*, Ueber das Sabinische Landgut des Horaz (Parchim, 1864), и прекрасная французскій этюдъ *Gaston Boissier*, La maison de campagne d'Horace (въ книгѣ его Nouvelles promenades archéologiques, Paris, 2 éd. 1890). *Fustel de Coulanges* (L'alleu et le domaine rural, p. 26; 65) пользуется данными о помѣстьѣ Горация при установленіи факта широкаго будто бы распространенія мелкаго собственности въ Италию во времена Августа. На итальянскомъ языкѣ есть двѣ новѣйшія работы—*Tito Berti*, La villa di Orazio (Roma, 1886) и *Achille Massoleni*, La villa di Orazio (въ „Rivista di filologia e d'istruzione classica“, 1890—91). Во второй дается полная библиографія вопроса, въ которой указаны всѣ и старыя, и новыя сочиненія, посвященные виллѣ Горация. Послѣднимъ говорить о данномъ вопросѣ *N. Fritsch*, въ

поэту ¹⁾, сдѣлалась собственностью Горация, по всей вѣроятности, около 33-го года до Р. Хр. ²⁾. Подарокъ долженъ былъ служить знакомъ особеннаго расположенія къ поэту могущественнаго вельможи ³⁾; но самому Меценату онъ стоилъ недорого: это былъ ничтожный клочокъ въ огромной массѣ его многочисленныхъ и обширныхъ земельныхъ владѣній, который, можетъ быть, и достался ему за безцѣнокъ ⁴⁾, но во всякомъ случаѣ не входилъ въ число серьезныхъ доходныхъ статей

детальномъ маленькомъ изслѣдованіи—„Das horazische Landgut, seine Lage und Beschaffenheit“, появившемся въ „Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik“ за 1895-й годъ.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи топографическая часть прямо основана на результатахъ, заключающихся въ различныхъ историческихъ здѣсь книгахъ; только земельно-экономическое и сельско-хозяйственное описаніе ставится, какъ задача самостоятельнаго разсмотрѣнія, хотя и опирающагося на раньше высказывавшіяся замѣчанія.

¹⁾ Что сабинское помѣстье Горация было получено имъ отъ Мецената, это легко выводится изъ сопоставленія нѣсколькихъ мѣстъ его стихотвореній. См. 1) *Epod.* I, 31 sq; 2) *Satm.* II, 18, 12 sqq; 3) *Epist.* I, 7, первые стихи; 4) *Satm.* III, 16, 29—32; 37—38—именно въ указанномъ порядкѣ.

²⁾ *Teuffel*, I, 514: „Von Maecenas erhielt er ums Jahr ⁷²¹/₃₃ ein Landgut im Sabinischen zum Geschenke“. Дата эта устанавливается Гротефендомъ въ специальной статьѣ „Wann erhielt Horaz sein sabinisches Landgut?“ См. *Rhein. Museum für Philol.* III, 1845, p. 471. Ср. *Massoleni* (*Riv. di filol. e d'istr. class.* 1890—91, p. 175—179).

³⁾ Есть предположеніе, что Меценатъ хотѣлъ этимъ отблагодарить Горация за посвященіе ему первой книги сатиръ. См. *Orelli*, *Hor.* I, p. XXX.

⁴⁾ Нѣкоторые высказывали догадку, что пожалованная Горацию земля была куплена Меценатомъ почти даромъ или даже прямо отдава ему Августомъ въ числѣ имѣній, конфискованныхъ у политическихъ противниковъ имперіи. Могутъ быть, конечно, приведены примѣры подобнаго рода ничего не отощающаго щедротѣ въ тѣ времена. Одинъ изъ такихъ примѣровъ очень близокъ къ разсматриваемому здѣсь случаю. Говорятъ, что Августъ предложилъ Вергилію помѣстье одного политическаго изгнанника, но тотъ отказался принять его. См. *Donat.* *Vita Verg.* 12 (23): „Vona cuiusdam exulantis offerente Augusto, non iustitavit accipere“. Неизвѣстно, оказался ли бы также тверды Гораций; но нѣтъ никакихъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія, что означенное имѣніе было приобретено Меценатомъ именно подобнымъ образомъ. Кроме того не совсѣмъ одно и то же было бы принять землю непосредственно отъ конфискованнаго ея Августа, или отъ Мецената, неучаствующаго прямо къ конфискаціи. Нужно прибавить тутъ еще, что степень виновности самого Мецената вообще въ пользованіи отобранными триумвирами у ихъ враговъ имуществами и даже самій фактъ такого участія, который предполагается нѣкоторыми комментаторами Горация (См. *Wieland*, *Horazius Briefe übersetzt und erläutert*, Leipzig, 1816) вообщѣ достоверно не подтверждается. См. *Schol. ad Iuven. sat.* V, 3 (ed. Jahn, II, 228). Ср. *Pauly*, *Realencycl.* III, 437.

въ огромномъ состояніи любимца Августа ¹⁾. Для Горация же это была прекрасная находка, которой онъ искренно обрадовался ²⁾. Если онъ и не былъ такъ бѣденъ, какъ любилъ повторять ³⁾, то все же прекращеніе гражданскихъ войнъ и утвержденіе имперіи поставило его въ довольно затруднительное матеріальное положеніе. Онъ могъ вернуться въ Римъ, воспользовавшись амнистіей ⁴⁾, но унаслѣдованное отъ отца маленькое состояніе было потеряно, и Горацию, которому надо было думать о хлѣбѣ насущномъ, едва удалось на оставшіяся, а, можетъ быть, даже занятыя деньги купить мѣсто квесторскаго секретаря ⁵⁾. Когда онъ уже сблизился съ Мecenатомъ и Августомъ и прославился, какъ стихотворецъ, обстоятельства его улучшились: онъ получалъ щедрые подарки отъ главы государства и его совѣтника ⁶⁾. Но такой источникъ дохода всегда сомнителенъ, и поэтъ сохранилъ за собою, вѣроятно, до полученія имѣнія найденное мѣсто, чтобы, уже испытанный несчастьемъ, опять не подвергнуться превратностямъ судьбы. Онъ не мечталъ о возобновленіи служебной карьеры, открывшейся было довольно громко подъ руковод-

¹⁾ См. о богатствахъ Мecenата въ книгѣ *Frandsen*, С. Cilnius Maecenas (Altona, 1842), p. 97.

²⁾ *Hor. Carm.* III, 16, 29 sqq.

³⁾ Поэтъ часто выставляетъ себя бѣднымъ; онъ говоритъ, что Мecenатъ избавилъ его отъ стѣсненнаго положенія (*Ibid.* v. 37: „inportuna tamen paupertas abest“) и рассказываетъ даже, что именно нужда его заставила искать средства къ жизни въ литературномъ трудѣ (*Epist.* II, 2, 51):

...Paupertas inpulit, audax
Ut versus facerem...

Послѣднія слова, несомнѣнно, заключаютъ шуточное преувеличеніе. (См. *Teuffel*, I, 515; *Schanz*, Röm. Litt. I, 72). Но фактъ ограниченности его средствъ въ этотъ переходный моментъ жизни остается на лицо.

⁴⁾ *Suet.* Vit. Hor. (ed. Roth p. 297): „victisque partibus venia impetrata...“

⁵⁾ *Ibid.* „Scriptum quaestorium comparavit...“ Намекъ на то, что онъ занималъ это мѣсто, встрѣчается у самого Горация. См. *Sat.* II, 6, 86. Обязанность *scribae quaestorii* заключалась въ составленіи финансовыхъ росписей (*rationes*), считалась вполне приличною должностію (*Cic.* II, In. Verr. III, 79, 183: „(Scribarum) ordo est honestus“) и могла доставлять удовлетворительный заработокъ. См. объ этой должностіи у *Mommsen*, Staatsrecht (3 Aufl. I, 346).

⁶⁾ Светоній говоритъ въ своемъ очеркѣ жизни Горация (ed. Roth, p. 297), что Августъ обогатилъ его своею щедростію „unaque et altera liberalitate locupletavit...“).

ствомъ Брута, или утомленный пережитою въ самомъ началѣ неудачею и опасаясь зависти и интригъ, онъ искалъ умѣренного обезпеченія и полного досуга для умственной жизни и литературной работы. Вотъ почему очень кстати пришелся ему любезный даръ внимательнаго сановника. Гораций совѣтъ покинулъ службу и удалился въ частную жизнь. Слава великаго писателя замѣнила ему вполне выдающееся общественное положеніе; онъ зажилъ снова удобно и беззаботно, какъ въ юности, когда отецъ доставлялъ ему все необходимое ¹⁾, не будучи богатымъ, но ни въ чемъ не испытывая стѣсненія. Онъ умѣлъ искусно оберегать пріобрѣтенную матеріальную независимость, хотя бы и относительную, не оскорбляя самолюбія могущественныхъ и гордыхъ покровителей, которые оба упрочили его жизненное благополучіе.

Новое имѣніе Горация лежало не очень далеко отъ Рима, какъ сказано, въ сабинской области, уже въ возвышенной мѣстности, въ послѣднихъ еще крутыхъ отрогахъ Аппенинскихъ горъ, спускающихся къ римской равнинѣ. Оно находилось миляхъ въ 15 къ сѣверу отъ древняго Тибура (нынѣ Тиволи).

Приблизительную топографію „виллы“ ²⁾ Горация воз-

¹⁾ *Hor. Sat. I, 6, 76 sqq.*

²⁾ Нужно помнить, что терминъ *villa* служилъ обыкновенно для обозначенія деревенской усадьбы, являвшейся центромъ сельскохозяйственной эксплуатаціи. См. *Cic. Rosc. Com. 12, 33*: „*Qui ager neque villam habuit neque ex ulla parte fuit cultus*“. И ниже: „*Tum erat ager incultus, sine tecto, nunc est cultissimus cum optima villa*“.—*Plin. Н. п. XVIII, 32*: „*Modus hic probatur, ut neque fundus villam, neque villa fundum quaerat*“. *Poll. ad Cic. Fam. X, 33*: „*Frumenta aut in agris, aut in villis sunt*“. Разсматриваемый терминъ возникъ не очень рано: въ то время, какъ редактировались законы XII таблицъ, онъ еще не употреблялся. Въ томъ же смыслѣ въ текстѣ децемвировъ встрѣчаемъ выраженія *hortus, heredium* (см. *Plin. Н. п. XIX, 50*). Введеніе въ сельскохозяйственный лексиконъ слова *villa* явилось признакомъ извѣстнаго сличенія частныхъ помѣстій въ концентрированнаго около усадьбы индивидуальнаго цѣля, вполне обособленнаго отъ другихъ. Въмѣстѣ же съ дальнѣйшимъ развитіемъ крупной собственности и личныхъ богатствъ этимъ словомъ стали также обозначаться роскошныя загородныя жилища аристократовъ („виллы“ въ современномъ смыслѣ), при чемъ къ слову *villa* въ такомъ случаѣ для точности присоединялся эпитетъ „*urbana*“ (то-есть, загородный домъ, построенный по образцу городскихъ). Но иногда еще во время процвѣтанія имперіи слово *villa* понималось въ смыслѣ „деревня“ (*rūs*). См., напримѣръ, *Plin. Еpp. VII, 25*: „*Athenis vivere hominem, non in villa*“.— Въ еще позднѣйшія времена понятіе „дома“ въ терминѣ „*villa*“ было совсѣмъ

можно установить, благодаря тому, что поэтъ очень подробно ее описалъ, а ревностные поклонники его произведений, подобные аббату Капмартэну, сдѣлали всѣ усилія, чтобы приурочить отдѣльныя черты его описанія къ опредѣленнымъ точкамъ современной Италии или точнѣе сабинской страны, въ которыхъ она всего легче могла быть найдена. Дѣло облегчалось тутъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что географическія наименованія нѣсколькихъ пунктовъ на территоріи, въ предѣлахъ которой она была въ концѣ концовъ локализована изслѣдователями, по счастливой случайности сохранили въ большей или меньшей чистотѣ или искаженіи свою древнюю форму. Нѣкоторыя топографическія подробности не бесполезны и въ интересахъ возстановленія виллы, какъ земельного имущества. Поэтому, здѣсь будетъ вкратцѣ обозначено ея наиболѣе вѣроятное мѣстонахожденіе, а потомъ приведены тѣ факты переживанія географической номенклатуры даннаго края, которые придають такому топографическому опредѣленію значительную убѣдительность ¹⁾.

Дорога изъ Рима въ сабинское владѣніе Горация ²⁾ шла

подавлено понятіемъ „помятыя“, притомъ именно преимущественно крупнаго, и съ такимъ значеніемъ слово перешло въ средніе вѣка. Последнее хорошо показано у Фистель де Куланжа (см. *L'alleu et le domaine rural*, главнымъ образомъ гл. 1, но также и слѣдующія).

¹⁾ Последующее изложеніе основано на результатахъ изслѣдованій многихъ изъ выше названныхъ авторовъ (Капмартэна, Нозль де Верже, Г. Буассье, Т. Берти, Маццолени, Фритча и др.), причемъ не приводятся систематическая и детальная аргументація отдѣльныхъ пунктовъ вопроса, стоящаго въ данной работѣ на второмъ планѣ.

²⁾ Нельзя установить, какое собственное имя оно носило. Н. М. Благовѣщенскій (стр. 200 — 204), слѣдуя за Фр. Якобсомъ, называетъ его „Устикой“. То же названіе даетъ ему *Walckenaer* (I, 409). Но точныхъ основаній для этого нѣтъ: Горацийъ никогда не именуется такъ своего имѣнія. Устикой называлась только гора, расположенная по сосѣдству съ его землей (*Hor. Sat. I, 17, 11*).—Поэтъ употребляетъ для его обозначенія только выраженіе— „*Sabini*“ (им. „*fundus Sabinus*“), то-есть, беретъ множественное число племеннаго наименованія жителей страны. Тотъ же способъ обозначенія помѣстій встрѣчается и у другихъ авторовъ, напримѣръ, у Плинія Мл. (*Epp. IV, 6: „Tumci grandine excussi“*), Марціала (X, 44: „...reddare tuis... *Sabinis*“), Овидія (*Amor. II, 16, 37: „Pelignos videor celebrare salubres“*).—Можетъ быть, *fundus Sabinus* Горация носилъ какое-нибудь личное названіе, происшедшее отъ имени одного изъ первыхъ его владѣльцевъ, въ родѣ *Manlianus, Lollianus, Terentianus* или под. Такова была обыкновенная и наиболѣе распространенная

сначала по *Via Tiburtina* ¹⁾, и первымъ крупнымъ центромъ осѣдлости, встрѣчавшимся на пути, былъ именно древній городъ Тибуръ, построенный на одномъ изъ послѣднихъ холмовъ сабинскихъ горъ при знаменитомъ водопадѣ рѣки Аніо. Миновавъ городъ, надо было продолжать путь къ сѣверовостоку, перебравшись черезъ Аніо, вдоль праваго берега этой рѣки вверхъ, уже въ сабинской землѣ, по *Via Valeria*, составлявшей продолженіе тибуртинской дороги и соединявшей вмѣстѣ съ нею Римъ съ Гадріею ²⁾. Здѣсь послѣ 8—9 миль пути расположено было мѣстечко Варія (*Vicus Varia*). Затѣмъ приходилось покинуть большую дорогу, свернуть влѣво и, углубляясь въ горы, направляться вверхъ по долинѣ рѣки Дигенціи (*Digentia*), притока Аніо, слѣдуя по правой ея сторонѣ, мимо господствующей надъ противоположнымъ берегомъ деревни Манделы (*Mandela*). Наконецъ, еще дальше проѣзжали, поднимаясь все выше, близъ храма богини Вакуны, и здѣсь еще около одной мили впереди ³⁾ за горнымъ ручьемъ, впадающимъ въ Дигенцію, на одномъ изъ холмовъ, покрывающихъ западный склонъ долины у подножья горы *Lucretilis* стоялъ, по всей вѣроятности,

система обозначеній частныхъ помѣстій у римлянъ (См. *Mommsen*, *Hermes*, XIX, 294 ff; *Fustel de Coulanges*, *L'alleu et le domaine rural*, p. 17—19). Но въ данномъ случаѣ и это неизвѣстно. Такимъ образомъ, приходится, къ сожалѣнію, обозначать имяніе Горація описательными выраженіями. См. о способѣ наименованія сабинскаго помѣстья Горація у *Pfitzner*'а, *Das Landgut des Horatius*, p. 20. Кисслингъ (ad *Carm.* II, 18, 14) не допускаетъ образованія для обозначенія его формы „*Sabinum*“, хотя въ названіяхъ, производящихся отъ собственныхъ именъ мѣстностей, средній родъ единственнаго числа встрѣчается постоянно (*Albanum*, *Tiburinum* etc. Cfr. „*suburbalium*“).

¹⁾ Начинаясь въ Римѣ отъ *Porta Esquilina* (въ старой, такъ называемой, Сервіевой стѣнѣ), она соединяла городъ съ Тибуромъ. См. *Richter*, *Römische Topographie* (*Iw. Müller's Handbuch*, III, 899).

²⁾ См. о *via Valeria* у *Pauly*, *Realencyclopaedie*, VI, 2568. Ср. еще сочиненіе *E. Desjardins*, *Essai sur la topographie du Latium* (по Index'у) и его изданіе *Tabula Peutingeriana*.—*M. Voigt*, *Röm. Privatalterthümer* (у *Iw. Müller*, *Handbuch*, IV, 2), p. 359.—Описаніе главныхъ римскихъ дорогъ въ Италиі можно найти въ специальной работѣ *H. Stephan*, *Das Verkehrsleben im Alterthum* (см. у *Raumer*, *Historisches Taschenbuch*, 4 Folge, 9 Jahrg. 1868, S. 120).

³⁾ Все разстояніе отъ *Vicus Varia* до мѣстности, гдѣ, какъ теперь предполагаютъ, находилась вилла, равняется приблизительно 4½—5 милямъ. См. *Masoleni*, *Riv. di filolog.* 1890—91, p. 198.

деревенскій домъ Горация, а кругомъ разстилалась его земля ¹⁾.

Самъ Гораций, какъ сказано, даетъ нѣсколько этаповъ для воспроизведенія начертаннаго сейчасъ пути и приближительнаго расположенія его конечнаго пункта. Не говоря уже о томъ, что онъ нѣсколько разъ прямо называетъ свое помѣстье „сабинскимъ“ ²⁾, въ стихотвореніяхъ его мы находимъ и Дигенцію, и Варію, и Манделу, и храмъ Вакуны, и Лукретиль ³⁾, а живучесть этихъ классическихъ собственныхъ именъ даетъ ключъ къ болѣе или менѣе твердой локализациі его владѣній.—Довѣрять нѣкоторымъ изъ такихъ совпадений Горациевыхъ наименованій съ современными, несомнѣнно, возможно; другія болѣе сомнительны, древность ихъ не удастся прослѣдить, и они обязаны своимъ возобновленіемъ, должно быть, какой-нибудь случайности въ новыя времена. Слѣдуетъ указать главныя и наиболѣе характерныя изъ нихъ.

Рѣчка *Digentia*, протекавшая по глубокой долинѣ, на одномъ изъ прибрежныхъ холмовъ которой была выстроена вилла Горация, легко узнается въ современномъ названіи мелководнаго теперь потока—*Licenza*. Имя лежащаго по дорогѣ изъ Тиволи къ мѣсту виллы городка—*Vicovaro* уже прямо отождествляется съ *Vicus Varia*, о которомъ также упоминаетъ Гораций ⁴⁾. Наименованіе другого сосѣдняго селенія на противоположномъ берегу—*Bardela* (раньше *Cantalupo in Bardela*), нужно думать, ничто иное, какъ испорченное слово

¹⁾ Это пространство, гдѣ теперь находятся такъ называемыя *Vigne S. Pietro*, фруктовыя насажденія (*potario*) графовъ Орсини и сосѣднія полосы земли.

²⁾ См. *Carm.* II, 18, 14; *Sat.* II, 7, 118. — То же мѣстное имя даетъ онъ долинѣ, въ которой оно было расположено (*Carm.* III, 1, 47), гѣсу, который тамъ росъ (*Carm.* I, 22, 9) и винограду, который разводился по ея склонамъ (*Carm.* I, 20, 1).

³⁾ См. упоминанія о *Digentia*—*Epist.* I, 18, 104; *Mandela*—*Epist.* I, 18, 105; *Varia*—*Epist.* I, 14, 3; *Fanum Vacunae*—*Epist.* I, 10, 49; *Lucretilis*—*Carm.* I, 17, 1.—Эти мѣста у Горация помогаютъ и опредѣленію дороги въ указанномъ направленіи.

⁴⁾ Въ комментаріи *Cruquius* (къ указанному мѣсту 14-го письма I-й кн.) читаемъ, что Варія была небольшимъ городкомъ сабинской области, расположеннымъ высоко надъ Аніо вдоль педней вверхъ по его долинѣ Валеріевой дороги, около 8-го мильнаго столба отъ Тибура (римская миля = 2 километра).

Mandela ¹⁾). Предположеніе это подтверждается подлиннымъ эпиграфическимъ памятникомъ, найденнымъ еще въ XVIII вѣкѣ въ *Bardela*, въ которомъ всплыло наружу доказательство древняго названія селенія ²⁾). Далѣе воспоминаніе о горѣ *Lucretilis* долго сохранялось въ позднѣйшіе вѣка. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ конца имперіи и начала средневѣковья, напримѣръ, въ *Liber Pontificalis* и др., мы читаемъ, что названіе—*Mons Lucretii*—примѣнялось къ высокой горѣ, находившейся позади предполагаемаго мѣстоположенія виллы Горация и теперъ именуемой *Monte Corgnaletto* ³⁾). Всѣ указанныя приравненія довольно убѣдительны. Гораздо менѣе значенія имѣетъ созвучіе съ именемъ самого Горация современнаго наименованія одного ручья, впадающаго тамъ же въ Личенцу—*Fonte de' Ratini* или *degli Oratini*. Гораций дѣйствительно говоритъ о такомъ источникѣ (*fons*), протекавшемъ подлѣ самаго его дома. Онъ никогда не пересыхалъ и былъ даже настолько богатъ водою, что могъ бы дать имя рѣчкѣ (*rivus*), въ которую впадалъ ⁴⁾). Но поэтъ не приводитъ его названія; теперешнее же его наименованіе, отождествляемое нѣкоторыми съ именемъ поэта (*Ratini—Oratini—Horatius*), можетъ быть, возникло не очень давно, именно когда вмѣстѣ

¹⁾ Это—село, отличавшееся свѣжимъ климатомъ, какъ рассказываетъ Гораций (*Epist.* I, 18, 105). На развалинахъ современнаго Гораций селенія, вѣроятно, возникло въ средніе вѣка другое, имя котораго постепенно искажилось изъ *Mandela* въ *Bardela*, какъ изъ *Digentia* образовалось *Licenza*. А, можетъ быть, здѣсь скрывается даже лишь простое диалектическое разнозвучіе.

²⁾ См. *Corp. Inscr. Lat.* XIV, 3482: „In prediis suis masse Mandelane.“—Современное управленіе желѣзнодорожной линіи, прошедшей черезъ край по направленію изъ Рима къ Адриатическому морю (Roma—Solmona—Castellamare Adriatica), оказалось почтительнымъ къ древности: оно назвало станцію, встроенную недалеко отъ *Bardela* старымъ именемъ—*Mandela*.

³⁾ *Liber Pontificalis* (éd. Duchesne), I, 183.—Ср. *Noël des Vergers*, Etude sur Nogase, p. 88. Въ прошломъ вѣкѣ гора эта носила еще названіе *Monte Genaro*, которое, весьма вѣроятно, происходитъ отъ имени *gens Ianuaria*: многіе погребальныя камни членовъ послѣдняго найдены въ окрестностяхъ. Такимъ образомъ, весь массивъ, можетъ быть, назывался въ древности „mons Lucretius“ или „mons Ianuarius“, и „Lucretilis“ Горация былъ только, можно думать, ближайшимъ къ дому поэта отрогомъ этой группы возвышенностей. См. *Mazzoleni* въ „Riv. di filol. e d'istr. class.“, 1890—91, p. 203—204 (съ указаніемъ литературы).

⁴⁾ Напримѣръ, *Sat.* II, 6, 2 или, еще лучше, *Epist.* I, 16, 12. (См. прим. Кисслинга и Орелли къ послѣднему мѣсту).

съ появленіемъ археологовъ и обнаруженіемъ ихъ разысканій возродилась въ краѣ память о поэтѣ. Предполагать, что источникъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, былъ названъ въ честь поэта—*fons Horatii*—еще въ древности, и что наименованіе это сохранилось, пройдя черезъ всѣ вѣка, до нашихъ дней, нѣтъ достаточныхъ данныхъ, хотя, конечно, безусловно невѣроятнаго и въ этомъ нѣтъ ничего ¹⁾.—Еще сомнительнѣе, чтобы можно было возводить далеко назадъ происхождение названія одной сосѣдней горы—*Colle del Poetello* и приписывать его также древней памяти о Горациі ²⁾.—Но подѣ

¹⁾ Ноэль де Верже (*Etude sur Hor.* p. 38—39) находитъ, правда, что именованный *Fonte degli Oratini* (онъ предпочитаетъ именно такое начертаніе) очень похожъ на Горациевъ „*tecto vicinus aquae fons*“ (*Sat.* II, 6, 2); но авторъ, писавшіе въ самые послѣдніе годы о виллѣ Горациі—Мадзолени (*Riv. di filol.* 1890—91 p. 214), Т. Берти (*La villa di Orazio*) и Фритчъ (*Neue Jahrb. für Philol.* 1895, p. 72) прямо доказываютъ, что этотъ ключъ никакъ не можетъ подойти къ описанію поэта. Онъ слишкомъ далекъ отъ того высокаго плато (Caro le Volte), которое Ноэль де Верже и поддерживающій его воззрѣніе Пьетро Роза назначать для дома поэта. Далѣе они еще говорятъ, что данный источникъ рѣзко отличается отъ ручья, протекавшаго по сосѣдству съ жилищемъ Горациі, тѣмъ, что онъ бѣденъ водою, а дѣломъ почти пересыхаетъ, между тѣмъ какъ „*rigua rivus aquae*“ у поэта былъ особенно обиленъ, такъ что даже могъ обратитъ въ рѣку потокъ, въ который онъ вылился, и дать ему имя (*Hor. Epist.* I, 16, 12: „*fons etiam rivo dare nomen idoneus*“).—Не лишнее будетъ еще обратитъ вниманіе, что въ кадастровой описи края, относящейся къ 1777 г., мѣстность, по которой бѣжитъ упоминаемый здѣсь ручей, носитъ названіе *di Ratini*, происходящее, очевидно, отъ имени тогдашняго владѣльца земли. Оно измѣнилось въ *Oratini* только послѣ открытія виллы Горациі Кампартеномъ и Де Санктисомъ.—Да и то эту послѣднюю форму, можетъ быть, лучше произвести отъ имени какого-нибудь современнаго жителя долины древней Дигенціи, чѣмъ отъ великаго поэта временъ Августа. Мадзолени указываетъ, что въ нынѣшнемъ селеніи *Licenza* есть крестьяне-собственники, носящіе имя „*Orati*“ (см. *Riv. di filol.* 1890—91, p. 215).

²⁾ Нѣкоторые любители древности не только производятъ это названіе отъ корня *poeta*, но видятъ даже въ уменьшительномъ окончаніи слова *poetello* воспоминаніе о маломъ ростѣ Горациі (!). Нечего и говорить, что не могъ портретъ давно исчезнутаго поэта сохраниться въ памяти столькихъ поколѣній крестьянъ и пастуховъ черезъ столько вѣковъ и переворотовъ. Наименованіе *Poetello*, вѣрнѣе всего, тутъ есть только искаженное *pogetello* или *pogiatello*, что въ данной мѣстности просто значитъ—„небольшое возвышеніе“ Такъ очень естественно толкуютъ Берти и Фритчъ (*Jahrb. für Phil.* 1895, p. 74). Зато *E. Desjardins* (въ своемъ „*Essai sur la topographie du Latium*“, p. 202) упоминаетъ о болѣе вѣроятномъ созвучіи: онъ указываетъ гору, именуемую теперь *Rustica* (около *Corgnaletto*), которая приводитъ на память Устику поэта (*Carm.* I, 17, 11).

конецъ любопытно указать, что воспоминаніе о храмѣ богини Вакуны ¹⁾ привязывается къ существующей теперь по со-сѣдству отъ предполагаемаго мѣста виллы высоко и живописно взгромоздившейся на вершинѣ крутого утеса деревнѣ *Roccagiovine*. Гораций говоритъ, что святилище богини находилось въ состояніи ветхости ²⁾, и тутъ же найдена была надпись, гласящая, что императоръ Веспасіанъ возобновилъ изъ развалинъ храмъ Побѣды ³⁾. Совпаденіе, несомнѣнно, заманчивое и вполнѣ допустимое, хотя, конечно, нельзя придавать значенія переживанія далекаго прошлаго теперешнему наименованію единственной площади селенія—*Piazza Vasuna*, очевидно, позднѣйшему.

Итакъ отъ древности сохраняется рядъ географическихъ названій, которыя приводятъ къ пункту, гдѣ должна была находиться виλλα поэта, а то реалистичное и тонкое описаніе природы края и мѣстоположенія виллы, которое даетъ самъ Гораций въ различныхъ стихотвореніяхъ, заставляетъ постѣ-тителя, разъ самая мѣстность приблизительно опредѣлена по топографическимъ даннымъ, узнать и теперь ея фізіономію.

Тотъ фактъ, что возможно болѣе или менѣе точно установить, въ какой части сабинской области находилась знаме-

¹⁾ Повидимому, это было древне-сабинское божество (см. *Ovid. Fast. VI, 807; Plin. Н. п. III, 109*), не совсѣмъ опредѣленной природы, которое Варронъ (*rer. divin. I*) приравниваетъ къ римской богинѣ Побѣды (*Victoria*). Необходимы ссылки см. у *Massoleni*, въ *Riv. di filol.* 1890—91, p. 205—207. Ср. *L. Preller, Röm. Mythologie* (3 Aufl. Berlin, 1881—83), I, 406—410.

²⁾ *Epist. I, 10, 49*: „post fanum *putre* *Vasunae*“.

³⁾ *C. I. L. XIV, 8485*: „*Imp. Caesar Vespasianus.. aedem Victoriae vetustate dilapsam sua impensa restituit*“. Надпись эта, начертанная на бѣлой мраморной доскѣ, находится теперь въ стѣнѣ очень стараго (по всей вѣроятности, семисотлѣтняго!) замка, расположеннаго на той же скалѣ, съ которой соединена церковь. Въ качествѣ строительнаго матеріала для замка когда-то воспользовались многочисленными обломками такого же мрамора, который, должно быть, происходилъ отъ развалинъ храма Вакуны, и куски котораго до сихъ поръ отыскиваются кругомъ. См. *Frisch, Das horazische Landgut* (*Neue Jahrbücher für Philologie*, 1895, p. 58—59). Веспасіанъ славился, какъ „*conservator caerimoniarum publicarum et restitutor aedium sacrarum*“ (*C. I. L. VI, 984*); въ тому же, какъ сабинянинъ по происхожденію, онъ долженъ былъ особенно заботиться о благолѣшіи святилищъ своей родины. Такъ какъ первоначальные образы сабинскихъ божествъ были тогда уже забыты, императоръ обозначилъ богиню латинскимъ именемъ (см. *Kießling, Op. Hor. III, 77*).

нитая вилла, интересенъ не для одного поклонника или комментатора Горация, специалиста по римской литературѣ, либо для классическаго археолога; онъ важенъ и для историка-экономиста, изучающаго римское землевладѣніе. Личное впечатлѣніе, собственный непосредственный взглядъ на мѣстность въ особенности въ такой странѣ, какъ Италія, гдѣ и въ природѣ, и въ жителяхъ, и въ памятникахъ сохраняется столько живыхъ и мертвыхъ слѣдовъ старины, удивительно хорошо иллюстрируетъ описаніе самого Горация; оно усиливаетъ его конкретную художественную цѣлостность. Древняя землевладѣльческая единица отчетливо тогда возникаетъ передъ глазами ¹⁾. Пишущему эти строки удалось побывать въ Виковаро и окрестностяхъ лѣтомъ 1893 года, и внимательная прогулка по холмамъ долины Дигенціи прекрасно выяснила нѣкоторые пункты въ составившемся теоретически представленіи, а весь пейзажъ въ его привлекательной своеобразности нарисовалъ въ воображеніи живую картину того, чѣмъ должно было быть помѣстье Горация ²⁾.

Вѣка наложили лишь нѣкоторую печать на природу; новые виды культуры очень мало измѣнили почву и характеръ растительности, и общая картина осталась поразительно похожею на мастерскую живопись поэта. Отъ виллы не сохра-

¹⁾ Необходимы карты окрестностей Тибура и долины Дигенціи можно найти уже въ старыхъ сочиненіяхъ о виллѣ Горация, напр. у Каммартена и въ приложеніи къ нѣмецкому переводу Кампенона; затѣмъ въ книгѣ Валькенара о жизни Горация и въ изданіи сочиненій поэта Дидо (при статьѣ Нозля дѣ Верже). См. также большую карту всего Лациума у *Ern. Desjardins, Essai sur la topographie du Latium* (P. 1854). Удобно еще пользоваться соотвѣствующими листами подробной карты, изданной итальянскимъ главнымъ штабомъ. Тито Берти и Мадзолени, наконецъ, даютъ нѣсколько составленныхъ заново прекрасныхъ детальныхъ чертежей мѣстности виллы, къ которымъ лучше всего обращаться.

²⁾ Окружающая милая и изящная природа настраивала чувство особеннымъ образомъ. Мысль, уже направленная въ далекое прошлое, изощрала вниманіе, и чуткость его будилась еще сильнѣе отъ сознанія, что идешь по дорогѣ, которую такъ хорошо зналъ Гораций, и по которой такъ часто ѣздили къ нему его друзья. Колоритъ мѣстности приводилъ на память картину Бакаловича „Встрѣча“. Краски и очертанія, солнце и зной, и трескучее пѣніе цикады, которыми колыхъ былъ воздухъ (*Verg. Ecl. II, 18: „...gaucis Sole sub ardentis resonant arbusta cicadis“*), вся обстановка ярко переносилась въ классическую древность, въ сельскій міръ Теоокрита, Вергилія или Горация.

нилось ясныхъ и несомнѣнныхъ слѣдовъ; но невольно чувствуется, что она должна была возвышаться именно гдѣ-нибудь здѣсь. Кругомъ видятся тѣ же очертанія горизонта и тотъ же рельефъ поверхности; въ представленіи возникаетъ тотъ же ландшафтъ, окутанный тѣмъ же прозрачнымъ воздухомъ, съ тѣмъ же чуднымъ темно-синимъ небомъ, который столько разъ воспѣтъ поэтомъ, составляя прелестную раму самыхъ задушевныхъ его произведеній. Передъ глазами то же нагроможденіе холмовъ на спускѣ отъ довольно высокой гряды горъ къ текущей внизу Дигенціи, которые придаютъ мѣстности оригинальную подвижность. Подъ ногами тотъ же ключъ живой холодной воды бѣжитъ внизъ по камнямъ въ рѣку. Всюду по деревьямъ вьются, хоть и плохія, виноградныя лозы, по склонамъ растутъ орѣшники, масличныя деревья и великолѣпныя каменные дубы (*ilices*). Вверху видны заросли, внизу дуга, и кругомъ замѣчаются даже еще большія, чѣмъ во времена Горация, уединеніе и пустота. Таково общее впечатлѣніе. Оно сильно поддерживаетъ изученныя топографическія данныя, и можно смѣло утверждать, что вилла поэта была навѣрно расположена въ этомъ приблизительно мѣстѣ и несомнѣнно въ этой долинѣ, орошаемой Личенцой, на склонахъ Корньялето, около Роккаджіовине, недалеко отъ Виковаро и Барделлы.

Долина Дигенціи, въ которой находилось помѣстье Горация, не принадлежала къ числу мѣстностей, излюбленныхъ римскою аристократіею, и не была застроена роскошными виллами богачей, какъ ближайшія окрестности Тускула, Альбана, Пренесте, совсѣмъ близкаго къ ней Тибура и болѣе отдаленныхъ отъ Рима Тарента или Бай ¹⁾. Это былъ край живописный, но дикій и пустынный. Страна была покрыта въ значительной части своего протяженія естественно растущимъ мелкимъ лѣсомъ и довольно мало обработана ²⁾. Культура ея была заброшена, не смотря на близость Рима, вѣроятно, потому, что каменистая и слабо орошенная почва

¹⁾ См. указаніе на любимыя „дачныя“ мѣстности высшаго римскаго общества близъ Рима у *Walckenaer*, *Hist. de la vie d'Hor.* I, 416. Ср. у *L. Friedländer*, *Sittengeschichte Roms* (6 Aufl.), II, 106 ff.

²⁾ Тамъ попадались даже *волки*. *Hor. Carm.* I, 22, 9—12. Ср. *Carm.* III, 18, 18.

не отличалась въ общемъ плодородіемъ и оказывалась часто неудобною для земледѣлія. Главными обитателями этого довольно глухого угла средней Италіи были мелкіе сельскіе хозяева. Они жили въ незатѣшливомъ деревенскомъ быту и, чуждые вліянія утонченныхъ нравовъ большихъ городовъ, сохраняли старинные простые обычаи ¹⁾. Эти потомки древнихъ колонизаторовъ, сильныхъ сабинянъ, грубые, но неиспорченные, выносливые и закаленные въ трудѣ, были также главными воздѣльвателями почвы, которая требовала энергичнаго усилія и упорнаго труда, чтобы принести плодъ въ видѣ ли хлѣба или винограда и маслины, но въ концѣ концовъ хорошо вознаграждала не очень требовательнаго земледѣльца ²⁾. Такая суровая картина, такая первобытная об-

¹⁾ Горацийъ даетъ намъ нѣхъ характеристику въ одной изъ своихъ сатиръ (II, 6, 65 sqq.). Правда, по разсказу поэта, когда эти сосѣди приходили къ нему въ гости, они говорили о различныхъ вопросахъ морали, о „*summum bonum*“ (см. ст. 76). Но тутъ рѣчь идетъ просто о той обычной склонности, которая часто обнаруживается у простыхъ людей, поговорить съ образованнымъ знакомцемъ „о матеріяхъ важныхъ“. Катонъ Старшій велъ часто такіа бесѣды съ своими сабинскими сосѣдами (*Cic. De senect. 14, 46*: „... *Quae quidem etiam in Sabinis persequi soleo conviviumque vicinorum cotidie compleo, quod ad multam noctem quam maxime possumus vario sermone producimus.*“). Горацийъ придавъ этому особенно возвышенный характеръ для достиженія моралистическаго контраста съ пустыми и безнравственными разговорами на римскихъ иврешкахъ. Это тотъ же приѣмъ, къ которому прибѣгаетъ нѣсколько разъ Тацитъ, описывая нравы германцевъ.

²⁾ См. о нравахъ сабинскаго племени у различныхъ римскихъ писателей, напр. у *Cicer. Ad. fam. XV, 20*; *Verg. Georg. II, 532*; *Aen. VIII, 635*; *Propert. III, 30 (32), 47*; *Dion. Hal. III, 68*; *Horat. Carm. III, 6, 37*; *Epod. 2, 41*; *Epist. II, 1, 25*; *Liv. I, 18, 30*.—См. объ этомъ *Mazzoleni, Riv. di filologia, 1890—91, p. 218*. Ученые посѣтители края находятъ въ наружности и образѣ жизни современныхъ его обитателей большое сходство съ изображенною поэтомъ старинною. „Въ этомъ глухомъ углу, — говоритъ Г. Буассье (*Nouv. prom. p. 28—29*), — кровь сохранялась болѣе или менѣе чистою въ жилахъ населенія. Мы видимъ въ немъ остатки крѣпкаго и гордаго племени, которому принадлежитъ немалая доля участія въ исторической работѣ Рима“. По личнымъ наблюденіямъ могу сказать, что народъ, встрѣчающійся теперь въ долинѣ Личенци и верхняго Телероне (Анио), очень красивый и сильный народъ, дѣти и старики, какъ и взрослые мужчины и женщины, — и до сихъ поръ довольно первобытныи. Возница мой, 65-лѣтній старикъ, здоровый и бодрый, только разъ въ дѣтствѣ случайно былъ въ Римѣ (куда можно доѣхать въ вагонѣ въ 1½ часа за очень дешевую цѣну). Нравы въ городахъ и селеніяхъ, напримѣръ, въ Вилларо и Субіако (древній *Sublaqueum*), совсѣмъ деревенскіе, не смотря на желѣзную дорогу, пересекающую теперь мѣстность, и даже проникнуть въ нѣ-

становка не могла улыбаться избалованному вкусу представителей римской знати ¹⁾; но именно это и нравилось Горацию, благодаря индивидуальным чертам его темперамента и некоторым обстоятельствам, давшим его жизни особый склад.

2. Земельное состояние Горация, повидимому, исчерпывалось тем имением, о котором здесь идет речь. По крайней мере, сам он прямо говорит, что „доволен единственною своею сабинскою землею“ ²⁾; а в другом месте разсуждает: „къ чему мнѣ мѣнять сабинскую долину на богатство, которое будетъ доставлять черезчуръ много хлопотъ“ ³⁾. Это, очевидно, та же самая мысль ⁴⁾. Кроме того въ качестве недвижимаго имущества у поэта былъ, если основываться на его собственныхъ свидѣтельствахъ, домъ въ Римѣ, судя по описанію, не большой и не роскошный ⁵⁾. Свѣтоній, однако, упоминаетъ рядомъ съ сабинскимъ имениемъ Горация еще о какомъ-то другомъ его владѣніи въ Тибурѣ ⁶⁾.

которые изъ такихъ населенныхъ пунктовъ до сихъ поръ не совсѣмъ легко. Городъ Тиволи является въ глазахъ туземныхъ жителей образцомъ цивилизаціи и великолѣпія.

¹⁾ Единственный пунктъ въ сабинской землѣ, который славился блестящими и пышными красотами пейзажа и потому привлекалъ вниманіе богатѣй, былъ окрестности города *Reate* (нынѣ *Rieti*), который прозванъ былъ *Rosea* и природу котораго недаромъ сравнивали съ Темпейскою долиною. См. Благовѣщенскій, Гораций и его время, стр. 215.

²⁾ *Carm.* II, 18, 14: „Satis beatus unicis Sabinis“.

³⁾ *Carm.* III, 1, 47: Cur valle permutem Sabina
Divitias operosiores?

⁴⁾ Ср. еще *Epist.* I, 15, 17: „Rure meo possum quidvis perferre patique“. Единственное число (*rure meo*) можетъ также намекать, что у Горация была одна земля. То же самое вытекаетъ изъ *Carm.* II, 16, 37—40 и изъ *Sat.* II, 6, 1.

⁵⁾ *Sat.* I, 6, 114: „Inde domum... me refero“, говоритъ Гораций, разсказавъ о своихъ прогулкахъ по городу. Тутъ же онъ изображаетъ свой скромный образъ жизни въ Римѣ. Простой обѣдъ (v. 115: „...Ad porri et ciceris laganique sativum...“) ему готовятъ и подаютъ трое слугъ (см. *Ibid.*, v. 116: „Cena ministratur pueris tribus“). Но для содержанія дома въ порядкѣ и для другихъ услугъ у него въ римскомъ домѣ было, по всей вѣроятности, еще нѣсколько рабовъ (*servi urbani, familia urbana*). Неизвѣстно, гдѣ находился этотъ домъ; но, вѣрнѣе всего, по близости отъ дворца Мecenата, и, должно быть, онъ также былъ подаренъ вельможей.

⁶⁾ *Suet.* Vit. Hor. (ed. Roth, p. 298): „...Vixit plurimum in secessu ruris Sabini aut Tiburtini, domusque eius ostenditur circa Tiburni luculum...“

Различные ученые, работавшие надъ Горациемъ, сильно интересовались вопросомъ, какъ примирить противорѣчіе между словами самого поэта и показаніемъ его біографа. Одни комментаторы отрицали существованіе „*rus Tiburtini Horatii*“, доказывая, что Светоній раздвоилъ то, что было одно, т.-е., сабинское помѣстье ¹⁾. Другіе, наоборотъ, основываясь на показаніи этого писателя, утверждали, что у поэта была особая тибуртинская земля, отдѣльная отъ сабинской. — Чтобы разъяснить недоумѣніе, слѣдуетъ прежде всего исходить изъ точнаго смысла текстовъ самого Горация. Еслибы у него дѣйствительно было второе имѣніе, онъ, вѣроятно, описалъ бы его съ неменьшею любовью, чѣмъ первое, или, по крайней мѣрѣ, упомянулъ бы о его приобрѣтеніи. Между тѣмъ онъ не только этого не дѣлаетъ, а, напротивъ, ясно утверждаетъ обратное. — Но, съ другой стороны, неосторожно было бы рѣзко отбрасывать также вполне опредѣленное свидѣтельство Светонія. Самое правдоподобное будетъ предположить, что собственность Горация въ Тибурѣ была только усадьбою, домомъ ²⁾. Постоянное жилище въ этомъ городѣ было въ самомъ дѣлѣ очень нужно поэту. Онъ могъ, во-первыхъ, проводить въ своемъ домѣ ночь на пути изъ Рима въ деревню ³⁾. Затѣмъ самостоятельный „*ried à terre*“ очень былъ удобенъ для него, когда онъ, живя въ сабинскомъ владѣніи, пріѣзжалъ въ Тибуръ на нѣсколько дней по дѣламъ, если тамъ не было Мецената, Квинктилія Вара или вообще кого-нибудь изъ друзей, и ему нельзя было остановиться у нихъ ⁴⁾. Наконецъ, Горацию вообще трудно было

¹⁾ Последній писавшій о виллѣ Горация авторъ, Фритчъ (*Neue Jahrbücher für Philol. und Paedagogik*, 1895, t. CLI, p. 57), находитъ даже, что уже Штродманнъ въ 1852-мъ году (во второмъ экскурсѣ, приложенномъ имъ къ стихотворному его переводу горациевыхъ одъ) убѣдительно доказалъ, что у поэта было только одно имѣніе.

²⁾ Светоній такъ и называетъ ее „*domus*“.

³⁾ Гораций хорошо описалъ, какъ онъ путешествовалъ съ друзьями (*Sat.* I, 5), а также, какъ ѣздилъ одинъ и въ частности, должно быть, въ свою сабинскую деревню (*Sat.* I, 6, 104 sqq.). Онъ выѣзжалъ, вѣроятно, засвѣтло изъ Рима, къ ночи посвѣвалъ въ Тибуръ и не торопился добраться въ тотъ же день къ мѣсту назначенія.

⁴⁾ Между исследователями римской древности и въ частности историками литературы, занимавшимися Горациемъ, издавна установилось мнѣніе, что у Меце-

обойтись безъ собственнаго дома, когда у него, очень любившаго Тибуръ ¹⁾, являлось желаніе провести тамъ нѣсколько времени для своего удовольствія ²⁾. Помимо всѣхъ указанныхъ соображеній, Горация могло побуждать къ пріобрѣтенію для себя приличнаго обиталища въ Тибурѣ еще желаніе не отставать, по мѣрѣ силъ, отъ „нравовъ и обычаевъ“ членовъ „элегантнаго общества“, съ которыми онъ находился въ постоянномъ общеніи. Нужно вспомнить, что въ числѣ мѣстностей, гдѣ богатые или даже просто состоятельные римляне любили строить себѣ увеселительныя жилища, Тибуръ былъ одною изъ наиболѣе привлекательныхъ ³⁾. Правда, тамъ не было моря, но зато близость Рима являлась большимъ удобствомъ: не приходилось тратить много времени на передвиженіе туда. А природа тамъ дѣйствительно была чудесная, и искусство дивно украсило ее. Всюду восхвалялись лѣса и роши Тибура, свѣжія воды, благоухающіе сады, очарователь-

ната была великолѣпная вилла въ Тибурѣ (Tiburinum Maecenatis). Археологи указываютъ даже на сохранившіяся отъ нея грандіозныя развалины. Хотя не существуютъ ни одного документальнаго свидѣтельства, которое санкціонировало бы такое утвержденіе; но оно само по себѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, и опирается на старую традицію, восходящую чуть ли не до временъ Мецената. По крайней мѣрѣ, при чтеніи Горация чувствуется, что Меценатъ часто жила въ Тибурѣ. Конечно, вельможа могъ обитать тамъ только въ собственномъ загородномъ домѣ, который по роскоши обстановки долженъ былъ соответствовать его богатѣйшему римскому дворцу.—Гораций, несомнѣнно, обладалъ „правомъ постоянного гостепріимства“ въ тибуртинской виллѣ знаменитаго покровителя-друга (См. *Fritsch*, *Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik*, 1895, p. 57). Также можно предполагать, что онъ нерѣдко былъ гостемъ у другого своего пріятели, Вара, о тибуртинскомъ помѣстьѣ котораго поэтъ уже говоритъ прямо (*Carm.* I, 18, 1).—См. спеціальную работу *M. Albert*, *De villis Tiburtinis principis Augusto* (Parisii, 1883).

¹⁾ Эта любовь сквозитъ или прямо высказывается во многихъ стихотвореніяхъ поэта. См., напримѣръ, *Carm.* I, 7, 10:

Me neque tam patiens Lacedaemon
Nec tam Larisae percussit campus opimae
Quam domus Albunee resonantis
Et praesepe Anio ac Tiburni lucus et uda
Mobilibus pomaria rivis.

Ср. еще *Carm.* II, 6, 5 и *Epist.* I, 7, 45 etc.

²⁾ Пользоваться при этомъ наемнымъ помѣщеніемъ, какъ предполагаетъ Фритчъ (въ указанномъ выше мѣстѣ), врядъ ли соответствовало сильно индивидуализированному вкусу Горация и его склонности къ независимой жизни.

³⁾ См. *L. Friedländer*, *Sittengesch. Roms* (6 Aufl.), II, 116.

ные водопады, превосходные плоды, которые дарила тамъ земля, прохлада и благотворенность воздуха ¹⁾. Всѣ эти преимущества, соединенныя вмѣстѣ, привлекали въ Тибуръ самыхъ блестящихъ представителей римской знати. Окружающіе холмы и террасы покрылись роскошными загородными домами; всякій старался устроить себѣ свой „Tiburinum“ ²⁾. Это обстоятельство сильно подняло тамъ цѣны на землю. Даже незначительный клочокъ земли въ Тибурѣ и ближайшихъ окрестностяхъ былъ нѣкоторымъ состояніемъ ³⁾. Несомнѣнно, домъ Горация въ Тибурѣ, если онъ дѣйствительно существовалъ, долженъ былъ быть очень простымъ жилищемъ, которое только служило пріютомъ, не доставляя дохода, такъ какъ въ наемъ, вѣроятно, не отдавался, да и былъ для этого недостаточенъ, и не предназначался для продажи. Можетъ быть, поэтъ самъ купилъ его по выгодному случаю, а, можетъ быть, получилъ опять въ подарокъ отъ Мецената или самого Августа. Если при этомъ домъ и находилась какая-нибудь земля, то она, конечно, была очень ничтожна и занята садомъ, вѣроятно, фруктовымъ, очень возможно, съ маленькимъ виноградникомъ, служа, такимъ образомъ, жизненному комфорту,

¹⁾ У самого Горация встрѣчается много восторженныхъ отзывовъ о природѣ Тибура. Выше указано мѣсто изъ 7-й оды III-й книги. Ср. еще, напримеръ, *Serm.* I, 18, 2; II, 6, 5; III, 4, 28; III, 29, 6; *Epist.* I, 7, 45; особенно же *Serm.* IV, 2, 80; IV, 3, 10; *Epist.* I, 8, 12. Подобнаго же рода выраженія о Тибурѣ можно найти у другихъ авторовъ. О плодородіи живописной долины, орошаемой легко разливающимися водопадами Аніо, хорошо говоритъ, напримеръ, Страбонъ (V, р. 238): „Ὁ κатарάκτης ἐν ποιεὶ πλεστός ἐν ὁ Ἀνίῳν, ἀφ' ὧφοῦς μεγάλου καταπίπτων εἰς φάραγγα βαθεῖαν καὶ καταλή... ἐντεῦθεν δὲ διεξίσι κεδίων εὐκαρπώτατον“.—Проперцій воспѣваетъ обиліе плодовъ, которые производятъ тибуртинскіе сады (V, 7, 81: „...pomosis Anio qua sramifer incubat arvis“). Затѣмъ постоянно встрѣчаются описанія тибуртинскихъ красотъ у очень различныхъ писателей. Для примѣра указывается *Dion. Hal.* V, 37; *Stat. Silv.* I, 3 etc.

²⁾ Главнѣйшія изъ нихъ перечислены и, по возможности, описаны въ книгѣ *M. Albert, De villis Tiburtinis principe Augusto*. У поэта Стація (*Silv.* I, 3) подробно изображена одна изъ самыхъ великолѣпныхъ, принадлежавшая Манлію Воинску.

³⁾ *Катуллъ* говоритъ, что крошечная дача его около Тибура была заложена за 15,200 сестерціевъ. *Catull.* XXVI: „Villula nostra... opposita est... ad milia quindecim et ducentos“. Что она была тибуртинская, видно изъ 44-й его элегии. Она должна была быть расположена вблизи отъ города у праваго берега Аніо, вѣдь горю въ долинѣ, такъ какъ была защищена со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра (*Cat.* XXVI, 1—3).

а не хозяйственнымъ цѣлямъ ¹⁾. Особеннаго же тибуртинскаго имѣнія у Горация, еще разъ, вѣрнѣе всего не было ²⁾. Когда онъ, описывая жизнь свою въ деревнѣ, неопредѣленно говоритъ о Тибурѣ, можно, безъ серьезной опасности оши-

¹⁾ Светоній говоря объ этомъ домѣ Горация, отмѣчаетъ, что онъ былъ расположенъ около рощи Тибурна (такъ звали сказочнаго основателя Тибура). Въ Тиволи до сихъ поръ показываютъ развалины въ саду небольшого монастыря св. Антонія, которыя по традиціи считаются остатками дома Горация (la casa di Orazio Flacco). Мѣсто это находится нѣсколько за городомъ на противоположной (правой) сторонѣ Аніо, и около него растетъ дѣйствительно тѣнистая оливковая роща. Впрочемъ, твердыхъ научныхъ основаній для такой „народной“ топографіи нѣтъ.

²⁾ Все выраженіе Светонія—„*ruris Sabini aut Tiburtini*“ должно быть, кажется, отнесено къ имѣнію въ долинѣ Дигенціи и можетъ быть объяснено тѣмъ, что Тибуръ, хотя былъ городомъ латинскимъ, стоялъ во главѣ территоріи, которая главнымъ образомъ лежала въ сабинской области. Территорія Тибура, какъ городской общины, могла распространяться только за Аніо и тянулась вверхъ по правому его берегу къ сѣверу, такъ какъ съ юга къ самому городу подходила территорія Рима и Пренесте, съ запада—Фиденъ. Плиній же Старшій ясно говоритъ, что Аніо составлялъ границу Лациума „сзади“ (*Plin. Н. в. III, 54: „Latium includit a tergo...“*). Такимъ образомъ долина Дигенціи, нужно думать, принадлежала къ тибуртинскому округу. Это можно предполагать также изъ надписи, относящейся, какъ кажется, къ *Vicovalo*, въ которой упоминается примпилярій, воздвигшій для своихъ согражданъ баню, и принадлежащій къ *tribus Camilla*, территорія которой совпадаетъ, между прочимъ, съ территоріей Тибура (*C. I. L. XIV, 3472*). Округъ этого города простирался и по долинѣ верхняго Аніо до *Sublaqueum* (нынѣ *Subbio*), какъ видно изъ *Tac. Ann. XIV, 22*. Въ силу этого сабинское помѣстье Горация могло быть названо и тибуртинскимъ, такъ какъ оно въ муниципальномъ отношеніи зависѣло отъ Варіи, а послѣдняя отъ Тибура. Такое опредѣленіе территоріи Тибура сдѣлано, повидимому, вполне основательно французскимъ ученымъ *Cam. Julian*, въ его замѣткѣ—„*La villa d'Horace et le territoire de Tibur*“ (*Mélanges de l'École fr. de Rome, t. III, 1858*), въ которой можно найти подробную аргументацію этого пункта: тамъ приведены достаточно убѣдительные тексты. Можно было примѣнить оба названія также и къ вилламъ, расположеннымъ около самаго Тибура по правому берегу Аніо. Такъ, напримѣръ, Катгуллъ рассказываетъ, что его маленькую виллу около Тибура знакомые называли то „сабинскою“, то „тибуртинскою“, смотря потому, хотѣли-ли они доставить ему удовольствіе или раздражить его (*Cat. XLIV*). Аббатъ Калмартэнъ замѣчаетъ объ этомъ: „*Le nom de Sabin était une injure dans la bouche des agréables parce qu'ils traitaient la sévérité Sabine de rusticité*“ (*Découv. de la maison de camp. d'Horace, II, 424*). Въ словахъ Светонія частица *aut* обозначаетъ, вѣроятно, противоположеніе между этническимъ (*Sabinum*) и административнымъ (*Tiburtinum*) наименованіемъ мѣстности. По существу же въ текстѣ биографа Горация различаются „сабинская деревня на тибуртинской территоріи“ (*rus Sabinum aut Tiburtinum*) и „домъ (либо дача) въ Тибурѣ или около него“ (*domus circa Tiburni luculum*).

биться, считать, что дѣло, по крайней мѣрѣ, обыкновенно идетъ о виллѣ въ долину Дигенціи. Часто и теперь называютъ городъ, когда хотятъ сказать, что ѣдутъ въ его окрестности, и вполне естественно, что Гораций, когда это почему-нибудь удобно для ритма стиха или разнообразія стиля, говорить „Тибуръ“ вмѣсто „мое имѣнье на тибуртинской территоріи“¹⁾.

¹⁾ Трудно опредѣленно объяснить, почему Гораций, оставившій въ своихъ сочиненіяхъ такъ много автобіографическаго матеріала, не упомянулъ ни разу яснымъ образомъ о своемъ тибуртинскомъ домѣ. Нужно только обратить вниманіе на одно обстоятельство: тексты, которые стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ предположеніемъ о томъ, что и поэтъ могъ быть обладателемъ недвижимой собственности въ двухъ мѣстностяхъ, встрѣчаются только въ болѣе или менѣе раннихъ его произведеніяхъ. Позднѣйшее изъ стихотвореній, изъ котораго можно прямо заключить, что у Горация была только одна земля, именно первая ода третьей книги (см. стихъ 47-й), написано въ 728 г. отъ осн. Р. или въ преддущемъ (*Kießling*, Ног., 2 Aufl. I, 211). Точный годъ появленія 18-й оды второй книги (въ которой встрѣчаются слова „satis beatus unicus Sabinis“), какъ кажется, нельзя установить. Орелли (Ног. Ор., 4 ed. I, p. XXX; 307) думаетъ, что она должна быть отнесена ко времени скоро послѣ полученія поэтомъ сабинской виллы, т. е. 721-го года. Во всякомъ случаѣ, и она появилась довольно рано, такъ какъ всѣ три первыхъ книги одъ изданы были въ 731 г. (*Kießling*, I, 24; *Teuffel*, I, 516). Итакъ утверждать съ увѣренностью, что у Горация не было земельного имущества въ Тибурѣ, можно только примѣнительно ко времени до 728-го или, самое позднее, до 731-го года. Съ другой стороны, слѣдуетъ выставить на видъ, что поэтъ не скрывалъ своего настойчиваго желанія обладать собственнымъ домашнимъ очагомъ въ столь любимомъ имъ городѣ. Въ 6-й одѣ второй книги (ст. 5-й) читаемъ слѣдующія выразительныя слова:

Tibur Argeo positum colono
 Sit meae sedes utinam senectae,
 Sit domus lasso maris et viarum
 Militiaeque.

Поэтъ мечтаетъ о жилищѣ въ Тибурѣ, въ которомъ онъ пріютилъ бы свою старость: стало быть, его еще нѣтъ (въ 737—28 г.); но авторъ откровенно какъ бы приглашаетъ богатыхъ друзей довершить его счастье, подарить ему такой домъ. Затѣмъ въ болѣе позднихъ стихотвореніяхъ Гораций говоритъ о Тибурѣ, какъ о гораздо болѣе постоянномъ своемъ мѣстопребываніи, чѣмъ въ прежніе годы. См. особенно *Carm.* IV, 2, 27 (741 г.):

..... ego apis Matinae
 More modoque,
 Grata carpentis thyma per laborem
 Plurimum, circa nemus uvidique
 Tiburis ripas operosa parvus
 Carmina fingo.

Ср. также *Carm.* IV, 8, 10; *Epist.* I, 7, 44; I, 8, 12 (793 г.).

Надо было сказать о двухъ домахъ Горация, городскомъ— римскомъ и загородномъ — тибуртинскомъ, для полноты картины его недвижимаго состоянія. Теперь пора перейти къ детальному описанію единственнаго вполне достовѣрно существовавшаго помѣстья поэта, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ имъ самимъ.

2.

Размѣры сабинскаго имѣнія Горация съ точностью опредѣлить нельзя: поэтъ не даетъ цифровыхъ данныхъ и описываетъ свою землю въ художественныхъ образахъ. Но даже не имѣя въ рукахъ статистическаго матеріала, обстоятельной сельско-хозяйственной описи, мы можемъ прийти къ нѣкоторымъ соображеніямъ о величинѣ земельного состоянія поэта, соединяя вмѣстѣ отдѣльныя указанія, которыя разбросаны въ различныхъ его стихотвореніяхъ.

Гораций нѣсколько разъ говоритъ о своемъ владѣніи, какъ о незначительномъ клочкѣ земли, называя его „скромнымъ домикомъ“¹⁾, „маленькимъ имѣніемъ“²⁾, „землицей“, къ которой рабъ, назначенный поэтомъ въ управляющіе (*vilicus*), привыкшій видѣть городскую роскошь, относится

Приведенными здѣсь замѣчаніями и соображеніями подтверждается лишній разъ установленное въ текстѣ мнѣніе. Становится нѣсколько понятно, почему Гораций умалчиваетъ о своей тибуртинской собственности, обнаруживаемой Светоніемъ. Сначала ея не было. Потомъ ему, должно быть, подарилъ тамъ небольшую усадьбу кто-нибудь изъ сильныхъ друзей, вѣрнѣе всего, Мecenатъ, но, можетъ быть, и Августъ (Светоній вѣдь говоритъ, что и Августъ „обогатилъ“ поэта). Специально описывать новый домъ, можетъ быть, и не стоило: онъ былъ малъ и простъ и не давалъ матеріала для яркой картины. А, можетъ быть, тутъ скромность помѣшала Горацию заявить о второмъ пожалованіи, какъ раньше радость побудила много говорить о первомъ. Въ послѣднихъ же указанныхъ стихотвореніяхъ можно даже, пожалуй, видѣть замаскированную рѣчь о тибуртинской дачѣ. Для тѣхъ, кто не согласится принять предложеніе приравнять у Горация ссылки на деревенскую жизнь его въ Тибурѣ за описаніе пребыванія въ сабинскомъ владѣніи, стихотворенія эти будутъ относиться къ тибуртинскому дому. Это было не помѣстье, но все-таки загородное жилище, напоминавшее деревню.

¹⁾ *Sat.* II, 3, 10: „Si vacuum tepido cepisset *villula* tecto“.

²⁾ *Carm.* II, 16, 37: „...parva rura...“

свысока ¹⁾.—Но эти слова производят впечатлѣніе только поэтическаго украшенія рѣчи (фигуры уменьшенія). Можетъ быть, впрочемъ, такіе смиренныя эпитеты слѣдуетъ приписывать и сознательному желанію автора изобразить себя маленькимъ человѣкомъ, сжаться на словахъ, чтобы отстранить неудовольствіе другихъ и спокойно наслаждаться добромъ ²⁾. Такое умѣренное довольство немногимъ вытекало къ тому же изъ философскихъ идей Горация и, выражаясь въ стихотвореніяхъ (все равно фиктивно или правдиво), должно было способствовать ихъ внутренней литературной цѣльности. Возможно еще одно предположеніе: въ словахъ этихъ и ихъ уменьшительныхъ окончаніяхъ можно видѣть противопоставленіе Горациемъ своего помѣстья землямъ, которыми владѣли богатые римляне его круга. Что послѣднее объясненіе самое вѣроятное, будетъ видно изъ второй части настоящаго этюда.

На самомъ дѣлѣ помѣстье Горация, не будучи, безъ сомнѣнія, „барскою латифундіею“, представляло все-таки довольно солидную сельскохозяйственную единицу. Самъ Гораций проговаривается въ такомъ смыслѣ. Обращаясь съ благодарностью къ Мecenату, онъ восклицаетъ: „Ты сдѣлалъ меня богатымъ!“ ³⁾ Онъ еще признается, что никогда не мечталъ о подобномъ благополучіи ⁴⁾ Слова эти могутъ быть

¹⁾ *Epist.* I, 14, 1: *Vilice silvarum et mihi me reddentis agelli,
Quem tu fastidis...*

²⁾ Въ юности во время первыхъ успѣховъ служебной карьеры Горация, у него уже были завистники (*Sat.* I, 6, 46). Теперь онъ хочетъ быть незамѣтнымъ (*Carm.* III, 16, 18):

...Iure perhorru
Late conspicuum tollere verticem...

и жеть тихо (*Carm.* III, 1, 45):

Cur invidendis postibus et novo
Sublime ritu moliar atrium?

Тѣмъ болѣе, что есть уже оныя люди, которые завидуютъ его близости къ Мecenату (*Sat.* II, 6, 48).

³⁾ *Epist.* I, 7, 15: „Tu me fecisti locupletem“.

⁴⁾ *Sat.* II, 6, 1:

Noc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi et tecto vicinus iugis aquae fons

приняты обратно за риторическое преувеличение, но внимательное сопоставление различных текстовъ и отрывковъ, въ которыхъ Горацийъ описываетъ свои владѣнія, называя угодыя, изъ которыхъ они состояли, убѣждаетъ, что это вѣрно, и что они составляли изрядное земельное имущество ¹⁾.

1. Чтобы судить о величинѣ имѣнія Горация, не лишнее бросить взглядъ на самую конфигурацію мѣстности, гдѣ оно должно было быть расположено. Затѣмъ слѣдуетъ произвести описаніе земли поэта, по возможности, точно, его же словами, т.-е. идя за нимъ, какъ за самымъ вѣрнымъ руководителемъ. Сравненіе топографическаго обозрѣнія съ картиною, извлеченною изъ стихотвореній поэта-владѣльца, можетъ привести къ извѣстному выводу относительно размѣровъ площади, которую оно занимало.

Для перваго общаго взгляда лучше всего помѣститься на плоской вершинѣ холма ²⁾, гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, возвышалась когда-то усадьба Горация. Если наблюдатель обратится лицомъ на востокъ, передъ глазами его будетъ разстилаться долина, довольно глубокая и извилистая; на днѣ ея течетъ Личенца; но ея не видно: она закрыта отъ взора далеко внизу волнистыми очертаніями разбросанныхъ по склону другихъ холмовъ и зелеными вѣтвями растущихъ на нихъ деревьевъ. Позади большимъ полукругомъ отъ юга черезъ западъ къ сѣверу надъ долиной

Et paullum silvae super his foret. *Auctius atque*
Di melius fecere. Bene est, nil amplius oro...

Еще въ одномъ мѣстѣ (*Epod.* 1, 31):

Satis superque me benignitas tua
Ditavit...

¹⁾ Въ одѣ въ Тиндаридѣ поэтъ изображаетъ свое помѣстье изобилующимъ всякимъ добромъ (*Carm.* I, 17, 14):

...Hic tibi copia
Manabit ad plenum benigno
Ruris honorum opulenta cornu.

²⁾ Пунетъ этотъ теперь называется Capo le Volte (См. *Massoleni* въ „*Riv. di filologia e d'istruzione classica*“, 1890—91, p. 215), и онъ возвышается на 650—675 метровъ надъ уровнемъ моря.

господствуют горы. Онѣ крутыя и довольно высокія, но по большей части не скалистыя, а покрытыя некрупнымъ лѣсомъ или кустами, въ верхнихъ частяхъ травою ¹⁾. Надъ самымъ мѣстомъ, которое избрано здѣсь исходною точкою описанія, поднимается округлая вершушка Корньялето (*Lucretiis* Горация). Налѣво внизу долина Личенцы заворачиваетъ такъ быстро, что совсѣмъ не видно еще болѣе тѣсное ущелье, изъ котораго она выходитъ. Направо вырастаетъ большая скала, на которую взгромоздилась нынѣшняя деревушка Роккаджювине, и закрываетъ видъ на устье долины. Прямо впереди на другой сторонѣ рѣки также тянутся горы: онѣ ниже, чѣмъ первыя, и совсѣмъ голыя; во время Горация по склонамъ ихъ, вѣроятно, также росъ лѣсъ. Созерцая эту картину, живо узнаешь ландшафтъ, нарисованный такъ изящно Горациемъ:

Тамъ непрерывныя горы одной отѣненной долиной
Разлучены: правый край восходящее радуетъ солнце;
Лѣвый, склоняясь, златить колесница вечерняго Феба,
Въ легкій окутавъ туманъ ²⁾.

Владѣнія Горация не могли простирались за предѣлы изображеннаго горизонта по направленію къ югу (т.-е. внизъ по Личенцѣ) ³⁾: Храмъ Вакуны, возвышавшійся, какъ выше указано, на крутой горѣ, гдѣ теперь находится Роккаджювине, несомнѣнно, стоялъ внѣ территоріи, принадлежавшей поэту. Но весьма возможно, что собственность его захватывала также, по крайней мѣрѣ, часть пространства, закрытаго отъ зрителя, если послѣдній помѣщается на *Sarole Volte*, невысокимъ гребнемъ возвышенностей, расположенныхъ къ сѣверу и бѣгущихъ вдоль поперечнаго оврага,

¹⁾ См. объ этой лѣсной части у *Fritsch* въ „*Neue Jahrbücher für Philologie*“, 1895, р. 69—70.

²⁾ *Epist.* I, 16, 5:

Continui montes nisi dissocientur opaca
Valle, sed ut veniens dextrum latus aspiciat sol
Laevum discedens curru fugiente vaporet...

Помѣщенный въ текстъ переводъ этихъ стиховъ принадлежитъ В. И. Иванову.

³⁾ Горизонтъ этотъ самъ по себѣ невеликъ, такъ какъ горы окаймляютъ его со всѣхъ сторонъ.

который именуется Fosso Pie Mogale ¹⁾. Склонъ этого оврага поросъ густымъ и красивымъ каштановымъ лѣсомъ, и за нимъ еще далѣе на сѣверъ особенно привлекаетъ вниманіе близко придвинувшійся къ рѣкѣ и отдѣленный отъ нея только лугомъ, низкій и довольно обширный ²⁾ пологій холмъ, покрытый очень плодородною почвой, богатый разнообразною растительностью и орошенный ручьемъ, обильнымъ водою, который тутъ же вливается въ Личенцу. Мѣстность эта занята и теперь виноградниками и фруктовыми садами, и она манитъ и притягиваетъ къ себѣ прохладною тѣнистыхъ роощъ, мягкостью очертаній высотъ и живописностью рельефа поверхности. Къ западу скоро надъ холмомъ опять воздымаются крутизны; къ сѣверу тутъ же долина Личенцы раздваивается, и на истоки рѣчки надвигается, заворачивая къ востоку, тотъ же амфитеатръ горъ. Тутъ то, вѣроятно, и спускался къ виллѣ Горация отлогій, хоть и утесистый скатъ Устики ³⁾. Это ужъ несомнѣнно и въ данную сторону пограничная линія возможнаго протяженія земель, составлявшихъ угодыя виллы, которая досталась поэту.

Теперь спрашивается: можно ли болѣе точно опредѣлить самый пунктъ, гдѣ построена была усадьба хозяина (*villa urbana*), являвшаяся руководящимъ центромъ помѣстья?

Понятно, что сдѣлать это нелегко, разъ не осталось никакихъ развалинъ, которыя можно было бы отождествить по какой-нибудь надписи или другому признаку съ жилищемъ Горация. Тѣмъ не менѣе ученые давно изошряются въ остроуміи, чтобы, по имѣющимся намекамъ въ стихотвореніяхъ поэта, угадать настоящее мѣсто, гдѣ именно долженъ былъ

¹⁾ Для яснаго представленія топографіи удобнѣе всего обращаться къ картамъ, приложеннымъ къ работамъ Берти и Мадзоленни.

²⁾ Высота его опредѣляется 434 метрами надъ уровнемъ моря (и только 50 надъ поверхностью долины). Ширина же и длина измѣряются приблизительно 500 метрами каждая.

³⁾ Гораций говоритъ объ этой горѣ, описывая сельскія сцены у себя въ сабинской землѣ. См. *Carm.* I, 17, 11: „...Usticae cubantis levia personuere saxa“. См. о топографіи Устики у Фритча, „Neue Jahrbücher für Philologie“, 1895, p. 67; 70.

стоять его деревенский домъ. Выборъ колеблется здѣсь преимущественно между двумя положеніями—однимъ болѣе возвышеннымъ, другимъ болѣе низменнымъ. Послѣднему—это только что описанный „холмъ виноградниковъ“ — было дано предпочтеніе тѣми поклонниками древности, которые еще въ концѣ прошлаго вѣка „открыли“ знаменитую виллу, то-есть, аббатами Капмартэномъ и Де Санктисомъ. Но въ пятидесятихъ годахъ были сдѣланы новыя наблюденія на самомъ мѣстѣ французскимъ археологомъ, Ноэль дэ Вержэ, и итальянскимъ, Піетро Роза, и они нашли необходимымъ измѣнить топографію и локализовать виллу-усадъбу гораздо выше и болѣе на юго-западъ, то-есть, ближе къ Роккаджіовине и дальше отъ рѣки, на гладкой вершинѣ болѣе значительнаго холма, который именуется теперь Каполе Вольте ¹⁾. Аргументація названныхъ авторовъ построена на внимательномъ примѣненіи къ различнымъ пунктамъ долины Дигенціи всего, что Горацій говоритъ о ситуациіи своего сабинскаго жилища. Эта то именно работа привела ихъ къ выводу, что таково должно быть самое вѣроятное рѣшеніе задачи ²⁾.

Взглядъ Ноэль дэ Вержэ получилъ преобладаніе въ литературѣ второй половины нынѣшняго вѣка ³⁾. Но новѣй-

¹⁾ Онъ находится на разстояніи не болѣе полукилометра отъ Роккаджіовине (*Frisch*, Neue Jahrb. 1895, p. 61), неподалеку отъ заброшенной теперь часовни, построенной еще въ XVI в., которая носитъ имя *Santa Maria delle case*. Названіе это напоминаетъ *fundus ad duas casas*, какъ обозначается территория, гдѣ лежало помѣстье Горація, въ одномъ средневѣковомъ регистрѣ (*Noël des Vergers*, Etude sur Nog. p. 88—89). Такъ устанавливается известная топографическая традиція.

²⁾ Въ данномъ пунктѣ нѣтъ ясныхъ слѣдовъ опредѣленнаго сооруженія. Видно только, что мѣсто было искусственно выравнено для постройки; сохраняются какія-то безформенныя развалины зданія, которое можно по системѣ кладки, какъ думаютъ, отнести къ эпохѣ Августа. Кругомъ разбросано много кирпичей и обломковъ; замѣчаются остатки подземнаго выложеннаго кирпичемъ и камнемъ хода. Но планъ и самый характеръ постройки трудно опредѣлить, хотя Ноэль дэ Вержэ (*Etude*, p. 37) считаетъ, что „la forme du terrassement, son aplatissement, la régularité de ses angles... présentent la disposition des villas romaines, dont on a un si grand nombre d'exemples“.

³⁾ Блестящій взглядъ Гастона Буассье (въ „Nouvelles promenades archéologiques“), который прикинулъ къ нему, особенно способствовалъ его распространенію. Онъ казался наиболѣе правильнымъ и автору настоящей работы во

шія топографическія изслѣдованія Берти, Мадзолени и Фритча ¹⁾, хотя опять-таки не даютъ убѣдительнаго отвѣта на вопросъ (самая природа его такова, что отвѣты могутъ быть высказаны только болѣе или менѣе вѣроятные), но все же побуждаютъ, повидимому, вернуться снова къ старому мнѣнію, то-есть, расположить усадьбу поэта-помѣщика въ сѣверной и болѣе низменной части того пространства, внутри котораго, несомнѣнно, лежало самое имѣніе. Доводовъ въ пользу своего воззрѣнія новые изслѣдователи приводятъ не мало, и они очень тщательно разработаны. Главные, впрочемъ, сводятся къ ссылкѣ на то, что избираемое мѣсто самое плодородное, красивое и удобное для жилья изъ всѣхъ, которыя такъ или иначе совпадаютъ съ описаніями самого поэта ²⁾, и что на немъ сохраняются болѣе или менѣе ясные остатки дома, который можетъ быть отнесенъ ко времени, когда жилъ Гораций ³⁾. Повторять здѣсь эти аргументы незначѣмъ; и не

время перваго ея появленія въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (См. 1895 г. Январь).

¹⁾ Заглавія ихъ статей, такъ же, какъ и работъ Ноэль дэ Вержэ и П. Роза, точно приведены выше въ очеркѣ литературы о виллѣ Горация.

²⁾ Это дѣйствительно „*reducta vallis*“ (*Carm.* I, 17, 17; cfr. *Epod.* 2, 11), которая лучше всего могла быть „*latebrae dulces amoenae*“ (*Epist.* I, 16, 15). Тамъ по сосѣдству лучше всего къ тому же могли культивироваться различные виды хозяйственныхъ растений и полезныхъ деревьевъ, которыя доставляли владельцу самый вѣрный доходъ.

³⁾ Особенно удачно надо назвать критическую часть этихъ этюдовъ, доводы отрицательные, разрушающіе противоположныя объясненія. Отлично показано, напримѣръ, что локалізація усадьбы въ *Capo le Volte* нарушаетъ отношеніе, въ которомъ находится вила въ описаніи поэта къ живому источнику неиссякающей свѣжей воды, съ которымъ она, такъ сказать, тѣснѣйшимъ образомъ была связана: гораціевъ ключъ протекалъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ домомъ, а *fonte de'Ratini* бѣжитъ на разстояніи около километра отъ этого мѣста, по лощинѣ, расположенной глубоко ниже (сравнительно какъ Тибръ течетъ ниже *Monte Mario*, метровъ на 120); къ тому же вмѣсто обильнаго водою ручья мы имѣемъ тутъ жалкую и лѣтомъ почти исчезающую струю. Затѣмъ цитированные авторы вообще прекрасно воспользовались цифровыми данными различныхъ разстояній, чтобы опровергнуть расчеты противниковъ и подтвердить собственныя соображенія. Кромѣ того ими подорвано одно изъ главныхъ оснований взгляда Ноэль дэ Вержэ и П. Роза. Послѣдніе опирались на словахъ Горация— „*in arduos tollor Sabinos*“ (*Carm.* III, 4, 21) и „*ubi me in montes et in arcem ex urbe removi*“ (*Sat.* II, 6, 16), чтобы утверждать, что деревенскій домъ Горация непременно долженъ былъ стоять высоко на горѣ. Фритчъ, напримѣръ, хорошо поясняетъ, что первое выраженіе (*arduos*) относится вообще къ горной

только потому, какъ замѣчено сейчасъ, что въ нихъ мало можно найти объективно неопровержимаго; но и вслѣдствіе того, что настоящая критическая провѣрка обоихъ предположеній возможна только на мѣстѣ; преимущественно же въ силу того, что для цѣли настоящаго труда вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ второстепенный. Гдѣ бы ни помѣстили домъ Горация,—на *Capo le Volte* или на *Calle delle Vigne*,—все равно, и то, и другое мѣсто, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, должны быть включены въ предѣлы помѣстья поэта: а это одно только и важно существеннымъ образомъ для интересовъ даннаго изслѣдованія.

Гораций или самъ выстроилъ свой домъ въ долину Дигенци, или засталъ прежнюю постройку въ состояніи ветхости, либо нашелъ необходимымъ ее расширить. Какъ бы то ни было, но новому хозяину пришлось много хлопотать, чтобы соорудить, обновить усадьбу или приспособить ее къ удобствамъ жизни ¹⁾. Но скоро онъ все-таки устроился въ новомъ жилищѣ и сталъ наслаждаться, обитая въ немъ, природою и сельскимъ покоемъ ²⁾.

природѣ сабинской страны, а второе (*arx*) въ переносномъ смыслѣ обозначаетъ неприступное убѣжище отъ несносной городской суеты (См. *Neue Jahrbücher für Philologie*, 1895, 63). Положительные аргументы послѣднихъ ученыхъ значительно слабѣе, и это неудивительно: новаго матеріала у нихъ не было; приходилось стремиться только къ болѣе исчерпывающему и точному пользованію тѣми же данными Горация. Можно согласиться, что они достигли большаго искусства и говорятъ убѣдительно предшествующимъ; но напрасно, напримѣръ, тотъ же Фригъ слишкомъ преувеличиваетъ различія природы *Colle delle Vigne*, избраннаго имъ пункта для виллы, отъ сосѣднихъ мѣстъ. Эти различія вовсе не отдадутъ рѣшающимъ образомъ данному холму монополию на отождествленіе съ *артинно*, составленною изъ красокъ поэта (См. *Neue Jahrbücher*, p. 59). Вся мѣстность представляетъ ландшафтъ однороднаго типа.

¹⁾ По 3-й сатирѣ II-й книги видно, что Гораций предпринималъ какія-то строительныя работы: „*Primum aedificas*“ (ст. 307—308). Сатира, по мнѣнію специалистовъ, была написана вскорѣ послѣ полученія виллы. См. *Kießling*, *Ног. II*, 148; Н. М. Благовѣщенскій, стр. 211.

²⁾ Это можно заключить изъ первыхъ стиховъ 6-й сатиры той же книги, которая написана была вслѣдъ за 3-й, то есть, по опредѣленію Кисслинга (*Ног. II*, 204) въ 723 г., тогда какъ третья относится къ 722 или концу 721 г. отъ осн. Рима. Въ письмѣ къ Фуску поэтъ говоритъ, что чувствуетъ себя царемъ въ своемъ новомъ имѣніи. (*Epist.* I, 10, 8):

Quid quaeris! Vivo et regno, simul ista reliqui
Quae vos ad caelum effertis rumore secundo...

Поэтъ изображаетъ обстановку своего загороднаго обиталища. Въ немъ нѣтъ ни позолоты, ни украшеній изъ слоновой кости, ни мраморныхъ колоннъ или дорогихъ пурпурныхъ занавѣсей и покрываль ¹⁾. Это былъ небольшой и, очевидно, довольно простой деревенскій домъ ²⁾. Роскошная вилла была бы даже неумѣстна въ глухомъ сабинскомъ захолустьѣ. Впрочемъ, когда домъ былъ окончательно отдѣланъ, нужно думать, что изъ него вышло уютное и комфортабельное зданіе, которое не только хорошо было снабжено необходимою для ежедневнаго обихода утварью ³⁾, но и украшено также нѣсколькими драгоценными предметами ⁴⁾. Развалины, найденныя около пункта, который всего удобнѣе избрать для опредѣленія топографіи жилища Горация, хотя и не могутъ быть съ увѣренностью отождествлены съ домомъ поэта, болѣе или менѣе согласуются съ только что воспроизведеннымъ по его же словамъ описаніемъ. Онѣ состоятъ изъ остатковъ стѣнъ, сложенныхъ по системѣ *opus reticulatum*, которая примѣнялась также къ постройкѣ во времена утвержденія имперіи ⁵⁾. Стѣны эти довольно ясно воспроизводятъ

¹⁾ *Carm.* II, 1^a, 1: Non ebur neque aurum
Mea renidet in domo lacunar,
Non trabes Hymettiae
Premunt columnas ultima recisas
Africa, neque Attali
Ignotus heres regiam occupavi,
Nec Laconicas mihi
Trahunt honestae purpuras clientae.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ Гораций прямо называетъ его „*parvus lar*“ (*Carm.* III, 29, 14) и противопоставляетъ его дворцу Медината.

³⁾ Она должна была быть въ общемъ дешевою и незатѣливой, какъ и въ римскомъ домѣ, по собственному разсказу автора (*Sat.* I, 6, 116):

...et lapis albus
Pocula cum cyatho duo sustinet, adstat echinus
Vilis, cum patera guttus, Campana supellex...

⁴⁾ Гораций хвалится разъ, что жилище его блеститъ серебромъ (*Carm.* IV, 11, 6: „*Ridet argento domus*“). Можетъ быть, это были дорогія, изящныя блюда или чаши, подарокъ Августа или какого-нибудь знатнаго друга, размѣщенныя на красивыхъ поставкахъ, которыми хозяинъ особенно гордился.

⁵⁾ Превосходнымъ образцомъ такой кладки и доказательствомъ современности ея изучаемому времени является извѣстный „отцовскій домъ Тиберія“ на Палатинѣ, построеніе котораго относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ республики. См. *C. Visconti e R. Lanciani, Guida del Palatino* (Torino, 1873), p. 38; 121 sgg.

плачь жилого дома „средних“ размѣровъ, и на мѣстѣ двухъ изъ его комнатъ открыты хорошо сохранившіеся слѣды мраморнаго мозаикаго пола, красиваго, но довольно простаго. Все это обнаруживало, что тутъ жилъ человѣкъ, можетъ быть, не достаточно состоятельный, чтобы возвести для себя роскошныя палаты, но который могъ и любилъ жить среди изящной обстановки ¹⁾.

Около дома былъ разбитъ садъ (*hortus*) ²⁾. Въ немъ, нужно думать, замѣчались нѣкоторыя насажденія, предназначенныя главнымъ образомъ для украшенія. Можетъ быть, тутъ протягивалась прямая аллея, окаймленная высокими, симметрично разсаженными платанами, буками и кипарисами, или эти деревья были расположены, какъ часто дѣлалось, различными правильными фигурами ³⁾; онъ былъ окруженъ, вѣроятно, живою оградой подстриженнаго зеленаго кустарника, и на небольшихъ полянкахъ разбросаны группы выхолонныхъ лавровъ, какъ тогда было въ модѣ въ городскихъ и загородныхъ садахъ ⁴⁾. Тутъ же разводились различныя красивыя растенія; плющъ обвивалъ, можетъ быть, искусственно сдѣланныя бесѣдки и изгороди или вился по стѣнамъ ⁵⁾. Несомнѣнно, Гораций долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы размѣстить кругомъ своего деревенскаго пріюта въ достаточномъ количествѣ и изящной гармоніи цвѣточныя клумбы: извѣстно, что безъ цвѣтовъ не могла обходиться жизнь ри-

¹⁾ Эти развалины и остатки, обращавшіе на себя вниманіе уже давно (См. *Fritsch*, *Neue Jahrb. für Philol.* 1895, p. 74—75), тщательно были изучены Тито Берти (см. въ его брошюрѣ о виллѣ Горация). Сводъ всего сдѣланнаго для изслѣдованія этого вещественнаго матеріала изложенъ у *Mazzoleni* (*Riv. di filologia* 1890—91, p. 224—231); онъ же подробно группируетъ всѣ доводы, позволяющіе предполагать, что въ указываемыхъ развалинахъ можно видѣть слѣды дома поэта.

²⁾ *Sat.* II, 6, 2.

³⁾ *Cic.* *De Senect.* 17, 59: „Proceritates arborum et directi in quincuncem ordines“. См. *G. Boissier*: *Nouv. prom. arch.* p. 34.

⁴⁾ *Carm.* II, 7, 19: „Sub lauro mea“. Интересное описаніе характера и способовъ украшенія римскихъ садовъ можно найти въ извѣстной книгѣ *Becker-Göll*, *Gallus* (2 Aufl. Berlin, 1880), I, 104—105; III, 64 ff.

⁵⁾ *Carm.* IV, 11, 2:

...est in horto,
Phylli, nectendis apium coronis;
Est hederæ vis
Multa, qua crinis religata fulges.

млянина мало-мальски обезпеченнаго ¹⁾. Но большой роскоши декоративныхъ посадокъ нельзя было ожидать и здѣсь, такъ какъ Гораций въ принципѣ старался избѣгать ея ²⁾, и нѣтъ основанія полагать, что онъ при устройствѣ своего помѣстья

¹⁾ Приглашая могущественнаго покровителя своего, Мекената, очевидно, къ себѣ въ деревню, поэтъ прямо говоритъ, что у него есть розы, чтобы увѣнчать его главу или расцвѣтить столъ, за которымъ онъ будетъ возлежать (*Carm.* III, 29, 1):

Turrhena regum progenies, tibi
Non ante verso lene merum cado
Cum flore, Maecenas, *rosarum* et
Pressa tuis balanus capillis
Iamdudum apud me est.

Въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ своему рабу, онъ позволяетъ ему не искать запоздалыхъ розъ, чтобы украсить лучше украшеннымъ для услугъ господину, живущему въ сельской простотѣ (*Carm.* I, 38, 1):

Persicos odi, puer, adparatus;
Displicent nexae philyrae coronae:
Mitte sectari, rosa quo locorum
Sera moretur.

Первый изъ приведенныхъ здѣсь отрывковъ является однимъ изъ приѣздовъ того, что слово „Тибуръ“ можно принимать иногда въ стихотвореніяхъ Горация за обозначеніе его сабинскаго помѣстья. Въ слѣдующихъ за выписанными словахъ (*Carm.* III, 29, 5) авторъ говоритъ, что полно ему смотрѣть на Тибуръ только издали съ высокой башни своего дворца, откуда открывался чудный широкий видъ на сабинскія горы; пусть онъ пріѣдетъ самъ въ тибуртинскую территорію, чтобы вполне насладиться чуднымъ воздухомъ и возрождающимъ душу покоемъ, покинувъ „дымъ и шумъ“ несносной столицы:

„Eripe te morae,
Ne semper udum Tibur et Aefulae
Declive contempleris arvum et
Telegoni iuga parricidae.
Fastidiosam desere copiam et
Molem propinquam nubibus arduis:
Omitte mirari beatae
Fumum et opes strepitumque Romae.

Ясно, что авторъ говоритъ тутъ о своемъ владѣніи (*apud me est*). Тибуртинскаго же дома въ 727 г., когда написана данная ода (*Kießling*, I, 304) у него, какъ выше показано, во всякомъ случаѣ еще не было.

²⁾ Въ одномъ стихотвореніи поэтъ возмущается противъ тщеславнаго и пустого обычая вытѣснять въ садахъ плодовыя и полезныя растенія обширными плантаціями деревьевъ бесплодныхъ, ласкающихъ лишь глазъ. Онъ нападаетъ также на тѣхъ, которые наполняютъ цѣлые громадныя двѣтники фіалками, даже поля миртами, „пустыми богатствами обонянія“ (См. *Carm.* II, 15). Вся ода, направленная противъ роскоши, очень интересна.

измѣнилъ взглядамъ, которые часто высказывалъ ¹⁾. Къ тому же онъ былъ человѣкъ экономный и практичный ²⁾, желалъ извлечь возможно больше пользы изъ своего помѣстья, если не для обогащенія, то для прочнаго обезпеченія. Поэтому надо представлять себѣ, что садъ поэта былъ главнымъ образомъ фруктовый и давалъ ему возможность обходиться въ хозяйствѣ продуктами собственнаго производства. Онъ разводилъ ягоды и овощи на какомъ-нибудь отдѣленномъ подъ огородъ, хорошо вскопанномъ и удобренномъ уголкѣ ³⁾; сажалъ маслины, яблони и другія плодовые деревья; тутъ же можно было видѣть вьющуюся по вѣзамъ виноградную лозу ⁴⁾. Главное наслажденіе, котораго искалъ и

¹⁾ Незачѣмъ сомнѣваться, что Горацийъ въ отдѣлкѣ своего сада остался вѣрнѣе утилитарнымъ совѣтамъ Катона, и предполагать, что онъ поддавался легкомысленнымъ требованіямъ вѣка. Да и содержаніе большого сада для одного размеченія стоило бы ему слишкомъ дорого.

²⁾ Къ воздержанію и бережливости его приучилъ еще отецъ (*Sat. I, 4, 107*).

³⁾ Онъ упоминаетъ объ овощахъ въ одномъ мѣстѣ 6-й сатиры II-й книги, которое легко можетъ быть принято за описаніе бита самого поэта (ст. 63 и сл.):

O quando *fabu* Pythagorae cognata simulque
Uncta satis pingui ponentur *obuscula* lardo?

⁴⁾ *Epist. I, 16, 1*: Ne perconteris *fundus* meus, optime Quincti,
Arvo pascat erum an hacis opulentet *olivae*
Pomione an pratia an amicta *vitibus* ulmo.

Правда, Горацийъ говоритъ это въ формѣ вопроса, который приписываетъ другу своему, Квинцію. Тотъ какъ будто спрашиваетъ, какія изъ обычныхъ категорій сельско-хозяйственныхъ культуръ въ итальянскихъ имѣніяхъ составляютъ доходна часть въ помѣстьѣ Горация: 1) хлѣбныя поля, 2) масличныя плантаціи, 3) плодовые сады, 4) луга или 5) виноградники. Но ясно по связи, что это лишь литературный приемъ, придающій разнообразіе построенію рѣчи, и что всѣ подробности, о которыхъ говорится въ началѣ даннаго стихотворенія, служатъ къ описанію того, что было въ самомъ помѣстьѣ. Повторивъ вопросъ, будто бы предложенный Квинціемъ, Горацийъ какъ бы забываетъ, что обѣщавъ дать ему подробную сельско-хозяйственную опись (*forma agri*), начинаетъ расхваливать мѣстоположеніе (*situs agri*) и воздухъ, лишь вскользь упомянувъ о дѣлѣхъ фруктовыхъ деревьевъ, о лѣсѣ въ его деревнѣ и о своемъ скотѣ. Если выбросить изъ описанія имѣнія первые стихи, какъ не принадлежащіе къ нему, читатель вынесъ бы впечатлѣніе, что въ немъ даже нѣтъ сельскохозяйственнаго производства, а такой выводъ прямо бы противорѣчилъ, какъ будетъ видно, даннымъ, извлекаемымъ изъ другихъ стихотвореній. Здѣсь Горацийъ подчиняется только минутному настроенію, восхищаясь прелестями природы, которая его окружаетъ въ сабинскомъ владѣніи, хочетъ какъ бы сказать, что дѣловая сторона его въ настоящую минуту не интересуетъ, что все перечисленное имѣется

которое находилъ Гораций въ своемъ саду и въ рощахъ у себя въ деревьяхъ, были прохлада и тѣнь и вообще хорошій чистый воздухъ, а не пышность обстановки ¹⁾. Живою фонтанъ никогда не изсякающей ключевой воды ²⁾, отведенный сюда водопроводомъ отъ сосѣдняго ручья, билъ изъ подъ почвы, а потомъ журчалъ по курттинамъ сада, орошая гряды, увлажняя корни и освѣжая воздухъ ³⁾.

въ помѣстьхъ, но не это особенно удовлетворяетъ его. Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ прямо, что имѣние его изобилуетъ разнаго рода плодами (*Carm.* I, 17, 14):

...Nec tibi copia
Manabit ad plenum benigno
Ruris honorum opulenta cornu.

Подъ словами „*ruris honores*“ слѣдуетъ разумѣть именно „цвѣты и фрукты“ (*Kiessling*, I, 92; ср. *Sat.* II, 5, 12). Фригъ (*Neue Jahrbücher für Philolog. und Paed.* 1895, t. CLI, p. 69) замѣчаетъ, что и теперь мѣстность производитъ различные сорта плодовъ: „Ausser Trauben gedeihen Oliven, Feigen und alle andern Obstarten an und auf dem schönen Hügel, namentlich in dem Pomario del conte Orsini“.

¹⁾ *Epist.* I, 16, 9.—„*Temperiem laudes*“, говоритъ Гораций тутъ же (ст. 8) и прибавляетъ, что воздухъ его имѣнія сохраняетъ его здоровье даже въ худое осеннее время—„*incolumem tibi me praestant septembris horis*“ (v. 16). Ср. еще *Epist.* I, 18, 104:

Me quotiens reficit gelidus Digentia rivus,
Quem Mandela bibit, rugosus frigore pagus.

И теперь на мѣстѣ виллы Горация и въ ея окрестностяхъ попадаются красивые дѣски. Тогда же всѣ склоны были покрыты густою листвою деревьевъ: глазъ ласкала яркая зелень, отовсюду манила освѣжающая тѣнь. Можно было подумать, что находишься въ богатомъ растительномъ Тарентѣ (*Epist.* I, 16, 11). Гораций не преувеличивалъ достоинствъ своего отшельническаго уголка, не сравнивалъ его съ красотою Пренесте или Бай. Но онъ былъ счастливъ у себя. Онъ называетъ свою виллу „сладкимъ и прелестнымъ убѣжищемъ“ (*Epist.* I, 16, 15). Ему нужны были уединеніе, миръ и покой, и все это онъ тамъ находилъ. Климатъ въ тому же былъ умѣренъ и ровенъ въ долинѣ Дигенціи во всѣ времена года, и поэтъ съ большимъ наслажденіемъ думалъ о своей прохладной деревнѣ, когда долженъ былъ гулять по раскаленнымъ площадямъ Рима. См. *G. Boissier*, *Nouv. prom.* p. 37.

²⁾ *Carm.* III, 16, 29; „*Puræ rivus aquae*“.

³⁾ Гораций красиво описываетъ обильный потокъ, который питалъ влагою его усадьбу. *Epist.* I, 16, 12:

Fons etiam rivo dare nomen idoneus, ut nec
Frigidior Thracam nec purior ambiat Hebrus,
Infirmo capiti fluit utilis, utilis alvo.

Очень можетъ быть, что Гораций далъ ему названіе—*Fons Bandusiae* по имени источника, существовавшаго у него на родинѣ въ везувійскомъ краю, и что онъ описываетъ именно его въ 13-й одѣ III-й книги (*Kiessling* I, 262).

Здѣсь же около дома (*villa urbana*) были построены, навѣрно, необходимѣйшія службы (*villa rustica et fructuaria*), то-есть, помѣщенія для рабовъ, скотный дворъ, склады, амбары, погреба и т. д. ¹⁾ О нихъ Гораций ничего не говоритъ, но безъ нихъ обойтись было невозможно, хотя, сообразно размѣрамъ помѣстья, они должны были быть скромны и по величинѣ, и по устройству, и сливались съ домою самого помѣщика, вѣроятно, въ одинъ хозяйственный и жилой (барскій и рабочій) дворъ.

2. Вокругъ дома, навѣрно, все пространство, занятое горизонтомъ и дальше за его предѣлами, отъ горъ до Личенцы отчасти вверхъ, но главнымъ образомъ внизъ по долинѣ, составляло собственность поэта. Это будетъ видно изъ описанія отдѣльныхъ частей помѣстья.

Ниже дома и сада, по склонамъ на солнечной сторонѣ, должны были быть расположены настоящіе виноградники. Нѣкоторые комментаторы ²⁾ не хотятъ признавать существованія виноградниковъ въ имѣніи Горация; но они врядъ ли правы. Если и нѣтъ въ стихотвореніяхъ поэта точныхъ текстовъ, безусловно удостовѣряющихъ этотъ фактъ, то есть рядъ косвенныхъ свидѣтельствъ или намековъ и приближительныхъ выраженій, сопоставленіе которыхъ не позволяетъ сомнѣваться въ немъ.—Гораций очень ясно говоритъ, что въ тибуртинской странѣ было много виноградниковъ, и что лоза тамъ хорошо растетъ ³⁾. Когда поэтъ, получивъ свое имѣніе, начинаетъ улучшать его культуру, онъ заставляеть своего виллика непременно работать надъ разведеніемъ виноградника или надъ увеличеніемъ его, хотя тотъ и думаетъ въ своей лѣности, что это очень трудно, и говоритъ, что почва помѣстья, кажушаяся ему плохою, по его мнѣнію, произведеть

¹⁾ *Colum.* I, 6, 1.

²⁾ Между ними очень солидные — Киссингъ (II, 99) и Орелли (I, 125; II, 417).

³⁾ Онъ совѣтуетъ Вару прежде всего насадить въ своемъ тибуртинскомъ помѣстьѣ именно виноградную лозу (*Carin.* I, 18, 1):

Nullam, Vare, sacra vite prius severis arborem
Circa mite solum Tiburis et moenia Catili.

скорѣе всякое другое растеніе, чѣмъ виноградную лозу, которую ему приказано сажать ¹⁾). Не менѣе убѣдительнымъ представляется другое мѣсто въ одѣ, которою поэтъ приглашаетъ Мecenата обѣдать къ себѣ въ сабинскую виллу, и гдѣ говоритъ, какъ бы извиняясь, что онъ можетъ предложить ему лишь посредственное мѣстное вино, которое онъ самъ разлилъ въ греческія амфоры и собственноручно засмолилъ ²⁾). Въ этихъ словахъ рисуется скромный винодѣль, который самъ доволенъ своимъ виномъ, спокойно угощаетъ имъ слугъ и сосѣдей ³⁾, но нѣсколько стѣсняется знатнаго гостя, который привыкъ пить тонкія вина ⁴⁾. Очень возможно даже предположить, что Горацій выдерживалъ свое плохое вино (*vile Sabinum*) въ погребѣ и небольшой излишекъ продавалъ, до-

¹⁾ *Epist.* I, 14, 22: et quod

Angulus iste feret piper et tus ocius *uva*.

Это мѣсто, которое комментаторы приводятъ въ подтвержденіе того, что у Горація не было виноградниковъ, доказываетъ, гораздо вѣрнѣе, какъ разъ обратное. Первоначально ихъ не было или они были залущены. Но Горацій рѣшилъ, повидимому, ихъ развести и, не смотря на отговорки дѣшваго вилка, настаиваетъ на своемъ. Послѣдній по приказу хозяина расчищаетъ дѣвственную или заброшенную почву подъ обработку (v. 26), хотя и сердито ворчитъ, что ненавистный клочокъ произведетъ даже скорѣе перецъ и ладанъ (ихъ ему не велеть сажать), чѣмъ виноградъ, который такъ хочется имѣть хозяину. Таковъ самый естественный смыслъ текста.

²⁾ *Carm.* I, 20, 1: *Vile potabis modicis Sabinum*
Cantharis, Graeca quod ego ipse testa
Conditum levi...

Было мнѣніе, что плохое вино дѣлается лучше, если его наливать въ сосуды, въ которыхъ раньше было хорошее.

³⁾ *Sat.* II, 6, 65: O noctes cenaque deum, quibus ipse meique
Ante larem proprium vescor vernasque procaces
Pasco libatis dapibus. Prout cuique libido est,
Siccatur inaequales calices conviva solutus
Legibus insanis, seu quis capit acria fortis
Pocula seu modicis uvescit laetius...

⁴⁾ *Carm.* I, 20, 9: Caecubum et praelo domitam Caleno
Tu bibes uvam: mea nec Falernae
Temperant vites neque Formiani
Pocula colles.

То-есть, самъ Мecenатъ всегда будетъ пить у себя лучшіе сорта винъ, но у Горація нѣтъ ни одного изъ нихъ. Такъ понимаетъ эти стихи Валькенаръ (Hogase, II, 203). Орелли (I, 127) толкуетъ ихъ иначе, но признаетъ, что въ деталяхъ они трудно поддаются объясненію.

ставляя себѣ тѣмъ маленькую прибавку къ доходу ¹⁾).—Далѣе въ письмѣ къ Альбиновану ²⁾ Горацій упоминаетъ о своихъ виноградникахъ такъ же, какъ и о своихъ масличныхъ плантаціяхъ ³⁾. Еще въ одномъ стихотвореніи поэтъ, обращаясь къ своему юному рабу, совѣтуетъ ему украшать себя миртомъ, когда онъ наливаетъ вино господину, который, также украшенный миртомъ, отдыхаетъ подъ тѣнью „лозы“ ⁴⁾. Естественно думать, что Горацій представляетъ тутъ себя дома, въ своемъ помѣстьѣ, на деревенской свободѣ. Наконецъ, онъ, описывая свою землю въ письмѣ къ Квинкцію, называетъ въ числѣ разведенныхъ тамъ плодовыхъ растений и виноградъ ⁵⁾. Такъ что въ общемъ выводѣ нужно согласиться, что Горацій постоянно предполагаетъ свои виноградники извѣстными тѣмъ, къ кому онъ обращается, когда говоритъ о своемъ помѣстьѣ, или существованіе ихъ чувствуется въ его описаніи. Да и трудно было бы представить себѣ землю не только сколько-нибудь значительнаго, но и просто немного зажиточнаго собственника средней Италіи въ римское время безъ виноградника. Даже очень мелкіе землевладѣльцы разводили ихъ въ сабинской области ⁶⁾. И теперь на мѣстѣ гораціевой виллы растутъ плодовые деревья, лоза вьется по

¹⁾ Горацій говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что *doma* заставляютъ его ѣздить въ Римъ (*Epist.* I, 14, 17: „...trahunt invisa negotia Romam.“).—„Negotia“ обозначаетъ именно „денежныя“, а не „служебныя“ (*officia*) дѣла. Последнихъ у Горація и не было съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ сабинское помѣстье. Кисслингъ (III, 94) прямо утверждаетъ, что здѣсь разумѣется „Verkauf der Ernte und dgl.“

²⁾ См. *Epist.* I, 8. Что рѣчь здѣсь идетъ о сабинской землѣ, видно изъ общаго тона стихотворенія. Выше говорилось, что Горацій иногда называетъ свое помѣстье именемъ сосѣднаго Тибура или, вѣрнѣе, не всегда различаетъ свое пребываніе въ тибуртинскомъ домѣ и въ сабинскомъ имѣніи.

³⁾ *Epist.* I, 8, 3:

Si quaeret quid agam, dic multa et pulchra minantem
Vivere nec recte nec suaviter: haud quia grando
Contuderit vitis oleamque momorderit aestus...

⁴⁾ *Carm.* I, 38, 6:

Neque te ministrum
Dedecet myrthus, neque me *sub arta*
Vite bibentem.

⁵⁾ Мѣсто это уже цитировано выше— *Epist.* I, 16, 1.

⁶⁾ Про одного изъ нихъ поэтъ рассказываетъ въ одномъ изъ посланій (*Epist.* I, 7, 84): „Sulcos et vineta crepat mero, praeparat ulmos“.

вязамъ, и устроены также правильные, хотя довольно плохо содержащіяся, виноградники ¹⁾).

Тутъ же кругомъ на ровныхъ мѣстахъ и на отлогихъ бокахъ холма, а также ближе къ рѣкѣ, почва была всюду мягка и плодородна ²⁾. Тутъ находилось пахотное поле (*arvum*). Обработка его первоначально стоила большого труда рабамъ Горация, такъ какъ оно было запущено, когда Гораций приступалъ къ хозяйству ³⁾. Онъ имѣлъ неосторожность поручить завѣдываніе работами одному изъ своихъ *servi urbani*, которые вообще были лѣнны и мало пригодны къ сельскому труду ⁴⁾. Новый управляющій (*vilicus*), по всей вѣроятности

¹⁾ Еще въ одной одѣ, гдѣ описывается сельскій праздникъ въ честь Фавна, бога-покровителя деревенской жизни, несомнѣнно происходившій у поэта въ сабинской виллѣ или въ сосѣдней Манделѣ (*Kießling*, I, 274), вино называется въ числѣ мѣстныхъ произведеній, приносившихся къ алтарю для жертвы и возлиянія (*Carin.* III, 18, 7). Въ много разъ упомянутой статьѣ Фритча, появившейся нѣсколько позже первоначальнаго напечатанія настоящаго этюда въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, поддерживается то же самое мнѣніе о виноградникахъ Горация: авторъ признаетъ ихъ существованіе, не приводя однако никакихъ новыхъ данныхъ или аргументовъ въ доказательство своего взгляда кромѣ тѣхъ, которые использованы въ текстѣ. Можно развѣ только отмѣтить, что авторъ указываетъ еще стихъ 20-й второго эпода, который, можетъ быть, изображаетъ бытъ поэта въ его мнѣніи, и въ которомъ встрѣчается упоминаніе объ „uva“.—Указывая на современное винодѣліе въ сабинской области, Фритчъ характеризуетъ его тѣми же красками, въ какихъ оно рисуется у Горация (См. *Neue Jahrbücher für Philol.* 1895, p. 69): „Heute wächst, und zwar seit alter Zeit, 'geringer Sabiner' im Oberthale der Licenza, an der Südseite und auf dem Rücken des schönen Hügels, der die antiken Grundmauern trägt, auf sonnigen Flächen, die nicht höher, als 50 bis 100 Meter über die Sohle des Hauptthales liegen, in den Vigne S. Pietro und la Corte, den einzigen Weinfeldern des ganzen Licenzathals, die Reben ranken sich an niedrig gehaltenen Bäumen, besonders Ulmen, hinauf und ziehen sich auch wagerecht von Baum zu Baum als hangende Gewinde, unter denen man hindurchgehen und Trauben pflücken kann; die Trauben, weisse (gelbe) und rote, sind meist um Mitte September schon reif, ziemlich gross und süß; ihr Wein leicht ohne Wasser trinkbar, stillt sehr angenehm den Durst und wärmt erquicklich den Magen, ist aber immerhin 'gering' gegen den von Tivoli und von den Castelli Romani“.

²⁾ Разъ поэтъ готовъ даже сравнить себя, какъ сабинскаго помѣщика, съ владѣльцемъ плодородной Африки (*Carin.* III, 16, 31); но ниже оговаривается, что плодородіемъ его поле уступаетъ калабрійскимъ землямъ (v. 33).

³⁾ См. *Epist.* I, 14, 4, также ст. 27.

⁴⁾ Колумелла называетъ ихъ: „*socors ac somniculosum genus*“ (R. г. I, 8, 1). Гораций также изображаетъ своего раба, какъ бездѣльника (*Epist.* I, 14, 21): „...*fornix tibi et uncta popina Incutiant urbis desiderium*“...

не видѣвшій ничего, кромѣ тщательно расчищенныхъ, элегантно разукрашенныхъ и причудливо отдѣланныхъ римскихъ городскихъ садовъ, испугался при одномъ взглядѣ на дикую землю, которую ему придется воздѣлывать. Онъ сталъ проситься назадъ въ городъ, и хозяинъ долженъ былъ усовѣщевать его ¹⁾. Во всякомъ случаѣ вскорѣ эта годная къ разведенію хлѣба полоса была достаточно обработана, такъ что поле стало доставлять владѣльцу жатву, не только никогда его не обманывавшую ²⁾, но позволявшую ему, по удовлетвореніи настоящихъ потребностей его и слугъ ³⁾, дѣлать запасы, то-есть „заключать въ житницы“ и опять, можетъ быть, продавать излишекъ ⁴⁾. Не надо тутъ, разумѣется, представлять себѣ очень обширнаго пространства земли, засѣянаго хлѣбомъ, какъ въ крупныхъ помѣстьяхъ степныхъ земледѣльческихъ странъ. Это было небольшое поле, на которомъ работало 8 человекъ рабовъ ⁵⁾. Но такъ какъ, очевидно, подъ пашню выбранъ лучший кусокъ (или куски) земли, то при отличномъ климатѣ средней Италии все таки и оно давало весьма хорошій сборъ.

Какъ видно, у Горация въ деревнѣ цѣлое хозяйство: во-

¹⁾ Указанное очень интересное стихотвореніе (*Epist.* I, 14) представляетъ длинный выговоръ хозяина нерадивому слугѣ.

²⁾ *Carm.* III, 16, 30: „...et segetis certa fides meae“...

³⁾ *Epist.* I, 16, 1: „...fundus meus... arvo pascat egrum...“—Самое слово „fundus“ характерно здѣсь; оно должно обозначать не загородное жилище, а именно сельскохозяйственную эксплуатацію.

⁴⁾ Гораций упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ спокоенъ, когда ему удается на годъ впередъ заготовить продукты и обезпечить себѣ скромный доходъ, чтобы не жить изъ дня въ день (*Epist.* I, 18, 109):

Sit... provisae frugis in annum
Copia, neu fluitem dubiae spe pendulus horae.

Перечисляя въ другомъ посланіи различныя произведенія своего помѣстья, Гораций говоритъ, что оно его обогащаетъ—„opulentat“ (*Epist.* I, 16, 2), то-есть доставляетъ деньги. По всей вѣроятности, впрочемъ, очень глубокаго смысла это слово здѣсь не имѣетъ.

⁵⁾ Последнее выводится изъ 117—118 стиховъ 7-й сатиры II-й книги. Разсердившись на одного изъ своихъ городскихъ рабовъ, поэтъ грозитъ ему, что можетъ его девятьмъ работать на сабинскомъ полѣ:

...Ocius hinc te
Ni rapis accedes opera agro nona Sabino.

Стало бытъ, тамъ можно было расширить полеводство.

семь рабовъ подъ руководствомъ вилика представляютъ уже нѣкоторую рабочую силу, которая, приложенная къ землѣ, имѣетъ несомнѣнное хозяйственное значеніе. Колумелла, взгляды котораго могутъ быть примѣнены къ изучаемому времени, говоритъ, что восемь человѣкъ могутъ обработать поле въ 200 югеровъ величины ¹⁾. Кромѣ этихъ полевыхъ рабочихъ у Горация должны были быть еще и другіе, по крайней мѣрѣ, нѣсколько—виноградари, садовники, скотники и т. д. ²⁾. Въ одномъ стихотвореніи упоминается женская прислуга и юноши-рабы безъ обозначенія числа ³⁾. У вилика, вѣроятно, была подруга—жена или конкубина,—которая завѣдывала женскою частью домашнихъ работъ ⁴⁾, или обязанность эту должна была исполнять какая-нибудь изъ наиболѣе довѣренныхъ рабынь ⁵⁾. Такого рода „домоправительницы“ приобрѣтали иногда важное значеніе въ деревенскомъ хозяйствѣ римлянина—помѣщика, доставляя ему удобства жизни, а иногда вступая съ господиномъ и въ болѣе интимныя отношенія ⁶⁾.

¹⁾ *Colum. R. r. II, 12, 7*: „Nac consummatione operarum colligitur posse agrum ducentorum iugerum subigi duobus iugis boum totidemque bubulcis et sex mediastinis, si tamen vacet arboribus“.

²⁾ О рабахъ вообще—„*vernae*“—говорится въ шестой сатирѣ II-й книги (см. ст. 66). Какъ извѣстно, этимъ словомъ обыкновенно обозначались рабы, рожденные въ домѣ господина отъ женщины, принадлежавшей ему. См. *Fest. p. 373*: „*Vernae appellantur ex ancillis civium Romanorum vere nati, quod tempus anni maxime naturalis feturae est*“.—Если выраженіе это употреблено здѣсь именно въ такомъ смыслѣ, можно думать, что у Горация была достаточная группа постоянныхъ рабовъ.

³⁾ *Carm. IV, 11, 9*: *Cuncta festinat manus, huc et illuc
Cursitant mixtae pueris puellae;
Sordidum flammae trepidant rotantes
Vertice fumum.*

⁴⁾ *Colum. I, 8*: „Qualicunque vilico contubernalis mulier assignanda est“.—Ср. *Id. III, pr. 1.—Dig. L, 16, 220*: „...cum vilico et contubernali eius et filiis...“—

⁵⁾ Къ ней, можетъ быть, обращается Горацийъ въ 23-й одѣ III-й кн. (ст. 1)
*Caelo supinas si tuleris manus
Nascente luna, rustica Phidyle etc.,*

представляя ее приносящею жертву за урожай и успѣхъ хозяйства. Такъ толкуетъ мѣсто *Schütz* (см. его изданіе Горация I, 227). *Orelli* же (I, 448) возражаетъ, предполагая, что это лицо фантастическое, какая-нибудь дочь земледѣльца, молящаяся за свое хозяйство, а не за господское.

⁶⁾ См. интересный бытоописательный анекдотъ такого рода у *Марціала (Epigr. IV, 66)*. Холостой Горацийъ, охотно приносявшій жертвы богинѣ любви,

Совсѣмъ внизу, по самому берегу рѣки мѣстность дѣлалась низменною, а земля сырою, можетъ быть, даже болотистою: луга (*prata*) замѣняли тамъ пахотное поле ¹⁾. Хорошее сѣно было нужно хозяину, такъ какъ у него былъ скотъ, стадо. Онъ не разъ говоритъ о немъ вообще ²⁾, и забота, съ которою владѣлецъ оберегалъ свой лугъ плотиною отъ разливовъ рѣки ³⁾, показываетъ, что стадо это было довольно значительно. Въ немъ первенствовали быки, необходимое орудіе сельскаго производства ⁴⁾, козы ⁵⁾, вѣроятно, также бараны и овцы для мяса и шерсти, мулы для перевозки тяжестей, можетъ быть, лошади для ѣзды и, несомнѣнно, свиньи, доставлявшія мясо и сало, которыми поэтъ лакомился, радуясь такой сельской перемѣнѣ въ утонченной городской пищѣ, которыми кормились слуги, а излишекъ по-

какъ рассказываетъ о немъ Светоній, вѣроятно, велъ себя также, когда деревенское уединеніе удаляло его отъ многочисленныхъ римскихъ возлюбленныхъ. Что онъ не былъ женатъ, видно изъ *Carm.* III, 8, 1: „Martis caelebs quid agam kalendis“.

¹⁾ *Epist.* I, 14, 30; также *Carm.* III, 18, 11. Ср. *Epist.* I, 16, 8.

²⁾ *Epist.* I, 16, 10: „...pecus...“ Ср. *Epod.* I, 27.

Sat. II, 6, 14: „...hac prece te oro: Pingue pecus domino facias...“

³⁾ Гораций говоритъ своему вилку (*Epist.* I, 14, 29):

Addit opus pigro rivus, si decidit imber,
Multa mole docendus aprico parcere prato.

⁴⁾ *Ibid.* v. 27: ...bovemque
Disiunctum curas et strictis frondibus explens.

Ср. *Epod.* 1, 24:

Non ut iuvenis inligata pluribus
Aratra nitantur meis.

Ср. также *Carm.* III, 18, 12. По меньшей мѣрѣ, у Горация въ имѣніи должны были находиться двѣ пары взрослыхъ быковъ: Колумелла въ выше приведенномъ отрывкѣ (R. г. II, 12, 7) указываетъ, что на пространство земли, обрабатываемое 8 работниками, требовались двѣ пары упряжки (*duo iuga boum*). На дѣлѣ, вѣроятно, ихъ было больше: надо было имѣть запасныхъ для всякаго рода другихъ сельскихъ работъ.

⁵⁾ *Carm.* I, 17, 1: Velox amoenum saepe Lucretilem
Mutat Lycae Faunus et igneam
Defendit aestatem capellis
Usque meis pluviosque ventos.

Ср. *Carm.* III, 18, 5 (*haedus*). Тутъ же (v. 3, 4) говорится о приплодѣ скота (*parvis alumnis*).

сылался въ городъ для рабовъ римскаго дома, а, можетъ быть, отчасти и для продажи ¹⁾).

3. Кромѣ перечисленныхъ частей имѣнія Горация—усадьбы съ садомъ, виноградника, пашни и луга—къ нему принадлежали еще различныя другія пространства земли. Въ немъ имѣлись пустоши ²⁾, которыя были годны къ обработкѣ: нѣкоторыя изъ нихъ позѣтъ, какъ выше сказано, расчищаль подъ виноградникъ, другія, можетъ быть, оставались нетронутыми до поры до времени.—Съ другой стороны дома, по направленію къ горамъ или съ боковъ, какъ кое-гдѣ и теперь, холмы въ гораціевомъ владѣніи были покрыты лѣсомъ ³⁾, состоявшимъ изъ большихъ обыкновенныхъ и каменныхъ дубовъ, изъ высокихъ буковъ и ясеней. Гораций убѣждаетъ читателя, что лѣсъ его былъ небольшой ⁴⁾; но все-таки онъ доставлялъ въ достаточномъ количествѣ жолуди для корма скоту, котораго, какъ показано, было не очень мало въ помѣстьѣ поэта, и давалъ богатую тѣнь хозяину во время прогулокъ ⁵⁾. Можно даже думать, что онъ вовсе не былъ такъ малъ, какъ хочетъ изобразить его авторъ. Самъ онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о рощѣ, въ которой его козы находятъ обильный кормъ ⁶⁾. Въ обращеніи къ виллику онъ во множественномъ числѣ упоминаетъ о своихъ лѣсахъ ⁷⁾. Когда Гораций рассказываетъ, что прогналъ волка

¹⁾ *Sat.* II, 6, 64. Извѣстно, какое важное мѣсто занимало разведение свиней въ древне-римскомъ хозяйствѣ. *G. Boissier* (*Nouv. rom.* p. 28) остроумно рассказываетъ, какъ почитаются эти животныя въ сабинской землѣ и до сихъ поръ.

²⁾ *Epist.* I, 14, 26: „...iam pridem non tacta ligonibus arva...“

³⁾ *Sat.* II, 6, 8: „...paullum silvae super his (i. e. *super domo et horto*)...“ См. *Kiessling*, *Hor.* III, 204.

⁴⁾ Онъ простирался будто бы только на нѣсколько югеровъ (*Carm.* III, 16, 29: „...silvaeque iugerum paucorum“).

⁵⁾ *Epist.* I, 16, 9:

...si quercus et ilex

Multa fruge pecus, multa dominum iuuet umbra.

⁶⁾ *Carm.* I, 17, 5: Inpune tutum per nemus arbutos
Quaerunt latentis et thyma deviae
Olentis uxores mariti.

⁷⁾ *Epist.* I, 14, 1: „...Vilice silvarum...“

за межу своего владѣнія ¹⁾, онъ рисуеъ себя забравшимся въ чащу своего „сабинскаго лѣса“ довольно далеко отъ усадьбы ²⁾. Еще дальше отъ центра и ближе къ вершинѣ Лукрешила или въ перемежку съ лѣсомъ. тянулись заросли кустарниковъ (*dumeta*), среди которыхъ изобиловали тернъ и дикій сливнякъ ³⁾. Наконецъ, на самомъ заднемъ и верхнемъ планѣ, уходя въ глубь горъ, можетъ быть, даже отчасти по ту сторону ихъ хребта, т. е. заходя на противоположный спускъ, располагались выгоны, на которые пастухи Горация угоняли его скотъ особенно въ лѣтнее время. У поэта сказано:

Nec quia longinquis armentum aegrotet in agris ⁴⁾.

Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, идетъ рѣчь о „пастбищахъ“ (*agri pascui*).—Если предположить, что они составляли собственность Горация, нераздѣльную и смежную съ остальными частями его помѣстья, то выраженіе „longinquis“ указываетъ на его значительную протяженность въ эту сторону. Но весьма вѣроятно, что Горацию не хватало его собственныхъ выгоновъ, и онъ долженъ былъ высылать свой скотъ на такъ называемыя „*pascua publica*“, составлявшія часть *agri publici*. Такія земли встрѣчались еще въ различныхъ частяхъ Италіи ⁵⁾. Онѣ отдавались государствомъ въ частное пользо-

¹⁾ *Carm.* I, 22, 9: Namque me silva lupus in Sabina,
Dum meam canto Lalageu et ultra
Terminum curis vagor expeditis,
Fugit inermem...

²⁾ Нужно еще помнить, стараясь воспроизвести воображеніемъ размѣры лѣсной части помѣстья Горация, что онъ хотя и заявляетъ, будто желалъ имѣть лѣсокъ только для прогулокъ (*Sat.* II, 6, 1: „Nos erat in votis.....paullum silvae...“), тутъ же проговаривается, что получилъ больше, чѣмъ желалъ (*Ibid.* v. 8: „auctius atque di melius fecere...“).

³⁾ *Epist.* I, 16, 8: ...quid, si rubicunda benignae
Cornu vepres et pruna ferant?

Ср. *Carm.* III, 29, 23:

Iam pastor umbras cum grege languido
Rivumque fessus quaerit, et horridi
Dumeta Silvani...

⁴⁾ *Epist.* I, 8, 6.

⁵⁾ Въ болѣе древнія времена было очень много громаднхъ *agri publici* раснѣ повсемѣстно въ Италіи. Первоначально даже, можно думать, значительная часть всей массы государственныхъ земель состояла изъ обширныхъ пусто-

ване за особую подать — „*scriptura*“, которую обыкновенно брали на откупъ публиканы ¹⁾.—Чаще всего такого рода „общественными пастбищами“ завладѣвали богатые люди, уклоняясь иногда даже, какъ кажется, отъ внесенія скриптуры; но они не были вполне недоступны и для среднихъ

шей пастбищнаго типа (См. *Plin.* Н. п. XVIII, 11). Впослѣдствіи многія изъ нихъ приняла обработанный видъ, а еще большія площади *agri publici* перешли въ частную собственность, такъ что къ исходу республиканскаго періода владѣнія римскаго народа сильно сократились на полуостровѣ. См. *Marquardt. Röm. Staatsverw.* II (2 Aufl.), 158; 254. Ср. *Walter, Röm. Rechtsgesch.* I, 496; *Willems, Le droit public romain*, p. 465. Но все-таки и къ моменту утверждения имперіи оставалось довольно значительное количество большихъ *pascua publica*, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Для примѣра можно указать *Silva Sila* въ Бруттиумѣ (*Plin.* Н. п. III, 74; *Verg. Georg.* III, 219; *Cic. De orat.* 22, 85; *Strab.* VI, p. 561); затѣмъ *Mons Gaurus* и *Salicta ad Minturnas* (*Cic. De leg. agr.* II, 14, 36), а также *Silva Scantia* (*Ibid.* III, 4, 15) въ Кампаніи; далѣе Варронъ указываетъ *pascua publica* въ Алуціи и Самніумѣ (*De re rust.* II, 1, 16). Списокъ такихъ земельныхъ пространствъ могъ бы быть составленъ довольно длинный; но самымъ интереснымъ въ настоящей связи является то обстоятельство, что существованіе ихъ констатируется въ областяхъ, сосѣднихъ съ мѣстностью, гдѣ находилось имѣнье Горація. См. *Sicul. Flacc.* (ed. Lachm.) p. 137, 2: „...in Piceno et in regione Reatina, in quibus regionibus montes Romani appellantur“. — *Varr. R. r.* II, 1, 16: „Muli e Rosea (долина города Реате) exiguntur in Burbures altos montes“. Контекстъ обнаруживаетъ, что тутъ идетъ рѣчь именно о *pascua publica*. Наконецъ, они вскрываются прямо и болѣе широко въ савинской странѣ. См. *Frontin.* (ed. Lachm.) p. 21, 1: „Silvas, quas ad populum Romanum multis locis pertinere ex veteribus instrumentis cognoscimus, ut ex proximo in Sabinis in monte Mutela“.

¹⁾ Такія пастбища обыкновенно назывались *saltus*, и они находились въ „посессіи“ у частныхъ лицъ. См. *Varr. L. l. V*, 36: „Quos agros non colebant propter silvas et id genus et possidebant, ab usu suo *saltus* nominantur“. — Расположенны чаще всего по склонамъ горъ, они обыкновенно были лѣсисты. См. *Ael. Gall.* (ap. *Fest.* ed. Mueller, p. 302): „...Saltus est, ubi silvae et pastiones sunt...“ *Isidor. Orig.* XIV, 8, 25: „Saltus sunt vasta et silvestria loca...“ Въ такомъ смыслѣ мѣст., поросшихъ лѣсомъ, слово это постоянно встрѣчается у писателей, особенно у поэтовъ, и постоянно также указывается, что такіа пространства употреблялись, какъ пастбища (напр. *Ovid. Fast.* V, 283: „*depassere saltus*“). У Цицерона противопоставляются *saltus* и *agri* именно, какъ выгоны и пахотныя поля (*Pro Quinctio*, 3, 12; 6, 28. Cfr. *De imp. Cn. Pomp.* 6, 16). Въ томъ же смыслѣ слово *saltus* попадаетъ въ законодательныя памятники. См. *Dig.* XLI, 2, 3; XIX, 2, 19; XXXII, 1; 67; XLIII, 20, 1, 3; VII, 1, 32; XXXIII, 7, 9. — *Cod. Th.* VII, 7, 2; X, 3, 2 etc.—О сборѣ за „попась“ на „*pascua publica*“ см. *Plin.* Н. п. XVIII, 11. *Cic. De leg. agr.* I, 1, 3; II, 14; *De imp. Cn. Pomp.* 6, 16. Варронъ (*De re r.* II, 1, 16) говоритъ о нихъ: „*atque apud publicanum profitentur*“. См. подробности о *pascua publica* у *Pauly, Realencyclor.* V, 1215; ср. *Humbert y Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités*, I, 136.

владѣльцевъ.—Можно высказать еще одну догадку, а именно, что здѣсь рѣчь идетъ о такъ называемомъ „ager compascuus“, т. е. объ особаго рода площадяхъ земли пастбищнаго типа, которыя, происходя равнымъ образомъ отъ владѣній римскаго народа, издавна были выдѣлены постановленіемъ государства въ общее пользованіе какой-нибудь группы земле-владѣльцевъ ¹⁾. Есть извѣстія, что такіе „коллективные со-сѣдскіе выгоны“ сохранялись и до времени утвержденья имперіи ²⁾, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ отождествленіи „longinqui agri“ Горация съ „agri compascui“ извѣстнаго числа „domini praediorum territorii Tiburtini“, помѣстья которыхъ соприкасались одни съ другими. Въ смутныя времена республики полосы такихъ „compascua“ могли, можетъ быть, какъ и полосы „agri publici occupatorii“, узурпироваться частными лицами и „приростать“ къ ихъ латифун-

¹⁾ Свидѣнія объ *ager compascuus* встрѣчаются въ трактатахъ агрименсоровъ, въ аграрномъ законѣ 643-го года, изрѣдка въ Дигестахъ и случайно у нѣкоторыхъ писателей. Для примѣра см. *Frontin.* (ed. Lachm.) p. 15, 4: „Est et pascuorum proprietas pertinens ad fundos, sed in commune; propter quod ea compascua multis locis in Italia communia appellantur, quibusdam in provinciis pro indiviso“. Cfr. *Hugon.* p. 116, 23. *Sic. Flacc.* p. 157, 9: „Inscribuntur et compascua... sive loca quae proximi quique vicini, id est qui ea contingunt, pascua (дальше недостаетъ глагола *получаютъ*)...“ *Hugon.* p. 201, 15.—*Fest.* p. 40: „Compascuus ager relictus est ad pascendum communiter vicinis“.—*Cic.* *Top.* 3, 12: „Si compascuus ager est, ius est compascendi“.—Иногда ассигнація *agri compascui* (о ней см. *Hugon.* p. 201, 12; *Sic. Flacc.* p. 115, 8) производилась въ пользу дѣльных городскихъ общинъ (См. „pascua coloniae“ у *Frontin.* p. 54, 21. Cfr. *Hugon.* p. 196, 18; 198, 2; 201, 12; 202, 1); иногда же части ихъ раздавались случайнымъ сосѣдямъ по землямъ, какъ видно изъ выше выписанныхъ мѣстъ (Ср. еще *Frontin.* p. 48, 24). — Для установленія подробностей по вопросу о „ius compascendi“ см. спеціальное изслѣдованіе *M. Voigt*, Die staatsrechtliche possessio und der ager compascuus (Abh. d. ph.-hist. Classe d. Sächs. Ges. d. Wiss. 1866, X Band, p. 229—233). Ср. *M. Weber*, Röm. Agrargesch. p. 120—125. Изъ собранныхъ и изученныхъ ими текстовъ видно, что сомадѣльцы имѣли только наследственно передаваемое, обыкновенно безъвозмездное право пользованія пастбищемъ.

²⁾ Алиментарныя надѣли времени Траяна обнаруживаютъ *communiones* и *saltus*, т. е. общія пастбища, приписанныя къ комплексамъ *fundi*, которые могли принадлежать различнымъ собственникамъ. См. въ Веллейской таблицѣ (*C. I. L.* XI, 1147, II, 84) и въ таблицѣ Лигуровъ Вэблановъ (*C. I. L.* IX, 1455 II, 47). Иногда собственники (*possessores vicini*) покупали себѣ такіа *compascua*.—*Dig.* VIII, 5, 20, 1: „Plures ex municipibus, qui diversa praedia possidebant, saltum communem, ut ius compascendi haberent, mercati sunt...“

діямъ. Впрочемъ, врядь ли такое обстоятельство могло имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ въ небольшомъ сравнительно помѣстьѣ Горация, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что кусокъ государственнаго или общественнаго пастбища по сосѣдству съ сабинскимъ имѣніемъ могъ быть отданъ ему по приказу Августа, который, какъ извѣстно изъ Светонія, заботился о доставленіи Горацию лишнихъ доходовъ, и въ верховномъ распоряженіи котораго находились такія земли даже въ Италіи ¹⁾.

4. Совокупность участковъ или „культуръ“, которые были поочередно описаны выше, все еще не обнимаетъ или не исчерпываетъ вполне владѣнія Горация. Предшествующее изложеніе ознакомило лишь съ той частью его помѣстья, которую онъ обрабатывалъ черезъ посредство своихъ рабовъ подъ наблюденіемъ вилика и при собственномъ руководствѣ или контролѣ для личныхъ потребностей и отчасти, можетъ быть, для добыванія денегъ путемъ продажи небольшого излишка продуктовъ — хлѣба, вина, скота и т. д. Но кромѣ этой „барской половины“ въ сабинской землѣ Горация находилась еще другая, также не очень ничтожная, которая эксплуатировалась способомъ отдачи ея въ аренду на фермерскомъ правѣ.

Въ томъ же посланіи къ своему вилику, на которое нѣсколько разъ приходилось ссылаться, поэтъ рассказываетъ, что на землѣ его выстроены пять усадебъ (*quinque foci*); въ

¹⁾ Неголго всѣ „*res publica*“, но иногда и „*ager communis*“ были собственностью римскаго народа. См. напр. *Lex agr.* а. 648, *C. I. L.* I, 200, v. 14, 25, 26 (Cfr. *Mommsen*, *Ibid.* p. 91). Въ послѣднемъ случаѣ сосѣдніе землевладѣльцы платили за пользованіе такими „*res communis*“ извѣстный *vestigal*. См. *Hugon*, p. 202, 4.—*Marquardt*, II, 157.—Что императоры могли довольно широко располагать государственными землями на полуостровѣ, это видно изъ того примѣра, что Веспасіанъ отдалъ навсегда частнымъ владѣльцамъ въ Апуліи и Калабріи какіе-то, повидимому, *agri publici*, которые они занимали. См. *Liber coloniar.* (ed. Lachm.) p. 261, 21. Ср. *Walter*, *Gesch. d. röm. Rechts*, I, 497.—Подобнаго же рода фактъ, свидѣтельствующій о большихъ правахъ Цесарей на народныя земли, находится въ одномъ эпитафическомъ текстѣ, относящемся къ цизальпійской Галліи и упоминающемъ о времени Тиберія и Клавдія. См. *C. I. L.* V, 5050 (ст. Моммзена въ IV-мъ томѣ *Hermes* за 1870 г.).

нихъ обитають пять хозяевъ, которые отправляются въ соседнее мѣстечко, Варію, въ качествѣ „почтенныхъ отцовъ“¹⁾. Это любопытный, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ ясный текстъ. Прежде всего онъ вызываетъ въ умѣ картину, важную, какъ лишнее основаніе для опредѣленія приблизительныхъ размѣровъ имѣнія Горация, и какъ характерная подробность для уясненія земельныхъ отношеній, установившихся въ его время вообще.

Безъ всякаго сомнѣнія, эти пять чѣловѣкъ, которыхъ поэтъ называетъ „boni patres“, никакъ не могли быть рабами, и ихъ нельзя смѣшивать съ подневольнымъ населеніемъ виллы господина. Это свободные люди и, должно быть, римскіе граждане. У нихъ нѣтъ своей земли, такъ какъ они сидятъ на землѣ помѣщика. Но они ведутъ каждый, какъ видно, самостоятельное земледѣльческое хозяйство на арендованныхъ небольшихъ участкахъ крестьянскаго типа. Вѣроятно же всего, это фермеры по контракту (*locatio-conductio*), снявшіе землю на срокъ за опредѣленную денежную плату въ годъ (*merces*)²⁾; но, можетъ быть, по соглашенію съ владельцемъ земли они вносятъ вмѣсто денегъ извѣстную долю урожая (*coloni partiarum*)³⁾. Возможно, наконецъ, предположить, что ихъ связывала съ помѣщикомъ болѣе сложная комбинація обѣихъ системъ⁴⁾. Точная форма ихъ договора съ собственникомъ неизвѣстна; нельзя также съ увѣренностью

¹⁾ *Epist.* I, 14, 2:

...(agellum) habitatum quinque focis et
Quinque bonos solitum Variam dimittere patres.

²⁾ См. о формахъ займа (*locatio-conductio*) земли въ руководствахъ по римскому праву, напр. у *M. Voigt*, *Römische Rechtsgeschichte* (Leipzig, 1892), I, 657—671.

³⁾ *Plin.* *Epist.* IX, 37: „...praesertim cum me necessitas locandorum praediorum plures annos ordinatura detineat... Si non nummo, sed partibus locem...“ О приращеніи обѣихъ формъ у римлянъ см. у *Fustel de Coulanges*, *Le colonat romain* (глава 1-я). См. еще *M. Waaser*, *Die colonia partiarum* (Berlin, 1885). Другая литература указана у *M. Voigt*, *R. Rechtsgesch.* I, 662.

⁴⁾ Изъ знаменитой надписи *saltus Burunitanus* (*C. I. L.* VIII, 10570) и другихъ африканскихъ эпиграфическихъ текстовъ, касающихся земледѣнія, видно, что сѣмства латифундій этой провинціи платили *merces* (арендную плату) и вмѣстѣ съ тѣмъ вносили *partes agrariae* (часть урожая), а также обязаны были исполнять *operae* (барщинныя работы). См. *Schulten*, *Die römischen Grundherrschaften*, и др. изслѣдованія объ этомъ вопросѣ.

опредѣлить, каково происхожденіе этихъ людей. Возможно, что это разорившіеся прежніе мѣстные крестьяне-собственники или ихъ потомки. Они, быть можетъ, когда-то оказались вынужденными отдать свои участки за долги богатому сосѣду, одному изъ предшественниковъ Мецената, когда помѣстье Горация могло составлять часть большой латифундіи, раздробившейся впоследствии, во времена смутъ и конфискацій. Сами же они остались по согласію новаго владѣльца на своихъ старыхъ клочкахъ и теперь воздѣлываютъ ихъ изъ года въ годъ въ качествѣ сѣмщиковъ ¹⁾. Но весьма естественно также предположить, что они совсѣмъ пришлые люди, также сбитые съ земли и приспособившіеся къ обработкѣ чужой, которую они законтраковали на обычные пятилѣтніе сроки ²⁾.

Во всякомъ случаѣ крестьяне-сѣмщики Горация находятся въ состояніи нѣкотораго скромнаго довольства. У каждаго изъ нихъ свой домашній очагъ, то-есть свой фермерскій дворъ, а затѣмъ также самостоятельный арендный надѣлъ; они воздѣлываютъ его со своими семьями при помощи своего или взятаго въ долгъ у помѣщика скота и плуга, употребляя въ дѣло, можетъ быть, даже одного-двоихъ рабовъ, которые могли оказаться у нѣкоторыхъ ³⁾. Конечно, участки ихъ незначительны; однако они не только даютъ жить этимъ земледѣльцамъ, но доставляютъ и нѣкоторый излишекъ, который они и вѣзятъ сбывать въ Варію въ базарные дни (*nundinae*). Ихъ жилища всѣ вмѣстѣ составляютъ на гораціевой землѣ маленькое селеніе, обитатели котораго веселятся въ дни праздничнаго отдыха шумною, хоть немногочисленною толпою ⁴⁾. Вѣрнѣе же всего, усадьбы

¹⁾ Изъ второй части настоящаго этюда будетъ видно, что такое перерожденіе собственности въ аренду для тѣхъ же лицъ на тѣхъ же земляхъ происходило нерѣдко.

²⁾ Пятилѣтіе (*lustrum*) было дѣйствительно легальнымъ срокомъ, на который заключались такіе земельные наймы. „Locare in quinquennium“ (*Dig. XIX, 2, 9, § 1; 24, § 2*; „locare in lustrum“ (*Dig. XIX, 2, 13, 11*). *Plin. Epist. IX, 37, 2*: „priore lustrum“. — См. *Fustel de Coulanges, Le colonat romain (Recherches sur quelques problèmes d'histoire)* p. 10.

³⁾ Ср. *Mart. II, 1, 21*.

⁴⁾ *Carm. III, 18, 9*: Ludit herboso pecus omne campo,
Cum tibi nonae redeunt Decembres;

ихъ не связывались топографически въ одно цѣлое (деревню, улицу), а располагались каждая самостоятельно среди наѣла (отдѣльными хуторами—*Einzelgehöfte*)¹⁾.

Горацій говоритъ, что фермеры его ѣздили въ Варію, какъ „*boni patres*“. Въ словахъ этихъ заключается неясность. Слѣдуетъ ли понимать ихъ въ смыслѣ просто *patres familias*, т.-е. представлять себѣ этихъ людей только въ видѣ хорошихъ, рачительныхъ сельскихъ хозяевъ²⁾; или можно предполагать, что они являлись также дѣтельными членами сельскаго совѣта небольшой общины (*vicus*)³⁾. Нельзя разрѣшить вполне твердо этого недоумѣнія за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ, освѣщающихъ именно этотъ случай, и вообще за недостаткомъ матеріала для познанія внутренняго устройства тѣхъ группъ осѣлости въ римскомъ мѣрѣ, которыя носили наименование „*vici*“.

Они являлись, повидимому, поселеніями различнаго типа⁴⁾. Одни изъ нихъ совершенно были лишены какой бы то

*Festus in pratis vacat otioso
Cum bove pagus...*

Что въ этихъ стихахъ говорится о помѣстьи Горація, видно изъ самаго текста (См. в. 2: „...per meos fines et agrica iuga...“). Но участвовалъ въ этомъ декабрьскомъ сельскомъ праздникѣ Фавна, вѣроятно, весь „*pagus Mandela*“, къ которому принадлежало имѣніе Горація (См. *Kiezling*, *Hor.* I, 274).

¹⁾ Обычнымъ типомъ сельскихъ поселеній въ Римѣ въ изучаемое время была, несомнѣнно, владѣльческая или фермерская миза (*villa*), а не деревня (*vicus*). Авторъ настоящей книги готовитъ къ печати спеціальнѣйшій взглядъ о развитіи формъ сельскаго помѣстья въ древнемъ Римѣ, который будетъ составлять продолженіе уже опубликованнаго имъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1897 годъ, и въ которомъ, между прочимъ, будетъ разработана вопросъ объ эволюціи земледѣльческихъ и землевладѣльческихъ формъ осѣлости.

²⁾ Такъ думаетъ, напримѣръ, Бисслингъ (*Hor.* Op. III, 92).

³⁾ См. Орелли, *Horat.* op. II, 413—414. Ср. *Fustel de Coulanges*, *L'alleu et le domaine rural* (p. 65—66), или еще *Fritsch*, *Neue Jahrbücher*, 1895, p. 58. *Mazzoleni* выражается объ этомъ неопредѣленно (*Riv. di filol.* 1890—91, p. 231).

⁴⁾ Самое слово—*vicus*—, какъ кажется, обозначало, собственно, только комплексъ построекъ, жилищъ и хозяйственныхъ, принадлежащихъ одному или многимъ владѣльцамъ. Такъ что были *vici urbani* (улицы въ городѣ), *vici pagani* или *rustici* (деревни). Даже частную усадьбу, состоявшую изъ нѣсколькихъ зданий, можно было назвать *vicus*. См. *Forcellini-De-Vit*, *Totius Latinitatis Lexicon*, VI, 328—329.

ни было территориальной отдельности и общинной организации; другие представляли из себя въ известномъ смыслѣ корпоративное единство ¹⁾; третьи обладали даже иногда нѣкоторою „квази-муниципальною“ самостоятельностью ²⁾. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, даже и послѣдніе оставались въ административной зависимости отъ сосѣдней городской общины, являвшейся вообще единственною всюду распространенною и правильною единицею мѣстнаго управленія ³⁾. Въ тѣхъ изъ такихъ селеній, которымъ присвоены были тѣ или иныя „коммунальныя“ (корпоративныя, земскія) права, существовали свои особенныя выборныя должностныя лица. Они носили названіе чаще всего *magistri vicorum*, иногда *quaestores, aediles, curatores* etc. ⁴⁾. Около нихъ, очевидно, долженъ былъ также находиться, по общепринятому у римлянъ и освященному крѣпкой традиціей административному обычаю—„сельскій совѣтъ“ ⁵⁾. Такъ могло повториться и въ настоящемъ случаѣ. Населеніе гораціева помѣстья, принад-

¹⁾ См., между прочимъ, тексты законодательныхъ сборниковъ; напримѣръ, *Cod. Iust.* II, 58 (59), 2, § 5: „Sancimus si quid tale in posterum emerit, sive pro una persona quis litem movere voluerit, sive *pro aliquo corpore vel vico vel alia universitate*, fideiussionem quidem solitam praestare...“ *Vicus* является здѣсь „юридическою личностью“. Ср. *Dig.* XXX, 78 (Gaius); также *Paul. Sent.* IV, 6, 2. Ср. *C. I. L.* V, 5878; 7261; 7450; III, 656 etc., etc...

²⁾ *Fest.* (ed. Mueller, p. 371): „...ex vicis partim habent *remp(ublicam)* et *ius* dicitur, partim nihil eorum et tamen ibi *nundinae* aguntur *negotii gerendi causa* et *magistri vici* item *magistri pagi* quotannis fiunt“. Тутъ рѣчь идетъ объ исконно-италійской организаціи, которая удержалась и развивалась также въ римское время. Матеріалъ объ устройствѣ *vici* въ новѣйшее время тщательно собранъ и обстоятельно разсмотрѣнъ Адольфомъ Шульценомъ, „*Die Landgemeinden im römischen Reich*“ (*Philologus*, 1894, LIII, p. 656—671). См. также *Marquardt*, *Römische Staatsverwaltung* (2 Aufl.) I, 7 ff.

³⁾ *Dig.* E., I, 30: „Qui ex vico ortus est, eam patriam intelligitur habere, cui *reipublicae vicus* ille respondet“. Cfr. *Cod. Iust.* V, 27, 3, § 1. Другіе тексты (какъ примѣры изъ надписей) и анализъ ихъ см. у Шульцена (въ указанной статьѣ стр. 667—668; 670).

⁴⁾ Много текстовъ сгруппировано также у А. Шульцена (См. стр. 664—667).

⁵⁾ Такъ, напримѣръ, у насъ есть любопытная надпись, относящаяся къ *vicus Aquensis* около Вьенны въ южной Галліи (*C. I. L.* XII, 2461), въ которой говорится о „*decem lecti Aquenses*“ и о „*patroni*“, которые воздвигли алтарь (арам) по общему рѣшенію. Эти „*decem lecti*“, безъ сомнѣнія, представляютъ общинный совѣтъ селенія. И другіе эпиграфическіе памятники говорятъ о „*decretum vicarorum*“ (См. напр. *Inscr. Helv.* 141; 249; Ср. *Ibid.* 245; etc.).

лежавшее, можетъ быть, къ *pagus Mandela* ¹⁾, было причислено къ *Vicus Varia* который, вѣроятно, былъ надѣленъ низшею („квази-муниципальною“) независимостью подъ высшимъ контролемъ городскихъ властей Тибура ²⁾. Въ такомъ случаѣ упомянутые Горашіемъ „*boni patres*“ могутъ быть приняты за членовъ „сельскаго сената“ въ *Vicus Varia*.—Однако тутъ возникаетъ еще одно затрудненіе для окончательнаго принятія подобнаго толкованія. Когда въ источникахъ говорится объ участіи жителей какого-нибудь *vicus* въ управленіи сельскою общиною, постоянно встрѣчается утвержденіе, что дѣло идетъ о земельныхъ собственникахъ ея территоріи—„*possessores vicani*“ ³⁾. Распространялось ли такое право и на арендовавшихъ чужую землю, это остается неизвѣстнымъ. Теоретически это даже сомнительно: у римлянъ владѣніе землею было обычнымъ условіемъ имущественнаго состоянія, требовавшимся для причисленія человѣка въ качествѣ дѣятельнаго члена къ какой-нибудь общинной группѣ. Очень возможно поэтому, что съемщики Горашія входили только въ составъ совѣта какой-нибудь религіозной коллегіи въ Варіи, доступной и для свободныхъ безземельныхъ людей: тогда потребности содержанія алтаря бога-покровителя сакрального товарищества или отправленія культа могли, кромѣ чисто-матеріальныхъ надобностей, призывать ихъ въ „городокъ“ по базарнымъ днямъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ той же работѣ Шульцена есть обстоятельный и хорошо документированный параграфъ объ устройствѣ римскихъ „паговъ“.

²⁾ Горашій говоритъ о „*pagus*“, въ который входила его земля (*Carm.* II, 18, 4; III, 18, 12), и видно, что это былъ *pagus Mandela*, такъ какъ это единственное поселеніе, упоминающееся по сосѣдству (См. *Epist.* I, 18, 105). Очень возможно поэтому, что если *Varia* получила известное муниципальное устройство, то *pagus Mandela*, а стало быть и вилла Горашія входили въ область ея юрисдикціи (*Epist.* I, 14, 8). См. *Fritsch*, *Neue Jahrb. für Philog.* 1895, p. 58.

³⁾ См., напримѣръ, „*possessores vici Verecundensis*“ (*C. I. L.* VIII, 4199), „*possessores vici Vindoniani*“ (*Ibid.* III, 3626), „р. v. *Bardomagensis*“ (*Ibid.* V, 5678), „*possessores Aquenses*“ (*C. I. L.* XII, 2461) etc. Иногда говорится просто „*vicani*“, напримѣръ, „*vicani Segusini*“ (*C. I. L.* V, 7261); „*(suo) d(ato) decreto vicanorum*“ (*Inscr. Helv.* 141) и т. д., и т. д. Ср. объ устройствѣ „*pagi*“ и „*vici*“ еще работу *M. Voigt*, *Drei epigraphische Constitutionen Constantin's des Grossen* (Leipzig, 1860).

⁴⁾ Нужно думать, что вообще сакральныя коллегіи были главными формами корпоративнаго объединенія группъ людей, входившихъ въ составъ „*vicus*“. Это

Такимъ образомъ по разсмотрѣнному пункту нельзя высказать опредѣленнаго сужденія; но во всякомъ случаѣ можно сказать, что если административно-муниципальная роль арендаторовъ Горация не можетъ быть точно опредѣлена, то ихъ социально-экономическое положеніе ясно. Они безземельны и потому въ извѣстной степени зависимы отъ помѣщика, на землѣ котораго сидятъ. Повидимому, такое подчиненіе не идетъ далеко, такъ какъ они остаются настолько обезпечены, что могутъ вести каждая семья отдѣльное и, какъ кажется, не очень стѣсненное фермерское хозяйство. Они могутъ являться самостоятельными *patres familias*, а, можетъ быть, даже совѣтниками (*patres* или *curatores*) въ какомъ-нибудь сакральномъ товариществѣ или коммунальномъ учрежденіи въ сосѣднемъ мѣстечкѣ. Эти бытовые черты, возстановляющіяся съ достоверностью, важны, какъ очень существенныя дополнительныя данныя, для вывода о размѣрахъ помѣстья Горация.

3.

Выше собраны вмѣстѣ и сгруппированы въ одно цѣлое всѣ подробности, находимыя въ стихотвореніяхъ Горация, которыя могутъ служить для описанія и характеристики его сабинскаго имѣнія. Теперь можно формулировать окончательный результатъ.

Земля, подаренная Горацию Меценатомъ—не обширное земельное владѣніе; каковы были громадныя помѣстья, изъ которыхъ слагалось недвижимое состояніе самого Мецената и

върно въ особенности относительно тѣхъ изъ *vici*, которые не обладали никакою муниципальной самостоятельностью или корпоративнымъ устройствомъ. Специально распространеннымъ мѣстнымъ культомъ въ такихъ „селеніяхъ“ было поклоненіе „*lares compitales*“ (боги дорогъ и перекрестковъ). Для подтвержденія можно было бы привести очень много надписей. Въ видѣ примѣра указываются *Brambach* (*Inscr. Rhen.*), 1676; *Orelli*, 2097; 1626: „*diis vicinis compitalibus et hortensibus ex voto*“; *C. I. L. V*, 5716. См. еще любопытаній теодтъ объ основаніи храма *Jupiter Liber* жителями *vicus Furfensis* (*Brunn, Fontes*, ed. 5, p. 241). Много надписей свидѣтельствуютъ о построеніи жителями селеній различныхъ зданій для потребностей культа. См. напр. *C. I. L. III*, 3626; 3776; 3777; IX, 5804; *Inscr. Helv.*, 245 etc. Ср. еще *Brambach*, 1138: „*genio collegi iuventutis vici Apollinesis*“; „*iuvenes Fificulanii*“ (*C. I. L. IX*, 3578) etc.

многихъ другихъ современныхъ ему римскихъ сенаторовъ и всадниковъ. Такъ что перечисленные участки или пространства различныхъ категорій, изъ которыхъ она составлялась, нельзя измѣрять каждое многими сотнями югеровъ. Владѣніе поэта не являлось равнымъ образомъ роскошною загородною виллою, подобною любому изъ увеселительныхъ мѣстопребываній Цицерона въ различныхъ частяхъ Италіи, которыхъ у знаменитаго писателя и политика было болѣе десятка, а у другихъ богачей еще больше. Далѣе, оно не представляло изъ себя также лишь скромное мѣсто уединенія и отдыха, куда литературный дѣятель могъ бы скрыться отъ суеты свѣта, гдѣ ему можно было свободно гулять, наслаждаться природой и мыслить надъ жизнью, сосредоточиваться на умственной работѣ и искать поэтическихъ вдохновеній ¹⁾). Наконецъ, имѣніе Горация никакъ нельзя назвать и крестьянскимъ надѣломъ, какими были участки, на которыхъ по древнему преданію нѣкогда собственноручно работали старые знаменитые вожди римскаго народа ²⁾).

Гораций владѣлъ, какъ ясно выводится изъ его собственнаго описанія, весьма приличною единицею недвижимой собственности, состоявшею изъ комплекса культивированныхъ или годныхъ къ культурѣ полосъ земли. Каждая изъ нихъ, въ силу различія присущихъ ей почвенныхъ и температурныхъ условій, была приспособлена къ особому виду эксплуатаціи. Онѣ связаны были въ два цѣлыя и распапались въ

¹⁾ О такихъ тѣсныхъ загородныхъ жилищахъ говоритъ съ насмѣшкою Ювеналъ, замѣчая, что они достаточно велики для того, чтобы ящерица могла устроить въ ихъ землѣ свою нору (*Juven. Sat. III, 280*):

Est aliquid quocumque loco, quocumque recessu
Unius sese dominum fecisse lacertae.

Плавій Младшій (Ерр. I, 24) упоминаетъ также о такихъ помѣстьяхъ-дачахъ, которыя настолько малы, что доставляя наслажденіе, не причиняютъ заботы. Онъ хочетъ купить такой клочокъ для Светонія, который желаетъ лишь столько земли, сколько нужно для того, чтобы голова могла получить отдыхъ отъ жизни въ городѣ, глаза—развлекающую картину, чтобы можно было погулять по аллеѣ, знать по счету всякую лозу и всякое фруктовое дерево въ своемъ садикѣ.

²⁾ См. статью автора этой книги объ исконно-римскомъ земельномъ строѣ (*Журн. Мин. Нар. Просв. 1897 г. Сент.*), въ которой собранъ матеріалъ о древне-римскомъ крестьянствѣ.

сельскохозяйственномъ отношеніи на двѣ системы или группы угодій: одну — помѣщичью съ домою и службами, садомъ, виноградникомъ, пахотнымъ полемъ, лугомъ, выгонами, пустошами и лѣсомъ; другую—отданную въ руки крестьянамъ-арендаторамъ. Последняя раздѣлялась на пять полевыхъ надѣловъ съ усадебною осѣдлостью въ каждомъ, обработка которыхъ обеспечивала матеріальное существованіе сѣмщиковъ. На этой фермерской половинѣ, весьма вѣроятно, имѣлись также свои полоски луга и выгоны, нужные для прокорма скота, можетъ быть, также скудные виноградники и, почти навѣрно, клочокъ лѣса для топлива и необходимыхъ въ хозяйствѣ подѣлокъ. Итакъ, сабинское помѣстье являлось настоящимъ земельнымъ имуществомъ, состояніемъ, приносящимъ доходъ и могущимъ дать извѣстную общественную самостоятельность ¹⁾. Оно представляло цѣльный хозяйственный организмъ, снабженный всѣми необходимыми элементами для автономнаго существованія; это было, можно сказать, „уменьшенный снимокъ латифундіи“.

Таково общее заключеніе. Чтобы попытаться придать ему большую опредѣленность, полезно присоединить къ сказанному два замѣчанія, которыя, за невозможностью рѣшить вопросъ о размѣрахъ собственности поэта точно, статистически, дадутъ средство наиболее близко подойти къ наиболее отчетливому его разъясненію.

Горацій не говоритъ, сколько югеровъ занимало его имѣніе. Описанія его сообщаютъ лишь приблизительное понятіе о его величинѣ. Чтобы сдѣлать это понятіе болѣе отчетливымъ, нельзя ли найти еще основаніе для измѣренія? Можетъ быть, можно спросить себя, сколько человекъ получали средства къ жизни съ помѣстья? Нѣкоторыя данныя для отвѣта на этотъ вопросъ имѣются: помѣстье кормитъ довольно большое населеніе. Оно питаетъ прежде всего хозяина, вилика съ его подругою и семьею, земледѣльческихъ рабовъ, прислугу обоюга пола, что составитъ не менѣе 22

¹⁾ Горацій сказалъ о своей землѣ (*Epist.* I, 18, 107):

Sit mihi quod nunc est, etiam minus, et mihi vivam
Quod superest aevi..

человѣкъ по самому скромному разсчету ¹⁾. Затѣмъ около 25 человѣкъ сидятъ на арендованной половинѣ ²⁾, и продуктами, которые получаютъ съ надѣловъ, прокармливаютъ себя съ семьями. Наконецъ, городскіе рабы Горація,—ихъ не могло быть менѣе 5—8 ³⁾,—вѣроятно, получаютъ оттуда же значительную часть пропитанія. Такимъ образомъ, помѣстье содержитъ около 55 человѣкъ. Это соображеніе уже даетъ возможность представлять имѣнье Горація довольно значительнымъ по размѣрамъ. Но слѣдуетъ, идя дальше, попытаться выразить хоть нѣкоторыя изъ его частей въ приблизительныхъ числахъ югеровъ.—Что касается фермерской половины, то надобно полагать, что въ ней никакъ не могло быть менѣе 100 югеровъ. Моммзенъ устанавливаетъ даже для древнѣйшаго времени, что римская крестьянская семья обеспечивала свою жизнь, работая на собственномъ надѣлѣ, лишь тогда, когда онъ занималъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно 20 югеровъ ⁴⁾. На землѣ Горація сидятъ пять семействъ, которыя нуждаются даже въ большемъ количествѣ земли, такъ какъ часть продукта въ деньгахъ или натурою отдается ими хозяину въ видѣ арендной платы, и такъ какъ уровень матеріальной жизни ко времени утвержденія имперіи значительно повысился даже для низшихъ классовъ сравнительно съ первоначальнымъ періодомъ ⁵⁾. Выше, на основаніи свидѣтельства Колумеллы, было опредѣлено по числу земледѣльческихъ рабовъ Горація, что

¹⁾ На вилла съ семьей надо считать не меньше 4—5 человѣкъ; присоединивъ къ нимъ, кромѣ хозяина и 8 полевыхъ рабочихъ еще столько же, по крайней мѣрѣ, рабовъ и рабынь, заведывавшихъ домомъ, садомъ и скотомъ, получимъ это число (22).

²⁾ По пяти человѣкъ на каждое изъ пяти семействъ по обыкновенному статистическому разсчету.

³⁾ Это несомнѣнно такъ, если трое прислуживали только за столомъ, и это минимумъ.

⁴⁾ *Römische Geschichte* (8 Aufl.) I, 93; 184—186. На послѣднихъ страницахъ въ примѣчаніи Моммзенъ приводитъ фактическія основанія своего мнѣнія. См. критическое рассмотрѣніе вопроса о размѣрахъ древне-римскихъ крестьянскихъ владѣльческихъ участковъ въ цитированной статьѣ автора настоящаго этюда, помѣщенной въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897 г. Октябрь.

⁵⁾ Конечно, это не говорится о пролетаріяхъ или о сбившихъ съ земли крестьянахъ: положеніе ихъ всегда одинаково бѣдственно; но сѣмьи Горація были обезпеченными фермерами.

земля, обработанная у него подъ пашню (въроятно, со включеніемъ виноградника), должна была доходить до 200 югеровъ. Такимъ образомъ, получается уже болѣе или менѣе достовѣрно 300 слишкомъ югеровъ (около 350). Отъ попытокъ опредѣленія величины остальной части имѣнія—луга, выгоновъ, лѣса и т. д.,—надо воздержаться за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ; слѣдуетъ только обратить вниманіе, что она должна была непремѣнно доставлять замѣтную прибавку къ доходу съ пашни: хозяинъ рассчитывалъ на свое помѣстье, какъ на главный источникъ средствъ для поддержанія основныхъ расходовъ, хоть сдержанной, но все-таки достойной жизни, которая вытекала изъ его постоянного соприкосновенія съ людьми высшаго круга; вилликъ съ семьєю также получалъ приличное содержаніе, какъ довѣренный господскій слуга; наконецъ, рабы, хотя, конечно, пользовались лишь самымъ необходимымъ въ смыслѣ пищи, одежды и жилища, все-таки не могли быть оставляемы впроголодь у такого мягкаго и гуманнаго хозяина, какъ Гораций. Такъ что и этотъ расчетъ, къ сожалѣнію, очень общій и далеко не полный показываетъ, что помѣстье было изрядное.

Къ несчастью, нельзя сдѣлать только что добытаго предположительнаго вывода о минимальномъ числѣ югеровъ въ помѣстьѣ Горация болѣе опредѣленнымъ и въ другомъ отношеніи, то-есть, именно выразивъ его стоимость въ болѣе или менѣе точно вычисленной денежной суммѣ. Статистика цѣнъ для римской древности не можетъ быть достовѣрно восстановлена, и трудно построить средній бюджетъ годовыхъ расходовъ представителей различныхъ классовъ римскаго общества. Но въ данномъ случаѣ, говоря о Горации, возможно обозначить цифрою предѣльный минимумъ его состоянія.

Гораций носилъ званіе римскаго всадника (*equus Romanus*)¹⁾.

¹⁾ Онъ говоритъ о себѣ устами своего раба (*Sat.* II, 7, 53):

Tum cum proiectis insignibus, anulo equestri
Romanoque habitu, prodis ex iudice Dama...

Извѣстно, что отличительными вышними атрибутами (*insignia*) всадническаго достоинства были золотой перстень (*anulus aureus*) и тога съ узкою пурпурною каймою (*angustus clavus*). См. *Mommsen, Röm. Staatsrecht*, III, 518—519.

Условіемъ принадлежности къ всадническому сословію былъ цензъ, по меньшей мѣрѣ, въ 400,000 сестерціевъ ¹⁾. У поэта было одно помѣстье, одинъ домъ въ Римѣ, можетъ быть, еще одинъ въ Тибурѣ и, по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ, первоначально, никакихъ капиталовъ ²⁾. Если отдѣлить на два дома, которые были не велики и не роскошны, цѣнность даже въ 100,000 сестерціевъ, останется 300,000 сестерціевъ, какъ приблизительная минимальная стоимость описаннаго имѣнія ³⁾. Можно, впрочемъ, думать, что дѣйстви-

Стало бытъ, приведенные стихи ясно устанавливають принадлежность поэта къ всадничеству. Слово— „*iudice*“ также намекаетъ на судейскія функціи этого сословія. Можетъ быть, всадническое званіе Горація прямо являлось предикатомъ должности военнаго трибуна, которую онъ когда-то занималъ (*Mommsen*, *Ibid.* III, 486). Но весьма вѣроятно также, что оно достигалось должностью *scribae quaestorii*, которую занималъ Горацій послѣ амнистіи (*Mommsen*, *Staatsrecht*, 3 Aufl. I, 353), такъ что онъ вторично его заслужилъ. Возможно, наконецъ, что поэтъ получилъ всадничество по личной милости перваго императора. Это довольно легко предположить, припоминая, что всадническая табель о рангахъ была тогда еще неполноустановлена и порядокъ титуловъ служебной лѣстницы еще не выработанъ послѣ измѣненія государственнаго устройства; а также представляя себѣ ту близость, въ которую стало всадничество къ принцепату. Во всякомъ случаѣ званіе это должно быть признано за Гораціемъ. Кромѣ стремленія удалиться отъ службъ чувство приличія побуждало его устраниваться отъ сенаторской карьеры, такъ какъ благодѣтель и патронъ его, Мecenатъ, оставался всадникомъ до конца жизни. Горацій нѣсколько разъ съ особымъ удареніемъ называетъ его такъ (напримѣръ, *Carm.* I, 20, 5: „*Care Maecenas, aequus...*“). Ср. *Walckenaer*, *Horace*, I, 414.

¹⁾ См. *Mommsen*, *Staatsrecht*, III, 487; *Mispoulet*, *Les instit. polit. des Rom.* II, 215 suiv.—*L. Friedländer*, *Sittengesch.* (6 Aufl.), I, 279.

²⁾ Горацій говоритъ о себѣ, что доходъ его не великъ— „*paucis vectigalia*“ (*Carm.* III, 16, 39—40). Впрочемъ, при опредѣленіи ценза принималась во вниманіе преимущественно недвижимая собственность. Моммзенъ (*Röm. Staatsrecht*, 3 Aufl. II, 393) думаетъ, что движимости введены были въ число объектовъ ценза лишь въ половинѣ V-го вѣка отъ основанія города. Ланге же (*Röm. Alterthümer*, 3 Aufl. I, 494) полагаетъ, что онѣ оцѣнвались только въ видахъ обложенія податью; основаніемъ же для политическаго дѣленія гражданъ на классы всегда оставалась одна земля.

³⁾ Можетъ быть, Мecenатъ, дая Горацію сабинскую виллу, между прочимъ, имѣлъ въ виду доставить ему всаднической цензъ. Горацій говоритъ Мecenату (*Epist.* I, 7, 15): „*Tu me fecisti locupletem*“. Слово *locuples* въ древности обозначало человека, достаточно обезпеченнаго землею, чтобы быть записаннымъ въ гражданство (См. напр. *Plin.* Н. п. XVIII, 11; Ср. *Cic.* *De ger.* II, 9, 16; *Top.* 2, 10 etc.). Можетъ быть, Горацій играетъ тутъ словомъ, желая обозначить, что Мecenатъ сдѣлалъ его достаточно богатымъ, чтобы удовлетворить экономическому условію принадлежности къ званію, котораго онъ достигъ службой.

тельная цѣнность его была больше, такъ какъ 400.000 сестерціевъ—простой всаднической цenzъ—считались въ тѣ времена въ высшемъ обществѣ совсѣмъ ничтожнымъ состояніемъ, при которомъ очень трудно было поддерживать честь своего положенія ¹⁾.

¹⁾ Ювеналъ говоритъ, что трудно даже достойному человѣку, подняться когда онъ недостаточно состоятеленъ (III, 164):

Hand facile emergunt, quorum virtutibus obstat
Res angusta domi...

Минимальнымъ имуществомъ, удовлетворяющимъ условіямъ безбѣднаго существованія для человѣка сколько-нибудь замѣтнаго, современникамъ Ювенала представлялся, какъ кажется, по меньшей мѣрѣ двойной или тройной всаднической цenzъ (См. *Iuven.* XIV, 323):

...Efficere summam,
Bis septem ordinibus quam lex dignatur Othonis.
Haec quoque si rugam trahit extenditque labellum,
Sume duos equites, fac tertia quadringenta.

Марціалъ (I, 104), повидѣнію, также хочетъ сказать, что трудно и на состояніе въ сенаторскій цenzъ (т.-е. 1 миллионъ сестерцій) жить, какъ слѣдуетъ. Ср. *L. Friedländer*, *Sittengeschichte Rom's* (6 Aufl.), I, 292; *G. Boissier*, *L'opposition sous les Césars*, p. 306—307. Что помѣстье Горація должно было стоить больше 300.000 сестерціевъ, это можно заключить еще изъ слѣдующаго соображенія. Колумелла сообщаетъ, что одинъ югеръ удобной для обработкѣ земли цѣнился обыкновенно въ 1000 сестерціевъ (*Colum. R. r.* III, 3, 8). Выше предположено, по расчету того же Колумеллы, что у Горація было 200 югеровъ одной пашни, и у его арендаторовъ, если держаться приведеннаго мѣрѣ Моммзена, не могло быть меньше 100 югеровъ, что уже составляетъ сумму въ 300.000 сестерціевъ, причѣмъ не захватываются всѣ угодія, на которыя распалось имѣніе Горація. Можетъ быть, даже специально культивированная подъ пашню полоса стояла больше, чѣмъ по 1000 сестерціевъ за югеръ. Моммзенъ („*Nemes*“, XIX, 398) по даннымъ Варрона (*R. r.* III, 2) и Колумеллы (*R. r.* III, 3, 9) опредѣляетъ цѣнность югера хорошо воздѣланной полевой земли въ 2500 сестерціевъ. Такимъ образомъ, окончательнаго рѣшенія не можетъ быть постановлено и тутъ. Но несправедливо было бы назвать сдѣланныя предположенія только гадательными: они тверды, но первое не даетъ полного отвѣта, второе указываетъ только минимумъ, можетъ быть, далеко не достигающій дѣйствительности. Полезно упомянуть здѣсь еще о вычисленіи Н. Фритча (*Neue Jahrbücher für Philolog.* 1895, p. 76), основанномъ на измѣреніи пространства, которое, нужно думать, было занято владѣніемъ Горація, такъ какъ по конфигураціи мѣстности оно представляетъ единство, хорошо къ тому же совпадающее съ описаніями поэта. Авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Расстояніе вдоль теченія Личенцы отъ Fosso delle Chiuse (на сѣверѣ) до Fosso Pio Mogale (на югѣ), которое должно было обозначать длину помѣстья, равняется 1¹/₂ километрамъ; отъ берега рѣки вверхъ къ горамъ на всемъ этомъ протяженіи нельзя отсчитать для ширины принадлежавшаго поэту куска земли меньше, чѣмъ

Какъ бы то ни было, но предшествующее изложеніе, думается, показало, что на основаніи данныхъ, которыя сообщаетъ Горацийъ о своемъ помѣстьѣ, и тщательнаго, осторожнаго сопоставленія ихъ съ свидѣтельствами другихъ источниковъ, возможно довольно ясно возстановить опредѣленную конкретную единицу индивидуализированной земельной собственности. Если это вѣрно, то такой результатъ не лишентъ важности: воспроизведенный образъ помѣстья Горация можетъ послужить твердою исходною точкою для сравненія съ другими землевладѣльческими организмами, образы которыхъ, можетъ быть, удастся отыскать въ стихотвореніяхъ того же поэта или найти у другихъ писателей, либо, наконецъ, составить изъ показаній нѣсколькихъ.

$\frac{2}{3}$ километра. Ограниченный такимъ образомъ длинный прямоугольникъ, стороны котораго явятся схематическими межами земли, приписанной къ виллѣ, займетъ площадь около одного квадратнаго километра, т.е. приблизительно 100 гектаровъ или 400 югеровъ. Такое заключеніе совпадаетъ въ общемъ съ раньше высказаннымъ, и оно, можно сказать съ увѣренностью послѣ всего изложеннаго, не преувеличиваетъ возможнаго историческаго представленія о величинѣ горацияева имѣнія, а устанавливаетъ цифру, вѣрнѣе всего, болѣе низкую, чѣмъ та, которая опредѣляла дѣйствительное протяженіе собственности юста.

III.

Господствующія формы земельныхъ отношеній въ римскомъ мірѣ во время Горація.

1. Развитие крупной собственности и поглощеніе ею мелкой.—2. Земельное магнатство и его социальныя права.—3. Положеніе низшихъ земледѣльческихъ классовъ.—4. Данныя Горація о крестьянскомъ землевладѣніи.
-

Помѣстье Горація изображено на предыдущихъ страницахъ его же собственными словами, по поводу которыхъ высказаны необходимыя и, нужно думать, прочныя догадки, а также сдѣланы естественныя сближенія между отдѣльными текстами. „Измѣрить“ сабинскую виллу поэта оказалось невозможнымъ—точные цифры отсутствуютъ. Но, какъ кажется, удалось правильно установить, такъ сказать, „типъ ея величины“. Нельзя ли теперь попытаться вставить описанное имѣніе, которое пока остается изолированной земельно-хозяйственной единицею, въ общую рамку картины, которая представляла бы современное Горацію положеніе землевладѣнія италійскаго и даже обще-римскаго въ его цѣломъ, и которая была бы написана красками, также взятыми преимущественно изъ его произведеній? Последнее было бы особенно интересно, потому что такимъ образомъ сохранится единство точки зрѣнія съ предшествующимъ изложеніемъ; а тѣмъ самымъ будетъ облегчено сравненіе между земельнымъ состояніемъ, которое Горацій изображаетъ, какъ свое, и

формами земельного строя, которыя представляются ему общераспространенными.

Въ стихотвореніяхъ Горация разсѣяно довольно много свѣдѣній и замѣчаній о господствовавшихъ въ его время въ Италіи земельныхъ отношеніяхъ. Иногда они имѣють характеръ цѣльныхъ маленькихъ описаній, предпринятыхъ обыкновенно съ философско-моралистическою цѣлью; иногда тѣ или инья черты и подробности брошены, какъ лирической возгласъ или сатирической намекъ на историческое происшествіе, или на случай изъ жизни какого-нибудь лица или самого автора; иногда, наконецъ, берутся образы изъ сферы сельскаго хозяйства, характеризующіе также аграрный строй, въ видахъ украшенія поэтическаго языка. Этими любопытными данными для соціальной исторіи Рима при самомъ утвержденіи имперіи, которыя открываются въ сочиненіяхъ Горация, точно также мало пользовались еще систематически; а между тѣмъ онѣ въ совокупности образуютъ картину, не лишенную значенія для историка-экономиста, которая если не устанавливаетъ окончательно опредѣленныхъ выводовъ, то показываетъ дорогу къ важнымъ обобщеніямъ.

Дальнѣйшія страницы представляютъ опытъ группировки и освѣщенія находящагося въ сочиненіяхъ Горация матеріала, который касается исторіи землевладѣнія; причемъ въ концѣ концовъ поставленъ будетъ вопросъ, какое положеніе занимаетъ въ ряду земельныхъ имуществъ частныхъ лицъ того времени помѣстье Горация. А такое сопоставленіе въ свою очередь выдвинетъ новыя проблемы и приведетъ къ нѣкоторымъ заключительнымъ соображеніямъ.

1. Поэтъ нѣсколько разъ называетъ свое помѣстье малою землецею; но, какъ было видно, ближайшее разсмотрѣніе составныхъ частей его обнаруживаетъ въ немъ весьма приличное и далеко не бездоходное недвижимое имущество съ полною сельскохозяйственною эксплуатаціею. Очевидно, что мѣриломъ, которое представляется сознанію автора, когда онъ ассоціируетъ свою сабинскую землю съ

другими, долженъ явиться наиболѣе часто повторяющійся, установившійся типичный объемъ господствующей формы земельной собственности отдѣльнаго лица въ его время. И стало быть эта единица измѣренія—психологическая, по крайней мѣрѣ, если не точно арифметическая,—это наглядное статистическое основаніе сравненія оказывается очень большимъ, если Гораций, инстинктивно прикидывая къ нему свою виллу, находитъ для характеристики послѣдней только смиренные эпитеты. Выше уже такое объясненіе взгляда самого „помѣщика-поэта“ на его землю высказывалось въ формѣ вопроса. Теперь является возможность подтвердить правильность подобнаго толкованія, обращаясь къ тексту другихъ стихотвореній Горация. Когда онъ рисуетъ сцены изъ повседневной жизни, когда описываетъ деревню, бытъ различныхъ слоевъ общества, отношенія между людьми и классами, онъ не можетъ избѣжать социально-экономическихъ мотивовъ, и тутъ-то передъ глазами читателя одъ, эподовъ, сатиръ и посланій проходитъ прежде всего рядъ любопытныхъ эскизовъ крупныхъ помѣстій. На нихъ прежде всего необходимо остановиться.

Для начала можно прочесть одну очень красивую оду: „Чего просить поэтъ у Аполлона, которому воздвигаютъ храмъ? О чемъ молить онъ, возливая изъ своей чаши молодое вино? Онъ не хочетъ ни засѣянныхъ превосходнымъ хлѣбомъ пашенъ плодородной Сардиніи, ни тучныхъ стадъ знойной Калабріи, ни индійскаго золота и слоновой кости, ни полей, омываемыхъ водами Лириса, молчаливой рѣки“¹⁾. „Пусть,—продолжаетъ поэтъ,—падаютъ подъ ударами серповъ гроздыя каленскаго винограда для тѣхъ, которыхъ фортуна надѣлила такими благами! Пусть богатый купецъ, покровительствуемый самими богами, пьетъ изъ золотыхъ кубковъ вина, полученныя имъ въ обмѣнъ на сирійскій товаръ“... „А для моихъ

¹⁾ *Carm.*, I, 31, 3:

...non opimae
Sardiniae segetes feraces,
Non aestuosae grata Calabriae
Armenta, non aurum aut ebur Indicum,
Non rura quae Liris quieta
Mordet aqua taciturnus amnis.

пировъ,—заканчивается онъ контрастомъ,—довольно оливы, цикоріи и легкой мальвы“¹⁾). Въ приведенныхъ стихахъ рисуются картины богатства, и въ нихъ преобладаютъ краски, взятые именно изъ области землевладѣнія. Тутъ возникаютъ представленія о большихъ посѣвахъ въ провинціяхъ, которыя славились, какъ житницы Рима²⁾, многочисленныхъ стадахъ, пасущихся на обширныхъ частновладѣльческихъ пастбищахъ южной Италіи³⁾, крупныхъ имѣнійхъ въ предѣлахъ плодородной Кампаніи и т. д.

Совершенно подобную и такъ же построенную, но дающую нѣсколько новыхъ интересныхъ чертъ картину весьма большихъ земельныхъ состояній находимъ въ другой, уже известной по первой части этюда, одѣ противъ богатства, обращенной къ Меценату. Поэтъ высказываетъ здѣсь умѣренное желаніе имѣть „ручей съ чистою водою, маленькое поле, которое бы только кормило его“ и отказывается отъ полныхъ амбаровъ, набитыхъ урожаемъ, собраннымъ чуть ли не со всей Апуліи руками ея трудолюбивыхъ жителей⁴⁾). Онъ

¹⁾ *Ibid.*, v. 9: Premant Calenam falce quibus dedit
Fortuna vitem
.
. me pascunt olivae,
Me cichorea levesque malvae.

²⁾ Валерій Максимъ (VII, 6, 1) называетъ Сардинію и Сицилію—„benignissimas urbis Romae nutrices“. То же наименование прилагалось къ Сициліи уже Катономъ. См. *Cic.* II, *In Verr.* II, 2, 5: „Itaque ille M. Cato sapiens, cellam repugiam reipublicae nostrae, nutricem plebis Romanae Siciliam nominabat“. Циллеронъ (*De imp. Cn. Pomp.* 12, 34) изображаетъ Сардинію, Сицилію и Африку, какъ „tria frumentaria subsidia rei publicae“.

³⁾ Калабрія, вообще богатая скотомъ (*Hor. Epod.*, I, 27; *Cfr. Stat. Silv.* III, 3, 95 и мн. др.), была одною изъ странъ, гдѣ развивались пастбищныя латифундіи не только частныхъ лицъ, но и императоровъ. Въ *Notitia Dignit. Occ.* (p. 53, ed. Böcking) упоминается: „procurator rei privatae (завѣдующій императорскими помѣстьями) per Apuliam et Calabriam sive saltus Carminianenses“. Что такіа владѣнія возникли въ юго-восточной части Италіи не поздно, объ этомъ свидѣлствуетъ любопытная селинская надпись, которая обнаруживаетъ огромныя императорскія хозяйства пастбищнаго типа въ Алуліи во II в. по Р. Хр. (см. *C. I. L.* IX, 2438). Императорское же землевладѣніе пошло по формамъ на частное, достигая только особенно крупныхъ размѣровъ.

⁴⁾ *Carm.*, III, 16, 25:

Contemptae dominus splendidior rei,
Quam si quidquid arat impiger Appulus
Occultare meis dicerer horreis...

считаетъ себя—обладателя ничтожнаго клочка земли (*dominus contemptae rei*)—счастливецъ богатѣйшаго властителя плодородной Африки ¹⁾. Онъ не чувствуетъ себя бѣднымъ, хоть и не для него калабрійскія пчелы собираютъ свой медъ, не для него старѣетъ въ формійскихъ амфорахъ чудный напитокъ, и галльскія овцы роятъ свою густую шерсть ²⁾. Ограничивая свои желанія, онъ увеличиваетъ свои доходы вѣрнѣе, чѣмъ еслибы онъ присоединилъ богатое царство Аліатта къ фригійскимъ полямъ ³⁾. Какъ видно, и тутъ въ воображеніи поэта чередуются образы знакомыхъ ему огромныхъ земельныхъ богатствъ. Онъ представляетъ себѣ помѣстья, захватывавшія чуть ли не всю Апулію ⁴⁾, на поляхъ которыхъ проливаетъ потъ, работая въ пользу владѣльца, трудолюбивое земледѣльческое населеніе края: ему рисуются обширные пчельники, великолѣпные виноградники, широкое овцеводство, наконецъ, чисто царскія помѣстья въ провинціальныхъ земляхъ. Невольно вспоминаются тутъ слова Сенеки: „Вамъ мало, если вашему управляющему не приходится господствовать по обѣ стороны Адриатическаго, Іонійскаго и Эгейскаго

¹⁾ Гораций признаетъ свое скромное положеніе болѣе завиднымъ, чѣмъ блестящую судьбу того, котораго онъ называетъ „*fulgens imperio fertilis Africae*“ (ст. 81). Орелли (Ног. Ор., I, 424) очень естественно и, вѣроятно, по связи объясняетъ: „*Fulget imperio fertilis Africae is qui latissimas in Africa possessiones habet*“; то-есть, онъ думаетъ, что тутъ противопоставляется африканскій латифундiальный собственникъ помѣщику такого мелкаго разряда, какъ Гораций. Кисслингъ (I, 271) же утверждаетъ, что понятіе „*imperium*“ примѣнено лишь къ римскому магистрату, проконсулу Африки. Въ такомъ случаѣ его громадныя административныя доходы противопоставляются ничтожнымъ доходамъ автора. Но и онъ прибавляетъ, что этому магистрату „...in seiner Provinz sich nur der Anblick unermesslich reicher Gutsbesitzer—daher *fertilis Africae*—darbot“.

²⁾ *Carm.*, III, 16, 33:

Quamquam nec Calabriae mella ferunt apes
Nec Laestrygonia Bacchus in amphora
Languescit mihi nec pinguis Gallicis
Crescunt vellera pascuis,
Inportuna tamen pauperies abest...

³⁾ *Ibid.*, v. 41: *Quam si Mygdoniis regnum Alyattei
Campis continuem...*

⁴⁾ См. очень подходящія сюда слова Колумеллы (R., г. I, 3, 2): „...more praepotentium, qui possident *finem gentium*, quos ne circumire equis quidem valent...“

морей... Расширяйте, насколько хотите, свои владѣнія; пусть будетъ частнымъ помѣстьемъ, что прежде называлось царствомъ!.. ¹⁾ Можно съ убѣжденіемъ назвать эти образы „знакомыми“ поэту: изображая жизнь, хотя бы въ свѣтѣ отвлеченной идеи и для ея аргументаціи, онъ долженъ былъ брать факты жизненные, понятные всѣмъ и убѣдительные, а не сочиненные для моралистической цѣли.

Очень поучительно также третье стихотвореніе, въ которомъ сообщаются даже еще болѣе опредѣленные данныя, чрезвычайно важныя съ изучаемой точки зрѣнія. Тутъ имѣется въ виду *четвертый эподъ*, содержащій инвективу на какого-то вольноотпущеннаго, достигшаго чина военнаго трибуна и всадническаго достоинства, въ которомъ нѣкоторые видятъ дѣйствительно существовавшее лицо ²⁾. Онъ—бывшій рабъ, на спинѣ его еще не изгладились слѣды отъ ударовъ кнута, ноги еще носятъ отпечатки оковъ; прошлое его позорно, всѣ помнятъ, какъ полосовали его плети „ночныхъ триумвировъ“, а между тѣмъ онъ теперь страшно богатъ: у него большое обработанное имѣнье въ фалернскомъ краю; онъ катается на красивыхъ лошадяхъ по Аппіевой дорогѣ, гуляетъ по *Sacra Via* въ изысканной тогѣ и дерзаетъ, забывая о своемъ происхожденіи, какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ Отона, по которому одни свободнорожденные могли входить въ составъ двухъ высшихъ сословій, садиться въ театрѣ на предоставленныхъ сенаторамъ и всадникамъ мѣстахъ ³⁾. Весьма существенно въ приведенномъ стихотвореніи то, что въ немъ идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, о какомъ-нибудь историческомъ

¹⁾ *Senec. Epist.*, 89, 20: „Parum est nisi trans Hadriam et Ionium Aegeum-que vester vilicus regnet... Quam vultis late possidete; sit fundus, quod aliquando imperium vocabatur...“

²⁾ Комментаторы принимали его то за Менаса, вольноотпущенника Секста Помпея, то за Ведія Руфа, то за другихъ. См. по поводу сомнѣній о личности, которую Гораций подразумеваетъ въ настоящемъ стихотвореніи, примѣчаніе Орелли (*Ног. I*, 635).

³⁾ *Epod.* 4, 18: Arat Falerni mille fundi iugera.

Et Appiam mannis terit,
Sedilibusque magnus in primis eques
Othone contempto sedet.

Все прелестное стихотвореніе цѣлкомъ интересно въ настоящей связи.

лицъ ¹⁾, принадлежавшемъ къ числу особенно замѣтныхъ крупныхъ собственниковъ. Всѣ владѣнія его не описываются, но говорится, въ видѣ примѣра, что онъ обладаетъ *тысячью югеровъ земли въ Фалернскомъ краю*. Эта мѣстность въ Кампаніи отличалась удивительнымъ плодородіемъ и была отдана главнымъ образомъ подъ культуру винограда ²⁾. Неизвѣстно, было ли имѣніе изобличаемаго въ настоящемъ стихотвореніи чело-вѣка засажено сплошь виноградниками ³⁾, но, несомнѣнно, это было хорошо устроенное, очень доходное помѣстье ⁴⁾. Къ тому же оно не обнимало, безъ сомнѣнія, какъ сейчасъ замѣчено, всего его состоянія: у него былъ, конечно, домъ въ Римѣ, въ которомъ онъ велъ роскошный образъ жизни; могла быть и другая земля (или другія), гдѣ онъ, можетъ быть, разводилъ лошадей, которыми потомъ хвастался, катаясь по особенно посѣщаемымъ мѣстамъ городскихъ и загородныхъ прогулокъ. Интересно еще, что богачъ, о которомъ идетъ рѣчь, чело-вѣкъ не знатнаго, а очень низкаго происхожденія и темнаго прошлаго; а между тѣмъ богатство его побѣждаетъ и то, и другое; онъ, пренебрегая закономъ и негодованіемъ нѣкоторыхъ хорошихъ гражданъ, пользуется почетомъ на ряду съ аристократіею; онъ можетъ быть даже приравненъ къ ней, получивъ отъ благосклонной власти всадническое достоинство въ видѣ легально неоправдываемой привилегіи. Такимъ образомъ, въ этомъ стихотвореніи Гораций не только даетъ лишній примѣръ крупнаго помѣстья, но и указываетъ, что обладателями таковыхъ являлись, кромѣ членовъ родовой знати, также и разночинцы, вольноотпущенные,

¹⁾ Кисслингъ (I, 389), впрочемъ, предполагаетъ тутъ не историческій образъ, а литературный типъ: „*Notaz... zeichnet einen Turpis von dem Geschlechte des Перифорусъ; 'Артѣмъч (Апасеон, 21)*“⁴⁾. Но врядъ ли можно согласиться съ этимъ: всѣмъ знакомые „индивидуальныя“ примѣры такого „типа“, несомнѣнно, должны были усиливать впечатлѣніе.

²⁾ См. очень интересное замѣчаніе Моммзена объ *ager Falernus* въ *C. I. L. X*, р. 460.

³⁾ Въ текстѣ говорится „*arat*“. Слово это обыкновенно употребляется применительно къ *глубокому, пахотному полю*; но и землю подъ виноградникъ часто pripravляли плугомъ. См. *Orelli*, I, 637.

⁴⁾ *Orelli* (Ног. I, 637) говоритъ, что *arat* здѣсь равняется *possidet*. Но во всякомъ случаѣ такое слово могло быть употреблено лишь для обозначенія владѣнія именно *воздѣланною* землею.

возвышенные смутами и переворотами, приобрѣтавшіе землю дешевыми и не всегда честными способами и находившіе покровительство у восторжествовавшаго новаго режима, которому они, можетъ быть, служили вѣрную службу ¹⁾.

Вотъ уже три очень характерныхъ отрывка, извлеченные изъ Горация, которые обнаруживаютъ, что картины крупной собственности и даже латифундіальнаго хозяйства легко возникаютъ передъ глазами поэта, когда онъ отыскиваетъ въ окружающей дѣйствительности описательные и дидактическіе мотивы. Эти картины изображаютъ не только италійскія отношенія, но и формы земельного строя, установившіяся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ—Сардиніи, Сициліи, Галліи, Африкѣ ²⁾. Сообщенныхъ примѣровъ, конечно, недостаточно, чтобы сдѣлать выводъ о томъ, что Гораций выставляетъ собственность крупнаго типа общераспространеннымъ и самымъ характернымъ признакомъ современнаго ему землевладѣнія. Можно было бы предположить съ перваго взгляда, что онъ выдвигаетъ лишь единичные случаи. Но нѣтъ надобности ограничиваться приведенными стихотвореніями. Легко собрать еще много отрывковъ, въ которыхъ будутъ изображаться тѣ же картины, и сумма которыхъ уже убѣдитъ въ томъ, что Гораций представляетъ не исключенія, а невольна повто-

¹⁾ Смуты послѣднихъ временъ республики выдвинули въ первые ряды общества и ввели даже въ сенатъ людей самаго низкаго происхожденія (*Dio*, XLVIII, 34), обогащавшихся скупкою имѣній проскрибированныхъ лицъ. Августъ провѣлъ очистку сената отъ дурныхъ элементовъ (*Suet.* Aug. 35); но возведеніе въ сенаторство и всадничество либертиновъ постоянно повторялось во время имперіи (многочисленные примѣры сообщаетъ Фридлендеръ, *Sittengeschichte*, 6 изд. т. I, гл. 2).

²⁾ Фридлендеръ (I, 246) заходитъ даже слишкомъ далеко, толкуя, между прочимъ, приведенные тексты въ указанномъ сейчасъ направленіи: „Уже во время Горация,—утверждаетъ онъ,—безъ сомнѣнія, нерѣдко соединялись въ рукахъ одного собственника обширныя пашни въ Сардиніи, большіе пчельники въ Калабріи, огромныя скотоводческія хозяйства тамъ же или въ Галліи, 1000 югеровъ фалерской земли и крупное помѣстье на Лирисѣ“. Прямо такого вывода, какъ видно, нельзя сдѣлать изъ гораціевыхъ текстовъ, хотя невѣроятнаго въ самомъ предположеніи нѣтъ ничего, а общій фактъ, несомнѣнно широкаго развитія крупныхъ формъ земельной собственности въ рассматриваемое время подтверждается точнымъ смысломъ разобранныхъ мѣстъ безъ всякаго „построительнаго“ ихъ дополненія.

ряетъ или начертываетъ правило, которому учили его ежедневныя наблюденія.

Въ знаменитомъ стихотвореніи „*Odi profanum vulgus*“ Гораций упоминаетъ о собственникахъ, широко раскинувшихъ свои культуры ¹⁾. Въ другой піесѣ передъ читателемъ встаетъ фигура скупого, владѣльца громаднхъ амбаровъ, ломящихся стѣ тяжести накопившагося въ нихъ зерна, обладателя погребовъ, въ которыхъ насчитываются тысячи бочекъ фалернскаго вина ²⁾. Это богатство, вѣроятно, было приобретено нечистыми способами ³⁾ и, можетъ быть, даже не сынъ, а вольноотпущенникъ воспользуется имъ ⁴⁾. Встрѣчаются у поэта также и обратные примѣры крупнхъ собственниковъ-расточителей, бросающихъ полученные въ наслѣдство дома и имѣнья на тщеславныя развлечения, или раздающихъ ихъ женщинамъ ⁵⁾. Все это образы, правда, сатирическіе, но размѣры, контуры и краски ихъ взяты изъ жизни; иначе не могла бы сохраниться художественная иллюзія правды, необходимая въ поэтическихъ произведеніяхъ.

Далѣе, во второмъ посланіи II-ой книги Гораций, развивая тезисъ о непрочности земныхъ благъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о богачахъ, скупающихъ большія земли около Вей или Ариціи ⁶⁾, скопляющихъ вообще въ своихъ рукахъ помѣстья съ просторными житницами и обширныя пастбища ⁷⁾.

¹⁾ *Carm.* III, 1, 9: Est ut viro vir latius ordinet
Arbusta sulcis..

²⁾ *Sat.* II, 3, 111: Si quis ad ingentem frumenti semper acervum
Porrectus vigilet cum longo fuste, neque illinc
Audeat esuriens dominus contingere granum,
.....
Si positus intus Chii veterisque Falerni
Mille cadis, nihil est, tercentum milibus, acre
Potet acetum...

³⁾ *Ibid.* v. 126:Quare,
Si quidvis satis est, periuras, surripis, aufers
Undique?

⁴⁾ v. 122: Filius aut etiam haec libertus ut ebibat heres..

⁵⁾ *Sat.* I, 2, 55: Ut quondam Marsaeus.....
Qui patrium mimae donat fundumque laremque.

⁶⁾ *Epist.* II, 2, 167.

⁷⁾ *Ibid.* v. 177.

Обращаясь въ другомъ мѣстѣ къ Меценату съ благодарностью, поэтъ увѣряетъ его, что не хочетъ (очевидно, въ противоположность тому, чего жаждутъ другіе) быть обладателемъ широко раскинувшихся нивъ, которыя надо было бы обрабатывать большимъ количествомъ плуговъ; не хочетъ владѣть огромными стадами, которыя ему пришлось бы переводить, смотря по времени года, съ нарочно содержимыхъ для прокорма ихъ пастбищъ въ жаркой Калабріи, въ специально приобрѣтенные для лѣта менѣе знойныя Луканскіе выгоны; не хочетъ устраивать себѣ пышнаго загороднаго жилища, которое захватило бы большое пространство далеко кругомъ ¹⁾. Въ только что приведенныхъ словахъ, отмѣчая свою безкорыстную преданность покровителю, Гораций отрицательно описываетъ главныя составныя части состоянія каждаго земельного магната—большія, отданныя подъ производство хлѣба поля, пастбищныя латифундіи, роскошныя виллы. Онъ изображаетъ, чтобы отгнѣнить свою умѣренность, людей богатства которыхъ грозятъ сравняться съ сокровищами Аравіи и Индіи, а дворцы—захватить даже море ²⁾.

Такимъ образомъ, поэтическому воображенію и наблюдательной памяти Горация постоянно представляется образъ магната, который владѣетъ обширными пространствами доходной земли въ Италіи, или которому удалось присвоить и заключить въ житницы „весь хлѣбъ, какой *считается* съ Африканскихъ полей“ ³⁾, извѣстныхъ своею урожайностью ⁴⁾. Последняя страна уже во время Горация, какъ убѣждаемся изъ разныхъ мѣстъ его стихотвореній, захватывается во власть немногими; скоро уже она станетъ одною изъ тѣхъ

¹⁾ *Epod.* I, 25: ...Non ut iuvenis inligata pluribus
Aratra nitantur meis
Pecusve Calabris ante sidus fervidum
Lucana mutet pascuis,
Neque ut superni villa candens Tusculi
Circaea tangat moenia.

²⁾ *Сарм.* III, 24, 1 sqq.

³⁾ *Сарм.* I, 1, 9: Illud si proprio condidit horreo
Quidquid de Libycis verritur areis...

⁴⁾ Въ странѣ между Утикой и Гадруметомъ (въ такъ называемомъ *sampus Vulsinus*) земля приносила самъ-100 (*Varr. R. r. I, 47*).

провинцій, гдѣ крупное плантационное землевладѣніе привѣтся всего успѣшнѣе ¹⁾).

Выше уже было отмѣчено, что поэтъ не ограничивается при описаніи земельныхъ отношеній примѣрами, придуманными въ духѣ окружающей дѣйствительности; онъ говоритъ и объ историческихъ или вообще реальныхъ личностяхъ, имена которыхъ вспоминаются ему постоянно, когда тема стихотворенія затрогиваетъ такъ или иначе вопросъ о крупномъ землевладѣніи. Упомянутый выше случай — не единственный. Въ разсказѣ о своемъ путешествіи въ Брундизіумъ Гораций называетъ богатое помѣстье Кокцея около Каудиума ²⁾. Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ о нѣкомъ Орбіи, очевидно, дѣйствительно существовавшемъ владѣльцѣ обширныхъ земель, вѣроятно, въ недалекомъ разстояніи отъ Рима; онѣ находились подъ управленіемъ виллика и снабжали окрестныхъ жителей всякаго рода продуктами хлѣбнаго и огороднаго хозяйства и птичнаго двора, которые, нужно думать, отправлялись оттуда также въ столицу ³⁾. Затѣмъ въ

¹⁾ Знаменитый текстъ Плинія старшаго гласитъ: „Sex domini semissem Africae possidebant, cum interfecit eos Nero princeps“ (Н. п. XVIII, 35). Слова эти долгое время понимались, какъ риторическое восклицаніе, которому нельзя придавать никакого сколько-нибудь точнаго реального значенія, хотя давно былъ извѣстенъ вполне дѣловой текстъ агрименсора Фронтина (De contriv. agror. ed. Lachm. p. 58): „...in provinciis, praecipue in Africa.....saltus non minores habent privati, quam res publicae territoria: quin immo multi saltus longe maiores sunt territoriiis...“—Теперь же, когда собранъ и изученъ обширный эпиграфическій матеріалъ о частныхъ и императорскихъ латифундіяхъ, находившихся въ Африкѣ (см. преимущественно работу Шульгена „Die römischen Grundherrschaften“, и статьи Бодуэна въ „Nouv. rev. hist. de dr. fr.“ 1897—1898), не остается сомнѣнія относительно того, что римскій натуралистъ передаетъ дѣйствительно историческую правду, которая отражается и въ стихотвореніяхъ Горация.

²⁾ *Sat.* I, 5, 50: Hinc nos Coccei recipit plenissima villa,
Quae super est Caudi cauponas...

L. Cocceius Nerva былъ консуломъ въ 715 г. и принималъ участіе вмѣстѣ съ Мепенатомъ въ посольствѣ Октавіана къ Антонію въ Брундизіумъ, въ которомъ сопровождалъ друга Гораций. См. *App. B. Civ. V*, 60, sq.

³⁾ *Epist.* II, 2, 160:

...et villicus Orbi,
Cum segetes occat tibi mox frumenta daturas.
. Das nummos, accipis uvam,
Pullos, ova, cadum temeti.

одъ къ Гросфу ¹⁾ Гораций указываетъ на его сицилійское состояніе: ему принадлежало тамъ множество стадъ овецъ, рогатаго скота и лошадей ²⁾. Нельзя, конечно буквально понимать „*greges centum*“; но оно обозначаетъ, во всякомъ случаѣ, что Гросфъ владѣлъ во многихъ мѣстахъ Сициліи обширными пастбищами, которые дѣлали возможнымъ широкое разведеніе заводскихъ лошадей для продажи, тонкорунныхъ овецъ для шерсти и рогатаго скота на выводъ и на убой. Неудивительно, что поэтъ, сравнивая съ такимъ богатствомъ свое сабинское помѣстье, находитъ его очень маленькимъ ³⁾.

Наконецъ, чтобы покончить съ перечисленіемъ текстовъ, въ которыхъ Гораций изображаетъ крупное землевладѣніе, представляя его въ фиктивныхъ или историческихъ примѣрахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на одно изъ его посланій, въ которыхъ говорится о громадныхъ помѣстьяхъ извѣстнаго друга и сподвижника Августа, М. Випсанія Агриппы, въ Сициліи. Письмо обращено къ пріятелю Горация, Икцію ⁴⁾. Последній передъ тѣмъ поступилъ на службу къ Агриппѣ, извѣстному своими огромными богатствами вообще ⁵⁾, въ качествѣ главноуправляющаго его сицилійскихъ имѣній. Насколько помѣстья эти были обширны, видно не только изъ того факта, что для завѣдыванія ими владѣлецъ избралъ сравнительно значительнаго человѣка, но и изъ самыхъ словъ

На тибуртинскихъ надписяхъ родъ Орбіевъ встрѣчается въ числѣ знатныхъ мѣстныхъ фамилій. См., напримѣръ, *C. I. L.* XIV, 3670—71; это заставляетъ Кисслинга считать Орбіа богатымъ сосѣдомъ Горация (*Hor.* II, 214).—Ниже въ томъ же стихотвореніи говорится, что Орбіи купилъ одно изъ своихъ имѣній за 300.000 сестерціевъ, а, можетъ быть, и больше (v. 164).

¹⁾ Кто былъ Помпей Гросфъ, о которомъ Гораций упоминаетъ еще въ *Epist.* I, 12, 22, хорошо неизвѣстно; но это во всякомъ случаѣ историческое лицо.

²⁾ *Sat.* II, 16, 33: *Te greges centum Siculaeque circum
Mugiunt vaccae, tibi tollit hinnitum
Apta quadrigis equa, te bis Afro
Murice tinctae
Vestiunt lanae...*

³⁾ *Ibid.* v. 37: „...*mihī parva rura...*“.

⁴⁾ *Epist.* I, 12.—Онъ извѣстенъ какъ философъ-дилетантъ по одной изъ одъ Горация (*Sat.* I, 29). Онъ же является у поэта искателемъ богатства и карьеры. См. о немъ *Pauly*, *Realencycl.* IV, 45—46 и отдѣльный этюдъ Якобса въ книгѣ *Lectiōnes Venusinae* (Verm. Schr. V).

⁵⁾ *Dio* LIV, 29.

Горация. Онъ говоритъ Икцію, что если тотъ только правильно будетъ пользоваться предоставленною ему частью доходовъ господина, то получитъ состояніе, которымъ самъ Юпитеръ не могъ бы его наградить ¹⁾.

Въ этомъ стихотвореніи не только упоминаются крупныя латифундіи извѣстнаго историческаго дѣятеля, но дается нѣкоторая возможность заглянуть въ самую систему управления помѣстьями важнаго земельного магната. Для общаго руководства хозяйствомъ назначался одинъ главный уполномоченный съ полною довѣренностью хозяина; онъ обыкновенно назывался прокураторомъ, такъ же, какъ и лица, завѣдывавшія императорскими помѣстьями ²⁾. Онъ устанавливалъ систему культуры, имѣлъ въ рукахъ полицію помѣстья, руководилъ счетною или казначейскою частью и т. д. ³⁾. Ему подчинены были вилики (*vilici*), то-есть, непосредственные надсмотрщики за работами или управители отдѣльными имѣніями, которые уже прямо имѣли дѣло съ земледѣльческимъ населеніемъ—рабами, арендаторами ⁴⁾. Онъ собиралъ доходы (въ изучаемомъ текстѣ—„*colligis*“) именно отъ этихъ виликовъ, покупалъ и продавалъ продукты. Самъ онъ, должно быть, получалъ въ видѣ жалованья часть собраннаго дохода („работалъ изъ процента“, какъ бы сказали теперѣ) и могъ

¹⁾ v. 1: *Fructibus Agrippae Siculis, quos colligis, Icci,
Si recte frueris, non est ut copia maior
Ab Iove donari possit tibi. Tolle querellas:
Pauper enim non est cui rerum suppetit usus.*

²⁾ Богатый матеріалъ о прокураторахъ заключается въ надписяхъ, и онъ классифицированъ и обработанъ въ различныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ изученію устройства и управленія крупныхъ помѣстій, преимущественно императорскихъ. См., напримѣръ, *A. Schulten*, *Die römischen Grundherrschaften*, или специально нѣсколько страницъ у *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'empire romain* (въ *Nouv. revue historique de droit fr. et étr.* 1897, p. 592—599).—Ср. еще рядъ текстовъ изъ авторовъ о прокураторахъ, сгруппированныхъ у *Forcellini-De-Vit*, *Lexicon*, IV, 880.

³⁾ *Petron.* Satir. 30: „*Procurator rationes accipiebat*“.—*Senec.* Epist. XIV, 18: „*Rationem accipit, forum conterit, kalendarium versat, fit ex domino procurator*“.—Часто онъ назначался самъ изъ рабовъ, иногда былъ свободнымъ человекомъ (*Cic.* Pro Caec. 20, 57).

⁴⁾ Поэтому: „*Vilico iuxta ianuam fiat habitatio, ut intrantium exeuntiumque conspectum habeat; procuratori supra ianuam ob easdem causas*“ (*Colum.* R. r. I, 6).—Ср. *Cic.* De orat. I, 58, 249.

потреблять на себя и своих все нужное изъ естественныхъ произведеній управляемыхъ имъ земель ¹⁾. Дѣла у такого прокуратора было, нужно думать, не мало ²⁾; но въ концѣ концовъ мѣсто было выгодно и могло дать возможность не только прикопить деньгу на черный день, но и собрать значительныя средства. Въ разбираемой піесѣ дается тонко написанный портретъ одного изъ такихъ искателей счастья, поднимавшихся изъ низшихъ слоевъ общества, ютившихся около сильныхъ міра, обогащавшихся мало-по-малу крохами отъ ихъ роскошнаго барскаго состоянія. Нерѣдко они обращались сами въ господъ, приобрѣтали свѣтскій лоскъ, даже научно-литературныя претензіи и играли часто немало важную роль въ соціальной жизни государства ³⁾.

¹⁾ Ср. *Orelli*, Ног. II, 401.

²⁾ Въ данномъ примѣрѣ Икціи жалуется на свое положеніе (Гораций говоритъ ему: „Tolle querellas“, v. 3), то-есть, вѣроятно, на то, что онъ тратитъ много времени на хозяйство, весь погруженный въ составленіе росписей, совершеніе расчетовъ, разѣзды, ревизіи, приказы, и не имѣетъ досуга для любимыхъ занятій философіей.

³⁾ Ср. *Iuven. Sat. IV*, 32:

Iam princeps equitum, magna qui voce solebat
Vandere, municipes fracta de merce siluros.

Cfr. *Id. X*, 225:

Percurram citius, quot villas possideat nunc,
Quo tondente gravis mihi inveni barba sonabat.

Какъ видно изъ одного вышеприведеннаго примѣра, взятаго у Горация же (*Erod.* 4), такіе „любимцы Фортуны“ часто происходили даже изъ рабскаго званія. Въ первой сатирѣ Ювенала находимъ любопытныя и богатые данныя для характеристики быта такихъ возвысившихся вольноотпущенниковъ. Интересно, что въ составѣ ихъ (часто огромныхъ) богатствъ, земли всегда занимали важное мѣсто (См. *Sat. I*, 102):

Sed libertinus prior est: Prior, inquit, ego adsum;
Cur timeam dubitemve locum defendere, quamvis
Natus ad Euphraten, molles quod in aure fenestras
Arguerint, licet ipse negem? Sed quinque tabernae
Quadringenta parant. Quid confert purpura maior
Optandum, si Laurenti custodit in agro
Conductas Corvinus oves, ego possideo plus
Pallante et Licinis?—Expectent ergo tribuni,
Vincant divitiae, sacro ne cedat honori,
Nuper in hanc urbem pedibus qui venerat albis:
Quandoquidem inter nos sanctissima divitiarum
Maiestas...

Сгруппированныхъ здѣсь отрывковъ, извлеченныхъ изъ стихотвореній Горация, кажется, достаточно, чтобы сказать, что крупное землевладѣніе само собою, то-есть, помимо какой-нибудь опредѣленной тенденціи съ его стороны, рисуется поэту господствующимъ фактомъ въ современномъ ему аграрномъ развитіи римскаго государства. Такое представленіе, повидимому, раздѣлялось другими поэтами, жившими въ одно время съ Горациемъ либо позже его, или невольно отражалось въ ихъ произведеніяхъ. У всѣхъ „крупное помѣстье“ оставило свой слѣдъ, какъ типичный признакъ описываемаго ими быта. Не задаваясь цѣлью дать исчерпывающій синтезъ всего матеріала, заключающагося въ сочиненіяхъ этихъ авторовъ, какъ сдѣлано относительно Горация, для нѣкотораго расширеннаго обоснованія высказанной тутъ главной мысли, можно иллюстрировать гораціевы картины рядомъ данныхъ, взятыхъ у Тибулла, Ювенала и Марціала.

Когда первый хочетъ изобразить большое богатство или охарактеризовать щедрую награду, воображеніе тотчасъ же подсказываетъ ему фигуры, взятые изъ области крупной земельной собственности ¹⁾. Когда онъ ищетъ яркихъ контра-

Богатства вольноотпущенниковъ обратились даже въ пословицу. *Senec. Epist. XXVII, 5: „Calvisius Sabinus et patrimonium habebat libertini et ingenium“.* Cfr. *Martial. V, 13, 6: „Et libertinas arca flagellat opes“.*

Вообще со времени утверженія имперіи „разночинецъ“ пошелъ въ гору, легко составляя крупныя состоянія, достигая высшихъ ступеней на службѣ и отгнѣся верьдко представителей старыхъ аристократическихъ фамилій. См., между прочимъ, *M. Voigt, Röm. Privatalterthümer, p. 415—416.*—При новыхъ порядкахъ *богатство* окончательно подавило *знатность* и чистоту крови, какъ принципъ социальнаго возвышенія.

См. *Juven. Sat. III, 140:*

Protinus ad censum; de moribus ultima fiet
 Quaestio: „Quot pascit servos? Quot possidet agri
 Iugera? Quam multa magnaue paropside cenat?“
 Quantum quisque sua nummorum servat in arca,
 Tantum habet et fidei...

Много данныхъ о значеніи вольноотпущенныхъ въ Римѣ во время имперіи собрано у Фридлэндера (*Sittengesch. 6 Aufl. I, 80—220*). Ср. *H. Lemonnier, Etude historique sur la condition privée des affranchis aux trois premiers siècles de l'empire romain (P. 1887).*

¹⁾ *Tibull. I. 9, 33:*

Non tibi si pretium Campania terra daretur.
 Non tibi si Bacchi cura Falernus ager.

стовъ картинамъ тихаго и скромнаго счастья, онъ прибѣгаетъ къ тому же приему, и передъ его умственнымъ взоромъ проходятъ образы изъ той же сферы, которые, очевидно, очень вѣзались въ памяти писателя и легко всплываютъ вновь въ его фантазіи, какъ подходящія метафорическія и аллегорическія украшенія рѣчи, или какъ удобные и всѣмъ знакомые, часто великолѣпные и захватывающіе вниманіе и чувство бытовые примѣры ¹⁾. Тибуллъ не разъ ²⁾ рисуетъ различныя составныя части огромныхъ недвижимыхъ состояній, которыя алчность и спекуляція сплотили въ рукахъ магнатовъ-собственникововъ ³⁾. Онъ съ большою силою говоритъ о внушительныхъ хозяйствахъ, которыми руководятъ эти богачи на далеко разстилающихся во всѣ стороны, принадлежащихъ имъ поляхъ: тучную почву на пашняхъ поднимаютъ у нихъ плугомъ легионы быковъ („mille iuga“), и земля награждаетъ господина роскошными урожаями ⁴⁾. Писателя подавляетъ видъ почти безбрежныхъ пастбищъ, на громадныхъ пространствахъ которыхъ выкармливаются безчисленныя стада превосходныхъ овецъ ⁵⁾. Это—основа такихъ царскихъ богатствъ, что одна мысль о нихъ пугаетъ поэта ⁶⁾.—Тутъ еще можно вспомнить, что у Катуллы въ одной рѣзкой инвективѣ противъ развратнаго богача, Мамурры, набрасывается также

¹⁾ Въ данномъ мѣстѣ берутся именно только простыя примѣры крупныхъ земельныхъ владѣній, находимыя у названныхъ писателей; ниже, въ соотвѣтствующей связи, ихъ словами будутъ изображаться и подробности.

²⁾ Особенно интересны 3-я элегія третьей книги и 3-я же второй.

³⁾ *Tibull.* II, 3, 43: „Praedator cupit immensos obsidere campos“.

⁴⁾ *Tibull.* III, 3, 1:

Quid prodest caelum votis implesse...

 ...ut multa mei renovarent iugera tauri
 Et magnas messes terra benigna daret...

⁵⁾ *Tibull.* II, 3, 42: „...ut multo innumeram iugere pascat ovem...“

⁶⁾ *Tibull.* III, 3, 11:

Nam grave quid prodest pondus mihi divitis auri,
 Arvaque si findant pinguis mille boves?

И ниже ст. 21:

Non opibus mentes hominum curaque levantur:
 Nam Fortuna sua tempora lege regit.
 Sit mihi paupertas tecum iucunda, Neaera:
 At sine te regum munera nulla volo.

любопытная картина земельного состоянія, въ которомъ пашни, луга, лѣса и рыбныя ловли соединены вмѣстѣ большими массами и доставляютъ владѣльцу огромный доходъ ¹⁾).

Самое направленіе музы Ювенала, его специальность бытового сатирика должна была привести его къ необходимости изображать то, что являлось въ его глазахъ главною причиною пороковъ вѣка. Ничѣмъ не сдерживаемая жадность къ благамъ жизни при узко-матеріалистическомъ пониманіи этихъ благъ, именно только какъ богатства, вотъ, по мнѣнію даровитаго поэта-обличителя, источникъ всѣхъ бѣдствій римскаго общества ²⁾. Когда же онъ описываетъ эти богатства, они воплощаются у него, правда, нерѣдко въ видѣ роскошныхъ дворцовъ или кучъ золота, прибрѣтенныхъ иногда путемъ торговли и денежныхъ операцій; но основою ихъ, самымъ прочнымъ питательнымъ средствомъ и у него, несомнѣнно, представляются земли, которыя все въ большихъ количествахъ централизуются въ рукахъ отдѣльныхъ могущественныхъ лицъ ³⁾. Имуущественный масштабъ, который

¹⁾ См. 114-е стихотвореніе Катудла:

Firmano saltu non falso (*Mamurra*) dives
Fertur, qui tot res in se habet egregias,
Aucupium, omne genus piscis, prata, arva ferasque.

Въ слѣдующемъ (115) говорится о немъ-же:

Cur non divitiis Croesum superare potissit
Uno qui in saltu totmoda possideat,
Prata, arva, ingentes silvas saltusque paludesque
Usque ad Hyperboreos et mare ad Oceanum?

Ср. еще *Catull.* 29, 8.

²⁾ Тезисъ этотъ авторъ развиваетъ съ особенною любовью въ четырнадцатой сатирѣ.

См., между прочимъ, ст. 178:

Inde fere scelerum causae; nec plura venena
Miscuit aut ferro grassatur saepius ullum
Humanae mentis vitium, quam saeva cupido
Inmodici census...

Ср. *Sat.* XII, 48:

Sed quis nunc alius, qua mundi parte quis audet
Argento praeferre caput rebusque salutem?
Non propter vitam faciunt patrimonia quidam,
Sed vitio caeci propter patrimonia vivunt.

³⁾ *Sat.* XI, 38 sqq. Тутъ рисуются на важномъ мѣстѣ, какъ составныя части крупнаго наследственнаго состоянія (*patrimonium. aes paternum*), на

можетъ удовлетворять современнаго ему богача, очень высоко: онъ довольствуется только такою мѣрою собственности для себя, какою владѣлъ весь римскій народъ, по крайней мѣрѣ, въ первобытныя времена ¹⁾. Въ другой сатирѣ поэтъ прямо описываетъ огромныя имѣнія нѣкоего человѣка, состоявшія изъ обширныхъ воздѣланныхъ земель и выгонныхъ пустошей въ Апуліи и еще богатѣйшихъ виноградниковъ въ лучшихъ мѣстностяхъ Кампаніи, которыя славились самыми драгоценными сортами лозъ. Онъ присвоилъ себѣ такую громадную территорію, что быстрокрылый коршунъ только съ трудомъ можетъ ее облетѣть ²⁾. Ювеналь упоминаетъ еще о крупныхъ рабскихъ хозяйствахъ въ Луканіи и Этруріи, областяхъ, гдѣ особенно привились—въ первой скотоводство „en grand“, во второй хлѣбныя плантаціи на латифундіяхъ ³⁾. Кромѣ такихъ указаній общаго характера, у того же писателя встрѣчаются намеки на солидныя или даже громадныя состоянія извѣстныхъ историческихъ лицъ, его современниковъ или жившихъ раньше его ⁴⁾. Вообще образъ колоссальныхъ богатствъ—у Ювенала обычный образъ.

ряду съ драгоценными предметами (*argentum grave*) и денежными доходами (*fenus*), сельскохозяйственныя богатства (*pecora*) и земельныя недвижности (*agri*).

¹⁾ *Juven.* XIV, 156:

Scilicet et morbis et debilitate carebis,
Et luctum et curam effugies, et tempora vitae
Longa tibi posthac fato meliore dabuntur,
Si tantum culti solus possederis agri,
Quantum sub Tatio populus Romanus arabat.

²⁾ *Juven.* IX, 54:

Dic, passer. cui tot montes, tot praedia servas
Appula, tot milvos intra tua pascua lassas?
Te Trifolinus ager fecundis vitibus implet,
Suspectumque iugum Cumis et Gaurus inanis—
Nam quis plura linit victuro dolia musto?..

Ср. у *Pers.* IV, 26: „Dives arat Curibus quantum non milvus oberrat.“

Ср. *Juven.* IV, 26—27; XIV, 275: „centum villas“.

³⁾ *Juven.* VIII, 179:

Quid facias talem sortitus, Pontice, servum?
Nempe in Lucanos aut Tusca ergastula mittas.

⁴⁾ *Juven.* VII, 188:

..Unde igitur tot
Quintilianus habet saltus?..

Ср. *Id.* VII, 79 (о богатствахъ Лукана); и еще X, 16: „...magnos Senecae praedivitis hortos...“

Если прочитывать одну за другою всё, по большей части, мелкія піесы, изъ которыхъ составлены четырнадцать книгъ эпиграммъ Марціала, то легко убѣдиться, что надъ его стихотвореніями можно было бы съ успѣхомъ произвести въ интересахъ освѣщенія земельной исторіи Рима операцію, подобную той, которой подвергнуты въ настоящей книгѣ оды, посланія и сатиры Горація.—То обстоятельство, что Марціалъ жилъ около ста лѣтъ позже Горація, даетъ лишнюю черту, любопытную и важную для сравненія сосѣднихъ эпохъ въ развитіи изучаемаго явленія. Причемъ аналогичность вывода, извлекаемаго въ данномъ случаѣ изъ Марціала, показываетъ, что соціальный фактъ, оставившій глубокой слѣдъ въ произведеніяхъ этого поэта, то-есть, широкое распространеніе въ римскомъ мірѣ крупныхъ формъ земельной собственности, не представляетъ результата особыхъ теченій, возникшихъ со времени утвержденія имперіи. Напротивъ, онъ обнаруживается въ его произведеніяхъ, какъ продолженіе великаго процесса, выросшаго и окрѣпшаго еще на почвѣ республиканской исторіи и констатированнаго уже Гораціемъ, можетъ быть, даже, какъ новый шагъ впередъ на пути къ его окончательному торжеству.—Во избѣжаніе однообразія и повтореній здѣсь не предпринимается пересмотръ всѣхъ данныхъ, сообщаемыхъ Марціаломъ; но будутъ указаны наиболѣе яркіе и характерные эскизы латифундіальнаго землевладѣнія, которые онъ нарисовалъ.

Состоянія, доставляющія владѣльцамъ миллионные доходы и реализованныя въ недвижимостяхъ всякаго рода, городскихъ домахъ, крупныхъ воздѣланныхъ плантаціяхъ и огромныхъ пастбищныхъ имѣніяхъ, могутъ быть названы почти постояннымъ фономъ бытовыхъ описаній Марціала ¹⁾. Обширныя

¹⁾ *Mart.* IV, 37, 4:

*Ex insulis fundisque tricies soldum,
Ex pecore redeunt ter ducena Parmensi.*

Cfr. III, 31, 1:

*Sunt tibi, confiteor, diffusi iugera campi
Urbanique tenent praedia multa lares,
Et servit dominae numerosus debitor arcae
Sustentatque tuas aurea massa dapes.*

земли, изъ которыхъ слагается собственность такихъ богачей, представляются расположенными въ Италіи и провинціяхъ. У поэта постоянно упоминаются великолѣпныя сельскія культуры усовершенствованнаго типа: плодовые насажденія или виноградники по сосѣдству съ Вѣчнымъ городомъ ¹⁾ или вообще въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ полуострова. Крупные собственники сотнями плуговъ бороздятъ свѣжую почву Тибура и жирныя пренестинскія нивы ²⁾. Нѣкоторые захватили большими полосами чуть ли не весь славящійся чудными лозами сетинскій край ³⁾.

Въ одной очень интересной піесѣ поэтъ изображаетъ отлично устроенное и, очевидно, чрезвычайно доходное помѣстье Фаустина въ очень богатомъ и крайне выгодномъ углу южной Италіи—около Бай ⁴⁾. Любопытно собрать изъ этого описанія типичныя черты, въ которыхъ автору рисуется барское имѣніе. Это не увеселительная резиденція, а крупная сельско-хозяйственная эксплуатація въ настоящемъ смыслѣ слова ⁵⁾. Просторные амбары на дворѣ виллы переполнены масою превосходнаго хлѣба ⁶⁾. Въ погребахъ хранится не мало амфоръ стараго вина, и ежегодно позднею осенью про-

¹⁾ *Mart.* I, 85, 1: „...excultos colles .. atque suburbani iugera pulchra soli...“

²⁾ *Mart.* IV, 64, 31:

Vos nunc omnia parva qui putatis,
Centeno gelidum ligone Tibur
Vel Praeneste domate..

³⁾ *Ibid.* v. 33:

.. pendulamque
Uni dedite Setiam colono..

О роскошныхъ сортахъ винограда и прекрасномъ винѣ, производившихся около Сетин (въ южномъ Ладіумѣ), не разъ упоминаетъ Марціалъ. См., напримѣръ, IV, 69, 1; X, 74, 11 etc. Ср. *Friedländer*, *Mart.* I, 375; *Marquardt*, *Privatleb. d. Röm.* II, 449.

⁴⁾ См. 58-ю эниграмму III-й книги.

⁵⁾ V. 1: Baiana nostri villa, Basse, Faustini
Non otiosis ordinata myrtetis,
Viduaque platano tonsilique buxeto
Ingrata lati spatia detinet campi,
Sed rure vero barbaroque laetatur.

⁶⁾ V. 6: Hic farta premitur angulo Ceres omni..

изводится обильный сборъ новаго винограда ¹⁾. Дальше въ высокой долинь пасутся многочисленныя стада крупнаго скота ²⁾. Въ огромномъ птичникѣ разводятся всевозможныя виды пернатыхъ, предназначенныхъ для снабженія стола тонкими блюдами и для украшенія садовъ и парковъ, а также комнатъ пѣвчими птицами ³⁾. Цѣлое племя хорошо дисциплинированныхъ и заботливо содержимыхъ рабовъ приводитъ въ движеніе это большое благоустроенное хозяйство ⁴⁾. Дальнія поля воздѣлываются, какъ кажется, съемщиками (*coloni*): ихъ много; они ведутъ различныя культуры и, являясь въ праздничные дни къ хозяину на поклонъ, приносятъ ему въ даръ—и мужчины, и женщины—лучшіе продукты своего производства—медъ, сыръ, козлятъ, дичь и каплуновъ ⁵⁾. Изложенное здѣсь стихотвореніе, какъ видно, воспроизводитъ до-

¹⁾ V. 7: Et multa flagrat testa senibus autumnis;
Hic post Novembres imminente iam bruma
Seras putator horridus refert uvas.

²⁾ V. 10: Truces in alta valle mugiunt tauri
Vitulusque inermi fronte prurit in pugnam.

Ср. ниже ст. 20:

Avidi secuntur vilicae sinum porci
Matremque plenam mollis agnus expectat.

³⁾ *Ibid.* v. 12:
Vagatur omnis turba sordidae chortis,
Argutus anser gemmeique pavones
Nomenque debet quae rubentibus pinnis
Et picta perdix Numidicaeque guttatae
Et impiorum phasiana Colchorum;
Rhodias superbi feminas premunt galli;
Sonantque turres plausibus columbarum,
Gemit hinc palumbus, inde cereus turtur.

⁴⁾ V. 22: Cingunt serenum lactei focum vernaе
Et larga festos lucet ad lares silva...

⁵⁾ *Ibid.* v. 33:
Nec venit inanis rusticus saluator:
Fert ille ceris cana cum suis mella
Metamque lactis Sassinatis; e silva
Somniculosos ille porrigit glires;
Hic vagientem matris hispidae fetum,
Alius coactos non amare capones.
Et dona matrum vimine offerunt texto
Grandes proborum virgines colonorum.

вольно полно весь организм обширнаго владѣнія съ главными его хозяйственными элементами и рабочими органами.

Марціалъ представляетъ въ очень многихъ мѣстахъ своихъ произведеній, какъ совершенно обычное явленіе въ современномъ ему обществѣ, обладателей внушительныхъ недвижимыхъ фондовъ, которые предпринимаютъ на своихъ земляхъ огромные хлѣбные посѣвы, производимые толпами ихъ закованныхъ рабовъ. Картины такого рода земельныхъ состояній локализируются авторомъ въ Этруріи и другихъ урожайнѣйшихъ областяхъ Италіи ¹⁾. Рядомъ съ такими плантаціонными хозяевами группируются также крупныя фигуры владѣльцевъ безчисленныхъ стадъ различныхъ цѣнныхъ породъ домашнихъ животныхъ, пасущихся и выжижаемыхъ на присвоенныхъ для этого широко раскинувшихся выгонныхъ пространствахъ Апуліи и роскошныхъ лугахъ долины По ²⁾. Пятна крупной собственности покрываютъ у Марціала не только карту Италіи, но большими островами бросаются въ глаза и въ провинціяхъ—въ Галліи ³⁾, на Балканскомъ полуостровѣ ⁴⁾ и въ Египтѣ ⁵⁾. Въ однихъ рукахъ,

¹⁾ *Mart.* IX, 22, 4:

Ut Setina meos consumat gleba ligones
Et sonet innumera compede Tuscus ager.

Последнее выраженіе особенно характерно.

²⁾ *Mart.* IV, 37, 5: „Ex ресоре redeunt ter ducena Parmensi.“ *Ibid.* V, 13, 8: „Tondet et innumeros Gallica Parma greges“.—*Ibid.* II, 46, 5:

Atque unam vestire tribum tua candida possunt,
Appula non uno quae grege terra tulit.

Пармскій, апулійскій и тарентинскій края славятся вообще превосходною шерстью (*Mart.* II, 43, 4 и прим. Фридрихера къ этому мѣсту). Ср. *Mart.* XIV, 155:

Velleribus primis Appulia, Parma secundis
Nobilis; Altinum tertia laudat ovis.

³⁾ Въ 36-й эпиграммѣ десятой книги изображенъ крупный винодѣль въ Массилии, выработывавшій вино въ большомъ количествѣ, нужно думать, изъ своихъ собственныхъ лозъ.

⁴⁾ *Mart.* V, 35, 1:

Dum sibi redire de Patrensibus fundis
Ducena clamat coccinatus Euclides
Corinthioque plura de suburbano...

⁵⁾ *Mart.* V, 13, 7: „Magnaue Niliacae servit tibi gleba Syenes“. Cfr *Ibid.* X, 14, 5:

Quando fabae nobis modium farrisve dedisti,
Cum tua Niliacus rura colonus aret?

какъ кажется, собирается нерѣдко много такихъ имѣній, каждое изъ которыхъ само по себѣ было бы уже богатѣйшимъ состояніемъ. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ историческихъ примѣровъ земельныхъ магнатовъ, которыхъ называетъ Марціалъ, Маній Аквилій Регулъ, владѣлъ роскошными и обширными землями въ ближайшей окрестности Рима, затѣмъ еще въ Тибурѣ и Тускулѣ, а также въ Этруріи и Умбріи ¹⁾).

Совокупность земель, находившихся въ частномъ владѣніи такихъ крупныхъ господъ, составляла не рѣдко почти самостоятельное княжество ²⁾, которое могло жить независимо отъ окружающаго міра, производя внутри себя не только все необходимое для насущнаго существованія большой и требовательной группы населенія, но и удовлетворяя запросамъ роскоши и развлечения магната, его семьи и свиты. Съ другой стороны, само же помѣстье-латифундія производило или поддерживало въ своихъ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени рабскую или рабочую земледѣльческую силу ³⁾.

Фактъ образованія и упроченія подобнаго рода недвижимыхъ состояній, положительно огромныхъ размѣровъ, былъ настолько обыченъ, что обладаніе такими богатствами, пови-

¹⁾ Помѣстья его перечисляются Марціаломъ въ 31-й эпиграммѣ седьмой книги. См. ст. 9:

Quidquid vilicus UMBER aut colonus,
Aut rus marmore tertio notatum,
Aut Tasci tibi Tusculive mittunt...

О тибуртинскомъ имѣніи Регула говорится у Марціала въ I, 12; также I, 82.—Это былъ человекъ, возвысившійся при Неронѣ въ качествѣ обвинителя и уже тогда награжденный 7 милліонами сестерціевъ. При Домиціанѣ карьера его продолжалась и богатства росли, такъ что онъ надѣялся довести послѣднія до суммы 120 милліоновъ (*Tac. Hist. IV, 42; Plin. Epist. II, 20*). См. *L. Friedländer, Sittengesch. I, 260*.

²⁾ Марціалъ готовъ называть такіа большія и благоустроенныя имѣнья „*parva regna*“ (маленькими царствами). См. XII, 31, 8.

³⁾ См., напримѣръ, *Mart. IV, 66, 5*:

Saltus aprum, campus leporem tibi misit inemptum,
Silva graves turdos exagitata dedit,
Captus flumineo venit de gurgite piscis,
Vina ruber fudit non peregrina cadus.
Nec tener Argolica missus de gente minister.
Sed stetit inculti rustica turba foci...

димому, уже пресыщало многих ¹⁾. Потопленные въ избыли, они склонны были нерѣдко погружаться въ бездѣтельность, запуская производительную эксплуатацію своихъ владѣній. Но не требовалось большой хозяйственной энергии чтобы удерживать разъ прибрѣтенное социальное могущество. Оно оказывалось незыблемо крѣпко само по себѣ, покоясь, на внутреннемъ самодовлѣннн латифундїи, которое дѣлало для нихъ излишнею экономическую помощь извнѣ и вполне достаточною гарантированную утвержденіемъ имперїи общую политическую защиту безопасности, мира и правъ владѣнн.

При выдающейся социальной силѣ, которая присуща такой „латифундїи-княжеству“, она, очевидно, должна играть огромную и угнетающую роль въ окружающемъ ее аграрномъ мїрѣ ²⁾, особенно если ей удастся прибрѣсти дѣятельное покровительство государства. — Такое заключеніе навѣвается чтеніемъ яркихъ произведенїи Марціала; и оно подтверждаетъ, что социальный процессъ роста крупной собственности въ римскомъ мїрѣ, обнаруживающїи во всей силѣ при изученн стихотворенїи Горация, былъ великимъ движеніемъ, начавшимся до него и способнымъ къ долгому и широкому развитію.

¹⁾ Марціалъ (X, 74, 7), говоря о себѣ, можетъ быть, выражаетъ настроеніе, которое охватывало искателей богатствъ, когда они достигали дѣли:

Non ego.
 Appulos velim campos;
 Non Hybla, non me spicifer capit Nilus,
 Nec quae paludes delicata Pomptinas
 Ex arce clivi spectat uva Setini.
 Quid concupiscam quaeris ergo? dormire.

²⁾ См. любопытную піесу (*Mart. X, 79*):

Ad lapidem Torquatus habet praetoria quartum;
 Ad quartum breve rus emit Otacilius
 Torquatus nitidas vario de marmore thermas
 Extruxit; cucumam fecit Otacilius.
 Disposuit daphnosa suo Torquatus in agro;
 Castaneas centum sevit Otacilius.
 Consule Torquato vici fuit ille magister,
 Non minor in tanto visus honore sibi.
 Grandis ut exignam bos ranam ruperat olim,
 Sic, puto, Torquatus rumpet Otacilium.

2. Итакъ крупныя помѣстья бросаются въ глаза Горацию повсюду, куда онъ ни взглянетъ, о какомъ мѣстѣ ни подумаетъ. Такія же картины постоянно рисуютъ и другіе поэты. Гораций, какъ показало предшествующее изложеніе, нетолько знакомить съ внѣшними признаками латифунцій, но помогаетъ также всмотрѣться во внутреннюю жизнь этихъ частно-владѣльческихъ территорій.—Это не все. Онъ даетъ матеріалъ для характеристики нравственнаго настроенія могущественныхъ господъ, которое охватываетъ ихъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ они поднимаются все выше, опираясь на все болѣе широкій и крѣпкій земельный фундаментъ. Съ другой стороны онъ входитъ еще, по крайней мѣрѣ, отчасти, въ изображеніе самаго хода экономическаго процесса, который возвысилъ ихъ надъ остальными элементами общества.

Поэтъ показываетъ, какъ „гордились“ своими земельными богатствами римскіе магнаты, и какъ они боялись быть превзойденными другими обширностью помѣстій не менѣе, чѣмъ знатностью происхожденія. „Ты страшишься,—восклицаетъ онъ, въ одномъ посланіи,—какъ бы Мутъ не собралъ больше продуктовъ съ своихъ земель, полученныхъ имъ за женою, чѣмъ ты съ своихъ помѣстій, и какъ бы тебѣ не пришлось больше восхищаться богатствомъ его, человѣка болѣе низкаго рода, чѣмъ ему твоимъ“ ¹⁾). Далѣе Гораций еще подробнѣе говоритъ, какъ эти люди все сильнѣе проникались жаждою расширять безъ конца принадлежавшія имъ территоріи, отдаваясь все больше той страсти, которую Плиній Младшій ловко и ярко назвалъ „прелестью накопленія“ (*pulchritudo iungendi*) ²⁾). Гораций самъ примѣняетъ тутъ другое живописное выраженіе—„continuare campos“ ³⁾).

Въ одной сатирѣ поэтъ радуется за себя, что онъ самъ никогда не простиралъ алчныхъ очей на чужія имѣнія, не

¹⁾ *Epist.* I, 6, 21: ...Ne plus frumenti dotalibus emetat agris
Mutus et—indignum quod sit peioribus ortus—
Hic tibi sit potius quam tu mirabilis illi.

Ср. *Juven* XIV, 153.

²⁾ *Plin.* *Epist.* III, 19.

³⁾ *Hor.* *Carm.* III, 16, 42. Ср. еще у Ювенала „adquirendi insatiabile votum“ (*Sat.* XIV, 125).

желалъ захватомъ ихъ „округлить“ своихъ полей ¹⁾. Въ другой онъ обращается къ богачу съ негодующими вопросами: зачѣмъ ему нужно нагромождать въ подземные тайники золото и серебро, что красиваго находитъ онъ въ такой бесполезно наваленной массѣ? Къ чему ему непремѣнно собирать сотни тысячъ мѣръ хлѣба? ²⁾. „Скажи,—продолжаетъ онъ тутъ же,—какая надобность тебѣ, разъ жизнь человѣка ограничена естественными предѣлами, распакивать тысячу, а не сотню югеровъ земли?“ Богачъ отвѣчаетъ на упрекъ: „Пріятно черпать изъ большой кучи!“ ³⁾. Такъ получается рѣзко и сжато набросанный этюдъ социальныхъ нравовъ: образъ жаднаго богача, тщеславящагося своими сокровищами, взять, конечно, изъ дѣйствительности. Нарисованная поэтому картина такъ возмущаетъ его, что онъ закликаетъ собесѣдника „прекратить безконечное накопленіе богатства“ ⁴⁾. — „Придется тебѣ,—морализируетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—покинуть, умирая, эти скупленные вмѣстѣ дорогія владѣнія, и домъ, и вишню, омываемую водами Тибра“ ⁵⁾. „На что послужать тебѣ,—усовѣщаетъ Горацій третьяго „пріобрѣтателя“,—всѣ эти деревни и амбары, полные хлѣба? Для чего присоединяешь ты обширныя пастбищныя пустоши (*saltus*) въ Луканіи къ тѣмъ, которыми ты уже владѣешь въ Калабріи, если неподкупный Оркъ поражаетъ одинаково и великихъ, и малыхъ?“ ⁶⁾.

¹⁾ *Sat.* II, 6, 8:

... O si angulus ille

Proximus accedat, qui nunc denormat agellum.

²⁾ *Sat.* I, 1, 41:

Quid iuvat immensum te argenti pondus et auri

Furtim defossa timidum deponere terra?..

. Quid habet pulchri constructus acervus?

Milia frumenti tua triverit area centum,

Non tuus hoc capiet venter plus ac meus..

³⁾ *Ibid.* v. 49:

...Vel dic, quid referat intra

Naturae fines viventi, *ingera centum an*

Mille aerei? — „*At suave est ex magno tollere acervo*“.

⁴⁾ *Ibid.* v. 92: Denique sit finis quaerendi!

⁵⁾ *Carm.* II, 3, 17: Cedas coemptis saltibus et domo

Villaque flavus quam Tiberis lavit,

Cedas et exstructis in altum

Divitiis potietur heres.

⁶⁾ *Epist.* II, 2, 177: Quid vici prosunt aut horrea, quidve Calabris

Saltibus adiecti Lucani, si metit Orcus

Grandia cum parvis, non exorabilis auro?

Таковы постоянно приходящія на память автору картины все растущаго земельного стяжанія. Онъ вводитъ, стало быть, изслѣдователя въ наблюдение самаго процесса скопленія земельной собственности въ немногихъ сильныхъ рукахъ и даетъ матеріалъ для характеристики развивающихся параллельно съ этимъ экономическимъ процессомъ общественныхъ нравовъ. Поэтъ и тутъ не ограничивается одними общими мѣстами или суммарными описаніями: онъ рисуетъ нѣкоторыя любопытныя подробности громаднаго цеврворота, совершавшагося передъ его глазами.

Въ стихотвореніяхъ его находимъ примѣры людей, являвшихся какъ бы орудіями обезземеленія разоряющихся бѣдняковъ, органами, черезъ которые переходятъ земельныя имущества изъ слабѣющихъ рукъ падающаго мелкаго люда подъ могущественную власть поднимающагося магнатства. Гораций ставитъ передъ нами фигуру нѣкоего Фуфидія, богатаго капиталиста, отдающаго деньги въ ростъ подъ громадные проценты—до 60 въ годъ;—онъ ловко подстерегаетъ жертвы, и чѣмъ дальше онѣ запутываются, тѣмъ болѣе жестоко онъ обрушивается на нихъ ¹⁾. Этотъ человекъ богатъ землями (*dives agris*), и нужно думать, что именно въ уплату за ссуды попадали къ нему во владѣніе помѣстья несостоятельныхъ должниковъ, можетъ быть, заложенныя въ видѣ обезпеченія ея ²⁾. Мы видимъ тутъ особаго рода спекуляцію на землю—

Vici—тутъ, можетъ быть, указываетъ на деревни, населенныя прежними крестьянами-собственниками, землями которыхъ завладѣлъ богатъ, и которые подчинены ему теперь, какъ арендаторы или батраки; *horrea*—на крупное хлѣбопашество въ его помѣстьяхъ, *saltus*—на скотоводство „en grand“.—Повтореніе у Горация указанія на фактъ соединенія въ однихъ рукахъ настоящихъ латифундій въ Калабріи и Луканіи (заше былъ приведенъ подобный же примѣръ) свидѣтельствуетъ о распространенности его.

¹⁾ *Sat.* I, 2, 12: *Fufidius vappae famam timet ac nebulonis,
Dives agris, dives positus in fenore nummis:
Quinas hic capiti mercedes exsecat, atque
Quando perditior quisque est, tanto acrior arguet.*

Относительно опредѣленія высоты процента здѣсь см. прим. *Orelli* (Нор. II, 21).

²⁾ Ср. *Martial.* XII, 25, 1:

*Cum rogo te nummos sine pignore, non habeo, inquis;
Idem, si pro me spondet agellus, habes,*

скученіе въ своихъ рукахъ обширныхъ помѣстій черезъ денежныя обороты ростовщическаго характера, переводъ денегъ въ значительное недвижимое имущество путемъ обезземеленія и разоренія мелкихъ людей, вѣроятно, крестьянъ, попадающихъ въ рабство крупнаго капитала. У Горация встрѣчаемъ и другого человѣка, по имени Дамазиппа, еще иначе спекулирующаго на сельскія помѣстья и городскіе дома: онъ скупаетъ ихъ даже у богатыхъ людей, терпящихъ затрудненія, чтобы потомъ выгодно перепродавать ¹⁾).

Поэтъ не упускаетъ изъ вида и другого послѣдствія изображаемаго земельного переворота: онъ показываетъ, какъ вмѣстѣ съ побѣдою барскаго землевладѣнія въ Италіи и исчезновеніемъ стараго крестьянскаго сельскаго строя падаетъ земледѣльческая культура, такъ какъ обширныя полосы раньше воздѣланной территоріи обращаются подъ „увеселительныя помѣстья“. Явленіе это просто и сильно описано въ одной прекрасной одѣ. — „Скорѣ уже наши огромныя царскія жилища оставляютъ лишь малые клочки для плуга. Во всѣ стороны будутъ разстилаться пруды, обширнѣе Лукринскаго озера; бесплодный, одинокій платанъ вытѣснить полезный вязъ ²⁾“. Группы миртъ, гряды фіалокъ, тысяча

Quod mihi non credis veteri, Telesine, sodali,
Credis coliculis arboribusque meis.

Ср. еще *Catull.* 26. — У Цицерона встрѣчаются любопытныя данныя объ арпинатской всаднической фамиліи Фуфидіевъ, которая могутъ служить дополненіемъ настоящаго чрезвычайно характернаго текста Горация. Напримѣръ, въ рѣчи *In Pisonem*, 35, 86, вѣкій *Fufidius, eques Romanus* является кредиторомъ города Аполлоніи въ Эпирѣ; дѣло тутъ идетъ объ очень крупной ссудѣ. Въ письмѣ *ad Q. fr.* III, 1, 2, очень интересно описывается *Fundus Fufidianus* близъ Арпинума, купленный Маркомъ Цицерономъ для брата Квинта за 100.000 сестерціевъ. Тамъ было, между прочимъ, 50 югеровъ луга, на которомъ должны были быть предприняты послѣ покупки оросительныя работы. Можетъ быть, Фуфидіи занимались не только скупкою, но и перепродажею земель. См. также у Цицерона — *Praedia Fufidiana* (*Ad. Att.* XI, 14, 3; XI, 15, 4; также, XI, 13, 3). Они, повидимому, были значительны.

¹⁾ *Sat.* II, 3, 24: Hortos egregiasque domos mercarier unus
Cum lucro potat...

²⁾ Платанъ назывался *caelebs* у римскихъ сельскихъ хозяевъ, потому что онъ считался неудобнымъ для поддержки лозъ (*vitis maritari*) вслѣдствіе густоты и величины вѣтвей (поэтому его еще обозначали эпитетомъ *vidua*. См. *Mart.* III, 58, 3). Вязъ же (*ulmus*) именно хорошо подходитъ для этой дѣли

разныхъ пахучихъ растений наполняютъ своимъ ароматомъ пространства, на которыхъ произрастали оливковыя плантаціи, обезпечивавшія стараго хозяина, и густая листва лавровъ не будетъ пропускать на землю горячихъ солнечныхъ лучей¹⁾).

Трудно въ немногихъ словахъ лучше и полнѣе нарисовать картину земледѣльческаго запустѣнія Италіи, территорію которой захватившіе ее богачи эксплуатировали весьма часто не столько въ видахъ извлеченія дохода (для этого у нихъ въ рукахъ были другіе—„провинціальныя“ источники), сколько для цѣлей удовольствія и роскоши или для удовлетворенія тщеславія. Уже во время Горація возвышались почти повсемѣстно обширныя виллы-дворцы (*villarum luxus*), достойныя царей („regiae“). Онѣ покрывали широкія пространства²⁾, какъ въ городахъ³⁾, внутри которыхъ сами

(„amicta vitibus ulmo“. См. *Hor. Epist. I, 16, 8; Ovid. Met. X, 100*). Между тѣмъ богатые римляне любилъ густыя платановыя рощи (*Plin. Epist. I, 8*) и охотно разводили въ своихъ садахъ это „не хозяйственное“ дерево (*Ovid. Metam. X, 95*).

¹⁾ *Carm. II, 15, 1*:

Iam pauca aratro iugera regiae
Moles relinquent, undique latius
Extenta visentur Lucrino
Stagna lacu platanusque caelebs
Evincet ulmos. Tum violaria et
Myrtus et omnis copia narium
Spargent olivetis odorem
Fertilibus domino priori,
Tum spisa ramis laurea fervidos
Excludet ictus..

И Горацій прибавляетъ тутъ же:

Non ita Romuli
Praescriptum et intonsi Catonis
Auspiciis veterumque norma,

выражалъ свою симпатію къ старинѣ.

²⁾ Императоръ Тиберій говоритъ о нихъ, какъ объ очень распространенномъ фактѣ (*Tac. Ann. III, 53*: „...villarum infinita spatia...“ Ср. *Sall. Catil. 18; 20*).

³⁾ Какъ типичный примѣръ, можетъ быть приведена извѣстная „*turris Maecenas*“ въ Римѣ, дворецъ знаменитаго любимца Августа, который Горацій называетъ—„*moles propinqua nubibus arduis*“ (*Carm. III, 29, 10*). Довольно богатый матеріалъ о такихъ „*horti*“ (дворцахъ съ парками) представителей римской знати внутри столицы собранъ въ 8-мъ томѣ труда *O. Gilbert, Geschichte und Topographie der Stadt Rom* (см. *Index* подъ словомъ *horti*).

составляли особые породы¹⁾, такъ и въ деревнѣ, гдѣ онѣ занимали мѣсто цѣлаго ряда уничтоженныхъ ими крестьянскихъ хозяйствъ, служа наслажденію одного человѣка тамъ, гдѣ раньше земля питала многихъ²⁾. Богачамъ, вoadвигающимъ себѣ жилища, недостаточно даже сухой земли, говоритъ поэтъ: они стремятся отодвинуть морскія волны, возводя искусственныя сооруженія, стараясь какъ бы засыпать часть моря, и на новой землѣ начинаютъ строить пышные дворцы³⁾.

Стихотворенія Горация, Тибулла, Овидія, Ювенала, Марціала и другихъ поэтовъ, а также прозаиковъ того времени полны картинъ блестящей обстановки этихъ роскошныхъ мѣстопребываній римскихъ вельможъ перваго вѣка—великолѣпныхъ атріумовъ и величественныхъ перистилей, окруженныхъ высокими колоннадами изъ драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ мраморовъ⁴⁾, покрытыхъ раззолоченными лѣвп-

¹⁾ *Sall. Cat.* 12: „...domos atque villas cognoveris in urbium modum exaedificatas.“ Домъ друга Августа, Велія Полліона, занималъ больше мѣста, чѣмъ много города съ ихъ стѣнами. См. *Friedländer*, III, 92. Сенека рассказываетъ, что такіа жилища часто равнялись по величинѣ цѣлымъ сельскимъ хозяйствамъ (*Epist.* CXIV, 9: „... in ipsas domos inpenditur cura, ut in laxitatem ruris exsultant“) для городовъ (*Ibid.* XC, 48: „habebant domos instar urbium“).

²⁾ *Senec. Controv.* V, 5: „Arata quondam populis rura singulorum nunc ergastulorum sunt latiusque vilici quam reges imperant“.

³⁾ *Hor. Carm.* II, 18, 17:

Tu secunda marmora
Locus sub ipsum funus et sepulcri
Inmemor struis domos
Marisque Baiis obstrepentis urgues
Submovere litora
Parum locuples continente ripa.

Ср. *Carm.* III, 1, 33:

Contracta pisces aequora sentiant
Lactia in altum molibus: huc frequens
Caementa demittit redemptor
Cum famulis dominusque terrae
Fastidiosus...

⁴⁾ *Carm.* III, 1, 41: Quod si dolentem nec Phrygius lapis

Nec purpurarum sidere clarior
Delenit usus nec Falerna
Vitis Achaemeniumque costum,
Cur invidendis postibus et novo
Sublime ritu moliar atrium?

Ср. *Carm.* II, 15, 14 sqq.—*Tibull.* II, 3, 41 sqq.

ными потолками ¹⁾ и вымощенныхъ превосходными мозаиками ²⁾). Мы читаемъ и у Горация, и у всѣхъ этихъ авторовъ, какъ красиво были расположены въ такихъ домахъ между мраморными портиками группы цвѣтущихъ кустарниковъ и рѣдкихъ деревьевъ ³⁾, какіе чудные цвѣтовые эффекты давали дорогія пурпурныя покрывала, растянутыя надъ открытыми дворами отъ колоннады до колоннады, преломляя лучи солнца и волшебнo окрашивая роскошную обстановку покоевъ—позолоту, драгоценные металлы и камни, мозаику, мраморы, яркія ткани, цвѣты и зелень ⁴⁾, какъ заманчиво журчали тамъ, освѣжая воздухъ, фонтаны... ⁵⁾

Не менѣе часто и подробно изображаютъ современные писатели такъ же, какъ Гораций въ приведенномъ выше прекрасномъ отрывкѣ, и то, что составляло необходимое дополненіе къ великолѣпнымъ, преимущественно загороднымъ жилищамъ знатныхъ вельможъ и важныхъ сановниковъ—сады съ огромною массою самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ ⁶⁾, парки съ тѣнистыми рощами, длинными роскошными аллеями въ нихъ, а дальше дикими зарослями для охоты (*leporaria* etc.), рыбными садками, достигавшими весьма обширныхъ, почти „судоходныхъ“ размѣровъ ⁷⁾ и т. п. Описанія поэтовъ и ора-

¹⁾ *Hor. Carm.* II, 18, 1–5. *Lucret.* II, 28. *Marquardt*, *Privatleben der Römer* (2 Aufl.), II, 721.

²⁾ *Suet. Caes.* 46. *Apul. Metam.* V, I: „Pavimenta ipsa lapide pretioso caesim deminuto in varia picturae genera discriminantur“. *Friedländer*, III, 91. *Marquardt*, *Pr. L.* II, 627, 4.

³⁾ *Hor. Epist.* I, 10, 22: „Nempe inter varias nutritur silva columnas“. Также *Carm.* III, 10, 5:

... nemus

Inter pulchra satum tecta.

Senec. Controv. V, 5: „Intra aedificia vestra undas ac nemora comprehenditis“.

Это такъ называемыя *viridaria*. См. очень интересные тексты о нихъ, собранные у *Orelli* (*Hor.* II, 389). Ср. *Tibull.* III, 8, 15. *Dig.* VII, 1, 13, 4: „Voluptarium praedium, viridaria vel gestationes vel deambulationes arboribus infructuosius opacas atque amoenas habens...“.

⁴⁾ *Ovid. Metam.* X, 595. *Plin.* H. n. XIX, 25.

⁵⁾ *Suet. Aug.* 82: „...aestate... saepe in peristylo saliente aqua... cubabat“...

⁶⁾ *Violaria* или *rosaria*, вообще „luxus odorum“. См. *Schol. ad Hor.* (*Carm.* II, 15, 5). Варронъ не одобрялъ этого обихованія (R. r. I, 35: „...violaria in fundo facere non est utile...“).

⁷⁾ *Senec. Controv.* V, 5: „...navigabilium piscinarum freta“. Разумеется, это нѣкоторое сатирическое преувеличеніе. Такихъ любителей разведенія рыбы въ

торовъ, которые могутъ быть заподозрѣны въ преувеличеніи, подтверждаются чисто дѣловою техническою инструкціею, которую даетъ архитекторъ Витрувій въ руководство для постройки богатаго дома ¹⁾. Жилище чловѣка высокаго званія, говоритъ онъ, должно имѣть обширные дворы, просторныя высокіе атріумы, внушительныя перистилы; затѣмъ оно должно быть окружено также громаднымъ паркомъ, широкими дорогами для проѣзда и многочисленными путями для прогулокъ. Наконецъ, такого рода дворцы должны быть снабжены библиотеками, картинными галлереями, базиликами, такъ же, какъ царскія обиталища и общественныя зданія.

Здѣсь было бы неумѣстно распространяться объ упомянутой особенноти соціального и матеріальнаго быта римскаго общества въ изучаемое время. Мельчайшія подробности ея сохранены и увѣковѣчены въ сочиненіяхъ множества авторовъ всевозможныхъ категорій, и важнѣйшія данныя сведены въ одно прекрасное цѣлое замѣчательнымъ знатокомъ римской культурной исторіи, столько же глубокимъ ученымъ, сколько изящнымъ писателемъ, кенигсбергскимъ профессоромъ, Лудвигомъ Фридлендеромъ, въ его извѣстномъ сочиненіи—„Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ отъ Августа до Антониновъ“ ²⁾. Тутъ, собственно, важно было только нѣсколько провѣрить Горація другими авторами и обратить вниманіе на то, какъ указаніе на развитіе „роскоши въ жилищѣ“ („*der Bau luxus*“) естественно связывается у него съ другими данными о *торжествѣ крупнаго землевладѣнія*, которыми богаты его стихотворенія, и которыя знакомятъ насъ съ различными частными сторонами этого любопытнаго процесса.

своихъ помѣстьяхъ, какими были Луккулъ, Кв. Гортензіи, Крассъ и др., Цицеронъ шуточно называетъ „*piscinarii*“ (*Ad Att.* I, 19, 6).

¹⁾ *Vitruv.* VI, 8, 2 (ed. Rose et Müller-Strübing).

²⁾ См., напримѣръ, во второмъ томѣ (*passim*). Необходимо пользоваться послѣднимъ (шестымъ) изданіемъ (Leipzig, 1888—1890). См. также *Becker-Göll, Gallus*, 2-te Aufl. 3 Theile (Berlin, 1880—1882) и *Marquardt, Privatleben der Römer* (2 Aufl. besorgt von *Mau*, Leipzig, 1886, 2 Theil). Прогулка по Помпеямъ и посѣщеніе неаполитанскаго музея даютъ лишь ослабленное понятіе объ этой роскоши. См. *J. Overbeck und Aug. Mau, Pompeii in seinen Gebäuden, Alterthümern und Kunstwerken* (4 Aufl.), Leipzig, 1884, S. 244 ff.; 492 ff. Ср. *M. Voigt, Römische Privatalterthümer und Kulturgeschichte* (2 Aufl.), München, 1893, S. 392 ff.; 452 ff. (съ указаніемъ литературы вопроса).

3. Описывая такъ часто и съ такихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія явленія сельской жизни и развитіе крупной собственности, Гораций неизбежно долженъ былъ изображать и положеніе низшаго рабочаго земледѣльческаго населенія. Дѣйствительно, если перечитывать стихотворенія поэта, стараясь усмотрѣть въ нихъ матеріалъ для освѣщенія этой стороны разсматриваемаго здѣсь вопроса, то найдешь важныя и интересныя свидѣтельства.

Въ одной одѣ, которою уже приходилось пользоваться два раза ¹⁾, встрѣчается описаніе, въ нѣсколькихъ словахъ рисующее очень яркую картину отношеній между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. Поэтъ, обращаясь къ богатому собственнику, говоритъ ему: „Ты (въ неутомимой жаднѣ накопленія) вырываешь межевые камни сосѣднихъ полей и поглощаешь участки кліентовъ. А они, согнанные тобою (съ отцовской земли), уходятъ всею семьею—и жена, и мужъ—, унося на груди домашнихъ боговъ и нищихъ дѣтей“ ²⁾. Сцена эта, несомнѣнно, выхвачена изъ жизни: такъ реальны краски, которыми она написана ³⁾. Насколько явленіе было распространено, насколько такое „выметаніе“ изъ надѣловъ, такое

¹⁾ Это 18-я ода II-й книги. Изъ нея почерпнуты подробности для описанія дома Горация; она же много дала для характеристики фактовъ, которые сообщаетъ поэтъ о бытѣ земельныхъ господъ; теперь она сослужитъ и третью службу. Такимъ образомъ, пришлось расчленивъ это прекрасное стихотвореніе; но его надо прочесть также и все сразу: тогда оно покажетъ еще, какъ само собою сливалось въ воображеніи поэта въ одно живое цѣлое явленіе, отдѣльные элементы котораго въ настоящемъ взглядѣ, въ видахъ систематизаціи изложенія, пришлось анализировать самостоятельно.

²⁾ в. 22: Quid quod usque proximos
 Revellis agri terminos et ultra
 Limes clientium
 Salis avarus? Pellitur paternos
 In sinu ferens deos
 Et uxor et vir sordidosque natos.

Въ текстѣ имѣлся въ виду не точный переводъ словъ, а вѣрная передача образа, вызывающаго важную соціально-историческую картину.

³⁾ *Kiesling* (Hor. I, 202) очень хорошо говоритъ объ этомъ мѣстѣ: „...Solches mochte Horaz in seiner Heimat als Kind oft geschaut haben, denn das anschauliche Bild der Exmittierten, die Frau mit den kleinen Larenbildern, der Mann mit den zerlumpten Kleinen als einziger Habe auf dem Arm, beruht gewiss auf Erlebniss...“

„выбрасываніе“ съ деревенской земли мелкаго люда было фактомъ обычнымъ, несмотря на его кажущуюся исключительность ¹⁾, это дѣлается яснымъ изъ того, что всѣ писатели говорятъ о немъ, какъ о вещи повседневной. Аналогичные тексты, похожіе одинъ на другой не только содержаніемъ, но также и выраженіями, цѣлою вереницею встаютъ въ памяти cadaго, занимавшагося вопросомъ, или даже всякаго, кто много читалъ римскихъ авторовъ.

Легко подобрать нѣсколько характерныхъ фактовъ.—О подобнаго рода насиліяхъ разбогатѣвшихъ крупныхъ помѣщиковъ по отношенію къ разореннымъ ими крестьянамъ еще раньше Горація говоритъ Цицеронъ, обвиняя, на примѣръ, Автронія въ томъ, что онъ вытѣснялъ людей изъ помѣстій и даже убивалъ сосѣдей ²⁾. Очевидно, онъ выбралъ тутъ лишь наиболѣе подходящий для его цѣли случай такихъ дѣйствій изъ среды своихъ враговъ; но тѣ же приемы примѣнялись и людьми его партіи.—Саллюстій въ томъ же духѣ рассказываетъ, что престарѣлые родители и малолѣтнія дѣти людей, сражавшихся за отечество и разоренныхъ войною, сгоняются съ дѣдовскихъ участковъ, коль скоро рядомъ съ ними выросло владѣніе могущественнаго собственника ³⁾. Впослѣдствіи такимъ же тономъ и не менѣе выразительно будутъ высказываться другіе.—Плиній Натуралистъ будетъ, на-

¹⁾ Жестокость факта въ данномъ случаѣ усиливается еще тѣмъ, что вытѣсняемые являются клиентами вѣтхнителя, которыхъ онъ обладалъ, напротивъ, защищать. Въ такого рода клиентное подчиненіе, богатому сосѣду, по всей вѣроятности, часто вступали мелкіе разоряющіеся крестьяне, пужался въ его покровительствѣ. Тутъ видно, чѣмъ могъ оканчиваться такой патронатъ: нарушеніемъ долга патрона, несмотря на запрещеніе 12 таблицъ (См. *Serv. in Aen. VI, 609*: „...Ex lege XII tabularum venit, in quibus scriptum est: Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto“) и даже выдвореніемъ клиента изъ унаслѣдованнаго поля, насильственно запаханнаго барскимъ плугомъ, хотя старая традиція называла великимъ преступленіемъ оскорбленіе межевныхъ знаковъ. См. *Preller, Römische Mythologie* (3 Aufl.), I, 255. Онъ приводитъ текстъ *Fest.* (ed. Müller p. 368): „...Numa Pompilius statuit eum qui terminum exarasset et ipsum, et boves sacros esse“.

²⁾ *Cic. Pro Sull.* 25, 71: „...quem exturbare homines ex possessionibus, caedem facere vicinorum (sc. solitum esse scimus)...“

³⁾ *Sall. Jug.* 41: „...Interea parentes aut parvi liberi militum, uti quisque potentiori confinis erat, sedibus pellebantur“. Вся глава представляетъ описаніе тираническихъ насилій знати послѣ Граховъ.

примѣръ, обличать богатаго и сильнаго помѣщика, который захватываетъ землю обѣднѣвшихъ сосѣдей, отгѣсняетъ и даже совсѣмъ прогоняетъ ихъ ¹⁾. Весьма сходныя картины встрѣтятся и въ стихотвореніяхъ Марціала ²⁾. Ювеналь сообщить при этомъ подробности, которыя врядъ ли могли быть изобрѣтены его фантазіей ³⁾. Еще позже Апулей въ формѣ бытового очерка будетъ повѣствовать о жестокостяхъ могущественныхъ людей. Въ извѣстномъ романѣ его „Метаморфоза“ находится одинъ любопытный и характерный эпизодъ. Авторъ рассказываетъ, какъ богатый и сильный политическимъ положеніемъ земельный собственникъ, пользуясь, вѣроятно, неоплатною задолженностью ему бѣднаго сосѣда, мелкаго крестьянина, налагалъ руку на его скоть, топталъ, должно быть, во время охотничьихъ забавъ его еще несозрѣвшій посѣвъ. Все ему сходило съ рукъ, такъ какъ власти

¹⁾ *Plin.* Н. н. II, 175: „Et ut publicos gentium furores transeam, haec (sc. terra) in qua conterminos pellimus furtoque vicini caespitem nostro solo adfodimus, ut qui latissime rura metatus fuerit ultraque famam exegerit adcolas quota terrarum parte gaudeat, vel cum ad mensuram avaritiae suae propagaverit, quam tandem portionem eius defunctus obtineat“.

²⁾ *Mart.* II, 32, 3: Vexat saepe meum Patrobas confinis agellum,
Contra libertum Caesaris ire times.

Примѣръ этотъ спеціально интересенъ тѣмъ, что виновникомъ насилій является тутъ вольноотпущенникъ императора, противъ котораго особенно трудно бороться даже судебнымъ порядкомъ, такъ какъ покровительство государства удваиваетъ его социальную силу.

³⁾ *Juven.* XIV, 138:

Interea pleno cum turget sacculus ore,
Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crevit,
Et minus hanc optat qui non habet. Ergo paratur
Altera villa tibi, cum rus non sufficit unum,
Et proferre libet fines, maiorque videtur
Et melior vicina seges: mercaris et hanc et
Arbusta et densa montem qui canet oliva.
Quorum si pretio dominus non vincitur ullo,
Nocte boves macri lassoque famelica collo
Iumenta ad virides huius mittentur aristas;
Nec prius inde domum, quam tota novalia saevos
In ventres abeant, ut credas falcibus actum...

Отрывокъ этотъ даетъ ясно почувствовать самый ходъ грознаго процесса поглощенія мелкой собственности латифундію.

держали его сторону ¹⁾. Онъ отбиралъ постоянно (очевидно, за долги) его жатву; но это не удовлетворяло его: онъ хотѣлъ лишить бѣдняка принадлежавшаго тому ничтожнаго участка, конечно, для округленія своего помѣстья. Добиться этого ему было нетрудно: стоило только поднять тяжбу о правахъ владѣнія, о неправильности размежеванія, и мѣстные судьи, безъ сомнѣнія, купленные бариномъ, легально закрѣпили спорную землю за нимъ ²⁾. Привязанный къ своему клочку глубокою любовью пахаря и приведенный въ отчаяніе несправедливостью, крестьянинъ рѣшилъ попытаться защищать отчій кровь. Онъ призвалъ нѣсколькихъ сосѣдей, которые должны были, какъ свидѣтели, отстаивать его право на владѣніе, подтвердить, что онъ дѣйствительно собственникъ ³⁾. Но торжествующему магнату стоило небольшихъ усилий разогнать съ помощью своихъ людей собравшихся посредниковъ и окончательно завладѣть неправильно присужденной землей ⁴⁾. Все это, разумѣется, обычныя картины, „типичные случаи“ изъ жизни ⁵⁾.

¹⁾ *Apul. Metam. IX, 86*: „...His... erat cum quodam paupere, modicae casulae domino, vetus familiaritas. At enim casulae parvulae conterminos magnos et beatos agros possidebat vicinus potens, et dives, et iuvenis. Sed prospiciæ maiorum gloria male utens, pollens factionibus et cuncta facile faciens in civitate, hostili modo vicini tennis incurabat pauperiem, pecora trucidando, boves abigendo, fruges adhuc immaturas obtendendo...“

²⁾ *Ibid.* „...iamque tota frugalitate spoliatum, ipsis etiam glebulis exterminare gestiebat finiumque inani commota quæstione terram totam sibi vindicabat...“

³⁾ *Ibid.* „...Tunc agrestis, verecundus alioquin, avaritia divitis iam spoliatus, ut suo saltem sepulchro paternum retineret solum, amicos plurimos ad demonstrationem finium, trepidans eximie, corrogarat...“

⁴⁾ „...Nec tamen ille vesanus tantillum praesentia multorum civium territus vel etiam confusus, licet non rapinis, saltem verbis temperare voluit; sed, illis clementer expostulantibus fervidosque eius mores blanditiis permulcentibus, repente suam suorumque carorum salutem quam sanctissime adiurans, adseverat parvi se pendere tot mediatorum praesentiam; denique vicinum illum auriculis per suos servulos sublatum de casula longissime statimque proiectum iri...“—Изъ дальнѣйшаго видно, что онъ напустилъ на крестьянъ своихъ громадныхъ собакъ-овчарокъ. Подробности тутъ, разумѣется, романтическія; но суть дѣла представляеть картину дѣйствительныхъ нравовъ.

⁵⁾ См. у Ювенала очень выразительныя слова, которыми онъ заканчиваетъ приведенный только что выше рассказъ (XIV, 150):

Dicere vix possis, quam multi talia plorent,

Et quot venales iniuria fecerit agros.

Какъ видно, все болѣе усиливавшіеся римскіе „ланд-лорды“ не были разборчивы въ способахъ расширенія своихъ территорій на счетъ собственности находившагося въ полной зависимости отъ нихъ экономически истощеннаго крестьянства. Либо почти даромъ покупали они участки запутавшихся въ непосильныхъ обязательствахъ бѣдняковъ, либо забирали ихъ надѣлы за долги, либо, пользуясь своимъ социальнымъ могуществомъ, безъ всякой платы, силою сгоняли ихъ съ земли, какъ бы „завоевывая“ себѣ новыя владѣнія. Такимъ образомъ, не только скупка за безцѣнокъ, но и простой захватъ порождали и увеличивали латифундіи ¹⁾. Выписанные здѣсь тексты приведены лишь въ видѣ нѣсколькихъ дополненій къ тому, какъ изображаетъ дѣло Горацій. Число такихъ примѣровъ могло бы быть значительно увеличено, и они показываютъ, что Горацій не можетъ быть обвиненъ въ пристрастіи къ изображенію исключительныхъ фактовъ изъ-за ихъ эффектности. Онъ вѣрно наблюдаетъ жизнь и правильно судитъ о ней. Итакъ, стихотворенія его позволяютъ взглянуть въ тѣ послѣдствія, которыми сопровождалось развитіе крупной собственности для жизни земледѣльческаго населенія; оно обусловливало обезземеленіе крестьянства, плодило пролетариатъ, который не могъ, въ силу особенностей экономического строя римскаго государства, находить въ необходимой мѣрѣ примѣненіе для своего труда въ другой производительной области (то-есть въ сферѣ обрабатывающей промышленности) и увеличивать собою число бѣдствующихъ и безпкойныхъ элементовъ общества ²⁾.

Не однѣ экономическія причины (развитіе латифундіальной собственности) вели къ обезземеленію мелкаго люда. Тому же содѣйствовали политическія революціи, въ которыхъ погибла республика. Постоянная борьба отдѣльныхъ честолюбцевъ изъ-за верховной власти давала попеременно тор-

¹⁾ *Senec. Epist. XC, 39: „...Licet agros agris adiciat, vicinum vel pretio pellens, vel iniuria...“*

²⁾ Объ этой особености будетъ специально сказано въ заключеніи настоящей книги съ попыткою рассмотреть предѣлы ея историческаго осуществленія и оцѣнить социальныя послѣдствія.

жество то одной, то другой партіи. Смѣна правительствъ и переходъ единовластія изъ рукъ одного вождя въ распоряженіе его болѣе счастливаго соперника сопровождались репрессіями, а эти послѣднія выражались, помимо личныхъ преслѣдованій, въ конфискаціяхъ имущества побѣжденныхъ, которыя раздавались въ видѣ награды сторонникамъ побѣдителей, преимущественно воинамъ, такъ какъ армія являлась однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ совершавшихся переворотахъ. Отобраніе земель у владѣльцевъ, принадлежавшихъ къ разбитой партіи, не только у отдѣльныхъ крупныхъ помѣщиковъ, но и у многочисленныхъ крестьянъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ раньше господствовали пораженные враги, и надѣленіе ими ветерановъ было дѣйствительно обычнымъ приѣмомъ политики вождей римскаго народа во времена отъ диктаторства Суллы до принципата Августа. Это обстоятельство, конечно, само по себѣ прямо не содѣйствовало развитію крупной собственности: даже, напротивъ, колоніи ветерановъ создавали новыя довольно мелкія сельскохозяйственныя частновладѣльческія единицы; но самая насильственность такой правительственной мѣры вносила большую смуту въ земельныя отношенія, лишая собственности множество старыхъ хозяевъ крестьянскаго типа, выбивая ихъ изъ сферы земледѣльческаго труда и усиливая такимъ образомъ разстройство, въ которомъ находились сельскіе классы.

При Суллѣ сильно пострадало, на примѣръ, земледѣльческое населеніе Этруріи такъ же, какъ Самніума и Луканіи. По разсказу Аппіана ¹⁾ 120,000 ветерановъ получили отъ него земли въ этихъ странахъ послѣ жестокой экспроприаціи владѣній и участковъ прежнихъ собственниковъ ²⁾. Саллюстій упоминаетъ о печальномъ положеніи, въ которомъ находилось вслѣдствіе этого обезземеленное этрусское крестьянство ³⁾. Къ той же мѣрѣ обращался Цезарь и прибѣгали вторые триумвиры. На примѣръ, въ 713 году отъ

¹⁾ См. *Bell. Civ.* I, 104.

²⁾ Ср. *Cic. Ad Att.* I, 19, 4.

³⁾ *Sall. Cat.* 28: „Interea Manlius in Etruria plebem sollicitare, egestate simul ac dolore iniuriae novarum rerum cupidam, quo *Sullae dominatione agros bonaque omnia amiserat...*“.

основанія Рима они должны были удовлетворить солдатъ 28 легионовъ, и для доставленія имъ требующихся земель цѣлый рядъ городовъ былъ подвергнутъ экспроприаціи ихъ территорій. Между ними называютъ Кремону и Мантую въ сѣверной Италіи, Капую, Регіумъ, Беневентъ, Нуцерію, Ариминумъ, Венузію и др. — въ средней и южной ¹⁾). Ветераны, вступая во владѣніе, производили безчинства надъ мѣстными жителями ²⁾). Одною изъ жертвъ конфискацій, произведенныхъ въ угоду ветеранамъ вторыми триумвирами, оказался между прочимъ Вергилій, потерявшій отцовское помѣстье около Мантуи ³⁾). Знаменитый поэтъ, современникъ и другъ Горація, оставилъ намъ прекрасное описаніе бѣдствія, поразившаго рядомъ съ нимъ многочисленныхъ другихъ бѣдныхъ собственниковъ.

Тутъ прежде всего вспоминается живой и трогательный разговоръ, заключающійся въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ буколическихъ стихотвореній Вергилія. Оно представляетъ діалогъ пастуха, Ликида, съ Меридомъ, сельскимъ работникомъ мелкаго землевладѣльца, Меналка, только что потерявшаго свой надѣлъ: „Въ какую сторону несутъ тебя ноги, Меридъ? Идешь ли ты въ городъ, куда ведетъ эта дорога?—О, Ликидъ! мы дожили до такого дня, какого никогда не опасались. Чужой человекъ, новый владѣлецъ нашей земли, объявилъ намъ: это мое! Выбирайтесь („déguepissez!“) прежніе земледѣльцы!.. И вотъ теперь убитые и унылые, такъ какъ судьба все разрушаетъ, должны мы еще отдать похитителю этихъ козлятъ... Пусть не пойдутъ они ему въ прокъ!..“ ⁴⁾). Рядомъ

¹⁾ См. *App.* В. С. IV, 3. Ср. *Orelli*, *Hor.* II, 175 и *Pauly*, *Realencycl.* VI, 2645. О колоніяхъ ветерановъ можно найти свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи аграрнаго законодательства, напримѣръ, въ книгѣ *Macé*, *Des lois agraires chez les Romains* (P. 1846), p. 520 et suiv. См. кромѣ того важную статью *G. Humbert*. подъ словомъ—*Colonia* въ I т. *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités*. Вообще же вопросъ этотъ, какъ кажется, еще недостаточно изученъ, несмотря на его очень большую важность для выясненія развитія аграрныхъ отношеній въ римскомъ мірѣ.

²⁾ *Macé*, *Des lois agr.* p. 538. Ср. *Verg. Ecl.* IX, 28.

³⁾ *Serv. Ad Eclog.* IX, 7. *Donat.* *Vit. Verg.* X, 86. Ср. *Martial.* VIII, 56

⁴⁾ *Eclog.* IX, 1:

— Quo te, Moeri, pedes? An, quo via ducit, in urbem?

— O Lycida, vivi pervenimus, advena nostri

съ этимъ текстомъ невольно возникаетъ въ памяти другой, также очень изящный отрывокъ изъ эклога Вергилія, въ которомъ представленъ такой же обезземеленный крестьянинъ, Мелибей, „покидающій родительское гнѣздо и милое сердцу поле, бѣгущій съ родины“ искать гдѣ-нибудь пріютнаго крова ¹⁾. Эти прекрасныя строки отлично дополняютъ приведенныя выше мѣста изъ разныхъ авторовъ, которыя подтверждаютъ данныя Горация и характеризуютъ вытѣсненіе крестьянъ съ земли владѣльцами латифундій. Хотя причины различны, результаты и тутъ, и тамъ одинаковы. Масса лицъ выброшена изъ италійской деревни и принуждена искать спасенія лишь въ тяжеломъ и опасномъ переселеніи за море ²⁾.

(Quod nunquam veriti sumus) ut possessor agelli
Diceret: Haec mea sunt, veteres migrate coloni.
Nunc victi tristes, quoniam Fors omnia versat,
Hos illi (quod ne vertat bene) mittimus haedos...

¹⁾ *Ecl.* I, 8: Nos patriae fines et dulcia linquimus arva;
Nos patriam fugimus...

Вся піеса полна подробностей, изображающихъ трудность существованія этихъ выбитыхъ изъ традиціонной колеи людей. (См. особ. ст. 64—73).

²⁾ См. *Verg. Eclog.* I, 64:

At nos hinc alii sitientes ibimus Afros,
Pars Scythiam et rapidum cretae veniemus Oaen,
Et penitus toto divisos orbe Britannos.

Тутъ же ниже великолѣпное изображеніе настроенія лишенныхъ родного угла земледѣльцевъ. Это свидѣтельство поэта о „переселеніи“ сбываемыхъ съ участковъ крестьянъ въ различныя (даже отдаленныя) провинціи очень замѣчательно. Очевидно, что такіе эмигранты, сброшенные нуждою съ родной почвы, прибывали на новыя земли въ условіяхъ, весьма невыгодныхъ для возрожденія ихъ хозяйственной самостоятельности, и они должны были оказаться удобнымъ матеріаломъ для возникновенія зависимаго сельскаго класса въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдняго не было, или для пополненія его тамъ, гдѣ онъ уже сложился, можетъ быть, даже въ до-римскомъ прошломъ. Весьма вѣроятно предположить, что эти невольные переселенцы явились однимъ изъ главныхъ контингентовъ въ составѣ людей, населившихъ огромные африканскіе и иные *sallus*'ы, когда они изъ пустоворожныхъ площадей стали обращаться въ воздѣланныя имѣнія, то-есть, отдаваться подъ хлѣбонашество. Почти навѣрно тѣ „*rustici tenues*“ знаменатаго бурунитанскаго памятника (*C. I. L.* VIII, 10570), которые называютъ себя „римскими гражданами“, принадлежатъ къ числу потомковъ такихъ обезземеленныхъ и выселившихся италійскихъ крестьянъ. Исслѣдователи африканскихъ земельныхъ надписей хорошо показали, какое серьезное значеніе имѣлъ „*populus plebeius*“ (*Frontin.* *Grom. vet. ed. Lachm.* p. 53), пріютившіяся на провинціальныхъ *sallus*'ахъ, въ процессѣ происхожденія позднѣйшаго

Той же участи, что мантуанское помѣстье Вергилія, подверглись земельныя имущества другихъ двухъ поэтовъ того времени—Тибулла и Проперція: они были конфискованы и отданы ветеранамъ ¹⁾. Отъ послѣдствій битвы при Филиппи, уже указано, пострадалъ и Гораций; онъ самъ сообщаетъ, что потерялъ домъ и имѣніе отца около Венузии ²⁾. Неудивительно, стало быть, если и это событіе, и подобныя ему отразились на содержаніи его стихотвореній. Поэтъ, правда, только вскользь упоминаетъ о раздачахъ земель ветеранамъ, производившихся Октавіаномъ ³⁾; но онъ понимаетъ по опыту, что не только социальный гнетъ могущественнаго владѣльца сосѣдней латифундіи вытѣснялъ изъ деревни крестьянина, котораго онъ оплакиваетъ, изображая идущимъ, куда глаза глядятъ, за отысканіемъ пріюта и хлѣба, но и насильственный законъ счастливаго вождя, побѣдившаго въ междоусобной борьбѣ и награждающаго друзей и слугъ.

Какъ глубоко и безпощадно ни дѣйствовало указанное сложное и громадное социальное бѣдствіе, оно не могло все-таки согнать съ земли весь мелкій свободный людъ. Не всегда крестьяне-собственники замѣнялись на прежнихъ ихъ поляхъ толпами работающихъ на новыхъ барскихъ плантаціяхъ закованныхъ, клейменныхъ рабовъ ⁴⁾. Иногда латифун-

колоната, то-есть, крѣпостнаго крестьянства имперіи послѣднихъ вѣковъ. См. статью автора настоящей книги „Новое изслѣдованіе о колонатахъ“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886-й годъ, Сентябрь, стр. 157. Можетъ быть, внимательное изученіе надписей, съ цѣлью вскрытія имѣющихся слѣдовъ упоминаемой здѣсь „естественной эмиграціи“ изъ Италіи въ провинціи вслѣдствіе аграрныхъ причинъ, дало бы небезполезные результаты для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ земельныхъ отношеній въ римскомъ мірѣ.

¹⁾ *Tibull.* I, 1, v. 19 sqq; 41. *Prop.* V, 1, 127—130; Ср. III, 32, 55.

²⁾ *Epist.* II, 2, 49 sq.

³⁾ См. *Sat.* II, 6, 55:

....Quid? militibus promissa Triquetra
Praedia Caesar an est Itala tellure daturus?

Тутъ идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, о раздачахъ, совершонныхъ послѣ битвы при Акціумѣ въ 722—724 гг. См. *Dio*, LI, 3; 4; *Monum. Ancyr.* (ed. *Mommsen*) III, 22.—*Orelli*, *Hor.* II, 255.

⁴⁾ Здѣсь вспоминается знаменитый текстъ Плутарха о Тиберіи Гракхѣ (*Plut.* *Vit. T. Gr.* 8): „Ὁ δ'ἀδελφὸς αὐτοῦ Γάιος ἐν τινὶ βιβλίῳ γέγραπεν εἰς Νομαντίαν παρεόμενον διὰ τῆς Τυρρήνιας τὸν Τιβέριον, καὶ τὴν ἐρημίαν τῆς χώρας ὄρωντα καὶ τοὺς γεωργοῦντας ἢ μένοντας οἰκέτας ἐπιστάτους καὶ βαρβάρους, τότε κρῆστον ἐπὶ νοῦν

дальное хозяйство оказывалось неудобнымъ для новыхъ господъ или даже невозможнымъ, и они оставляли въ деревнѣ прежнихъ владѣльцевъ, такъ что часть обезземеленныхъ крестьянъ устраивалась тамъ на новыхъ началахъ, продолжая даже не разъ, можетъ быть, въ качествѣ съемщиковъ обрабатывать свое старое поле. Часто также ветераны, давно отвыкшіе отъ земледѣлія, неохотно возвращались къ нему, когда получали земельныя награды. Они предпочитали нѣредко отдавать полученную землю въ аренду, хотя бы именно нѣкоторымъ изъ старыхъ владѣльцевъ.

Любопытный этюдъ изъ области фактовъ послѣдней именно категоріи оставилъ Гораций, нарисовавъ въ одной изъ своихъ сатиръ живую иллюстрацію такого социальнаго перерожденія крестьянина-владѣльца въ арендатора-съемщика ¹⁾. Аргументируя свой любимый тезисъ—надо довольствоваться малымъ и быть счастливымъ отъ скромнаго обезпеченія, — авторъ повѣствуетъ о нѣкоемъ Офеллѣ. Онъ былъ сначала обладателемъ маленькаго поля (*agelli*). Потомъ судьба отвернулась отъ него, земля была у него отнята, какъ кажется, правительствомъ, которое отдало ее ветерану Умбрену ²⁾. Новый владѣлецъ, однако, не прогналъ стараго: онъ довольствуется умѣреннымъ доходомъ съ пріобрѣтеннаго имущества, оставляя пользованіе маленькимъ помѣстьемъ въ рукахъ прежняго собственника. Такимъ образомъ, Офелль, попрежнему живетъ на немъ съ своею семьею и скотомъ. Онъ работаетъ трудолюбиво, спокойно и стойко, хотя раньше былъ полнымъ собственникомъ участка, теперь же является лишь его фермеромъ и принужденъ отдавать Умбрену часть добываемаго достатка въ видѣ арендной платы ³⁾. Онъ назы-

ἄλλοθεν τῆν μισθίον κακῶν ἀρξασαν αὐτοῖς πολιτείας...⁴⁾. Гораций не даетъ дѣльнаго описанія такого рабскаго плантаціоннаго способа культуры крупныхъ помѣстій въ видѣ отдѣльнаго эскиза, но онъ постоянно говоритъ о многочисленныхъ сельскихъ рабахъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ.

¹⁾ См. 2-ю сатиру второй книги.

²⁾ v. 133: Nunc ager Umbreni sub nomine, nuper Ofelli Dictus...

³⁾ v. 114: ...Videas metato in agello
Cum pecore et gnatis fortem mercede *colonom*.

ваетъ катастрофу, которая его постигла, ударомъ судьбы ¹⁾; онъ долженъ быть воздержнымъ и жить скудно, чтобы окончательно не разориться ²⁾; но прямой нужды онъ не испытываетъ и при случаѣ можетъ угостить поcѣтителя въ день отдыха хорошимъ кускомъ жаренаго козленка отъ своего маленькаго стада, собственными плодами и кружкой, можетъ быть, изъ его же лозы приготовленнаго вина ³⁾. Онъ утѣшается общимъ разсужденіемъ о непрочности всего земного: „На много ли ухудшилось, дѣти мои, мое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ этотъ новый поселенецъ? Земля принадлежитъ природѣ: она не уступаетъ никому полной собственности.... Одинъ лишилъ меня моего владѣнія; другой отниметь его у него самого, вслѣдствіе его неразумія или невѣжества въ законахъ... Поле ничье, но оно поступаетъ въ пользованіе то одного, то другого...“ ⁴⁾. Офелль совѣтуетъ себѣ подобнымъ мириться съ необходимостью и мужественно бороться съ обстоятельствами ⁵⁾.

Въ приведенномъ только что стихотвореніи открывается интересный набросокъ общественнаго быта. Между двумя противоположными состояніями—землевладѣніемъ и пролетариатомъ—разоренному крестьянину оставалось, какъ убѣжище, фермерство, съемка чужой земли; такъ что собственность

Cfr. *Ibid.* v 112: Quo magis his credas, puer hunc ego parvus Ofellum
Integris opibus novi non latius usum
Quam nunc accisis..

Выраженіе *metato* (in agello) обозначаетъ именно, что поле было *отмежевано* ветерану. При колониальныхъ раздачахъ въ Италіи практиковалась самая строгая форма лимитаціи земель, именно *centuriatio*, которая въ большинствѣ случаевъ обеспечивала самую полную форму собственности—*dominium ex iure Quiritium*. См. *E. Beaudouin*, La limitation des fonds de terre à Rome (P. 1894), p. 6—27; 79 ss. Слово *mercede* показываетъ въ разбираемомъ текстѣ, что арендаторъ вносилъ *денежную* плату за наемъ земли, а не снималъ *изъ части*. См. *Fustel de Coulanges*, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, p. 10.

¹⁾ v. 126: Saeviat atque novos moveat Fortuna tumultus.

²⁾ v. 116: Non ego... temere edi luce profesta
Quicquam praeter olus fumosae cum pede pernae...

³⁾ См. стихи 117—125 (очень хорошая бытовая картинка).

⁴⁾ *Ibid.* v. 127 sqq.

⁵⁾ *Ibid.* v. 135: Quocirca vivite fortes
Fortiaque adversis opponite pectora rebus.

(*dominium, proprietas*) на такой землѣ отдѣлялась отъ владѣнія (*possessio*) и пользованія (*usufructus*). Первая переходила въ руки господина поглотившей крестьянина латифундіи или награвденнаго его клочкомъ и надѣлами его сосѣдей ветерана; но за нимъ сохранились съ извѣстными ограниченіями послѣднія ¹⁾. Это важная черта для характеристики эволюціи земельныхъ отношеній: тутъ обнаруживается теченіе, которое служило слержкою при развитіи процесса вытѣсненія мелкаго крестьянства изъ рядовъ производительныхъ классовъ общества. Поэтъ не указываетъ причинъ, побуждавшихъ новыхъ землевладѣльцевъ насаждать или, по крайней мѣрѣ, допускать на своихъ помѣстьяхъ мелкое фермерское землепользованіе. Историкъ долженъ ихъ выяснить. Ихъ можетъ быть много, и здѣсь трудно и неудобно было бы ихъ разбирать. Одни (*ветераны*) оставляли на мѣстѣ прежняго собственника, въ качествѣ арендатора, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ самихъ хозяйственно-производительныхъ побужденій; другіе („*ландлорды*“), можетъ быть, вслѣдствіе недостатка рабской силы или сознанія невыгодности рабской крупной культуры, благодаря вліянію своеобразныхъ условій сбыта, различнымъ политическимъ осложненіямъ, особенностямъ правовыхъ отношеній и бытовыхъ навыковъ и т. д. Но во всякомъ случаѣ изображеніе Горация наводитъ на мысль, что развитіе мелкой аренды въ римскомъ мірѣ на поверхности восторжествоваващаго крупнаго землевладѣнія, а иногда и на помѣстьяхъ средней величины, явилось средствомъ, хотя и не излѣчивающимъ общество отъ великой соціальной бѣды, но ослабляющимъ ея разрушительныя дѣйствія ²⁾.

Изъ сличенія мѣстъ, въ которыхъ Гораций затрогиваетъ

¹⁾ *Fustel de Coulanges*, Les orig. du syst. féodal, p. 65—69.

²⁾ Въ слѣдующемъ этюдѣ придется коснуться этого пункта нѣсколько подробно; Момизенъ въ статьѣ о колонатѣ (см. *Hermes*, XV, 408) говоритъ, что „мелкая крестьянская аренда такъ же стара и молода, какъ сама Италия“; она должна была существовать „во времена Ромула“, какъ существуетъ теперь „во времена короля Гумберта“. Обернувъ эти слова, можно сказать, что въ зародившійся примѣненіе *рабскаго* труда находило уже скромное мѣсто даже на почвѣ древнеримскаго мелкаго землевладѣнія (см., напримѣръ, *Wallon*, Hist. de l'esclavage, II, p. 8 ss.). При развитіи крупной собственности раньше утвердилось рабское плантационное производство, чѣмъ широкое примѣненіе мелкаго фермерства.

жизнь мелкихъ сельскихъ хозяевъ, собственноручно обрабатывавшихъ свои участки, этого важнаго общественнаго слоя въ населеніи древняго римскаго государства, — можно сдѣлать общій выводъ, что въ моментъ утвержденія имперіи, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ была или уже лишена собственности, или находилась на порогѣ обезземеленія. При этомъ наиболѣе способнымъ къ труду элементамъ изъ ихъ среды удалось удержаться въ деревнѣ, гдѣ они нашли новую точку опоры въ дальнѣйшей борьбѣ за существованіе, какъ фермеры, работая на арендуемой у крупныхъ помѣщиковъ землѣ ¹⁾ и платя имъ за это денежную ренту (*merces*) или, можетъ быть, принимая на себя обязанность отдавать имъ часть продукта въ видѣ платы или необходимаго дара, а иногда даже часть труда. Такимъ образомъ, слово „*colonus*“ въ стихотвореніяхъ Горация обозначаетъ уже не земледѣльца вообще (*agricola, cultor*), какъ первоначально, а крестьянина-съемщика, фермера по контракту ²⁾.

Таково заключеніе о юридическомъ и социальномъ положеніи сельскихъ классовъ римскаго общества во времена Августа, насколько оно раскрывается въ произведенія Горация. Теперь если спросить о степени матеріальнаго обезпеченія, въ какомъ они находились, то относительно тѣхъ, которые были сами сбиты съ земли, не можетъ быть вопроса— это было состояніе полнаго бѣдствія ³⁾. Что же касается до

¹⁾ Въ одной изъ одъ (*Carm.* III, 16, 26 sqq.) Горацийъ представляетъ какъ бы все населеніе Апуліи работающимъ на чужихъ помѣщичьихъ земляхъ. Но тутъ мы должны видѣть скорѣе поэтическую аллегорію, чѣмъ настоящее историческое наблюденіе. Вообще же фермерство въ его стихотвореніяхъ обыкновенно рисуется неопредѣленными и бѣглыми красками, какъ явленіе начинающее входить въ жизнь, но еще не занявшее въ ней вполне твердаго мѣста. У Колумеллы уже прямо противопоставляются рабское хозяйство на латифундіяхъ фермерскому способу эксплуатаціи ихъ („*vilici sergi*“ и „*liberi coloni*“; см. *Colum.* I, 7); также у Марціала— „*vilicus aut colonus*“ (VII, 31, 9; cfr. II, 11, 9). См. *Mommsen*, *Hermes*, 1884, XIX, S. 412 f.

²⁾ Такое значеніе этого слова, обыкновенно употребляемаго Горациемъ для наименованія рабочаго земледѣльческаго населенія, ясно вытекаетъ изъ только что разобраннаго эпизода объ Умбрѣнѣ и Офеллѣ (*Sat.* II, 2, 115: „*fortem merce se colimus*“). То же значеніе съ болѣею или меньшею точностью выводится и изъ другихъ мѣстъ, напримѣръ, *Carm.* I, 35, 6 („*Ruris colonus*“); также *Carm.* II, 14, 12 и др. Ср. еще *Sat.* II, 1, 35.

³⁾ Приведенныя выше картины достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

пріотившихся на чужой землѣ, то ихъ экономическое положеніе могло быть изрѣдка удовлетворительнымъ, какъ видно изъ примѣра арендаторовъ самого Горація; иногда сноснымъ, какъ положеніе Офелла; но въ общемъ правилѣ оно должно было оказываться тяжелымъ ¹⁾ и, безъ сомнѣнія, непрочнымъ ²⁾. Они могли подвергаться постояннымъ превратностямъ отъ неурожая, требовательности помѣщиковъ, притѣсненія ростовщиковъ, которые всегда подстерегали бѣдный людъ, постоянно нуждавшійся въ кредитѣ, но рѣдко оказывавшійся способнымъ выносить связанныя съ нимъ обязательства ³⁾. При малѣйшей хозяйственной неудачѣ затыгивались долги, начинались процессы, въ которыхъ трудно было одержать верхъ деревенскому бѣдняку ⁴⁾; и вотъ маленькое поле—прежняя собственность—теперь арендованное за деньги, являвшееся единственнымъ кормильцемъ колона ⁵⁾, начинаетъ опять тяжелымъ ярмомъ давить его шею.—Что же дальше? Бросать землю и идти въ Римъ въ качествѣ гражданина-пролетарія ужъ будетъ невыгодно: имперія, уничтоживъ политическую свободу, подскла также и различные темные источники доходовъ неимущаго гражданина, открывшіеся въ тотъ періодъ, когда великій принципъ выродился въ пустое слово. Народныя собранія исчезли, замолкла избирательная агитація, и голоса гражданъ потеряли продажную цѣну. Въ Римѣ также можно умереть съ голода. Да и помѣщикъ-кредиторъ не выпуститъ задолжавшаго фермера: ему также нуженъ земледѣлецъ, а новаго не всегда легко достать. Онъ наложитъ на должника болѣе тяжелыя обязательства; онъ будетъ стѣснять его личность, и на этой почвѣ мало-по-малу выростетъ позднѣйшее закрѣпощеніе. Горацій его еще не

¹⁾ У Горація, какъ бы невольно, соединяются со словомъ *colonus* эпитеты, обозначающіе бѣдность и нужду: „pauper colonus“ (*Carm.* I, 35, 6), „inopres coloni“ (*Carm.* II, 14, 12).

²⁾ Непрочность обезпеченія колона и „прекарность“ его положенія остроумно изображаетъ самимъ Офелломъ, хоть онъ и доволенъ своею жизнью (*Sat.* II, 2, 131).

³⁾ Ср. очень сильно и рѣзко изображающей указаннаго здѣсь отношенія текстъ у Саллюстія (*Catil.* 33).

⁴⁾ *Sall.* *Ibid.* Ср. *Hor.* *Sat.* I, 1, 11.

⁵⁾ *Epist.* II, 2, 160: „...qui te pascit ager...“.

предвидить, но его описанія уже обнаруживаютъ одинъ изъ корней, отъ которыхъ въ послѣдствіи выростетъ крѣпостной колонатъ ¹⁾).

4. Было бы несправедливо утверждать, что изъ произведеній Горация можно сдѣлать выводъ о полномъ исчезновеніи мелкой собственности въ его время. Она, конечно, продолжаетъ существовать, и поэтъ неоднократно ссылается на нее. Онъ восхваляетъ судьбу челоуѣка, который по древнему обычаю самъ, чуждаясь коммерческихъ дѣлъ, пашетъ плугомъ на своихъ быкахъ унаслѣдованный отъ отца участокъ ²⁾, не боясь ростовщика, и самъ не занимаясь ростовщицествомъ ³⁾. Онъ ведетъ честную трудолюбивую жизнь, не сутяжничая, не добиваясь легкой наживы, не страшась судей и не заискивая у знатныхъ. Авторъ съ успокоеніемъ останавливается на этой картинѣ, которая въ дорогія для всякаго хорошаго римлянина древнія времена была общераспространеннымъ явленіемъ. Такія формы быта кажутся ему идеальными. Онѣ не вполне сокрушены, и Горацийъ съ любовью еще въ другомъ мѣстѣ вызываетъ въ воображеніи иногда встрѣчающійся и въ его время образъ крестьянина, который самъ съ мотыкою въ рукахъ воздѣлываетъ отцовское поле и не же-

¹⁾ Одно прекрасное, выше разобранное, стихотвореніе Марціала (III, 58, 33 sqq.) показываетъ уже, что отношенія между крупнымъ собственникомъ и мелкимъ арендаторомъ слагались въ формахъ не только экономической зависимости, но и нѣкотораго социальна-гражданскаго подчиненія. Магнатъ уже являлся господиномъ, которому выражалось почтеніе и покорность, а не только капиталистомъ, передъ которымъ существуютъ лишь денежныя обязательства.

²⁾ Тутъ рѣчь идетъ о мелкомъ собственникѣ, получившемъ по наслѣдству дѣдовскій надѣлъ, работающемъ на немъ и не стремящемся увеличить его куплею, подражающемъ великимъ мужамъ древности, какъ, напримѣръ, Цинциннату (*Colum. R. r. I, praef. 18: „... (Cincinnatus) ad quattuor iugerum avitum herediolum (ex dictatura) rediit. . .*). Онъ воздѣлываетъ поле своими, не нанатыми и не взятыми въ долгъ быками. Ср. *Val. Max. IV, 4, 7; Liv. III, 26, 8.*

³⁾ *Epod. 2, 1: Beatus ille qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus excercet suis
Solutus omni fenore. . .*

Ср. Вергиліево: *O fortunatos nimium, sua si bona norint,
Agricolas. . . (Georg. II, 458).*

ласть мѣнять такое маленькое трудовое обезпеченіе на рискъ заморской торговли ¹⁾).

При описаніи помѣстья Горация, обращалось вниманіе на существованіе, по словамъ поэта, такихъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ по сосѣдству съ его владѣніемъ въ сабинской странѣ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ оставались собственниками небольшихъ участковъ, обработка которыхъ давала имъ средства къ жизни ²⁾; но вѣрнѣе всего, что они уже потеряли свои надѣлы и сидѣли на чужихъ земляхъ, преимущественно на латифундіяхъ какого-нибудь Орбія, или, сохраняя, можетъ быть, усадебную осѣдлость въ городахъ и селеніяхъ края, нанимались, какъ земледѣльческіе рабочіе, въ крупныя хозяйства на подмогу рабамъ въ страдныя періоды года ³⁾, какъ до сихъ поръ поступаютъ бѣдные жители Виковаро и Барделы на поляхъ князей Bolognetti и Borguense или графовъ Orsini по берегамъ Тeverone ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ нужно сказать, что примѣры крестьянъ-собственникововъ у Горация довольно рѣдки и какъ-то остаются въ тѣни. Они притомъ носятъ обыкновенно характеръ исключительности. Такъ мы встрѣчаемъ у него фермера-колона, которому посчастливилось купить участокъ, раньше вѣдѣльвавшійся имъ, какъ съемщикомъ или батракомъ, благодаря находкѣ клада ⁵⁾; но фактъ этотъ взятъ поэтомъ не изъ

¹⁾ *Carm.* I, 1, 11: Gaudentem patrios findere sarculo
Agros Attalicis condicionibus
Numquam demoveas, ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare.

²⁾ Гораций говоритъ нѣсколько разъ, но не всегда опредѣленно, о земледѣльческомъ населеніи своего края. См. *Sat.* II, 6, 65 sqq.; также *Carm.* III, 18, 9 sqq. и *Epist.* I, 14, 39, ясно указывая лишь положеніе *своихъ* арендаторовъ.

³⁾ Светоній разсказываетъ (*Suet. Vesp.* 1), что ежегодно приходили наниматься для земледѣльческихъ работъ безземельные или малоземельные люди изъ Умбріи въ сабинскую землю. Если помѣстья этого края такъ нуждались въ рабочихъ рукахъ, то тѣмъ болѣе мѣстное населеніе должно было находить тамъ подобный заработокъ.

⁴⁾ Старикъ, который возъ автора настоящихъ строкъ изъ Виковаро въ Тиволи, имѣетъ домъ, крошечный виноградникъ и нѣсколько лошадей, съ которыми онъ выѣзжаетъ вмѣстѣ съ многочисленною семьей свозить сѣно съ княжескихъ луговъ въ хозяйственные склады. Онъ считается уже человѣкомъ состоятельнымъ.

⁵⁾ *Sat.* II, 6, 10: O si urnam argenti fors quæ mihi monstret, ut illi,
Thesaurο invento qui mercennarius agrum

окружающей жизни, а изъ сказки, хорошо извѣстной читателямъ того времени ¹⁾. Другой разъ Гораций упоминаетъ о гладиаторѣ, удалившемся со сцены и живущемъ въ маленькомъ помѣстьѣ, которое ему, вѣроятно, подарили ²⁾; но это, собственно, не земледѣлецъ, а человѣкъ, оставившій опасное ремесло, чтобы жить на покоѣ въ деревнѣ, должно быть, на сбереженные средства.

Съ другой стороны есть у поэта, какъ уже извѣстно, болѣе общія указанія на такіе факты, которые могли способствовать возстановленію мелкаго и установленію средняго землевладѣнія. Онъ упоминаетъ о повторявшемся довольно часто надѣленіи земельными участками вольноотпущенниковъ и кліентовъ ихъ патронами, путемъ подарковъ или по завѣщаніямъ ³⁾. Но люди этой категоріи часто оказывались, повидимому, неспособными вынести на своихъ плечахъ суровый трудъ земледѣльцевъ. Они были болѣе склонны къ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ и денежной спекуляціи „en gros“ или даже къ мелочному торгу, чѣмъ къ крестьянскому собственноручному земледѣлію. Гораций рассказываетъ въ одномъ изъ посланій, какъ одинъ кліентъ, занимавшійся мелкой торговлей въ Римѣ, купилъ по настоянію патрона клочокъ земли въ сабинской области на данныя ему 14.000 сестерціевъ. Онъ принялся было за хозяйство и сталъ дѣятельно пахать землю и разводить виноградники. Но при первой неудачѣ, когда урожаемъ обманулъ его надежду, болѣзнь унесла его козъ и быковъ, онъ впалъ въ уныніе, бросилъ дѣло и вернулся къ прежнему ремеслу ⁴⁾.

Такъ или иначе, но число фактовъ, удостоверяющихъ существованіе мелкой собственности, у Горация не велико, и даже тонъ поэта, когда онъ говоритъ о крестьянствѣ, часто таковъ, будто рѣчь идетъ о далекомъ преданіи, о забываемомся признакѣ добраго стараго времени, объ идеаль-

Illum ipsum mercatus aravit, dives amico
Hercule!...

¹⁾ *Orelli*, Hor. II, 248—249.

²⁾ *Epist.* I, 1, 4.

³⁾ *См. Sat.* II, 3, 122; *Epist.* I, 7, 80.

⁴⁾ *Epist.* I, 7, 80—89.

ной картинѣ золотого вѣка, стоящаго позади, о желанномъ скорѣе, чѣмъ о прочно существующемъ явленіи. Такое отношеніе сквозитъ уже въ выше приведенномъ отрывкѣ (*Beatus ille!*); въ другихъ же текстахъ, касающихся вопроса, такое сужденіе обнаруживается еще яснѣе. Поэтъ восхваляетъ прежнюю молодежь времянь великихъ завоеваній, которая умѣла и храбро сражаться, и неутомимо работать за плугомъ и съ топоромъ въ рукахъ ¹⁾; онъ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ старину, время Ромула или суроваго Катона, когда граждане были бѣдны, богато лишь государство, когда частныя лица не осмѣливались строить себѣ роскошныя палаты, а довольствовались доставшеюся имъ отъ судьбы тѣсною хижиною ²⁾.

Вергилій также, когда изображаетъ мелкаго собственника, отмѣчаетъ этотъ фактъ обыкновенно какъ исключеніе, или, по крайней мѣрѣ, какъ явленіе неповсемѣстное и не встрѣчающееся повседневно ³⁾. Извѣстное изображеніе крестьянскаго хозяйства на скромномъ надѣлѣ, у Ювенала прямо уже окрашено въ „архаическій“ цвѣтъ и представляетъ именно контрастъ между исконнымъ (крестьянскимъ)

¹⁾ *Carm.* III, 6, 87. rusticorum mascula militum
Proles, Sabellis docta ligonibus
Versare glaebas et severae
Matris ad arbitrium recisos
Portare fustis, sol ubi montium
Mutaret umbras et iuga demeret
Bobus fatigatis, amicum
Tempus agens abeunte curru.

²⁾ *Carm.* II, 15, 10—20.

³⁾ См. въ Георгикахъ (IV, 125) очень интересный текстъ такого содержания:

Namque sub Oebaliae memini me turribus arcis
Qua niger umectat flaventia culta Galaesus,
Corycium vidisse senem, cui pauca relictis
Iugera ruris erant, nec fertilis illa iuvenis
Nec Careri opportuna seges nec commoda Baccho.
Hic rarum tamen in dumis holus albaque circum
Lilia verbenasque premens vescumque papaver
Regum aequabat opes animis, seraque revertens
Nocte domum dapibus mensas onerabat inemptis.

и современнымъ поэту (барскимъ) земельнымъ строемъ ¹⁾.
Спорадически попадающіяся картинки крестьянскаго быта у
Катулла, Тибулла, Проперція ²⁾ и Марціала ³⁾ ри-
суются равнымъ образомъ въ большинствѣ случаевъ, какъ
эскизы исчезающей или, по крайней мѣрѣ, рѣдѣющей со-
ціально-экономической формы землевладѣнія. Къ тому же не
всегда можно съ увѣренностью вывести, работаютъ ли ихъ мел-
кіе земледѣльцы на собственной или уже на чужой землѣ ⁴⁾.

¹⁾ *Juven. Sat. XIV, 161:*

Mox etiam fractis aetate ac Punica passis
Proelia vel Pyrrhum immanem gladiosque Molossos
Tandem pro multis vix iugera bina dabantur
Vulneribus: merces haec sanguinis atque laboris
Nullis visa unquam meritis minor, aut ingratae
Curta fides patriae. Saturabat glebula talis
Patrem ipsum turbamque casae, qua feta iacebat
Uxor et infantes ludebant quattuor, unus
Vernula, tres domini; sed magnis fratribus horum
A scrobe vel sulco redeuntibus altera coena
Amplior et grandes fumabant pultibus ollae.
Nunc modus hic agri nostro non sufficit horto.

²⁾ См., напримѣръ, *Propert. III, 12 (II, 19), 7:* „...fines pauperis agricolae...“—
Ср. у Тибулла (II, I, 21) картинку, аналогичную съ только что приведеннымъ
отрывкомъ изъ Ювенала.—См. еще *Priapea (Catull.) 64; 85 etc.*

³⁾ У Марціала въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣчаются указанія на мелкіе
участки крестьянскаго типа. См., напримѣръ, VI, 16, 1; XI, 49, 1; XII, 72, 1,
VIII, 40, 1.—VI, 73, 9:

Vicini, moneo, sanctum celebrate Priapum
Et bis septenis parcite iugeribus.

⁴⁾ Въ такомъ смыслѣ интересно всмотрѣться въ одну піесу, взятую изъ
стихотвореній той же группы поэтовъ, именно *Priapea (Tibull.)*, 81, 1:

Vilicus aerari quondam, nunc cultor agelli
Haec tibi Respectus templi, Priape, dico.
Pro quibus officiis, si fas est, sancte, paciscor,
Adsiduus custos ruris ut esse velis,
Inprobis ut siquis nostrum violarit agellum,
Nunc tu—sed taceo.....

Рабъ-казначей (*vilicus aerari*), вѣроятно, какого-нибудь богатаго собственника
получилъ, должно быть, отъ него клочокъ земли, который сталъ обрабатывать
(*cultor agelli*): онъ называетъ его своимъ (*nostrum agellum*), но нельзя утвер-
ждать съ увѣренностью, что „его поле“, т.-е. имъ обработанная пашня,—„его
собственная земля“; можетъ быть, онъ только съмѣщикъ ея (собственникъ уро-

Итакъ, по Горацию, крестьянское землевладѣніе уходило въ вѣчность ¹⁾; крупная же собственность росла, поглощая первое на частныхъ земляхъ послѣ того, какъ уже раньше она захватила общественныя (*ager publicus*). Отношенія между остающимися владѣльческими крестьянами и латифундіальными помѣщиками обострялись, и земельное магнатство все болѣе побуждало въ борьбѣ, уничтожая самостоятельность мелкаго земледѣльческаго люда. Въ Италіи особенно широко раскинулись латифундіи; такъ что картина крушенія крестьянства, раздавленнаго непомѣрно разросшимися крупными частными владѣніями, которая нарисована такими мрачными красками въ извѣстной декламации Псевдо-Квинтилиана— „*Apes pauperis*“—хорошо сливается съ многочисленными аграрными эскизами Горациа. Погибающій крестьянинъ тутъ точно напоминаетъ вытѣсняемыхъ съ дѣдовскихъ полей разоренныхъ пахарей, изображенныхъ у него и у Вергилія. Несчастный здѣсь, горько жалуясь на притѣсненія могущественнаго сосѣда, не только отчаявается сохранить за собою убогое наслѣдіе предковъ—жалкій клочокъ земли, на которомъ онъ развелъ скромный пчельникъ;—онъ восклицаетъ, что ему некуда даже бѣжать отъ жестокостей знатныхъ, такъ какъ нельзя найти ни одного уголка земли, который не соприкасался бы съ громадными помѣстьями такихъ же всеильныхъ владыкъ... Бо-

жал). — Въ выше приведенномъ текстѣ Марціала, (VI, 73), въ которомъ говорится о 14-югеровомъ участкѣ, даже прямо показано, что тотъ, кто занималъ его (v. 3. 4)—

Nam Caeretani cultor notissimus agri
Hos Hilarus colles et iuga laeta tenet —

былъ „dispensator“ (v. 2), т.-е., зависимый человѣкъ—рабъ, который могъ при освобожденіи получить клочокъ земли въ подарокъ, но могъ и быть посаженъ на барской, какъ съемщикъ. — Въ *Priapea* (*Catull.*), 84 — владѣлецъ бѣднаго участка („*agellulum*“, „*villula hortulusque egi pauperis*“) называется „*vilicus*“ (см. v. 19), т.-е., является опять же зависимымъ лицомъ. — Въ слѣдующемъ стихотвореніи (*Priapea*, 85, 20) рядомъ съ такою же малою землицею бѣдняка („*villula palustris*“, „*pauperis tugurium*“, „*domini hortulus vineaque*“) разстиается крупное помѣстье богача („*vicinus prope dives*“).

¹⁾ Ср. у Вергилія (*Georg.* I, 506):

.....Non ullus aratro
Dignus honos: squalent abductis arva colonis.

гачи все и вездѣ захватили ¹⁾). Ссылаясь на этотъ послѣдній памятникъ и извлекаемый изъ него выводъ, французскій историкъ П. Алларъ ²⁾ вспоминаетъ аналогичный текстъ пророка Исаи: „Горе вамъ, прибавляюще домъ къ дому, присоединяюще поле къ полю, такъ что другимъ не остается мѣста, какъ будто вы одни поселены на землѣ“ ³⁾.

¹⁾ *Pseudo-Quint.* Declam. XIII, 4: „Volui relinquere avitos lares, et conscios natalium parietes, et ipsam nutriculam casam, iamque pauperem focum, et fumosa tecta, et consitas meis manibus arbusculas transferre destinatus exul decreveram. Volui.. decedere, volui, sed nullum potui invenire agellum, in quo non mihi vicinus dives esset...“ Ниже авторъ продолжаетъ: „Ubi enim non iam divitum privatum est? Parum est proximos aequare terminos et possessiones suas, velut quasdam gentes, fluminibus montibusque distinguere. Iam etiam devios saltus, et silvas vasta solitudine horridas occupant, tot aquae intra paucorum umbram latent, et finibus suis populus excluditur, nec ullus procedentis finis est, nisi cum et in alterum divitem inciderit...“—Весь рассказъ представляетъ рѣзко очерченную „драму“ изъ повседневной римской аграрной дѣйствительности, преувеличенную сгущенными красками и риторическимъ пафосомъ, но хорошо подчеркивающую, несомнѣнно, развивающуюся основную социальную-экономическую тенденцію, уже готовую обратиться въ торжествующее начало общественного строя.

²⁾ *P. Allard*, Les esclaves chrétiens, p. 74.

³⁾ Исаи, V, 8.

IV.

Выводы.

1. Картина аграрнаго строя, извлекаемая изъ сочиненій Горация, какъ наглядный критерій современнаго ему общественнаго мнѣнія о состояніи землевладѣнія во времена Августа.—2. Подчиненное социальное положеніе Горация, какъ иллюстрація, освѣщающая мѣсто его имѣнія въ іерархіи земель государства.—3. Земельные собственники средняго типа и крупное землевладѣніе.

Всѣ данныя, касающіяся, такъ или иначе, исторіи римскаго землевладѣнія, которыя заключаются въ сочиненіяхъ Горация, собраны по группамъ и объединены въ предшествующихъ главахъ въ возможно цѣльную картину. Теперь можно поставить вопросъ о конечныхъ выводахъ, которые допускаются ими. Нужно, разумѣется, предвидѣть, что, каковы бы ни были заключенія, которыя будутъ тутъ сдѣланы, ихъ не удастся выразить въ точной формулѣ. Но изъ нихъ, думается, могутъ быть извлечены весьма существенныя послылки для построенія твердой социально-исторической идеи, выясняющей общее теченіе аграрнаго процесса, который совершался въ римскомъ мірѣ во время перехода отъ республики къ имперіи.—Настоящій этюдъ—уже въ силу особенностей самаго источника, на основаніи котораго онъ составленъ,—представляетъ работу преимущественно описательную. Задачею ея было подготовить для общаго изслѣдованія исторіи землевладѣнія во время имперіи опредѣленный, ограниченный

главнымъ образомъ однимъ литературнымъ памятникомъ матеріалъ. Послѣдній можетъ многое освѣтить при окончательной обработкѣ вопроса, но не можетъ дать самъ по себѣ рѣшающаго отвѣта на него.

Только систематическій рядъ такихъ экскурсовъ поставить изученіе вопроса въ его цѣломъ на прочный фундаментъ и позволить въ концѣ концовъ добиться широкаго и вполне твердаго обобщенія. Но слѣдуетъ все-таки подвести итогъ и тому, что даетъ отдѣльное описаніе и частный анализъ: можно выдѣлить существенные признаки нарисованной картины, а также спросить себя объ исторической цѣнѣ, то-есть, важности, полнотѣ и достовѣрности ея, и посмотрѣть съ другой стороны, не указываетъ ли она, можетъ быть, на необходимость особенно внимательнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ пунктовъ, которые недостаточно въ ней выдвигаются.

1. Прежде всего необходимо отдать себѣ окончательный отчетъ въ томъ, что же представляетъ фактически совокупность свѣдѣній, которыя почерпаются въ сочиненіяхъ Горация для разработки исторіи изслѣдуемаго здѣсь явленія.

Отвѣчая на этотъ вопросъ въ короткихъ словахъ, можно сказать, что картина, написанная взятыми у Горация красками, имѣетъ характеръ и значеніе, такъ сказать, „средней истины“ о состояніи землевладѣнія и формахъ земельного строя, которая утвердилась въ понятіяхъ большинства мыслящихъ его современниковъ въ силу самопроизвольнаго суммированія въ ихъ памяти множества повседневныхъ впечатлѣній. Яркость и типичность, а стало быть и значеніе ея въ данномъ случаѣ увеличивается потому, что она отражается въ умѣ человѣка образованнаго, безпристрастнаго, властвующаго значительнымъ запасомъ наблюденій и хорошимъ самосознаніемъ и одареннаго замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Но она принимаетъ своеобразную форму вслѣдствіе того именно, что воплощена не въ связанный дѣловой научный трактатъ и не въ рядъ правовыхъ доктринъ, даже не въ послѣдовательный прозаическій рассказъ, а въ цѣлую группу отдѣльныхъ художественныхъ образовъ. Вотъ, какъ

нужно въ самомъ началѣ охарактеризовать особенности „эскизовъ изъ области землевладѣнія и земледѣлія“, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Горация. Сужденія же его о римскомъ земельномъ строѣ могутъ быть названы выраженіемъ общественнаго мнѣнія о социальномъ и нравственномъ смыслѣ хода и результатовъ его развитія въ томъ видѣ, какъ это мнѣніе сложилось въ кругу сдержанныхъ, примирившихся съ судьбою сторонниковъ новаго режима. Это точка зрѣнія людей, готовыхъ, пожалуй, совѣтовать императорамъ ужьренныя реформы, но больше склонныхъ къ отвлеченнымъ теоретическимъ разсужденіямъ по поводу явленій жизни. Это идеи и мораль писателей и мыслителей, не желающихъ заглядывать въ глубину вещей, чтобы отыскать и указать ихъ настоящія причины съ цѣлью рѣшительнаго практическаго воздѣйствія, а довольствующихся описаніемъ ихъ внѣшности, которая даетъ имъ поводъ для нагляднаго поясненія философскаго тезиса или этической проповѣди.

Такимъ образомъ, сочиненія Горация полезны для изслѣдованія поставленнаго здѣсь вопроса, какъ будутъ полезны для будущаго историка Россіи, — который зацѣлитъ цѣлью изучать, на примѣръ, земельный строй ея или еще крестьянскій вопросъ въ концѣ XIX-го вѣка —, различнаго рода личныя воспоминанія, а также размышленія надъ дѣйствительностью или попытки воспроизведенія ея, исходящія изъ частнаго источника. Онъ будетъ внимательно вчитываться не только въ официальные акты или мемуары главныхъ дѣятелей. Онъ обратитъ вниманіе на записки и письма просто просвѣщеннаго, умнаго и талантливаго члена интеллигентнаго общества, писателя-публициста, профессора, скромнаго общественнаго работника; онъ будетъ пересматривать также произведенія бытового беллетриста, даже если всѣ эти люди не принадлежали къ какимъ бы то ни было крайнимъ направленіямъ общественной мысли, не занимали виднаго мѣста въ политической борьбѣ настоящаго дня, но хорошо знали свое время и слѣдили за социальнымъ движеніемъ. Ясно само собою, какъ драгоцененъ такой „интимный“ матеріалъ для историка, задающагося цѣлью возстановить бытовую обстановку, среди которой совершалось изучаемое явленіе, и уразумѣть обще-

ственное настроение, которое имъ вызывалось, а также обратно вліяло на его ходъ и прогрессъ. Очевидно также, какъ существенна для историка возможность опираться и на подобные памятники съ довѣріемъ къ ихъ извѣстному безпристрастію или съ легкостью выдѣлить изъ заключающихся въ нихъ данныхъ субъективные элементы.

Опредѣля въ такомъ смыслѣ характеръ доставляемыхъ Горациемъ свѣдѣній, мы должны имѣть въ виду и вытекающіе изъ него особенности и недостатки ихъ, которые не трудно заранѣе предвидѣть во всякомъ „среднемъ взглядѣ“ о какомъ-нибудь сложномъ явленіи, выводимомъ изъ словъ „не специалиста“. Они несомнѣнно должны отличаться слишкомъ большою общностью и нѣкоторою неопредѣленностью. Гораций не задается преднамѣренною цѣлью дать полное изображеніе землевладѣнія, а беретъ изъ его сферы различные мотивы, которые оказываются подходящими для аргументаціи философской теоріи или практической истины именно „общаго“ характера. Получающаяся въ его сочиненіяхъ извѣстная полнота картины обусловлена причинами, не зависящими отъ сознательной воли автора, а объясняется, какъ замѣчено уже было въ началѣ этюда, самою важностью мѣста, которое занималъ въ жизни земельный вопросъ и связанные съ нимъ факты и отношенія. Эта полнота выражается лишь въ обозначеніи основныхъ формъ, въ которыя выливалось землевладѣніе, и главныхъ теченій, которыя захватывали и соединяли другъ съ другомъ различные классы римскаго общества и бросались въ глаза поэту, мыслившему надъ окружающею дѣйствительностью. Отсюда же и другой недостатокъ картины земельного строя, составляемой изъ данныхъ Горация. Не смотря на художественную конкретность отдѣльныхъ эскизовъ и рисунковъ поэта, она все же неопредѣленна, такъ какъ онъ стремится къ достиженію эффектнаго выраженія основной мысли стихотворенія, къ созданію олицетворяющаго ее яркаго образа, а не къ точному описанію соціального факта, выбраннаго для ея воплощенія, не къ выясненію его природы, происхожденія, прогресса и взаимодѣйствія съ другими однородными. Въ виду этого нельзя ожидать отъ поэта ни обстоятельнаго, послѣдовательнаго по-

вѣствованія о ходѣ развитія соціальнаго явленія, которое далъ бы серьезный и добросовѣстный историкъ, ни детальнаго и дѣловитаго, систематическаго разсужденія о вопросѣ, который можно бы найти, на примѣръ, въ сочиненіяхъ сельскохозяйственныхъ писателей, ни мелочно-подробнаго техническаго отчета, который сообщаютъ „агрименсоры“, ни, наконецъ, авторитетной силы подлиннаго законодательнаго документа. У Горация разсматриваемое явленіе рисуется лишь въ контурахъ, въ основныхъ штрихахъ („dans ses grandes lignes“).

Однако для истинной и всесторонней оцѣнки свидѣтельствъ, почерпаемыхъ у Горация, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на другую сторону дѣла, которая обнаружитъ, что онъ оказываетъ историку еще большую услугу, чѣмъ та, которая только что отмѣчена. У современнаго и будущаго ученаго въ рукахъ находится огромный оффиціальныи матеріалъ и обширная научная и публицистическая литература, которые основательно знакомятъ со всѣми деталями изслѣдуемаго процесса. Для начала же римской имперіи подлинныи законодательныи тексты сохранились въ небольшомъ количествѣ, болѣею же частью они извѣстны по отрывкамъ или пересказамъ. Сочиненія спеціальнаго (научнаго) характера очень немногочисленны, случайны и неудовлетворительны. Пополнять этотъ пробѣлъ, особенно если не оказывается налицо (какъ это часто случается) подходящаго къ изучаемому пункту эпиграфическаго памятника, приходится исключительно изъ данныхъ, находимыхъ у авторовъ; и тутъ-то большое счастье для работающаго—встрѣтиться съ такимъ писателемъ, какъ Гораций, который сообщаетъ много разнообразныхъ чертъ и подробностей, и которому, при правильномъ взглядѣ на его сочиненія и знаніи его точки зрѣнія, можно вѣрить, такъ какъ изображенія его характеризуются большой долею довольно рѣдкой у поэтовъ объективности.

Исходя изъ установленнаго только что, для оцѣнки заключающагося въ сочиненіяхъ Горация историческаго матеріала, критерія, который дополняетъ сдѣланную раньше характеристику его поэтической фізіономіи, можно теперь резюмировать въ немногихъ строкахъ общій выводъ о состояніи

землевладѣнія въ римскомъ мірѣ во времена Августа, вытекающей изъ выше описанныхъ, взятыхъ у него, фактовъ.

Что видѣлъ на земляхъ значительной части территорій, объединенныхъ подъ властью Рима, гражданинъ Вѣчнаго города, подданный императора Августа, интересующійся познаніемъ окружающей дѣйствительности и способный сказать о ней правдивое слово? — Земельное магнатство широко торжествуетъ, захвативъ Италію, распространяясь и на провинціи. Громадныя пространства земель сосредоточились во владѣніи доживающихъ свой вѣкъ Аттіковъ, спокойно признавшихъ новаго господина и пользующихся его покровительствомъ, или насильственно подавленныхъ сторонниковъ Брута и Кассія, мрачно и недовѣрчиво ожидающихъ репрессій; въ рукахъ возвысившихся вмѣстѣ съ имперією Мунаціевъ Планковъ, Агриппъ и Меценатовъ, или уже поднимающихся, еще презрѣнныхъ, но скоро всемогущихъ Нарциссовъ и Палласовъ. Старое многочисленное и сильное крестьянство, уже давно подорванное, должно постепенно уступать имъ свои исконныя права. Оно мѣстами совсѣмъ вытѣснено съ земель, которыя теперь воздѣлываются рабами, забрасываются подъ пустоши для скота и дичи, или отданы подъ постройку роскошныхъ жилищъ либо увеселительныхъ насажденій. Мѣстами же сохраняется культура фермерскаго типа, какъ бы подъ оболочкой крупной собственности (большія помѣстья оказываются раздробленными на мелкіе арендные участки); и тутъ прежнее крестьянство продолжаетъ сидѣть на землѣ, но уже только въ качествѣ съемщиковъ, подчиненное экономически владѣльцу, платя ему деньгами, натурою и трудомъ, и находясь въ положеніи, плохо обеспечивающемъ матеріальную и личную независимость. Только въ немногихъ областяхъ, такъ сказать, островами, удерживалось еще въ Италіи осѣдлое населеніе крестьянъ-собственниковъ; но и они, захудалые и обремененные долгами, не могли сохранить полной самостоятельности и оборонялись часто вступленіемъ въ кліентную зависимость къ крупному сосѣду отъ его притѣсненій и отъ алчныхъ притязаній другихъ владѣльцевъ огромныхъ помѣстій. Равно-всѣе благосостоянія классовъ нарушено такъ же, какъ и равномерное распредѣленіе правъ и прежнее однообразіе

суровыхъ формъ быта. „*Latifundia perdidere Italiam, iam vero et provincias*“, могъ бы сказать Горацийъ раньше Плинія, если бы не избѣгалъ вообще рѣзко формулировать свою мысль; и онъ дастъ гораздо больше данныхъ, если не для историческаго обоснованія этого тезиса, то для изображенія жизненныхъ результатовъ его, чѣмъ знаменитый римскій натуралистъ. Исторія ставитъ имперіи задачу и обязанность излѣчить общество отъ этого бѣдствія ¹⁾.

Таковъ основной фонъ картины. Но около выросшаго земельного магнатства наблюденіе вскрываетъ еще группы собственниковъ недвижимыхъ имуществъ иной категоріи. По сравненію со старымъ крестьянствомъ ихъ можно назвать помѣщиками средней руки; по сравненію же съ владѣльцами латифундій — они маленькіе люди, имѣнія которыхъ составляютъ лишь ничтожные клочки рядомъ съ царственными владѣніями тѣхъ. По мѣрѣ того, какъ падало земледѣльческое населеніе и усиливалась знать, эти послѣдніе спускались на мѣсто обезземеливаемыхъ крестьянъ-собственниковъ въ іерархіи землевладѣльцевъ: они теперь—главные представители мелкаго владѣнія. Примѣромъ лицъ такой категоріи является

¹⁾ Горацийъ намекаетъ, что Августъ поналъ эту задачу и стремился выполнить ее: даровавъ миръ государству, онъ возвратилъ плодородіе полямъ (*Carm.* IV, 15, 4):

... Tuae, Caesar, aetas
Fruges... agris rettulit uberes.

Въ другомъ мѣстѣ онъ подтверждаетъ, что земледѣлецъ можетъ подъ мудрымъ управленіемъ императора предаваться безпрепятственно своему труду (*Carm.* IV, 5, 17):

Tutus bos etenim rara perambulat,
Nutrit rura Ceres almaque Faustitas.

Августъ считалъ процвѣтаніе земледѣлія основой благосостоянія государства (См. *Orelli*, I, 537): существуетъ его монета съ изображеніемъ пахущаго колоса въ видѣ эмблемы (*Eckhel*, D. N. VI, 132). Веллей Патеркулъ подтверждаетъ, что онъ возстановилъ обработку полей, укрѣпивъ права собственности, обезпечивъ безопасность (*H. R.* II, 89, 4): „...rediit *cultus agris* ... *securitas hominibus, certa cuique rerum suarum possessio*“.—Флестель де Куланжъ даже строитъ изображеніе эволюціи земельной собственности во время имперіи на томъ тезисѣ, что новая власть возвратила остающемуся мелкому землевладѣнію свободу отъ крупнаго, а потому стала возрождать его (См. *Les origines du syst. féodal*, p. 94). Насколько такая красивая гипотеза, которая должна объяснить успѣхъ и прочность имперіи, оправдывается на дѣлѣ, опредѣлить это — *капитальная* задача историка римской имперіи, которую авторъ настоящихъ строкъ почитается разсмотрѣть въ другомъ трудѣ.

самъ Гораций послѣ того, какъ сталъ господиномъ сабинской виллы.

Число владѣльцевъ такого типа, можно думать, было не очень велико.

Во всякомъ случаѣ изъ совокупности ихъ не составилось вліятельнаго экономическаго класса, и они даже отдаленнымъ образомъ не могли занять въ обществѣ мѣсто, однородное по значенію съ тѣмъ, которое занимала раньше крестьянская масса. Поэтому нельзя удивляться, если господствующими формами земельныхъ отношеній являются у Горация латифундія и крестьянское фермерство. Въ стихотвореніяхъ его мало встрѣчается примѣровъ земельныхъ собственниковъ, аналогичныхъ ему самому, и помѣстье умѣренной величины, въ родѣ гораціева, также какъ бы подавляется сосѣдствомъ съ латифундією; она не даетъ ему, повидимому, развиваться и приобрести самостоятельное значеніе. Изученіе виллы Горация привело уже къ убѣжденію, что на дѣлѣ поэтъ владѣлъ довольно значительнымъ земельнымъ имуществомъ. И тогда уже можно было предположить, что только сравненіе его съ окружающими, широко раскинувшимися имѣніями сильныхъ, умаляетъ его въ глазахъ хозяина. Теперь, когда въ рукахъ находятся оба термина сравненія, то-есть, когда рассмотрѣны по Горацию не только протяженіе его имѣнія, но и установившееся въ Италіи и нѣкоторыхъ провинціяхъ крупное землевладѣніе, является возможность уже *утверждать*, что это такъ. *Сравнительная* незначительность сабинскаго помѣстья въ самомъ дѣлѣ *реальна*: крупная измѣряемая величина требуетъ большой единицы измѣренія, когда оно производится, такъ сказать, на глазъ. Но послѣдняя, *какъ единица*, все же остается малою сравнительно съ *суммою*. Абсолютная же величина помѣстья Горация только ярче отгѣняетъ громадныя размѣры и степень могущества крупнаго землевладѣнія, въ которомъ мало-по-малу тонетъ мелкое, и около котораго ступшевывается среднее, какъ гораціево.

На предшествующихъ страницахъ преимущественно говорилось по Горацию о ростѣ латифундій и паденіи крестьянства. Для дополненія и объединенія сказаннаго необходимо остановиться въ заключеніи нѣсколько подробнѣе на опре-

дѣленіи мѣста и положенія, занимаемаго, среди названныхъ только что двухъ социальныхъ явленій первостепенной исторической важности, землевладѣніемъ средняго типа. Слѣдуетъ, какъ замѣчено вначалѣ, вставить индивидуальную единицу земельной собственности и сельскаго хозяйства, которая описана на конкретномъ примѣрѣ помѣстья Горация, въ рамки нарисованной поэтомъ общей картины всего римскаго земельного строя. Полезно всмотрѣться въ нее еще разъ, чтобы убѣдиться, не дастъ ли она въ такой новой обстановкѣ и при такомъ новомъ освѣщеніи еще новый матеріалъ для историческаго наблюденія; не подвинетъ ли она еще болѣе къ выясненію нѣкоторыхъ сторонъ сложной задачи, лежащей на обязанности социального историка Рима?

2. Въ общественной средѣ, которую онъ самъ изображаетъ, Гораций, какъ помѣщикъ, неизбежно долженъ представляться скромною фигурою. Врядъ ли можетъ онъ такъ же, какъ и другіе землевладѣльцы его типа, опираясь на свое земельное состояніе, играть роль активнаго элемента въ жизни государства. Гораций не очень высоко стоялъ на гражданской лѣстницѣ, и такое личное его положеніе хорошо выясняетъ значеніе въ социальномъ строѣ римской имперіи, какъ особаго общественнаго слоя, той категоріи земельныхъ собственниковъ, къ которой онъ принадлежалъ. Это обстоятельство побуждаетъ иллюстрировать здѣсь изложеніе указаніями на данную сторону жизни поэта.

Выше опредѣлено, что Гораций обладалъ всадническимъ достоинствомъ. Несмотря на это, онъ не только, какъ извѣстно, не былъ важнымъ сановникомъ или настоящимъ членомъ высшаго общества, но фактически не являлся даже вполнѣ независимымъ въ гражданскомъ отношеніи лицомъ: онъ былъ человѣкомъ „подначальнымъ“, своего рода кліентомъ Мецената. Первобытная римская религіозно-родовая кліентела ¹⁾

¹⁾ См. по этому вопросу общія сочиненія о римскихъ государственныхъ учрежденіяхъ Можизена, Марквардта, Махвига, Бушъ-Деклерка, а также ст. *Humbert* подъ словомъ *cliens* у *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités* (у него указана библиографія). Много данныхъ, интересныхъ съ изу-

почти исчезла къ концу республики, сохраняясь развѣ только въ формѣ обязательной зависимости вольноотпущенника отъ прежняго господина. Но на мѣстѣ ея, по мѣрѣ усиленія аристократіи и паденія самостоятельности мелкаго люда, возникъ новый видъ патронатныхъ отношеній: свободные, но захудалые граждане добровольно отдавали себя (а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои имущества) подъ руку (*se commendare*) могущественныхъ вельможъ (*potentes*), ища въ нихъ покровителей (*patroni*) и какъ бы обѣщая имъ свою вѣрность (*fidem dare*). Тѣмъ самымъ они, очевидно, попадали въ зависимость отъ нихъ ¹⁾. Они группировались около патрона, вотировали за него въ собраніяхъ ²⁾, доставляли ему личную помощь въ его дѣлахъ, должны были выражать ему почтеніе (отсюда утреннія *salutationes* кліентовъ), служить ему (*colere, observare*) и сопровождать его въ прогулкахъ и путешествіяхъ (отсюда они *comites*) ³⁾. Взамѣнъ они получали защиту и поддержку патрона на судѣ ⁴⁾, содержаніе, кровъ и пищу (отсюда они *convivae* его), денежные подарки и земли ⁵⁾. Такого рода кліентела постоянно упоминается у римскихъ писателей. Характерныя указанія на нее находимъ у Плавта ⁶⁾, также у Цицерона ⁷⁾. Къ концу республики она

чаемой здѣсь точки зрѣнія, сообщаетъ *L. Friedländer*, *Sittengeschichte Roms* (см. въ соответствующихъ мѣстахъ 1-го и 3-го томовъ). Очень остроумно проводитъ аналогію между отношеніями Мecenата и Горація и связью патрона и кліента Фюстель де Куланжъ (см. *Les origines du système féodal*, p. 214).

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ интересна терминологія одного отрывка изъ Теренція (*Eunuch.* V, 2, 47): „Ego me tuae commendo et committo fidei: te mihi patronam carpio...“ *Ibid.* V, 8, 9: „Patri se Thais commendavit, in clientelam et fidem nobis dedit se... Fratris igitur Thais totast? Scilicet.“

²⁾ *Cic.* Pro Muren. 34, 71.

³⁾ См. *Fust. de Coul.* Les orig. p. 222; *Friedländer*, *Sittengeschichte*, I, 381—385.

⁴⁾ *Plaut.* Menaechm. IV, 2, 571 sqq. *Cic.* In Caec. div. 20, 66: „Clarissimi viri nostrae civitatis... hoc sibi amplissimum pulcherrimumque ducebant, ab hospitibus clientibusque suis... iniurias propulsare eorumque fortunas defendere“. То же повторяетъ Горацій (*Carm.* III, 5, 53): „Quam si clientum longa negotia diiudicata lite relinqueret“. *Epist.* II, 1, 104: „Clienti promere iura“.

⁵⁾ Ювеналъ сообщаетъ такой фактъ (*Sat.* IX, 59); монетаское помѣстье Марціала имѣло подобное же происхожденіе (см. биографическій очеркъ, предпосланный Фридлендеромъ его изданію сочиненій Марціала, I, 5).

⁶⁾ *Plaut.* Menaechm. IV, 2, 571 sqq.

⁷⁾ Много текстовъ изъ него сгруппировано у Фюстель де Куланжа (*Ibid.*)

особенно распространилась ¹⁾). Связь клиента съ патрономъ по закону была расторгима ²⁾, но фактически часто наследственна ³⁾. Хотя богатые покровители нерѣдко обращались презрительно съ наиболѣе ничтожными представителями своей клиентелы ⁴⁾, но въ положеніи клиента въ принципѣ не заключалось ничего позорнаго. Въ число ихъ, по тѣмъ или инымъ матеріальнымъ или политическимъ расчетамъ, вступали и люди видные, даже всадники и сенаторы ⁵⁾. Это было отношеніе „личной зависимости“, не уничтожавшее гражданскихъ правъ и дававшее социальныя выгоды. Нерѣдко клиенты являлись даже въ положеніи *друзей* патроновъ (отсюда слово *amici* часто стало употребляться для технического обозначенія клиентовъ) ⁶⁾. Это показываетъ, что въ развивающемся институтѣ образовались степени ⁷⁾. Съ наиболѣе крупными изъ

¹⁾ *Friedländer*, I, 380.

²⁾ См. напр. *Cic. Pro Rosc. Am.* 37, 105—107.

³⁾ См. *Lex Acilia de repetundis* (122 до Р. Хр.) въ *Corp. Inscr. Lat.* I, 198, 10: „Queive in fide eius erit maioresvve in maiorum fide fuerint“. *Fustel de Coulanges*, p. 225.

⁴⁾ *Friedländer*, I, 385.

⁵⁾ Изъ *Lex Acilia de repetundis* (*C. I. L.* I, 198) видно, что магистраты бывали клиентами. Фюстель де Куланжъ (*Les. orig.* p. 212) предполагаетъ, что и Цицеронъ въ началѣ своей карьеры былъ клиентомъ Помпея. Ювеналъ прямо говоритъ, что между ними встрѣчались знатные люди (*Sat.* I, 99). Фридрихъ (I, 390) приводитъ еще другіе факты, показывающіе, что римскіе всадники, разстроившіе свои дѣла, вступали въ составъ клиентелы знатныхъ домовъ. Марціалъ называетъ сенатора-клиента (XII, 26, 1). Между клиентами императоровъ было даже множество, такъ сказать, „титулованныхъ“ лицъ (*Friedländer*, I, гл. 1: *Der Hof*, passim. *Fust. de Coulanges*, *Les. orig.* 225—235).

⁶⁾ *Fust. de Coulanges*, *Les. orig.* 208—211; 215. Сfr. *Cic. Pro Mur.* 34, 70.

⁷⁾ Сенека относитъ возникновеніе такой классификаціи ко времени Гракховъ (*De benef.* VI, 34, 2). Друзьями (*amici*) назывались, нужно думать, чаще всего люди, занимавшіе высшія степени въ клиентелѣ. Известно, напримеръ, что Требацій Теста, довольно богатый собственникъ, человекъ честолюбивый и предпринимчивый (*Cic. Ad fam.* VII, 20), вступилъ еще вношею въ число клиентовъ Цицерона и назывался его „другомъ“ (*Cic. Ad fam.* VII, 17, 2: „Cum te ex adolescentia tua in amicitiam et fidem meam contulisses“). Онъ при этомъ часто игралъ роль его помощника и совѣтника (*Ibid.* „Non mediocri afficiebar... utilitate ex consilio atque opera tua...“). Что отношенія эти (*amicitia et fides*) были именно клиентелой, это видно не только изъ того, что Цицеронъ сильно покровительствовалъ Требацію (*Ibid.* „Semper te non modo tuendum mihi sed etiam augendum atque ornandum putavi“); но особенно изъ того, что авторъ для его же выгоды передалъ его „подъ руку“ Цезарю (*Ibid.* „Ei te commen-

кліентовъ и обращеніе патроновъ существеннымъ образомъ мѣнялось ¹⁾).

Магнаты очень любили окружать себя большою толпою кліентовъ ²⁾; количествомъ и качествомъ ихъ опредѣлялись, между прочимъ, блескъ и достоинство ихъ патрона ³⁾. Такого рода обычай, точно не урегулированный закономъ, но прочно господствовавшій въ нравахъ, притягивалъ въ концѣ республики слабыхъ и простыхъ къ сильнымъ и знатымъ, и даже распредѣлялъ этихъ послѣднихъ между собою по степени могущества. Такимъ образомъ, получалась оригинальная іерархія зависимыхъ социальныхъ отношеній, которая обращала римское общество, несмотря на легальное гражданское равенство всѣхъ, на дѣлѣ въ аристократически расчлененную организацію, въ которой многія тысячи людей оказывались въ подчиненіи у сравнительно небольшой кучки знатныхъ семействъ ⁴⁾. Здѣсь не приходится развивать только что выставленное положеніе; но его легко принять потому, что оно можетъ быть убѣдительно доказано. Имъ типично характеризуется одно изъ важныхъ послѣдствій торжества крупнаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ. Человѣку, лишенному недвижимой собственности или вообще пошатнувшемуся въ своемъ матеріальномъ благосостояніи—крестьянину, мелкому землевладѣльцу — не оставалось тамъ другого выхода, какъ примкнуть къ числу „людей“ одной изъ знатныхъ фамилій

davi et tradidi“). Въ специальномъ письмѣ къ Цезарю объ этомъ читается: „Totum hominem tibi ita trado de manu, ut aiunt, in manum tuam“ (См. *Ibid.* VII, 5, 3).

¹⁾ См. *Cic. Ad fam.* VII, 6; 7; 8; 10; 12; 13; 14 etc.

²⁾ Уже около Сципіона Афр. Мл. располагалась группа изъ 500 человекъ такихъ кліентовъ-друзей (*App. B. Нивр.* 84). Много кліентовъ было и у Цицерона. Саллюстій передаетъ, что во время заговора Катилины, они, какъ особая гвардія, окружали его (*Catil.* 26). Сенека рассказываетъ, что наиболѣе знатные патроны даже не знали своихъ многочисленныхъ кліентовъ по имени и нуждались въ особомъ „*nomenclator*“, который бы ихъ называлъ, когда они „*agmine magno*“ являлись привѣтствовать его по утрамъ (*De benef.* VI, 33, 4).

³⁾ *Hor. Carm.* III, 1, 13: „...illi turba clientium sit maior“. — *Atrium*, переполненный кліентами, считался признакомъ большого благородства и значенія. *Marquardt, Privatleben der Röm.* (2 Aufl.) I, 204 ff.

⁴⁾ *Fustel de Coulanges* (Les orig. du syst. féod., p. 225): „Rome était une réunion de deux ou trois cents familles, autour de chacune desquelles des milliers d'hommes se groupaient“. Такая іерархія кліентскихъ отношеній прекрасно констатируется въ одной очень вѣдой выпискѣ Марціала (XII, 26).

и получить, такимъ образомъ, обезпеченіе и защиту цѣною поступленія въ разрядъ слугъ или нахлѣбниковъ въ городѣ, зависимыхъ или полузависимыхъ землевладѣльцевъ въ деревнѣ.

Поэты, часто выходявшіе изъ низшихъ слоевъ общества и нуждавшіеся въ досугѣ, чтобы предаваться литературной работѣ, не могли обходиться безъ поддержки богатыхъ и важныхъ господъ; не даромъ терминъ „меценатство“ происходитъ отъ имени перваго изъ римскихъ магнатовъ, который понялъ, что такого рода услуга поэзіи можетъ составить щедрому патрону славу распространителя просвѣщенія. Гораций самъ въ автобиографической шестой сатирѣ первой книги рассказываетъ, что послѣ второго свиданія съ нимъ Меценатъ „приказалъ ему быть въ числѣ своихъ друзей“ ¹⁾. Онъ былъ тогда еще слишкомъ незамѣтнымъ человѣкомъ, чтобы знатный вельможа могъ назвать его „другомъ“ въ прямомъ смыслѣ слова почти немедленно послѣ знакомства ²⁾. Да и какое же отношеніе нравственнаго порядка возникаетъ по приказу? Словомъ „*iubeo*“ здѣсь обозначается опредѣленный, чисто дѣловой актъ установленія патронатныхъ отношеній. Меценатъ, почуявъ талантъ Горация и видя, что онъ будетъ украшеніемъ его домашняго кружка, причислилъ поэта къ наиболѣе почетнымъ членамъ своей свиты, оказавъ тѣмъ ему большую милость и честь. Въ другомъ стихотвореніи Гораций употребляетъ болѣе подходящій терминъ для опредѣленія возникшей связи: онъ говоритъ, что „Меценатъ принялъ его въ число своихъ“ ³⁾; а выраженіе „*homines alicuius*“ именно обозначало кліентовъ извѣстнаго патрона. Поэтъ былъ причисленъ къ „дому“ крупнаго сановника, который составлялся изъ членовъ семьи его и всѣхъ кліентовъ и рабовъ, часто

¹⁾ v. 62: ...revocas pono post mense iubeaque
Esse in amicorum numero.

²⁾ Первое свиданіе поэта съ сановникомъ прошло блѣдно и неудачно. Гораций произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе, и Меценатъ долго не звалъ его къ себѣ второй разъ. Но онъ вспомнилъ о немъ, вѣроятно, не безъ помощи Вергилія, на девятый мѣсяцъ послѣ этого, и сближеніе состоялось. (См. юмористическій рассказъ объ этомъ въ той же сатирѣ, ст. 56—62).

³⁾ *Sat. II, 6, 41*: „...mecoepit habere suorum in numero...“

именовавшихся вмѣстѣ общимъ словомъ „familia“, „familiares“¹⁾. Кроме того и другія слова, къ которымъ прибѣгаетъ Гораций для характеристики своихъ отношеній къ покровителю, подтверждаютъ такое мнѣніе. Онъ называетъ себя „сотрапезникомъ“ Мецената²⁾, его—„своею защитою“³⁾, великою „опорою своей жизни“⁴⁾, „царемъ и отцомъ“⁵⁾. Светоній говоритъ даже, что въ его время ходило въ публикѣ письмо, въ которомъ Гораций „комендировалъ“ себя Меценату⁶⁾. Да и многіе внѣшніе факты, въ которыхъ воплощались ихъ отношенія, часто рисуютъ намъ связь такого же типа. Гораций постоянно посѣщаетъ покровителя въ городскомъ дворцѣ и загородныхъ виллахъ, раздѣляя съ нимъ пиры и развлечения; онъ является товарищемъ Мецената въ путешествіяхъ⁷⁾; его видятъ вмѣстѣ съ вельможей въ театрѣ⁸⁾. Патронъ даритъ ему деньги, драгоценныя вещи, наконецъ, имѣніе. Поэтъ, такимъ образомъ, является въ качествѣ „comes“ и „conviva“; онъ „cliens“, онъ „amicus“, прежде всего въ техническомъ смыслѣ⁹⁾, и лишь впоследствии, по мѣрѣ сближенія становится другомъ и по душѣ¹⁰⁾.

¹⁾ См. Cic. Pro Rosc. Am. 7, 19. Особенно ясенъ позднѣйшій текстъ изъ письма имп. М. Аврелія къ Фронтоу (*Front. Epist.* I, 6, ed. Naber).

²⁾ *Sat.* I, 6, 47: „Sum tibi, Maecenas, convictor“...

³⁾ *Epist.* I, 1, 108: „...rerum tutela mearum...“ Также *Carm.* I, 1, 2: „O et praesidium et dulce decus meum“.

⁴⁾ *Carm.* II, 17, 3: ...Maecenas, mearum
Grande decus columenque rerum.

⁵⁾ *Epist.* I, 7, 37: „rexque paterque“.

⁶⁾ *Suet.* Vit. Hor. (ed Roth, p. 298): „...epistola prosa oratione quasi commendantis se Maecenati“. Светоній, правда, сомнѣвается въ его подлинности („falsam puto“), такъ какъ текстъ его кажется ему темнымъ („epistola etiam obscura“), между тѣмъ, какъ стиль Горация, по его мнѣнію, напротивъ, отличается большою ясностью. Но самый фактъ возможности такого письма (*epistola precatória*) несомнѣненъ.

⁷⁾ *Sat.* II, 6, 42; особенно же *Sat.* I, 5.

⁸⁾ *Sat.* II, 6, 48.

⁹⁾ Это видно изъ того, что Гораций, какъ самъ описываетъ, отпраивался вмѣстѣ съ другими на утренній поклонъ къ Меценату (*Ibid.* v. 29 sqq). Такое пониманіе термина *amicus* здѣсь обнаруживается еще изъ того, что тѣмъ же именемъ обозначается у Светонія нѣкій Меллисъ, бывший рабъ, подаренный Меценату, какъ грамматикъ, и потомъ ставшій его кліентомъ. *Suet.* De Gramm. 21.

¹⁰⁾ Помимо указаній въ произведеніяхъ Горация (См. ниже *Sat.* I, 6, 53) и утвержденія біографа его, Светонія, эта дружба обнаруживается изъ сохранен-

Въ такомъ положеніи поэтъ оставался до самой смерти Мецената, который, умирая, поручилъ его Августу, прося императора не забывать Горация ¹⁾. Такимъ образомъ, Горацийъ былъ переданъ въ качествѣ кліента, какъ бы по завѣщанію патрона, подъ руку другого, перешелъ изъ одного „дома“ въ другой. Августъ и раньше приглашалъ Горация вступить въ свою кліентелу; но тотъ остался вѣренъ Меценату до конца его жизни и только потомъ сдѣлался однимъ изъ „*amici*“ или „*familiares*“ императора ²⁾, совокупность которыхъ представляла уже цѣлый придворный міръ, а принадлежность къ нимъ могла подготовить человѣку хорошую карьеру ³⁾. Но скорая кончина помѣшала Горацию воспользоваться этой выгодой ⁴⁾.

Стало быть, юридически Горацийъ былъ всадникомъ; но политическія смуты въ государствѣ и экономическія превратности въ его жизни понизили его социальную независимость и заставили искать опоры въ покровительствѣ сильнаго магната. Положеніе его, какъ первостепеннаго писателя, и нѣкоторое нравственное достоинство, присущее характеру, избавили его, впрочемъ, отъ унижительныхъ послѣдствій, связанныхъ съ такимъ подчиненіемъ, то-есть, отъ лести и обезличенія ⁵⁾, съ которыми, забывъ и свое всадническое званіе, и даже простое самоуваженіе, примирился, напримѣръ, Марціалъ ⁶⁾. Только такая „подчиненная близость“ къ круп-

наго у послѣдняго стихотворенія, написаннаго Меценатомъ, въ которомъ авторъ говоритъ о ней.

¹⁾ *Suet. Vit. Hor.* (ed. Roth, p. 297): „...Horati Flacci, ut mei, esto memor“.

²⁾ Всѣ эти факты заимствуются у Светонія.

³⁾ Фридландеръ (*Sittengeschichte* I, 79—220) описываетъ устройство и составъ личнаго двора императоровъ перваго вѣка, изъ котораго, какъ изъ частнаго хозяйства, выросла мало-по-малу вся имперская администрація. Горацийъ также приглашался занять мѣсто одного изъ личныхъ секретарей Августа („*ab epistolis*“). Поэтъ сдѣлался „своимъ“ при дворѣ императора (*Suet. Vit. Hor.* ed. Roth, p. 297: „*Horatium nostrum*“). См. объ отношеніяхъ Горация къ Августу у *Noël des Vergers*, *Etude*, p. 52 et suiv.

⁴⁾ Горацийъ умеръ почти вслѣдъ за Меценатомъ въ 746 г. отъ основанія Рима (*Orelli*, I, p. XXXV).

⁵⁾ *G. Boissier* (*Nouv. prom. arch.* p. 50), кажется, даже преувеличиваетъ независимость поведенія Горация по отношенію къ Меценату.

⁶⁾ См. непримечательную характеристику Марціала у Фридландера (*Sittengeschichte*, III, 441).

ному сановнику, а через него къ главѣ государства позволяла ему жить спокойно, устраняя себя отъ опасностей, хотя и жертвуя частью свободы. Благодаря щедрости и гостеприимству патрона, онъ можетъ жить въ высшемъ кругу, раздѣляя иногда съ членами богатой знати доступныя, въ общемъ правилѣ, лишь имъ наслажденія. Но стремясь избавиться отъ слишкомъ большихъ неприятностей, связанныхъ съ положеніемъ кліента, постоянно заботящагося о повышеніяхъ ¹⁾, онъ старается выработать себѣ такую практическую философію, которая облегчала бы ему довольство немногимъ и жизнь въ тиши. Онъ пытается осмыслить свой бытъ идеєю о радости жизни при спокойствіи духа, пользованіемъ ея благами безъ напряженія энергіи, безъ труда и хлопотъ для улучшения существованія и безъ разстраивающихъ душу волненій и тревогъ ²⁾. Это какое-то умѣренное и нѣсколько „мѣщанское“ эпикурейство ³⁾ въ ходячемъ смыслѣ слова: нѣчто среднее между установленными самимъ Горациемъ понятіями „*carpe diem*“ ⁴⁾ и „*aurea mediocritas*“ ⁵⁾. Роскошь ему не по плечу; но онъ старается устроить себѣ возможный комфортъ такъ, чтобы постоянныя рубрики его бюджета удовлетворялись постояннымъ же доходомъ съ его имѣнья. Гораций подробно описалъ свой „будничный“ день въ Римѣ: въ этой картинѣ рисуется образъ жизни только обеспеченнаго гражданина съ ограниченными средствами ⁶⁾. Въ деревнѣ, гдѣ онъ проводилъ нерѣдко значительную часть года, его бытъ, конечно, соотвѣтствовалъ городскому; онъ даже отли-

¹⁾ *Sat.* I, 6, 99.

²⁾ *Epist.* I, 6, I: Nil admirari prope res est una, Numici,
Solaque quae possit facere et servare beatum.

³⁾ Гораций самъ въ посланіи, обращенномъ къ Тибуллу, называетъ себя шуточно „*Epicuri de grege porcum*“ (*Epist.* I, 4, 16).

⁴⁾ *Carm.* I, 11, 7: ...Dum loquimur fugerit invida
Aetas: *carpe diem*, quam minimum credula postero.

Ср. *Carm.* III, 8, 27: Dona praesentis cape laetus horae:

Linque severa...

Также *Carm.* IV, 7, 17 sqq.

⁵⁾ *Carm.* II, 10, 5. Ср. *Carm.* II, 16, 13; 18, 10; III, 1, 26; *Sat.* I, 1, 106; II, 2, 1 etc. См. брошюру *M. Schneidewin*, Die horazische Lebensweisheit (Hannover, 1890).

⁶⁾ *Sat.* I, 6, 110—131.

чался еще большею простотою ¹⁾). Мы знаемъ, каковъ былъ его домъ; самъ поэтъ разсказалъ, какъ онъ ѣздилъ въ свою виллу: онъ не тащилъ за собою, по примѣру своихъ важныхъ знакомыхъ, толпу слугъ и обозъ вещей, а отправлялся одинъ, верхомъ на мулъ, забирая и укладывая за спиною лишь необходимый багажъ ²⁾). Время въ сабинскомъ приютѣ онъ отдавалъ литературнымъ занятіямъ, которыя разнообразилъ сельскими развлеченіями и сладкою нѣгою на лонѣ природы, наслаждаясь прохладой и предаваясь мечтамъ ³⁾, любуясь ландшафтомъ и иногда вмѣшиваясь въ земледѣльческія работы ⁴⁾. Къ обѣду, еще болѣе грубому, чѣмъ въ городѣ, онъ допускалъ иногда слугъ, любилъ приглашать бѣдныхъ сосѣдей и забавлялся, какъ было указано, ихъ деревенскою мудростью ⁵⁾. Поэтъ часто восхищается своею жизнью въ сабинской землѣ ⁶⁾; онъ охотно и очень тонко изображаетъ сельскія картины ⁷⁾; онъ жилъ въ деревнѣ не для шумныхъ удовольствій, а для отдыха и здоровья ⁸⁾; только изрѣдка позволялъ себѣ „шалости“ ⁹⁾, и лишь иногда, когда

¹⁾ Поэтъ прямо заявляетъ объ этомъ Меценату, приглашая его къ себѣ въ деревню (*Carmin.* III, 29, 18): *Plerumque gratae divitibus vices,*

Mundaeque parvo sub lae pauperum

Cenae sine aulaeis et ostro

Sollicitam explicuere frontem.

²⁾ *Sat.* I, 6, 102 sqq.

³⁾ *Sat.* II, 6, 60: *O rura, quando ego te aspiciam, quandoque licebit*
Nunc veterum libris, nunc somno et inertibus horis
Ducere sollicitae incunda obliviae vitae?

Поэтъ всегда бралъ съ собою любимыя книги—Платона, Менаандра, Архилоха—и строилъ планы окончить начатыя произведенія. *Sat.* II, 8, 11. *Epist.* I, 14, 35: „*Cena brevis iuvat et prope rivum somnus in herba*“.

⁴⁾ *Epist.* I, 14, 39: „*Rident vicini glaebas et saxa moventem*“.

⁵⁾ *Epist.* I, 5, 1 sqq. *Sat.* II, 6, 62 sqq.

⁶⁾ *Sat.* II, 6, 65: „*O noctes cenaeque deum!*“

⁷⁾ *Второй этюдъ* представляеть, можетъ быть, лучший образецъ такихъ горацианскихъ описаній, и хоть это описаніе вставлено въ юмористическую піесу, но нѣтъ сомнѣній, что прелестный сельскій этюдъ слилъ съ натурой и изображаетъ жизнь самого Горация въ деревнѣ, то-есть, имѣеть автобіографическій характеръ.

⁸⁾ *Sat.* II, 6, 18. *Epist.* I, 7, 4.

⁹⁾ Горацийъ обращается къ Вергилію со словами (*Carmin.* IV, 12, 27):

Misce stultitiam consiliis brevem:

Dulce est desipere in loco.

заводились у него неожиданныя деньги, или когда приглашали друзья, отпраплялся проѣхаться въ Тарентъ или Байи.

Таковъ Гораций, конечно, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, когда улеглись страсти молодости, и благоразумная умѣренность осилила юношескій разгулъ ¹⁾. Но поэтъ именно интересенъ здѣсь, какъ сложившійся социально-бытовой типъ. Выработка такихъ привычекъ и охотное примиреніе съ такимъ посредственнымъ довольствомъ доставались Горацию легче другихъ потому, что онъ любилъ деревню и находилъ въ ней успокоеніе ²⁾. Но все-таки онъ можетъ ясно смотрѣть на будущее только потому, что всегда разсчитываетъ на помощь, несравненно болѣе роскошную, чѣмъ обычная клиентская „sportula“, и убѣжденъ, что великодушный покровитель не откажетъ прибавить ему и постоянного достатка, если это ему потребуется ³⁾.

3. Въ настоящемъ очеркѣ раньше всего надобно было познакомиться съ земельною собственностью Горация; только что рассмотрѣно его социальное положеніе. Последнее бросаетъ свѣтъ на значеніе первой; вотъ почему его необходимо было вспомнить и опредѣлить для специально нужнаго въ данной связи вывода. Гораций могъ жить на свои средства только безбѣдно и, такъ сказать, по провинціальному. Хотя имѣнье его было абсолютно довольно значительно, можетъ быть, превышая своею стоимостью всаднической цензъ, но для поддержанія придворныхъ и свѣтскихъ столичныхъ связей Гораций черпалъ средства не изъ сабинской земли, а изъ подарковъ богатыхъ и знатныхъ друзей. Нужно даже сказать больше: вообще существованіе его въ томъ видѣ, какъ оно

¹⁾ Гораций самъ признается въ юношескихъ грѣхахъ (*Epist.* I, 14, 32 sqq.). Онъ не краснѣетъ прошлыхъ заблужденій, такъ какъ ему удалось отъ нихъ исправиться (*Ibid.* v. 36).

²⁾ См. очень интересное разсужденіе Г. Буассье о любви Горация къ деревнѣ (*Nouv. prom. arch.* p. 16—21). Мѣста изъ Горация, въ которыхъ ясно обнаруживается такое его отношеніе къ природѣ и сельской жизни, подобраны у *Arnold*, *Das Leben des Horaz* (p. 60—68). См. также очеркъ Н. М. Благовѣщенскаго и послѣдній параграфъ этюда Мадзоленни, „Vita di Orazio nella villa Sabina“, *Riv. di filol. e d'istr. class.* 1890—91, p. 232—241.

³⁾ См. очень характерныя слова Горация къ Меценату (*Carm.* III, 16, 38): „Nec si plura velim, tu dare deneges“.

слагалось, было невозможно безъ ихъ постоянной поддержки; если бы они отказали ему въ опорѣ, положеніе его немедленно стало бы „прекарнымъ“: соціальный „status“ кліента твердѣлъ лишь прочностью его связи съ патрономъ. Горацій раздѣлялъ, стало быть, тутъ судьбу всѣхъ другихъ не только мелкихъ, но и среднихъ людей въ римскомъ мірѣ въ его время: въ силу все болѣе проникающей вглубь общественнаго организма аристократизаціи и захуданія народной массы, они должны были подчиняться власти крупныхъ его представителей, живя заимствуемыми отъ нихъ соками, какъ бы взамѣнъ за отдаваемый имъ трудъ и покорность и въ слабое вознагражденіе за захваченное у нихъ исконное достояніе.

Насколько личность Горація и людей его категоріи оказывалась подчиненной могущественнымъ сановникамъ и аристократамъ, которымъ они себя коммендировали, на столько же ихъ недвижимая собственность являлась, какъ бы несамостоятельнымъ приростомъ къ огромнымъ владѣніямъ этихъ „господъ земли“. Судьба такихъ теряющихся среди разросшихся латифундій, сравнительно съ ними ничтожныхъ земельно-хозяйственныхъ единицъ зависѣла почти всецѣло отъ этихъ послѣднихъ; они держались, такъ сказать, подъ тѣнью латифундій и могли быть либо поглощенными ими, либо притянутыми къ другимъ, если нарушалось искусственное равновѣсіе между такими неравными землями, установленное патронатными отношеніями между ихъ владѣльцами ¹⁾.

Такимъ образомъ, активной роли въ эволюціи земельной собственности римскаго государства, которая выдѣлялась бы изъ основного процесса развитія крупнаго землевладѣнія и

¹⁾ Горацій, какъ будто самъ понимаетъ, что собственность его, полученная отъ патрона, при сохраненіи кліентскихъ отношеній, въ извѣстномъ смыслѣ остается въ зависимости отъ пожалователя. Выразивъ свое удовлетвореніе приобрѣтеннымъ имѣніемъ (*Sat.* II, 6, 4), онъ молить только объ одномъ, чтобы вѣнъ закрѣплено было за нимъ навсегда:

Bene est. Nil amplius oro,

Maia nate, nisi ut *propria* haec mihi munera faxis.

„*Propria*“, т.-е., „*in dominio perpetuo*“ (См. *L. Müller*, ad h. l.). Cfr. *Sat.* II, 2, 129; 134.

шла бы въ разрѣзъ съ нимъ, сельскія помѣстья такого рода, какъ гораціево, играть не могли ¹⁾. Въ частности для такихъ именно людей, какимъ былъ самъ Горацій, этотъ выводъ особенно важенъ. Они пользовались доходами отъ своихъ имѣній только для жизни, то-есть, для удовлетворенія главныхъ статей повседневныхъ расходовъ; но земельныя имущества рѣдко эксплуатировались ими, какъ средство интенсивной и послѣдовательной экономической работы, которая имѣла бы въ виду, кромѣ поддержанія жизни, созданіе новыхъ цѣнностей, накопленіе капиталовъ, дѣятельное увеличеніе богатства; помѣстья не служили имъ орудіемъ для социальной борьбы съ цѣлью выдвинуться впередъ и занять болѣе выгодное положеніе въ обществѣ.

Любопытными и типичными примѣрами землевладѣльцевъ такого же рода и характера, какимъ является Горацій, могутъ быть названы нѣсколько другихъ поэтовъ, его современниковъ, или жившихъ нѣсколько позже, чѣмъ онъ, — именно Тибуллъ и Вергилій, Ювеналъ и Марціалъ ²⁾. Умѣстно будетъ здѣсь обобщить краткими данными изъ ихъ имущественной біографіи картину недвижимаго состоянія Горація. Такъ подтвердится формулированный только что социально-историческій выводъ о мѣстѣ, которое занимали въ римскомъ обществѣ I-го вѣка собственники этой категоріи, и ихъ значеніи въ развитіи земельного строя.

Другъ Горація, даровитый и блестящій лирикъ Тибуллъ происходилъ изъ всадническаго рода ³⁾, и отецъ его, повидимому, обладалъ значительнымъ состояніемъ ⁴⁾. Послѣднее

¹⁾ Къ тому же, по всей вѣроятности, число ихъ было для этого недостаточно.

²⁾ Въ качествѣ примѣровъ встрѣчаются все поэты, потому что именно они оставили особенно много автобіографическаго матеріала и въ частности въ стихахъ охотно описывали свои помѣстья и свою жизнь въ деревнѣ. Между тѣмъ прозаикамъ приходилось обыкновенно умалчивать объ этомъ. Ихъ біографы мало обращаютъ вниманія на ихъ собственность, особенно когда она была незначительна. О частныхъ же людяхъ—помѣщикахъ средней руки, если они ничѣмъ не прославились, рѣдко говорятъ писатели, и исторія ихъ состоянія, очень естественно, исчезла вмѣстѣ съ памятью о нихъ.

³⁾ См. *Schanz, Römische Litteraturgeschichte (Iwan Mueller's Handbuch, VIII)*, p. 109.

⁴⁾ *Tibull.* I, 1, 41: Non ego divitias patrum fructusque requiro,
Quos tulit antiquo condita messis avo.

если не вполне погубило, то очень пошатнулось вследствие земельных конфискаций 713 (41 до Р. Хр.) года, какъ уже было упомянуто выше ¹⁾. Ему однако удалось приобрести покровительство Валерія Мессалы Корвина, который оберегъ его отъ дальнѣйшихъ потерь и, можетъ быть, доставилъ новое увеличеніе его недвижимой собственности ²⁾. Горацийъ въ посланіи къ Тибуллу упоминаетъ о его педанскомъ помѣстьѣ ³⁾ Тибуллъ самъ, повидимому, описываетъ его въ изящной элегіи, которая очень напоминаетъ гораціевы пьесы подобнаго же содержанія ⁴⁾. Земля была не роскошная ⁵⁾; но, какъ кажется, доставляла собственнику все необходимое для безбѣднаго существованія ⁶⁾. Такъ же, какъ вилла Горация, „fundus Pedanus Albii Tibulli“ заключалъ въ себѣ цѣлое организованное, постоянно ведущееся хозяйство ⁷⁾. Были въ

Cfr. IV, 1, 183:

Nam mihi, cum magnis opibus domus alta niteret,
Cui fuerant flavi ditantes ordine sulci
Horrea fecundas ad deficientia messes,
Cuique pecus denso pascebant agmine colles
(Et domino satis et nimium furique lupoque)...

¹⁾ См. *Pauly*, Realencyclor. VI, 1949. Поэтъ самъ намекаетъ на это (I, 1, 18; 21; 49; IV, 1, 188 sqq.).

²⁾ *Teuffel*, Gesch. d. Röm. Litt. II, 787. См. о вліяніи Мессалы на литературу у *Schans*, Gesch. d. röm. Litt. II, 16; 106.

³⁾ *Hor.* Epist. I, 4, 1: Albi, nostrorum sermonum candidè iudex,
Quid nunc te dicam facere in regione Pedana?..

Городъ *Pedum* лежалъ между Тибуромъ и Пренесте. Стало быть, Тибуллъ жилъ довольно близко отъ Горация.

⁴⁾ Первая элегія первой книги.

⁵⁾ Выше было указано, что Тибуллъ противопоставляетъ свое скромное состояніе богатству родителей и предковъ. Онъ говоритъ еще: „mea paupertas“ (I, 1, 5), называетъ свой столъ „pauper mensa“ (*Ibid.* v. 37), свои посѣвы „parva seges“ (v. 48). Ср. еще v. 22 и т. д.

⁶⁾ *Tibull.* I, 1, 77: ...ego composito securus acervo
Despiciam dites despiciamque famem.

⁷⁾ *Ibid.* v. 13: Et quodcumque mihi donum novus educat annus,
Libatum agricolam ponitur ante deum.

Cfr. v. 9: Nec Spes destituat, sed frugum semper acervos
Praebet et pleno pinguis musta lacu.

То же видно изъ v. 33:

Agræ cadet vobis, quam circum rustica pubes
Clamet: „io messes et bona vina date!...“

немъ виноградникъ и плодовой садъ ¹⁾, хлѣбное поле ²⁾, стадо и, значить, пастбище ³⁾. Авторъ живо и конкретно изображаетъ свою тихую и скромную жизнь въ деревнѣ, далекую отъ общественной дѣятельности, спокойно-интеллигентную и умѣренно-эпикурейскую ⁴⁾. Рядомъ съ такою картиною собственнаго своего хозяйства и земельного состоянія, прямо сопоставляющеюся характерными чертами съ владѣніемъ Горация ⁵⁾, въ воображеніи Тибулла нерѣдко возни-

¹⁾ *Ibid.* v. 7: Ipse seram teneras maturo tempore vites
Rusticus et facili grandia roma manu...

Cfr. v. 17: „...pomosis... in hortis...“

²⁾ *Ibid.* v. 29: Nec tamen interdum pudeat tenuisse bidentes
Aut stimulo tardos increpuisse boves...

Колосья отъ своего урожая „позѣ-помѣщикъ“ приносить въ жертву Церерѣ (v. 15):

Flava Ceres, tibi sit nostro de rure corona
Spicea, quae templi pendeat ante fores...

³⁾ *Ibid.* v. 31: Non agnamve sinu pigeat fetumve capellae
Desertum oblita matre referre domum.
At vos exiguo pecori, furesque lupique.
Parcite: de magno praeda petenda grege.

Cfr. v. 22; 35: „...pastorem meum“. Въ 10-й алегин I-й книги еще читаемъ (стихъ 25):

At nobis aerata, Lares, depellite tela...
Hostiaque plena rustica porcus hara.

⁴⁾ См. въ той же алегин вторую часть. Ср. указаніе на „золотую середину“ у Тибулла (III, 3, 29):

Nec me regna iuvant, nec Lydius aurifer amnis,
Nec quas terrarum sustinet orbis opes.
Haec alii cupiant, liceat mihi paupere cultu
Securo cara coniuge posse frui...

⁵⁾ Изъ одного стихотворенія (IV, 8) можно предположить, что у Тибулла была еще небольшая вилла въ Тоскані на арретинской территоріи, но о ней ничего неизвѣстно, такъ же, какъ и о тибуртинскомъ загородномъ домѣ Горация. Катулл и Проперцій были землевладѣльцами того же разряда. У перваго кромѣ небольшого имѣнья около Тибура (см. Catull. 44, 1; Ср. 26, 1), была еще, повидимому, собственность въ сѣверной Италіи около Вероны и озера Гарди (См. 31, 12; ср. 68, 25 sqq.). Въ Римѣ онъ жилъ также въ своемъ домѣ (68, 34). Проперцій, называющій себя небогатымъ (IV, 1, 49 ed. L. Müll. Cfr. IV, 4, 5), обладалъ равнымъ образомъ домою въ Римѣ на Эсквилинскомъ холмѣ (IV, 23, 24; V, 8, 1). Онъ, какъ кажется, тоже пострадалъ отъ земельныхъ конфискацій (*Prop.* V, 1, 127; Cfr. III, 32, 55). Такъ какъ въ выше цитированныхъ мѣстахъ (IV, 1, 49; IV, 4, 5) онъ противопоставляетъ свое состояніе крупнымъ

каютъ опять такъ же, какъ у Горация, величественные контуры латифундій ¹⁾.

Недвижимая собственность Вергилія была, можно думать, болѣе значительна, чѣмъ та, которая находилась въ рукахъ у двухъ названныхъ писателей, его современниковъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ, какъ землевладѣлецъ, классифицируется въ ту же социальную категорію, что и они. Вергилій получилъ помѣстье около Мантуи по наслѣдству отъ отца ²⁾. Однако оно вошло въ составъ земель, предназначенныхъ къ раздачѣ ветеранамъ въ 713 г. (41 до Р. Хр.), послѣ битвы при Филиппи, и, несмотря на предстательство вліятельныхъ друзей поэта, отобрано у него ³⁾. Это обстоятельство глубоко отразилось на матеріальномъ положеніи Вергилія, такъ какъ отнятое имѣніе являлось единственнымъ достояніемъ семьи и, какъ кажется, представляло изъ себя хорошій кусокъ земли ⁴⁾. Въ скоромъ времени, впрочемъ, ему удалось, воспользо-вавшись милостями могущественныхъ покровителей, вер-

помѣстьямъ (напр. „Nec mihi mille iugis Campana pinguis aratur“), то можно думать, что и онъ былъ мелкимъ собственникомъ въ какой-нибудь части Италіи. Все это примѣры, близко аналогичные Горацию, что касается мѣста, которое перечисленные писатели занимали на экономической лѣстинѣ землевладѣнія; они прекрасно отбѣиваютъ его социальное положеніе съ этой стороны и подтверждаютъ высказанное выше сужденіе о немъ.

¹⁾ Матеріалъ такого содержанія у Тибулла указавъ въ предшествующемъ отдѣлѣ.

²⁾ Отецъ его былъ во всякомъ случаѣ человѣкомъ низкаго званія, вѣрнѣе всего рабочимъ-гончаромъ—„figulus“ (См. *Donat. Vit. Verg. I, 1*). Онъ кромѣ того снималъ землю или долго работалъ на поляхъ (въ качествѣ „mercennarius“) какаго-то богатаго собственника, приобрѣлъ его довѣріе, женился на его дочери и былъ поставленъ во главѣ хозяйства тестя (*Ibid.* „Quem cum agricolationi rei que rusticae et gregibus praefecisset socer, silvis coeundiis et aribus curandis resulam auxit“). Отъ этого-то состоянія, вѣроятно, выдѣлено было мантуанское помѣстье, сдѣлавшееся собственностью отца Вергилія. Такимъ образомъ, земледѣльческіе интересы были для него семейною традиціею; онъ самъ долго жилъ въ деревнѣ уже взрослымъ юношей, хорошо зналъ и любилъ сельское дѣло. См. *E. Veroist, Les oeuvres de Virgile (Paris, 1884), I, p. XLII ss.*

³⁾ Περιπέτη этой конфискаціи съ подробными ссылками на источники разсказаны въ біографической статьѣ Тейффеля у *Pauly, Realencyclor. VI, 264b—46*. Событіе это ярко отразилось и въ злогодахъ Вергилія (см. напр. 1-ю, 4-ю, 6-ю, 9-ю). Ср. *Ribbeck, Verg. op. (ed. Teubner, 1872), p. XVIII*.

⁴⁾ Вообще изъ біографическихъ данныхъ извѣстно, что поэтъ въ юности не терпѣлъ нужды. См. *M. Schanz, Gesch. d. Röm. Litt. II, 22*.

нуть для себя обезпеченное существованіе. Въ концѣ концовъ отцовское помѣстье, повидимому, было возвращено ему ¹⁾. Кромѣ того, вѣроятно, Меценатъ далъ ему возможность приобрести еще новую недвижимую собственность ²⁾. Есть извѣстіе о томъ, что у Вергилія былъ домъ на Эсквилинскомъ холмѣ и, должно быть, земельныя имущества въ Кампаніи и Сициліи ³⁾. Въ источникахъ встрѣчаются косвенныя указанія на имѣнія поэта, нужно думать, довольно скромныя, одно около Нолы ⁴⁾, другое близъ Неаполя; въ послѣднемъ онъ и былъ погребенъ ⁵⁾. Такъ какъ Вергилій не склоненъ былъ къ роскоши и расточительности, а, напротивъ, въ силу своихъ нравственныхъ правилъ удовлетворялся немногимъ въ повседневномъ быту, онъ могъ собрать къ концу жизни приличное состояніе, которое однако накопилось не изъ сбереженныхъ доходовъ отъ земель его; но было результатомъ щедрости друзей ⁶⁾. Слѣдовательно, и онъ могъ жить вполне безбѣдно въ матеріальномъ отношеніи, только опираясь на сильныхъ, хотя самъ могъ быть также названъ „помѣщикомъ средней руки“ ⁷⁾.

¹⁾ См. *Donat. Vit. Verg.* X, 36; XXII, 96. Ср. *E. Benoist, Oeuvres de Virgile*, I, p. L—LII.

²⁾ См. *Teuffel, Gesch. d. Röm. Litt.* I, 483.

³⁾ *Donat. Vit. Verg.* VI, 24: „...habuit... domum Romae in Esquilis iuxta hortos Maecenatis, quamquam recessu Campaniae Siciliaeque plurimum uteretur“. Впечатлѣнія отъ долгой жизни въ Кампаніи и Сициліи дали дозрѣть „сельской музѣ“ Вергилія. Ср. *Tacit. Dial. de orat.* 18. См. у *G. Boissier, Nouvelles promenades archéologiques, etude, oзаглавленная „Le pays de l'Enéide“* (и особенно главу—„Enée en Sicile“).

⁴⁾ *Aul. Gell.* VI, 20, 1: „...Vergilium petisse a Nolanis, aquam uti duceret in propinquum rus...“

⁵⁾ *Donat. Vit. Verg.* XIV, 54: „Translata igitur iussu Augusti eius ossa, prout statuerat, Neapolim fuere (изъ Брундизіа, гдѣ онъ умеръ), sepultaque via Puteolana, intra lapidem secundum, suoque sepulcro id distichon, quod fecerat, inscriptum est:

Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc

Parthenope: cecini pascu, rura, duces.

Ср. *Stat. Silv.* IV, 4, 51. Вслѣдствіи это неаполитанское помѣстье Вергилія, повидимому, принадлежало Смію Италику. См. *Plin. Epist.* III, 7, 8. *Martial.* XI, 48; 49.

⁶⁾ *Donat. Vit. Verg.* VI, 24: „Possedit prope centies sestertium ex liberalitatibus amicorum...“

⁷⁾ Собственность его по завѣщанію раздробилась между императоромъ Августомъ, Меценатомъ, Луціемъ Варіемъ и другими знатными или знаменитыми

Ювеналь, родившийся около 60-го г. по Р. Хр. в городѣ Аквинѣ въ южномъ Лациумѣ, былъ сынъ состоятельнаго челоуѣка, очень возможно, вольноотпущенника ¹⁾. Достаточная обеспеченность его обнаруживается изъ того факта, что онъ далъ будущему поэту тщательное и хорошее воспитаніе ²⁾. Часть имущества его, вѣроятно, даже главная, заключалась въ землѣ на территории названнаго города. Это видно изъ того, что Ювеналь, сдѣлавшись наслѣдникомъ, по крайней мѣрѣ, значительной доли собственности отца, проходилъ муниципальную карьеру въ родномъ городѣ ³⁾: а она доступна была только землевладѣльцамъ мѣстнаго края. Кромѣ того Ювеналь самъ говоритъ объ „отцовскомъ помѣстьѣ“ ⁴⁾. Эта „аквинская земля“ (*fundus D. Iunii Iuvenalis in territorio Aquinati*) являлась основою состоянія поэта во все время его жизни. Подробнаго описанія своего помѣстья Ювеналь не даетъ ⁵⁾; но изъ его произведеній мы узнаемъ, что кромѣ

друзьями (*Donat.* XV, 56). Только половина пошла въ руки единоутробнаго брата его, Валерія Прокула, и, такимъ образомъ, не составила зерна самостоятельнаго и значительнаго частнаго земельного имущества.

¹⁾ Свѣдѣнія о жизни Ювенала сообщаются съ достаточными подробностями въ исторіяхъ римской литературы Тейффеля (II, 816) или Шандца (*Iw. Mueller's Handbuch*, VIII Band, II, 387), также во введеніи въ изданію его сатиръ Вейднера. Изъ сопоставленія данныхъ, почерпнутыхъ въ сохраняющихся различныхъ *vitae* Ювенала, вытекаетъ, что онъ былъ, во всей вѣроятности, „libertini locupletis incertum filius an alumnus“ (*Vitae*, I; II). Ср. *Pauly*, *Realencycl.* IV, 356. Текстъ всѣхъ биографій можно найти въ изданіи сатиръ Ювенала *Jahn'a*.

²⁾ См. *Weidner*, *Iuven.* op. p. 5 (у него собраны указанія на этотъ фактъ).

³⁾ См. дошедшую до насъ надпись, начертанную по его собственному приказанію на храмѣ или алтарѣ Цереры, построенномъ въ Аквинѣ на его средства (*C. I. L.* X, 5382): „(Cere)ri sacrum (D. Iu)nius Iuvenalis, (trib.) coh-(ortis I) Delmatarum, II (vir) quinq(uennalis), flamen divi Vespasiani, vovit dedicav(it)que sua pec(unia)“. Cfr. *Iuven.* Sat. III, 320.

⁴⁾ *Iuven.* Sat. III, 318:

...Ergo vale nostri memor, et quoties te
Roma tuo refici properantem reddet Aquino,
Me quoque ad Helvinam Cererem vestramque Dianam
Converte a Cumis: satirarum ego, ni pudet illas,
Adiutor gelidos veniam caligatus in agros.

Это говоритъ Ювеналу, разставаясь съ нимъ, одинъ изъ друзей. Ср. *Sat.* VI, 57: „...et agello cedo paterno“.

⁵⁾ Онъ во всякомъ случаѣ велъ въ немъ хозяйство, которое, какъ кажется, любилъ. Онъ совѣтуетъ (*Sat.* III, 228):

Vive bidentis amans et culti vilicus horti.

того у поэта, какъ и у другихъ упомянутыхъ его собратій по литературной профессіи, былъ домъ въ Римѣ ¹⁾. Затѣмъ онъ говоритъ еще о своей тибуртинской виллѣ ²⁾. Въ общемъ нужно предполагать, что онъ не былъ бѣденъ въ настоящемъ смыслѣ слова ³⁾, и что главный доходъ онъ получалъ первоначально именно отъ недвижимыхъ имуществъ ⁴⁾. На государственной службѣ Ювеналъ достигъ, повидимому, всадническаго достоинства ⁵⁾. Но и это извѣстное матеріальное довольство, и такое почтенное служебное положеніе не избавляли его отъ необходимости искать „покровительства сильныхъ“, то есть, стремиться приобрѣсти выгодные патроны ⁶⁾. Если справедливо мнѣніе, что Ювеналу пришлось претерпѣть изгнаніе ⁷⁾, то фактъ этотъ является лишнимъ

¹⁾ Это, конечно, очень простой домъ (*Sat.* XI, 171): „Non capit has nugas humilis domus...“ За обѣдомъ у него читали Илиаду и Энеиду. (*Ibid.* v. 179—182), которыя замѣняли ему роскошь жилища и стола.

²⁾ Разсказывая о скромной трапезѣ, на которую онъ приглашаетъ друга своего, Персека, поэтъ говоритъ (*Sat.* XI, 64):

Fercula nunc audi nullis ornata macellis.
De Tiburtino veniet pinguisimus agro
Haedulus et toto grege mollior, inscius herbae,
Necdum ausus virgas humilis mordere salicti,
Qui plus lactis habet quam sanguinis, et montani
Asparagi, posito quos legit vilica fuso...

Въ дальнѣйшихъ строкахъ упоминается о фруктахъ и винѣ, и вообще видно, что „ager Tiburtinus“ Ювенала, который доставлялъ продукты для обѣда, былъ обработаннымъ, хотя и небольшимъ, помѣстьемъ. Ср. еще *Sat.* XI, 151. Тутъ онъ говоритъ о своихъ городскихъ и сельскихъ рабахъ:

Pastoris duri hic est filius, ille bubulci.
Suspirat longo non visam tempore matrem,
Et casulam et notos tristis desiderat haedos...

³⁾ Хотя самъ Ювеналъ называетъ себя небогатымъ (См. *Sat.* XI, 177: „mediocris“); но надо понимать это условно, какъ видно изъ самыхъ его выраженій (См. *Sat.* XII, 10: „Si res ampla domi similisque affectibus esset...“).

⁴⁾ Онъ ясно высказываетъ свое отвращеніе отъ торгово-промышленнаго заработка. См. *Sat.* XIV, 288 sqq. Cfr. III, 30 sqq. Ср. *G. Boissier*, L'opposition sous les Césars, p. 335—338.

⁵⁾ Это выводится изъ вышеприведенной надписи (*C. I. L.* X, 5882).

⁶⁾ См. *Mart.* XII, 18. Cfr. *Iuven.* Sat. V, 76 sqq. III, 184 sqq. Нужно только сказать, что ему не удалось достигнуть прочной связи съ высшею знатью, какъ Вергилію и Горацию. См. *G. Boissier*, L'oppos. sous les Césars, p. 309—311; 316; 338—340.

⁷⁾ Матеріалъ и сужденія, относящіеся къ этому пункту, сведены у *Teuffel*, II, 818 и у *Schanz*, II, 339.

подтвержденіемъ того, какъ непрочны были самостоятельность и безопасность людей подобной ему социальной категоріи, судьба которыхъ колебалась очень сильно каждый разъ, какъ счастье измѣняло ихъ покровителямъ, или вообще, когда они теряли поддержку свыше; въ собственномъ экономическомъ положеніи они не могли найти никакой защиты отъ превратностей жизни.

Можетъ быть, самымъ типичнымъ и любопытнымъ образцомъ людей изучаемой здѣсь общественной группы, очень характерной для уясненія социального строя и нравовъ Рима въ первый періодъ имперіи, является Марціалъ. Онъ происходилъ изъ испанской семьи уроженцевъ города Бильбиса¹⁾. Какъ многіе талантливые и энергичные провинціалы, его современники, онъ еще въ молодости переселился въ Римъ, чтобы искать тамъ карьеры. Неизвѣстно, получилъ ли уже его отецъ права римскаго гражданства, но самъ Марціалъ, несомнѣнно, обладалъ ими, такъ какъ, если и не проходилъ по настоящему государственной службы, то получалъ все-таки за свои стихи награды, доступныя только римлянамъ²⁾, и быть удостоенъ всадническаго званія³⁾. Съ самаго начала своего пребыванія въ столицѣ онъ былъ принужденъ стать въ кліентскія отношенія къ дому извѣстнаго писателя и знаменитаго учителя Нерона, Сенеки, и пользовался помимо того покровительствомъ другихъ могущественныхъ знатныхъ фамилій⁴⁾. По всей вѣроятности, изъ наслѣдства Сенеки и досталось ему номентанское помѣстье, которымъ онъ, какъ кажется, уже владѣлъ въ 84 г.⁵⁾ Марціалъ

¹⁾ Родился около 38—41 г. по Р. Хр. См. биографическій очеркъ Л. Фридлѣндера въ его изданіи эпиграммъ Марціала (I, 3—4).

²⁾ Такъ, напримѣръ, онъ получилъ отъ императора Тита (*Mart.* III, 95, 5; IX, 97, 5), а потомъ отъ Домиціана (II, 91, 92; ср. IV, 27, 3) *ius trium liberorum*, то-есть, очень, какъ извѣстно, выгодную привилегію.

³⁾ Ему давъ былъ титулъ *tribunus militum* (III, 95, 9), который вводилъ во всадническое сословіе. См. *L. Friedländer*, *Sittengeschichte* (6 Aufl.), I, 284—285. Ср. *Martial.* III, 95, 10; V, 18, 2; V, 17, 2; IX, 49, 4; XII, 28, 2; *Friedländer*, *Ibid.* p. 292.

⁴⁾ Матеріалъ, обнаруживающій многочисленныхъ постоянныхъ патроновъ Марціала и случайныхъ его благодѣтелей либо временныхъ покровителей, хорошо собранъ Фридлѣндеромъ (См. *M. Valerii Martialis Epigrammaton libri*, I, 4—8).

⁵⁾ См. *Mart.* XIII, 42; 119 и разсужденія Фридлѣндера (*Sittengesch.* III, 445 и *Martial.* I, 227).

много говоритъ о своемъ имущественномъ положеніи, и при известной осторожности къ его словамъ, часто тенденціознымъ и направленнымъ къ той или иной практической цѣли, можно судить о степени его матеріальной устойчивости и о силѣ соціальнаго сопротивленія или гражданской самостоятельности, которыя оно ему давало.

Картина состоянія Марціала, безъ сомнѣнія, напоминаетъ тотъ же типъ экономическаго обезпеченія, который уже известенъ по Горацию, Катуллу, Тибуллу и др. Разница только въ томъ, что онъ не одинаково съ ними удовлетворенъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Последніе довольны тѣмъ, что по понятіямъ ихъ времени считается „малымъ“, и живутъ спокойно; онъ рвется выше, часто обрывается и потому иногда „жалуется на судьбу“.

Самъ Марціалъ опредѣленно называетъ себя бѣднымъ человѣкомъ¹⁾. Однако онъ обладаетъ нѣкоторою „*adsiduitas*“. Въ Римѣ онъ въ концѣ концовъ поселился также въ собственномъ небольшомъ домѣ²⁾, и, какъ указано, владѣеть землею въ сабинской области, вѣроятно, также небольшихъ размѣровъ. Марціалъ даже старается постоянно изобразить ее, какъ совсѣмъ ничтожный клочокъ, доставляющій только скудный пріютъ и не дающій никакого дохода³⁾. Тѣмъ не

¹⁾ См. напр. *Mart.* V, 13, 1:

Sum, fateor, semperque fui, Callistrate, pauper,
Sed non obscurus nec male notus eques.

Онъ утѣшается только литературною славой:

Sed toto legor orbe frequens et dicitur „Hic est“,
Quodque cinis paucis, hoc mihi vita dedit.

Ср. еще XII, 57, 4.

²⁾ Между 86 и 90 годами онъ жилъ въ городѣ въ нанятомъ помѣщеніи „*ad Pirum*“ на третьемъ этажѣ (*Mart.* I, 117, 7):

Longum est, si velit ad Pirum venire,
Et scalis habito tribus, sed altis.

Ср. I, 108; V, 22. См. *Friedländer*, *Martial.* I, 229, 234. — Но въ 94 г. у него уже есть свой домъ на Квиринахъ. *Martial.* IX, 18, 2: „...*parvi sunt* (mihi) *in urbe lares*“; IX, 97, 9; X, 58, 10: „...*Vicinosque tibi, sancte Quirine, lares*“. Передвигался онъ изъ города въ деревню въ собственномъ экипажѣ, запряженномъ мулами (VIII, 61, 7).

³⁾ Онъ называетъ ее „*rus minimum*“ (IX, 18, 2). Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ, что единственный доходъ, который даетъ ему его имѣніе, это возможность уединиться отъ неприятныхъ людей (II, 86):

менше именно эта недвижимость должна была, нужно думать, образовать для него, по крайней мѣрѣ, простой всаднической цензъ, то-есть, цѣниться въ 400.000 сестерціевъ ¹⁾. Помѣстье, сдѣлавшееся собственностью Марціала, было, должно быть, запущено ²⁾; но во всякомъ случаѣ изъ собственнаго описанія поэта обнаруживается, что тамъ устроено было хозяйство и велась производительная культура, рассчитанная на доходъ, достаточный хотя бы для содержанія хозяина ³⁾. Номентанскій округъ славился винодѣліемъ ⁴⁾. И у Марціала были

Quid mihi reddat ager quaeris, Line, Nomentanus?

Nos mihi reddit ager: te, Line, non video.

¹⁾ Если даже взять высшую сообщаемую сельско-хозяйственными писателями норму обычной стоимости обработанной земли, то-есть, 2500 сестерціевъ за гектаръ (См. *Varr.* III, 2; *Colum.* III, 8. 9), то все-таки въ такомъ случаѣ нужно будетъ предположить, что въ номентанскомъ имѣніи Марціала было около 200 гектаровъ земли.

²⁾ Дождь стоялъ ветхій, крыша протекала; Марціала исправили ее черепицами, доставленными однимъ изъ пріятелей (VII, 36):

Cum pluvias madidumque Iovem perferre negaret

Et rudis hibernis villa nataret aquis,

Plurima, quae posset subito effundere nimbo,

Muneribus venit tegula missa tuis...

³⁾ Въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній Марціалъ выражаетъ желаніе имѣть небольшое сельское имуществъ, которое давало бы ему обозначенный покой (I, 55, 3):

Nos petit, esse sui nec magni ruris arator,

Sordidaque in parvis otia rebus amat.

Можетъ быть, это именно намѣнъ на полученіе номентанской виллы, которая должна была удовлетворить такому желанію (ниже находимъ—стихъ 7 и сл.—описаніе сельской жизни и работы). Для характеристики жизненныхъ желаній Марціала см. еще II, 90; X, 47. Въ числѣ элементовъ счастья въ послѣднемъ стихотвореніи указываются (v. 8):

Res non parva labore, sed relicta;

Non ingratus ager, focus perennis.

Если онъ часто былъ недоволенъ, то происходило это отъ того, что глаза его разгорались отъ зависти къ сильнымъ міра, и то, чѣмъ онъ обладалъ, рвалось ему ниже даже скромнаго блага.

⁴⁾ *Colum.* R. г. III, 8. 3. Между прочимъ, обширное и богатѣйшее виноградное имѣніе принадлежало тамъ Сенекѣ. См. *Suet.* De ill. gramm. 28. *Plin.* Н. п. XIV, 49—52. *Senec.* Nat. Qu. III, 7, 1; *Epist.* 104; 110. Хорошее помѣстье, также съ виноградниками по сосѣдству съ виллою Марціала, принадлежало другу поэта, Кв. Овидію (См. *Mart.* XIII, 119; I, 105; VII, 93; X, 44; IX, 98 etc.). Какъ кажется, этотъ Овидій былъ также клиентомъ фамиліи Сенекы (*Friedländer*, *Mart.* I, 227): это и позволяетъ предпологать, что имѣніа Овидія и Мар-

виноградники, которые онъ, такъ или иначе, эксплуатировать и, навѣрно, не безъ выгоды ¹⁾). Земля его еще производила фрукты ²⁾, которые, правда, не всѣ принадлежали къ лучшимъ сортамъ ³⁾; но все же могли удобно сбываться въ столицу для потребленія простого люда ⁴⁾. Отдавалъ ли Марціалъ часть земли подъ клѣбопашество—неизвѣстно; нужно думать, что пахотное поле у него было, хоть небольшое ⁵⁾. Скотъ и

цѣла были доставлялись имъ по наслѣдству отъ громадной нументанской латифундіи философа.

¹⁾ См. *Mart.* XIII, 119:

Nomentana meum tibi dat vindemia Bacchum
Si te Quintus amat, commodiora bibes.

Ср. еще VII, 54, 3:

Iam prior ad faeces, sed et haec vindemia venit,
Exorat noctes dum mihi saga tuas...

X, 48, 19: De Nomentana vinum sine faece lagona,
Quae bis Frontino consule trima fuit.

Фридендеръ прямо называетъ нументанское помѣстье Марціала „ein Weingut“ (*Sittengesch.* III, 445).

²⁾ *Mart.* VII, 91, 1: De nostro, facunde, tibi, Iuvenalia, agello
Saturnarlicias mittimus, ecce, nuces.

Ниже тутъ же (ст. 3) говорится о „cetera рота“. Ср. XIII, 42:

Non tibi de Libycis tabures et apyrina ramis,
De Nomentanis sed damus arboribus.

Въ 48-й эпиграмѣ десятой книги говорится еще о различныхъ продуктахъ его сада и огорода (v. 7: „...mihi vilica... attulit... varias, quas habet hortus, opes“)—цвѣтахъ, зелени и овощахъ.

³⁾ См. X, 94, 3: Sed Nomentana securus germinat hortus
Arbore, nec furem plumbea mala timent.

⁴⁾ Именно для улучшения производства ядовъ въ своемъ имѣніи, отличающемся нѣкоторою сухостью почвы (XII, 57, 1: „...sicci parva rura Nomenti“), владѣлецъ особенно заботился объ орошеніи въ немъ фруктоваго сада. Сохранилось стихотвореніе Марціала, обращенное къ императору Домициану въ видѣ просьбы о разрѣшеніи провести на его землю вѣтъ отъ знаменитаго водопровода—аqua Marcia (IX, 18). Все стихотвореніе интересно:

Est mihi, sitque precor longum te praeside, Caesar,
Rus minimum, parvi sunt et in urbe lares.
Sed de valle brevi, quas det sitientibus hortia,
Curva laboratas antlia tollit aquas:
Sicca domus queritur nullo se rore foveri,
Cum mihi vicino Marcia fonte sonet.
Quam dederis nostris, Auguste, penatibus undam,
Castalis haec nobis aut Iovis imber erit.

⁵⁾ Онъ называетъ себя, какъ собственника нументанскаго помѣстья (*villa*), словами „agricola“ (VI, 36, 6) или „arator“ (I, 53, 3). Ср. еще XIII, 15: „Si

домашняя птица уже прямо упоминаются, какъ живое населеніе, или какъ инвентаръ его *praedium Nomentanum*, и какъ продукты пригнѣившагося тамъ сельскаго хозяйства ¹⁾). Можетъ быть, маленькое стадо Марціала состояло изъ быковъ, которые работали на пашнѣ; но возможно также, что это были экземпляры такихъ породъ, которыя выкармливались въ стойлахъ луговымъ сѣномъ и предназначались на убой для доставленія мяса. Последнее въ такомъ случаѣ отправлялось вмѣстѣ съ живностью, зеленью и плодами на городскіе рынки ²⁾).

У Марціала встрѣчаются еще указанія на то, что ему былъ подаренъ какой-то клочокъ земли, очевидно, незначительный, около самаго Рима (*suburbanum*) ³⁾. Но, во всякомъ случаѣ, ясно, что дѣятельнымъ хозяиномъ-работникомъ и скопидомомъ, мечтающимъ о расширеніи богатства трудовою предприимчивостью, поэтъ никогда не былъ. Онъ не чувствовалъ себя

vicina tibi Nomento rura coluntur). Есть въ стихотвореніяхъ упоминанія о его рабахъ (I, 105; V, 84; 37); но это не сельскіе, а „квалифицированные“, образованные и приближенные рабы.

¹⁾ См. *Mart.* VII, 54, 5:

Consumpsi salsasque molas et turis acervos;
Decrevere greges, dum cadit agna frequens;
Non porcus, non chortis aves, non ova supersunt.

Ср. X, 48. Въ последнемъ стихотвореніи поэтъ рассказываетъ объ обѣдѣ, который онъ готовитъ друзьямъ; и среди блюдъ фигурируетъ мясо различныхъ животныхъ и птицъ, разводившихся у него *in agro Nomentano*. Другое стихотвореніе (VII, 31), противорѣчащее этому, врядъ ли слѣдуетъ понимать буквально.

²⁾ Въ Римѣ, какъ извѣстно, были особне *forum boarium* и *forum olitorium*. Они, или также многочисленныя лавки оживленной Субурны были переполнены быстро раскупаемыми миллионнымъ населеніемъ громадной столицы деревенскими продуктами. См. объ этомъ, напримѣръ, *Marquardt, Privatleben der Römer* (2 Aufl.), II, 447—448; 465—474. Ср. *O. Gilbert, Topogr. d. Stadt Rom*, III, 358, также *Index* подъ словами *forum boarium* etc.

³⁾ *Mart.* XI, 18, 1: „Donasti, Lupe, rus sub urbe nobis“ (ср. *Ibid.* v. 26: „*praedium dedisti*“). Къ этому-то *suburbanum*, а не къ номентанской виллѣ, какъ хочетъ Фридлендеръ (*ad Mart.* II, 36, 6), слѣдуетъ отнести другіе намеки Марціала, напримѣръ, VII, 49:

Parva suburbani minuscula mittimus horti:
Faucibus ova tuis, roma, Severe, gulae;

или VIII, 61, 6: „...Sub urbe rus habemus aestivum“. Слово *suburbium* не принадлежало обыкновенно къ сабинской области, когда говорилось о расположеніи виллы: оно относилось чаще всего лишь къ равнинѣ, непосредственно окружающей Римъ.

прочно избавленнымъ отъ нужды ¹⁾); но не находилъ въ себѣ силы и возможности, а потому не испытывалъ и влеченія добиваться укрѣпленія своего благосостоянія путемъ стойкой приобрѣтательской дѣятельности. Онъ предпочиталъ черпать добавочныя средства для приличнаго существованія изъ кармана богатыхъ друзей и высокихъ покровителей. Онъ занималъ около послѣднихъ подчиненное положеніе вѣчно-благодѣтельствуемаго кліента-подручника, обязаннаго постоянно унижаться, чтобы поддерживать расположеніе патрона, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда зависящаго отъ степени его милости или могущества. Самая нравственная фізіономія Марціала и его общественное поведеніе ²⁾ лучше всего показываютъ, на какую соціальную роль въ римскомъ государствѣ изучаемаго времени часто обречены были люди, опиравшіеся на экономическій фундаментъ, подобный тому, на которомъ долженъ былъ строить свои жизненныя надежды Марціалъ, то-есть, мелкіе земельные собственники. Это была безусловно пассивная роль спутниковъ большихъ земельныхъ магнатовъ или Цезарей ³⁾. Ихъ личности, такъ же, какъ имущества, примыкали къ особамъ и состояніямъ послѣднихъ, въ видѣ несамостоятельнаго придатка, усиливая ихъ значеніе и отгѣняя ихъ богатства.

Не измѣнилось мѣсто, которое занималъ Марціалъ на общественной лѣстницѣ, и послѣ того, какъ онъ нѣсколько разбогатѣлъ къ концу жизни. Онъ получилъ отъ одной своей доброжелательницы и соотечественницы, Марцеллы, не очень большое, но прекрасно устроенное имѣніе въ Испаніи, недалеко отъ родного его города Бильбилиса ⁴⁾. Тамъ былъ комфортабельный домъ съ паркомъ и фонтанами, виноградными бесѣдками и клумбами розъ, огороды, рыбныя пруды и голу-

¹⁾ См. *L. Friedländer*, *Sittengeschichte*, I, 292.

²⁾ Оно изображено въ биографическомъ очеркѣ Фридлэндера, въ его же „*Sittengeschichte*“, а также въ „исторіяхъ римской литературы“ Тейффеля и Шанца.

³⁾ Послѣдніе также основывали свою политическую силу на землевладѣніи, и значеніемъ этого императорскаго землевладѣнія объясняется многое въ судьбахъ государства и общества во времена имперіи.

⁴⁾ См. *Martial*. XII, 31, 7. Cfr. XII, 21.

бятни ¹⁾. Вокругъ уютнаго и красиваго жилища разсти-
лись поля; они воздѣлывались рабами подѣ руководствомъ
вилаика. Тутъ же ростъ лѣсъ, богатый дичью ²⁾; вообще
земля рисуется „полною чашею“ ³⁾. Однако это благополучіе
только избавило Марціала отъ хлопотливаго и тяжелаго утом-
ленія кліентскою жизнью въ Римѣ ⁴⁾; дало ему радость спо-
койнаго уединенія среди прекрасной природы милой для него
страны; но не обусловило для него даже того виднаго муні-
ципальнаго положенія, которымъ пользовался въ Аквінѣ
Ювеналь.

Послѣ всего изложеннаго, возвращаясь къ раньше уста-
новленному выводу изъ почерпнутыхъ у Горация фактовъ, мы
можемъ теперь, дополнивъ его данными, касающимися соци-
альнаго положенія такихъ среднихъ землевладѣльцевъ, какимъ
былъ онъ самъ, съ еще большею твердостью повторить:
изъ описаній Горация вытекаетъ, что главными, господ-
ствующими формами земельного строя, опредѣлявшими от-
ношеніе свободнаго человѣка къ землѣ, были слѣдующія
двѣ — латифундіальная собственность и мелкое фер-
мерство; крестьянское же и мелкопомѣстное землевладѣніе
не имѣли рядомъ съ двумя названными формами въ римскомъ

¹⁾ *Mart.* XII, 31, 1:

Nos nemus, hi fontes, haec textilis umbra supini
Palmitis, hoc riguae ductile flumen aquae,
Prataque nec bifero cessura rosaria Paesto,
Quodque viret Iani mense nec alget holus;
Quaeque natat clusis anguilla domestica lymphis,
Quaeque gerit similes candida turris aves,
Munera sunt dominae...

²⁾ См. прелестное описаніе его помѣстья и сельской жизни въ Испаніи въ
18-й эпиграммѣ двѣнадцатой книги.

³⁾ Марціалъ, наконецъ, вполнѣ доволенъ такимъ завершеніемъ своего жиз-
неннаго поприща (XII, 18, 26: „Sic me vivere, sic iuvat perire“).

⁴⁾ См. начало только что цитированнаго стихотворенія (XII, 18, 1 sqq.);
въ немъ авторъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ кліентскія тягости, отъ кото-
рыхъ онъ теперь избавленъ. Ср. X, 74; XII, 57; 68; XIV, 125. Жизнь, полная
униженій и „попрошайничества“ (См. напр. I, 107; IX, 100; V, 10 etc.) и безъ
серьезнаго успѣха, въ постоянно „прекарномъ“ положеніи вмѣстѣ съ возрастомъ
и болѣзнями сдѣлалась ему невыносимой.

міръ при утвердженіи імперіи самостоятельной силы, достаточной, чтобы успѣшно бороться съ первою или свободно развиваться параллельно съ нею. Къ сказанному надобно, повидимому, еще прибавить, если придерживаться картины, рисуемой Горациемъ, что мелкое фермерство не только было въ его время явленіемъ подчиненнымъ латифундіальной собственности; но ему вообще еще не удалось прочно установиться на поверхности второй, такъ сказать, привиться къ ея могучему тѣлу въ качествѣ необходимаго органа. Рабское плантаціонное производство, примѣнявшееся тогда довольно широко на латифундіяхъ, какъ кажется, лишало крестьянъ-сѣмщиковъ нужнаго для нихъ мѣста, ставило ихъ въ положеніе колеблющееся, чуждое прочныхъ условій возможнаго процвѣтанія и развитія. Выше говорилось, почему справедливо считать Горация безпристрастнымъ. Изученіе другихъ авторовъ не опровергаетъ, а поддерживаетъ правильность основного вывода, вытекающаго изъ его произведеній, въ той общей формулировкѣ, которая только что дана. Это убѣждаетъ изслѣдователя въ томъ, что поэтъ кромѣ того отличался еще хорошою наблюдательностью.

Однако здѣсь слѣдуетъ, какъ и при всякихъ болѣе или менѣе рѣзко поставленныхъ историческихъ заключеніяхъ, сдѣлать нѣкоторую оговорку. Она не разрушитъ вывода, но должна указать извѣстныя ограниченія, которыя будутъ способствовать точному пониманію того, какъ реально осуществлялись въ дѣйствительной жизни римскаго общества социальныя отношенія, которыхъ формулы строятся на основаніи обобщеннаго изученія данныхъ, заключающихся въ памятникѣхъ его прошлаго.

Гораций и люди его идей и настроенія, его сословнаго круга и его рода занятій дѣлались помѣщиками случайно, а не въ силу обстоятельствъ, которыя были бы прямыми слѣдствіями ихъ классового, социальна-экономическаго положенія; и они довольно умѣренно заботились о производительномъ пользованіи своими землями въ настоящемъ смыслѣ слова, то-есть, о постоянномъ усовершенствованіи хозяйства и поднятіи доходности имѣній, такъ какъ главный источникъ роста ихъ благосостоянія лежалъ, какъ было обнаружено,

въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Но источники вскрываютъ въ составѣ собственниковъ той же категоріи, то-есть, по римскимъ понятіямъ того времени, мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, присутствіе элементовъ иного характера, то-есть, именно такого рода людей, которые основывали на эксплуатаціи своихъ имѣній всѣ свои жизненные планы, являлись настоящими сельскими хозяевами, энергичными производителями. Соціальное происхожденіе ихъ оказывается часто довольно разношерстнымъ. Въ такихъ случаяхъ приходится прежде всего имѣть дѣло либо съ обогатившимися, благодаря какой-нибудь исключительной удачѣ, прежними крестьянами, либо чаще съ вольноотпущенниками, получившими небольшія или среднія земельныя угодья отъ прежнихъ господъ. Ихъ число въ эпоху триумvirатовъ должно было значительно увеличиться ветеранами, которые получали участки, возстановлявшіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крупныя крестьянскія или небольшія помѣщичьи хозяйства. Затѣмъ тутъ же могли находиться потомки богатыхъ землевладѣльцевъ, разоренныхъ собственною расточительностью или политическими преслѣдованіями, наконецъ, мелкіе денежные дѣльцы, начинавшіе спекулировать на земли.

Нельзя сказать, чтобы у авторовъ встрѣчалось много указаній на такого рода производительное землевладѣніе среднихъ размѣровъ; но единичные случаи, попадающіеся въ ихъ сочиненіяхъ, иногда довольно характерны. Такъ у Плинія Натуралиста находимъ любопытную личность нѣкоего Сѣенела, вольноотпущенника рода Ациліевъ, челоуѣка греческаго происхожденія, какъ показываетъ имя, который прославился культурою винограда. Онъ, должно быть, получилъ при освобожденіи небольшое помѣстье въ номентанскомъ краю, въ которомъ процвѣтало земледѣліе въ наиболѣе выгодныхъ его формахъ; тщательно обработалъ его и достигъ такихъ хорошихъ результатовъ, что могъ продать свою землю, состоя-

¹⁾ Гораций очень опредѣленно самъ заявляетъ, что не задается цѣлью работать для увеличенія своихъ средствъ. См. *Sat.* I, 6, 100 sqq. Cfr. *Ibid.* v. 128—131. Еще болѣе энергично чуждается онъ, конечно, различныхъ непрямыя и нечестныхъ путей пріобрѣтенія богатства (*Sat.* II, 6, 8 sqq.).

вшую всего изъ бо югеровъ, но всю засаженную прекрасными виноградниками, за 400,000 сестерціевъ ¹⁾). Въ Сѳенелѣ мы видимъ образецъ средняго землевладѣльца ²⁾, составившаго себѣ весьма порядочное состояніе именно энергичнымъ и интенсивнымъ хозяйствованіемъ на небольшой площади земли, присвоенной ему, какъ собственность. Подобнаго же рода примѣры иногда можно встрѣтить въ надписяхъ. Такъ, въ южной Этруріи, стало быть, недалеко отъ Рима, найдена погребальная плита, въ которой упоминается помѣстье одного вольноотпущенника—*Fundus Cutuleniensis*, представлявшее, повидимому, довольно солидную сельско-хозяйственную эксплуатацію. Въ немъ находились, какъ обнаруживается изъ текста надписи, значительныя постройки; у помѣщика-либертина были собственные рабы и даже вольноотпущенные, которые, нужно думать, служили ему земледѣльческими рабочими (*servi rustici*) и фермерами (*coloni*) ³⁾. Изъ литературныхъ памятниковъ болѣе обильные аналогичныя факты можно собрать у авторовъ позднѣйшаго времени, на примѣръ, у біографовъ императоровъ II-го и III-го вѣка (*scriptores historiae Augustae*) и отчасти у Светонія ⁴⁾.

Выдѣляя (въ дополненіе къ даннымъ Горация) специальное мѣсто для сельскихъ хозяевъ послѣдняго типа, какъ отдѣльной группы собственниковъ, слѣдуетъ спросить себя, выработалась ли изъ нихъ (вопреки заключенію, прямо выведенному изъ сочиненій поэта) серьезная социальная сила въ государствѣ, которая приготовила бы почву для питанія и развитія самостоятельнаго общественнаго слоя? Это одинъ изъ коренныхъ вопросовъ исторіи римскаго землевладѣнія во времена имперіи. Утвердилась ли въ ней средняя собственность, достаточно могущественная, чтобы создать противовѣсъ круп-

¹⁾ *Plin.* Н. п. XIV, 48: „...Summam ergo adeptus est gloriam Acilius Sthenelus e plebe libertina LX iugerum non amplius vineis excultis in Nomentano agro atque cccc nummum venundatis...“

²⁾ Навѣрно неизвѣстно, продалъ ли онъ всю свою землю или только часть ея.

³⁾ *Corp. Inscr. Lat.* XI, 8932 (Сарена).

⁴⁾ Здѣсь приведены только частныя примѣры: весь же относящійся сюда матеріалъ будетъ пересмотрѣнъ, согласно плану настоящаго сочиненія, во второмъ его томѣ.

ной и возвратить общественному зданію потерянную устойчивость? — Новые ученые, старающіеся доказать, что римское государство не было страной исключительнаго преобладанія крупнаго землевладѣнія, во главѣ ихъ, съ одной стороны, Моммзенъ ¹⁾, съ другой—Фюстель де Куланжъ ²⁾, стремятся обнаружить присутствіе и даже распространеніе средней, а также мелкой собственности въ провинціяхъ и самой Италіи. Моммзенъ обращаетъ вниманіе на цѣлый рядъ землевладѣльцевъ съ помѣстьями небольшой величины на сѣверѣ и въ центрѣ полуострова, существованіе которыхъ констатируется извѣстными алиментарными надписями временъ Траяна ³⁾. Фюстель де Куланжъ кромѣ того выдвигаетъ важный фактъ развитія во время имперіи провинціально-муниципальнаго землевладѣнія средняго типа ⁴⁾.

Факты, подобные тѣмъ, на которыхъ настаиваетъ Моммзенъ, занимаютъ, мы видѣли, довольно мало мѣста въ картинѣ, нарисованной Гораціемъ. Врядъ ли скрываетъ онъ ихъ, чтобы они не нарушали цѣльности изображенія, такъ какъ сознательно не стремится къ такой цѣльности. Но, можетъ быть, онъ ихъ не знаетъ, если они составляли особенность именно тѣхъ двухъ угловъ Италіи, къ которымъ относятся надписи, и еще немногихъ другихъ; можетъ быть, наконецъ, они слились въ его представленіи съ общимъ процессомъ поглощенія крупною собственностью болѣе мелкихъ ея формъ, какъ недостаточно выдѣляющіеся изъ него. Нельзя, конечно, критиковать Моммзена Гораціемъ; напротивъ того, данныя, вскрываемыя первымъ въ источникахъ, могутъ послужить основаніемъ для критики односторонности представ-

¹⁾ См. его очень любопытную и замѣчательную статью „Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln“ въ журналѣ *Hermes* (XIX Band, 1884).

²⁾ L'alleu et le domaine rural pendant l'époque Mérovingienne (p. 15—42).

³⁾ Это такъ называемая Велейская таблица (*Corp. Inscr. Lat.* XI, 1147) и таблица Лигуровъ Бэбіановъ (*Ibid.* IX, 1455).

⁴⁾ См. также соотвѣтствующія главы въ первыхъ двухъ томахъ (3 изд.) его большаго сочиненія по исторіи общественнаго строя древней Франціи (*La Gaule Romaine et l'invasion Germanique*). Ср. еще въ работѣ *A. H. Blumenstock, Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums* (1-er Band, Innsbruck, 1894), кн. I, гл. 6-ю: „Der kleine und der grosse Grundbesitz“ (въ римскомъ провинціальномъ мѣрѣ).

лений самого поэта. Моммзенъ вообще, разумѣется, не отрицаетъ существованія и прогресса крупнаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ во времена республики; но онъ связываетъ фактъ нѣкотораго замѣтнаго возрожденія и упроченія мелкой и средней собственности въ эпоху утвержденія имперіи, который засвидѣтельствованъ будто бы цитированными эпиграфическими текстами, отчасти именно съ тѣми многочисленными раздачами земель ветеранамъ, которыя широко практиковались диктаторами и триумвирами послѣдняго вѣка до Р. Хр. ¹⁾. — Гораций, какъ уже было отмѣчено выше, не запечатлѣлъ почти въ своихъ стихотвореніяхъ памяти объ этихъ часто повторявшихся актахъ аграрной политики вождей римскаго народа. Можетъ быть, такой пробѣлъ объясняется личною осторожностью его, не желавшаго затрагивать дѣла, близко коснувшася его самого, какъ пострадавшаго отъ конфискацій, которыя производились въ пользу ветерановъ. Но возможно также, что молчаніе его служить косвеннымъ доказательствомъ того, что землевладѣніе ветерановъ дѣйствительно не играло въ земельно-экономическомъ развитіи Италіи той роли, которую ему можно было бы приписать а priori.

Разъясненіе этого вопроса является трудною задачею, до сихъ поръ обстоятельно не изученною. Рѣшеніе ея требуетъ тщательнаго спеціальнаго изслѣдованія. Въ настоящемъ этюдѣ не приходится ставить такой самостоятельной научной цѣли; но все же позволительно и здѣсь высказать, по поводу мнѣнія Моммзена, нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ пролить на этотъ еще темный пунктъ нѣкоторый, какъ кажется, достовѣрный свѣтъ. — Данныя, приводимыя знаменитымъ ученымъ, и высказываемыя имъ соображенія, недостаточны, чтобы подорвать только что установленный результатъ. Колонизація италійской почвы ветеранами примѣнялась въ довольно большомъ масштабѣ, начиная отъ Суллы и кончая вторыми триумвирами ²⁾. Если разсматривать фактъ этотъ

¹⁾ См. *Hermes*, XIX (1884), p. 399—402.

²⁾ Главные тексты объ аграрныхъ мѣрахъ указанной эпохи указаны у Марквардта. См. *Römische Staatsverwaltung*, I (2 Aufl.), 110—117. Ср. ст.

самъ по себѣ, то, въ самомъ дѣлѣ, легко подумать, что онъ могъ внести сильную новую струю въ процессъ земельной эволюціи, совершавшейся на полуостровѣ. Значительная масса народа была посажена на землю и должна была содѣйствовать насажденію особаго типа мелкаго или средняго землевладѣнія, — такъ сказать, „крупнаго крестьянства“ —, въ Италіи, почва которой была передъ тѣмъ уже покрыта латифундіями на значительныхъ пространствахъ ¹⁾. — Однако, чтобы такая мысль получила извѣстную устойчивость, какъ предположеніе, направляющее дальнѣйшее изслѣдованіе, необходимо выяснитъ еще одну сторону дѣла. Надобно представить себѣ, насколько та социальная категория гражданъ, которая предназначалась къ возрожденію класса крестьянъ-собственниковъ, хорошо обезпеченныхъ и щедро надѣленныхъ землею, была способна къ выработкѣ въ себѣ постоянныхъ и стойкихъ земледѣльческихъ склонностей и трудовыхъ навыковъ, какъ отличительнаго классоваго признака и опредѣленной традиціи? — Приходится отвѣтить, что врядъ ли можетъ быть найдено достаточно оснований для благопріятнаго отвѣта на этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ подтвержденіе высказаннаго только что сужденія можно напомнить нѣсколько извѣстныхъ подробностей о судьбѣ испомѣщенныхъ на италійскихъ земляхъ ветерановъ Суллы (*possessores Sullani*). Выше уже указывалось, что ветераны были, въ большинствѣ случаевъ, людьми, испорченными междоусобными войнами, привыкшими жить на добычу и утерявшими крестьянскіе вкусы и привычки. Нельзя не думать, что въ массѣ они оказались не въ состояніи оплодотворить полученныя земли работой, удержать ихъ за собою, сохранить самостоятельность и тѣмъ способствовать разрѣшенію въ желательномъ направленіи опаснаго земельного кризиса, въ которомъ находилось государство. Авторы прямо говорятъ,

Humbert y Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités подъ словомъ *colonia*.

¹⁾ Надѣлы, предлагавшіеся ветеранамъ, колебались по величинѣ; но господствовавшей при раздачахъ тенденціей было, какъ кажется, назначать большіе участки. См. данныя, собранныя въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, затрогивающихъ этотъ вопросъ.

что ветераны нерѣдко растрчивали новое достояніе на пустыя затѣи и праздную, разгульную жизнь ¹⁾. Тѣ же, которые принимались за хозяйство, вели его обыкновенно неумѣло, лѣниво и непроизводительно, разорялись, продавали земли ²⁾, оставались безъ имущества, и тогда снова дѣлались готовы на всякія крайности. Они доставляли горючій матеріалъ для политическихъ заговоровъ ³⁾, иногда даже предавались разбою, не дожидаясь повода, который помогъ бы имъ вмѣшаться въ государственныя неурядицы ⁴⁾. Только немногіе между ветеранами, можетъ быть, оказались годными войти, какъ дѣятельные элементы въ процессъ дальнѣйшей борьбы между крупной и мелкой собственностью въ Италіи, и потому не смогли увеличить замѣтнымъ образомъ шансовъ ея успѣха.

Къ тому же самыя обстоятельства, при которыхъ совершалось основаніе колоній ветерановъ, были таковы, что ими могли воспользоваться для своего обогащенія гораздо лучше экономически и политически сильныя группы общества, чѣмъ мелкіе собственники крестьянскаго типа. Тогда производились, какъ извѣстно, многочисленныя проскрипціи и массовыя кон-

¹⁾ Саллюстій такъ именно высказывается о ветеранахъ, награжденных Суллою (*Catil.* 16): „...et quod plerique Sullani milites, largius suo usi, rapinarum et victoriae veteris memores, civile bellum exoptabant...“ Ср. *Cic.* In *Catil.* II, 9, 20: „Hi sunt coloni, qui se in insperatis repentinisque pecuniis sumptuosius insolentiusque iactantur“. Все данное мѣсто Цицерона (надо прочитать текстъ его дальше) можетъ служить развитіемъ мысли, выраженной въ только что приведенныхъ словахъ Саллюстія словами „largius suo usi“.

²⁾ Отчужденіе ассигнированныхъ надѣловъ, правда, въ большинствѣ случаевъ запрещалось законами, которыми основывались колоніи, но на дѣлѣ было не трудно обойти ихъ букву. Цицеронъ, напримѣръ, прямо ссылается на такое нарушеніе ветеранами постановленія Суллы о неотчуждаемости розданныхъ имъ участковъ. См. *De leg. agr.* II, 28, 78. Не желая и не умѣя хозяйствовать, ветераны, въ лучшемъ случаѣ уступали свои надѣлы въ аренду обезземеленнымъ фермерамъ, какъ было видно на примѣрѣ Умбрена у Горація. Но, по необходимости, низкая въ этотъ смутный періодъ норма арендной платы, доставляла недостаточный доходъ, побуждала ихъ обыкновенно отдѣлываться отъ мало выгодныхъ помѣстій.

³⁾ Они именно, напримѣръ, сильно поддерживали Катилину. См. необходимыя ссылки въ статьѣ *G. Humbert* подъ словомъ „colonia“ у *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités*, I, 1311.

⁴⁾ *Sall. Catil.* 28: „...in Etruria... latrones cuiusque generis, quorum in ea regione magna copia erat, nonnullos ex Sullanis colonis, quibus libido atque luxuria ex magnis rapinis nihil reliqui fecerant“.

фискаціи, и изъ послѣдствій ихъ обнаружилась вся пагубность такихъ мѣръ произвола и насилія. Большія пространства захваченныхъ земель остались незаняты ветеранами; одни изъ нихъ пускались въ продажу, многія пустовали. Громадныя количества недвижимостей, наполнившія рынокъ, безъ сомнѣнія, должны были вызвать сильное пониженіе цѣнъ на земли. Подъ влияніемъ этого разгорѣлись аппетиты, поднялась широкая спекуляція, производились и просто наглые захваты свободныхъ мѣстъ. Все это облегчило сосредоточеніе ихъ вновь большими комплексами въ рукахъ капиталистовъ ¹⁾. Итакъ конфискаціи и раздачи ветеранамъ въ той обстановкѣ, въ которой онѣ имѣли мѣсто, не только не обусловили возстановленія класса трудолюбивыхъ и хорошо обеспеченныхъ крестьянъ; но, напротивъ, скорѣе способствовали дальнѣйшему росту лати-фундій, которыя быстро утвердились даже въ мѣстностяхъ, отданныхъ подъ колоніи ветерановъ ²⁾. Съ такимъ мнѣніемъ относительно результатовъ, достигнутыхъ аграрными мѣро-пріятіями Суллы, согласенъ самъ Моммзенъ ³⁾.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что судьба той мелкой собственности, которая создана была въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи ассигнаціями вторыхъ триумвировъ, могла оказаться устойчивѣе. Утвердившійся скоро миръ и прекращеніе гражданскихъ смуть, конечно, должны были улучшить положеніе трудящихся классовъ. Но этого было мало для упроченія процвѣтанія группъ новаго италійскаго крестьянства. Ветераны не могли сразу переродиться, проникнуться любовью къ земледѣлію и выработать въ себѣ цѣлкіе инстинкты пахарей. Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ вида того обстоятельства, что правительства, производившія раздачу.

¹⁾ См. *Cic. De leg. agr. III, 8, 12*: „Sunt enim multi agri lege Cornelia publicati, nec cuiquam adsignati neque venditi, qui a paucis hominibus impudentissime possidentur“. Рѣчи Цицерона объ аграрномъ законѣ, за Республіку римскую и другіе источники этого времени полны свидѣтельствъ о такой спекуляціи и хищеніяхъ. См. *Fr. Beaudouin, La limitation des fonds de terre à Rome*, p. 141—142.

²⁾ *Cic. De leg. agr. II, 28, 78*: „...At videmus, ut longinqua mittamus, agrum Praenestinum a paucis possideri“. Территорія города Пренесте была ассигнирована между прочими мѣстностями сулловымъ ветеранамъ. См. *Flor. II, 9, 27* (III, 21, 27); Ср. *Strab. V, p. 299*.

³⁾ См. *Röm. Gesch. III, 392* (7 Aufl.).

очень мало заботились о гарантировании владения за новыми собственниками разумною системою кредита и государственной поддержки. Надѣленія ветерановъ землею были, по большей части, чрезвычайными актами личной политики вождей, вызванными интересами минуты, надобностью предводителя или выгодой партіи. Они являлись способами дешеваго вознагражденія арміи послѣ побѣды въ междоусобной войнѣ на счетъ побѣжденныхъ, а вовсе не попытками безкорыстнаго и глубокаго разрѣшенія соціальнаго бѣдствія. Поэтому-то подобныя мѣропріятія не основывались на строго обдуманномъ планѣ аграрныхъ реформъ, который проводился бы послѣдовательно съ предвидѣніемъ дальнѣйшихъ справедливыхъ и цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствія; онѣ обрушивались на жителей избранныхъ мѣстностей, какъ быстрыя тираническія споліаціи, а новымъ владѣльцамъ не давали опоры, въ которой они крайне нуждались, и не вызвали въ нихъ свойствъ, которыхъ имъ недоставало. Необходимо прибавить къ сказанному, что самыя особенности экономическаго развитія и взаимодѣйствія странъ, вошедшихъ въ составъ римской имперіи, въ изучаемый моментъ требовали крупнаго производства; а послѣднее посильно было только владѣльцамъ латифундій и рабской массы, и съ нимъ трудно было конкурировать особенно неопытному крестьянству, только что посаженному на землю и не пустившему еще въ нее сильныхъ и крѣпкихъ корней.

Все только что изложенное представляетъ, необходимо сознаться, только гипотетическій набросокъ, нуждающийся въ обстоятельной аргументаціи, чтобы обратиться въ твердый выводъ. Но начерченное построеніе, думается, правильно освѣщаетъ вѣроятныя судьбы землевладѣнія ветерановъ въ Италіи и удовлетворительно объясняетъ, почему оно лишь очень слабо и недолговременно могло задержать паденіе мелкой собственности. Возвращаясь къ упомянутому взгляду Моммзена о сохраненіи крестьянскаго землевладѣнія въ сѣверной и средней Италіи въ началѣ II-го вѣка послѣ Р. Хр., надо выдвинуть еще слѣдующую особенность, признаваемую самимъ знаменитымъ авторомъ. Документы, на которые онъ опирается, правда, доказываютъ существованіе на территоріяхъ трехъ городскихъ общинъ, Велеи и Пла-

ценции съ одной стороны, Беневента съ другой, — мелкой и средней собственности ¹⁾; но они же отражают на себѣ непрерывность процесса постепеннаго поглощенія этихъ формъ аграрнаго строя крупнымъ помѣстьемъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ. Причемъ изъ внимательнаго анализа текста надписей обнаруживается, что, въ Велеѣ довольно значительная часть мелкихъ владѣльцевъ уже обезземелена богатыми помѣщиками, соединившими въ своихъ рукахъ цѣлые комплексы *fundi*; въ Беневентѣ же эволюція эта совершалась медленно, и гораздо большее число первыхъ (крестьянъ-владѣльцевъ) сохраняло еще свои участки ²⁾. Наконецъ, нужно отмѣтить, что эпиграфическіе памятники, которые изслѣдуются великимъ историкомъ, сами по себѣ связаны съ попыткой императора Траяна, направленною не только къ основанію чисто благотворительнаго учрежденія, но также къ поддержанію падавшей италійской мелкой и средней собственности черезъ посредство государственной ссуды ³⁾.

Такимъ образомъ, противорѣчіе между картинкою Горация и взглядомъ современнаго ученаго сглаживается: оно оказывается разницею не принципиальною, а лишь количественною, разницею степени. Моммзенъ лишь нѣсколько ограничиваетъ абсолютность вывода, получающагося изъ изученія Горация относительно состоянія италійскаго землевладѣнія. Что же касается провинціального, то Гораций, несомнѣнно, зналъ его гораздо хуже, чѣмъ первое, и могъ говорить только вообще о томъ, что было въ провинціяхъ аналогичнаго съ земельными отношеніями полуострова, не имѣя возможности и интереса изучать особенности социально-экономическаго развитія отдѣльныхъ странъ. Но и тутъ въ подтвержденіе общей правиль-

¹⁾ Моммзенъ называетъ ее „крестьянскимъ землевладѣніемъ“. См. *Herms*, XIX, p. 401; 402; 406.

²⁾ *Mommsen* (ibid. p. 406): „...in der Aemilia ist ein sehr viel beträchtlicher Theil des alten Kleinbesitzes an die Grossbesitzer übergegangen als im Beneventanischen, wahrscheinlich weil die reichen Fluren der Polandschaft das Capital mehr anlockten als das hirpinische Hügelland“. Фактически, очень интересныя подробности можно найти въ означенной статьѣ. Къ детальному разбору этихъ данныхъ авторъ настоящаго сочиненія вернется во второмъ его томѣ.

³⁾ См. любопытное замѣчаніе о социально-экономической подкладкѣ элементарныхъ институтовъ императора Траяна у *O. Hirschfeld*, *Verwaltungsgeschichte*, p. 116. Ср. *Mispoulet*, *Les instit. polit. des Romains*, II, 240.

ности картины, извлекаемой из сочинений поэта, нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Землевладѣніе среднихъ размѣровъ гражданъ многочисленныхъ муниципальныхъ міровъ, возникшихъ во внѣ-италійскихъ областяхъ, которому придаетъ большое значеніе Фюстель де Куланжъ, было явленіемъ позднѣйшимъ; оно образовалось или, по крайней мѣрѣ, окрѣпло въ силу комбинаціи отношеній, выросшихъ изъ императорскаго переворота и пробившихся ясно наружу лишь въ концѣ I вѣка по Р. Хр. Да и это новое явленіе не уничтожало, а только приостанавливало успѣхи основного процесса скопленія земель въ немногіе большіе владѣльческіе комплексы и на почвѣ провинціальныхъ странъ.

Въ общемъ же правилѣ во время Горация, нужно думать, среднее землевладѣніе, если понимать его, какъ широкое и самостоятельное, здоровое и нормально развивающееся социальное явленіе, не составляло типической особености земельного строя римскаго государства. Лицомъ къ лицу другъ съ другомъ въ Италіи въ моментъ утвержденія имперіи стояли усиливающееся земельное магнатство и разлагающееся крестьянство. Земельныя имущества, подобныя виллѣ Горация, или производительныя помѣстья, подобныя приведеннымъ примѣрамъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣли своей собственной оригинальной и продолжительной жизни. Являясь придатками, подчиненными крупнымъ земельнымъ владѣніямъ, выдѣленными лишь для содержанія зависимыхъ лицъ, — кліентовъ, вольноотпущенныхъ, — они нерѣдко снова воссоединялись съ обширными цѣлыми, отъ которыхъ временно были отколоты, переходя обратно по завѣщанію къ прежнимъ патронамъ ¹⁾; или же они „худѣли“ на подобіе крестьянской собственности.

Съ другой стороны, если мы видимъ, что имѣнія разсматриваемой категоріи служили орудіями настоящей экономической работы для ихъ владѣльцевъ, то таковая одушевлялась, по большей части, не сельскохозяйственными побужденіями, а цѣлями денежной спекуляціи, въ которой эксплуатація

¹⁾ Гораций завѣщалъ свое имущество Августу (*Suet. Vita Hor. ed. Róth* p. 298), и случай этотъ не долженъ представляться, какъ исключительный, а напротивъ, какъ очень обычный, особенно въ кругу вольноотпущенныхъ, но также и кліентовъ вообще.

земли представляла лишь одно изъ постоянно мѣняющихся средствъ. Но и при такомъ положеніи вещей обработанныя такимъ образомъ помѣстья обыкновенно также присоединялись рано или поздно къ которому-нибудь изъ существовавшихъ уже крупныхъ недвижимыхъ состояній, содѣйствуя его дальнѣйшему росту. Сліяніе могло происходить очень скоро, пока имѣніе оставалось еще небольшимъ, какъ было показано на примѣрѣ номентанскаго виноградника Свенела. Иногда же оно, въ силу хорошаго веденія хозяйства и удачныхъ приобретений, выросло въ болѣе значительное цѣлое и тогда только отчуждалось въ крупныя руки.

Интересный примѣръ послѣдняго рода находимъ въ свѣтоніевой біографіи грамматика Реммія Палемона ¹⁾. Это былъ ловкій дѣлецъ, который чрезвычайно искусно работалъ надъ приращеніемъ своего состоянія и широко пользовался для роскошной жизни очень большими и весьма разнообразными по ихъ источникамъ доходами. Онъ получалъ около 400.000 сестерціевъ отъ своего преподаванія (то-есть, ежегодно приобрѣтала всаднической цензъ); не менѣе давало ему его постоянное недвижимое имущество, составившееся, вѣроятно, постепенно при помощи утилизаціи на покупку земель накопленныхъ излишковъ отъ заработка. Онъ увеличивалъ свои богатства и тщательною заботою объ улучшеніи культуры помѣстій, и коммерческими предпріятіями: кромѣ обычныхъ финансовыхъ операций, которымъ онъ предавался, какъ и всѣ римскіе капиталисты, онъ основалъ и выгодно поставилъ мастерскую готоваго платья, которымъ и торговалъ ²⁾. Исторія одного изъ его имѣній намъ случайно извѣстна, и мы видимъ изъ нея, что земля служила ему для спекуляціи помощью перепродажи. Плиній Старшій рассказываетъ ³⁾, что Реммій приобрѣлъ за 600.000 сестерціевъ запущенное помѣстье съ виноградниками около Ноента. Съ помощью свѣдущаго управляю-

¹⁾ *Suet.* De grammatic. 28.

²⁾ *Ibid.* „Luxuriae ita indulisit, ut saepius in die lavaret, nec sufficeret sumptibus, quanquam ex schola quadringena annua caperet, ac non multo minus ex re familiari; cuius diligentissimus erat, cum et officinas promercalium vestium exercebat, et agros adeo coleret, ut vitem manu eius insitam satis constet CCCLX. aras edidisse...“

³⁾ *Plin.* H. n. XIV, 50.

шаго (уже известнаго Сенека) онъ такъ хорошо устроилъ это помѣстье и настолько поднялъ его культуру, что не болѣе, какъ черезъ 8 лѣтъ могъ продавать неготовый еще урожай винограда на корню за 400.000 сестерціевъ. Это самое помѣстье Реймій Палемонъ продалъ знаменитому философу Сенека, лѣтъ 10 послѣ того, какъ купилъ его самъ, за четверную цѣну, то-есть, за 2.400.000 сестерціевъ. Такимъ образомъ, оно, доставивъ большую выгоду владѣльцу, вошло въ составъ огромныхъ земельныхъ имуществъ одного изъ самыхъ крупныхъ магнатовъ I вѣка по Р. X. ¹⁾

Наконецъ, описываемый типъ средней земельной собственности могъ развиваться еще по одному направленію: онъ оказывался иногда эмбриономъ, изъ котораго возникала и постепенно выростала новая латифундія, или зерномъ для сложнаго, то-есть, разсѣяннаго въ различныхъ мѣстахъ земельного состоянія крупныхъ размѣровъ. Очень характерный образецъ такого перерожденія скромнаго земельного имущества въ могущественную частновладѣльческую территорію и параллельно блестящей карьеры бѣднаго и темнаго человѣка, нажившаго большія богатства и достигшаго высшихъ почестей, представляетъ біографія императора Пертинакса ²⁾. Отецъ его, вольноотпущенникъ по происхожденію, владѣль незначительнымъ помѣстьемъ въ лигурійскихъ Аппенинахъ, полученнымъ имъ за женою; доходность его онъ увеличивалъ, устроивъ въ немъ производство угля для продажи. Самъ Пертинаксъ сначала продолжалъ заниматься промысломъ отца ³⁾; потомъ рѣшилъ попытать счастья на государственной службѣ. Онъ вступилъ въ войско, отличился, возвысился и получилъ въ Дакіи хорошій административный постъ съ жалованьемъ въ 200.000 сестерціевъ. Ему удалось приобрести сенаторское достоинство и дойти до консульскаго званія; затѣмъ онъ былъ посланъ намѣстникомъ въ Сирію. До этого мо-

¹⁾ *Ibid.* 51. О состояніи Сенеки см. *Tac. Ann.* XIII, 42.

²⁾ См. *Scriptores historiae Augustae; Capitolini, Pertinax*, сарр. 1, 2, 3, 9, 12.

³⁾ *Capitol. Pert.* 1: „...Pater libertinus Helvius Successus fuit, qui filio nomen ex continuatione lignariae negotiationis, quod pertinaciter eam rem gereret, imposuisse fatetur. Natus est Pertinax in Appennino in villa matris...“ *Ср. гл. 8:* „...pater eius tabernam coctiliciam in Liguria exercuerat...“

мента, говорить биографъ, онъ велъ себя честно. Но въ провинци послѣ смерти Марка Аврелія сталъ предаваться лихоимству. Послѣ управления тремя областями, онъ вернулся въ Римъ; попавъ въ немилость у императора Коммода, онъ долженъ былъ удалиться на родину, въ Лигурію, гдѣ скупилъ себѣ много земель, такъ что старое отцовское маленькое помѣстье затерялось внутри образовавшагося вокругъ огромнаго владѣнія ¹⁾. Кромѣ того онъ черезъ подставныхъ лицъ, даже черезъ своихъ рабовъ велъ различныя коммерческія дѣла, между прочимъ, занимался ростовщичествомъ и легко расширялъ свои владѣнія присвоеніемъ за долги участковъ остававшихся еще тамъ, но разорявшихся мелкихъ собственниковъ ²⁾. Пертинаксъ самъ дѣятельно велъ хозяйство до тѣхъ поръ, пока улучшившіяся обстоятельства не сдѣлали для него возможнымъ возобновленіе карьеры: онъ назначенъ былъ римскимъ префектомъ, и, наконецъ, дворцовый военный переворотъ далъ ему въ руки верховную власть. Таковъ оригинальный путь, пройденный Пертинаксомъ отъ рабочей хижины до императорскаго дворца. Можно было бы сказать, что его примѣръ, какъ относящійся ко времени гораздо болѣе позднему, не подходитъ къ освѣщенію изучаемой эпохи, если бы нельзя было напомнить совершенно аналогичныя фигуры разночинцевъ, сдѣлавшихся крупными собственниками, а иногда и важными лицами въ государствѣ,—которыя извлечены выше изъ сочиненій самого Горация. Случай Пертинакса только извѣстенъ подробнѣе, и онъ вполне годенъ для подтвержденія выставленнаго положенія; онъ только показываетъ вдобавокъ, что земельная аристократія въ концѣ II вѣка имперіи не сдѣлалась еще сословіемъ, вполне закрытымъ для притока внѣшнихъ элементовъ изъ низшихъ слоевъ общества.

Такимъ образомъ, приведенные факты, взятые только, какъ примѣры изъ другихъ источниковъ и сближенные съ дан-

¹⁾ *Ibid.* с. 3: „Sed posteaquam in Liguriam venit, multis agris coemptis tabernam paternam manente forma priore infinitis aedificiis circumdedit“.

²⁾ *Ibid.* „Fuitque illic per triennium et mercatus est per suos servos“.—С. 9: „Avaritiae suspiciene privatus non caruit, cum apud vada Sabatia oppressis fenore possessoribus latius suos tenderet fines“.

ными Горация, легко сливаются съ ними въ одну картину, и ихъ анализъ подтверждаетъ выше сформулированный выводъ о сильномъ преобладаніи крупной собственности не только надъ мелкою, но и надъ среднею въ Италіи. Что же касается провинцій, то мѣстами въ нихъ, какъ напримѣръ, въ Африкѣ, Сициліи, Испаніи, отчасти Галліи и Азіи, особенно Египтѣ, почва также захватывалась латифундіями ¹⁾; въ общемъ же правилѣ тамъ господствовали пока неупорядоченныя земельныя отношенія, такъ какъ опредѣленныя нормы права еще не установились, а выработавшіяся раньше формы были подорваны завоеваніемъ, и населеніе многихъ областей разорено полутора вѣками хищническаго управленія римскихъ проконсуловъ и безпощадной эксплуатаціею публикановъ ²⁾.

Крупная собственность подавила къ концу періода республики исконное римское крестьянство. Народъ долженъ былъ подчиниться экономическому гнету могущественнаго магнатства. Въ соотвѣтствіи съ такимъ земельнымъ переворотомъ, постепенно усиливаясь, достигла полного преобладанія аристократизація общественнаго строя, и утвердился политическій произволъ привилегированнаго, своекорыстнаго и мало предусмотрительнаго меньшинства. Всѣ тяжелья противорѣчія между богатствомъ нобілія или публикана и бѣдностью пролетарія, правами гражданина и безправіемъ

¹⁾ Быстрый ростъ латифундій въ Сициліи, констатируется для республиканскаго уже періода Цицерономъ (см. II *In. Verr.* III, 51, 120), который при этомъ напрасно приписываетъ Верресу слишкомъ много вліянія въ этомъ процессѣ. Флоръ (Epit. III, 19) относительно времени рабской войны прямо говоритъ „(Sicilia,) terra frugum ferax ...latifundiis civium Romanorum tenebatur“.— Африка вполне хорошо извѣстна, какъ страна необыкновенно могущественной крупной собственности. Данниа о распространеніи послѣдней въ другихъ областяхъ будутъ собраны во второмъ томѣ „Очерковъ“.

²⁾ См. описаніе положенія Азіи въ концѣ республики въ книгѣ *G. d'Hugues, Une province romaine sous la république. Etude sur le proconsulat de Cicéron* (P. 1876). Невыработанность и нестрога права землевладѣнія въ провинціяхъ въ то время хорошо указаны въ работѣ *A. H. Blumenstock, Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums* (Innsbruck, 1894). Ср. любознательныя данныя у *M. Weber, Römische Agrargeschichte* (Stuttgart, 1891); также *O. Karlowa, Römische Rechtsgeschichte* (2-er Band, Leipzig, 1892) и *E. Beaudouin, La limitation des fonds de terre à Rome* (P. 1894).

провинціала, между мирными элементами общества и войскомъ, честолюбіемъ личностей и интересами массъ слились вмѣстѣ въ громадный соціальный кризисъ, который расшаталъ республиканскія учрежденія и разрѣшился утвержденіемъ новаго монархическаго строя. Имперія отняла у аристократіи политическую власть. Чтобы укрѣпиться, она должна была лишить ее узурпированной ею экономической силы, то есть, ослабить ея могущество надъ землею.

Такъ ставилась обстоятельствами соціальная задача новой власти. Для осуществленія ея, имперіи представлялось необходимымъ прежде всего создавать въ противовѣсъ частному крупному землевладѣнію такое же императорское. Цезари могли осуществить это путемъ присвоенія громаднхъ, преимущественно провинціальныхъ, но также италійскихъ территорій, на которыя распространялись верховныя права собственности государства, а также путемъ упорной и послѣдовательной борьбы съ своими политическими врагами и постепеннаго отобранія значительной части ихъ земель черезъ конфискацію и частичное обезземеленіе аристократіи. А затѣмъ, второю мѣрою, тѣсно связанною съ первою и столько же, сколько первая, политически необходимою, являлось созданіе новой мелкой и средней собственности, поддержаніе всѣхъ остатковъ ея въ Италіи и провинціяхъ и упроченіе хозяйственныхъ отношеній, спасительныхъ для общества, путемъ выработки твердыхъ началъ права и государственной защиты. Вышедшая изъ побѣды надъ земельною знатью при сочувствіи безземельныхъ или малоземельныхъ, экономически захудалыхъ и политически подчиненныхъ элементовъ общества, имперія должна была систематически стараться насаждать демократическія формы землевладѣнія, если хотѣла сдѣлать все возможное для укрѣпленія своего господства надъ многомилліоннымъ населеніемъ по преимуществу земледѣльческихъ странъ, объединенныхъ Римомъ въ одно государство.

Такая формулировка соціальной задачи имперіи можетъ быть отчасти выведена и изъ данныхъ, сообщаемыхъ Горациемъ. Выполнила ли ее имперія и могла ли выполнить? Это чрезвычайно важно выяснить. Но на это Гораций, умершій

раньше перваго императора, отвѣта, разумѣется, не дасть. Его надо искать въ изученіи другихъ памятниковъ, которые послужатъ и критикѣ матеріала, извлекаемаго изъ сочиненій поэта, и ихъ дополненію, но для разработки которыхъ его произведенія даютъ уже очень полезную и хорошую точку отправленія.

III.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Т. Помпоній Аттикъ, какъ представитель
особаго типа земельныхъ магнатовъ въ
переходную эпоху отъ республики къ
имперіи.



Т. ПОМПОНИЙ АТТИКЪ, КАКЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОСОБАГО ТИПА ЗЕМЕЛЬНЫХЪ МАГНАТОВЪ ВЪ ПЕРЕХОДНУЮ ЭПОХУ ОТЪ РЕСПУБЛИКИ КЪ ИМПЕРИИ.

„*Latifundia perdidere Italiam, iam vero et provincias*“, — къ такому выводу, формулированному извѣстными словами знаменитаго римскаго натуралиста, необходимо приводить изученіе богатаго соціально-историческаго матеріала, заключающагося въ стихотвореніяхъ Горация ¹⁾. Изреченіе Плинія давно уже повторяють многіе ученые и публицисты, имѣя въ виду освѣтить имъ историческое обобщеніе или даже политическую идею. Въ силу большой его популярности, оно въ концѣ концовъ стало звучать общимъ мѣстомъ и раздражать ухо новыхъ серьезныхъ изслѣдователей древности, желающихъ, чтобы историческая наука была свободна отъ предвзятыхъ идей и чтобы риторическія формулы не производили внушенія на мысль глубокихъ испытателей старины. Такая умственная реакція заставила нѣкоторыхъ замѣчательныхъ историковъ прямо или отчасти отрицать справедливость утвержденія римскаго писателя. Двое изъ нихъ были названы, и мнѣніе ихъ отмѣчено въ предыдущемъ эподѣ ²⁾. Это отрицаніе не было однако до сихъ поръ

¹⁾ Предшествующій очеркъ служитъ аргументомъ для этого тезиса.

²⁾ Фустиель де Куланжъ, напримѣръ (*L'alleu et le domaine rural*, p. 28),

обставлено систематическимъ доказательствомъ противоположнаго положенія, то-есть, того, что крупная собственность въ римскомъ мірѣ вовсе не достигла къ началу имперіи такого развитія, которое подавило бы нормальный ходъ соціальной жизни Италіи и даже провинцій. Противъ тезиса, выраженного въ словахъ Плинія, даже первостепенные историки возражали лишь нѣсколькими случайными примѣрами или указаніемъ на частные факты, будто бы ему противорѣчащія ¹⁾. Но такого рода опроверженія и доводы очень недо-

говаривать очень сильно: „Nous avouerons franchement que ces phrases font peu d'impression sur notre esprit“. Такой скептицизмъ возбуждаетъ въ знаменитомъ авторѣ отсутствіе, по его мнѣнію, твердыхъ данныхъ для утвержденія факта широкаго развитія крупной собственности въ римскомъ мірѣ въ началѣ имперіи: „Nous voudrions savoir quelle était l'étendue ordinaire et moyenne du domaine rural des Romains. Cela revient à nous demander si c'était la petite ou la grande propriété qui régnaît. Il y a sur ce sujet quelques citations, qui sont toujours répétées... Tout le monde connaît le passage où Columelle parle de ces grands propriétaires qui ne pourraient pas faire en un jour, même à cheval, le tour de leurs domaines. Tout le monde sait aussi le mot de Pline sur les *latifundia* qui ont ruiné l'Italie. Il y a encore dans Tacite un mot sur les *villae* qui s'étendent à l'infini, et Sénèque affecte de plaindre ces hommes opulents qui ont des domaines aussi vastes que des provinces“.—Французскій историкъ хочетъ представить дѣло такъ, будто только на подобныхъ декламационныхъ возгласахъ предшественники его основывали капитальный историческій выводъ.

¹⁾ Фюстель де Куланжъ удовлетворяется несомнѣнно безпристрастнымъ разборомъ приведенныхъ имъ же нѣсколькихъ текстовъ, констатирующихъ широкое развитіе крупной собственности, и попыткою доказать, что даже указанные писатели говорятъ о латифундіяхъ, какъ объ исключеніи; затѣмъ онъ старается еще обнаружить при помощи нѣсколькихъ фактовъ, извлеченныхъ изъ *scriptores rei rusticae*, нѣсколькихъ выхваченныхъ изъ другихъ авторовъ мѣстъ и нѣсколькихъ надписей распространеніе въ римскомъ мірѣ обратно мелкаго и средняго землевладѣнія, занимавшихъ будто бы совершенно самостоятельное положеніе рядомъ съ крупнымъ (*Ibid.* p. 24). Это онъ считаетъ достаточнымъ для своей цѣли. Моммзенъ также, какъ говорено выше (въ любезной статьѣ— „Die italische Bodentheilung“, *Hermes*, XIX), высказываетъ довольно рѣзко свое несогласіе съ положеніемъ, которое считаетъ „ходячимъ“. Онъ не только стремится установить „истинный смыслъ“ словъ Плинія, то-есть, ограничить ихъ значеніе (см. напримѣръ, стр. 416: „Aber der tüchtige Mann hat bei diesen unwilligen Worten nicht zunächst den Gegensatz der freien und der unfreien Feldarbeiter im Sinn, sondern wenn nicht allein, so doch hauptsächlich den der ansässigen Kleinbauern und der eigenthumlosen Kleinpächter“); онъ идетъ дальше и заподозриваетъ самую справедливость такого общаго утвержденія о торжествѣ крупныхъ формъ землевладѣнія (*Grossgrundbesitz*), даже при сохраненіи на немъ мелкаго (хотя бы фермерскаго) хозяйства (*Kleinwirthschaft*). Между тѣмъ,

статочны для обоснованія историческаго вывода, который имѣлъ бы цѣлью разрушить привычное представленіе. Научная слабость послѣдняго лежитъ именно въ томъ, что его усваивали и распространяли, но никогда, какъ слѣдуетъ, не подтверждали. Это не удивительно, такъ какъ вообще экономическая исторія древности и, специально, исторія римскаго землевладѣнія мало изучалась еще съ должнымъ вниманіемъ и необходимою широтою плана съ тѣхъ недавнихъ поръ, какъ стали солидно устанавливаться твердые приемы истинно научнаго изслѣдованія социально-историческихъ проблемъ. Чтобы сдѣлать приведенную формулу сильною, чтобы обратить ее въ неопровержимую истину, необходимо послѣдовательно и систематически пересмотрѣть весь имѣющійся матеріалъ; надобно анализировать его шагъ за шагомъ, не теряя изъ вида одушевляющей трудъ общей цѣли, но всегда стремясь исходить изъ строго позитивныхъ данныхъ. Только соблюденіе и соединеніе вмѣстѣ такихъ двухъ условій можетъ привести и въ данномъ вопросѣ къ успѣшному созданію могучаго научнаго

и Моммзенъ не предпринимаетъ полной проверки мѣтис римскаго натуралиста (*Ibid.* „Wie viel dabei Realität und wie viel Phrase ist, soll hier nicht untersucht werden“); онъ думаетъ, что тезисъ Плинія можетъ быть достаточно поколебленъ (стр. 414: „Was bleibt nun übrig von jenem viel besprochenen Wort des älteren Plinius?“) тѣми свидѣтельствами о сохраненіи мелкыхъ и среднихъ участковъ въ двухъ мѣстностяхъ сѣверной и центральной Италіи, которая заключаются въ извѣстныхъ алиментарныхъ таблицахъ времени Траяна, подвергнутыхъ, какъ указано, великимъ историкомъ глубокому и подробному анализу. Авторъ говоритъ (стр. 401): „Im Ganzen genommen ergiebt sich selbst für die trajanische Zeit eine Fortdauer des kleineren Grundeigenthums, welche den landläufigen Vorstellungen über dessen frühzeitigen Untergang eine wesentliche Beschränkung auferlegt“. — Слѣдующій за Моммзеномъ Блуменштокъ („Die Entstehung d. deutschen Immobiliareigenthums“, I, 188) выражается уже съ истинно рѣшительно. Онъ замѣчаетъ, что утвержденіе Плинія „ist eines jener geflügelten Worte, die ein Urtheil von der denkbar grössten Tragweite in kurzer und faselicher Form, leicht zu merken und leicht zu wiederholen, für Jahrhunderte zu einer fast unumstößlichen Wahrheit machen, den Geschichtsforscher blenden und jedes weitere Studium als überflüssig erscheinen lassen“. — Въ своемъ добросовѣстномъ трудѣ, посвященномъ, главнымъ образомъ, другому предмету, авторъ однако еще меньше доказалъ неправоту Плинія, чѣмъ Фвстель де Будапъ и Моммзенъ, хоть и стремился вскрыть слѣды прочно существовавшей мелкой собственности даже въ періодъ паденія римской имперіи.

построенія. Основная задача—стремленіе познать и истолковать соціально-экономическую эволюцію римскаго общества и показать значеніе ея въ процессѣ всемірной исторіи—сообщить широту и значительность самой концепціи работы: тщательность и точность изслѣдованія обусловитъ ея глубину, опредѣлитъ прочность, вдохнетъ въ нее крѣпость и авторитетъ. Совершенно такъ же и въ матеріальномъ мірѣ, только то дерево крупной породы можетъ осуществить всю полноту своего роста и расцвѣта, которое вышло многочисленными и крѣпкими корнями изъ глубокихъ слоевъ плодородной почвы и обильно питается черезъ нихъ живыми силами земли.

Такъ какъ въ исторіи римскаго землевладѣнія основной вопросъ, около котораго вращаются всѣ остальные, есть именно этотъ *вопросъ о развитіи крупной собственности*, то, естественно, центральная задача сосредоточивается здѣсь на основаніи или опроверженіи, въ томъ или другомъ смыслѣ, выписаннаго тезиса Плинія. Работа, вслѣдствіе сложности самаго предмета, распадается на множество частныхъ темъ, на фундаментѣ которыхъ только и можетъ возникнуть знаніе, рассчитывающее на долговѣчность. Помѣщенный выше этюдъ автора настоящихъ строкъ, составленный по Горацию и нѣкоторымъ соприкасающимся съ нимъ источникамъ, представляетъ попытку выполненія одной изъ такихъ темъ. Онъ совершенно реальнымъ и конкретнымъ путемъ приводитъ къ убѣжденію, что крупная собственность дѣйствительно восторжествовала надъ мелкою и среднею ко времени паденія республики, и что именно *большое помѣстье* давало тонъ и направленіе римскому земельному строю въ означенную эпоху¹⁾.

¹⁾ То же мнѣніе (о *латифундіальной собственности* и *мелкомъ фермерствѣ*, какъ *господствующимъ* формахъ земельного строя, опредѣляющихъ отношеніе свободнаго человѣка къ землѣ въ римскомъ мірѣ въ концѣ республики, и о *паденіи крестьянскаго и мелкопомѣстнаго землевладѣнія*), которое поддерживается авторомъ настоящей книги, высказывается нѣмецкимъ ученикомъ, Адольфомъ Шультепомъ, въ послѣдніе годы много занимающимся римскою аграрною исторіею. Въ работѣ, появившейся въ первоначальномъ видѣ нѣсколько позже, чѣмъ напечатанъ былъ въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* (январь 1895 г.) этюдъ автора о Горациі, Шультепъ, привелъ рядъ свидѣтельствъ писателей о распространеніи латифундій (въ числѣ ихъ, между прочимъ,

Выставляя то же положеніе, что и Плиній, Гораций не оставляет его голословнымъ ¹⁾, и передъ глазами читателя его стихотвореній проходитъ галлерей портретовъ латифундіальныхъ собственниковъ, которые играли въ исторіи Рима приписываемую имъ Плиніемъ разрушительную роль. Одни изъ нихъ, какъ было обнаружено,—плодъ фантазіи поэта; другіе

и тѣ, къ которымъ такъ пренебрежительно относится Фюстель де Куланжъ), пишетъ: „Das Ueberhandnehmen des Grossgrundbesitzes kann bei aller gegenüber der einzelnen Stimme aus Philosophen- und Rhetorenmunde gebotenen Reserve bei dem Unisono dieser Stimmen nicht bezweifelt werden“. См. „*Die Römischen Grundherrschaften*“ въ журналѣ „*Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte*“, 2-я книжка 1895-го года, стр. 161.—Тутъ же ниже въ примѣчаніи онъ прибавляетъ: „Es giebt in der agrarischen Welt der Kaiserzeit nur Grossbesitz und Kleinpachtstellen, keine kleinen Bauerngüter“.—Противъ возраженій Фюстель де Куланжа также въ защиту взгляда Плинія выступалъ еще въ послѣднее время французскій же авторъ, *E. Dramard*, въ пространномъ рефератѣ, прочитанномъ имъ въ парижской *Académie des sciences morales et politiques*. Сжатое изложеніе его напечатано въ *Séances et travaux* этой Академіи за 1895-й годъ подъ заглавіемъ—*Etude sur les latifundia*. Ни Шультепъ, ни, особенно, Драмаръ не задаются, впрочемъ, дѣлю собрать и пересмотрѣть всѣ тексты, въ которыхъ можетъ быть найденъ матеріалъ для отвѣта на вопросъ о степени и широтѣ распространенія крупной собственности во время паденія республики и зарожденія имперіи, или при помощи которыхъ можетъ быть прослѣжено ея возникновеніе и процессъ развитія. Между тѣмъ только такая работа можетъ вмѣстѣ въяснить вопросъ окончательно и установить твердый выводъ. Авторъ даннаго сочиненія занялъ именно изслѣдованіемъ этой задачи и намѣренъ обнародовать результатъ своего труда въ двухъ имѣющихъ выйти впоследствии сочиненіяхъ, посвященныхъ одно развитію частной, другое императорской крупной собственности въ римскомъ мірѣ. Обращеніе вниманія ученыхъ въ послѣдніе годы къ изученію внутренняго организма римскаго крупнаго помѣстья оказывается въ настоящее время большое содѣйствіе научной работѣ въ данной области. Цитированное только что очень почтенное изслѣдованіе Шультепена принадлежитъ именно къ указываемой группѣ работъ. Заглавія другихъ приведены въ историографической части введенія настоящей книги (См. стр. 20, 28, 29, 30, 31). Главными перечислены также всѣ мѣста въ началѣ статьи *F. Beaudouin*, „*Les grands domaines dans l'empire romain*“ (См. *Nouv. revue hist. de droit. fr. et étranger*, 1897, p. 543).

¹⁾ Впрочемъ, не совсѣмъ правильно было бы обвинять въ этомъ и Плинія. Въ различныхъ мѣстахъ его обширнаго сочиненія можно найти не одну картину большихъ помѣстій съ специальными указаніями на отдѣльныя стороны ихъ устройства и хозяйства и на частныя послѣдствія широкаго процесса развитія крупнаго землевладѣнія. Кромѣ того, нужно помнить, что авторъ писалъ для современниковъ, знавшихъ окружающую ихъ дѣйствительность, для которыхъ, ему могло казаться, подробное обоснованіе скорбнаго возгласа, вырвававшегося изъ-подъ его пера, являлось излишнимъ.

представляютъ силуэты дѣйствительно существовавшихъ личностей. И тѣ, и другіе живописуютъ жизнь, но послѣдніе особенно цѣнны для историка; ему было бы особенно интересно и важно отыскать больше такого рода индивидуальных снимковъ, лучше фиксировать ихъ фізіономіи, и вотъ почему.

Развитіе крупныхъ формъ собственности въ римскомъ мірѣ было результатомъ не только экономическихъ условий, среди которыхъ совершалась жизнь древности, но также и слѣдствіемъ особенностей политическаго устройства римлянъ. Римъ былъ государствомъ аристократическимъ, и эволюція его окрашивалась именно ростомъ знати, расширеніемъ ея соціального могущества и политическаго вліянія. Сила знати опиралась на господство ея членовъ надъ землею, какъ главнымъ экономическимъ нервомъ жизни римскаго общества. Стало быть, чтобы точно опредѣлить широту власти аристократіи въ концѣ республиканскаго періода, надо было бы имѣть въ рукахъ всѣ данныя для статистики личнаго состава различныхъ элементовъ высшаго класса римскаго общества и среднихъ размѣровъ ихъ землевладѣнія. Такимъ образомъ, можно было бы выяснитъ, какая, приблизительно, часть территоріи римскаго государства находилась въ рукахъ знати, а изъ этого вывести силу давленія ея на остальное населеніе, разъ будетъ опредѣлена также цифра послѣдняго и установлена величина занятой имъ площади земли. Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, всякаго рода статистическія извѣстія и свѣдѣтельства въ источникахъ римскаго времени либо скудны и неточны, либо недостоверны. Поэтому статистическій методъ можетъ только съ большимъ трудомъ находить примѣненіе при изслѣдованіи соціальной исторіи Рима ¹⁾. Нѣко-

¹⁾ Насколько историко-статистическія изслѣдованія въ области древняго міра являются дѣйствительно сложною задачею, это видно прежде всего изъ особенно рѣзкаго противорѣчія въ результатахъ, къ которымъ въ этой области приходятъ различные равно свѣдущіе и авторитетные ученые. Поучительны тутъ же еще и методологическія разногласія между историками-экономистами по вопросу о способахъ пользованія статистическимъ матеріаломъ, оставленнымъ древностью, и о принципахъ его обработки, которыя также постоянно повторяются. Въ этомъ смыслѣ любопытно прочесть и сооставить только что высказанные съ большимъ убѣжденіемъ противоположные взгляды на эту задачу

торою замѣною ему можетъ однако служить въ извест-
ныхъ случаяхъ и отношеніяхъ методъ біографическій.
Чѣмъ лучше мы знаемъ жизнь отдѣльныхъ членовъ римской
знати и чѣмъ яснѣе представляемъ себѣ въ ней исторію
ихъ состояній, тѣмъ больше получаемъ живыхъ примѣровъ
земельныхъ магнатовъ и реальныхъ картинъ крупныхъ тер-
риторіальныхъ богатствъ.

Еслибы возможно было создать новую „просопографію“
римской знати, имѣя въ виду специально воспроизвести раз-
витіе землевладѣнія всѣхъ известныхъ ея представителей, то
получился бы достаточный матеріалъ для отвѣта на постав-
ленный вопросъ. Правда, не удалось бы получить полного
списка (сословныхъ книгъ) всей римской аристократіи; но въ
рукахъ изслѣдователя оказалась бы сумма опредѣленныхъ
фигуръ, которыя дали бы ему ясное понятіе о численномъ
распространеніи ея въ обществѣ. Мы не въ состояніи были
бы и послѣ этого вывести ариѳметической средней, форму-
лирующей величину ихъ недвижимой собственности; но имѣли
бы передъ глазами рядъ индивидуальныхъ образовъ, которые
позволили бы воображенію правильно представить себѣ обще-
распространенный въ римскомъ мірѣ приблизительный раз-
мѣръ типичнаго крупнаго земельного богатства, опредѣляе-
мый, правда, не числомъ югеровъ владѣній, но достаточно
отчетливымъ общимъ контуромъ ихъ.

Такая задача, сама по себѣ очень большая и трудная,
опять оказывается невыполнимою въ цѣломъ за неимѣніемъ
или скудостью данныхъ для „*имущественной біографіи*“ цѣлага
ряда лицъ. Но и тотъ матеріалъ, который несомнѣнно имѣется
въ источникахъ, можетъ при условіи его тщательной и исчер-

двумя изслѣдователями, много потрудившимися надъ воспроизведеніемъ экономи-
ческаго прошлаго римлянъ, Отто Зеекомъ и Юліемъ Веллохомъ. См. статьи
обоихъ, помѣщенные въ журналѣ „*Jahrbücher für Nationalökonomie und Sta-
tistik*“ за 1897 годъ (томъ 68-II): 1) *O. Seeck*, Die Statistik in der alten Ge-
schichte (S. 161 ff.); 2) *J. Beloch*, Zur Bevölkerungsgeschichte des Alter-
thums (S. 321 ff.). Ср. еще статьи Эдуарда Мейера въ тѣхъ же „*Jahrbücher*“
(томъ 64-II, 1895-го года—рецензія на книгу *Seeck*, „*Gesch. des Untergangs der
antiken Welt*“) и во второмъ томѣ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*
(ст. „*Bevölkerung*“). См. также *R. Pöhlmann*, „*Die Uebervölkerung der anti-
ken Städte*“ (Leipzig, 1884), p. 21 ss.

пывающей обработки послужить уже солиднымъ основаніемъ для сужденія о степени распространенія крупной собственности въ Италіи и провинціяхъ и о степени вліянія ея на земельный строй и социальныя отношенія. До настоящаго времени вниманіе ученыхъ мало обращалось въ сторону такого рода работъ ¹⁾, такъ что специальный изслѣдователь исторіи римскаго землевладѣнія пока лишенъ подспорья, капитальнаго по важности. Самъ онъ не можетъ задаваться цѣлью самостоятельно воспроизвести исторію состоянія всѣхъ членовъ высшаго сословія, о которыхъ можетъ быть отысканъ матеріалъ въ источникахъ, — это былъ бы трудъ для него сразу непосильный; — ему приходится поэтому останавливаться на жизни тѣхъ личностей, относительно которыхъ можетъ быть собрано особенно много подходящихъ къ дѣлу свѣдѣній, и которыя сами по себѣ занимали въ обществѣ какое-нибудь крупное или характерное мѣсто, между прочимъ, именно благодаря своему экономическому положенію. Такимъ образомъ, все-таки получится рядъ опорныхъ пунктовъ, около которыхъ возможно будетъ группировать остальной болѣе отрывочный матеріалъ.

Нижеслѣдующія страницы представляютъ опытъ такого

¹⁾ Самы историки, занимавшіеся изученіемъ социально-экономическаго развитія римскаго общества до сихъ поръ, вѣроятно, не представляли себѣ важности указываемаго вида разсканій; они даже недостаточно пользовались тѣми многочисленными, хотя и случайными, разбросанными свѣдѣніями по затронутому тутъ вопросу, которыя заключаются въ многотомномъ, трудно читаемомъ, но драгоценномъ по громадной массѣ собранныхъ фактовъ сочиненіи *W. Drumann'a* — „Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung“ (6 Bände, Königsberg, 1834—38). Не использованы также въ указываемомъ направленіи данныя, содержащіяся въ различныхъ биографическихъ статьяхъ также неопытнаго до настоящаго времени словаря *Pauly*, „Realencyclopaedie des classischen Alterthums“. Теперь предпринято новое изданіе послѣдняго труда въ переработанномъ видѣ; можно надѣяться, что современные сотрудники дѣла, находящагося подъ ученой редакціей Виссова, обратятъ серьезное вниманіе и на социально-историческую сторону біографій римскихъ дѣателей, какъ это и надлежитъ сдѣлать въ виду того большого значенія, которое получили экономическіе вопросы въ современной историографіи. Хорошимъ справочнымъ пособіемъ при составленіи подобнаго рода изслѣдованій будетъ теперь служить предпринятое берлинскою Академіею (подъ редакціей *Dessau* и др.) и уже сильно подвинутое впередъ очень полезное изданіе — „*Prosopographia imperii Romani*“ (Berolini, 1897—98).

рода этюда, такъ сказать, „экономической биографіи“ извѣстнаго друга Цицерона, Т. Помпонія Аттика. До настоящаго времени его изучали преимущественно историки литературы именно со стороны его „аттицизма“; данный очеркъ, быть можетъ, покажетъ, что онъ интересенъ и для соціального историка ¹⁾.

¹⁾ Какъ аналогичную до извѣстной степени работу, можно указать диссертацию французскаго ученаго *A. Lichtenberger*, „De Ciceronis re privata“ (*Lutetiae Parisiorum*, 1895). Съ этой книгой, рассматривающей состояніе самаго близкаго къ Аттику человека, автору настоящаго сочиненія, удалось ознакомиться только послѣ первоначальнаго напечатанія этюда объ Аттикѣ, какъ землякдѣльцѣ, въ *Журнале Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 г. Появленіе ея пріятно подтверждаетъ, исходя изъ другой ученой среды, правильность только что высказаннаго взгляда о полезности изслѣдованій такого характера.

I.

Происхождение Аттика и разнообразные пути его обогащения.

Мѣсто Аттика среди различныхъ группъ римской аристократіи.—Значеніе его біографіи для исторіи римскаго земледѣлія.

1. Наслѣдственное состояніе Аттика и намѣченный имъ планъ жизни (удаленіе отъ службы и частнохозяйственная дѣятельность) — Отношеніе его къ обществамъ публикановъ.

2. Крупныя капиталистическія предпріятія Аттика.—Второстепенные виды его денежныхъ дѣлъ.—Аттикъ—книжный издатель.—Обогащеніе наслѣдствами.—Результаты пріобрѣтательской работы Аттика и прекращеніе его финансовыхъ операцій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно аристократизація римскаго общественнаго строя способствовала, какъ очень могущественная сила, сосредоточенію въ рукахъ немногихъ частныхъ людей ¹⁾ огромныхъ богатствъ. Своеобразныя особенности эволюціи римскаго государства и общества приводили къ тому, что владѣльцами крупныхъ имуществъ являлись именно члены знати. Но если взглянуть пристально въ составъ правящаго класса въ Римѣ, то нельзя не увидѣть, что въ средѣ его намѣчается нѣсколько группъ и

¹⁾ Гораціи говорятъ, что въ древнемъ Римѣ „privatus illis sensus erat brevis, commune magnus“ (Сатм. II, 15, 18). Теперь если не замѣчалась еще обратная комбинація, то во всякомъ случаѣ измѣнился первый членъ схемы — частные люди обогатились.

вырисовывается нѣсколько оригинальныхъ общественныхъ типовъ. Одни, принадлежавшіе, по большей части, къ представителямъ старыхъ патриціанскихъ или вообще сенаторскихъ фамилій, владѣли большими состояніями, унаслѣдованными отъ отцовъ и приобрѣтенными обыкновенно на службѣ у государства въ видѣ награды за военные подвиги. Они оберегали свою собственность, почти исключительно земельную, потому что въ ней находили необходимое условіе своего словнаго достоинства; они стояли на точкѣ зрѣнія старой республиканской аристократической конституціи и считали себя единственными чистыми носителями истинной національной традиціи. На такомъ классовомъ идеализмѣ они основывали притязанія на неприкосновенность своихъ привилегій и на подчиненіе имъ народной массы. Къ ихъ числу принадлежала большая часть принципальныхъ противниковъ братьевъ Гракховъ.— Другіе были сынами новаго времени, самыхъ послѣднихъ вѣковъ республики, періода, когда экономическія отношенія осложнились, когда расширился составъ римскаго общества, пополняясь элементами, чуждыми старыхъ національныхъ и политическихъ преданій. Послѣдніе выходили главнымъ образомъ изъ среды жителей подчиненныхъ Риму италійскихъ муниципальныхъ міровъ и организовались въ рамкахъ всадничества. Возвышались они часто изъ среднихъ и низшихъ, иногда даже безправныхъ слоевъ общества, благодаря личной удачѣ, обогащаясь участіемъ въ крупныхъ денежныхъ спекуляціяхъ, которыя значительно переродили послѣ присоединенія провинцій старыя формы римскаго хозяйства. Матеріальныя средства и опять главнымъ образомъ земля, въ которую они охотнѣе всего помѣщали свои капиталы ¹⁾, служили имъ

¹⁾ Обыкновенно противопоставить земельную аристократію сенаторскаго шобилитета денежной всаднической знати; но такое противоположеніе, основанное на указанныхъ признакахъ, правильно лишь для болѣе ранняго періода, когда старая аристократія держалась въ сторонѣ отъ крупныхъ финансовыхъ предпріятій, которыя почти всегда составляли спеціальность образующагося всадничества. Съ теченіемъ времени „денежный торгъ“ умекъ и сенаторовъ; но въ силу того первенствующаго положенія, которое земледѣіе до конца занимало въ хозяйственной жизни римскаго міра, приобретенные ими движимые капиталы питали преимущественно ихъ крупныя помѣстья; съ другой стороны это же обстоятельство заставляло и капиталистовъ-всадниковъ спекулировать

лучшимъ оружіемъ для завоеванія политическаго могущества. Вслѣдствіе того они обращались въ жестокихъ хищниковъ изъ-за полученія правительственной власти и достиженія всякаго рода жизненныхъ благъ, связанныхъ съ нею. Это были энергичные честолюбцы и смѣлые пріобрѣтатели, добивавшіеся господства, и потому часто враги сенаторской аристократіи. Они стремились къ эксплуатаціи въ свою пользу всѣхъ экономическихъ средствъ общества и государства и въ силу этого являлись врагами народа; жаждали наслажденій и благодаря тому такъ же часто разорялись и падали внизъ, какъ богатѣли и поднимались въ гору. Первые являлись самымъ прочнымъ остаткомъ стараго, теперь уже неудовлетворительнаго государственнаго зданія, проникнутымъ консервативнымъ инстинктомъ самосохраненія. Вторые оказывались бурнымъ и стремительнымъ элементомъ наступившаго разложенія, готовымъ все сокрушить; такъ мало были они связаны съ завѣтами великаго прошлаго, такъ рады были они воспользоваться всякимъ средствомъ, которое помогло бы имъ стать въ первые ряды. Группа, окрашенная послѣднимъ настроеніемъ, пополнялась, какъ сказано, главнымъ образомъ изъ среды муниципальнаго всадничества, даже отчасти изъ вольноотпущенниковъ; и она расшатывала республику не менѣе своею безпринципностью, чѣмъ первая упорствомъ своего консерватизма. Разумѣется, тутъ очерчены наскоро самые характерные признаки, рѣзко отдѣляющіе другъ отъ друга оба общественные слоя: въ жизни, на самомъ дѣлѣ возникали различные оттѣнки, обусловливавшіе либо возможность сближенія между ними, либо пути зарожденія новыхъ направленій.

больше всего на землю, какъ на самую выгодную цѣнность; такъ что громадные сумми, находившіеся въ ихъ распоряженіи, въ концѣ концовъ, большею частью, обращались въ яемлю, и различія между указанными двумя категоріями знати должны отыскиваться не въ экономическихъ особенностяхъ состояній каждой, а въ ихъ сословной организаціи, социальномъ положеніи и поддерживаемой каждою политикѣ. Высказываемое здѣсь положеніе (ср. *Motzheim, Staatsrecht, III, 511*) требуетъ, несомнѣнно, систематическаго доказательства; но это не составляетъ задачи настоящей работы, хотя можно отмѣтить, что личность Атика, его экономическая и политическая фізіономія представляетъ, между прочимъ, яркій примѣръ, подтверждающій только что указанный взглядъ.

Но въ пылу борьбы между сенаторской и всаднической аристократіей, опасность которой для государства усиливалась растущимъ недовольствомъ низшихъ классовъ, зарождалось также среди представителей крупныхъ магнатовъ еще особое теченіе. Сначала оно охватило лишь немногочисленный кругъ лицъ; но въ послѣдствіи ему предстояла большая будущность. Въ нѣкоторыхъ изъ видныхъ членовъ высшаго общества жизнь стала вырабатывать такія свойства, которыя должны были дать ихъ обладателямъ значительную силу сопротивленія обстоятельствамъ, образовать въ нихъ упорную и искусную социальную цѣпкость и гибкость, вызвать способность и укрѣпить умѣнье ловко приспособляться къ измѣняющимся условіямъ политической среды. Дѣйствительно, наиболѣе дальновидные люди, какъ въ старой (первоначально чисто земельной), такъ и въ новой (первоначально денежной) знати, хотя бы они были республиканцами по симпатіямъ, должны были прійти къ ясному пониманію безнадежнаго положенія такъ называемаго дѣла свободы. Это сознаніе неминуемой гибели республиканскихъ учрежденій привело ихъ къ разочарованію въ силѣ традиціонныхъ принциповъ и скептическому благоразумію при выработкѣ основной „*ligne de conduite*“. Паденіе вѣры въ старые идеалы убило въ ихъ сердцахъ настоящее чувство долга и гражданское одушевленіе, даже вкусъ къ блестящей карьерѣ, господству и власти; страхъ за личную безопасность выдвинулъ на первый планъ стремленіе къ спокойной и обезпеченной отъ превратностей жизни. Послѣднюю могло дать только богатство; но политическая дѣятельность легко и часто сѣждаетъ богатство. Слѣдовательно, имъ надо было сосредоточить всѣ усилія на „пріобрѣтеніи“, систематически устраняясь отъ всякой общественной карьеры въ первую половину земного существованія, чтобы во вторую пользоваться накопленнымъ. Они готовы были покориться всякой власти, въ какихъ бы формахъ она ни воплощалась, лишь бы не требовала отъ человѣка ни героизма, ни доблестей, ни большого напряженія силъ, и лишь бы только давала охрану собранному и сбереженному благамъ.

Кружокъ лицъ, характеризующихся только что описан-

ными свойствами, особенно интересенъ потому, что въ немъ росли элементы, которые лучше всего могли примирить старый социально-экономическій строй — крупное аристократическое землевладѣніе — съ торжествомъ новыхъ политическихъ порядковъ — монархическаго режима. Среди первыхъ по времени представителей этого кружка Т. Помпоній Аттикъ во многихъ отношеніяхъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Это именно обстоятельство дѣлаетъ личность его очень любопытною для соціального историка. Она ярко и полно характеризуетъ одно изъ тѣхъ общественно-психологическихъ настроеній, которыя хорошо отражали на себѣ переживавшійся римскимъ государствомъ громадный соціальный и политическій кризисъ и подготовляли переходъ республики изъ старыхъ въ новыя формы, а также перерожденіе въ новыя прежнихъ общественныхъ отношеній. Подобныя частныя историческія наблюденія хорошо служатъ познанію развитія экономическаго строя; они провѣряють выводы, полученные отъ изученія его общаго хода.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ рассмотрѣна исторія состоянія Аттика, которое въ концѣ концовъ, какъ будетъ видно, сосредоточилось главною массою въ землѣ; кромѣ того специальное вниманіе будетъ обращено на выясненіе того, какимъ образомъ онъ сохранилъ и удержалъ свое богатство, какъ и для чего имъ пользовался въ тотъ тяжелый и смутный періодъ римской исторіи, въ который ему пришлось жить. Сопоставленіе результатовъ, которые получатся при изученіи этихъ двухъ пунктовъ, приведетъ къ выводу о „соціально-политической фізіономіи“ Аттика, на жизни котораго ярко отражаются особенности одного изъ важныхъ направленій въ процессѣ развитія римскаго землевладѣнія въ означенную эпоху. Такъ слагаются и связываются вмѣстѣ отдѣльныя части предстоящаго изслѣдованія и опредѣляется его задача ¹⁾.

¹⁾ Главными источниками для изученія жизни Аттика являются Корнелій Непотъ (біографія Аттика въ его книгѣ *De latinis historicis*) и Цицеронъ (преимущественно его письма къ Аттику, брату и друзьямъ, но также отчасти и другія его, именно философскія и политическія сочиненія). Плутархъ не останавливается на личности Аттика, и кромѣ указанныхъ двухъ

1.

1. Хотя родъ Помпоніевъ и считался по преданію одною изъ самыхъ древнихъ римскихъ фамилій ¹⁾, тѣмъ не менѣе близкіе и прямые (то-есть принадлежавшіе къ той отрасли рода, изъ которой вышелъ и онъ) историческіе предки Аттика не вошли плотно въ среду сенаторской знати. Они пользовались изъ рода въ родъ передававшимся *всадническимъ* достоинствомъ, которое сохранилось и за самимъ Аттикомъ ²⁾. Онъ родился

писателей о немъ можно найти лишь отдѣльными упоминаніями, напримѣръ, у Валерія Максима, Сенеки, Тацита, Светонія, Плинія Младшаго, Асконія Педіана и Фронтоня.

Изъ новыхъ пособій, посвященныхъ изображенію жизни Аттика, кромѣ краткихъ обзоровъ въ энциклопедическихъ словаряхъ и исторіяхъ римской литературы, могутъ быть названы двѣ спеціальныя латинскія диссертации: 1) *I. G. Hüllemann*, „Diatrise in T. Pomponium Atticum“ (Traiecti ad Rhenum, 1838) и 2) *Eugenius Fialon*, „Thesis in T. Pomponium Atticum“ (Lutetiae Parisiorum, 1861). Слѣдуетъ указать еще обстоятельный очеркъ у *Drumann*, Geschichte Roms, Bd. V, S. 6—87, и интересную главу въ книгѣ *Gaston Boissier*, Cicéron et ses amis (въ изданіи 1882 г. см. стр. 123—166). Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ заключается немало матеріала и по вопросу, здѣсь поставленному; но ни въ одномъ изъ нихъ онъ не составляетъ существенной задачи изслѣдованія, а стало быть и не предполагаетъ спеціальнаго изнанія авторовъ.

¹⁾ *Corn. Nep.* Att. 1, 1; „...ab origine ultima stirpis Romanae generatus...“ Родъ этотъ, хотя и плебейскій (*Drumann*, V, 1), велъ свое происхожденіе отъ одного изъ сыновей царя Нумы (*Plut.* Num. 21). *Cfr. Dion. Hal.* Ant. Rom. II, 58. См. *Hüllemann*, Atticus, p. 17.

²⁾ *Corn. Nep.* Ibidem: „...perpetuo a maioribus acceptam equestrem dignitatem...“ *Cfr. Tac. Ann.* II, 43: „...eques Romanus, Pomponius Atticus...“ *Suet. De grammat.* 16: „...Attici, equitis Romani“. Званіе всадника рано сдѣлалось наследственнымъ: фактически этотъ порядокъ установился задолго до того, когда „ordo equester“ получилъ прочную политическую организацію во время Граховъ. Уже въ вѣкъ Дуницескихъ войнъ всадничество сдѣлалось родовою привилегіею известной группы фамилій. См. *E. Belot*, Histoire des chevaliers romains (t. I, P. 1867, p. 190—191). Овидій, напримѣръ, заявляетъ, что уже безчисленныя поколѣнія его рода съ глубокой древности обладаютъ всадническимъ достоинствомъ (См. *Ex Ponto*, IV, 8, 17):

Seu genus excutia, equites ab origine prima

Usque per innumeros inveniēmur avos.

Къ концу республики среди всадниковъ выработалась особая, чисто аристократическая сословная связь: тотъ же поэтъ, уроженецъ Сульмонн, глухого городка, затеряннаго въ пустынной долинѣ Абрудцъ, готовъ гордиться своимъ происхожденіемъ не меньше какаго-нибудь потомка первыхъ римскихъ сенаторовъ. Это видно изъ *Amores*, III, 15, 5:

въ Римѣ въ 645 году (109 г. до Р. Хр.)¹⁾. Отецъ его, человекъ довольно состоятельный для своего времени и достаточно образованный, далъ сыну тщательное воспитаніе²⁾ и, умирая³⁾, передалъ ему наслѣдство, которое Корнелій Непотъ, биографъ Аттика, оцѣниваетъ въ два милліона сестерціевъ, то есть, около 400.000 франковъ⁴⁾. Это, конечно, были средства уже тогда болѣе или менѣе умѣренныя, и они, нужно думать, не исчерпывали всего первоначальнаго состоянія Аттика. Онъ, должно быть, получилъ уже въ юности изъ какихъ-нибудь другихъ источниковъ, вѣроятно всего, путемъ наслѣдствъ отъ другихъ родственниковъ, еще значительныя имущества, такъ какъ иначе нельзя было бы объяснить, какъ онъ могъ не только жить, ни въ чемъ себѣ не отказывая, но и помогать друзьямъ⁵⁾, а также дѣлать щедрые подарки и ссуды⁶⁾.

Siquid id est, usque a proavis vetus ordinis heres;
Non modo militiae turbine factus eques.

(если только послѣдніе два стиха не интерполяция, какъ думаютъ нѣкоторые комментаторы). Меценатъ также любилъ выставлять на видъ свое всадническое достоинство, хотя онъ дѣлалъ это, можетъ быть, не столько изъ гордости, сколько изъ политическаго расчета.

¹⁾ *Corn. Nep.* 3, 8: „...in ea urbe natus est, in qua domicilium orbis terrarum esset imperii...“ О годѣ рожденія см. *Drumann*, V, 7. Ср. *Teuffel*, *Gesch.* d. Röm. Litt. I, 804.

²⁾ *Corn. Nep.* 1, 2: „...patre usus est diligente et, ut tum erant tempora, diti in primisque studioso litterarum. Hic, prout ipse amabat litteras, omnibus doctrinis, quibus puerilis aetas impertiri debet, filium erudit“.

³⁾ Аттикъ рано лишился отца (*Corn. Nep.* 2, 1: „Pater mature decessit“). Смерть постигла его навѣрно, до отравленія сына въ Грецію, по Друмаину (V, 4), до 88-го (666-го) года.

⁴⁾ См. *Corn. Nep.* 14, 2: „...in sestertio vicies, quod a patre acciperat...“ Можетъ быть, не все состояніе его перешло къ Аттику. Были ли у него другіе сыновья, мы не знаемъ, но часть средствъ могла быть завѣщана дочери, вышедшей замужъ за Квинта Циперона (*Drumann*, V, 90), или также другимъ близкимъ и друзьямъ.

⁵⁾ Онъ спасъ, напримеръ, младшаго Марія, снабдивъ его деньгами на бѣгство. См. *Corn. Nep.* 2, 2: „...adulescentem Marium... iuvit opibus suis, cuius fugam pecunia sublevavit“.

⁶⁾ Послѣ переселенія своего въ Афины, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, Аттикъ нѣрѣдко собственными средствами извѣдывалъ управленіе этого города отъ большихъ финансовыхъ затрудненій, которыя, должно быть, повторялись часто, такъ какъ страна была разорена послѣ митридатовой войны (*Corn. Nep.* 2, 3: „...Hic ita vixit, ut universis Atheniensibus merito esset carissimus. Nam... saepe

Въ какого рода цѣнностяхъ заключалось первоначальное зерно состоянія Аттिका, мы точно не знаемъ, но можемъ предполагать, что значительная часть его находилась въ земляхъ. Это выводится болѣе или менѣе прямо изъ Корнелія

suis oribus inopiam eorum publicam levavit... “). Такъ, напримѣръ, разъ онъ произвелъ щедрія раздачи хлѣба всѣмъ гражданамъ афинскимъ на свой счетъ (*Ibid.* 2. 6. „*universos frumento donavit, ita ut singulis sex modii tritici darentur, qui modus mensurae medimnus Athenis appellatur*“.—*Cfr. Cic. Ad Att. VI, 6, 2*). Это была большая услуга въ моментъ, когда городъ только что перенесъ большой хлѣбный кризисъ вслѣдствіе осады (*Dio, fr. 124; Plut. Sull. 13; Appian. Mithr. 195*), и когда цѣны на хлѣбъ должны были еще держаться высоко.—Кромѣ того, Аттикъ неоднократно приходилъ на помощь афинянамъ и своими деньгами.—Когда муниципальное управление оказывалось не въ состояніи произвести какую-нибудь уплату и не могло устроить для ея ликвидаціи займа на подходящихъ условіяхъ вслѣдствіе неумѣренности требованій банкировъ, Аттикъ всегда предлагалъ свою помощь и есужалъ гражданамъ свои собственныя деньги, не требуя никакихъ процентовъ, а только наставая на возвращеніи долга въ срокъ. См. *Сорн. Нер. Att. 2. 4*: „...*Сум enim venturam facere publice necesse esset neque eius condicionem aequam haberent, semper se interposuit, atque ita, ut neque unquam inquam ab iis acciperit neque longius, quam dictum esset, debere passus sit*“. Гольцманъ (*Zeitschr. für Alterthumswissenschaft, 1886, p. 867*) и за нимъ Друманнъ (*Gesch. Roms, V, 8*) объясняли это мѣсто иначе. Такъ какъ *se interponere* обозначаетъ всегда посредничество третьяго лица между двумя другими, то стало быть, говоритъ Друманнъ, нужно понимать дѣло въ томъ смыслѣ, что Аттикъ при помощи большого кредита, которымъ онъ пользовался въ мірѣ капиталистовъ, доставалъ деньги, какъ бы для себя или при своемъ поручительствѣ на выгодныхъ условіяхъ, которыхъ разоренные граждане не могли сами добиться; затѣмъ онъ передавалъ ихъ афинянамъ, не спрашивая добавочныхъ (комиссіонныхъ) процентовъ. Такую интерпретацію Друманнъ подтверждаетъ словами Корнелія Непота, непосредственно слѣдующими за только что приведенными. Указавъ на безосведѣность услуги Аттика и на его заботу о томъ, чтобы ссуда возвращалась въ-время, авторъ приводитъ слѣдующіе мотивы: „*Quod utrumque erat iis (= Atheniensibus) salutare: nam neque indulgendo inveterascere eorum aes alienum patiebatur neque multiplicandis usuris crescere*“. У Друманна читаемъ: „*Sie mussten aber das Capital zur bestimmten Zeit zurückzahlen, damit die Schuld nicht veraltete, deren Tilgung dadurch erschwert sein würde, und die Zinsen sich nicht häuften, welche sonst, zum Capital geschlagen, den Wucherern selbst wieder Zinsen brachten*“. Такое толкованіе однако представляется не-правильнымъ и искусственнымъ и, какъ кажется, необходимо держаться приведеннаго выше. Переводить слова „*neque usuram inquam ab iis acciperit*“ въ томъ смыслѣ, будто Аттикъ не бралъ вознагражденія за посредничество, значитъ безусловно ослаблять общее содержаніе всего текста; да и слово *usura* съ трудомъ можетъ обозначать плату за комиссію. Аттикъ, конечно, давалъ афинянамъ свои деньги (выше у Корнелія сказано—*„suis oribus levavit“*), требуя возвращенія ссуды въ срокъ, чтобы не потерять капитала или не быть лишеннымъ его на неопредѣленное время (т.-е. слова „*inveterascere eorum aes alienum*“ относятся къ „*neque longius.. passus est*“ въ разбираемомъ текстѣ). Затѣмъ онъ

Непота. Авторъ рассказываетъ, что Аттикъ, еще очень молодымъ человѣкомъ испытывшій опасность жизни въ началѣ борьбы между маріанцами и сулланцами ¹⁾, когда настали новыя смуты, возбужденныя Цинною, рѣшилъ благоразумно удалиться изъ Рима и поселиться въ Аѳинахъ. При этомъ прибавляется характерная подробность, что онъ, обративъ въ деньги почти все свое имущество, взялъ его съ собою ²⁾. Стало быть, Аттикъ продалъ всѣ свои итальяскія помѣстья, чтобы, по возможности, не оставлять у себя за спиною собственности, которая могла бы привлечь алчность возвышающихся владыкъ или ихъ сторонниковъ ³⁾.

предлагалъ деньги *безъ процентовъ*, чтобы избавить ихъ отъ опасности зату-
тываться изъ года въ годъ въ сѣтахъ ростовщиковъ (т. е. выраженіе „*multipli-*
candis usuris crescere“ относится въ видѣ противоположенія къ словамъ, „*neque*
usuram unquam ab iis acciperit“: они могли бы затянуться въ большіе долги,
еслибы Аттикъ не избавлялъ ихъ благотѣльно отъ такой участи своею безпро-
центною ссудою). Что выраженіе *se interponere* можетъ прикидываться именно
къ такого рода жилищательству Аттика въ неулаживавшіяся сдѣлки между аѳин-
скими магистратами и другими капиталистами, ясно показываетъ точная ана-
логія, встречающаяся въ другомъ мѣстѣ той же биографіи (гл. 9, 5): „*Cum (Fulvia)*
fundum secunda fortuna emisset in diem neque post calamitatem versuram facere
potuisset, (Atticus) se interrogavit pecuniamque sine faenore sineque ulla stipula-
tione credidit“. Защищаемая интерпретація, несомнѣнно, самая вѣроятная по
вышнимъ и внутреннимъ соображеніямъ, отстаетъ здѣсь настойчиво по-
тому, что ея подтверждается фактъ нахождения значительныхъ капиталовъ въ
рукахъ Аттика уже во время прибытія его въ Аѳины. Ниннердей измѣняетъ
въ одномъ мѣстѣ чтеніе текста Корнелія, принимая — „*neque usuram in-*
quam“.—Такая поправка уменьшаетъ представленіе о всемогущемъ Аттике, но
не разрушаетъ устанавливаемого тутъ вывода изъ текста, а напротивъ, упро-
щаетъ толкованіе. Но вѣрнѣе всего думать, что онъ тогда склоненъ былъ для
упроченія репутаціи о немъ, какъ о щедромъ человѣкѣ, ссужать деньги аѳиня-
намъ безъ процентовъ въ видѣ благотѣнія: онъ поступалъ такъ именно въ пер-
вые годы своего пребыванія въ Аѳинахъ (*Corn. Nep. 2, 4*: „*praeter gratiam, quae*
iam in adulescentulo magna erat“), т. е., пользовался деньгами, вывезенными
изъ Рима, которая, стало быть, были велики.

¹⁾ Это случилось во время движенія, вызваннаго убійствомъ родича его, на-
роднаго трибуна П. Сульпиція Руфа по приказанію Суллы. См. *Drumann,*
Gesch. Roms, II, 435; 438.

²⁾ *Corn. Nep. 2, 3*: „...*Ne illa peregrinatio (то-есть переселеніе въ Аѳины)*
detrimentum aliquod adferret rei familiari, eodem magnam partem fortunarum
traiecit suarum...“—Оставались непроданными, вѣроятно, лишь тѣ недвижности
для которыхъ не удалось найти покупателей.

³⁾ Конфискаціи подвергалось въ тѣ времена очень легко имущество не
только ярыхъ противниковъ восторжествовавшей партіи, но и вообще бога-

Такимъ образомъ, Аттикъ рано пришелъ къ выводу ¹⁾, что для собственнаго спасенія среди тревогъ и волненій, охватившихъ государство, надо отказаться отъ общественной дѣятельности: онъ понялъ, что республика, которою правятъ отдѣльныя лица, насиліемъ вырывающія другъ у друга, власть при подкупномъ равнодушіи массы, есть государственная форма отживающая; онъ увидѣлъ, что всякій, кто будетъ продолжать работать для нея, рискуетъ погибнуть подъ ея развалинами, и рѣшилъ, что служить умирающему дѣлу бессмысленно и бесполезно ²⁾. Но сохранить безопасность—этого было мало; требовалось приобрести возможность независимо и удобно жить среди всеобщаго крушенія. Чтобы идти къ достиженію перваго, лучше всего слѣдовало уѣхать изъ Рима, центра борьбы и главной арены бѣдствій, а потомъ осторожно лавировать между дальнѣйшими политическими затрудненіями. Чтобы добиться осуществленія втораго, необходимо было обладать большимъ богатствомъ и затѣмъ научиться искусно эксплуатировать его для личной пользы.

Удалившись изъ Рима и утвердивъ въ Аѳинахъ свое мѣстопробываніе, Аттикъ и задался цѣлью систематически увеличивать свое богатство ³⁾.

Онъ принялся за это не съ тою наглою и близорукою жадностью, съ которою дѣйствовали многіе его современники: онъ не пользовался средствами, явно жестокими или запрещаемыми закономъ. Ловкая и благонамѣренная осторожность руководила имъ при стремленіи къ завоеванію себѣ прочной матеріальной самостоятельности, и это свойство скоро выработалось въ немъ, какъ твердая господствующая черта его

тихъ людей, которые могли возбудить подозрѣніе побѣдителей. Валлей Патеркулъ (Н. R. II, 28), напримѣръ, такъ характеризуетъ указанную особенность этого момента: „Nec tantum in eos, qui contra arma tulerant, sed in multos insontis saevitum. Adiectum etiam, ut bona proscriptorum venirent exclusque paternis opibus liberi etiam petendorum honorum iure prohiberentur...“ Cfr. *Liv. Epit. LXXXIX.*

¹⁾ Переселеніе его въ Аѳины, вѣроятно, относится ко времени вскорѣ послѣ 86-го года. См. *Drumann*, V, 7.

²⁾ G. *Boissier*, *Cicéron et ses amis*, p. 130.

³⁾ *Corn. Nep. Att. 4,3*: „Hic (=Athenis) complures annos moratus, cum et rei familiari tantum operae daret, quantum non indiligens deberet paterfamilias“.

духовной природы.—Удаление Аттика со сцены политической деятельности произвело приятное впечатление на Суллу. Возвращавшийся съ востока диктаторъ видѣлся съ нимъ въ Афинахъ, отнесся къ нему очень дружелюбно ¹⁾, а уѣзжая въ Италию, онъ, какъ кажется, оставилъ Аттику полученные отъ афинскихъ гражданъ драгоценные подарки ²⁾. Такимъ образомъ, послѣдній разомъ приобрѣталъ безопасность подъ защитою вождя, распоряжавшагося судьбами Рима, и прибавку къ средствамъ, которыми обладать.

Для укрѣпленія осѣдлости на новомъ мѣстѣ жительства Атикъ купилъ себѣ домъ и усадьбу въ Афинахъ ³⁾ и, присматриваясь къ окружающимъ обстоятельствамъ, сталъ постепенно строить и развивать планъ выгодной утилизаціи своихъ капиталовъ.—Онъ хорошо зналъ, что самое лучшее богатство—земля или вообще недвижимости; но дѣйствовать съ опаскою, не легко рѣшаясь на приобретение новаго имѣнія, на постройку новаго дома ⁴⁾. Въ Италиі можно было дешево закупить земель, благодаря постоянно совершавшимся тамъ распродажамъ конфискованныхъ владѣній побѣжденныхъ, изгнанныхъ и убитыхъ враговъ восторжествовавшей партіи; но онъ избѣгалъ этого нечистаго способа обогащенія ⁵⁾, отчасти боясь нареканій или даже мести, отчасти тонко соображая, насколько непрочно было тогда землевладѣніе на полуостровѣ, являвшемся главнымъ очагомъ междоусобій.

¹⁾ *Corn. Nep.* 4.—Атикъ даже очаровалъ страшнаго правителя и сумѣлъ, не теряя своего достоинства, дать ему понять, что отказывается отъ поддержки его враговъ, но тѣмъ самымъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязанности содѣйствовать Суллѣ противъ своихъ прежнихъ друзей. Это хорошо рассказано у Корнелія Непота въ только что отмѣченной главѣ.

²⁾ *Ibid.* 4,2: „...At Sulla adulescentis (=Attici) officio collaudato omnia munera ei, quae Athenis acceperat, proficiscens inussit deferri“.

³⁾ Это видно изъ Цицерона (*De legib.* I, 1, 3): „...Verumne sit Athenis non longe item a tua illa antiqua domo Orithyiam Aquilo sustulerit“.

Это указаніе на извѣстный кварталъ города Афинъ *Ceramicus* (См. *Forcellini-De-Vit*, *Onomasticon*, h. v.), топографія котораго опредѣляется тутъ намекомъ на привязанный къ мѣстности мнѳологическій рассказъ о похищеніи дочери Эрехтея.—См. *H. G. Lolling* у *Iv. Mueller*, *Handb. der class. Alterthumswiss.* III, 307.

⁴⁾ *Corn. Nep.* Att. 13, 1: „...Nam cum esset pecuniosus, nemo illo minus fuit eam, minus aedificator...“

⁵⁾ По крайней мѣрѣ, это очень опредѣленно утверждаетъ Корнелій Непотъ (*Att.* 6,3): „Ad hastam publicam numquam accessit...“

Онъ даже не рѣшился положить основаніе своему новому земельному состоянію въ южныхъ областяхъ Греціи, такъ какъ Митридатъ могъ опять высадить на ихъ берегахъ свою армію. Къ тому же онъ лежали на пути римскихъ легионовъ, отправлявшихся въ Азію или возвращавшихся оттуда, и потому легко также могли сдѣлаться сценою гражданскихъ смуть. Аттикъ предпочелъ обратить вниманіе на сѣверъ, и выборъ его остановился на странѣ, которая, достаточно удаленная отъ опасныхъ центровъ политической борьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ не была отрѣзана отъ постоянного общенія съ промышленными рынками громаднаго государства. Онъ купилъ земли въ *Эпирѣ* ¹⁾, около города *Бутрота* ²⁾, небольшого порта у Ионійскаго моря ³⁾, расположеннаго противъ острова Корциры и стоявшаго на проведенной римлянами береговой дорогѣ ⁴⁾.

Итакъ, Аттику надо было быть богатымъ, онъ и заложилъ прочный фундаментъ своего матеріальнаго благосостоянія, а тѣмъ самымъ утвердилъ основаніе своей свободы.—Приобрѣтенныя помѣстья, нужно думать, были обширны съ самаго начала, такъ какъ денегъ онъ привезъ съ собою въ Аѳины немало; да и самая земля въ провинціяхъ Балканскаго полуострова, только что потрясенныхъ войною и разоренныхъ нашествіемъ враговъ, не могла быть въ то время дорога; такъ что дѣло было устроено удачное и выгодное. Слѣдовало только продолжать его, т. е., мало-по-малу накоплять въ своей собственности все большія и большія владѣнія, систематически скупая клочокъ за клочкомъ участки, прилегавшіе къ новому его бутротскому имѣнію (*continuare agros*) ⁵⁾, и вообще близъ лежавшія продажныя земли. Такъ постепенно образо-

¹⁾ О нихъ упоминаетъ его биографъ (*Corn. Nep. Att. 14,3*: „... in Epiroticis... possessionibus...“—Ср. *Cic. Ad Att. I, 5, 7*. Возникновеніе ихъ и составъ будутъ рассмотрѣны подробно ниже.

²⁾ См. *Cic. Ad Att. II, 6, 2; IV, 8, 16* и др. мѣста.—Ср. *Drummann, V, 62*.

³⁾ *Strab. VII, p. 324*. Цицеронъ называетъ Buthrotum „муниципіемъ“ (*Ad Att. II, 6, 2*); впоследствии онъ сдѣлался колоніей. См. *Forcellini-De Vit, Oponasticon (h. v.)*.

⁴⁾ *Drummann, V, 9*.

⁵⁾ Выраженіе это употребляется также еще Ливіемъ (*XXXIV, 3*): „Ingens cupido agros continuandi“.

валась бы у него въ рукахъ могучая латифундія, которая обезпечила бы за ея господиномъ твердое положеніе сильнаго территориальнаго магната.—Но чтобы вести дѣло въ широкихъ размѣрахъ, необходимо было установить постоянный притокъ свободныхъ денегъ. Стало быть, пока хозяйство въ самихъ помѣстьяхъ не успѣло еще принести солидныхъ плодовъ, приходилось отыскивать другіе, болѣе обильные и быстрые источники доходовъ.

Лучшій путь для достиженія этого указывался и самою жизнью, и семейною традиціею Атика. Въ старину занятіе торговлею считалось дѣломъ недостойнымъ римскаго аристократа и вообще виднаго гражданина ¹⁾; но ко времени Атика нравы перемѣнились; насталь вѣкъ смѣлой торгово-промышленной инициативы, громаднхъ капиталистическихъ предпріятій, и духъ алчной наживы и широкой денежной спекуляціи овладѣлъ всѣми ²⁾. Права сенаторовъ на участіе въ финансовыхъ дѣлахъ такого рода были до извѣстной степени ограничены закономъ ³⁾; но Атикъ, какъ всадникъ, могъ предаваться имъ безъ всякаго стѣсненія: всадники и были главною соціальною категоріею людей, изъ которыхъ составлялись крупныя торговыя компаніи, захватившія въ свои руки откупа различныхъ государственныхъ доходныхъ статей—податей и казенныхъ подрядовъ (*vectigalia publica* и *ultra tributa*) и извѣстныя подъ именемъ обществъ публикановъ (*societates publicanorum*) ⁴⁾. Они же устраивали всякія другія

¹⁾ Liv. XXI, 68: „...Quaestus omnibus patribus indecorus visus...“

²⁾ См. объ этомъ въ различныхъ мѣстахъ сочиненія E. Belot, Histoire des chevaliers romains, 2 v. Paris, 1867—73. Ср. Nitzsch, Gesch. d. Röm. Rep. II, 22—25; M. Voigt, Röm. Privatalterthümer (у Iw. Müller, Handbuch, IV, 2), p. 350; 357; 360 etc.

³⁾ Тутъ имѣется въ виду извѣстный *lex Claudia* 536-го года отъ осн. Рима (218 до Р. Хр.), запрещавшій сенаторамъ крупныя торговыя предпріятія. См. Liv. XXI, 68: „...Ne quis senator cuive senator pater fuisset, maritimam naveat, quae plus quam trecentarum amphorarum esset, haberet“. Авторъ прибавляетъ здѣсь выразительное поясненіе: „Id satis habitum ad fructus ex agris vectandos“. Ср. Mommsen, Staatsrecht, III, 509—511.

⁴⁾ Цицеронъ говоритъ (*Pro Plancio*, 9, 23): „Flos enim equitum Romanorum, ornamentum civitatis, firmamentum rei publicae publicanorum ordine continentur“. Исторія и организація обществъ публикановъ преимущественно во времена республики изложена въ печатающемся теперь и имѣющемъ выйти въ

коммерческія дѣла „en gros“ (*negotiatores*) и монополизировали въ свою пользу *банковое дѣло* (*argentarii*)¹⁾. Всѣ подобныя крупныя финансовыя операціи сосредоточивались главнымъ образомъ на почвѣ эксплуатаціи провинціального населенія²⁾, и онѣ привели къ созданію въ римскомъ обществѣ колоссальныхъ частныхъ состояній, которыя, по большей части, сосредоточивались въ обладаніи выдающихся всадническихъ фамилій³⁾. Можно предполагать, что и отецъ Аттика достигъ извѣстнаго благосостоянія при помощи участія въ государ-

скоромъ будущемъ прекрасномъ изслѣдованіи В. И. Иванова, *De societatis vestigialium publicorum populi Romani* (Berolini, 1899). Съ работою этою пишуцій эти строки познакомился въ рукописи, благодаря любезности автора, и онъ позволяетъ себѣ назвать ее, потому что вопросъ впервые рассмотрѣнъ въ ней съ надлежащею дѣльностью, разработанъ полно и основательно, освѣщенъ рядомъ новыхъ точекъ зрѣнія, талантливо и въ большинствѣ случаевъ убѣдительно. — Литература (о публикацияхъ обстоятельно указана во французскомъ переводѣ руководства Моммзена и Марквардта, *Manuel des antiquités romaines*, tome X, p. 380; t. IX, p. 243—45. Въ самое послѣднее время вопросомъ о публикацияхъ занимается нѣмецкій юристъ, *Ferd. Kniep*, выпустившій первый томъ обширнаго сочиненія „*Societas publicanorum*“ (Jena, 1896).

¹⁾ Устройство всякаго рода финансовыхъ обществъ, различныхъ видовъ капиталистическихъ предпріятій, и вообще организація денежнаго хозяйства въ Римѣ изображена въ интересномъ по замыслу сочиненіи французскаго юриста *A. Deloume*, *Les manieures d'argent à Rome jusqu'à l'empire* (2 éd. Paris, 1892). Къ сожалѣнію только, книга эта не всегда отличается солидностью разработки матеріала, ясностью метода и твердостью выводовъ. Надо обращаться къ ней, такъ какъ нѣтъ пока лучшаго полнаго обзора вопроса, но слѣдуетъ пользоваться ею съ осторожностью, проверяя основанія и заключенія.

²⁾ Слова Цицерона, что провинціи ничто иное, какъ „*praedia populi Romani*“ (*Cic. II In Verr. II, 3, 7*) достаточно характеризуютъ отношеніе римскаго общества къ завоеваннымъ областямъ; а такіе приѣзды, какъ ограбленіе Сициліи Верресомъ (какъ бы оно ни было преувеличено его знаменитымъ противникомъ), Галліи Фонтеемъ, или востока компаніями публикановъ хорошо обнаруживаютъ и поясняютъ хищническую систему хозяйства новыхъ господъ въ приобретенныхъ оружіемъ великолѣпныхъ владѣніяхъ. См. блестящее описаніе административныхъ порядковъ въ провинціяхъ во время республики у Моммзена въ „*Римской Исторіи*“ (томъ 3-й); также у *Marquardt'a* въ концѣ I-го тома его „*Römische Staatsverwaltung*“. Ср. еще краткій живо написанный очеркъ у *V. Duruy*, *Hist. des Rom. II, 612* и сл.

³⁾ Приѣзды крупныхъ частныхъ богатствъ въ Римъ въ изучаемый періодъ можно найти въ различныхъ мѣстахъ второго тома сочиненія *V. Duruy*, *Histoire des Romains*. — *Deloume* (*Les manieures d'argent*, p. 58 et suiv.) даетъ любопытный очеркъ исторіи состоянія Цицерона, который по происхожденію также принадлежалъ къ всадническому классу. Ср. еще *Paul Müller*, *Die Geldmacht im alten Rom* (Bruchsal, 1877).

ственныхъ откупахъ ¹⁾); если это вѣрно, Атикъ имѣлъ передъ глазами близкій личный примѣръ того, гдѣ искать источника пріобрѣтенія большихъ денежныхъ средствъ.

Можетъ быть, уже въ молодости, еще въ Римѣ послѣ смерти отца Атикъ испробовалъ свои способности къ „финансовой игрѣ“. Въ лицѣ знаменитаго старца Катона, имя котораго пользовалось непререкаемымъ авторитетомъ у „хорошихъ“ римлянъ время упадка республики, онъ находилъ уже рѣшительнаго теоретическаго проповѣдника крупнаго земельного стяжанія и широкаго приложенія денежнаго капитала къ сельскому хозяйству, какъ лучшаго идеала практической мудрости ²⁾. Въ такой точкѣ зрѣнія Атику давались въ

¹⁾ *Drumann*, *Gesch. Roms*, V, 4: „Seinen Reichthum erwarb er ohne Zweifel als Pächter der öffentlichen Einkünfte; so wurde Atticus unter seiner Leitung mit den Geldgeschäften vertraut...“ Слово „*Reichthum*“ тутъ, впрочемъ, преувеличиваетъ дѣйствительность; а выраженіе „*ohne Zweifel*“ требовало бы подтвержденія.

²⁾ Плутархъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Катонѣ Старшемъ, которыя позволяютъ нарисовать именно такую характеристику практическаго міровоззрѣнія его, очевидно, взятую авторомъ изъ традиціи. Первоначально Катонъ былъ бѣденъ (*Plut. Cat.* 21: „Ἐν ἀρχῇ μὲν οὖν ἔτι πένης ὤν...“), обладалъ лишь очень небольшимъ наслѣдственнымъ помѣстьемъ въ сабинской землѣ (*Corn. Nep. Cat.* 1: „M. Cato, ortus municipio Tusculo... versatus est in Sabinis, quod ibi *heredium* a patre relictum habebat“). Сfr. *Plut. Cat.* 1). Изъ дѣтства онъ вынесъ привычку къ простой, даже суровой жизни, и самъ своими руками въ юности работалъ на отцовскомъ полѣ (*Plut. Cat.* 2, 3; 25, 1; cfr. *Fest. ed. Müll.* p. 281, 21). Но тогда же онъ научился понимать, что очень важно въ жизни умѣние улучшать условія своего матеріальнаго существованія (*Plut. Cat.* 20: „Ἐγένετο... ἀνὴρ... χρηματιστὴς οὐκ εὐκαταφρόνητος οὐδ' ὡς τι μικρὸν ἢ φαῦλον ἐν παρήρῳ μεταχειροσάμενος τὴν τοιαύτην ἐπιμέλειαν...“). Съ самаго начала онъ считалъ земледѣліе лучшимъ занятіемъ для гражданина; онъ представлялъ себѣ его сперва по собственному юношескому опыту, какъ крестьянское хозяйство, двигающееся при собственноручномъ трудовомъ участіи владѣльца. Въ сосѣдствѣ съ его родовой землей находилось старое маленькое имѣніе Манія Курія, которое и рисовалось ему идеальной формою земельного состоянія настоящаго римлянина. (*Plut. Cat.* 2. Сfr. *Cic. De senect.* 16, 55—56; *De rep.* III, 28, 40). Онъ подражалъ этому герою и въ устройствѣ своей собственной жизни (*Ibid.*); но мало-по-малу ему удалось разбогатѣть (*Plut. Cat.* 21: „...ὑστερον δὲ τῶν πραγμάτων ἐπιδιδόντων...“) и пріобрѣсти нѣсколько земельныхъ владѣній, повидимому, обширныхъ, на которыхъ работали многочисленныя рабы (*Plut. Cat.* 2; 4; 21). Тогда взгляды Катона измѣнились: отъ прежняго прославленія бѣдности осталось лишь требованіе строгой умѣренности въ образѣ жизни и постояннаго трудолюбія. Собственноручная же работа на полѣ, хотя и рекомендовалась имъ попрежнему, какъ полезное физическое упражненіе, но уже не выставлялась,

зародышѣ два главныя положенія выработанной имъ въ тонкости системы жизненной философіи: стремиться къ

какъ самый прочный источникъ дохода (*Plut. Cat. 21*: „Ἀκρότατος δὲ συντονώτερον τῶν τῆν μὲν γεωργίαν μᾶλλον ἤγειτο διαγωγὴν ἢ πρόσδοτον...“). Наибольше же производительнымъ трудомъ онъ признавалъ тогда дѣятельное общее руководство крупнымъ недвижимымъ хозяйствомъ. Последнее должно было устраиваться на собственныхъ земляхъ, плодородныхъ, годныхъ подъ хлѣбопашество, но также лѣсистыхъ и богатыхъ пастбищами (*Plut. Ibid.*, „...ἐκτάτο ἐργαστησίαν χώραν ἔχουσαν αὐτοφυεῖς νομάς καὶ ὕλας, ἀφ' ὧν αὐτῷ χρήματα προσήει πολλά...“); кромѣ того владѣлецъ долженъ былъ заботиться о приобрѣтеніи для увеличенія своихъ доходовъ—озеръ (*λίμνας*), вѣроятно, изобилвавшихъ рыбою, источниковъ минеральной водѣ (*ὕδατα θερμά*) и подгородныхъ участковъ, удобныхъ для устройства различнаго рода промышленныхъ заведеній (напр. *τόποις γυμνασίων ἀνεμίων*). Не довольствуясь искусною эксплуатациею всѣхъ перечисленныхъ угодій, Катонъ считалъ необходимымъ для образованія новыхъ капиталовъ, которые дава бы ему возможность постоянно расширять сельскохозяйственное дѣло, устраивать крупныя торговныя предпріятія. Хотя Катонъ въ теоретическихъ разсужденіяхъ высказывалъ взглядъ, что ростовщикъ не лучше убійцы (*Cic. De off. I, 25, 89*: „...Et cum ille, qui quiesierat, dixisset: quid fenerari? tum Cato: Quid hominem occidere?...“), но на дѣлѣ онъ самъ отсталъ отъ такого традиціоннаго моральнаго отвращенія къ денежнымъ дѣламъ; онъ систематически раздавалъ въ долгъ большія суммы людямъ, которые не отказывались заняться морскою торговлею въ крупныхъ размѣрахъ (*fenus nauticum, usura maritima*. См. *Dig. XXII, 2*), несмотря на то, что этотъ видъ „фенераціи“ считался особенно предосудительнымъ (См. *Plut. Cat. 21*: „Ἐχρήσατο δὲ καὶ τῷ διαβεβλημένῳ μάλιστα τῶν βανεισμένων ἐκὶ ναυτικῶς...“). Причемъ Катонъ очень ловко организовывалъ дѣло такъ, чтобы возможно болѣе ослабить рискъ, которому онъ могъ подвергаться. Онъ требовалъ, чтобы его должники соединились вмѣстѣ въ большія торговныя компаніи, а когда набиралось 50 человекъ, которые сооружали столько же судовъ, онъ считалъ предпріятіе достаточно солидно организованнымъ, и самъ бралъ наѣ въ немъ. Замѣстителемъ своимъ онъ обыкновенно назначалъ вольноотпущенника, который отправлялся въ море и въ качествѣ подставнаго лица радилъ объ интересахъ хозяина. Въ случаѣ успѣшнаго исхода дѣла Катонъ получалъ большую прибыль на свою долю и высокой процентъ за ссуду; въ случаѣ же неудачи терпѣлъ только свою часть, но безжалостно взыскивалъ долги. Морскія торговныя предпріятія Катона описаны у Плутарха въ той же 21-й главѣ, текстъ которой не можетъ быть названъ вполне яснымъ; но главныя черты ихъ болѣе или менѣе вѣроятно рисуются въ указанномъ видѣ. Кромѣ того Катонъ занимался еще довольно широко, хотя также подъ прикрытіемъ другихъ лицъ, торговлею рабами. Ср. *Drumann, Gesch. Roms, V, 140*. Въ концѣ концовъ идеальнымъ правиломъ жизни являлось у него требованіе накопить возможно успѣшнѣе и во всякомъ случаѣ оставить сыну больше, чѣмъ самъ получилъ отъ отца (*Plut. Ibid.*, „...Προτρέπων δὲ τὸν υἱὸν ἐπὶ ταῦτα (то-есть, рекомендуя ему приобрѣтательство) φησὶν οὐκ ἄνδρος, ἀλλὰ χήρας γυναίκος εἶναι τὸ μειῶσαι τι τῶν ὑπαρχόντων. Ἐκείνο δ' ἤδη σφοδρότερον τοῦ Κάτωνος, ὅτι θαυμαστόν ἄνδρα καὶ θεῖον εἶναι ἐτόλμησε πρὸς δόξαν, ὅς ἀπολείπει πλέον ἐν τοῖς λόγοις ὃ προσέθηκεν οὐ παρέλαβεν“). Что приобрѣтаемая путемъ торговли деньги должны были, по понятіямъ

сосредоточенію въ своихъ рукахъ возможно болѣе обширныхъ земельныхъ имуществъ, какъ къ конечной цѣли; добиваться ея достиженія посредствомъ созданія при помощи денежной спекуляціи большихъ капиталовъ и постепеннаго обращенія ихъ въ недвижимый фондъ. Надобно было только развить ихъ и сумѣть отказаться отъ пылкаго патриотизма, некультурной суровости и близорукаго политическаго старовѣрства „учителя“, чтобы установить подходящую ко времени теорію личнаго благополучія ¹⁾.

Катопа, питать преимущественно сельское хозяйство, можно заключить изъ того, что онъ, какъ кажется, до конца жизни признавалъ этотъ видъ производительной дѣятельности наиболѣе приличнымъ и выгоднымъ для рачительнаго отца семейства (см. *Cic. De senect.* с. 15; 16; 17. Ср. *Plut. Cat.* 25). Слова Катона, какъ частнаго человека, покоились на признаніи его первымъ агрономомъ своего времени (*Plin.* Н. п. XIV, 44); и Корнелій Непотъ не находитъ для него лучшаго „epitheton“ отъ „agricola“, какъ наименованіе „agricola sollers“ (*Cat.* 3).—Что Катонъ пропагандировалъ своимъ современникамъ крупное землевладѣніе и культуру барскаго типа, это вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что онъ ставилъ въ сельскомъ хозяйствѣ скотоводство (пастбищную систему эксплуатаціи нѣжныхъ) на первый планъ. Для доказательства вспомнимъ извѣстное приписываемое Катону Старшему изреченіе, передаваемое Цицерономъ (*De off.* II, 25, 89) „... а quo cum quaereretur, „Quid maxime in re familiari expediret?“ respondit: Bene pascere.—Quid secundum?—Satis bene pascere.—Quid tertium?—Male pascere.—Quid quartum?—Agere.“—Ср. *Colum.* R. г. VI, praef. 4.—*Varr.* R. г. I, 7.—Дѣло извѣстное, что преобладаніе скотоводства утверждалось въ римскомъ государствѣ вмѣстѣ съ торжествомъ крупнои собственности: пастбище было характернымъ признакомъ латифундіи, между тѣмъ какъ хлѣбное поле явилось сущностью крестьянскаго землевладѣнія въ Италіи. Самый трактатъ Катона *De re rustica* многими мѣстами подтверждаетъ, что авторъ пишетъ преимущественно для владѣльцевъ большихъ помѣстій. См. объ этомъ интересную и остроумную статью *K. W. Nitzsch*, „Ueber Catos Buch vom Landbau“ въ *Zeitschrift für Alterthumswissenschaft*, 1845, р. 497 sqq. Вообще Катонъ Старшій в своемъ личномъ хозяйственной дѣятельности, и своими теоретическими взглядами въ этой области знаменуетъ собою важный переломъ въ земельной исторіи Рима. Около изученія его біографіи и его трактата удобно можетъ сосредоточиться разъясненіе вопроса о происхожденіи римскаго крупнаго помѣстья. Это составитъ задачу одной изъ главъ втораго тома настоящаго труда.—Здѣсь надо было только указать идейную филиацію между первымъ теоретикомъ крупнои собственности и его позднѣйшими „учениками“.

¹⁾ Что Аттікъ интересовался Катонимъ, ясно изъ того, что онъ самъ рекомендовалъ Корнелію Непоту написать біографію знаменитаго цензора. См. *Corn. Nep.* Cato, 3, 5.

2. Какъ бы то ни было, но изъ всего, что мы знаемъ о жизни Аттика, можно сказать, что онъ очень рано сталъ опытнымъ финансовымъ дѣльцомъ. — Корнелій Непотъ, впрочемъ, категорически утверждаетъ, что онъ держался въ сторонѣ отъ самаго выгоднаго изъ существовавшихъ тогда видовъ денежныхъ предпріятій, то-есть, отъ откупа податей ¹⁾). Правда, нельзя всегда придавать полной вѣры словамъ этого извѣстнаго панегириста Аттика; но и безусловно отвергать свидѣтельства, выраженнаго такъ опредѣленно, нѣтъ оснований, потому что въ источникахъ не находится прямыхъ доказательствъ противоположнаго ²⁾). Могутъ быть указаны только нѣкоторыя данныя, которыя обнаруживаютъ, что онъ стоялъ близко ко многимъ крупнымъ финансовымъ дѣламъ, занимавшимъ и объединявшимъ сословіе всадниковъ. Аттика называютъ однимъ изъ „главарей“ или „именитыхъ людей“ класса (*princeps ordinis equestris*), и есть факты изъ его жизни, которые даютъ понять, что онъ пользовался во всадническихъ кругахъ большимъ авторитетомъ ³⁾). Это застав-

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 6, 3*: „Nullius rei neque praes neque mancers factus est“. См. примѣч. *Nipperdey* къ этому мѣсту въ его комментированномъ изданіи этого автора (9 Aufl. 1885, p. 164).

²⁾ *G. Boissier* (въ статьѣ объ Аттикѣ, въ „*Rev. arch.*“ nouv. série t. VII, 1868, p. 96) прямо говоритъ о немъ, что онъ былъ „fermier d'impôts en Asie“, но не подтверждаетъ такого рѣшительнаго мнѣнія ни единою ссылкой на источники. — *Fialon* (*Thesis in T. Romponium Att. p. 24—26*) пытается вывести такое же опредѣленное сужденіе изъ двухъ текстовъ, именно изъ одной главы Корнелія Непота (*Att. 8*) и изъ одного письма Цицерона (*Ad Att. II, 1, 8*). — Но врядъ ли основательно ссылаться на эти мѣста для подтвержденія такого положенія. Корнелій Непотъ тамъ ничего не говоритъ о предпріятіяхъ публикановъ; Цицеронъ же въ означенномъ письмѣ отзывается такъ рѣзко объ ихъ образѣ дѣятельнѣй („*Quid imprudentius publicanis renuntiantibus*“), что это могло бы показаться обиднымъ для Аттика, еслибы онъ самъ былъ членомъ ихъ товарищества, и въ послѣднемъ случаѣ Цицеронъ обязательно измѣнилъ бы тонъ.

³⁾ Онъ содѣйствовалъ Цицерону и другимъ друзьямъ на выборахъ при помощи своего вліянія (*Corn. Nep. 4*) преимущественно, конечно, на членовъ своего сословія. — Въ 69 г. во время заговора Катилины онъ оказалъ Цицерону такую услугу: онъ убѣдилъ видныхъ представителей всадническаго сословія поддержать консула и сенатъ, что ему и удалось, именно благодаря ябву, который они придавали его мнѣнію; онъ даже самъ сталъ во главѣ ихъ въ знаменитый день 6-го декабря, когда рѣшалась судьба захваченныхъ сторонниковъ Катилины, и этимъ обусловилъ торжество консула. См. *Cic. Ad Att. II, 1, 7*: „...quum equitibus ille, quem ego in clivo Capitolino te signi-

ляет думать, что онъ не могъ быть совершенно чуждъ всѣхъ тѣхъ операций, которыя составляли главную силу всадниковъ, и на которыхъ они основывали свое значеніе. Далѣе можно отыскать и болѣе опредѣленные извѣстія, изъ которыхъ выводится, что Аттикъ былъ очень заинтересованъ домою и успѣхомъ дѣлъ римскихъ капиталистовъ, спекулировавшихъ въ Азіи, среди которыхъ могущественныя компаніи публикановъ занимали первенствующее мѣсто. Аттикъ, очевидно, постоянно и настойчиво разспрашивалъ Цицерона о финансовомъ положеніи страны, такъ какъ въ отвѣтахъ послѣдняго мы очень часто читаемъ подробныя сообщенія объ этомъ пунктѣ. Самъ Аттикъ ѣздилъ туда по какимъ-то важнымъ дѣламъ, и объ азіатскихъ „negotia“ Аттика много разъ идетъ рѣчь въ письмахъ къ нему его друга ¹⁾.

fero ac principe collocaram...—Ср. *In Catil.* IV, 7, 15; *Pro Sest.* 12, 27.—Въ другой разъ къ Аттику обращались, какъ къ одному изъ первыхъ лицъ сословія, люди, принявшіе на себя инициативу устройства особой кассы для поддержки убійцъ Цезаря („возстановителей свободы“), которая должна была пополняться изъ взносовъ всадниковъ, съ просьбою поддержать проектъ своимъ активнымъ участіемъ и тѣмъ привлечь и другихъ всадниковъ. См. *Corn. Nep.* 8, 8: „ExcoGITatum est a quibusdam, ut privatam aegarium Caesaris interfecto-ribus ab equitibus Romanis constitueretur. Id facile effici posse arbitrati sunt, si principes eius ordinis pecunias contulissent. Itaque appellatus est a C. Flavio, Bruti familiari, Atticus, ut eius rei princeps esse vellet...“—Нѣкоторые полагаютъ (См. *Fialon*, *Attic.* р. 25), что сторонники Брута и Кассія дѣлали тутъ воззваніе именно къ средствамъ публикановъ. Но здѣсь рѣчь идетъ о всадникахъ вообще, а не всѣ они были откупщиками податей, и многие, даже очень богатые, не входили въ компаніи публикановъ, а занимались торговыми предпріятіями другого рода.—Если бы даже такое объясненіе было вѣрно, то Аттикъ, отказавшись отъ участія въ осуществленіи плана (*Corn. Nep. Ibid.*) и заявивъ, что желаетъ сохранить независимость и предпочитаетъ оказать Бруту личную помощь, тѣмъ самымъ показалъ, что не былъ вполне тѣсно и прямо связанъ съ корпораціями публикановъ и не считалъ себя солидарнымъ со всѣми ихъ дѣйствіями.

¹⁾ Такъ, наприимѣръ, Цицеронъ въ 51-й году, то-есть, когда онъ управлялъ Киликіею, долженъ былъ на пути увидѣться въ Эфесѣ съ Минуціемъ Термонъ, намѣстникомъ провинціи Азія, и рекомендовать ему нѣкоего Селъ и вольноотпущенника Филогена, которые были въ то время повѣренными Аттика на востокѣ, т.-е., именно въ этихъ провинціяхъ. См. *Cic. Ad Att.* V, 13, 2; 20, 10; VI, 2, 10. Еще радше Цицеронъ пишетъ (*Ad Att.* IV, 15, 2): „Iter Asiaticum tuum puto tibi suscipiendum fuisse. Nunquam enim tu sine iustissima causa tam longe a tot tuis et hominibus et rebus carissimis et suavissimis abesse voluisses...“ *Ibid.* Ep. 16, 15: „In Asiam tibi eundem esse te arbitrarî: mihi merhercule nihil videbatur esse, in quo tantulum interesset, utrum per procuratores

Въ одномъ изъ послѣднихъ находимъ какъ будто болѣе ясное указаніе на причастность его къ предпріятіямъ азіатскихъ обществъ публикановъ. Оно написано было во время пребыванія Цицерона въ Азіи послѣ назначенія его на мѣстникомъ въ Киликію ¹⁾. Разказавъ Аттику о своемъ эдиктѣ, направленномъ къ подавленію злоупотребленій, совершавшихся въ провинціи преимущественно крупными римскими капиталистами, онъ упоминаетъ, что, не измѣняя сущности дѣла, то-есть, объявляя, что онъ будетъ строго преслѣдовать нарушеніе закона, смягчилъ по совѣту Аттика въ его текстѣ выраженія, которыя встрѣчались въ эдиктѣ одного изъ его предшественниковъ, Бибула, и въ которыхъ Аттикъ видѣлъ особенно ясно тенденцію, враждебную интересамъ „своего сословія“ ²⁾. Хотя въ данной связи цитированнаго письма Цицеронъ всего болѣе говоритъ именно о публиканахъ, такъ что возможно было бы отождествить здѣсь слова „*ordo noster*“ съ понятіемъ „*ordo publicanorum*“, и тогда получилось бы собственное признаніе Аттика въ причастности къ азіатскимъ откупамъ ³⁾; но гораздо справедливѣе будетъ истолковать это выраженіе шире и отнести его ко всему сословію всадниковъ, къ которому принадлежалъ Аттикъ, и о достоинствѣ и выгодахъ котораго заботился; причемъ нужно думать, что тутъ имѣются въ виду различныя отрасли финансовыхъ дѣлъ, которыя они организовали въ Азіи, и о которыхъ упоминаетъ въ своемъ эдиктѣ Цицеронъ ⁴⁾: нѣкоторыя изъ нихъ касались интересовъ Аттика и

ageat, an per te ipsum, ut abis toties et tam longe abesses“.—Въ послѣднемъ письмѣ Цицеронъ сердится на Аттика, досадуя на его отсутствіе; но въ первомъ признаетъ важность для него ѣхать въ Азію. Что рѣчь идетъ о дѣловой и именно о финансовой лѣздѣ, ясно изъ того, что Цицеронъ говоритъ о необходимости повѣреннаго (*procurator*). Аттикъ не довѣряетъ дѣла послѣднему, и это показываетъ, насколько оно было важно, коль скоро непремѣнно требовало личнаго его присутствія.

¹⁾ Ad Attic. VI, 1 (704 года отъ основанія Рима = 50 до Р. Хр.).

²⁾ Цицеронъ приводитъ здѣсь подлинныя слова самого Аттика изъ письма его къ нему (VI, 1,15): „Nimis gravi praeiudicio in ordinem nostrum“.

³⁾ Такимъ образомъ, Аттикъ связывалъ бы свою сословную честь съ общественною репутаціею публикановъ.

⁴⁾ Ad Att. VI, 1,15: „In quo est de rationibus civitatum, de aere alieno, de usura, de syngraphis, in eodem omnia de publicanis...“

потому положеніе азіатскихъ капиталистовъ особенно близко его затрогивало.

Такъ что въ результатѣ нѣтъ основаній предполагать, что Аттикъ стоялъ во главѣ какого-нибудь крупнаго откупа въ качествѣ главнаго предпринимателя (*maniceps*) или представлялъ себя поручителемъ своими имѣніями передъ государствомъ за обязательства, принимаемая какою-нибудь компаніею публикановъ (*praes*). Обратное противорѣчило бы даже характеру Аттика и выработаннымъ имъ правиламъ поведения: прямое участіе въ большихъ государственно-финансовыхъ предпріятіяхъ не только подвергало человѣка серьезному матеріальному риску, но сопряжено было въ смутныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ жила республика, нерѣдко и съ политической опасностью. Капиталы Аттика, несомнѣнно, нашли дорогу въ богатую область, населеніе которой подвергалось самой беспощадной эксплуатаціи со стороны соединенныхъ въ компаніи или дѣйствовавшихъ самостоятельно римскихъ богачей¹⁾. Это видно изъ приведенныхъ выше текстовъ, намекающихъ на разнообразныя денежныя интересы Аттика въ Азіи. Но онъ навѣрно сторонился отъ непосредственной роли въ дѣлахъ, которыя могли компрометировать его и запутать въ щекотливыя политическія отношенія: онъ, вѣроятно, не рѣшался вступать въ общества публикановъ даже въ качествѣ простого ихъ члена (*socius*); но стремясь къ возможно болѣе широкому обогащенію, онъ могъ желать воспользоваться выгодами отъ ихъ предпріятій, такъ что долженъ былъ стараться пристроиться къ ихъ доходнымъ спекуляціямъ въ качествѣ пассивнаго товарища (*affinis, particeps*) или, еще лучше, въ видѣ незамѣтнаго анонимнаго участника (владѣльца, такъ сказать, „акцій на предьявителя“ -- *partes*)²⁾; причемъ очень

¹⁾ Насколько широка была дѣятельность римскихъ публикановъ и банкировъ въ Азіи, и какія громадныя выгоды она имъ приносила, мы можемъ судить изъ того, что говоритъ объ этомъ Цицеронъ въ своихъ письмахъ и рѣчахъ. Факты сведены у *F. Belot*, *Hist. des chevaliers*, томъ II, кн. 1, гл. 4, и у *A. Deloume*, *Les manieurs d'argent*, p. 269 et suiv.

²⁾ Въ такомъ смыслѣ высказывается и *D. Hugues*, авторъ интересной работы — „Une province romaine sous la république. Etude sur le proconsulat de

возможно, что для большей безопасности онъ дѣйствовалъ тутъ подъ прикрытіемъ подставныхъ лицъ: такимъ путемъ пользовались, какъ извѣстно, прибылями отъ разнообразныхъ видовъ денежнаго торга, разрѣшенныхъ и запрещенныхъ, многіе римскіе аристократы ¹⁾. Во всякомъ случаѣ центръ тяжести „торговой“ дѣятельности Аттика въ Азіи не былъ прямо связанъ съ откупами податей.

Cicéron“ (P. 1876), p. 838.—Тотъ письма, въ которомъ Цицеронъ рассказываетъ Аттику о своей политикѣ по отношенію къ виллійскимъ публиканамъ (VI, 1), оный же не допускаетъ мысли о томъ, что послѣдній могъ быть дѣятельнымъ членомъ ихъ компаній. Соглашаясь по совѣту Аттика изъ приличія не оскорблять всадниковъ-откупщиковъ слишкомъ прямымъ указаніемъ на ихъ незаконія, онъ однако сообщаетъ другу, что нашелъ средство, прибѣгнувъ къ менѣе суровымъ выраженіямъ, оставить въ силѣ высказанную противъ нихъ угрозу: онъ замѣнилъ осуждаемое Аттикомъ выраженіе другою формулою, заимствованною изъ азіатскаго же эдикта Сцеволи, имѣвшею одинаковую юридическую силу, но болѣе замаскированную (*Ibid.* § 15: „...Ego tamen habeo isodovapioβacv, sed tectiorem, ex Q. Mucii P. F. edicto Asiatico, extra quam si ita negotium gestum est, ut eo stari non oporteat ex fide bona...“). Цицеронъ прямо рассказываетъ Аттику о своей хитрой политикѣ по отношенію къ публиканамъ (*Ibid.* § 16: „Itaque... publicanis res est gratissima, si illa iam habent pleno modio, verborum honorem, invitationem crebram. Quid plura? Sunt omnes ita mihi familiares, ut se quisque maxime putet. Sed tamen μηδὲν αὐτοῖς—scis reliqua“). Такъ можно говорить человѣку только тогда, когда знаешь, что онъ прямо не связанъ съ неприемлемымъ дѣломъ. Но эти слова могли дать Аттику важныя свѣдѣнія для сужденія о финансовомъ положеніи Азіи, очень для него цѣнныя.

¹⁾ Выше было указано на то, что въ 16-мъ письмѣ IV-й книги переписки Цицерона съ Аттикомъ упоминаются *procuratores* послѣдняго въ Азіи. Кромѣ официальныхъ полномочій отъ довѣрителя они могли принимать еще „конфиденціальна“ порученія, которыя исполняли будто бы отъ себя, отвращая опасность отъ патрона. Названіе только что Сей и Филогенъ, затѣмъ также Эгнатій, можетъ быть, вольноотпущенникъ его Демокритъ (*Ad Att.* VI, 1, 13) и еще другіе были именно такими подставными людьми. Въ письмахъ Цицерона часто упоминаются подобныя лица, между которыми нерѣдко попадаются вольноотпущенники. Какъ примѣры ихъ, можно еще указать нѣкогого Ксенона, работавшаго для Аттика въ Греціи (см. *Ad Att.* V, 10, 6; XIII, 37, 1; XIV, 16, 4; XVI, 1, 5 etc.), и извѣстныхъ Опіевъ, несомнѣнно, крупныхъ римскихъ денежныхъ дѣльцовъ или банкировъ. Послѣдніе были постоянно въ близкихъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ нимъ, принимая на себя, должно быть, особенно важныя его финансовыя порученія, и дѣйствуя отъ его имени, раздѣляя, конечно, при этомъ и выгоды (см. *Ad Att.* X, 4, 12; X, 7, 3; VII, 13a, 5; VIII, 7, 3). Объ Опіяхъ см. у P. Müller, Die Geldmacht im alten Rom (1877), p. 23. Было бы интересно болѣе подробно изслѣдовать данный пунктъ, то-есть, выяснитъ

1. Корнелій Непотъ не только отрицаетъ участіе Аттика въ предпріятіяхъ публикановъ, но говоритъ еще болѣе прямо, что онъ жилъ лишь доходами съ недвижимыхъ имуществъ. Онъ подчеркиваетъ это указаніе, желая, во первыхъ, избавить друга отъ всякой возможности обвиненія въ несовѣстѣ чистыхъ дѣяніяхъ, во вторыхъ, стремясь изобразить его поборникомъ почтенныхъ идеаловъ старины ¹⁾. Однако послѣднее не можетъ ему удался, такъ какъ существуютъ уже ясныя указанія на то, что Атикъ широко пользовался различными другими способами „торговли деньгами“ (*negotiatio*) ²⁾, чтобы пускать въ оборотъ свои капиталы. Такимъ путемъ онъ доставлялъ себѣ обильные источники дохода для упроченія на крѣпкомъ матеріальномъ фундаментѣ своего жизненнаго положенія, которое онъ не хотѣлъ ставить въ зависимость отъ зыбкихъ успѣховъ политической карьеры. Обладая всегда очень большими суммами денегъ, онъ устроилъ обширную и систематическую отдачу ихъ въ ростъ (*generatio*).

Цицеронъ невольно изобличаетъ Аттिका въ этомъ, можетъ быть, больше, чѣмъ тотъ бы хотѣлъ, постоянно говоря въ адресованныхъ ему письмахъ о его крупныхъ денежныхъ ссудахъ отдѣльнымъ лицамъ и корпораціямъ ³⁾. Должники Аттика встрѣчались въ различныхъ частяхъ рим-

въ точности коммерческія связи Аттика; но въ настоящемъ этюдѣ, имѣющемъ цѣлью главнымъ образомъ изучить Аттिका, какъ землевладѣльца, детальное разсмотрѣніе такого частнаго вопроса излишне затянуло бы изложеніе.

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 14, 3*: „Omnisque eius pecuniae reditus constabat in (rusticis) et urbanis possessionibus. Ex quo cognosci potest usum eum pecuniae non magnitudine, sed ratione metiri solitum...“

²⁾ Цицеронъ прямо называетъ его: „*negotiator*“. *Ad Att. I, 18, 8*: „Sub iustrum autem censegi germani negotiatoris est“.

³⁾ Многое въ письмахъ Цицерона объ этомъ неясно, такъ какъ ни имѣемъ отвѣтовъ Аттика и иногда не можемъ понимать смысла блѣдныхъ намековъ его корреспондента. Часто онъ говоритъ шутя о ссудахъ пріятеля, какъ о чемъ-то постоянно занимающемъ его и являющемся поэтому удобною темою для ивтинныхъ остротъ. См. *Cic. Ad Att. IV, 15, 7*: „Fenus ex triente Idib. Quinct. factum erat bessibus. Dices: istuc quidem non moleste fero. O virum, o civem!“ Cfr. II, 1, 12; IV, 16, 4 etc.

скаго міра ¹⁾. Но особенно много ихъ было на востокѣ, кромѣ другихъ городовъ Греціи — на островѣ Делосѣ, важномъ въ то время торговомъ пунктѣ ²⁾, въ Македоніи ³⁾ и Эпирѣ ⁴⁾, наконецъ въ Эфесѣ ⁵⁾ и, очевидно, еще во многихъ мѣстахъ ⁶⁾. Онъ давалъ займы не только частнымъ

¹⁾ О „судныхъ“ операціяхъ римскихъ капиталистовъ на востокѣ и о важномъ ихъ значеніи рассказываетъ Цицеронъ въ томъ же 1-мъ письмѣ шестой книги его переписки съ Аттикомъ. Друманнъ (V, 16) говоритъ слѣдующее специально объ Аттикѣ въ то время какъ тотъ жилъ въ Римѣ въ 59-мъ году: „Aus den Briefen, welche sich auf die seinigen beziehen, ist nur ersichtlich, wie er die Mussestunden anwandte, wenn er die Sicherheit der Schuldner geprüft, Capitalien ausgeliehen oder gekündigt, die Zinsen berechnet und eingefordert, und bei den Geldmäklern das Nöthige eingeleitet hatte“.

²⁾ Цицеронъ пишетъ другу, что онъ хорошо знаетъ, сколько, когда, гдѣ и какъ онъ копируетъ свои деньги и прибавляетъ, что онъ самъ видѣлъ его кассовыя счетныя книги или документи съ его печатью на Делосѣ. См. *Ad Att.* IX, 4: „...Sciebam enim te, quoto anno et quantum in solo, solere quaerere, neque solum Romae, sed etiam Deli tuum digamma videram...“

³⁾ Аттикъ обращается къ Цицерону съ просьбою ходатайствовать за него передъ македонскими намѣстниками о содѣйствіи ему при взысканіи долговъ. Цицеронъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о рекомендательномъ письмѣ своемъ къ намѣстнику 69 г. Г. Автонію, отправленномъ по этому поводу (*Ad Att.* I, 13, 1. Самое письмо это см. *Ad Fam.* V, 5). Такое же письмо ему пришлось послать и въ слѣдующемъ году новому намѣстнику Г. Октавію (*Ad Att.* II, 1, 12: „Ad Octavianum dedi litteras, cum ipso nihil eram locutus. Neque enim ista tua negotia provincialia esse putabam.“ — Cfr. *Ibid.* III, 1). Цицеронъ и Аттикъ очень хорошо понимали, какъ важна была поддержка проконсула для воздѣйствія на должниковъ административнымъ порядкомъ. (*Drumann*, V, 13).

⁴⁾ *Cic.* *Ad Att.* XIV, 10, 3. Къ этому случаю еще придется вернуться.

⁵⁾ *Cic.* *Ad Att.* V, 13, 2. Авторъ пишетъ изъ Эфеса, что онъ много думаетъ о дѣлахъ друга, и тѣ заботы, съ которыми онъ ихъ устраниваетъ, заставляютъ предполагать, что они были очень важны. Выше уже приходилось сослаться на это мѣсто; теперь выписывается весь характерной текстъ: „Tua negotiola (конечно, это только стилистическая фигура) Ephesi curae mihi fuerunt, Thermoque, tametsi ante adventum meum liberalissime erat pollicitus tuis omnibus, tamen Philogenem et Seium tradidi, Apollonidensem Xenonem commendavi. Omnino omnia se facturum recepit. Ego praeterea rationem Philogeni permutationis eius, quam tecum feci, edidi“. Cfr. *Ibid.* IV, 17, 1.

⁶⁾ Впрочемъ, нужно думать, что западныя провинціи находились въ болѣе шумныхъ случаяхъ нѣтъ сферы его предпріятій. Напримѣръ, смуты въ Африкѣ вовсе не затрагиваютъ его такъ, какъ всѣ замѣшательства, происходившія на востокѣ. Очевидно, что у него не было тамъ ни земель, ни помѣщенныхъ капиталовъ. См. *Drumann*, V, 84. Очень вѣроятно, что Аттикъ, хотя и боялся рисковать своими состояніемъ, вылагая его все въ одно дѣло, все-таки считалъ благоразумнѣе локализовать операціи въ странахъ, которыя онъ особенно хорошо зналъ, и которыя казались ему болѣе безопасными.

лицамъ, но и городскимъ общинамъ: послѣднимъ не только въ видѣ великодушнаго вспомошествованія, какъ указано выше относительно Аѳинъ, но, несомнѣнно, также и за проценты въ видахъ извлеченія дохода, то-есть, на коммерческихъ основаніяхъ. Его безпроцентныя ссуды различнымъ людямъ, на которыя иногда встрѣчаются указанія въ источникахъ, могли часто объясняться скрытымъ расчетомъ, желаніемъ приобрести благодарность видныхъ дѣятелей, чтобы получить черезъ нихъ при случаѣ выгодную концессию, если не для себя, то для друзей, въ прибыляхъ которыхъ онъ такъ или иначе участвовалъ, или вообще, чтобы устроить вліятельныя связи. Да и самыя, такъ сказать, даровыя одолженія, которыя онъ дѣлалъ аѳинянамъ, не были, должно быть, вполне безкорыстны: за такія услуги граждане этого города предлагали ему муниципальныя права и всякія почести. Онъ принималъ изъ нихъ только тѣ, которыя не могли возбудить неудовольствія противъ него въ Римѣ и поколебать его природныхъ правъ гражданина Вѣчнаго города ¹⁾; но привилегированное положеніе, въ которое ставила его благодарность жителей Аѳинъ, не было лишено смысла: оно окружало его почетомъ, являвшимся для него большимъ удобствомъ при постоянной жизни въ знаменитомъ культурномъ центрѣ греко-римскаго міра, съ которымъ его сближали высокое образованіе и тонкіе интеллектуальные вкусы ²⁾.

¹⁾ См. *Corn. Nep. Att.* 3, 1: „Hic autem (= Athenis) sic se gerebat, ut communis infimis, par principibus videretur. Quo factum est, ut huic omnes honores, quos possent, publice haberent civemque facere studerent; quo beneficio ille uti noluit“. Онъ долженъ былъ отказаться отъ званія аѳинскаго гражданина, чтобы не потерять права римскаго, такъ какъ въ то время одно съ другимъ было несовмѣстимо, и Цицеронъ только шутя называетъ его „согражданиномъ Демосфена“ (*Ad Att.* II, 1, 3). См. *Mommsen, Staatsrecht*, III, 48 и приведенные у него тексты.

²⁾ *Ibid.* § 2: „Quamdiu adfuit, ne qua sibi statua poneretur, restitit; absens prohibere non potuit. Itaque aliquot ipsi et Phidiae locis sanctissimis posuerunt: hunc enim in omni procuratione reipublicae actorem auctoremque habebant potissimum. Igitur primum illud munus fortunae, quod in ea urbe natus est, in qua domicilium orbis terrarum esset imperii, ut eandem et patriam haberet et domum, hoc specimen prudentiae, quod, cum in eam se civitatem contulisset, quae antiquitate humanitate doctrinaeque praestaret omnes, unus ei fuit carissimus“. Въ

Отдача денегъ въ ростъ городскимъ общинамъ была въ тѣ времена очень важнымъ, распространеннымъ и чрезвычайно прибыльнымъ видомъ „денежнаго торга“, и Атикъ постоянно пользовался такимъ выгоднымъ способомъ приложенія капитала, можетъ быть, прикрываясь нѣкоторою тайною и осторожно прибѣгая къ обходнымъ формамъ. Иногда, впрочемъ, ему приходилось встрѣчаться на этомъ пути обогащенія съ нѣкоторыми препятствіями легальнаго характера, именно, съ законами, стѣснявшими нѣсколько финансовую эксплуатацію провинціальныхъ городовъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе привилегированныхъ изъ нихъ. Изъ Цицерона мы узнаемъ именно объ одной постигшей его на этомъ поприщѣ неудачѣ.

Многіе города провинцій въ изучаемое время были разорены алчностью проконсуловъ и насиліями публикановъ, а также съ другой стороны войнами и экономическими кризисами ¹⁾. Для продолженія своего хозяйства или для удовле-

другомъ же мѣстѣ (сар. 4, 5) Корнелій говоритъ, что афиняне провожали его со слезами, когда онъ, возвращаясь въ Римъ, покинулъ ихъ городъ: „*Quem discedentem sic universa civitas Atheniensium prosecuta est, ut lacrimis desiderii futuri dolorem indicaret*“. Можно, впрочемъ, предполагать, что не всегда оказывалъ онъ афинянамъ одни безвозмездныя благодѣянія. Повидному, его капиталы находили и тамъ выгодное помѣщеніе, если не въ самой городской общинѣ, то у отдельныхъ гражданъ. Очень возможно, что при этомъ юридически заимодавцемъ являлся не самъ Атикъ, а прикрывавшій его повѣреннымъ и пріятель, микрурецъ Ксенонъ. См. *Ad Att.* V, 10, 5; 11, 6; VI, 1, 1; XIII, 37, 1; XIV, 16, 4; XVI, 1, 5.

¹⁾ Въ однихъ рѣчахъ Цицерона можно найти цѣлый рядъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ о томъ, въ какомъ ужасномъ состояніи находились провинціи. Изъ нихъ можетъ быть составлена полная картина, которой трудно не вѣрить, особенно когда она подтверждается данными, извлекаемыми изъ другихъ источниковъ. Вотъ какъ авторъ резюмируетъ, наприимѣръ, результаты управленія Греціи (которая особенно интересна въ настоящей связи) Пезономъ (*Cic. In Pison.* 40, 98): „*Achaia exhausta, Thessalia vexata, laceratae Athenae, Dyrhachium et Apollonia exinanita, Ambracia direpta, Parthini et Bullienses illusi, Epirus excisa, Locri, Phocii, Boeotii exusti, Acarnania, Amphilochia, Perraebia, Athamanumque gens vendita, Macedonia condonata barbaris, Aetolia amissa, Dolopes finitimique montani oppidis atque agris exterminati*“. Ср. еще другой чрезвычайно сильный и характерный текстъ (*Cic. II In Verr.* V, 48, 127): „*Ubi pecunias exterarum nationum esse arbitramini, quibus nunc omnes egent, cum Athenas, Pergamum, Cyzicum, Miletum, Chium, Samum, totam denique Asiam, Achaiam, Graeciam, Siciliam iam in paucis villis inclusas esse videatis?*“

творенія поборамъ, которые были наложены на нихъ римлянами, общины эти должны были обращаться къ частному кредиту, то-есть, брать у римскихъ капиталистовъ ссуды, которыя не всегда оказывалось легко отдавать. Богатые финансисты внимательно слѣдили за матеріальными затрудненіями подданныхъ римскаго народа или его подчиненныхъ союзниковъ и въ минуты особенно обострявшагося разстройства предлагали имъ денежную помощь, разумѣется, оплоченную высокимъ процентомъ. Это обстоятельство нерѣдко отдавало города въ полную экономическую кабалу частныхъ предпринимателей, но иногда могло причинять хлопоты и кредиторамъ. Выше было указано, что въ такомъ положеніи находились во время Аттика Аѣины; то же бѣдствіе постигло тогда и другой городъ Греціи—Сикіонъ. Нуждаясь въ средствахъ, Сикіонцы обратились къ казнѣ извѣстнаго въ Греціи своимъ богатствомъ Аттика; но по наступленіи срока ссуды очутились не въ состояніи уплатить занятой суммы. Кредиторъ хотѣлъ прибѣгнуть къ принудительному взысканію долга при посредствѣ римскихъ властей и потребовалъ наложенія запрещенія на доходы города ¹⁾. Но гражданамъ Сикіона удалось прикрыться незадолго передъ тѣмъ изданнымъ по почину П. Сервилія и М. Катона сенатусконсультомъ, который, повидимому, специально подтверждалъ, какъ слѣдствіе предоставленной городу „свободы“ (*libertas*), независимость и необлагаемость его имущества (*immunitas*). Въ силу такой правовой привилегіи города правительство римскаго народа не могло само подчинять сикіонцевъ какому-нибудь сбору въ пользу государства и тѣмъ болѣе оказывалось некомпетентнымъ налагать запрещеніе на общинную собственность города и подвергать ее принудительному отчужденію для удовлетворенія долговыхъ исковъ частныхъ лицъ, хотя бы и римскихъ гражданъ ²⁾. Атикъ въ данномъ случаѣ не сумѣлъ

¹⁾ Цицеронъ шутливо говоритъ, что Атикъ долженъ былъ предпринять противъ города осаду (*Ad Att. I, 13, 1*): „...ego te arbitror... statim esse ad Sicyonem orrignandum profectum“. Атикъ никогда не участвовалъ ни въ какихъ войнахъ, кромѣ денежныхъ.

²⁾ Объ этомъ фактѣ нѣсколько разъ идетъ рѣчь въ письмахъ Цицерона, и изъ его отрывочныхъ намековъ можно вывести именно такое объясненіе (См.

правильно рассчитать всё шансы на успешное получение ссуды обратно; а, может быть, что гораздо вероятнее, указанный сенатусконсульт совершенно неожиданно разрушил его соображения, увеличивая преимущества такъ-называемых „*populi liberi*“, или давая имъ такое разъяснение, которое оказалось для Атика непредвиденнымъ препятствиемъ при взысканіи денегъ. Дѣло это неполно ясно; какъ бы то ни было, Атикъ не захотѣлъ сразу отказаться отъ своего требованія; онъ пробовалъ настаивать передъ римскою куріею, и Цицеронъ много хлопоталъ за него, хотя безуспѣшно. Между прочимъ, разъ онъ писалъ другу, что тому трудно

Drumann, Gesch. Roms, V, 64). *Cic. Ad Att.* II, 1, 10: „*Quod Sicyonii te laedunt, Catoni et eius aemulatore attribuis Servilio*“. Онъ ссылается тутъ, очевидно, на благоприятный для Сикионцевъ сенатусконсультъ, о которомъ говорится въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ (I, 19, 9): „*De tuo autem negotio saepe ad me scribis; cui mederi nunc non possumus. Est enim illud senatus consultum summa pedariorum voluntate, nullius nostrum auctoritate factum. Nam, quod me esse ad scribendum vides, ex ipso senatus consulto intelligere potes aliam rem tum relatam, hoc autem de populis liberis sine causa additum; et ita factum est a P. Servilio filio, qui in postremis sententiam dixit*“. О томъ, что *libertas* и соединенная съ нею *immunitas* могли даваться постановленіемъ сената см. у *Marquardt's Röm. Staatsverwaltung*, I, 350. Ср. *Ibid.* I, 20, 4. Приведенное толкованіе, предлагаемое комментаторами (см., напримѣръ, *I. C. G. Boet. M. Tullii Ciceronis epistolarum ad T. Pomponium Atticum libri XVI*, Amsterdam, 1865, I, 64), вполне согласуется съ правовымъ положеніемъ такъ-называемыхъ *civitates liberae et immunes*. Онѣ такъ же, какъ и *civitates foederatae*, не считались (съ ихъ областями) принадлежащими къ римской государственной территоріи, а признавались какъ бы автономными политическими единицами, находящимися лишь подъ протекторатомъ Рима. См. характерный текстъ Прокула въ Дигестахъ (XLV, 15, 7, пр.): „*Non dubito. quin foederati et liberi nobis externi sint*“. Другіе тексты и ихъ разъясненіе см. у *Mommsen*, *Röm. Staatsrecht*, IV, 655—59; 686 sqq. По привилегіи, дарованной такимъ общинамъ, онѣ освобождались отъ востоянныхъ податей, стало быть римское публичное право не давало оснований для претензій государства на какую-нибудь часть ихъ имущества. Если бы возникло какое-нибудь финансовое несогласіе между *civitas libera et immunitis* и Римомъ (то-есть, его правительствомъ, государствомъ), то оно могло разрешаться только на почвѣ, такъ сказать, международного права. До столкновенія же между интересами общины и частныхъ лицъ римскихъ властей не было никакого дѣла: они разбирались на основаніи гражданскаго права самой свободной общины ея должностными лицами. См. еще о *civitates liberae* у *Marquardt*, *Röm. Staatsverwaltung*, I, 71—80 (2 Aufl.). *Willms*, *Le droit public romain* (6 éd.), и въ старомъ, но важномъ до сихъ поръ специальномъ изслѣдованіи Дирсена въ его книгѣ „*Versuche zur Kritik und Anlegung der Quellen des römischen Rechts* (Leipzig, 1823), стр. 187 и сл.

надѣяться на покровительство закона, который прямо говорить противъ него, а придется дѣйствовать просьбами и ухищреніями, чтобы выудить у невѣрныхъ должниковъ хоть „нѣскольکو монетъ“ и тѣмъ утѣшить себя въ понесенномъ убыткѣ¹⁾. Какъ кончилось дѣло, навѣрно неизвѣстно; но въ 695 году оно еще тянулось, и Аттикъ все добивался отъ сикіонянъ своихъ денегъ²⁾.

Разсказанный эпизодъ изъ области финансовыхъ дѣяній Атика бросаетъ любопытный свѣтъ на ростовщичество римскихъ капиталистовъ въ провинціяхъ, отъ котораго страдали нетолько отдѣльные жители различныхъ мѣстностей, но и цѣлыя городскія общины, легко запутывавшіяся въ долгахъ. Имъ приходилось вести постоянную борьбу съ угнетающею силою римскаго золота; и, несомнѣнно, только очень рѣдко приходила имъ на помощь какая-нибудь привилегія, подобная той, которая, можетъ быть, дала средство сикіонянамъ освободиться отъ обязательства по отношенію къ Атику. Въ общемъ же правилѣ, нужно думать, римскій законъ былъ нѣмъ для защиты провинціаловъ отъ безжалостныхъ хищеній денежныхъ дѣльцовъ; чрезвычайно рѣдко даже удавалось имъ, вѣроятно, найти охрану отъ несомнѣнныхъ и вопіющихъ злоупотребленій захватившихъ ихъ въ руки жестокихъ господъ³⁾.

¹⁾ *Cic. Ad Att. I, 19, 9:* „...Tu si tuis blanditiis tamen a Sicyoniis nummilogum aliquid expresseris“. Законнаго средства, по мнѣнію Цицерона, нѣтъ („...sui (= negotio tuo) mederi nunc non possumus“). Разсчитывать на отмену постановленія сената нечего („sed immutari hoc tempore non potest“), такъ какъ оно встрѣчаетъ пока общую поддержку. Однимъ, вѣроятно, оно выгодно; другіе считаютъ его справедливымъ. Поэтому надо искать иного пути (*Ad Att. I, 20, 4:* „... alia via, si qua potes, rigna!“). Совѣтовъ Атику Цицеронъ прямо не даетъ, но, очень можетъ быть, намекаетъ на какой-нибудь обходъ, которыхъ было множество.

²⁾ См. *Ad Att. II, 21, 6:* „Tu, quid agas, quemadmodum te oblectes, quid cum Sicyoniis egeris, ut sciam cura“. Письмо это относится къ 696 г. Началось дѣло въ 698 г. (61 до Р. Хр.). См. *Drumann, V, 64.*

³⁾ Распространенность этого явленія — безнаказанности противозаконныхъ взысканій въ провинціяхъ не только намѣстниковъ, но и частныхъ банкировъ, подтверждается такою массою общеизвестныхъ фактовъ, что нѣтъ надобности приводить здѣсь спеціальныя доказательства. Въ видѣ иллюстраціи дѣла тутъ припоминается только одинъ особенно замѣчательный примѣръ. Не только люди, отрицавшіе все, кромѣ стремленія къ личной наживѣ, принимали дѣятельное участіе въ разореніи провинцій ростовщическою эксплуатаціею. Без-

Описанный случай кромѣ того,—что особенно интересно въ настоящей связи—, ясно характеризуетъ направление и размѣры

собственной грабежъ провинціаловъ считался дѣломъ, настолько позволительнымъ для римскихъ гражданъ, что передъ нимъ не останавливались даже первостепенные политическіе дѣятели, не боясь потерять доброе имя. Такъ, мы знаемъ изъ того же Цицерона, что славившійся своею добродѣтелью знаменитый Маркъ Брутъ, „последній изъ римлянъ“, защитникъ свободъ, былъ виновникомъ самой возмутительной сдѣлки съ жителями кипрскаго города, Саламина (См. четыре письма Цицерона къ Аттику—V, 21; VI, 1; 2; 3).—Воспользовавшись моментомъ, когда саламиняне очень нуждались въ деньгахъ, онъ черезъ посредство двухъ услужливыхъ подставныхъ лицъ далъ имъ ссуду, обязавъ ихъ уплачивать безусловно запрещенные закономъ проценты—именно 48% въ годъ (См. *Drumann*, IV, 20—23; 34; 41). Когда настало время уплаты, Брутъ добился отъ наместника Киликіи, чтобы Скаптіи, одинъ изъ этихъ подставныхъ лицъ, былъ назначенъ префектомъ отряда всадниковъ въ Кипрѣ, который принадлежалъ къ территоріи этой провинціи. Этотъ послѣдній, пользуясь своимъ положеніемъ, пытался при помощи насилия принудить несостоятельныхъ должниковъ уплатить неомѣрно выросшую за нѣсколько лѣтъ занятую ссуду. Рассказывали, что онъ держалъ саламинскихъ декуріоновъ въ зданіи мѣстной курии, какъ бы въ осады, такъ долго, что пятеро изъ нихъ умерли съ голода (*Ad Att.* VI, 2, 8). Несмотря на такое самоуправство, ему однако не удалось добиться сразу дѣла, а при дальнѣйшихъ попыткахъ онъ встрѣтился на пути съ Цицерономъ, который, какъ разъ въ это время, былъ избранъ наместникомъ Киликіи.—Послѣдній воспротивился беззастѣнчивому требованію Скаптіи; онъ отказался удовлетворить этому, очевидно, незаконному притязанію, даже когда Брутъ письмомъ извѣстилъ его, что деньги эти—его, и несмотря на представительство Аттика (*Ad Att.* VI, 2), который поддерживалъ въ Брутѣ товарища по финансовымъ дѣламъ. Но и такой сравнительно съ другими добросовѣстный правитель, какимъ былъ Цицеронъ, не рѣшился прямо уничтожить жестокаго обязательства, вопреки справедливой жалобѣ саламинянъ, готовыхъ заплатить легальный процентъ, и спасти дѣлный городъ отъ разоренія. Онъ боялся оскорбить Брута. Члены правящаго класса, связанные общими интересами политическими и материальными, поневолѣ должны были прикрывать другъ друга въ различныхъ темныхъ дѣлахъ. Цицеронъ тивнулъ разбирательство, предоставляя своему преемнику разрѣшить щекотливый вопросъ и надѣясь, что въ немъ Брутъ найдетъ болѣе покладливаго судью: самъ онъ не хотѣлъ допускать такого наглаго нарушенія закона, но прямо идти противъ зла не видѣлъ возможности. Дѣло Брута съ саламинянами подробно рассмотрѣно въ специальномъ этюдѣ Савиньи—„Ueber den Zinswucher des M. Brutus“ (*Vermischte Schriften*, I Bd, 386). См. еще *Marquardt*, I, 542 (2 Aufl.). Въ подобнаго же рода дѣлахъ былъ повиненъ Помпей (См. напр. *G. d' Huguies*, Une province romaine sous la République. Étude sur le proconsulat de Cicéron, P. 1876, p. 310—612) и многіе другіе римскіе аристократы. (См. примѣры у *V. Duruy*, Hist. des Rom. II, 620 suiv.). Аттикъ, можетъ быть, былъ осторожнѣе, но нѣтъ сомнѣнія, что и онъ большою жалостью къ провинціаламъ не отличался. Его заступничество за Брута въ только что рассказанномъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что подобнаго рода сдѣлки не возмущали его: Цицеронъ мягко замѣчаетъ, что его дружба къ Бруту заходитъ

банковыхъ кредитныхъ дѣлъ Аттика въ провинціяхъ. Тутъ ему не посчастливилось, потому что по какимъ-то причинамъ онъ не предугадалъ возможности затрудненія; но, безъ сомнѣнія, этотъ промахъ былъ лишь рѣдкимъ исключеніемъ въ длинномъ ряду его многочисленныхъ и громаднхъ коммерческихъ предпріятій. Въ большинствѣ же случаевъ онъ считывалъ твердо и вѣрно шелъ по дорогѣ очень широкаго обогащенія.

2. Атикъ не ограничивался крупными ссудными операціями; онъ не пренебрегалъ и различными другими способами умноженія капиталовъ или прибыльнаго помѣщенія уже имѣющихся денегъ. Корнелій Непотъ сообщаетъ еще, что онъ брался за управленіе дѣлами различныхъ извѣстныхъ и богатыхъ всадниковъ и сенаторовъ, какъ Цицероны, Катонъ, Гортензій, Торкватъ и другіе ¹⁾. Нужно думать, что и это занятіе доставляло ему нѣкоторую, иногда даже значительную, прибавку къ ежегодной получкѣ ²⁾. — Онъ не только прибѣгалъ къ широкимъ способамъ достиженія прибылей, но не брезгалъ и мелкою выгодною. Цицеронъ добродушно смѣется надъ этою его слабостью ³⁾; но Атикъ хорошо понималъ, что и изъ маленькихъ ручьевъ, если они многочисленны, образуется большая рѣка. Онъ не останавливался и передъ такими способами наживы, которые теперь показались бы безусловно предосудительными, но въ тѣ времена не очень

немного далеко (*Ad Att. VI, 2, 9*: „Nimis, nimis, inquam, in isto Brutum amasti, dulcissime Attice...“). Это легко понять: онъ защищалъ и свой интересъ, добивался, можетъ быть, выгоднаго прецедента.

¹⁾ *Corn. Nep.* 15, 3: „...Quo fiebat, ut omnia Ciceronum, M. Catonis, Q. Hortensii, Auli Torquati, multorum praeterea equitum Romanorum negotia procuraret“.

²⁾ Тутъ онъ, можетъ быть, получалъ извѣстный процентъ съ доставляемаго имъ довѣрителямъ дохода (См. выше стр. 144). Притомъ, такъ какъ онъ былъ прокураторомъ привилегированнымъ, то процентъ этотъ долженъ былъ быть особенно высокъ.

³⁾ *Cic. Ad Att. II, 1, 12*: „...Neque te in tocollionibus habebam“. Слово *tocullio* связываютъ съ греческимъ τοκολλίωνъ произв. отъ τόκος = *usura*, и оно должно обозначать ростовщика низшаго, мелкаго разбора. См. *Forcellini, Lexicon* (v. *tocullio*).

возмущали, повидимому, нравственную брезгливость. Замѣчая, наприѣръ, какимъ широкимъ распространѣніемъ пользовались гладіаторскіе бои по всему римскому міру, онъ придумалъ устроить у себя на своихъ земляхъ или въ своихъ домахъ школу гладіаторовъ, покупалъ подходящихъ для этого рабовъ, обучалъ ихъ „искусству красиво убивать и умирать“ и затѣмъ отдавалъ въ наймы или продавалъ такихъ театральныхъ бойцовъ содержателямъ труппъ или магистратамъ, устроителямъ игръ ¹⁾).

Изобрѣтательность Аттика въ отысканіи источниковъ дохода была вообще велика. Такъ, ему пришло въ голову заняться книгопродавческимъ дѣломъ. — Въ Римѣ не признавалось ни права литературной собственности, ни издательской монополии. Коль скоро сочиненіе выходило изъ-подъ пера писателя и попадало въ публику, каждый могъ свободно переписывать его не только для собственнаго книгохранилища, но и во многихъ экземплярахъ на продажу ²⁾. Атикъ очень любилъ книги, и у него было нѣсколько прекрасныхъ библиотекъ ³⁾. Для пополненія своего книжнаго богатства онъ

¹⁾ См. *Cic. Ad Att. IV, 4b, 2*: „Medius fidius ne tu emisti ludum praeclarum; gladiatores audio pugnare mirifice: si locare voluisses, duobus his muneribus liberasset.“ Cfr. *Ibid. Epist. 8a, 2*. Въ одномъ письмѣ къ брату своему Квинту Цицеронъ говоритъ, что Атикъ продавалъ гладіаторовъ (*Ad. Q. fr. II, 6, 5*): „...nam ille (Cato) vindex gladiatorum et bestiariorum emerat de Cosconio et *Ромпроніо* bestiarios“. Во всякомъ случаѣ содержаніе школы гладіаторовъ не считалось прямо унижительною для свободнаго римлянина, благодаря тому почетному положенію, которое принадлежало гладіаторскимъ боямъ среди публичныхъ зрѣлищъ и праздничныхъ развлеченій. Многие знатные граждане занимались этимъ между прочимъ. См. интересные факты у Фридлэндера (*Sittengeschichte, II, 366; 399*). Только поставка гладіаторовъ, какъ спеціальныи промыселъ, признавалась грязною и позорною профессіею (*Ibid. 376*). Самы императоры держали въ Римѣ и внѣ Рима многочисленныя группы своихъ гладіаторовъ, предначинавшихся для особенно торжественныхъ случаевъ и находившихся подъ начальствомъ особыхъ прокураторовъ. Это видно изъ надписей. См. цѣлый рядъ любовитныхъ указаній также у *Friedländer, Ibid. 376—378*.

²⁾ Писательскій гонораръ получался, въ большинствѣ случаевъ, лишь за первое изданіе или за тѣ выпуски, которые производилъ самъ авторъ или его покровитель. См. объ этомъ вопросѣ у *Becker-Göll, Gallus, II, 450 ff.* О книжномъ торговлѣ сообщаютъ много свѣдѣній поэты, наприѣръ, Гораций, но особенно Марціалъ. Ср. *Dziatzko, Autor- und Verlagsrecht im Altertume (Rhein. Mus. 1894)* съ указаніемъ литературы вопроса о книжномъ дѣлѣ въ древности.

³⁾ Библиофильство тогда уже считалось признакомъ хорошаго тона, и каждый видный членъ высшаго общества старался щегольнуть богатымъ собраніемъ

воспитывалъ особыхъ рабовъ, искусно владѣвшихъ техникою письма латинскимъ и греческимъ шрифтомъ, и умѣлыхъ чтецовъ. У него въ домѣ было много такихъ художниковъ-специалистовъ ¹⁾. Задавая имъ работу, то-есть, заставляя ихъ переписывать или воспроизводить подъ диктовку наиболѣе замѣчательныя и нравившіяся произведенія, онъ думалъ не только, объ удовлетвореніи своего культурнаго вкуса: его рабы-кописты трудились для книжнаго рынка; Атикъ торговалъ книгами ²⁾, заготавливая руками этихъ рабовъ наиболѣе „ходкій литературный товаръ“ въ большомъ количествѣ экземпляровъ ³⁾. Цицеронъ нѣсколько разъ обращается къ Ат-

модныхъ или рѣдкихъ книгъ не только въ римскомъ домѣ, но и въ виллахъ за городомъ. Цицеронъ очень заботился о составленіи хорошихъ книжныхъ собраній въ своихъ загородныхъ домахъ. См. напр. *Ad Att.* I, 10, 4; I, 20, 7; II, 6, 1; V, 4, 1. Сенека даже отзывается съ неодобреніемъ о страсти собирать такіа количества книгъ, „quam dominus vix tota vita indices perlegit“. (*De tranquill.* 9, 4). Въ III-мъ вѣкѣ нѣкій Серенъ Саммонікъ, воспитатель императора Гордіана Младшаго, былъ собственникомъ бібліотеки въ 60.000 рукописныхъ свитковъ, какъ рассказываетъ Кассиодоръ (*Gord.* XVIII, 2). Каждый богатый римскій интеллигентъ особенно заботился объ устройствѣ въ своихъ домахъ комфортабельнаго помѣщенія для бібліотеки. См. объ устройствѣ бібліотекъ у *Becker-Göll*, Gallus, II, 418 ff. Археологи отыскиваютъ слѣды такихъ помѣщеній въ развалинахъ императорскихъ дворцовъ и виллъ, а также частныхъ жилищъ. См. *E. Thomas*, Rome et l'empire aux deux premiers siècles de notre ère (P. 1897), p. 213 ss. Въ знаменитой тибургинской виллѣ Адріана указываютъ даже на остатки двухъ бібліотекъ—греческой и латинской. См. *G. Boissier*, Promenades archéologiques (3 éd. 1887), p. 246. Ср. *H. Winnefeld*, „Die villa des Hadrian“ (*Jahrbuch d. deutsch. arch. Inst.* III Ergänzungsheft, p. 96 ff.).

¹⁾ Корнелій Непотъ даже рассказываетъ, что почти всѣ *servi urbani* Атика были *litterati* (*Att.* 13, 3): „...erant pueri litteratissimi, anagnostae optimi et plurimi librarii, ut ne pedissequus quidem quisquam esset, qui non utrumque horum pulchre facere posset...“ Цицеронъ иногда проситъ друга уступить ему на время нѣсколькихъ изъ такихъ рабовъ для приведенія въ порядокъ его бібліотеки. См. *Ad Att.* IV, 4b, 1: „...Etiam velim mihi mittas de tuis librariolis duos aliquos, quibus Tyrannio utatur glutinatoribus, ad cetera administris...“ Имена нѣкоторыхъ особенно прославившихся своимъ искусствомъ „ученныхъ рабовъ“ Атика указаны у *Drumann*, V, 66—67.

²⁾ Тотъ же биографъ Атика сообщаетъ, что онъ искалъ въ рабахъ не красивой или блестящей внѣшности, а полезности, производительности. (*Corn. Nep.* *Att.* 13, 3: „...usus est familia, si utilitate iudicandum est, optima, si forma, vix mediocri...“)

³⁾ Напримѣръ, когда сотрудникъ Цезаря, Гиртій, написалъ своего „*Антикатона*“, Атикъ по желанію Цицерона очень дѣятельно распространялъ это сочиненіе. *Cic. Ad Att.* XII, 40, 1: „...misi librum (quem Hirtius ad me misit, in quo colligit vitia Catonis) ad Muscam, ut tuis librariis daret; volo enim eum divulgari, quod quo facilius fiat, imperabis tuis...“ — Возможно, что Атикомъ

тику съ книжными заказами ¹⁾; онъ продавалъ отдѣльныя сочиненія и составленныя коллекціи книгъ ²⁾.

Аттикъ-книгопродавецъ (*bibliopola*) сумѣлъ эксплуатировать, какъ доходную статью, и свою дружбу съ Цицерономъ: онъ сталъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ важныхъ издателей его сочиненій ³⁾. У Цицерона не было достаточнаго числа писцовъ, чтобы онъ могъ самъ пускаться въ ходъ свои произведенія ⁴⁾. А онъ добивался ихъ распространенія; поэтому онъ обращался къ Аттику. Ему посылался чистовой экземпляръ съ предоставленіемъ права воспроизведенія его для продажи. Аттикъ засаживалъ за дѣло своихъ рабовъ, и новое сочиненіе знаменитаго писателя выходило въ свѣтъ ⁵⁾. Трудно

изданы и другіе римскіе и греческіе много читавшіеся авторы. См. *W. Christ, Die Atticusausgabe des Demosthenes* (Abhandl. der bayr. Akad. Philol. Classe, XVI, 3 Abth. p. 155 ff.), и можно съ вѣроятностію предположить, что нѣтъ основана была книгопродавецкая издательская фирма, продолжавшая работать и послѣ его смерти подъ именемъ „Аттикала“. — Ср. *Schanz, Römische Literaturgeschichte*, I, 168.

¹⁾ *Cic. Ad Att.* I, 4, 3: „Libros tuos conserva et noli desperare eos me meos facere posse...“ *Ibid.* I, 10, 4: „Bibliothecam tuam cave cuiquam despondeas, quamvis acrem amatorem inveneris; nam ego omnes meas vindemiolas eo reservo, ut illud subsidium senectuti parem“. — Нельзя думать, что Аттикъ распродалъ свою собственную бібліотеку — онъ былъ богатъ и любилъ литературу, настоящей нужды въ деньгахъ, какъ иногда бывало съ Цицерономъ, онъ никогда не испытывалъ. Къ тому же изъ позднѣйшихъ писемъ Цицерона ми видимъ, что его собственная бібліотека остается у него цѣлою, и что она весьма значительна (*Ad Att.* IV, 14). — Затѣмъ еще въ другомъ мѣстѣ ясно говорится, что онъ дѣйствительно доставалъ и продавалъ рѣдкія книги. См. *Cic. Ad Att.* II, 4, 1: „...pro eo (i. e. libro Serapionis) tibi praesentem pecuniam solvi impetravi...“

²⁾ См. *Cic. Ad Att.* II, 4, 1; XIII, 44. Выше только что указано, онъ готовилъ цѣлую бібліотеку, которую Цицеронъ ботся уустать. Можетъ быть, нѣкоторые рукописи Аттикъ покупалъ у другихъ книжниковъ или приобреталъ по случаю у нуждающихся въ деньгахъ любителей.

³⁾ См. объ этомъ интересномъ частномъ вопросѣ специальную статью *G. Boissier, „Atticus, éditeur de Cicéron“* въ *Revue archéologique* (Nouv. sér. t. VII, 1868), изъ которой здѣсь заимствуются многіе факты, касающіеся даннаго пункта. См. о томъ же въ старомъ сочиненіи *H. Gréard, „Essai sur les livres dans l'antiquité, particulièrement chez les Romains“* (P. 1840).

⁴⁾ Онъ говоритъ о своемъ трактатѣ — *De finibus*, что его люди еле-еле успѣли переписать это сочиненіе въ одномъ экземплярѣ (*Ad Att.* XIII, 21, 5: „...Vix singulos confecerunt...“ — Все нѣсколько интересно для выясненія вопроса).

⁵⁾ По поводу своего разсужденія — „*De oratore*“ Цицеронъ опять пишетъ Аттику (*Ad Att.* IV, 13, 2): „De libris oratoris factum est a me diligenter: diu multaque in manibus fuerunt; describas licet“. — Remarquons ces derniers mots, замѣчаетъ Г. Буассье (*Rev. arch.* p. 96), — *describas licet*; ils ressemblent tout à fait à ce que nous appelons aujourd'hui *le bon à tirer*“. Тутъ же французскіи

предположить здѣсь простую дружескую услугу: не въ характерѣ Аттика было заниматься постоянно опредѣленною работою только изъ угожденія близкому челювѣку ¹⁾. Трактаты и рѣчи Цицерона поступали къ нему на общихъ коммерческихъ основаніяхъ; онъ охотно принималъ ихъ, какъ выгодный предметъ сбыта; онъ даже занимался ихъ рекламированіемъ ²⁾, удовлетворяя тѣмъ интересамъ автора, но не забывая и своихъ. Вотъ, какъ библиофиль-Аттикъ обратился въ лишній источникъ обогащенія и свою любовь къ книгамъ, которая разоряла многихъ его современниковъ ³⁾. Онъ чутко понималъ растущую потребность общества въ чтеніи и ловко воспользовался открывшимся широкимъ спросомъ

ученый приводитъ другіе факты, характеризующіе такое производство книгъ во время Цицерона.

¹⁾ Что это было серьезное постоянное торговое предпріятіе, видно изъ многихъ мѣстъ писемъ Цицерона, которыя носятъ именно характеръ сухихъ дѣловыхъ порученій, а не дружескихъ просьбъ. Разъ онъ обращаетъ вниманіе издателя на сдѣланную въ рукописи ошибку и проситъ исправить ее не только въ своемъ экземплярѣ, но и въ остальныхъ (*Ad Att.* XII, 6, 3); другой разъ онъ повторяетъ то же относительно другого сочиненія (*Ibid.* XIII, 44, 4); третій разъ заказываетъ одну изъ своихъ книгъ для знакомаго (IV, 11, 2); четвертый — обращаетъ вниманіе на необходимость отправить экземпляръ его сочиненій въ Аэнины и другіе города Греціи, гдѣ у Аттика, очевидно, были коммиссіонеры или привазики (II, 1, 2); словомъ, здѣсь обнаруживается вполне организованное издательское предпріятіе.

²⁾ Въ одномъ письмѣ Цицеронъ благодаритъ Аттика за удачное распространеніе его рѣчи за Лигаріа (*Ad Att.* XIII, 12, 2: „*Ligarianam praecclare vendidisti: posthac, quidquid scripsero, tibi praeconium deferam...*“). Издатель хорошо зналъ различные способы такого распространенія въ обществѣ благопріятныхъ свѣдѣній о вновь вышедшемъ литературномъ произведеніи и привлеченія къ нему вниманія образованныхъ покупателей. Наиболѣе обычнымъ изъ нихъ было чтеніе за столомъ Аттика „муссируемой“ книги лучшимъ „лекторомъ“ изъ его рабовъ передъ эlegantнымъ и избраннымъ обществомъ (См. *Ad Att.* XVI, 2, 6 и слѣд. письмо). Дѣло служило къ обоюдной пользѣ, къ славѣ автора и къ выгодѣ издателя, а также къ удовольствію любителей литературы.

³⁾ Что торговля была поставлена широко и шла бойко, видно изъ того, что заготовлялось много экземпляровъ отдѣльныхъ сочиненій: три переписчика, напримѣръ, были разъ заняты только тѣмъ, что вычеркивали одно лишнее имя, неправильно попавшее въ сдѣланные уже списки одного трактата Цицерона (*Ad Att.* XIII, 44, 3). Авторъ этотъ прямо упоминаетъ, давалъ Аттику порученія по изданію, что дѣло идетъ о его выгодѣ (XIII, 13, 1), хотя послѣдній не всегда понималъ ее съ нимъ одинаково и иногда дѣлалъ по-своему противъ его желанія, продавалъ, напр., рядомъ съ исправленными текстами и другія рукописи, заготовленные до ихъ исправленія (см. *G. Boissier, R. Arch.* p. 97).

на книги, чтобы однимъ изъ первыхъ въ Римѣ устроить значительную книжную торговлю; а получаемые съ нея барыши дали не очень, можетъ быть, большую, но все-таки стоящую вниманія надбавку къ тому внушительному капиталу, который собирался въ рукахъ искуснаго хозяина и мало-по-малу вкладывался въ землю ¹⁾.

3. Такъ жилъ Атикъ, задавшись цѣлью оберегать свое собственное спокойствіе, находя лучшею защитою его упроченное и постоянно увеличивающееся состояніе и стараясь потому открыть для себя всѣ источники, которыми оно могло плодотворно питаться. Удаленіе его изъ Рима долго скрывало отъ общественнаго вниманія его энергичную и разнообразную работу на этомъ пути созданія личнаго богатства. Когда задача была осуществлена, по сужденію его, въ достаточной мѣрѣ, и когда онъ могъ надѣяться, что пройденный опытъ жизни и пріобрѣтенное искусство обращаться съ людьми и пользоваться обстоятельствами позволяли ему болѣе или менѣе безопасно направлять дальше парусъ жизни по бурному морю гражданскихъ смуть, онъ вернулся въ Римъ послѣ слишкомъ 20-ти лѣтняго добровольнаго изгнанія. Ему было тогда болѣе 40 лѣтъ отъ роду, и онъ обладалъ рѣдкою практическою мудростью ²⁾. Первое время послѣ этого онъ продолжалъ вести свой прежній, далекій отъ политическаго честолюбія и видной общественной дѣятельности, интеллигентно-литературный, но

¹⁾ Вообще цѣнность книгъ, несмотря на извѣстную дороговизну производства ихъ, была тогда въ Римѣ, какъ кажется, невысока (*Becker-Göll, Gallus, II, 449*); но роскошныя изданія, находившія достаточно любителей, являлись довольно выгоднымъ предметомъ сбыта (см. *Thomas, Rome et l'empire, p. 215*). Конечно, книги были тогда въ большинствѣ случаевъ „articles de luxe“; но книготорговля распространилась постепенно по римскому міру. Книгопродавцы кромѣ Греціи упоминаются въ Лугдувѣ (*Plin. Epist. IX, 11*) и даже въ Британіи (*Mart. XI, 3, 5*).

²⁾ *Corn. Nep. Att. 4, 5*: „Tranquillatis autem rebus Romanis remigravit Romanus, ut opinor, L. Cotta et L. Torquato consulibus“.—Это было въ 689 году (66 до Р. Хр.), когда римское государство пользовалось миромъ уже въ продолженіе 5 лѣтъ послѣ окончанія войны со Спартакомъ и Серторіемъ (см. *Nipperdey, ad h. l.*)—Поводомъ для его возвращенія послужила просьба Цицерона оказать ему поддержку его личныя связи и подготовить заранѣе успѣхъ его консульскихъ выборовъ. См. *Cic. Ad Att. I, 2, 2. Hüllemann, p. 34. Drumann, V, 11.*

главнымъ образомъ пріобрѣтательскій образъ жизни, постоянно совершая путешествія на востокъ, въ Эпиръ, Аѳины, Азію и другія мѣста, гдѣ его денежныя операціи шли своимъ чередомъ и наполняли все больше и больше его казну ¹⁾.

Въ Римѣ Аттикъ испробовалъ еще одинъ новый источникъ расширенія матеріальнаго благосостоянія, который во время имперіи сдѣлался очень важнымъ средствомъ наживы для многочисленной категоріи знатныхъ и незнатныхъ паразитовъ, — именно *ловлю наслѣдствъ* („*captatio testamentorum*“) ²⁾. Этотъ оригинальный промыселъ возникъ еще во времена республики; Аттикъ подвизался въ немъ довольно искусно, умѣя и тутъ сохранить свое достоинство, по крайней мѣрѣ, внѣшнее; на этомъ поприщѣ онъ оказался не менѣе счастливъ чѣмъ на другихъ.—У него былъ дядя съ материнской стороны, очень богатый римскій всадникъ, старый холостякъ, Квинтъ Цецилій ³⁾, человѣкъ жадный и жестокій, отличавшійся къ тому же въ высшей степени злымъ и невыносимымъ характеромъ ⁴⁾. Цицеронъ изображаетъ его человѣкомъ, постоянно „торгующимъ деньгами“ ⁵⁾ и настолько су-

¹⁾ Особенно часто ѣздилъ онъ въ Эпиръ, гдѣ наблюдалъ за улучшеніемъ хозяйства его постоянно расширявшихся имѣній, о которыхъ будетъ сказано ниже. Въ письмахъ Цицерона находится много косвенныхъ указаній на такія поѣздки.—См. данныя, собранныя у *Hillemann*, *Atticus*, p. 36—38, 42, 46, 57, 59, 62, 98 etc. Вообще же сохраняется мало свѣдѣній о внутреннихъ фактахъ его жизни за этотъ періодъ. Друманиъ, относящійся къ Аттику съ недоброжелательствомъ, говоритъ, что мы слышимъ о немъ лишь рѣдко, и именно въ тѣхъ *немногихъ* случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ для другихъ; при этомъ онъ не безъ злой ироніи прибавляетъ: „*Sein Haupt-Tagewerk bleibt verborgen, ein geringer Verlust für die Geschichte, da man weiss, dass es in Zählen und Rechnen bestand*“. (См. „*Gesch. Roms*“, V, 23).

²⁾ См. о распространеніи въ Римѣ „охоты за наслѣдствами“ интересныя данныя, собранныя Фридрихеромъ, *Sittengeschichte* (6 Aufl.), I, 412—419. Ср. *E. Thomas*, *Rome et l'empire*, p. 156—161. Ср. *Désobry*, *Rome au temps d'Auguste*, III, 232 ss. (5 éd.).

³⁾ *Corn. Nep. Att. 5, 1*: „*Habebat avunculum, Q. Caecilium, equitem Romanum... divitem...*“—Это былъ братъ его матери. См. *Cic. Ad Att. I, 1, 3. Drumann*, V, 5.

⁴⁾ *Ibid.* „...*difficilimum natura...*“.

⁵⁾ Онъ умѣлъ эксплуатировать расточительность римской знати, особенно молодыхъ оптиматовъ, предлагалъ имъ въ минуту безденежья ссуды за очень высокіе проценты и безпощадно взыскивалъ долги при наступленіи срока. См. *Cic. Ad Att. I, 1, 3*.

ровымъ и безпощаднымъ ростовщикомъ, что даже близкіе родные не могли въ моменты критическихъ финансовыхъ затрудненій выпросить у него денегъ взаймы иначе, какъ по 12%¹⁾). Съ нимъ никто не могъ ужиться, благодаря его мелочной ворчливости, нестерпимой придирчивости и деспотизму, страшной скупости и постоянно повторявшимся безобразнымъ вспышкамъ необузданнаго гнѣва²⁾). Но Аттикъ своею постоянною почтительностью къ старику, покорнымъ перенесеніемъ его самодурства и систематическимъ ухаживаніемъ за нимъ сумѣлъ сдѣлаться ему необходимымъ. Скудная, долгая и часто грозившая униженіемъ забота принесла желанный плодъ: отгнѣснивъ другихъ искателей, Аттикъ добился наслѣдства въ свою пользу: ³⁾ Цецилій по завѣщанію усыновилъ его и оставилъ ему ³/₄ своего состоянія, что дало ему въ руки имущество, оцѣненное въ 10 милліоновъ сестерцевъ, не считая, какъ кажется, большого дома въ Римѣ⁴⁾). Такимъ образомъ, онъ достигъ „divitis orbi

¹⁾ *Cic. Ad Att. I, 12, 1*: „...nam a Caecilio propinqui minore centesimis sumptum (то-есть, 1% въ мѣсяць) movere non possunt“.

²⁾ *Corn. Nep. I. c.* „...quem nemo ferre posset...“ — *Cic. Ad Q. fr. I, 2, 6*. Цицеронъ самъ заслужилъ злобу Цецилія за отказъ защищать въ судѣ его интереса противъ людей, нужныхъ оратору (*Drumann, V, 19 p. 74*); Цецилій обидѣлся и обомался съ Цицерономъ рѣзко и грубо, послѣ чего сношенія между ними прекратились (*Cic. Ad Att. I, 1, 3*); и только позже Цицеронъ вошелъ на примиреніе, снисходя къ просьбѣ друга, которому это казалось выгоднымъ (*Ad Att. II, 19, 5; 20, 1; Ad Q. fr. I, 2, 6*).

³⁾ *Corn. Nep. I. c.*: „...cuius sic asperitatem veritus est, ut... huius sine offensione ad summam senectutem retinuerit benevolentiam. Quo facto tulit pietatis fructum...“ — Важнымъ соперникомъ его былъ также очень близкій къ старику *Л. Лукулъ* (Корнелій Непотъ называетъ Цецилія — „familiarem L. Luculli“).

⁴⁾ *Corn. Nep. 5, 2*: „Caecilius enim moriens testamento adoptavit eum heredemque fecit ex dodrante; ex qua hereditate accepit circiter centies sestertium.“ — Таково очень определенное свидѣтельство Корнелія Валерія Максимъ (VII, 8, 5) говорить вообще: „Omnium bonorum reliquit heredem“. — Послѣ смерти Цецилія, послѣдовавшей въ 696 (68) году (см. *Pauzy, Realencyclor. II, 36*) Цицеронъ изъ изгнанія поздравилъ Аттика съ полученіемъ наслѣдства и просилъ его о защитѣ и помощи (*Ad Att. III, 20, 2*: „Quod te in tanta hereditate ab omni occupatione expedisti, valde mihi gratum est...“). О переходѣ къ Аттику по завѣщанію дома Цецилія см. *Corn. Nep. 13, 2*. — Вслѣдствіе усыновленія Цецилія имъ Аттика, такъ какъ онъ переходилъ въ другой родъ, официально должно было измѣниться слѣдующимъ образомъ: *Q. Caecilius Q. F. Pomponianus Atticus*. Такъ Цицеронъ и озаглавливаетъ письмо, которымъ онъ иривѣтствуетъ друга

testamentum ingens“, какъ говоритъ Ювеналь ¹⁾. — Кроме этого крупнаго факта, есть еще извѣстія о томъ, что нѣсколько другихъ частныхъ наслѣдствъ увеличили состояніе Аттика. Онъ получилъ ихъ даже очень много ²⁾, и это не удивительно: связи у него были огромныя, а въ свѣтскомъ обществѣ Рима уже считалось несовсѣмъ приличнымъ не упомянуть въ завѣщаніи объ уважаемомъ пріятелѣ, который при жизни не разъ могъ оказать хоть мелкую, но обязывающую благодарностью услугу ³⁾. Къ сожалѣнію, нельзя сказать навѣрно, въ какой степени матеріальный расчетъ входилъ въ соображенія Аттика, когда онъ вступилъ въ бракъ съ Пиліей въ 56 году до Р. Хр. ⁴⁾. Ея происхожденіе неизвѣстно, но очень можетъ быть, что отецъ ея, хоть и темный человѣкъ, обладалъ хорошими средствами ⁵⁾: иначе трудно понять, почему Аттикъ, искавшій прежде всего капиталовъ и связей, рѣшился бы взять у него дочь себѣ въ жены ⁶⁾.

Итакъ, богатство Аттика, солидное съ самаго начала его самостоятельной жизни, должно было возрасти до громадныхъ размѣровъ, благодаря удачному стеченію столькихъ

послѣ полученія наслѣдства. Ср. еще *Varr.* R. г. II, 2, 2: „Atticus qui tunc Titus Pomponius, nunc Quintus Caecilius cognomine eodem...“.

¹⁾ *Sat.* VI, 548.

²⁾ *Corn. Nep.* Att. 21, 1: „...ad extremam senectutem non minus dignitate quam gratia fortunaque crevisset (multas enim hereditates non alia re quam bonitate consecutus est)...“ — Цицеронъ упоминаетъ объ одномъ изъ такихъ наслѣдствъ, именно о наслѣдствѣ отъ Манія Курія, которое онъ раздѣлялъ съ другомъ (*Ad Att.* VII, 2, 3): „...Eius (M. Curii) testamentum deporto Romam Ciceronum signis obsignatum cohortisque praetoriae: fecit palam te ex libella (= главный наслѣдникъ) me ex teruncio (= 1/4 часть)...“

³⁾ Въ послѣдній періодъ своей жизни (именно въ 42 г. до Р. Хр.) онъ долженъ былъ унаслѣдовать хорошее состояніе послѣ смерти своей матери, сестры богатаго Цецилія, завѣщаніе котораго уже раньше дало ему въ руки большія средства. См. *Drumann*, V, 5.

⁴⁾ 698-мъ отъ основанія Рима. См. *Cic.* *Ad Q. fr.* II, 8, 7.

⁵⁾ Въ одномъ изъ писемъ Цицерона (*Ad Att.* XIII, 31, 4) говорится о какомъ-то Маркѣ Пиліи, что онъ продалъ имѣніе Албанію. Въ немъ было 1000 югеровъ и стоило оно 115,000 сестерцій. Если дѣло идетъ тутъ о тестѣ Аттика, то можно предположить, что онъ былъ человѣкъ, спекулировавшій на земли, и потому могъ дать за дочью хорошее приданое изъ дѣльныхъ недвижимостей.

⁶⁾ Извѣстно, впрочемъ, что они прожили вѣсть очень счастливо (*Cic.* *Ad Att.* VIII, 6, 3), и Пилія, вѣроятно, умерла раньше Аттика (*Drumann*, V, 88), такъ что онъ, конечно, сдѣлался ея наслѣдникомъ.

счастливыхъ обстоятельствъ и такой упорной и цѣпкой работѣ его въ видахъ „накопленія“. Можно было подумать о томъ, чтобы остановиться и реализовать результаты въ прочныхъ цѣнностяхъ. Атикъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ пріобрѣтателей, которые въ пылу коммерческой дѣятельности увлекаются самымъ ея процессомъ и въ немъ находятъ если не цѣль, то главную прелесть жизни; расширение матеріальныхъ средствъ было въ глазахъ его лишь путемъ обезпеченія свободнаго отъ зависимости и спокойнаго отъ случайностей существованія. Онъ избѣжалъ многихъ опасностей, связанныхъ съ рискованными предпріятіями капиталистовъ; но уже въ зрѣлыхъ годахъ пострадалъ довольно серьезно: ему пришлось потерять крупную сумму денегъ, вложенную въ одно дѣло, которое оказалось скомпрометированнымъ вслѣдствіе событій, послѣдовавшихъ за смертью Цезаря. Это обстоятельство, весьма возможно, положило конецъ участію Атика въ денежной спекуляціи.

Тутъ имѣется въ виду дѣло о бутротійцахъ, которое причинило Атику много неприятностей, хлопотъ и убытковъ. Вкратцѣ сущность его заключалась въ слѣдующемъ. Послѣ побѣды надъ Помпеемъ Цезарь предназначилъ принадлежащую гражданамъ города Buthrotum въ Эпирѣ территорию такъ же, какъ и многія другія земли на востокѣ, къ отбранію для награжденія ветерановъ ¹⁾. Атикъ, у котораго были по сосѣдству большія помѣстья, и которому, благодаря разнообразнымъ его денежнымъ отношеніямъ съ жителями этого города, было невыгодно разореніе ихъ, представилъ диктатору черезъ посредство Цицерона особое прошеніе о сохраненіи за ними ихъ земель, предлагая внести за нихъ приходившуюся на ихъ долю часть военной контрибуціи, за неуплату которой имъ собственно и угрожала конфискація ²⁾. Цезарь согласился отгнѣнить по-

¹⁾ См. *A. Macé*, *Des lois agraires chez les Romains* (P. 1846), p. 528.

²⁾ *Cic. Ad Att. XVI, 16 A, 4*: „Ut primum Buthrotium agrum proscriptum vidimus, commotus Atticus libellum composuit; eum mihi dedit, ut darem Caesari. Eram enim coenaturus apud eum illo die. Eum libellum Caesari dedi: probavit causam, rescripsit Attico aequa eum postulare, admonuit tamen, ut pecuniam reliquam Buthrotii ad diem solverent“. — Диктатору казалось удобнымъ угодить

становленіе, Аттікъ внесъ деньги, и дѣло было оформлено квази-легальнымъ сенатусконсультомъ ¹⁾. Но вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ трагическая смерть Цезаря поставила дѣло опять на очередь. Аттікъ, сильно обезпокоенный вновь возникшею опасностью, въ цѣломъ рядѣ писемъ настоятельно упрашивалъ Цицерона быть предстателемъ за его интересы передъ Антоніемъ и другими лицами, ставшими во главѣ государства ²⁾. Дѣло тянулось нѣкоторое время, и несовсѣмъ ясно, чѣмъ оно кончилось ³⁾; но, какъ можно судить по намекамъ Цицерона, поселеніе ветерановъ на территории бутротянъ состоялось. Разоренные жители вслѣдствіе этого отказались заплатить Аттіку долгъ, и послѣдній долженъ былъ уже

Аттіку, чтобы склонить его на свою сторону; Аттіку же было выгодно новымъ обязательствомъ еще увеличить зависимость отъ него эфирскихъ сосѣдей, уже, навѣрно, находившихся экономически въ его рукахъ.

¹⁾ *Cic. Ibid.* § 5: „Atticus, qui civitatem conservatam superet, respiciam numeravit de suo“. Все устроено было совсѣмъ „по домашнему“. Цицеронъ за обѣдомъ, пользуясь благодушнымъ настроеніемъ господина республики, познакомилъ его съ запискою Аттіка и замолвилъ слово за друга. Могущественный диктаторъ нашелъ пріятнымъ для себя оказать любезность вліятельному богачу; затѣмъ, не собирая сената, Цезарь составилъ отъ его имени актъ, который былъ подписанъ Цицерономъ и нѣсколькими другими приглашенными сенаторами (*Cic. Ad Att. XVI, 16, 5*). Такой способъ составленія официальныхъ декретовъ нерѣдко практиковался въ періодъ паденія республики. Цицеронъ рассказываетъ, что ему приходилось получать благодарности отъ различныхъ восточныхъ царей за милостивыя къ нимъ распоряженія, о которыхъ онъ никогда не слышалъ, но которыя оказывались подписанными его именемъ (см. *Ad fam. IX, 15, 4*). Аттікъ видѣлся съ Цезаремъ, лично передалъ ему деньги и благодарности; Цезарь обѣщалъ ему удовлетворить ветерановъ въ другихъ мѣстностяхъ, но рекомендовалъ осторожное обращеніе съ ними, пока они находятся въ странѣ; кромѣ того онъ послалъ спеціальныя инструкціи М. Планку, который находился въ Эфирѣ, и которому поручено было пронавестить надѣленіе ветерановъ землею бутротійцевъ (*Cic. Ad Att. Ibid.*).

²⁾ Съ подробностями хода этого любезнаго происшествія мы знакомимся изъ различныхъ писемъ Цицерона. См. напримѣръ *Ad Att. XV, 29; XVI, 1, 4* особенно *XVI, 16*, такъ какъ въ послѣднемъ приложены концы со всѣхъ просительныхъ писемъ, съ которыми обращался изъ-за Аттіка его другъ къ различнымъ сильнымъ тогда людямъ.

³⁾ Антонію не труднѣе было уничтожить постановленіе Цезаря, чѣмъ послѣднему его составить. Повидимому, солдаты были посланы для занятія территории Вутрота, причемъ встрѣчены были гражданами съ оружіемъ въ рукахъ (*Masé, p. 528*); потомъ произошли еще различныя подкупы и осложненія (*Dru-mann, V, 47*), занутившіе вопросъ. Деньги не были возвращены Аттіку, но домогловъ мечъ конфискаціи продолжалъ висѣть надъ его должниками.

радоваться тому, что собственные его имѣнія остались неприкосновенными ¹⁾.—Крупная цифра потери ²⁾ и тревожная картина вновь взволнованного внутренними бурями государства не могла не привести Аттика къ рѣшенію, что насталь моментъ считать періодъ пріобрѣтательской дѣятельности законченнымъ, а въ будущемъ остается только охранять пріобрѣтенное благополучіе, основывая на немъ свое дальнѣйшее спокойствіе и безопасность.

¹⁾ Это можно вывести изъ одного мѣста письма Цицерона (XVI, 3, 1): „Tu vero sapienter... igitur, quod manus dedisti quodque etiam ultro gratias egisti (Antonio). Certe enim, ut scribis, deseremur ocius a re publica quam a re familiarum...“ Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ рѣчь идетъ о бутротійскомъ дѣлѣ: Цицеронъ какъ будто хочетъ утѣшить друга въ матеріальной потерѣ и одобряетъ его за то, что онъ не только уступилъ, сложивъ оружіе (*manus dedisti*), но еще и поблагодарилъ Антонія, хотя дѣло, повидному, не особенно заслуживало признательности. Очень возможно, что именно только имѣнія Аттика вслѣдствіе воеводства Антонія были избавлены отъ притязаній ветерановъ, но о возвращеніи денегъ съ пострадавшихъ бутротійцевъ нечего было думать, и приходилось хоть изъ приличія благодарить Антонія. Ср. *ibid.* XV, 15, 1. *Hallemani, Atticus*, p. 81.

²⁾ Последнее выводится изъ того, съ какою настоятельностью Аттикъ добивался сохраненія земель за бутротянами. Очевидно, онъ терялъ не одну внешнюю за нихъ Цезарю сумму, но и другіе прежніе долги.

II.

Реализація состоянія Аттика въ недвижныхъ имуществвахъ.—Аттикъ—крупный земельный собственникъ.

1. Римская резиденція Аттика и его городскіе наемные дома.—Подгородныя виллы.—Италійскія помѣстья и участіе Аттика въ пользованіи государственными землями на полуостровѣ.
2. Эпирская латифундія Аттика (ея происхожденіе, составъ и вѣроятная организація).—Окончательное общее сужденіе о размѣрахъ и расположеніи его недвижимой собственности.

1.

Лучшій возможный выходъ изъ опасности повторенія финансовыхъ потрясеній открывался для Аттика въ томъ, чтобы совсѣмъ ликвидировать коммерческія дѣла и помѣстить всѣ капиталы въ землю, оставивъ свободнымъ лишь то количество денегъ, которое было необходимо для постоянного хозяйственного оборота. Осуществивъ это, онъ могъ спокойно проводить вторую половину жизни въ завидной роли магната, уважаемаго за богатство, не возбуждая ни въ комъ ненависти вслѣдствіе полного отсутствія политическаго честолюбія и рѣдкаго умѣнья всегда во время оказать услугу, избѣгая крушенія при помощи дружественнаго нейтралитета по отношенію ко всѣмъ первостепеннымъ дѣтелямъ, оспаривавшимъ другъ у друга власть надъ римскимъ міромъ.

Таковъ былъ, можно думать, путь, чутъемъ намѣченный

Т. Помпоніемъ Аттикомъ издавна; вся жизнь его представляла, повидимому, образцовое выполненіе поставленной задачи, которая постепенно опредѣлялась все сознательнѣе. Разсмотрѣніе экономическихъ результатовъ жизненной дѣятельности его прежде всего убѣждаетъ въ правильности такого предположенія. Уѣзжая въ юности изъ Рима, онъ, какъ было указано, обратилъ въ деньги все свое состояніе, полученное отъ отца и родныхъ. Утвердившись вновь въ столицѣ уже навсегда въ зрѣлые годы, онъ совершилъ надъ своими капиталами, во много разъ умножившимися, обратное превращеніе—пересталъ „торговать“, а скупилъ громадныя земли и настроилъ много домовъ. Разумѣется, этотъ переворотъ въ состояніи Аттика произошелъ не сразу, а совершался постепенно, по мѣрѣ достиженія имъ высшей цѣли; только относительно послѣдняго періода его жизни можно сказать вполне справедливо вмѣстѣ съ Корнелиемъ Непотомъ, что „*главная часть дохода извлекалась имъ изъ сельскихъ помѣстій и городской собственности*“. Авторъ при этомъ прибавляетъ, что Аттикъ владѣлъ даже не очень многими недвижимыми имуществами: у него не было ни роскошныхъ садовъ, ни великолѣпныхъ подгородныхъ или приморскихъ виллъ; онъ обладалъ лишь домами въ городѣ Римѣ, затѣмъ только двумя помѣстьями въ Италіи около Арретія и Номента и, наконецъ, уже упомянутыми выше имѣніями въ Эпирѣ ¹⁾.

Подчеркнутыя слова Корнелия Непота дѣйствительно могутъ служить, какъ бы формулою, которая выражаетъ заключеніе экономической біографіи Аттика: онъ по существу былъ *землевладельцемъ*, и къ созданію большого *земельнаго* состоянія была направлена вся описанная въ предшествующей главѣ его работа, главнымъ образомъ сводившаяся къ *приобрѣтенію*. Свидѣтельство это въ такомъ общемъ его смыслѣ можетъ быть принято за достовѣрную истину. Но развитіе высказанной авторомъ основной мысли помощью перечисленія состава земельного состоянія Аттика подлежитъ исправленію

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 14, 3*: „...Nullos habuit hortos, nullam suburbanam aut maritimam sumptuosam villam, neque in Italia praeter Arretinum et Nomentanum rusticum praedium, omnisque eius pecuniae reditus constabat in Epiroticis et urbanis possessionibus...“

и дополнительному толкованию: рисуемая имъ картина получается слишкомъ блѣдная, результаты кажутся слишкомъ скудными или, по крайней мѣрѣ, скромными по сравненію съ потраченными годами и пущенію въ дѣло энергію. Необходимо провѣрить приводимый Корнеліемъ Непотомъ реестръ и постараться опредѣлить характеръ перечисляемыхъ имъ единицъ землевладѣнія Аттика по даннымъ другихъ источниковъ, прибѣгая при ихъ интерпретаціи къ осторожнымъ догадкамъ. Если такое сопоставленіе не докажетъ вполне твердо, что авторъ прямо скрылъ нѣкоторыя изъ особенно цѣнныхъ и доходныхъ помѣстій своего героя, то оно во всякомъ случаѣ ясно обнаружитъ, что онъ намѣренно какъ бы уменьшилъ чертежъ указанныхъ имъ владѣній Аттика и ослабилъ краски, которыми они должны быть изображены. Внимательное изученіе всего, что говоритъ объ имѣніяхъ друга Цицеронъ, и даже детальное иллюстрированіе бѣглаго перечня Корнелія хорошо выясняющими дѣло фактами и соображеніями безусловно убѣдятъ, что уже простое реальное описаніе однихъ комплексовъ собственности, упомянутыхъ у послѣдняго, само по себѣ вскрываетъ опись *очень крупнаго* земельного состоянія ¹⁾.

¹⁾ Пользуясь Корнеліемъ Непотомъ, не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать критическое отношеніе къ сообщаемымъ имъ даннымъ, но нужно помнить все-таки, что онъ является панегиристомъ Аттика. Для достиженія цѣли, то-есть, возвеличенія памяти друга, онъ долженъ былъ прежде всего, разумеется, дать повѣствованіе правдоподобное. Онъ писалъ для современниковъ и не могъ поэтому исказить основную черту его имущественнаго положенія, такъ что указанію на нее можно довѣрять.—Стало быть, Аттикъ дѣйствительно, какъ сказано у Корнелія, долженъ былъ являться *землевладѣльцемъ* по преимуществу, по крайней мѣрѣ, въ послѣдній (римскій) періодъ жизни, когда его всѣ знали. Помню такого отрицательнаго соображенія полезно отмѣтить еще, что автору было и положительнымъ образомъ выгодно выдвигать именно эту особенность состоянія Аттика: она украшала его однимъ изъ любимыхъ признаковъ традиціонной добродѣтели, выставляя „хорошимъ хозяиномъ“ (*diligens pater familias*) стараго типа, когда земельный доходъ признавался лучшимъ источникомъ честнаго обогащенія. Опираясь на такія основанія, изслѣдователь имѣетъ право принять указанныя въ текстѣ слова Корнелія за вѣрное опредѣленіе центрального пункта въ экономической исторіи жизни Аттика и долженъ выставить ихъ, какъ главный тезисъ при ея изображеніи. Таково первое замѣчаніе, которое можетъ быть сдѣлано по вопросу о достовѣрности свѣдѣній для имущественной біографіи Аттика, сообщенныхъ Корнеліемъ Непотомъ. Но съ другой стороны, біографу

1. Всего удобнее начать описание недвижимых владѣній Аттика съ ихъ центра, то-есть Рима, а потомъ постепенно

важно было еще представить своего героя человекомъ, довольствующимся малымъ, строгимъ и умѣреннымъ (насколько позволяли установившимся тогда формы быта высшаго класса римскаго общества). Онъ старается показать, что Аттикъ полагалъ главный интересъ въ спокойномъ сосредоточеніи на интеллектуальныхъ наслажденіяхъ при удаленіи отъ шумной арены общественной дѣятельности; что ему нужно было хорошее обезпеченіе только для того, чтобы уединенно погружаться въ работу мысли. Для полученія такого образа, въ которомъ старія, но оставшіяся почтенными свойства искусно объединялись бы съ характерными ловкими чертами измѣнившагося идеала, Корнелію приходилось, не искажая общей истины (то-есть, признавая Аттика богатымъ), затуманить всѣ подробности извѣстной денежной спекуляціи его и смягчить картину ея очень солидными усгѣховъ. Такое побужденіе уже заставляетъ автора быть пристрастнымъ. Онъ говоритъ (гл. 13, 1) — „*neuo illo minus fuit emax, minus aedificator*“ — не только, чтобы отличить друга отъ безумныхъ римскихъ жрецовъ роскоши, которые скупили земли для удовлетворенія своихъ капризовъ и строили увеселительные дворцы и виллы лишь въ тщеславіи, отъ тѣхъ богатей, которыхъ бичуетъ Гораций, превнеая согражданъ въ простотѣ жиаки предковъ. Онъ хочетъ якими словами указать и на то, что Аттикъ чуждъ былъ духа широкаго стаканія даже въ яду чисто хозяйственныхъ дѣлей, что онъ не отпадался стропительной горячкѣ, какъ нѣкоторые современники его круга. Корнелій утверждаетъ также, что онъ былъ очень сдержанъ въ накопленіи обрабатываемыхъ помятій, не подражалъ тѣмъ спекулянтамъ на землю въ виду производительнаго употребленія ея, многочисленныя примѣры которыхъ находимъ какъ у того же Горация, такъ и у другихъ писателей; что онъ ограничивался лишь умѣреннымъ пользованіемъ своими средствами. Такимъ освѣщеніемъ ослабляется и самое признаніе Корнеліемъ Непотомъ того факта, что Аттикъ обладалъ большими деньгами (гл. 13, 1: „*Nam cum esset resitovus...*“); биографъ не только тщательно умалчиваетъ о томъ, что крупныя капиталистическія предриятія составляли главное содержаніе жизни Аттика, но и вообще не сообщаетъ никакихъ данныхъ для составленія той несомнѣнно достоверной картины его спекуляторской дѣятельности, которая изображена въ первой части настоящаго взгляда. Онъ характеризуетъ Аттика лишь добросовѣстнымъ руководителемъ хорошо устроеннаго частнаго хозяйства, и только разъ нечаянно проговаривается, называя его однимъ изъ самыхъ богатыхъ римскихъ всадниковъ (*Att. 13, 6: „Cum in primis lautus esset eques Romanus...*“); при чемъ остается неяснымъ, откуда могъ онъ стать таковымъ, разъ единственнымъ источникомъ его обогащенія у Корнелія обозначаются полученныя имъ наслѣдства, хоть и значительныя, но не могущія иждержать сравненія съ первостепенными римскими состояніями. Согласно съ такимъ стремленіемъ отмечь вниманіе читателя отъ финансовыхъ операцій Аттика, Корнелій лишь вскользь отмѣчаетъ ихъ результаты, нелюбо не останавливался на указаніи вынужденности его земельныхъ владѣній, но, напротивъ, скорѣе напротивъ на незначительное ихъ число. Въ общемъ выводѣ можно согласиться съ Корнеліемъ въ томъ, что Аттикъ въ послѣдній періодъ своей жизни существовалъ доходами съ недвижимыхъ имуществъ; но дальнѣйшее изложеніе дастъ, можно надѣяться, гораздо болѣе грандіозный рисунокъ самаго организма

переходить къ периферіи. Прежде всего имѣемъ точное указаніе на *домъ*, въ которомъ онъ самъ жилъ въ столицѣ, и который расположенъ былъ на Квиринальскомъ холмѣ. Онъ достался Аттику отъ дяди, Кв. Цецилія, вмѣстѣ съ десяти-милліоннымъ наслѣдствомъ ¹⁾. Въ этомъ жилищѣ господина находилось средоточіе всего его личного имущества. Тутъ хранилась его „казна“, составлялись руками довѣренныхъ рабовъ и вольноотпущенниковъ подъ высшимъ руководствомъ владѣльца смѣты разнообразныхъ экономическихъ предприятий, велось грандіозное счетоводство, производился контроль расходовъ и поступленій; вообще здѣсь находилась главная контора всего громаднаго частнаго хозяйства богача ²⁾.

земельнаго состоянія, въ которомъ въ концѣ концовъ кристаллизовались всѣ его капиталы, чѣмъ тотъ, который возникаетъ изъ не вполне откровеннаго признанія тенденціознаго биографа.

¹⁾ *Corn. Nep. Att.* 13, 2: „*Domum habuit in colle Quirinali Tamphilianam, ab avunculo hereditate relictam*“. Цицеронъ ближе опредѣляетъ его топографію, говоря, что онъ стоялъ около храма богини Спасенія (*Ad Att.* IV, 1, 4: „...*tuae vicinae Salutis...*“) и недалеко отъ храма Квирина, въ которомъ Цезарь выставилъ свою статую (*Ibid.* XII, 45, 3: „...*de Caesare vicino...*“). Cfr. *Cic. De legib.* I, 1, 3. Рядомъ съ нимъ находились дома Плеторія (*Ad Att.* XV, 17, 1), Вабія и Эгнатія (*Ibid.* XIII, 45, 1). Найденная въ этомъ мѣстѣ надпись, упоминающая о „*Pomponii Bassi*“ (*C. I. L.* VI, 1492), свидѣтельствуетъ о томъ, что родичи Аттика жили тутъ и позже, можетъ быть, свое мѣсто жительства. См. *O. Gilbert*, *Topogr. der Stadt Rom*, III, 365. Названіе „*Tamphiliana*“ домъ получилъ, конечно, отъ имени его строителя и первоначальнаго собственника. Корнелій упоминаетъ въ биографіи Ганнибала (гл. 13) двоихъ Ваевіи *Tamphili*, бывшихъ консулами въ 183—181 гг. Вѣроятно, онъ происходилъ изъ фамиліи послѣднихъ. См. *Nipperdey*, *ad Corn. Nep. Att.* 13.

²⁾ Счетоводство стояло у римлянъ, какъ извѣстно, на очень высокой ступени развитія. Это прекрасно показалъ уже *Dureau de la Malle* въ своей любопытной работѣ *Economie politique des Romains* (Paris, 1840, см. 16-ю главу I-го тома). Денежная отчетность тщательно велась и государствомъ, и крупными финансовыми предпринимателями—публиканами, негодіаторами и банкирами, и всякимъ солиднымъ частнымъ хозяиномъ вообще. См. объ организаціи и системахъ бухгалтеріи въ Римѣ любопытное изслѣдованіе Моритца Фойгта—*„Ueber die Bankiers, die Buchführung und die Litteralobligation der Römer“* въ *Abhandl. d. Sächs. Ges. der Wissenschaften*, Hist.-philol. Classe, Bd. X, Leipzig, 1888. Въ данной связи особенно интересенъ § 2: „*Die Geschäftsbücher des Argentarius, wie des Hausherrn*“ (стр. 529—551). Авторъ показываетъ, что въ центральной конторѣ cadaго хорошо устроеннаго частнаго хозяйства правильно и постоянно велась нѣсколько группъ счетныхъ книгъ. Однѣ изъ нихъ представляли опись имущества владѣльца (*libellus familiae, liber patrimonii*), движимаго и недвижимаго (напримѣръ, *praedia, instrumentum rusticum, supellez,*

Корнелій Непоть оставилъ характерное описаніе этого дома, бросающее свѣтъ и на оригинальный образъ жизни Аттिका въ немъ ¹⁾. Это было старомодное строеніе, не столько красивое снаружи, сколько удобное и просторное внутри, окруженное большимъ тѣнистымъ паркомъ, изобиловавшимъ великолѣпными мѣстами для прогулокъ. Хозяинъ не стремился перестраивать домъ по требованіямъ новѣйшей архитектуры, чтобы сдѣлать его внѣшній видъ эффектиѣе и удовлетворить тщеславнымъ прихотямъ вѣка; онъ ограничивался лишь необходимымъ ремонтомъ для поддержанія его прочности ²⁾. Аттикъ жилъ здѣсь среди привезенныхъ изъ Греціи

aurum, argentum factum, mundus muliebris, vestis etc.). Затѣмъ составлялся „журналъ“ текущихъ работъ или операций (*adversaria, ephemeris*). Интересный отрывокъ такого хозяйственнаго дневника находимъ у Петронія (*Satir.* 58); а Корнелій Непоть, какъ самъ указываетъ (*Att.* 18, 6), имѣлъ случай переписать „эфемериду“ Аттика. Наконецъ, третій видъ книгъ составляли уже систематическія отчетныя вѣдомости, какъ общаго хода хозяйства въ известный періодъ (*codex rationum domesticarum*), такъ и специальныхъ его приходо-расходныхъ статей (*codex* или *tabulae accepti et expensi*). Въ частности крупный сельскій хозяинъ велъ отдѣльныя конторскія книги (*rationes praedii*) для различныхъ отраслей производства, то-есть, хлѣбопашества (*ratio frumentaria*), скотоводства (*r. pecoris*), фуражныхъ продуктовъ (*r. pabularis*), винодѣлія (*r. vinaria*), маслодѣлія (*r. olearia*) и т. д. Руководство бухгалтеріи поручалось довѣренному рабу *dispensator*'у, на помощь которому предоставлялся нѣсколько многочисленный рабскій же персоналъ счетоводовъ и писцовъ. Въ описаніи состоянія Трималхціона Петроній даетъ интересныя свѣдѣнія для изображенія состава такой домашней хозяйственной канцеляріи. Въ каждомъ отдѣльномъ кабинетѣ, очевидно, велась особая отчетность подъ руководствомъ *сцилика* или *прокуратора*, и результаты ея проверялись и централизовались въ главной конторѣ, то-есть, почти всегда въ столичномъ мѣстожительствѣ господина. Для подробнаго ознакомленія съ вопросомъ слѣдуетъ обращаться къ обстоятельной и прекрасно документированной работѣ Фойгта.

¹⁾ *Attic.* cap. 13.

²⁾ *Ibid.* § 2: „... cuius amoenitas non aedificio, sed silva constabat: ipsum enim tectum antiquitus constitutum plus salis quam sumptus habebat: in quo nihil commutavit, nisi si quid vetustate coactus est...“ — Цицеронъ называетъ домъ друга „прелестнымъ“. *Ad Att.* III, 20, 1: „... Cura, ut in tuis aedibus amoenissimis agam tecum et cum meis“. Эту привлекательность Цицеронъ находилъ, вѣроятно, въ томъ отпечаткѣ древности, который лежалъ на его убранствѣ и долженъ былъ очень соотвѣтствовать его вкусу, а также въ красотѣ мѣстоположенія, то-есть, чудномъ видѣ, который могъ открываться изъ дома, расположеннаго на горѣ, и прекрасныхъ аллеяхъ, полянахъ и рощахъ обширнаго парка, которыми онъ былъ окруженъ. Слово *silva*, встречающееся здѣсь у Корнелія, только и можетъ быть понято въ смыслѣ „парк“, и оно рѣзко

произведений искусства, имѣя подъ рукою превосходную библіотеку—единственные предметы роскоши, которые прельщали просвѣщеннаго, но не извѣженнаго владѣльца ¹⁾—, пользуясь ловкими и умѣлыми услугами многочисленныхъ рабовъ, тутъ же родившихся и воспитанныхъ въ домѣ ²⁾. Выше было указано, что между ними было много людей образованныхъ, либраріевъ—библіотекарей, чтецовъ и копистовъ; но и другія домашнія профессіи были хорошо представлены среди городскихъ рабовъ Аттика ³⁾. Вообще же внутренняя отдѣлка дома отличалась изяществомъ, но не пышностью, оригинальностью, но не блескомъ. Вездѣ замѣчалось стремленіе устроить его со вкусомъ, а не загромождать драгоцѣнностями, и вся обстановка производила впечатлѣніе гармоничной простоты ⁴⁾.—Въ пищѣ Атикъ былъ такъ же воздержанъ, какъ умѣренъ въ украшеніи жилища. Биографъ даетъ любопытную подробность его повседневнаго быта; онъ указываетъ, что Атикъ тратилъ на столъ и другіе обычные расходы не болѣе трехъ тысячъ сестерціевъ (600 франковъ) въ мѣсяцъ, какъ видно изъ его хозяйственнаго дневника, и какъ самъ Корнелій, благодаря интимной дружбѣ съ нимъ, могъ убѣдиться, хотя человекъ онъ былъ богатый и прини-

противорѣчить утверженію того же автора— „nullos habuit hortos“ (с. 14, 3). Выраженіе „*horti*“ именно и употреблялось въ то время для обозначенія большихъ и богатыхъ барскихъ усадебъ съ разнообразными насажденіями, расположенныхъ внутри города Рима.

¹⁾ *G. Boissier*, *Cicéron et ses amis*, p. 140. Цицеронъ въ письмахъ своихъ къ Аттику постоянно говоритъ о его книгахъ и статуяхъ. Разъ онъ упоминаетъ о какомъ-то своемъ любимомъ креслѣ, вѣроятно, въ рабочей комнатѣ Аттика, надъ которымъ находилось изображеніе Аристотеля (*Ad Att.* IV, 10, 1): „Malo in illa tua sedecula, quam habes sub imagine Aristotelis, sedere quam in istorum sella curuli...“

²⁾ *Corn. Nep.* Att. 18, 4: „Neque tamen horum(=servorum) quemquam nisi domi natum domique factum habuit“.

³⁾ *Ibid.* § 3: „... pari modo artifices ceteri, quos cultus domesticus desiderat, adprime boni...“—Имена ихъ, упоминаемыхъ Цицерономъ въ различныхъ письмахъ къ Аттику, собраны у Друманна (*Röm. Gesch.* V, 66—67). См. въ книгѣ *P. Allard*, „Les esclaves chrétiens“ (passim) описаніе разнообразныхъ отраслей промышленнаго, ремесленнаго и художественнаго труда, который выполнялся руками городскихъ рабовъ большого римскаго дома.

⁴⁾ *Ibid.* § 5: „... Elegans non magnificus; splendidus non sumptuosus; omnique diligentia munditiam, non affluentiam adfectabat. Sappelles modica, non multa, ut in neutram partem conspici posset...“.

мать у себя людей самого высшего круга¹⁾. Цицеронъ остритъ надъ объѣдами и вкусами Аттика, говоря, что у него подавали простыя овощи на дорогихъ блюдахъ, искусно украшенныхъ рѣзною и рельефною работою, и въ роскошно отдѣланныхъ корзиночкахъ²⁾. Но къ нему охотно ѣздили всѣ „лучше люди“ общества, привлекаемые главнымъ образомъ интересною и умною бесѣдою, которая тамъ велась, и тонкою интеллигентностью времяпровождения. Удовлетворять гастрономическимъ вкусамъ можно было вездѣ, литературныя же потребности рѣдко гдѣ находили такую разнообразную и превосходную пищу, какъ у Аттика.

Во всякомъ случаѣ городская резиденція его должна была занимать обширную площадь. Извѣстно, какихъ громаднхъ размѣровъ достигали жилища римскихъ аристократовъ. Авторы называютъ ихъ „деревнями въ городѣ“³⁾. Овидій, конечно, преувеличиваетъ, когда говоритъ, что дворецъ Ведія Полліона въ Римѣ захватывалъ болѣе обширную территорію, чѣмъ многіе города съ ихъ стѣнами⁴⁾; но въ этихъ словахъ

¹⁾ *Ibid.* § 6: „Nec praeteribo, quamquam nonnullis leve visum iri putem, cum... non parum liberaliter domum suam omnium ordinum homines invitaret, non amplius quam terna milia peraeque in singulos menses ex ephemeride enim expensum sumptui ferre solitum. Atque hoc non auditum, sed cognitum praedicamus: saepe enim propter familiaritatem domesticis rebus interfuimus“.

²⁾ *Cic. Ad. Att.* VI, 1, 13: „Rhosica vasa mandavi; sed heus tu, quid cogitas? In felicitatis lancibus et splendidissimis canistris olusculis nos soles pascerere; quid te in vasis fictilibus appositurum putem?“. Письмо написано съ востока, когда Цицеронъ управлялъ Киликіею, и дѣло идетъ о присылкѣ Аттику по его порученію глиняныхъ вазъ изъ Родоса, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

³⁾ Въ предшествующемъ взглядѣ (см. стр. 161) были приведены подтверждающія это выписки изъ Саллюстія (*Catil.* 12) и Сенеки (*Epist.* 90, 43; 114, 9).—Первый отличаетъ *domus*—„городской дворецъ“ (совр. фр. „hôtel“, или ит. „palazzo“) отъ *villa*—„загородная вилла“; но сближаетъ ихъ въ томъ, что какъ та, такъ и другія стремились все больше раздаться въ ширь, стать „городками въ деревнѣ“ и, наоборотъ, внести въ городъ деревенскій просторъ.—Въ сочиненіяхъ специалистовъ, занимавшихся „римскими частными древностями“, можно найти достаточное собраніе данныхъ объ архитектурѣ и отдѣлкѣ этихъ столичнхъ барскихъ хоромъ въ Римѣ.

⁴⁾ *Ovid. Fast.* VI, 641:

Urbs opus domus una fuit spatiumque tenebat,
Quo brevius muris oppida multa tenent.

заключается сатирическое или обличительное указание на реальное явление: действительно городскія палаты богачей въ столицѣ занимали все больше и больше пространства, отнимая мѣсто у жилищъ бѣднаго люда и заставляя его жаться въ тѣсныхъ углахъ. Валерій Максимъ утверждаетъ во время царствованія Тиберія, что городской домъ, покрывавшій четыре югера земли (то-есть, нѣсколько болѣе десятины), считался очень мало помѣстительнымъ ¹⁾. Марціалъ изображаетъ „*domus Petiliana*“, принадлежавшій одному изъ его покровителей, отдѣльнымъ міркомъ, въ которомъ можно было не только просторно жить и гулять, но и воздѣлывать виноградъ такъ же свободно, какъ на фалернскихъ холмахъ ²⁾. Если даже отнять отъ всѣхъ приведенныхъ показаній украшающую ихъ долю риторическаго пафоса, то все же останется очень крупный масштабъ для сужденія о средней величинѣ барскихъ домовъ въ Римѣ, къ числу которыхъ можетъ быть въ извѣстной степени причисленъ и „*domus Tampiliana*“ Аттिका ³⁾. Во всякомъ случаѣ онъ представлялъ изъ

¹⁾ *Valer. Max.* IV, 4, 7: „*Anguste se habitare nunc putat cuius domus tantum patet, quantum Cincinnati rura patuerunt*“. Онъ тутъ же указываетъ, что послѣдній владѣлъ 4 югерами земли.

²⁾ *Martial.* XII, 57, 18:

Tu, Sparse, nescis ista, nec potes scire,
Petilianis delicatus in regnis,
Cui plana summos despicit domus montes,
Et rus in urbe est vinitorque Romanus
— Nec Falerno colle maior autumnus —,
Intraque limen clusus essedo cursus,
Et in profundo somnus, et quies nullis
Offensa linguis, nec dies nisi admissus.

Ср. *Id.* VIII, 68, 2: „*Rus... tuae... domus*“; также слова Плинія (*Hist. nat.* XIX, 50): „*Iam quidem hortorum nomine in ipsa urbe delicias agros villasque possident*“. У Стація (*Silv.* I, 2, 144 sqq.) находимъ интересное описаніе такого великолѣпнаго дома Виолентиллы и Стеллы.

³⁾ Плиній Старшій (*Hist. Nat.* XVII, 2 ss.) указываетъ еще нѣсколько богатыхъ домовъ въ Римѣ, между ними блестящій дворецъ Красса на Палатинѣ, за который предлагали дѣву въ 6 милліоновъ сестерціевъ. Авторъ даетъ и его описаніе. Къ числу подобнаго же рода роскошныхъ усадебъ въ Римѣ принадлежали знаменитые дворцы и парки (*palatia et horti*) Помпея на Марсовомъ полѣ, Саллюстія и Лукулла на *Collis hortorum*, Мецената на Эсквининѣ и цѣлый рядъ другихъ великолѣпныхъ городскихъ помѣстій такого типа, принадлежавшихъ наиболѣе крупнымъ представителямъ римской знати, о

себя какъ бы особое маленькое царство съ хозяиномъ во главѣ въ качествѣ государя и съ его кліентами, отпущенниками, слугами и рабами, какъ населеніемъ. Въ настоящее время нельзя уже думать, какъ раньше, когда внутренняя исторія Рима изучалась гораздо меньше, что рабы-прислуга (die Luxusclaven) содержались у римскихъ магнатовъ въ городѣ (*familia urbana*) многими тысячами душъ ¹⁾. Но все же приходится сказать и теперь, что каждый крупный баринъ былъ окруженъ въ столицѣ многочисленною челядью ²⁾; она служила не только удобствамъ его жизни, растрчивая на ихъ удовлетвореніе огромную массу человѣческихъ силъ и труда ³⁾, но могла и доставлять доходъ при умѣлой эксплуатаціи господиномъ ремесленныхъ знаній и способностей рабскаго персонала ⁴⁾.

Описанный квиринальскій домъ, впрочемъ, не являлся источникомъ прибыли, а служилъ лишь главнымъ мѣстопре-

которыхъ часто упоминаютъ авторы. См. *O. Gilbert*, „Gesch. und Topographie der Stadt Rom“ (III, Index подъ словомъ „horti“). У Цицерона въ XII книгѣ его писемъ къ Аттику (см., напримѣръ, письмо 19-е и слѣдующія) упоминается нѣсколько роскошныхъ частныхъ парковъ на правомъ берегу Тибра (*horti transiberini*). Многие изъ нихъ впоследствии перешли въ собственность императоровъ.

¹⁾ Можетъ быть, Ю. Белохъ идетъ даже слишкомъ далеко въ такой критической предосторожности, когда говоритъ (*Jahrb. f. Nationaloek.* 68 Band, 1897, S. 338): „Die hohe Zahl der römischen Luxusklaven schmilzt wie Schnee an der Sonne sobald wir uns nur die Mühe nehmen, die allgemeinen Phrasen bei Seite zu lassen, und den Versuch machen, uns die Dinge konkret vorzustellen“. Во всякомъ случаѣ надо остерегаться тутъ излишняго довѣрія къ риторическимъ преувеличеніямъ писателей.

²⁾ Тацитъ (*Ann.* XIV, 49) сообщаетъ, что у одного римлянина высшаго круга, нѣкоего Педанія, *familia urbana* состояла изъ *четырепачто* человекъ. И во времена Амміана Марцеллина (XIV, 6) знатные дома были переполнены рабской прислугой („agmina servorum et ancillarum greges“). Ср. раньше *Senec. Ad Helv.* 11, 3: „Servorum turba, quae quamvis magnam domum angustat“.

³⁾ См. у *Marquardt'a*, *Privatleben der Römer* (2 Aufl.), томъ I-й, въ главѣ о рабахъ указанія на дифференціацію домашнихъ профессій городской прислуги и организацію „большаго рабскаго дома“. — Ср. *L. Friedländer*, *Sittengeschichte* (6 Aufl.), III, 137—141. — *K. Bücher*, *Die Entstehung der Volkswirtschaft* (2 Aufl.), p. 70—72.

⁴⁾ У Аттина было много рабовъ чтецовъ, каллиграфовъ и ковшецовъ (*Corn. Nep.* 13, 8), которыхъ можно было употребить на производтельное дѣло. Кроме того такіе *servi litterati* владѣли многочисленными каменщиками, искусными строителями (*Phit. Grass.* 2) и т. д.

бываніемъ, откуда „рачительный хозяинъ“ направлялъ работу, совершавшуюся на подчиненной его собственности обширной территоріи. Доходныя недвижимости его ¹⁾ должны были быть расположены въ другихъ мѣстахъ всемірнаго города, напримѣръ, въ центрѣ около Форума, гдѣ утверждались крупные торговцы и дѣльцы ²⁾, и гдѣ можно было строить большіе дома (*insulae*) для сдачи квартиръ ³⁾ или для

¹⁾ Выше было приведено свидѣтельство Корнелія Непота о томъ, что онѣ дѣйствительно существовали (Сар. 14: „...urbanae possessiones“).

²⁾ Ювеналь въ одномъ мѣстѣ отмѣчаетъ выгодность владѣнія домами около Форума (*Sat.* IV, 5):

Quid refert igitur, quantis iumenta fatiget
Porticibus, quanta nemorum vectetur in umbra,
Iugera quot vicina foro, quas emerit aedes?..

Ср. *Tac. Ann.* III, 9: „Fuit inter inritamenta invidiae domus foro imminens festa ornatu conviviumque et epulae et celebritate loci nihil occultum“. Cfr. *Id. Hist.* III, 70.

³⁾ См. опредѣленіе этого понятія у *O. Gilbert*, „Gesch. u. Topogr. d. Stadt Rom“, III, 51: „War nach älterer Auffassung jedes Haus—wegen seiner isolierten Lage—eine *insula*, so hat sich später diese Bezeichnung für das umfangreiche Mietshaus fixiert, welches auf allen Seiten von Gassen und Gässchen umschlossen wird, während für das vornehmere Privathaus der alleinige Ausdruck *domus* in Gebrauch kommt. Eine *insula* ist sonach eine *Mietzkaserne*, die eine grosse Zahl von Einzelwohnungen und Einzelzugängen enthaltend über einen ganzen auf allen Seiten von Gassen umfassten Bezirk sich ausdehnt“. У названнаго автора приведены всѣ необходимые тексты, изъ которыхъ выводится такое опредѣленіе. Ясное противоположеніе между наемнымъ домомъ (*insula*) и барскимъ жилищемъ (*domus*) встрѣчаемъ у Светонія (*Ner.* 38): „... Praeter immensum numerum insularum domus priscorum ducum arseant“. Такое же противоположеніе между этими словами сохраняется въ описаніяхъ Рима (*regionalia*) времени Константина В., въ которыхъ говорится, что въ Римѣ тогда было 46602 *insulae* и 1797 *domus*. См. *F. Gregorovius*, *Gesch. d. St. Rom im Mittelalt.* I, 55 (4 Aufl.). Такъ какъ во времена имперіи установился архитектурный обычай устраивать отдѣльные входы и лестницы на каждый этажъ наемнаго дома и отдавать каждый подъ одну самостоятельную квартиру, то мало-по-малу словомъ *insula* стала обозначаться именно послѣдняя, такъ что каждый большой домъ, предназначенный для найма распадался уже на нѣсколько *insulae*. Такъ объясняетъ дѣло *J. Beloch* („Die Bevölkerung d. gr.-röm. Welt“, p. 407) вслѣдъ за *Wietersheim*’омъ („Gesch. d. Völkerwanderung“, I, 253) противъ *O. Richter*’а (*Hermes*, XX, 91), который полагаетъ, что слово *insula* применялось къ обозначенію именно отдѣльныхъ этажей дома въ тѣхъ случаяхъ, когда каждый изъ нихъ принадлежалъ различнымъ собственникамъ. См. еще новѣйшую статью Белоча въ *Jahrbücher für Nationaloekon.* 68 Band (1897), p. 333 ff. Тамъ же ст. Зеека (стр. 171). Во главѣ такихъ домовъ владѣльцы ставили особыхъ управляющихъ—*insularii*. Упомянутія о нихъ см. въ надписяхъ, напримѣръ, *C. I. L.* VI, 3974, 4347, 6296—99 etc. Cfr. *Dig.* I, 16, 4; VII,

устройства въ нихъ торговыхъ домовъ, лавокъ (*tabernae*) и складовъ (*horrea*)¹⁾. Можетъ быть, въ одномъ изъ танихъ домовъ Атика помѣщалась „банкирская контора Оппиевъ“, которыхъ Цицеронъ называетъ „сожителями“ его²⁾. Въ другомъ, весьма вѣроятно, Атикъ сосредоточилъ свое „книжное производство“: мастерская, гдѣ заготавливались книги, могла быть такимъ образомъ удобно соединена съ лавкою, въ которой выставлялся и сбывался наиболѣе спрашиваемый литературный товаръ³⁾. Съ другой стороны нельзя сомнѣваться,

8, 16. См. еще объ *immae* любопытныя данныя у *Becher-Göll*, *Gallus* (Berlin, 1881), II, 219—224 (съ указаніемъ большого количества текстовъ).

¹⁾ Объ устройствѣ подобнаго рода помѣщей — лавокъ и складочныхъ магазиновъ въ Римѣ очень обстоятельно говоритъ тотъ же Гильбертъ (*Röm. Topogr.* III, 50; 202—207; 284—288); у него собранъ значительный матеріалъ и сообщаются интересныя свѣдѣнія. Если они принадлежали частнымъ лицамъ, то не только служили для храненія собственныхъ продуктовъ—хлѣба, вина, масла, угля, дровъ, вырочей, глиняной посуды (*dolia*) и т. д. — или для веденія торговли отъ имени домохозяйина, но и отдавались въ наймъ. См. частіа упомянутыя объ этомъ въ помпеянскихъ надписяхъ, напримѣръ, *C. I. L.* IV, 188: „*Locantur... tabernae cum pergulis suis et cenacula equestria*“. Система отдачи *horrea* регулирована была, вѣроятно, специальными правилами. Извѣстенъ по одной любопытной надписи законъ, относящійся ко времени Адриана и устанавливавшій порядокъ пользования *horrea Caesaris*. См. ст. *Gatti* въ „*Bull. arch. comm. di Roma*“, XIII, 110. Въ эпиграфическихъ текстахъ находимъ также имена лицъ, которымъ поручался надзоръ за такими магазинами. См., напримѣръ, *C. I. L.* VI, 6294; 6295; 7289; 9108; *Henzen*, 6290.

²⁾ Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ Атику называетъ Оппиевъ „*contubernales tui*“ (См. *Ad Att.* VIII, 7, 3); а это слово часто понималось въ смыслѣ „обитающій въ томъ же жилищѣ“ (напримѣръ, на войнѣ въ одной палаткѣ). Можетъ быть, шуточно Цицеронъ говоритъ такъ объ Оппіяхъ, какъ „квартирантахъ“ Атика. Если догадка эта вѣрна, то можно думать, что домъ этотъ находился дѣйствительно недалеко отъ Форума, такъ какъ Оппіи жили на Веліи (*Ad Att.* X, 7, 3: „*de Oppiis Veliensibus*“). Cfr. *Ibid.* VII, 13 A, 5).

³⁾ Во время Марціала *librarii* или *bibliopolae* держали свои лавки преимущественно на Аргилетѣ (I, 8); но также въ другихъ мѣстахъ (I, 8), именно около Форума (*Ascon.* ad *Cic.* pro *Mil.* p. 34 ed. Orell.), въ vicus *Sandalarius* (*Aul. Gell.* XVIII, 4, 1), около *templum Pacis* (*Mart.* I, 2, 7) и т. д. Ср. *Friedländer*, *Mart.* I, p. 166. У дверей лавки вывѣшивался списокъ книгъ, находившихся въ продажѣ, и особенно, вѣроятно, новинокъ. См. *Mart.* I, 117, 9:

Argi nempe soles subire letum:
Contra Caesaris est forum taberna
Scriptis postibus hinc et inde totis,
Omnes ut cito perlegas poetas.
Illinc me pete...

Cfr. *Hor.* Sat. I, 4, 71.

что онъ старался приобрести или выстроить солидные недвижимости для отдачи въ наемъ мелкими, но хорошо оплачиваемыми жильями въ мѣстностяхъ, гдѣ ютились рабочіе и ремесленные классы; такую, напримѣръ, представляется густо заселенная бѣднымъ и буйнымъ, но все-таки удобно эксплуатируемымъ людомъ Субура ¹⁾. Затѣмъ, нужно думать, болѣе роскошные аттиковы дома возвышались еще въ любимыхъ пріѣзжею провинціальною знатью улицахъ и кварталахъ ²⁾, гдѣ выгодно было предлагать эффектно устроенныя жилища тѣмъ, кто не собирался утверждать въ Римѣ своей осѣдлости, но являлся туда на время, чтобы хорошо пожить. Какъ бы то ни было, но можно быть убѣжденнымъ, что у Аттика было много домовъ въ Римѣ. Это были своеобразныя „городскія латифундіи“, которыя возникали и росли такъ же успѣшно въ рукахъ аристократіи, какъ и сельскія, не менѣе послѣднихъ характеризую торжествовавшее въ государствѣ и обществѣ экономическое теченіе ³⁾.

Есть данныя въ источникахъ, изъ которыхъ обнаружи-

¹⁾ О Субурѣ и ея населеніи постоянно говоритъ Марціалъ. Многочисленныя мѣста изъ его стихотвореній рядомъ съ другими текстами указаны у *O. Gilbert*, *Topogr. d. St. Rom*, III, 358. Названная часть столицы кишѣла громадною толпою вѣчно озабоченнаго объ отысканіи пропитанія пролетаріата, дѣлко хватавшеюся за всякій источникъ мелкой наживы. Настроеніе, царившее въ притонахъ, скрывавшихся въ домахъ узкихъ, извилистыхъ переулковъ этой части города, было не всегда безопасное. Богатый домовладѣлецъ не сталъ бы жить тамъ со своею семьею; но сосредоточенные тамъ дома доставляли высокій процентъ дохода. Можно было получать большія деньги за отдачу помѣщеній и подъ „норы и логовища“ бѣдняковъ, и подъ лавки и харчевни, даже подъ *lupanaria*. Вся Субура была переполнена проститутками (*Mart.* VI, 66, 1; XI, 61, 3; XI, 78, 1; *Pers.* V, 32; *Hor.* *Eprod.* 5, 58. *Cfr. Liv.* III, 13). Ульпіанъ говоритъ, что и „порядочные люди“ не гнушались отдавать свои недвижимости подъ дома терпимости, такъ какъ это было очень выгодно. См. *Dig.* V, 3, 27, 1: „Sed et pensiones, quae ex locationibus praediorum urbanorum perceptae sunt, venient, licet a lupanario perceptae sint; nam et in multorum honestorum virorum praediis lupanaria exercentur“.

²⁾ Къ числу таковыхъ принадлежали, напримѣръ, Целій, Квириналь, Карини и *Collis hortorum*. См. у *O. Gilbert*, *Topogr.* (по *Index'y*). Ср. еще *Dérobry*, *Rome au siècle d'Auguste* (также по *Index'y*) и др. под. сочиненія.

³⁾ У Саллюстія (*Calil.* 20, 11) находимъ выразительныя слова относительно расширенія городской собственности римскихъ богачей: „...Illos binas aut amplius domos continuare, nobis larem familiarem nusquam ullum esse...“

вается, что домовладѣніе въ Римѣ было дѣломъ вообще чрезвычайно прибыльнымъ. Фридлэндеръ указываетъ ¹⁾, что оборотною стороною жизни громадной столицы являлась дороговизна предметовъ первой необходимости ²⁾. Между прочимъ, большою бѣдою для неимущихъ людей былъ недостатокъ жилищъ и, стало быть, непомерная высота цѣнъ на нихъ ³⁾. Отсутствие удобныхъ средствъ передвиженія по улицамъ препятствовало свободному развитію пригородовъ въ ширь ⁴⁾; во внутреннихъ же частяхъ города много мѣста было изъято изъ поверхности, предоставленной для постройки наемныхъ домовъ, прежде всего частными великолѣпными особняками, а затѣмъ еще площадями, общественными зданіями, императорскими дворцами, количество которыхъ все увеличивалось при постоянно производившихся украшеніяхъ города ⁵⁾. Приходилось строить во всѣхъ свободныхъ мѣстахъ громадные дома, которые росли въ высоту и теряли все больше и больше въ просторѣ и доступности цѣнъ жилыхъ помѣщеній ⁶⁾.

¹⁾ См. *Darstellungen aus der Sittengesch. Roms* (6 Aufl.) I, 25.

²⁾ Она особенно была замѣтна при сравненіи съ очень дешево стоявшею жизнью въ муниципальныхъ городахъ Италіи и въ провинціяхъ. См. *Iuven. Sat.* III, 165. Ср. *Mart.* IV, 66, 1:

Egisti vitam semper, Line, municipalem,
Qua nihil omnino vilius esse potest.

³⁾ Вопросъ объ экономической жизни города Рима, ея особенностяхъ и о мнѣніи большихъ городскихъ центровъ на социальное развитіе обстоятельно и глубоко разсмотрѣнъ въ замѣчательной работѣ *Rob. Pöhlmann*, „Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte im Zusammenhange mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilisation (Leipzig, 1884). Ср. еще спеціальную интересную статью его же — „Die Wohnungsnot der antiken Grossstädte“ въ книгѣ автора „Aus Altertum und Gegenwart“ (München, 1895), S. 292—314.

⁴⁾ См. *L. Friedländer*, *Sittengeschichte*, въ указанномъ мѣстѣ и ниже, стр. 71.

⁵⁾ Марціалъ, напримѣръ, говоритъ о нероновыхъ постройкахъ (*Spect.* 2, 7):

Hic ubi miramur velocia munera thermas,
Abstulerat miseris tecta superbus ager.
Claudia diffusas ubi porticus explicat umbras,
Ultima pars aulae deficientis erat.

Дворцы Калигулы и Домиціана занимали 30000 кв. метровъ (*Jordan*, I, 542). Такимъ образомъ росту населенія столицы шло на встрѣчу развитіе роскоши жилищъ въ кругу знати, и оба теченія усиливали квартирный кризисъ.

⁶⁾ *O. Gilbert*, *Gesch. und Topogr. d. St. Rom*, III, 51. *Becker-Göll*, *Gallus*. II, 223 ff. Естественно, что при такой тѣсотѣ и дороговизнѣ жизнь въ собствен-

Въ виду такого переполненія имѣвшихся „*insulae*“ населеніемъ и постояннаго притока новыхъ жителей въ всемірную столицу со всѣхъ концовъ подчиненнаго ей міра ¹⁾, возведеніе домовъ и эксплуатація ихъ подъ наемныя квартиры, или просто скупка и потомъ перепродажа, или отдача въ аренду городской земли подъ постройку сдѣлалась однимъ изъ самыхъ доходныхъ промысловъ въ изучаемую эпоху ²⁾. Неудивительно поэтому, что его быстро монополизировала малочисленная группа крупныхъ спекулянтовъ. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ извѣстный М. Лициній Крассъ, которому операціи надъ городскими имуществами открыли одинъ изъ главныхъ источниковъ для накопленія несмѣтнаго состоянія ³⁾. Сооружая дома на свои средства,

нихъ „*семейныхъ усадьбахъ*“, какъ въ старину, сдѣлалась невозможною для громаднаго большинства римскаго населенія. Приходилось ютиться въ наемныхъ помѣщеніяхъ, изъ которыхъ многія имѣли даже характеръ ночлежныхъ пріютовъ, находившихъ мѣсто въ огромныхъ казармахъ, преимущественно въ мансардахъ или подвалахъ. Марціалъ (II, 53, 8) говоритъ, что въ трущобахъ, гдѣ устраивались коморки для бѣдняковъ, не всегда даже можно было выпрямиться, надо было стоять согнувшись, сидѣть или лежать. Пролетаріи ночевали нерѣдко просто въ тавернахъ. См. *Hor. Carm.* I, 4, 13; *De art. poet.* 229; *Tac. Hist.* I, 86; *Ulp. Dig.* L, 16, 183. Ср. *Nissen*, *Pompejanische Studien*, p. 600. Единственнымъ спасеніемъ при такихъ условіяхъ жизни являлся климатъ Італіи, позволявшій жить много на улицѣ. См. ст. *Rodbertus* въ „*Jahrbücher für Nationaloek. und Stat.*“, 1874, II, p. 27.

¹⁾ *Senec. Cons. ad Helv.* 6, 3: „*Hanc frequentiam, cui vix urbis immensae tecta sufficiunt.*“ Ср. *Id. De clem.* I, 6, 2; *De ira*, III, 6, 4; *Iuven.* III, 243 ss. См. *Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung*, p. 59—62; 79—82.

²⁾ *Aul. Gell. N. A.* XV, 1, 3: „*Magni... reditus urbanorum praediorum.*“ Тотъ же авторъ (*Ibid.*) приводитъ мнѣніе, что собственнику выгодно было бы продать всѣ сельскія имущества и замѣнить ихъ городскими, еслибы только пожары не вызывали опасенія, что это можетъ быть рискованнымъ.— У Марціала домовладѣльцы хвастаютъ своими большими доходами. См. напр. IV, 37, 4: „*Ex insulis fundisque tricies soldum.*“ Цицеронъ (*De finib.* II, 26, 83) говоритъ о „*fundi et insulae*“, какъ о несомнѣнно прочныхъ имущественныхъ объектахъ; а въ другомъ мѣстѣ (*De off.* II, 25, 88) предпочитаетъ, повидному, „*vestigalia urbana*“ (городскіе доходы) деревенскимъ („*vestigalia rustica*“). Когда въ Дигестахъ приводятся прихвѣрныя цифры наемной платы за „*insulae*“, то онѣ берутся, обыкновенно, высокія: 60.000 (XIX, 2, 7, *Paul.*), 40.000 (XIX, 2, 30, *Id.*) сестерциевъ.

³⁾ Плутархъ (*Crass.* 2) рассказываетъ любопытныя подробности объ этой сторонѣ экономической дѣятельности Красса. Обладая всегда очень большими капиталами, онъ искусно пользовался выгодными случаями дешевой продажи городской земли послѣ пожаровъ или вслѣдствіе разоренія отдѣльныхъ

капиталисты обыкновенно сдавали их затѣмъ цѣликомъ состоятельнымъ съемщикамъ, а эти послѣдніе уже имѣли дѣло непосредственно съ населеніемъ ¹⁾. Такая система эксплуатации домовъ, вводившая специальныхъ посредниковъ между собственникомъ и нанимателемъ, отдѣляла, такъ сказать, владѣльческую ренту отъ предпринимательской прибыли; тѣмъ самымъ значительно еще возвышалась наемная плата за жилища ²⁾, что тяжелымъ гнетомъ ложилось на бѣдняковъ. Особенно дороги стали въ Римѣ квартиры со временъ Це-

сственниковъ. Такимъ образомъ онъ скупилъ огромную площадь внутри города („*hōte tēs Rōmēs tō pleiston mēros ōt' autō terevsa*“). Затѣмъ онъ, по-видимому, самъ не предпринималъ построекъ; но именно, должно быть, извлекалъ богатѣйшіе доходы изъ эксплуатации самой, очень дорого цѣнившейся почвы: онъ продавалъ или отдавалъ ее подъ постройку домовъ и промышленныхъ заведеній, очевидно, за бѣшенныя деньги. Впрочемъ, и болѣе мелкие капиталисты извлекали изъ домовладѣнія солидныя выгоды. Цицеронъ сообщаетъ, что онъ самъ получалъ въ годъ 80,000 сестерціевъ отъ посредственныхъ домовъ, принадлежавшихъ, какъ кажется, его женѣ, и расположенныхъ въ сравнительно бѣдныхъ кварталахъ Авентива и Аргилета. См. *Ad Att.* XVI, 1, 5; ср. XII, 32, 2; XV, 20, 4.

¹⁾ Вопросъ объ организаціи домовладѣльческаго хозяйства въ Римѣ изслѣдованъ, насколько возможно по недостаточнымъ источникамъ, въ цитированной выше прекрасной работѣ Пѣльмана „*Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte*“. См. особенно стр. 107—108.

²⁾ Въ Дигестахъ находимъ указаніе Павла, что доходъ такого крупнаго съемщика (*conductor*) домовъ заходилъ за 90%, слишкомъ. *Dig.* XIX, 2, 30: „*Qui insulam triginta conduxerat, singula саenacula (квартиры) ita conduxit, ut quadraginta ex omnibus colligerentur*“. Ниже говорится о „*dominus insulae*“. Стало быть, мы видимъ тутъ владѣльца, арендатора и жилаго. Доходы второго за дѣль, конечно, бывали и выше: въ законодательномъ сборникѣ указывается, такъ сказать, „нормальный“ примѣръ. Иногда между третьими и вторыми могло появляться еще промежуточное лицо—„подарендаторъ“ („*Afterpächter*“). См. *Dig.* XIX, 2, 7: „*Si tibi alienam insulam locavero quinquaginta tuque eandem sexaginta Titio locaveris et Titius a domino prohibitus fuerit habitare...*“ Такимъ образомъ возникла іерархія собственниковъ, владѣльцевъ и пользователей домовыми недвижимостями, которые сильно наблизилъ цѣну жилищъ, монополизировавъ домовладѣльческое хозяйство. Квартиранты при этомъ теряли характеръ свободныхъ нанимателей и попадали въ „квартиродателей“ въ настоящую экономическую кабалу, которую Пѣльманъ (стр. 109) остроумно называетъ „*Wohnungsfeudalismus*“. Это въ высокой степени любопытная черта римскаго быта въ изучаемый періодъ. Не даромъ Витрувій совѣтуетъ нанимателю квартиры хорошо знать законы, чтобы не попасться въ руки домохозяина или съемщика при заключеніи контракта (*De arch.* I, 10 ed. Rose): „...*Et ut legibus scribendis prudentia caveri possit et locatori et conductori; namque si lex perite fuerit scripta, erit ut sine captione uterque ab utroque liberetur*“.

заря ¹⁾. Позднѣ цѣны эти еще значительно поднялись, благодаря соединенію всѣхъ указанныхъ причинъ, приводившихъ къ неблагоприятной для нанимателей комбинаціи спроса и предложенія, благодаря все увеличивавшемуся вліянію, приобретаемому столицею, притягательная сила которой росла, наконецъ, благодаря повышенію уровня матеріальныхъ потребностей населенія ²⁾. Можетъ быть, Ювеналъ и увлекается, рассказывая, что можно въ его время купить прекрасный домъ съ садомъ гдѣ-нибудь въ *Sora*, *Fabrateria* или *Frusino* на деньги, которыя въ Римѣ приходилось платить ежегодно за тѣсную и мрачную квартиру ³⁾;

¹⁾ Диодоръ (XXXI, 18) говоритъ о большой высотѣ квартирныхъ цѣнъ въ этотъ историческій моментъ („τὸ μέρους τῶν ἐν Ῥώμῃ μισθῶν“). Онъ стоялъ среднимъ числомъ въ четыре раза дороже тамъ, чѣмъ въ остальной Италіи (*Drumann*, I, 400, п. 38). Семья изъ низшихъ классовъ оплачивала свое жилище суммою приблизительно въ 2000 сестерціевъ въ Римѣ и 500 сест. въ Италіи. См. *Diö*, XLVIII, 9. О Суллѣ извѣстно, что онъ, живя еще молодымъ человекомъ въ нижнемъ этажѣ наемнаго дома, платилъ за квартиру 3000 сест., а жилище, помѣщавшееся надъ нимъ, стоило 2000 (*Phil. Sull.* 1). Одинъ изъ клиентов Цицерона, Целій, платилъ за наемъ дома 10000 сест. (*Cic. Pro Cael.* 7, 17). Цицеронъ купилъ домъ на Палатинѣ за 3½ милліона (*Ad fam.* V, 6, 2). Онъ построилъ бѣлъ Друзомъ, а потомъ перешелъ въ собственность Красса, отъ котораго Цицеронъ и приобрѣлъ его (*Vell. Pat.* II, 14); до покупки онъ, кажется, уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ этомъ домѣ въ качествѣ нанимателя (См. *Invectiva Salustio adscripta*, 2); одна земля, занятая этимъ домомъ, его садомъ и службами цѣнилась въ 1½ милліона сестерціевъ, самое же зданіе въ 2 милліона (См. *Ad Att.* IV, 2, 5). Поэтому можно попятъ, что Цицеронъ называлъ городскую усадьбу лучшей составною частью своего имущества (*Ad Att.* III, 20, 2). О высокой доходности городскихъ недвижимостей свидѣлствуютъ большія суммы, которыя выдавались за ихъ отчужденіе. При устройствѣ цезарева форума пришлось заплатить владѣльцамъ земли, которая пошла подъ него, 100 милліоновъ сестерціевъ (*Suet. Caes.* 26; *Plin. H. n.* XXXVI, 108), а затѣмъ еще 60 милліоновъ для его расширения (*Cic. Ad Att.* IV, 16, 14). По свидѣтельству Марціала за 100.000, а также за 200.000 сестерціевъ можно было купить лишь небольшой и просто отдѣланный домъ (*Mart.* XII, 66). Къ сожалѣнію, все это только отдѣльные примѣры. Среднія цѣны и степень роста стоимости земельныхъ участковъ, домовъ и квартиръ въ Римѣ не можетъ быть установлена. Нѣкоторыя еще другія подробности см. у Пелльмана.

²⁾ *Vell. Pat.* II, 10, 1: „Prosequamur nota severitatem censorum Cassii Longini Caepionisque, qui abhinc annos centum quinquaginta tris Lepidum Aemilium augurem, quod sex milibus HS aedes conduxisset, adesse iusserunt. At nunc si quis tanti habitat, vix ut senator agnoscitur“.

³⁾ *Iuven.* III, 223:

...optima Sorae
Aut Fabrateriae domus aut Frusinone paratur,
Quanti nunc tenebras unum conducis in annum.

но все же слова его характерно освѣщаютъ явленіе.—Такое все прогрессировавшее вздорожаніе цѣнъ на жилища, принимавшее въ изучаемую эпоху характеръ настоящаго бѣдствія для неимущаго большинства населенія столицы, несомнѣнно, должно быть отчасти поставлено въ связь съ процессомъ подавленія мелкой сельской собственности крупною. Съ другой стороны оно приводило и къ аналогичнымъ послѣдствіямъ. Вытѣсняемый изъ деревни крестьянинъ стремился въ Римъ за работою или хлѣбомъ, содѣйствуя перенаселенію столицы; но выросавшее въ ея стѣнахъ барское домовладѣніе оставляло его безъ крова и въ городѣ, какъ латифундія лишала осѣлости въ деревнѣ ¹⁾).

Приведенные факты, какъ они ни отрывочны, показываютъ, насколько выгодно было въ тѣ времена положеніе домовладѣльцевъ, и неудивительно поэтому, что Атикъ занимался постройкою и эксплуатаціею домовъ. Весьма вѣроятно даже, что онъ не ограничивалъ этого „промысла“ Римомъ: въ одномъ изъ писемъ къ нему Цицерона идетъ рѣчь о покупкѣ имъ дома въ Неаполѣ. Богатый приморскій торговый городъ, оказывается, былъ также поприщемъ хозяйственной дѣятельности искуснаго пріобрѣтателя ²⁾). Можетъ быть, и въ Авинахъ, и въ Бутрогѣ у него были дома не только для собственнаго жительства, но и для отдачи въ наемъ ³⁾). Атикъ, какъ домовладѣлецъ, является типичною иллюстраціею и любопытнымъ примѣромъ для характеристики организаціи и эксплуатаціи крупной собственности въ столицѣ римскаго міра.

¹⁾ Вопросъ о квартирныхъ цѣнахъ получилъ такую остроу, что демагоги находили выгоднымъ ставить принудительное пониженіе ихъ, такъ сказать, въ числѣ пунктовъ своей программы, чтобы привлечь на свою сторону столичный пролетаріатъ. См. *R. Pöhlmann*, *Die Wohnungsnot* („Aus Altertum und Gegenwart“, p. 294).

²⁾ Цицеронъ сообщаетъ разъ Атику, что домъ Рабирія, который тотъ торговалъ въ Неаполѣ, имѣя въ виду расширить и перестроить его, уже купленъ Фонтеемъ за 130.000 сестерціевъ. См. *Ad Att.* I, 6, 1: „Domum Rabirianam Neapoli, quam tu iam dimensam et exaedificatam animo habebas, M. Fonteius emit HS CCCIOXXX. Id te scire volui, siquid forte ea res ad cogitationes tuas pertineret...“. Это характерный текстъ, обнаруживающій опредѣленную спекуляцію Атика на дома и въ роскошномъ городскомъ центрѣ Кампаніи.

³⁾ Выше было указано, что Атикъ распространялъ на Грецію свои книгопродавческія операціи. Виолнѣ естественно, что онъ долженъ былъ поступать такъ же и при устройствѣ другихъ своихъ коммерческихъ дѣлъ.

2. На вопросъ о томъ, владѣлъ ли Аттикъ землями въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима, Корнелій Непотъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Правда, онъ прямо не отрицаетъ факта существованія его подгородныхъ имѣнй, но съ другой стороны и не указываетъ ихъ. Онъ ограничивается лишь общими словами, что Аттикъ не устраивалъ себѣ роскошныхъ загородныхъ обиталищъ ¹⁾, желая и въ этомъ пунктѣ отличить своего героя отъ большинства его знатныхъ и богатыхъ современниковъ, въ обстановкѣ жизни которыхъ „пышность жилища“ (*villarum luxus*) занимала очень выдающееся мѣсто. Но изъ словъ Цицерона ясно выводится, что Аттикъ былъ дѣйствительно собственникомъ по крайней мѣрѣ, одного имѣнйа, расположеннаго недалеко отъ Рима (*suburbanum T. Pomponii*), такъ какъ этотъ авторъ нѣсколько разъ говоритъ о немъ ²⁾. Ничего неизвѣстно въ точности, какъ было обставлено выстроенное тамъ мѣсто-пребываніе хозяина (*villa urbana*); но, можетъ быть, именно въ немъ находился храмъ-музей (*Parthenon*), заключавшій, какъ кажется, коллекцію статуйъ знаменитыхъ людей и между прочимъ изображенія друзей Аттика, М. Брута и Сервилія Агалы. О послѣднемъ упоминаетъ Цицеронъ, болтливая дружба котораго много открыла различныхъ подробностей его внутренней жизни ³⁾. Во всякомъ случаѣ заго-

¹⁾ Соответствующее мѣсто (*Att. 14, 3*) приведено выше. Въ немъ, собственно, не сказано — „*nullam habuit villam*“, но говорится только „*nullam suburbanam aut maritimam sumptuosam villam*“, причѣмъ слово „*sumptuosam*“ приходится относить и къ „*suburbanam*“, и къ „*maritimam*“. Такъ что слѣдуетъ понимать текстъ именно только въ томъ смыслѣ, что у Аттика не было ни одной роскошной виллы ни около столицы, ни у берега моря; простыя же жилища (*villulae, deversoria*) или участки земли (*praediola*) въ указанныхъ мѣстностяхъ у него могли быть. Авторъ только ловко ставитъ эти слова послѣ утвержденія „*nullos habuit hortos*“ (какъ обнаружено, впрочемъ, несомнѣннмъ вѣрнано) и тѣмъ оставляетъ впечатлѣніе, которое настраиваетъ читателя на выводъ, что и загородной собственности у Аттика не было почти никакой.

²⁾ См. напр. *Cic. Ad Att. VII, 3, 6*: „*Fere enim respondi tuis litteris de re publica, et iis, quas in suburbano, et iis, quas postea scripsisti*“. *Cfr. Ibid. XII, 40, 5*: „*Simul ac constituero, ad te scribam: et tu ad me, quam diu in suburbano sis futurus*“.

³⁾ См. *Ad Att. XIII, 40, 1*. — О подгородной виллѣ Аттика говорится еще въ *XII, 38, 1*: „*Suspicio te esse in suburbano*“. — Въ *XIII, 49, 1* читаемъ также:

родный домъ челоуѣка, который занималъ такое почтенное положеніе въ высшемъ обществѣ и имѣлъ столько близкихъ знакомыхъ среди самыхъ видныхъ представителей знати, долженъ былъ быть устроенъ соответственно привычкамъ и быту благоразумныхъ людей того круга, членовъ котораго Атикъ нерѣдко принималъ въ своей виллѣ въ римской Кампаньѣ ¹⁾. Общій типъ послѣдней, конечно, долженъ былъ удовлетворять тонкому вкусу и высокимъ интеллигентнымъ потребностямъ владѣльца. Въ ней нельзя было, безъ сомнѣнія, встрѣтить никакихъ эксцентричныхъ затѣй, напримѣръ, громаднаго дворца съ бьющею въ глаза пышностью отдѣлки; не было также искусственныхъ озеръ или рыбныхъ садковъ ²⁾, ни обширныхъ охотничьихъ парковъ или специально устроенныхъ аренъ для конскихъ ристаній ³⁾. Но она, навѣрно, была снабжена всѣмъ необходимымъ для того, чтобы комфортабельно проводить свободное время уединенія и отдыха въ художественныхъ развлеченияхъ, легкой литературной работѣ или даже научныхъ антикварныхъ разысканіяхъ, которыя Атикъ любилъ ⁴⁾. Было въ виллѣ его также все нужное, чтобы принять, когда захочется, небольшое общество избранныхъ друзей и угостить ихъ обѣдомъ, за которымъ,—что бы ни говорилъ Корнелій Непоть,—вѣроятно, не было недо-

„Atticae primum salutem, quam equidem *ruri* esse arbitror“.—По связи письма можно думать, что рѣчь тутъ идетъ о мѣстности, близкой къ Риму.

¹⁾ Вилла Атика могла оказываться удобнымъ пріютомъ для первыхъ гражданъ Рима въ очень различныхъ случаяхъ. Друманнъ между прочимъ говоритъ (*Gesch. Roms*, V, 62): „... Auch konnte Atticus hier Optimaten empfangen, wenn sie in Erwartung des Triumphes oder aus andern Gründen vor der Thoren der Stadt verweilten“.

²⁾ О любителяхъ подобнаго рода развлеченій нѣсколько разъ упоминаетъ Цицеронъ, называя ихъ „*piscinarii*“ (См. напр. *Ad Att.* I, 18, 6; 20, 8; II, 1, 7; *De legib.* II, 1, 2), иногда противопоставляя ихъ себѣ и Атику (*Ad Att.* I, 19, 6).

³⁾ См. цѣлый рядъ указаній на такіе *hippodromi* или *gestationes*, какъ на обычную составную часть парковъ римскихъ богачей у *Becker-Göll*, *Gallus* (Berlin, 1882), III, 71.

⁴⁾ Известно, что Атикъ много занимался исторіею отечественной старины; всего болѣе его интересовала самая отдаленная древность и въ ней именно специально археологическіе вопросы. Онъ производилъ также разысканія по генеалогіи знатныхъ римскихъ фамилій, такъ что послѣ Варрона могъ считаться однимъ изъ лучшихъ знатоковъ римскихъ древностей. См. указанія у *Drumann*, *Gesch. Roms*, V, 86—87. Ср. *Teuffel*, I, 322.

статка въ отлично приготовленныхъ блюдахъ и ароматныхъ винахъ; но главною приманкою являлась, вѣроятно, и тутъ, какъ и въ римскихъ симпозионахъ Аттика, превосходное чтеніе его рабами лучшихъ литературныхъ произведеній ¹⁾ и игривый, „пѣнистый“ застольный разговоръ между пріятными и остроумными, утонченно изящными и прѣкрасно образованными людьми.

Если нѣтъ прямого описанія подгородной виллы Аттика, то мы довольно много знаемъ о томъ, какъ устроены были деревенскія резиденціи Цицерона, и, должно быть, можно отчасти воспользоваться для ея описанія красками, которыми послѣдній изображаетъ свой „Tusculanum“ или „Cumanium“. Основная разница здѣсь заключалась, вѣроятно, въ томъ, что загородная усадьба Аттика была гораздо проще цицероновыхъ, что онъ меньше употреблялъ денегъ и вниманія на ея украшеніе, чѣмъ послѣдній. Въ остальномъ, вслѣдствіе общности вкусовъ хозяевъ, обиталища обоихъ, вѣроятно, походили другъ на друга. Главное зданіе должно было быть достаточно просторно для удовлетворенія житейскимъ потребностямъ „большого дома“ ²⁾. Но особенно прелестью ея, независимо отъ красивой мѣстности и обширнаго тѣнистаго и благоухающаго сада, была, несомнѣнно, какъ и въ Римѣ, богатая библіотека, выстроенная и украшенная въ греческомъ стилѣ ³⁾ и замѣчательная коллекціею книжныхъ рѣдкостей, возбуждавшихъ восторгъ и зависть библіомановъ. Другіе покои и отдѣльныя строенія, можно думать, также представляли воспроизведенія любимыхъ памятниковъ дорогой для всякаго римскаго „интеллигента“

¹⁾ Корнелій Непотъ (*Att.* 14, 1) такъ говоритъ о римскихъ обѣдахъ Аттика: „Nemo in convivio eius aliud acroama audivit quam anagnosten; quos nos quidem iucundissimum arbitramur: neque unquam sine aliqua lectione apud eum cenatum est, ut non minus animo quam ventre convivae delectarentur. Namque eos vocabat, quorum mores a suis non abhorrent“.

²⁾ Цицеронъ описываетъ въ одномъ мѣстѣ виллу своего брата, Квинта, за перестройкой которой онъ присматривалъ (См. *Ad Q. fr.* III, 1, 1); загородный домъ Аттика былъ, должно быть, значительно, занимал среднее мѣсто между нихъ и различными „maisons de plaisance“ Марка Туллія. Въ немъ было, конечно, много комнатъ для жилья и пріемныхъ залъ съ колоннами, расписанными картинами, какъ у Цицерона (*Ad fam.* VII, 28).

³⁾ *Cic. Ibid.* (*ad fam.* VII, 28).—Cfr. *De divin.* II, 8, 8.

Греція. У Цицерона былъ свой „лицей“ въ воспомина-
ніе объ Аристотелѣ, украшенный прекрасными статуями ¹⁾.
Особый, расположенный въ нижней части парка большой
павильонъ, гдѣ происходили литературныя бесѣды и фило-
софскія пренія, носилъ также греческое наименованіе „Ака-
демій“ ²⁾ въ честь наиболѣе почитавшагося тогда философа,
Платона, мраморное изваяніе котораго находилось въ цен-
трѣ ³⁾, окруженное многочисленными и разнообразными дру-
гими произведеніями греческаго искусства ⁴⁾. Подобнаго же
рода „стиль“ долженъ былъ повторяться въ *suburbanum*'ѣ
Аттика; общій характеръ жизни его „въ деревнѣ“ походи-
лъ на времяпровожденіе, которое великій ораторъ такъ
охотно изображаетъ въ своихъ письмахъ ⁵⁾, отличаясь отъ
него, впрочемъ, гораздо болѣшимъ порядкомъ и дѣловит-
остью въ видахъ осторожности и экономіи, о которыхъ
мало задумывался Цицеронъ.

Трудно сказать, гдѣ расположено было имѣніе Аттика,
о которомъ тутъ идетъ рѣчь. Но во всякомъ случаѣ весьма
вѣроятно, что у него была земля недалеко отъ которыхъ-
нибудь изъ воротъ города, напримѣръ, на первыхъ миляхъ
по *via Appia*. Въ этой мѣстности находится много слѣдовъ
гробницъ, принадлежавшихъ роду Цециліевъ ⁶⁾, а фамильныя

¹⁾ *Cic. De divin.* I, 5, 8.

²⁾ *Cic. Tuscul.* II, 3; III, 3. — Cfr. *Ad Att.* I, 4, 3; 9, 2; 11, 3 etc. — См. *Drumann*, VI, 889. — Къ ней велъ крытый портикъ („*tecta ambulatiuncula*“, *Ad Att.* XIII, 29, 2; „*porticula*“, *Ad fam.* VII, 23, 3), который защищалъ отъ солнца и дождя и манялъ къ отдыху.

³⁾ Оно доставлено было ему изъ Аеній именно Атиккомъ (См. напр. *Cic. Brut.* 6, 24): нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній приобреталъ такіе же предметы и для себя.

⁴⁾ *Ad Att.* I, 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 etc. Описаніе главнѣйшихъ виллъ Цице-
рона можно найти въ интересномъ очеркѣ имущественной біографіи великаго
искусствоведа А. *Lichtenberger*, *De Ciceronis re privata* (Parisii, 1895) p. 11—16.

⁵⁾ См. въ сочиненіи *Ch. Dézobry*, „*Rome au siècle d'Auguste*“ (4 éd. P. 1886) IV, 213—227, живою, составленный на основаніи словъ Цицерона очеркъ
его тускуланскаго бита.

⁶⁾ Цицеронъ говоритъ, что на *Via Appia* находилось мѣсто погребенія рода
Цециліевъ Метелловъ (*Tuscul.* I, 7, 13). Кроме того въ мѣстности, занятой древнимъ
христіанскимъ подземнымъ кладбищемъ Калликста, найдены остатки языческихъ
колунаріевъ, еще болѣе древнихъ, а также много надгробныхъ надписей, какъ язы-
ческихъ, такъ и позднѣйшихъ, христіанскихъ съ фамильными именами *Цециліевъ*
и *Цециліановъ*, затѣмъ *Помпоніевъ* Бассовъ, даже *Аттиковъ* (и *Аттиціановъ*).

усыпальницы устраивались на собственной землѣ¹⁾. Очень можетъ быть, что тутъ именно находился „*fundus Q. Caecilii*“, въ которомъ Атикъ похоронилъ своего дядю, и который достался ему вмѣстѣ съ остальнымъ его наслѣдствомъ²⁾.— Вѣрнѣе же всего слѣдуетъ думать, что Атикъ не могъ удовлетвориться однимъ *suburbanum*, и что у него было нѣсколько виллъ, которыя могли быть расположены не только подъ самыми стѣнами столицы, но и вблизи отъ любимыхъ модныхъ центровъ Лациума. Такимъ образомъ, Атикъ являлся обладателемъ цѣлаго ряда имѣній, то-есть, владѣлъ своими *Albanum, Tiburtinum, Praenestinum* и т. д.³⁾. Нѣтъ ничего

См. *F. X. Kraus, Roma Sotterranea* (2 Aufl.), p. 167.—Всѣ относящіяся сюда тексты приведены у *G. B. De Rossi, Roma Sotterranea*, I, 399 sqq; II, 187 sqq.

¹⁾ См. *J. J. Ampère, L'empire romain à Rome*, I, 73. *F. X. Kraus, Roma Sotterranea*, кн. I, гл. 4; кн. II, гл. 1. — *Marquardt, Privatleben der Römer* (2 Aufl.), I, 360 ff.

²⁾ Есть прямое свидѣтельство объ этомъ Корнелія Непота; онъ указываетъ на существованіе семейнаго склепа Цецилій на аппиевой дорогѣ, въ которомъ положенъ былъ прахъ самого Атика (*Att. 22, 4: „Sepultus est iuxta viam Appiam ad quintum lapidem in monumento Q. Caecilii, avunculi sui“*). Только тутъ ничего не сказано, было-ли соединено съ этимъ семейной гробницей болѣе или менѣе обширное *praedium cum villa*. Гробница эта, а можетъ быть, и имѣніе были, по всей вѣроятности, расположены по сосѣдству съ другою усыпальницею, принадлежавшею члену того же рода, М. Цецилію, и находившеюся на лѣвой сторонѣ дороги, немного не доходя до такъ-называемой виллы Квинктиліевъ. См. *E. Desjardins, La topographie du Latium*, p. 111. — Тутъ найдена стихотворная надгробная надпись Марка Цецилія (*C. J. L. VI, 13696*), которую Генценъ причисляетъ къ самымъ древнимъ изъ эпиграфическихъ памятниковъ, открытыхъ на аппиевой дорогѣ (См. *Bullet. dell'Inst. di corr. arch.* 1851, p. 72).

³⁾ Корнелій Непотъ, какъ выше указано, прямо не отрицаетъ факта, что Атикъ былъ обладателемъ хотя бы даже нѣсколькихъ виллъ въ окрестностяхъ Рима; онъ говоритъ только, что у него не было „княжескихъ“ загородныхъ дворцовъ, подобныхъ, напримѣръ, альбанскимъ вилламъ Помпея или Клодія, тускуланской Лукулла, тибуртинскимъ Квинктилія Вара, или Мелената и т. д. У Цицерона же кромѣ приведенныхъ мѣстъ есть еще интересное указаніе. Разъ онъ пишетъ Атику, что отыскиваетъ для него, хотя пока безуспѣшно, владѣніе съ усадьбою около Антія (*Ad Att. IV, 8a, 1*): „*Aedificati tibi in agris nihil reperio: in oppido est quiddam, de quo est dubium, sitne venale, ac proximum quidem nostris aedibus. Hoc scito, Antium Buthrotum esse Romae, ut Corcyrae illud tuum: nihil quietius, nihil amoenius*“. Можетъ быть, въ концѣ концовъ и нашлась подходящая продажная недвижимость и, весьма вѣроятно, именно „in agris“, такъ какъ самый городъ Антія врядъ-ли очень привлекалъ Атика. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Атикъ перѣдко производилъ такіа покупки въ различныхъ мѣстностяхъ.

рискованнаго также въ предположеніи, что онъ былъ собственникомъ какой-нибудь виллы и около Неаполя, гдѣ-нибудь вблизи Бай или Кумъ ¹⁾.

Неизвѣстно, были ли виллы Аттика въ римской Кампаньѣ и Лаціумѣ исключительно увеселительными помѣстьями, или съ ними соединялась также какая-нибудь сельскохозяйственная эксплуатація. Однако, болѣе чѣмъ вѣроятною будетъ догадка, что такой практическій человѣкъ, какъ онъ, не могъ не утилизировать участковъ земли, которыми онъ владѣлъ около Рима, и которые, весьма возможно, были даже довольно значительны, и не устроить тамъ хозяйство, подходящее къ условіямъ мѣстности ²⁾. — Не очень трудно опредѣлить особенности и типичнѣйшіе виды такой культуры.

Когда въ какой-нибудь странѣ вырастаетъ городской центръ, крупный, могущественный и густо населенный, то онъ естественно начинаетъ производить весьма замѣтное вліяніе на экономическую жизнь подчиненной ему территоріи. Особенно глубоко воздѣйствуетъ онъ на подборъ объектовъ сельскохозяйственнаго производства непосредственно окружающаго его пояса. Тамъ самымъ опредѣляются также размѣры и формы земледѣлія той тѣсно примыкающей къ нему полосы, жители которой питаютъ горожанъ произведеніями своего труда, и сами поддерживаютъ свою жизнь цѣнностями, получаемыми въ обмѣнъ за эти произведенія. Въ частности, когда древній Римъ обратился въ громадную столицу объединеннаго имъ міра съ болѣе, чѣмъ миллион-

¹⁾ Уже отмѣчено, что Аттикъ владѣлъ домами въ Неаполѣ. Постоянныя словенія его почти со всѣми выдающимися членами высшего общества дѣлали для него почти необходимымъ собственное мѣстопробиваніе (*maritima villam*), хотя бы скромное, въ модномъ приморскомъ курортѣ, гдѣ всѣ они проводили часть года.

²⁾ Цицеронъ (*Ad Att.* IX, 9, 4), какъ будто хочетъ сказать, что Аттикъ не любитъ приобретать безплодныя земли только для размеченія. Но онъ тутъ же предлагаетъ ему купить какое-то имѣніе опять же недалеко отъ Антія („*Mihi quidem erat artissimum vel nobis potius, si tu emeris...*“). Стало быть, въ этомъ мѣстѣ кромѣ прекрасной виллы, принадлежавшей Цицерону, должны были находиться обработанныя угодья.

нымъ ¹⁾ населеніемъ ²⁾, то на прилегавшихъ къ нему со всѣхъ сторонъ земляхъ должно было установиться усиленное добываніе продуктовъ, на которые предъявлялся особенно высокій спросъ городскихъ потребителей, и которые не могли вмѣстѣ съ тѣмъ переносить далекой и долгой перевозки. Къ числу такихъ специфическихъ отраслей подгороднаго сельскаго хозяйства всегда принадлежатъ цвѣты и овощи, ягоды и фрукты, домашняя птица и всякаго рода живность. Все это должно было и здѣсь удовлетворять какъ нуждамъ пищевого продовольствія огромной скученной въ столицѣ массы простого люда, такъ и требованіямъ роскоши стола и украшенія одежды и жилища пребывавшей въ ней знати. Все это должно было также служить празднествамъ и развлеченіямъ, связаннымъ съ бытомъ перваго культурнаго и правительственнаго центра. Въ силу отмѣченнаго здѣсь, почти неизбежнаго экономическаго теченія на такой, какъ бы притянутой городомъ „земледѣльческой зонѣ“ съ необходимостью должно было утвердиться преобладаніе высоко интенсивной культуры садово-огороднаго характера. Такая система удобнѣе всего могла примѣняться на участкахъ мелкаго типа и осуществляться подъ зоркимъ наблюденіемъ заинтересованнаго глаза хозяина или

¹⁾ Мнѣнія изслѣдователей, какъ извѣстно, очень расходятся при опредѣленіи количества населенія города Рима въ моментъ наивысшаго расцвѣта благосостоянія столицы. Устанавливаемыя ими цифры колеблются между 500.000 (*Dureau de la Malle*) или 800.000 (*Beloch*) и 2 милліонами (*Pöhlmann*), если не говорить о приводимыхъ старыми писателями фантастическихъ цифрахъ, неоснованныхъ на строго методическихъ расчетахъ и поднимающихъ число жителей Рима до невѣроятной высоты 8 милліоновъ душъ и даже больше. Здѣсь не мѣсто разбирать основанія, на которыхъ построены эти различныя вычисленія; но можно принять за весьма вѣроятное, что къ началу имперіи населеніе Вѣчнаго города уже превышало одинъ милліонъ. См. спеціальній экскурсъ объ этомъ вопросѣ у *L. Friedländer, Sittengeschichte I, 58—70* (съ указаніемъ литературы). Въ цитированныхъ уже нѣсколько разъ статьяхъ Зеека и Белоха въ „*Jahrbücher für Nationalökonomie*“ за 1897, спорный вопросъ снова поднимается, но не приводится къ новымъ результатамъ ни тѣмъ, ни другимъ изъ поименованныхъ ученыхъ.

²⁾ При чемъ надо еще отмѣтить, что въ ихъ числѣ весьма значительный, сравнительно съ другими большими населенными пунктами государства, процентъ составляли наиболѣе богатые и наиболѣе широко живущіе элементы общества, то-есть, высшіе и крупнѣйшіе представители правящихъ классовъ, потребление которыхъ особенно велико.

сьемщика, не жалѣющихъ силъ, но заботящихся о производительности ихъ расходованія. При господствѣ такого порядка обработки большое количество и упорное напряженіе прилагаемаго къ дѣлу труда и вообще дороговизна производства могли вознаграждаться съ лихвою удобствами доставки и легкостью сбыта: близость превосходнаго рынка обезпечивала постоянно огромный спросъ, не терпѣвшій отлагательства и потому державшій цѣны всегда на высокомъ уровнѣ.

Многочисленныя данныя, почерпаемыя изъ источниковъ различныхъ категорій, подтверждаютъ фактъ развитія описанной только что системы эксплуатаціи земли на пространствѣ обширнаго пояса, окружавшаго Римъ, большимъ радіусомъ (т.-е., захватывавшаго весь Лаціумъ), съ того момента, когда онъ приобрѣлъ значеніе міровой столицы ¹⁾. Знаменитый нѣмецкій экономистъ, Родбертусъ ²⁾, пользуется этимъ фактомъ, какъ одною изъ главныхъ исходныхъ точекъ для истолкованія римскаго аграрнаго строя въ духѣ извѣстной теоріи другого замѣчательнаго ученаго—Тюнена. Послѣдняя покоится на утвержденіи всеобъемлющаго вліянія столицы въ процессѣ сложенія землевладѣнія и сельскаго хозяйства не только въ ближайшихъ ея окрестностяхъ, но и во всемъ государствѣ, котораго она является политическою главою ³⁾. Въ римскомъ мірѣ конца республики и особенно начала имперіи Родбертусъ находитъ историческій примѣръ тюненовскаго идеальнаго „изолированнаго государ-

¹⁾ Довольно богатый матеріалъ свидѣтельствъ такого рода, извлеченныхъ изъ древнихъ авторовъ, заключается въ работѣ *H. Wissemann*, „Die antike Landwirtschaft“ (Leipzig, 1857); но его необходимо провѣрять и дополнять, какъ пересмотромъ приводимыхъ ссылокъ, далеко не исчерпывающихъ всѣхъ показаній писателей объ этомъ предметѣ, такъ и привлеченіемъ данныхъ изъ нестронутыхъ имъ эпиграфическихъ памятниковъ.

²⁾ Онъ много занимался экономическою исторіею древнаго міра. См. статью *K. Rodbertus-Jagetzow*, „Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des classischen Alterthums“, печатавшаяся въ журналѣ *Hildebrand's* „Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik“ въ 1864 и 65 гг. Слѣдуетъ выразить большое сожалѣніе, что эти любопытные этюды не были напечатаны издателемъ сочиненій Родбертуса отдѣльною книгою.

³⁾ Теорія эта систематически разработана въ очень интересномъ и важномъ сочиненіи—*J. G. von Thünen*, „Der isolirte Staat in seinen Beziehungen auf

ства". Примѣняя идею Тюнена прежде всего къ окрестностямъ Рима, а затѣмъ ко всей Италіи и даже къ провинціямъ, онъ дѣлаетъ смѣлую и остроумную попытку объяснить ея все распредѣленіе на поверхности имперіи формъ земельной собственности, а также эволюцію экономическаго быта и правового положенія сельскихъ классовъ ¹⁾. Многие экономисты, а тѣмъ болѣе историки обвиняютъ построеніе Тюнена въ отвлеченной искусственности и предвзятомъ догматизмѣ, а также въ одностороннемъ игнорированіи того взаимодѣйствія многообразныхъ экономическихъ и иныхъ факторовъ, сложнымъ результатомъ котораго является земельный строй. Въ этомъ смыслѣ необходимо внимательно разобрать весь утилизированный Родбертусомъ матеріалъ, сравнить съ нимъ тотъ, который оставленъ имъ въ сторонѣ, и подвергнуть самой тщательной критикѣ выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ тюненовской теоріи для освѣщенія ея аграрнаго прошлаго Рима. Но поскольку дѣло идетъ о характерѣ земельныхъ отношеній и сельскохозяйственнаго производства на ближайшемъ къ Риму концентрическомъ кругѣ территоріи, которая именно и интересна въ настоящей связи данной работы, мнѣніе Родбертуса,—только что указанное,—можно признать въ общемъ правильнымъ.

Логически убѣдительная и заманчивая по своей стройности социально-экономическая теорія Тюнена-Родбертуса увлекаетъ многихъ. Такъ авторъ одного интереснаго этюда по земельной исторіи римской Кампаньи въ древнія и новыя времена, тоже извѣстный современный экономистъ, Зомбартъ, живописно рисуетъ оригинальную картину культур-

Landwirthschaft und Nationaloekonomie" (3 изданіе вышло въ Берлинѣ въ 1876 г. въ 2-хъ томахъ). На русскомъ языкѣ существуетъ сокращенное изложеніе этого сочиненія М. Волкова подъ заглавіемъ: Фонъ Тюненъ, „Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи“ (Карльсруэ, 1857).

¹⁾ См. его оригинальное изслѣдованіе „*Zur Geschichte der agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern*“, помѣщенное въ названномъ учебномъ журналѣ за 1864-й годъ. Оно переведено на русскій языкъ подъ редакціею проф. Тарасова подъ заглавіемъ: „*Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности*“ (выпускъ I-II; Ярославль, 1881). Но переводъ, къ сожалѣнію, несмаденъ, неточенъ и небреженъ, такъ что не избавляетъ отъ необходимости обращенія къ подлиннику.

наго состоянія подгородной римской полосы въ періодъ наибольшаго процвѣтанія всемірной столицы, начало котораго приблизительно совпадало съ временемъ, когда жилъ Атикъ ¹⁾. Своеобразное зрѣлище должно было открываться тогда передъ глазами путешественника, подъѣзжавшаго по „царицѣ дорогъ“ (*via Appia*) къ Вѣчному городу. Ближе всего по обѣимъ сторонамъ протягивался двойной рядъ роскошныхъ загородныхъ виллъ и величественныхъ гробницъ, утопавшихъ въ зелени парковъ. Громадная долина, пересѣкавшаяся по различнымъ направленіямъ строгими линіями внушительныхъ акведуковъ, вся была покрыта многочисленными участками земли, превосходно воздѣланными заступомъ подъ овощи. Между ними протягивались длинныя гряды розовыхъ кустовъ и цѣлыя поля фіалокъ, потреблявшихся въ огромныхъ массахъ религіозною и свѣтскою, публичною и частною жизнью Рима. Пестрый коверъ цвѣтовъ и зелени разнообразился обширными полосами виноградниковъ, оливковыхъ плантацій и фруктовыхъ садовъ, а также особо устроенныхъ школъ съ цѣлю разведенія деревьевъ, служившихъ для украшенія. Воздухъ наполнялся громкимъ, многоголосымъ крикомъ всевозможныхъ сортовъ птицъ — голубей, куръ и пѣтуховъ, павлиновъ, фазановъ, журавлей, лебедей, дроздовъ и куропатокъ. Всѣ эти пернатые разводились либо для ежедневнаго потребленія ихъ мяса и яицъ, которыя, приготовляемая тысячею способовъ, удовлетворяли всѣмъ пріхотямъ гастрономическаго вкуса; либо въ видахъ домашняго украшенія, либо, наконецъ, также для жертвоприношеній, связанныхъ съ культомъ боговъ.

Эскизированный такимъ образомъ ландшафтъ можетъ показаться нѣсколько театральнымъ; но множество фактовъ изъ римскихъ авторовъ и даже надписей, какъ было указано, подтверждаютъ реальность и достовѣрность основной черты этого описанія ²⁾. Можетъ быть, слѣдуетъ только раз-

¹⁾ См. *W. Sombart*, „Die Römische Campagna, eine sozialökonomische Studie“ (Leipzig, 1888), p. 12.

²⁾ То же мнѣніе о преобладаніи въ ближайшихъ къ Риму мѣстностяхъ въ изучаемое время, а еще сильнѣе въ позднѣйшее, садово-огороднаго хозяйства и

бавить нѣсколько краски приведенной картины и ограничить выводимое изъ нея заключеніе. Именно надо указать на то, что рядъ „острововъ“ земли въ той же подгородной зонѣ извлекался изъ сферы производительной обработки тщеславіемъ римскихъ богачей и магнатовъ; они отдавали нерѣдко значи-

разведенія домашней птицы высказывается однимъ изъ новѣйшихъ серьезныхъ изслѣдователей римской аграрной исторіи. См. *M. Weber, Römische Agrargeschichte* (Stuttgart, 1891), p. 226: „Das bekannte immer stärkere Hervortreten (въ Италіи вообще) des Wein- und Oelbaues wurde schon erwähnt. Daneben trat auch noch der Anbau (именно преимущественно въ римской Кампаньѣ) von *Hülsenfrüchten, Gartengewächsen*, und die *Baumzucht* in den Vordergrund.“—Ср. еще о *Geflügelzuchtereien (villaticae pastiones)*, Ibid. p. 229. Веберъ даже распространяетъ область господства культуры такого типа далеко за предѣлы римской Кампаньи; а Зомбартъ въ дополненіе указываетъ, что садоводство, огородничество и птицеводство перемежалось въ означенномъ земледѣльческомъ поясѣ на подходящихъ мѣстахъ еще съ луговодствомъ и инкармливаніемъ крупнаго скота въ стойлахъ опять же подъ давленіемъ нуждъ городского потребленія въ видѣ молока и мяса (*Die Römische Campagna*, p. 128—129).—См. еще нѣсколько фактовъ о прибыльности садово-огородной культуры въ полосѣ земли, непосредственно примыкавшей къ Риму, у *L. Friedländer, Sittengeschichte* (6 Aufl.), I, 367—368. Ср. *Mommsen, R. G. III*, 518 (8 Aufl.).—Очень много даютъ для обоснованія устанавливаемого возрѣнія сочиненія римскихъ агрономовъ (*scriptores rei rusticae*), и они до сихъ поръ недостаточно изучались въ этомъ направленіи. Съ большою пользою могутъ быть также примечены къ дѣлу стихотворенія поэтовъ; а нѣкоторые эпиграфическіе тексты доставляютъ иногда даже весьма опредѣленные соціально-историческія свѣдѣнія.—Нарисованная Зомбартомъ картина, можетъ быть, потеряетъ очарваніе то, что въ ней съ перваго взгляда читатель, пожалуй, назоветъ преувеличенно-декоративнымъ, если въ воображеніи его возникнутъ аналогичныя явленія, явныя изъ современности. Пусть оныя вспомнятъ, что наблюдаемъ мы теперь изъ окна вагона, когда проѣзжаемъ по густо населенной и превосходно обработанной полосѣ земли, которая широкою лентою окружаетъ со всѣхъ сторонъ Парижъ.—Ему представится сейчасъ же безконечныя паровныя гряды, на которыхъ произрастаютъ великолѣпныя овощи, прикрытыя блестящими на солнцѣ стеклянными колпаками; представлятся обширные ягодные огороды и превосходные фруктовые сады. Много разводится около Парижа („dans la banlieue de Paris“) и домашней птицы. Если мы не слышимъ рѣзкаго концерта жителей тамошнихъ птичьихъ дворовъ, который, можетъ быть, слишкомъ ярко изображенъ Зомбартомъ, то это происходитъ отъ того, что голоса ихъ заглушаются стукомъ колесъ, свистомъ локомотива и гуломъ фабричныхъ машинъ, т.-е., звуками, неизвѣстными еще въ древнемъ мірѣ. Подобнаго же рода особенности сельскохозяйственнаго производства могутъ быть замѣчены около Петербурга и вообще около современныхъ большихъ столицъ.—А нужно помнить кромѣ того, что специфическія особенности подгороднаго хозяйства ослабляются въ современной Европѣ улучшенными средствами сообщенія и сохраненія продуктовъ. Последнія допускаютъ свободно привозить живые цвѣты съ побережья Средиземнаго моря, напрямѣръ, изъ Ниццы въ Парижъ и даже Петербургъ.

тельные пространства принадлежавшей имъ около Рима собственности подъ виллы, парки, охотничьи рощи и другія увеселительныя угодыя ¹⁾.

Экономія настоящаго этюда была бы нарушена систематическимъ анализомъ и критикою тюненовскаго закона и разработки его Родбертусомъ примѣнительно къ римскому міру ²⁾; но упомянуть о немъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ правдиво подчеркиваетъ несомнѣнно характерныя особенности сельскохозяйственной культуры, установившейся въ силу вещей въ окрестностяхъ Рима, здѣсь было неизбежно. Такъ можно было показать, какую солидную выгоду могъ извлекать благоразумный и расчетливый Аттикъ изъ своихъ владѣній, расположенныхъ въ римской равнинѣ (*ager Romanus*). Коль скоро онъ не тратилъ средствъ на сооруженіе великолѣпныхъ загородныхъ резиденцій (*villae suburbanae sumptuosae*), онъ долженъ былъ эксплуатировать принадлежавшія ему въ данной мѣстности земли такъ, какъ того требовали интересы наибольшаго возможнаго повышенія ихъ доходности ³⁾.

3. Перечисляя *италійскія помѣстья* Аттика, его біографъ опредѣленно говоритъ, что ихъ было только два—*номентанское* и *арретинское* ⁴⁾. О величинѣ и характерѣ ихъ опять ничего неизвѣстно въ точности; но можно думать съ увѣренностью, что, разъ онъ сохранялъ ихъ въ рукахъ, какъ постоянную собственность, они должны были доставлять ему крупный доходъ.

¹⁾ См. *Heisterbergk*, Die Entstehung des Colonats (Leipzig, 1876), p. 89.

²⁾ Вопросъ этотъ будетъ рассмотрѣнъ авторомъ въ связи съ общою характеристикой основныхъ особенностей аграрнаго строя и земельныхъ отношеній римской имперіи въ I-мъ вѣкѣ по Р. Хр. въ специальномъ этюдѣ, который войдетъ во второй томъ даннаго сочиненія.

³⁾ Выше было обнаружено, что такія земли должны были существовать въ собственности Аттика. Его біографъ, можетъ быть, потому не упоминаетъ о загородныхъ помѣстьяхъ своего героя въ числѣ другихъ его *praedia rustica*, что они не были въ настоящемъ смыслѣ крупными, обработанными имѣніями, которыя было бы достойно назвать въ числѣ главныхъ элементовъ недвижимаго состоянія такого солиднаго хозяина, какъ Аттикъ.

⁴⁾ *Corn. Nep. Att.* 14, 3: „... neque (ullum habuit) in Italia praeter Arretinum et Nomentanum, rusticum praedium...“

Такое предположеніе вполне вѣдается прежде всего съ тѣмъ, что мы знаемъ о мѣстности, расположенной около Номенты, которая славилась замѣчательнымъ плодородіемъ почвы и была особенно удобна для разведенія винограда ¹⁾). Легко представить себѣ, что такой искусный хозяинъ, какъ Атикъ, обладавшій постоянно большими капиталами, долженъ былъ воспользоваться подходящимъ случаемъ, купить на „*territorium Nomentanum*“ большую хорошую землю и превосходно устроить ее, какъ виноградное имѣніе. Въ такомъ случаѣ нетрудно понять, какимъ важнымъ элементомъ земельного богатства Тита Помпонія должны были являться его номентанскіе виноградники, если они въ самомъ дѣлѣ были значительны. Въ предшествующемъ этюдѣ о „*римскомъ землеустройствѣ во времена Августа по сочиненіямъ Горация*“ былъ приведенъ примѣръ хорошо обработаннаго помѣстья съ культурою винограда въ номентанскомъ краю: не будучи очень велико, оно доставляло 400.000 сестерціевъ дохода при самомъ невыгодномъ способѣ реализации результатовъ годовичнаго хозяйства, т.-е., при продажѣ на корню еще неготоваго урожая ²⁾). Изъ анализа текста Плинія Старшаго, въ которомъ сообщается объ этомъ имѣніи ³⁾, выясняется, что стоимость одного югера составлявшей его земли равнялась приблизительно 7.000 сестерціевъ, т.-е., около 1.400 франковъ ⁴⁾).— Тутъ же авторъ описываетъ виноградное имѣніе въ той же мѣстности, принадлежавшее философу Сенекѣ: оно, какъ кажется, было огромно ⁵⁾). Кто знаетъ, можетъ быть, *praedium Nomen-*

¹⁾ Объ этомъ говоритъ Колумелла. См. *De re rust.* III, 3, 3: „*Hic certe temporibus Nomentana regio celeberrima fama est illustris*“.—Речь тутъ идетъ о чрезвычайной прибыльности разведенія винограда („...*uberrimum esse redditum vinearum*...“).

²⁾ См. стр. 229—230 настоящей книги. Тамъ идетъ речь объ имѣніи извѣстнаго грамматика и спекулянта, Реммія Палемона.

³⁾ См. *Hist. nat.* XIV, 50—51.

⁴⁾ Въ немъ было около 360 югеровъ, и цѣна его доходила до 2.400.000 сестерціевъ, какъ можно приблизительно вычислить изъ сопоставленія данныхъ въ только что указанномъ отрывкѣ римскаго натуралиста.

⁵⁾ Колумелла, рассказывая о необыкновенномъ плодородіи номентанскаго края и объ обильныхъ урожаяхъ, приносимыхъ тамъ виноградомъ, ссылается, какъ на особенно яркій примѣръ, именно на земли Сенекы, который владелъ тамъ цѣлою областью. См. *De re rust.* III, 3, 3: „*Nomentana regio... et praeci-*

латит Аттика являлось однимъ изъ первыхъ образцовъ такихъ „виноградныхъ латифундій“¹⁾. Во всякомъ случаѣ, врядь ли ввелъ бы онъ въ группу основныхъ своихъ владѣній незначительный клочокъ земли: это навѣрно была солидная частновладѣльческая территория²⁾.

Объ *арретинскомъ* помѣстьѣ Аттика извѣстенъ также только самый фактъ его существованія. Страна, въ которой оно было расположено,—возвышенная Тоскана,—была достаточно плодородна, и въ немъ могло успѣшно развиваться какъ полеводство³⁾, такъ и культура маслины и опять же винограда; что касается до сужденія о солидности размѣровъ этого имущества, то нужно помнить, что Этрурія являлась одною изъ классическихъ мѣстностей, гдѣ рано утвердилась крупная собственность. Уже на Тиберія Гракха, мы знаемъ, произвели глубоко-тяжелое впечатлѣнiе этрусскія огромныя владѣнiя римской знати, на которыхъ работали толпы закованныхъ рабовъ⁴⁾.

que quam possidet Seneca... cuius in praediis vinearum iugera singula culleos ostonos reddidisse plerumque comperitum est.—Cfr. *Senec. Nat. Quaest.* III, 7, 1.

¹⁾ Тотъ же Колумелла (*De re rust.* III, 3, 12) называетъ какого-то Юлія Аттика знаменитымъ нонентаскимъ винодѣльцемъ.—Покадимому, человекъ этотъ былъ вольноотпущенникомъ рода Юліевъ. Но нѣднiя Аттика могли перейти въ родъ Юліевъ черезъ дочь его, бывшую замужемъ за Агриппою, который оставилъ свое имущество по завѣщанiю Августу.— Можетъ быть, мы видимъ тутъ раба Тита Помпонiя, котораго онъ обучилъ искусству виноградаря. Потому тотъ достался императору, былъ имъ отпущенъ на волю, принялъ *номес* освободителя и присоединилъ къ нему *согномес* Аттика въ воспоминанiе своего перваго господина.—Въ такомъ случаѣ въ этомъ Юліи Аттикѣ сохраняется интересный слѣдъ широкой эксплуатаціи Титомъ Помпонiемъ виноградниковъ въ нонентаскомъ краю, если бывшій его рабъ, можетъ быть, видѣлъ его нѣднiя, оказался однимъ изъ извѣстѣйшихъ знатоковъ винодѣлія въ данной мѣстности.

²⁾ По всей вѣроятности, эту именно землю Аттика Цицеронъ называетъ „*Ficulense*“ (*Ad Att.* XII, 84, 1). Городъ Фикולה расположенъ былъ недалеко отъ Нонента. См. *Dessau, Corp. Inscr. Lat.* XIV, p. 441, 447. Ср. *Boof, Ad Att.* XII, 84.

³⁾ Есть данныя, свидѣтельствующія о томъ, что около Арретіума, Клузіума и Пизы производилась шеница, очень дѣйшная въ Римѣ. *Plin. Hist. nat.* XVIII, 66; 87. *Colum.* II, 6, 3.—*Martial.* XIII, 8.

⁴⁾ Объ этомъ говорится въ знаменитомъ и всѣмъ извѣстномъ текстѣ Плу-тарха, *Tib. Gracch.* cap. 8. См. о широтѣ хлѣбнаго производства въ Этрурiи у *Wiskemann, Die antike Landwirtschaft*, p. 45—46.

Были ли у Аттика еще другія помѣстья въ Италіи, кромѣ перечисленныхъ Корнелиемъ Непотомъ и рассмотрѣнныхъ выше? — Вполнѣ опредѣленныхъ противоположаній утвержденію этого автора не удается найти въ источникахъ; но могутъ быть сдѣланы догадки, позволяющія думать, что нѣкоторыя изъ составныхъ частей италійской недвижимой собственности Аттика пропущены почему-нибудь его биографомъ. Уже давно указывали на одно письмо Цицерона, въ которомъ будто бы намекается на помѣстье, принадлежавшее ему и расположенное въ *сабинской* странѣ. Оно, повидимому, должно было находиться около той самой „лукреціевой горы“, которая господствовала надъ долиною Дигенціи, прославленной извѣстной виллой Горація. Къ сожалѣнію, текстъ, приводимый въ доказательство такого предположенія, не ясенъ и допускаетъ разночтенія ¹⁾; но если принять то, которое заключаетъ въ себѣ какъ бы ссылку на „mons Lucretilis“, то легко представить себѣ, что Атикъ могъ приобрести въ этой

¹⁾ Рѣчь идетъ о мѣстѣ *Cic. Ad Att. VII, 11, 1*, для котораго нѣкоторыми принимается слѣдующее чтеніе: „Unam mehercule tecum apricationem in illo *Lucretino* tuo sole malim, quam omnia istiusmodi regna“. Въ числѣ другихъ за такой текстъ стоитъ Друманнъ; онъ интерпретируетъ его въ указанномъ смыслѣ (См. *Gesch. Roms, V, 62*: „Dieser (Atticus) hatte ausserdem Güter... bei Nomentum in Latium, und das lucretinische im Sabinischen“). По содержанію такое толкованіе кажется наиболѣе естественнымъ, и „*Lucretinus sol*“ легко обращается тутъ въ „fundus (praedium) T. Pomponii ad montem Lucretilem“. Цицеронъ противопоставляетъ честолюбивые замыслы о захватѣ верховной власти сдержанному наслажденію хорошо обеспеченной жизнью. Онъ мечтаетъ о тихихъ прогулкахъ вмѣстѣ съ Атикомъ подъ гостеприимнымъ солнцемъ, освѣщающимъ его луcretинское помѣстье, въ которомъ, можетъ быть, Атикъ находился, когда Цицеронъ писалъ ему это письмо. — Но дѣло въ томъ, что чтеніе *Lucretino* противорѣчитъ авторитету главной рукописи писемъ Аттика (*codex Medicus*), въ которой читается *lucrativo*, и это чтеніе принимается главными критическими изданіями (напримѣръ, *Baiter, Boet, Tyrell, Wesenberg*). Смыслъ мѣста при этомъ остается однако довольно темнымъ (см. объясненіе, напримѣръ, въ изданіи писемъ Цицерона къ Атику *Boet's, Amstelodami, 1865, I, 311*). Противъ приравненія прилагательнаго *Lucretino* къ названію *mons Lucretilis* возражаютъ еще въ томъ смыслѣ, что первая форма не можетъ быть произведена отъ второй: прилагательное отъ *Lucretilis* было бы *Lucretilinus*. Но зачѣмъ же непремѣнно принимать *Lucretinus* отъ *Lucretilis*? Это прилагательное можетъ быть принято за форму параллельную съ *Lucretilis*. Горацій говоритъ „mons Lucretilis“; въ *Liber Pontificalis* встрѣчаемъ „mons Lucretii“ (éd. *Duchesne, I, 183*); возможно, что эту гору называли также „mons Lucretinus“, отсюда и „sol Lucretinus“ въ переносномъ смыслѣ.

довольно спокойной, глухой и уединенной мѣстности обширную территорию, которую онъ скупилъ по частямъ за безцѣнокъ, незамѣтно и осторожно пользуясь разореніемъ многихъ мелкихъ или разстройствомъ дѣлъ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ собственниковъ. А затѣмъ, поручивъ новое владѣніе какому-нибудь опытному сельскому хозяину изъ своихъ лучшихъ рабовъ, новый владѣлецъ мало-по-малу высоко поднялъ производительность земли разумною интенсивною культурою¹⁾.

Какъ бы то ни было, но только что высказанное предположеніе о существованіи сабинскаго помѣстья Аттика остается гадательнымъ, и настаивать на немъ не приходится. Гораздо серьезнѣе можетъ быть обставлена другая догадка о томъ, что Атикъ долженъ былъ обладать солидною собственностью на югѣ Италіи, именно въ *Апуліи*. Въ одномъ письмѣ къ Атику, относящемся къ 700-му году отъ осн. Рима, Цицеронъ говоритъ, что ему незачѣмъ надолго останавливаться „въ Апуліи“, такъ какъ тамъ нѣтъ его семьи²⁾. Тутъ названа страна, а не городъ, и это заставляетъ думать, что Атикъ находился „въ деревнѣ“; то обстоятельство, что тамъ могли пребывать его „женщины“, то-есть, жена и дочь съ ихъ рабынями, обнаруживаетъ, что въ указанной области должна была быть расположена принадлежавшая ему вилла, которая могла являться центромъ болѣе или менѣе обширныхъ владѣній. Высказанное предположеніе могло бы показаться празднымъ, еслибы оно основывалось только на одномъ и притомъ совсѣмъ неопредѣленномъ текстѣ. Но у другого современника Аттика и личнаго его знакомаго, Варрона, находимъ свидѣтельство, которое подтверждаетъ фактъ существованія владѣній его въ Апуліи. Какъ извѣстно, Варронъ ввелъ Аттика въ число говорящихъ лицъ своихъ агрономическихъ діалоговъ; въ одномъ мѣстѣ послѣдній заявляетъ, что онъ держитъ именно въ на-

¹⁾ Если такъ было въ дѣйствительности, то очень можетъ быть, что Атикъ являлся въ сабинской странѣ однимъ изъ такихъ же крупныхъ землевладѣльцевъ, каковы были, напримѣръ, Меценатъ, изъ обширной латифундіи котораго помѣстье Горация было, вѣроятно, выдѣлено, или еще богачъ Орбій, о которомъ упоминаетъ этотъ поэтъ (См. *Hor. Epist.* II, 2, 160).

²⁾ *Cic. Ad Att.* IV, 19 (17), 1: „Credo enim te putasse, tuas mulieres in *Apulia* esse; quod cum secus erit, quid te *Apulia* moretur?“

званной здѣсь странѣ многочисленныя стада овецъ, которыя на лѣто переводить далеко къ сѣверу на реатинскія пастбища ¹⁾).

Тотъ же авторъ указываетъ здѣсь, какъ видно, и на характеръ эксплуатаціи южно-италійскихъ земель Аттика: на нихъ практиковалось крупное скотоводство ²⁾. Затѣмъ еще въ томъ же текстѣ Варрона отмѣчается оригинальная особенность системы, установившейся въ римской „*res pecuaria*“; тутъ указывается обычаемъ переводить стада изъ одной мѣстности въ другую, смотря по времени года, въ видахъ постоянного обезпеченія скота достаточнымъ количествомъ корма хорошаго качества и въ видахъ пользованія наилучшими природными условіями для предохраненія стадъ отъ эпизоотій ³⁾. Въ этомъ смыслѣ открытыя пространства Апуліи или Калабріи, благодаря жаркому климату обѣихъ областей, наиболѣе подходили для устройства въ нихъ зимнихъ пастбищъ; а прохладныя, высокія долины горнаго Самніума являлись прекрасными лѣтними выгонами, оберегавшими стада въ знойную пору отъ губельнаго вліянія палящихъ лучей южно-италійскаго солнца. Такому порядку подчинился и Аттікъ. Правда, нужно прибавить, что въ сельскохозяйственномъ діалогѣ, въ который его вводитъ Варронъ, Аттікъ не говоритъ прямо, что стада, о которыхъ онъ упоминаетъ, разводились и выкармливались имъ на его личныхъ помѣстьяхъ; но подобный выводъ возникаетъ самъ собою. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такой крупный сельскохозяйственный

¹⁾ *Varr. De re rust. II, 2, 9:* „...Nam mihi greges (ovium) in Apulia hibernabant, qui in Reatinis montibus aestivabant“.

²⁾ Указаніе это хорошо вяжется съ тѣмъ, что извѣстно о сельскохозяйственныхъ вкусахъ и пріемахъ Аттика: Варронъ именно называетъ его знаткомъ по вопросамъ разведенія скота (см. *R. r. II, 2, 1*); и скотоводство было главною отраслью хозяйства, примѣнявшагося на земляхъ Аттика въ провинціяхъ. Въ Италіи также, какъ извѣстно, Катонъ восхвалялъ выгоды пастбищной культуры. См. *Colum. R. r. VI, pr. 4*.

³⁾ *Varr. Ibid.* „Longe enim et late in diversis locis pasci (oves) solent, ut multa milia absint saepe hibernae pastiones ab aestivis...“—О значеніи Апуліи и соседнихъ областей въ пастбищномъ хозяйствѣ изучаемаго здѣсь времени, см. выше, стр. 135, 141, 149 и др. О подобныхъ перекочевкахъ большихъ стадъ на лѣто въ мѣстности, болѣе сѣверныя или болѣе возвышенныя и потому менѣе жаркія, часто упоминаютъ различныя писатели, между прочими, поэты. См. *M. Voigt, Abhandl. d. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph. hist. Cl. X Bd. (1866), p. 253—256.*

предприниматель, какъ онъ, долженъ былъ обладать собственными землями, достаточно значительными и удобными для устройства скотоводства въ широкихъ размѣрахъ: иначе самое дѣло было бы лишено прочнаго экономического основанія, необходимаго для его успѣха. Поэтому можно болѣе, чѣмъ съ вѣроятностью предположить, что въ рукахъ Аттика находилась обширная латифундія пастбищнаго типа въ Апуліи; ее необходимо присоединить къ реестру земельныхъ владѣній его, составленному на основаніи показаній Корнелія Непота, какъ очень важную и внушительную, почти навѣрно, пропущенную Непотомъ статью его доходныхъ имуществъ.

Однако весьма возможно, что своихъ пастбищъ не хватало Аттику, конечно, стремившемуся постоянно расширять овцеводство въ Апуліи. Въ такомъ случаѣ ему приходилось обращаться, какъ къ необходимому подспорью для удовлетворенія потребностей его умножавшихся стадъ, къ пользованію остававшимися тамъ въ собственности римскаго народа государственными выгонами—*pascula publica*. Такихъ общественныхъ угодій (*agri publici pasculi*), невоздѣланныхъ, то-есть, не отдававшихся подъ земледѣльческую культуру, а представлявшихъ видъ равнинныхъ или горныхъ, степныхъ или лѣсныхъ пустошей¹⁾, существовало много, почти повсемѣстно въ Италиі²⁾ и въ частности въ Апуліи³⁾. Эксплуатація ихъ обыкновенно отдавалась правительствомъ на откупъ съ торговъ компаниямъ публикановъ, которые пускали на нихъ овецъ, быковъ и лошадей частныхъ лицъ съ обязательствомъ уплаты установленной подати за попасъ (*scriptura*) пропорціонально числу

¹⁾ О нихъ см. ст. *G. Humbert y Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquités, I, 186; также *Pauly*, Realencyclor. V, 1215.

²⁾ Нѣсколько примѣровъ народныхъ владѣній такого типа приводитъ Марквардтъ (*Röm. Staatsverw.* II, 201). Количество подобнаго рода пространствъ *agri publici* и ихъ размѣры даже въ послѣдніе годы республики были, какъ обнаруживается при ближайшемъ сооставленіи всѣхъ имѣющихся данныхъ, несравненно значительнѣе, чѣмъ дѣло обыкновенно представляется въ ученой литературѣ (см. напр. изъ новѣйшихъ мнѣній *M. Weber*, *Röm. Agrargesch.* p. 133—134).

³⁾ См. указаніе на нихъ у *Liv.* XXXIX, 29: „...in Apulia... pascula publica...“ Cfr. *Varr. R. r.* II, 1, 16.

пригнанныхъ головъ скота ¹⁾). Всѣ выгоды отъ пользованія государственными пастбищами Италіи выпадали въ большинствѣ случаевъ на долю крупныхъ скотовладѣльцевъ, которые, обладая большими свободными капиталами, могли входить съ публиканами-съемщиками въ сдѣлки, особенно прибыльныя для послѣднихъ; они захватывали своими громадными стадами всѣ сколько-нибудь удобныя *pascua publica*, не оставляя на нихъ почти мѣста для скота малоземельныхъ бѣдняковъ, особенно нуждавшихся въ наемныхъ пастбищахъ вслѣдствіе отсутствія или недостаточной протяженности собственныхъ ²⁾). Несомнѣнно, и Аттикъ не могъ упустить такого хорошаго способа увеличенія своихъ производительныхъ предпріятій, связанныхъ съ землею. Онъ занималъ государственные выгоны въ Апуліи, вѣроятно, для многихъ тысячъ головъ скота, которымъ не хватало пропитанія на принадлежавшихъ ему самому пастбищахъ. Ему также, навѣрно, необходимо было прибѣгать къ самнитскимъ *pascua publica* для удовлетворительнаго помѣщенія своихъ, быть можетъ, очень дорогихъ тонкорунныхъ овецъ въ лѣтнее время, когда солнце сжигало траву на знойныхъ равнинахъ южной Италіи ³⁾).

¹⁾ Обь организаціи производительнаго употребленія тахъ называемыхъ *pascua publica* (иначе *ager scripturarius*) вкратцѣ говорено выше. См. стр. 115 и сл.

²⁾ Это видно изъ специальныхъ статей различныхъ проектовъ аграрныхъ законовъ, ограничивающихъ право пользованія *pascua publica* извѣстнымъ количествомъ головъ скота для каждаго отдѣльнаго стадовладѣльца. Такое постановленіе, оберегающее интересы бѣдныхъ хозяевъ, встрѣчается уже въ законѣ Лицинія (*Liv. X, 47; Ovid. Fast. V, 283—290*). См. *G. Humbert y Daremberg et Saglio, Diction. I, 160*. О подобной же попыткѣ, относящейся къ самому концу II-го вѣка до Р. Хр., упоминаетъ Цицеронъ (*Deorat. II, 70, 284*). Незачѣмъ прибавлять, что подобныя узаконенія и распоряженія мало соблюдались.

³⁾ Предположеніе, что Аттикъ долженъ былъ пользоваться для своихъ стадъ „общественными пастбищами“, подтверждается отчасти тѣмъ же текстомъ Варрона (*De re rust. II, 2, 9*). Упомянувъ о двухъ областяхъ, которыя были избраны имъ для провормленія его стадъ, Аттикъ у Варрона прибавляетъ, что выгоны, расположенные въ этихъ странахъ, отстоящихъ довольно далеко одна отъ другой, соединены вмѣстѣ государственною скотопрогонною дорогою: „inter haec bina loca, ut iugum continet sirpiculos, sic calles publicae distantes pastiones“. Очевидно, что эти „*calles publicae*“ были устроены правительствомъ для того, чтобы служить путями сообщенія между двумя мѣстностями, которыя были богаты именно обширными „*pastiones publicae*“. Аттикъ, должно быть, совсѣмъ

Можно думать, что Атикъ находилъ и другіе способы эксплуатаціи въ свою пользу государственныхъ владѣній. Последнія издавна являлись для лицъ, стремившихся къ земельному обогащенію, то-есть, для членовъ правящаго класса римской республики, первостепеннымъ источникомъ расширенія ихъ территоріальнаго могущества. Наиболѣе вѣрныхъ и выгодныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе безопасныхъ путей приобрѣтенія власти надъ *ager publicus*, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ, не могъ, конечно, избѣгать и Атикъ, видѣвшій въ созданіи крупнаго недвижимаго состоянія самое надежное средство обезпеченія личнаго благополучія. Дѣйствительно, въ письмахъ къ нему Цицерона встрѣчается одно мѣсто, гдѣ Атикъ прямо называется „поссессоромъ“ общественныхъ земель.—Теренція очень признательна тебѣ, пишетъ другу знаменитый ораторъ, за вниманіе и настойчивость, съ которыми ты занимаешься ея процессомъ противъ Мульвія. Она не знаетъ, что ты защищаешь въ этомъ дѣлѣ

не вѣдшія земель на реатинской территоріи (по крайней мѣрѣ, источники для его біографіи умалчиваютъ о нихъ), отправлялъ свои стада лѣтомъ на расположенны тамъ *pasua publica*. Есть данныя, обнаруживающія, что такковыя дѣйствительно существовали такъ же въ реатинскомъ краю, какъ и въ Апуліи. См., напримѣръ, очень ясный текстъ у того же Варрона, относящійся прежде всего къ Самніуму вообще (*De re rust.* II, 1, 16): „...greges ovium longe abiguntur ex Apulia in Samnium aestivatum atque ad *publicanum* profitentur, ne, si inscriptum pecus raverint, lege censoria committant“. Последнія слова тутъ указываютъ на форму эксплуатаціи этихъ „*pasua*“, и участіе „публикановъ“ съ достовѣрностью открываетъ, что они были „государственныя“.—Ср. тамъ же уже цитированныя выше слова, въ которыхъ упоминается прямо названная здѣсь мѣстность: „Muli e *Rosea* campestri aestate exiguntur in Burbures altos montes“. Подъ именемъ *Rosea* разумѣлась долина, гдѣ лежалъ городъ *Reate* (или *Rieti*). Какъ видно, названія настища, расположенныя около этого города, не годились для лѣта, и надо было даже тамъ въ жаркую пору угонять скотъ на высоты: „Burbures alti montes“, можетъ быть, принадлежали къ „montes Reatini“.—Еще болѣе ясныя упоминанія о реатинскихъ *agri publici* (въ-роглато, *pasua*) находимъ у *аврмензороса*. См. *Sic. Flacc.* (ed. Lachm.) p. 137, 1: „...alii (*agri*) ita remanserunt, ut tamen *populi Romani* essent; ut est in Piceno et in regione *Reatina*, in quibus regionibus *montes Romani* appellantur“. Ср. *Hugon.* (Ibid.), p. 114, 6. Стало быть, почти не можетъ быть сомнѣнія, что такой крупный хозяйникъ-скотоводъ, какимъ былъ Атикъ, являлся однимъ изъ главныхъ пользователейъ италійскими *pasua publica*: публиканы получали отъ него солидную сумму въ качествѣ скринтуръ; но онъ извлекалъ во много разъ превышающій ее доходъ отъ содержимыхъ такимъ образомъ громаднѣхъ стадъ.

общій интересъ тѣхъ, которые владѣютъ государственными землями. Но ты однако что-то уплачиваешь публиканамъ, она же рѣшительно отказывается что бы то ни было имъ давать“¹⁾).

Изъ текста прямо не видно, о какихъ именно „*agri publici*“ тутъ говорится, то-есть, какова была ихъ юридическая природа, и гдѣ они были расположены. Между тѣмъ опредѣленіе этого прежде всего необходимо, чтобы можно было воспользоваться приведенными словами, какъ историческимъ свидѣтельствомъ объ отношеніи Атика къ государственнымъ землямъ. Различные комментаторы Цицерона считаютъ наиболѣе естественнымъ предположить, что рѣчь идетъ здѣсь объ италійскомъ „*ager publicus*“, и имѣется въ виду та его категория, которая носила названіе „*ager occupatorius*“²⁾. Этимъ именемъ, какъ извѣстно, издавна обозначались у римлянъ тѣ пространства государственныхъ земель, завоеванныхъ у враговъ, которыя, какъ еще невоздѣланныя и дикія, не могли сразу ни ассигноваться подѣ колоніи, ни продаваться, ни сдаваться въ правильную аренду; но такъ какъ эти земли по качеству своему вообще были удобны для обработки въ будущемъ, то государство не оставляло ихъ запущенными подѣ пастбище, а допускало свободное занятіе ихъ (*occupatio*) гражданами въ той мѣрѣ, въ какой каждый былъ въ силахъ культивировать собственными средствами³⁾. Новые

¹⁾ *Cic. Ad Att. II, 15, 4*: „*Terentiae pergrata est assiduitas tua et diligentia in controversia Mulviana. Nescit omnino te communem causam defendere eorum, qui agros publicos possideant. Sed tamen tu aliquid publicanis pendis, haec etiam id recusat*“.

²⁾ Попытка привести означенный текстъ въ связь съ оккупациями италійскаго *ager publicus* была сдѣлана впервые Мануціемъ, и съ тѣхъ поръ эта интерпретація удерживается modo tralaticio безъ пересмотра основаній такого объясненія многими позднѣйшими толкователями текста писемъ Цицерона до *Boof'a* (Amstelodami, 1865) и *Tyrell'a* (Dublin, 1879) включительно.

³⁾ *Appian. Bell. Civ. I, 7*: „*Ῥωμαῖοι... τῆς δὲ γῆς τῆς δορικτῆτος σφίαν ἐλάττωτε γιγνομένης... τὴν δ'ἀργὸν ἐκ τοῦ πολέμου τότε οὖσαν... ἐκκατήρυστον ἐν τοσούτοις ἐθέλουσιν ἐκποιεῖν...*“.— *Fest. Epit.* (ed. Müller), p. 181: „*Occupaticius ager dicitur qui desitus a cultoribus frequentari propriis, ab aliis est occupari coeptus*“.— *Karlowa* (Röm. Rechtsgesch. I, 95) поясняетъ, что *ager occupaticius* = *ager occupatorius*. Терминъ этотъ примѣнялся сначала въ общемъ смыслѣ по отношенію ко всякой землѣ, отнятой у непріятеля. См. *Hugim. Grom. vet.* (ed. Iachm.) p. 115, 4: „*Occupatorius ager dicitur eo quod occupatus est a victore*

владѣльцы не получали права собственности (*dominium*) на занятую такимъ образомъ государственную территорію; они не заключали даже съ государствомъ опредѣленнаго контракта, а являлись какъ бы „прекаристами“ римскаго народа, то-есть, пользовались его имуществомъ только по его милости или съ его соизволенія до тѣхъ поръ, пока этотъ верховный господинъ не найдетъ нужнымъ отобрать „оккупированныя“ земли назадъ ¹⁾. Фактически такая форма владѣнія походила на собственность и ограждалась легальною защитою противъ посягательства третьихъ лицъ ²⁾. Такъ какъ подобнаго рода занятіе государственной земли не было ограничено никакимъ срокомъ, то участки ея могли передаваться по наслѣдству и отчуждаться продажею или даромъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе никакая давность „юридически“ не могла оградить оккупированныя пространства *agri publici* отъ „непрекращающагося“ права народа ⁴⁾. Въ видахъ сохраненія явнаго признака народнаго права, на владѣльцевъ *agri occu-*

populo, territis exinde fugatisque hostibus“; потомъ онъ сталъ относиться спеціально къ той, которую занимали частныя лица съ разрѣшенія государства. См. *Sic. Flacc.* (ed. Lachm.) p. 137, 19: „Singuli deinde terram, nec tantum occupaverunt, quod colere potuissent, sed quantum in spem colendi reservavere“. Ср. *Hygin.* p. 115, 6. — *Rudorff*, *Feldmesser*, II, 252; 311. Ср. *M. Weber*, *Röm. Agrargesch.* p. 126—128.

¹⁾ Сопоставленіе оккупационнаго пользованія *ager publicus* съ *прекупившимъ* владѣніемъ встрѣчается уже у Моммзена въ „Римской Исторіи“ (См. 8 Aufl. I, 266—268; 189). Но параллель особенно рѣзко и полно проведена у *Fustel de Coulanges*, *Les origines du système féodal* (см. гл. 4: Le précaire romain). О „прекариі“ въ области права владѣнія см. *Dig.* XLIII, 26; *Cod. Iust.* VIII, 9.

²⁾ *Ael. Gall.* (ap. *Fest.* ed. Müll.) p. 293. См. ст. *G. Humbert* у *Daremberg et Saglio*, *Dict. des antiquités*, I, 136. — *Lange*, *Röm. Alterthümer*, I, 141. Это такъ называемое *interdictum uti possidetis*. См. *Dernburg*, *Pandekten* (3 Aufl. 1892), I, 427 (у него указаны тексты).

³⁾ *Cic.* *De off.* II, 22, 79; 23, 83. *De leg. agr.* II, 21, 57. — *Appian.* *Bell. Civ.* I, 10; — *Flor.* III, 13.

⁴⁾ *Frontin.* *Grom. vet.* (ed. Lachm.) p. 50. — *Aggen. Urb.* *Ibid.* p. 82: „Iuris periti... negant, illud solum, quod solum populi Romani coepit esse, ullo modo nisi capri a quoquam mortalium posse. Et est verissimum“. — Ср. еще очень важное мѣсто у Цицерона, *De leg. agr.* III, 3. — *Walter*, *Gesch. d. Röm. Rechts*, I, 64. Указываются случаи отобранія земель государствомъ у оккупаторовъ даже безъ предупрежденія ихъ объ этомъ заранее. См., напримѣръ, *Liv.* XXVIII 46; XLII, 19; *Cic.* *De leg. agr.* II, 15.

patorii наложенъ былъ особый сборъ въ пользу общественной казны ¹⁾).

На официальномъ языкѣ оккупационное землевладѣніе называлось *possessio* ²⁾), и этотъ терминъ, повторяющійся въ разбираемомъ текстѣ Цицерона, явился, нужно думать, въ глазахъ комментаторовъ основаніемъ для предположенія, что авторъ говоритъ здѣсь именно объ италійскихъ оккупацияхъ *agri publici*. Для социальнаго историка, изучающаго біографію Аттика, какъ конкретную иллюстрацію одного изъ теченій великаго экономическаго процесса, создавшаго въ римскомъ мірѣ торжество латифундіальнаго строя, такое толкованіе въ высшей степени заманчиво. Если можно дѣйствительно считать Аттика прикосновеннымъ къ оккупациямъ государственныхъ земель, то это обстоятельство вскрываетъ существенную подробность въ исторіи его земельного состоянія; оно сосредоточиваетъ вниманіе изслѣдователя на любопытной сторонѣ его хозяйственной дѣятельности. Въ свѣтѣ этого новаго факта, если его можно признать достовѣрнымъ, социальная фигура Аттика, какъ представителя крупнаго аграрнаго капитализма, предстанетъ еще болѣе видною и типичною.

Для оккупации свободно предоставляемыхъ частной предпріимчивости обширныхъ полосъ невоздѣланнаго *agri publici*

¹⁾ Это была десятина съ хлѣбной жатвы и пятая часть сбора съ плодовыхъ деревьевъ. См. *Appian. Bell. Civ. I, 7*: „...ἐπὶ τῆσι τῶν ἐτησίων καρπῶν δεκάτη μὲν τῶν σπειρομένων, πέμπτη δὲ τῶν φτερομένων“.—Карлова, впрочемъ, полагаетъ, что этотъ *vectigal* былъ лишь фактомъ позднѣйшаго происхожденія, а первоначально съ оккупантовъ не взималось ничего (см. *Röm. Rechtsgeschichte*, I, 90). Ср. *M. Weber, Röm. Agrargesch.* p. 120.

²⁾ См. текстъ Феста (Epit. ed. Müller, p. 241): „Possessiones appellantur *agri... publici*... qui non mancipatione, sed *usu tenebantur*, et ut quisque occupaverat, possidebat“. *Ibid.* p. 233: „Possessio est, ut definit Gallus Aelius, *usus quidam agri... non ipse fundus aut ager*“. *Dig.* L. 16, 115: „Possessio ab agro (=собственная земля, *ager privatus*) iuris proprietate distat... Possessio ergo *usus ager proprietatis loci est*“. Cfr. *Liv.* II, 61: „...*possessores publici agri*“. Другіе тексты и систематическое разсмотрѣніе вопроса см. у *Marquardt, Röm. Staatsverwaltung*, 2 Aufl. I, 99 ff. Ср. *Schwegler, Röm. Gesch.* II, 422 ff. У Тита Ливія еще встрѣчаемъ выраженія—„*possesso per iniuriam agro publico*“ (IV, 51), „*iniusti possessores*“ (VI, 39) примѣнительно къ оккупациямъ именно въ качествѣ указанія на отсутствіе строго правовыхъ основаній для такого „прекарнаго“ владѣнія. Такимъ образомъ, слово *possessio* въ первоначальномъ смыслѣ вызываетъ въ умѣ понятіе о фактѣ болѣе, чѣмъ о правѣ владѣнія.

въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ имѣли средства только богатые граждане; они на самомъ дѣлѣ — сначала патриціи ¹⁾, потомъ нобили и всадники—постепенно захватили огромныя пространства *agri occupatorii* ²⁾; такая „прекарная посессія“ явилась однимъ изъ важнѣйшихъ путей развитія крупныхъ формъ землевладѣнія, связаннаго съ отгѣсненіемъ бѣднаго люда отъ участія въ пользованіи государственными угодіями ³⁾ или съ увеличеніемъ экономической зависимости

¹⁾ Споръ о томъ, имѣли-ли первоначально одни патриціи привилегію оккупации или плебеи раздѣляли съ ними это право съ самаго начала, остается нерѣшеннымъ; Момизенъ (Röm. Gesch. II, 2) и Ланге (Röm. Alterthum. I, 522, 570) утверждаютъ второе; другіе, напримѣръ, Нибуръ и Вальтеръ доказываютъ, что только позднѣйшіе аграрные законы допустили плебеевъ до оккупации (см. *Daremberg et Saglio, Dict. I, 136*). Какъ бы то ни было, но фактически въ началѣ только патриціи имѣли возможность занимать и пускать подъ обработку большія колосы пустовавшей государственной земли, такъ какъ они одни обладали тогда достаточными средствами, то-есть, инвентаремъ и рабочими руками, для расширенія хозяйства: они поднимали новыя при помощи лишняго скота и сажали на участки *agri occupatorii* своихъ кліентовъ (*Marquardt, I, 100*).

²⁾ Такого рода земли составляли вообще весьма значительныя части *agri publici* въ Италіи.—*Appian. B. c. I, 7*: „...Ἡ δὲ (=ager occupatorius) καὶ μάλιστα ἐκλήθουεν“. *Liv. XLII, 1*: „Agrum publicum... cuius ingentem modum possidere privatos... constabat“.

³⁾ *Appian. B. c. I, 7*: „...Οἱ γὰρ πλοῦστοι τῆσδε τῆς ἀνεμήτου γῆς τὴν πολλὴν κτασθέντες... τὰ τε ἀγροῦ σφίσιν, βασιτεῖν ἄλλα βραχέα κενήτων, τὰ μὲν ἀνοούμενοι πεθεοὶ τὰ δὲ βίβη λαμβάνοντες, πεδία μακρὰ ἀντὶ χωρίων ἐγεώργουν“. *Sall. Jug. 41, 8*: „Uti quisque potentiori confinis erat, sedibus pellebantur“. Ср. *Cassius Hemina ap. Nonnium (Peter, Hist. Roman. fragm. p. 71, fr. 17)*: „Quicunque propter plebitatem agro publico eiecti sunt“. Титъ Ливіи нѣсколько разъ говоритъ, что посессіи на *ager publicus* находятъ въ рукахъ у сенаторовъ (*patres, IV, 51*) и нобилей (*nobiles, IV, 48*); онъ прибавляетъ, что они прилагали постоянныя старанія къ тому, чтобы сохранить за собою приобретенныя владѣнія, и стремились продолжать захватъ дальше (*VI, 5*). Объ этомъ процессѣ хорошо говоритъ Фюстель де Куланжъ (См. *Les origines du syst. féodal, p. 88*). Прежде всего онъ замѣчаетъ: „Dans toute société où la propriété privée n'est pas assurée par les pouvoirs publics, le plus faible est aisément dépouillé par le plus fort“. Несмотря на то, что въ теоріи римское право строго оберегало собственность, на дѣлѣ правящая олигархія постоянно нарушала его. „Le plus fort, продолжаетъ авторъ, à l'époque dont nous occupons (то-есть, въ концѣ республики), c'était le riche, car il avait des esclaves à ses ordres; c'était surtout le sénateur romain, car il disposait des magistratures, de l'impérium proconsulaire, des tribunaux, des lois. Il arriva donc presque forcément, que ce furent les familles sénatoriales qui s'emparèrent de cet immense domaine (то-есть, именно „ager publicus occupatorius“). Faute d'un droit certain et par la négligence ou par la connivence de l'État, les grands étendirent leurs possessions; ils eurent à eux

массъ¹⁾). Борьба противъ такой исключительной апроприаціи богатою знатью государственныхъ земель, удобныхъ для поддержанія разореннаго крестьянскаго землевладѣнія, была главнымъ предметомъ благородныхъ усилій аграрныхъ законодателей временъ республики²⁾. Но ихъ попытки ограничить несправедливую привилегію разбились о систематическое противодѣйствіе знати и не спасли народа отъ жестокаго соціального бѣдствія. Спекуляціи крупныхъ капиталистовъ на почвѣ государственныхъ владѣній все расширялись³⁾; вслѣдствіе долговременной поссессіи⁴⁾ и многократныхъ передачъ занятыхъ участковъ изъ рукъ въ руки, но въ тѣсной сферѣ все тѣхъ же семействъ земельныхъ магнатовъ, болѣе и болѣе проникала въ жизнь тенденція сначала къ уничтоженію *vectigal*, а потомъ и къ обращенію оккупаций (*possessio*) въ частную собственность (*ager privatus*).

Итакъ, растущее могущество нобилитета постепенно подавляло права гражданской общины въ области землевладѣнія, и богатое достояніе народа — *ager occupatorius*, мало-по-малу расхищенное знатью, фактически обращалось въ наслѣдственную собственность, переходившую безпрепятственно

non des villas seulement, mais des cantons entiers. *Le précaire menait fatalement aux latifundia*“.

¹⁾ У Фростель де Куланжа, который оригинально и блестяще показал, какое громадное вліяніе имѣла описанная тутъ „крупная прекарная поссессія“ нобилей (а также всадниковъ) на развитіе латифундіальнаго землевладѣнія и обезземеленіе крестьянской массы, найдемъ превосходное изображеніе процесса образованія особаго „субпрекарія“ — „желкаго люда“ на оккупированныхъ знатью обширныхъ полосахъ государственныхъ владѣній и развитія на почвѣ этого явленія въ послѣдній періодъ республики спеціальной земельной кліентелы. См. *Les orig. du syst. féodal*, p. 89—95.

²⁾ Таковъ былъ характеръ проектовъ аграрныхъ реформъ Лидвія и Секстія; такова же была широкая и смѣлая попытка Гракховъ освободить государственныя земли отъ знатныхъ и богатыхъ узурпаторовъ и вернуть ихъ въ распоряженіе народа. См. текстъ и литературу въ ст. *G. Humbert, Agrariae leges*, у *Darremberg et Saglio*, Dictionn. des antiquités, I, 159—161).

³⁾ *M. Weber*, Römische Agrargeschichte, p. 129—131.

⁴⁾ См. *Cic. De Off. II*, 22, 79: „Quam autem habet aequitatem, ut agrum multis annis aut etiam seculis ante possessum, qui nullum habuit, habeat, qui autem habuit, amittat“? *Ibid.* 23, 83: „Quid ita? ut, cum ego emerim, aedificarim, tuear, impendam, tu me invito fruarere meo?“ Ср. *Appian*. В. с. I, 9. *Cic. De leg. agr. II*, 21, 57.

изъ одного поколѣнія захватившихъ его знатныхъ семействъ въ другое; узурпированныя такимъ образомъ огромныя площади государственной земли приростали все больше и больше къ частнымъ латифундямъ магнатовъ, какъ неотдѣлимые отъ нихъ элементы ¹⁾. По мнѣнію комментаторовъ, вышеприведенный текстъ Цицерона, касающійся Аттिका, сохраняетъ слѣды единичнаго случая въ общей массѣ фактовъ, изъ совокупности которыхъ слагалось только что указанное замѣчательное историческое явленіе. Выходитъ, будто Атикъ былъ посессоромъ *agri occupatorii* и въ качествѣ такового подлежалъ извѣстному сбору, который, какъ и всѣ вообще *vestigalia publica*, отдавался на откупъ компаніямъ публикановъ. Мульвій, упоминаемый Цицерономъ, вѣроятно, былъ представителемъ или агентомъ ихъ, съ которымъ Атикъ и другіе посессоры вели процессъ изъ-за какой-нибудь контроверзы при опредѣленіи высоты сбора или способа его взиманія. Нѣкоторые, между ними и Теренція, основываясь, можетъ быть, на какихъ-нибудь выгодныхъ для нихъ частныхъ аграрныхъ распоряженіяхъ, даже выражали притязаніе на свободу отъ какихъ бы то ни было налоговъ ²⁾.

Такова въ высшей степени интересная картина, которая возникаетъ сама собою въ умѣ, если принято будетъ установившееся толкованіе выписаннаго текста. Однако, какъ ни послѣдовательно передавалось оно отъ одного комментатора къ другому, приходится сказать, что оно стоитъ въ явномъ противорѣчій съ положительными фактами аграрной исторіи Рима, которые находятся въ рукахъ изслѣдователей. При внимательномъ ознакомленіи съ судьбами „*agri occupatorii*“ въ Италіи въ послѣдній періодъ республики, нельзя не замѣтить, что эта форма владѣнія была уничтожена аграрнымъ закономъ 643 года, изданнымъ, очевидно, подъ давленіемъ богатой

¹⁾ *Appian. Bell. civ. I, 7. — Plut. Gracch. 8.*

²⁾ При постоянной смѣнѣ противорѣчивыхъ аграрныхъ законоположеній въ скучную эпоху республики право должно было запутаться, вызывать недоразумѣнія и тѣмъ порождать безчисленные процессы: могущественные члены правящаго сословія склонны были энергично отстаивать здѣсь свои интересы, такъ какъ при колебавшемся правосудіи и широкомъ вліянніи ихъ на высшую политику, они могли надѣяться на торжество своихъ даже незаконныхъ притязаній.

знати ¹⁾. Въ силу этого закона всѣ оккупированныя пространства объявлены были частною собственностью занимавших ихъ лицъ ²⁾. Вслѣдствіе такого постановленія, юридически санкціонированнаго фактъ, который на дѣлѣ совершился уже раньше, они получили на этихъ земляхъ *dominium ex iure Quiritium*, само по себѣ избавлявшее ихъ отъ уплаты *vectigal* ³⁾, и публикѣанамъ послѣ этого закона нечего было больше дѣлать въ данной области.—Никакихъ опредѣленныхъ указаній на то, чтобы законъ 643 года былъ впоследствии отмѣненъ, и „поссессиі“ возвращены юридически къ прежнему порядку, въ источникахъ не имѣется ⁴⁾; поэтому годъ его изданія справедливо можетъ быть названъ „концомъ оккупаций“ ⁵⁾.

¹⁾ Законъ этотъ сохранился, хотя не во всей полнотѣ, въ видѣ эпитафическаго памятника. См. *Corp. Inscr. Lat.* I, 200. Для даннаго пункта см., напримѣръ, ч. 25; къ тексту приложенъ обширный драгоценный комментарий Моммзена. Впервые онъ былъ подробно изслѣдованъ Рудорффомъ въ обширной статьѣ, помѣщенной въ *Zeitschrift für die geschichtliche Rechtswissenschaft*, 1842, IX, p. 38 ff.

²⁾ Такой выводъ прямо извлекается изъ текста закона и опредѣленно высказывается главными изъ ученыхъ, занимавшихся его изслѣдованіемъ. См., напримѣръ, *Mommsen*, *Corp. Inscr. Lat. t. I*, p. 98, также *M. Voigt*, *Die staatsrechtliche possessio* (*Abh. d. Sächs. Ges. d. Wiss.* X, 1888, 257). Ср. *Marquardt*, I, 108. *L. Lange*, *Röm. Alterthümer*, III (2 Aufl. 1876), 56. *E. Beaudouin*, *La limit. des fonds de terre à Rome*, p. 182 ss. и др.—У нихъ приведены всѣ подтверждающія это заключеніе мѣста изъ *lex agraria a. 643*.

³⁾ Новая собственность была подчинена лишь *tributum ex censu* на общемъ основаніи. См. *M. Weber*, *Röm. Agrargeschichte*, p. 131.

⁴⁾ *Boot* (*Epist. ad Att. t. I*, p. 102), интерпретировавъ вышеприведенное мѣсто изъ письма Цицерона къ Аттику (II, 15, 4), утверждаетъ, что Мульвій, противникъ Теренція, требуя съ нея *vectigal*, долженъ былъ основываться на отмянѣ торіева закона, который избавлялъ будто бы оккупантовъ отъ сбора.—Въ прежнія времена любилъ вообще, иногда и не кстати, ссылаться на этотъ *lex Thoria*, о которомъ очень мало извѣстно (см. *G. Humbert u. Daremb. et Saglio*, I, 163). Въ данномъ случаѣ Боотъ напрасно забываетъ изъ-за него о *lex agraria a. 643*, который, если даже *lex Thoria* былъ отмѣненъ (*Walter*, *Gesch. d. R. Rechts*, I, 373 ff.), нормировалъ окончательно переходъ въ частную собственность оккупаций.—См. *Willems*, *Le droit public romain* (6 éd.), p. 334. Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ о сущности *lex Thoria*, о которомъ высказывались очень различныя мнѣнія (см. *Lange*, *Röm. Alterthümer*, III, 51; *Voigt*, *Abh. d. Sächs. Ges.* 1888, X, p. 256; *Marquardt*, I, 108). Долгое время аграрный законъ 643 года смѣшивался съ этимъ торіевымъ закономъ. Рудорффъ, напримѣръ, прямо называетъ его „das Ackergesetz des Sp. Thorius“ (*Zeitschr. für d. gesch. Rechtswiss.* 1842, IX).

⁵⁾ *M. Voigt* (*Abh. d. Sächs. Ges.* p. 257): „Und darauf ward endlich durch die *lex agraria a. 643*... solcher Besitz in Volleigen verwandelt und dem ent-

Слѣдовательно, ссылаться примѣнительно къ Аттику на форму владѣнія, исчезнувшую до года его рожденія, оказывается едва-ли возможнымъ.

Правда, что у Цицерона встрѣчаются упоминанія о какихъ-то „*possessiones*“ на италійскомъ „*ager publicus*“ въ его время ¹⁾; но слово это, употребленное, повидимому, въ общемъ смыслѣ государственныхъ доменовъ, врядъ ли можетъ считаться достаточнымъ доказательствомъ факта возстановленія старыхъ оккупаций въ прежнемъ видѣ. Когда Цицеронъ прибѣгаетъ къ этому выраженію, ведя рѣчь объ аграрномъ проектѣ Рулла, онъ примѣнительно къ Италиіи можетъ имѣть въ виду преимущественно два вида *agri publici*. Во-первыхъ, тутъ можетъ подразумѣваться великолѣпное владѣніе римскаго народа—*ager Campanus*, которое оставалось не ассигнированнымъ вплоть до аграрнаго закона Юлія Цезаря (695 г.) ²⁾,

sprechend das darauf haftende vectigal beseitigt, damit aber zugleich die alte staatsrechtliche possessio Italiens vollständig aufgehoben...“—*M. Weber, Agrargesch.* p. 131: „... *Ende der Occupationen*...“

¹⁾ Говоря объ аграрномъ предложеніи Рулла, Цицеронъ восклицаетъ (*De leg. agr.* I, 2, 4): „*Vendit (Rullus) Italiae possessiones ex ordine omnes, sane est in eo diligens: nullam enim praetermittit*“.. Cfr. *Ibid.* II, 18, 48.

²⁾ Цицеронъ называетъ его „*caput patrimonii publici, pulcherrimam populi Romani possessionem, subsidium annonae, horreum belli, sub signo claustrisque rei publicae positum vectigal*“ (*De leg. agr.* I, 7, 21. Ср. *Ibid.* II, 28, 76: „*ager Campanus.. orbis terrae pulcherrimus*“). Владѣніе это расположено было въ Кампаніи на лѣвомъ берегу Волтурна около Капуи. *Ager Campanus* отличался большимъ плодородіемъ, равно какъ и расположенные рядомъ съ нимъ къ сѣверу между Волтурномъ и Лирисомъ *ager Falernus* (около моря) и *campus Stellas* (дальѣ къ востоку внутри полуострова). См. описаніе этихъ земель, сдѣланное Мозизеномъ въ *Corp. Inscr. Lat.* X, 1; p. 368; 460; 498. Первая и третья оставались до конца республики народною собственностью, хотя Руллъ уже добивался для ассигнаціи мелкими участками безземельнымъ гражданамъ. См. *De leg. agr.* I, 7, 20: „*Atque his colonis agrum Campanum et Stellatam campum dividi iubet*“.. Вторая, должно быть, рано перешла въ частныя руки. Цицеронъ нѣсколько преувеличенно называетъ кампанское и стеллатское поля послѣдними недвижимыми имуществами народа въ Италиіи (*Cic. Ad Att.* II, 16, 1: „...*portoria Italiae sublatis, agro Campano diviso, quod vectigal superest domesticum praeter vicesimam (manumissionum)?..*“). Вѣроятно, онъ хочетъ сказать, что кромѣ указанныхъ территорій, въ рукахъ государства не оставалось больше *значительныхъ* владѣній на полуостровѣ. Правительство, очевидно, твердо держалось мѣтвы, что кампанскій *ager publicus* долженъ оставаться неприкосновеннымъ: даже Сулла не рѣшился посягнуть на него (*De leg. agr.* II, 29, 81—82). О величинѣ кампанскаго поля можно судить по тому, что Руллъ предполагалъ вывести въ Капую 5000 колонистовъ (*De leg. agr.* II, 28, 76) и

и находилось еще въ составѣ государственныхъ земель въ тотъ моментъ, когда написано было данное письмо Цицерона ¹⁾. Съ другой стороны слѣдуетъ помнить, что по закону Суллы въ 673 году многія земли въ Италіи путемъ конфискаціи обращены были въ общественныя ²⁾. Не всѣ онѣ были розданы ветеранамъ диктатора; нѣкоторыя остались незанятыми, и на нихъ вновь возстановлена „*possessio*“ ³⁾. Однако

ассигновать каждому изъ нихъ по 10 югеровъ (*Ibid.* § 78), что составить уже 50.000 югеровъ, при чемъ неизвѣстно, отдавалась ли подъ эту колонію вся территория *agri Campani* или нѣтъ. По аграрному закону Цезаря (695 г.) — вѣроятно, *lex Iulia de agro Campano dividendo* (*Vell.* II, 44) — оба знаменитыя владѣнія были въ концѣ концовъ ассигнованы военнымъ и бѣднымъ гражданамъ (*Dio*, XXXVIII, 1; *Plut.* *Cat. min.* 38: „...τοῖς ἀπόροις καὶ πένητον“), имѣющимъ не менѣе трехъ дѣтей (*Dio*, XXVIII, 7). Ихъ помѣщено было на обѣихъ территорияхъ 20.000 человекъ. См. *Suet.* *Caes.* 20: „Campum Stellatam maioribus consecratum, agrumque Campanum ad subsidia reipublicae vectigalem relictum divisit extra sortem, ac viginti milibus civium, quibus terni pluresve liberi essent“. Цифра эта свидѣтельствуетъ о значительности разбѣровъ данныхъ земель, а также заставляетъ думать, что вся государственная собственность въ Кампаніи была отчуждена по закону Цезаря. См. о немъ *Mommsen*, *Corp. Inscr. Lat.* X, 1; p. 368; *Marquardt*, *Röm. Staatsverw.* I, 114—116. Дальнѣйшая судьба *agri Campani* и *campi Stellatis* точно неизвѣстна. *Mommsen* (*C. I. L.* X, p. 460) говоритъ, что по расиределенію надписей и остатковъ старины въ этихъ мѣстностяхъ обнаруживается, что на пространствахъ *agri Campani* сохранилось мелкое крестьянское населеніе („*agrum Campanum plenum aratorum*“), а поверхность *agri Stellatis* оказывается очень бѣдною памятниками („*desertum et vacuum*“). *Mommsen* объясняетъ это тѣмъ, что на послѣднемъ, такъ же, какъ на *ager Falernus*, вѣроятно, рано развились латифундіи („*hanc quoque Italiae regionem latifundia perdiderunt*“). Цицеронъ, впрочемъ, еще до изданія *legis Iuliae* предсказывалъ, что такова будетъ судьба послѣднихъ кусковъ италійскаго *agri publici*, если они будутъ розданы бѣднякамъ до умиротворенія государства отъ смутъ (См. очень интересную его аргументацію въ рѣчи *De leg. agr.* II, 28, 76).

¹⁾ Въ слѣдующемъ письмѣ (*Ad Att.* II, 16) Цицеронъ говоритъ объ этомъ законѣ, лишь какъ о мѣрѣ, тогда еще подготавливавшейся.

²⁾ Принудительному отобранію во время проскрипцій подверглись, какъ извѣстно, очень многочисленныя и обширныя территоріи, принадлежавшія не только частнымъ лицамъ, казеннымъ, убитымъ или изгнаннымъ врагамъ Суллы или просто богатымъ людямъ, земли которыхъ возбуждали адичность исполнителей воли диктатора, но также цѣлыя городскія общинами. См. *Marquardt*, *Röm. Staatsverw.* I, 110 ff. Ср. *G. Humbert* у *Daremb. et Saglio*, I, 164 и указанное у него тексты и литературу. Особенно сильно пострадали Луканія, Самніумъ и Этрурія (*L. Lange*, *Röm. Alterth.* III, 159). Но не было помяди также Лациуму и Кампаніи (*V. Duruy*, *Hist. des Rom.* II, 689—690).

³⁾ Это опять же видно изъ Цицерона (*De leg. agr.* III, 3, 12): „*Sunt multi agri lege Cornelia publicati nec cuiquam assignati neque venditi...*“ Существова-

трудно себѣ представить, чтобы Аттикъ былъ прикосновененъ къ владѣнію землями, входившими въ государственныя имущества указанныхъ двухъ категорій. „*Ager Campanus*“, разбитый, по всей вѣроятности, на небольшіе участки, находился въ правильной арендѣ у мелкихъ сѣмщиковъ крестьянскаго типа ¹⁾, которые платили въ казну дѣйствительно опредѣленный *vectigal* ²⁾, и объ освобожденіи отъ него не могло быть рѣчи. Такъ что „*controversia Mulviana*“ имѣла объектомъ, очевидно, не кампанское общественное поле ³⁾. Весьма неправдоподобно было бы также предполагать, что Аттикъ принималъ участіе въ присвоеніи государственныхъ земель, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ насильственнымъ споліаціямъ Суллы. Онѣ, правда, послужили источникомъ обогащенія многихъ лицъ, которыя не гнушались темными средствами наживы, а пользовались временемъ смуты и террора, чтобы создать подъ ихъ прикрытіемъ свое благо-

ніе такихъ „*possessiones*“ послѣ сулловыхъ временъ обнаруживаетъ аграрный законопроектъ трибуна Рулла (*lex Servilia*). Цицеронъ приводитъ 40-ю статью его, по которой объявлялись частною собственностью общественныя земли, розданныя на различныхъ условіяхъ Суллою (*De leg. agr. III, 2, 7*): „*Quae post Marium et Carbonem Coss (672=82) agri, aedificia, lacus, stagna, loca, possessiones publice data, assignata, vendita, concessa, possessa sunt, ea omnia eo iure sint, ut quae optimo iure privata sunt*“. Въ этомъ текстѣ ясно отлѣчены *possessiones*, какъ отдѣльный видъ владѣнія. У Цицерона же находимъ частный примѣръ такихъ оставшихся неподѣленными (и предоставленными оккупантамъ) конфискованныхъ имъ и обращенныхъ въ *ager publicus* земель (*Ad Att. I, 19, 4*): „...*Volaterranos et Arretinos, quorum agrum Sulla publicarat neque dividerat*...“

¹⁾ *Cic. De leg. agr. II, 81, 84*: „*Si Campanus ager dividatur, exturbari et expelli plebem ex agris... Totus enim... colitur et possidetur a plebe et a plebe optima et modestissima: quod genus hominum optime moratum, optimorum et aratorum et militum, ab hoc plebicola tribuno funditus eicitur*“. Ср. *M. Weber, Agrargesch. p. 136*.

²⁾ О немъ упоминаетъ Цицеронъ въ одномъ письмѣ къ Аттику (*II, 16, 1*); доходъ, получаемый съ него, принадлежалъ къ главнѣйшимъ *vectigalia populi Romani* (*Cic. De leg. agr. II, 29, 81*) и, повидному, именно ради этого кампанское поле исключалось изъ сферы государственныхъ ассигнацій (См. всю 29-ю главу II-й рѣчи Цицерона противъ Рулла).

³⁾ Притязаніе Теренція на бесплатное пользованіе государственной землею, если бы она находилась на *ager Campanus*, оказывалось бы совершенно невозможнымъ. Кромѣ того, если бы Аттикъ дѣйствительно находился въ числѣ сѣмщиковъ кампанской земли, Цицеронъ какъ-нибудь упомянулъ бы объ этомъ, когда писалъ ему о подготовкѣ ея раздѣла Цезаремъ (*Ad Att. II, 16*).

получіе ¹⁾). Но осторожный Атикъ, конечно, не рѣшился бы „замарать руки“ въ спекуляціи надъ земельнымъ фондомъ,

¹⁾ Въ предшествующемъ этюдѣ уже говорилось, что обширныя пространства конфискованныхъ диктаторомъ земель, остались не розданными. Онѣ составили какъ бы новый незанятый *ager publicus*, на поверхности котораго повторились прежнія „окупаціи“ (*Cic. De leg. agr. III, 3, 12*).—Вообще конфискаціи Суллы послужили новымъ толчкомъ къ росту латифундій (*Ibid. II, 26, 70*: „*Sullanus ager a certis hominibus latissime continuatus...*“). Земельные захваты производились на почвѣ этой „сулловой территоріи“ (*Sullanus ager*) очень различными способами. Съ одной стороны, было сказано, колонисты-ветераны, неспособные къ земледѣлю, часто продавали за безцѣнокъ полученные надѣлы; хоть отчужденіе ихъ было запрещено по *lex Cornelia* (*Marquardt, I, 111*), но кто же могъ фактически помѣшать присвоенію ихъ могущественными нобиллями-покупателями? Многие ветераны даже просто бросали свои участки или оставляли ихъ необработанными, предпочитая труду сахарей военныя приключенія или праздную жизнь въ городѣ; наконецъ, немалое количество ветерановъ, отвыкшихъ отъ правильной семейной жизни, умирало безъ наследниковъ, и такіе брошенные или выморочные надѣлы (*sortes*) возвращались снова въ государственную собственность (*L. Lange, Röm. Alterthümer, III, 171*), увеличивая собою массу земель, на обладаніе которыми спекулировали неразборчивые крупныя римскіе капиталисты. Спекуляція эта совершалась при помощи скупки или прямого фактическаго захвата по старой традиціи occupaцій. Первая осуществлялась на условіяхъ исключительно выгодныхъ для покупщиковъ: земли, обезцѣненные благодаря массовымъ конфискаціямъ, продавались почти даромъ, при чемъ обогащались прежде всего приближенные Суллы, даже его вольноотпущенные. Такъ, наприимѣръ, всесильный Хризогонъ купилъ за 2000 сест. земли, отнятыя у Росція и стоившія 2 милліона (о немъ см. *Cic. Pro Rosc. Am. passim*).—Но и видные люди составляли огромныя состоянія при посредствѣ такого рода сомнительныхъ операцій: знаменитый М. Лициній Крассъ, вообще не пренебрегавшій темными путями наживы (*Cic. De off. III, 18, 78; III, 19, 75. Val. Max. IX, 4, 1*), приобрѣлъ такимъ способомъ множество земельныхъ владѣній (*Plut. Crass. 2, 6*). У Цицерона въ рѣчахъ за Росція амерійскаго или противъ Рулла и въ другихъ произведеніяхъ находимъ живую картину страшныхъ хищеній, вызванныхъ аграрными насилиями Суллы. Между обогатившимися такимъ образомъ людьми встрѣчаемъ нѣкоего Вальгія, тестя Рулла, очень крупнаго землевладѣльца (*Cic. De leg. agr. III, 2, 8*: „*Ut meliore (iure) tui soceri fundus Hirpinus sit sive ager Hirpinus—totum enim possidet...*“). Онъ, человекъ близкій къ Суллѣ, именно оккупировалъ обширныя пространства „*agri publici Sullani*“ (*Ibid. 4, 14*: „... *Habet agros nonnullos... incertos ac nullo iure possessos, confirmabantur optimo iure. Habet publicos, reddam privatos.*“), тѣмъ сильно расширилъ свое социальное могущество и обратился въ настоящаго разорителя крестьянъ-сосѣдей и въ ихъ господина (*Ibid. „Denique eos fundos, quos in agro Casinati optimos fructuosissimosque continuavi, cum usque eo vicinos prosciberet, quoad oculis conformando ex multis praediis unam fundi regionem formamque perficeret, quos nunc cum aliquo metu tenet, sine ulla cura possidebit“*). Такіе „*possessores Sullani*“ (*De leg. agr. II, 26, 69 etc.*)—скупщики и оккупаторы—возбуждали сильнѣйшую ненависть (Цицеронъ не разъ говоритъ объ „*invidia Sullanorum agrorum*“; см., наприимѣръ, *De*

имѣвшимъ такое нечистое происхожденіе. Земли эти были кромѣ того такъ тѣсно связаны съ жестокою борьбою, которая происходила въ центрѣ государства, что на ихъ судьбѣ должны были отражаться колебанія успѣховъ политической партіи, которая ими распоряжалась. Участіе въ пользованіи ими безусловно противорѣчило бы системѣ послѣдовательнаго устраненія отъ всякаго рискованнаго источника доходовъ, которая составляла отличительную черту практическаго поведенія Аттика ¹⁾.

Такимъ образомъ, необходимо отвергнуть возможность обычнаго толкованія приведеннаго мѣста изъ 15-го письма второй книги переписки Цицерона съ Аттикомъ и сказать въ общемъ выводѣ, что „*agri publici, quos T. Pomponius possidebat*“, по всей вѣроятности, находились внѣ предѣловъ италійскаго полуострова. Ниже, когда будутъ изображаться его провинціальныя владѣнія, удобно будетъ сказать, къ какой именно категоріи народной собственности въ завоеванныхъ областяхъ могутъ быть отнесены поссессіи Аттика на *ager publicus*, упоминаемая Цицерономъ. Въ настоящемъ же мѣстѣ было неизбѣжно остановиться на критическомъ разсмотрѣніи общепринятой интерпретаціи этого любопытнаго, но неяснаго текста, такъ какъ она оказывается несоотвѣтствующею формамъ аграрнаго строя Италіи во время Аттика, которыя могутъ быть возстановлены на основаніи имѣющихся вполне достовѣрныхъ данныхъ. Приходится удержаться отъ искушенія ввести въ описаніе состава италійскихъ

lege agr. II, 26, 68 etc.); но выгодныя для нихъ аграрныя законы легко могли обратить ихъ беззаконное владѣніе общественнымъ достояніемъ въ частную собственность. Цицеронъ восклицаетъ по поводу предложенія Рулла (*De leg. agr.* III, 3, 11): „*Nos tribunus plebis promulgare ausus est, ut, quod quisque post Marium et Carbonem consules possidet, id eo iure teneret, (quo) quod optimo privatum (est)? Etiamne si vi deiecit, etiamne si clam, si precario venit in possessionem?*“ Онъ очень вооружается противъ этого законопроекта; послѣдній былъ отвергнутъ; но фактическая поссессія сохранена за владѣльцами-узурпаторами. Эта форма землевладѣнія пережила Цезаря и учрежденіе принцепата, и такія поссессіи обращены были въ частную собственность постепенно уже императорами (см. *M. Voigt, Abh. d. Sächs. Ges.* 1888, p. 268).

¹⁾ Онъ изъ благородствія не допустилъ бы себя до участія въ занятіи оставшихся свободными сулловыхъ конфискацій, до принятія доли въ выгодахъ тѣхъ, кого Цицеронъ справедливо называетъ (*De leg. agr.* III, 3, 12) „*imprudētissimi possessores*“.

недвижимыхъ владѣній Аттика подробность, которая придала бы ему большую цѣльность и эффектную красоту. Но и при такомъ необходимомъ ограниченіи результатовъ изслѣдованія по изученному пункту, нельзя будетъ послѣ всего изложеннаго не согласиться, что въ воображеніи историка получается довольно величественная картина земельного состоянія виднаго гражданина, которое расположено было, такъ сказать, въ центрѣ римскаго міра.

2.

1.—Какъ бы ни были значительны италійскія помѣстья Аттика, все же не они составляли главную массу или даже крупнѣйшій элементъ его недвижимаго состоянія. Самое важное владѣніе его находилось на балканскомъ полуостровѣ, именно въ *Эпирѣ* ¹⁾. Неизвѣстно, въ которомъ году была куплена имъ первая земля около *Бутрота*; но нужно предполагать, что основаніе его территориальнаго могущества на востокъ было заложено не очень много времени спустя послѣ поселенія въ Аѣинахъ ²⁾. Впослѣдствіи же оно должно было расширяться по мѣрѣ успѣха денежныхъ предпріятій хозяина и по мѣрѣ приближенія его къ осуществленію основной цѣли его жизни — созданію прочнаго богатства. Хорошо зная мѣстныя условія, часто живя въ Бутротѣ ³⁾ и

¹⁾ Это было уже указано въ первомъ отдѣлѣ настоящаго этюда. См. стр. 257—258.

²⁾ Это произошло, стало быть, вскорѣ послѣ 86-го года до Р. Хр. Друманъ (*Gesch. Roms*, V, 10) утверждаетъ, что покупка была совершена только въ 69 г., основываясь на относящемся къ этому году письмѣ Цицерона къ Аттику (I, 5, 7), въ которомъ встрѣчаются слова: „Epiroticam emptionem gaudeo tibi placere“. — Но врядъ ли вѣроятно допустить, чтобы Аттикъ могъ потерять болѣе 15 лѣтъ пребыванія въ Греціи для устройства своего земельного состоянія, которое не могло вырости скоро, если онъ хотѣлъ вести дѣло выгодно и дѣйствовать не очень замѣтно. Вѣрнѣе всего, тутъ у Цицерона рѣчь идетъ о какой-нибудь изъ послѣдующихъ земельныхъ покупокъ его въ данной мѣстности, а не о первоначальной.

³⁾ У него былъ тамъ, повидимому, домъ (*Cic. Ad Att. II. 6, 2*: „Tu vero sapientior Buthroti domum parasti“), и письма Цицерона полны указаній на по-

имѣя тамъ постоянныхъ довѣренныхъ людей, рабовъ и вольноотпущенниковъ, Аттикъ отлично могъ пользоваться представлявшимися случаями выгодной продажи. Такъ онъ мало-помалу присоединялъ къ первоначальному своему помѣстью цѣлый рядъ новыхъ большихъ и малыхъ кусковъ земли съ различными угодьями. Въ концѣ концовъ эфирская собственность Аттика образовала громадное сплошное владѣніе по сосѣдству съ областью города Бутрота и группу отдѣльныхъ имѣній въ ближайшихъ краяхъ ¹⁾).

Изданіи Аттика въ Эпиръ и продолжительныя его пребыванія въ этой странѣ. См. между прочимъ *Ad Att.* I, 13, 1; 15, 2; II, 18, 1; IV, 15, 2—3; 16, 1; V, 2, 3; IX, 1, 4; 12, 1; XVI, 2, 6 etc., etc. Другія указанія у *Hüllemann*, *Atticus*, p. 38—39; 42; 46 etc.

¹⁾ Корнелій Непотъ (*Attic.* 14, 3) называетъ указываемыя тутъ владѣнія Аттика— „*Epiroticae possessiones*“, а слово это подразумевало обыкновенно признакъ *обширности* (въ этомъ смыслѣ оно сближается съ словомъ „*латифундія*“). См. *Fest. Epit.* ed. Müller, p. 241: „*Possessiones sunt agri late patentes publici privatique*“. — Первоначально терминъ этотъ обозначалъ точнымъ образомъ, какъ выше разъяснено, тѣ крупныя „*оккупанціи*“, которыя производились съ разрѣшенія правительства преимущественно аристократами на незанятыхъ пространствахъ государственныхъ земель (*ager publicus occupatorius*). Продолженіе того же мѣста Феста гласитъ: „...quia non mancipatione, sed usu tenebantur, et ut quisque occupaverat, possidebat“. Ср. *Appian.* *Bell. Civ.* I, 7.—*Sic. Flacc.* ed. Lachm. p. 137, 19; *Hygin.* *Ibid.* p. 115, 6. Потомъ мало-помалу онъ сталъ припѣваться вообще ко всякаго рода владѣнію на *ager publicus*. Такимъ образомъ, слово *possessio* включало въ себя также понятіе неполной собственности и въ древнѣйшемъ смыслѣ должно толковаться, какъ временное („фактическое“) пользованіе частныхъ лицъ государственною землею при высшемъ *dominium*ѣ народа. Ср. *Fest.* p. 233. *Dig.* L, 16, 115.—Другіе тексты и сжатое разсмотрѣніе вопроса см. у *Marquardt*, *Römische Staatsverwaltung* (2 Aufl.), I, 99 sqq. Ср. спеціальное изслѣдованіе *Moritz Voigt*. *Die staatsrechtliche possessio* (въ *Abhandlungen der Sächs. Ges. der Wissensch. hist.-philol. Classe*, X Bd, 1883). Интересное разсужденіе у *Fustel de Coulanges*, „*Les origines du syst. féodal*“ (гл. 4: „*Le précaire romain*“). — Только позже понятіе *possessio* слилось по значенію съ *dominium*; синонимично съ нимъ оно понимается въ большинствѣ юридическихъ памятниковъ временъ имперіи (см. *Fustel de Coulanges*, *L'alleu et le domaine rural*, p. 3—4 и приведенные у него примѣры), но предпочтительно прилагаясь все-таки къ большимъ помѣстьямъ. Можетъ быть, даже почти навѣрно, такое измѣненіе значенія слова произошло оттого, что дѣйствительно богатые и влиятельные италійскіе оккупаторы въ концѣ концовъ добились признанія за собою права полной собственности на занятыя ими многочисленныя и обширныя полосы общественныхъ земель. Это осуществлялось, какъ выше указано, по аграрному закону 643-го года. У Фронтинна (ed. Lachm. p. 56, 19) уже выраженіе „*densitas possessorum*“ применительно къ земельному строю Италіи характеризуетъ развитіе тамъ *крупнаго частнаго землевладѣнія*. Такъ вполнѣ правильно объясняютъ это мѣсто Гейстербергъ (*Die Entstehung des Colonats*, p. 77) и

У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы воспроизвести шагъ за шагомъ исторію возникновенія и развитія этого громаднаго земельного владѣнія Аттика. Весьма возможно, что онъ прежде всего воспользовался моментомъ, когда римское правительство продавало въ данной мѣстности обширныя пространства государственной земли (*ager quaestorius*); онъ приобрѣлъ себѣ такимъ образомъ, можетъ быть, даже въ одинъ разъ уже очень внушительную территорію въ частное владѣніе. Онъ принималъ на себя при этомъ обязательство вносить ежегодно извѣстную подать (*vectigal*) въ пользу народа; но фактически ему присваивалось настоящее право полного распоряженія отчужденными въ его руки частями *agri publici*. Очень можетъ быть также, что въ добавленіе къ купленнымъ такимъ образомъ землямъ, если онѣ были общественныя, Атикъ еще снималъ широко раскинувшіяся окрестъ пространства *agri publici* пастбищнаго типа (*ager censorius*) и обширныя участки его, пущенные уже подъ обработку, подобно тому, какъ дѣлали крупныя римскія магнаты въ Сициліи ¹⁾ или Африкѣ ²⁾.

за немъ Шультець (*Die röm. Grundherrschaften*, p. 13) противъ Фрестель де Куланжа (*L'alleu et le domaine rural*, p. 24). — Въ провинціяхъ же вообще установился во время республики юридическій принципъ, что полнымъ (гвиритарнымъ) собственникомъ на ихъ почвѣ могъ быть только римскій народъ (см. *Mommsen*, *Römisches Staatsrecht*, III, 730—81); частныя же лица считались лишь владѣльцами присвоенныхъ имъ частей провинціальной территоріи. Во времена имперіи это положеніе мало-по-малу исчезло, и институтъ частной собственности на землю утвердился во всемъ римскомъ мірѣ; но теоретически старій взглядъ поддерживается и юристами императорскаго періода. См. напр. очень важный текстъ Гаа (*Instit.* II, 7): „...in (provinciali) solo *dominium populi Romani est...* nos autem *possessionem tantum vel usumfructum habere videmur*“. — При жизни Цицерона и Аттика такое возрѣніе („*provinciae—praedia populi Romani*“, см. *Cic.* II *In Verg.* II, 8, 7) имѣло, несомнѣнно, въ извѣстной степени реальное примѣненіе. Слѣдуетъ предполагать, что въ текстѣ Корнелія Непота, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слово *possessio*, кромѣ признака большой протяженности эвирскихъ земель Аттика, заключаетъ и указаніе на особенности провинціального землевладѣнія, т.-е., именно на ограниченіе права собственности частныхъ лицъ верховнымъ правомъ народа. Подробности, касающіяся различныхъ частныхъ пунктовъ провинціального права владѣнія у римлянъ, см. въ книгѣ *E. Beaulouin*, *La limitation des fonds de terre à Rome* (P. 1894).

¹⁾ *M. Weber*, *Römische Agrargeschichte*, p. 186.

²⁾ *J. Jung*, *Die Romanischen Landschaften des Römischen Reichs*, p. 116.— См. о различныхъ видахъ и формахъ землевладѣнія въ провинціяхъ, кромѣ

Если таковъ былъ путь возникновенія собственности Атика въ Эпирѣ, то, какъ указано, у него въ рукахъ въ довольно короткое время могло скопиться огромное барское владѣніе ¹⁾. Но возможно предположить, что такъ образовалось лишь первоначальное зерно его эпирской собственности, и затѣмъ отъ времени до времени при благопріятныхъ случайностяхъ дѣлались къ ней значительныя приращенія. Но рядомъ съ этимъ оно должно было расти и другимъ путемъ. Атикъ понемногу скупалъ небольшія помѣстья частныхъ лицъ (*agri privati vectigalesque*) окружающей территоріи, пользуясь ихъ финансовыми затрудненіями, и черезъ срастаніе въ одно цѣлое такихъ отдѣльныхъ *fundi* медленно, но вѣрно увеличивалось и крѣпло его громадное *latifundium*. Такъ чаще всего именно и совершался процессъ сплоченія крупныхъ комплексовъ земельной собственности въ рукахъ одного владѣльца въ Италиі.—Момзенъ ²⁾ первый замѣтилъ, а Фюстель де Куланжъ ³⁾ первый показалъ особенно ярко и наглядно, что именно такую „связку“ отдѣльныхъ *fundi*, постепенно скрѣпленныхъ другъ съ другомъ, благодаря постепенному же присвоенію ихъ однимъ, болѣе богатымъ и счастливымъ собственникомъ, представляло обыкновенно италійское большое частное помѣстье ⁴⁾. Причемъ объединявшіеся такимъ обра-

краткихъ обзоръ у Марквардта (II, 311), Виллемса (*Le droit public romain*, 6 éd. p. 334), Миспула (*Les instit. des Rom.* II, 256 ss.) или въ словаряхъ *Daremberg et Saglio* и *Pauly-Wissowa*, также подробное очень важное изслѣдованіе Момзена въ видѣ комментарія къ аграрному закону 648 г. (*Corp. Inscr. Lat.* I, 200).—Вопросъ этотъ внимательно разсматривается еще въ интересной работѣ *M. Weber*, *Römische Agrargeschichte* (Stuttgart, 1891); новѣйшій, довольно ясный и полный очеркъ можно найти въ книгѣ *A. Blumenstock*, *Die Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums* (Innsbruck, 1894). Ср. еще *A. Bleu*, *La propriété dans les provinces romaines* (P. 1894).

¹⁾ Самая обширность развѣтровъ земель, поступавшихъ при образованіи новой провинціи въ собственность народа и находившихся въ распоряженіи государства, дѣлала ихъ отчужденіе правительствомъ въ руки частныхъ лицъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ источникомъ очень быстрого образованія крупныхъ индивидуальныхъ недвижимыхъ состояній въ провинціяхъ: правительство часто стремилось продавать ихъ большими пространствами, чтобы упростить форму ихъ эксплуатаціи и хлопоты при управленіи ими.

²⁾ „Die italische Bodentheilung“ (*Hermes*, XIX).

³⁾ „L'alleu et le domaine rural“ (1-ère partie).

⁴⁾ Оба названные автора находятъ подтвержденіе своей очень любимой

зомъ *fundi* не теряли тотчасъ же свою отдѣльность: они долго жили каждый съ прежнимъ именемъ и съ прежнимъ самостоятельнымъ хозяйствомъ, находясь только въ рукахъ одного господина. Стало быть, не сразу крупное владѣніе приобрѣтало внутреннюю цѣльность и собственную организацію; первоначально происходило лишь механическое соединеніе ихъ. Только мало-по-малу главный *fundus* подчинялъ своему имени и своему типу культуры и эксплуатаціи весь образовавшійся агрегатъ, и остальные, группируясь около него, какъ около центра, понемногу дѣйствительно сливались въ внутренне-цѣльный землевладѣльческій организмъ ¹⁾. — Аналогичный социально-экономическій процессъ долженъ былъ повторяться и въ провинціяхъ, только съ отмѣченною разницею: италійская латифундія являлась полною собственностью ея обладателя, свободною отъ земельной подати; провинціальная же *possessio* платила *vectigal*, представлявшій собою слѣдъ первоначальной собственности народа и теоретическій признакъ сохраненія за нимъ идеальнаго права высшаго *dominium'a* на провиціальную почву ²⁾.

Какъ нельзя воспроизвести шагъ за шагомъ ходъ образованія земельныхъ владѣній Аттика въ Эпирѣ, такъ не можетъ быть, къ сожалѣнію, восстановлена ихъ вполнѣ точная топографія. Тѣмъ менѣе удастся начертить планъ расположенія ихъ составныхъ частей, который представлялъ бы болѣе

теоріи все въ тѣхъ же трайновыхъ аллментарныхъ таблицахъ, о которыхъ говорилось выше.

¹⁾ Всѣ эти фазы прослѣживаются также по велейской и беневентской надписямъ. Различные тексты изъ юрисконсультовъ, цитируемые названными авторами, подкрѣпляютъ картину, которую здѣсь не мѣсто развивать.

²⁾ Впрочемъ, сборъ, взимаемый съ подобнаго рода *agri privati vectigalesque*, происшедшихъ отъ продажи *agri publici* въ частныя руки по распоряженію квестора (отсюда названіе *ager quaestorius*), въ большинствѣ случаевъ былъ весьма незначительный, часто даже номинальный (см. напр. *Willems, Le droit public romain*, 6 éd. p. 335). — Ходъ и развитіе самаго процесса, о которомъ здѣсь говорится, изслѣдованы далеко не въ той степени, какую требуетъ историческая важность вопроса. Нѣкоторые данныя, свѣдѣющія его, даютъ Фюстель де Куланжъ (въ книгахъ — „L'allen et le domaine rural“ и „Les origines du système féodal“) и Шульценъ (въ работѣ „Die römischen Grundherrschaften“). — Для опредѣленія юридическаго положенія такихъ земель см. *M. Weber, Römische Agrargeschichte (passim)*; также *Rudorff, Feldmesser*, II, 285; 315, и особенно *Mommsen, Corp. Inscr. Lat.* I, p. 98.

или менѣе отчетливо ихъ размѣры и характеръ эксплуатаціи отдѣльныхъ угодій. Описывать все приходится почти исключительно по случайнымъ намекамъ Цицерона. Плиній Младшій подробно рассказываетъ своимъ корреспондентамъ о принадлежавшихъ ему земляхъ и о новыхъ приобрѣтеніяхъ къ нимъ; письма же Аттика до насъ не дошли. Да еслибы они и находились передъ нашими глазами, врядъ ли вычитали бы мы изъ нихъ много нужныхъ свѣдѣній: окруженный опасностями, онъ не былъ такъ откровененъ и словоохотливъ, какъ вполне спокойный за свою судьбу любимецъ справедливаго императора въ періодъ уже полного утвержденія новаго режима. Тѣмъ не менѣе и имѣющіяся, хотя немногочисленные и отрывочныя данныя позволяютъ подтвердить только что набросанный общій эскизъ.

Главные земли, навѣрно, лежали около города Бутрота ¹⁾, и центромъ ихъ была обширная *вилла*, о которой нѣсколько разъ упоминаетъ Цицеронъ; онъ называетъ ее „*Amaltheum*“ ²⁾, вѣроятно, потому, что въ ней находилась одна особенно замѣчательная зала (Ἀμαλθεῖον), украшенная статуями и картинами, имѣющими отношеніе къ миѳу объ Амальтеѣ, кормилицѣ Зевса, которымъ интересовался Атикъ ³⁾. Можетъ быть, эта зала была устроена въ видѣ святилища (*sacellum*) въ честь нимфы Амальтеи ⁴⁾, и весьма вѣроятно, что въ ней находились также изображенія римскихъ великихъ людей съ краткими стихотворными подписями, сочиненными самимъ Атикомъ, въ которыхъ искусно и остроумно очерчивались ихъ дѣянія ⁵⁾. Въ такомъ случаѣ нимфа и ея рогъ изобилія

¹⁾ Потому-то Цицеронъ называетъ всегда эфирскія помѣстья друга „бутротскими“. *Cic. Ad Att. IV, 16, 1; V, 21, 3* и другія мѣста.

²⁾ См. *Ad Att. I, 13, 1; II, 20, 2*.

³⁾ Это видно изъ одного письма, гдѣ Цицеронъ спрашиваетъ Атика, какъ устроено его *Amaltheum*, чтобы по такому же образцу соорудить нечто подобное у себя въ арпинатской виллѣ (*Ad Att. I, 16, 18*): „Velim ad me scribas. cuiusmodi sit Ἀμαλθεῖον tuum, quo ornatu, qua τοκοθεσίῃ, et quae poemata quasque historias de Ἀμαλθεῖῃ habes, ad me mittas: libet mihi facere in Arpinati“. *Cfr. II, 1, 11*: „Amalthea mea te exspectat et indiget tui“.

⁴⁾ *Cic. Ad Att. I, 13, 1*: „Ego enim te arbitror caesis apud Amaltheam tuam victimis... Sicyonem... profectum...“.

⁵⁾ Объ этомъ рассказываетъ Корнелій Непотъ (*Att. 18, 5*): „Attigit quoque poetice, credimus, ne eius expertus esset suavitatis. Namque versibus de iis,

могли символизировать многочисленность героев, которыми славенъ былъ Римъ ¹⁾. Въ этой же виллѣ, нужно думать, помѣщалось еще одно изъ драгоценныхъ и рѣдкихъ книгохранилищъ, счастливымъ обладателемъ которыхъ былъ Атикъ, и потому-то она особенно привлекала вниманіе Цицерона. Самый домъ, повидимому, стоялъ на горѣ и представлялъ собою крѣпко построенное зданіе и просторное жилище ²⁾. Онъ окруженъ былъ великолѣпною тѣнистою платановою рощею ³⁾, и близъ него протекала рѣка *Thyamis*, которая орошала и земли хозяина ⁴⁾.

Послѣднее топографическое указаніе помогаетъ опредѣлить расположеніе самыхъ земель: рѣка Тямисъ протекала по теспотійскому и хаонскому округамъ эфирской области ⁵⁾, и помѣстья Атика должны были покрывать значительную часть территории этихъ округовъ. Обширныя владѣнія, можетъ быть, вслѣдствіе природныхъ особенностей почвы, устройства поверхности и т. д., или для удобства хозяйства распались на нѣсколько отдѣльныхъ эксплуатацій солидныхъ размѣровъ ⁶⁾.

qui honore rerumque gestarum amplitudine ceteros populi Romani praestiterunt, exposuit ita, ut sub singulorum imaginibus facta magistratusque eorum non amplius quaternis quinisque versibus descripserit...“ Цицеронъ очень былъ польщенъ тѣмъ, что и его портретъ находился въ ихъ числѣ. *Ad Att.* I, 16, 15: „Epigrammatis tuis, quae in Amaltheo posuisti, contenti erimus, praesertim cum et Thyillus nos reliquerit et Archias nihil de me scripserit...“

¹⁾ *Drumann*, V, 63. Другіе, можетъ быть, не совсѣмъ безъ основанія предполагаютъ, что въ этомъ роуѣ нужно видѣть выгнѣму богатства страны или плодородія помѣстій Атика.

²⁾ Цицеронъ (*Ad Att.* III, 7, 1) называетъ его укрѣпленнымъ замкомъ („castellum munitum“), можетъ быть, потому, что дѣйствительно усадьба была построена въ расчетъ на необходимость защиты. А можетъ быть, это просто юмористически выраженная мысль, что гостепріимство Атика—прочный пріютъ. Во всякомъ случаѣ слово *castellum* вызываетъ представленіе о возвышенномъ мѣстѣ.

³⁾ *Cic.* De legib. II, 3, 7: „Cave enim putes Attici nostri Amalthio platanisque illis quicquam esse praeclarius. Sed, si videtur, considamus hic in umbra atque ad eam partem sermonis ex qua egressi sumus, revertamur“.

⁴⁾ *Ibid.* „Sed tamen huic amoenitati, quem ex Quinto saepe audio, Thyamis Epirotes tuus ille nihil, opinor, concesserit“.

⁵⁾ *Strab.* VII, p. 324.

⁶⁾ У Цицерона въ письмахъ упоминаются нѣсколько рабовъ и вольноотпущенниковъ Атика, принадлежавшихъ къ его *familia Epirotica* и занима-

Море и расходящіяся въ разныя стороны римскія дороги служили артеріями, по которымъ направлялись къ выгоднымъ ближайшимъ рынкамъ востока и запада культивировавшіеся Аттикомъ продукты. Вѣроятно, не было недостатка на земляхъ его въ поляхъ, удобныхъ для производства хлѣба; но не онъ составлялъ главную спеціальность сельскохозяйственнаго производства мѣстности: римскій рынокъ былъ завоеванъ пока дешевою пшеницею Сициліи и Африки. Эпиръ же главнымъ образомъ славился простыми, легко переносимыми перевозку сортами фруктовъ ¹⁾ и превосходными породами лошадей ²⁾ и рогатаго скота ³⁾. Итакъ хлѣбопашество для внутренняго сбыта въ городахъ балканскаго полуострова, разведеніе плодовыхъ деревьевъ у береговъ рѣкъ въ долинахъ и скотоводство „en grand“ на холмахъ и горахъ ⁴⁾ обрисовывали типическую фізіономію хозяйства многочисленныхъ и обширныхъ плантацій и пустошей эпирскихъ владѣній Ат-

вншихъ, повидному, важное мѣсто въ хозяйствѣ. Можно думать, что они служили управляющими (*vilici, procuratores*) различныхъ частей эпирской латифундіи господина. Таковы, напримѣръ, *Alexio* (*Cic. Ad Att. VII, 2, 3; XIII, 25, 3;*), *Trypho Caecilius* (*III, 8, 3*), *Arcus, T. Caecilius Eutychedes* (*V, 9, 1; IV, 15, 1; 16, 9*) и, какъ кажется, особенно довѣренный челоуѣкъ — *Q. Caecilius Epirota* (о немъ говоритъ *Suet. De grammat. 16*).

¹⁾ См. *Plin. XV, 51*: „...(*Mala*) orbiculata a figura orbis in rotunditatem circumfati. Haec in Epiro primum provenisse argumento sunt Graeci, qui Epirotica vocant“. Cfr. *Cic. Ad fam. VIII, 15, 1*: „*mala orbiculata*“.

²⁾ *Verg. Georg. I, 59*: „(mittit) Eliadum palmas Epiros equarum“.

³⁾ *Varr. R. r. II, 5, 10*: „...transmarini Epirotici (boves) non solum meliores totius Graeciae, sed etiam quam Italiae“.

⁴⁾ Не даромъ Варронъ влагаетъ въ уста Аттика наставленія, которыя онъ даетъ сельскимъ хозяевамъ для разведенія скота. См. *De re rust. II, 2, 1*: „Sed quoniam nos nostrum pensum absolvimus ac limitata est pecuaria quaestio, nunc rursus vos reddite nobis, o *Epirotae*, de una quaque re, ut videamus, quid pastores a Pergamide Maledove potis sint. *Atticus*... Ego opinor, inquit, incipiam primum, quoniam in me videre coniecisse oculos, et dicam de primigenia pecuaria“. Затѣмъ онъ начинаетъ рѣчь съ овецъ, и это заставляетъ думать, что у него въ Эпирѣ практиковалось также овцеводство, кромѣ коневодства и разведенія крупнаго рогатаго скота. Въ другомъ мѣстѣ у Варрона (*De re rust. II, 10, 11*) одинъ изъ собесѣдниковъ автора (Косский) рассказываетъ, какъ Аттикъ распредѣлялъ свои эпирскія громадныя стада „толсторонныхъ овецъ“ на группы по 700 головъ, и сколько назначалъ пастуховъ для наблюденія за ними („Ego in octogenas *hirtas oves* singulos pastores constitui, *Atticus* in centenas. *Greges ovium*, si sunt magni, quos miliarios faciunt quidam, facilius de summa hominum detrahare possis, quam de minoribus, ut sunt et *Attici* et *mei*. *Septingentarii enim mei*: tu, opinor, *octingentarios habuisti*“).

тика ¹⁾. Все это давало огромные барыши, удовлетворяя широкому спросу, все это питало если не прямо колоссальное, то во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ почтенное богатство.

¹⁾ Такимъ образомъ, его „*possessiones Epiroticae*“ состояли изъ большого соединенія воздѣланныхъ имѣній (*fundi*) и необработанныхъ пространствъ (*saltus*). Слово *fundus*, которое по существу обозначаетъ всякаго рода земельную собственность (*Dig. L, 16, 115: „Fundus est omne, quidquid solo tenetur“*) и въ этомъ смыслѣ является равносильнымъ термину *praedium* (*Mommsen, Hermes, XIX, 397*), примѣнялось преимущественно къ наименованію устроенныхъ и правильно эксплуатируемыхъ сельскихъ недвижимостей (*G. Humbert у Daremberg et Saglio h. v: „Fundus désignait un domaine ou un ensemble composé de terres et d'édifices“*); между тѣмъ *praedium* одинаково удобно прилагалось къ городскимъ домамъ съ дворами и садами или безъ нихъ (*praedia urbana*), какъ и къ деревенскимъ помѣстьямъ (*praedia rustica*). См. о *fundus* *Dig. L, 16, 211: „Fundi appellatione omne aedificium et omnis ager continetur: sed in usu urbana aedificia aedes, rustica villae dicuntur. Locus vero sine aedificio, in urbe area; rure autem ager appellatur. Idemque ager cum aedificio fundus dicitur“*. Наконецъ, еще точнѣе, чаще всего этимъ словомъ обозначалась соединенная въ одну владѣльческую единицу группа участковъ обработанной земли (*Varr. Ling. lat. V, 40; Dig. VII, 4, 8*)—культивированное имѣніе, въ которомъ усадьба (*villa*) является лишь необходимымъ аксессуаромъ. (См. *Cato, De re rust. 2; cfr. 3*). См. *Mommsen (Hermes, XIX, 394): „Ein... auf einen einzelnen Namen gestelltes, räumlich geschlossenes Grundstück heisst technisch fundus“*. Анализъ понятія *fundus*, оригинальный и остроумный, можно найти у *Fustel de Coulanges, L'alleu et le domaine rural, p. 15 et suiv.* — Что же касается слова *saltus*, то первоначальное основное значеніе его определяется слѣдующимъ текстомъ Феста (*Evit. ed. Müller, p. 302*): „*saltus est ubi silvae et pastiones sunt*“, который дополняется другимъ аналогичнымъ, встрѣчающимся у Варрона (*Ling. lat. V, 36*): „*Quos agros non colebant propter silvas aut id genus ubi pecus potest pasci... saltus nominarunt*“. Такимъ образомъ *saltus* — это незахваченное похъ обработку лѣсное пастбище выгоннаго типа („*silva pasua*“, *Dig. L, 16, 30, 5*), расположенное обыкновенно въ возвышенной мѣстности („*Bergweide*“, см. *Mommsen, Hermes, XIX, 393*). Въ такомъ смыслѣ слово это постоянно встрѣчается у писателей изучаемаго времени — прозаиковъ и поэтовъ (много примѣровъ собрано у *Forcellini, v. „saltus“*). Здѣсь не имѣется въ виду дать полное наслѣдованіе развитія правового значенія указанныхъ понятій (о *saltus* см. *Fustel de Coulanges, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, p. 25 ss. и Schulten, Die röm. Grundherrschaften, p. 2 ff.*). Тутъ желательно было только указать, что въ составъ недвижимостей, приобретаемыхъ Аттікомъ, входили воздѣланные помѣстья (*fundi*) разной величины, переходившія къ нему, по большей части, отъ другихъ частныхъ лицъ, и дикія земли пастбищнаго характера (*saltus*), приобретаемыя чаще всего, должно быть, отъ государства. Корнелій Непотъ (*Att. 14, 3*) называетъ всю совокупность владѣній Аттіка въ Эпирѣ *possessiones*, а не *praedia* опять же, по всей вѣроятности, потому, что послѣднее слово, какъ родственное съ *praes, praedes* обозначало земли, составлявшія *квиритарную* собственность и могущія быть субингирированными го-

Бутротійская латифундія Аттика, образовавшая огромное сплошное и широко раскинутое цѣлое, обладала, весьма возможно, нѣкоторою земскою независимостью. Основною и простѣйшею единицею областного управления въ римскомъ государствѣ являлась, какъ извѣстно, муниципальная община, то-есть, городъ съ приписаннымъ къ нему опредѣленнымъ пространствомъ окружающей почвы. Помѣстья и поселенія, лежавшія въ предѣлахъ городского округа, зависѣли въ административномъ отношеніи отъ дѣйствовавшихъ въ городѣ властей. Но рядомъ съ такими нормальными округами или уѣздами, на которые раздѣлены были владѣнія римскаго народа—Италія, какъ и провинціи—существовали въ римскомъ мірѣ „экзимированныя мѣстности“, то-есть, земли, изъятыя изъ состава территоріи сосѣдняго муниципального центра¹⁾. Въ такомъ случаѣ собственники послѣднихъ освобождались отъ обязанности выполнять возложенныя на гражданъ и обывателей городской общины (*res publica, civitas—colonia, municipium etc.*) повинности (*munera*); они не должны были также подчиняться

сударству, какъ залогъ (см. *Mommsen*, St. R. 3 Aufl. II, 430), то-есть, этимъ именемъ въ тѣсномъ смыслѣ могли называться лишь италійскія имѣнія. Корнелій говоритъ: „*praedium Nomentanum et Arretinum T. Pomponii*“, но „*Epiroticae possessiones*“.

¹⁾ Признаки такого рода выдѣленія нѣкоторыхъ, чаще всего большихъ комплексовъ земельной собственности изъ границъ обыкновенныхъ городскихъ общинныхъ территорій, уже давно замѣчались въ различныхъ источникахъ изслѣдователями римскаго землевладѣнія. Ясно же подчеркнуты они были впервые Моммзеномъ въ извѣстной его статьѣ о надписи *saltus Burunitanus* (см. „*Hermes*“, XV, стр. 391—397). Но особенно внимательно данныя объ этомъ явленіи стали изучаться лишь въ послѣдніе годы. См., напримѣръ, *M. Weber*, *Röm. Aergeschichte* (1891), p. 60—62; 250—252; 260 etc.—Интересную попытку объединенія всего имѣющагося для освѣщенія этого вопроса материала можно найти въ работѣ Адольфа Шультена — „*Die römischen Grundherrschaften*“ (*Weimar*, 1896), въ различныхъ мѣстахъ, особенно на стр. 3—13; 107—119 и др.—Въ существованіи и даже достаточномъ распространеніи въ римскомъ мірѣ „внѣ-муниципальныхъ территорій“ теперь послѣ обстоятельнаго выясненія дѣла уже нельзя сомнѣваться, и указываемое явленіе очень важно для истолкованія многихъ существенныхъ сторонъ земельного развитія римскаго государства. Поэтому нѣтъ надобности распространяться здѣсь о немъ, такъ какъ оно твердо установлено; но весьма полезно сослаться на полученные при разслѣдованіи его выводы и имѣть ихъ въ виду. Ср. *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'empire romain*, въ „*Nouv. rev. hist. de dr. fr. et étr.*“ 1897, p. 549 ss. 1898, p. 72 ss. У послѣдняго автора сообщаются нѣкоторыя новыя детали, приводятся нѣсколько дополнительныхъ текстовъ, и вопросъ обобщенъ окончательно.

мѣстнымъ ея уставамъ, учреждениямъ и магистратамъ, непосредственно отвѣчая передъ представителемъ центрального правительства. Внутри же помѣстья появилось и вырабатывалось нѣчто въ родѣ частнаго законодательства, исходившаго отъ владѣльца (*lex saltus*)¹⁾. Наиболѣе типичнымъ и полнымъ носителемъ такой привилегіи, такъ сказать, „имперской автономіи“ являлись „помѣстья Цезарей“²⁾. Стало быть, развитіе указываемой здѣсь оригинальной особенности земельного права относится уже ко временамъ принципата. Но нерѣдко обнаруживается изъ источниковъ, что аналогичными преимуществами пользовались собственники крупныхъ „барскихъ вотчинъ“³⁾. Слѣдовательно, нельзя связывать самое возникновеніе упоминаемыхъ здѣсь аграрныхъ порядковъ непременно

¹⁾ *Beaudouin*, *Ibid.* 1898, p. 83 ss. Слово *lex*, впрочемъ, встрѣчается только по отношенію къ императорскимъ помѣстьямъ.

²⁾ См. *Schulten*, *Grundherrschaften*, p. 119—121.—Ср. мѣше *R. His*, *Die Domänen der Römischen Kaiserzeit* (Leipzig, 1896), p. 14—17; 114—117; также замѣчанія *Beaudouin* въ „*Nouv. rev. hist. de dr. fr. et étr.*“, 1897, p. 559 ss.

³⁾ Онѣ носили иногда (въ Италіи) названіе *fundi excepti*. См., для примѣра, текстъ Гигина (*Gromat. vet.* ed. Lachm., p. 197, 10): „*Excepti sunt fundi bene meritorum, ut in totum privati iuris essent, nec ullam coloniae munificentiam deberent, et essent in solo populi Romani*“.—Шультевъ (стр. 5) толкуетъ этотъ отрывокъ слѣдующимъ образомъ: „*Die Verbindung ‚privati iuris—nec‘ zeigt, dass diese Grundstücke unter privater, nicht unter municipaler Hoheit standen, Privatgrundherrschaften waren. ‚Privati iuris‘ hat aber hier eine politische Bedeutung, bezeichnet territoriale Autonomie. In solo populi Romani sind die Grundstücke in dem Sinne wie die Municipien, sie sind reichsunmittelbar, wie wir sagen*“.—Впрочемъ, какъ техническое наименованіе такихъ „экзимирированныхъ“ территорій обыкновенно появляется слово „*saltus*“. См. *Schulten*, *Grundherrschaften*, p. 2 и *His*, *Die Domänen*, p. 13.—Тутъ полезно вспомнить извѣстныя слова Фронтина (*Gromat. vet.* p. 53, 3): „*...Inter res p(ublicas) et privatos non facile tales in Italia controversiae moventur, sed frequenter in provinciis, praecipue in Africa, ubi saltus non minores habent privati quam res p(ublicae) territoria... Tum r. p. controversias de iure territorii solent movere, quod aut indicare munera dicant oportere in ea parte soli, aut legere tironem ex vico, aut vecturas aut copias devehendas indicare eis locis quae loca res p. adserere conantur...*“ Cfr. *Id.* (*Ibid.* p. 46, 3): „*...Nam inter res publicas non mediocriter eiusmodi controversia solet exerceri, quam frequenter coloniae habent cum coloniis aut municipiis aut saltibus Caesaris aut privatis. Nec enim refert, cuius sit solum aut cuius iuris ad movendam controversiam*“.—Приведенные тексты свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ существованіи означенной „экстерриториальности“ крупныхъ частныхъ помѣстій, хотя и обнаруживаютъ, что примѣненіе ея вызвало споры.—У Шультезна собраны и сооставлены всѣ другія данныя, которыя доказываютъ „*die Autonomie der Gutsherrschaften*“. См. у него стр. 6 и сл. Ср. *Beaudouin*, l. c.

съ фактомъ утверждѣнія имперіи: оно могло предшествовать этому перевороту. Моммзенъ даже прямо предполагаетъ, что происхожденіе описаннаго соціальнаго обычая коренится именно въ общественныхъ и государственныхъ отношеніяхъ падающей республики ¹⁾. Съ приобрѣтеніемъ подобныхъ правъ непосредственнаго подчиненія одному центру римскаго міра выдѣленные изъ муниципальныхъ рамокъ „частныя латифундіи“ дѣйствительно обращались по отношенію къ мѣстности, среди которой находились, нѣкоторымъ образомъ, во „владѣтельные княжества“, наполовину самостоятельныя ²⁾.

¹⁾ Великій историкъ пишетъ (*Hermès*, XV, 396): „Das System der ausser und neben den Stadtbezirken stehenden Herrschaften, wie wir es unter dem Principat vorzugsweise in Africa entwickelt finden, wird hiernach, vom römischen Standpunct aus betrachtet, nicht in den Provinzen, sondern in Italien und nicht durch den Principat, sondern durch die Senatsoligarchie ins Leben gerufen sein“. Возможно, что первоначальной причиною, объясняющей возникновение разсматриваемаго явленія, было то обстоятельство, что изображаемые автономные *fundi excepti, saltus, Grundherrschaften, вотчины* зарождались чаще всего на поверхности *agri publici*, то-есть, въ мѣстностяхъ, которыя сами по себѣ часто стояли вѣн муниципальнаго устройства (Ср. *Schulten*, *Grundherrschaften*, p. 10).— Предположеніе Моммзена особенно вѣроятно въ примѣненіи къ провинціальному землевладѣнію. Дѣйствительно, трудно было бы представить себѣ во время республики подчиненіе обширной территоріи, присвоенной римскому гражданину, административнымъ органамъ городской общины, населенной подданными римскаго народа. Шультенъ говоритъ („*Grundherrschaften*“, p. 8), что „der eigentliche Grundherrenstand sind die Senatoren“. Но это правило, въ большинствѣ случаевъ вѣрное для позднѣйшихъ вѣковъ имперіи, когда окончательно сложилось „сословіе имперскихъ сенаторовъ“, врядъ ли могло уже выработаться, какъ исключительное, въ концѣ республики. То обстоятельство, что Атикъ не былъ сенаторомъ, а оставался всадникомъ, не можетъ поэтому служить препятствіемъ для причисленія его эфирскихъ владѣній къ „*possessiones exceptae*“, такъ какъ „*principes ordinis equestris*“ должны были въ его время раздѣлять съ сенаторами такого рода соціальныя привилегіи. М. Веберъ („*Röm. Agrargesch.*“ p. 251) приводитъ рядъ текстовъ о подобныхъ частновладѣльческихъ экзимирированныхъ территоріяхъ, изъ которыхъ вовсе не видно, что это было спеціальное преимущество сенаторскаго нобилитета (Ср. *Ibid.* p. 188 sq.).

²⁾ Кунъ (*E. Kuhn*, *Die städtische und bürgerliche Verfassung d. Röm. Reichs*, I, 18) называетъ римскую имперію оригинальною федераціею городскихъ самоуправляющихся республикъ, признающихъ надъ собою абсолютную власть императора („Der Form nach stellt das Römische Reich gleichsam eine Föderativrepublik von souverainen Schweizerkantonen dar, obgleich vom Kaiser despotisch beherrscht“). Правда, что „муниципальная свобода“ развилась особенно широко въ первые два вѣка послѣ утверждѣнія единодержавія Августа; но зародки ея существовали уже во время республики; поэтому „экзимирированныя частновладѣльческія территоріи“— „*die Grundherrschaften*“, какъ удачно обозначаетъ

Понятіе „*fundus exceptus*“ позволительно распространить въ видѣ весьма вѣроятной догадки на бутротійскія „*possesiones*“ Аттика. Такъ хорошо будетъ объяснена независимость ихъ положенія и мѣстное могущество ихъ обладателя. Т. Помпоній предстанетъ въ такомъ случаѣ передъ глазами историка въ роли территоріальнаго владыки, богатство котораго ставило его въ положеніе экономическаго господина края; мѣстная же автономія и политическія привилегіи сообщили ему непобѣдимую соціальную силу и власть надъ окружающимъ населеніемъ ¹⁾. Кто знаетъ, можетъ быть, именно такое обособленное положеніе эфирскихъ земель Аттика отъ территоріи городской общины бутротійцевъ послужило достаточнымъ юридическимъ предлогомъ для освобожденія ихъ отъ конфискаціи, которой должна была подлежать собственность гражданъ этого города послѣ битвы при Фарсаль по распоряженію Цезаря ²⁾.

Къ главному „материку“ бутротійскаго „царства“ Аттика примыкали второстепенныя, по сравненію съ ними, но все же сами по себѣ немаловажныя земли, расположенныя, какъ „острова“ или „колоніи“, въ мѣстностяхъ, близкихъ отъ „метрополи“. Цицеронъ упоминаетъ дѣйствительно объ

ихъ вѣмецкая соціально-историческая терминологія, являясь равноправными съ муниципальными единицами, то-есть, съ городскими территоріями, на которыя распадалось государство, признавая надъ собою лишь высшій авторитетъ римскаго народа и повинуюсь лишь непосредственному представителю его верховной власти, провинціальному наместнику. А такое положеніе, благодаря фактической солидарности интересовъ всѣхъ членовъ высшаго римскаго сословія, давало частному магнату полную свободу дѣлать все, что угодно, подъ прикрытіемъ равнодушія или потворства проконсула.

¹⁾ Цицеронъ шутливо называетъ въ одномъ письмѣ теспротійскія и хаонскія помѣстья Аттика „провинціею“, которою онъ „управляетъ“, какъ хочетъ (*Ad Att. VI, 3, 2*): „*Quanto tua provincia melior! Decedes, quum voles, nisi forte iam decessisti; quem videbitur, praeficies Thesprotiae et Chaoniae*“. Онъ говоритъ это, жалуясь на трудную задачу найти себѣ замѣстителя на слѣдующій годъ для управленія Киликіей, и имѣетъ въ виду несомнѣнно „*Epiroticae possessiones*“ Аттика. Можетъ быть, тутъ есть намекъ на экзимпрованное положеніе пріобрѣтенной имъ въ частное владѣніе территоріи.

²⁾ Если онѣ не входили въ предѣлы „*ager Buthrotius*“, ихъ можно было удобно исключить изъ состава предназначенной къ экспроприаціи площади („*territorium Buthrotiorum*“), не прибѣгая къ спеціальной милости и оставляя даже владѣнія бутротійцевъ подъ ударомъ конфискаціи.

имѣніяхъ друга, находившихся на *Корциръ* и на разбросанныхъ у берега Эпира *сиботійскихъ* островахъ ¹⁾, а можетъ быть, мы и не знаемъ всѣхъ составныхъ частей аттиковыхъ владѣній на балканскомъ полуостровѣ ²⁾, и вообще на востокѣ. Очень возможно допустить, что онъ приобрѣлъ себѣ *земли въ Азій*, или что онъ занималъ тамъ такъ же, какъ и въ Италіи, обширныя *pasua publica*, или „держалъ“ въ арендѣ у государства на тѣхъ или иныхъ условіяхъ во всякомъ случаѣ значительныя пространства *agri publici* какой-нибудь категоріи. Такое предположеніе давало бы хорошее лишнее объясненіе того, въ чемъ заключались отношенія Аттика къ азіатскимъ публиканамъ ³⁾. Можетъ быть,

¹⁾ Это видно изъ словъ Цицерона (*Ad Att.* V, 9, 1): „Actium venimus ...quum quidem et Corcyrae et Sybotis muneribus tuis, quae et Araus et meus amicus Eutychides oripare et φιλοπροσφιλότητα nobis congesserant, epulati essemus Saliarem in modum“. Эти люди были вольноотпущенники Аттика, управлявшие, вѣроятно, какъ указано, данными имѣніями и принимавшіе Цицерона. Ср. *Cic. Ad Att.* VII, 2, 3: „In Actio Corcyrae Alexio me oripare muneratus est“. Объ *insulae Sybotae* (τῆ Σύβοτα ... νησιδες) см. у *Strab.* VII, p. 324 и *Plin.* Н. п. IV, 53.

²⁾ Старые изслѣдователи выводили изъ одного мѣста Цицерона (*Ad Att.* III, 12, 3), что у него было еще имѣніе около Додоны; но уже Друманнъ считаетъ это толкованіе невѣрнымъ (*Gesch. Roms*, V, 63, пр. 72): оно основывается на конъектурѣ, служащей къ объясненію этого во всякомъ случаѣ испорченнаго мѣста Цицерона; но новыя критическія изданія отвергаютъ такую поправку.

³⁾ Вѣрнѣе всего, именно къ кругу такого рода земельныхъ отношеній принадлежала *controversia Mulviana*, о которой идетъ рѣчь въ выше разобранномъ текстѣ Цицерона—*Ad Att.* II, 15, 4. На основаніи его же словъ въ другомъ мѣстѣ (*De leg. agr.* II, 21, 56; 57), подтверждаемыхъ и другими источниками, можно предположить, что въ его время въ Италіи было много земель, право владѣнія которыми въ связи съ условіями обложенія и не всегда ясно опредѣленною степеню и формою власти народа надъ ними, не было регулировано съ достаточною отчетливостю и потому подлежало спорамъ. Были земли, которыя хотя теоретически признавались за *ager publicus*, но на самомъ дѣлѣ являлись частною собственностю, только номинально обложенною податю. Таковы были *ager quaestorius*—одинъ изъ видовъ провинціального *ager privatus vectigalisque*. Такъ какъ Теренція отрицала обязанность вносить какую бы то ни было подать, то нужно думать, что земли ея, находившіяся гдѣ-нибудь въ провинціяхъ, относились именно къ этому классу (см. *Willems*, *Le droit publ. Rom.* p. 334 и указаннныя у него тексты и литературу). Аттикъ же, который подчинялся подати, вѣроятно, владѣлъ помѣстьями, входившими въ какой-нибудь другой, менѣе привилегированный видъ *agri privati vectigalisque*, или даже причислившимся къ *ager censorius* въ широкомъ смыслѣ (*Ibid.*), и вся льгота, которой онъ добивался, и мотивы которой неизвѣстны, можетъ быть, сводилась къ ограниченію его обязательства лишь минимальнымъ налогомъ. Таковымъ предста-

этими землями, если онъ дѣйствительно (какъ вѣроятно думать) существовали, завѣдывали его азіатскіе прокураторы, о которыхъ говорилось выше, и онъ участвовалъ продуктами своего хозяйства въ тѣхъ громаднѣхъ спекуляціяхъ хлѣбомъ, которыя производились на почвѣ этой провинціи. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если отрывочныя данныя, которыми принужденъ довольствоваться біографъ Аттика, оставляютъ въ неизвѣстности даже многіе изъ элементовъ его провинціальной собственности.

2. Источники, по которымъ изучается біографія Аттика, ничего не сообщаютъ о внутренней организаціи его помѣстій и объ условіяхъ, въ которыхъ жило ихъ земледѣльческое население. Но, конечно, на нихъ должны были практиковаться главныя типичныя формы эксплуатаціи латифундій въ римскомъ мірѣ. Таковыми являлись въ цвѣтущее время римскаго сельскаго хозяйства преимущественно двѣ—барская культура, производившаяся рабами подъ управленіемъ виликовъ, и мелкое фермерство свободныхъ крестьянъ-сѣмшиковъ.

О сосуществованіи обѣихъ формъ обработки крупнѣхъ помѣстій въ эпоху, когда жилъ Аттикъ, мы узнаемъ, прежде всего, изъ одного текста Варрона, свидѣтельство котораго имѣетъ рѣшающее значеніе, такъ какъ этотъ авторъ былъ современникомъ Аттика. Онъ прямо говоритъ, что земли воздѣлываются либо рабскими, либо свободными руками, либо тѣми и другими вмѣстѣ ¹⁾. Первый способъ—планта-

вляется самое простое и естественное толкованіе даннаго текста; вопросъ же о мѣстности, гдѣ находились спорныя „поссессіи“, долженъ остаться открытымъ, хотя Азія рисуется самою подходящею для нихъ областью. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный анализъ различныхъ видовъ провинціального землевладѣнія, могущихъ подойти къ объясненію даннаго случая, который самъ по себѣ неясенъ и гадателенъ.

¹⁾ *Varr. De re rust. I, 17, 2: „Omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque“.* Въ выписанныхъ словахъ рѣзко отлчаются *рабскій* и *свободный* элементы въ земледѣльческомъ населеніи. Далѣе авторъ указываетъ, на какія категоріи распались послѣдніе (свободные земледѣльцы). Подробности, сообщаемыя въ этомъ любопытномъ текстѣ, будутъ разобраны ниже. — Исторія сельскихъ классовъ въ Римѣ до сихъ поръ не изучена и не представлена надлежащимъ образомъ, какъ того требовала бы важность вопроса. Свѣ-

ціонное рабское хозяйство,—долженъ былъ, нужно думать, преобладать, такъ какъ таковъ былъ именно древнѣйшій приемъ эксплуатаціи крупныхъ помѣстій у римлянъ. У Катона, можно сказать, почти не говорится о настоящихъ вольныхъ арендаторахъ ¹⁾. Рабская культура исключительно прихвнялась, по всей вѣроятности, въ тѣхъ изъ помѣстій Атика, гдѣ господствовало пастбищное хозяйство или грубое, поверхностное, экстенсивное полеводство. Вторая же система, то есть, фермерская аренда, возникла и постепенно распространялась въ отдѣльныхъ хозяйствахъ на подходящихъ угодьяхъ по мѣрѣ того, какъ на нѣкоторыхъ земляхъ утверждалось болѣе усовершенствованное интенсивное хлѣбопашество и особенно разведеніе винограда, плодовыхъ деревьевъ или огородныхъ растений. Варронъ уже ясно констатируетъ существованіе мелкаго фермерства на латифундіяхъ ²⁾. Факты,

дѣнія о ихъ социальномъ и юридическомъ положеніи въ концѣ республики и во времена имперіи можно найти въ различныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи происхожденія колоната, напримѣръ, у Родбертуса, Гейстербергга, Моммзена, Фюстель де Куланжа, Сегра, М. Вебера и другихъ. Для выясненія частныхъ пунктовъ того же вопроса хорошо служатъ новѣйшія работы объ африканскихъ *sallus*—Шультена, Кюка, Тутена и др.

¹⁾ Сельскохозяйственная эксплуатація рабовъ прежде всего сопровождала появленіе и ростъ крупнаго землевладѣнія, совершавшіяся, какъ извѣстно, параллельно съ развитіемъ рабства. Первоначально латифундія чаще всего именно сгоняла крестьянина съ земли, завладѣвая его участкомъ и замѣняла его рабами. Только при дальнѣйшемъ распространеніи процесса и вмѣстѣ съ измѣненіемъ экономическихъ условий для работы въ крупныхъ имѣніяхъ потребовались новыя свободныя элементы. На помѣстьяхъ, изображенныхъ въ агрономическомъ трактатѣ Катона, трудятся либо рабы, являющіеся постояннымъ рабочимъ инвентаремъ хозяйства, либо вольнонаемные батраки, временно приглашаемые со стороны. Люди, которыхъ Катонъ именуетъ *politores*, лучше всего понимаются, въ большинствѣ случаевъ, именно, какъ пришлые *mercennarii*, работающіе за натуральное вознагражденіе („изъ части“). См. *Cato, De re rust.* сс. 136, 137, 145, 146, 148, 149, 150. См. *Mommsen, Römische Gesch.* (8 Aufl.), I, 833—836. Врядъ ли справедливо объясняетъ дѣло *Dureau de la Malle, Econom. polit. des Rom.* II, 59 ss.—Ср. *M. Weber, Röm. Agrargesch.* p. 236.

²⁾ Характеризуя положеніе свободныхъ людей, обрабатывающихъ большія помѣстья, Варронъ (*R. r.* I, 17, 2) говоритъ прежде всего: „...liberis (hominibus agri coluntur), aut cum ipsi colunt, ut plerique pauperculi cum sua progenie...“ Въ словахъ этихъ отчетливо рисуется именно фермерская культура. Врядъ ли правильно предполагать тутъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, такъ какъ, во-первыхъ, ничего не сказано о томъ, что они воздѣлываютъ свои поля, а во-вторыхъ, изъ контекста видно, что описывается устройство крупнои сельской недвижимости и изображаются ея органы.

иллюстрирующие его утверждение, попадают у поэтов изучаемой эпохи ¹⁾. У Колумеллы эта форма аграрных отношений занимает уже видное место в описании организации крупного хозяйства ²⁾. Внимательное исследование богатого эпиграфического материала, открытого в римской Африке, показало с полной очевидностью, что этот порядок приложения труда свободного безземельного человека к чужой земле являлся сложившимся очень важным социальным институтом не только в первом веке империи, но и в последнем республике ³⁾.

¹⁾ Выше были приведены и разобраны соответствующие тексты Горация (см. стр. 118, 173 настоящей книги). Из анализа их видно, что в его время латифундии культивировались рабами и свободными арендаторами; а поэт был также младшим современником Аттика. Собранные там же отрывки из стихотворений других авторов подтверждают и дополняют высказываемое здесь положение.

²⁾ См. *Colum. De re rust. I, 7. Cp. Heisterbergk, Die Entstehung des Colonats, p. 84.*

³⁾ Это доказывается знаменитыми надписями, найденными в различных местностях старой карфагенской провинции, изучению которых посвящена целая ученая литература. Данные, получаемые из их анализа, сведены в очень полезной, несколько раз цитированной работе *A. Schulten, Die römischen Grundbesitzschaften (1896)*. — См. специально по затрогнуемому здесь пункту стр. 93 — 105. После выхода этой книги открыты были около Henchir Mettich, также в Африке, новый замечательный эпиграфический памятник, проливающий еще больше света на аграрные отношения в римском мире и в частности на юридическое и социальное положение съемщиков чужой земли. Находка эта вызвала опять ряд исследований, результаты которых опубликованы в упомянутом сочинении *E. Beaudouin, Les grands domaines de l'empire romain (в Nouv. rev. hist de dr. fr. et. étr. за 1897 и 98 гг.)*. — В данных надписях практика свободной аренды констатируется, как давно распространенный обычай во времена Адриана. Уже это обстоятельство позволяет признавать существование его, как типичного вида эксплуатации земли, в изучаемое здесь время, так как подобные порядки лишь медленно входят в жизнь. Если же справедливо мнение Шультена *Abh. d. Ges. d. Wiss. zu Göttingen, Ph-hist. Cl. 1897, N. F. 2 Bd. Separatabdruck, p. 18*) и Кюка („*Le colonat partiaire dans l'Afr. rom.*“, в „*Mém. présentés à l'Ac. des inscr.*“ 1898, 1-ère série, t. XI, extrait, p. 63 ss.), что *lex Manciana*, который регулировал арендные отношения в Африке (как видно из последней найденной там надписи), был издан в последние десятилетия республиканского периода, то высказанное только что предположение подтверждается уже вполне. В таком случае Аттику даже незначительно было выработать новые приемы; он мог следовать какому-нибудь аналогичному с *lex Manciana* распоряжению, относившемуся к балканским провинциям и устанавливавшему там правила аренды. См. подробности в различных работах об африканских *saltus*, библиографические указания на которые собраны очень полно в статьях Бодуэна.

Здѣсь не мѣсто входить въ систематическое изученіе эволюціи земледѣльческихъ классовъ въ римскомъ мірѣ: въ настоящей связи необходимо было лишь показать въ общемъ, какія формы организациі труда регулировали ихъ бытъ во времена Аттика. Какъ наблюдательный и искусный хозяинъ, онъ могъ понять раньше многихъ другихъ невыгодность плантаціонной формы культуры. Онъ видѣлъ, что сельскохозяйственный трудъ соединенныхъ большими массами и потому легко избѣгающихъ контроля рабовъ мало производителенъ, вслѣдствіе низкаго качества такого подневольнаго труда незаинтересованныхъ въ успѣхѣхъ дѣла и хищнически истощаемыхъ людей ¹⁾. Ему не надо было даже предугадывать угрожавшее вздорожаніе „рабскаго товара“ вслѣдствіе пріостановки завоеваній и усыханія притока рабовъ извнѣ, чтобы прійти къ выводу о цѣлесообразности сокращенія количества рабскаго персонала въ своемъ хозяйствѣ и исканія другихъ видовъ рабочихъ элементовъ для благоустроеннаго крупнаго

¹⁾ Подвѣйшіе агрономы очень опредѣленно высказываютъ неодобреніе плантаціонному способу культуры руками работающихъ вмѣстѣ многочисленными группами рабовъ. См., напримѣръ, *Plin.* Н. п. XVIII 36: „Coli rura ab ergastulis pessimum est, et quidquid agitur a desperantibus“. Колумелла не разъ говоритъ о губительности для хозяйства рабскаго труда. См. *De re rust.* I, pr. 3: „...nostro potius accidere vitio qui rem rusticam pessimo cuique servorum, velut carnifici potius dedimus, quam maiorum nostrorum optimus quisque et optime tractaverit...“ Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель прямо утверждаетъ, что (по крайней мѣрѣ, вдаль отъ глаза самого хозяина) „...omne genus agri tolerabilius sit sub liberis coloniis, quam sub vilicis servis habere“ (*Colum.* I, 7, 6). Но, можетъ быть, это сознаніе невыгодности невольничьяго труда, не будучи настолько яснымъ, какъ оно сформулировано у специалистовъ конца перваго вѣка имперіи, уже проявлялось въ видѣ догадокъ и у ихъ предшественниковъ конца республики. Можетъ быть, приписываемое Катону мнѣніе о выгоды распространенія пастбищнаго хозяйства въ Италиі (см. *Cic.* *De off.* II, 25, 89) вытекало не только изъ сознанія трудности конкурировать на рынкѣ съ болѣе дешевымъ заморскимъ хлѣбомъ, но и изъ пониманія плохихъ качествъ рабскаго производства и желанія сосредоточить рабскую силу предпочтительно около такого вида культуры, въ которой трудъ играетъ сравнительно второстепенную роль. Катонъ не дѣлаетъ еще вывода о возможности разбивать латифундію на фермерскіе участки, чтобы парализовать невыгоды рабской культуры; но Аттикъ могъ, наблюдая такого рода формы земельныхъ отношеній въ провинціяхъ, установившіяся еще до римскаго завоеванія, и оцѣнивая экономическія потребности современности, пойти въ этомъ смыслѣ дальше своего учителя и позаботиться о томъ, чтобы принести къ хозяйству на своихъ помѣстьяхъ кромѣ рабской и фермерскую систему эксплуатаціи.

сельскаго предпріятія! Очень вѣроятно, что въ захолустныхъ углахъ своихъ эпирскихъ владѣній Аттику приходилось пускать въ расчистку подъ хлѣбопашество обширныя дѣвственныя пустоши. И онъ прекрасно уразумѣлъ, что для этого много разъ лучше подходила стойкая выносливость въ борьбѣ за существованіе свободныхъ людей, которые могли надѣяться обезпечить свое будущее, чѣмъ вялый, парализованный ненавистью трудъ ни на что не рассчитывавшихъ рабовъ ²⁾).

Поэтому Аттикъ, вѣроятно, началъ, гдѣ возможно было переходить къ системѣ этого типа. Онъ разбивалъ обширныя пространства въ своихъ имѣніяхъ на мелкіе участки и сажалъ на нихъ малоземельныхъ или безземельныхъ сосѣдей въ качествѣ срочныхъ арендаторовъ (*coloni-conductores*) за денежную плату (*merces*), а можетъ быть, также въ качествѣ фермеровъ-дольщиковъ (*partiarum*) ³⁾. Въ такой роли могли выступатьъ

¹⁾ Можетъ быть, у Аттика, какъ въ италійскихъ, такъ и въ провинціальныхъ имѣніяхъ было немало рабовъ, и онъ легко могъ, имѣя всегда въ распоряженіи большія суммы свободныхъ денегъ, въ нѣсколько разъ увеличить ихъ число.—Но африканскіе владѣльцы *saltus* овъ пускали на свои *agri rudes* именно свободныхъ сѣмщиковъ, хотя они часто обладали очень многочисленными рабами, какъ тотъ нумидійскій крупный землевладѣлецъ у Петронія (*Satir.* 117), который хвастался, что могъ бы составить изъ своихъ сельскихъ рабовъ армію, достаточно сильную для взятія Карфагена. См. *Fustel de Coulanges, Le colonat romain* (въ „*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*“), р. 25—42.—Примеченіи льготами, свободный людъ могъ такимъ образомъ возвысить цѣнность земель Аттика, обративъ пустоши въ пашни, хоть медленнѣе, но вѣрнѣе, чѣмъ сдѣлали бы нагнанныя туда толпы двигавшихся лишь изъ-подъ палки невольниковъ.

²⁾ Надписи, возникшія на африканскихъ *saltus*, констатируютъ, что рабочее населеніе ихъ состояло преимущественно изъ *coloni partiarum*; но не можетъ быть сомнѣнія, что рядомъ съ арендой изъ части дѣльна была практиковаться въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи и провинцій также сѣмка за деньги: такой видъ земельныхъ контрактовъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ по римскому праву. См. *Fustel de Coulanges, Le colonat romain*, р. 9—24. Теперь уже нельзя смотрѣть на „фермерство изъ части“, согласно Фюстель-де Куланжу, какъ на экстралегальный аграрный обычай (см. *E. Beaudouin, „Les grands domaines“, Nouv. rev. hist. de dr.* 1897, р. 692. Ср. *P. Brumm, Die colonia partiarum*, Berlin, 1897). Но осуществленіе обихъ формъ аренды — денежной и натуральной, несомнѣнно констатируется источниками, на которые указываетъ этотъ авторъ и другіе изслѣдователи римскаго земельного контракта (*locatio-conductio*). См. *Dig.* XIX, 2, 25, 6 (*Gai.*), гдѣ различаются между *coloni*— „*colonus qui ad pecuniam numeratam conduxit*“ и „*partiarum colonus*“. Ср. *Plin.* *Epist.* IX, 37, 8: „*Non nummo, sed partibus locem*“. Здѣсь хорошо еще вспомнить уже извѣстнаго гораціева „*fortem mercede colonum*“ (*Sat.* II, 2, 115).

объединившие граждане Бутрота или других городов Эпира или обыватели ихъ территорій такъ же, какъ въ Итали, экономически разстроенное население областей Номенты и Арретія, гдѣ расположены были главныя земли Аттика. Этимъ самымъ разоренные жители мѣстностей, около которыхъ выросли его владѣнія, все тѣснѣе захватывались въ экономическую кабалу ¹⁾. Къ подчиненной такимъ образомъ власти Аттика почвѣ кромѣ того постепенно притягивались по краямъ крестьянскіе владѣльческіе клочки, доживавшіе рядомъ съ барскимъ имѣніемъ послѣдніе дни своей самостоятельной жизни. Не будучи въ состояніи выдержать борьбу съ врагомъ, превышавшую ихъ силы, они понемногу поглощались имъ, а прежніе ихъ владѣльцы увеличивали собою число зависимыхъ въ той или другой степени отъ крупнаго магната людей ²⁾. На остающихся же незанятыхъ крестьянскими фермерскими хозяйствами, удобныхъ для земледѣлія, еще обширныхъ полосахъ своихъ земель Аттикъ энергично заставлялъ

¹⁾ Варронъ въ томъ же мѣстѣ (*R. r.* II, 17, 2) говоритъ, что часто свободное земледѣльческое население находилось въ положеніи тяжелой „задолженности“ по отношенію къ владѣльцамъ помѣстій: „...iique quos *obaeratos* postri vocitarunt“.—Обыкновенно слова эти приписывались, какъ социальная характеристика, пришлому рабочему населенію латифундій—батракамъ, которые, стало быть, „отрабатывали“ свои долги. Очень возможно, что это было отчасти такъ: разоренные бутротійцы, уже воспользовавшіеся кредитомъ Аттика и не удовлетворившіе своимъ обязательствамъ, обращались въ „обязанныхъ“ его крестьянъ, продолжая сидѣть на своихъ обремененныхъ долгами участкахъ. Но, можетъ быть, эти надѣлы уже перешли въ собственность Аттика, и они уже сѣли на его владѣніяхъ, оставаясь въ зависимомъ положеніи вслѣдствіе неуплаченныхъ ссудъ. Варронъ указываетъ, что подобнаго рода аграрная кабала была очень распространена между прочимъ въ Иллиріи (*Ibid.* „...et etiam nunc sunt in Asia atque Aegypto et in Illyrico complures“). Явленіе могло легко повториться и въ близъ лежащемъ Эпирѣ.—Даже и менѣе экономически заурядные граждане и обыватели соседнихъ муниципіевъ, вѣроятно, находили въ фермерствѣ на земляхъ крупныхъ магнатовъ нѣкоторый источникъ помощи отъ своего малоземелья.—Такъ открывались для Аттика многочисленныя пути для отысканія на выгодныхъ условіяхъ обильныхъ рабочихъ рукъ при эксплуатациіи своихъ помѣстій.

²⁾ Разнообразныя финансовыя предпріятія Аттика въ Эпирѣ, о которыхъ не разъ упоминаетъ Цицеронъ (см., напримѣръ, *Ad Att.* XIV, 10, 3), по всей вѣроятности, имѣли отношеніе къ землѣ. Его старанія оберечь территорію бутротіянъ отъ правительственной конфискаціи объясняются, нужно думать, надеждою на то, что многія изъ помѣстій жителей этого города, уже связанныхъ съ нимъ денежными обязательствами, будутъ постепенно переходить въ его руки за долги или скупаться имъ за безцѣнокъ.

попрежнему своихъ рабовъ сѣять хлѣбъ ¹⁾). Въ страдную же пору сѣнокоса, жатвы или сбора винограда на подмогу имъ сзывались пришлые наемные сельскіе рабочіе (*operarii*) изъ окружающихъ городовъ и селеній ²⁾.

¹⁾ По всей вѣроятности даже, Аттікь, какъ „рачительный хозяинъ“, принималъ рядъ мѣръ для упроченія быта своихъ рабовъ, для „поддержанія ихъ породы“ и улучшенія ихъ технической подготовки и трудовой способности. Можетъ быть, Варронъ отчасти имѣетъ въ виду именно хозяйство Аттіка, когда восхваляетъ эпирскихъ рабовъ. См. *De re rust.* I, 17, 5: „Praefectos (=рабовъ надсмотрщиковъ) alacriores faciendum praemiis [ad faciendam] dandaque opera, ut habeant peculium et coniunctas conservas, e quibus habeant filios. Eo enim fiunt firmiores, ac coniunctiores fundo. Itaque propter has cognationes *Epiroticae familiae sunt illustriores et cariores*“. Трудно утверждать, что Аттікь сажалъ уже своихъ рабовъ на мелкіе фермерскіе участки. Только впослѣдствіи такой обычай вошелъ въ силу, и отсюда выработалась весьма важная категория такъ называемыхъ *servi casati* (см., напримѣръ, *Cod. Iust.* IX, 49, 7, 1; другіе тексты у *Beaudouin* l. c. 1897, p. 690); но очень можетъ быть, что онъ поступалъ такимъ образомъ съ своими многочисленными волевоотпущенниками, находя въ нихъ подходящихъ, надежныхъ и достаточно подчиненныхъ хозяину арендаторовъ. Система эксплуатаціи латифундій помощью рабской силы, организованной по плантаціонному типу, довольно часто описывалась преимущественно въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи рабства (напр. у Валлона). Ср. *Becker-Göll*, „Gallus“ (I, 98 ff.) или еще *Ch. Dézobry*, „Rome au temps d'Auguste“ (5 éd. P. 1866), III, 299 ss. См. интересныя замѣчанія объ этомъ вопросѣ у *E. Beaudouin*, *Les grands domaines (Nouv. rev. hist. de dr. fr. 1897, p. 682 ss.)*. Но исполнѣ научнаго свода данныхъ по этому пункту еще не сдѣлано, и потому полезно было бы составить заново подробное и полное изображеніе крупной виллы съ рабовладельческимъ хозяйствомъ.

²⁾ Хотя послѣдняя форма организаціи земледѣльческихъ работъ на большихъ помѣстьяхъ, то-есть, примѣненіе къ нихъ культуръ свободныхъ волеонаемныхъ рабочихъ, не исполнѣ соответствовала исконнымъ сельскохозяйственнымъ обычаямъ римлянъ, но, по мѣрѣ роста крупнаго землевладѣнія, она прививалась, какъ вспомогательное средство ихъ обработки. Существованіе ея подтверждается рядомъ свидѣтельствъ въ источникахъ, относящихся къ различнымъ періодамъ римской исторіи. Катонъ *politores*, какъ уже замѣчено, должны новиматься, какъ такіе сторонніе наемники, и мѣсто, которое они занимаютъ въ его трактатѣ рациональнаго земледѣлія, довольно замѣтно и важно. См. въ сочиненіи Катона *De re rustica* выше указанная глава, въ которой специально говорится о земледѣльческомъ (рабочемъ) населеніи помѣстья (временномъ и постоянномъ). Есть интересное извѣстіе, будто знаменитый Гаіі Марііі продавалъ въ юности свой трудъ на чужихъ поляхъ. См. *Iuven.* Sat. VIII, 245:

Arpinas alius Volscorum in monte solebat
Pascere mercedes, alieno lassus aratro.

Ср. *Plut.* Маг. 3: „Γενόμενος δὲ γυνέων πλετίπαστι ἀδύζων, ἀποουρῶν δὲ καὶ πενήτων...“ Можетъ быть, передаваемый фактъ относительно Марііі и невѣренъ, но разсказъ обнаруживаетъ, что самый видъ заработка, о которомъ тутъ гово-

Таковы конечные результаты долгой и упорной работы Аттика, направленной на создание личного экономического

рынка, имѣлъ мѣсто и тогда въ сельскохозяйственномъ обиходѣ большихъ помѣстій. Указанный выше текстъ современника и близкаго пріятеля Аттика, Варрона (*R. r.* I, 17, 2), уже прямо подтверждаетъ, что въ моментъ утверждения имперіи *mercennarij* являлись постояннымъ необходимымъ подспорьемъ при исполненіи наиболее трудныхъ и сѣвншихъ работъ (*res maiores*), то-есть, снокоса, жатвы (*messis*), уборки винограда въ крупныхъ хозяйствахъ. Это, по Варрону, второй способъ приживленія свободнаго труда къ обработкѣ большихъ земель (первый—фермерство): „...aut mercennariis cum conducticiis liberorum operis res maiores, ut *vindemias* ac *faeniscia*, administrant...“ Авторъ объясняетъ дальше, что приглашать такихъ наймитовъ слѣдуетъ для сбереженія силъ собственныхъ работъ и особенно посылать ихъ въ мѣстности нездоровья („...gravia loca utilius esse mercennariis colere, quam servis...“); затѣмъ онъ сообщаетъ практическіе совѣты, какъ ими распорядиться. Ответомъ передаетъ еще любопытный фактъ изъ той же категоріи, относящійся приблизительно къ изучаемому времени (о немъ упоминается въ предшествующемъ этюдѣ). Онъ рассказываетъ, что прадедъ императора Веспасіана занимался подрядами для поставки землевладѣльцамъ сабинской страны приходившихъ изъ Умбріи на заработки сельскихъ батраковъ (См. *Suet. Vesp.* 1): „Non negaverim iactatum a quibusdam, Petronis patrem (Т. Flavius Petro—былъ дѣдъ Веспасіана) e regione Transpadana fuisse *mancipem operarum*, quae ex Umbria in Sabinos ad culturam agrorum quotannis commeare soleant“. Изложеніе Катона также показываетъ, что особаго рода подрядчики (*mancipes, redemptores*) обыкновенно являлись посредниками при наймѣ между рабочими и хозяиномъ (см., напримеръ, *De re rust.* с. 44). Насколько содѣйствіе такихъ стороннихъ (не живущихъ на территоріи имѣнія) рабочихъ было необходимо для правильнаго хода хозяйства, видно изъ совѣта Катона покупать имѣніе не ранѣе, какъ удостовѣрившись между прочимъ, что ихъ легко можно достать въ сосѣднихъ мѣстностяхъ (*Cat. De re rust.* 4). Достаточное распространеніе такой формы земледѣльческаго труда обнаруживается также изъ того факта, что въ законѣ Діцинія сдѣлано было специальное постановленіе для извѣстнаго обезпеченія интересовъ свободныхъ сельскихъ батраковъ (см. *Appian*, В. с. I, 8). Что вольнонаемный трудъ продолжалъ примѣняться рядомъ съ рабскимъ и фермерскимъ при эксплуатаціи латифундій во все время существованія имперіи также и въ провинціяхъ, видно изъ оцной очень поздней, весьма замѣчательной африканской надписи (см. *C. I. L.* VIII, suppl. 11824). Она представляетъ длинную стихотворную (хоть и не очень грамотную) эпитафію челоуѣка, который къ концу жизни достигъ извѣстной обезпеченности, но въ юности самъ зарабатывалъ хлѣбъ на африканскихъ земляхъ такою сельскою поденщиною. Здѣсь выписываются относящіяся къ дѣлу стихи этого памятника, хорошо иллюстрирующаго вопросъ объ одной изъ формъ отношенія мелкаго земледѣльческаго люда къ крупному землевладѣнію:

Paupere progenitus lare sum parvo(ue) parente,
Cuius nec census neque domus fuerat.
Ex quo sum genitus, ruri mea vixi colendo,
Nec ruri pausa nec mihi semper erat.

благосостоянія, которое должно было дать ему неприступное убѣжище для защиты отъ превратностей жизни. Определенныя данныя источниковъ, которыя приходится положить въ основаніе изслѣдованія при воспроизведеніи имущественной біографіи Аттика, не могутъ быть названы ни обильными, ни полными; напротивъ того, они отрывочны и недостаточны. Но нужно внимательно и систематически сопоставить съ краткими свѣдѣніями, заключающимися въ очеркѣ жизни Аттика Корнелія Непота, многочисленныя мелкія свидѣтельства, разбросанныя въ письмахъ Цицерона. Тогда отдѣльныя замѣчанія—дѣловыя сообщенія, практическіе совѣты, дружескіе намеки и шутки—послѣдняго будутъ прекрасно дополнять слишкомъ сглаженное изображеніе перваго. Невольная откровенность многолѣтней интимной переписки Цицерона очень часто помогаетъ правильно понять то, что скрывается подъ похвальными тирадами Корнелія. Такъ удастся исправить пристрастное толкованіе біографа-панегириста, а иногда вскрыть то, о чемъ онъ считаетъ лучшимъ умолчать, или сосредоточить вниманіе на томъ, что онъ предпочитаетъ упомянуть лишь вскользь. Если же собранный такимъ образомъ матеріалъ будетъ тщательно сгруппированъ и осторожно выясненъ при помощи обстоятельно изученныхъ фактовъ внутренней исторіи римскаго общества на порогѣ имперіи, то въ концѣ концовъ окажется возможнымъ сдѣлать и нѣчто большее: соединивъ вмѣстѣ имѣющіеся элементы, мы получимъ болѣе или менѣе цѣльную и, безъ сомнѣнія, въ основѣ достовѣрную историческую картину, типически изображающую широкое общественное теченіе.

Настоящая работа представляетъ попытку такого „біогра-

Et cum maturas segetes produxerat annus
 Demessor calami tunc ego primus eram.
 Falcifera cum turma virum processerat arvis,
 Seu Cirtae Nomados seu Iovis arva petens,
 Demessor cunctos anteibam primus in arvis
 Pos[t] tergus linquens densa meum gremia.
 Bis senas messes rabido sub sole totondi;
 Ductor et ex opere postea factus eram.
 Undecim et turmas messorum duximus annis
 Et Numidae campos nostra manus secuit.

фического“ этюда изъ области „соціальной“ исторіи Рима, который, какъ кажется автору, можетъ имѣть значеніе для освѣщенія во многихъ отношеніяхъ еще темнаго хода развитія римскаго земельнаго строя и уразумѣнія его вліянія на судьбы государства и общества. Собранныя здѣсь данныя для возстановленія характеристики Атика, какъ землевладѣльца, даютъ средство „фиксировать“ одинъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ силуэтовъ той категоріи латифундіальныхъ собственниковъ, цѣлую вереницу которыхъ Гораций проводитъ передъ глазами изслѣдователя римской старины. Такъ удастся воплотить силуэтъ въ живую человѣческую фигуру, взглянуть въ ея фізіономію и оцѣнить соціально-политическую роль такого человѣка и подобныхъ ему общественныхъ типовъ въ переживавшуюся тогда Римомъ трудную переходную эпоху. То обстоятельство, что изображеніе сложнаго коллективнаго и, такъ сказать, безыменнаго соціальнаго процесса индивидуализировано тутъ вслѣдствіе сосредоточенія его около одной изъ личностей, цѣлыя группы которыхъ были захвачены широкимъ потокомъ экономическаго и политическаго движенія, не должно помѣшать серьезности и нѣкоторой значительности результата: это, можетъ быть, даже облегчитъ пониманіе реальнаго воздѣйствія самаго теченія на бытъ общества и составлявшихъ его категорій; это дастъ предварительный конкретный примѣръ той отвлеченной формулы, въ которой долженъ быть выраженъ окончательный выводъ изъ вопроса, изученнаго въ его полнотѣ. Такіе частные экскурсы одни иногда позволяютъ историку почувствовать себя въ самомъ дѣлѣ близко къ жизни далекаго прошлаго, которое онъ хочетъ возстановить и изобразить. Такія остановки нерѣдко освѣжаютъ голову и одушевляютъ воображеніе человѣка, изучающаго великіе общіе процессы, изъ которыхъ слагается существованіе народовъ.

Атикъ представляетъ для изслѣдователя аграрной древности Рима блестящій историческій образецъ тѣхъ крупныхъ „господъ земли“, владѣнія которыхъ, по словамъ Сенеки, не только занимали большія пространства въ Италіи, но захватывали и заморскія страны, включая въ свои предѣлы полное теченіе рѣкъ отъ истока до устья, превосходя даже иногда

величину цѣлой провинціи ¹⁾. Когда тотъ же писатель говоритъ, что земельная собственность каждаго изъ такихъ богачей разбросана во всѣхъ областяхъ государства ²⁾, его, конечно, надо понимать метафорически: онъ хочетъ указать на многочисленность и повсемѣстное распространение ихъ владѣній ³⁾. Такъ въ частности Аттікъ былъ обладателемъ большихъ земель различнаго типа въ нѣсколькихъ частяхъ *Италіи*, огромной территоріи въ *Эпирѣ* — это извѣстно съ полною достовѣрностью. Мы знаемъ также, что онъ, особенно энергично практиковавшій пастбищное хозяйство, широко пользовался для прокормленія своихъ стадъ, кромѣ, вѣроятно, весьма значительныхъ собственныхъ выгонныхъ имѣній, громадными италійскими „*pascua publica*“. Но помимо этого весьма вѣроятно предположить, что онъ занималъ еще, въ качествѣ крупнаго съемщика, обширныя государственныя земли въ *Азіи*, гдѣ, очень возможно, у него были и собственныя имѣнія, а также, быть можетъ, въ Сициліи ⁴⁾ или другихъ странахъ. Что касается Африки, то, какъ указано, можно думать, что у него тамъ не было недвижимыхъ владѣній; но нельзя быть убѣжденнымъ, что онъ не приобрѣлъ солидныхъ земельныхъ имуществъ въ странѣ, которая такъ же, какъ Азія, сильно привлекала къ себѣ вниманіе и дѣятельность римскихъ капиталистовъ, то-есть, въ *заальпійской (нарбонской) Галліи* ⁵⁾.

¹⁾ *Senec. Epist.* 89, 20: „Quousque fines possessionum propagabitis? Ager uni domino, qui populum cepit, angustus est. Quousque arationes vestras porrigetis, ne provinciarum quidem spatio contenti circumscribere praediorum modum? Inlustrium fluminum per privatum decursus est, et amnes magni magnarumque gentium termini usque ad ostium a fonte vestri sunt. Hoc quoque parum est, nisi latifundiis vestris maria cinxistis, nisi trans Hadriam et Ionium Aegeumque vester vilicus regnat, nisi insulae, ducum domicilia magnorum, inter vilissima rerum numerantur. Quam vultis late possidete“.

²⁾ *Senec. Epist.* 87, 7: „...in omnibus provinciis arat“.

³⁾ Тутъ вспоминается позднѣйшее аналогичное выраженіе Амміана Марцеллина о земляхъ магнатовъ IV-го вѣка послѣ Р. Хр. — „patrimonia sparsa per orbem“ (XXVII, 11, 1).

⁴⁾ Діодоръ указываетъ (XXXIV, fr. 2, 3, ed. Dind.), что крупными собственниками въ этой странѣ латифундіи являлись, по большей части, богатые римскіе всадники.

⁵⁾ Цицеронъ говоритъ (*Pro Font.* 5, 11): „Referta Gallia negotiatorum est, plena civium Romanorum. Nemo Gallorum sine cive Romano quicquam negotii gerit, nummus in Gallia nullus sine civium Romanorum tabulis commovetur...“

Источники, весьма возможно, не сохранили свѣдѣній обо всѣхъ составныхъ частяхъ земельныхъ имуществъ Аттика; но и изъ того, что извѣстно, можно безошибочно заключить, что территориальное состояніе его было огромно, и что онъ во вторую половину жизни сосредоточивалъ большое вниманіе на установкѣ и усовершенствованіи рациональной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ своихъ имѣній ¹⁾. Поэтому Корнелій Непотъ могъ бы отлично примѣнить къ нему эпитетъ „*agricola sollers*“, которымъ онъ награждаетъ Катона ²⁾.

Такая послѣдовательная забота не только упрочивала материальное положеніе Аттика въ качествѣ одного изъ первостепенныхъ латифундіальныхъ собственниковъ въ римскомъ обществѣ; она вела къ тому, что укрѣпляла за нимъ внушительную силу въ государствѣ, социальный строй котораго уже давно въ существѣ дѣла опирался на тимократическое начало ³⁾. Широкая власть надъ землею обезпечивала за нимъ и подобными ему „ландлордами“ большое фактическое

Ibid. 12: „...unum ex tanto negotiatorum, colonorum, publicanorum, aratorum, rescuatiogum...“ Cfr. *Ibid.* 20, 46: „...omnes illius (Narbonnensis) provinciae publicani, agricolae, rescuarii, ceteri negotiatores...“ Изъ словъ этихъ возникаетъ картина обширной капиталистической организаціи съ цѣлью извлеченія выгоды изъ средствъ жителей и доходовъ государства, въ которой земельные объекты занимали выдающееся мѣсто. Въ другой рѣчи Цицеронъ приводитъ примѣръ нѣкоего Квинкція, владѣвшаго въ компаніи съ другими лицами обширными земельными имуществами въ той же Галліи (*Pro Quinct.* 3, 12): „Erat ei (Quinctio in Gallia) rescuaria res ampla et rustica sane bene culta et fructuosa“. Одно мѣсто изъ писемъ Цицерона къ Аттику заводитъ на мысль о томъ, что нѣкоторыя изъ его имѣній располагались также въ Галліи вблизи отъ территоріи города Массиліи. См. *Ad Att.* XIV, 14, 6: „Tu autem quasi iam recuperata re publica *vicinis tuis Massiliensibus* sua reddis“. Нужно, впрочемъ, сознаться, что текстъ этотъ неясенъ, и что массилійскіе послы, просьбу которыхъ Атикъ поддерживалъ, называются его *сосѣдями*, можетъ быть, потому, что они квартировали въ Римѣ въ одномъ изъ его домовъ. Однако первое объясненіе кажется естественнѣе и вѣроятнѣе.

¹⁾ Атикъ, стало быть, не согласенъ съ юношескимъ мнѣніемъ современника его Саллюстія, который считалъ земледѣліе „рабскимъ занятіемъ“ (*Sall. Catil.* 4, 1: „...non fuit (mihi) consilium... agrum colundo aut venando, servilibus officiis intentum, aetatem agere“). Онъ понимаетъ напротивъ, что только обладаніе большими землями и дѣятельная ихъ утилизація дасть ему надежную точку опоры.

²⁾ *Corn. Nep. Cato*, 3, 1.

³⁾ *Fustel de Coulanges* („La conquête germanique et la fin de l'empire“, p. 157): „Le principe de l'inégalité était la richesse plus que la naissance. C'étaient avant tout, les chiffres du cens qui déterminaient les rangs“.

могущество и руководящее вліяніе надъ значительными и разнообразными слоями населенія. Оно осуществлялось прежде всего въ томъ, что „владыки земли“ подчиняли себѣ многочисленныя группы мелкаго люда, жившаго на ихъ владѣніяхъ и питавшагося отъ нихъ или, хотя сидѣвшаго еще на крестьянскихъ участкахъ въ сосѣдствѣ съ такими „частновладѣльческими царствами“, но уже впадавшаго въ зависимость отъ ихъ повелителей ¹⁾. Такимъ путемъ они становились во главѣ крупныхъ, самопроизвольно возникавшихъ помимо дѣйствія общественной власти, „кlientскихъ союзовъ“. Внутри ихъ разоренные сельскіе классы привязывались къ господамъ глубоко субординирующими узами крѣпкой патронатной опеки, образуя въ организмѣ большого политическаго тѣла маленькія „государства въ государствахъ“, разлагавшія нормальное развитіе большой республики ²⁾. Не одни только безземельные крестьяне, воздѣлывавшіе поля могущественнаго барина или вообще сельскіе жители сосѣднихъ съ его латифундіями территорій, отягощенные по отношенію къ нему высокими долговыми обязательствами, подпадали такой личной зависимости отъ него. Нерѣдко цѣлыя муниципальныя общины признавали себя вынужденными въ видахъ охраны своихъ интересовъ вступать въ подчиненіе къ ближайшимъ сильнымъ „господамъ земли“; онѣ стремились тѣмъ пріобрѣсти защиту отъ всевозможныхъ насилій, вытекавшихъ изъ смутнаго положенія государства, и обезпечить себя отъ всякаго рода узурпацій со стороны ихъ самихъ. Такимъ образомъ магнаты дѣлались патронами городовъ (*patroni civitatum*) ³⁾. Указываемыя

¹⁾ Можетъ быть, Сенека, когда говоритъ (*Epist.* 89, 20): „Sit fundus, quod aliquando imperium vocabatur“, имѣетъ въ виду не только величину владѣній, но и большую власть (*imperium*) владѣльцевъ надъ населеніемъ, работающимъ на землѣ, въ которой отъ ихъ имени „царствуетъ“ ихъ управляющій („*vilicus regnat*“). Ср. выраженія Сенеки Старшаго (*Controv.* V, 5): „...agata quondam populis rura singulorum nunc *ergastulorum* sunt latiusque vilici quam reges imperant“. Все это характерныя уподобленія.

²⁾ О развитіи въ изучаемый періодъ частнаго патроната и отношеній личной зависимости (кlientелы) говорилось въ первомъ этюдѣ. См. стр. 198 и сл. настоящей книги.

³⁾ Такой обычай городовъ римскаго міра и даже цѣлыхъ областей отдаваться подъ покровительство вліятельныхъ римскихъ гражданъ (*Marquardt, Röm. Staatsverw.* 2 Aufl. I, 183) очень рано возникъ въ римскомъ государствѣ. См.

здѣсь особаго вида патронатныя отношенія создавали уже прямую политическую силу для лицъ, которыя становились во главѣ

Dionys. Hal. II, 11: „Τῶν ἀποίκων αὐτῆς πόλεων καὶ τῶν ἐν συμμαχίᾳ καὶ φιλίᾳ προσέλευσθαι καὶ τῶν ἐκ πολέμου χειρατημένων ἐλάχιστη φύλακας εἶχε καὶ προστατάς οὓς ἐβούλετο Ῥωμαίων. Καὶ πολλάκις ἤβουλή τὰ ἐκ τούτων ἀμφισβητήματα τῶν πόλεων καὶ ἔθνων ἐπὶ τοὺς προισταμένους αὐτῶν ἀποπέλλουσα, τὰ ὑπ' ἐκείνων δικασθέντα κύρια ἤγειτο“. Нѣждко въ роли патроновъ городовъ и провинцій (*patroni civitatum, provinciarum*) выступали военачальники, ихъ завоеваніе. См. *Cic. De off.* I, 11, 35: „In quo tantopere apud nostros iustitia culta est, ut ii, qui civitates aut nationes devictas bello in fidem recepissent, earum patroni essent more maiorum“. Но часто мѣстности связывали себя такими отношеніями съ могущественными римлянами сенаторскаго и всадническаго званія вообще. См. очень многочисленныя примѣры въ надписяхъ, легко находимыя по *Index*'амъ различныхъ томовъ *Corp. Inscr. Lat.* въ отдѣлѣ *Res municipalis*. () распространеніи этихъ порядковъ можно судить по извѣстію Аппіана, который утверждаетъ (*Bell. civ.* II, 4), что всѣ зависѣвшіе отъ Рима города избирали себѣ подобныхъ патроновъ. Нѣкоторые города и области имѣли не одного, а нѣсколькихъ покровителей. Это видно, между прочимъ, изъ словъ Цицерона, который хвалится тѣмъ, что калуанци только его одного пожелали сдѣлать своимъ патрономъ (*Cic. Pro Sext.* 4, 9; *In Pison.* 11, 25). Съ другой стороны одинъ особенно вліятельный человѣкъ иногда являлся патрономъ нѣсколькихъ городовъ. Такъ Валерій Максимъ (IV, 3, 6) говоритъ о Фабриціи Лусцинѣ: „...Universos (Samnites) in clientela habebat“. Повидимому, подобнаго рода клиентскія отношенія между жителями какой-нибудь мѣстности и знатыми римлянами принимали характеръ наследственный, и званіе патрона передавалось изъ рода въ родъ. Примѣры, подтверждающіе послѣднее обстоятельство, встрѣчаются довольно часто. Бононіи находилась „in clientela Antoniorum“ (*Suet.* Oct. 17), Лаведдемонъ „in tutela Claudiorum“ (*Id.* Tib. 6), сицилійскіе города отдавали себя подъ патронатъ Марцелловъ, Сципіоновъ, Метелловъ (*Pseudo-Ascon.* p. 100 ed. Orell.); въ одной путолянской надписи встрѣчаемъ упоминаніе о „ruer egregius ab origine patronis ordinis et populi“ (*C. I. L.* X, 1815) и т. д. Подробности объ указанномъ явленіи см. въ специально посвященныхъ изученію его работахъ *E. Philippi*, Zur Geschichte des Patronats über juristische Personen (въ *Rhein. Museum*, N. F. Bd. VIII, 1853, S. 497—529) и *E. Sebastian*, De patronis coloniarum atque municipiorum Rom. (Halle, 1884). Патроны служили заступниками покровительствуемыхъ ими общинъ или мѣстностей въ процессахъ, которые они вели передъ римскими властями. См. напр. *Tac. Dial. de or.* 3: „Quum (te) tot amicorum causae, tot coloniarum et municipiorum clientelae in forum vocent“. Вообще они должны были оказывать городамъ-клиентамъ всякаго рода помощь и услуги (*Marquardt*, I, 188); они же разрѣшали внутреннія несогласія, возникавшія внутри клиентскихъ городовъ (*Cic. Pro Sull.* 21, 60). Очень часто въ патроны избирались люди, обладавшіе крупною собственностью по сосѣдству съ муниципіемъ или даже на его территоріи; такъ что ихъ часто связывали съ городомъ общіе интересы, и они такъ или иначе даже могли входить въ составъ гражданъ общины, хотя бы и почетныхъ; оттого мы видимъ имена патроновъ во главѣ *album curiae* различныхъ городовъ (примѣры см. у *Marquardt*, *Ibid.* p. 189, 192). Объ этомъ говоритъ еще Фронтонъ (*Epist.* II, 10 ed. Naber, p. 200).

подобныхъ кліентелъ, часто очень крупныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые, увлекаемые честолюбіемъ, бросались въ азартную игру гражданскихъ войнъ за единоедержавіе, могли устраивать изъ зависимыхъ людей цѣлыя частныя *armii*, которыя они выводили въ бой ¹⁾. Изъ жителей своихъ „кліентскихъ городовъ“ имъ легко было организовать часто довольно солидную

См. также въ одной африканской надписи (*C. I. L. VIII, 1282*) упоминаніе о пѣкомъ „*patronus municipii sui*“. Хорошій примѣръ мы имѣемъ въ лицѣ Плинія Младшаго: онъ былъ патрономъ города *Tifernum Tiberinum*, около котораго расположены были его большія тосканскія земли (*Epist. IV, 1*). Жители кліентскихъ городовъ выражали своимъ покровителямъ различнаго рода знаки почтенія, воздвигали въ честь ихъ статуи (*Cic. In Pison. 11, 25*), посылали имъ подарки (*Valer. Max. IV, 3, 6; Horat. Carm. II, 18, 8*) и т. д. Нельзя сомнѣваться, что описываемыя отношенія, какъ и вообще всякія „*patrocinia*“, возникали на почвѣ раньше сложившейся экономической зависимости населенія мѣстности отъ крупнаго магната. У насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ о томъ, что Аттійкъ действительно былъ „*patronus civitatis Buthrotiorum*“, но мы можемъ съ большою вѣроятностью предположить существованіе между ними такого рода отношеній; оно имѣло основаніемъ значительную степень задолженности передъ нимъ его эвпрскихъ сосѣдей, которые должны были съ удовольствіемъ для себя отдаться, такъ сказать, подъ его руку и даже, можетъ быть, предоставить ему на своей территоріи различныя привилегіи, чтобы взбѣжать его притѣсненій и приобрести его защиту.

¹⁾ Саллюстій рассказываетъ, что Катиллина въ битвѣ при Пистойѣ сражался среди своихъ вольноотпущенныхъ и колоновъ-арендаторовъ его земель (*Catil. 59, 3*: „...ipse cum libertis et colonis (*suis*) propter aquilam adsistit...“ Въ главѣ 85-й говорится о его помѣстьяхъ). Еще болѣе любопытный примѣръ такого рода „государей въ государствѣ“ находимъ въ сочиненіи Юлія Цезаря о гражданской войнѣ. Онъ рассказываетъ объ одномъ изъ сторонниковъ Помпея, Л. Домиціи Агенобарбѣ, число зависимыхъ людей котораго—рабовъ, вольноотпущенниковъ, колоновъ, работавшихъ на его земляхъ, было такъ велико, что онъ, вооруживъ ихъ, образовалъ особую частную армію, которая при перевозкѣ черезъ море наполнила 7 галеръ. См. *De bell. civ. I, 34, 2*: „...profectum item Domitium ad occupandam Massiliam navibus actuariis septem, quas Igili et in Cosano a privatis coactas servis, libertis, colonis suis compleverat...“ О величинѣ его недвижимой собственности можно составить себѣ представленіе изъ того, что онъ обѣщалъ своимъ солдатамъ въ награду послѣ побѣды по 4 югера изъ своихъ земель, а центуріонамъ и больше того. *Ibid. I, 17, 4*: „Militibus in captione agros ex suis possessionibus pollicetur. quaterna in singulos iugera et pro rata parte centurionibus evocatisque“. Выше сказано, что у него было собрано 20 когортъ (см. гл. 15, 7). Изъ Діона Кассія (*XLI, 11*) узнаемъ, что этотъ Домицій приобрѣлъ множество помѣстій во время Сулл. — Помпею также удалось собрать себѣ войско изъ жителей Пизены, такъ какъ вся страна находилась въ кліентской зависимости уже отъ его отца (*Vell. Pat. II, 29, 1*: „...ex agro Piceno, qui totus paternis eius clientelis refertus erat, contraxit exercitum...“).

партию, которая могла доставить весьма существенную территориальную опору для поддержки ихъ политическихъ притязаній или для торжества дѣла тѣхъ вождей, къ которымъ они примыкали. Тѣ же изъ нихъ, которые, какъ Аттикъ, устранились отъ активнаго участія въ прямой борьбѣ за политическое первенство, все-таки находили въ указанномъ земельномъ могуществѣ надежный фундаментъ для созданія себѣ прочнаго положенія въ обществѣ, утерявшемъ устойчивое равновѣсіе. Они приобрѣтали не только экономическую независимость и личную безопасность, но и широкій, хотя не санкціонированный правомъ, авторитетъ въ государствѣ.

Магнатовъ, подобныхъ Аттику, было немало въ римскомъ обществѣ послѣдняго вѣка республики; въ этомъ заключается *общее* значеніе его имущественной біографіи: онъ представляетъ многочисленную и вліятельную группу. Но кромѣ того онъ сумѣлъ выдѣлиться изъ среды людей одной съ нимъ соціальной категоріи новою политическою мудростью. Аттикъ одинъ изъ первыхъ достигъ замѣчательнаго искусства въ борьбѣ съ опасностями тревожной эпохи, которая привела къ гибели многихъ политическихъ дѣятелей и искателей личной карьеры; наконецъ, ему удалось выработать въ себѣ глубокий даръ предвидѣнія событій и съ удивительною ловкостью подготовиться къ предстоявшему перевороту. Въ этомъ *особенный* интересъ его личности.

III.

Политическая философія Аттика и его общественное поведеніе.

Необходимость изученія политическихъ взглядовъ Аттика и ихъ примѣненія для оцѣнки его соціальной роли.

1. — *Какъ сложились жизненные воззрѣнія Аттика?* — Развитие индивидуализма въ высшихъ классахъ римскаго общества и вліяніе эпикурейства на ихъ политическое настроеніе въ концѣ республики.—Особенность практической политики Аттика. Аттизмъ и дружба. — Осуществленіе выработанной программы на дѣлѣ.
2. — *Результаты жизненной работы Аттика.* — Полный успѣхъ его плановъ. Аттизмъ, какъ типичный представитель важнаго соціально-политическаго теченія въ средѣ римской знати въ эпоху окончательнаго упадка республики. — Имперія и республиканская аристократія.

Выше воспроизведена исторія обогащенія Аттика и установлены результаты его „приобрѣтательской“ дѣятельности, то-есть, изучено образованіе его огромныхъ земельныхъ владѣній. Для дорисовки соціально-политической фیزیономіи этого любопытнаго гражданина падающей римской республики остается освѣтить только одинъ пунктъ. Необходимо разсмотрѣть, какъ удалось ему сохранить въ цѣлости накопленныя имущества, и какъ воспользовался онъ ими въ видахъ удовлетворенія поставленнымъ цѣлямъ жизни въ эпоху, когда смуты и волненія въ государствѣ, алчность и насилія его правителей поглощали немало громаднхъ частныхъ состояній, приводили къ гибели множество личностей. — Главныя черты

плана жизненной карьеры, зародившагося въ головѣ Аттика еще въ юные годы, уже указаны въ общемъ. Но подробно изображено пока лишь своеобразное развитіе въ теоріи и искусное примѣненіе на дѣлѣ одной подготовительной *экономической* задачи, которая должна была послужить только твердымъ основаніемъ для осуществленія намѣченной идеи въ ея полнотѣ. Теперь слѣдуетъ отчетливѣе обнаружить типичныя особенности выработанной Атикомъ системы *политическаго* поведенія, которое, само опираясь на достигнутые матеріальные результаты, обезпечивало за нимъ возможность широко пользоваться приобрѣтеннымъ богатствомъ, не подвергаясь опасности, и дѣйствительно создать для себя вполне устойчивое личное и семейное благополучіе. Такъ удобнѣе всего могутъ быть выяснены въ видѣ заключенія вопросы, окончательно обнаруживающіе историческую роль въ развитіи римскаго общества оригинальной категоріи людей, которая сложилась во время упадка республики, и въ которой Атикъ занималъ выдающееся, можно сказать, руководящее мѣсто. Полученный въ результатъ такого изученія выводъ бросить также свѣтъ на социальное значеніе и судьбу того крупнаго землевладѣнія, носителями котораго являлись также члены указываемой социальной группы, и которое давало имъ силу и вѣсь ¹⁾.

Человѣкъ, сохранившій способность трезваго наблюденія

¹⁾ Довольно обильная сумма данныхъ для нравственно-политической характеристики Аттика заключается въ послѣднихъ параграфахъ біографіи его, написанной Друманномъ (*Geschichte Roms*, томъ V-й, стр. 68—87). Онѣ распрѣдѣлены не очень систематично и освѣщены нѣсколько односторонне преувеличенно суровою оцѣнкою личности Аттика; Гастонъ Буассье искусно переработалъ этотъ матеріалъ и со свойственною ему безпристрастною мягкостью точки зрѣнія прекрасно резюмировалъ общія черты, выводимыя изъ собранныхъ Друманномъ многочисленныхъ фактовъ, въ изящно написанномъ краткомъ очеркѣ. См. въ его книгѣ, *Cicéron et ses amis*, главу, специально посвященную изображенію жизни и нравовъ лучшаго друга знаменитаго оратора. Брошюра *A. Ungherini, Del carattere di T. Pomponio Attico* (Torino, 1897) не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и интереснаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣется въ виду не полная характеристика Аттика, какъ человѣка; здѣсь ищутся и собираются обнаруживающіеся въ его личности признаки новой политики въ высшемъ сословіи римскаго общества, которая сама является слѣдствіемъ социальнаго ихъ положенія и въ свою очередь оказывается одною изъ причинъ позднѣйшей группировки социальныхъ элементовъ въ имперскомъ обществѣ.

жизни среди грозных бурь послѣдняго вѣка республики, неизбежно долженъ былъ понять, что старыя формы римскаго государственнаго устройства не соотвѣтствуютъ больше интересамъ главной массы его новаго населенія, и что старый римскій идеалъ уже не можетъ плодотворно направлять дѣйствія современника этихъ событій, желавшаго вліять на ходъ политики. Республиканская конституція была создана потребностями общины съ небольшою территорією, населенною юридически равноправными гражданскими элементами. Выработавшаяся подъ ея опекою и сдѣлавшаяся традиціонною нравственность требовала отъ личности безусловнаго подчиненія ея интересовъ благу суроваго въ своемъ величій коллективнаго существа, которое носило знаменитое имя „*forulus Romanus*“. Она давала удовлетвореніе индивидууму, возбуждая въ немъ то чувство чести и то стремленіе къ славѣ и патріотическому подвигу, которыя являлись лучшими мотивами общественной дѣятельности, способными волновать душу древняго римлянина и опредѣлявшими смыслъ его жизни¹⁾. Но времена настали другія. Государство обратилось въ міровую имперію; оно включило въ свои предѣлы обширныя страны. Римскій народъ покорилъ своей власти многіе другіе народы; послѣдніе однако оставались какъ бы внѣ общины гражданъ: они были только подданными народа-побѣдителя, и республика являлась для нихъ тираннією. Точно также измѣнились условія равновѣсія внутри гражданства. Жизнь народа была запутана и разстроена сложными и тяжелыми соціальными бѣдствіями. Нормальное теченіе государственнаго развитія нарушилось: большинство гражданъ потеряло

¹⁾ Древній міръ не зналъ индивидуальной свободы въ настоящемъ значеніи слова. То, что римляне называли *res publica*, было абсолютнымъ государемъ, не признававшимъ такихъ правъ личности, которыя связывали или ограничивали бы государство. Оно не только захватило всѣ силы гражданина, налагая на него большія пожизненныя политическія обязанности, но подчиняло своему верховному надзору также религію, частную жизнь и нравственность. Превосходное изображеніе вліянія государства на личность въ древнемъ мірѣ, политики на этику и вообще блестящее рассужденіе объ „*omnipotence de l'Etat*“ у грековъ и особенно у римлянъ находимъ въ знаменитомъ сочиненіи Фюстель де Куланжа — „*La cité antique*“ (см. 18-ю главу III-й книги). Ср. у того же автора въ его „*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*“, томъ I („*La Gaule Romaine*“), стр. 147 и сл., въ высшей степени интересныя строки о томъ же предметѣ.

экономическую самостоятельность, и демократическая въ теоріи конституція выродилась на дѣлѣ въ исключительное господство тѣсной и могущественной аристократіи. Въ силу такого новаго сочетанія обстоятельствъ разрѣшеніе великаго кризиса, переживавшагося римскимъ міромъ, требовало теперь разрыва съ завѣтами старины, новой формулировки идеи общей пользы и рѣшительной борьбы для преобразованія во имя ея общественнаго строя. Для выполненія такой задачи, самая постановка которой оказалась посильною только генію Цезаря, для реформы государства и освобожденія народа отъ постигшихъ его несчастій—недостаточно уже было отдавать на работу всѣ силы и все время, пассивно подчиняясь привычному для „хорошаго“ римлянина стараго времени чувству гражданскаго долга. Личность должна была тутъ проявить высокій активный починъ сознательнаго индивидуальнаго героизма, на который способны только немногіе. Политическая дѣятельность при этомъ необходимо принимала характеръ революціонный, и на такомъ пути каждому грозила трагическая участь Гракховъ. Служеніе личности обществу сдѣлалось безконечно болѣе труднымъ, чѣмъ было прежде въ Римѣ въ концѣ республиканскаго періода; происходило это не только потому, что оно налагало на нее болѣе тяжелыя обязанности, вызывая ее на полное самоотверженіе, но еще и потому, что къ этому времени самое отношеніе ея къ государству стало постепенно мѣняться. Дѣло въ томъ, что параллельно съ разложеніемъ крѣпости исконнаго политическаго устройства совершался интенсивный внутренній ростъ личности. Она уже не мирилась съ прежнимъ абсолютнымъ подчиненіемъ ея коллективной группѣ, а предъявляла запросы на отдѣльное отъ нея существованіе и самостоятельное опредѣленіе особой задачи жизни и дѣятельности, на независимое отъ цѣлаго благополучіе. Самоопредѣляющаяся личность эманципировалась отъ всепоглощающаго государства, противопоставляла идеалу гражданина, который былъ центральнымъ понятіемъ античной культуры, идеаль челоуѣка, который долженъ былъ явиться основаніемъ новой цивилизаціи, и пыталась построить систему принциповъ, которые должны будутъ руководить жизнью частнаго лица.

Въ римскомъ мірѣ личность начала, такъ сказать, отрываться отъ государства еще въ эпоху великихъ завоеваній, когда республика уже представляла искусственно образованное политическое тѣло. Такой, впервые зародившійся въ Римѣ, индивидуализмъ раскрывался тамъ первоначально по-прежнему въ рамкахъ публичной карьеры, которая являлась самою характерною особенностью быта полноправныхъ гражданъ великаго города. Онъ воплощался въ формѣ конкуренціи между наиболѣе сильными и наилучше одаренными личностями изъ-за власти, дающей богатство, почетъ и господство. Въ разстроенной республикѣ такое соперничество скоро приняло опасное направленіе борьбы за единодержавіе, такъ какъ послѣднее одно могло увѣнчать высокое честолюбіе крупной индивидуальности, поставившей себѣ цѣлью не только освободиться отъ подчиненія государству, но даже покорить его себѣ. Такимъ образомъ, пробудившійся духъ личной инициативы въ силу упадка государства и порчи нравовъ сталъ воодушевляться опредѣленно-свокорыстными стимулами. Но и достиженіе такой личной цѣли, къ которой стремились самые выдающіеся герои новаго порядка, — то-есть, верховнаго единовластія, совершенно такъ же, какъ и самоотверженная работа для народа, было сопряжено съ огромнымъ рискомъ. На карту и здѣсь ставилась жизнь, и призракъ Цезаря, павшаго подъ ножомъ убійцъ среди засѣданія сената, вставалъ такимъ же страшнымъ предостереженіемъ передъ глазами честолюбцевъ, добивавшихся монархической власти, какъ окровавленные тѣни Гракховъ представлялись мрачнымъ пророчествомъ. неминуемой участи воображенію всякаго, въ головѣ котораго снова поднималась мечта о чисто демократической революціи.

Стало быть, попытки реформъ въ республиканскомъ духѣ терпѣли неудачу вслѣдствіе слишкомъ узкаго пониманія главными инициаторами ихъ настоящей задачи; порывы благородной преданности народу не поддерживались при этомъ въ-рою въ успѣхъ борьбы за него, то-есть, въ возможность возрожденія народнаго благосостоянія, и надеждою увидѣть плоды своей работы. Точно также съ другой стороны безстрашная смѣлость и непоколебимая энергія, равнымъ обра-

зомъ необходимыя для достиженія личнаго первенства въ государствѣ, подсѣкались сознаниемъ роковыхъ опасностей, ожидающихъ на пути. Такое сочетаніе обстоятельствъ не только часто сообщало развивавшемуся индивидуализму эгоистическую окраску, но и нерѣдко приводило эманципировавшуюся личность къ прямо противоположнымъ выводамъ. Оно стало постепенно вырабатывать въ среднемъ человѣкѣ руководящихъ классовъ общества равнодушіе къ политикѣ и общественнымъ интересамъ и готовность подчиниться всякому перевороту, который обезпечитъ миръ и сколько-нибудь упорядоченное существованіе. Наиболее сознательные представители соціальной среды, охваченной подобнымъ настроеніемъ, которые будутъ выдѣляться изъ такого большинства и чувствовать потребность въ философскомъ обоснованіи своего поведенія, остановятъ неизбежно свою мысль на теоріяхъ, выставившихъ основной тезисъ, что единственною цѣлью человѣческой дѣятельности должно быть личное счастье. Они убѣдятся сами и будутъ учить другихъ, что счастье это достигается лучше всего посредствомъ устраненія отъ всякаго вмѣшательства въ общественную жизнь и признанія безразличными всякихъ формъ государства, помощью спокойнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и выработки внутренняго равновѣсія изъ субъективныхъ данныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые окажутся вполне разочарованными въ возможности достиженія истиннаго благополучія при настоящихъ условіяхъ жизни, сдѣлаются стойками; тѣ же, которые сохранятъ къ ней привязанность, легче всего примкнутъ къ эпикурейству. Тѣ и другіе не въ силахъ будутъ оставаться дѣятельными республиканцами: послѣдніе скоро обратятся въ удобныхъ имперіалистовъ.

1.

1. — Атикъ уже названъ выше замѣчательнѣйшимъ изъ извѣстныхъ исторіи предшественниковъ будущей „римской монархической знати“. Ему удалось выйти невредимымъ изъ кроваваго замѣшательства первой смуты, которая близко за-

дѣла его личность ¹⁾. До этого факта онъ, вѣроятно, обладавшій уже солиднымъ состояніемъ, думалъ, очень можетъ быть, опредѣлить свое общественное поприще такъ же, какъ большинство выдающихся его современниковъ, принадлежавшихъ, подобно ему, къ всадническому кругу. Онъ предполагалъ добиваться сначала выгодныхъ концессій и откуповъ, потомъ открыть себѣ доступъ къ высшимъ магистратурамъ. Случай спасъ его, но пережитая опасность укрѣпила благоразуміе и привела къ рѣшенію направить свою карьеру въ иную сторону. По врожденному темпераменту онъ вообще былъ чуждъ сильныхъ страстей и совершенно свободенъ отъ личнаго честолюбія ²⁾, такъ что легко могъ отказаться отъ притязанія на видную роль въ республикѣ. Но дорожа благамъ жизни, особенно наслажденіями утонченно-культурнаго быта, онъ хорошо понималъ, что надлежало сдѣлать для личной самозащиты. Ему стало ясно, что необходимо прежде всего сойти съ дороги, по которой наперерывъ спѣшили къ власти, опрокидывая другъ друга, предприимчивые искатели величія, окруженные многочисленными сторонниками, соединявшими свои надежды съ успѣхами вождей. Аттикъ убѣдился, что не по характеру и не по силамъ ему было идти навстрѣчу тяжелымъ и грознымъ условіямъ борьбы ³⁾, и онъ обезпечилъ себя отъ возможности ближайшихъ посягательствъ на его жизнь и имущество удаленіемъ съ поля наиболѣе жаркой битвы ⁴⁾. Итакъ, стремленіе къ покою заставило его покинуть

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 2, 1*: „...Ipsе adolescentulus propter affinitatem C. Sulpicii, qui tribunus plebis interfectus est, non expers fuit illius periculi. Namque Anicia, Pomponii consobrina, nupserat Servio, fratri Sulpicii...“ См. объ этомъ изводѣ у Друманна, *Geschichte Roms*, V, 7.

²⁾ Цицеронъ въ одномъ письмѣ прямо противопоставляетъ свое „честолюбіе“ холодности Аттика къ государственнмъ дѣламъ (*Ad Att. I, 17, 5*): „Mihi enim perspecta est ingenuitas et magnitudo animi tui, neque ego inter me atque te quidquam interesse unquam duxi praeter voluntatem institutae vitae, quod me ambitio quaedam ad honorum studium, te autem alia minime reprehendenda ratio ad honestum otium duxit“. Ср. *Cic. Ad fam. XIII, 1, 5*: „... (Atticus) homo minime ambitiosus“.

³⁾ *Corn. Nep. Att. 2, 2*: „...Itaque interfecto Sulpicio, posteaquam vidit Cinnano tumultu civitatem esse perturbatam neque sibi dari facultatem pro dignitate vivendi, quin alterutram partem offenderet, dissociatis animis civium, cum alii Sullanis, alii Cinnanis faverent partibus...“

⁴⁾ Какъ извѣстно, онъ надолго покинулъ столицу, переселившись въ Аѳины.

Римъ и сойти со сцены активной публичной дѣятельности ¹⁾. Чтобы не возбудить подозрѣнія, онъ открыто мотивировалъ свой отъѣздъ въ Аѳины желаніемъ пополнить образованіе. Это было очень вѣроятное объясненіе, вполне вязавшееся съ его вкусами, которые уже были небезызвѣстны ²⁾; оно сразу и сослужило ему хорошую службу. Сулла остался очень доволенъ образомъ дѣйствій Аттика: онъ увидѣлъ въ немъ отвращеніе философа отъ искушеній практической жизни: повѣрилъ, что тотъ не только не претендуетъ на возвышеніе, но искренно отказывается отъ поддержки той или другой партіи ³⁾. Диктаторъ оградилъ Аттика своимъ всесильнымъ покровительствомъ, — такъ искусно провелъ онъ свой корабль черезъ первый страшный водоворотъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ приведенной выпискѣ (*Ad Att.* I, 17, 5) Цицеронъ характеризуетъ это стремленіе словомъ „otium“... Часто и въ другихъ писмахъ онъ упоминаетъ о „quies“, какъ любимомъ мѣщеніи друга. Ср. еще *De off.* I, с. 21; с. 26.

²⁾ *Corn. Nep. Att.* 2, 2: „...idoneum tempus ratus studiis obsequendi suis, Athenas se contulit“. Склонность къ умственнымъ занятіямъ проявлялась у него уже въ юности (*Ibid.* 1, 3: „Erat autem in puero praeter docilitatem ingenii summa suavitas... vocis, ut non solum celeriter acciperet, quae tradebantur, sed etiam excellenter pronuntiaret. Qua ex re in pueritia nobilis inter aequales ferebatur clariusque exsplendescibat, quam generosi condiscipuli animo aequo ferre possent. Itaque incitabat omnes studio suo“). Склонность эта была культивирована отцомъ Аттика (*Ibid.* „Hic, prout ipse amabat litteras, omnibus doctrinis, quibus puerilis aetas impertiri debet, filium erudit“), и желаніе расширить и усовершенствовать знанія должно было показаться въ немъ естественно вытекающимъ изъ свойствъ его природы.

³⁾ *Corn. Nep. Att.* 4, 1: „...Huc (Athenas) ex Asia decedens cum venisset, quamdiu ibi fuit, secum habuit Pomponium, captus adolescentis et humanitate et doctrina... Quibus rebus factum est, ut Sulla nusquam eum ab se dimitteret cuperetque secum deducere. Qui cum persuadere temptaret, ‚Noli, oro te‘, inquit Pomponius, ‚adversum eos me velle deducere, cum quibus ne contra te arma ferrem, Italiam reliqui‘...“—Въ этихъ словахъ Сулла нашелъ подтверждаемое военскимъ образомъ жизни Аттика искреннее и рѣшительное устраненіе отъ всякаго участія въ политикѣ человѣка, придающаго цѣну лишь „кабинетной“ жизни.

⁴⁾ Если вспомнить ужасы сулловыхъ проскрипцій, то станетъ понятно, какъ велика была бѣда, которой удалось избѣжать Аттику. Известно, что жестокость диктатора направлялась такъ же на отдельныхъ представителей высшихъ классовъ, какъ и на населеніе цѣлыхъ мѣстностей, оказавшихъ ему сопротивленіе (*Flor.* III, 21, 27: „...Possis singulorum hominum ferre poenas; municipia Italiae splendidissima sub hasta venierunt“).—Различно висатели сообщаютъ различныя цифры погибшихъ; но послѣднія совпадаютъ въ томъ, что всѣ являютъ высокими. Аппіанъ рассказываетъ, что по проскрипціоннымъ спискамъ пострадамо 15 консуларовъ, 90 сенаторовъ и 2600 всадниковъ (*Bell. civ.* I, 103).—Орозій

Такимъ образомъ, цѣль дальнѣйшей жизни была намѣчена Аттикомъ по новому; имъ угаданъ былъ и лучший образъ дѣйствія, который долженъ былъ помочь ея достигнуть. Нужно было только послѣдовательно разрабатывать усвоенную точку зрѣнія и прежде всего отыскать подходящее

(V, 21) говорить о первомъ спискѣ съ 80 именами, о второмъ съ 500, не обозначая точно званія занесенныхъ въ нихъ лицъ, но прибавляя, что поддѣла та же участь постигла многихъ еще и другихъ.—Плутархъ (*Sull.* 31) утверждаетъ, что въ самые первые дни были составлены три списка изъ 520 человекъ, причемъ Сулла предоставилъ себѣ право присоединять къ нимъ впоследствии и другихъ своихъ враговъ, имена которыхъ сейчасъ не приходятъ ему на память.—Валерій Максимъ насчитываетъ 4700 проскрибированныхъ лицъ (IX, 2, 1).—Флоръ восклицаетъ (III, 21, 25), что нельзя даже вычислить всѣхъ жертвъ политическихъ преслѣдованій въ эту страшную годину. См. разборъ приведенныхъ данныхъ у *Mommsen*, *Römische Gesch.* (8 Aufl.), II, 339 и *W. Ihne*, *Röm. Gesch.* V, 396.—Любопытно обратить вниманіе, что убивали не однихъ политическихъ противниковъ восторжествовавшаго вождя, но и личныхъ враговъ его сподвижниковъ и слугъ (*Plut.* *Sull.* 31; *Oros.* V, 21; *Vell.* II, 28, 4).—Независть побѣдителей направлялась особенно жестоко противъ людей, обладавшихъ большими состояніями. Плутархъ (*Ibid.*) очень рѣшительно заявляетъ объ этомъ: „Ἦσαν δὲ οἱ δὴ ὀργὴν ἀπολλόμενοι καὶ δὴ ἔθραυον οὐδὲν μέρος τῶν διὰ χρήματα σφαιτομένων, ἀλλὰ καὶ λέγειν ἐπέει τοῖς κολίβοσι. ὡς τόνδε πᾶν ἀνῆρκεν οἰκία μεγάλη, τόνδε δὲ κῆπος, ἄλλον βόατα Μαρίας...“ Ср. *Vell. Pat.* II, 22, 5. Диктатору нужны были громадныя средства для удовлетворенія войска и вознагражденія сторонниковъ (*Sull. Cat.* 51, 34: „Neque prius finis iugulandi fuit, quam Sulla omnes suos divitiis explevit“), особенно вольноотпущенниковъ, напимѣръ, опозоренныхъ впоследствии Цицерономъ Хризогона и Веттія Пикента, и даже рабовъ (*Sull. Hist. fragm. Orat. Lep.* 21: „Tarulae Scirtoque, pessumis servorum, divitiae partae sunt“). Cfr. *Cic. Pro Rosc. Am.* 49, 141: „...ut ad libidinem suam liberti servulique nobilium bona fortunaeque nostras vexare possent“). Сулла смотрѣлъ на всю совокупность конфискованныхъ имуществъ, какъ на свою добычу (См. *Cic. De leg. agr.* II, 21, 56), и онъ дѣйствительно произвелъ, какъ говоритъ Дюрюи (*Hist. des Rom.* II, 684): „l'expropriation de la classe riche (т.-е. именно обезпеченной части общества) au profit de quelques nobles et de leurs valets“. Особенно потерпѣли многочисленныя *богатыя всадники*, которыхъ онъ ненавидѣлъ, какъ крупныхъ представителей партіи Маріи (*Cic. Pro Cluent.* 55, 151). Изъ этого ясно, что Аттикъ, какъ всадникъ, обладавшій солиднымъ имуществомъ и къ тому же компрометированный дружбою съ Маріемъ Младшимъ, легко могъ раздѣлить участь длиннаго ряда членовъ своего сословія. Одного удаленія отъ дѣлъ недостаточно было, чтобы избавиться отъ опасности: Плутархъ (*Sull.* 31) приводитъ примѣръ нѣкоего Кв. Аврелія, хотя и державшагося въ сторонѣ отъ политики, но вписаннаго въ проскрипціонныя листы потому, какъ онъ самъ догадался, что его великолѣпное альбанское имѣніе возбудило жадность сулланцевъ. Уже изъ одного факта спасенія Аттика отъ гибели во время террора обнаруживается его искусство въ самозащитѣ, и высоко оцѣнивается практичность избраннаго имъ способа обезоруживать подозрѣнія сильныхъ.

идейное оправдание избранному типу замкнутого и созерцательного образа жизни, который мало соответствовал открытой и дѣятельной публичности, составлявшей традиціонное правило быта римскаго гражданина. Образецъ примѣненія своихъ новыхъ симпатій и вкусовъ Аттикъ находилъ въ своеобразномъ теченіи, зародившемся еще раньше въ *греческомъ* обществѣ и въ его время уже довольно широко распространившемся въ интеллигентныхъ кругахъ его новаго мѣстопробыванія ¹⁾). А прекрасную философскую форму-

¹⁾ См. объ этомъ отлочно написанную страницу у *G. Boissier*, „Cicéron et ses amis“, p. 156. Авторъ говоритъ тутъ между прочимъ: „Assurément Caton qui ne se reposa jamais, qui à quatre-vingt-dix ans quittait bravement sa villa de Tusculum pour venir accuser Servius Galba, le bourreau des Lusitaniens, aurait trouvé que rester dans sa maison du Quirinal ou dans sa terre de l'Épire, au milieu de ses livres et de ses statues, tandis que le sort de Rome se décidait sur le forum ou à Pharsale, c'était commettre le même crime que de demeurer sous sa tente un jour de bataille. — Cette abstention systématique d'Atticus n'était donc pas une idée romaine; il la tenait des Grecs. Dans ces petites républiques ingouvernables de la Grèce, où l'on ne connaissait pas le repos, et qui passaient sans trêve et sans motif de la tyrannie la plus dure à la licence la plus effrénée, on comprend que les hommes tranquilles et studieux aient fini par se lasser de toutes ces agitations stériles. Aussi cessaient-ils de souhaiter des dignités qu'on n'obtenait qu'en flattant une multitude capricieuse, et qu'on ne gardait qu'à la condition de lui obéir“. — Ниже авторъ показываетъ, какъ разложенье политической жизни внутри греческихъ городовъ-государствъ въ періодъ упадка выработало такое отвращеніе людей мысли отъ общественной дѣятельности: „Aussi était-ce une question discutée ordinairement dans les écoles que de savoir s'il fallait ou non s'occuper de choses publiques, si le sage doit rechercher les honneurs, et laquelle vaut mieux de la vie contemplative ou de la vie d'action. Quelques philosophes donnaient timidement la préférence à la vie active, le plus grand nombre soutenaient l'opinion contraire, et à la faveur de ces discussions, bien des gens s'étaient crus autorisés à se faire, une sorte d'oisiveté élégante dans de voluptueuses retraites, embellies par les lettres et les arts où ils vivaient heureux tandis que la Grèce périssait“. . . . Приблизительно ту же мысль развиваетъ Эдуардъ Целлеръ (См. „Die Philosophie der Griechen“, 3 Aufl. Leipzig, 1880, III, 12): „Die öffentlichen Zustände Griechenlands waren bereits so hoffnungslos, dass es die wenigen, welche sich noch an ihrer Heilung versuchten, doch nicht weiter, als zur Ehre des Märtyrertums, bringen konnten. So, wie die Dinge lagen, schien auch dem Besten nichts anderes übrigzubleiben, als dass er sich auf sich selbst zurückziehe, sich in der Sicherheit seines Selbstbewusstseins den äusseren Schicksalen entgegenstelle, seine Zufriedenheit einzig und allein von dem Zustand seines Innern abhängig mache“. Это было большое отступленіе отъ привычювъ классической Греціи, когда требовалось отъ каждаго гражданина обязательное и опредѣленное участіе въ государственной жизни (Цицеронъ вспоминаетъ: „... (Solon) capite sanxit, si qui in seditione non alterius utrius partis fuisset“. См. *Ad Att.* X, 1,

лировку своей практической мудрости Атикъ — „эллинизмъ“ выводилъ довольно легко именно изъ *эпикурейства*.

Ученіе это стремилось осмыслить жизнь личности идею „уединеннаго наслажденія“¹⁾ и тѣмъ ставило ее въ выгодное положеніе при опредѣленіи ея долга по отношенію къ обществу и къ самой себѣ. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ отдавало предпочтеніе высшимъ — духовнымъ удовольствіямъ передъ низшими — тѣлесными²⁾, и такая точка зрѣнія, подчиняя жизнь идеалу добродѣтельнаго человѣка, сообщала характеръ извѣстной чистоты и почтенности концепціи, которая съ перваго взгляда могла быть обвинена въ легкомысліи и безнравственности³⁾. Нужно даже сказать, что истинный му-

2. Ср. *Aul. Gell.* N. A. II, 12, 2); но Атикъ, найдя такую форму быта заслуживающею подражанія, перевезъ съ собою и въ Римъ обычай устраниваться отъ общественной дѣятельности, ограничиваясь ролью сторонняго наблюдателя историческихъ событій и людскихъ дѣяній. Всѣ знали, какинъ онъ былъ поклонникомъ „аттицизма“, и какъ всецѣло усвоилъ онъ греческій языкъ и нравы (*Corn. Nep. Att.* 4, 1: „Sic enim Graece loquebatur, ut Athenis natus videretur“). Цицеронъ такимъ эллинофильствомъ объясняетъ происхожденіе самаго прозвища друга (*De finib.* V, 2, 4). Это обстоятельство и являлось въ глазахъ римскаго общества простѣйшимъ объясненіемъ факта, почему Атикъ выработалъ такую своеобразную форму быта, сильно отличавшуюся отъ обычаевъ родной старины. Эллинизмъ считался уже признакомъ хорошаго тона въ тѣхъ кругахъ, гдѣ еще недавно господствовали исключительно старонаціональныя привычки, гдѣ прежде надо было непремѣнно отдавать свои силы государственной службѣ (Сципионъ говоритъ у Цицерона — *De re publ.* I, 22, 85: „... cum mihi sit unum opus hoc a parentibus maioribusque meis relictum, procuratio atque administratio rei publicae“), а теперь вкоренились новыя нравы. Ср. *C. Martha*, *Le poëme de Lucrèce* (2 éd. P. 1873) p. 183: „On mettait son bonheur et sa dignité à rechercher ce qu'on appelait jadis avec ironie, le repos grec, *otium graecum*“.

¹⁾ Извѣстный нѣмецкій ученый, Гаусратъ, называетъ эпикурейство „*die Philosophie des geniessenden Ich*“ и опредѣляетъ принципъ ея словами: „*der einsame Genuss*“ (см. *A. Hausrath*, *Neutestamentliche Zeitgeschichte*, II, 85). Это — остроумная и жѣткая психологическая характеристика, поставленная на мѣсто систематическаго анализа доктрины. Она особенно интересна въ настоящей связи, такъ какъ указываетъ на самую важную здѣсь черту эпикурейства. Ср. *Ueberweg-Heinze*, *Gesch. der Philosophie* (6 Aufl.), I, 256, и брошюру проф. Ю. Кулаковскаго, *Философъ Эпикуръ* (Кіевъ, 1889).

²⁾ См. развитіе этой мысли по ученію Эпикура у *Zeller'a*, *Philosophie der Griechen*, III, 1, p. 438—450. Ср. *Ueberweg-Heinze*, I, 253.

³⁾ Это требованіе нравственнаго поведенія при стремленіи къ счастью и удовольствію ясно ставится учителемъ. См. *Epicur. ap. Diog. Laert.* X, 140: „Ὅτι ἐστιν ἥδεια ἢν ἀνευ τοῦ φρονίμου; καὶ χαλῶ; καὶ δακρίων.“ Оно повстатируется и у Цицерона (*De finib.* I, 18, 57): „Clamat Epicurus, is quem vos nimis volar-

дрецъ-эпикурецъ во многомъ долженъ былъ походить на стоическаго философа: желая избавить себя отъ страданія, въ которое легко переходитъ всякое земное удовольствіе, онъ долженъ былъ не только добиваться постояннаго благополучія при помощи строгаго выбора наслажденій, но ставить конечною цѣлью саморазвитія выработку прочной неуязвимости отъ какихъ бы то ни было впечатлѣній жизни. Такое состояніе духа должно было доставить личности самодовлѣющую невозмутимость (*ataraxia*) ¹⁾, не только освобождаящую ее отъ стѣснительной обязанности участвовать въ различныхъ функціяхъ повседневной жизни государства и общества, но и уничтожающую у нея всякую охоту раздѣлять печали и радости, тревоги и восторги, надежды и разочарованія, которыми обыкновенно волнуется непросвѣтленное человѣчество. Въ изучаемое время среди членовъ господствующихъ классовъ римскаго общества вошло въ моду искать въ философіи „житейской мудрости“, и для ослабѣвшей социальной и нравственной энергии многихъ изъ ея представителей эпикурейство указывало легкій путь жизни пріятной и вмѣстѣ съ тѣмъ достойной. Можно было сказать себѣ: не всякій долженъ непременно подниматься до высоты истинной добродѣтели и осуществлять идеаль въ полной мѣрѣ. Каждый могъ остановиться на посильной ступени приближенія къ нему, всегда имѣя въ виду соблюденіе чувства мѣры (*σφραγήτης*) и благоразумія (*φρόνησις*) въ сдержанномъ удовлетвореніи желаній. Но было извѣстно, что такое поведеніе или упражненіе приводило въ результатъ при полномъ развитіи идеала даже къ отсутствію ощущенія какихъ бы то ни было потребностей, то есть, именно къ прочному благу (*ἡδονὴ κατασθηματικῆ*). Такимъ образомъ каждому, кто стремился къ совершенству въ философскомъ пользованіи наслажденіями, ученіе Эпикура обѣщало постепенное достиженіе внутренняго покоя и довольства и въ концѣ концовъ, какъ высшую

tatibus esse deditum dicitis, non posse iucunde vivi, nisi sapienter, honeste iusteque vivatur...“ Cfr. *Ibid.* 16, 50; 19, 62. *Senec. Epist.* 85, 18: „Epicurus quoque iudicat, cum virtutem habeat, beatum esse“.

¹⁾ *Diogen. Laert.* X, 189 (= *Aul. Gell. Noct. Att.* II, 9, 2). Cfr. *Id.* X, 128; 131; 136; 141. См. также *Plutarch. N. p. suav.* v. 3, 10 etc. *Lucret.* II, 14 sqq. *Cic. De finib.* I, 11, 37.

награду—приобрѣтеніе способности блаженно жить на землѣ (μαχαρίως ζῆν) ¹⁾.

Благодаря упомянутымъ только что характеристическимъ чертамъ практической морали, а также благодаря простой и общедоступной космологіи, популярному материалистическому міровоззрѣнію, исключавшему все мистическое и супранатуральное, усваивавшемуся безъ напряженія мысли и не требовавшему долгаго и глубокаго изученія ²⁾, эпикурейство, какъ сказано, легко находило адептовъ. Оно отлично соотвѣтствовало умственному настроенію людей, извѣрившихся въ старыхъ богахъ, скептически относившихся ко всякой попыткѣ внесенія новаго свѣта въ темный міръ, находящійся за предѣлами человѣческаго существованія, и желавшихъ ограничить землю исканіе смысла жизни. Оно представлялось красивою и легкою „философскою мантиєю“, приходи-

¹⁾ *Epicur. op. Diog. Laert. X, 198*: „Τὴν ἡδονὴν ἀρχὴν καὶ τέλος λέγομεν εἶναι τοῦ μαχαρίως ζῆν“. У Эпикура указывается два вида наслажденія: во-первыхъ, положительное, доставляемое удовлетвореніемъ ощущаемой въ данную минуту потребности (ἡδονὴ ἐν κινήσει); во-вторыхъ, другое, гораздо болѣе цѣнное, наступающее вслѣдъ за удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей и выражающееся (если человѣкъ достигнетъ устойчиваго внутренняго равновѣсія) не только въ отсутствіи страданія, но даже въ потерѣ способности страдать. *Diog. X, 136*: „... Ἦ μὲν γὰρ ἀταραξία καὶ ἀπονία καταστηματικαὶ εἰς τὴν ἡδοναί (у Цицерона—*„stabilitas voluptatis“*, *De finib. II, 3, 9*), ἣ δὲ γὰρ καὶ εὐφροσύνη κατὰ κινήσει ἐνεργεία βλῆποντα (у Цицерона—*„voluptas in motu“*, *Ibid.*)“. Ср. *Senec. Epist. 66, 45*: „Apud Epicurum duo bona sunt, ex quibus summum illud beatumque conponitur, ut corpus sine dolore sit, animus sine perturbatione“.

²⁾ Основатель ученія самъ, повидному, не отличался глубокою ученостію. *Cic. De finib. I, 7, 26*: „... Est enim (Epicurus)... non satis politus iis artibus, quas qui tenent, eruditi appellantur“. Квинтилианъ (*Inst. orat. II, 17, 15*) выражается еще сильнѣе: „Disciplinas omnes fugit“. Правда, самъ Эпикуръ написалъ очень много; но сочиненія его носили, какъ кажется, совершенно элементарный характеръ, и онъ обращался не къ наукѣ, даже не къ діалектикѣ, какъ къ источнику философствованія, а съ большимъ удобствомъ для себя ссылаясь на такъ называемый „здравый смыслъ“ (*Cic. De finib. I, 4, 11*; также *19, 63*). Онъ называлъ себя—αὐτοδιδάχτος и αὐτοφυής (*Sext. Emp. Adv. math. I, 3, 4*. Сfr. *Cic. De nat. deor. I, 26, 72*). Онъ и ученикамъ рекомендовалъ избѣгать большихъ усилій для расширенія образованія. (*Diog. Laert. X, 6*: „... Παιδεῖν δὲ πάντων, μαχαρίτε, φεῦγε, τὸ ἀχάτιον ἀρχόμενος...“); и Цицеронъ съ большимъ сожалѣніемъ говоритъ объ этомъ (*De finib. I, 7, 26*: „... Haec igitur Epicuri non probo, inquam. De cetero vellem equidem aut ipse doctrinis fuisset instructor... aut ne deteruisset alios a studiis“) или смѣется надъ нимъ (*De nat. deor. I, 26, 72*).

вшеюся по росту людей, цѣнившихъ высоко всякаго рода блага жизни. Оно также давало выходъ для умовъ, хотя и разочаровавшихся въ томъ, что составляло недавно центральные ея интересы, но еще неспособныхъ сказать себѣ, что оно ничего не стоитъ. Въ числѣ современниковъ Аттика мы уже встрѣчаемъ въ Римѣ немало послѣдователей доктрины учителя, который привлекалъ слушателей въ садъ, служившій ему школою, заманчивою надписью: „Прохожій! Тебѣ хорошо здѣсь остаться: здѣсь высшее благо—удовольствіе“¹⁾).

Римское общество знакомилось со взглядами эпикурейцевъ на лекціяхъ главнѣйшихъ представителей ученія, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр.²⁾ Они читали талантливо, краснорѣчиво и популярно. Преподаваніе ихъ сосредоточивалось въ Аѳинахъ, куда многіе ѣздили, и въ самомъ Римѣ, гдѣ публичные курсы ихъ очень посѣщались и приносили имъ большую славу и выгоду. Нѣкоторые изъ такихъ учителей уже уклонялись отъ передачи системы въ ея цѣльности и чистотѣ и умѣли льстить вкусамъ общества, сообщая лишь то, что ему было пріятно. Благодаря этому аудиторія ихъ наполнялась особенно успѣшно, и слово слушалось съ особеннымъ интересомъ, возбуждая даже восторгъ³⁾. Къ такимъ римскимъ эпикурейцамъ, усваивавшимъ лишь нѣкоторые элементы ученія, изъ которыхъ строилась удобная теорія обы-

¹⁾ *Senec. Epist. 21, 10*: „Новrea, hic bene manebis: hic summum bonum voluptas est“.

²⁾ Ихъ было нѣсколько, напримѣръ, Зенонъ Сидонскій, ученикъ Аполлодора, Федръ, Филодемъ, Сиронъ, Патронъ и др. Цицерона, конечно, никакимъ образомъ нельзя причислить къ людямъ, сочувствовавшимъ ученію Эпикура. Онъ постоянно опровергалъ его, даже называлъ себя опредѣленно противникомъ его илей (см. напр. *Ad fam. XIII, 1, 2*; *De finib. I, 5, 14*. Ср. *Pro Sest. 10, 23* и мн. др. мѣста). Тѣмъ не менѣе онъ много способствовалъ распространенію эпикурейскихъ взглядовъ въ Римѣ, такъ какъ излагалъ и разбиралъ ихъ въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ.

³⁾ См. о характерѣ и вліаніи философскаго преподаванія въ Римѣ въ изучаемый періодъ у *G. Boissier, La religion romaine, II, 6 et ss.* Цицеронъ (*De finib. I, 7, 25*) прямо заявляетъ, что послѣдователи эпикурейской доктрины многочисленны, и даетъ свое объясненіе этому факту: „Et quod quaeritur saepe, cur tam multi sint Epicurei, sunt aliae quoque causae, sed multitudinem haec maxime allicit, quod ita putant dici ab illo, recta et honesta quae sint, ea facere ipsa per se laetitiam, id est voluptatem. Homines optimi non intellegunt totam rationem everti, si ita res se habeat“.

денной жизни, не только могут быть причислены различные второстепенные дѣятели времени Цицерона ¹⁾; въ рядахъ ихъ находились и замѣчательные люди. Болѣе или менѣе опредѣленными сторонниками возрѣній Эпикура были нѣкоторые видные писатели этого самаго блестящаго періода развитія римской литературы. Таковы, на примѣръ: Горацій ²⁾ и покровитель его Меценатъ, позже въ извѣстномъ смыслѣ— Плиній Младшій ³⁾ и другіе. Эпикурейская доктрина захватывала иногда тамъ и души глубоко настроенныхъ людей, потрясенныхъ бѣдствіями вѣка, которые искали истиннаго утѣшенія послѣ утраты старыхъ общественныхъ идеаловъ и религіозной вѣры отцовъ. Послѣдніе принимали концепцію въ ея цѣломъ, выдвигая серьезныя заключенія, которыя изъ нея выводились. Самымъ сильнымъ и яркимъ примѣромъ такой категоріи чистыхъ послѣдователей Эпикура въ Римѣ является высокодаровитый авторъ поэмы *De rerum natura*, Т. Лукрецій Каръ, идеи котораго имѣютъ первенствующее значеніе, играютъ, такъ сказать, законоположительную роль

¹⁾ Имена ихъ мы узнаемъ отъ него. Извѣстное число примѣровъ собралъ Целлеръ (*Philos. d. Gr.* III, 1; p. 375—76); болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ можно отыскать въ сочиненіяхъ знаменитаго оратора, пользуясь именными указателями.

²⁾ Въ предшествующемъ очеркѣ (см. стр. 200 настоящей книги) указано было нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій Горація, которыя обнаруживаютъ его приверженность эпикурейскимъ нравамъ. При ближайшемъ анализѣ его стихотвореній въ этомъ направленіи можно было бы еще лучше убѣдиться, что онъ популяризировалъ правила эпикурейской этики. Онъ не только приглашаетъ къ легкому наслажденію, но также проповѣдуетъ эпикурейскую невозмутимость, подавленіе аффектовъ и господство надъ ними (см. напр. *Epist.* I, 6, 1 etc.). Цѣлый рядъ текстовъ Горація свидѣтельствуютъ о зависимости его философскихъ взглядовъ отъ идей, высказываемыхъ Лукреціемъ, самымъ замѣчательнымъ, какъ сейчасъ будетъ сказано, изъ римскихъ представителей эпикурейской доктрины. Эти мѣста тщательно сопоставлены у Тейффеля (см. 5 Aufl. I, 408). Вполнѣ убѣжденнымъ адептомъ ученія Горація назвать нельзя: онъ относился къ философіи дилетантски и нѣсколько эклектически. См. *Zeller* (*Ph. d. Gr.* III, 1; p. 377): „Nur so ist, wie er selbst sagt (*Epist.* I, 1, 18), ein Mann, der überall her nimmt, was er für sich verwenden kann...“ Но главные элементы его умственнаго настроенія даны несомнѣнно эпикурействомъ. См. у *Teuffel* (I, 520) и *Ueberweg-Heinze*, *Gesch. d. Phil.* (6 Aufl.), I, 217, указаніе монографій, трактующихъ о философскихъ взглядахъ Горація.

³⁾ Возрѣнія его будутъ охарактеризованы въ одномъ изъ слѣдующихъ взглядовъ.

въ исторіи римскаго эпикурейства ¹⁾. Но и для такихъ людей это ученіе не могло въ тѣ времена оказаться внутренне возрождающею силою, вслѣдствіе исключительности и ненормальности того вида индивидуализма, которымъ оно проникнуто. На большинство же, неспособное къ обоснованію нравственности философскою идеею, абстрактно формулированной, эпикурейство дѣйствовало прямо деморализующимъ образомъ. Вычеркивая понятіе объ общественной морали изъ числа руководящихъ принциповъ жизни, оно не могло держать на высокому уровнѣ и личную—именно потому, что основныя воззрѣнія его легко допускали возможность искаженія ²⁾. Принципъ наслажденія могъ въ развращенный вѣкъ привести къ оправданію нравственной распущенности ³⁾. Поэтому эпикурейцами дѣлались обыкновенно худшіе, наименѣе нравственно сильные элементы высшаго общества, усваивая идею не изъ философскихъ побужденій, а желая спрятать за нею свою пустоту, праздность и даже прямую порочность. Съ другой стороны въ рукахъ людей, также чуждыхъ философскихъ стремленій, эпикурейство являлось лишь удобнымъ щитомъ, скрывавшимъ отъ глазъ общества какія-нибудь преслѣдовавшіяся ими политическія предпріятія или практическія цѣли. Къ числу первыхъ принадлежалъ, на примѣръ, Г. Мемміи Гемелль, другъ поэта Лукреція, обра-

¹⁾ См. систематическую и прекрасно написанную характеристику воззрѣній Лукреція въ интересной книгѣ французскаго филолога *C. Martha*, *Le poëme de Lucrèce* (2 éd. Paris, 1873).

²⁾ См. *Cic. In Pison.* 16, 37: „Confer (te) nunc, Epicure noster ex hara pro ducte, non ex schola“. Тутъ упоминается выраженіе Горація о такомъ извращенномъ эпикурействѣ: „Epicuri de grege porcum“ (*Epist.* I, 4, 16).

³⁾ Эпикуръ ставилъ своихъ учениковъ на наклонной плоскости, которая дѣлала паденіе очень легкимъ (*Cic. In Pison.* 28, 68). Наслажденіе могло быть только очень опаснымъ руководителемъ нравовъ, когда оно величественно царило на тронѣ, хотя бы даже окруженномъ всѣми добродѣтелями, какъ прислужниками. (См. *Cic. De finib.* II, 21, 69: „Iubebat eos, qui audiebant, secum ipsos cogitare pictam in tabula Voluptatem pulcherrimo vestitu et ornatu regali in solio sedentem, praesto esse Virtutes, et ancillulas, quae nihil aliud agerent... nisi ut voluptati ministrarent...“). Добродѣтели въ роли пассивныхъ орудій наслажденія должны были являться жалкими фигурами. Цицеронъ говоритъ объ этомъ тамъ же не безъ ироніи („...Virtutes... quae nullum suum officium du cerent... nisi (voluptatem) tantum ad aurem admonerent, ut caveret, ne quid faceret imprudens... aut quicquam, e quo oriretur aliquis dolor“).

шению котораго даже специально посвящена поэма „О природѣ вещей“¹⁾). Дѣйствительно онъ, потерпѣвъ неудачу въ гражданской карьерѣ, сдѣлался эпикурейцемъ, однако не такимъ, какимъ хотѣлъ его видѣть строгій, сумрачный другъ; онъ являлся на глазахъ у всѣхъ философствующимъ повѣсою, развлекавшимъ себя въ минуты скучающей лѣни, въ промежуткахъ между двумя свѣтскими скандалами, писаніемъ стихотвореній легкаго содержанія, въ которыхъ ученіе спускалось до формы элегантнаго цинизма²⁾). Такъ сложилось въ римскомъ обществѣ то *ходлячее эпикурейство*, которое сводилось къ правилу—ловить часы наслажденія, сдерживаемому совѣтомъ соблюдать золотую середину, безъ всякой мысли о самоусовершенствованіи и добродѣтели. Такая картина обыкновенно и вызывается въ воображеніи большинства теперь, когда на повседневномъ языкѣ нашего времени вспоминается имя Эпикура и его послѣдователей; но она мало имѣетъ общаго съ настоящею концепціею основателя школы³⁾). Къ группѣ вторыхъ можетъ быть присоединенъ самъ Цезарь. Предаваясь жизни, какъ будто-бы полной лишь легкомысленныхъ наслажденій и свѣтской разсѣянности, и высказывая при всѣхъ эпикурейское равнодушіе къ серьезнымъ задачамъ политической дѣятельности, онъ только стремился, повидимому,

¹⁾ См. *Lucret. De rer. nat.* I, 24 sqq; 141; V, 9 и другія мѣста.

²⁾ О немъ см. *Martha, Le poëme de Lucrèce*, p. 50—55, а также въ англійскомъ изданіи „*De rebus natura*“ *H. J. Munro*, I, 326 и сл. обширное и хорошо документированное примѣчаніе.

³⁾ Такимъ образомъ, эпикурейство довольно скоро выродилось въ настоящую теорію жизни для своего удовольствія, понимаемаго въ самомъ обыденномъ, простомъ и положительномъ смыслѣ слова. Въ этомъ послѣднемъ направленіи его чувственные элементы, хотя и прикрытые утонченностями изысканнаго и пресненнаго вѣка, выдвинулись на первый планъ. Овидій и Тибуллъ были гѣвцами такого пріятнаго „бонвиванства“; а въ извѣстномъ писателѣ и царедворцѣ Петроніи, игравшемъ при роскошномъ и развращенномъ дворѣ Нерона видную роль законодателя развлеченій, моды и хорошаго вкуса (*arbiter elegantiarum*), мы видимъ виртуоза практическаго примѣненія искусства весело жить и умереть беззаботно. См. рассказъ о немъ у Тацита (*Annal.* XVI, 18—19). Ср. *G. Boissier, L'opposition sous les Césars*, p. 220—226. Съ своей стороны поэтъ Марціалъ долженъ быть названъ самымъ блестящимъ литературнымъ представителемъ такого вырожденія и упадка философій наслажденія, обратившейся въ настоящіи еульть чувственности и вполне безпринципное иснаніе меляихъ радостей и удобствъ жизни.

отвлечь внимание современниковъ отъ своихъ опасныхъ для республики честолюбивыхъ замысловъ. Но первымъ особенно любопытнымъ и цѣльнымъ представителемъ такого „практическаго эпикурейства“ долженъ быть названъ, несомнѣнно, Т. Помпоній Аттикъ. Онъ воспользовался учениемъ, чтобы противоположно тому, что сейчасъ сказано о Цезарѣ, дать твердое принципиальное объясненіе своему дѣйствительно искреннему удаленію отъ публичной жизни вслѣдствіе отвращенія отъ нея, которое вытекало у него, собственно говоря, не изъ философскихъ основаній, а изъ чувства личнаго самохраненія.

Цицеронъ, хоть и не хочетъ прямо назвать Аттика эпикурейцемъ ¹⁾, все-таки не скрываетъ, что онъ въ Аѳинахъ главнымъ образомъ пользовался наставленіями учителей этой школы ²⁾, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ философскихъ

¹⁾ Одинъ разъ онъ даже отрицаетъ принадлежность его къ числу адептовъ этого ученія. См. *Ad fam.* XIII, 1, 5: „...Is (Pomponius Atticus)—non quo sit ex istis (=epicureis): est enim omni liberali doctrina politissimus... — sic a me hoc contendit“. — Ему неприятна симпатія друга къ теоріи, съ которою онъ—сторонникъ патриотическихъ и гражданскихъ идеаловъ—не можетъ примириться. Поэтому онъ старательно отмѣчаетъ, что Аттикъ въ Аѳинахъ слушалъ уроки философовъ „академической“ школы (*De legib.* I, 21, 54) и очень почиталъ идеи Платона (*Ibid.* III, 1, 1). Надо, конечно, признать, что въ его философскихъ симпатіяхъ были элементы эклектизма. См. *Hüllemann*, *Att.* p. 171.

²⁾ Аттикъ особенно ревностно посѣщалъ лекціи эпикурейцевъ Федра и Зенона и былъ даже лично близокъ съ ними. См. *De finib.* I, 5, 16; *Cfr. Ibid.* V, 1, 3; *De legib.* I, 20, 53. Кроме того, онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ эпикурейцемъ Патрономъ (*Cic. Ad fam.* XIII, 1, 5. *Cp. Ad Att.* XVI, 7, 4). Вместе съ Аттикомъ слушали аѳинскихъ учителей „эпикурейской секты“ братья Цицероны (*De finib.* I, 5, 16), а также, должно быть, многіе другіе знатные и богатые римляне; между ними, возможно, и названный выше Меммій Гемелль. О столкновеніи его съ учителями изъ-за обладанія частью территоріи, занятой когда-то садами Эпикура и приобретенной имъ въ собственность, см. *Cic. Ad fam.* XIII, 1, 2; 3; *Ad Att.* V, 11, 6. Очень вѣроятно, что черезъ него или Цицерона познакомился Аттикъ и съ Лукреціемъ, который могъ быть въ Аѳинахъ одновременно съ нимъ, хотя былъ моложе (онъ жилъ между 656 (93) и 699 (55) гг.). Есть свидѣтельство, что Цицеронъ принималъ участіе въ изданіи поэмы Лукреція послѣ его смерти. Если оно достоверно, это обнаруживаетъ извѣстную близость между поэтомъ и ораторомъ. См. эту же *C. Martha*—„Cicéron et Lucrèce“ въ его книгѣ „Mélanges de littérature ancienne“ (Paris, 1896). Въ такомъ случаѣ Аттикъ и Лукрецій являлись бы членами одного кружка, такъ что въ постоянномъ общеніи второй могъ способствовать изученію первымъ эпикурейской доктрины и поддерживать въ немъ вкусъ къ ней.

сочинений влагаетъ въ уста самого друга признаніе, что онъ былъ послѣдователемъ Эпикура ¹⁾. — Ученіе этого философа прежде всего превосходно оправдывало два основныя правила поведенія Аттика — держать свои поступки въ тѣни, жить незамѣтно (*λάθε βιώσας*) ²⁾ и устраняться отъ участія въ политическихъ дѣлахъ (*μὴ πολιτεύεσθαι*) ³⁾—, которыя онъ практически, можетъ быть, уже вывелъ изъ наблюденія жизни отца ⁴⁾, но

¹⁾ Въ философскихъ трактатахъ Цицерона Аттикъ называетъ эпикурейцевъ „*nostri familiares*“ (*De finib.* V, 1, 3) или „*condiscipuli*“ (*De legib.* I, 7, 21); его звали „*deditus Epicuro*“ (*De finib.* V, 1, 3); садъ Эпикура онъ самъ именуется „*nostri hortuli*“ (*De legib.* I, 21, 54); за эту приверженность онъ подвергался нападкамъ Цицерона (*De finib.* V, 1, 3): „...*ego, quem vos ut deditum Epicuro insectari soletis*“; и самъ Цицеронъ ищетъ Аттику (V, 19, 3): „*De Patrone et tuis condiscipulis*“, признавая тѣмъ до известной степени его принадлежность къ сектѣ. Ср. еще другіе тексты у *Hillemann*, *Atticus* p. 161.

²⁾ См. *Plut.* *De lat. vivendo*, 4. Эпикуръ училъ избѣгать свѣта („*ἐγγύφρησιν τῶν πολλῶν*“, *Diog.* X, 143). Въ письмѣ къ Метродору онъ выражалъ радость, что имъ удалось остаться невѣдомыми въ Греціи даже по имени (*Senec. Epist.* 79, 15). Ученики его также любили жить въ тиши (*Senec. De benef.* IV, 2, 1: „*Delicata et umbratica turba*“) и хотѣли быть неизвѣстными (*Plin.* Н. п. XXXV, 5: „*Qui se ne viventes quidem nosci volunt*“).

³⁾ Цицеронъ обращается къ Аттику, съ упрекомъ (*Ad Att.* XIV, 20^o 5): „*Epicuri mentionem facis et audes dicere, μὴ πολιτεύεσθαι: Non te Bruti nostri vulticulus ab ista oratione deterret?*“ Сенека говоритъ, что по Эпикуру: „*Quid est beata vita? Securitas et perpetua tranquillitas*“ (*Epist.* 92, 3; Cfr. *De vita beat.* 3, 4), и эпикурейство такъ же, какъ и стоицизмъ, понималось въ Римѣ, какъ теорія, проповѣдывавшая уклоненіе отъ общественной дѣятельности и погруженіе въ частную жизнь. „*Utraque secta ad otium diversa via mittit*“ (*Senec. De otio*, 3, 30). См. у того же Сенеки— „*cum Epicuro quiescere*“ (*De brev. vit.* 14, 2), „*quae maxima Epicuro felicitas videtur, nihil agit*“ (*De benef.* IV, 4, 1). Ср. еще *Martha*, *Le poëme de Lucrèce*, p. 353. *Zeller*, „*Philos. der Griechen*“, III, 1; p. 457: „*Der Weise wird sich nur in dem Fall und nur insoweit mit politischer Thätigkeit befassen, als dies zu seiner Sicherheit nothwendig ist... Und da nun in der Regel der Privatmann viel ruhiger und sicherer lebt, als der Staatsmann, so war es natürlich, dass die Epikureer von den Staatsgeschäften abmahnten, welche ihrer Meinung nach der eigentlichen Bestimmung des Menschen, der Weisheit und Glückseligkeit, nur im Wege ständen*“. У Целлера прекрасно выяснено отрицательное отношеніе Эпикура къ активному участію въ какомъ бы то ни было обязательномъ общественномъ союзѣ—государствѣ, корпораціи или даже семьѣ.

⁴⁾ Можно думать, что отецъ Аттика уже велъ образъ жизни, подобный тому, котораго такъ послѣдовательно держался его сынъ, такъ какъ Корнелій Непотъ совсѣмъ умалчиваетъ о его гражданской карьерѣ, напирая лишь на его образованность.

которыя нуждались въ теоретической санкціи со стороны почитаемаго философскаго авторитета. Атикъ не придавалъ значенія серьезнымъ элементамъ эпикурейской доктрины, не считалъ себя обязаннымъ быть послѣдовательнымъ во всѣхъ практическихъ выводахъ изъ нея. Онъ принималъ легкую и пріятную сторону теоріи, которая удовлетворяла его природному влеченію къ спокойной жизни и умѣренному удовольствію ¹⁾. Онъ ушелъ въ частную жизнь, широко пользуясь обильно притекавшими къ нему матеріальными благами и благоразумно предаваясь умственнымъ — научнымъ, литературнымъ и художественнымъ наслажденіямъ ²⁾. Совѣсть его свободно и спокойно принимала такое положеніе, и онъ могъ невозмутимо взирать изъ „тихаго пристанища“ своего *философскаго* уединенія на бурныя волны житейскаго моря; его не затрагивали ни мелкія злобы дня, разстраивавшія безмятежное существованіе общества, ни крупныя бѣдствія, поражавшія жизнь народа; онъ предоставлялъ безумцамъ копошиться въ повседневныхъ дрязгахъ социальныхъ отношеній и предаваться „сизифовой работѣ“, внушаемой политическимъ честолюбіемъ ³⁾. Онъ, казалось, воспринялъ всецѣло и хотѣлъ проводить съ убѣжденіемъ эгоистическое, но эффектное пра-

¹⁾ Цицеронъ постоянно восхваляетъ умѣренность (*temperantia, prudentia, moderatio*) Аттѣа. См., напримѣръ, *Cic. Ad Att. VII, 1, 2*; также *De senect. I, 1*, и хѣста, собранія у *Hüllemann, Atticus*, p. 107; 118. Такое нравственное воздержаніе рекомендуется еще Платономъ („ἡδονῶν τιμῶν καὶ ἐπιφοριῶν ἐνστάται“, *De re publ. IV, p. 480, E*).

²⁾ Виндельбандъ называетъ эту житейскую мудрость эпикурейца, которая особенно хорошо была усвоена Атиккомъ, „эстетическимъ наслажденіемъ самимъ собою“ (см. „Исторію древней философіи“ стр. 371—372 русск. перев.). Это особаго рода утонченная форма эгоизма, у *Zeller'a* (*Philos. der Griechen*, III, 1; p. 462): „Der Selbstgenuss der gebildeten Persönlichkeit“.

³⁾ Ср. *Lucret. III, 998*:

Sisyphus in vita quoque nobis ante oculos est,
Qui petere a populo fasces saevasque securas
Imbibit, et semper victus tristisque recedit.
Nam petere imperium, quod inanest nec datur umquam,
Atque in eo semper durum sufferre laborem,
Hoc est adverso nixantem trudere monte
Satum, quod tamen e summo iam vertice rursum
Volvitur et plani raptim petit aequora campi.

вило, предписанное поэтомъ-эпикурейцемъ, его современникомъ, въ извѣстныхъ характеристическихъ стихахъ¹⁾:

Suave, mari magno turbantibus aequora ventis
 E terra magnum alterius spectare laborem;
 Non quia vexari quemquamst iucunda voluptas,
 Sed quibus ipse malis careas quia cernere suavest.
 Suave etiam belli certamina magna tueri
 Per campos instructa, tua sine parte pericli:
 Sed nil dulcius est, bene quam munita tenere
 Edita doctrina sapientum templa serena,
 Despicere unde queas alios passimque videre
 Errare atque viam palantis quaerere vitae,
 Certare ingenio, contendere nobilitate,
 Noctes atque dies niti praestante labore
 Ad summas emergere opes rerumque potiri.
 O miseras hominum mentes, o pectora caeca!
 Qualibus in tenebris vitae quantisque periclis
 Degitur hoc aevi quodcumquesti...

Самого автора этихъ жесткихъ словъ тяготило, должно быть, холодное безучастіе къ человѣчеству, которое въ нихъ выражается, и сухая бесплодность жизненной морали, выводящейся изъ такого міровоззрѣнія. Онъ почувствовалъ, нужно думать, нравственную безвыходность, къ которой привело его послѣдовательное развитіе идеи любимаго учителя, и это наложило печать меланхолической грусти и глубокаго пессимизма на всю поэму Лукреція и на его философское настроеніе²⁾. Неудивительно, если онъ — убѣжденный адептъ ученія Эпикура, — не найдя въ мірѣ средствъ обезпечить себѣ постоянное наслажденіе, добиться прочной невозмутимости духа, призналъ невозможнымъ продолжать жить³⁾. Но Атикъ, для котораго эпику-

¹⁾ *Lucret.* De rer. nat. II, 1 sqq. См. *C. Martha*, Le poëme de Lucrèce, p. 191 et suiv.; *Fialon*, Atticus, p. 29.

²⁾ См. изъясн. характеристику лукреціева пессимизма у *Martha*, Le poëme de Lucrèce, p. 315 и сл.

³⁾ Есть извѣстіе, сохранившееся у бл. Иеронима, будто онъ самъ наложилъ на себя руки (см. *Schanz*, Röm. Litteraturgesch. I, 196); но гдѣ никакой надобности предполагать, какъ дѣлаетъ христіанскій писатель, что къ такому акту побудило автора поэмы о „Природѣ вещей“ сумасшествіе отъ любви. Къ самоубійству могла косвенно привести эпикурейца самая доктрина. Желаніе насильственно приблизить конецъ жизни вслѣдствіе сознанія, что человѣкъ слишкомъ

рейство было лишь удобною одеждою, а не дѣломъ вѣры и предметомъ энтузіазма, чувствовалъ себя хорошо огражденнымъ имъ отъ многихъ опасностей. Подъ его прикрытіемъ благополучно прошелъ онъ жизнь, съ легкимъ сердцемъ занимаясь упроченіемъ своего счастья, не смущаясь созерцаніемъ горя другихъ и не выводя себя изъ равновѣсія тревогою о бѣдствіяхъ погибающаго государства ¹⁾.

слабъ, чтобы сдѣлаться добродѣтельнымъ, особенно сильно распространялось между стонками, которые жестоко охвачены были чувствомъ грѣховности (*Haus-rath*, *Neutestam. Zeitgeschichte*, II, 35); но отъ болѣзненной склонности къ самоубійству не могли волиять гарантировать себя и эпикурейцы, которые легко убѣждались, что міръ слишкомъ плохъ, чтобы дать счастье черезъ наслажденіе. Ср. *Zeller*, *Philos. der Griechen*, III, 1; p. 454—455.

¹⁾ Самъ Корнелій Непотъ прямо говоритъ, что Аттикъ изучалъ философію для практическихъ цѣлей (*Att.* 17, 3): „*Nam principum philosophorum ita percepta habuit praeserta, ut his ad vitam agendam... uteretur*“. Однородную мысль находимъ у Цицерона. Въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ (*Ad Att.* II, 16, 3): „*Nunc prorsus hoc statui, ut, quoniam tanta controversia est Dicae-archo, familiari tuo, cum Theophrasto, amico meo, ut ille tuus τὸν πρακτικὸν βίον longe omnibus anteponat, hic autem τὸν θεωρητικὸν, utrique a me mos gestus esse videatur*“. Хотя Дикеархъ принадлежалъ къ школѣ перипатетиковъ (*De legib.* III, 6, 14), Аттикъ, повидимому, раздѣлялъ многіе изъ его взглядовъ (см. *Ad Att.* XIII, 30, 31). Изъ такого отношенія его къ философіи легко можно вывести, что онъ долженъ былъ интересоваться различными системами преимущественно для извлеченія изъ нихъ жизненныхъ поученій и мотивировки практически полезныхъ цѣлей (*G. Boissier*, *Cicéron et ses amis*, p. 137). Такъ точно и эпикурейская мораль привлекала его лишь настолько, насколько она была выгодна въ каждомъ частномъ случаѣ. Когда же того требовали его интересы или даже угожденіе друзьями, онъ готовъ былъ отступить отъ идей, въ которой охотивъе всего присоединялся. Цицеронъ съ мягкимъ юморомъ смѣется надъ такою умственною „покладливостію“ Аттика. См. напр. *De legib.* I, 17, 21. Авторъ спрашиваетъ его, можетъ ли онъ согласиться, что божественное провидѣніе управляетъ міромъ; тотъ отвѣчаетъ: „*Do vane, si postulas. Etenim propter hunc concantum avium strepitumque fluminum non vegeor, condiscipulorum ne quis exaudiat*“. Аттикъ дѣйствительно былъ въ философіи лишь дилеттантомъ, онъ легко отдавался колебанію между различными взглядами. Онъ самъ говоритъ еще у Цицерона (*De legib.* I, 21, 54): „... (*Antiochus*) me ex nostris (= *epicureis*) raene convellit hortulis deduxitque in Academiam perpauculis passibus“. Такимъ образомъ, онъ увлекался въ разныя стороны; но никогда не забывалъ основной эгоистически-утилитарной цѣли и никогда не связывалъ себя узами принципиальной вѣрности съ какою-нибудь строгою или даже не строгою идеею. Самая доктрина, проповѣдующая „покой“, какъ высшее благо, требуетъ борьбы для защиты ея, Аттикъ же предпочиталъ быть покоенъ самъ по себѣ, при случаѣ предоставляя эпикурейству обходиться безъ его защиты, а самому себѣ сходить съ предисмыскаго имъ дороги. Ср. *Hüllemann*, *Atticus*, p. 159 sqq.

2. Длинный промежутокъ времени, проведеннаго въ Афинахъ, Атиккъ употребилъ, какъ было выяснено раньше, во-первыхъ, на созданіе крупнаго состоянія, во-вторыхъ, какъ обнаружено только-что выше, на выработку удобной житейской философіи и выгодной системы политическаго поведения. Это были два самые серьезные предмета его работы въ данныя 20 приблизительно лѣтъ: ясно видно, какъ она была всецѣло направлена на „кованіе собственнаго счастья“¹⁾. Устанавливаемые взгляды испытывались имъ тотчасъ же на практикѣ: на основаніи ихъ онъ строилъ свои отношенія къ населенію своей новой родины. Атиккъ не участвовалъ прямо въ муниципальной жизни города, какъ бы показывая уже равнодушіе къ публичной карьерѣ и связаннымъ съ нею почестямъ²⁾. Онъ дѣлалъ видъ, что живетъ главнымъ образомъ, предаваясь изученію греческой литературы; онъ не стремился производить впечатлѣніе своимъ богатствомъ; напротивъ того, воздерживался отъ пышности и открытой свѣтскости быта и держалъ себя уединенно. Впрочемъ, онъ не отдѣлялъ себя вполнѣ отъ окружавшаго его афинскаго общества; даже наоборотъ, проявлялъ заботливое участіе къ интересамъ города и его жителей. Онъ помогалъ отдѣльнымъ гражданамъ въ матеріальныхъ затрудненіяхъ, не отказывалъ въ денежной поддержкѣ или „добромъ совѣтѣ“ и муниципальнымъ властямъ Афинъ³⁾. Оказывая благодѣянія и выра-

¹⁾ Корнелій Непотъ самъ называетъ его „кузнецомъ своего счастья“. Приведа (*Att.* 11, 6) стихъ неизвѣстнаго поэта—„Sui cuique mores fingunt fortunam hominibus“,—авторъ прибавляетъ: „Neque tamen ille prius fortunam quam se ipse finxit, qui cavit, ne qua in re iure plecteretur“. Онъ желаетъ тѣмъ сказать, что Атиккъ не предоставилъ свою судьбу врожденнымъ свойствамъ своей природы, но сознательно выработалъ свой характеръ такъ, чтобы онъ могъ доставить ему жизненное благополучіе (см. прим. *Nipperdey*). Любопытно, что эта мысль (*faber est quisque fortunae suae*), характеризующая развитіе индивидуализма, повторяется у нѣсколькихъ писателей изучаемаго періода. См. напр. *Cic. Parad.* V, 1, 34; еще раньше у *Plaut.* *Trinum.* II, 2, 363; позже у *Liv.* XXXIX, 40: „In hoc viro (M. Catone) tanta vis animi ingeniique fuit, ut, quocumque loco natus esset, fortunam sibi ipse facturus fuisse videretur“. У Корнелія слова эти приводятся прямо въ видѣ похвалы.

²⁾ *Corn. Nep.* Att. 3.

³⁾ *Corn. Nep.* 3, 2: „Hunc enim (Atticum) in omni procuratione rei publicae actorem auctoremque habebant (Athenienses)“. Въ первой части этого данн

жая просвѣщенное и гуманное доброжелательство къ обществу, среди котораго онъ поселился, Аттикъ обнаруживалъ всегда ровное отношеніе ко всѣмъ — онъ былъ доступенъ и ласковъ въ обхожденіи съ простыми людьми, передъ знатными держалъ себя съ достоинствомъ ¹⁾).

Такимъ являлъ себя Аттикъ—житель Аѳинъ. Стало быть, онъ воспользовался еще пребываніемъ въ этомъ городѣ, какъ практическою школою жизненной мудрости ²⁾. Опытъ удался какъ нельзя лучше: онъ приобрѣлъ уваженіе и привязанность всѣхъ слоевъ и партій ³⁾. Но навсегда оставаться въ Аѳинахъ было неосторожно. Такое удаленіе виднаго римскаго гражданина изъ Вѣчнаго города могло въ концѣ концовъ вызвать неодобреніе. Кромѣ того изъ Аѳинъ не очень было удобно слѣдить за тѣмъ, и точно знать все, что тамъ происходило; трудно было установить прочныя отношенія съ видными римскими гражданами и черезъ людей вліять на дѣла, затрогивающія его собственные существенные интересы. Надо было жить въ великомъ центрѣ, чтобы закончить и отдѣлать крѣпкое зданіе личнаго благополучія, которое онъ строилъ, а потомъ оберегать его отъ разрушенія, обновлять и снабжать новыми удобствами. Аттикъ это понималъ и, какъ кажется, постоянно имѣлъ въ виду необходимость возвращенія ⁴⁾. Въ 65 году до Р. Хр. (689 отъ осн. Р.) онъ дѣйстви-

тели примѣры его щедрости по отношенію къ аѳинянамъ; теперь обращается вниманіе на то, что онъ оказывалъ имъ услуги не только своимъ имуществомъ, но и своею мыслью и личнымъ вліяніемъ.

¹⁾ *Corn. Nep. Ibid.* § 1: „Hic autem sic se gerebat, ut communis infimis, par principibus videretur“.

²⁾ Указанныя черты общественнаго поведенія Аттика въ Аѳинахъ собраны его биографомъ, Корнеліемъ Непотомъ (*Att.* 4, 3): „Hic (Athenis) complures annos moratus, cum rei familiari tantum operae daret, quantum non indiligens deberet pater familias, et omnia reliqua tempora aut litteris aut Atheniensium rei publicae tribueret“.

³⁾ Корнелій Непотъ (*Att.* 4, 5) такъ описываетъ его отъѣздъ изъ Аѳинъ: „Quem discedentem sic universa civitas Atheniensium prosecuta est, ut lacrimis desiderii futuri dolorem indicaret“.

⁴⁾ Поэтому онъ, насколько было возможно, зорко наблюдалъ за событіями, совершавшимися въ Римѣ, постоянно заботился о поддержаніи дружественныхъ связей тамъ (*Corn. Nep. Att.* 4, 3: „...nihilominus amicis urbana officia (Romae) praestitit“). Это поддерживало и развивало вліяніе его въ столицѣ. На послѣднее также ссылается Корнелій Непотъ (*Att.* 2, 4): „...praeter gratiam, quae iam in adolescentulo magna erat“.

тельно вновь переселился въ Римъ, не только возведя могучій фундамент матеріальнаго благосостоянія, но и окончательно созрѣвъ умомъ и характеромъ для успѣшной борьбы за существованіе. Онъ предсталъ передъ согражданами „мно-гоопытнымъ мужемъ“ и въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ съ ними проявилъ замѣчательное умѣніе незамѣтно руководить въ своихъ интересахъ людьми и пользоваться обстоятельствами, удивительную способность широко и разносторонне приспособляться къ сложной и измѣнчивой соціальной средѣ.

У Цицерона въ трактатѣ „*объ обязанностяхъ*“ находимъ текстъ ¹⁾, въ которомъ рисуется общественный типъ, несомнѣнно похожій на Аттика. Любопытно здѣсь подчеркнуть выдающіяся черты, которыми онъ изображенъ. Авторъ говоритъ, что помимо видныхъ фигуръ, выдѣляющихся на яркомъ фонѣ публичной карьеры и блещущихъ политическою славою и общественными доблестями, и въ *частной жизни* попадаются высокія души, которыя, не сходя со скромнаго поприща, могутъ задумывать и предпринимать хорошія дѣла ²⁾. Мы встрѣчаемъ, по мнѣнію Цицерона, такихъ людей добродѣтельныхъ и почтенныхъ, напримѣръ, въ числѣ тѣхъ, которые, занимая среднее мѣсто между философами и политиками, *отдаются управленію своего имущества*; при этомъ они не только строго воздерживаются отъ приращенія его недостойными способами, но и не ограничиваются обращеніемъ приобрѣтенныхъ благъ въ предметъ исключительно личнаго потребленія, а всегда готовы отдавать ихъ на пользу близкимъ, друзьямъ и родной странѣ, если въ томъ окажется нужда ³⁾. Пусть честнымъ образомъ приобрѣтенное состояніе, продолжаетъ писатель, не прилагается и дальше къ какой-нибудь постыдной

¹⁾ Cic. De off. I, 26.

²⁾ Cic. De off. I, 26, 92: „Illud autem sic est iudicandum, maximas geri res et maximi animi ab iis, qui res publicas regant, quod earum administratio latissime pateat ad plurimosque pertineat; esse autem magni animi et fuisse multos etiam *in vita otiosa*, qui aut investigarent aut conarentur magna, quaedam seseque suarum rerum finibus continerent...“

³⁾ „... aut interiecti inter philosophos et eos, qui rem publicam administrarent, delectarentur re sua familiari, non eam quidem omni ratione exaggerantes, neque excludentes ab eius usu suos potiusque et amicis inpertientes et rei publicae, si quando usus esset“.

или преступной наживѣ; пусть принесетъ оно пользу многимъ, лишь бы эти многіе были достойны услугъ; пусть оно увеличивается при помощи разумнаго порядка, хозяйственности и бережливости, но служить не роскоши и разврату, а щедрости и благодѣяніямъ ¹⁾. Храня такіе завѣты, заключаетъ Цицеронъ, можно жить блестяще, важно и величественно, и въ то же время просто, честно и любя людей ²⁾.

Читая этотъ отрывокъ, невольно чувствуешь, что передъ авторомъ стоялъ идеализированный образъ друга, какъ оригиналь набросаннаго здѣсь соціального портрета. Даровитый писатель, одинъ изъ послѣднихъ сторонниковъ завѣтовъ цвѣтущей республики, принужденъ такимъ образомъ сдѣлать уступку времени. Когда онъ, въ моменты удаленія отъ непосредственнаго участія въ высшемъ управленіи государствомъ, по большей части, принудительнаго, которое объяснялось временнымъ торжествомъ враждебной ему партіи, въ „тускуланскомъ уединеніи“ работалъ надъ философскими проблемами, онъ по-неволѣ долженъ былъ отдавать дань охватывавшимъ общество индивидуалистическимъ теченіямъ. Онъ приучался смотрѣть разнообразіе на задачи жизни и ея смыслъ и придавать этическую цѣнность такимъ житейскимъ правиламъ, которыя не допускались его политическими понятіями. То обстоятельство, что близкій его сердцу чело-вѣкъ оказывался представителемъ такихъ именно формъ жизни, можетъ быть, особенно смягчало его теоретическій ригоризмъ при опредѣленіи „обязанностей“ и побуждало его, какъ философа, признавать право существованія за такими принципами поведенія, противъ которыхъ должно было возмущаться его гражданское чувство.

Конкретныя данныя для подведенія Аттика, въ качествѣ частнаго примѣра, подъ охарактеризованную Цицерономъ новую категорію „почтенныхъ, хотъ и ушедшихъ въ частную

¹⁾ „Quae primum bene parta sit nullo neque turpi quaestu neque odioso, deinde augeatur ratione, diligentia, parsimonia, tum quam plurimis, modo dignis, se utilem praebeat nec lubrici potius luxuriaeque, quam liberalitati et beneficentiae pareat“.

²⁾ „Haec praescripta servantem licet magnifice, graviter animoseque vivere atque etiam simpliciter, fideliter (vere) hominum amice...“

жизнь гражданъ“, даетъ Корнелій Непотъ; и почерпаемая изъ его біографіи отдѣльные черты превосходно укладываются въ поставленныя Цицерономъ рамки. Выше показано, что главный трудъ его жизни сводился къ накопленію богатства. Эта же особенность выставляется какъ центральный признакъ нарисованнаго Цицерономъ типа „новаго чловѣка“; самъ Корнелій не можетъ вполнѣ отрицать эту сторону въ дѣятельности Аттика, хотя и старается отодвинуть ее на второй планъ. Назвавъ его искуснымъ и дѣятельнымъ хозяиномъ, біографъ тотчасъ же прибавляетъ, что онъ былъ также „хорошимъ гражданиномъ“¹⁾. Любопытно посмотрѣть, какія данныя приводитъ Корнелій для подтвержденія справедливости послѣдняго мнѣнія, характеризуя ими существенныя качества добраго, по его понятіямъ, члена общины.

Авторъ, очевидно, говоритъ про своего героя то, что тотъ самъ желалъ, чтобы о немъ думали; стало быть, слова его рисуютъ міровоззрѣніе Аттика; кромѣ того они знакомятъ также съ основными свойствами чловѣка, наиболѣе способнаго сохранить личную безопасность и хорошо устроиться среди тревоженій падающей республики. Писатель, прежде всего, отмѣчаетъ въ своемъ другѣ отсутствіе жажды политическаго возвышенія²⁾. Онъ попрежнему чуждается публичной карьеры, хотя связи и личныя достоинства могли легко довести его до высшихъ магистратуръ. Такое упорное воздержаніе онъ желалъ мотивировать сознаніемъ невозможности двигаться по общественной лѣстницѣ честными способами („по старинѣ“) и отправлять службу, строго сообразуясь съ закономъ, благодаря всеобщему распространенію интригъ и взяточничества³⁾. Различными мягкими обходами, но съ настойчивою послѣдовательностью отклонялъ онъ отъ

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 13, 1*: „Neque vero ille vir minus bonus pater familias habitus est, quam civis“.

²⁾ Онъ довольствуется званіемъ всадника, принадлежащимъ ему по рожденію (*Corn. Nep. Att. 19, 2*: „...hic contentus ordine equestri, quo erat ortus...“), а не добывается сенаторскихъ мѣстъ, не ищетъ вступленія въ ряды настоящаго нобилитета, чего въ его положенія было легко достигнуть.

³⁾ *Ibid. 6, 2*: „Honores non petiit, cum ei paterent propter vel gratiam vel dignitatem, quod neque peti more maiorum neque capi possent conservatis legibus in tam effusi ambitus largitionibus...“

себя предложенія выгодныхъ должностей ¹⁾. Съ другой стороны онъ избѣгалъ также всякаго рода занятій, которыя могли бы навлечь на него обвиненіе въ эксплуатаціи народа или запятнать его репутацію: онъ не скупалъ никогда на казенныхъ аукціонахъ конфискованныхъ имуществъ, не участвовалъ въ откупахъ и подрядахъ, не вчиналъ ни прямо, ни косвенно уголовныхъ преслѣдованій противъ кого бы то ни было, не сутяжничалъ въ своихъ частныхъ интересахъ и не принималъ на себя должности судьи, чтобы разбирать процессы другихъ ²⁾. Словомъ, Аттикъ систематически устранился отъ вмѣшательства въ жизнь государства, руководители котораго позорили себя низостью или преступленіями. Такое поведеніе, оправдываемое политическимъ ригоризмомъ и нравственною безразличностью, на самомъ дѣлѣ вытекало у него изъ стремленія къ спокойному существованію ³⁾. Но возможность такой не совсѣмъ пріятной для него догадки отклонялась удобною ссылкой на эпикурейское исканіе безмятежности духа ⁴⁾.

¹⁾ Когда лица, назначаемыя провинціальными наместниками, предлагали ему при себѣ должность префекта, которая обыкновенно занималась всадниками и доставляла большіе доходы, онъ принималъ ее лишь въ видѣ какъ бы почетнаго званія, отказываясь отъ соединенныхъ съ нею власти и выгодъ (*Corn. Nep.* 6, 4: „Multorum consilium praetorumque praefecturas delatas sic accepit, ut neminem in provinciam sit secutus, honore fuerit contentus, rei familiaris desprexerit fructum“). Онъ не хотѣлъ пользоваться и родственными связями для полученія высокихъ должностей въ провинціяхъ (*Ibid.* „...Qui ne cum Q. quidem Cicerone voluerit ire in Asiam, cum apud eum legati locum obtinere posset“).

²⁾ См. у Корнелія Непота въ той же главѣ (6-й) указанія на такія выгоды, но не всегда чистыя профессіи, или почетныя, но часто тяжелыя и ненавистныя для общества officialныя назначенія.

³⁾ Самъ биографъ проговаривается и по этому поводу. Корнелій замѣчаетъ, что Аттикъ избѣгалъ высшихъ должностей не только изъ побужденій общественной нравственности, но также изъ личныхъ опасеній. См. *Att.* 6, 2: „... (honores non petiit, quod)... neque geri (possent) e re publica sine periculo corruptis civitatis moribus“.—Ср. тамъ же, 6, 5: „Qua in re non solum dignitati serviebat, sed etiam tranquillitati, cum suspiciones quoque vitaret criminum...“

⁴⁾ Корнелій Непотъ (*Att.* 7, 8) упоминаетъ объ „*Attici quies*“. Аттикъ не хотѣлъ вмѣшательства въ гражданскія смуты, потому что онъ, какъ волны морскія, виводятъ человека изъ равновѣсія, и не въ его силахъ было бы снова обрѣсти миръ и покой, если бы онъ пустилъ свою ладью по волѣ общественныхъ бурь. См. *Ibid.* 6, 1: „(In re publica ita est versatus, ut)... neque tamen se civilibus fluctibus committeret, quod non magis eos in sua potestate existimabat esse, qui se his dedissent, quam qui maritimis iactarentur“.

Итакъ, біографъ даетъ вполне опредѣленный матеріалъ для сужденія объ общественномъ поведеніи Аттика. Оно сводится къ системѣ философскаго воздержанія отъ постановки какихъ бы то ни было цѣлей личнаго честолюбія или опредѣленной приверженности къ какой-нибудь политической доктринѣ. Точка зрѣнія, которою руководился Атикъ въ своихъ дѣйствіяхъ, осуществлялась на практикѣ въ формѣ „безпристрастнаго нейтралитета“, который онъ систематически выказывалъ по отношенію къ различнымъ борющимся между собою партіямъ, выставляя на видъ, что онъ отыскиваетъ въ каждой, по своимъ понятіямъ, хорошія стороны и хорошихъ людей ¹⁾. Описанная политика уже производила на общество, въ которомъ царилъ жестокая конкуренція изъ-за мѣстъ и выгодъ, весьма благоприятное впечатлѣніе ²⁾. Стало быть, отношеніе Аттика къ „дѣламъ“ характеризуется признакомъ *отрицательнымъ*. Для успѣшности такого правила жизни надо было дополнить его *положительными* выводами, которые регулировали бы отношенія его къ „людямъ“.

¹⁾ Корнелій Непотъ говоритъ (*Att.* 6, 1): „...in re publica ita est versatus, ut semper *optimarum partium* et esset et existimaretur...“ Комментаторы объясняютъ здѣсь слово *optimarum* въ смыслѣ *optimatum*. Конечно, отношенія и личныя выгоды Аттика связывали его фактически главнымъ образомъ съ аристократіею, и другъ не помышлялъ Цицерону назвать его сторонникомъ идей той партіи, однимъ изъ главныхъ руководителей которыхъ былъ самъ ораторъ (*Vic. De legib.* III, 17, 87); но изображать его въ настоящемъ смыслѣ членомъ опредѣленной политической группы значило бы нарушать представленіе объ основныхъ особенностяхъ его поведенія. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что біографъ употребилъ здѣсь слово *optimarum* въ болѣе общемъ смыслѣ; онъ хотѣлъ, должно быть, сказать, что Атикъ стоялъ всегда за *честными* людьми — *boni civis*, избѣгая крайностей и особенно чуждаясь какого бы то ни было сообщничества съ революціонерами-заговорщиками (*populares* — въ узкомъ смыслѣ). Это была бы именно наиболѣе подходящая похвала человѣку, который одинъ изъ первыхъ сблизился съ учредителями новаго режима, водворившагося именно въ силу разрушенія политическаго господства оптиматовъ; тѣмъ болѣе, когда она высказывается авторомъ, который пишетъ уже послѣ переворота, и самъ не желаетъ выставить себя противникомъ послѣдняго. Цицеронъ въ другомъ мѣстѣ такъ смягчаетъ свое мнѣніе о принадлежности Аттика къ оптиматамъ: „Nihil est (въ поведеніи Аттика)... nisi optimi civis, sed ita optimi, ut tempora, quibus patere omnes politici praescripserunt...“ (*Ad Att.* XII, 51, 2). Всядничество Аттика ставило его въ нѣсколько самостоятельное положеніе рядомъ съ нобилими-оптиматами.

²⁾ *Corn. Nep.* *Att.* 6, 5: „Quo fiebat, ut eius observantia omnibus esset carior, cum eam officio, non timori neque spei tribui viderent“.

Онъ сумѣлъ придать имъ окраску „безкорыстнаго доброжелательства“ примѣнительно ко всѣмъ, съ кѣмъ сталкивало его повседневное существованіе ¹⁾. Это сразу дало Аттику твердую точку опоры, благодаря которой онъ и прошелъ благополучно мимо угрожавшихъ многочисленныхъ опасностей и трудныхъ препятствій.

Всѣ знали, что онъ былъ очень богатъ; но онъ отвратилъ отъ себя зависть, а отъ своего имущества—посягательства хищниковъ, привлекая многихъ широкою благотворительностью, показывавшею въ немъ желаніе подѣлиться съ нуждающимися тѣми благами, которыми его наградила судьба ²⁾. Такимъ путемъ ему удалось приобрести популярность ³⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ оберечь себя отъ опасностей, которыя обыкновенно сопровождали ее. Онъ систематически избѣгалъ такихъ щедротъ, изъ которыхъ можно было бы заподозрить въ немъ намѣреніе купить расположеніе народа ⁴⁾; онъ помогать отдѣльнымъ людямъ изъ разныхъ круговъ, которые могли быть ему полезны, благотѣльствовалъ незамѣтно, не производя публичныхъ эффектовъ ⁵⁾, оказывалъ услуги въ сферѣ личныхъ отношеній, не совершалъ ихъ у всѣхъ на глазахъ и не возбуждалъ излишнихъ разговоровъ. Избравъ такой не громкій, но самый вѣрный способъ привлеченія къ себѣ симпатій, Атикъ особенно старался сблизиться съ вид-

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 11, 1*: „... nihil aliud egit, quam ut quam plurimis, quibus rebus posset, esset auxilio“.

²⁾ *Corn. Nep. Att. 11*.

³⁾ Онъ могъ нравиться людямъ разныхъ партій, направленій, вкусовъ и возрастовъ. См. *Corn. Nep. Att. 16, 1*.

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, нѣтъ ни одного упоминанія о томъ, что онъ производилъ даровныя раздачи хлѣба народу въ Римѣ, хотя дѣлалъ это въ Афинахъ. См. *Drumann, Geschichte Roms, V, 80*. А это былъ одинъ изъ наиболее обычныхъ способовъ политическихъ честолюбцевъ приобретать расположеніе римскаго пролетаріата.

⁵⁾ Атикъ не производилъ также никакихъ построекъ въ городѣ на свой счетъ для украшенія столицы или для удобства и размеченія народа, напримѣръ, базиликъ, портиковъ, рынковъ, храмовъ, какъ любили дѣлать люди, добивавшіеся власти. Единственнымъ фактомъ подобнаго рода, о которомъ упоминается въ источникахъ, является постановка имъ статуи Сидніона Африканскаго Младшаго въ храмѣ богини *Ops* (См. *Cic. Ad Att. VI, 1, 17*), а это было довольно широкое приношеніе.

ными и вліятельными государственными дѣятелями и заключить съ ними постоянныя и прочныя связи.

Этическое обоснованіе своего стремленія къ такому болѣе или менѣе тѣсному единенію съ отдѣльными людьми, нужными ему для достиженія поставленныхъ цѣлей жизни, Атикъ опять находилъ въ эпикурейскомъ понятіи о „дружбѣ“.—Извѣстно, что у послѣдователей этого ученія она представлялась единственною формою общенія между людьми, которая рекомендовалась доктриною учителя ¹⁾.

Дружба дѣйствительно является союзомъ, зарождающимся по свободному почину личностей, вступающихъ въ него; она покоится на индивидуальномъ выборѣ, вытекающемъ изъ индивидуальнаго же влеченія, спокойно развивается, не причиняя потрясеній. Дружба не стѣсняетъ личности никакими налагаемыми сверху механическими связями ²⁾, не опутываетъ ее нерасторжимыми обязательствами. Она возникаетъ, укрѣпляется и рвется по собственному желанію сторонъ; свободная склонность не изуродована въ ней внѣшними принудительными узами, которыми обставлены отношенія государства и даже семьи. Она не сопряжена съ неизбѣжными страданіями; личность сохраняетъ въ ней независимость, цѣльность и равновѣсіе. Даже болѣе: дружба доставляетъ свое особое наслажденіе—взаимное общеніе въ обоюдной привязанности и раздѣленныхъ радостяхъ жизни ³⁾. Кромѣ

¹⁾ *Diog. Laert.* X, 148: „Ὁν ἡ σοφία παρασκευάζεται εἰς τὴν τοῦ ὅλου βίου μαχηριότητα, καὶ ὁ μάλιστα ἐστὶν ἡ τῆς φιλίας κτήσις“. — Это было общее требованіе эпикуреомъ спокойное благорасположеніе къ людямъ, сосредоточившееся на нѣкоторыхъ представителяхъ человѣчества. См. о взглядахъ эпикурейцевъ на дружбу у *E. Zeller*, *Die Philosophie der Griechen* (3 Aufl.), III, 1, p. 459—468. Ср. еще *Guyau*, *La morale d'Epicure* (Paris, 1878), p. 132—142.

²⁾ *Zeller*, *Die Philosophie der Griechen*, III, 459.

³⁾ *Cic.* *De finib.* I, 20, 67: „Atque ut odia, invidiae, despicationes adversantur voluptatibus, sic amicitiae non modo faatrices fidelissimae, sed etiam effectrices sunt voluptatum tam amicis, quam sibi“. — Дружба питается именно этою общностью удовольствія (*Diog.* X, 120: „...συνισταθεὶς δ'αὐτὴν (τὴν φιλίαν) κατὰ κοινότητα ἐν ταῖς ἡδοναῖς“). На такой основѣ могли развиваться въ эпикурействѣ „симпатическія“ чувствованія индивидуумомъ другъ къ другу; дѣйствительно эпикурейцы высказываютъ иногда возрѣніе, что безъ дружбы нѣтъ счастья, и что надо любить друзей, какъ самихъ себя (см., напримѣръ, *Cic.* *De finib.* I, 20, 67). Изъ этого взгляда вытекало требованіе заботиться о наслажденіяхъ друга, какъ о своихъ собственныхъ (*Ibid.* § 68). Такъ, мало-по-малу выросло въ эпи-

того, дружба выгодна: она обеспечиваетъ участіе и поддержку ¹⁾, особенно цѣнныя въ минуты труднаго раздумья надъ жизнью въ минуты бѣды или сомнѣнія ²⁾. „Одинокій“ эпикуреецъ, уклонявшійся отъ дѣятельнаго сотрудничества съ другими въ общественномъ соединеніи, лишь внутри дружеской группы могъ найти опору въ несчастіи.

Аттикъ отлично видѣлъ, что только могучія вѣтви хорошо разросшихся тѣсныхъ личныхъ связей дадутъ окончательную крѣпость древу его жизни, выросшему на почвѣ громаднаго территоріальнаго богатства, и откроютъ ему возможность устоять среди страшныхъ бурь. Философское ученіе, подъ сѣнью котораго онъ предпочиталъ искать пріюта, благосклонно указывало ему форму отношеній между людьми, выгодную и оправдываемую съ точки зрѣнія морали. Онъ и принялся за дѣло и скоро поставилъ себя въ центрѣ цѣлой системы „дружескихъ союзовъ“, которые создали для него дѣйствительно неуязвимое положеніе въ обществѣ. Онъ былъ, по выраженію Горация,

...adversis rerum immersabilis undis ³⁾.

Многочисленные друзья обеспечили ему безопасность, которую не могли поколебать никакія превратности въ судь-

курействѣ нѣчто похожее на дружеское самоотверженіе. См. у *Гуяви* (*La morale d'Épicure*, p. 134—138) интересное изображеніе того, какъ развивалась въ эпикурействѣ такая идеализація чувства дружбы. Конечно, отъ степени энергіи адепта и его послѣдовательности зависѣло стремиться къ развитію въ себѣ внешнихъ формъ дружбы, какъ бы подавляющихъ эгоизмъ, или остановиться на первой ступени, то-есть, лишь эгоистически наслаждаться пріятными ощущеніями, доставляемыми любовью друга (*Guyau*, p. 133).

¹⁾ По воззрѣнію Эпикура, дружба происходитъ именно изъ эгоистическаго сознанія ея полезности для индивидуума.—*Diog.* X, 120: „Καὶ τὴν φίλων διὰ τὰς ὑφείας (ὑφείσθαι)...“ Сенека сообщаетъ, что по Эпикуру другъ нуженъ человѣку за тѣмъ, „ut habeat, qui sibi aegro adsideat, succurrat in vincula coniecto vel inopi“ (*Epist.* 9, 8).

²⁾ См. *Cic.* De finib. I, 20, 68: „Praeclare enim Epicurus his paene verbis: Eadem, inquit, sententia confirmavit animum, ne quod aut sempiternum aut diuturnum timeret malum, quae perspexit in hoc ipso vitae spatio amicitiae praesidium esse firmissimum“. Ср. *Ibid.* II, 26, 82.—См. *Hausrath*, *Neutestam. Zeitgesch.* II, 45—46.

³⁾ *Epist.* I, 2, 22.

бахъ государства ¹⁾). Далекій отъ шумной арены, гдѣ добывалось политическое величіе, чуждый блестящихъ успѣховъ, доставляемыхъ словомъ краснорѣчивымъ ораторамъ сената и форума, Аттикъ былъ славенъ личнымъ авторитетомъ и дружескими отношеніями ²⁾). Цицеронъ посвятилъ ему свой трактатъ *De amicitia* ³⁾, и съ понятіемъ *дружбы*, какъ предикатомъ, перешелъ въ исторію образъ Аттика.

3. — Ища сближенія съ людьми, Аттикъ, повидимому, придерживался опредѣленно установленныхъ правилъ. Онъ обращалъ свое вниманіе на способныхъ и вліятельныхъ представителей не только различныхъ партій, но всѣхъ вообще видныхъ кружковъ, и прежде всего привлекалъ ихъ къ себѣ внѣшними средствами. Самая наружность его была пріятна ⁴⁾; мягкое и привѣтливое обращеніе легко возбуждало довѣріе и симпатію ⁵⁾. Онъ былъ очень общителенъ и легко знакомился съ новыми лицами. Щедрое и деликатно-ласковое гостепрѣимство, которое онъ оказывалъ всѣмъ нужнымъ людямъ, легкія, разнообразно-изящныя, оригинальныя и рѣдкія развлеченія, которыми пользовались многочисленныя гости Аттика въ его римскомъ домѣ или загородныхъ

¹⁾ У эпикурейцевъ такъ же, какъ и у членовъ пифагорейской школы, было въ обычаѣ соединяться въ большія „дружества“. См. *Cic. De finib.* I, 20, 65: „At vero Epicurus una in domo, et ea quidem angusta, quam magnos quantaque amoris conspiratione consentientes tenuit amicorum greges. Quod fit etiam nunc ab Epicureis“. По словамъ Діогена Лаэртія, союзы друзей-эпикурейцевъ были иногда такъ велики, что „дѣлне города едва могли вмѣстить ихъ въ себѣ“ (*Diog.* X, 23: „Товοῦτοι τὸ πλῆθος ὡς μὴδ' ἐν πόλεισιν ὄλαις μετρίσθαι δύνασθαι“). Аттикъ, слѣдуя такому примѣру любимаго учителя, извлекъ изъ эпикурейской доктрины о дружбѣ серьезную практическую пользу.

²⁾ *Corn. Nep.* 15, 1.

³⁾ Онъ это сдѣлалъ не только потому, что хотѣлъ почтить благодарностью своего лучшаго друга, но и потому, что Аттикъ представлялся ему лучшимъ воплощеніемъ дружескаго идеала. См. *De amicit.* I, 1, 5: „Sic hoc libro ad amicis amicissimus scripsi de amicitia“.

⁴⁾ *Corn. Nep.* 1, 3: „...suavitas oris atque vocis“...

⁵⁾ Корнелій (*Ibid.*) замѣчаетъ, что онъ съ юности обнаруживалъ „docilitatem ingenii“. Въ зрѣломъ возрастѣ она обратилась въ замѣчательно тонкую культурность и изящество (*humanitas*) въ сношеніяхъ съ людьми (*Ibid.* 16, 1). Цицеронъ очень выразительно говоритъ о неотразимомъ дѣйствіи его любви къ Аттику (*Ad Att.* I, 11, 1).

вилахъ ¹⁾, точно также вызвали особенное расположение общества, падаго до наслаждений и ищущаго новизны. При дальнѣйшихъ же, болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ Атикъ обнаруживалъ и всякаго рода другія добрыя свойства, благодаря которымъ онъ нравился всѣмъ, и которыя заставляли всѣхъ дорожить его близостью и высоко цѣнить его дружбу.

Атикъ умѣлъ импонировать всѣмъ. Цицеронъ и Корнелій приписываютъ ему многія весьма существенныя достоинства. Онъ всегда былъ, по ихъ мнѣнію, честенъ, правдивъ, строгъ къ себѣ и снисходителенъ къ другимъ; онъ охотно прощаль обиды, хранилъ прочную благодарность за услуги, никогда рѣзко не выставлялъ на первый планъ своего личного интереса ²⁾. Они объясняютъ это тѣмъ, что ему удалось развить прекрасныя нравственныя инстинкты, вложенныя въ него природою, и утвердить ихъ выработанными правильными и высокими принципами ³⁾. Похвалы друзей, которыя могутъ быть пристрастны, подтверждаются отношеніемъ другихъ и фактами изъ жизни Атика, совершавшимися на виду у всѣхъ. Онъ старательно создавалъ вокругъ себя опредѣленную атмосферу нравственнаго приличія и неизмѣнно соблюдалъ

¹⁾ *Cornel. Nep. Att.* 13, 6: „...cum non parum liberaliter domum suam omnium ordinum homines invitaret“. Авторъ уже нѣсколько разъ цитированной латинской диссертациі объ Атикѣ, *Eug. Fialon*, хорошо рисуетъ („Thesis in T. Romponium Atticum“, p. 53 sqq.) эту „promiscua turba hominum omnium ordinum et partium“, которая наполняла приемныя залы *domus Tarnphilianae* въ званіи вечера. Онъ живописно изображаетъ, какъ любезный хозяинъ искусно умѣлъ поддерживать въ посѣтеляхъ веселое оживленіе, доставляя имъ постоянно мѣнявшіеся въ подробностяхъ, но всегда удовлетворявшіе разнообразнымъ вкусомъ способн интереснаго и занимательнаго времяпрепровожденія.

²⁾ Біографія Атика, написанная Корнеліемъ Непотомъ, полна указаній на различныя удивительныя достоинства героя. См. напр. главы 11, 15, 17 и др. Въ письмахъ Цицерона также повсемѣстно разсыпаны самыя горячія признанія искренняго восторга, который возбуждали въ авторѣ „ingenuitas“ и „magnitudo animi“ (*Ad Att.* I, 17, 5) друга и вообще высокія его добродѣтели, дѣлавшія его лучшимъ изъ людей (*Ibid.* „Vera quidem laude probitatis, diligentiae, religionis neque me tibi neque quemquam antepono“). Излишне было бы дѣлать здѣсь многочисленныя ссылки и приводить длинныя выписки.

³⁾ Цицеронъ ссылается на эту внутреннюю гармонію очень выдающихся дарованій, которой Атикъ достигъ при помощи тщательнаго самовоспитанія. См. напр. *De senect.* I, 1: „Novi enim moderationem animi tui et aequitatem teque non cognomen solum Athenis deportasse, sed humanitatem et prudentiam intellego“. Cfr. *Corn. Nep. Att.* 11.

установленныя требованія личной и общественной порядочности. Онъ былъ безупречнымъ семьяниномъ ¹⁾, справедливымъ и добрымъ къ слугамъ хозяиномъ ²⁾. Все это служило залогомъ образованія около его имени репутаціи „хорошаго человѣка“ ³⁾. Последняя укрѣплялась изъ года въ годъ, благодаря замѣчательному искусству въ эксплуатаціи для практической пользы благопріятныхъ свойствъ личнаго характера, которымъ Атикъ обладалъ въ совершенствѣ ⁴⁾. Желая убѣдить всѣхъ въ томъ, что онъ подчиняетъ свои собственные поступки строгому контролю нравственнаго чувства, онъ никогда вмѣстѣ съ тѣмъ не предъявлялъ къ другимъ ригористическихъ притязаній. Ловко закрывалъ онъ глаза на дѣйствія знакомыхъ, обнаруживая по отношенію къ ихъ поступкамъ покладливый эклектизмъ. Онъ проявлялъ очень удобное въ свѣтскомъ обществѣ игнорированіе слабостей человѣческихъ и сохранялъ со всѣми изящную предупредительность вмѣстѣ съ лобезнымъ признаніемъ какъ бы права ихъ на порочность и легкою скептической оцѣнкою ихъ добродѣтелей ⁵⁾.

¹⁾ Всѣ знали его, какъ почтительнаго сына, и между нимъ и матерью, которая умерла въ глубокой старости, сохранились до конца самыя лучшія отношенія (*Corn. Nep.* 17). Онъ сумѣлъ остаться въ дружбѣ съ сестрою, обладавшею весьма тяжелымъ характеромъ (*Drumann, Gesch. Roms, V, 5*), и, какъ извѣстно, угодить дядѣ Цецилю, отношенія съ которымъ были невыносимы. Супружеская жизнь его съ Пиліей отличалась, повидимому, полнымъ счастьемъ, и причиною этого является не одинъ ея вроткій нравъ, но и его душевные свойства и поведеніе (*Drumann, Ibid. p. 88*). Цицеронъ постоянно говоритъ о согласіи, царившемъ между ними (см. *Ad Att. VIII, 6, 8*: „*vestrae concordiae*“). Для дочери онъ былъ образцовымъ отцомъ (*Cic. Ad Att. VII, 2, 4, etc. Corn. Nep. Att. 12, 1*) и вообще во всѣхъ родственныя отношенія стремился вносить дружественный, преданный и примирительный духъ.

²⁾ См. *Drumann, Gesch. Roms, V, 71* и указанія у него мѣста.

³⁾ Самъ Друманнъ соглашается съ этимъ (*Gesch. Roms, V, 69*): „*Darnach zeigte sich Atticus als ein guter Mann, wie man das Wort nun einmal gebraucht, besonders der Mehrzahl seiner Zeitgenossen gegenüber*“.

⁴⁾ Гастонъ Буассье (см. „*Cicéron et ses amis*“, p. 143 et suiv.) очень остроумно пытается разъяснить, почему Атикъ такъ нравился всѣмъ въ современномъ ему высшемъ римскомъ обществѣ, и чѣмъ привлекалъ онъ къ себѣ столько друзей изъ всѣхъ разнообразныхъ группъ, на которыя оно распадалось.

⁵⁾ „*Der vornehmen Welt, говорятъ Друманнъ (V, 70), genügt eine gefällige Aussenseite; sie wird durch die Tiefe und Wärme der Gefühle verletzt, die Begeisterung für Ideen oder Menschen, eine rücksichtslose Hingebung erscheint ihr als ein Verstoß gegen die feine Sitte oder als Thorheit, weil man voraus-*

Съ такимъ человѣкомъ пріятно было знаться, тѣмъ болѣе, что и духовное общеніе съ нимъ доставляло много удовольствія, не понуждая къ усилюю и никогда не доводя до утомленія или скуки. Атикъ былъ очень уменъ, — противъ этого не спорилъ никто; при этомъ онъ не принадлежалъ къ типу тѣхъ легкихъ головъ, которыя, блеснувъ на минуту, скоро выдыхаются и оказываются лишенными какихъ бы то ни было ресурсовъ, чтобы занять собесѣдника въ длинномъ разговорѣ или тѣмъ болѣе, чтобы представлять интересъ для продолжительнаго знакомства. Онъ многое изучалъ и обладалъ разносторонними свѣдѣніями. Онъ былъ хорошимъ знатокомъ литературы, философіи, исторіи, искусства, свободно распоряжался богатымъ матеріаломъ и владѣлъ умственными силами, которыя ставили его въ число первыхъ людей во всякомъ, даже избранномъ кружкѣ лучшаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ несъ всю эту обширную мудрость съ удивительною непринужденностью, преподносилъ ее въ необыкновенно доступной и въ высшей степени привлекательной формѣ. Онъ былъ чуждъ тяжело-вѣсной эрудиціи профессиональнаго ученаго и навѣвающей, тоску суровости школьнаго педанта ¹⁾. Это былъ даровитый и просвѣщенный любитель работы мысли и интеллектуальныхъ наслажденій, отличавшійся рѣдкою и неопѣнимою въ свѣтѣ способностью красиво и весело раздавать другимъ свои умственныя блага, сообщая при этомъ каждому много новаго и любопытнаго, но не надоедая никому ²⁾. Такія особенности ума и образованія Атика являлись одною изъ важныхъ причинъ, обусловившихъ его успѣхъ въ обществѣ; ими объясняется неотразимая прелесть общенія съ нимъ; на

setzen kann, das ein Theil der Gesellschaft anders denkt; an Atticus bemerkte man diese Schwächen nicht...“

¹⁾ Даже Цицеронъ, какъ кажется, иногда тяготился глубокою премудростью такихъ многоученныхъ людей, какъ Варронъ, и онъ, когда не былъ въ расположеніи его слушать, охотно славлялъ его въ Римъ изъ своего тускуланскаго загороднаго дома (*Ad Att.* XIII, 33, 4).

²⁾ „Свѣтскій складъ“ ума Атика прекрасно охарактеризованъ у Гастона Буассье. См. „*Cicéron et ses amis*“, p. 145. Влестящій авторъ ярко изображаетъ любопытное соединеніе въ немъ основательныхъ знаній, серьезной любви къ наукѣ и оригинальнаго культурнаго дилеттантства.

нихъ основывалось извѣстное очарованіе, которое онъ производилъ даже на очень требовательныхъ людей. Сулла, Цицеронъ и Августъ равно высоко цѣнили его таланты и дорожили бесѣдами съ нимъ; болѣе же многочисленны знакомые Аттика, которые хуже могли понимать и не такъ сильно способны были чувствовать тонкія наслажденія въ умственной области, притягивались къ нему манящею внѣшнія чувства комфортабельною обстановкою, среди которой протекала его жизнь, и которую онъ отдавалъ въ ихъ распоряженіе съ истинно свѣтскою вѣжливостью и *courtoisie* ¹⁾.

Такимъ образомъ Атикъ безъ труда пріобрѣлъ себѣ очень многочисленныхъ постоянныхъ посѣтителей, благодаря своему богатству, „хлѣбосольству“, выгоднымъ внѣшнимъ особенностямъ своего быта и симпатичнымъ для окружающихъ свойствамъ ума и характера. Изъ числа ихъ онъ легко избралъ и умѣло сгруппировалъ около себя также обширный кругъ друзей, соединяя съ собою болѣе постоянными узами людей, которыхъ онъ уже сознательно подбиралъ въ виду опредѣленныхъ утилитарныхъ цѣлей. Послѣднихъ онъ привязывалъ къ себѣ не только пріятными, но и солидными добродѣтелями. Оказывалось, что онъ отличался большою вѣрностью въ симпатіяхъ ²⁾; пріятельскія отношенія его были всегда прочны, оставаясь притомъ совершенно свободными отъ всякой навязчивости, требовательности и мелочности ³⁾. Дружеская вѣрность Аттика проявлялась не только на словахъ, выражалась не только во всегда благожелательномъ обра-

¹⁾ Атикъ владелъ большимъ состояніемъ, а мы знаемъ, какъ охотно льнуть особенно представители *beau monde'a* къ людямъ, которыхъ богато одарила судьба, и какъ послѣдніе легко пріобрѣтаютъ симпатіи и популярность при малѣйшемъ желаніи съ своей стороны.

²⁾ Это также эпикурейское правило. См. *Cic. De finib.* II, 25, 81: „Multi Epicurei et fuerunt et hodie sunt... in amicitiiis fideles...“ Ниже тутъ же сообщаются интересныя подробности.

³⁾ См. *G. Boissier* („Cicéron et ses amis“, p. 146): „Ce commerce si sûr était en même temps très-facile. Personne n'a jamais été plus indulgent et plus commode. Il se gardait bien de fatiguer par ses exigences ou de rebuter par ses brusqueries. On n'avait pas à craindre dans son amitié ces orages qui troublèrent si souvent celle de Cicéron et de Brutus. C'était plutôt une de ces intimités calmes et sans secousses qui s'affermissent tous les jours par leur durée régulière“.

ни; но осуществлялась въ его всегдашней готовности помочь, оказать услугу.

Прежде всего Атикъ не отказывалъ друзьямъ въ самомъ для нихъ существенномъ — въ матеріальной поддержкѣ: щедрость его скоро сдѣлалась фактомъ общеизвѣстнымъ ¹⁾. Онъ давалъ деньги пріятелямъ въ видѣ дружескаго одолженія ²⁾ и именно въ такіе моменты, когда онъ оказывались имъ особенно нужны, и когда любезная ссуда избавляла ихъ нерѣдко отъ большого и непріятнаго затрудненія; безкорыстный же характеръ, который Атикъ умѣлъ прида-

¹⁾ Корнелій Непотъ (*Att.* 11, 3) опредѣленно говоритъ о широкой „*liberalitas*“ Атика. Авторъ подтверждаетъ такую общую характеристику рядомъ частныхъ примѣровъ. См. 7, 1; 11, 4; 12, 2 и т. д.

²⁾ Онъ какъ будто задался цѣлью усвоить принципы Цицерона — презирать аличность (*De off.* I, 20, 68), развивать въ себѣ духъ благотворенія (*Ibid.* I, 7, 20), осуществляя его безъ всякаго разсчета на матеріальную выгоду или на удовлетвореніе тщеславія, а имѣя въ виду будто бы единственно пользу другихъ, особенно друзей (*Ibid.* 14, 43: „*Videndum est igitur, ut ea liberalitate utamur, quae pro sit amicis, poseat nemini*“). Онъ систематически старался показать себя чуждымъ всякой користи (*Corn. Nep. Att.* 12, 2: „...tantum afit a cupiditate pecuniae“) и усильно скрывалъ, какъ извѣстно, свои коммерческія предпріятія. Можно припомнить много случаевъ, подтверждающихъ это. Нечего и говорить, что беспорядочный, расточительный, въ тому же терпѣвшій много отъ политическихъ кризисовъ Цицеронъ постоянно получалъ отъ друга не только безпроцентную, но и безвозвратную денежную помощь. Корнелій Непотъ прямо говоритъ (*Att.* 4, 4): „...cui ex patria fugienti HS ducenta et quinquaginta milia donavit“. — Письма Цицерона полны указаній на подобнаго рода факты, относящіяся къ разнымъ моментамъ его жизни. См., напр., *Ad Att.* III, 20, 2; 4, 1; VI, 1, 20; XI, 2, 4; 13, 4 etc. — Вообще вся переписка изобилуетъ намеками на многообразными денежныя дѣла Цицерона, въ которыхъ Атикъ принималъ участіе въ качествѣ пособника своими капиталами. См. *G. Boissier, Cicéron*, p. 83; 91 *suiv.* — Онъ давалъ также деньги, очевидно, въ видѣ одолженія женѣ Цицерона Теренціи (см. разл. письма III-й кн.), которая постоянно въ нихъ нуждалась, и вообще помогалъ его семьѣ (III, 5; 8, 4; 9, 2; II, 2; 17, 3; *Ad Q. fr.* I, 3, 8). Онъ снабжалъ средствами и зятя своего Квинта Цицерона (*Cic. Ad Q. fr.* II, 2, 1), и другихъ друзей, напр. Брута (*Corn. Nep. Att.* 8, 6), мать его Сервилію (*Ibid.* 11, 4), жену Антонія Фульвію (*Ibid.* 9, 5) и, очевидно, многихъ другихъ болѣе или менѣе близкихъ знакомыхъ. — Позанимствованій, и очень значительныхъ, изъ кармана Атика не гнушались и такіе первостепенные государственные люди, какъ Цезарь (*Cic. Ad Att.* VI, 1, 25); послѣдній далеко не всегда былъ аккуратенъ въ уплатѣ заключеннаго займа, а можетъ быть, даже немало аттиковскихъ денегъ пропало за нимъ. Ср. *Drumann, Gesch. Roms*, III, 384; 734. Корнелій замѣчаетъ, что трудно перечислить всѣ факты, доказывающіе щедрость Атика къ друзьямъ (*Att.* 11, 3: „*Difficile est omnia persequi et non necessarium*“).

вать своимъ дѣйствіямъ, удваивалъ въ получающихъ чувство удовлетворенія и возбуждалъ ихъ особенную признательность ¹⁾. Онъ помогаль не только деньгами. Онъ оказываль и другія услуги, искусно комбинируя ихъ, смотря по потребностямъ лица и по обстоятельствамъ времени. Особенно много примѣровъ можно найти, изучая отношенія между Аттикомъ и Цицерономъ, такъ какъ эта дружеская связь была у него самая долгая и самая сильная ²⁾; но то же самое, хотя и въ ослабленной степени, должно было повторяться и въ другихъ случаяхъ. Онъ вдумывался въ служебные интересы друзей и разумными совѣтами старался предохранить ихъ отъ неосторожности, направить на истинный путь для достиженія цѣлей личной карьеры или выполненія общественной обязанности ³⁾. Онъ отдаваль на пользу друзьямъ и свое вліяніе, оказывая протекцію имъ передъ властью имущими, или дѣйствуя своимъ авторитетомъ на общественное мнѣніе ⁴⁾. Да-

¹⁾ *Corn. Nep. Att. 11, 3*: „Illud unum intellegi volumus, illius liberalitatem neque temporariam neque callidam fuisse. Id ex ipsis rebus ac temporibus iudicari potest, quod non florentibus se venditavit, sed afflictis semper succurrit“.

²⁾ Для ознакомленія съ вопросомъ объ исторіи дружбы Цицерона съ Аттикомъ слѣдуетъ обращаться къ сочиненіямъ, специально изучающимъ біографію послѣдняго, къ Друманну, Гюллеману, Фіалону и др. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ пунктѣ. У Г. Буассье также хорошо показано, какое активное участіе принималъ Аттикъ положительно во всѣхъ матеріальныхъ, семейныхъ и духовныхъ интересахъ друга. См. *Cicéron et ses amis*, p. 148—152.—Цицеронъ самъ признается, что Аттикъ всѣми способами помогаль ему. См. *Cic. Ad Att. III, 20, 2; 3*.

³⁾ Цицеронъ также прямо свидѣтельствуетъ объ этомъ (*Ad Att. XII, 37, 3*: „...Scio enim, si quid mea intersit, tibi maiori curae volere esse, quam mihi.“). Аттикъ снабжаетъ его совѣтами и дружескими указаніями во время изгнанія (*Ad Att. III, 1; 6*), ободряетъ его (*III, 3; 4; 9, 1*). Въ другое время онъ настаиваетъ, чтобы Цицеронъ твердо держался стороны Помпея. См., напримѣръ, интересное письмо—*IX, 10*; также *IX, 2, 1; 6, 6; 7, 3; 9, 2; 12, 1; 18, 1; 19, 4*.—Въ третій разъ онъ рекомендуетъ ему нейтралитетъ (*VII, 26, 2*) и т. д.—Цицеронъ искренне говоритъ, что ему необходимо всегда посоветоваться съ Аттикомъ (*Ad Att. I, 17, 6*); въ другомъ мѣстѣ горячо расхваливается, что не всегда слѣдовалъ его мнѣнію (*Ad Att. VIII, 12, 5*).

⁴⁾ Онъ пускаетъ въ ходъ деньги и связи, чтобы помочь Цицерону достигнуть консулата въ 64 году (см. *Cic. Ad Att. I, 2, 2* и вообще первыя письма первой книги). Ср. *Hüllemann, Atticus*, p. 36—37.—Онъ поддержаль друга во время борьбы его съ сторонниками Катилины, убѣдивъ всадниковъ примкнуть къ сенату и консулу (*ibid. II, 1 7*). Ср. *Drumann, Gesch. Roms. V, 12*.—Сви-

лѣе, онъ вникалъ и въ хозяйственные интересы близкихъ людей, помогалъ имъ устраивать финансовыя дѣла и избавлялъ ихъ отъ многихъ матеріальныхъ хлопотъ ¹⁾. Онъ не останавливался и передъ тѣмъ, чтобы, когда возможно было, давать свое покровительство пострадавшимъ отъ гражданскихъ войнъ и преслѣдуемымъ врагами ²⁾.

Впрочемъ, нужно замѣтить, все это онъ дѣлалъ съ осмотрительностью, которая обнаруживаетъ, что въ глубинѣ онъ всегда оставался вѣренъ основной цѣли своей жизни—ковать свое личное счастье. Онъ примѣнялъ свою „liberalitas“ именно тогда, когда она содѣйствовала ея достиженію или, по крайней мѣрѣ, не сопряжена была съ опасностью повредить его матеріальному благосостоянію или компрометировать его ³⁾. Нужно

дѣтельство Корнелія Непота о томъ, что Аттикъ „amicis urbana officia praestitit“ (*Att.* 4, 3), очевидно, относится къ такому рода услугамъ Аттика друзьямъ на служебномъ поприщѣ. Это доказывается слѣдующими пояснительными словами: „Nam et ad comitia eorum ventitavit, et si qua res maior acta est, non defuit“.—Стало быть, самъ чуждаясь выборовъ на должности, онъ хлопоталъ о ихъ служебномъ движеніи и способствовалъ полученію выгодныхъ мѣстъ.

¹⁾ Корнелій Непотъ говоритъ (*Att.* 15, 3), что Аттикъ брался за управление дѣлами друзей. Если это доставляло ему нѣкоторый доходъ, то имъ открывало большой досугъ для другихъ занятій и для свободной жизни. Разъ принявъ на себя дѣловое порученіе, онъ выполнялъ его съ такою добросовѣстностью, какъ еслибы велъ собственное дѣло (*Ibid.*). Такою услугою отъ него пользовались многие; что же касается частнаго хозяйства Цицерона, то можно сказать, что періодами онъ его велъ вполне, всегда же смотрѣлъ за нимъ опытнымъ глазомъ осторожнаго и солиднаго покровителя, оберегающаго состояніе друга отъ послѣдствій его легкомыслія. См. *G. Boissier*, *Cicéron*, p. 148. Ср. *Drumann*, *Gesch. Roms*, V, 73.

²⁾ Корнелій говоритъ (*Att.* 4, 4), что Аттикъ „Ciceroni in omnibus periculis singularem fidem praebuit“.—Если слова эти кажутся преувеличеніемъ, когда мы вспоминаемъ фактъ гибели Цицерона и спасенія Аттика, то все же нельзя забывать, что Аттикъ предложилъ Цицерону прійти въ своихъ эпирскихъ владѣніяхъ, когда его изгнали и преслѣдовали (*Ad Att.* III, 7, 1; 15, 6), просилъ за него Варрона, Помпея и различныхъ вліятельныхъ друзей (см. различныя письма III-й книги, напримѣръ, 8, 3; 9, 2; 12, 1; 13, 1 etc.), и скорнымъ возвращеніемъ въ столицу Цицеронъ несомнѣнно былъ обязанъ другу. См. *Hüllemann*, *Atticus*, p. 51—54.—Далѣе онъ покровительствовалъ Бруту послѣ убійства Цезаря (*Corn. Nep.* *Att.* 8, 6). Фульвія послѣ того, какъ Антоній объявленъ былъ врагомъ отечества (*Ibid.* 9, 2), укрывалъ у себя въ Эпирѣ проскрибированныхъ триумвировъ и искавшихъ у него защиты лицъ (*Ibid.* 11, 1) и избавилъ отъ конфискаціи имущества двоихъ друзей (*Ibid.* 12, 3) и т. д.

³⁾ Какъ ни былъ онъ щедръ въ денежныхъ услугахъ, но когда ему были нужны деньги, или если онъ не хотѣлъ терять одолженной суммы, онъ настой-

только сказать, что онъ ловко умѣлъ скрывать отъ всѣхъ свой расчетъ. Друзья рѣдко чувствовали, что Аттикъ прежде всего неизмѣнно стоитъ на стражѣ своей собственной выгоды ¹⁾. Онъ всегда являлся такимъ безукоризненно милымъ человѣкомъ, такъ тонко потворствовалъ людскимъ слабостямъ ²⁾; онъ вносилъ въ общеніе со всѣми такой примирительный духъ; онъ какъ бы созданъ былъ для того, чтобы познакомить, сблизить, заставить подружиться, разсѣять между поссорившимися пріятелями недоразумѣніе или обиду ³⁾. Домъ его былъ настоящимъ клубомъ; но клубомъ не политическимъ, который одушевляется, какъ народное собраніе, раздражающимъ волненіемъ соперничества и борьбы; онъ походилъ на культурный салонъ, куда сходятся люди разныхъ направленій, чтобы забыть временно напряженіе общественной дѣятельности, дать отдыхъ ежедневно истрачиваемымъ силамъ и отвести душу въ красивой и тихой обстановкѣ, которая освѣжаетъ умъ и вызываетъ спокойныя, мягкія чувства. Самъ хозяинъ встрѣчалъ

чиво требовалъ возвращенія ссуды даже отъ родственниковъ. См., наиримѣръ, *Ad Att.* X, 11, 2. Затѣмъ онъ хорошо при случаѣ умѣлъ отмалчиваться отъ просителей, въ чемъ иногда подражалъ ему Цицеронъ (*Ad Att.* XIII, 42, 1). Въ заступничествѣ за самого Цицерона онъ соблюдалъ осторожность, чтобы не повредить себѣ. Это замѣтно изъ дѣйствій Аттика даже во время изгнанія друга (*Drumann*, V, 18; 20, 21), особенно же въ послѣдніе годы его дѣятельности (интересные факты собраны у Друмманна, р. 55—56).

¹⁾ Цицеронъ, правда, упрекаетъ Аттика изъ изгнанія въ недостаточной готовности помочь его бѣдѣ (См. *Ad Att.* III, 15, 7); но онъ тутъ же извиняется въ несправедливости обвиненія, такъ что эти горькія слова слѣдуетъ скорѣе приписать взволнованному и испуганному настроенію Цицерона, чѣмъ тому, что онъ дѣйствительно замѣчалъ уклончивость друга и былъ серьезно обиженъ на него. Ср. *Hüllemann*, *Atticus*, p. 138—141.

²⁾ Одному онъ угождалъ цѣннымъ художественнымъ подаркомъ, статуею или книгой (какъ Помпею, *Ad Att.* IV, 9, 1), другому умѣлъ польстить хвалебнымъ стихотвореніемъ, третьяго расположить, затронувъ тщеславіе возвеличеніемъ его рода: Корнелій Непотъ рассказываетъ, наиримѣръ, что Аттикъ занимался составленіемъ генеалогій римскихъ знатныхъ фамилій и писалъ похвальные стихи въ честь „знаменитыхъ“ людей (*Att.* 18, 3—4).

³⁾ Аттикъ, наиримѣръ, примирилъ двухъ яростныхъ соперниковъ на ораторской трибунѣ—Гортензія и Цицерона. См. *Corn. Nep.* *Att.* 5, 4. Авторъ называетъ его „virogum copula“. Цицеронъ также говоритъ, что онъ великій мастеръ сблизять людей (*Cic. Ad Att.* VII, 8, 1: „Soles conglutinare amicitias“). — Ср. *Drumann*, V, 77: „Bei seiner Gemüthsruhe und Friedensliebe war er verschwiegen und zum Vermittler geeignet“.

всѣхъ съ одинаково привѣтливою улыбкою. Онъ царилъ среди многочисленной толпы разнообразныхъ людей, наполнявшихъ его квиринальскій дворецъ, когда разговоръ шелъ о какомъ-нибудь теоретическомъ вопросѣ философіи, науки или искусства. Но онъ намѣренно стусевывался, когда на сцену пороку врывался порывъ ненависти, возникалъ зародышъ интриги, дѣлалась попытка агитаціи политическаго заговора. Передъ такою „*ligne de conduite*“ хозяина политическіе замыслы и страсти замирали въ головахъ его гостей, коль скоро они переступали черезъ порогъ его гостепріимнаго дома.

Всѣ посѣщавшіе Аттика—его друзья. Да и внѣ постоянныхъ посѣтителей у него нѣтъ враговъ¹⁾. Это замѣчательный знатокъ сердець и ловець душъ, а главное превосходный архитекторъ собственнаго благополучія. Всѣ, кому онъ доставляетъ развлеченіе или оказываетъ покровительство, чьи дѣла устраиваетъ, кого избавляетъ отъ финансоваго затрудненія или спасаетъ отъ опасности,—тѣмъ охотнѣе принимаютъ эти услуги и тѣмъ большую чувствуютъ за нихъ благодарность, чѣмъ лучше они знаютъ, что Атикъ много даетъ, но ничего не требуетъ. Такъ, подъ личиною безкорыстной дружбы Атикъ артистически обдѣлывалъ свои дѣла. Ему не надо чужихъ денегъ, такъ какъ своихъ у него всегда гораздо больше, чѣмъ нужно. Но ссужая другихъ своимъ излишкомъ, даже теряя часть розданныхъ суммъ, онъ покупаетъ себѣ вѣрныхъ доброжелателей или преданныхъ кліентовъ. Онъ отказался отъ политической карьеры; но ему необходимо имѣть точныя свѣдѣнія о положеніи государства и

¹⁾ Ни у одного автора не встрѣчается указаній на человѣка, который опредѣленно былъ бы враждебно настроенъ противъ Аттика; обратное же рѣшительно утверждается Корнеліемъ (*Att.* 11, 4): „Nullas inimicitias gessit“. Сближался съ тѣми, кто былъ ему нуженъ, онъ умѣлъ мало-по-малу сдѣлать себя необходимымъ для нихъ и приобрести полное ихъ довѣріе. Этимъ искусствомъ онъ, какъ выше показано на примѣрѣ его отношеній съ Суллою, владѣлъ смолоду. Цицеронъ, конечно, особенно сильно выражаетъ, какъ безгранично онъ довѣрялъ Аттику (*Ad Att.* VIII, 14, 2: „Ego tecum tanquam mecum loquor“) и какъ не могъ обойтись безъ него ни въ какихъ случаяхъ жизни (*Ibid.* I, 17, 6: „Non labor meus non requies, non negotium non otium, non forenses res non domesticae, non publicae non privatae carere diutius tuo suavissimo atque amantissimo consilio ac sermone possunt“).

тайныхъ планахъ его руководителей въ каждую данную минуту; его многочисленные друзья будутъ сообщать ему свои проекты и сокровенныя мысли. Они убѣждены, что не найдутъ въ немъ соперника, и не сомнѣваются въ его умѣнїи хранить секреты. Его не привлекаютъ высокіе посты и почетныя должности; но для него въ высшей степени важна поддержка сильныхъ для обезпеченія отъ кризисовъ частныхъ его предпрїятій, для избавленія его, семьи и имущества отъ всякихъ бѣдъ во время часто совершавшихся переворотовъ и постоянно готовившихся грозныхъ перемѣнъ. Дѣйствительно, всѣ могущественные дѣятели государства всегда помогутъ ему, и каждый новый побѣдитель непременно проститъ ему связи съ павшими врагами, потому что всѣ они увѣрены въ его полномъ политическомъ *désintéressement*. Кромѣ того каждый изъ нихъ, если не облагодѣтельствованъ Атиккомъ въ прошломъ, то получилъ отъ него рядъ повседневныхъ услугъ, а въ общенїи съ нимъ испытывалъ рядъ прїятныхъ ощущеній; да и въ будущемъ онъ легко можетъ оказаться очень полезенъ. Какъ же его не щадить и не ласкать?

Вотъ почему, еще разъ, мы видимъ Атика окруженнымъ густымъ вѣнкомъ преданныхъ ему друзей, въ которомъ замѣчаемъ крупныя цвѣтки въ лицѣ всесильныхъ вождей народа и правителей государства, а также видныхъ политическихъ дѣятелей разныхъ партій, не говоря о выдающихся представителяхъ литературы и высшаго свѣта. Ниже ихъ около него располагались еще гораздо болѣе многочисленные кліенты, объединенные въ плотное зависимое отъ него тѣло. Соціальное подчиненіе связывало съ нимъ послѣднихъ патронатными узами еще тѣснѣе, чѣмъ приближало къ нему первыхъ свободное сознаніе того, что онъ можетъ быть необходимою для нихъ экономической поддержкою и политической помощью.

Нѣтъ никакой необходимости перечислять имена всѣхъ особенно близкихъ и знаменитыхъ друзей Атика ¹⁾. Между ними мы видимъ многихъ писателей, ученыхъ и дилеттантовъ литературы, каковы, на примѣръ, Варронъ, Корнелій Не-

¹⁾ Большую коллекцію ихъ собралъ Друманъ (*Gesch. Roms*, V, 78, ff.).

потъ, потомъ Торкватъ, Сауфей, Юлій Калидъ, можетъ быть, также Лукрецій и Катуллъ. Они удовлетворяли умственнымъ и эстетическимъ наклонностямъ Аттика; но и въ отношеніяхъ съ большею частію людей даже этой категоріи замѣшивались у него практическіе интересы, такъ какъ всѣ они имѣли прикосновеніе къ политикѣ. Болѣе всего однако Аттика привлекали настоящіе политическіе люди по профессіи. Своимъ положеніемъ, силою и свѣдѣніями они восполняли Аттику то, что онъ терялъ вслѣдствіе своего удаленія отъ дѣлъ. Они давали ему всѣ вмѣстѣ такое знаніе всего, что происходило, и такія гарантіи безопасности и вліянія, какихъ онъ никогда не достигъ бы путемъ самой энергичной собственной работы на политическомъ поприщѣ даже при условіи наибольшаго успѣха ея. Такимъ образомъ, ближайшіе и важнѣйшіе интересы Аттика, благодаря тому положенію, которое онъ занялъ въ обществѣ, и тѣмъ разнообразнымъ связямъ, которыя онъ заключилъ, удовлетворялись услугами и заботами цѣлаго сонма друзей.

Привязывая къ себѣ первостепенныхъ государственныхъ дѣятелей, онъ, безъ сомнѣнія, охотнѣе всего сближался съ предводителями партій и при помощи описанныхъ приѣмовъ достигалъ этого съ поразительною ловкостью. Связанный юношескими отношеніями съ кружкомъ маріанцевъ, онъ очень быстро снискалъ не только милость, но определенную симпатію Суллы. Онъ пользовался расположеніемъ Помпея, но и Цезарь сначала самъ выражалъ желаніе вступить въ дружбу съ Аттикомъ и оказать ему услуги, а когда онъ достигъ высшей власти, Аттику удалось сохранить его покровительство, несмотря на связи свои съ партіею Помпея. Въ то же время онъ находился въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ врагомъ его Брутомъ, былъ друженъ съ Кассіемъ и Катономъ. Это обстоятельство не помѣшало ему въ послѣдствіи сойтись съ Антоніемъ, что въ свою очередь дало ему возможность познакомиться съ Октавіаномъ! Аттикъ такъ привязалъ къ себѣ послѣдняго, что тотъ продолжалъ довѣрять ему и послѣ разрыва своего съ Антоніемъ; будущій императоръ готовъ былъ, можетъ быть, сдѣлать его однимъ изъ важныхъ своихъ сотрудниковъ въ

дѣлъ утверждѣнія въ Римѣ монархическаго порядка. Но смерть избавила Аттика отъ необходимости разрѣшить трудную дилемму: что лучше? Нарушить ли вступленіемъ въ ряды прямыхъ совѣтниковъ Августа вѣрность выработаннымъ и уже прославленнымъ въ обществѣ идеаламъ политическаго безкорыстія и нейтралитета, или рисковать навлечь на свою голову неудовольствіе единоподданнаго повелителя римскаго народа?

Централизуя свои личныя связи около наиболѣе могущественныхъ индивидуальностей, Аттікъ располагалъ вокругъ нихъ второстепенныхъ лицъ, которыя служили къ постоянному подогрѣванію и оживленію дружескаго союза съ вождями. Иногда же они являлись сами предварительными ступенями, поднимавшими Аттика до уровня самыхъ сильныхъ людей міра ¹⁾. Изложенные факты выясняютъ, что основою личныхъ отношеній Аттика обыкновенно былъ практическій расчетъ ²⁾ и рѣдко то согласіе въ убѣжденіяхъ и цѣляхъ жизни, которое составляетъ, по нынѣшнимъ воззрѣніямъ, лучшій элементъ дружбы ³⁾, но которое уже цѣнилось и въ древности ⁴⁾. Его не влекла также къ людямъ горячая потребность любви, такъ что не совсѣмъ заслуженно перешло его имя въ исторію тѣсно ассоціированнымъ съ понятіемъ дружбы. Развѣ только въ союзѣ его съ Цицерономъ можно найти подобіе

¹⁾ *Corn. Nep. Att.* 20, 5.

²⁾ Онъ уваживалъ за Бальбомъ и Теофаномъ, доверенными лицами Цезаря и Помпея (*G. Boissier, Cicéron*, p. 142); а дружба съ Агриппою (*Corn. Nep. Att.* 12, 1), конечно, помогла прочноста сближенія его съ Августомъ.

³⁾ Онъ практиковалъ „τὴν φίλιαν διὰ τὰς χρείας“ (*Diog.* XII, 120), но уклонялся отъ того вида дружбы, которая „ἔστιν ἀρετῆ τῆς ἢ μετ' ἀρετῆς“ (*Aristot. Etic. Nicom.* VIII, 1). Cfr. *Cic. De amicit.* 21, 79.

⁴⁾ По Саллюстію (*Catil.* 20, 4): „Idem velle atque idem nolle ea demum firma amicitia est“. У Цицерона къ аналогичному опредѣленію присоединяется еще признакъ взаимной личной привязанности. См. *Cic. De amic.* 6, 20: „Est enim amicitia nihil aliud nisi omnium divinarum humanarumque rerum cum benevolentia et caritate consensio“. Ср. еще *Sall. Jug.* 31, 14; *Cic. Pro Planc.* 2, 5. Къ такой дружбѣ „общественнаго“ характера (*Liv. XXXVI, 7: „Communis utilitas quae societatis maximum vinculum est“*) очень мало стремился Аттікъ. Кромѣ прямой выгоды онъ искалъ еще въ дружбѣ удовольствія, раздѣляя, можетъ быть, мнѣніе, что безъ дружеской привязанности не красна жизнь (Ср. *Cic. De amic.* 6, 22).

настоящей дружбы, основанной на сильномъ и искреннемъ чувствѣ и на извѣстномъ сродствѣ душъ ¹⁾. Но и здѣсь нельзя сказать, что отношенія Аттика съ Цицерономъ были свободны отъ всякихъ практическихъ мотивовъ. Цицеронъ былъ очень нуженъ Аттику: черезъ него онъ всегда хорошо зналъ о крупныхъ событіяхъ и мелочахъ политической жизни; черезъ него, знавшаго всѣхъ, онъ сходилъ съ тѣми, кто долженъ былъ содѣйствовать его планамъ; подъ прикрытіемъ его громкаго и уважаемаго имени онъ устанавливалъ свою репутацію, насаждалъ свое вліяніе и утверждалъ свой вѣсъ. Съ другой стороны онъ не считалъ себя связаннымъ этою дружбою въ томъ смыслѣ, чтобы раздѣлять съ Цицерономъ его антипатіи, и сумѣлъ сохранить себя неskomпрометгированнымъ близкою связью съ такимъ ярко окрашеннымъ въ политическомъ отношеніи человѣкомъ ²⁾.

Итакъ Атикъ любилъ друзей исключительно „для себя“, цѣнилъ ихъ лишь, насколько они могли служить „его видамъ“. Онъ былъ вѣренъ и полезенъ имъ только „частнымъ образомъ“! Съ политическими же замыслами ихъ онъ не

¹⁾ См. *E. Fialon*, Thesis in T. Romp. Att. p. 59. Ихъ связали воспоминанія дѣтства, общее воспитаніе, родственныя отношенія, одинаковость влусовъ, и союзъ поддерживался многочисленными переплетавшимися интересами. Цицеронъ, по крайней мѣрѣ, всегда высказывалъ по отношенію къ Аттику глубокую сердечную преданность. Онъ любилъ его, какъ второго брата (*Cic. Ad fam. XIII, 1, 5; Corn. Nep. Att. 16, 2*), и самъ былъ увѣренъ, что Атикъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же (*Ad Att. I, 17, 2*). Трудно утверждать, платилъ ли дѣйствительно Атикъ другу чувствомъ, равносильнымъ тому, которое такъ ярко отражается въ письмахъ послѣдняго (см. мнѣніе Друманна, *Geesch. Romz, V, 76, 77*); но во всякомъ случаѣ то, что связывало его съ Цицерономъ, было высшею степенью дружеской любви, на какую онъ былъ способенъ. У *Fialon* (p. 59—70) собраны данныя для опредѣленія отношеній между Атикомъ и Цицерономъ.

²⁾ Онъ дружилъ, когда это было нужно или интересно, и съ недругами Цицерона. Такъ кромѣ его соперника Горгензія (*Corn. Nep. Att. 5, 4; Cic. Ad Att. II, 25, 1*) Атикъ постоянно сносился съ заклятымъ врагомъ его Клодіемъ и съ сестрою послѣдняго (см., напр., *Cic. Ad Att. II, 9, 1*), а также съ различными другими его политическими противниками (*Drumann, V, 80*). Г. Буассье (*Cicéron, p. 142*) замѣчаетъ по поводу его нравственной неразборчивости при заключеніи дружескихъ связей: „N'ayant ni scrupules farouches comme Caton, ni répugnances violentes comme Cicéron, il s'accommodait de tout le monde; sa complaisance se prêtait à tout; il convenait à tous les âges comme à tous les caractères“. Друманнъ (*V, 70*) говоритъ про него: „Ohne Liebe und ohne Hass, ohne Farbe und Gepräge vermochte er Allen Alles zu sein“.

соединялъ себя никогда и ни въ чемъ. Онъ осторожно распредѣлялъ свою симпатію и вниманіе равномерно между всѣми, никого не обижая, но и не обнадеживая. Вотъ почему онъ могъ опираться поочередно, смотря по обстоятельствамъ; то на тѣхъ, то на другихъ, и каждый въ свое время выносилъ его на плечахъ въ минуты опасности. Вотъ почему также онъ всегда выплывалъ на поверхность послѣ бури, между тѣмъ какъ многіе изъ друзей безвозвратно шли ко дну. Когда разсѣвалась грозная туча, Аттикъ тѣснѣ примыкалъ къ побѣдителямъ ¹⁾, а побѣжденнымъ выражалъ соболѣзнованіе или безъ вреда себѣ и даже къ великой чести вымаливалъ для нихъ милости.

Такимъ способомъ прошелъ онъ невредимымъ не только черезъ диктатуру Суллы и гражданскую войну, поднятую Цезаремъ, но и черезъ ужасы второго триумvirата. Политическая проницательность, которою онъ обладалъ въ высокой степени ²⁾, открыла ему заранѣе неизбѣжность торжества Цезаря, и онъ, найдя подходящий предлогъ устранился отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ во время междоусобія, такъ велъ себя, что сумѣлъ вполне угодить будущему диктатору. Тотъ оградилъ его отъ всякаго безпокойства и обезпечилъ цѣлость его имущества ³⁾. Съ Цезаремъ, какъ человекомъ, чуждымъ мелочной мстительности и ненужной жестокости, было сравнительно легко поладить; онъ былъ велико-

¹⁾ См. *Cic. Ad Att. XV, 3, 1*: „...scribis parendum victoribus“. Ср. *Ibid.* XII, 51, 2; X, 7, 1.

²⁾ *Corn. Nep. 9, 1*: „...si tantum eum prudentem dicam, minus, quam debeam, praedicem, cum ille potius divinus fuerit...“

³⁾ Такъ какъ ему было уже въ это время болѣе 60 лѣтъ, то онъ воспользовался предѣльнымъ по закону возрастомъ для военной службы, чтобы не брать въ руки оружія ни за Цезаря, ни за Помпея (*Corn. Nep. 7, 1*: „Usus est aetatis vacatione neque se quoquam movit ex urbe“). Онъ помогалъ деньгами друзьямъ, стоявшимъ за Помпея, но самъ по прежнему не бралъ отъ послѣдняго ни награды, ни почетныхъ назначеній. Цезарь очень ясно оцѣнилъ и вознаградилъ такой образъ дѣйствій Аттика.—*Corn. Nep. Ibid. § 3*: „Attici autem quies tantopere Caesari fuit grata, ut victor, cum privatis pecunias per epistolas imperaret, huic non solum molestus non fuerit, sed etiam sororis filium et Q. Cicero-nem ex Pompeii castris concesserit“. Авторъ прибавляетъ: „Sic veteri instituto vitae effugit nova pericula“. Надо вспомнить здѣсь, какъ бургундскія земли Аттика были избавлены Цезаремъ отъ конфискаціи. См. выше стр. 285.

душенъ даже къ врагамъ, тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ оказаться милостивымъ къ Аттику, который могъ сдѣлаться цѣннымъ другомъ. Гораздо больше требовалось искусства, чтобы миновать страшныя преслѣдованія вторыхъ триумвировъ. Но въ борьбѣ за самосохраненіе хитроумный Атикъ не останавливался передъ затрудненіями. Послѣ гибели Цезаря онъ очень дипломатично держалъ себя по отношенію къ его убійцамъ ¹⁾ и понемногу сближался съ Антоніемъ ²⁾. Когда послѣдній снова поднялъ знамя гражданской усобицы, и Цицеронъ произносилъ уже противъ „врага отечества“ свои пламенные „филиппики“, оказавшіяся его „лебединою пѣсню“, никто не думалъ, что Антоній можетъ восторжествовать; всѣ измѣняли ему, а близкимъ его грозило разореніе ³⁾. Атикъ, между тѣмъ, отдалившись отъ лучшаго друга, окружалъ заботою семью Антонія и оказывалъ покровительство его друзьямъ. Такое поведеніе спасло его отъ катастрофы, которая серьезно грозила ему.

Когда Антоній, рассказываетъ Корнелій Непотъ, вмѣстѣ съ двумя коллегами вступилъ побѣдителемъ въ Римъ, многіе думали, что Атикъ пропалъ, вслѣдствіе его близкой

¹⁾ Не лишая Брута и его товарищей личной денежной поддержки, онъ рѣшительно отказался отъ участія въ проектѣ организованной помощи партіи убійцъ Цезаря. См. интересный текстъ Корнелія Непота въ 8-й главѣ его біографіи Аттика. Авторъ (*Att.* 8, 3) сообщаетъ: „*Excogitatum est a quibusdam, ut privatum aegarium Caesaris interfectoibus ab equitibus Romanis constitueretur*“. Въ этомъ любопытномъ текстѣ обнаруживается интересная попытка сплотить всадническое сословіе около главарей республиканской партіи и усилить оптиматовъ-нобилей такимъ соединеніемъ ихъ съ капиталистическимъ очень могущественнымъ классомъ. Можетъ быть, въ этомъ проектѣ обнаруживается большая политическая находчивость его инициаторовъ. Особая казна (*privatum aegarium*) для потребностей борьбы „за свободу“ должна была, вѣроятно, явиться средствомъ объединенія такого новаго активнаго органа возрожденія республики. Во главѣ его должны были стать самые видные представители всадничества (*principes ordinis equitum*) и прежде всего вліятельный Атикъ. Но онъ заявилъ, что будетъ помогать друзьямъ только отъ себя, помимо политическаго заговора (*sine factione*); въ переговоры же по этому поводу не желаетъ ни съ кѣмъ вступать („...neque cum quoquam de ea re collocuturum neque coiturum“). Его отказъ разстроилъ предпріятіе („*Sic ille consensionis globus huius unius disensione disiectus est*“).

²⁾ Впрочемъ, онъ, по обыкновенію, сумѣлъ сохранить и тутъ свое, по крайней мѣрѣ, внѣшнее достоинство (*Corn. Nep.* 8, 6).

³⁾ *Ibid.* cap. 9.

связи съ Цицерономъ и Брутомъ. Онъ самъ страшился за свою судьбу и считалъ необходимымъ скрываться. Онъ нашель убѣжище у одного антоніанца Волумнія, котораго только что передъ тѣмъ спасъ отъ бѣды ¹⁾. Ярость Антонія противъ Цицерона была такъ велика, что онъ горѣлъ желаніемъ не только сейчасъ же уничтожить самого знаменитаго врага, но заставить всѣхъ друзей его раздѣлить съ нимъ кровавый конецъ. Однако цѣлая вереница гражданъ, его сподвижниковъ или просто людей, сразу признавшихъ господство новыхъ владыкъ, ходатайствовала передъ нимъ о пощадѣ Аттика. Антоній, дѣйствительно, вспомнивъ полученныя отъ него услуги, написалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ завѣрялъ его, что ему не предстоитъ никакой опасности, и приглашалъ спокойно явиться къ нему.

Аттикъ спасъ свою голову въ тотъ самый моментъ, когда трагически закончилась карьера его лучшаго друга, полная блеска и превратностей. Одинъ, оставленный всѣми, жестокою смертю искупилъ Цицеронъ свою стойкую хоть не всегда вполнѣ безкорыстную вѣрность республикѣ. Другой, окруженный благожелателями, былъ вознагражденъ ими за безусловно уже эгоистическую вѣрность ихъ частнымъ интересамъ. При помощи ихъ твердою ногою перешагнулъ онъ черезъ послѣднее, можетъ быть, самое страшное препятствіе, чтобы вступить въ заключительный, кратковременный, но зато безмятежно свѣтлый кругъ своего оригинальнаго и успѣшнаго, хоть и не очень славнаго жизненнаго поприща.

2.

1. Въ этотъ послѣдній періодъ жизни Аттикъ основаль свое благополучіе на поддержкѣ Антонія, такъ сказать, у самаго трупа Цицерона. Трудно было, конечно, требовать, чтобы онъ спасъ его; обстоятельства, при которыхъ по-

¹⁾ Десятая глава жизнеописанія Аттика заключаетъ живое и интересное повѣствованіе о томъ послѣднемъ рѣшительномъ моментѣ его жизненнаго страствія.

гибъ великій писатель, одинъ изъ послѣднихъ защитниковъ республики, были таковы, что самъ Атикъ, только помилованный триумвирами, не могъ даже поднять голоса за друга ¹⁾. Но тотъ, кто былъ убѣжденъ въ его нравственной и политической честности и вѣрилъ его искренней преданности Цицерону, былъ въ правѣ ожидать отъ него иного поведенія. Поощренный врагами республики, которые жестоко расправились съ дорогимъ ему человѣкомъ, онъ могъ держаться въ гордомъ удаленіи отъ нихъ и не доводить благодарности до забвенія прошлаго. Атикъ поступилъ иначе, какъ ему казалось практичнѣе и полезнѣе; онъ систематически поддерживалъ близость съ Антоніемъ, уклоняясь только отъ принятія изъ его рукъ прямыхъ наградъ или подарковъ ²⁾. Черезъ него онъ познакомился съ Агриппой, за котораго просваталъ единственную дочь ³⁾, очаровательную Цецилію ⁴⁾. При посредствѣ этого союза онъ позна-

¹⁾ Можетъ быть, убіеніе Цицерона, имя котораго поставлено было, какъ говорятъ, во главѣ проскрипціоннаго списка, было уже совершено, пока Атикъ скрывался отъ возможнаго гнѣва новыхъ владыкъ. Очень сильно старается защитить Атика отъ обвиненія по этому пункту *Hüllemann*, „*Diatriba in T. Romponium Atticum*“ (1888) p. 101—102. Во всякомъ случаѣ, когда онъ, въ воздаііе за услуги, раньше оказанныя Антонію и Фульвію, былъ объявленъ неприкосновеннымъ, Атикъ ходатайствовалъ за прятавшагося съ нимъ вмѣстѣ друга дѣтства Геллія Кана (*Corn. Nep.* 10, 5), но ни слова не сказалъ о Цицеронѣ.

²⁾ Корнелій (*Att.* 12, 2) не скрываетъ милости въ нему Антонія, но поясняетъ: „*Cuius gratia cum augere possessiones posset suas, tantum afruit a cupiditate pecuniae, ut nulla in re unus sit ea nisi in deprecandis amicorum aut periculis, aut incommodis*“. Это, конечно, довольно слабое „смягчающее обстоятельство“ для такого богача, какъ Атикъ, и попытка Гюллемана (*Atticus*, p. 100 sqq.) объявить его довольно неубѣдительно. Г. Буассье также оправдываетъ Атика, рассказывая объ этомъ моментѣ его жизни.

³⁾ *Corn. Nep.* *Att.* 12, 1: „*His igitur rebus effecit, ut M. Vipsanius Agrippa, intima familiaritate coniunctus adulescenti Caesari, cum propter suam gratiam et Caesaris potentiam nullius condicionis non haberet potestatem, potissimum eius deligeret affinitatem praecoptaretque equitis Romani filiam generosarum nuptiis. Atque harum nuptiarum conciliator fuit (non est enim celandum) M. Antonius, triumvirum rei publicae*“. Cfr. *Senec. Epist.* 21, 4; *Suet. Tib.* 7; De ill. gramm. 16.

⁴⁾ „*Caecilia, puella bellissima*“ (*Cic. Ad Att.* VI, 4, 3): „*puella Atticula*“ (*ibid.* VI, 5, 4). См. о ней у Друманна (*Gesch. Roms*), V, 88—90. Родилась она въ 51 г. до Р. Хр. (=703 отъ осн. Р.), а помолвлена, вѣроятно, въ 36-мъ. Дочь составляла, повидимому, предметъ наиболѣе вѣжной изъ привязанностей Атика; Цицеронъ также съ истинно родственнымъ вниманіемъ и теплотой

комился съ Октавіаномъ и приобрѣлъ расположеніе того, кто готовился, принявъ пышное имя Августа, окончательно стать единымъ главою римскаго міра ¹⁾ Такъ съ желаннымъ успѣхомъ довершена была задача жизни, которая рѣшалась много лѣтъ, „доковано“ личное счастье. Атикъ спокойно переступилъ порогъ новаго режима, успѣшно приложивъ къ своей судьбѣ выработанную имъ систему практической философіи и обезпечивъ себя отъ пессимизма, который являлся удѣломъ не однихъ непохожихъ на него стойковъ, но также и его единомышленниковъ, эпикурейцевъ.

Атикъ не только спасъ жизнь и сохранилъ огромное состояніе; онъ сберегъ за собою почтенную память. И раньше только немногіе, да и то люди сами, вѣроятно, пристрастные, упрекали его за излишнюю уживчивость съ „худыми гражданами“ ²⁾. Вообще же и современники, и ближайшіе потомки считали его человѣкомъ образцовой добросовѣстности. Цицеронъ по дружеской уступчивости называлъ его политику „честнымъ воздержаніемъ отъ службы“ (*honestum otium*); а мнѣніе его пользовалось большимъ авторитетомъ въ широкихъ кругахъ общества ³⁾. Да и самъ по себѣ онъ ужъ давно умѣлъ окружить себя общими одобреніями. Онъ искусно показывалъ всегда симпатію къ „хорошему дѣлу“, то-есть,

чувства упоминаетъ о ней въ концѣ чуть ли не каждаго письма своего къ другу. Она отличалась милыми и привлекательными свойствами ума и характера. Отецъ очень заботился о томъ, чтобы она получила тщательное и разностороннее образованіе. См. характеристику дочери Атика и очеркъ ея жизни въ прекрасно составленномъ и живо написанномъ маленькомъ этюдѣ *Luigi Cantarelli, Cecilia Attica* (Roma, 1898).

¹⁾ *Corn. Nep. Att.* 19.

²⁾ На это считаетъ нужнымъ указать даже Корнелій (*Att.* 9, 7: „Sed sensim is a nonnullis optimatibus, familiaribus eius, reprehendebatur, quod *parum odisse malos cives* videretur“; но вслѣдъ затѣмъ авторъ прибавляетъ не совсѣмъ справедливо: „Ille autem, sui iudicii potius, quid se facere par esset, intuebatur, quam quid alii laudaturi forent“). Атикъ очень дорожилъ мнѣніемъ другихъ, хотя и поступалъ всегда по своему.

³⁾ *Cic. Ad Att.* I, 17, 5. Сfr. *De off.* I, 21, 70; 26, 92. Та же снисходительная оцѣнка поведенія друга прорывается и во многихъ другихъ мѣстахъ переписки Цицерона, и она не соответствуетъ строгости его по отношенію къ другимъ лицамъ, удалявшимся отъ служенія государству. См. напр. *Cic. De rep.* I, 2, 3.

являлся на словахъ сторонникомъ „доброй республики“¹⁾, такъ какъ безусловный индифферентизмъ не легко было вполне оправдать въ силу живучести старой традиции даже ссылками на философскую атараксію²⁾. Атикъ старался, чтобы думали, будто выше всего онъ ставитъ интересы государства³⁾, и пользовался славою челоуѣка очень свѣдущаго въ политикѣ; онъ выставлялъ на видъ, что только поневолѣ устранился отъ дѣятельности, такъ какъ римляне, развратившіеся и измельчавшіе, не могутъ больше проявлять республиканскихъ доблестей, а способны только къ заговорамъ и интригамъ⁴⁾. Такимъ образомъ ему удалось заставить всѣхъ вѣрить, что „воздержаніе“ вытекало у него изъ убѣжденія, а не изъ нерадѣнія, страха или расчета⁵⁾. Если не всѣ обманывались такими разсужденіями, то всѣ рады были соглашаться съ нимъ; одни потому, что опасались возстановить противъ себя такого экономически сильнаго и, стало быть, вліятельнаго гражданина; другіе потому, что хотѣли

¹⁾ Цицеронъ влагаетъ въ уста Атика слѣдующія слова (*De legib.* III, 17, 37): „Mibi vero nihil unquam populare placuit, eamque optimam rem publicam esse dico, quam hic consul (=Cicero) constituerat, quae sit in potestate optimo-gum...“ Авторъ дѣлаетъ здѣсь друга сторонникомъ своихъ взглядовъ, и врядъ ли могъ онъ тутъ утверждать то, чего не хотѣлъ бы о себѣ распространять Атикъ. Въ письмахъ Цицеронъ вѣрѣдко упоминаетъ о республиканскихъ идеалахъ, какъ о политической вѣрѣ, общей у него съ другомъ. Атикъ въ своихъ отвѣтахъ, повидимому, часто и какъ будто съ одушевленіемъ говоритъ о республикѣ, побуждаетъ друзей служить ей и радуется, когда разсѣваются опасности, ей угрожающія; онъ удовлетворенъ даже убійствомъ Цезаря, когда дѣло ужъ совершено (*Cic. Ad Att.* XIV, 4, 2; *Cfr. Ibid.* XIV, 10, 1), хотя при его жизни самъ заботился о томъ, чтобы угодить ему. Ср. *Hüllemann*, *Atticus*, p. 87.

²⁾ Стало быть, Атику необходимо было высказываться за тотъ или другой политическій идеалъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, такъ какъ онъ могъ возбуждать подозрѣніе слишкомъ абсолютнымъ нейтралитетомъ; сочетаніе безобиднаго и ни къ чему не обязывающаго республиканизма съ эпикурейскимъ равнодушіемъ къ политикѣ было ловкимъ способомъ разрѣшенія одной изъ трудныхъ практическихъ задачъ, представлявшихся Атику. См. объ этомъ *G. Boissier*, *Cicéron*, p. 159—166.

³⁾ *Cic. Ad Att.* I, 19, 1.

⁴⁾ *Corn. Nep.* *Att.* 6, 2. Цицеронъ, впрочемъ, иногда не удерживается отъ упрека за такое воздержаніе отъ участія въ работѣ для государства. См. напр. *Ad Att.* VIII, 2 и въ другихъ мѣстахъ.

⁵⁾ *Corn. Nep.* *Att.* 15, 3: „Ex quo iudicari poterat non inertia, sed iudicio fugisae rei publicae procurationem“.

привлечь на свою сторону могущественно богатаго магната: третьи потому, что онъ терпимо относился ко всякому мнѣнію и готовъ былъ оказать поддержку каждому, кто съ своей стороны былъ ему полезенъ.

Аттикъ такъ подкупаетъ всѣхъ дружбой и кажущимся сочувствіемъ самымъ разнообразнымъ интересамъ, что даже такой строгій республиканецъ-боецъ, какъ Брутъ, называетъ простительною слабостью его стремленіе къ охранѣ спокойствія во что бы то ни стало ¹⁾. Тѣмъ болѣе ясно, какъ должны привѣтствовать его способъ дѣйствія вожди, добившіеся единодержавія. Цезарь горячо одобрялъ отвращеніе Аттика отъ вмѣшательства въ гражданскія войны, какъ свойство, по его мнѣнію, необходимо присущее хорошему человѣку и гражданину ²⁾. Корнелій Непотъ еще сильнѣе и уже съ точки зрѣнія совершенно свободной отъ всякаго стѣснительнаго принципа, восхваляетъ жизненные успѣхи Аттика: „Если удостоивается особенной чести кормчій, который спасъ свой корабль отъ страшныхъ волнъ бушующаго моря, какъ же не восторгаться замѣчательнымъ искусствомъ человѣка, который умѣлъ сохранить себя до конца въ безопасности среди столькихъ общественныхъ бурь!“ ³⁾. Ниже тотъ же авторъ ставитъ въ особенную заслугу своему герою то обстоятельство, что онъ, довольствуясь наслѣдственнымъ званіемъ всадника, тѣсно сблизился съ Августомъ ⁴⁾ и за-

¹⁾ См. *Cic. Ad Brut. I, 17, 3* (письмо Брута къ Аттику): „...Nec mehercule te, Attice, reprehendo, aetas enim, mores, liberi segnem efficiunt“. — Слова эти звучатъ отчасти дружескою прошею, но врядъ-ли онъ дѣйствительно осуждалъ Аттика. Тутъ же ниже онъ жалуется ему серьезно на людей, которые изъ равнодушія и даже страха покидаютъ государство (*Ibid.* § 4: „Nimium timeamus mortem et exsilium et paupertatem“), высказывая досаду противъ Цицерона за сближеніе его съ Октавіаномъ и какъ-бы вовсе не предполагая, что Аттикъ гораздо ближе самъ заслужилъ этотъ упрекъ.

²⁾ Въ сборникѣ писемъ Цицерона къ Аттику сохранилась записка самого Цезаря къ Цицерону (*Ad Att. X, 8B*), въ которой читаемъ: „Postremo quid viro bono et quieto et bono civi magis convenit, quam abesse a civilibus controversiis?“ — Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть намека на друга, поведенію котораго Цезарь совѣтуетъ Цицерону подражать.

³⁾ *Corn. Nep. 10, 6*: „Quod si gubernator praecipua laude effertur, qui navem ex hieme marique scopuloso servat, cur non singularis eius existimetur prudentia, qui ex tot tamque gravibus procellis civilibus ad incolumitatem pervenit?“

⁴⁾ *Ibid.* 19, 1; cfr. 20.

нялъ опять высокое положеніе подъ крыломъ правителя, знаменитаго не только талантами, но и силою и широтою прочно завоеваннаго могущества. Такая „мораль“, заключающая біографію, которая написана не только для восхваленія героя, но и для поученія современниковъ и потомковъ, хорошо характеризуетъ настроеніе времени. Это культъ успѣха, возведеннаго въ нравственный образецъ; изъ него легко можно вывести, что авторъ рекомендуетъ читателю забвеніе политическихъ идеаловъ и гражданскаго достоинства и подчиненіе господину для спасенія жизни и благополучія.

Императоры съ радостью пойдутъ на встрѣчу людямъ такого направленія, такъ какъ они значительно помогутъ совершенію монархическаго переворота. Столѣтіемъ позже Тацитъ, отчаявшись въ возможности возрожденія республиканскаго духа, чувствуя неизбежность окончательнаго утвержденія цезаризма, не ощущаетъ въ себѣ способности открыто бороться съ режимомъ, который въ сущности вызываетъ въ немъ негодованіе. Онъ стремится найти для хорошихъ людей честный выходъ изъ невыносимаго конфликта: „Дѣло нашей мудрости, пишетъ онъ,—выбрать средній путь между непримиримымъ упорствомъ и низкою покорностью, равно далекій отъ преступныхъ интригъ и опасности для жизни“ ¹⁾. Изъ словъ этихъ можно было сдѣлать лозунгъ, удобный для империалистовъ. Аттикъ нашель указываемый путь еще раньше; но то, что Тацитъ сознаетъ съ трагическою горечью, и во имя чего онъ самъ не въ силахъ сломить свою высокую суровую душу, то Аттикъ принимаетъ спокойно и трезво, съ ясною логикою выводя подобное заключеніе изъ внимательнаго изученія обстоятельствъ и руководясь имъ опредѣленно, хоть и не откровенно, какъ самымъ выгоднымъ жизненнымъ знаменемъ. Августъ, конечно, пойметъ и обласкаетъ его: Аттикъ открываетъ ему возможность мирныхъ путей для монархической эволюціи высшихъ классовъ римскаго общества. Изъ людей его категоріи выростутъ впоследствии императорскіе служилые люди наиболѣе приличнаго типа; Аттикъ—

¹⁾ Tac. Ann. IV, 20: „...inter abruptam contumaciam et deforme obsequium pergere iter ambitione ac periculis vacuum“.

предшественникъ Плинія Младшаго; это политическій индифферентистъ и личный опортунистъ, удаляющійся отъ дѣлъ, пока публичная карьера опасна, но готовый работать для государства Цезарей, разъ оно твердо установится, будетъ охранять его безопасность и щедро награждать его. При этомъ онъ въ узкомъ смыслѣ „порядочный“ человекъ, который будетъ добросовѣстнымъ и усерднымъ чиновникомъ, лишь бы оставался у него досугъ для управления собственнымъ состояніемъ, для устройства комфортабельной жизни и свободнаго удовлетворенія любимыхъ потребностей ума и эстетическаго чувства ¹⁾).

2. Задача, поставленная настоящему этюду, приходитъ къ концу. Прежде всего въ немъ изображено было созданіе территоріальнаго богатства Аттика, которое легло подъ его ногами, какъ громадный фундаментъ внушительнаго *фактическаго могущества*. Потомъ выяснена выработанная Аттикомъ искусная *система практической политики*, которая гарантировала за нимъ личную безопасность и широкое общественное вліяніе. И то, и другое было тѣсно связано между собой. Первое (*земельное мажнатство*) обусло-

¹⁾ Аттикъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, выказалъ гораздо больше провицательности, чѣмъ другъ его Цицеронъ. Послѣдній вѣрилъ въ свое политическое чутье (см. напр. *Ad Att.* VII, 11; VIII, 12; X, 8), и его восхваляли за даръ предвидѣнія (*Corn. Nep. Att.* 16, 4); но онъ постоянно дѣлалъ промахи и попадалъ впросакъ, а въ концѣ концовъ былъ выданъ, какъ жертва союзнику, человеку, которому онъ самъ помогъ подняться, и который нанесъ окончательный ударъ дѣлу, связанному со всею жизнью Цицерона. Аттикъ, наоборотъ, до послѣдней минуты жизни безошибочно предугадывалъ направленіе, которое примутъ событія. Однако Цицеронъ до конца остался въ общемъ вѣренъ извѣстной идеологіи; Аттикъ же радикально очистилъ себя отъ республиканскихъ „предрасудковъ“ и мастерски пользовался обстоятельствами зарабѣ для своей выгоды. Цицеронъ погибъ, Аттикъ остался цѣль и еще болѣе „процвѣлъ“ вмѣстѣ съ утвержденіемъ новаго строя. Нельзя забывать политическихъ ошибокъ и нравственныхъ слабостей Цицерона, если имѣть въ виду всю его дѣятельность; но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сознаться, что вынужденная похвала сраженному врагу, вырвавшаяся впоследствии изъ устъ перваго императора (Августъ сказалъ разъ про Цицерона: „Λόγιος ἀνὴρ... καὶ φιλόπατρις“). См. *Plut. Cic.* 49) звучитъ глубже, искреннѣе и справедливѣе, чѣмъ плоскій восторгъ нагегриста Корнелія передъ жизненными удачами Аттика.

вило второе (*политическій авторитетъ*) и питало его; но только второе давало жизнь первому, сохраняло его цѣлость и дѣлало плодовитымъ и практически полезнымъ благомъ, крѣпко державшимся въ рукахъ обладателя. Изученіе личности Аттика, какъ крупнаго землевладѣльца, должно было поэтому быть дополнено характеристикой его, какъ представителя особаго вида людей, сложившагося внутри римской знати послѣдняго періода подъ давленіемъ той комбинаціи обстоятельствъ, которая приводила республику къ паденію. Соціально-экономическій образъ Аттика долженъ при этомъ слиться съ его интеллектуально-политическою фигурою, и изъ такого синтеза можетъ получиться цѣльное культурно-историческое изображеніе, способствующее пониманію причинъ, хода и результатовъ коллективнаго историческаго процесса, которымъ осуществился переходъ республики въ имперію.

Аттикъ дѣйствительно является важнымъ объектомъ изученія для испытателя старины не только съ соціально-экономическою и психолого-біографическою цѣлью, но и съ болѣе общей исторической точки зрѣнія. Можно утверждать, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ членомъ своеобразной фактически существовавшей (*соціальной*), если и не развившейся сознательно (*политической*) группы, выдѣлившейся въ видѣ особаго „образованія“ изъ среды руководящихъ классовъ римскаго общества у преддверія имперіи. Единицы, которыя ее составляли, не были еще сплочены между собою опредѣленною общею государственною идеею или активной солидарностью, которая нашла бы выраженіе въ особой партійной организаціи. Каждый дѣйствовалъ въ ней самъ за себя, и только историку приходится объединять такихъ отдѣльныхъ лицъ общимъ классификаціоннымъ терминомъ „*предшественниковъ имперской земельной и служилой знати*“. Но тѣмъ не менѣе они всѣ были связаны между собой и реальною цѣпью одинаковаго, инстинктивно ощущаемаго или отчетливо понятаго интереса, который являлся однимъ изъ важнѣйшихъ симптомовъ соціально-политическаго кризиса, переживавшагося великимъ государствомъ.

Есть данныя, позволяющія утверждать, что Аттикъ ника-

кимъ образомъ не можетъ считаться отдѣльно стоящею личностью, а долженъ быть названъ единицею, входящею въ самостоятельный классъ людей. Выше уже былъ приведенъ характерный отрывокъ изъ „*De officiis*“ Цицерона, гдѣ изображенъ общественный типъ, которому хотя и приписаны отличительныя черты, свойственныя Аттику, но вмѣстѣ съ тѣмъ приданъ видъ *обобщеннаго* наблюденія ¹⁾). Другое мѣсто изъ того же трактата подтверждаетъ такое толкованіе. Авторъ говоритъ тутъ, что и въ древности были, и теперь встрѣчаются многіе, какъ между знаменитыми философами, такъ и просто между строгими и почтенными людьми, которые, не будучи въ состояніи переносить испорченности народа или правителей, устраниются отъ общественныхъ дѣлъ и предаются созерцательной жизни ²⁾). То, что тутъ говорится о философѣ, относится къ далекому прошлому ³⁾); но „*homines severi et graves*“—это, конечно, современники Цицерона, разочаровавшіеся въ республикѣ, и между ними опять же Атикъ прежде всего. Писатель указываетъ еще любопытную подробность, что такіе уходившіе въ частную жизнь люди поселялись обыкновенно въ своихъ помѣстьяхъ, занимаясь веденіемъ хозяйства въ нихъ, и наслаждались пользованіемъ своими богатствами ⁴⁾).

Драгоценное общее свидѣтельство Цицерона, только что приведенное, можетъ быть подкрѣплено рядомъ частныхъ фактовъ; выставляемый въ немъ тезисъ, конкретнымъ основаніемъ котораго немедленно представляется личность Атика, удобно иллюстрируется цѣлою серіею фигуръ болѣе или менѣе

¹⁾ См. *Cic. De offic. I, 26, 92.*

²⁾ *Ibid. I, 20, 69:* „Multi autem et sunt et fuerunt, qui eam, quam dico, tranquillitatem expetentes a negotiis publicis se removerint ad otiumque perfererint; in his et nobilissimi philosophi longeque principes et quidam homines severi et graves nec populi nec principum mores ferre potuerunt...“ Ниже (§ 70) сообщается еще любопытная мотивировка: „His idem propositum fuit, quod regibus, ut ne qua re egerent, ne cui parerent, libertate uterentur, cuius proprium est sic vivere, ut velis“. Это объясненіе своеобразно идеализируетъ настоящее побужденіе.

³⁾ Ср. *Cic. De orat. III, 15, 56:* „...Eadem autem alii prudentia sed consilio ad vitae studia dispari quietem atque otium secuti, ut Pythagoras, Democritus, Anaxagoras, a regendis civitatibus totos se ad cognitionem rerum transtulerunt.“ Cfr. *Plato, De rep. I, p. 347, C.*

⁴⁾ *De off. Ibid. „...vixeruntque non nulli in agris delectati re sua familiari“.*

извѣстныхъ историческихъ дѣятелей падающей республики. Одни изъ нихъ съ самаго начала чуждались политической карьеры; другіе покинули ее, испытавъ неудачи. И первые, и послѣдніе жили, такъ сказать, на покоѣ, терпѣливо ожидая, чѣмъ разрѣшатся смуты, и какая сила восторжествуетъ, прежде чѣмъ рѣшить, можно ли снова выступить на публичную арену, а пока заботятся только о личной безопасности и сбереженіи богатства. Лица ихъ не вырисовываются такъ отчетливо, какъ образъ Аттика, очертанія ихъ опредѣляются иногда лишь бѣглыми намеками; но поставленные около Аттика, въ полосѣ свѣта, который бросаетъ кругомъ его яркая по характерности личность, они выясняются, какъ представители того же соціального настроенія, къ которому принадлежалъ онъ; сами загораются, такъ сказать, отъ него и освѣщаются лучше занятой ими всѣми горизонтъ.

Выше, когда рѣчь шла о проскрипціяхъ Суллы, было упомянуто объ одномъ человѣкѣ, который уже можетъ служить подходящимъ примѣромъ и въ данной связи. Это былъ Кв. Аврелій, богатый землевладѣлецъ, уединенно и вдали отъ политики жившій среди великолѣпія своей альбанской виллы ¹⁾. Ему не удалось спастись отъ алчности сулланцевъ; но нельзя сомнѣваться, что именно инстинктъ самосохраненія заставилъ его сойти со сцены общественной дѣятельности; и можно предполагать, что только недостатокъ ловкости или особенно неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ помѣшали ему приобрести вліятельныя связи и спастись за плечами друзей. Вслѣдъ за нимъ вспоминаются два другіе современника Аттика, оба очень крупные люди—Лукуллъ и Саллюстій.

Первый, прославившійся, какъ извѣстно, въ войнѣ съ Митридатомъ, но принужденный уступить окончаніе предпріятія другимъ и потомъ потерпѣвшій рядъ неприятностей, вскорѣ по возвращеніи въ Римъ вполне оставилъ общественную службу ²⁾. Обладая несмѣтными богатствами, по всей вѣроят-

¹⁾ Плутархъ (*Sull.* 31) называетъ его—„άνηρ ἀπραγμων“.

²⁾ *Plut.* Lucul. 48: „Ταῦτα δὴ καὶ μᾶλλον ἀπῆγε τῆς πολιτείας τὸν Δούκιλλον. Ἐπεὶ δὲ Κικέρων ἐξέπεσε τῆς πόλεως καὶ Κάτων εἰς Κύπρον ἀπεστάλη, παντάπασιν ἐξελόθη“.

ности, состоявшими главнымъ образомъ изъ земельныхъ владѣній, онъ зажилъ въ своихъ царственныхъ помѣстьяхъ ¹⁾, поражая всѣхъ неслышанною роскошью быта ²⁾. Утомленный борьбою съ соперниками, разочарованный въ величии, поддержаніе котораго, требуя постоянного напряженія, не избавляло отъ опасности, онъ предпочелъ махнуть рукою на карьеру. Тягостное ощущеніе пустоты онъ топилъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, стараясь выставить на видъ свою праздность и безопасность и вселяя своею пресыщенностью въ вождей республики убѣжденіе, что имъ незачѣмъ его бояться или искать въ немъ врага. Лукуллъ—это любопытная разновидность общественнаго направленія, во многихъ отношеніяхъ иначе представленнаго Аттикомъ. Саллюстій, также прошедшій видное политическое поприще ³⁾, въ концѣ концовъ, послѣ убіенія Цезаря, подобнымъ же образомъ удалился отъ дѣлъ ⁴⁾. Интересно, что онъ самъ подробно мотивируетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій причину такого поступка. Совсѣмъ не стоитъ, говоритъ онъ ⁵⁾, въ настоящее время искать

¹⁾ Онъ былъ собственникомъ великолѣпной усадьбы внутри столицы. См. о ней у *Gilbert*, *Gesch. und Topogr. d. Stadt Rom*, III, 377. — Ср. *Nibby*, *Roma antica*, II; 386. Кромѣ того есть упоминанія о нѣсколькихъ обширныхъ и прервосходныхъ земляхъ его около Рима. Хорошо извѣстна его тускуланская роскошная вилла. См. *Cic. De finib.* III, 2, 7; *De legib.* III, 13, 30; *Plin.* Н. п. XVIII, 32; *Varr. R.* г. I, 2, 10; III, 4, 4; *Plut.* *Lucull.* 39. Цицеронъ кромѣ того говоритъ вообще о блескѣ его загородныхъ домовъ (см. *De off.* I, 39, 140; *De finib.* II, 33, 107). Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ во время командованія своего на востокъ приобрѣлъ себѣ и тамъ, какъ обыкновенно дѣлали проконсулы, завоевывавшіе новыя области, многочисленныя и громадныя владѣнія.

²⁾ О его образѣ жизни, дворцахъ, драгоценныхъ одеждахъ и особенно удивительныхъ („лукулловскихъ“) пирахъ много рассказываетъ Плутархъ. См. *Lucull.* cap. 40; 41.

³⁾ Въ юности онъ былъ замѣшанъ во множествѣ дѣлъ, смутъ, интригъ и скандаловъ; рано вступилъ въ курьезную карьеру, много боролся, чтобы выбиться впередъ, былъ исключенъ изъ сената вслѣдствіе происксовъ враговъ по обвиненію въ безнравственной жизни; Цезарь возвратилъ ему сенаторское достоинство; Саллюстій служилъ при немъ во время завоеванія Нумидіи и былъ назначенъ имъ намѣстникомъ провинціи *Africa Nova*, чѣмъ и закончился его *cursus honorum*.—См. указаніе текстовъ у *Pauly*, *Realencyclor.* VI, 696 sqq.

⁴⁾ *Sall.* *Catil.* 4, 1: „...animus (meus) ex multis miseris atque periculis requievit et mihi reliquam aetatem a re publica procul habendam decrevi...“ Тутъ же ниже авторъ говоритъ о жаднѣ политическаго вліанія, какъ о „*mala ambitio*“; удаленіе же отъ дѣлъ называетъ „*bonum otium*“.

⁵⁾ См. *Sall.* *Iug.* 3, 1.

магистратуръ, стремиться къ высшей власти или даже просто участвовать въ администраціи республики. Высшія должности раздаются не по заслугамъ; съ другой стороны тѣ, которые достигаютъ ихъ нечистыми способами, не находятъ въ нихъ ни прочнаго положенія, ни почета ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, добиваться высшихъ должностей помощью насилія будетъ всегда злоупотребленіемъ, даже если потомъ стараться пользоваться приобретенною властью для подавленія беззаконій. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что перевороты, каковы бы они ни были, всегда влекутъ за собою кровавыя бѣдствія. Вообще же безумно бороться за недостижимое, чтобы послѣ всѣхъ усилій заслужить лишь вражду честолюбивыхъ соперниковъ, а жертвовать своей честью и свободой для поддержки дерзкихъ искателей величія—это низкая и преступная страсть ²⁾. Изложенное мнѣніе Саллюстія заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ картиною состоянія государства, написанною рукою хорошо освѣдомленнаго чловека, очень важную формулировку того практическаго вывода, къ которому приходили послѣ собственнаго опыта упорной борьбы за личную карьеру или за политическую идею, трезвые или отрезвившіеся умы: жить для себя, стоять внѣ партій и утѣшаться, по крайней мѣрѣ, сознаниемъ своего безпристрастія и ясновидѣнія—вотъ одно, что оставалось дѣлать для личнаго блага; надежда же на достиженіе общаго была утеряна давно ³⁾. Саллюстіей, какъ и Лукуллѣ, обладалъ первокласснымъ состояніемъ, роскошною резиденціею въ Римѣ, крупными имѣніями ⁴⁾ и, какъ тотъ, широко

¹⁾ „Verum ex eis magistratus et imperia, postremo omnis cura rerum publicarum minime mihi hac tempestate cupiunda videntur, quoniam neque virtuti honos datur neque illi, quibus per fraudem is fuit, tuti aut eo magis honesti sunt“.

²⁾ *Ibid.* § 3: „Frustra autem niti neque aliud se fatigando nisi odium quaerere extremae demantiae est, nisi forte quem inhonesta et pernicioса lubido tenet potentiae paucorum decus atque libertatem suam gratificari“.—Въ другомъ сочиненіи (*Catil.* 4) авторъ оставилъ намъ еще нѣсколько сильныхъ строкъ мрачной характеристики своего времени.

³⁾ Саллюстіей, говоря о своемъ намѣреніи остаться только историкомъ, хвалится такою своею объективностію (*Catil.* 4, 2): „...eo magis quod mihi a spe metu partibus rei publicae animus liber erat“.

⁴⁾ Это были знаменитые *horti Sallustiani*, влослѣдствіи сдѣлавшіеся импе-

пользовался своими средствами для собственного удовольствія, предаваясь, кромѣ того, какъ Аттикъ, исторической работѣ ¹⁾. Оба умерли, не дождавшись утвержденья имперіи, но благополучно пройдя—Лукулль черезъ первый, Саллюстій и черезъ второй триумvirатъ: очевидно, политика воздержанія приносила плоды выгодные для личной безопасности.

Рядомъ съ названными двумя громкими именами можно улюмянуть еще нѣсколько менѣе значительныхъ, но все же извѣстныхъ людей. Слѣдуетъ отмѣтить близко стоявшаго къ Аттику Луція Сауфея, богатаго всадника, обладавшаго превосходными помѣстьями въ Италіи. Онъ былъ преданъ эпикурейской доктринѣ и, стало быть, вѣроятно, держался въ сторонѣ отъ общественной службы и, можетъ быть, больше вслѣдствіе этого, чѣмъ по просьбѣ Аттика, былъ избавленъ отъ угрожавшей проскрипціи ²⁾. По всѣмъ признакамъ къ той же группѣ принадлежали еще два друга Аттика, также богатые, и также, видимо, ушедшіе въ частную жизнь. Это были—Кв. Геллій Канъ, связанный съ Аттикомъ отъ самаго дѣтства, очевидно, раздѣлявшій его убѣжденія и слѣдовавшій его образу жизни ³⁾, и всадникъ Л. Юлій Калидъ,

раторскою собственностью. См. о нихъ *O. Gilbert*, *Topogr. d. Stadt Rom*. III, 376 и указаніе у него тексты. Ср. *Lanciani*, *Bull. arch. comm. di Roma*, 1888, p. 3. Есть основаніе предполагать, что богатство его составилось изъ средствъ, приобретенныхъ незаконными путями въ Африкѣ: Діонъ рассказываетъ, что онъ ограбилъ провинціаловъ и, обвиненный въ лихоимствѣ, былъ оправданъ лишь по протекціи Цезаря (*Dio*, XLIII, 9). — Есть извѣстіе, что онъ обладалъ великолѣпною вилою въ Тибурѣ, купленною у Цезаря (*Pseudo-Cic. Or. in Sall. c. 7*); можно думать, что у него были еще большія земли въ цезарьской Галліи (см. *Plin.*, Н. п. XXIV, 3; тутъ указываются помѣстья его усноленнаго племянника, должно быть, полученныя по наслѣдству отъ него), а также въ Африкѣ (См. *C. I. L.* VII, 7148).

¹⁾ *Sall. Catil.* 4, 1: „A quo incepto studioque me ambitio mala detinuerat, eodem regressus statui res gestas populi Romani carptim, ut quaeque memoria digna videbantur, perscribere...“ Правда, онъ говоритъ при этомъ, въ противоположность Аттику, что не будетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, какъ рабскимъ ремесломъ („Non fuit consilium... agrum colundo aut venando, servilibus officiis, intentum aetatem agere“); но онъ, очевидно, жаль тѣмъ, что на многочисленныхъ *praedia* для него сѣяли и пожинали его рабы.

²⁾ См. *Corn. Nep. Att.* 12, 3: „...L. Saufei, equitis Romani, aequalis sui, qui complures annos studio ductus philosophiae habitabat Athenis habebatque in Italia pretiosas possessiones...“. Ср. *Drumann*, V, 78.

³⁾ *Corn. Nep. Att.* 10, 2: „...Habebat secum Q. Gellium Canum, aequalem

извѣстный поэтъ, владѣлецъ обширныхъ земель въ Африкѣ ¹⁾. Оба они также легко добились помилованія отъ вторыхъ триумвировъ, конечно, потому, что вслѣдствіе отсутствія политическаго честолюбія, они не казались имъ опасными.

Многіе, можетъ быть, даже очень многіе не желали связывать свою личную судьбу съ судьбою разлагавшагося государства, а предпочитали уклоняться отъ рискованнаго вмѣшательства въ ея дѣла или даже больше—стать на сторонѣ торжествующаго монархическаго режима. На вопросъ Цицерона, каково положеніе республики, Куріонъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ у нея болѣе никакихъ надеждъ!“ ²⁾ Долабелла, зять оратора, приглашаетъ этого послѣдняго республиканца не оставаться вѣрнымъ призраку ³⁾. Цезарь можетъ смѣло восклицать: „республика—это тѣнь, пустое названіе!“ ⁴⁾. Многіе вѣрятъ ему и слѣдуютъ за нимъ. Самъ Цицеронъ нерѣдко переживалъ мучительныя колебанія ⁵⁾.

Сознаніе необходимости для спасенія личныхъ интересовъ покинуть шумное поле общественной жизни въ столицѣ, искать спокойнаго существованія внутри Италіи или въ провинціальной глуши проникало вглубь среднихъ слоевъ правящихъ классовъ римскаго общества. „Благоразумные“ старались сосредоточить въ какомъ-нибудь мѣстѣ главную массу крупныхъ недвижимыхъ владѣній, которыя они систематически приобрѣтали и настойчиво увеличивали. Владѣнія эти обезпечать ихъ

simillimumque sui...“ — Аттикъ и Канъ вмѣстѣ скрывались отъ триумвировъ и вмѣстѣ были пощажены Антоніемъ.

¹⁾ См. о немъ у *Corn. Nep.* Att. 12, 4.

²⁾ *Cic. Ad Att.* X, 4, 9: „Quum autem ex eo quaererem, quid videret, quem exitum, quam rem publicam, plane fatebatur, nullam spem reliquam...“

³⁾ Онъ совѣтуетъ тестю (*Ad fam.* IX, 9, 1): „...ut te aut cum Caesare nobiscumque coniungeres aut certe in otium referres...“, и прибавляетъ (§ 3): „Reliquum est, ut, ubi nunc est res publica, ibi simus potius, quam, dum illam veterem sequamur, simus in nulla“.

⁴⁾ *Suet. Caes.* 77: „Nihil esse rem publicam, appellationem modo sine corpore ac specie“.

⁵⁾ Хотя въ концѣ концовъ онъ, когда требовалось опредѣленное мнѣніе, въ актахъ или въ книгахъ, несмотря на невольное влеченіе иногда успокоиться подъ властью Цезаря, всегда оставался вѣренъ римскому понятію республиканской свободѣ. См. *De re publ.* I, 2, 3: „Teneamus eum cursum, qui semper fuit optimi cuiusque, neque ea signa audiamus, quae receptui canunt, ut eos etiam revocent, qui iam processerint“.

господам неприкосновенность и уважение сверху, подготовятъ имъ солидное земское могущество и дадутъ важную социальную роль въ муниципальной и областной жизни страны. Справедливость только что высказанной мысли можно подтвердить характернымъ примѣромъ Секста Росція амерійскаго, который хорошо извѣстенъ по знаменитой рѣчи Цицерона.

Отецъ его былъ виднымъ и богатымъ гражданиномъ, происходившимъ изъ города Амеріи ¹⁾. Имущество его, цѣнившееся дороже шести милліоновъ сестерціевъ ²⁾, состояло главнымъ образомъ изъ многочисленныхъ превосходныхъ имѣній ³⁾, расположенныхъ въ Умбріи недалеко отъ родного города ⁴⁾. Самъ онъ постоянно жилъ въ Римѣ, принадлежалъ всегда къ партіи оптиматовъ и былъ ревностнымъ сторонникомъ Суллы ⁵⁾. Такимъ образомъ жизнь его слагалась такъ же, какъ и у большинства представителей римской знати. Но сына онъ предназначалъ къ другой судьбѣ. Можетъ быть, убѣдившись на опытѣ въ непрочности политическихъ успѣховъ и видя, какому риску подвергались въ его время имущество и жизнь cadaго, стремившагося къ гражданскимъ почестямъ, онъ держалъ сына вдали отъ столицы, поселилъ его въ деревнѣ и, даже пренебрегая его образованіемъ, поручилъ ему завѣдываніе его землями ⁶⁾. Изъ молодого Секста мало-по-малу выработывался человѣкъ, нетронутый политическимъ честолюбіемъ, весь погруженный въ сельское хозяйство, находившій свой интересъ лишь въ процвѣтаніи его имѣній

¹⁾ *Cic. Pro Rosc. Am.* 6, 15: „Pater huiusce, municeps Amerinus fuit, cum genere et nobilitate et pecunia non modo sui municipii, verum etiam eius vicinitatis facile primus“.

²⁾ *Ibid.* 2, 6.

³⁾ *Ibid.* 15, 43: „...tot praedia, tam pulchra, tam fructuosa“; 35, 99: „nobilissimos fundos“; 17, 49: „praediorum bonitatem et multitudinem“.

⁴⁾ *Ibid.* 7, 20: „...fundos decem et tres reliquit, qui Tiberis fere omnes tangunt“. Выгодное положеніе еще болѣе возвышало цѣну и доходность этихъ 13 имѣній.

⁵⁾ *Ibid.* 6, 15: „...gratia atque hospitiiis florens hominum nobilissimorum. Nam cum Metellis, Serviliis, Scipionibusque erat ei non modo hospitium verum etiam domesticus usus et consuetudo“; 43, 126: „...in Sullae praesidiis fuit“.

⁶⁾ *Ibid.* 7, 18: „cum hic filius assiduus in praediis esset cumque se voluntate patris rei familiari vitaeque rusticae dedisset“; 15, 43: „...tot praedia... Sextus Roscius filio suo... colenda ac tuenda tradidit“.

и увеличені ихъ доходности ¹⁾; онъ охотно примирится съ переворотомъ, долженствующимъ упрочить въ государствѣ миръ и создать условія, удобныя для процвѣтанія земледѣлія. Росцій-сынъ на себѣ испыталъ опасность республиканскихъ смуть. Послѣ неожиданной смерти отца имѣнія его были нагло и незаконно захвачены его родичами при сообщничествѣ всесильнаго вольноотпущенника Суллы, Хризогона, и самъ онъ чуть не подвергся насильственной смерти. Только благодаря защитѣ Цицерона, ему удалось спастись и, можетъ быть, возвратитъ себѣ имущество. Отстаивая его отъ обвиненій, Цицеронъ особенно подчеркивалъ полную непричастность молодого Секста къ политикѣ и спокойную „хозяйственную“ его жизнь въ деревнѣ, далеко отъ заговоровъ и интригъ ²⁾. Ораторъ восхваляетъ такую форму жизни, и изъ его словъ видно, что описанный фактъ не былъ единичнымъ. Такъ стали поступать все чаще и чаще люди со здравымъ смысломъ. Цицеронъ доказываетъ, что такое сосредоточеніе дѣятельности на расширеніи личнаго благосостоянія при равнодушной покорности торжествующей власти повсемѣстно являлось заманчивымъ образцомъ для подражанія многочисленнымъ утомленнымъ и разочарованнымъ, но не потерявшимъ инстинкта самосохраненія представителямъ римской знати ³⁾.

¹⁾ *Ibid.* 15, 44: „...Constat hunc non modo colendis praediis praefuisse, sed certis fundis patre vivo frui solitum esse“.

²⁾ *Ibid.* 17, 48—49.

³⁾ Онъ приводитъ ее въ связь съ тѣмъ, что предки особенно уважали земледѣліе (18, 50) и указываетъ, что многіе благомыслящіе отцы готовятъ теперь сыновьямъ такое именно будущее не только въ Умбріи, но и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. См. *Ibid.* 16, 48: „Age nunc, refer animum, sis ad veritatem et considera, non modo in Umbria, atque in ea vicinitate, sed in his veteribus municipiis quae studia a patribus familias maxime laudentur; iam profecto te intelleges inopia criminum summam laudem Sex. Roscio vitio et culpae dedisse. Ac non modo hoc patrum voluntate liberi faciunt, sed permultos et ego novi et, nisi me fallit animus, unus quisque vestrum, qui et ipsi incensi sunt studio, quod ad agrum colendum attinet, vitamque hanc rusticam, quam tu probro et crimini putas esse oportere et honestissimam et suavissimam esse arbitrantur“. Ср. 16, 47: „Quasi vero mihi difficile sit quamvis multos nominatim proferre, ne longius abeam, vel tribules vel vicinos meos, qui suos liberos, quos plurime faciunt, agricolas assiduos esse cupiunt...“.

3. Всѣ приведенные факты, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, если добиваться исчерпывающаго изображенія вопроса, обнаруживаютъ такіе характерные признаки измѣненія социальныхъ привычекъ, что нельзя оцѣнивать ихъ, какъ случайные акты индивидуальной воли или мимолетныя проявленія частныхъ влеченій и вкусовъ отдѣльныхъ лицъ. Внимательный анализъ побуждаетъ признать въ нихъ симптомы образованія новаго политическаго теченія, постепенно охватывавшаго общество. Результаты его обнаружатся только позже, уже во время правленія первыхъ императоровъ, и здѣсь было бы неумѣстно очерчивать ихъ въ полнотѣ. Къ этому пункту придется вернуться въ слѣдующемъ этюдѣ; теперь же намѣчаются лишь прецеденты очень важной эволюціи во взглядахъ и настроеніи римской аристократіи.

Долгія и упорныя смуты расшатали внутреннюю крѣпость руководящихъ классовъ общества; столѣтіе борьбы разстроило сплоченную организацию нобилитета и ослабило его силы. Замѣтная часть его сошла со сцены, исчезнувъ въ глубинѣ гражданскихъ войнъ или загубленная проскрипціями во время триумвиратовъ. Другая развратилась и измельчала, привыкнувъ ставить интересы личнаго честолюбія выше блага отечества и пользоваться для возвышенія тайнымъ подкупомъ и даже гнуснымъ злодѣйствомъ вмѣсто открытаго и честнаго труда. Третья, особенно значительная, сбита съ толку запутавшимися обстоятельствами, усталая отъ постоянной борьбы, отъ вѣчнаго ощущенія ненависти или страха, погрузилась въ полную апатію и постыдное гражданское равнодушіе ¹⁾. Только немногіе, почти единицы продолжаютъ стойко и непримиримо держаться устарѣлой традиціи чистой, то-есть, аристократической свободы. Они не хотятъ дѣлать уступокъ уже громко заявляемымъ требованіямъ новыхъ, юридически

¹⁾ Надо вспомнить здѣсь извѣстные слова Тацита въ самомъ началѣ *Анналъ*. См. I, 2: „...Ceteri nobilium, quanto quis servitio promptior, opibus et honoribus extollerentur ac novis ex rebus aucti tuta et praesentia quam vetera et periculosa mallent“. Выше говорится тутъ же, что Августъ „cunctos dulcedine otii pellexit“. Ср. *Ibid.* I, 7: „At Romae ruere in servitium consules, patres, eques“.

еще безправныхъ или социальнo подавленныхъ, но численно сильныхъ демократическихъ элементовъ общества; поэтому они неминуемо падутъ послѣдними жертвами упорнаго служенія знамени, противному интересамъ большинства, которое уже сосредоточивалось около основателей новой монархіи, и слѣдовательно безнадежному ¹⁾. Но въ рамкахъ того же высшаго класса, выходя изъ рядовъ нобилитета и изъ всадническихъ круговъ, образуются группы, болѣе способныя къ развитію въ смыслѣ приспособляемости къ средѣ, на которыя здѣсь и обращено специальное вниманіе.—Въ ихъ сознаніе прежде всего проникаетъ мысль, что смутами компрометируется матеріальное благополучіе, и ихъ дѣятельность направляется главнымъ образомъ на охрану послѣдняго. Изъ-за этой цѣли они измѣняютъ преданія отцовъ, перестаютъ цѣнить древнюю свободу, которая возбуждаетъ ненависть всѣхъ, кому она не нужна, и которая поэтому отжила свой вѣкъ, не можетъ сдѣлать и ихъ счастливыми. Вслѣдствіе отступничества такихъ людей отъ старой идеи, какъ бы окончательно „разсыпается“ сословная организація знати. Остающіеся въ ея составѣ живые и сильные элементы сосредоточиваются на социальнo-экономической задачѣ. Они работаютъ, какъ Аттикъ, для составленія, расширенія и охраны крупнаго состоянія и именно состоянія земельнаго, такъ какъ денежный капитализмъ слишкомъ прямо замѣшанъ въ текущую политику, а земельная собственность можетъ стать и въ сторонѣ отъ нея. Они осѣдаютъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и стараются притянуть къ себѣ населеніе, которое нуждается въ ихъ покровительствѣ и въ награду за него окружить ихъ щитомъ, о

¹⁾ Моммзенъ называетъ послѣднихъ особенно упорныхъ сторонниковъ республики „глупцами“ или „шутами“. См. слова его о Катонѣ Мл., *Röm. Gesch.* 8 Aufl. III, 4: „Es ist erschütternd, dass auf jener Weltbühne, darauf so viele und weise Männer gewandelt und gehandelt hatten, *der Narr* bestimmt war zu epilogiren“. Врядъ ли рѣзкое выраженіе помогаетъ здѣсь правильной оцѣнкѣ положенія вещей. Послѣдніе республиканцы были не глупцами, а людьми, неспособными согласиться на повинненіе, такъ какъ они слишкомъ привыкли повелѣвать. Для нихъ эгоистическое ощущеніе господства отождествлялось съ идеальными принципами республиканской свободы. Они равно ненавидѣли монархію и демократію. Это были идеологи олигархіи.

который разобьется первый ударъ возможнаго нападенія новыхъ государей. Подъ такую крѣпкою броней они пройдутъ черезъ роковой кризисъ. Политически они признаютъ верховную волю единоподданнаго господина. Когда онъ станетъ во главѣ римскаго міра, они долго будутъ пользоваться даруемыми имъ милостями и не разъ склоняться подъ порывами его гнѣва; долго будутъ осматриваться и пристраиваться къ новой государственной и общественной обстановкѣ, чтобы потомъ, если удастся найти въ ней твердую экономическую почву и надежное социальное положеніе, снова предпринять постепенное завоеваніе политическихъ привилегій и прямого вліянія на власть.

Основателямъ имперіи удобно расположить и приблизить къ себѣ такихъ „благонамѣренныхъ“ представителей знати, чтобы ослабить оппозиціонную силу остальныхъ. Цезарямъ вообще важно не только опираться на нуждающіяся массы или обезпеченныя группы безправнаго населенія: имъ необходимо также пріобрѣсти въ свою партію экономически сильныхъ и социальнo вліятельныхъ людей изъ старо-республиканскаго общества. Для Аттика и подобныхъ ему это будетъ настоящею находкою: тутъ встрѣтятся два теченія, которыя легко сольются одно съ другимъ. Они будутъ склонны закрѣплять образующійся союзъ, вступая помощью браковъ въ родственныя отношенія съ императорами ¹⁾. Это обезпечитъ ихъ безопасность, но съ другой стороны стѣснитъ самостоятельность, какъ бы обращая дѣло Цезарей и въ ихъ семейное дѣло. — Подобнымъ выгоднымъ брачнымъ договоромъ, который устраивалъ судьбу его дочери, закончилъ и Атикъ свою артистически проведенную жизненную карьеру. Выше указано, что Цецилія была выдана замужъ за Агриппу. Родившуюся отъ этого брака дочь уже въ младенчествѣ помолвили съ пасынкомъ императора, будущимъ его преемникомъ Тиберіемъ ²⁾; самъ же Атикъ, превосходно закон-

¹⁾ Триумвиры уже прибѣгали къ матримоніальнымъ комбинаціямъ для скрѣпленія политическихъ союзовъ.

²⁾ *Corn. Nep.* 19, 4: „Hanc Caesar vix anniculum Ti. Claudio Neroni, Drusilla nato, privigno suo, despondit: quae coniunctio necessitudinem eorum sanxit, familiaritatem reddidit frequentiore“. Cfr. *Suet. Tib.* 7.

чивъ свои дѣла и упрочивъ благосостояніе семьи, доживъ до семьдесятъ седьмого года, нашель въ себѣ силу умереть не хуже стойка. Разсказъ о кончинѣ его, эффектно переданный потомству Корнелиемъ Непотомъ, укрѣпилъ на будущія времена лишнею похвальною чертою высокую репутацію, о которой самъ Атикъ очень заботился. Въ глазахъ послѣдующихъ поколѣній она не могла уже затемняться наблюденіемъ его поступковъ, не согласовавшихся съ представленіемъ о „*bonus civis*“, но скоро забытыхъ вслѣдъ за его исчезновеніемъ ¹⁾.

Несомнѣнно, выгодно было связать интересы своего дома съ судьбою фамилии, которая твердо захватила бразды правленія міромъ и не выпуститъ ихъ изъ рукъ. Въ переходное время даже не могло быть найдено болѣе надежной гарантіи безопасности для себя и родныхъ, и въ этомъ смыслѣ Атикъ остался вѣренъ себѣ до конца. Но въ переходное время вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя вполне избавиться отъ тревогъ и устранить возможность всякихъ неудачъ или неблагоприятныхъ послѣдствій даже успѣшно достигнутаго результата. Неудовольствіе императора можетъ побудить его разорвать заключенный брачный союзъ; тогда родители женщины, удаленной изъ императорскаго дворца, могутъ также подвергнуться опалѣ, разоренію и гибели ²⁾. Или если семейный союзъ останется нерасторгнутымъ, имущество породнившася съ Цезаремъ частнаго человѣка можетъ путемъ наслѣдства перелиться въ собственность императора; такимъ образомъ значеніе аристократическаго рода будетъ ослаблено, и

¹⁾ Последнія минуты Атика изображены у Корнелия Непота въ главѣ 21-й.

²⁾ О дальнейшей судьбѣ дочери Атика свидѣній въ источникахъ не находится. Известно только, что Агриппа, по желанію Августа, въ 28 году до Р. Хр. женился вторично на Марцеллѣ, племянницѣ императора (*Suet. Aug. 63. Cfr. Dio, LIII, 1*). Такъ какъ она была очень молода во время вступленія въ бракъ, и такъ какъ въ фамилии Августа браки часто расторгались для заключенія новыхъ въ видахъ „династическихъ“ интересовъ, то предполагали, что не смерть, а разводъ разлучилъ ее съ мужемъ. См. напр. *Drumann, V, 90*.—Кантарелли, впрочемъ, думаетъ, что она умерла до смерти отца, то-есть, до 32-го года, такъ какъ Корнелий (гл. 21) не упоминаетъ о ней въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при его послѣднихъ минутокъ, между тѣмъ какъ среди нихъ находился мужъ ея Агриппа. См. „*Cecilia Attica*“, р. 23.

онъ окажетъ своимъ богатствомъ содѣйствіе росту социальнаго могущества новой власти ¹⁾. Если же наконецъ склонившаяся передъ авторитетомъ монарха семья нобилей или всадниковъ не смѣшаетъ своей крови съ кровью членовъ его рода, а останется внѣ родственныхъ отношеній съ нимъ, то и тутъ ей придется поступиться частью своей имущественной самостоятельности. Такіе люди, чтобы сохранить императорскую милость для дѣтей и внуковъ, будутъ отказываться по завѣщанію въ пользу властителя, нѣкоторыя, даже многія изъ своихъ помѣстій и крупныя суммы изъ денежныхъ цѣнностей ²⁾.

Итакъ примирившейся съ принципатомъ знати предстоить долго еще дѣлиться съ нимъ вещественными благами и подчинять ему свою независимость. Она сдалась, такъ какъ поняла, что нѣтъ элементовъ, на которые можно было бы опереться, продолжая борьбу ³⁾. Она сосредоточиваетъ вниманіе на восстановленіи матеріальнаго благополучія, поколебленнаго революціями, даже радуется подобно другимъ утвержденію монархіи, какъ силы, которая возвратитъ на землю миръ, нужный теперь и для ея процвѣтанія ⁴⁾. Все это правильный

¹⁾ Если, какъ весьма вѣроятно, состояніе Аттика перешло къ его единственной внучкѣ Випсаніи Агриппинѣ, дочери Агриппы и Цециліи, то очень возможно, что вслѣдствіе ея замужества съ Тиберіемъ, отъ котораго она имѣла сына Друза (см. *Tac. Ann.* II, 48; *Suet. Tib.* 7), оно досталось черезъ него роду Юліевъ-Клавдіевъ и прислѣбъ къ императорскимъ доменамъ точно такъ же, какъ, напри- мѣръ, состояніе Агриппы (*Dio*, LII, 29), который владѣлъ огромными землями въ Сициліи (*Hor. Epist.* I, 12, 1) и Херсонесѣ еракійскомъ (*Dio*, LIV, 29).

²⁾ См. объ этомъ обычай напр. *Suet.* Aug. 66; *Tib.* 15.—*Tac. Ann.* II, 48; *Agric.* 43 etc. Ср. *O. Hirschfeld*, *Röm. Verwaltungsgesch.* I, 52, пр. 2.

³⁾ Цицеронъ хорошо понимаетъ, что ни публиканы, ни торгово-промышленный людъ вообще, ни сельское населеніе не могутъ быть хорошою поддержкой республикѣ (*Ad Att.* VII, 7, 5). Въ другомъ мѣстѣ онъ сообщаетъ, что жители италійскихъ муниципальныхъ городовъ сочувствуютъ Цезарю, такъ какъ надѣются, что онъ обезпечитъ имъ возможность правильнаго веденія сельскаго и денежнаго хозяйства (*Ibid.* VIII, 13, 2). Въ сочувствіи же провинціаловъ монархическому перевороту не можетъ быть сомнѣнія (см. *Tac. Ann.* I, 2).

⁴⁾ Всѣ утомлены войнами, которая не перестаетъ вести республика, и междоусобіями, которая возбуждаетъ свободу. Вергилій восхваляетъ блаженство того, кто можетъ быть свободенъ отъ такихъ несчастій (*Georg.* II, 495):

Illum non populi fascēs, non purpura regum
Flexit et infidos agitans discordia fratres

разсчетъ. Но приобрѣтенное благо не исключаетъ въ полной мѣрѣ зла. Аристократія, потерявшая политическія права, но сохранявшая въ рукахъ и желавшая укрѣпить за собою огромныя, преимущественно земельныя богатства, должна будетъ еще пройти черезъ тяжелую фазу борьбы остатковъ старой традиціи съ принципами новаго строя. Въ трагическихъ столкновеніяхъ отдѣльныхъ лицъ изъ нобилитета и всадничества съ суровыми или жестокими представителями принципата—Тиберіемъ, Нерономъ, Домиціаномъ—скатится много головъ, поглощены будутъ многочисленныя и колоссальныя состоянія. Сломить давно выросшую могучую силу латифундіальнаго землевладѣнія, захваченнаго знатью, императорамъ однако не удастся; она возродится съ новой энергіей и явится однимъ изъ важнѣйшихъ орудій, которыя подготовятъ вновь и уже послѣдній разъ внутри государства, управляемаго въ деспотическихъ формахъ, своеобразное торжество главнаго изъ исконныхъ основныхъ началъ римскаго общественнаго строя, т.-е., *аристократіи*. Но указанную здѣсь смутную для римской знати эпоху приходится изучать по особому матеріалу и стало быть въ другомъ мѣстѣ.

На основаніи обильныхъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ стихотвореній Горація, можно было построить довольно полное описаніе общаго состоянія землевладѣнія въ римскомъ мірѣ въ моментъ утвержденія имперіи. Картина эта цѣликомъ

Aut coniurato descendens Dacus ab Histro,
Non res Romanae perituraque regna...

Всякій желаетъ мира для трудовой жизни (*Ibid.* 500):

Quos rami fructus, quos ipsa volentia rura
Sponte tulere sua, carpsit, nec ferrea iura
Insanumque forum aut populi tabularia vidit.

Въ этихъ стихахъ выражается всеобщее желаніе утвержденія мира, хотя бы подъ властью господина (*Suet.* Aug. 94), которое охватило населеніе. Мира всего болѣе жаждали бѣдные, рабочіе и промышленные классы, но напряженіемъ борьбы были утомлены и высшіе, такъ что эпикурейское требованіе покоя и умиротворенія сдѣлалось удобною формулою, воплощавшею настроеніе всѣхъ, въ томъ числѣ и многочисленныхъ представителей знати. См. *C. Martha*, *Le roûme de Lucrèse*, p. 38 (ниже, стр. 353 и 379, указаніе текстовъ). Цицеронъ утверждаетъ, что мира искали и богатые, и мелкія людъ (*Ad Att.* VII, 7, 5: „...quibus optacissimum est otium“).

составляется изъ блестящей живописи даровитаго художника-поэта. Но она, по необходимости, является слишкомъ общою и нѣсколько бѣглою. Рѣшительное преобладаніе барской собственности, какъ основная черта экономического строя, унаслѣдованнаго имперіей отъ республики, выясняется изъ нея съ очевидностью. Но нельзя, наблюдая ее, воспроизвести и пережить процессъ образованія громаднхъ комплексовъ недвижимыхъ владѣній, отчетливо представить себѣ ихъ жизнь и вліяніе, какъ на положеніе ихъ обладателей, такъ и на внутренній бытъ тѣхъ классовъ, на счетъ мелкихъ участковъ которыхъ выросли латифундіи. Имущественная біографія Атика освѣщаетъ подробнѣе какъ нѣкоторые пути развитія крупныхъ земельныхъ состояній, такъ и соціальную роль земельныхъ магнатовъ, образы которыхъ эскизированы Гораціемъ; ближайшее же изученіе его взглядовъ и общественнаго поведенія позволяетъ заглянуть въ таинственную лабораторію идей, гдѣ подготовлялось перерожденіе республиканскаго міросозерцанія въ тотъ кругъ понятій, чувствъ, интересовъ, которые будутъ поддерживать создающееся зданіе имперіи.

IV.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Общеисторическое значеніе крупной земельной собственности въ римскомъ мірѣ въ связи съ основными особенностями экономического строя древности.



ОБЩЕИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРУПНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВЪ РИМСКОМЪ МІРѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ ОСНОВНЫМИ ОСОБЕН- НОСТЯМИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО СТРОЯ ДРЕВ- НОСТИ.

„Очерки“, составляющіе содержаніе настоящей книги, являются частными разысканіями изъ исторіи римскаго землевладѣнія и общественныхъ нравовъ. Они, такъ сказать, изолированы, отъ систематическаго изслѣдованія всего предмета, изъ сферы котораго выдѣлены, то есть, возсозданія аграрнаго развитія римской древности въ его общемъ ходѣ, и всесторонняго изученія его вліянія на жизнь государства и общества. Оба этюда — и Горацій, и Атикъ — сосредоточены около двухъ спеціальныхъ пунктовъ, освѣщающихъ его лишь съ опредѣленныхъ и ограниченныхъ точекъ зрѣнія. Поэтому изъ нихъ могутъ выясниться только нѣкоторыя отдѣльныя стороны громаднаго процесса внутри только одного изъ многочисленныхъ моментовъ, въ долгой послѣдовательности которыхъ онъ слагался.

Однако на ряду съ этимъ необходимо отмѣтить, что законченныя здѣсь работы въ то же время объединяются между собою, а также связываются съ названною сейчасъ общею задачею въ ея полной формулировкѣ. Первое обусловливается тѣмъ, что и то, и другое изслѣдованіе посвящены, собственно говоря, одной темѣ, взятой изъ состава вопроса, — именно исторіи образованія крупной собствен-

ности въ римскомъ мірѣ. Кромѣ того ихъ сближаетъ еще то обстоятельство, что тема эта изучается въ нихъ въ одну и ту же эпоху—переходную отъ республики къ имперіи. Наконецъ и характеръ обработки ея, если и различается въ каждомъ отчасти источниками, отчасти приемами анализа и классификаціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ и уподобляется однородностью общей конструкціи: она подчинена стремленію опредѣлить роль разсматриваемаго экономического процесса въ развитіи политическаго сознанія и нравственнаго настроенія общества и личности, а равнымъ образомъ указанію обратнаго дѣйствія этого слѣдствія на то явленіе, которое въ данномъ случаѣ является его причиною. Второе осуществляется благодаря тому, что опять же самая тема—научное изученіе эволюціи крупной собственности и ея значенія — должна занимать центральное мѣсто въ планѣ разработки римской аграрной древности. Она проходитъ черезъ всю задачу и при постройкѣ огромнаго научнаго зданія воплотится въ немъ, какъ самая существенная часть или остовъ его.

Изъ сказаннаго ясно, что избранный вопросъ можетъ дѣйствительно сближать вмѣстѣ и подчинять общей цѣли длинный рядъ отдѣльныхъ трудовъ, возникающихъ въ его кругу и подготовляющихъ различные элементы будущаго полнаго и цѣльнаго отвѣта. — Не смотря на только что выдвинутую особенность постановки настоящихъ этюдовъ, при помощи которой они въ своемъ теченіи уже направляются къ главному руслу великой проблемы, весьма полезно было бы обобщить ихъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ слова. Для достиженія этого необходимо поставить данные опыты подъ покровительство научной идеи, которая обладала бы сама по себѣ большою историческою и теоретическою синтезирующею силою. Такая идея должна показать особенно ярко, полно и глубоко значеніе крупнаго землевладѣнія прежде всего при истолкованіи „процвѣтанія и упадка“ римской имперіи, а затѣмъ и въ дѣлѣ уразумѣнія существеннаго вопроса о социальномъ наслѣдіи, полученномъ новою Европою отъ древняго міра.

Попытка отыскать обобщающій терминъ подобнаго ха-

рактера будетъ сдѣлана въ заключеніи этой книги. Но раньше автору представляется не безполезнымъ бросить послѣдній взглядъ назадъ, чтобы сдѣлать краткое обзорѣніе достигнутыхъ оконченною работою, хотя бы скромныхъ и очень несовершенныхъ частныхъ результатовъ. Такъ окажется возможнымъ высказать нѣсколько поясненій не столько въ качествѣ словъ „pro domo sua“, сколько въ видѣ методологическихъ замѣтокъ. При этомъ будетъ дополнено сказанное во введеніи о современномъ состояніи разработки исторіи римскаго земельного строя, ближайшихъ цѣляхъ дальнѣйшаго труда въ означенной области и наиболѣе цѣлесообразныхъ формахъ группировки и изложенія выводовъ.

I.

Частные и общие вопросы въ разработкѣ исторіи римскаго землевладѣнія.

1. — Мѣсто индивидуальныхъ этюдовъ въ общемъ планѣ изученія даннаго предмета.
 2. — Необходимость ихъ обобщенія.—Всемирно-историческая точка зрѣнія, какъ лучшей объединяющей принципъ.
-

Сужденіе о достоинствахъ и даже въ нѣкоторомъ отношеніи о недостаткахъ научнаго сочиненія не входитъ въ компетенцію его автора. Но ему можетъ быть дорого и должно быть позволено, разставаясь съ оканчиваемою книгою, сказать въ концѣ ея нѣсколько полнѣе, чѣмъ было удобно въ срединѣ текста или даже въ предисловіи, какъ понималъ и строилъ онъ свою задачу. Ему цѣнно обратить вниманіе критики на то, почему, для чего и какими способами онъ стремился содѣйствовать своимъ спеціальнымъ трудомъ разработкѣ капитальной исторической задачи. Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, ему важно попытаться сдѣлать тутъ же все отъ него зависящее, чтобы расширить значеніе полученныхъ имъ частныхъ выводовъ.

1. Однимъ изъ необходимыхъ условій успѣха научнаго разысканія является возможность положительнаго отвѣта на вопросъ, вноситъ ли оно что-нибудь новое въ инвентарь фактовъ и идей, которые находились въ распоряженіи науки

до его появления и могли служить для изображения и истолкования избранного предмета?—Въ научномъ отвѣтѣ на первостепенный для исторіи Рима вопросъ—восторжествовали или нѣтъ крупныя формы земельной собственности въ Италіи и провинціяхъ ко времени утвержденія имперіи—не можетъ быть сказано ничего безусловно новаго, что касается словесной формулировки его. Утвердительное или отрицательное, то-есть, единственно возможныя типичныя рѣшенія его высказывались уже неоднократно ¹⁾. — Однако истинно-научная работа надъ этимъ же вопросомъ можетъ и должна дать много новаго по существу, въ смыслѣ тщательнаго и полнаго собранія и систематической группировки всего имѣющагося, теперь довольно обширнаго и разнообразнаго матеріала, а затѣмъ основательнаго анализа и осмысленнаго объединенія его. Послѣдній до сихъ поръ не изучался во всей совокупности сравнительно и обобщающимъ образомъ. Между тѣмъ только такая переработка можетъ и должна подготовить серьезное разрѣшеніе задачи и обосновать выводъ, чуждый какъ риторическаго паеоса, такъ и преувеличеннаго критическаго скептицизма. Доказать фактически и систематически, что Плиніи въ самомъ дѣлѣ правъ не только съ морально-философской, но и съ социально-исторической и даже, въ нѣкоторой степени и въ извѣстномъ смыслѣ, съ „статистической“ точки зрѣнія,— есть средства. Это и необходимо сдѣлать, стараясь точно опредѣлить предѣлы, сущность и смыслъ справедливаго въ его общемъ видѣ положенія. Это даже одна изъ важнѣйшихъ обязанностей современныхъ ученыхъ, занимающихся исторію Рима. Къ выполнению ея въ виду разнообразныхъ и значительныхъ трудностей, которыя представляются при разработкѣ ея въ цѣльномъ видѣ, удобнѣе всего подходить

¹⁾ Въ новѣйшее время, какъ было указано выше въ своемъ мѣстѣ, болѣе часто стали раздаваться голоса, проносящіе формулы второго вида („латифундіальное земледѣніе не погубило Италіи и провинцій, такъ какъ оно вовсе не одержало такой полной побѣды надъ крестьянской собственностью, какъ обыкновенно думаютъ и говорятъ“). Такое воззрѣніе приносило съ собою „faux air“ повизны рядомъ съ тезисомъ Плинія — „*latifundia perdidere Italiam, iam vero et provincias*“, который на многихъ производилъ впечатлѣніе пустой ходячей ораторской фразы.

монографически съ различныхъ сторонъ. Коль скоро при этомъ удастся подтверждать по частямъ твердыми данными, которыя освѣщаются убѣдительными теоретическими послышками и приводятъ къ яснымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ, тезисъ, до сихъ поръ висѣвшій почти на воздухѣ, то тѣмъ самымъ создается уже нѣчто въ научно-историческомъ отношеніи новое. Такъ возводится, хотя медленно, положительный фундаментъ для построенія, которое принималось болѣе или менѣе голословно, или противъ котораго высказывались неправильныя либо недостаточно подкрѣпленныя возраженія ¹⁾).

Стало быть, частныя этюды, подобныя тѣмъ, которые заключаются въ этой книгѣ, при правильной постановкѣ и успѣшномъ выполненіи, могутъ существеннымъ образомъ способствовать необходимому, но до настоящаго времени не выполненному систематическому собиранію матеріала для изученія вопроса о развитіи крупной собственности въ римскомъ мірѣ, его позитивному изслѣдованію и первоначальной опредѣленной формулировкѣ основныхъ выводовъ. — Такого рода работы открываютъ и другіе пути для полученія новыхъ результатовъ въ той же области, но въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Они могутъ именно повернуть иногда изслѣдованіе въ такія стороны, которыя обыкновенно упускаются изъ вида или отступаютъ на задній планъ въ сочиненіяхъ систематическаго содержанія, но часто оказываются важными для уразумѣнія различныхъ элементовъ изучаемаго явленія. Въ нихъ уже извѣстныя данныя могутъ обрабаты-

¹⁾ Какъ примѣръ историческихъ изслѣдованій, удовлетворяющихъ указанной здѣсь цѣли, уже приводилась, много разъ цитированная работа *A. Schulten*, *Die römischen Grundherrschaften* (Weimar, 1895). Можно было бы назвать еще и другія спеціальныя разсужденія о крупныхъ помѣстьяхъ римской Африки, отчасти также нѣкоторые труды объ императорскихъ имѣньяхъ и о происхожденіи колоната. Къ тому же направлены оба предшествующіе этюда о Горациіи и Аттикѣ. — Только слѣдующій томъ настоящихъ „Очерковъ изъ исторіи римскаго землевладѣнія“ дастъ попытку выработать обобщенное представленіе о степени торжества крупнаго частнаго землевладѣнія путемъ общей „enquête“ о его распространеніи во всемъ римскомъ мірѣ. Подобное обозрѣніе еще не предпринималось никѣмъ до сихъ поръ, и потому оно, помимо всего другого, сопряжено съ трудностями перваго опыта рѣшенія сложной задачи.

ваться измененными способами, освещаться необычными приемами и приводиться въ особыя комбинаціи. — Высказанная только что мысль будетъ сейчасъ иллюстрирована на примѣрѣ того, что, по намѣренію автора, должно было быть достигнуто предлагаемыми въ настоящей книгѣ опытами. Но тѣ же цѣли, нужно прибавить, могутъ осуществляться въ другихъ аналогичныхъ этюдахъ еще иными способами и приводить къ полезнымъ заключеніямъ иного характера.

Краски и образы для настоящихъ „Очерковъ“ почерпались преимущественно въ сочиненіяхъ римскихъ авторовъ, прозаиковъ и поэтовъ. Было время, когда литературный матеріалъ составлялъ вообще основной источникъ свѣдѣній для испытателя древности. Впослѣдствіи наоборотъ достоверность фактовъ, передаваемыхъ писателями, была подвергнута особенному подозрѣнію. Авторитетъ свой авторы сохранили нетронутымъ лишь въ сферѣ возсозданія картинъ римскихъ нравовъ. Съ наибольшею строгостью къ показаніямъ древнихъ отнеслись именно ученые, изучавшіе исторію государственныхъ институтовъ, социальнаго строя и экономическихъ явленій. Всѣ они, благодаря такому критическому повороту, обратились къ тѣмъ болѣе упорному и глубокому изслѣдованію правовыхъ текстовъ. Въ эпиграфическихъ памятникахъ съ другой стороны юридическіе, социальныя и экономическіе историки римской древности находили еще неизвѣданный громадный запасъ свидѣтельствъ, имѣющихъ къ тому же нерѣдко великое достоинство точныхъ официальныхъ документовъ. Въ такомъ смыслѣ разработка источниковъ римскаго права и юридико-эпиграфическія изысканія оказали большое содѣйствіе созданію научной исторіи римскаго государственнаго, общественнаго и хозяйственнаго развитія. Но юридическіе памятники сплошною массою сохранились лишь отъ позднѣйшаго періода исторіи римской имперіи. Надписи являются матеріаломъ въ данномъ отношеніи, можетъ быть, еще болѣе фрагментарнымъ. Вслѣдствіе этого приходится вновь неизбежно и постоянно искать дополнительныхъ свѣдѣній у писателей. Это необходимо для изученія внутренняго роста государства и общества въ болѣе раннія эпохи, отъ кото-

рыхъ не осталось подлинныхъ слѣдовъ правового развитія. Къ тому же самому приходится прибѣгать для уясненія многихъ сторонъ въ учрежденіяхъ и многихъ моментовъ въ процессахъ, о которыхъ можно судить лишь по обломкамъ или глухимъ воспоминаніямъ, блѣдно запечатлѣннымъ въ сборникахъ законовъ, трактатахъ юрисконсультовъ и надписяхъ. Наконецъ такое привлеченіе извѣстій авторовъ требуется для уразумѣнія того, какъ отражались правовыя формулы, государственныя учрежденія, административныя порядки въ повседневной жизни населенія, какъ они вліяли на его благосостояніе и культуру.—Надобно замѣтить при этомъ, что великій прогрессъ въ дѣлѣ установки методовъ изслѣдованія историческаго прошлаго, достигнутый учеными на практикѣ интерпретаціи юридическихъ и эпиграфическихъ текстовъ, сильно облегчаетъ въ настоящемъ и будущемъ правовое и соціально-историческое толкованіе литературныхъ источниковъ. Осторожныя и твердыя обратныя заключенія отъ позднѣйшаго законодательнаго постановленія или традиціонной доктрины, развиваемой юриспруденціей, къ болѣе древнимъ временамъ служатъ тутъ руководящею нитью. Определенныя и точныя схемы, добываемыя изъ анализа официальныхъ документовъ, заключающихся въ эпиграфическихъ памятникахъ, являются также надежнымъ критеріемъ при пересмотрѣ сочиненій писателей съ спеціальною цѣлью познанія государственнаго и общественнаго строя. Всякое общее систематическое сочиненіе по исторіи римскаго права, государства и общества изобилуетъ ссылками на авторовъ. Частныя же экскурсы подобнаго содержанія, строящіяся изъ данныхъ, почерпаемыхъ у писателей при новыхъ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ изученія, позволяютъ лучше замѣтить и глубже оцѣнить раньше пропущенныя или невѣрно понятыя свидѣтельства историка, оратора, эпистолографа или поэта и полнѣе воспользоваться ими.—Таково мѣсто, которое можетъ принадлежать отдѣльнымъ очеркамъ изъ римской правовой, государственной и соціальной исторіи, составленнымъ по литературному матеріалу. Оно не должно оставаться пустымъ при современной организаціи научнаго

генетического изучения развития римского общественного строя ¹⁾).

Переходя далѣе прямо къ содержанию монографій, заключающихся въ настоящемъ томѣ, хорошо обратить вниманіе еще на слѣдующіе пункты.

Только избранная для нихъ форма небольшихъ по объему темы, но детальныхъ по ея обработкѣ разысканій, даетъ возможность особенно глубоко войти въ анализъ отдѣльнаго предмета, выдвинувшагося на дорогѣ при изслѣдованіи великаго явленія. Только такъ удастся выяснитъ до конца многіе пункты, представляющіеся интересными и существенными для знакомства съ основными его элементами. Исчерпывающее обзорѣніе всего, что доставляютъ для освѣщенія выдѣленной проблемы произведенія одного особенно цѣннаго

¹⁾ Можно составить длинный реестръ изслѣдованій и замѣтокъ, обширныхъ и мелкихъ, въ которыхъ анализируется значеніе для исторіи права отдѣльныхъ текстовъ различныхъ писателей и вообще ихъ сочиненій для разъясненія того или иного юридическаго вопроса, для изображенія того или иного правового института. Часто отрывки изъ комментариевъ къ произведеніямъ авторовъ представляютъ подобнаго рода критико-юридическіе экскурсы. Особенно много этюдовъ такого характера вызвало изученіе сочиненій Цицерона, который постоянно затрогиваетъ правовые вопросы въ своихъ рѣчахъ, письмахъ и философскихъ разсужденіяхъ. См. извѣстное число библиографическихъ указаній у *Engelmann*, *Bibliotheca scriptorum classicorum*. Кромѣ множества статей можно гутъ назвать, въ видѣ примѣра, книгу болѣе общаго содержанія — *G. de Coqueray*, *Explication des passages de droit privé contenus dans les oeuvres de Cicéron* (P. 1857) — Затѣмъ сильно привлекали вниманіе юристовъ комедіи Плавта. Изученіе ихъ вызвало, напримѣръ, большую работу *F. Costa*, *Il diritto privato nelle comedie di Plauto* (Torino, 1890). Тотъ же авторъ выпустилъ только что другое сочиненіе — „*Il diritto nei poëti romani*“ (Bologna, 1898). — Существуетъ специальное французское руководство для ознакомленія съ правовымъ матеріаломъ, заключающимся въ текстахъ авторовъ: *A. May et H. Becker*, *Précis des institutions du droit privé des Romains destiné à l'explication des auteurs latins* (P. 1892). Произведенія писателей позднѣйшаго періода римской литературы, напримѣръ, Сидонія Аполлинарія, также содержатъ данныя для историко-правовыхъ этюдовъ. См., между прочимъ, *Esmein*, *Sur quelques lettres de Sidoine Apollinaire* (въ его книгѣ *Mélanges d'histoire du droit et de critique*, P. 1886); *Duval-Arnould*, *Etudes d'histoire du droit romain au V-me siècle d'après les lettres de Sidoine Apollinaire* (P. 1888). Всѣ указанныя работы эксплуатируютъ литературный матеріалъ въ интересахъ изученія развитія права. Необходимо пользоваться имъ же гораздо больше и глубже, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ, и для цѣлей разработки соціальной, въ частности экономической исторіи. Опыты такого рода представляютъ данныя изслѣдованія.

писателя только и можетъ быть совершенно въ рамкахъ индивидуальнаго „essay“; только въ нихъ осуществляется необходимое для этого, такъ сказать, „микроскопическое“ разсмотрѣніе вопроса и „миніатюрное“ изображеніе получаемыхъ результатовъ. Автору важно было показать, насколько полезными являются такія „соціально-психологическія наблюденія“, какъ, напримѣръ, констатированіе того, въ какихъ образахъ рисовалось въ сознаніи Горація картина земельного строя римскаго государства. Они хорошо вводятъ въ уразумѣніе жизненнаго значенія для римскаго общества процесса, который познается изъ „большихъ“ источниковъ преимущественно въ его цѣльномъ величественномъ теченіи или со стороны его общей юридической природы. Его надобно непременно провести мысленно, такъ сказать, черезъ жизнь, прослѣдить его дѣйствіе на явленія общественнаго и частнаго быта различныхъ порядковъ, чтобы окончательно понять его соціальную роль. Если эта истина въ самомъ дѣлѣ подтверждена этюдомъ о Гораціи, онъ является новымъ, хотя бы очень небольшимъ, шагомъ впередъ въ области научной разработки исторіи римскаго землевладѣнія.

Къ той же самой любопытной и серьезной задачѣ, то есть, провѣркѣ качества и степени вліянія широкаго экономическаго теченія на внутренній ростъ государства и соціальное развитіе его населенія, съ большимъ удобствомъ предлагается другой способъ, также показанный въ настоящей книгѣ. Исторія состоянія отдѣльныхъ лицъ, выдававшихся въ средѣ земельныхъ магнатовъ, воспроизводитъ, во-первыхъ, во всѣхъ подробностяхъ отдѣльный типичный фактъ, изъ совокупности которыхъ составляетъ явленіе; во-вторыхъ, она разъясняетъ наглядно и отчетливо, что давало крупнымъ владѣльцамъ ихъ недвижимое состояніе для приобрѣтенія того или иного положенія въ обществѣ, и какъ они сами въ силу своего хозяйственнаго могущества реагировали на это общество. Изученіе экономической біографіи Аттика, можетъ быть, выставило съ нѣкоторою убѣдительностью, насколько такая точка зрѣнія плодотворна во многихъ отношеніяхъ. Подобнаго рода „индивидуальныхъ исторій землевладѣнія“, въ которыхъ въ маломъ видѣ повторяется общая

исторія розвитку латифундіальної соборності, охопившій весь римський міръ, по крайній мѣрѣ, въ одинъ изъ моментів ея сложенія, почти не существуетъ въ ученой литературѣ. Вслѣдствіе этого, если признана будетъ полезность такого приѣма частичнаго разслѣдованія трудной задачи, можно надѣяться, что и второй изъ упомянутыхъ этюдовъ проливаеть на нѣкоторые темные пункты римской аграрной исторіи извѣстнымъ образомъ новый свѣтъ.

Наконецъ — нужно замѣтить — изображеніе исторіи римскаго землевладѣнія въ видѣ единичныхъ экскурсовъ, располагающихся около личности, памятника, событія, частнаго института является не только наиболее подходящею формою подготовительнаго разслѣдованія вопроса. Такіе этюды всегда останутся важнымъ средствомъ провѣрки истинъ, добытыхъ систематическимъ изученіемъ предмета, путемъ внимательнаго и детальнаго приложенія ихъ къ наблюденію частныхъ его моментів или сторонъ. Специально они способны оказать немаловажную услугу и выясненію основного вопроса о дѣйствіи и взаємодѣйствіи различныхъ факторовъ въ историческомъ процесѣ. Сосредоточеніе вниманія около конкретнаго „случая“ помогаетъ уразумѣнію сложности „историческаго образованія“, научаетъ различать и сближать въ немъ экономическій и идейный, политическій и индивидуальный элементы. Такое научное упражненіе служитъ выработкѣ пониманія этихъ элементовъ, какъ причинъ и слѣдствій, или какъ сосуществующихъ явленій, въ ихъ происхожденіи и развитіи; оно изоощряетъ въ историкѣ умѣніе разбираться въ возникновеніи, ходѣ и результатахъ великихъ движеній, опредѣлять ихъ вліяніе на жизнь общества и личности.

Итакъ охарактеризованная только что частная изслѣдованія, экскурсы, этюды изъ исторіи римскаго землевладѣнія могутъ получить серьезное значеніе въ исторіографіи вопроса, существеннаго и очереднаго въ наукѣ при современномъ положеніи его разработки. Нужно только прибавить, что они, преслѣдуя каждый свою спеціальную задачу, не должны терять изъ вида основную концепцію и центральный интересъ той общей проблемы, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое. Ихъ тема должна ставиться и строиться такъ, чтобы

они всегда сохраняли роль служебныхъ единицъ нарастающей постепенно великой суммы — общей исторіи земельнаго строя въ римскомъ мірѣ во все продолженіе его всемірно-историческихъ судьбъ. Такимъ образомъ, подчиняясь, несомнѣнно, справедливому требованію возможно большаго обобщенія плодовъ единичныхъ разысканій, слѣдуетъ помнить, во первыхъ, о необходимости установленія внутренней связи и обезпеченія органическаго роста отдѣльныхъ работъ каждаго научнаго труженика (объединеніе выводовъ ученой дѣятельности одного изслѣдователя): оно должно являться предметомъ собственной заботы каждаго ученаго и выражаться въ стремленіи планомѣрно развивать и располагать свои труды. Во вторыхъ, обязательно ставить задачею науки критическое суммирование отъ времени до времени положеній, добытыхъ совокупностью усилій многихъ лицъ, трудившихся для достиженія одной большой цѣли (объединеніе результатовъ работы ученыхъ группъ, школъ и направленій): это составляетъ функцію нѣкоторыхъ изъ участниковъ коллективнаго изслѣдованія даннаго капитальнаго вопроса или отдѣла исторической науки, особенно склонныхъ къ ретроспективнымъ обзорамъ и построеніямъ сводящаго характера ¹⁾. — Чтобы и то, и другое было возможно, надобно живое сочувствіе къ дѣлу многихъ ученыхъ работниковъ и установленіе между ними солидарнаго плана общаго труда, съ которымъ безъ стѣсненія разнообразія научныхъ вкусовъ свободно сообразовалась бы личная дѣятельность изслѣдователей, заинтересованныхъ вопросамъ.

Однако и послѣ всего сказаннаго о томъ, что могутъ внести въ разработку исторіи римскаго землевладѣнія этюды, подобные заключающимся въ настоящей книгѣ, нужно все таки повторить, какъ уже было замѣчено выше: они получаютъ истинный смыслъ, который и обогатитъ ихъ содержаніе, и расширитъ значеніе, только въ томъ случаѣ если откроется возможность поставить ихъ въ связь съ общею

¹⁾ Печатающееся въ *Nouvelle revue historique de droit français et étranger* (1897 — 99) обширное сочиненіе *E. Beaudouin*, „Les grands domaines dans l'empire romain d'après des travaux récents“, преслѣдуетъ именно такую цѣль въ области изученія исторіи римскаго землевладѣнія.

теорією, которая посадить ихъ въ глубокую и плодородную почву. Это будетъ особенно благотворно, если такая теорія тѣсно соединить ихъ съ главною задачею при изслѣдованіи всего вопроса, изъ сферы котораго они взяты, и прочно опредѣлитъ отношеніе ихъ къ нему, какъ частей къ цѣлому. Съ другой стороны такого рода заключительная попытка можетъ оказать пользу и въ смыслѣ провѣрки самой идеи, которая будетъ избрана, какъ орудіе общаго синтеза результатовъ частнаго изслѣдованія. Важно спросить себя, не представляется ли средства въ такомъ именно направленіи дополнить книгу, стремясь придать ей единство, прежде чѣмъ считать ее вполне законченною?

2. Весьма подходящимъ орудіемъ для такого „обобщающаго опыта“ будетъ въ данной связи взглядъ, брошенный въ область уясненія особенностей экономического развитія античной и спеціально римской древности.

Подобная тема можетъ показаться слишкомъ общею, какъ предметъ заключенія книги болѣе или менѣе спеціального характера, и потому не совсѣмъ гармонирующею съ ея содержаніемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ непритязательная форма „очерковъ“, которая ей придана, и которой не должны предъявляться требованія очень строгой архитектоники, допускаетъ нѣкоторое нарушеніе стройности построенія, коль скоро избранный сюжетъ можетъ принести опредѣленную пользу самому дѣлу. Къ тому же такое нарушеніе лишь кажущееся: именно только общій вопросъ можетъ служить указанной цѣли, то есть, попыткѣ объединенія въ высшемъ синтезѣ частныхъ изысканій. Правда, съ другой стороны, поставленная только что новая задача не можетъ быть подвергнута глубокому и систематическому изслѣдованію въ тѣсныхъ предѣлахъ довольно бѣглого обзорѣнія, которые одни могутъ быть здѣсь даны. Но и такое неполное и несовершенное разсмотрѣніе вопроса объ отличительныхъ чертахъ хозяйственнаго строя древнихъ народовъ находитъ себѣ оправданіе въ томъ обстоятельствѣ, что онъ до сихъ поръ вообще мало изучался. Вслѣдствіе этого даже отрывочные наброски, разъясняющіе его съ отдѣльныхъ точекъ зрѣнія, умѣстны и

желательны. Наконецъ слѣдуетъ напомнить, что настоящіе этюды являются сами по себѣ какъ бы введеніемъ къ трудамъ болѣе значительнаго содержанія и болѣе общаго характера, которые за ними послѣдуютъ. Стало быть, факты и мысли, которые будутъ сгруппированы и намѣчены, послужатъ указанію того, какія цѣли воодушевляють автора при выработкѣ системы его научной работы, и какія идеи кажутся ему истинами, которыя должны освѣщать открывающійся передъ нимъ путь. Эти идеи будутъ здѣсь поставлены; въ дальнѣйшихъ трудахъ представится поле для ихъ детального и всесторонняго развитія. Такимъ образомъ данная книга будетъ поставлена въ связь съ будущими работами автора.

Въ началѣ книги (во введеніи) была отмѣчена одна изъ главныхъ трудностей при изученіи хозяйственной исторіи древности. Таковою является именно отсутствіе установленныхъ въ наукѣ руководящихъ понятій объ особенностяхъ экономическаго строя классическихъ государствъ, которыя составляли его отличіе отъ того, какъ организовано удовлетвореніе матеріальнымъ потребностямъ въ цивилизованныхъ обществахъ новѣйшаго времени. Такая невыясненность оказывается серьезнымъ препятствіемъ и при выработкѣ системы правильныхъ методическихъ приемовъ, которымъ подчинялось бы изслѣдованіе даннаго очень важнаго объекта историческаго знанія. Тамъ же было указано, что такое неудовлетворительное состояніе вопроса зависитъ отъ того, что вообще разъясненіе эволюціи экономической культуры человѣчества вошло въ кругъ интересовъ историковъ лишь въ самыя послѣднія десятилѣтія, и потому работа въ данной области не могла уже привести къ крупнымъ результатамъ, особенно именно при изученіи древней исторіи. Экономистамъ, которые иногда и раньше проникались сознаниемъ необходимости для прогресса ихъ собственной науки не только исходить изъ наблюденія современнаго состоянія хозяйства, но и вглядываться въ его происхожденіе и развитіе, не доставало подготовки, чтобы углублять свои историко-экономическія изысканія до предѣловъ классической ста-

рины. Историки, первые обратившіе свой трудъ на разработку хозяйственныхъ явленій, стали изучать ихъ преимущественно въ различныя эпохи новой исторіи, для освѣщенія которыхъ политическая экономія оказывала имъ больше содѣйствія, чѣмъ для уясненія экономической исторіи отдаленныхъ вѣковъ. Ученые же, которые специально предавались изслѣдованію античной древности, стояли до сихъ поръ въ сторонѣ отъ новѣйшихъ теченій въ области развитія соціологической мысли. Ими издавна формулированы были опредѣленные цѣли и выработаны точныя схемы для изученія древности, въ которыхъ не находило достаточно мѣста полное и глубокое выясненіе хозяйственной жизни грековъ и римлянъ. Установленныя ими точки зрѣнія на задачи познанія классическаго міра не могли способствовать сами по себѣ и дальнѣйшему направленію вниманія изслѣдователей на эту неразвѣданную дорогу.

Въ послѣдніе годы много занимался вопросомъ о развитіи и усовершенствованіи методовъ разработки древней исторіи извѣстный нѣмецкій ученый Робертъ Пѣльманнъ. Въ одной изъ своихъ интересныхъ статей теоретико-критическаго содержанія ¹⁾ компетентный авторъ высказываетъ очень дѣльныя замѣчанія о господствующей до сихъ поръ въ этой сферѣ односторонности взглядовъ при постановкѣ и выполненіи плана изслѣдованія. Стремясь найти выходъ изъ нея, онъ выставляетъ руководящій принципъ который можетъ оказать большое и хорошее вліяніе на разъясненіе поставленной тутъ задачи, то есть, опредѣленіе характерныхъ признаковъ экономического развитія римской древности. Авторъ разумѣетъ здѣсь великую идею о *всемирной исторіи*, по которой всѣ эпохи въ прошлой жизни человѣчества представляются, какъ необходимыя части одного громаднаго органическаго цѣлаго, и каждая разсматривается въ связи съ другими и въ ихъ свѣтѣ. „Только тотъ, читаемъ у Пѣльманна, кто обладаетъ всемірно-историческимъ

¹⁾ См. въ сборникѣ *R. Pöhlmann, Aus Altertum und Gegenwart* (München, 1895) прекрасный второй очеркъ—„Zur Methodik der Geschichte des Altertums“.

взглядомъ, можетъ распознать зависимость типическихъ явленийъ права отъ типическихъ ступеней культурнаго развитія, на которыхъ это право примѣняется; только при такомъ условіи способенъ ученый выводить прочныя заключенія объ организаціи общества отъ наличности той или иной картины соціальнаго развитія. Только тотъ, кто умѣетъ видѣть въ частномъ всеобщее и обратно выдѣлять въ безчисленной массѣ историческихъ фактовъ многократно затемненное и перерожденное искомое явленіе и слѣдить за его ходомъ, можетъ составить себѣ дѣйствительно вѣрное и реальное представленіе о вѣчномъ потокѣ хозяйственныхъ, соціальныхъ, правовыхъ, политическихъ перемѣнъ, данное сочетаніе которыхъ образуетъ состояніе общественной и государственной жизни какой-нибудь эпохи“¹⁾). Авторъ съ большою оригинальностью развиваетъ и иллюстрируетъ эту точку зрѣнія („das universalhistorische Princip“), которую онъ называетъ „необходимымъ постулатомъ исторической науки“. Онъ стремится провести ее широко и полно до конца и въ этомъ смыслѣ требуетъ отъ историка, какія бы отдаленныя отъ настоящаго времени эпохи онъ ни изучалъ, глубокаго пониманія современности и сильнаго интереса къ ней: „Нельзя воскресить къ жизни прошлое, работая только въ пыли ученаго кабинета. Историкъ долженъ ощущать на себѣ самомъ дыханіе дѣйствительной жизни, которая растетъ и цвѣтетъ, стремится и борется вокругъ него. Высказанное когда то сужденіе, что лучшимъ историкомъ будетъ тотъ, кто лучше всѣхъ понимаетъ настоящее, можетъ звучать парадоксомъ; но развѣ нельзя назвать то блестящее обозрѣніе національной старины, ту „археологію“, которую Фукидидъ предположилъ исторіи своего времени, первою критическою попыткой живого воспроизведенія древнѣйшихъ періодовъ отечественной исторіи? И въ то же время не слѣдуетъ ли сказать, что это величественное созданіе лишь потому могло явиться на свѣтъ, что Фукидидъ былъ наученъ истолковывать прошлое тою гениальною пронизательностью, которая была выработана въ немъ постояннымъ наблюденіемъ на-

¹⁾ *Aus Altertum und Gegenwart*, p. 35.

стоящаго?..“¹⁾ И Пёльманнъ съ убѣжденіемъ провозглашаетъ, что „если мы хотимъ оживить предъ нашими глазами древность, то мы въ состояніи достигнуть этого только такимъ изслѣдованіемъ, которое стоитъ въ срединѣ бурнаго потока жизни современнаго духа“²⁾.

Беликая идея „всемирной исторіи“ и вытекающее изъ нея, какъ слѣдствіе, сознание, что „изслѣдованіе прошлаго тѣсно связано съ пониманіемъ настоящаго“, справедливо замѣчаетъ цитируемый историкъ, была преподаана еще въ началѣ нынѣшняго вѣка знаменитымъ ученымъ, славное имя котораго сочетается именно съ первыми крупными успѣхами въ дѣлѣ научнаго познанія исторіи римской древности, то есть, Нибуромъ. Правда, что ее нелегко было усвоить и

¹⁾ *Aus Alt. u. Gegenw.* p. 41: „Er wurde der Begründer „wahrer Geschichte“ (nach der Bemerkung *Kants*, „Idee zu einer allgem. Geschichte in weltbürgerlicher Absicht“. Werke, IV, 155), indem er in der eindringenden Beschäftigung mit den staatlichen Problemen der Gegenwart die Gesichtspunkte für seine geschichtliche Forschung gewann“. — Ср. прекрасное выраженіе *Schöll* (*Die Anfänge einer polit. Litter. bei den Griechen*, p. 26): „In seinem politischen Sinn wurzelt *Thukydides'* historisches Urteil“.

²⁾ Здѣсь вспоминаются прекрасныя слова одного изъ извѣстныхъ знатоковъ классической древности *Арнольда Шэфера (Schäfer)*, находящіяся въ этюдѣ— „Die Bedeutung der alten Geschichte für die Gegenwart“ (въ сборникѣ его *Historische Aufsätze und Festreden*): „Nur die Männer haben in der Erkenntnis des Altertums die Meisterschaft errungen, welche mit klarem Blick und rechtem Anteil ihre eigene Zeit erfassten und mit dem Bewusstsein arbeiteten, dass sie der Mit- und Nachwelt zu dienen hätten“. Конечно, такая идея можетъ привести ненаучный умъ къ смѣшенію того, что онъ вычитываетъ въ древнихъ памятникахъ, съ тѣмъ, что наблюдаетъ въ настоящей жизни, къ „модернизированію“ старинн. Кромѣ того поверхностный человекъ можетъ сдѣлать изъ этого положенія неправильный выводъ о возможности просто пользоваться вырванными изъ античнаго преданія и тенденціозно объясненными фактами для поученія современности. Но искаженія истинны возможны всегда. Въ безпристрастно же стремящемся къ правдѣ, основательно подготовленномъ образованномъ изслѣдователѣ знаніе современности и интересъ къ ней дѣйствительно вырабатываетъ необходимую чуткость, когда испытующій взоръ его обращается къ отдаленнымъ эпохамъ. При этомъ онъ не только быстро схватываетъ аналогіи, но изощряетъ также различающую способность, отчетливо опредѣляя характерныя особенности каждаго явленія и каждаго историческаго момента и умѣя связывать ихъ изъ эпохи въ эпоху генетическою цѣпью, которая объясняетъ различія и объединяетъ сходства. Такъ понимаемая всемирно-историческая точка зрѣнія, связывая прошлое съ настоящимъ, разумѣя первое въ свѣтѣ послѣдняго и истолковывая послѣднее первымъ, даетъ и силу предугадывать будущее, подмѣчая эволюціонный законъ. Ср. *Pöhlmann*, *Aus Alt. u. Gegenw.* p. 43—44.

еще труднѣе провести. Но приходится сознаться, что ее меньше, чѣмъ кто-нибудь, поняли и осуществляли въ совокупности своею работою ученые, явившіеся преемниками его въ области, гдѣ онъ произвелъ свои замѣчательныя открытія. Въ большинствѣ случаевъ лишенные живого чутья современной дѣйствительности, необходимаго для глубокаго и тонкаго пониманія и античной старины, чуждые одушевленнаго интереса къ другимъ эпохамъ исторіи человѣчества, специалисты въ дѣлѣ изслѣдованія древняго міра, по мнѣнію Пёльманна, оказывались обыкновенно мало склонными къ воспринятію превосходной всемірно-исторической идеи. Между тѣмъ она одна могла вызвать къ жизни широкое и цѣльное возсозданіе всѣхъ сторонъ развитія древнихъ государствъ и народовъ, какъ великой фазы въ жизни человѣчества ¹⁾. Пёльманнъ обвиняетъ „классическихъ филологовъ“, въ рукахъ которыхъ по преимуществу сосредоточивалась до сихъ поръ разработка древней исторіи, въ узости взгляда на ея задачу и въ упорномъ консерватизмѣ, который мѣшаетъ установкѣ новыхъ широкихъ и научно-прогрессивныхъ точекъ зрѣнія. Вопреки назрѣвшимъ существеннымъ интересамъ „науки объ обществѣ“ они продолжаютъ обозначать мѣсто, напримѣръ, „исторіи Рима“ лишь среди специальныхъ отдѣловъ, изъ которыхъ слагаются такъ называемыя „римскія древности“, между тѣмъ какъ, можетъ быть, развѣ только обратное сочетаніе этихъ двухъ понятій было бы справедливо. Такое направленіе ума, составляющее, по его воззрѣнію, отличительную черту корпорации ученыхъ, которая посвятила свои силы изученію античной жизни, до сихъ поръ мѣшаетъ благодатному сліянію науки древней исторіи съ изученіемъ другихъ великихъ періодовъ или возрастовъ человѣческаго прошлаго. Оно препятствуетъ утвер-

¹⁾ Авторъ сожалѣетъ, что „für viele scheint auch heute noch das Wort Niebuhrs nicht vorhanden zu sein, dass zum volles Verständnis der alten Geschichte eine vergleichende Kenntnis der menschlichen und bürgerlichen Dinge notwendig ist, die sich zu verschiedenen Zeiten nach gleichen Gesetzen zugetragen haben“ (*Aus Alt. u. Gegenw.* p. 35). Самъ онъ посильно всегда стремился ставить собственные работы подъ руководство формулируемой идеи, и въ такомъ именно смыслѣ онъ далъ сборнику своихъ этюдовъ по древней исторіи заглавіе— „Изъ древности и современности“.

ждению широкаго взаимодействія между ними, необходимаго и въ разнообразныхъ отношеніяхъ возможнаго. Оно приводитъ, наконецъ, къ сохраненію до настоящихъ дней значительнаго преобладанія въ сферѣ „ученія о древности“ („*Alterthumskunde*“) того „описательнаго“ способа группировки матеріала и изображенія фактовъ, который современная научно-историческая методика считаетъ уже безусловно подорваннымъ. Благодаря этому, довольно мало еще примѣняется въ кругу рассматриваемой специальности приемъ „научно-эволюціоннаго“ изученія и воспроизведенія развитія челоуѣчества, который такъ сильно способствовалъ прогрессу теории исторіи и практически далъ уже такъ много новаго и важнаго въ разработкѣ другихъ ея отдѣловъ ¹⁾. Если изслѣдователь не сумѣетъ отрѣшиться отъ привычныхъ узкихъ шаблоновъ и развить въ себѣ живое „историческое чувство“, онъ никогда не научится предлагать источникамъ, оставленнымъ древностью, вопросы, которые должны быть имъ предъявлены наукою, и на которые они могутъ дать отвѣты, особенно важные для историка-юриста, экономиста, политика или современнаго социолога ²⁾.

¹⁾ См. *Aus Alt. u. Gegenw.* p. 35: „Die Altertumskunde hat ja unsere Kenntnis der antiken Zustände unendlich bereichert; aber es überwiegt doch immer noch viel zu sehr die beschreibende Methode, welche ihre Bilder nach wesentlich descriptiv angelegten Kategorien entwirft und chronologisch aneinanderreihet. Diese Methode ist zu einer gewissen Virtuosität ausgebildet, viel weniger verbreitet ist dagegen die Fähigkeit zu jener allerdings ungleich schwierigeren, aber auch ungleich tiefer in das innerste Leben und Weben der Geschichte eindringenden Analyse, welche die den einzelnen Zuständen, und Institutionen zu Grunde liegenden Entwicklungstendenzen, die ihre innere Struktur bedingenden Entwicklungsreihen nachzuweisen im Stande ist, eine Analyse, die eben eine universalgeschichtliche Kenntnis der typischen Entwicklungsstufen von Recht und Volkswirtschaft, von Staat und Gesellschaft voraussetzt, welche die Menschheit überhaupt im Gange der Geschichte durchlaufen hat.“—Ср. характеристику новаго метода въ рецензіи Лампрехта на второй томъ сочиненія *Inama Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, въ *Jahrb. f. Nationaloek.* 1894, S. 294. ff.

²⁾ См. еще *Aus Alt. u. Gegenw.* p. 36: „Ohne diesen Sinn für Geschichte, der—um einen schönen Ausdruck von *Sohm* zu gebrauchen—der Forschung zugleich den Stachel und ihre Freiheit, die Kraft des Auges und den unermesslichen Horizont gewährt, kommen wir nicht über eine gewisse „Schematisierung des empirischen Lebens“ (nach dem treffenden Ausdruck von *Knies*) hinaus...“

Серьезную борьбу съ укоренившимся заблужденіемъ въ постановкѣ изученія древней исторіи и съ отсталыми приемами его выполнения Пельманнъ считаетъ настоятельно потому, что первое раздѣляется иногда до послѣдняго времени даже первоклассными свѣтилами филологіи, которые своимъ авторитетомъ удерживаютъ на ложномъ пути и рядовыхъ тружениковъ ¹⁾. Проложеніе новыхъ путей здѣсь особенно нужно для ученыхъ, понимающихъ необходимость точнаго и систематическаго разслѣдованія экономической или еще шире соціальной исторіи древности. Основнымъ вопросамъ ея тѣсно въ старыхъ „классическихъ“ схемахъ ²⁾;

¹⁾ Въ подтвержденіе авторъ разбираетъ взгляды на задачи филологіи и въ частности древней исторіи, недавно высказанные *Wilamowitz von Mollen-*
*dorf*омъ въ актовой рѣчи, произнесенной въ геттингенскомъ университетѣ— „*Philologie und Schulreform*“ (Göttingen, 1892). Рядомъ съ превосходными мыслями, которыми знаменитый ученый желаетъ вдохновлять работу своихъ сотрудниковъ и учениковъ, онъ поддерживаетъ словомъ компетентнаго руководителя устарѣвшія доктрины и формулы, которыя могутъ только задержать въ области изученія классическаго міра методологическій прогрессъ. Отлично понимая и блистательно доказывая необходимость единства между различными отраслями ученія о древности (см. въ брошюрѣ Вилламовица, стр. 14), этотъ первостепенный вождь современной нѣмецкой филологической науки продолжаетъ стоять за необходимость строгой обособленности классической филологіи и, какъ части ея, древней исторіи отъ изслѣдованія другихъ періодовъ и отдѣловъ развитія человеческого общества и человеческого духа.—Пельманнъ возстаетъ противъ того, что онъ называетъ вредной односторонностью и опровергаетъ то, что онъ определяетъ въ воззрѣніяхъ Вилламовица, какъ опасный „филологическій консерватизмъ“.—См. *Aus Alt. u. Gegenw.* p. 37—43.

²⁾ Нѣкоторые филологи сами признаютъ, что направленіе ихъ науки не даетъ простора и не создаетъ почвы для историко-экономическаго разслѣдованія древности. Такъ Ю. Белохъ (*Jahrb. für Nationalök. u. Statist.* LXVIII, 1897, p. 321) говоритъ: „...Liegt es doch in der Natur der Sache, dass die alte Geschichte hauptsächlich von Philologen betrieben wird, und gerade Philologen sind vermöge ihres Studienganges meist sehr wenig befähigt, wirtschaftsgeschichtlichen und statistischen Problemen das richtige Verständnis entgegenzubringen“. Такое же критическое отношеніе къ установившимся узкимъ понятіямъ о границахъ и содержаніи древней исторіи высказываетъ еще другой также хорошій молодой филологъ и уже солидный ученый Е. Корнеманнъ (см. *Deutsches Wochenblatt*, 1896, p. 333).—Авторъ соглашается, что „es ist ja allerdings eine sehr unklassische Behandlung, die das klassische Alterthum mit den wirtschaftlichen Forschungen erfährt“.—И онъ прибавляетъ: „Man muss sich aber endlich losmachen von dem Gedanken, dass das Alterthum nur auf dem Gebiet der Litteratur und Kunst durch die Griechen, auf dem Gebiet des Rechtswesens durch die Römer, etwas für den Fortschritt der Menschheit geleitet habe“.—

основныя данныя ея остаются мало извѣстными, при ихъ продолжающемся господствѣ, хотя скрывающій ихъ матеріалъ эксплуатируется уже давно вдоль и поперекъ для познанія другихъ, гораздо менѣ важныхъ во всемірно-историческомъ отношеніи пунктовъ и истинъ ¹⁾).

Такая точка зрѣнія поддержитъ энергію и любознательность въ дѣлѣ изученія древности: „Dann wird dass Interesse am Alterthum, das im vorigen Jahrhundert mehr durch litterarische und künstlerische Strebungen wach gehalten wurde, auch unserem sozialen Jahrhundert, wenigstens im Kreise aller denkenden Männer erhalten bleiben“.

¹⁾ Какъ типичный примѣръ, доказывающій основательность такихъ нападокъ, авторъ разсматриваетъ планъ предпринятой нѣскольکو лѣтъ тому назадъ подъ главной редакціей извѣстнаго филолога *Wissowa* полной переработки знаменитаго словаря *Pauly*, „Realencyclopaedie des classischen Alterthums“, выходящаго еще въ 40-хъ годахъ. Редакторъ называетъ свое изданіе „кодификаціею современнаго состоянія нашего познанія классической древности“. Стало быть, на немъ должны отражаться въ частности степень и совершенство знакомства съ экономическимъ развитіемъ Греціи и Рима въ отношеніи классификаціи, метода и фактическихъ результатовъ его разработки. Разбирая содержаніе вышедшихъ до сихъ поръ томовъ, Пельманнъ отмѣчаетъ, что въ числѣ статей не отыскивается такой капитальной, какъ *Agrargeschichte*. Это свидѣтельствуетъ о пренебреженіи отдѣломъ экономической исторіи. Какъ видно изъ введенія, инициаторы такого важнаго справочнаго и руководящаго сочиненія не отдѣлялись при выработкѣ программы отъ устарѣлаго термина—„древности“, какъ понятія, долженствующаго обнять всю совокупность явленій античной культуры. Въ ряду отдѣловъ, по которымъ эти „древности“ будутъ распределены, Виссова перечисляетъ такія заглавія, какъ право, государство, семья и сейчасъ же, какъ бы на равныхъ правахъ—хронологія, астрологія, колдовство, ботаника, театр, игры... Но тутъ же совершенно отсутствуютъ рубрики—соціальный строй, хозяйство (съ различными подотдѣлами тѣхъ же категорій) и т. д. Пельманнъ восклицаетъ (стр. 46), что уже первый взглядъ, брошенный на этотъ списокъ, изображающій схему изданія, съ его капитальными проблемами, смѣшеніемъ родовъ и видовъ, широкихъ областей съ частными уголками знанія, оскорбляетъ чувство историка. Все, что касается сферы экономической и соціальной исторіи, втиснуто тутъ попрежнему въ рамки совершенно негоднаго теперь понятія—„Privatalterthümer“. Выдѣляется изъ этой области только одиноко стоящая — „Landwirthschaft“ (см. въ 1-мъ томѣ статью подъ словомъ „Ackerbau“). Но и тутъ вопросъ разсматривается исключительно съ техническо-антикварной точки зрѣнія. Поэтому, неизбежно, многое весьма существенное не найдетъ мѣста въ очень цѣнномъ и авторитетномъ изданіи. Такъ санкціонируется и новою филологическою наукою устарѣлый узкій взглядъ и остается стѣсненною и на будущія времена разработка упущенныхъ вопросовъ и неизслѣдованныхъ явленій, даже цѣлыхъ областей. Главная причина такой неудовлетворительной постановки программы энциклопедіи, по мнѣнію автора, слѣдующая: „Es ist die—in einem älteren Stadium der Philologie wurzelnde—Auffassung des antiken Kulturlebens mit ihrer

Критика Пёльманна должна быть названа въ значительной степени и во многихъ отношеніяхъ вѣрною и глубокою. Замѣчанія его объ односторонностяхъ и неправильностяхъ при постановкѣ изслѣдованія древней исторіи подтверждаютъ лишнимъ теоретическимъ аргументомъ выводъ о неудовлетворительномъ состояніи разработки социально-экономической исторіи Рима, установленный во введеніи настоящей книги на основаніи пересмотра литературы вопроса объ исторіи римскаго землевладѣнія. Сужденіе выдающагося знатока древности, какимъ долженъ быть признанъ упомянутый историкъ, особенно ярко обнаруживаетъ существенный пробѣлъ въ организаціи громаднaго дѣла изученія античнаго міра, которое велось филологическою наукою при затратѣ массы труда съ такою блестящею умственною силою и привело къ такимъ солиднымъ успѣхамъ. Въ выставленной Пёльманномъ „всемирно-исторической идеѣ“ найдена или подчеркнута дѣйствительно прекрасная принципиальная формула, которая показываетъ истинную научную дорогу для утоленія могущественной потребности познать социальную эволюцію человѣчества, характеризующей направленіе и вкусы современной общественной мысли.

Нужно только прибавить въ видѣ „положительнаго“ ограниченія слишкомъ „отрицательнаго“ взгляда Пёльманна, что въ историографіи самага новѣйшаго времени уже можно подмѣтить и собрать рядъ фактовъ, доказывающихъ, что идея, которую выдвигаетъ и защищаетъ Пёльманнъ, постепенно входитъ въ сознаніе лучшихъ представителей науки древней исторіи. Послѣдніе, смотря по степени своего таланта, явятся

mechanischen Scheidung von Staats-, Rechts- und Privataltertümern, welche auch hier noch nachwirkt und eine umfassende sozialwissenschaftliche Behandlung der zahlreichen Probleme nicht aufkommen lässt, in denen diese drei Gebiete unauflöslich ineinander greifen“ (стр. 49. Ср. 50—55). Нельзя и тутъ не согласиться съ Пёльманномъ, когда онъ критикуетъ планъ новаго изданія словаря Паули. Большее вниманіе социальнымъ и экономическимъ вопросамъ исторіи древности въ немъ все-таки удѣлено сравнительно съ прежними сочиненіями такого рода; нѣкоторые пробѣлы могутъ быть пополнены въ слѣдующихъ томахъ и въ приложеніяхъ. Но только совершенная переработка системы можетъ поставить дѣло на широкую почву, расчищенную современнымъ историческимъ знаніемъ.

или вождями новой школы изучения ея, какъ фазы культурнаго развитія человѣческаго рода въ полномъ значеніи этого слова, или добросовѣстными передовыми работниками, подающими примѣръ примѣненія новыхъ приѣмовъ на новомъ пути. — Такимъ образомъ картина рисуется свѣтлѣе, чѣмъ кажется автору. Впрочемъ, онъ самъ указываетъ на нѣкоторые отрадные и для него признаки.

Онъ отмѣчаетъ, какъ всемірно-историческій принципъ кромѣ Нибура воодушевлялъ еще работу другихъ замѣчательныхъ историковъ древности—Грота, Дункера, Нитча, въ самое послѣднее время такого первостепеннаго знатока античнаго міра, какъ Эдуарда Мейера ¹⁾.— Къ нимъ можно присоединить, хоть и стоящихъ во второмъ ряду, но также крупныхъ изслѣдователей, напримѣръ, Белоха ²⁾, особенно самого Пельманна ³⁾ и нѣкоторыхъ другихъ ⁴⁾. Всѣ эти

¹⁾ Такую именно цѣль ставитъ високо-даровитый авторъ изображенію исторіи древняго міра въ своемъ замѣчательномъ произведеніи „*Geschichte des Alterthums*“ (см. томъ II, стр. 32), отъ котораго можно ждать, что оно сдѣлается лучшимъ новѣйшимъ общимъ построеніемъ древней исторіи. Ср. еще въ области классической археологіи работы Брунна, а также замѣчанія Узенера въ его книгѣ „*Philologie und Geschichtswissenschaft*“ (р. 17 вв.).

²⁾ См. напримѣръ, *J. Beloch*, *Griechische Geschichte* (Strassburg, 1893, русскій переводъ М. Гершензона, 2 тома, Москва, 1897—98). Любопытнымъ доказательствомъ подчиненія этого автора всемірно-исторической идеѣ является предпринятый имъ обширный трудъ по „всеобщей исторіи населенія“ въ древнія и новыя времена—*Historische Beiträge zur Bevölkerungslehre* (Die Bevölkerung des griechisch-römischen Welt, I Band, 1886). Для выполненія его авторъ, классическій филологъ по образованію, долженъ былъ не только войти въ изученіе совершенно не касающихся древности очень многочисленныхъ и сложныхъ источниковъ, но и выработать въ себѣ широкую методическую подготовку медіевиста и историка новыхъ временъ, а также усвоить научные приемы политической экономіи и статистики. Правда, онъ пока выпустилъ только первый томъ, не выходящій за предѣлы древней исторіи; но въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей онъ обѣщаетъ продолженіе (см. *Jahrb. für Nationalök. und Statist.* 68 Band, 1897).

³⁾ Несомнѣнно, на такомъ теоретическомъ фундаментѣ поставлены его извѣстныя, очень солидныя и чрезвычайно полезныя сочиненія—*Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte im Zusammenhange mit der Gesamtentwicklung städtischer Civilisation* (Leipzig, 1884); *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus* (1 Band, München, 1893); наконецъ *Geschichte Griechenlands* (Nordlingen, 1889; русск. перев. Н. Н. Шамонова, М. 1890) и друг.

⁴⁾ Пельманнъ ссылается, напримѣръ, на статью *Kärst*, Alexander der

ученые новаго направленія превосходно понимаютъ необходимость особенно упорнаго изслѣдованія особенно до сихъ поръ пренебреженной хозяйственной исторіи древности ¹⁾. Несмотря на происшедшее сближеніе между пограничными отраслями знанія, задача эта остается очень нелегкою. Насколько филологи мало старались сдѣлаться экономистами, чтобы подготовить себя къ изученію исторіи древняго хозяйства, настолько же экономисты не расположены были пріобрѣтать филологическую выучку, необходимую для уразумѣнія матеріальной жизни классическихъ народовъ. Въ настоящее время обязанность быть готовыми къ разнородной борьбѣ съ фактическими и методическими препятствіями для разысканія истины въ такой трудной области науки объ обществѣ лежитъ ближе и отвѣтственнѣе всего на совѣсти историковъ. Исторіку именно приходится выработать въ себѣ синтетическій типъ разносторонняго изслѣдователя и мыслителя, понимающаго всю сложность процесса всемірной исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ его единство и носящаго въ себѣ способность уразумѣть многообразныя явленія всякихъ порядковъ, изъ которыхъ онъ слагается.—Такой типъ создается съ большими трудностями, именно въ настоящее время, такъ какъ онъ противорѣчитъ усиленной дифференціаціи знаній, неизбежной для осуществленія въ организациі научной работы широкаго раздѣленія труда и высокаго уровня технического искусства отдѣльных работниковъ. Приходится даже подчиняться такому требованію ученой спеціализаціи для до-

Grosse und der Hellenismus (въ *Historische Zeitschrift*, 1895, Band 74, S. 2 ff.), въ которой всемірно-историческая идея развивается опредѣленно и сильно.

¹⁾ Эдуардъ Мейеръ, который, какъ было замѣчено, является рѣшительнымъ сторонникомъ изображенія древней исторіи, какъ части всемірной, прямо заявляетъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ небольшихъ работъ, что историкъ непременно долженъ изучать экономическія и соціальныя явленія: это ихъ обязанность потому, что данныя явленія составляютъ существенный элементъ историческаго процесса, а экономисты, рассматривая ихъ, часто искажаютъ, такъ какъ плохо знаютъ и неправильно изучаютъ источники. См. *Ed. Meyer*, *Die wirthschaftliche Entwicklung des Altertums* (Jena, 1895), p. 2. Карлъ Лампрехтъ, пытаясь въ своей „*Deutsche Geschichte*“ дать разностороннее всемірно-историческое изображеніе судебъ германскаго народа, также выдвигаетъ впередъ экономическую исторію.

стиженія успѣшныхъ результатовъ дѣятельности каждаго историка. Каждому представляется выработывать свои знанія преимущественно въ сферѣ изученія определенной эпохи и свои умѣнія въ кругу изслѣдованія фактовъ определенной категоріи. Но идея всемірной исторіи будетъ служить для всѣхъ объединительною связью при установкѣ и выполненіи плана работы; она же побудитъ и вдохновитъ каждаго развивать свою ученую работу на почвѣ постоянного усовершенствованія въ себѣ рядомъ съ основательною выучкою („Schulung“) общеисторическаго образованія, философскаго міровоззрѣнія и политическихъ идей.

Въ частности въ римской исторіи великій гений Нибура, который первый смѣло поднялъ знамя всемірно-историческаго познанія судебъ человѣчества, блестящимъ образомъ показалъ плодотворность такой руководящей точки зрѣнія и для интересовъ экономическаго изслѣдованія древности. Тотъ, кто хочетъ разсматривать всѣ великія эпохи прошлаго, какъ фазы, подготовившія настоящее, долженъ искать въ этомъ прошломъ зародыша всѣхъ явленій, учреждений, движеній, которыя волнуютъ современность. Онъ не можетъ пренебречь одной стороною въ виду важности другой, если добивается общаго построенія. И дѣйствительно, въ „*Römische Geschichte*“ Нибура, которая когда то положила первое великолѣпное основаніе для научнаго воспроизведенія развитія римскаго народа и открыла въ самомъ дѣлѣ огромные горизонты, аграрная исторія изучается глубже и шире, чѣмъ во многихъ позднѣйшихъ обзорѣніяхъ предмета, стоящихъ, такъ сказать, на его плечахъ ¹⁾. Однако въ различныхъ специальныхъ попыткахъ разслѣдованія отдѣльныхъ экономическихъ фактовъ, которыми уже теперь можетъ

¹⁾ Поэтому, если предпринимать систематическое обзорѣніе исторіографіи работъ по исторіи римскаго землевладѣнія въ генетическомъ порядкѣ, то трудъ Нибура вмѣстѣ съ изслѣдованіями Савиньи необходимо поставить на первое мѣсто. Его „Римская исторія“ дѣйствительно даетъ очень много для своего времени; читать ее въ этомъ смыслѣ плодотворно и теперь, какъ построеніе гениальнаго ума, которое можетъ руководить мыслью современнаго изслѣдователя, направляя его на вѣрный путь, несмотря на открытіе новаго матеріала, который былъ неизвѣстенъ Нибуру, и на большіе методологическіе успѣхи, сдѣланные послѣ него.

пользоваться наука¹⁾, современный ученый находит все таки солидное частное подспорье²⁾. „Римская исторія“ Моммзена даетъ превосходный матеріалъ и для общаго сужденія о хозяйственномъ бытѣ въ различныя эпохи жизни великаго народа. Правда, что онъ не имѣетъ прямо въ виду подчинять свою мысль всемірно-исторической идеѣ³⁾; но въ послѣдніе

¹⁾ Заглавія многихъ изъ нихъ сгруппированы во введеніи настоящей книги: въ немъ не дается „исторіи вопроса“, такъ какъ эта трудная и до сихъ поръ не выполненная задача не могла найти мѣста въ краткомъ вступленіи такой специальной книги, какъ данная; оно преслѣдуетъ болѣе скромную цѣль познакомить интересующагося дѣломъ съ тѣмъ, что онъ можетъ имѣть подъ руками въ качествѣ пособій для подготовительнаго изученія вопроса, и нѣсколько распределить наличную ученую литературу, чтобы облегчить ему ориентировку.

²⁾ Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что все таки именно филологи, не смотря на односторонность своихъ воззрѣній, положили начало изслѣдованію также и нѣкоторыхъ экономическихъ институтовъ и явленій, хотя они ставили это изученіе довольно узко, если не исключительно, но преимущественно на точкѣ зрѣнія разъясненія „древностей“ или обработки „реалій“. Подъ вліяніемъ знаменитаго сочиненія *Aug. Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener* (перв. изд. 2 тома, Berlin, 1817; 3-е изд. 1886), составившаго эпоху въ исторіи филологій, возникло цѣлое теченіе, породившее рядъ специальныхъ трудовъ, результаты которыхъ должны облегчить въ смыслѣ собранія, первоначальной группировки и фактической интерпретаціи матеріала задачу, ставящуюся теперь историками новой школы самостоятельно, широко и смѣло.

³⁾ Моммзенъ гениальнымъ взглядомъ вѣрѣдно прозрѣвалъ связь античнаго міра съ новымъ. Но онъ сознательно и добровольно не ставилъ всемірно-исторической задачи. Для него (*Röm. Gesch.* I, 3) древняя исторія есть „культурное развитіе обитателей побережья Средиземнаго моря“ и только, то есть, законченное и замкнутое цѣлое (см. также заключительныя слова обообщенія дѣятельности Цезаря въ III-мъ томѣ). Ср. критическія замѣчанія Пѣльманна (*Aus Alt. u. Gegenw.* p. 350 ss.). Ко всякаго рода новѣйшимъ социологическимъ теоріямъ онъ относится съ недоувѣріемъ знаменитаго специалиста и высокоумѣрімъ великаго ученаго.—Такая особенность его воззрѣнія отражается и на изображеніи имъ экономической исторіи. Моммзенъ много разъ обнаруживалъ, несомнѣнно, замѣчательную интуицію при опредѣленіи вліянія процессовъ хозяйственной жизни на политическія и социальныя отношенія, и имъ высказано много новыхъ, глубокихъ и важныхъ идей также въ области экономической исторіи Рима. Но онъ не придаетъ значенія принципамъ политической экономіи, какъ орудію познанія древности. Онъ обрушивается на тѣхъ, которые „черезчуръ много знаютъ объ экономическихъ теоріяхъ“ и тѣмъ искажаютъ изображеніе „римскихъ отношеній“. Онъ не безъ колкости совѣтуетъ историкамъ-экономистамъ не увлекаться собственными фантазіями, а держаться строго пандектъ и надписей, „единственныхъ твердыхъ источниковъ познанія дѣйствительной римской жизни“ (см. *Hermes*, XV, 1880, p. 408). Такою одностороннею оцѣнкою вопроса онъ сузилъ его методологическую постановку и не только могъ повліять неблагоприятно на своихъ учениковъ, но также стѣснить или привести къ не-

годы талантливый историкъ-экономистъ Карлъ Бюхеръ предложилъ блестящую гипотезу всемірно-исторической схемы экономического развитія человѣчества. Любопытно и важно попытаться примѣнить его построение къ римской исторіи именно съ цѣлью открыть особенности, характеризующія ее, какъ звено въ великой цѣпи мірового хозяйственнаго процесса.

Здѣсь будетъ сдѣланъ опытъ намѣтить отличительныя черты экономического строя римской древности съ цѣлью отыскать орудіе объединенія отдѣльныхъ изслѣдованій по исторіи землевладѣнія. Нѣкоторая критическая провѣрка предлагаемыхъ въ отвѣтъ на такой вопросъ теорій окажется, можетъ быть, содѣйствіемъ при нахожденіи связующихъ нитей между явленіями, вскрываемыми монографическою работою, и другими однородными внутри той же эпохи, то-есть, въ исторіи римскаго міра, а также между ними и дальнѣйшимъ хозяйственнымъ развитіемъ культурныхъ организмовъ европейскаго запада ¹⁾).

правильнымъ результатамъ собственнаго изслѣдованія. Работы Нитча, Гильдебранда, Родбертуса, а въ послѣдніе годы Мейтцена, Бюхера, Вебера показали, какъ много можетъ освѣтить въ античномъ прошломъ современная социальная экономія и соціологическія построенія. Съ другой стороны обратность сдержанности Моммзена не дала ему возможности создать цѣльное представленіе о римской экономической эволюціи. Онъ открылъ намъ чудныя, но отрывочныя страницы изъ этой темной исторіи.

¹⁾ Авторъ хорошо сознаетъ тутъ недостатки своей „экономической школы“, какъ выше понималъ свои „филологическія“ пробѣлы. Но онъ видитъ неизбежность приступать къ дѣлу, добросовѣстно исходя изъ наличныхъ знаній и открыто идя навстрѣчу строгой, но благожелательной критикѣ.

II.

Теорія Родбертуса-Бюхера, какъ средство познанія экономическаго строя классической древности.

1.— Происхожденіе и сущность теоріи Родбертуса-Бюхера объ особенностяхъ хозяйственной эволюціи античнаго міра.

2.— Система замкнутаго домашняго хозяйства и римское экономическое развитіе по Бюхеру.

1. Вопросъ объ особенностяхъ экономическаго строя древнихъ народовъ, какъ самостоятельнаго „типа историческаго развитія“, мало затрогивался со времени замѣчательныхъ изслѣдованій Родбертуса¹⁾. Послѣднія даже были почти забыты. Поэтому появленіе въ 1893-мъ году превосходныхъ этюдовъ Карла Бюхера, вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ „Происхожденіе народнаго хозяйства“, должно было произвести сильное впечатлѣніе въ литературѣ и въ частности въ ученое міръ²⁾. Дѣйствительно, въ нихъ этотъ вопросъ возобновленъ съ выдающимся талантомъ и разрѣшается съ блестящею смѣлостью въ связи съ новымъ построеніемъ общей экономической эволюціи человѣчества.

¹⁾ Тутъ напоминаются питированныя во введеніи „*Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums*“ знаменитаго экономиста, имѣвшія капитальное значеніе въ исторіи разработки социальнаго развитія Рима. Они печатались въ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* Вруно Гильдебранда въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

²⁾ *Karl Bücher*, „Die Entstehung der Volkswirtschaft“ (Tübingen, 1898). Въ 1898 году вышло второе изданіе (Tübingen, Laupp), переработанное и дополненное новыми очерками. — Въ 1897 г., то-есть, къ сожалѣнію, до появленія втораго изданія, выпущенъ былъ русскій переводъ двухъ изъ опытовъ, заключающихся въ названной книгѣ (Происхожденіе народнаго хозяйства

Книгою Бюхера заинтересовались и экономисты, и историки; она вызвала не только рядъ рецензій и бѣглыхъ замѣтокъ, но и обстоятельныя критическія экскурсы и противоположныя построения. Въ однѣхъ изъ подобныхъ работъ выражался восторгъ по поводу подкупающей новизны и стройности предложенной теоріи, а также свѣжести методологическихъ взглядовъ, которыми авторъ будто бы обогатилъ науку; въ другихъ производились серьезныя нападенія на парадоксальность и недостаточную будто бы обоснованность его теоріи. Только сравнительно немногими съ спокойною сдержанностью и критическимъ сочувствіемъ указывали на Образованіе общественныхъ классовъ, подъ ред. С. Н. Вулгакова (въ серіи изданій М. И. Водозовой). Въ 1899 г. напечатаны на русскомъ языкѣ еще четыре очерка отсюда же (подъ ред. В. Э. Дена въ той же серіи).—Во всякомъ случаѣ сборникъ работъ автора, который раньше (хотя, по большей части, читались въ видѣ публичныхъ лекцій или докладовъ въ ученыхъ обществахъ) мало были извѣстны, произвели весьма замѣтное оживленіе въ сферѣ историко-экономическихъ изслѣдованій, вызвали чрезвычайно полезный обмѣнъ мыслей и привели отчасти уже къ очень важнымъ выводамъ. Самъ онъ въ предисловіи ко второму изданію съ удовлетвореніемъ замѣчаетъ, что о книгѣ его много говорили, и онъ радуется оказанному ей вліянію (см. стр. VI и IX).—Карлъ Бюхеръ (род. въ 1847 г.) можетъ быть названъ экономистомъ и историкомъ. Онъ учился въ Боннѣ, работая въ области филологическихъ, историческихъ и общественныхъ наукъ. Долго былъ онъ учителемъ гимназій, затѣмъ редакторомъ политическаго и экономическаго отдѣла газеты „Frankfurter Zeitung“. Съ 1881 г. начинается его профессорская дѣятельность: онъ былъ приглашенъ читать политическую экономію въ Мюнхенъ. Въ 1882-мъ г. читалъ въ Дерптѣ, въ 1883 г. перешелъ въ Баденъ, наконецъ, съ 1892 года занимаетъ кафедру политической экономіи и статистики въ Лейпцигѣ.—Время Бюхера такимъ образомъ дѣлилось между ученою работою, университетскимъ преподаваніемъ и журналистскою. Онъ не написалъ до сихъ поръ ни одного сочиненія крупнаго по размѣрамъ и по широтѣ и систематичности обработки темы. Онъ выработалъ изъ себя типъ „эссенста“. Но всѣ работы его носятъ на себѣ печать не только выдающагося таланта историка и экономиста, но и солидной эрудиціи, не говоря уже о томъ, что онѣ написаны всѣ оригинальнымъ и яркимъ, одушевленнымъ и сильнымъ языкомъ. Главныя сочиненія Бюхера представляютъ „культурно-историческія очерки на соціально-экономическія темы“ изъ первобытныхъ временъ, древности, среднихъ вѣковъ, иногда изъ современности. Кромя указанной книги для примѣра можно назвать очень интересныя его труды, какъ переработку извѣстнаго сочиненія *E. de Laveleye* — „Das Ureigentum“ (1879), затѣмъ оригинальныя изслѣдованія „Die Aufstände der unfreien Arbeiter in Rom“ (1874), „Die Frauenfrage im Mittelalter“ (1882), „Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrh.“ (1886), „Arbeit und Rythmus“ (1896) и много статей въ различныхъ научныхъ журналахъ. Авторъ участвуетъ также, какъ постоянный сотрудникъ, въ извѣстномъ изданіи *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*.

вались несомнѣнно вѣрные тезисы и цѣнные выводы его и дѣлались попытки ввести ихъ въ изложеніе научныхъ руководствъ.

Содержаніе одного изъ очерковъ, заключающихся въ поименованной книгѣ Бюхера ¹⁾, который своею темою обусловилъ заглавіе всего сочиненія и, стало быть, является въ ней главнымъ, имѣетъ прямое отношеніе къ поставленному здѣсь вопросу.—Авторъ предлагаетъ тутъ новую общую схему, которая должна воплотить полный ходъ экономической эволюціи культурныхъ обществъ, начиная отъ зарожденія сколько-нибудь постоянной соціальной связи внутри организующихся племенъ до настоящаго времени. Опредѣляя основные моменты этого великаго всемірно-историческаго процесса и характеризуя звенья огромной цѣпи сложнаго генезиса, создавшаго современный хозяйственный строй, онъ даетъ эскизъ основного типа экономического развитія древности.—Оригинальная и остроумная попытка Бюхера поучительна и какъ методъ, и какъ гипотеза. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, какое можетъ быть сдѣлано примѣненіе его теоріи для обобщенія предмета данной книги ²⁾.

Въ настоящее время удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей происходитъ въ формахъ такъ называемаго „народнаго хозяйства“ (*Volkswirtschaft*). При этомъ безчисленные единичныя, отдѣльно хозяйствующія группы, изъ которыхъ оно слагается, объединены другъ съ другомъ помощью обмѣна. Всѣ онѣ находятся въ разнообразной зависимости одна отъ другой потому, что каждое отдѣльное хозяйство беретъ на себя нѣкоторыя изъ функций, разрѣшеніе которыхъ необходимо для остальныхъ, и въ свою очередь получаетъ услуги отъ другихъ, безъ которыхъ само не можетъ обходиться. Такимъ образомъ существованіе всѣхъ поддерживается

¹⁾ Въ первомъ изданіи—перваго, во второмъ—второго.

²⁾ Здѣсь будетъ наложена сущность взгляда Бюхера съ обращеніемъ особеннаго вниманія на тѣ стороны и подробности его, которыя болѣе всего полезны для спеціальной цѣли даннаго изслѣдованія. Потому теорія его будетъ разобрана опять же примѣнительно къ интересамъ настоящаго труда и тѣхъ разисканій, которыя будутъ служить ему продолженіемъ. При выпискѣ отрывковъ изъ текста Бюхера, гдѣ его покажется удобнымъ, авторъ будетъ обращаться къ переводу С. Н. Булгакова.

только весьма широкимъ взаимодействіемъ между ними при распредѣленіи результатовъ ихъ труда. Такая хозяйственная организація является, несомнѣнно, конечнымъ пунктомъ долгаго развитія, лежащаго позади насъ; она сама, кромѣ того, подвержена измѣненіямъ, то есть, должна быть признана „культурно - историческимъ явленіемъ“. — Въ силу этого, если ставить „современное народное хозяйство“ предметомъ научнаго познанія, нужно понимать, что отличительный признакъ его и законъ, управляющій его движеніемъ, не обладаютъ абсолютною природою, то - есть, не пригодны для характеристики и объясненія экономической жизни человечества во всѣ времена и на всякомъ культурномъ уровнѣ. При такомъ взглядѣ на дѣло ясно, что для уразумѣнія сущности современнаго хозяйственнаго строя требуется не только изображать его организацію (статически) или рядомъ съ этимъ слѣдить за ходомъ дѣятельности отдѣльныхъ органовъ и ихъ общею жизнью (динамически); необходимо также спрашивать себя, откуда наблюдаемая явленія и институты происходятъ каждый самостоятельно, и какъ они сложились въ ту комбинацію, въ которой изучаются теперь (генетически)? — Первымъ вопросомъ при выполнении послѣдней научной задачи будетъ: всегда ли являлось хозяйство развивающейся національной или общественной группы, какъ теперь, дѣйствительно народнымъ (или даже мировымъ) хозяйствомъ, въ которомъ центральною силою сцѣпленія отдѣльныхъ элементовъ служитъ торговый обмѣнъ?

„Классическая политическая экономія“, основанная Адамомъ Смитомъ и Рикардо, рѣшала этотъ вопросъ утвердительно; она предполагала, что законы экономического развитія всегда дѣйствовали одинаково, что они изначала создали краеугольные камни экономического строя, которые остаются неизмѣнными до настоящихъ дней, и что, стало быть, познаніе современнаго народнаго хозяйства ведетъ къ открытію этихъ законовъ. Разъ политико-экономы англійской школы исходили изъ изученія современнаго типа хозяйства, какъ исконно-необходимаго ¹⁾, то, естественно, ихъ наука

¹⁾ См. *K. Bücher, Die Entsteh. d. Volkswirtsch. (2 Aufl.), 55.* Авторъ такъ очерчиваетъ этотъ типъ: „(При его господствѣ) каждое отдѣльное лицо (еди-

обращалась въ теорію товарнаго обращенія хозяйственныхъ благъ, приче́мъ въ это понятіе вводилось и ихъ распределе́ніе. Явленія указанныхъ категорій рисовались самыми существенными; разсматривались факты и законы раздѣленія труда, капитала, цѣны, заработной платы, земельной ренты, прибыли на капиталъ. Все ученіе о производствѣ и особенно о потребленіи отводилось на задній планъ и трактовалось небрежно и неполно. — Что касается метода, примѣнявшагося при такомъ изученіи, то это былъ методъ дедуктивный и психологически-изолирующій. — Экономическое развитіе, то-есть, народное хозяйство берется, какъ готовое данное, въ отдѣльности отъ остальныхъ формъ жизни; оно изслѣдуется, и законотѣрность его строится съ отвлеченіемъ отъ разсужденія какихъ бы то ни было осложняющихъ вліяній другихъ культурныхъ процессовъ социальныхъ, политическихъ, идейныхъ. Экономическій строй представляется правильною и свободною игрою или результатомъ всесторонняго раскрытія начала „хозяйственности“, чистаго отъ какой бы то ни было посторонней примѣси (государственнаго вмѣшательства, нравственнаго воздѣйствія и т. д.) ¹⁾.

При такой гипотезѣ и такомъ методѣ трудно было

ничній хозяинъ) производить не тѣ хозяйственныя блага, которыя необходимы ему самому, но тѣ, которыя (по его мнѣнію) нужны другимъ, дабы въ обменъ за нихъ приобрести всѣ разнообразныя вещи, нужны ему самому. Или, короче говоря, это такое состояніе, при которомъ для снабженія каждаго отдѣльнаго лица всѣмъ необходимымъ, ему требуется совмѣстная дѣятельность всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ“. Такую систему хозяйства приходится назвать мѣнною, основанною на раздѣленіи труда (*die arbeitstheilige Verkehrswirtschaft*): это и есть то, что смитовская школа называетъ народнымъ хозяйствомъ (*Volkswirtschaft*). Оно ведется обыкновенно въ рамкахъ большихъ государствъ, отдѣльные элементы населенія которыхъ находятся въ самомъ тѣсномъ экономическомъ общеніи между собою на внутреннемъ рынкѣ, а также торгуютъ съ другими на вѣшнемъ, международномъ.

¹⁾ См. К. Bücher, *Die Entsteh. d. Volkswirthsch.* (1 Aufl.), p. 6. Построемая политическою экономіею теорія и должна являться воплощеніемъ того, чѣмъ былъ бы экономическій строй, предоставленный дѣйствію однихъ экономическихъ законовъ, „если бы государство допускало свободное проявленіе общественныхъ силъ, и люди, какъ и вещи, двигались бы безъ тренія и противодѣйствія во времени и пространствѣ, не повинувъ никакой другой силѣ, кромѣ всепроникающаго принципа хозяйственности.“

ожидать отъ представителей „абстрактной“ (англо-французской) политической экономіи пониманія историческаго процесса развитія экономическихъ формъ и институтовъ. Отправляясь отъ настоящаго, какъ отъ вѣчнаго, они даже не представляли себѣ никакой исторической задачи. Имъ не приходила въ голову мысль, что была (или, по крайней мѣрѣ, могла быть) эпоха, когда совсѣмъ не существовало сложнаго обращенія и многостепеннаго обмѣна продуктовъ ¹⁾. Когда же они допускали существованіе такого состоянія хозяйства для временнаго облегченія анализа, въ видѣ вспомогательнаго методическаго приѣма, они не умѣли дѣлать это иначе, какъ прибѣгая къ неуклюжей и много осмѣянной новѣйшими экономистами фикціи „робинзонады“.

Насколько такое воззрѣніе далеко отъ пониманія истиннаго хода развитія хозяйственной культуры человѣчества, и насколько такія „раціоналистическія конструкціи“ искажаютъ картину экономическихъ отношеній первобытныхъ племенъ, это давно должны были бы обнаружить наблюденія путешественниковъ и изслѣдованія этнологовъ и историковъ. Но и на мысль послѣднихъ вліяли поработавшимъ образомъ общераспространенныя представленія. Они также невольно переносили на быть отдаленныхъ вѣковъ понятія, отвлеченныя отъ изученія современнаго мѣноваго хозяйства и пущенныя въ оборотъ политической экономіею. Только мало-по-малу углублявшееся въ прошлое изученіе хозяйственной жизни, выработавшее способность отрѣшиться отъ масштаба современности и вживаться въ своеобразіе различныхъ эпохъ, открыло, что ны-

¹⁾ Адамъ Смитъ считаетъ склонность къ обмѣну (торгу) прирожденнымъ свойствомъ человѣческой природы и называетъ раздѣленіе труда непосредственнымъ слѣдствіемъ ея. Рикардо изображаетъ дикаря-звѣролова или рыболова первобытной эпохи, какъ капиталиста-предпринимателя: онъ заставляетъ ихъ выплачивать заработную плату и получать прибыль; онъ разсматриваетъ условія повышенія и пониженія у нихъ надержекъ производства, колебанія цѣнъ и т. д. Наконецъ Тюненъ считаетъ раздѣленіе труда и торговлю совершенно необходимыми и первоначальными факторами образованія хозяйственнаго строя. Въ его „изолированномъ государствѣ“ даже жители самаго отдаленнаго отъ центра пояса государства, еще не перешедшіе къ земледѣльческому быту, занимаются скотоводствомъ для торговли съ столицей, и отъ нея получаютъ всѣ остальные нужные предметы потребленія.

нѣшнее „народное хозяйство“ есть продуктъ „многотысячелѣтней“ эволюціи.—Тутъ-то и выяснилось, что оно сложилось въ жизни народовъ Европы не раньше образованія великихъ государствъ новаго времени, что въ теченіе долгихъ вѣковъ до возникновенія настоящихъ формъ экономического строя человѣчество жило и хозяйствовало либо безъ обмѣна, либо при такихъ способахъ распредѣленія продуктовъ и услугъ, которые рѣзко отличались отъ современныхъ — „народно-хозяйственныхъ“.—Подобные выводы должны были повліять на измѣненіе теоретическихъ принциповъ политической экономіи. Для экономической науки открылся новый предметъ: изученіе хозяйственной дѣятельности человѣческаго рода въ ея историческомъ развитіи, вмѣсто исключительнаго сосредоточенія вниманія на современномъ хозяйствѣ образованныхъ націй Европы. Задача представлялась нелегкая: надобно было систематически примѣнить къ изслѣдованію всего хозяйственнаго прошлаго человѣчества тотъ же методъ „расчлененія понятій“ („der begrifflichen Zergliederung“), „психологической изоляціи“ и „дедуктивнаго умозаключенія“, какимъ блистательно пользовалось и старое направленіе въ своей сферѣ, то-есть, для изслѣдованія лишь самаго верхняго слоя соціально-экономической почвы ¹⁾. Изъ такой мало-помалу сознанный потребности возникла въ экономической наукѣ рядомъ съ классической школой и въ видахъ исправленія ея односторонностей школа историческая. Она оказала вліяніе и на историческую науку вообще, направивъ вниманіе историковъ въ сторону разъясненія хозяйственныхъ фактовъ прошедшихъ вѣковъ. Результатомъ труда первыхъ ученыхъ въ этой мало извѣданной области и появилась экономическая исторія, — отрасль знанія, совсѣмъ новая, но уже успѣвшая оказать наукѣ хорошую услугу и пріобрѣсти въ ней права гражданства.

Нелегко было и политической экономіи выработать но-

¹⁾ Бюхеръ (1 Aufl. p. 8—9). опредѣленно указываетъ, что дѣло тутъ касается именно разницы въ предметѣ, а не въ методѣ; новое направленіе не должно орудовать исключительно индуктивными приѣмами, но также и дедукціей, какъ старое, прилагая только послѣднюю къ различному матеріалу и различнымъ эпохамъ и провѣряя одни способы изслѣдованія другими.

вые принципы, и истории освоиться въ новой области. Потребовалось много подготовительныхъ работъ. Чтобы не растеряться въ матеріалѣ и не сбиться съ дороги при познаніи и воспроизведеніи хода экономическаго развитія человѣчества и опредѣленіи его закономерности, съ самаго начала оказались необходимыми, такъ сказать, „путеводныя вѣхи“. Въ качествѣ такого вспомогательнаго методологическаго средства историки-экономисты стремились установить систему хозяйственныхъ фазъ (*Wirtschaftsstufen*), черезъ которыя должно было пройти человѣчество, чтобы достигнуть современнаго состоянія своего матеріальнаго быта. Обозначая извѣстными названіями такія ступени, надобно было стараться выразить въ самыхъ терминахъ сущность движенія всемірно-историческаго процесса хозяйственной эволюціи и выдѣлить съ ихъ помощью особенности, которыя отличали каждую, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ генетическую связь каждой слѣдующей съ предыдущей. Такимъ образомъ схематизація „хозяйственныхъ фазъ“ должна символизировать постепенное осложненіе экономической дѣятельности человѣчества путемъ подчеркиванія характеристичныхъ признаковъ, послѣдовательно входившихъ въ природу экономическаго строя, результата этой дѣятельности. Взаимное отношеніе между отдѣльными степенями будетъ имѣть цѣлью показать, въ силу чего происходило самое развитіе экономической жизни, то-есть, расширеніе хозяйственнаго единенія между людьми и обществами. Та же система опредѣлительныхъ моментовъ, когда новый признакъ, выросавшій изъ истории, присоединялся къ первымъ или вытѣснялъ ихъ. Такъ установятся дѣйствительно „штангпункты“, которые будутъ показывать путь историку-экономисту. Отвлекая его отъ разсѣивающей вниманіе неопредѣленности „переходныхъ эпохъ“, подобная „генетическая классификація“ дастъ ему средство сосредоточиваться на главномъ, обнаружить передъ нимъ общія теченія экономической эволюціи человѣчества и въ концѣ концовъ поможетъ открыть постоянные законы, управляющіе ею ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Bücher* (2 Aufl.), p. 54.

Экономистами историческаго направленія предлагались уже различныя попытки схематизаціи хода экономическаго процесса въ исторіи человѣчества ¹⁾. Но онѣ страдаютъ обыкновенно одностороннимъ эмпиризмомъ и не вполне чужды предразсудковъ и заблужденій старой классической школы ²⁾. Бюхеръ выставляетъ взамѣнъ ихъ для разрѣшенія этой первой важной историко-методологической проблемы въ разсматриваемой области свою собственную теорію, построенную на общемъ и исторически выведенномъ фун-

) Такъ, напримѣръ, Фр. Листъ (*Das nationale System der politischen Oekonomie*, 1843), исходя въ своей классификаціи изъ идеи различія въ преобладающемъ направленіи производства, строитъ свою эволюціонную цѣпь изъ пяти звеньевъ. Они представляютъ послѣдовательную сѣгну періодовъ: 1) звѣроловства, 2) пастушества, 3) земледѣлія, 4) земледѣлія съ мануфактурой, 5) земледѣлія, мануфактуры и торговли. Эта система до сихъ поръ въ глазахъ многихъ отражаетъ въ себѣ истинный ходъ экономическаго развитія человѣчества. Въ переработанномъ видѣ ее принимаетъ *Gustav Schönberg, Volkswirtschaftslehre* (4 Aufl. Tübingen, 1896), I, 30 ff. Другой извѣстный экономистъ Бруно Гильдебрандъ (см. *Nationaloekonomie der Gegenwart und Zukunft*, 1848; ср. „*Jahrb. f. Nationaloek.*“ II, 1864, 1), беретъ за основаніе дѣленія различіе въ формахъ обмѣна и дѣлитъ экономическую исторію на три фазы: 1) натуральное хозяйство, 2) денежное и 3) кредитное. См. по вопросу объ „*Entwicklungsstufen der Volkswirtschaft*“ руководство *E. von Philippovich, Grundriss der politischen Oekonomie* (2 Aufl. Leipzig, 1897), I, 16—31.

²⁾ Оба приведенные образца классификаціи слабы, во-первыхъ, тѣмъ, что они разсматриваютъ вопросъ лишь съ одной стороны каждая, притомъ съ такой, которая не объединяетъ всей его внутренней природы. Во-вторыхъ, обѣ предполагаютъ обмѣнъ существующимъ съ самаго начала (если не считать дикаго состоянія человѣка), представляютъ его, какъ основное явленіе экономической жизни, и народное хозяйство, какъ постоянную форму ея. Ср. *K. Bücher, Die Entsteh. der Volkswirtschaft* (2 Aufl.), p. 55. Авторъ замѣчаетъ, что вообще представители исторической школы политической экономіи нѣрѣдко вредили себѣ въ дѣлѣ воспроизведенія хозяйственнаго быта прошедшихъ вѣковъ ошибочною постановкою метода изслѣдованія. Они бессознательно переносили понятія, выработанныя на изученіи современности въ далекое прошлое, какъ экономисты-классики; поэтому часть матеріала искажалась, другая не замѣчалась, оставалась подъ спудомъ (*Ibid.* 53). Либо наоборотъ, они поддавались слишкомъ одностороннему индуктивизму, также этимъ стѣсняя свои средства научнаго познанія (ср. *Bücher, Die Entsteh.* 1 Aufl. p. 9). Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, правильно признать, что изъ среды экономистовъ гораздо больше помощи оказали исторической наукѣ при выработкѣ приемовъ изученія хозяйственныхъ явленій такіе ученые, какъ Родбертусъ, Марксъ, Шеффле, Вагнеръ, которые работали съ тѣми же теоретическими предпосылками и по тому же методу, какъ и англійская классическая политическая экономія, но сумѣли почувствовать и понять исторію лучше, чѣмъ тѣ, которые называли себя экономистами-историками, какъ Рошеръ, Кнись и др.

даментъ, то-есть, удовлетворяющую требованію, какъ синтетическаго обобщенія, такъ и генетическаго изслѣдованія. Онъ говоритъ, что истиннымъ классификаціоннымъ принципомъ при опредѣленіи фазъ экономическаго развитія чело-вѣчества можетъ стать только такое понятіе или такая точка зрѣнія, которая будетъ носить въ себѣ очень широкую объединяющую силу. Это понятіе должно одновременно вводить въ самую глубь основныхъ явленій современнаго „народнаго“ хозяйства и связывать ихъ въ одно цѣлое, а съ другой стороны заключать въ себѣ организующій моментъ (кардинальный признакъ) экономическаго строя на всѣхъ предшествующихъ стадіяхъ экономическаго развитія народовъ и обществъ. Подходящимъ терминомъ для разрѣшенія такой историко-экономической проблемы Бюхеръ называетъ понятіе отношенія между производствомъ хозяйственныхъ благъ и ихъ потребленіемъ. Точнѣе—авторъ называетъ свое основаніе классификаціи длиною пути, который проходятъ хозяйственныя блага, чтобы, отправляясь отъ производителя, достигнуть потреби-теля ¹⁾.

Исходя изъ только что обозначеннаго „*principium divisionis*“, Бюхеръ устанавливаетъ три фазы экономической эволюціи и опредѣляетъ, какъ и когда чело-вѣчество осуществляло ихъ въ исторіи. Фазы эти слѣдующія:

1) Степень замкнутаго домашняго хозяйства (*die geschlossene Hauswirtschaft*): это чистое производство для собственнаго потребленія (*Eigenproduktion*), періодъ хозяйства безъ обмѣна (*tauschlose Wirtschaft*). Продуктъ или благо потребляется тутъ въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ производится; господствуетъ, такъ сказать, единство экономической сферы, отсутствуетъ общеніе между самостоятельно хозяйствующими и самодовлѣющими (относительно малыми) хозяйственными группами.

2) Степень городского хозяйства (*Die Stadtwirtschaft*): это—производство на заказъ будущаго потребителя (*Kunden-*

¹⁾ *Bücher* (2 Aufl.), 57: „Die Länge des Weges, welchen die Güter vom Produzenten bis zum Konsumenten zurücklegen“.

produktion), періодъ прямого обмѣна (*directer Austausch*). Блага непосредственно переходятъ изъ хозяйства, ихъ производящаго, въ то, которое ихъ потребить. Здѣсь происходитъ раздвоеніе экономической сферы съ взаимодействіемъ между обѣими.

3) Ступень народнаго хозяйства (*die Volkswirtschaft*): это—производство товаровъ для рынка (*Warenproduktion*), періодъ сложнаго (торговаго) обращенія благъ (*Güterumlauf*). Въ общемъ правилѣ здѣсь богатства или образующіеся продукты передаются черезъ цѣлый рядъ хозяйственныхъ группъ раньше, чѣмъ приобрѣтаютъ законченный видъ и доходятъ до потребителя. Такъ получается множественность переплетающихся между собою и сотрудничающихъ экономическихъ сферъ ¹⁾.

Итакъ, по системѣ Бюхера—длина пути, который пробѣгаютъ хозяйственныя блага отъ исходнаго момента своего образованія (производства) до конечнаго (потребленія), послѣдовательно увеличивается по мѣрѣ движенія впередъ экономического быта. При этомъ осложняется самый характеръ движенія, приобрѣтая бѣольшую извилистость, распространяясь на большее пространство и захватывая большее число составныхъ элементовъ. Къ такой картинѣ приводится

¹⁾ Слѣдуетъ обратить вниманіе, представляя классификацію фазъ экономической эволюціи у Бюхера, что онъ полагаетъ первую изъ нихъ поверхъ такъ называемаго первобытнаго состоянія, которое захватывало навѣрно много тысячелѣтій самыхъ древнихъ судебъ человѣчества. См. блестящій этюдъ автора—*„Der wirtschaftliche Urzustand“*, помѣщенный въ той же книгѣ. Бюхеръ изображаетъ своего „первобытнаго человѣка“ (дикаря, варвара), какъ существо необщественное и нехозяйственное, какъ „бродячую одиночку“, только временно сходящуюся съ женщиною-самкою для совершенія акта воспроизведенія, а не для постоянного семейнаго сожительства. Онъ утверждаетъ, что человѣкъ на такой „до-исторической“ (и „до-экономической“) фазѣ своего развитія не трудится, т.-е., неспособенъ къ планообразной дѣятельности для приобрѣтенія благъ, а только инстинктивно и случайно „ищетъ пропитанія“. Въ виду только что указанныхъ господствующихъ особенностей авторъ называетъ долгіе вѣка первобытной исторіи—*„die vorwirtschaftliche Periode der individuellen Nahrungssuche“*. Только медленно, силою ума научается дикарь труду и открываетъ полезность общественности, и тутъ въ хозяйственной области онъ вырабатываетъ прежде всего замкнутый домашній строй. Работа Бюхера, оригинальная и остроумная, наводитъ на очень важныя размышленія. Ее слѣдовало бы обстоятельно продумать историкамъ, склоннымъ къ материалистической концепціи.

авторомъ ходъ и сущность хозяйственнаго развитія человѣчества. Прилагая свою схему экономическихъ фазъ къ теченію всемірной исторіи, Бюхеръ относитъ къ области первой всю такъ называемую исторію древняго міра и значительную часть средневѣковой, приблизительно до конца перваго тысячелѣтія христіанской эры. Вторую онъ располагаетъ между эпохою усиленія и освобожденія въ Европѣ городовъ (XI—XII вв.) до объединенія европейскихъ народовъ въ формахъ большихъ національныхъ государствъ (XVI—XVII вв.), когда начинается третья ¹⁾.

Вглядываясь сначала въ общій характеръ концепціи Бюхера, необходимо отдать полную дань блестящей оригинальности, съ которою она построена и проведена. Нельзя не признать въ ней, рядомъ со смѣлостью и остроуміемъ, замѣчательной глубины и рѣдкой силы обобщенія, способствующей яркому обнаруженію связи между далеко отстоящими другъ отъ друга явленіями. Прежде всего надо сказать, что выработанная имъ система дѣйствительно охватываетъ весь процессъ экономической жизни и дѣятельности отъ первоначальнаго его акта—производства, вызваннаго потребностью, до заключительнаго—потребленія созданныхъ благъ, совершающагося послѣ ихъ распредѣленія и утоляющаго потребностъ. Затѣмъ она же объединяетъ въ этихъ широко раздвинутыхъ, но крѣпко сплоченныхъ рамкахъ всѣ основныя экономическія явленія, которыя развиваются между указанными предѣльными пунктами. Выбравъ органомъ связи для этихъ рамокъ признакъ, взятый изъ понятія обмѣна, Бюхеръ открылъ терминъ, обладающій удивительною притягивающею и систематизирующею способностью: онъ превосходно группируетъ всѣ явленія экономической жизни ²⁾. Причемъ

¹⁾ См. *Bücher* (2 Aufl), p. 57—58, et pass.

²⁾ Около него централизуются и съ нимъ связываются не только основныя понятія, входящія въ его наименованіе, то-есть, производство, обмѣнъ, потребленіе. Въ системѣ удобно классифицируются такіе факты, явленія или факторы экономической жизни, какъ капиталъ и его разновидности, трудъ и его организація, имущество, доходъ, заработная плата, деньги, кредитъ, всѣ вообще первостепенныя и второстепенныя экономическія категоріи. Въ частности можно замѣтить, что исторической системѣ формъ хозяйства, установленной Бюхе-

измѣненія въ немъ самомъ; какъ историческомъ явленіи, вытекающія изъ измѣненія въ формахъ и характерѣ общекитія между людьми, дѣйствительно оказываются причиною постепенной перестройки комбинаціи хозяйственныхъ процессовъ и институтовъ. Слѣдовательно, поставленный въ основу классификаціи терминъ обладаетъ, несомнѣнно, живымъ и широкимъ „историзмомъ“¹⁾.—Кромѣ того большое и новое достоинство теоріи Бюхера выражается въ томъ, что она объединяетъ экономическую эволюцію съ политическимъ развитіемъ общества. „Домъ“, „городъ“, „нація-государство“ являются носителями опредѣленныхъ формъ хозяйственной жизни. Это политическія оболочки, которыя покрываютъ означенныя экономическія организаци. И нужно прибавить, что образованіе ихъ рисуется не только, какъ воплощеніе (кристаллизаци) перемѣны, совершившейся въ экономической области, но, въ извѣстной стѣпени, и какъ самостоятельная сила, подготовляющая сама по себѣ переходъ къ ней. Далѣе еще необходимо отмѣтить, что бюхеровская теорія разсматриваетъ и разъясняетъ вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ формъ измѣненія въ организаци, положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ общества.—Наконецъ бюхеровскою періодизациею впервые въ данной области осуществлена настоящимъ образомъ генетическая точка зрѣнія, такъ какъ здѣсь не только преслѣдуется задача описать преемственныя перерожденія хозяйственнаго строя, но ставится вопросъ объ изученіи ихъ причинъ.

Таковы общіе признаки и характеристическія особенности, которыя уже при первоначальной оцѣнкѣ теоріи Бюхера побуждаютъ признать ее важнымъ шагомъ впередъ въ раз-

ромъ, соответствуетъ внутренно необходимая и также исторически развивавшаяся система формъ промышленности. Ср. эту же *K. Bücher, Die gewerblichen Betriebsystemen in ihrer geschichtlichen Entwicklung* (въ той же книгѣ автора).

¹⁾ Явленія, связанныя съ экономической жизнью и экономическимъ общеніемъ представляются здѣсь постепенно и не всѣ сразу возникающими внутри первой фазы, остающимися затѣмъ часто слитыми вмѣстѣ во второй и только въ третьей раскрывающимися въ полной мѣрѣ и вступающими въ стройную гармонию между собой (народное хозяйство).

²⁾ См. восьмой эту же въ книгѣ „Die Entstehung der Volkswirtschaft“, озаглавленный „Arbeitsgliederung und Klassenbildung“.

работкѣ методовъ, содѣйствующихъ и историческимъ изслѣдованіямъ. Имъ если не найдена, то впервые подробно развита идея, которая дѣйствительно можетъ показать, каковы источники экономическаго развитія и путь, по которому оно направляется. Въ ея же свѣтѣ облегчается истолкованіе силъ, которыя двигаютъ это развитіе, и дается объединенное изображеніе его результатовъ, то-есть, современнаго хозяйства культурныхъ націй, государствъ или обществъ. Несомнѣнно, онъ въ своемъ построеніи стоитъ на плечахъ нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ¹⁾. Особенно многимъ обязанъ онъ Родбертусу, который первый выдвинулъ форму замкнутаго домашняго хозяйства (*Oikewirtschaft*), какъ одну изъ первыхъ фазъ экономическаго развитія общества въ древнія времена. Онъ же и разработалъ ее обстоятельно и ярко на примѣрѣ изученія экономическаго строя античныхъ народовъ, преимущественно римлянъ²⁾. Но понятіе о двухъ слѣдующихъ фазахъ и искусное генетическое объединеніе ихъ принципомъ „длины пути“ принадлежитъ Бюхеру, и это большая и серьезная заслуга³⁾. Понимая такимъ образомъ главныя достоинства эволюціонной схемы Бюхера, историкъ тѣмъ не менѣе долженъ отдать себѣ отчетъ, нѣтъ ли въ ней по существу какихъ-нибудь односторонностей: а затѣмъ ему слѣдуетъ внимательно провѣрить способъ ея примѣненія къ группировкѣ историческаго матеріала.

Признавая, что Бюхеру принадлежитъ лучшая и сама по себѣ очень замѣчательная попытка построить формулу всемірно-экономическаго развитія, историкъ не можетъ не

¹⁾ Отчасти можно сопоставить бюхеровскія фазы съ гильдебрандовыми и предположить, что послѣдній навелъ перваго на его конструкцію. Но теорія Бюхера несравненно полнѣе и законченнѣе. Онъ нашелъ лучшій принципъ и болѣе характерныя и сильныя эволюціонныя признаки, и онъ гораздо совершеннѣе воспроизводитъ сущность и сложность историческаго процесса въ экономической области, чѣмъ Гильдебрандъ.

²⁾ Въ краткой схемѣ Родбертусъ начертилъ сущность своего взгляда во введеніи къ своему изслѣдованію о податномъ устройствѣ римской имперіи (см. *Jahrbücher für Nationalökonomie und Stat.* IV, 1865, 341), и теорія съ большимъ блескомъ и остроуміемъ проведена черезъ изображеніе этого вопроса.

³⁾ У Родбертуса есть только намекъ на слѣдующія фазы, не устанавливающей генетической нити. См. *Ibid.* p. 354.

убѣдиться при детальномъ анализѣ ея, что авторъ увлекается красотой изобрѣтенной имъ дѣйствительно очень цѣльной и стройной теоріи. Онъ слишкомъ рѣзко налагаетъ свои дѣленія на всеобщую исторію и представляетъ хозяйственную эволюцію человѣчества слишкомъ просто. Она совершается у него черезчуръ прямо и однообразно и черезчуръ медленно, потому что характеризуется недостаточнымъ числомъ существенныхъ признаковъ. Главный терминъ, поставленный у него въ основу гипотезы, несомнѣнно, проводитъ очень глубокою линію общаго развитія. Но необходимо ввести въ систему нѣсколько дополнительныхъ ступеней, которыя отгѣняли бы колебанія этого развитія, его остановки и уклоненія, связывали бы другъ съ другомъ три всеобъемлющія фазы путемъ построенія ряда промежуточныхъ, не только слѣдующихъ одинъ за другимъ, но часто и сосуществующихъ посредствующихъ типовъ ¹⁾. Такого рода слишкомъ отвлеченное и простое, до крайности общее изображеніе очень сложнаго и необыкновенно извилистаго процесса исторіи можетъ мертвить его, какъ бы искусственно останавливая его движеніе или представляя совершающіяся въ немъ перемѣны, какъ рѣзкіе скачки ²⁾.

Здѣсь не выставляются требованія во что бы то ни стало

¹⁾ Авторъ, правда, самъ говоритъ, что въ интересахъ разрѣшенія общаго вопроса онъ отвлекается отъ затемняющаго его представленія о „переходныхъ періодахъ“ (см. *Die Entsteh. d. Volkswirtschaft*, 2 Aufl. S. 54, 58). Но ихъ надобно имѣть въ виду, чтобы классификація могла стать выдержанною и удобопримѣнимою, чтобы возможно было дѣйствительно, понимая основныя фазы въ ихъ „типической чистотѣ“, замѣчать и объяснять „предвѣстники“ новой внутри старой и „переживанія“ предшествующей послѣ наступленія слѣдующей, а также не изумляться передъ „гибридными“ образованіями.

²⁾ Бюхеръ пытается во второмъ изданіи (см. предисл. стр. X), освободиться отъ нападокъ критиковъ-историковъ возраженіемъ, что „in diesem Buche Wirtschaftstheorie und nicht Wirtschaftsgeschichte getrieben wird“. Но этого недостаточно. Онъ вырабатываетъ періодизацію экономической исторіи, и послѣдняя должна удобно примѣняться къ дѣленію историческаго процесса въ этой области и къ характеристикѣ каждаго отдѣла не только теоретически яркими, но и исторически достоверными чертами. Авторъ, думается, говоритъ противъ себя, когда замѣчаетъ: „Uebrigens ist es für meine Entwicklungstheorie völlig gleichgiltig, ob ich die Wirtschaft der Griechen und Römer in jeder Einzelheit richtig charakterisiert habe oder nicht, und ob das Zunfthandwerk des Mittelalters mehr Lohnwerk oder mehr Preiswerk gewesen ist“ (*Ibid*).

дробить классификацію, устанавлювая непременно скалу съ большимъ количествомъ градусовъ (ступеней). Но нельзя не замѣтить, что надобно при посредствѣ вспомогательныхъ терминовъ сдѣлать ее живою и гибкою. Тогда теорія, не теряя своихъ природныхъ сильныхъ свойствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно будетъ въ состояніи обнимать собою весь реальный потокъ исторіи; не только начертывать его общій путь, но воспринимать и отпечатывать его изгибы и развѣтвленія. — Однако можно думать, что указываемые недостатки болѣе кажушіяся, чѣмъ дѣйствительныя, вытекаютъ скорѣе изъ эскизнаго характера работы Бюхера, чѣмъ изъ существеннаго упущенія при выработкѣ самой схемы. Во всякомъ случаѣ только потому могъ онъ вызвать упрекъ въ изображеніи всемірно-экономической эволюціи, какъ прямой линіи неуклоннаго прогресса по предначертанному и имъ открытому плану, ¹⁾ что не позаботился подтвердить своихъ взглядовъ систематически проведенными историческими аргументами. Авторъ самъ протестуетъ противъ такого непониманія его воззрѣнія ²⁾. И въ самомъ дѣлѣ обвиненіе несправедливо. Въ схемѣ Бюхера чувствуется подвижность, и онъ доказалъ бы лучше ея „историзмъ“, еслибы подарилъ наукѣ болѣе аналитическія изслѣдованія по экономической исторіи. Попытаться убѣдиться въ этомъ можно, вдумавшись въ подробности системы, дѣлая изъ нея всѣ возможные теоретическіе выводы, а затѣмъ давая ей очную ставку съ сохраняющимися фактами экономического развитія челоуѣчества, относящимися къ различнымъ періодамъ его исторіи. — Ниже будутъ сгруппированы замѣчанія въ этомъ смыслѣ, касающіяся хозяйственнаго строя римскаго міра. Такъ какъ Бюхеръ вводитъ всю исторію Рима въ сферу

¹⁾ См. *Ed. Meyer*, *Die wirthschaftliche Entwicklung des Altertums*, p. 5—6. Cfr. *Id.* *Die Sklaverei im Altert.* p. 23—24.

²⁾ Во второмъ изданіи своей книги онъ помѣстилъ (см. стр. 64—66) очень раздраженное примѣчаніе на такое искаженіе его словъ и навязываніе ему не принадлежащихъ ему мыслей.

³⁾ Онъ самъ признаетъ существованіе уклоненій, задержекъ, осложненій, смѣшанныхъ образованій, переживаній, переходныхъ формъ и т. д. См. *Die Entsteh. d. Volkswirtschaft*, p. 54, 58. Ср. *K. Bücher*, „*Die Aufstände der unfreien Arbeiter*“, p. 3—4.

своей первой фазы, то полезно тутъ однако нѣсколько полнѣе разъяснить сначала, въ какихъ краскахъ онъ ее изображаетъ. При этомъ еще лучше обнаружится, насколько этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ главнымъ предметомъ настоящей книги ¹⁾.

2. Какъ говорено выше, картина замкнутаго домашняго хозяйства нарисована была впервые Родбертусомъ и въ послѣднее время мастерски переработана Бюхеромъ. Въ нижеслѣдующемъ изложеніи преимущественно у послѣдняго будутъ заимствованы болѣе законченный контуръ и болѣе свѣжія краски ²⁾.

На первоначальной ступени развитія общества носителемъ хозяйственной жизни—независимо отъ того, въ какихъ фор-

¹⁾ Эволюціонная схема Бюхера, несомнѣнно, привлекла къ себѣ большое вниманіе ученыхъ и оказала большое вліяніе на разработку вопроса о ступеняхъ или фазахъ всемірно-экономическаго развитія человѣчества. См. прекрасную оцѣнку его научной заслуги въ рецензіи Ст. Бауера на книгу Бюхера въ *Zeitschr. f. Social- und Wirthschaftsgesch.* IV (1896), p. 152. Система его подвергалась измѣненіямъ, но многія основныя черты ея, можно сказать, теоретически приняты наукою. См. *E. Philippovich*, „Grundriss der politischen Oekonomie (2 Aufl.)“, p. 20 ff. Ср. *Schmoller* въ „Jahrbuch der Gesetzgeb. Verw. u. Volksw. 1893, S. 1269. Особенно установилось признаніе „періода замкнутаго домашняго хозяйства“. Возражаютъ по данному частному пункту преимущественно противъ того, можно ли ввести въ кругъ этого понятія всѣ тѣ историческія эпохи, какія вводятся авторомъ. См. *Pöhlmann*, *Aus Altertum und Gegenwart* (1895), p. 186; *E. Meyer*, *Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums* (1895), p. 15 etc. Проф. *М. М. Ковалевскій* (Развитіе народнаго хозяйства въ западной Европѣ, СПб., 1899, стр. 14, сл.), впрочемъ, высказывается вообще противъ теоріи Бюхера. Однако, повидному, онъ вооружается скорѣе противъ ея терминологіи, чѣмъ противъ сущности, такъ какъ самъ устанавливаетъ классификацію, подобную предложенной Филипповичемъ и прямо Бюхеру не противорѣчающую.

²⁾ См. выше поименованный очеркъ въ книгѣ Бюхера—*Die Entstehung der Volkswirtschaft* (2 Aufl. 1897), p. 58—86. Ср. его же „Die Aufstände der unfreien Arbeiter“ (1874), p. 12—14, и изслѣдованіе Родбертуса въ *Jahrbücher für Nationaloek. und Statist.* IV (1865), p. 341—356 (общее изложеніе теоріи); также *Ibid.* II (1864), p. 266—268. У послѣдняго писателя ойкосная теорія связывалась съ особою философіею исторіи. См. въ *Allgemeine deutsche Biographie* статью о Родбертусѣ съ указаніемъ литературы о немъ. См. еще сжатую формулировку „der geschlossenen Hauswirthschaft“ у *Philippovich*, *Polit. Oek.* p. 21—24.

махъ слагается государственное объединение — является небольшая, такъ сказать, „частно-хозяйственная“ молекула, то есть, именно домъ (семья или родъ). Весь кругъ хозяйственного процесса отъ производства до потребления совершается внутри его замкнутыхъ рамокъ: въ ихъ предѣлахъ видъ, направление и размѣры производства опредѣляются объемомъ потребностей членовъ домашней группы ¹⁾. Взаимодѣйствія между подобнаго рода группами въ хозяйственной области нѣтъ: онѣ самодовлѣютъ. Обмѣнъ первоначально совершенно неизвѣстенъ, такъ какъ онъ не нуженъ ²⁾. Продуктъ труда въ силу этого, являясь необходимымъ предметомъ потребления производителя, чувствовался какъ бы частью его самого; поэтому отчужденіе казалось ему какъ бы вырѣзаніемъ куска его собственнаго тѣла, какъ бы отдачею себя подъ власть злыхъ силъ ³⁾.

Существованіе автономнаго замкнутаго хозяйства тѣсно связано съ землею, надъ которой или на которой оно орудуетъ. Кто бы онъ ни былъ—человѣкъ, живущій въ такихъ формахъ быта, „захватываетъ ли онъ, какъ звѣроловъ или

¹⁾ См. у Бюхера (стр. 59) начертанную картину домашняго хозяйства: „Весь процессъ производства каждаго продукта съ момента добыванія сырого матеріала вплоть до момента, когда онъ окончательно созрѣваетъ для потребления, протекаетъ въ предѣлахъ одного и того же хозяйства. Онъ вступаетъ въ область потребления безъ всякихъ посредствующихъ ступеней. Производство и потребление благъ (*Güterzeugung und Güterverbrauch*) сливаются воедино. Они образуютъ одинъ непрерывный и нераздѣлимый потокъ, и потому невозможно также расчленивъ хозяйственную дѣятельность для накопленія (*Erwerbswirthschaft*) и потребительное домоводство (*Haushalt*). Доходъ каждой сообща хозяйствующей группы людей совпадаетъ съ продуктомъ ея труда, а послѣдній въ свою очередь непосредственно входитъ въ потребление группы и составляетъ съ нимъ одно цѣлое“.

²⁾ Склонность къ обмѣну совершенно неправильно считаютъ свойствомъ первобытнаго и вообще древняго человѣка. Наоборотъ, онъ даже противенъ послѣднему: „Tauschen und täuschen ist in der älteren Sprache eins“ (обмѣнъ есть обманъ). См. *Bücher*, 59. Тогда не существовало определенной, всеми признанной „мѣры цѣнности“ предметовъ; каждый опасался „быть обмѣреннымъ“ и потому избѣгалъ мѣны.

³⁾ Такова психологическая сторона изображаемыхъ порядковъ. Подобнаго рода ощущение и побуждало обставлятъ обмѣнъ, когда онъ оказывался необходимымъ, цѣлою системою формальныхъ юридическихъ актовъ сакраментальнаго характера, направленныхъ къ охраненію продающаго или покупающаго отъ всякаго обмана. Мы наблюдаемъ явленіе и въ римской древности, и въ средніе вѣка.

рыболовъ свободно предлагаемые природою дары, странствуетъ ли онъ, какъ кочевникъ, со своими стадами, добывая для нихъ кормъ изъ степей, луговъ и лѣсовъ, воздѣлываетъ ли онъ поле“, — всегда „работа“ его и „забота“ (а также благосостояніе) предопредѣляются „клочкомъ“ земли, который онъ себѣ присвоилъ. И чѣмъ больше человѣкъ прогрессируетъ въ предусмотрительности и технической ловкости, чѣмъ планомѣрнѣе и обильнѣе обеспечивается удовлетвореніе его потребностей, тѣмъ сильнѣе становится такая власть земли надъ человѣкомъ. Только тотъ можетъ тогда вести самостоятельное хозяйство, кто по собственному праву владѣетъ землею. Не пристроившійся къ землѣ можетъ поддерживать свое существованіе лишь превратившись въ слугу землевладельца.

Члены описываемаго хозяйственнаго соединенія („die Hausgenossen“) не могутъ ограничиться извлеченіемъ изъ земли доставляемыхъ ею благъ. Они принуждены собственноручно изготовлять всѣ необходимыя для труда орудія и утварь. Имъ же самимъ приходится обрабатывать сырье, чтобы придавать ему формы, удобныя для потребленія въ видѣ пищи, одежды, жилища, обстановки... Подобныя условія жизни требовали отъ всего союза высокой трудовой способности, которая могла бы осуществляться въ большой массѣ постоянной работы. Въ каждомъ же отдѣльномъ его членѣ они вызвали необходимость выработки такихъ разнообразныхъ техническихъ умѣній, какія мы врядъ ли можемъ себѣ представить соединенными въ одномъ культурномъ человѣкѣ новаго времени.—Чтобы понять, какъ оказывалось возможнымъ замкнуто живущей и отдѣльно хозяйствующей домашней группѣ достигать удовлетворенія всѣхъ ея потребностей, силами лишь ея членовъ, надо правильно рисовать себѣ ея составъ. Это не была семья современнаго типа, то-есть, брачная чета съ дѣтьми и немногими слугами и съ болѣе или менѣе независимымъ существованіемъ отдѣльныхъ ея элементовъ. Такой типъ союза не далъ бы средствъ, достаточныхъ для обеспечения нуждъ группы, и формъ, удовлетворяющихъ соответствующей быту организациі труда. Семья, являвшаяся субъектомъ замкнутаго домашняго хозяйства первобытнаго времени,

была большим родовым комплексом. Она составлялась из людей, принадлежавших къ нѣсколькимъ поколѣніямъ, связанныхъ между собою общностью крови, подчинявшихся единому владыкѣ—отцу ¹⁾, владѣвшихъ общимъ имуществомъ (недвижимымъ и движимымъ), объединенныхъ общими хозяйственными интересами. Послѣдніе удовлетворялись коллективнымъ трудомъ людей, образующихъ и одну правовую ассоціацію взаимной защиты ²⁾.—Соціальное тѣло, обладающее такимъ многочисленнымъ личнымъ составомъ, и держащее отдѣльныхъ индивидуумовъ въ такой крѣпкой зависимости отъ цѣлаго, даетъ возможность ослаблять необходимость того неудобнаго для трудового совершенствованія „на всѣ руки мастерства“ ³⁾, о которомъ говорено выше, какъ объ отличительной особенности изображаемой ступени экономического развитія. Внутри крупнаго родового союза могло возникнуть подъ руководствомъ домашней власти первоначальное, но далеко идущее раздѣленіе труда между его членами. „Мужчинамъ и женщинамъ, матерямъ и дѣтямъ, отцамъ и дѣдамъ въ каждой группѣ отводится особая функція въ производствѣ и домоводствѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчаются лица, обладающія особыми склонностями или искусствомъ, ихъ специальныя свойства находятъ приложение въ дѣятельности, направленной на пользу рода и въ предѣлахъ его нуждъ“ ⁴⁾. — Итакъ, „домашнее хозяйство“

¹⁾ Фигурація могла быть первоначально материнскою, но отеческая (патріархальная) обуславливала особенно прочную санкцію связи, особенно живучую „форму правленія“.

²⁾ Личность, входящая въ нее, безусловно подчинена ей: но она не можетъ жить внѣ ея, такъ какъ только въ ней—защита и безопасность. Оторвавшись отъ „дома“, личность „вольна, какъ птица“, но, какъ послѣдняя, также безпомощна. Она лишается „правового“ и „экономическаго“ существованія, помощи въ нуждѣ, мести въ случаѣ оскорбленія, погребенія послѣ смерти. Ср. *K. Bücher*, p. 61—62.

³⁾ Бюхеръ (стр. 60) называетъ это: „Die Vielseitigkeit des Könnens und Verstehens“.

⁴⁾ См. *K. Bücher*, p. 42. Тутъ же ниже авторъ продолжаетъ: „Чувство братской любви, дѣтскаго благоговѣнія, почтенія къ старости, субординаціи и дисциплины достигаетъ въ подобной общинѣ превосходнаго развитія. Какъ родъ платитъ виру за каждаго члена и мститъ за нанесенную ему обиду, такъ и этотъ въ свою очередь посвящаетъ роду всю свою жизнь и отказывается въ угоду ему отъ всякой самостоятельности“.

обладаетъ способностью организовать необходимыя для него соединеніе и раздѣленіе труда и создать также обязательную для продолженія жизни группы социальную дисциплину.

Родовыя организаціи, изображаемая Бюхеромъ, уже встрѣчаются у звѣроловныхъ и пастушескихъ племенъ. Когда послѣднія переходятъ къ земледѣлію, то описанныя отдѣльно хозяйствующія родовыя группы осѣдаются въ постоянныхъ мѣстахъ жительства. Онѣ устраиваютъ, по мѣрѣ надобности, то-есть, смотря по численности союза, общій домъ (дворъ) или деревню. Подобнаго рода крупныя патріархально-общинныя домашніе союзы (*Sippen, Gentes*, кланы, семейныя общины) могутъ сохраняться очень долго, продолжая составлять одно социальное цѣлое, сообща владѣющее извѣстною территоріею, и оставаясь въ хозяйственномъ отношеніи замкнутыми и самодовлѣющими ¹⁾. Но мало-по-малу инстинкты всеобщей родовой или общинной солидарности начинаютъ ослабѣвать въ индивидуумахъ. Цѣлое распадается на части, и конечнымъ результатомъ такой постепенной дифференціаціи является обособленіе простыхъ единичныхъ семей (*gentes* дробятся на *familiae*); причѣмъ послѣднія, сосредоточившись въ особомъ домѣ, стремятся воспроизвести въ своихъ рамкахъ такія же автономныя частныя хозяйства на

¹⁾ См. о нихъ у *Fustel de Coulanges*, *La cité antique* (р. 1864); *E. de Laveleye*, *La propriété primitive* (4 éd. 1884); *E. Grosse*, *Die Formen der Familie und die Formen der Wirthschaft* (1897). Бюхеръ (стр. 62) сравниваетъ съ подобными клановыми (родовыми) замкнутыми союзами различныя общинныя формы быта, до сихъ поръ наблюдающіяся у южныхъ славянъ (задруги), у русскихъ (большія семьи), кавказскихъ народцевъ и племень Индіи. Члены этихъ общинъ сотрудничаютъ только между собой, но самодовлѣютъ и очень мало соприкасаются съ вѣшнимъ міромъ. Это любопытные факты переживанія „хозяйства безъ обмѣна“ въ вѣкъ самаго широкаго господства „раздѣленія труда и торговаго обращенія благъ“. Какъ видно изъ настоящаго изложенія, Бюхеръ, изображая ходъ экономическаго развитія внутри своей „замкнутой фазы“, обнаруживаетъ въ немъ переходъ отъ общинныхъ къ частно-хозяйственнымъ формамъ; такимъ образомъ можно думать, что онъ не заслужилъ упрека, который дѣлаетъ ему проф. М. М. Ковалевскій („Развитіе народнаго хоз. въ Зап. Евр.“, стр. 18), будто онъ, выработывая свою классификацію, просмотрѣлъ „хозяйство племени-рода и сельской общины“.

присвоенной ими въ отдѣльную собственность почвъ, какія объединяли раньше цѣлые роды ¹⁾).

Однако при разрозненности, господствовавшей на этой первой ступени экономической эволюціи, отпаденіе семьи отъ болѣе крупнаго родового или общиннаго соединенія легко могло приводить къ ослабленію хозяйственной упругости, выносливости и работоспособности такой болѣе ограниченной домашней группы. Подобная опасность не только препятствовала дальнѣйшему прогрессу культуры, но даже грозила возвратомъ варварства. Такимъ образомъ вслѣдъ за указанной дифференціаціей должны были выработываться инстинктомъ соціального самосохраненія и сознательною мыслью, работавшею надъ этою потребностью, соответствующіе коррективы. Для внѣшней безопасности служило государство, уже объединившее въ большинствѣ случаевъ извѣстную совокупность родовыхъ союзовъ, изъ которыхъ выдѣлялись семейные. Для борьбы съ экономическимъ ослабленіемъ выработывались новыя формы сотрудничества между обособившимися единицами, или внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ обнаруживался своеобразный ростъ.

По первому пути, впрочемъ, успѣхи шли довольно медленно. Долгое время дѣло ограничивалось здѣсь временными соединеніями труда нѣсколькихъ вышедшихъ изъ одного рода или жившихъ по сосѣдству семейныхъ хозяйствъ при выполненіи нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ, особенно трудныхъ работъ ²⁾. Это было нѣчто въ родѣ „спорадической артельной кооперации“ мелкихъ хозяйственныхъ группъ, сохраняющихъ самодовлѣніе: это только обмѣнъ услугъ, но не обмѣнъ продукта. Въ общемъ правилѣ подобные акты взаимопомощи не выводятъ хозяйствъ изъ сферы ихъ замкнутой автономіи, не

¹⁾ Такимъ образомъ единица хозяйствованія уменьшается; кругъ общенія суживается, индивидуализируется; но формы его не измѣняются.

²⁾ Бюхеръ указываетъ примѣры такихъ работъ, требующихъ коопераціи „семейныхъ домохозяйствъ“: постройка селенія, рубка лѣса, выкорчевываніе пней, дальняя охота, страдныя работы года и т. д. Иногда (хотя очень рѣдко) проявлялись слабѣе зародыши совмѣстнаго выполненія простѣйшихъ, общихъ для всѣхъ предпріятій, такъ, напримѣръ, охрана общими пастухами стадъ нѣсколькихъ „Hausgenossenschaften“, соединенныхъ въ одно. См. *Bücher*, p. 53.

служать стимулами, которые вызывали бы непременно опредѣленную новую эволюцію. — Другой способъ, хотя болѣе дѣйствительный для обезпеченія благосостоянія „дома“, оказался зато по силамъ далеко не всѣмъ. Наиболѣе способные и активные домашніе союзы пытались увеличить свою трудовую силу притягиваніемъ въ него чужихъ (не кровныхъ) элементовъ въ качествѣ зависимыхъ рабочихъ людей—кліентовъ, рабовъ ¹⁾). Средство это дѣйствительно поднимало ихъ иногда до весьма значительной высоты экономического процвѣтанія и социальной силы.

Такъ возникли въ частности на почвѣ классической Греціи и Рима, которые въ своей экономической эволюціи прошли черезъ только что очерченную фазу замкнутого родового быта,—крупные магнатскіе дома. Это и есть тотъ типъ частно-хозяйственной организаци, который составляетъ вѣнецъ развитія внутри описанной первой бюхеровской ступени, и который, собственно, и называется у Родбертуса *ойкоснымъ хозяйствомъ* ²⁾). Мы видимъ тутъ богатаго господина, частнаго собственника (*pater familias*), который стоитъ во главѣ часто громаднаго дома (*οἶκος*), находящагося подъ его властью (*patria potestas*) и составленнаго изъ его семьи, домочадцевъ, кліентовъ и рабовъ (*familia, οἰκέται*). Большой (успѣшно дифференцировавшийся и крѣпко выросшій) „ойкосъ“, имѣющій въ своемъ распоряженіи многочисленную рабскую силу, является на извѣстной ступени культуры почти несокрушимою организациею. Она обладаетъ сама въ себѣ полнымъ законченнымъ хозяйственнымъ механизмомъ, ко-

¹⁾ Война, производившаяся государствомъ, которое составилось изъ соединенія такихъ семейныхъ союзовъ, образовавшихся изъ размножившихся родовъ, доставляла имъ этотъ источникъ укрѣпленія. Неудачи въ хозяйственной дѣятельности многихъ такихъ группъ также обогащали зависимыми людьми ихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей.

²⁾ См. *Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des klassischen Alterthums*, въ „*Jahrb. für Nationaloek.*“ IV (1865), 343-und passim.— „*Oikenwirtschaft*“ происходитъ отъ *οἶκος*— домъ, который являлся единцемъ хозяйственнаго устройства и находился подъ главенствомъ отца семьи— субъекта хозяйствованія. Бюхеръ прямо заявляетъ (стр. 65), что онъ только развиваетъ взглядъ, высказанный знаменитымъ экономистомъ. Но онъ нарисовалъ синтетическую картину, которая дѣйна сама по себѣ.

торый позволяет ей оказывать успешное противодѣйствіе давленію извнѣ и до конца удовлетворять своимъ потребностямъ, даже при очень повысившемся уровнѣ цивилизации, сохраняя экономическое самодовлѣніе. Бюхеръ даетъ мастерское сжатое описаніе такой крупной автономной барской хозяйственной единицы. „Большой рабовладѣльческій домъ“ долженъ быть названъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій преимущественно римской исторіи. Оттого-то онъ особенно интересенъ въ настоящей связи. Тѣмъ не менѣе нѣтъ надобности подробно изображать его здѣсь: образъ его въ общемъ извѣстенъ, и красивый эскизъ Бюхера только прекрасно напоминаетъ его ¹⁾.

Полезно однако выдвинуть спеціально для данной цѣли нѣсколько подчеркиваемыхъ имъ чертъ. Отецъ, домовладыка—собственникъ и руководитель хозяйства, безусловный властелинъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Внутри хозяйства развивается огромная трудовая дѣятельность, „*Riesenhaushaltung*“, направленная исключительно на собственные нужды его членовъ. Дѣло осуществляется помощью утонченнаго раздѣленія труда („*eine raffinierte Arbeitsgliederung*“) между зависимыми людьми, являющимися его рабочими органами. Теперь (при свободныхъ формахъ организациі труда) подобнаго рода дѣятельность могла бы быть производима только силами большого города и то даже во многихъ пунктахъ при государственной помощи. Огромная масса трудовой силы, находившейся въ собственности или подчиненіи главы магнатскаго дома (*potens vir*, какъ будутъ говорить въ концѣ римской имперіи), создавала такую громадную сумму имущественныхъ благъ, какую можно сравнить только съ гигантскими капи-

¹⁾ Въ дополненіе и для иллюстраціи картины происхожденія и развитія замкнутаго домашняго хозяйства, которую даетъ Бюхеръ, интересно прочесть любопытный очеркъ, описывающій господство той же системы въ гомеровской Греціи въ книгѣ R. Pöhlmann, „Aus Altertum und Gegenwart“, подъ заглавіемъ *Aus dem hellenischen Mittelalter*. Терминъ — „греческое средневѣковье“ придуманъ Эдуардомъ Мейеромъ для обозначенія общественнаго строя самыхъ древнихъ періодовъ исторіи Греціи, напоминающаго, по его мнѣнію, европейскіе средніе вѣка. См. E. Meyer, *Gesch. d. Altert.* II, 249 ss. Нельзя сказать, чтобы это было удачное выраженіе, особенно теперь, когда научная методика стремится вообще вытѣснить понятіе „средніе вѣка“ изъ историческаго обращенія.

талами современныхъ миллионеровъ. Господинъ являлся вождемъ безусловно независимаго экономического міра и безграничнымъ его государемъ. ¹⁾ Онъ могъ повторить вслѣдъ за сатирикомъ Петроніемъ—*„omnia domi nascuntur“* съ прибавленіемъ *„aut fiunt“*. Римское крупное частное хозяйство—безусловно законченный и замкнутый организмъ. Само правительство обращается лишь къ главѣ этой группы, не прикасаясь съ ея членами.

Изъ соединенія такихъ именно крупныхъ автономныхъ хозяйственныхъ единицъ составлялось римское государство. Общественной власти открывалась обязанность защищать и оберегать ихъ отъ возможныхъ внѣшнихъ опасностей, сохраняя за ними самостоятельность, но предоставляя имъ поѣдаться внутри другъ друга или не будучи въ состояніи противостоятъ этому. Изъ экономической автономіи рабовладельческаго дома объясняется вся социальная и значительная часть политической исторіи Рима. Въ Римѣ, собственно, не было производительныхъ классовъ, сосредоточившихся около опредѣленной отрасли труда, ни въ настоящемъ смыслѣ крестьянъ, ни ремесленниковъ и т. д. Тамъ находимъ только крупныхъ и мелкихъ собственниковъ, руководителей боль-

¹⁾ Бюхеръ, какъ выше замѣчено, кратко описываетъ организацію крупнаго хозяйства римскаго магната, въ которомъ происходитъ гигантская дѣятельность цѣлыхъ полчищъ рабовъ (орудій производства) по инициативѣ хозяина и группируясь около его городского дворца и сельскихъ владѣній. Онъ перечисляетъ типичные примѣры многочисленныхъ видовъ „мастерства“, которые занимали его рабовъ, классифицируясь въ категоріи личной службѣ господину, сельскаго хозяйства и ремесленнаго труда. Тутъ обнаруживается огромная дифференціація функцій и соединеніе всего этого въ рамкахъ замкнуто живущаго дома, но въ формахъ сложной и искусно устроенной системы. Авторъ ссылается на очень старое сочиненіе *Potra, De operis veuogum* (Amst. 1672), который уже насчитываетъ 146 квалификацій различныхъ рабскихъ услугъ и занятій. Теперь при помощи указателей *Corp. Inscr. Lat.* и сочиненій Марквардта, Фридлендера, Фойгта, Беккера-Гелля и др., которые пользовались эпиграфическимъ матеріаломъ для изображенія организаціи рабскаго труда у римлянъ, можно значительно удлинить такой списокъ. Детальное ознакомленіе съ особенностями природы и жизни большого римскаго рабовладельческаго хозяйства, извѣстнаго лишь въ общемъ, можетъ дать много новаго и полезнаго. Онъ и будетъ предпринять авторомъ настоящей книги въ особомъ этюдѣ, который сосредоточится около личности Плинія Младшаго, какъ землевладельца.

шихъ и малыхъ домашнихъ хозяйствъ, то-есть, богатыхъ и бѣдныхъ. Безземельный свободный человекъ не имѣетъ возможности существовать. Вслѣдствіе этого возникаютъ порядки особаго рода. Нѣтъ предпринимательскаго капитала, который покупалъ бы трудъ за плату; нѣтъ индустріи внѣ предѣловъ замкнутаго дома; а въ немъ все производится руками рабовъ съ раздѣленіемъ между ними добычанаго и обработки продуктовъ. При такой комбинаціи отношеній весьма естественно, что выдвигалась сила именно крупнаго собственника, который вытѣснялъ постепенно бѣднаго человека изъ сферы землевладѣнія, обращая его въ пролетарія. Аристократическія формы собственности и подчиненное положеніе трудящихся классовъ являлись, стало быть, послѣдствіями описанныхъ экономическихъ формъ быта. Отсюда и выросла возможность образованія огромныхъ латифундій, колоссальныхъ частныхъ состояній, независимость которыхъ опиралась на присвоеніе рабской массы ихъ господами. Отсюда оказалась возможною невѣроятная растрата человеческого труда („eine unglaubliche Menschenverschwendung“) для потребностей замкнутой группы. Отсюда дѣлается понятнымъ страшное могущество главарей-хозяевъ этихъ группъ, сила которыхъ „утысячерялась“ руками рабовъ ¹⁾. Они дѣйствительно могли, образуя между собою сознательный (политическій) союзъ, или бессознательно, каждый отдѣльно направляя дѣятельность въ сторону своихъ интересовъ, захватить въ руки веденіе государственныхъ дѣлъ и осуществить владычество горсти магнатовъ надъ цѣлымъ міромъ.

Такова теорія Бюхера въ частности въ томъ видѣ, какъ онъ примѣняетъ ее къ римской древности. Ясное дѣлю, что эта картина вызываетъ представленіе объ экономическомъ

¹⁾ См. *K. Bücher*, p. 72.

²⁾ Чтобы углубить и дополнить свою картину ойкоснаго хозяйства, какъ преобладающей въ римскомъ мірѣ формы экономического строя, Бюхеръ выставляетъ на видъ, что такова же была система государственнаго хозяйства у римлянъ. Оно велось, какъ частное: производилось рабами (*servi publici*), поддерживалось главнымъ образомъ доходами съ доменовъ (*provinciae praedia populi Romani*), то-есть, эксплуатаціею *agri publici*, а затѣмъ даними и сборами контрибуціоннаго характера. *Die Entsteh. d. Volksw.* p. 73.

строѣ, гораздо болѣе простомъ и бѣдномъ явленіями, чѣмъ современный: „Потребность, трудъ, производство, средства производства, продуктъ, потребительный запасъ, потребительная цѣнность, потребленіе,—вотъ немногочисленные понятія, которыя при нормальномъ ходѣ вещей исчерпывали тогда кругъ экономическихъ явленій“ ¹⁾. Не существуетъ народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, потому нѣтъ профессиональныхъ классовъ, нѣтъ капитала въ истинномъ значеніи слова ²⁾. При обычномъ теченіи нѣтъ въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ ни товаровъ, ни цѣнъ, ни обращенія благъ, ни распредѣленія дохода и слѣдовательно рабочей платы, предпринимательской прибыли, процента, какъ отдѣльныхъ категорій ³⁾. Только земельная рента мало по малу выделяется изъ дохода земли, но и она наблюдается всегда въ соединеніи съ другими его элементами. Собственно говоря, описывая ойкосную систему, даже неумѣстно вообще говорить о доходѣ: на его мѣстѣ тогда стоитъ вся вообще масса потребимыхъ продуктовъ, произведенныхъ въ самомъ хозяйствѣ, вся выручка домовладыки, которая сама по себѣ неотдѣлима отъ его имущества. „Доходъ и имущество образуютъ одну сплошную массу, часть которой постоянно созрѣваетъ для потребленія; другая часть уничтожается имъ, между тѣмъ какъ третья лежитъ въ сундукахъ и ларяхъ, погребахъ и амбарахъ, какъ своего рода страховой фондъ“ ⁴⁾.

¹⁾ К. Bücher, p. 84.

²⁾ Онъ не обнаруживается въ качествѣ запаса вещей, служащихъ цѣлямъ приобрѣтенія. Категоріи промышленнаго и торговаго капиталовъ, а также ссуднаго и производительнаго совсѣмъ отсутствуютъ. Если понимать капиталъ въ смыслѣ средствъ производства, то можно отыскать только основной капиталъ (въ видѣ орудій и домашнего скарба); оборотный же ограничится неготовыми или полуготовыми для потребленія продуктами. *Ibid.*

³⁾ Бюхеръ (стр. 85) замѣчаетъ, что въ классическихъ языкахъ недостаетъ словъ для обозначенія всѣхъ упомянутыхъ понятій. Онъ приводитъ рядъ интересныхъ примѣровъ. Было бы очень поучительно произвести изслѣдованіе вообще надъ греческимъ и римскимъ экономическимъ словаремъ. Такъ получилось бы важное подспорье для уясненія хозяйственнаго строя древности въ духѣ Бюхера или въ противоположномъ, либо разнорѣчащемъ смыслѣ.

⁴⁾ См. К. Bücher, Die Entsteh. d. Volksw. p. 85. Ср. еще обзоръ экономическихъ явленій, свойственныхъ ойкосному хозяйству, и ихъ отличій отъ

Изъ предшествующаго описанія замкнутого домашняго хозяйства по Бюхеру видно, какъ оно вообще всегда покоится прежде и больше всего на землѣ. Та специальная форма ойкосной обособленности, которая выработалась въ Римѣ, опирается на крупное помѣстье.—Отсюда ясно, какое важное значеніе можетъ приобрѣсти бюхеровская теорія для соціальнаго историка римскаго міра, если она выдерживаетъ серьезную критическую провѣрку.

III.

Теорія Бюхера и римская исторія.

1.—Признаки постепеннаго развитія народно-хозяйственной организаціи въ экономической жизни римскаго міра, какъ факты, подрывающіе цѣльность бюхеровской схемы.

2.—Односторонность результатовъ первоначальнаго торжества капиталистическихъ формъ хозяйства въ римскомъ государствѣ.

3.—Условія, разлагавшія замкнутое домашнее хозяйство, какъ причины начинавшагося перерожденія экономического строя римской древности.

Только что разсмотрѣно, какъ Бюхеръ проводитъ свою теорію черезъ исторію древняго, специально римскаго міра, включая всю послѣднюю въ предѣлы своей первой фазы экономического развитія. — Теперь слѣдуетъ поставить вопросъ, насколько удовлетворительно и глубоко съ точки зрѣнія историка можетъ прилагаться дѣйствительно въ этомъ характерномъ случаѣ его блестящая отвлеченная схема къ конкретному содержанію прошлаго человѣчества. Даже если удастся сгруппировать здѣсь лишь извѣстное число замѣчаній, высказать рядъ недоумѣній, сдѣлать нѣсколько поправокъ, углубить и дополнить хоть немногіе пункты, — то и это можетъ помочь убѣдиться, является ли вообще его генетическая классификація хорошимъ вспомогательнымъ орудіемъ для познанія хозяйственной эволюціи культурныхъ народовъ.

1. Римскій міръ до конца его исторической жизни въ качествѣ самостоятельной великой державы можетъ разсматриваться, какъ крупный примѣръ господства первоначальнаго типа „домашняго замкнутаго“ хозяйства „безъ обмѣна“. Таково было бы радикальное пониманіе взгляда Бюхера

примѣнительно къ исторіи римской древности. Несомнѣнно, подобное представленіе было бы чрезмѣрнымъ „теоретическимъ упрощеніемъ“, которое не могло бы никакъ уложиться въ рамки римской исторіи и слиться, объединяя ихъ, съ извѣстными реальными фактами ея экономической дѣйствительности. Историка, хорошо знакомаго съ тѣмъ, что оставила намъ старина великаго народа для сужденія объ особенностяхъ развитія его общественнаго строя и быта, удержатъ отъ увлеченія заманчивою симметриею такого построения самые факты, которые ему хорошо извѣстны. То, отъ чего даровитый авторъ, какъ „экономистъ“, часто отвлекался, создавая свою „теорію“, то-есть, изученіе развитія политическихъ учрежденій, соціальныхъ отношеній, права и умственнаго уровня римскаго народа и общества, оцѣнка вліянія сосѣднихъ странъ—военнаго и мирнаго, матеріальнаго и духовнаго, констатированіе перемѣнъ въ формахъ и размѣрахъ государственнаго объединенія и отношеній къ окружающему міру, данныя о повседневномъ бытѣ населенія въ различные вѣка—все это обнаружить передъ глазами критика, если онъ „историкъ“, цѣлую цѣль возраженій. Все это помѣшаетъ ему, по крайней мѣрѣ, безпрепятственно и свободно наложить, такъ сказать, сѣть понятій, характеризующихъ первое звено Бюхеровской классификаціи на всю исторію Рима. Придется подмѣтить въ римской жизни различныхъ эпохъ, послѣ признанія даже основнаго тезиса, что она въ извѣстный моментъ прошла черезъ первоначальную ступень замкнутаго домашняго хозяйства, такія черты, которыя характеризуютъ переходъ во вторую и даже третью фазу. Для провѣрки того, что есть въ теоріи Бюхера односторонняго, и наоборотъ того, что должно считаться въ ней правильнымъ и важнымъ, прежде всего и удобно выдвинуть такія „ограничивающія“ ея наблюденія. Задача критики при этомъ должна однако заключаться не только въ томъ, чтобы показать противорѣчащіе теоріи признаки, находимые въ римской экономической исторіи; она должна еще удостовѣриться, насколько народъ, даже если онъ усвоилъ нѣкоторыя формы высшихъ типовъ экономическаго развитія, освободился отъ преобладанія прежнихъ при продолжающемся сосуще-

ствованіи ихъ съ новыми. Думается, что именно на такой точкѣ зрѣнія покоится настоящее плодотворное критическое отношеніе къ теоретическимъ обобщеніямъ подобнаго рода ¹⁾.

Сосредоточивая вниманіе прежде всего на самой глубокой

¹⁾ Опроверженію взгляда Бюхера о возможности распространить фазу господства ойкоснаго хозяйства на всю исторію древности специально посвящена любопытная брошюра Эдуарда Мейера—*„Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums“* (Jena, 1895). Брошюра его встрѣтила большое одобреніе въ средѣ историковъ (см., напримѣръ, рецензію *R. Pöhlmann*, въ „*Litterarisches Centralblatt*“, 1895, р. 1780) и очень задѣла самого Бюхера, который обвиняетъ автора въ непониманіи сущности его теоріи (см. *Die Entstehung der Volkswirtschaft*, 2 Aufl. S. 65, 67). Мейеръ стремится подорвать идею Бюхера фактами, которые онъ черпалъ преимущественно изъ исторіи древняго востока и Греціи. Онъ показываетъ широкое развитіе разнообразныхъ формъ производства и обиха уже въ великихъ древнихъ монархіяхъ передней Азіи и Африки. Перехода къ Греціи и признавая, что хозяйство ея слагалось по системѣ самодовлѣющаго ойкоса („*die autonome Wirtschaft des Einzelhaushaltes*“) въ гомеровскія времена, онъ старается обнаружить, какъ тамъ рано образовалась крупная господская собственность съ одной стороны, и какъ выдѣлился въ особое цѣлое ремесленный трудъ съ другой. Авторъ прослѣживаетъ далѣе, какъ позже въ связи съ колонизаціей и развитіемъ торговли и денежнаго хозяйства появились въ гражданствѣ греческихъ городовъ между знатью и крестьянствомъ новый элементъ социальнаго-политическаго могущества; какъ наконецъ вмѣстѣ съ растущимъ вліяніемъ работающихъ классовъ демократическое („индустриальное“) государство достигло высшей точки своего развитія, пока въ IV в. вмѣстѣ съ паденіемъ всемірно-историческаго значенія Греціи не начался и экономическій ея упадокъ, а центральная роль въ политикѣ и обихѣ не была захвачена эллинистическимъ востокомъ. Эд. Мейеръ только вскользь намекаетъ на факты изъ римской исторіи, останавливаясь болѣе внимательно лишь на времени имперіи. На дальнѣйшихъ страницахъ настоящей книги будутъ приведены дополнительныя иллюстраціи изъ римской старины. Причемъ главною цѣлью будетъ именно не опровергать во что бы то ни стало Бюхера, подбирая факты, свидѣтельствующіе объ односторонности его отвлеченія, а напротивъ будетъ сдѣлана попытка выяснитъ, что въ его замѣчательномъ построеніи содѣйствуетъ уразумѣнію экономическаго развитія древности и историческихъ судебъ римскаго государства. Тутъ же ниже будетъ разобрано, въ чемъ возраженія Мейера идутъ далеко, затемняя своеобразность хода и содержанія экономическаго процесса, совершавшагося въ жизни древнихъ народовъ. Можно заранѣе сказать здѣсь, что тѣ ограниченія, которыя будутъ формулированы, не повредятъ, какъ кажется, главной сущности идеи Бюхера и, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ были бы приняты самимъ авторомъ. Послѣднее будетъ подтверждаться ссылками на его сочиненія. Въ слѣдующемъ изложеніи въ виду самаго характера его не будутъ систематически анализироваться тексты: уважуются только общія теченія съ бѣглыми примѣрами, особенно типичными въ настоящей связи.

старинѣ, можно сразу выставить крупный фактъ, который нарушить неприкосновенность бюхеровской картины. Самое возникновеніе римскаго государства,—то, что называется „основаніемъ города Рима“—идеть отчасти въ разрѣзъ съ вызываемымъ ею образомъ. Элементы, изъ которыхъ выросъ Римъ, были, безъ всякаго сомнѣнія, первобытные „ойкосные союзы“, родовые, по крайней мѣрѣ, по формѣ ¹⁾. Соединеніе ихъ въ государство было фактомъ политическимъ, такъ какъ оно вызвано было необходимостью защиты; но оно имѣло непосредственныя экономическія послѣдствія. Вошедшія въ составъ новой „гражданской“ общины „домашнія“ группы, хотя и сохранившія значительную хозяйственную самостоятельность, находили однако необходимымъ или удобнымъ вступать въ постоянное хозяйственное общеніе другъ съ другомъ. Онѣ начали мѣняться между собою не только услугами, но и продуктами. Мы очень рано слышимъ о „базарахъ“ (*nundinae*), имѣвшихъ мѣсто въ городѣ Римѣ въ опредѣленные сроки четыре раза въ мѣсяцъ, куда сходились главари отдѣльныхъ „домовъ“ для „покупки-продажи“ ²⁾. Существуютъ извѣстія и о болѣе значительныхъ по размѣрамъ обмѣна „ярмаркахъ“ въ древнемъ Лациумѣ ³⁾. Пред-

¹⁾ Изображеніе у Моммзена социальнаго строя римскихъ родовъ не противорѣчитъ такому представленію. См. напр. *Röm. Gesch.* (8 Aufl.) I, 188—190. Ср. *M. Voigt, Die XII Tafeln* (Leipzig, 1888), I, 117. Ср. еще примѣнительно въ древней Греціи *Ed. Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums*, p. 15.

²⁾ См. *Dion. Hal.* VII, 58. Ср. *Macrob. Sat.* I, 16, 34. См. еще *Varr. R. g.* II, praef. 1. *Colum. R. g.* I, praef. 18. *Ovid. Fast.* I, 54. Достаточное количество текстовъ, подтверждающихъ этотъ и подобныя ему факты объ особенностяхъ древнѣйшихъ экономическихъ отношеній въ Римѣ собраны въ полезномъ руководствѣ *Moritz Voigt, Römische Privatalterthümer* (2 Aufl. München, 1893), въ IV-мъ томѣ (часть 2-я) большого „Handbuch“ *Iwan Müller'a*. Ниже будутъ дѣлаться прямо ссылки на эту книгу, когда сообщаемый въ ней матеріалъ удовлетворительно поддерживаетъ соображеніе, приводимое въ текстѣ. См. въ частности о *nundinae* у Фойгта, стр. 279; 281; 292—93.

³⁾ *Mommsen, Röm. Gesch.* (8 Aufl.) I, 192: „Die Messen (*mercatus*), die wohl zu unterscheiden sind von den gewöhnlichen Wochenmärkten (*mundinae*), sind in Latium sehr alt“. Тутъ, какъ кажется, принимали участіе не одни жители Рима, но и населеніе другихъ латинскихъ, а можетъ быть, также не латинскихъ городковъ. Въ числѣ обмѣнивавшихся продуктовъ попадались и иноземные товары. Ср. матеріалъ, приведенный у *M. Voigt, Röm. Privatalterth.* p. 279, 291.

метами мѣны могли быть излишки въ хлѣбѣ у однихъ, въ маслѣ, винѣ или скотѣ у другихъ. При помощи такого распредѣленія взаимно пополнялись и уравнивались, въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, небольшіе недостатки продуктовъ, производимыхъ каждою группою для удовлетворенія всѣхъ потребностей ея членовъ.

Въ тотъ же періодъ историческаго существованія Рима можно отмѣтить нѣкоторые признаки дифференціаціи занятій и образованіе зародышей того, что въ нѣмецкой политико-экономической терминологіи называется „die Berufsstände“, то-есть, производительныхъ классовъ, сосредоточивающихъ свой трудъ на опредѣленныхъ профессіяхъ. Есть указанія на существованіе въ очень глубокой древности *tribus urbanae*, въ которыя записано было, повидимому, городское ремесленное населеніе, различавшееся отъ крестьянства, входившаго въ составъ *tribus rusticae* ¹⁾. При недостаткѣ рабочихъ рукъ—рабство не выступало еще впередъ въ хозяйственной организаціи Рима (рабовъ было мало)—и невозможности для нѣкоторыхъ крестьянскихъ дворовъ выдѣлывать для себя всѣ необходимые предметы жизненнаго обихода, имъ приходилось обращаться для полученія такихъ предметовъ къ городскимъ мѣдникамъ, столярамъ, валяльщикамъ, гончарамъ, сапожникамъ, красильщикамъ и т. д. ²⁾. Этотъ спросъ давалъ послѣднимъ средства къ жизни; сами же спрашивавшіе получали возможность отдавать еще большую часть труда землѣ.

¹⁾ Вопросъ объ этихъ трибахъ не вполне ясенъ и вызываетъ споры. См. сводъ данныхъ и догадокъ у *P. Willems*, „Le droit public romain (6 éd.)“, p. 40 ss; 98 ss. Ср. *Mommsen*, R. Staatsr. III, 163 ff. Но можно съ большою вѣроятностью утверждать, что члены первыхъ были безземельными людьми (зародышами будущей *plebs urbana*), обитавшими въ городѣ въ своихъ „усадебкахъ“ и направившими свою „домашнюю“ работу на ремесло. Послѣдніе же являлись сельскими собственниками, земледѣльцами, жившими въ формахъ болѣе цѣльнаго „обкоснаго“ хозяйства.

²⁾ См. данныя о первоначальной организаціи ремесленныхъ корпорацій въ Римѣ, приписываемой преданіемъ царю Нумѣ у *Marquardt*, Privatleben der Römer (2 Aufl.), II, 392. Ср. *M. Voigt*, Privatalterthümer, p. 290; 302—306. Подробности въ новѣйшей работѣ *Waltzing*, Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains (Bruxelles, 1895—96, 2 volumes). См. спеціально I, 62 ss.

Такъ почти вмѣстѣ съ зарожденіемъ римскаго государства между гражданами его утвердился непосредственный обмѣнъ продукта на продуктъ; причемъ предметы (блага) прямо поступали изъ хозяйства, произведшаго ихъ, въ то, гдѣ они будутъ потреблены. Стало быть, тутъ вскрываются явленія или порядки, характеризующіе, по Бюхеру, хозяйство лишь на второй ступени его схемы всемірно-исторической эволюціи.—Отмѣчая фактъ, что „естественная мѣна“ уже практиковалась въ Римѣ на самой зарѣ его историческаго существованія, слѣдуетъ оговориться, что она не захватила до глубины весь организмъ обычнаго хозяйства гражданъ, проникая въ толщу общественной почвы, а покрывала, такъ сказать, лишь ея поверхность. Не всѣ „домашнія группы“ нуждались въ такой помощи извнѣ и прибѣгали потому къ накопленію излишковъ для ихъ мѣнового отчужденія и полученія взамѣнъ требуемыхъ потребительныхъ продуктовъ. Большинство продолжало само удовлетворять своимъ неприхотливымъ нуждамъ ¹⁾, и индустрія не могла свободно развиваться въ широкихъ размѣрахъ. Ремесленное населеніе должно было поэтому прозябать въ полунищетѣ за неимѣніемъ достаточнаго количества заказовъ и сбыта, а потому и сильного побужденія къ работѣ, не образуя самостоятельнаго и важнаго класса внутри гражданства ²⁾. Добываніе, обработка и потребленіе благъ чаще всего производились одними и тѣми же единицами.—Во всякомъ случаѣ въ этотъ

¹⁾ Можетъ быть, даже только немногіе, особенно трудно приготовляемые предметы являлись объектомъ такой мѣны. Возможно даже, что это были предметы не повседневнаго, но болѣе или менѣе исключительнаго потребленія. Извѣстную степень развитія у древнихъ римлянъ непосредственнаго обмѣна не отрицаетъ и Бюхеръ. (См. *Die Entsteh. d. Volksw.* p. 66). Онъ признаетъ, стало быть, и существованіе у нихъ зачатковъ ремесла, въ которомъ обрабатывалось горожанамъ, по заказу сельчанъ, приносимое ими же сырье (см. ст. *Gewerbe* въ „*Handwörterbuch d. Staatswiss.* III, 922 ff.).

²⁾ Варронъ (*R. r.* II, pg. 1) опредѣленно заявляетъ, что предки ставили сельскихъ людей гораздо выше, чѣмъ городскихъ („*Viri magni nostri maiores non sine causa praeronebant rusticos Romanos urbanis*“). Моммзенъ (*Röm. Gesch.* I, 191—192) говоритъ, что очень мало извѣстно объ организаціи ремесла въ Римѣ въ рассматриваемую эпоху: можетъ быть, такой пробѣлъ въ источникахъ объясняется именно тѣмъ, что явленіе было очень слабо само по себѣ и не могло оставить въ традиціи замѣтный слѣдъ. Ср. *Waltzing, Les corporations professionnelles à Rome*, I, 56 ss.

древнѣйшій періодъ нетронутая чистота картины замкнутаго домашняго хозяйства нарушается только незначительнымъ пятнышкомъ. ¹⁾

Необходимо здѣсь однако выдѣлить еще одну сторону древне-римскаго быта, которая съ перваго взгляда совершенно не вяжется съ настоящимъ представленіемъ о господствѣ ойкосной системы. Въ Римѣ „временъ царей“ и первоначальной республики не только существовала естественная мѣна сырыхъ и обдѣланныхъ продуктовъ между гражданами отъ производителя къ потребителю. Тамъ совершалась и торговля, то-есть, болѣе сложная мѣна, покупка и продажа товаровъ, произведенныхъ въ однѣхъ мѣстностяхъ, которая осуществлялась въ другихъ, часто отдаленныхъ, иногда при содѣйствіи людей, не принимавшихъ участія въ производствѣ ихъ и не имѣвшихъ въ виду собственнаго ихъ потребления. Въ такомъ торгѣ общались уже не одни жители отдѣльныхъ городовъ Лациума, но и населеніе другихъ частей полуострова и даже болѣе дальнихъ странъ. Наиболѣе дѣятельными членами этой древне-римской торговли были этрусскіе города, греческія общины южной Италіи и Сициліи ²⁾, а также съ извѣстнаго момента карфагенская республика ³⁾.

¹⁾ Эдуардъ Мейеръ утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ (*Die wirtsch. Entw.* p. 7), что хозяйство безъ обмѣна вообще не можетъ существовать. Впрочемъ, онъ самъ (*Ibid.* 15) приводитъ гомеровскую Грецію, какъ примѣръ господства замкнутаго домашняго хозяйства („die autonome Wirtschaft des Einzelhaushaltes“), хотя и дѣлаетъ (ниже) нѣсколько ограниченій. Максъ Веберъ въ прекрасной лекціи—„Die sozialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur“ (напечат. въ штуртгартскомъ журналѣ Шремифа—„Die Wahrheit“, томъ VI (1896), стр. 85 сл.)—называетъ форму хозяйства, преобладающую въ античныхъ „πόλεις“—„Stadtwirtschaft“, т. е., ставитъ ихъ на вторую бирхеровскую ступень. Только что набросанный въ текстѣ эскизъ указываетъ, насколько мало „οἶκος“, составлявшіе „πόλεις“, хозяйственно соприкасались между собой.

²⁾ Сжатый обзоръ матеріала о торговлѣ у римлянъ въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи, а также въ позднѣйшіе вѣка, съ необходимыми ссылками см. у *Marquardt*, *Privatleben* (2 Aufl.), II, 389 ff. Ср. *M. Voigt*, *Röm. Privatalterth.* (2 Aufl.), p. 290 ff. (съ указаніемъ имѣющейся специальной, впрочемъ, скудной и не вполнѣ удовлетворительной литературы). Ср. общія идеи у Моммзена (*Röm. Gesch.* I, 192 ff.).

³⁾ *Marquardt*, *Privatleben*, II, 395, 403. Ср. *Schwegler*, *Römische Geschichte*, II, 96 ff. *Mommsen*, *Chronol.* (2 Aufl.), 320 ff. Ср. *K. W. Nitzsch*, *Gesch. d. Röm. Rep.* I 56.—Относительно времени перваго торговаго договора Рима съ

Внѣшнимъ признакомъ, доказывающимъ наличность торговыхъ сношеній древнихъ римлянъ, служить появленіе у нихъ денежныхъ знаковъ. Металлическія монеты, были уже въ ходу въ Римѣ около времени составленія XII таблицъ. Но и прежде тамъ употреблялись полосы мѣди или слитки ея, а еще раньше „головы скота“, какъ мѣновое средство, къ которому впослѣдствіи была приравнена изобрѣтенная или усвоенная система денегъ ¹⁾.

Моммзенъ въ „Римской исторіи“ склоненъ даже придавать довольно крупное значеніе торговому положенію древняго Рима, характеризуя его, какъ „Emporium Latium“. Исконною торговлею онъ какъ будто даже хочетъ многое объяснить въ зарожденіи величія города ²⁾.—Но формулируя и это второе

Карвагеномъ существуетъ, какъ извѣстно, споръ между учеными, и очень возможно, что мы имѣемъ тутъ дѣло вовсе не съ очень раннимъ фактомъ исторіи Рима, то-есть, не восходящимъ за начало V-го вѣка отъ осн. города.

¹⁾ См. сжатое обобщеніе вопроса о возникновеніи денегъ у римлянъ съ указаніемъ литературы у *M. Voigt*, *Röm. Privatalt.* p. 294. Подробности *Marquardt*, *Röm. Staatsverw.* II, 3 ff. Ср. еще *M. Voigt*, *Die XII Tafeln*, I, 16 ss. Для торговли деньги служили, какъ необходимое средство мѣны, только при сношеніяхъ съ иноземными купцами, привозившими рѣдкіе, заморскіе товары. Эта торговля, конечно, существовала, и ею медленно вводились извѣстные новые предметы въ сферу культа или публичнаго быта, или даже въ обстановку жизни верхняго слоя общества; такъ, мало-по-малу ею производились нѣкоторыя второстепенныя измѣненія въ общемъ строѣ существованія населенія, но послѣднія только поверхностно вліяли на экономическіе порядки, не вызывая массовыхъ потребностей и не перерождала основныхъ особенностей культуры. См. въ этомъ смыслѣ любопытную картину воздѣйствія торговыхъ сношеній съ семитическимъ и эллиническимъ востокомъ на эволюцію палеонитальскаго искусства въ книгѣ *J. Martha*, *L'art étrusque* (P. 1889).

²⁾ См. извѣстное мѣсто въ *Römische Geschichte* (8 Aufl.) I, 47: „Zum Entrepot für den latinischen Fluss- und Seehandel und zur maritimen Grenzfestung Latiums eignete kein Platz sich besser als Rom, das die Vortheile einer festen Lage und der unmittelbaren Nachbarschaft des Flusses vereinigte, das über beide Ufer des Flusses bis zur Mündung gebot, das dem die Tiber oder den Anio herab kommenden Flussschiffer ebenso bequem gelegen war wie bei der damaligen mässigen Grösse der Fahrzeuge dem Seefahrer, und das gegen Seeräuber grösseren Schutz gewährte, als die unmittelbar an der Küste gelegenen Orte. Dass Rom wenn nicht seine Entstehung, doch seine Bedeutung diesen commerciellem und strategischen Verhältnissen verdankt, davon begegnen wir auch weiter zahlreiche Spuren, die von ganz anderem Gewicht sind, als die Angaben historisirter Novelleten“. Ср. тамъ же стр. 48: „Wer die Römer und ihre Geschichte kennt, der weiss es, dass das Eigenthümliche ihrer öffentlichen und Privatthä-

ограниченіе взгляду Бюхера въ примѣненіи его къ Риму, слѣдуетъ также предостеречь отъ слишкомъ широкихъ выводовъ изъ этой поправки ¹⁾. Самъ Моммзенъ признаетъ, что древне-римская торговля была исключительно пассивною, и Римъ, несомнѣнно, остался надолго политическою главою земледѣльческаго народа ²⁾. Знаменитый историкъ превосходно указываетъ, что въ древнемъ Римѣ не обнаруживается специально-дифференцировавшагося купеческаго класса. Коммерческія дѣла находились въ рукахъ главныхъ представителей рано образовавшагося крупнаго землевладѣнія ³⁾. Такимъ образомъ торговля не выросла въ независимую отрасль экономической дѣятельности, которая бы требовала отдѣльнаго органа и новой хозяйственной организациі. Большія и сильныя „домашнія группы“ („ойкосы“) могли, не теряя своей природы и не измѣняя внутренняго устройства, вводить въ сферу своихъ занятій новую функцію: хозяйственная жизнь тѣмъ осложнялась, но господствующая и регулирующая черта могла сохраняться въ немъ прежняя. Можно еще прибавить въ дополненіе къ только что сказанному, что старо-римскія деньги

tigkeit auf ihrem städtischen und kaufmännischen Wesen ruht und dass ihr Gegensatz gegen die übrigen Latiner und überhaupt die Italiker vor allem der Gegensatz ist des Bürgers gegen den Bauer“. И еще ниже: „Wenn Rom das Emporium der latinischen Landschaft war, so ist es begreiflich, dass hier neben und über der latinischen Feldwirthschaft sich ein städtisches Leben kräftig und rasch entwickelte und damit der Grund zu seiner Sonderstellung gelegt ward“.

¹⁾ См. возраженія противъ взгляда Моммзена у *R. Pöhlmann*, Die Anfänge Roms (Erlangen, 1881), p. 25—28; ср. ограниченія Бюксеншюца (Bemerkungen über die pol. Oek. der röm. Königszeit, p. 28). Ср. также *M. Voigt*, Privatalterth. p. 293.

²⁾ *Röm. Gesch.* I, 197: „Die Latiner, denen alle Ausfuhrartikeln mangelten, konnten nur einen *Passivhandel* führen...“. Одинъ же ввозъ, да и то ограничивающійся нѣкоторыми только видами предметовъ, особенно нужныхъ для государства и потребляемыхъ въ большинствѣ случаевъ лишь меньшинствомъ, не могъ измѣнить коренной типъ экономического строя. *Ibid.* 48: „Zwar ist Rom keine Kaufstadt wie Korinth oder Karthago; denn Latium ist eine wesentlich ackerbauende Landschaft und Rom zunächst und vor allem eine latinische Stadt gewesen und geliebet“. Ср. объ одностороннемъ направленіи и слабомъ развитіи римской торговли хорошія замѣчанія у Пельманна, „Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte“, p. 29.

³⁾ См. *Röm. Gesch.* I, 201. Ср. тамъ же, стр. 45—48; 197, 265; 446—447. Ср. еще то, что авторъ говоритъ о зарождавшейся тогда крупной собственности въ Римѣ и ея характерѣ, *Röm. Gesch.* I, 189 (стр. 443).

не могутъ служить явнымъ доказательствомъ широко развитыхся внѣшнихъ коммерческихъ отношеній. Онѣ и вообще употреблялись мало, какъ орудіе торга, скорѣе давая только способъ для нагляднаго приблизительнаго опредѣленія и уравниванія цѣнности предметовъ при „естественной мѣнѣ“. Древніе римляне не столько продавали и покупали на деньги, сколько, „примѣривали“ къ удобному для всѣхъ и потому ставшему общепринятымъ эквиваленту при всякаго рода сдѣлкахъ обмѣниваемый одинъ на другой предметъ. Затѣмъ при ихъ посредствѣ пополнялась лишь наличная разница между цѣнностями натуральныхъ продуктовъ, поступавшихъ въ обмѣнъ каждый данный разъ между двумя лицами или хозяйствами. Вслѣдствіе этого денегъ вообще циркулировало немного, онѣ не могли накапливаться большими массами и служить дальнѣйшему производству, какъ въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ; онѣ хранились сравнительно небольшими суммами въ сундукахъ или кладовыхъ отдѣльныхъ хозяевъ, какъ средство, облегчающее пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ благъ, нужныхъ для потребленія и не всегда производимыхъ въ достаточномъ количествѣ собственными силами „дома“ ¹⁾).

Итакъ констатированіе древне-римской торговли не обнаруживаетъ передъ глазами изслѣдователя фактора, который сталъ бы въ центрѣ экономической жизни Рима въ „царскій“ или старо-республиканскій періодъ его исторіи, или даже такого, который являлся бы сколько-нибудь постояннымъ возбудителемъ труда. Если противники Бюхера согласны, что ойкосный строй въ самомъ дѣлѣ характеризуется первобытное хозяйственное состояніе, въ которомъ

¹⁾ Бюхеръ, который, разумѣется, не можетъ и не хочетъ отрицать существованіе денегъ у римлянъ, хорошо самъ отмѣтилъ эту особенность ихъ роли въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи. См. *Die Entstehung der Volkswirtschaft*, р. 82; 86. Съ другой стороны, важно обратить вниманіе и на то, что деньги, а равнѣе цѣнности, стоявшія на ихъ мѣстѣ (скотъ), играли роль гораздо меньше въ отношеніяхъ между хозяйствами, чѣмъ въ столкновеніяхъ ихъ съ государствомъ или вообще при встрѣчахъ личности или группы съ общественною властью. Такъ онѣ служили при установленіи скѣлы пень за преступленія, или съ ихъ помощью опредѣлялись чрезвычайныя сборы и т. д. Ср. *Marquardt*, II, 7; *M. Voigt*, Die XII Tafeln, I, 23.

находились римляне при вступлении в государственное объединение, то они не опровергли возможности распространения его первой фазы на означенные периоды ссылками на существование тогда естественной мѣны. Она лишь спорадически входила в число путей удовлетворения потребностей отдѣльных хозяйствъ римскихъ гражданъ. Не могла разрушать ойкосной автономии и слабая торговля, которая лишь „набѣгала“ на поверхность римскаго хозяйственнаго строя, нѣсколько вліяя на культуру и обстановку наиболѣе богатыхъ группъ, но не перерождая общихъ формъ быта, господствовавшихъ занятій и способовъ производства и распределения ¹⁾).

Возражения противъ системы Бюхера могутъ возникать въ большемъ количествѣ и представляться сильнѣе, когда вниманіе историка прослѣживаетъ дальнѣйшіе моменты хозяйственнаго развитія Рима въ эпоху великихъ завоеваній и расцвѣта внѣшняго могущества римскаго государства. Когда Римъ прежде всего оружіемъ соединилъ подъ своею властью различныя области Италіи, экономическое общеніе между частями увеличивавшагося и осложнявшагося по составу государства подвинулось еще на одинъ шагъ впередъ. Общая политическая власть связала вмѣстѣ большіе комплексы городовъ, которые сами уже являлись комплексами замкнутыхъ домашнихъ хозяйственныхъ единицъ. Послѣднія оставались въ извѣстной степени экономически автономными. Но онѣ уже и раньше сносились между собою въ формахъ естественной мѣны на мѣстныхъ городскихъ рынкахъ. Городскіе центры вмѣстѣ съ своими территориями въ свою очередь

¹⁾ Общій характеръ экономической жизни Рима въ означенную эпоху хорошо очерченъ въ нѣсколькихъ словахъ Моритцемъ Фойгтомъ. Онъ говоритъ (*Röm. Privatalt.*, p. 293): „Alles in allem kann man sagen, dass die bürgerliche Gesellschaft in einem Zustande innerer wirtschaftlicher Isoliertheit sich verhielt“. Онъ присоединяетъ къ этимъ словамъ наблюдение, что правовое развитіе того времени стремилось дать защиту землевладѣнію и сельскому хозяйству, но стояло далеко отъ регулировки торговаго обмѣна. Авторъ отмѣчаетъ, какъ типичныя особенности хозяйства древняго Рима—„die nationale Kapitalarmut“ и „das bescheidene Vermögen der Begüterten“ (*Ibid.* 295); такое представленіе, подтверждаемое всѣми имѣющимися данными, прямо идетъ въ разрѣзъ съ голословнымъ утвержденіемъ Эд. Мейера, будто уже во времена изданія XII таблицъ въ Римѣ въ значительной степени господствовалъ капитализмъ нѣя, по крайней мѣрѣ, денежное хозяйство (*Die Sklaverei im Allertum*, 1898, p. 7). Ср. въ противоположномъ смыслѣ *M. Voigt*, Die XII Tafeln, I, 17; II, 447 ss.

также представляли изъ себя хозяйственно-самодовлѣющія цѣлыя ¹⁾. Теперь же они подчинены новому господину, который объединяетъ ихъ. Римъ, являясь политической главою „италійскаго союза“, оказывался также,—хотя опять же спордически и не очень интенсивно,—рынкомъ для его членовъ, то-есть, городовъ полуострова. Черезъ посредство Рима зависимыя отъ него италійскія общины уже легче устраняли, благодаря возникшему, хотя и принудительному союзу, поставленному подъ его покровительство, недостатки своего производства и могли изощряться въ наиболѣе удобныхъ и выгодныхъ его отрасляхъ. Во всякомъ случаѣ сила сцѣпленія другъ съ другомъ ойкосныхъ единицъ и ихъ комплексовъ, благодаря римской объединительной политикѣ, увеличивалась. Внутри союза могъ происходить уже гораздо чаще и обычнѣе, чѣмъ раньше, трехстепенный (переходъ продукта изъ одного города Италіи въ другой черезъ римскій рынокъ) или даже многостепенный обмѣнъ (перемѣненіе добытыхъ и обрабатываемыхъ благъ черезъ нѣсколько хозяйствъ и группъ ихъ до достиженія потребляющей единицы) ²⁾. При расширеніи такого экономическаго

¹⁾ Историкамъ, особенно интересующимся выясненіемъ вліянія экономическаго фактора въ процессѣ сложенія общественнаго строя и склоннымъ придавать ему первенствующее значеніе, можетъ представиться тутъ благодарная тема: нельзя ли признать такую хозяйственную автономію городской области причиною долгаго сохраненія „города-государства“, какъ типичной формы политическаго объединенія въ древнемъ мірѣ; нельзя ли также вывести возникновеніе системы „муниципальнаго самоуправленія“, какъ характернаго и общераспространеннаго приема администраціи римской имперіи, изъ предположенія о продолженіи того же экономическаго самоовлѣнія небольшихъ городскихъ территорій и послѣ объединенія міра Римомъ?.. Если это такъ, то подобный выводъ сослужитъ службу и для подтвержденія теоріи Бюхера: административная автономія городовъ явилась бы въ свѣтѣ такого обобщенія отзвукомъ сохраняющейся хозяйственной самостоятельности ихъ по отношенію къ вѣншему міру; послѣдняя же свидѣтельствовала бы о томъ, что и составляющія муниципій единичныя домашнія хозяйства мало пужались въ обмѣнѣ.

²⁾ Вѣроятно, при этомъ хлѣбъ могъ доставляться изъ одной мѣстности въ другую для продажи въ видахъ продовольствованія въ случаяхъ недорода или голода, и Римъ, въ качествѣ города-властина, куда легче всего собирались свѣдѣнія объ экономическихъ потребностяхъ подчиненныхъ союзниковъ—служить регуляторомъ и посредникомъ такого обмѣна. Такимъ же способомъ могли передаваться одежды и ткани изъ мѣстностей, изобиловавшихъ шерстью, въ города, которые въ нихъ нуждались; возникала торговля виномъ съ областями,

взаимодѣйствія между населенными пунктами, политически объединенными Римомъ, денежное обращеніе должно было выступать уже, какъ болѣе или менѣе постоянное орудіе удовлетворенія потребностей при измѣняющейся организациі хозяйственнаго быта ¹⁾. Но въ заключеніе надобно прибавить и здѣсь, что „италійская торговля“ не выросла въ разсматриваемую эпоху, какъ сила, способная достаточно питать и упрочить новый порядокъ такъ, чтобы онъ могъ стать на мѣсто стараго ²⁾.

гдѣ неудобно было разводить лозу; затѣмъ вывозились соль, металлы, мраморъ, вообще горныя породы изъ пунктовъ, изобиловавшихъ рудными богатствами, потомъ еще лѣсъ и т. д. Довольно рѣдко, впрочемъ, должно быть, въ число предметовъ сбыта входили настоящіе фабрикатъ. Нѣсколько примѣровъ см. у *M. Voigt*, *Röm. Privatalterthümer*, p. 372—373. Что извѣстныя торговныя сношенія между городами Италіи существовали, это видно изъ того, что вопросъ о *commercium* всегда занимаетъ мѣсто въ дѣлѣ установленія правъ союзныхъ съ Римомъ городовъ и степени ихъ подчиненія. Подъ этимъ терминомъ разумѣлось „*emendi vendendique invicem ius*“ (*Ulp. Reg. XIX, 5*). Повторявшееся запрещеніе права свободнаго обмѣна (*ius commercii*) между ними, по крайней мѣрѣ, совершавшагося въ строго-юридическихъ формахъ и обезпечиваемаго полнымъ собственностью и судебную защиту сдѣлокъ (см. *Mommsen*, *R. G. I, 423*. Ср. *Marquardt*, *Röm. Staatsverw. I, 21 ff.*), доказываетъ, что такое ограниченіе экономическихъ правъ было удобнымъ средствомъ обезпеченія политическаго могущества побѣдителя. Риму выгодно было не давать сразу развиваться экономической самостоятельности подчиненныхъ. Или тутъ, можетъ быть, проявляется консервативное слѣдованіе старымъ порядкамъ экономической замкнутости. См. о *commercium* статью *G. Humbert*, у *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités*, I, 1406; также, *M. Voigt*, *Die XII Tafeln*, I, 244—245; 274—275. Ср. еще *Mispoulet*, *Les instit. pol. des Rom. II, ch. 15*. Впрочемъ, и здѣсь дѣло касалось, главнымъ образомъ, по всей вѣроятности, сдѣлокъ на землю. Ср. *L. Lange*, *Röm. Alterthümer*, I, 146.

¹⁾ Моммзенъ находитъ, что переходъ Рима отъ обычая или системы „непосредственной мѣны“ къ „денежному хозяйству“ можно болѣе или менѣе ясно констатировать и приурочить около времени войны съ Пирромъ, т.-е., начала III в. до Р. Хр. См. *Röm. Gesch.* I, 444. Ср. *Pernice* въ *Zeitschr. f. Rechtsgesch.* XIX (1893), p. 105.

²⁾ Тотъ же Моммзенъ (*R. G. I, 443*) говоритъ, что „über den inneren Verkehr der Italiker unter einander sind die schriftlichen Quellen stumm“. Кое-что можно узнать только изъ изученія монетъ; но и послѣднія не вскрываютъ въ данной области существованія сильнаго экономическаго движенія. У Катона есть нѣсколько указаній на внутренне-италійскіе рынки. Напримѣръ, кромѣ Рима, какъ таковыя называются Альба, Казинъ, Минтурны и Суэсса—въ Лациумѣ, Венафр—въ Самніумѣ, Калесь, Капуя, Нола и Помпеи—въ Кампаніи (см. *De re rust.* Cap. 135). Въ нихъ земледѣльцы сбывали, повидимому, свои продукты и приобретали необходимыя для нихъ орудія. Но примѣры такого рода очень

Провѣряя возможность признать вслѣдъ за Бюхеромъ сохраненіе неприкосновенности или, по крайней мѣрѣ, преобладанія ойкосныхъ формъ экономическаго строя во все протяженіе римской исторіи, необходимо двинуться еще дальше впередъ, и это будетъ особенно опасный шагъ для его теоріи. Послѣ завоеванія апеннинскаго полуострова Римъ покоряетъ и внѣиталійскія страны, которыя сплачиваются около него въ огромную державу. Это могучее и блестящее политическое и военное развитіе сопровождается широкимъ подъемомъ культуры, какъ въ смыслѣ формъ повседневнаго быта и господствующихъ понятій, такъ, разумѣтся, и въ смыслѣ уровня различныхъ потребностей. Членъ объединеннаго міра—страны, города и люди—энергично ищутъ разнообразнаго общенія—одни въ виду полученія новыхъ благъ, привлекательность которыхъ уже оцѣнена многими; другіе въ виду отдачи своихъ излишковъ, произведенныхъ подъ давленіемъ новыхъ условій и сулящихъ расширение богатства. Отношенія измѣнились такъ сильно, и качественно, и съ точки зрѣнія напряженія вызываемой ими работы, что, какъ можетъ показаться, не только каждое отдѣльное хозяйство или городъ, но и каждая отдѣльная страна не въ состояніи болѣе удовлетворить своимъ нуждамъ однимъ собствен-

рѣдки, какъ кажется, и совсѣмъ не ярки. Изъ всего этого можно заключить, что самое явленіе (т.-е. торговля между италійскими городами) было слабое; недостатокъ путей сообщенія и дороговизна перевозки составляли препятствія для удобства обращенія товаровъ въ расширяющихся районахъ; и пока еще не хватало экономическихъ побужденій для ихъ преодоленія. М. Фойгтъ, нужно думать, говоритъ правильно, что въ изучаемую эпоху въ Италіи можно обнаружить лишь ничтожное развитіе ремесла и довольно бѣдную мелкую торговлю. Онъ очень жѣтко характеризуетъ, что „das Handwerk und der Kleinhandel insoweit sich berühren, als auch das erstere nach wie vor mit dem Vertriebe des eigenen Produktes sich befasste, und beide auch wieder in ihren geschäftlichen Beziehungen meist lokalisiert waren, insofern regelmässig Produktions- und Konsumptionsgebiet sich deckten...“ Авторъ считаетъ нужнымъ сдѣлать лишь небольшое ограниченіе такому общему положенію: „...wenn immer auch die Jahrmärkte fremde Ware nach Rom brachten und gewisse en gros Artikel für den hauptstädtischen Konsum von auswärts bezogen wurden, weil die Nachbarschaft durch eigene Produktion den Bedarf nicht zu decken vermochte“. См. *Römische Privataltertümer*, p. 379. См. еще интересныя данныя и соображенія, подтверждающія тотъ же выводъ, *Ibid.* p. 372—373. Ср. въ томъ же смыслѣ ограничительныя замѣчанія у Моммзена (*Röm. Gesch.* I, 445, 846, 854 etc.).

нымъ трудомъ. Повысившіяся потребности и выросшій спросъ на всякаго рода сырые и обработанные продукты, вызвали усиленное производство особенно требуемыхъ предметовъ, а послѣднее привело къ раздѣленію отраслей трудовой дѣятельности между странами римскаго міра. Отдѣльныя мѣстности предпочтительно принимаются за добываніе тѣхъ благъ и выдѣлку тѣхъ произведеній, которыя наиболѣе подходили къ ихъ почвѣ и климату, или которыя наиболѣе соотвѣтствовали сложившимся подъ вліяніемъ предшествующей исторіи обычаямъ ихъ жителей. Между нѣкоторыми изъ этихъ странъ зарождается даже, быть можетъ, извѣстная конкуренція въ области производа и предложенія ¹⁾.

Однимъ словомъ, въ глубинѣ огромнаго римскаго міра чувствуется рожденіе и ростъ производства не только для потребленія или естественнаго обмѣна внутри ограниченнаго раіона; одни хозяйства и комплексы хозяйствъ требуютъ отъ другихъ (другъ отъ друга) недостающихъ имъ необходимыхъ средствъ жизни и благосостоянія. Центрами такого разрастающагося экономическаго общенія, являются большіе города, которые пріобрѣтаютъ значительную и далеко хватающую силу притяженія продуктовъ. Они достигаютъ также блестящаго процвѣтанія, обогащенные своею новою ролью крупныхъ рынковъ ²⁾. Въ средѣ ихъ населенія естественно

¹⁾ Такого рода дифференціація отраслей производства между различными странами римскаго міра не изслѣдована основательно ни съ качественной, ни съ количественной стороны. Но къ выясненію ея служатъ, напримѣръ, факты, подтверждающіе выработку въ различныхъ полосахъ особыхъ „сельскохозяйственныхъ спеціальностей“ примѣнительно къ мѣстной культурѣ и условіямъ быта. Нельзя, правда, систематически представлять распредѣленіе земледѣльческой акклиматизаціи почвы во всемъ римскомъ мірѣ въ зависимости отъ одного все увеличивающагося спроса растущей столицы въ духѣ теоріи Тюнена; но возможно предполагать образованіе въ данной области нѣсколькихъ болѣе тѣсныхъ круговъ или зонъ, располагавшихся около большихъ городскихъ потребительныхъ центровъ римскаго міра и подчинявшихъ ихъ нуждамъ свое производство. См. данныя, собранныя въ книгѣ *H. Wissmann, Die antike Landwirtschaft und das von-Thünen'sche Gesetz* (Leipzig, 1859). Изъ области индустриальнаго производства, которое начало пилать торговлю см. группы фактовъ, приводимыя М. Фойгтомъ (*Röm. Privatalt.* p. 372—378).

²⁾ Въ любознательной книгѣ Пельманна (*R. Pöhlmann*) „Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte (1884) можно найти много интересныхъ и важныхъ данныхъ для изученія развитія этого „городскаго“ быта въ настоящемъ смыслѣ слова въ главныхъ центрахъ великой имперіи.

начинаетъ обособляться въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ раньше, ремесленный трудъ, обработывавшій сырье, отдавая его уже въ формѣ фабрикатовъ обратно жителямъ менѣе культурно-развитыхъ мѣстностей ¹⁾).

Такимъ образомъ общій взглядъ на доступные факты, которые сохранились отъ исторіи Рима, приводитъ, что касается экономическаго развитія, къ выводу, обладающему какъ будто большою наглядностью и убѣдительностью. Когда страны и народы древняго міра срастаются въ одно цѣлое подъ принципатомъ Цезарей и подъ общимъ именемъ римской имперіи, изъ всей этой массы социальныхъ тѣлецъ, уже сложныхъ по внутренней организаціи каждаго, образуется одно громадное коллективное существо. Элементы его не только механически связываются между собою единою государственною властью; они являются зависимыми членами великаго социальнаго организма, достаточно дифференцированнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и одушевленнаго общимъ, такъ сказать, жизненнымъ началомъ, которое воплощается въ видѣ раздѣленія его функций между отдѣльными частями. Установливавшаеся какъ бы непрерывное взаимодействіе между провинціями великаго государства и его центромъ усиливается еще благодаря утвержденному Августомъ и поддержанному его преемниками внутреннему миру (*pax romana* ²⁾). При безопасности растетъ обеспеченность, послѣдняя усиливаетъ предприимчивость, поднимаетъ производство и предложеніе. Безпрепятственное взаимодействіе между странами вызываетъ культурное треніе, рождаетъ цивилизующія вліянія, которыя вновь создаютъ потребности и вызываютъ жажду

¹⁾ См. о распространеніи и видахъ индустріи въ римскомъ мірѣ любопытныя сочиненія Вуксеншюца (*Die Hauptstätten des Gewerbfleisses im klassischen Alterthum*, Leipzig, 1869) и Гуго Блюмнера (*Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Alterthums*, Leipzig, 1869, и *Technologie und Terminologie der Gewerbe bei Griechen und Römern*, 4 Bände, Leipzig, 1874—87). Ср. также цитированный выше трудъ *Waltzing*, *Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains* (2 v. Bruxelles, 1896—96).

²⁾ См. примѣры превосходныхъ текстовъ, развивающихъ эту блестящую идею „всеобщаго мира“, которою стремилась украсить свое водвореніе римская имперія, въ книгѣ *Laurent*, Rome, p. 311 ss. Ср. еще *Am. Thierry*, *Tableau de l'empire romain*, p. 258 ss.

ихъ удовлетворенія. По всему римскому міру происходитъ живая „циркуляція“ продуктовъ, которые движутся по морскимъ и сухопутнымъ дорогамъ, соединившимъ столицу съ периферією по всѣмъ направлєніямъ. Продукты эти являю-ются уже товарами, которые пробѣгають черезъ нѣсколько фазъ при ихъ производствѣ до окончательнаго созрѣванія ихъ для потребленія. Они попадаютъ въ потребляющія руки, предварительно пройдя черезъ нѣсколько посредствующихъ органовъ.—Чтобы приводить въ движеніе эти питательныя средства отъ добывающихъ и перерабатывающихъ органовъ къ сердцу и оттуда къ отдѣльнымъ членамъ, нужно, чтобы по этимъ многочисленнымъ сосудамъ текла обильная и горячая кровь. Въ роли ея не только должны выступать, заливая, такъ сказать, весь организмъ, деньги, какъ средство мѣны и распредѣленія и какъ источникъ расширенія производства; тутъ необходимы и болѣе сложныя кредитныя формы обращенія: займы и ссуды, соединеніе капиталовъ въ торговыя предиріятія, операціи банковаго и биржевого характера и т. п. ¹⁾).

Всѣ быстро перечисленныя здѣсь экономическія явленія, несомнѣнно, возникли въ римскомъ мірѣ, когда онъ организовался въ единое міровое государство и, проходя черезъ послѣднія бури республиканскаго періода, приближался къ апогею своего процвѣтанія. Читая сочиненія римскихъ авторовъ послѣднихъ вѣковъ республики и начала имперіи,—лучше всего, напримѣръ, письма Цицерона, комедіи Плавта и Теренція, произведенія поэтовъ (особенно сатиры), но также повѣствованія историковъ—, получаемъ иллюзію совершенно капиталистическаго строя ²⁾).

¹⁾ Въ связи съ этимъ должны были развиваться и самыя „политико-экономическія понятія“ римской „интеллигенціи“. Извѣстная бѣдность „терминовъ“, можетъ быть, не была нарушена, какъ хочетъ Бюхеръ; но каждый изъ нихъ получилъ болѣе разнообразное и тонкое значеніе.

²⁾ Здѣсь говорится „иллюзія“ въ томъ же смыслѣ, какъ употребляется выраженіе—„сценическая иллюзія“; причемъ сейчасъ не предпріяется вопросъ о томъ, что даетъ основаніе для этой иллюзіи, дѣйствительный ли реализмъ красокъ, извлекаемыхъ изъ источниковъ (то-есть, вѣрное и точное отраженіе въ нихъ дѣйствительности), или неправильное освѣщеніе сообщаемыхъ ими фактовъ вслѣдствіе фальшиваго угла зрѣнія.

Вообще памятники указываемой эпохи открываютъ, при внимательномъ обзорѣ ихъ, немало данныхъ (хотя бы въ формѣ отрывочныхъ свидѣтельствъ и намековъ) для изображенія этого расцвѣта римской крупной торговли, успѣшнаго распространенія громадныхъ коммерческихъ предприятий, утвержденія могущества богатыхъ денежныхъ дѣльцовъ (*argentarii*, „*les manieurs d'argent*“), спекулировавшихъ на колоссальныя суммы ¹⁾. Очерки подобнаго развитія экономическаго быта постоянно и неизбежно рисуются въ новѣйшихъ сочиненіяхъ научнаго характера, посвященныхъ изображенію разсматриваемой эпохи ²⁾. Люди, знакомые съ этою ученою литературою и особенно читавшіе источники, привыкли поэтому представлять себѣ римлянъ, правительство какъ и частныхъ гражданъ, замѣчательными мастерами по денежнымъ дѣламъ и искусными практическими политико-экономимами и финансистами ³⁾. Поэтому такому знатоку древности, какъ Эдуардъ Мейеръ, довольно легко, — не прибѣгая даже къ новымъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, набросать, какъ бы въ видѣ побѣдоноснаго опроверженія взгляда Бюхера, картину римскаго государства, особенно имперіи, какъ силы, организовавшей „всемирную торговлю“ и вступившей въ „народно-хозяйственную“ стадію экономической эволюціи ⁴⁾. Прочитывая немногія страницы, которыя онъ от-

¹⁾ Первая часть этюда объ Аттікѣ, заключающагося въ настоящей книгѣ, описываетъ съ извѣстной стороны экономическіе порядки, о которыхъ здѣсь упоминается.

²⁾ Ихъ можно найти въ общихъ построеніяхъ римской исторіи (Моммзена, Нитча, Дюрри и т. д., и т. д.) и въ специальныхъ обзорахъ временъ Гракховъ и Цицерона, затѣмъ въ трактатахъ по римскимъ финансамъ или по культурной исторіи (напримѣръ, у Марквардта и Фойгта), которые также указываютъ литературу. Наконецъ, существуютъ поштыя и болѣе систематическаго изображенія вопроса въ работахъ, посвященныхъ исторіи всадниковъ, публикановъ, банкировъ. См. напр. *E. Belot, Histoire des chevaliers romains* (2 v. P. 1866—1873), *A. Deloume, Les manieurs d'argent à Rome* (2 éd. P. 1892), *M. Voigt, Ueber die Bankiers* (въ *Abh. d. sächs. Ges. d. Wiss.* Н-ph. Cl. Bd. X, Leipzig, 1888) etc.

³⁾ См. *Mommsen, Röm. Gesch.* I, 849. Вспомните *Fustel de Coulanges, L'invasion germ. et la fin de l'emp.* p. 208.

⁴⁾ См. *Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums*, p. 47 ff. Длеступни научныя пособія давали автору въ готовомъ видѣ достаточное число фактовъ, которые безъ большого труда могли быть имъ искусно комбинированы въ

даетъ описанію хозяйственнаго процвѣтанія римской имперіи, невольно вспоминаемъ громадную панораму, развертывающуюся передъ глазами изучающаго древность во время чтенія пятаго тома исторіи Моммзена. Она даетъ сама по себѣ, можетъ быть, не очень много чисто экономическихъ подробностей, но рядомъ съ нею богатая живопись внѣшняго быта и нравовъ римскаго общества, которая содержится въ превосходномъ сочиненіи Фридлендера—„*Sittengeschichte*“, ¹⁾ ярко очерчиваетъ въ подходящихъ краскахъ сторону жизни, являющуюся во многихъ отношеніяхъ отраженіемъ дѣйствія хозяйственнаго фактора. Всѣ эти согласныя показанія съ перваго взгляда какъ бы убѣдительно подтверждаютъ правильность „мейеровскаго историческаго построенія“. Такимъ образомъ, повидимому, колеблется „экономическая схема Бюхера“, и умъ невольно увлекается сравненіемъ древней міровой культурной имперіи съ современнымъ большимъ цивилизованнымъ государствомъ ²⁾. Фактъ довольно широкой и детальной разработки торговаго

стройное изображеніе. Въ послѣднемъ онъ, можетъ быть, даже недостаточно пользуется имѣющимися богатыми данными; это и даетъ поводъ Бюхеру высказать Мейеру упрекъ, что выставляя рѣзкій полемическій тезисъ, слѣдовало глубже и систематичнѣе обставить его доказательствами, а не удовлетворяться бѣглою группировкою ряда фактовъ, замѣченныхъ и объясненныхъ другими. Во всякомъ случаѣ то, что говоритъ профессоръ О. Ф. Зѣлинскій (въ рецензіи на книгу Э. Мейера въ „Филологическомъ Обзорѣнн“ за 1896 г., т. XI, стр. 144) объ обилии фактическаго содержанія его брошюры, можетъ относиться только въ тому, что авторъ сообщаетъ о востокѣ и Греціи, но не о краткомъ наброскѣ экономическаго развитія Рима.

¹⁾ См. особенно во второмъ томѣ знаменитаго труда Людвигъ Фридлендера отдѣлъ—„*Das Verkehrswesen*“, но также и другія мѣста.

²⁾ Мейеръ нѣсколько разъ очень настойчиво проводитъ или, вѣрнѣе, утверждаетъ аналогію между экономическимъ строемъ древности и современности. См. *Die wirtschaftliche Entwicklung d. Altertums*, р. 5; 28; 47. — Моммзень, который въ одномъ мѣстѣ (*Röm. Gesch.* I, 890) высказываетъ мысль, что капиталистическія формы хозяйства въ земледѣліи и торговлѣ („*im Ackerbau und Geldwesen*“) уже характеризуютъ римскій экономическій строй въ VI в. (го-естъ, уже какъ разъ, когда получается возможность по источникамъ связано изучать развитіе внутренняго быта), также какъ будто склоняется къ такому заманчивому сравненію (*Röm. Gesch.* I, 845). См. въ томъ же смыслѣ *K. Brey-sig*, „*Die sociale Entwicklung der führenden Völker Europas in der neueren und neuesten Zeit*“ (*Schmollers Jahrbuch*, XX, 1897, S. 82. Ср. также *K. W. Nitzsch*, *Gesch. d. deutsch. Volks*, I (1888), 126; III (1886), 444.

права въ римскомъ законодательствѣ и юриспруденціи времени имперіи ¹⁾, параллельно съ указаннымъ, свидѣтельствуеть, какъ можно предполагать, о сильномъ развитіи въ разсматриваемую эпоху мѣнового денежнаго и даже кредитнаго хозяйства.

2. Изображеніе внѣшняго, по крайней мѣрѣ, результата развитія экономическаго строя въ римскомъ мірѣ къ моменту объединенія его въ формахъ принципата красками и очертаніями, бѣгло показанными выше, даетъ въ общемъ несомнѣнно вѣрный дѣйствительности снимокъ. Но при этомъ въ умѣ невольно возникаетъ вопросъ: развѣ могъ Бюхеръ, построивъ свою схему и включая всю исторію древняго міра въ предѣлы ея первой фазы, не знать фактовъ, которые его оппоненты предъявляютъ ему въ видѣ возраженій, извлекая ихъ изъ источниковъ, по крайней мѣрѣ отчасти, давно извѣстныхъ?—Разумѣется, этого быть не могло. Авторъ знаетъ и признаетъ существованіе у римлянъ экономическихъ институтовъ и формъ хозяйства, которые выводили ихъ далеко за рамки нетронутой оikosной замкнутости быта ²⁾. Стало быть, если эти и подобные факты не подорвали въ его глазахъ собственнаго его построенія, они въ извѣстномъ смыслѣ укладывались у него въ предложенную схему. Они, можетъ быть, объяснялись имъ, какъ историческія уклоненія, нарушающія теоретическую симметрію ея, но каза-

¹⁾ См. *L. Goldschmidt*, *Universalgeschichte des Handelsrechts*, I Band, 1 Lieferung (3 Aufl. Stuttgart, 1891), S. 58—94 (и указанную у него литературу). Ср. *G. Carnazza*, *Il diritto commerciale dei Romani* (Catania, 1891).

²⁾ Дѣйствительно самъ авторъ не отрицаетъ появленія у римлянъ торговли и денежнаго (капиталистическаго) хозяйства. Онъ заявляетъ объ этомъ въ своемъ возраженіи на нападки Мейера (*Die Entstehung der Volkswirtschaft*, 2 Aufl. p. 66). Затѣмъ нѣкоторое развитіе взглядовъ Бюхера по этому пункту можно найти въ специальныхъ статьяхъ его „Die Diokletianische Taxordnung“ (въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft* за 1894 г.). Наконецъ въ прежнее его сочиненіи „*Die Aufstände der unfreien Arbeiter in Rom*“ (Frankfurt a. M. 1874) есть очень мѣткія замѣчанія о характерѣ „внѣшнихъ формъ“ хозяйственной организаціи у римлянъ. См. напр. стр. 8; 14—15; 17; 33—34 и др. Авторъ не взялъ ихъ назатъ, значитъ, они свидѣтельствуютъ въ его пользу.

лись ему слишкомъ слабыми, чтобы лишить ее научной достовѣрности, какъ средство символизаціи общаго хода экономическаго развитія древности и какъ методъ познанія путей экономической эволюціи всего человѣчества.—Слѣдовательно, появленіе „всемирной торговли“ не уничтожило, по понятіямъ автора, господства ойкоснаго хозяйства внутри странъ римскаго міра, какъ наиболѣе характерной черты экономическаго быта. Дѣло въ томъ, что выше набросанный эскизъ римскаго хозяйственнаго строя въ эпоху высшаго расцвѣта могущества и блеска имперіи одностороненъ: онъ подчеркиваетъ только то, что появилось въ немъ новаго вмѣстѣ съ прогрессомъ культуры и осложненіемъ жизненныхъ формъ. Это необходимо дѣлать, изображая экономическую эволюцію какого-нибудь общества. Но чтобы хорошо понимать весь процессъ такой эволюціи и правильно опредѣлить его результаты, требуется тутъ же бросать взгляды вглубь для выясненія того, не сохранили ли старыя особенности силу, достаточную, чтобы обезпечить за ними, по прежнему, преобладаніе. Не менѣе важно также пристально всматриваться впередъ, чтобы судить, насколько это новое было зрѣло и прочно. Можетъ быть, и въ данномъ случаѣ ближайшее наблюденіе покажетъ, что „народно-хозяйственные признаки“, проявившіеся въ организаціи римскаго экономическаго строя, были только временнымъ порывомъ къ такимъ формамъ быта, которыя еще не могли утвердиться навсегда или даже надолго. Можетъ быть, они объясняются правильно лишь какъ могучій, но преходящій отзвукъ какихъ-нибудь крупныхъ вліяній, породившихъ большое и богатое культурное теченіе, но оказавшихся не въ силахъ произвести въ отношеніяхъ рѣшительный переворотъ, до котораго не доросло еще все общество. Бюхеру можно сдѣлать упрекъ, что во второмъ изданіи своего этюда онъ не постарался обстоятельно опровергнуть главныя возраженія на его систему, высказанныя примѣнительно къ исторіи древняго міра. Но необходимо признать, что для разрушенія его гипотезы нельзя ограничиться сообщеніемъ фактовъ, внѣшнимъ образомъ ей противорѣчащихъ, и нѣкоторою ихъ группировкою, какъ дѣлаетъ Мейеръ. Необходимо взглядѣться внимательнѣе

въ причины происшедшихъ измѣненій, оцѣнить обстоятельства, при которыхъ они совершались, и разсмотрѣть послѣдствія, къ которымъ они приводили. Такого рода болѣе систематическое изученіе вопроса можетъ привести къ воспроизведенію картины экономическаго быта, гораздо сильнѣе отличающейся отъ современнаго міроваго хозяйства съ сложнымъ товарнымъ обращеніемъ, чѣмъ та, которая рисуется Мейеромъ и его единомышленниками. Ниже сдѣлана будетъ попытка показать, что взгляды Бюхера относительно римскаго міра въ основѣ правильны и даютъ много положительнаго для установленія генетическаго изслѣдованія римскаго соціального развитія и его вліянія на дальнѣйшее теченіе исторіи ¹⁾. Предшествующія страницы, которыя должны были привести къ „историческимъ“ ограниченіямъ „теоріи“ Бюхера, имѣли цѣлью служить исходною точкою для такихъ замѣчаній ²⁾.

Картина экономическаго состоянія и хозяйственной организациі античнаго міра, которую долженъ былъ напомнить составленный эскизъ, выдѣляя въ ней элементы, важнѣйшіе для представленія римскаго прошлаго и мало затронутые Мейеромъ, реально и вѣрно изображаетъ лишь наружную оболочку, которая образовалась надъ странами, объединенными римскою имперіею. — Всестороннее аналитическое изслѣдованіе исторіи землевладѣнія, промышленности и торговли

¹⁾ Относительно греческой и эллинистической древности авторъ настоящей книги не считаетъ себя компетентнымъ спорить, и въ ея области возраженія Бюхера, повидимому, могутъ быть легче опровергнуты или должны быть гораздо больше ограничены. См. кромѣ критики Мейера также рѣшительныя возраженія Пѣльманна въ двухъ рецензіяхъ, въ *Litt. Centralblatt*, 1895, p. 1780 и въ *Wochenschrift für cl. Philol.* 1895, p. 1111, и еще въ книгѣ его „Aus Altertum und Gegenwart“, стр. 186. Ср. однако то, что говоритъ *P. Guiraud*, *La propriété foncière en Grèce* (Paris, 1893), p. 595.

²⁾ Раньше были сдѣланы уже нѣкоторые оговорки противъ главныхъ возраженій на взглядъ Бюхера, преимущественно по отношенію къ первымъ ступенямъ историческаго развитія Рима. Теперь вниманіе будетъ обращено на позднѣйшіе вѣка съ цѣлью провѣрить, насколько вѣрное представленіе о высшей точкѣ экономической культуры, достигнутой Римомъ, дѣйствительно и кореннымъ образомъ идетъ въ разрывъ съ толкованіемъ этого ученаго.

во времена ея существованія, какъ можетъ казаться уже при настоящемъ положеніи разработки вопроса, вѣроятно, приведетъ къ убѣжденію, что внутренняя природа хозяйства не вполне соответствовала такой оболочкѣ. Но и пока подобное изслѣдованіе производится только по частямъ¹⁾, возможно уже обнаружить, что теорія Бюхера позволяетъ освѣтить путь при осуществленіи такой задачи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, можно попытаться показать нѣкоторыя условія, вызвавшія извѣстное перерожденіе ойкоснаго строя въ римскомъ мірѣ; а затѣмъ поставить нѣсколько вопросовъ для выясненія того, насколько такія условія въ состояніи были создать и прочно утвердить дѣйствительно новые порядки. Такъ удастся, можетъ быть, заглянуть нѣсколько глубже въ сущность дѣла и отчасти усмотрѣть, что скрывается подъ описанною, на видъ блестящею народно-хозяйственною корою.

Что „италійское“ развитіе римскаго общественнаго строя, продолжавшееся по той же основной линіи и въ періодъ великихъ „заморскихъ“ войнъ, хотя пересѣченное тогда и другими теченіями, привело къ образованію и укрѣпленію, какъ господствующей экономической силы въ государствѣ, крупныхъ барскихъ земельныхъ хозяйствъ — противъ этого врядъ ли можно успѣшно возражать. Это самый основной результатъ предшествовавшей экономической эволюціи; носительница же его — латифундія, — несомнѣнно, представляла собою „большой и автономный ойкосъ“, покоившійся на могучемъ территоріальномъ фундаментѣ и распоряжавшійся значительною рабскою силою. Въ этомъ смыслѣ набросокъ такого „историко-экономическаго образованія“, написанный Бюхеромъ и воспроизведенный выше, фиксируетъ самый важный и замѣчательный фактъ, характеризующій из-

¹⁾ Во введеніи было показано, что не существуетъ до сихъ поръ основательнаго и новаго, истинно научнаго труда, изображающаго полную исторію аграрнаго развитія Рима. То же съ еще большею силою можетъ быть сказано объ исторіи промышленности и торговли и вообще денежнаго хозяйства римскаго народа. См. библиографическія указанія у *M. Voigt, Römische Privatrecht*, p. 372 и *L. Goldschmidt, Handbuch d. Handelsrecht* (3 Aufl.), I, 58. Между тѣмъ только глубокое выясненіе той и другой стороны экономическаго быта римлянъ окончательно отвѣтило бы въ пользу одного изъ спорящихъ здѣсь мнѣній.

слѣдующее явленіе въ его своеобразности, и имѣетъ за себя большую историческую достовѣрность ¹⁾). Типичность и распространенность подобнаго рода „соціальныхъ организмовъ“ въ римскомъ мірѣ конца республики подтверждается въ настоящей книгѣ изученіемъ сочиненій Горация съ дополненіями изъ сравнительнаго обзора данныхъ, находимыхъ у сосѣднихъ и однородныхъ съ нимъ писателей. Самодовлѣющая ихъ организація и степень могущества ихъ въ жизни страны иллюстрируется тутъ же исторіею состоянія Атика и тѣмъ матеріаломъ, который привлеченъ къ ея освѣщенію ²⁾). Самое государственное устройство Рима въ ту эпоху является аргументомъ для обоснованія правильности такого историческаго представленія. Это довольно сплоченная, консервативно-стойкая федерація такихъ большихъ, хозяйственно-самостоятельныхъ единицъ. Это комплексъ крупныхъ ойкосовъ, сошедшихся для взаимной защиты внутреннихъ интересовъ каждаго путемъ охраны общаго господства ихъ надъ Италіей прежде всего. Такова экономическая сто-

¹⁾ Такое положеніе не противорѣчитъ и тѣмъ идеямъ, въ которыхъ воплощаются хозяйственные порядки въ „Римской Исторіи“ Моммзена. Перечитывая различныя мѣста знаменитаго произведенія, въ которыхъ говорится объ экономическихъ отношеніяхъ, и сопоставляя заключенія великаго историка, мы видимъ, что онъ, хоть и много отдаетъ превосходныхъ страницъ описанію „римскаго денежнаго, торговаго капитализма“, въ концѣ концовъ показываетъ, что крупная барская вотчина оставалась центральной фигурой хозяйственнаго строя, и что денежные операціи, какъ бы онѣ ни казались развитыми, въ концѣ концовъ служили ея благосостоянію.

²⁾ Эпиграфическія изслѣдованія о такъ называемыхъ „*Grundherrschaften*“, объединившихъ на огромныхъ частновладѣльческихъ территорияхъ очень многочисленный, зависимый отъ господина ихъ рабочій людъ и обладавшихъ весьма значительною хозяйственною, битовою и даже административною самостоятельностью, являются также въ качествѣ превосходныхъ „contributions“ для полученія того же вывода. Особенная важность послѣднихъ заключается въ томъ, что работа надъ официально-точнымъ матеріаломъ надписей приводитъ къ аналогичному заключенію, какъ и тщательное изученіе описаній, сужденій, замѣчаній, намековъ, почерпаемыхъ у авторовъ. Для достиженія окончательныхъ и неизблемо твердыхъ результатовъ въ области изслѣдованія даннаго вопроса, необходимо только продолжать работу, направляясь шире (то-есть, изучая распространеніе явленія) и глубже (анализируя въ подробностяхъ признаки его). Такова будетъ задача слѣдующихъ трудовъ автора настоящаго сочиненія.

рона той политической организаціи, которую историки называютъ олигархіей нобилей ¹⁾).

Совокупность обстоятельствъ, опредѣлявшихъ общее теченіе римской исторіи, толкнула городъ къ всемірнымъ завоеваніямъ, то-есть, вывела его изъ полуостровной замкнутости на огромную историческую сцену, побудила его вступить въ весьма широкія отношенія къ окружающему міру. Такія „всемірно-историческія судьбы“ выработали въ римлянахъ способность стать создателями и носителями новой идеи политическаго объединенія (ассимиляціи, инкорпораціи). Образующаяся міровая держава включала въ себя разнородные социальные элементы съ различною хозяйственною жизнью. Создававшееся великое политическое единство, вызывая культурное взаимодействіе между ними, подготовляло необходимость экономическаго общенія и дифференціаціи видовъ производительной дѣятельности, то-есть, выводило мѣстности и хозяйства изъ безусловной ойкосной замкнутости. Все, безъ сомнѣнія, такъ и происходило. Но „господа положенія“—главари крупныхъ ойкосовъ, сдѣлавшись фактически „владыками міра“, стремились обратиться также въ „распредѣлителей и главныхъ потребителей міроваго богатства“.

Можно было бы развить намѣченное общее положеніе анализомъ и группировкою множества фактовъ. Здѣсь приходится ограничиться нѣсколькими разъяснительными данными и соображеніями. Присоединенныя къ Риму провинціи почти юридически разсматривались, какъ „*praedia populi Romani*“ ²⁾. Фактически въ качествѣ „*populus Romanus*“ выступали, собственно говоря, одни знатные и богатые вожди, которые въ экономическомъ отношеніи именно и являлись „крупными ойкосными господами“ („*die Grundherren*“). Они одни обладали достаточною хозяйственною самостоятельностью, чтобы развить въ себѣ при данной обстановкѣ необходимую социальную и политическую инициативу. Они на

¹⁾ Тутъ происходитъ въ другихъ формахъ и размѣрахъ политическій процессъ, аналогичный тому, который привелъ въ древнеиъ Лаціумѣ первобытныя родовыя замкнутыя домашнія хозяйства къ первоначальному объединенію въ гражданскую общину.

²⁾ См. *Cic.* II In Ver. II, 3, 7. Ср. *Mommsen*, R. G. III, 159.

самомъ дѣлѣ руководили войною и организовали побѣду, какъ бы воплощая въ себѣ торжествующій народъ („*populus victor*“). Они уже раньше захватили въ свои руки земельный и рабскій капиталъ. Они сидятъ на огромныхъ италійскихъ помѣстьяхъ, оплодотворяемыхъ цѣлыми арміями невольниковъ. Они воспользовались также львиною долею территориальной добычи въ завоеванныхъ странахъ. Они же стремятся присвоить постепенно начинавшій дифференцироваться денежный и товарный капиталъ. Денежная спекуляція служитъ въ ихъ рукахъ хорошимъ орудіемъ насажденія капиталистическихъ формъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Кто же, какъ не они, подчинить міръ „своему царству“ помощью эксплуатаціи его и коммерческимъ способомъ? Золото ихъ поработитъ города и области: люди и группы людей будутъ работать для нихъ при посредствѣ ихъ денегъ ¹⁾; муниципальныя общины и цѣлыя провинціи попадутъ къ нимъ въ кабалу. „Хозяйство міра“ организуется, какъ ихъ „частное хозяйство“. „Ойкосы“ покроютъ „міръ“ ²⁾.

При болѣе тщательномъ ознакомленіи съ особенностями капиталистическихъ предпріятій, которыя устраивались римскою знатью послѣдняго вѣка до Р. Хр., можно убѣдиться, что настоящая торговля, въ смыслѣ свободнаго обмѣна добываемыхъ и обрабатываемыхъ продуктовъ между странами и людьми, развивалась тогда довольно слабо и медленно. Какъ самый выдающійся новый экономическій фактъ разсматриваемой эпохи, наблюдается группа обладателей крупныхъ частныхъ состояній, которые овладѣли государственнымъ хозяйствомъ и руководятъ имъ. Коммерческія дѣла, въ которыя они влагали свои огромные капиталы, сводились

¹⁾ Выше приводились примѣры, какъ Аттикъ, Цицеронъ, Крассъ, Брутъ, еще раньше Катонъ занимались „торгомъ“ черезъ подставныхъ лицъ, которымъ они ссужали средства или поручали свои капиталы, и при помощи которыхъ расширяли сферу своего экономическаго воздѣйствія. Такіе примѣры, конечно, свидѣтельствуютъ о широкой распространенности явленія.

²⁾ Кромѣ приведенныхъ въ этюдѣ объ Аттикѣ фактовъ (стр. 271 настоящей книги), см. еще интересныя указанія на такое экономическое подчиненіе, а иногда и правовую клиентную зависимость городовъ и областей отъ крупныхъ магнатовъ, собранныя у *M. Voigt*, *Röm. Privatalterthümer*, p. 372.—Ср. любопытное изображеніе того же у Моммзена (*Röm. Gesch.* III, 527 ff.).

главнымъ образомъ къ захвату въ свои руки и организаціи въ свою пользу государственной эксплуатаціи платежныхъ средствъ многочисленныхъ жителей покореннаго міра ¹⁾). Въ выгодной работѣ участвовали оба слоя римской аристокраціи—и нобили-сенаторы, и всадники. Сначала тѣ и другіе какъ бы размежевали между собою различные виды доходныхъ статей провинціального хозяйства и управленія. Нобили взяли земли и проконсульскія мѣста, всадники монополизировали податные откупа, казенные подряды и крупную торговлю. Первое время между старою и новою знатью замѣчалась конкуренція на поприщѣ обогащенія за счетъ благосостоянія подданныхъ римскаго народа. Но она скоро стала ослабѣвать, и обѣ корпораціи слились на дѣлѣ въ одно привилегированное правящее сословіе, всѣ члены котораго одинаково претендовали на курульня (преимущественно провинціальные) магистратуры; съ другой стороны, изъ нихъ составился одинъ классъ крупныхъ земельныхъ и денежныхъ капиталистовъ, которые всѣ одинаково настойчиво стремились пристроиться къ доходнымъ экономическимъ и финансовымъ предпріятіямъ ²⁾).

Что касается системы организаціи ихъ личнаго состоянія, то у всадниковъ оно выливалось въ форму замкнутаго „ойкоса“ не менѣе типично, чѣмъ у сенаторовъ ³⁾). Подобные предприниматели могли богатѣть и обходиться безъ большихъ рынковъ и безъ состоятельнаго и свободнаго производящаго и покупающаго населенія. Ихъ доходы, получаемые всего болѣе съ откуповъ податей и государственныхъ поставокъ или отъ такихъ операцій, какъ ссуды провинціальнымъ городамъ и частнымъ лицамъ, служили укрѣпленію и расширенію ихъ индивидуальныхъ земельныхъ владѣній (которыя уже

¹⁾ Такъ показано дѣло очень ясно и у Моммзена.

²⁾ Ср. *K. Bücher*, *Die Aufstände der unfreien Arbeiter*, p. 7. Сенаторы были первоначально, какъ извѣстно, стѣснены при участіи въ послѣднихъ различныхъ запрещеніяхъ. См. выше стр. 258. Ср. *M. Voigt*, *Römische Privatalterthümer*, p. 360. Но, какъ извѣстно не менѣе, они различными обходами также приспособлялись къ „коммерціи“.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ хозяйство всадника-Аттика, описанное въ настоящей книгѣ, ничѣмъ по существу не отличалось отъ такового же сенаторовъ — Цицерона, Катона, Брута и др.

были такими обширными, как княжества или царства). Капиталы их мало возбуждали предприимчивость других слоев общества в производствѣ съ цѣлью обмена, то-есть, слабо толкали ихъ къ хозяйственному взаимодействию ¹⁾).

Нельзя дѣйствительно представлять себѣ экономической строй римскаго государства въ послѣднее время республики и специально въ эпоху утвержденія имперіи такъ, какъ это дѣлается часто въ исторической литературѣ, то-есть, какъ современный. Римскій міръ слагался тогда не изъ совокупности множества мелкихъ, среднихъ и крупныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, сосредоточившихся каждое на особой функциі и раздѣляющихъ трудъ въ производствѣ и обменѣ для содѣйствія наиболѣе удовлетворительному распредѣленію продуктовъ, — хозяйствъ, многообразно переплетающихся между собою и не могущихъ обойтись безъ постоянной кооперации. Передъ глазами внимательнаго историка рисуется иная и вполне своеобразная картина. Онъ откроетъ, что хозяйственные элементы римскаго общества объединялись въ рядъ громаднхъ домовъ. Послѣдніе держали въ своей власти всѣ средства производства—земли и капиталы— и подчинили своей собственности всѣ рабочія силы; каждый изъ нихъ въ общемъ правилѣ можетъ обильно довольствоваться своимъ производствомъ, по крайней мѣрѣ, по главнымъ статьямъ постоянного потребленія; а всѣ они вмѣстѣ, если не воплощали въ себѣ всего экономического строя, то представляли господствующую въ немъ силу.

Руководители этихъ „домовъ“ дѣйствовали капиталистически, но это не разрушало „ойкоснаго“ характера организаци ихъ состояній. Они соединяли свои капиталы, устраивая компаніи откупщиковъ—*societates publicanorum*. Но дѣла, занимавшія средства членовъ послѣднихъ, являлись, въ большинствѣ случаевъ, финансовыми функциями государства, проданными въ частныя руки, скорѣе чѣмъ торгово-промышленными предприятиями, вызывавшими необходимость но-

¹⁾ Напротивъ, имъ даже было выгодно, чтобы хозяйства людей и городовъ, съ которыми они находились въ известнхъ коммерческихъ и финансовыхъ сношеніяхъ, оставались изолированными. При такихъ условіяхъ они легче могли держать ихъ въ подчиненіи.

выхъ формъ хозяйства, которыя требовали бы далеко идущаго и все захватывающаго раздѣленія труда. Сотрудничество свободныхъ капиталовъ такихъ крупныхъ ойкосныхъ господъ примѣнялось здѣсь, какъ средство осуществленія громадныхъ операций сбора податей или выполненія публичныхъ работъ, которыя были непосильными для отдѣльныхъ, хотя бы и очень большихъ богатствъ, трудными даже для государства. Но всетаки это былъ какъ бы только условный „союзъ“ между главарями домашнихъ хозяйствъ для расширенія сферы экономическаго воздѣйствія ихъ на мѣръ, то-есть, господства надъ нимъ. Они „покупали“ у „государства“ его право „эксплуатировать подданныхъ“ и потомъ дѣлились „добычею“ пропорціонально риску (т. е. вложеннымъ капиталамъ). Союзъ этотъ заставлялъ ихъ выступать за предѣлы полной замкнутости, входить въ общеніе между собою. Но результаты ихъ совмѣстной финансовой дѣятельности питали, какъ видно изъ сказаннаго, новыми средствами ихъ „дома“; обновленные приемы хозяйствованія не разрушили, а напротивъ укрѣпили независимость послѣднихъ ¹⁾.

Безъ сомнѣнія, при практикѣ откуповъ товариществами публикановъ въ жизнь вносились новые приемы или обобщались мало употребительныя орудія совершенія хозяйственныхъ актовъ, популяризировались понятія о деньгахъ и кредитѣ, о биржѣ и спекуляціи, какъ объ удобныхъ жизненныхъ началахъ, расширяющихъ благосостояніе ²⁾.—Экономи-

¹⁾ Организуя своими капиталами откупныя предпріятія, всѣ они вели и свои отдѣльныя, автономныя, самодовлѣющія хозяйства, для процвѣтанія которыхъ, какъ было показано на примѣрѣ Аттиѣа, финансовыя операціи и доходы съ нихъ служили надежнымъ подспорьемъ.

²⁾ Письма Цицерона къ Аттику полны разсказовъ и намековъ на всевозможныя денежныя дѣла и капиталистическія предпріятія. Можно тутъ вспомнить также извѣстное мѣсто Полибія (*Hist.* VI, 17), въ которомъ онъ изображаетъ еще раньше разливъ спекулятивной горячки и крупныхъ финансовыхъ и торговыхъ начинаній въ Римѣ. Бѣглое чтеніе произведеній комиковъ и поэтовъ также оставляетъ впечатлѣніе, что всѣ были запутаны уже тогда въ Вѣчномъ городѣ въ лабиринтъ народно-хозяйственныхъ явленій. У всѣхъ авторовъ, начиная со времени, послѣдовавшаго за ганнибаловой войной, можно найти данныя для „исторіи римскаго капитализма“, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда. См. спеціальное изслѣдованіе *E. Belot*, „De la révolution économique et monétaire à Rome au milieu du III v. avant l'ère chrétienne (P. 1886).

ческий строй такимъ образомъ осложнялся; но нужно понимать, что устои его не перерождались въ ихъ существѣ. Общества откупщиковъ именно являлись административно-финансовыми учрежденіями гораздо больше, чѣмъ частными торговыми компаніями ¹⁾. Притомъ „въ игру“ вступали тутъ преимущественно крупные капиталисты; мелкіе оставались чаще всего въ сторонѣ или занимали въ организациі товариществъ публикановъ второстепенное и несамостоятельное положеніе ²⁾. Стало быть, широкаго и глубокаго переворота

¹⁾ Ср. то, что говорятъ *A. Pernice*, *Parerga*, VIII („Ueber wirthschaftliche Voraussetzungen römischer Rechtssätze“), въ *Zeitschr. f. Rechtsgeschichte*, 1896, XIX, p. 113.

²⁾ Правда, Полибій въ только что указанномъ, въ высшей степени интересномъ мѣстѣ прямо говоритъ, что въ Римѣ положительно всѣ такъ или иначе принимали участіе въ подобныхъ финансовыхъ операціяхъ („Пάντα χειρίζεσθαι συμβαίνει τὰ προσιρρέμενα διὰ τοῦ πλήθους, καὶ σκεδόν, ὡς ἔπος εἰπεῖν, πάντας ἐνδεδῶσθαι ταῖς ὠναῖς καὶ ταῖς ἐργασίαις ταῖς ἐκ τούτων. Οἱ μὲν γὰρ ἀγοράζουσι παρὰ τῶν τιμητῶν αὐτοὶ τὰς ἐκδόσεις, οἱ δὲ κοινωοῦσι τούτοις, οἱ δ' ἐγγυῶνται, τοὺς ἡγοραχότας, οἱ δὲ τὰς οὐσίας διδῶσιν περὶ τούτων εἰς τὸ δημόσιον“). Отсюда вытекаетъ, будто всякій заинтересованъ въ откупахъ и доставляемыхъ ими доходахъ, всякій спекулируетъ своими наличными деньгами, пуская одинъ колоссальная суммы, другой умѣренныя сбереженія, третій ничтожныя гроши въ предпріятія общества капиталистовъ. Исходя изъ этого дѣйствительно любопытнаго свидѣтельства и сопоставляя съ нимъ другія свидѣнія о примѣненіи акціонернаго принципа къ организациі ихъ компаній, нѣкоторые историки строили картину того, какъ капитализмъ объединилъ въ своихъ рамкахъ всѣ слои общества отъ какого-нибудь Красса до послѣдняго представителя римскаго плебса. См., между прочимъ, *A. Deloume*, *Les manieures d'argent à Rome*. p. 98 ss. Богачи, утверждаютъ, вкладывали миллионы въ откупныя и коммерческія предпріятія, приобретая множество дорогихъ акцій — *partes* (*Cic. Pro Rabir.* 2, 4: „*magnas partes habuit publicorum*“) и смѣло игралъ громадными цѣнностями на рынкѣ, отживавшаяся на рискованнныя спекуляціи. Бѣдняки ставили на карту скудный достатокъ, непрерывно добываясь хоть мелкой „*particula*“ (о такихъ дешевыхъ акціяхъ см. *Cic. II In Verr.* II, 19, 47; *Val. Max.* VI, 9, 7). Такимъ образомъ силою капитала связывались въ одинъ экономическій организмъ результаты труда всего общества, воплотившіеся въ накопленныхъ большихъ или малыхъ деньгахъ. Она же направляла ихъ къ дальнѣйшему производительному употребленію, то-есть, къ созданію благъ, которыя будутъ расширять богатство этого общества, и послѣднее въ формѣ дивидендовъ будетъ расходиться во всѣ слои народа. Очерченное представленіе однако слишкомъ оптимистично. Оно отражаетъ во всякомъ случаѣ только живую столицу, а не всего римскаго міра. Даже и тамъ только сравнительно немногіе свободно могли участвовать въ спекуляціяхъ: средній классъ былъ слабъ и малочисленъ (вспомнимъ извѣстное мѣсто *Cic. De off.* II, 21); пролетаріатъ — мало способенъ къ сбереженію. Какъ бы то ни было, но нельзя говорить, что въ Римѣ образовался значительный классъ

въ „экономической почвѣ“ развитіе одного „откупного капитализма“ произвести не могло ¹⁾.

Надобно, правда, указать, что, помимо выполнения по своей инициативѣ и на свои средства главныхъ отраслей государственнаго хозяйства, публиканы сообща или также многіе члены ихъ компаній отдѣльно на свой страхъ и съ помощью прямо или косвенно приобрѣтенныхъ и умноженныхъ откупами капиталовъ устраивали и вели нѣкоторыя предпріятія и чисто коммерческаго характера ²⁾. Но такая „торговля“ ихъ была во всякомъ случаѣ одностороннею и поверхностною; въ этомъ смыслѣ она не обладала могущественною творческою силою. Римскіе капиталисты производили въ своихъ хозяйствахъ и отчасти скупали у другихъ извѣстныя категоріи товаровъ въ составѣ и размѣрахъ, опредѣленныхъ государственнымъ спросомъ и еще потребностями немногихъ главныхъ густо населенныхъ центровъ, которые уже начинали притягивать къ себѣ нѣкоторые продукты значительными массами. Важное значеніе здѣсь имѣла торговля хлѣбомъ („*mercatores frumentarii*“) для нуждъ столицы и отчасти Италіи и организація самой доставки въ Римъ спрашиваемыхъ тамошнимъ рынкомъ произведеній (*navicularii*) ³⁾. Но

„мелкихъ рантъ“: слѣдовъ его существованія черезчуръ немного. Самня малія акціи (*particulae*), если ихъ ходило большое число, находились, должно быть, либо въ рукахъ тѣхъ же крупныхъ капиталистовъ, разсѣвавшихъ свои деньги по различнымъ предпріятіямъ для уменьшенія риска, либо, въ большинствѣ случаевъ, людей, отъ нихъ зависѣвшихъ: солдатъ, награждаемыхъ полководцами, кліентовъ, окружавшихъ патроновъ, вольноотпущенныхъ и даже рабовъ, являвшихся подставными лицами господъ, которые желали скрыть свои доходы..

¹⁾ Нужно отгѣтить, между прочимъ, тутъ кстати, что римлянинъ до конца предпочиталъ хранить свои сбереженія дома въ сундукѣ или вообще въ гѣрномъ мѣстѣ, чѣмъ пускать лишніи деньги въ оборотъ. Это свидѣтельствуетъ также о сохраненіи замкнутыхъ формъ индивидуальнаго хозяйства. См. интересные факты въ толькo что выше названной статьѣ Перриса въ *Zeitschrift für Rechtsgesch.* XIX (1898), 114 ff.

²⁾ Цицеронъ (*Parad.* VI, 2, 46) указываетъ источникъ честнаго обогащенія денежнымъ путемъ: „*Qui honeste rem quaerunt mercaturis faciendis, operis dandis, publicis sumendis*“. Такимъ образомъ, здѣсь рядомъ съ участіемъ въ различнаго рода предпріятіяхъ откуна ставится торговля — *mercatura, negotiatio*.

³⁾ См. указанія, собранныя у *M. Voigt, Römische Privatalterthümer*, 371 ff.

на первомъ мѣстѣ въ такой „*negotatio*“ крупныхъ римскихъ капиталистовъ—открытой (всадниковъ) и тайной (сенаторовъ-нобилей) — стоялъ всетаки денежный торгъ: ссудныя операціи (*feneratio*) и нѣкоторыя другіе, уже тогда возникшіе виды „мѣняльнаго“ или „банковаго“ дѣла (*res argentaria*) ¹⁾. Эта главнѣйшая вѣтвь торгово-капиталистическихъ предпріятій римскихъ денежныхъ магнатовъ принимала опредѣленно и рѣзко ростовщическій характеръ; а данное обстоятельство, хотя и содѣйствовало обогащенію ихъ самихъ и увеличивало ихъ соціальное могущество, зато приводило къ разоренію тѣхъ, на кого направлялись денежные сѣти, то-есть, бѣдныхъ классовъ и особенно провинціальныхъ жителей, не поднимая нисколько трудовой энергіи подчиненныхъ Риму странъ.

Такимъ образомъ капитализмъ въ римскомъ мірѣ съ самаго начала былъ пораженъ язвою непродуктивности: онъ оказывался безсильнымъ оплодотворять промышленность и вдохнуть въ нее жизнь и развитіе ²⁾. Точно также въ самомъ Римѣ развитіемъ капитализма не вызывалось никакого порыва или роста производительной дѣятельности. Богачи не нуждались въ равноправномъ сотрудничествѣ съ свободными классами населенія; они не привлекали къ работѣ новыя группы людей, довольствуясь тѣмъ, что добывали и выдѣлывали ихъ рабы и зависимые люди для удовлетворенія ихъ жизненныхъ потребностей; тщеславію же ихъ удовлетворяли заморскіе чужіе купцы. Насильственно захваченное богатство, доставленное, по большей части, войнами, грабежами, хищеніями, вымогательствами, монополіями, въ самомъ дѣлѣ плодило только дальнѣйшую эксплуатацію, вызывая лишь жажду накопленія или расточенія, а не истинный промышленный и торговый прогрессъ. Первое (накопленіе) давало силу, второе (расточеніе)—радости жизни; и то, и другое доставляло

¹⁾ См. *A. Deloume*, *Les manieurs d'argent à Rome* (2 éd.), p. 146—178; 318—336.

²⁾ Ср. *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung d. antik. Städte*, p. 29: „Das in Rom zusammenströmende Capital trat zum grossen Theil nicht als ein lebendiger productiver Factor der heimischen Industrie auf, sondern wandte sich mit Vorliebe wirtschaftlich gar nicht oder wenig productiven Unternehmungen zu, Steuerpachtungen, Wechsler- und Wuchergeschäften u. dgl.“

блескъ ¹⁾. Но ни то, ни другое—ни алчное приобрѣтеніе, ни безумная роскошь—не могли приводить къ правильной эволюціи трудовой дѣятельности и стройной дифференціаціи ея функцій, захватывая все общество и перерабатывая весь порядокъ его быта ²⁾.

Таковы въ общихъ чертахъ самыя выдающіеся признаки и господствующія формы, въ которыхъ сочетались хозяйственныя силы, дѣйствовавшія въ римскомъ обществѣ въ эпоху паденія республики и зарожденія имперіи.

3. Историческая достовѣрность очерченной только что комбинаціи экономическихъ отношеній между странами римскаго міра и населявшими ихъ общественными слоями, которая установилась къ началу христіанской эры, врядъ ли можетъ быть опровергнута. Послѣ внимательнаго сопоставленія фактовъ, которые указываются въ элементарныхъ руководствахъ, изображаются въ общихъ научныхъ трудахъ и анализируются въ соответствующихъ специальныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ по римской исторіи, она должна построиться, какъ ихъ естественное и необходимое обобщеніе. И такая картина доказываетъ, что „система крупныхъ оікосовъ“ представляла собою очень живучее историческое образованіе въ римскомъ социальномъ прошломъ. Но въ то же время тщательное наблюденіе, сосредоточиваясь дальше

¹⁾ См. *K. Bücher*, Die Aufstände der unfreien Arbeiter, p. 5. Интересныя указанія на эту особенность экономического настроенія римскихъ богачей можно найти въ книгѣ *W. Drumann*, Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom (Königsberg, 1860), § 18; 46. По поводу того, что роскошь, а не расширеніе производства была цѣлью приобрѣтательской дѣятельности капиталистовъ въ Римѣ см. еще у Моммзена, *Röm. Gesch.* III, 522 ff.

²⁾ Въ подтвержденіе факта такой непродуктивности римскаго капитализма см. интересное изслѣдованіе *Scheel*, Der Begriff des Geldes in seiner historisch-oekon. Entwicklung (*Jahrb. f. Nationalök. und Statist.* 1866, VI, p. 21). Авторъ показываетъ, что въ римскомъ правѣ не существовало понятія о производительномъ капиталѣ, а послѣдній рисовался только состоящимъ изъ мѣншихъ цѣнностей, деньги же рассматривались, какъ орудіе только потребления, а не производства. Ср. его же статью „Die wirtschaftlichen Grundbegriffe im Corpus iuris civilis“ (*Ibid.* p. 330) и работу *Bruder* въ *Tübinger Zeitschr. f. Staatswissensch.* 1876, p. 635.

на подробностяхъ, опять обнаружить явленія, которыя снова и какъ будто глубже, чѣмъ раньше, подтачивали прочность выработавшихся порядковъ.

Упорство, съ которымъ ойкосные главы отстаивали свое исключительное могущество, шло въ разрѣзъ съ интересами остальныхъ многочисленныхъ обитателей центра и периферіи объединеннаго Римомъ міра. Формы, въ какія вылилось это объединеніе, отражали на себѣ процессъ, какимъ оно совершалось. Земли, связанныя въ одно нѣкое войною, стали собственностью побѣдителей (*praedia populi Romani*). Жители ихъ разсматривались, какъ подданные римлянъ, если не какъ ихъ настоящіе рабы. Вожди римскаго народа являлись тѣмъ болѣе господами провинціаловъ и распоряжались ихъ трудомъ и имуществомъ съ тѣмъ большимъ произволомъ, что и самъ народъ-побѣдитель въ своей массѣ зависѣлъ отъ ихъ богатства и власти. Ойкосная эксплуатація міра римскою аристократіею дѣйствительно почти не имѣла предѣловъ во время господства нобилитета и всадничества въ послѣднюю эпоху республики. Но то же объединеніе міра Римомъ вызывало теченія, которыя постепенно могли создать хозяйственную организацію, обеспечивающую прогрессъ благосостоянія и свободы болѣе значительныхъ слоевъ населенія, чѣмъ горсть магнатовъ и ихъ ближайшихъ кліентовъ и слугъ. Подъ давленіемъ ихъ Римъ — городъ-властелинъ побѣжденнаго и завоеваннаго міра долженъ былъ превратиться въ городъ-столицу громаднаго территориальнаго государства. Угнетеніе міра должно было переродиться у него въ регулировку и централизацію экономическаго и идейнаго общенія между многочисленными областями, достигшими равноправности съ главою. Притомъ отдѣльныя хозяйства, изъ которыхъ составлялась экономическая ткань каждой изъ этихъ странъ, могли бы окончательно индивидуализироваться. Они обособились бы около опредѣленныхъ отраслей трудовой дѣятельности и энергично выполняли бы свою специальную работу въ производствѣ, но нуждались бы въ разнообразномъ взаимодействіи съ другими. Они зажили бы одною жизнью со всѣмъ могучимъ огромнымъ социальнымъ тѣломъ, въ которое входили, и Риму при-

надлежала бы въ такой жизни лишь свободно организующая сила. Это было бы шествiемъ къ мировому хозяйству, которое сначала, какъ было указано, распространялось только по поверхности огромнаго государственнаго цѣлаго; теперь же оказалось способнымъ проникнуть въ его глубину.

Въ обществѣ были элементы, опредѣленно уже (отчасти даже сознательно) жаждавшіе подобнаго переворота — эмансипаціи отъ ойкосной тиранніи. Въ немъ выросли постепенно извѣстныя группы, ставшія способными къ организациіи трудовой дѣятельности на началахъ раздѣленія видовъ производства и удовлетворенія потребностей путемъ торговаго обмѣна ¹⁾. Это были, прежде всего, въ числѣ римскихъ гражданъ достаточные люди, такъ сказать, третьяго разряда, неспособные конкурировать съ земельными магнатами и финансовыми тузами; рядомъ съ ними стояли обѣднѣвшіе жители Рима и Италіи, въ которыхъ однако пережитыя бѣдствія не убили социальной энергіи, а новыя обстоятельства вновь возбуждали инициативу. Выбитые раньше изъ положенія самостоятельныхъ единицъ „въ натуральномъ хозяйствѣ“, они теперь выносились поднявшимся экономическимъ водоворотомъ изъ „бездѣйствія пролетаріевъ“ и „подчиненія клиентовъ“ и стремились вырваться изъ нужды или патронатной опеки, чтобы самостоятельно искать наживы при новыхъ условіяхъ въ чужихъ странахъ ²⁾. Снизу они пополнялись вольноотпущен-

¹⁾ Такого рода элементы, которые могли привести къ возникновенію въ римскомъ обществѣ кадровъ новаго класса — торговой и промышленной „буржуазіи“, стали замѣтно усиливаться вслѣдъ за присоединеніемъ восточныхъ областей, въ которыхъ предшествовавшее экономическое развитіе обусловило зарожденіе такой самостоятельной социальной категоріи.

²⁾ Это была та несомнѣнно существовавшая, хотя слабая и разрозненная и потому незамѣтная часть римскаго „плебса“ времени упадка республики, которая, не находя выхода изъ бѣды на старой родинѣ, пускалась за море въ поискахъ за средствами устроить себѣ лучшую долю. См. *V. Duruy, Histoire des Romains*, III, 681 (éd. ill. 1881). Цицеронъ прямо говоритъ, что Галлія полна римскихъ гражданъ, практиковавшихъ всякаго рода занятія, которыя доставляли заработокъ и доходъ. См. *Cic. Pro Font.* 5, 11—12; 20, 46.—То же вытекаетъ изъ его описанія азіатскихъ провинцій (въ рѣчи *Pro leg. Man.* и въ письмахъ). Изъ того, что по заговору, устроенному агентами Митридата, удалось убить въ одинъ день около ста тысячъ римскихъ гражданъ, обитавшихъ въ Азіи (см. *Appian. Mithr.* 22; *Val. Max.* IX, 2, 8. *Tac. Ann.* IV, 14; *Vell.* II, 18), видно, какъ далеко зашло это „переселенческое движеніе“. — Множество такого рода

никами ¹⁾. Но къ нимъ примыкали, становясь во главѣ ихъ, и болѣе богатые, хотя всетаки второстепенные капиталисты—всадники преимущественно италійско-муниципальнаго происхождения. Если послѣднимъ не удавалось пробиться вверхъ и стать въ ряды крупныхъ ойкосныхъ хозяевъ, землевладѣльцевъ и денежныхъ людей въ одно время, они, вѣроятно, охотно готовы были отдѣлиться отъ этого правящаго меньшинства. Они вырабатывали въ себѣ крѣпкую приспособляемость къ измѣнившимся условіямъ работы и будутъ склонны энергично поддержать политическую революцію, которая окажетъ имъ покровительство ²⁾.

Другой встрѣчный потокъ зарождался въ провинціяхъ, направляясь обратно къ Риму. Тамъ, особенно въ старыхъ, ослабѣвшихъ, но теперь вспрыснутыхъ новою живою водою центрахъ высокой культуры жили люди и даже мірки, уже умѣвшіе вести сложное хозяйство на началахъ обмѣна ³⁾. Точно также въ новыхъ, тронутыхъ романизаціею

людей, цѣпкихъ и дѣятельныхъ, странствовало по провинціямъ или утверждалось въ нихъ, проникая въ самые далекіе углы востока и запада. См. любопытные факты у *L. Friedländer*, *Sittengeschichte* (6 Aufl.), II, 73; 76 et pass. Большая часть ихъ именно устранивала всякія коммерческія и промышленныя дѣла или пристраивалась къ уже существующимъ. Надписи и другіе источники наглядно констатируютъ это теченіе. См. богатый и разнообразный матеріалъ, собранный въ интересныхъ работахъ *Ad. Schulten*, *De conventibus civium Romanorum* (Berolini, 1892) и *E. Kornemann*, *De civibus Romanis in provinciis consistentibus* (Ibid. 1892).

¹⁾ Можетъ быть, даже самое распространеніе обычая отпуски на волю было признакомъ нѣкотораго невольнаго подчиненія самихъ ойкосныхъ господъ, владѣльцевъ рабской массы, новымъ требованіямъ времени. Возможно, что они изъ вольноотпущенниковъ стремились создать для себя классъ необходимыхъ посредниковъ въ торговыхъ дѣлахъ съ заморскими странами, которыя они захватывали въ свои руки. Рабы были для этого непригодны; вольноотпущенники же, болѣе свободные и предприимчивые, всетаки оставались подъ извѣстной зависимостью отъ господъ. Послѣдніе старались закрѣпить эту зависимость, первые—воспользоваться вполне свободою. См. *H. Lemonnier*, *Etude historique sur la condition privée des affranchis* (P. 1888).

²⁾ Всадничество дѣйствительно рекрутировалось постоянно выходцами изъ муниципальных міровъ (см. *L. Friedländer*, *Sittengesch.* I, 278 ff.). Извѣстно, что этотъ классъ, гораздо меньше связанный традиціями съ республикой, сдѣлался скоро одною изъ опоръ имперіи и составилъ зерно ея будущей аристократіи.

³⁾ Можетъ быть, еще не умершая культурная традиція торговли, которая,

мѣстностяхъ, закопошились элементы, двинутые трудовою волною. Они присоединялись къ темнымъ римскимъ гражданамъ, искавшимъ счастья въ провинціальныхъ очагахъ возникашаго новаго производства, т. е., въ главныхъ имперскихъ городахъ-рынкахъ; но преимущественно стремились они въ Римъ, который рисовался въ ихъ фантазіи источникомъ неисчерпаемыхъ благъ, и который скоро переполнился многими тысячами „чаявшихъ обогащенія“ подданныхъ со всего міра ¹⁾. Подобная „циркуляція“ населенія по разнымъ направленіямъ является характернымъ признакомъ „народно-хозяйственнаго теченія“, которое должно было накрыть замкнутые ойкосы и сдвинуть ихъ теперь уже съ большею силою²⁾. Вслѣдствіе этого, ойкосная система должна была сильно поколебаться въ своемъ господствѣ.

Можно утверждать, что одною изъ первостепенныхъ причинъ великаго кризиса, въ которомъ погибла республика, и который обусловилъ утвержденіе имперіи, была именно не-

какъ показывается Мейеръ, утвердилась довольно широко въ Греціи и на эллинистическомъ востокѣ, имѣла здѣсь особенно важное значеніе.

¹⁾ Въ Римѣ дѣйствительно скопилось очень большое количество иноземцевъ-провинціаловъ, искавшихъ работы, стремившихся къ наживѣ. Это уже обнаруживается въ концѣ республики. Светоній (*Caes.* 84) говоритъ, что Юлія Цезаря оплакивали его многочисленныя чужеземныя сторонники, собиравшая толпами у его костра, на всѣхъ говорахъ міра („*In summo publico luctu exterarum gentium multitudo circulatim suo quaeque more lamentata est*“). Во времена же имперіи Вѣчный городъ обратился въ огромный интернаціональный центръ. См. изображеніе характера и состава населенія Рима въ періодъ его наибольшаго расцвѣта у *L. Friedländer*, *Sittengeschichte*, I, 20—24. Ср. *J. Beloch*, *Die Bevölkerung d. gr. röm. Welt*, p. 403.—Для иллюстраціи того же явленія интересны блестящія описанія культурной фязіономіи столицы, которыя даетъ Ренанъ въ соответствующихъ главахъ различныхъ томовъ своего основнаго труда — „*Histoire des origines du christianisme*“. Въ подтвержденію того же факта, какъ по отношенію къ Риму, такъ и по отношенію къ другимъ большимъ городамъ имперіи, см. еще характеристику развитія „городскихъ формъ быта“ въ различныхъ мѣстахъ книги Пѣльманна: „*Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte*“ (см. напр. стр. 44; 59).

²⁾ Уже и въ болѣе древній періодъ „ойкоса“ до известной степени связывались въ предѣлахъ городскихъ территорій около мѣстныхъ рынковъ естественною мѣною; теперь возникающая торговля на всемірномъ рынкѣ охватываетъ ихъ второю болѣе крѣпкою сжимающею оболочкою, которая грозитъ сохраненію ихъ исключительной самостоятельности гораздо болѣе, чѣмъ первая, т. е., периферія городского рынка.

примиримость консерватизма представителей крупнаго ойкоснаго хозяйства, упорно шедшихъ противъ потребностей, нуждавшихся уже въ немедленномъ удовлетвореніи ¹⁾). Большинство, ощущавшее прежде всего необходимость обезпеченія имущественной неприкосновенности и нѣкотораго освобожденія труда, но не доросшее еще до высокаго политическаго сознанія, охотно подчинилось бы всякой власти, которая выступила бы въ качествѣ охранительницы этихъ интересовъ. Вслѣдствіе этого, имперія, учреждая новую конституцію, и являясь какъ бы представительницей утѣсненныхъ классовъ, должна была выработать и проводить также новую систему экономической политики. Изученіе соціальныхъ мѣропріятій императоровъ двухъ первыхъ вѣковъ дѣйствительно приводитъ къ заключенію, что принципатъ стремился основать свою прочность на нѣкоторыхъ новыхъ началахъ. Разсматривая ихъ, историкъ можетъ отыскивать въ нихъ доказательство уже осуществившагося въ жизни измѣненія хозяйственныхъ порядковъ, къ которымъ только примѣнялось новое государство; или ему придется отмѣтить опредѣленную политическую тенденцію императоровъ направить въ извѣстную сторону дальнѣйшее экономическое развитіе, пользуясь для своей цѣли возникавшими, но еще не выросшими и разрозненными теченіями. Здѣсь нѣтъ возможности систематически разбирать этотъ сложный и по суще-

¹⁾ Фрстель де Куланжъ иѣтко называлъ римское государство время паденія республики союзомъ нѣсколькихъ сотъ могущественныхъ домовъ, раздѣлившихъ между собою экономическую эксплуатацію и политическое господство надъ міромъ (*Les orig. du syst. féod.* p. 225). Говоря это, онъ совершенно невольно подтверждаетъ теорію Родбертуса и Бюхера. Послѣдній самъ остроумно связываетъ съ близорукою и жадною политикою ойкосныхъ магнатовъ фактъ пораженія ими міра, приведшій въ концѣ концовъ къ паденію республики (см. *Die Entsteh. d. Volkswirthsch.* p. 72). Моммзенъ, указывая на то, что Италия находилась тогда въ рукахъ немногихъ крупныхъ олигарховъ, даетъ и съ своей стороны силу тому же построенію (см. *Röm. Gesch.* III, 582). Можетъ быть, недостаточная сознательность ихъ въ организаціи между собою общаго союза, потеря сословной солидарности въ взаимной конкуренціи изъ-за богатства и власти еще болѣе ослабили въ моментъ рѣшительнаго кризиса ихъ крѣпость, расшатанную уже самымъ ходомъ соціальной эволюціи. Моммзенъ (*Röm. Gesch.* III, 527) дѣлаетъ очень любопытныя замѣчанія, которыми можно воспользоваться для развитія только что высказаннаго предположенія.

ству еще мало изслѣдованный вопросъ; но полезно указать нѣсколько характерныхъ фактовъ, уясняющихъ построение.

Императорскій режимъ выступилъ дѣйствительно со знаменемъ покровительства мирному труду, а не продолженія военнаго угѣсненія. Утвержденіе имперіи сопровождалось реорганизаціею областного управленія въ видахъ широкой защиты интересовъ и правъ провинціаловъ противъ исключительнаго преобладанія старыхъ коренныхъ гражданъ ¹⁾. Такое рѣзкое измѣненіе политической системы и такая коренная перестройка гражданскихъ понятій заключали въ себѣ и опредѣленную демократизацію экономическаго строя. Цезари и ихъ правительство стремились, повидимому, упрочить имущественныя отношенія, поставивъ ихъ подъ опеку общаго права, а не частнаго патроната богачей, который постоянно и разнообразно врывался въ сферу перваго въ эпоху олигархической республики ²⁾. А это приводило въ общемъ правилѣ къ защитѣ бѣднаго владѣльца, рабочаго, разночинца противъ богатаго собственника, крупнаго капиталиста, аристократа. Въ самомъ дѣлѣ императоры задавались цѣлью возродить крестьянство ³⁾ и поддержать среднее землевладѣ-

¹⁾ Когда сравнимъ картину состоянія провинцій и отношенія правительства къ ихъ жителямъ, извлекаемую изъ рѣчей и писемъ Цицерона съ одной стороны и рисуемую надписями и авторами императорскаго времени съ другой, получимъ если не два контраста, то, несомнѣнно, двѣ очень различныя теоріи административнаго права, направленныя къ противоположнымъ цѣлямъ—первая къ подчиненію, вторая къ уравненію. См. *Fustel de Coulanges, La Gaule Romaine*, p. 168—329. Авторъ прекрасно освѣщаетъ теченіе, обнаруженіе котораго въ области провинціальной политики римской имперіи особенно важно въ настоящей связи. Ср. *G. Boissier, L'opposition sous les Césars*, p. 17 ss.

²⁾ См. очень интересное замѣчаніе Фюстель де Куланжа въ этомъ смыслѣ о попыткахъ имперіи замѣнять повсюду прекарныя формы владѣнія такъ называемыхъ „*tenuiores*“, зависящія отъ власти и произвола такихъ „*potentes*“, твердыми правами независимой собственности или точнаго контракта (*Les origines du syst. féodal*, p. 94). Точку зрѣнія эту было бы поучительно разработать детально.

³⁾ Фактъ этотъ подтверждается не только оживленіемъ основанія новыхъ колоній (во время царствованія Августа и вообще первыхъ императоровъ), которыя должны были пополнять классъ мелкихъ собственниковъ въ Италіи и провинціяхъ. См. *Marquardt, Röm. Staatsverw.* I (2 Aufl.), 118 ff. Ср. *Humbert у Daremberg et Saglio, Dictionnaire* (слово — „*colonia*“). Гораздо болѣе

ніе ¹⁾, поставленные въ необходимость бороться съ крупнымъ, на которомъ зиждилась непоколебимость ойкосовъ ²⁾. Затѣмъ также императоры ставили задачею охранять интересы мелкаго ремесленника противъ угнетенія его крупнымъ предпринимателемъ ³⁾, ограждать слабосильные въ социальномъ

широкимъ источникомъ подъема благосостоянія сельскихъ классовъ и умноженія ихъ численнаго состава являлось систематически насаждавшееся заселеніе императорскихъ земель свободными съемщиками на долгіе сроки или даже навсегда (императорскій колонатъ). Подобная система аграрной политики, какъ кажется, очень рано и довольно послѣдовательно практиковалась имперією первыхъ вѣковъ; и такимъ способомъ, т.-е., путемъ предоставленія арендаторамъ казенныхъ земель фактически правъ постоянного владѣнія снятыми участками, могъ постепенно возникнуть классъ податныхъ государственныхъ крестьянъ-владѣльцевъ.— Указываемое явленіе вскрыто было съ особенною ясностью изслѣдователями африканскихъ аграрныхъ надписей, преимущественно Шультеномъ, Тутэнномъ, Кюкомъ, Бодуэнномъ и др. Ср. *M. Weber, Röm. Agrargesch.* p. 242 ss.; также статьи *O. Seeck, Die Pachtbestimmungen eines römischen Gutes in Africa* (въ *Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*, 1898, p. 305 ss.) и книгу *M. И. Ростовцева, История государств. откупа въ римской имперіи* (СПБ, 1899), стр. 146—149.—Систематическое разсмотрѣніе даннаго вопроса войдетъ въ одно изъ слѣдующихъ специальныхъ изслѣдованій автора настоящей книги; необходимо, впрочемъ, тутъ же предостеречь, что результатъ отмѣченнаго здѣсь процесса былъ скоро парализованъ тѣмъ закрѣпощеніемъ земледѣльческаго населенія, которое возникло изъ самаго хода социальной эволюціи имперіи, но было также сильно поддержано государствомъ и остановило всякій прогрессъ благосостоянія сельскихъ классовъ. См. брошюру *H. Pelham, The imperial domains and the colonate* (London, 1890).

¹⁾ Изслѣдованіе извѣстныхъ алиментарныхъ таблицъ временъ Траяна показало, какъ императорское правительство пыталось путемъ кредита прійти на помощь разорившимся мелкимъ и среднимъ собственникамъ Италіи. См. *O. Hirschfeld, Verwaltungsgesch.* I, 11. Ср. *E. Meyer, Die wirtsch. Entw. d. Alt.* p. 56 ff. Ср. въ нѣсколько иномъ смыслѣ *B. Matthias, Römische Alimentarinstitution und Agrarwirtschaft*, въ *Jahrbücher für Nationalöck.* N. F. X (1885), S. 508 ff.

²⁾ Сочиненія авторовъ, современныхъ первому вѣку принципата или писавшихъ объ этомъ времени, какъ извѣстно, полны очень яркими фактами, знаменующими эту борьбу новой монархіи съ знатнымъ землевладѣльческимъ классомъ, который все еще казался опаснымъ.

³⁾ Большое развитіе рабочихъ, ремесленныхъ, промышленныхъ и торговыхъ корпорацій, происходившее во время имперіи, служить тому характернымъ доказательствомъ. Богатый матеріалъ, подтверждающій это, особенно полно собранъ и обработанъ у *J. P. Waltzing, Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains* (2 volumes, Bruxelles, 1895—96): См. напр. I, 56 ss.

отношеніи элементы вообще ¹⁾). Нельзя еще отрицать усилившагося подъ покровомъ и по инициативѣ императорскаго законодательства облегченія рабства ²⁾ и улучшения въ положеніи вольноотпущенниковъ ³⁾). Надобно далѣе сказать, что преобразовательныя мѣропріятія императоровъ въ означенной области не ограничивались такимъ стремленіемъ организовать могучую „экономическую благотворительность“ и широкое правительственное покровительство неимущимъ и нуждающимся слоямъ общества. Въ указанныхъ актахъ или группахъ реформъ обнаруживается лишь раньше невиданное пониманіе необходимости твердаго и постоянного содѣйствія государства дѣлу созданія достаточной демократической базы для дальнѣйшаго развитія „труда“ въ имперіи. Общій планъ императоровъ въ сферѣ политическаго воздѣйствія правительства на экономическую жизнь населенія строился въ еще болѣе грандіозныхъ очертаніяхъ и формахъ. Они открывали во всемъ римскомъ мірѣ громаднѣйшій просторъ для возбужденія и примѣненія частной промышленной и торговой энергіи всѣхъ вообще предприимчивыхъ людей во всѣхъ классахъ общества. Они способствовали насажденію и распространенію повсемѣстно городской формы общежитія, устраивали мѣстныя рынки, возбуждая производство, поднимали социальную бодрость земскихъ людей, развивая муниципальное самоуправленіе, то-есть, отдавая руководство и веденіе мѣстнаго хозяйства въ мѣстныя руки ⁴⁾). Въ системѣ общей

¹⁾ См. въздъ *Ivo Pfaff*, Ueber den rechtlichen Schutz des wirthschaftlich Schwächeren in der römischen Kaisergesetzgebung (Weimar, 1897; III Ergänzungsheft d. *Zeitschr. für Social- und Wirthschaftsgesch.*).

²⁾ *P. Willems*, Le droit public romain (6 éd.) p. 398 ss. и указанную у него литературу. Во всѣхъ общихъ трудахъ по исторіи римской имперіи достаточно говорится о законодательствѣ Антониновъ, смягчавшемъ рабство. См. спеціально *G. Lacour Gayet*, Antonin le Pieux (P. 1888), p. 260—265. Ср. еще *Marquardt*, Privatleben der Römer (2 Aufl.), I. 189—195 (съ библиографією).

³⁾ См. книгу *H. Lemonnier*, Etude historique sur la condition privée des affranchis (P. 1888), въ которой это мнѣніе обосновывается достаточно твердо.

⁴⁾ Процвѣтаніе муниципальнаго самоуправления и благосостояніе городовъ, какъ факты, не только сопровождали имперію, но и поддерживавшіеся ея политикою, опредѣленно признаются, какъ извѣстно, историческою наукою настоящаго времени за характерныя основныя признаки общественнаго строя прин-

имперской администраці замѣчаются также старанія оказывать поддержку живому обращенію людей и товаровъ по всей имперіи между городами, а также отъ нихъ къ Риму и обратно ¹⁾). Словомъ, все это внутреннее движеніе можетъ быть опредѣлено, какъ тенденція къ постепенной метаморфозѣ союза ойкосныхъ господъ, обогащавшихся эксплуатаціею міра, въ федерацію городовъ, сосредоточившихся на отдѣльныхъ функціяхъ производства, обмѣнивающихъ между собой его продукты и объединяемыхъ въ своей экономической жизни благотѣльнымъ влияніемъ общаго центра. Такимъ образомъ всѣ эти „городскія хозяйственныя группы“, должны были слиться при помощи всемірной торговли уже въ „народно-хозяйственное цѣлое“ на почвѣ римскаго рынка, и, развивая свое благосостояніе, создавать цвѣтущее богатствомъ государство ²⁾). Юридическимъ коррелятивомъ быстро перечисленныхъ здѣсь экономическихъ реформъ и поддерживающимъ ихъ теченіемъ являлись въ теоретической области развивавшіяся правовѣдами и философами идеи о единствѣ рода человѣческаго и обязанности правительства осуществить его выработкою равнаго для всѣхъ (всеобщаго) закона ³⁾). Въ практической же области общество, способное стать носителемъ новыхъ порядковъ, подготавливалось великимъ процессомъ распространенія гражданскаго равенства, начавшимся при Цезарѣ и Августѣ и законченнымъ извѣстнымъ

цината.—Предоставленіе устройства хозяйственной жизни инициативѣ земскихъ обитателей являлось, безъ сомнѣнія, залогомъ развитія въ городахъ римскаго міра производительной дѣятельности и тяготѣнія ихъ къ общему центру—Риму.

¹⁾ См. данныя для иллюстраціи этого положенія у *L. Friedländer*, *Sittengeschichte*, II, 64 ff.—Ср. также *H. Schiller*, *Geschichte der römischen Kaiserzeit*, I, 419 ff. *V. Duruy*, *Histoire des Romains*, IV, 69 ss. etc

²⁾ О римской имперіи, какъ превосходной почвѣ для установленія широкаго экономическаго общенія между странами, отлично говоритъ *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte*, p. 10 ff.—Такое торговое взаимодѣйствіе между Римомъ и городами римскаго міра есть какъ бы экономическая сторона жизни той административной федераціи муниципіевъ, въ видѣ которой изображаетъ римскую имперію Э Кунъ. См. *Städtische und bürg. Verf. d. röm. Reichs*, I, p. IX; cfr. *Ibid.* p. 290.

³⁾ См. богатый матеріалъ подтверждающихъ это положеніе текстовъ, собранный, впрочемъ, у *Amédée Thierry*, *Tableau de l'empire romain* (спеціально книгу III-ю) или въ соответствующихъ главахъ у Дюрюи (въ *Histoire des Romains*).

эдиктомъ Каракаллы, по которому всѣ свободные подданные императора объявлены были римскими гражданами ¹⁾. Наконецъ общекультурнымъ признакомъ совершавшагося перерождения должно быть названо проникновение во всѣ углы римскаго міра началъ цивилизованной жизни и замѣтный разливъ повсюду духовныхъ благъ.

Трудно сказать, насколько намѣченные только что основанія экономической политики были плодомъ сознанія правительства римскихъ императоровъ, или насколько болѣе въ этомъ отражалось естественное дѣйствіе слѣпыхъ историческихъ силъ. Это вопросъ далеко еще неразъясненный, и изслѣдованіе „идей цезаризма“ въ римской имперіи, а спеціально руководящихъ взглядовъ о регламентаціи хозяйственной жизни населенія государствомъ можетъ составить прекрасную задачу для обширнаго и важнаго сочиненія ²⁾. Здѣсь во всякомъ случаѣ можно утверждать, какъ уже замѣчено, что означенное теченіе готовилось нанести ойкосной системѣ серьезный ударъ. Появленіе на мѣстѣ

¹⁾ См. *Ulp. Dig. I. 5, 17; Nov. Iust. 78 (CXVII), 5. Cfr. Dio, LXXVII, 9. См. Goldschmidt, Handelsrecht, I, 83.*

²⁾ Одно мѣсто извѣстной рѣчи къ Августу, вложенной въ уста Мелената Діономъ Кассіемъ, показывается, что приблизительно такъ опредѣляло социальную роль имперіи общественное мнѣніе періода Северовъ, то-есть, уже начала третьяго вѣка по Р. Хр. Дѣлались попытки восстановленія такихъ сознательныхъ элементовъ политики императоровъ. Такъ, напримеръ, *F. P. Bremer* въ интересной статьѣ „Zur Geschichte des Handelsrecht und der Handelspolitik im Anfang der römischen Kaiserzeit“ (въ изданіи — „Festgabe zum H. Thöl“, Strassburg, 1879) стремится показать, что идея поддержанія экономической свободы и мирового обмѣна выработалась лишь въ среднѣ I в. по Р. Хр. (въ царствованіе Клавдія). Августъ еще придерживался будто бы старинъ экономическихъ воззрѣній, строилъ государство на аграрной политикѣ и сблизался съ классомъ землевладѣльцевъ. — Впрочемъ, вопросъ разработанъ у Бремера недостаточно (см. возраженія Перякса въ *Zeitschr. für Rechtsgesch. XIX* (1898), p. 98 ss.) — Нужно замѣтить, что въ хозяйственной организаціи Египта Цезари имѣли хорошій образецъ для преобразованій въ смыслѣ расширенія формъ и способовъ экономического общенія. Слѣдуетъ замѣтить, что тѣмъ дальше углубляется наука въ изслѣдованіе римскаго общественнаго строя императорскаго періода, тѣмъ болѣе обнаруживается разнообразное и сильное вліяніе толемеевскаго Египта на его сложеніе. См. *E. Kornemann, Aegyptische Einflüsse im römischen Kaiserreich* (въ *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum... und Pädagogik*, 1899, III Band, 118—132). Ср. М. И. Ростовцевъ, „Исторія гос. откуна въ р. имп. стр. XI—XII.“

ея полного господства многихъ признаковъ „народно-хозяйственной“ организациі экономическихъ отношеній должно быть названо однимъ изъ существенныхъ элементовъ того развитія общественнаго благосостоянія, которое сопровождало утвержденіе въ римскомъ мірѣ императорскаго строя. Картина этого движенія, ускользавшая отъ вниманія большинства старыхъ историковъ, обнаружилась передъ лучше вооруженнымъ глазомъ новыхъ ученыхъ ¹⁾. Она констатируетъ значительный социальный прогрессъ, совершавшійся въ глубинѣ періода, который не такъ давно еще изображался, какъ „время упадка“. Но оказался ли нанесенный ойкосной системѣ ударъ смертельнымъ? Или наоборотъ, нельзя ли вскрыть сохраненіе домашняго замкнутого хозяйства во все продолженіе имперіи, а главную экономическую причину до сихъ поръ не совсѣмъ разъясненнаго вопроса о паденіи древняго міра увидѣть въ фактѣ его новаго возрожденія въ послѣдніе вѣка ея историческаго существованія?

¹⁾ Изъ историковъ стараго времени только Гиббонъ въ извѣстномъ смыслѣ прорылъ истинную картину социальной жизни имперіи во время ея расцвѣта (см. въ знаменитомъ трудѣ его—*History of the decline and fall of the Roman empire* 2-ю главу II-го тома).— Потомъ первыя попытки новаго построенія исторіи римской имперіи съ цѣлью выясненія ея всемірно-исторической роли даны были кратко у Амедея Тьерри (*Tableau de l'empire romain*, P. 1840) и Меривеля (*Ch. Merivale, History of the Romans under the empire*, London, 7 vols, 1848—62). Твердое обоснованіе положительнаго взгляда на имперію есть дѣло новѣйшей исторической школы въ Германіи (съ Моммзеномъ во главѣ) и другихъ странахъ (на важное мѣсто надобно и тутъ поставить труды Фюстель де Куланжа). Въ настоящее время эта идея вошла и въ общія руководства. Особенно энергично проводится она у Дюрри (*„Histoire des Romains“*); также у Г. Шиллера (*Gesch. der römischen Kaiserzeit*). Но экономическіе элементы новой картины разработаны всетаки еще недостаточно даже у Моммзена (въ V т. „Римской Исторіи“); тѣмъ менѣе даетъ тутъ что-нибудь существенное брошюра Эд. Мейера.

IV.

Стойкость системы крупныхъ замѣнутыхъ хозяйствъ, какъ первостепенная соціальная причина паденія рим- ской имперіи.

- 1.—Признаки малой жизненности римской торговли.
- 2.—Невыдѣленность въ римскомъ обществѣ купеческаго и ремесленнаго классовъ.
- 3.—Мѣсто рабскаго труда въ производствѣ и въ частности въ индустріи.
- 4.—Новое возрожденіе крупнаго оikosнаго хозяйства и разложеніе имъ имперскаго единства.

Набросанная выше картина экономическаго состоянія римскаго міра въ эпоху утвержденія имперіи и только что сдѣланная попытка разъясненія нѣкоторыхъ изъ условій, создавшихъ его особенности, свидѣтельствуютъ о появленіи въ соціальномъ строѣ того времени многихъ чертъ народно-хозяйственной организаци. Но такой выводъ рѣшительно подрывалъ бы систему Бюхера въ примѣненіи ея къ одной изъ важнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи только въ томъ случаѣ, еслибы оказалось, что эти высшія формы экономическихъ отношеній сдѣлались вѣчнымъ (или, по крайней мѣрѣ, долговременнымъ) достояніемъ жизни народовъ, объединенныхъ въ римскую державу. Между тѣмъ главный противникъ Бюхера — Эдуардъ Мейеръ самъ выставляетъ на видъ, что довольно скоро за моментомъ апогея въ развитіи изображеннаго процесса (кон. I-го в. по Р. Хр.) послѣдовало (въ III-мъ) глубокое паденіе, симптомы или предвѣстники котораго можно подмѣтить и среди самаго процвѣтанія (во II-мъ в.) ¹⁾.

¹⁾ См. *Ed. Meyer*, Die wirtschaftliche Entw. d. Alt. p. 50 ss.

Признаніе такого быстрого упадка, допущеніе такого крутого изгиба въ кривой, символизирующей ходъ экономического развитія человѣчества—это слабая сторона построения Мейера. Рѣзкій возвратъ отъ хозяйственныхъ формъ, рисующихся ему похожими на современныя, къ грубымъ порядкамъ производства и потребленія, господствовавшимъ въ глубокомъ средне-вѣковѣ, представляетъ гораздо менѣе вѣроятную историческую гипотезу, даже чѣмъ та идея „неуклоннаго прогресса“, которую авторъ несправедливо приписываетъ Бюхеру¹⁾. Мейеръ отказывается отъ истолкованія причинъ паденія. Тѣ объясненія, на которыя онъ вскользь намекаетъ, плохо освѣщаютъ дѣло²⁾. Можетъ быть, легче было бы понять „регрессъ“ четвертаго и пятаго вѣковъ, еслибы сдержаннѣе изображать предшествовавшій „прогрессъ“?³⁾. Издѣсь именно „образъ ойкоснаго строя“ можетъ сослужить службу хорошаго пособника при уразумѣннн хода экономической эволюціи древняго міра и связи ея съ средне-вѣковымъ хозяйствомъ.

Выше обнаружена была уже большая сила сопротивленія выработавшихся въ Римѣ крупныхъ замкнутыхъ домашнихъ хозяйствъ въ борьбѣ съ выросавшими новыми формами экономического объединенія. Можетъ быть, окажется вѣроятнымъ предположить, что послѣднія были недостаточно могущественны для совершенія окончательнаго переворота. Тогда послѣдовавшее паденіе предстанетъ, какъ возрожденіе организмовъ ойкоснаго типа, по настоящему никогда не

¹⁾ Meyer, Die wirtschaftl. Entw. p. 5 s. 41—42; 70.

²⁾ Авторъ называетъ этотъ печальный переворотъ „естественною смертью вполнѣ развитой культуры, тождественной съ современною“ (см. стр. 6). Но эти слова звучатъ только, какъ „заглавіе“ разсужденія, которое нелегко построить, развить и убѣдительно довести до конца, и котораго самъ авторъ не даетъ.

³⁾ Осторожнѣе было бы не слишкомъ тѣсно сопоставлять римскую старину съ современностью, ясно усматривая своеобразіе первой. Сравненіе съ настоящимъ, очень можетъ быть, является здѣсь привлекательнымъ обманомъ зрѣнія, которому легко подчиняешься, особенно изучая нѣкоторыхъ древнихъ писателей и наблюдая высоко-культурную жизнь и утонченныя нравы богатаго и интеллигентнаго меньшинства римскаго общества. Но отъ извѣстной близости къ намъ бытовыхъ привычекъ, умственныхъ вкусовъ и настроеній Цицероновъ, Гораціевъ, Лукреціевъ и т. д. очень далеко до тождества основъ общественнаго строя тѣхъ и нынѣшнихъ времёнъ.

умиравшихъ, а сохранявшихъ по прежнему преобладаніе внутри общества подъ внѣшнимъ покровомъ болѣе высокаго экономическаго развитія со „всемирною торговлею“.

1. Капиталистическій строй, организующійся въ формахъ такъ называемой народно-хозяйственной системы съ сложнымъ денежнымъ и кредитнымъ обращеніемъ, не могъ прочно утвердиться въ римскомъ мірѣ за отсутствіемъ многихъ необходимыхъ для этого органовъ¹⁾. Блескъ торговаго обмѣна между странами объединеннаго міра во времена процвѣтанія имперіи во многихъ отношеніяхъ призраченъ²⁾. Торговля можетъ проникать, перерождая ее, въ самую глубину повседневной жизни населенія государства, то-есть, вызывать новые способы производства благъ и удовлетворенія потребностей, когда она захватываетъ массу или, по крайней мѣрѣ, большіе слои этого населенія³⁾. Для осуществленія такой

¹⁾ Вопросъ, который можетъ привести къ такому именно отвѣту, правда, въ цѣломъ недостаточноислѣдованъ. Но можно попытаться разъяснить его отдѣльными экскурсами и замѣчаніями. И послѣдніе лучше освѣтятъ его, пужно думать, и глубже введутъ въ его сущность, чѣмъ общія построенія, которыя при настоящемъ состояніи его разработки, могутъ только скользить по поверхности.

²⁾ „Эмфатическія“ описанія авторовъ, панегирическій тонъ многихъ официальныхъ посятительныхъ надписей и нерѣдко преувеличенное самохвалство эпитафій, вѣрнѣе всего, рисуютъ здѣсь картину, несоответствующую дѣйствительности по размѣрамъ и яркости красокъ.— Отдѣльныя замѣчанія въ видѣ возраженій мейеровскому взгляду дѣлаетъ Гартманъ (см. его рецензію на брошюру Мейера въ *Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte*, 1895, IV, 153 — 157). Мысли его подтверждаются многочисленными фактами и составляютъ цѣнный противовѣсъ мейеровскому „модернизированью“ представленія объ античномъ хозяйствѣ. Къ замѣчаніямъ этого автора можно присоединить и другія соображенія, которыя вмѣстѣ съ ними образуютъ нѣсколько иной выводъ.— Полезно здѣсь еще обратить вниманіе на замѣчательную лекцію Макса Вебера—„Die sozialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur“ (см. въ журналѣ *Schrenk's „Die Wahrheit“*, издающемся въ Штуттгартѣ, 1896, VI, 59—77). Изложеніе Вебера—сжатое, отвлеченное и догматичное—вызываетъ однако въ умѣ занимающагося экономическою исторіею римскаго міра и среднихъ вѣковъ цѣллыя группы важныхъ фактовъ и способствуетъ убѣдительнымъ сближеніямъ.

³⁾ Причемъ слѣдуетъ прибавить, что эти массы или слои должны принимать въ такомъ сочетаніи отношеній такъ или иначе активное участіе: нужно, чтобы они не могли обходиться безъ торговли для жизни, а не только для ея улучшенія (обогащенія), и потому всѣ были бы обязаны производить для сбыта, а не только покупать для перепродажи или для потребленія.

комбинаціи необходимо, чтобы предметомъ торговаго обращенія были большія количества такихъ продуктовъ, которые могли производиться различными мѣстными группами жителей государства и были вмѣстѣ съ тѣмъ необходимы для ихъ повседневнаго потребленія. Такого условія—участія большинства людей и мѣстностей въ производствѣ и обмѣнѣ благъ, создаваемыхъ въ государствѣ путемъ дифференціаціи видовъ и функцій труда и распредѣляемыхъ помощью широко развитой повсюду торговли, именно, какъ кажется, никогда не существовало въ римскомъ мірѣ. Потому-то торговля не могла стать въ немъ „природою“ экономического строя.

Этому препятствовалъ прежде всего при громадности сферы сношеній, опредѣляемой границами міровой монархіи, недостатокъ путей и средствъ сообщенія, которые были бы вполне удобны для передвиженія товаровъ массоваго сбыта на далекія пространства ¹⁾. Прославленные римскія дороги, бороздившія по различнымъ направленіямъ всѣ провинціи и соединявшія ихъ съ центромъ, были прекрасно построены для военныхъ цѣлей, но оказывались, повидимому, не вполне приспособлены къ тому, чтобы служить артеріями торговаго обращенія ²⁾. Товары въ большихъ количествахъ могли бо-

¹⁾ См. *E. Sax*, Die Verkehrsmittel in Volks- und Staatswirthschaft (2 Bände, Wien, 1878).

²⁾ О великомъ торговомъ значеніи римскихъ дорогъ очень сильно говоритъ Фридрихъ (Sittengesch. II, 3 ff.). Онъ руководствуется спеціальнымъ сочиненіемъ *H. Stephan*, Das Verkehrsleben im Altertum (см. *Raumer's* „Historisches Taschenbuch“, 4 Folge, 9 Jahrg. 1868) и ставитъ въ основу изображенія слова, сказаннаго Плиніемъ Мл. объ одномъ императорѣ, который вѣжливый историкъ примѣняетъ ко всей имперіи: „Reclusit vias, portus patefecit, itinera terris, litoribus mare, litora mari reddidit diversasque gentes ita commercio miscuit, ut quod genitum esset usquam, id apud omnes natum esse videretur“ (*Paneg.* с. 29). Ср. *M. Voigt*, Römische Privatalterthümer, р. 359; 437. Нельзя не предположить, что рисуемая авторомъ картина слишкомъ оптимистична. Она, вѣроятно, даетъ преувеличенное представленіе о распространеніи и напряженіи торговой дѣятельности въ римскомъ мірѣ даже въ эпоху наибольшаго процвѣтанія имперіи. Какими бы превосходными ни считали (исходя изъ уровня, достигнутаго культурою того времени) знаменитыя римскія дороги, какъ бы ни выдвигать энергичную поддержку міровой торговли правительствомъ императоровъ, видѣвшихъ въ ней могущественное средство дѣйствительнаго объединенія странъ и нивелировки быта и правовъ народовъ (см. *H. Schiller*, Gesch. d. röm. Kaiserz.

лѣе или менѣе свободно перевозиться лишь водою ¹⁾, по морю и отчасти по судоходнымъ рѣкамъ ²⁾. Такъ что лишь крупные порты являлись центрами и очагами торговли; и они одни были способны вступить (и то только между собою) въ болѣе или менѣе постоянное и сильное коммерческое общеніе ³⁾. Такимъ образомъ формы народно-хозяйствен-

I, 423); но устроенные и поддерживаемые ими пути сообщенія могли лишь отчасти побѣдить препятствія для сношеній. Особенно трудно было обезпечить удобство обращенія для предметовъ тяжелыхъ, громоздкихъ и не очень дорого стоящихъ. Надо вспомнить громадность разстояній, недостаточную ширину полотна дорогъ, непроходимость ихъ въ ненастное или зимнее время специально въ многочисленныхъ горныхъ мѣстностяхъ, дороговизну и неудовлетворительность средствъ передвиженія, недостатокъ пріютовъ для ночлега и отдыха и убѣжищъ отъ непогоды, небезопасность странствованія отъ разбойниковъ,—чтобы почувствовать необходимость внести ограниченія въ такіа неумѣренно свѣтлыя описанія коммерческаго благосостоянія и свободы обращенія товаровъ на поверхности всей территоріи имперіи. Вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго изученія, но исходные пункты для поправокъ въ указанномъ направленіи можно найти и на страницахъ сочиненій Фридлэндера, Пѣльманна и Фойгта.—Ср. возраженія Гартманна (*Zeitschr. für Social- und Wirthschaftsgesch.* IV, 154) и М. Вебера („Die sozialen Gründe“, р. 60).—Можно замѣтить мимоходомъ, что отсутствіе правительственной или, по крайней мѣрѣ, крупно-капиталистической организаціи перевозки частныхъ грузовъ по государственнымъ дорогамъ наводитъ на мысль о недостаточной выгодности этой статьи, а стало быть и о недостаточномъ развитіи циркуляціи цѣнностей. Мелкая же частная предприимчивость (см. объ этомъ у *Friedländer*, II, 20—22) не могла дѣйствительно устроить обшное дѣло дешево и широко и тѣмъ самымъ облегчить затрудненіе и вызвать расширеніе обращенія. Ср. *Bücher* „Zeitschrift f. d. gesammte Staatswiss.“ L (1894), 208.

¹⁾ Съ этимъ согласны и тѣ ученые, которые придаютъ особенное значеніе римской сухопутной дорожной сѣти для установленія быстроты, удобства и широты общеніиперскаго торговаго обращенія. См. *Friedländer*, *Sittengesch.* II, 27 ff.; *Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung*, р. 11—12. Изъ общераспространенныхъ предметовъ потребленія развѣ одинъ скотъ могъ съ извѣстнымъ удобствомъ перегоняться по суку (*Hartmann*, *Zeitschr. für Socialgesch.* IV, 154). Даже по морю живое движеніе товаровъ совершалось не круглый годъ, а только около восьми мѣсяцевъ (*Friedländer*, II, 25). Къ этому надобно еще прибавить опасности, соединенныя съ путешествіемъ на водахъ при сравнительно плохихъ средствахъ судостроенія (*Pöhlmann*, р. 71; *Friedländer*, I, 367, 369).

²⁾ Въ этомъ смыслѣ довольно важную роль игралъ Табръ (*Marquardt*, *Privatleb.* II, 403—408; Ср. *Pöhlmann*, *Uebervölk.* р. 10). То же можно отчасти повторить о По, Ронѣ, отчасти Эбро и др. См. *J. Jung*, *Die romanischen Landschaften des römischen Reichs* (Innsbruck, 1881) при описаніи соответствующихъ провинцій. Ср. *Marquardt*, *Privatleben*, II, 411.

³⁾ Если всмотрѣться въ факты, взятые изъ древнихъ источниковъ, которыми характеризуется блестящее развитіе міровой торговли въ имперіи (ср. слова

ной организациі могли въ извѣстной степени объединить лишь нѣкоторыя „береговья“ мѣстности имперіи ¹⁾. Большинство внутреннихъ пространствъ должны были напрягать собственное производство въ видахъ достиженія возможно полного мѣстнаго самоудовлетворенія. Стало быть, самое большое, если городамъ, расположеннымъ далеко отъ моря, удавалось сплотить близлежащую территорію въ качествѣ замкнутаго мѣстнаго рынка для непосредственной мѣны ²⁾. Вообще пульсъ міровой торговли, нужно думать, бился довольно слабо въ римской имперіи, не давая возможности проникать

R. Pöhlmann, *Aus Altertum und Gegenw.* p. 847 ff.), то можно замѣтить, что они относятся преимущественно къ жизни немногихъ большихъ приморскихъ городовъ. Вслѣдствіе этого небезопасно вести на основаніи однихъ такихъ данныхъ широкаго аналогіи съ европейскою современностью. Въ этомъ смыслѣ любопытно перебрать матеріалъ, изъ котораго Фридрихъ (во второмъ томѣ „*Sittengeschichte*“) строитъ свою роскошную панораму „des Aufschwunges des Handelsverkehrs“.

¹⁾ М. Веберъ (*Die sozialen Gründe*, p. 60) остроумно замѣчаетъ: „Die Kultur des europäischen Altertums ist Küstenkultur, wie seine Geschichte zunächst Geschichte von Küstenstädten“. Авторъ прибавляетъ еще: „Neben dem technisch fein durchgebildeten städtischen Verkehr steht schroff die Naturalwirtschaft der barbarischen Bauern des Binnenlandes, in Gaugenosenschaften oder unter der Herrschaft feudaler Patriarchen gebunden... Die vielgepriesenen römischen Strassen sind so wenig Träger eines auch nur entfernt an neuere Verhältnisse erinnernden Verkehrs wie die römische Post. Ungeheuer sind die Unterschiede in der Rentabilität von Binnengütern gegen solche an Wasserstrassen. Die Nachbarschaft der Landstrassen der römischen Zeit galt im Altertum im allgemeinen nicht als Vorteil, sondern als Plage, der Einquartierung und des Ungeziefers wegen...“ Последнія слова, впрочемъ, заключаютъ уже преувеличеніе и еще больше слѣдующія: „Ein Binnenverkehr, der sich auch nur dem des Mittelalters vergleichen liesse, existiert im europäischen Altertum nicht“.

²⁾ Тотъ же М. Веберъ (*Die sozialen Gründe*, p. 59) отлично показываетъ, какъ античные автономные города-государства („политія“) вырабатывали также экономическую замкнутость и самостоятельность. Ср. аналогичное объясненіе у Эд. Мейера (*Die wirtschaftl. Entw.* p. 3). Такая обособленность городскихъ рынковъ сохранилась въ значительной степени и во времена имперіи. Внутри апеннинскаго полуострова она являлась, между прочимъ, вспомогательнымъ средствомъ въ рукахъ сельскихъ хозяевъ для борьбы съ конкуренціею заморскаго хлѣба: мѣстные полевые продукты находили извѣстный сбытъ на внутреннихъ италійскихъ рынкахъ. Ср. *M. Weber*, *Röm. Agrargeschichte*, p. 235. То, что говорятъ о торговомъ чутьѣ римлянъ при выборѣ пунктовъ для основанія новыхъ городовъ (см. *Pirenne*, въ „*Revue Hist.*“ LVII, 1896, p. 69), лучше всего оправдывается именно въ такомъ смыслѣ умѣнья создавать мѣстные центры производства и обѣйна, которые служили выстѣпъ съ тѣмъ и дѣляютъ культурно-административной романизациі.

капиталистической крови въ глухіе закоулки общественнаго тѣла и даже согрѣвать наиболѣе глубоко заложенные органы.

Въ разрѣзъ съ только что формулированнымъ выводомъ могутъ какъ будто идти, кромѣ уже упомянутыхъ данныхъ о купцахъ и коммерческихъ предпріятіяхъ, которыя встрѣчаются у многочисленныхъ и весьма различныхъ авторовъ и относятся ко всѣмъ мѣстностямъ имперіи ¹⁾, также богатія данныя о таможенныхъ пошлинахъ (*portoria*), заключающіяся въ надписяхъ ²⁾. Но необходимо еще разъ подчеркнуть, что здѣсь не отрицается крупный фактъ зарожденія торговой связи между всѣми провинціями римской имперіи и ея центромъ, а также установленія постоянного обмѣна продуктовъ между отдѣльными изъ нихъ, даже отдаленными другъ отъ друга. Тутъ ищутся лишь приблизительные соціальные предѣлы количественнаго и качественного вліянія этого явленія, чтобы возможно было правильно оцѣнить характеръ его послѣдствій. Тексты же авторовъ, какъ было замѣчено, нерѣдко насилуютъ дѣйствительность въ виду какой-нибудь практической цѣли — панегирической, сатирической, полемической —, сгущая реальныя краски или обобщая болѣе или менѣе исключительные случаи. Что касается эпиграфическаго матеріала, раскрывающаго существованіе и организацію таможеннаго дѣла у римлянъ ³⁾, то изъ него дѣйствительно обнаруживается отрасль экономической дѣятельности населенія, на которую правительство смотрѣло, какъ на важный предметъ обложенія, а стало быть серьезный источникъ дохода; онъ показываетъ сѣть административныхъ органовъ, которые контролировали торговыя предпріятія, захватившія много

¹⁾ Значительное число ихъ сгруппировано кромѣ цитированныхъ выше сочиненій еще въ различныхъ образахъ культурной жизни провинцій римской имперіи, напримѣръ, у *Jul. Jung*, *Die romanischen Landschaften des römischen Reichs* (Innsbruck, 1881).

²⁾ См. главное сочиненіе объ этомъ вопросѣ *R. Cagnat*, *Etude historique sur les impôts indirects chez les Romains* (P. 1882). Ср. М. И. Ростовцевъ, *Исторія государственнаго откуза въ римской имперіи* (Сиб. 1899), стр. 64—66; 73—98.

³⁾ Извѣстно, что *portorium* былъ у римлянъ именно „un impôt de transport (de circulation) établi sur les marchandises qui circulaient à travers le territoire romain, et qui devait être exigé au moment où elles passaient à certains endroits déterminés (*R. Cagnat*, *Etude*, p. 1).

капиталовъ и покрывшія обширную площадь ¹⁾). Но чтобы составить себѣ точное сужденіе о глубинѣ централизующей и объединяющей роли этой торговли на основаніи косвенныхъ заключеній отъ анализа таможенной организациі, требуется специально пересмотрѣть весь имѣющійся матеріалъ съ цѣлью именно опредѣленія дѣйствительной перерождающей силы изучаемаго явленія ²⁾). Пока такое изслѣдованіе не произведено, у насъ передъ глазами лишь фактъ, который нельзя игнорировать, но наличности котораго недостаточно для утвержденія торжества мірового хозяйства надъ мѣстнымъ и домовымъ въ экономической повседневнои массы населенія даже въ блестяще вѣка высшаго расцвѣта римской культуры и наибольшаго ея распространенія. Теперь для провѣрки послѣдняго приходится довольствоваться, такъ сказать, боковыми надрѣзами или проколами для наблюденія сущности и теченія разсматриваемаго великаго всемірно-историческаго процесса ³⁾).

¹⁾ Таможенные сборы характеризуются изслѣдователями римскихъ финансовъ, какъ главный косвенный налогъ въ имперіи (см. *Marquardt*, I. 269; ср. М. И. Ростовцевъ, *Исторія откупа*, стр. 64, 76). Многочисленность данныхъ о *portoria* въ источникахъ и самыя выраженія памятниковъ, какъ бы подтверждаютъ такое воззрѣніе. Важность таможенной организациі обнаруживается также изъ большихъ заботъ, которыя ей посвящало правительство различныхъ вѣковъ; доходность пошлины вытекаетъ изъ того, что онѣ охотно брались на откупъ капиталистами; широта ихъ примѣненія, а стало быть и распространенія самаго факта циркуляціи товаровъ доказывается повсемѣстностью въ имперіи вѣнскихъ и даже внутреннихъ таможенныхъ станцій и границъ.

²⁾ Такой анализъ дастъ, навѣрно, очень много полезныхъ результатовъ, и подобная работа — одна изъ важнѣйшихъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть очень существенное значеніе для разработки мало разъясненной еще исторіи торговли въ римскомъ мірѣ.

³⁾ Подобнаго рода повѣрочные опыты приводятъ въ общемъ къ результатамъ, какъ кажется, согласующимся съ признаніемъ типичной правильности взгляда Бюхера, который, конечно, не отрицаетъ римской мѣстной и даже всемірной торговли, но особеннымъ образомъ толкуетъ ея природу, приводя въ связь особенности послѣдней съ общими основами хозяйственнаго строя, среди котораго она зародилась и выросла. Онъ дѣйствительно говоритъ (*Zeitschr. f. die gesammte Staatsw.* L, 1894, p. 200); „...Man darf nie vergessen, dass der Handel (im römischen Reiche) nicht ein notwendiges Ergebnis volkswirtschaftlicher Arbeitsteilung war, sondern dass er bloss die Lücken der Eigenproduktion ausfüllte, auf der das herrschende Wirtschaftssystem beruhte“. — Въ настоящей связи предлагаемаго здѣсь этюда дѣлается попытка иллюстраціи

Идя дальше, для разъясненія вопроса надобно обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Насколько позволяютъ судить отрывочныя данныя о римскомъ ввозѣ, можно назвать лишь немногочисленные виды продуктовъ, которые шли въ Римъ издалека и циркулировали большими массами. Это были—хлѣбъ и сухія овощи, скоть, нѣкоторые металлы; потомъ еще нѣсколько категорій изъ предметовъ продовольствія (вино, масло) или одѣянія (шерстяныя и льняныя ткани), отчасти глиняныя издѣлія (*dolia*) и въ извѣстные періоды рабы¹⁾. Причемъ надо еще оговориться, что главными покупателями и указанныхъ объектовъ торговли, сбывавшихся въ значительныхъ количествахъ, были—либо государство, которое нуждалось въ нихъ для выполнения взятыхъ на себя экономическихъ функций, либо богатые люди, которымъ они требовались для снабженія ихъ расширившихся хозяйствъ²⁾. Широкаго, густого рынка, оживленнаго и наполненнаго толпою среднихъ или даже бѣдныхъ, но постоянныхъ покупателей, не приобрѣли и означенные товары. Мѣстные люди обыкновенно удовлетворялись мѣстными продуктами, изъ ко-

такого тезиса, вводящаго глубоко въ уразумѣніе социально-экономической эволюціи древняго міра.

¹⁾ У Фойгта (*Röm. Privatalt.* p. 373 ss. 486 ss.) перечисляется большее количество ввозившихся въ Римъ со всѣхъ концовъ имперіи предметовъ. Но здѣсь указываются наиболѣе распространенные и характеристичные виды, которые одни могли имѣть серьезное вліяніе на общее направленіе обмѣна. Ср. *Hartmann* въ „*Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgesch.*“ IV, 154. *M. Weber* въ „*Wahrheit*“, VI, 60.—Нѣсколько иначе разуждаетъ *H. Schiller*, *Gesch. d. röm. Kaiserzeit*, I, 419—423.

²⁾ Необходимо вспомнить здѣсь еще, что высота спроса государства на такой продуктъ массоваго потребленія, какъ, напримѣръ, зерновой хлѣбъ, который крайне необходимъ былъ правительству въ громадныхъ количествахъ для продовольственныхъ раздачъ пролетаріату столицы, сильно понижалась отъ различныхъ причинъ. Такъ, напримѣръ, происходило это вслѣдствіе того, что значительная часть требуемой массы хлѣба должна была доставляться казенными имѣніями, которыя были многочисленны и обширны (это тоже отзвукъ ойкоснаго принципа въ области государственнаго хозяйства). Съ другой стороны весьма немалая доля нужнаго правительству зерна получалась натуральными сборами съ хлѣбородныхъ провинцій. См. объ этой, какъ кажется, не вполне еще разъясненной сторонѣ римской финансовой организаціи у *Marquardt*, *Röm. Staatsverw.* II, 187 ff. 231 ff.—Ср. любопытныя и остроумныя замѣчанія о натуральной системѣ податей въ римскомъ государствѣ у *Bücher* въ „*Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.* 1894, S. 197—198; 204—209.

торыхъ многіе они же сами производили. Помимо указанныхъ сортовъ товаровъ выгодный сбытъ находили предметы роскоши, какъ жемчугъ, драгоценныя издѣлія, шелкъ и рѣдкія ткани, тонкія вина, ароматы и пряности, янтарь и т. д. ¹⁾ Но все это потреблялось въ еще большей степени въ тѣсномъ кругу высшаго общества. Торговать рѣдкостями и украшениями было прибыльно, благодаря высокой цѣнѣ этихъ предметовъ и развившемуся вкусу къ матеріальнымъ удобствамъ: но оказать замѣтное дѣйствіе на измѣненіе типа хозяйства этотъ видъ торгова не могъ ²⁾.

Только „городъ Римъ“ въ эпоху, послѣдовавшую за утвержденіемъ имперіи, представлялъ собою въ извѣстномъ смыслѣ „всемирный рынокъ“. Онъ дѣйствительно являлся громаднымъ „центромъ потребления“, притягивавшимъ къ себѣ „товары со всей вселенной“ ³⁾. Но и этотъ могущественный возбудитель торговаго обмѣна нельзя представлять въ роли „всесильной столицы“ теории Тюнена — души экономической жизни страны. Его спросъ, правда, предопредѣлялъ въ извѣстной мѣрѣ направленіе италійской сельскохозяйственной культуры и отчасти вліялъ еще, напримѣръ, на ростъ хлѣбоводства въ южныхъ провинціяхъ ⁴⁾. Но вызывать то или

¹⁾ Пересматривая списокъ предметовъ торговли, перечисленныхъ Фойгтомъ (см. указанна выше стр.) и Фрилендеромъ (*Sittengesch.* II, 79 ff.), въ самомъ дѣлѣ убѣждаемся, что онъ составленъ въ большой части изъ „Luxus-artikeln“. Пѣльманъ въ рецензій на брошюру Мейера („*Litter. Centralblatt*“, 1896, p. 1780) замѣчаетъ, что этимъ ученымъ доказано, будто главнымъ предметомъ ввоза были именно продукты первой необходимости. Относительно римской древности мы не находимъ у Мейера ничего такого.

²⁾ См. *M. Voigt*, *Röm. Privatalt.* p. 376. Весьма возможно, что именно предметы роскоши главнымъ образомъ и циркулировали черезъ всю имперскую территорію, доставляемые отовсюду, и что именно съ нихъ то и собирались наиболее выгодныя и важныя *portoria*. См. указанія на списки облагавшихся таможенными пошлинами предметовъ въ римской имперіи у Марквардта (*Röm. Staatsverw.* II, 274 — 276; 277) и Канья (*Les impôts indirects*, p. 109 ss).

³⁾ Собраніе выразительныхъ текстовъ, утверждающихъ это, взятыхъ изъ различныхъ авторовъ, даетъ *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte*, S. 14; 30.

⁴⁾ Объ этомъ, между прочимъ, говоритъ *M. Weber*, *Röm. Agrargeschichte*, p. 225 ss. — Подробно вопросъ будетъ разработанъ авторомъ настоящей книги въ особомъ изслѣдованіи.

другое производство во всѣхъ подчиненныхъ ему земляхъ съ постояннымъ распредѣленіемъ специальныхъ отраслей между ними, то-есть, руководить хозяйственною дѣятельностью всего населенія ему было не по силамъ. Затѣмъ онъ собиралъ множество различныхъ продуктовъ со всего міра, но не могъ поглощать ихъ во все растущей пропорціи и тѣмъ послѣдовательно повышать производство. Потребительная способность Рима заключена была въ опредѣленные границы. Роли всеобщаго посредника при распредѣленіи товаровъ между городами и областями имперіи онъ, повидимому, не усвоилъ. Наконецъ, экономическое вліяніе Вѣчнаго города парализовалось слабостью его собственной производительности. Именно торговля его была односторонняя: онъ много покупалъ, но сравнительно мало продавалъ ¹⁾; онъ былъ коммерческимъ, но не промышленнымъ крупнымъ центромъ ²⁾. Значительная часть продукта, обрабатывавшагося въ Римѣ, потреблялась внутри города или на окружающей его болѣе или менѣе ограниченной территоріи. На болѣе далекія разстоянія Римъ выбрасывалъ фабрикаты, по большей части, лишь спорадически; постоянно же въ міръ изъ него шли главнымъ образомъ только деньги. А такое сочетаніе ненор-

¹⁾ Бюхеръ (*Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.* 1894, p. 200) опять же правильно замѣчаетъ, что называть римскій ввозъ „колоссальнымъ“ не значитъ приобрести право приложить тотъ же эпитетъ къ римской торговлѣ вообще (*Friedländer, Sittengeschichte*, I, 298).—Пѣльманъ (*Die Uebervölkerung*, p. 29—30) выясняетъ очень убѣдительно, что представленіе древняго Рима подобно нынѣшнему Парижу, какъ „ein Stapelplatz für die Weltproduction“, или какъ „eine allgemeine Werkstätte für die Welt“—значитъ создавать себѣ иллюзію („einen Schein!“). Такая слабость вывоза въ Римѣ, констатируемая источниками, является прямымъ противорѣчіемъ объясненію римскаго хозяйства теоріею Тюнена и въ данномъ случаѣ ослабляетъ народно-хозяйственную окраску въ его изображеніи. У Родбертуса (въ его изслѣдованіи о податномъ устройствѣ) нѣсколько удивляетъ совпаденіе признанія „ойкосной“ системы какъ господствующаго факта въ римскомъ мірѣ съ объясненіемъ его экономического строя закономъ Тюнена, основанномъ на допущеніи широкаго развитія обізна (въ этюдѣ о происхожденіи колоната).—Ср. замѣчанія М. Фойгта (*Röm. Privatalt.* 373; 379; 440—41), согласныя съ высказаннымъ въ текстѣ.

²⁾ Объ отсутствіи сколько-нибудь широкаго развитія индустріи въ Римѣ очень сильно говоритъ примѣнительно къ болѣе раннимъ эпохамъ самъ Моммзенъ (см. *Röm. Gesch.* I, 864; II, 893; III, 513). Ср. для болѣе поздняго времени *R. Pöhlmann, Die Uebervölkerung*, p. 29—31.

мально, и оно неблагоприятно дѣйствуетъ на развитіе об-мѣна ¹⁾). То же самое съ гораздо большею справедливостію приходится повторить о другихъ большихъ городахъ имперіи: они имѣли сравнительно небольшое значеніе въ области прогресса всемірной торговли, вліяя преимущественно лишь на довольно узкій районъ пространства и являясь мало объединенными между собою ²⁾). Второстепенныя же общины играли роль исключительно мѣстныхъ рынковъ и жили обособленно (чисто „провинціальною“) жизнью. Отдѣльныя страны принуждены были стремиться къ самоудовлетворенію. Римъ не былъ для нихъ необходимъ; скорѣе даже онъ отъ нихъ экономически зависѣлъ ³⁾). Кромѣ того тутъ же въ заключеніе надобно подчеркнуть любопытную особенность, что рядомъ съ такимъ преобладаніемъ областной торговли надъ имперскою, въ римскомъ мѣрѣ почти не существовало того, что называется внѣшнею торговлею. Коммерческія отношенія совершались почти всецѣло внутри государства, и такое отсутствіе иностраннаго рынка, безъ сомнѣнія, было важнымъ препятствіемъ на пути къ водворенію того, что Бюхеръ называетъ „народнымъ хозяйствомъ“ ⁴⁾).

¹⁾ См. *M. Voigt*, Röm. Alt. 441.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ городомъ, наиболѣе подходившимъ въ римской имперіи къ „народно-хозяйственному“ типу развитія, была Александрія египетская. Менѣе вліятельная экономически, чѣмъ Римъ, въ количественномъ отношеніи, она качественно гораздо полнѣе осуществляла особенности мирового рынка съ цѣлью развѣтвившейся капиталистической организаціи производства и обмѣна. См. о ней превосходную страницу у *R. Pöhlmann*, Die Uebervölkerung, p. 31. Яркое изображеніе соціальной жизни Александріи даетъ *L. Friedländer*, Sittengeschichte, II, 148—159.

³⁾ *Pöhlmann* (Uebervölk. 29): „Der Ueberfluss an Tauschwerthen, welche die enorme Ansammlung von Edelmetallen in Rom erzeugte, legte der Capitale die Erzeugnisse des Gewerbe- und Kunstfleisses einer Welt zu Füßen. All das wirkte dem Aufschwung der römischen Industrie entgegen und prägte dem Handel Roms jenen Charakter der Passivität auf, den man sich mit opulenter Gleichgültigkeit gefallen liess, obwohl dadurch Rom mehr und mehr in Abhängigkeit von der auswärtigen Production gerieth“.

⁴⁾ Нѣкоторые историкъ придаютъ большой вѣсъ сношеніямъ, которыя завязывались у римлянъ со странами далекаго востока и юга (Китаемъ, Индіею, центральною Африкой) или сѣвера (напримѣръ, прибалтійскимъ краемъ). См. любопытныя данныя объ этомъ у *L. Friedländer*, II, 64 ff. Ср. *H. Schiller*, Gesch. d. röm. Kaiserz. I, 421 f. *Goldschmidt*, Handelsrecht (3 Aufl.) I, 66; 68. Но подобныя факты представляютъ только замѣчательныя образцы отдѣльныхъ,

Итакъ міровая торговля, появившаяся въ Римѣ, и получившая, повидимому, большое экстенсивное распространение, захватывая, какъ будто, всѣ страны извѣстнаго тогда міра ¹⁾, отличалась слабою интенсивностью. Она налагала лишь „тонкій слой“ денежнаго обмѣна сверхъ прежде господствовавшаго натурального хозяйства, привлекая къ новымъ формамъ экономическаго общенія также лишь „тонкій слой“ только высшихъ богатыхъ классовъ ²⁾. Моммзенъ, который признаетъ экономическій строй римской республики послѣдняго періода „капиталистическимъ“ ³⁾, самъ говоритъ однако, что этотъ „капитализмъ“ являлся „вавилонскою башнею“, то-есть, предпріятіемъ безъ фундамента ⁴⁾. Тѣ „банкротства капиталистовъ“, на которыя онъ же указываетъ ⁵⁾, являлись, вѣроятно, отзвукомъ недостатка почвы для прочнаго утвержденія новой формы хозяйственной организациі. То же повторилось во время имперіи ⁶⁾.

Въ качествѣ лишняго признака, подтверждающаго предположеніе объ односторонности и несовершенствѣ экономическаго развитія римлянъ во времена процвѣтанія имперіи,

далеко хватавшихъ порывовъ культурной экстенсивности. Они могли повторяться даже часто, но всетаки сохраняли характеръ случайности, и ими нельзя пользоваться, какъ доказательствомъ осуществленія въ римскомъ хозяйствѣ высшаго типа его организациі.

¹⁾ *M. Voigt*, *Röm. Privatalt.* p. 376. Ср. *Goldschmidt*, *Handelsrecht*, I, 66.

²⁾ *M. Weber* (*Die sozialen Gründe*, p. 60): „Auf diesem noch unzersetzten naturalwirtschaftlichen Grunde wurzelt der Tauschverkehr nicht tief: eine dünne Schicht hochwertiger Artikel ist es... welche wirklich Gegenstand stetigen Handels sind... Ein solcher Handel ist mit dem modernen Verkehr überhaupt nicht vergleichbar“. Тутъ же ниже: „Jede Handelsstatistik zeigt uns, wie die Massenbedürfnisse allein heute die grossen Ziffern der Handelsbilanzen ausmachen“. Въ римскомъ же мірѣ: „Nicht die Massen sind mit ihrem Alltagsbedürfnissen am internationalen Verkehr interessiert, sondern eine dünne Schicht besitzender Klassen“.

³⁾ *Röm. Gesch.* II, 895—896.

⁴⁾ *Ibid.*—Cfr. III, 517.

⁵⁾ *Ibid.* III, 526—528.

⁶⁾ Съ этимъ согласенъ, между прочимъ, Фойгтъ (*Röm. Privatalt.* p. 441), который склоненъ придавать большое значеніе высшимъ формамъ народнаго хозяйства въ Римѣ. У него читаемъ: „Die gesamten Verkehrsverhältnisse bedingten aber, dass die Handelsbilanz dieses Zeitraumes (= времени имперіи) noch bei weitem ungünstiger, als in den früheren Zeiten sich stellte..“ См. ниже тутъ же интересныя замѣчанія.

можно указать слѣдующій фактъ: литература ихъ очень мало занималась теоретической разработкой того, что теперь называли бы „основными понятіями экономической науки“ ¹⁾. Такая особенность должна быть понята (точно такъ же, какъ вышеприведенное замѣчаніе Бюхера о бѣдности экономического словаря въ латинскомъ языкѣ), то-есть, какъ послѣдствіе сравнительной простоты хозяйственного строя жизни народовъ, объединенныхъ въ римское государство. Невыдѣленность въ немъ основныхъ институтовъ, оставшихся слитыми вмѣстѣ, а не пришедшихъ еще въ сложныя и сознательныя сочетанія, — мало возбуждала вниманіе и не привлекала мысли. Правда, указанному факту и выраженному выводу какъ бы противорѣчить торговое право римлянъ, наоборотъ очень разработанное и рационализированное ²⁾. Объясненіе этого контраста не можетъ быть сдѣлано твердо и основательно безъ серьезнаго и полнаго изслѣдованія всего экономического матеріала, заключающагося въ законодательствѣ, юриспруденціи и литературѣ ³⁾. Но позволительно высказать догадку, которая можетъ содѣйствовать уразумѣнію замѣченнаго наблюденія. За формулировку основныхъ началъ торговаго права энергично взялись правящіе классы римскаго общества, державшіе въ рукахъ выгоднѣйшіе изъ коммерческихъ предпріятій, которыя воплощали въ тѣ времена хозяйственный прогрессъ. Законъ призывался къ защитѣ ихъ интересовъ, и для этого требовалась не только установка общихъ принциповъ, но и опредѣленіе деталей и тонкостей. Съ другой стороны позднѣе и императорское правительство своею политикою общественной нивеллировки,

¹⁾ Это признаетъ самъ Эд. Мейеръ (см. *Die wirtsch. Entw. d. Alt.* p. 33). Ср. также *Goldschmidt*, *Handelsrecht*, I, 84. У авторовъ найдено много „возгласовъ“ и „яркихъ анекдотовъ“ о торговлѣ, деньгахъ, капитализмѣ, спекуляціяхъ и т. д.; попадаются отдѣльныя дѣловыя замѣчанія по разнымъ поводамъ; но мало отрывается въ этомъ анализѣ, систематическаго изученія и идей.

²⁾ См. сжатое изложеніе у Гольдшмита (въ только что названномъ сочиненіи) съ библиографіей вопроса. Ср. *Pernice*, *Parerga*, VIII (въ „*Zeitschr. f. Rechtsgesch.*“ XIX, 1898, p. 103—109).

³⁾ Интересною попыткою разслѣдованія данной области является сочиненіе *P. Oertmann*, *Die Volkswirtschaftslehre des Corpus iuris civilis* (Berlin, 1891) съ указаніемъ литературы прежнихъ этюдовъ по данному предмету.

стремленіемъ привлечь къ производительному труду многочисленныя средніе слои населенія провинцій (создать „буржуазію“) поддерживало тотъ же процессъ по инымъ мотивамъ. Императорамъ нужно было развитіе правовой защиты имущественныхъ отношеній, которое обезпечивало бы безопасность труда и пользованіе экономическими результатами предприимчивости, чтобы вызывать постоянный ростъ хозяйственной энергіи. Поэтому-то законодательство напряженно работало надъ вещнымъ и въ частности торговымъ правомъ, стараясь придать ему общечеловѣчскій (международно-хозяйственный) характеръ. Служившіе же цѣлямъ монархіи и увлекавшіеся экономической политикою принципата юристы (можетъ быть, даже создававшіе ее!) строили въ томъ же направленіи теорію и искали для нея философскаго обоснованія. Такимъ образомъ, выйдя изъ жизненной потребности, законодательство и комментировавшая его юридическая мысль опередили самую жизнь, нерѣдко называя общимъ правиломъ исключеніе, формулируя часто не то, что было, а то, что стремилось создать государство, выполняя опредѣленную политическую систему или социальную тенденцію ¹⁾. Затѣмъ, втягиваясь въ такое теоретизированіе, творчество ученыхъ и администраторовъ, поддержанное практическою задачею руководить „отношеніями“, перерабатывая ихъ въ духъ извѣстныхъ политическихъ соображеній или социальной идеи, или проводя тотъ или иной сословный интересъ, мало захватывалось любознательностью по отношенію къ изслѣдованію фактическаго содержанія экономическаго строя. Эта сторона быта могла казаться имъ отсталою отъ ихъ понятій, и изученіе ея особенностей — представляться несоотвѣтствующимъ ихъ познавательнымъ (научнымъ) потребностямъ и не затрагивающимъ прямыя мотивы ихъ дѣятельности. Вотъ почему въ произведеніяхъ римской литературы различныхъ категорій для уразумѣнія экономическихъ порядковъ отыскиваются

¹⁾ Относительно идей законодательства „кодексовъ“ это безусловно справедливо; но и „классическіе юристы“ стоятъ далеко выше жизни, въ которую они хотятъ вдохнуть свое правосознаніе.

лишь случайныя данныя, произвольно зарегистрированныя писателями при повѣствованіи о событіяхъ или изображеніи ихъ обстановки, но безъ сознательнаго интереса къ хозяйственнымъ явленіямъ; или у нихъ встрѣчаются восторженныя описанія бросавшихся имъ въ глаза блестящихъ фактовъ экономическаго прогресса, дѣйствовавшихъ на воображеніе и возбуждавшихъ гордость; но въ такихъ описаніяхъ неправильно отражается настоящая природа вещей.

Авторъ не придаетъ только что высказанному объясненію бѣдности экономической мысли римлянъ рѣшающаго значенія, но думаетъ, что оно можетъ навести на вѣрный путь при истолкованіи явленій.

2. Изображенныя на предшествующихъ страницахъ черты экономическаго и политическаго состоянія и развитія римскаго государства не могли способствовать быстрому переходу его населенія отъ производства преимущественно для домашняго потребленія къ формамъ міроваго хозяйства. Отношенія государства къ обществу, средства сообщенія между областями, распредѣленіе богатства и бѣдности, положеніе рынка и спроса — задерживали расцвѣтъ необходимой для этого торговли, лишая народный трудъ могучихъ возбуждителей дѣятельности, не вызывая въ отдѣльныхъ хозяйствахъ склонности къ взаимодѣйствию. Кромѣ того могутъ быть указаны еще другія условія, которыя препятствовали расширенію производства для обмѣна, отнимая у него нужныя подспорья, даже болѣе — иссушая самыя источники, изъ которыхъ оно могло образоваться. Особенности общественнаго устройства и организациі труда, которыя имѣются здѣсь въ виду, отчасти сами являются послѣдствіями описанной только что комбинаціи способовъ удовлетворенія потребностямъ, отчасти же онѣ возникали отъ дѣйствія другихъ причинъ, и сами вліяли на нее.

Для установленія „народно-хозяйственныхъ“ формъ экономическаго общенія, помимо указанныхъ выше прецедентовъ, требуется: 1) наличность выдѣленнаго въ особую общественную группу купечества. Обладая большими капиталами и

широкою предприимчивостью, члены ея берутъ на себя роль органовъ обращенія, посредниковъ между производителями и потребителями, облегчая тѣмъ самымъ доставку и распределение товаровъ. Рядомъ съ этимъ, строя свое благосостояніе на предпринимательской прибыли при сбытѣ, они оказываются также представителями инициативы крупнаго производства спрашиваемыхъ предметовъ (фабрикатовъ).—Затѣмъ подобнаго рода хозяйственная эволюція не можетъ осуществиться безъ 2) образованія въ обществѣ многочисленнаго класса, который сдѣлалъ бы своимъ социальнымъ призваніемъ индустриальный трудъ, организуясь или въ видѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ, или въ видѣ рабочихъ въ большихъ предприятияхъ (заводахъ). Отдѣлившись совсѣмъ отъ сельскохозяйственныхъ занятій, классъ этотъ чтобы пріобрѣсти свое особое мѣсто, долженъ сосредоточиться на обработкѣ сырья отъ себя или отъ крупнаго производителя, предназначая свои произведенія для обмѣна тѣмъ, которые производятъ другіе виды продуктовъ, черезъ посредство купцовъ, которыхъ онъ и самихъ снабжалъ бы всѣмъ необходимымъ.

Между тѣмъ въ римскомъ мірѣ не окрѣпли до самаго конца ни самостоятельное торгово-промышленное купечество, ни отдѣльная социальная категория свободныхъ рабочихъ, специально дифференцировавшихся для ремесленнаго или заводскаго труда, хотя и тѣ, и другіе появлялись уже въ обществѣ¹⁾.

Въ источникахъ, особенно относящихся ко времени процвѣтанія имперіи, упоминаются, даже очень часто и, по видимому, большими группами купцы (*negotiatores, mercatores*)²⁾.—Но это прежде всего тѣ же крупные денежные

¹⁾ См. К. Bücher, Die Aufstände der unfreien Arbeiter, p. 10—11. Ср. *Idem*, Die Entsteh. d. Volkswirtschaft, p. 68.

²⁾ Большое количество ссылокъ на мѣста въ текстахъ, въ которыхъ о нихъ говорится, можно уже найти въ соответствующихъ главахъ у Марквардта (*Privatleben*, II, 400 ff.), Фридлендера (*Sittengesch.* II, 64 ff.), Фойгта (*Privatalterthümer*, 377; 381 ff.; 436 ff.), Вальдцинга (*Les corporations professionnelles*, II, 101 ss.; 144 ss.). Но дальнѣйшее изученіе преимущественно надписей обнаружитъ, по всей вѣроятности, еще множество незамѣченныхъ фактовъ и приведетъ къ новымъ существеннымъ выводамъ.

аферисты, которые вели сами или через посредство подчиненных имъ агентовъ скорѣе финансовыя (откупа, ссуды...), чѣмъ торгово-промышленныя операціи, и которыхъ трудно отдѣлать отъ класса земельныхъ магнатовъ. Если они занимаются дѣйствительно торговлею, то это для нихъ не главное и постоянное, а прибавочное и дополнительное дѣло¹⁾.— Въ другихъ случаяхъ мы видимъ въ роли представителей коммерческой функціи также „спорадически“ появляющихся „странствующихъ“ купцовъ²⁾. Послѣдніе рисуются любопытною разновидностью среди общественныхъ элементовъ, организующихъ обмѣнъ; но они опять же—явленіе, характеризующее слабость торговли, а не ея расцвѣтъ³⁾.— Далѣе часто источники вскрываютъ такихъ купцовъ, которые зани-

¹⁾ О соединеніи крупнаго землевладѣнія съ крупнымъ денежнымъ капиталомъ уже достаточно говорено выше. То же сохранилось и во время имперіи, и, кажется, нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобы утверждать, что обѣ функціи (эксплуатація земли и движимаго капитала) отчетливо раздѣлились. Вспомнимъ у Горация (*Ars poet.* 421): „Dives agris, dives positus in fenore nummis“. Плиній Мл. типичный римскій магнатъ и разумный хозяинъ-приобрѣтатель говоритъ про себя (*Epist.* III, 19, 8): „Sum quidem prope totus in praediis, aliquid tamen fenero“. Это продолжатель Аттика въ смыслѣ хозяйственной системы. См. еще прекрасные примѣры такого соединенія у Сенеки (*Epist.* 41, 7): „Familiam formosam habet et domum pulchram, multum serit, multum fenerat.“ Cfr. *Ibid.* 2, 6; 76, 15 etc. Самъ философъ дѣлательно предавался и плантаціонной культурѣ, и денежной спекуляціи (*Tac. Ann.* XIV, 58; XIII, 42; XIV, 32; *Dio LXII*, 2). Шернисъ (*Zeitschr. f. Rechtsgesch.* 1898, XIX, 120) замѣчаетъ, что „...Grundstückskauf und Zinsleihe... bilden zur Zeit der klassischen Juristen die beiden Brennpunkte der Geldwirtschaft“. Подъ понятіемъ *fenerare* могло, пожалуй, скрываться иногда и чисто промышленное или торговое предпріятіе продѣлки кирпичей для продажи (*figlina*) или ткацкая мастерская (*linyphium*), либо организація на свои средства транспортирования глады по морю (*fenus nauticum*) и т. д. Ср. *Scheel*, въ „*Jahrb. f. Nationaloek.* VI, 1866, p. 341 ss.

²⁾ Образы такихъ „искателей торговыхъ приключеній“ постоянно рисуются авторамъ. Многочисленные и съ перваго раза ошеломляющіе примѣры сгруппированы у *L. Friedländer*, *Sittengeschichte*, II, 66—76. См. специально у Горация *Epist.* I, 6, 32; *Ars poet.* 117; *Carm.* III, 24, 35; *Sat.* I, 4, 29; I, 1, 6; *Epist.* I, 16, 71; *Carm.* I, 1, 15. Авторъ надѣется представить особый маленкій этюдъ о состояніи развитія торговли въ римскомъ мірѣ по сочиненіямъ Горация, который, можетъ быть, освѣтитъ по новому нѣсколько пунктовъ вопроса.

³⁾ Въ средніе вѣка такіе купцы-странники дѣйствительно были показателемъ упадка торговаго обмѣна. См. любопытныя данныя у *Inama Sternegg*, *Deutsche Wirtschaftsgesch.* I, глава 5-я. Ср. *K. Bücher*, *Die Entsteh. d. Volksw.* p. 99.

маются торговлею, какъ временнымъ средствомъ наживы, а не постояннымъ жизненнымъ призваніемъ ¹⁾). Наслѣдственного купеческаго класса до IV-го вѣка во всякомъ случаѣ отыскать не удастся.—По большей части, когда источники говорятъ о „mercatores“ или „negotiatores“, чувствуется, что рѣчь идетъ о торговцахъ мелкихъ, удовлетворяющихъ только нуждамъ мѣстнаго распредѣленія продуктовъ ²⁾). Область ихъ дѣятельности оказывается очень узкою, какъ количествомъ предлагаемаго продукта, такъ и площадью, на которую простиралось предложеніе. Они соединялись въ „коллегіи“ для самозащиты, что свидѣтельствуеетъ о ихъ слабосилии ³⁾). Очень возможно, что и они часто работали на капиталы крупныхъ ойкосныхъ господъ ⁴⁾). — Иногда, особенно

¹⁾ Таковыми, несомнѣнно, являлись очень многіе изъ тѣхъ *negotiatores*, которые „наполнили“ провинціи во времена паденія республики. Имперія, конечно, не сразу могла дать осѣдность ихъ жительству и профессіи.

²⁾ Весьма многочисленны изъ торговцевъ, упоминаемые въ памятникахъ самаго города Рима, гдѣ, конечно, сохранилось больше всего данныхъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежать къ такой категоріи. См. *M. Voigt, Röm. Privatalt.* p. 422 ff. Но и ихъ мелочной торговь стѣснялся системою государственнаго хозяйства, бравшаго многое на себя (см. *Bücher, Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.* L, 1894, p. 201) и извлекавшаго важныя отрасли снабженія массы населенія предметами первой необходимости изъ сферы частной торгово-промышленной инициативы. Таковъ же былъ, очевидно, характеръ торговли, составлявшей занятіе тѣхъ *mercatores*, которые упоминаются довольно часто въ мѣстныхъ памятникахъ муниципальных городовъ. См. *Friedländer, Sittengesch.* II, 76 и *Index* въ берлинскаго свода надписей.

³⁾ Вальтцингъ (*Etude hist. sur les corp. prof.*) собралъ и анализировалъ весь имѣющійся матеріалъ объ этихъ коллегіяхъ. Особенно были многочисленны ремесленныя, но достаточно существовало и торговыхъ. Авторъ, полемизируя съ Моммзеномъ (*St. R.* I, 327), придаетъ имъ довольно важное историческое значеніе. Но и изъ его изложенія вытекаетъ, что это были не коллективныя организаціи индустріи и торговли (соединенія капиталовъ, предприятий и труда, цехи и товарищества), а лишь союзъ взаимопомощи отдѣльно работавшихъ людей одного наименованія ремесла или торгова. Авторъ доказываетъ, что эти ремесленныя и торговыя корпораціи (особенно первыя, для вторыхъ иногда приходится дѣлать исключеніе) имѣли въ виду именно только дѣла взаимной благотворительности въ случаѣ разоренія или экономической слабости, а не артельную организацію труда для усиленія хозяйственнаго сопротивленія въ конкуренціи съ сильными. См. спеціально *Waltzing*, I, 181 vs.

⁴⁾ При распространеніи ссудныхъ операцій въ Римѣ, какъ одного изъ лучшихъ способовъ эксплуатаціи крупныхъ капиталовъ и при широкой практикѣ денежныхъ дѣлъ черезъ подставныхъ лицъ, такое предположеніе дѣлается вѣро-

если дѣло касается послѣднихъ вѣковъ имперіи, такія товарищества купцовъ (*collegia mercatorum*) — ничто иное, какъ „принудительныя корпорации“. Послѣднія устраивались правительствомъ для пополненія пробѣловъ въ системѣ финансовой администраціи при удовлетвореніи нѣкоторыхъ нуждъ государственнаго хозяйства, напримѣръ, организаціи продовольствія столицъ и вообще большихъ городскихъ центровъ и т. д. Къ нимъ и слѣдуетъ примѣнять то, что въ законодательныхъ сборникахъ V-го и VI-го вѣковъ говорится о купцахъ и торговлѣ¹⁾.

Наконецъ, оцѣнивая значеніе указаній на торговыхъ людей въ источникахъ римскаго времени, полезно ближе опредѣлить, всегда ли слова *mercator*, *negotiator* точно обозначали купцовъ. Въ средніе вѣка, напримѣръ, въ Германіи, слово—*Kaufmann* или тѣ же латинскіе термины—*mercator*, *negotiator* употреблялись въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ нынѣ. Они служили для обозначенія всякаго, кто являлся на рынокъ за товаромъ, и въ числѣ таковыхъ оказывались люди различныхъ профессій и социальныхъ положеній²⁾. Можетъ быть,

лѣтнимъ: источники, можетъ быть, именно вскрываютъ обыкновенно такихъ мелкихъ должниковъ или повѣренныхъ магнатовъ-капиталистовъ.

¹⁾ Подобныя товарищества занимали большое мѣсто въ муниципальной жизни провинціальныхъ городовъ и въ имперскомъ управленіи. Съ теченіемъ времени дѣйствительно подобная корпоративная организація людей, выполнявшихъ ремесленныя и торговныя функціи, нужныя для государства, все болѣе порабощается послѣднимъ. Коллегии являются въ рукахъ правительства органами контроля, средствами круговой поруки въ видѣ подчиненія низшаго населенія общественной повинности при производствѣ, доставкѣ и распредѣленіи продуктовъ и предметовъ потребленія, о которомъ вынуждено было заботиться государство, а также и при совершеніи работъ, въ которыхъ оно оказывалось несостоятельнымъ (государственной барщины). Такой принудительный крѣпостническій характеръ устройства торговыхъ и ремесленныхъ коллегій („Zwangscorporationen“) ясно и обстоятельно обнаруженъ изслѣдователями. См. *Waltzing*, *Les congr. prof. t. I, 3-me partie; E. Kuhn*, *Städtische und bürg. Verf. II, 147; 151; 253; O. Karlowa*, *Gesch. d. röm. Rechts, I, 899; ср. H. Schiller*, *Gesch. d. röm. Kaiserz. II, 73; 79*. Государство для своихъ цѣлей насадило эти товарищества, потомъ поддерживало ихъ и наконецъ закрѣпостило. Такая особенность ихъ жизни идетъ въ разрѣзъ съ ходомъ экономическаго развитія народно-хозяйственнаго типа.

²⁾ См. интересное замѣчаніе Карла Бюхера (*Die Entstehung d. Volksw. p. 90—91*), въ которомъ онъ приводитъ, между прочимъ, въ подтвержденіе выведенной формулы такого именно содержанія („...in der That unter dem Kaufmann jeder, der mit seiner Ware zu Markte stand, verstanden wurde...“) лп-

извѣстную аналогію съ этимъ можно провести, изучивъ исторію тѣхъ же словъ въ экономическомъ словарѣ римлянъ. Конечно, слѣдуетъ замѣтить, что въ восточныхъ провинціяхъ, особенно въ Египтѣ и преимущественно въ большихъ городахъ, процессъ выдѣленія торговаго класса, а также ремесленнаго—пошелъ гораздо дальше, чѣмъ въ остальной имперіи¹⁾.

Выше уже было выставлено предположеніе, что торговля въ Римѣ не направлялась, собственно, цѣлью организовать обмѣнъ между отдѣльными хозяйствами, сосредоточившимися около различныхъ видовъ производства; она стремилась только пополнить пробѣлы въ производствѣ не дифференцировавшихся замкнутыхъ хозяйственныхъ единицъ,—пробѣлы, проистекавшіе отъ несовершенства внутренняго устройства каждаго изъ нихъ или обусловленные неравномѣрностью въ географическомъ распредѣленіи природныхъ благъ²⁾. Если это вѣрно, то вполне понятно, что такая торговля не могла выростить и укрѣпить тотъ классъ общества, котораго мы отыскиваемъ въ римскомъ обществѣ лишь слабые зародыши и разрозненные элементы. Разъ не было достаточнаго простора для широкой инициативы обмѣна социальнымъ группамъ, которыя могли бы опредѣленно сосредоточиться на специальной жизненной профессіи: разъ не открывалось нужной свободы для ихъ взаимодействія подъ покровительствомъ государства, но безъ его прямого вмѣшательства, то при подъемѣ культуры и увеличеніи общенія могъ уже охватить извѣстные слои римскаго общества „купеческій духъ“³⁾, но не хватало еще матеріала для выработки постоянного органа посредниковъ при обмѣнѣ, то-есть, „купческаго класса“ (торговой буржуазіи)⁴⁾.

бопытный документъ изъ исторіи Франкфурта въ XV вѣкѣ: въ немъ среди „Kaufleute“ встрѣчаются („in buntem Durcheinander“)—„städtische Kleinhändler, Handwerker, Bauern“...

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ въ Александріи, напримѣръ, развивались замѣтные элементы крупной и мелкой, торговой и ремесленной буржуазіи.

²⁾ *Bücher* въ „Zeitschr. f. d. ges. Staatsw. L (1894), p. 200.

³⁾ Ср. *Pernice*, *Parerga*, VIII („Ueber wirtschaftliche Voraussetzungen römischer Rechtssätze“) въ „*Zeitschrift d. Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte*“, XIX, 1898, p. 105.

⁴⁾ Ср. превосходное замѣчаніе у Родбертуса въ статьѣ—„*Zur Geschichte d. röm. Tributsteuern*“ въ *Jahrbücher f. Nationalöck.* VIII (1867), p. 418, n. 80.

Такимъ образомъ главными коммерческими предпринимателями оставались, въ большинствѣ случаевъ, вожди ойкосныхъ группъ. Денежныя операціи покоились у нихъ на солидномъ земельномъ фондѣ, доставляя имъ съ одной стороны хорошій добавочный доходъ и обезпечивая ихъ съ другой отъ кризиса или риска прочностью ихъ основного, территориальнаго („самопитающагося“) хозяйства. Сдѣлаться истинными смѣлыми организаторами новаго торгово-промышленнаго движенія имъ мѣшала выгодная для ихъ социальнаго преобладанія рутина замкнутого самодовлѣнія ¹⁾. А для работы низшихъ классовъ не хватало питательныхъ средствъ, чтобы разбить ойкосную скорлупу или конкуренцію и осуществить собственною силою перерожденіе экономическихъ формъ.

Къ аналогичному выводу приходится склониться и при внимательномъ общемъ разсмотрѣніи вопроса о положеніи въ римскомъ мірѣ индустріи ²⁾.—Мейеръ утверждаетъ ³⁾, что въ эпоху наибольшаго расцвѣта римской культуры (то-есть, въ блестящій періодъ имперіи) произошло обособленіе города отъ села и, стало быть, ремесленнаго труда отъ сельскохозяйственнаго. Города, выдѣлившіеся будто бы не только, какъ центры осѣлости, но и какъ экономическіе міры съ своею специальною природою и фізіономіею, достигли въ это время выдающагося процвѣтанія; слѣдовательно промышленный трудъ, носителемъ котораго было населеніе городовъ, занималъ важное и самостоятельное мѣсто въ хозяйственной жизни странъ и народовъ римскаго міра ⁴⁾. —

¹⁾ Ср. *Waltzing*, *Les corpor. profess.* II, 14.

²⁾ Это неудивительно: только широко развивающаяся торговля плодитъ дѣлательное ремесло. Яркій примѣръ, подтверждающій это правило, находимъ въ средневѣковой Европѣ: индустрія процвѣла въ городахъ только тогда, когда всемірная торговля охватила страны запада. См. въ этомъ смыслѣ интересное замѣчаніе *A. Giry* въ изданіи *Lavisse et Rambaud*, *Hist. gén. de l'Europe*, II, 484.

³⁾ *Die wirtsch. Entw.* p. 41; 60.

⁴⁾ Въ бѣгломъ очеркѣ Мейеръ ничѣмъ не подтверждаетъ такого своего взгляда. Но богатныя данныя о развитіи индустріи, которыя собраны въ специально посвященныхъ этому вопросу изслѣдованіяхъ Бюксеншюца и Блюмнера (заглавія ихъ выписаны на стр. 511 настоящей книги), какъ будто даютъ высказанному въ такомъ видѣ тезису богатое обоснованіе. А обильный энциклопедическій матеріалъ о ремесленныхъ коллегіяхъ, обработанный Вальтдингомъ и другими учеными (у него приведена систематическая и полная

Однако правильность и реальность такого изображенія оказывается болѣе внѣшнею и кажущеюся, чѣмъ внутреннею и дѣйствительною. Трудно отрицать, что отличительная черта основного типа осѣдлости, свойственнаго античнымъ государствамъ — отсутствіе противоположности между городомъ и селомъ съ точки зрѣнія населенія, сліяніе ихъ въ одно социально-экономическое цѣлое — сохранила силу до конца существованія римской имперіи. Изъ ознакомленія съ главными чертами муниципальной организаціи, по которой настоящими гражданами города являлись именно землевладѣльцы его территоріи ¹⁾, легко убѣдиться, что осѣдлыми домохозяевами города были чаще всего тѣ же люди, которые направляли изъ своихъ деревенскихъ усадебъ сельское хозяйство въ принадлежавшихъ имъ имѣніяхъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ муниципія ²⁾. Стало быть, организаторы ремесленного

библіографія) какъ бы открываетъ намъ спеціальныя формы, въ которыхъ организовалось это сословіе.

¹⁾ См. *Fustel de Coulanges*, *L'invasion germanique et la fin de l'empire*, p. 151—152. Ср. *E. Kuhn*, *Städt. u. bürg. Verf. I*, 29—34.—Этотъ принципъ остался живъ до конца существованія имперіи, когда въ сословіе „куріаловъ“ привлекались всѣ, даже самыя мелкіе землевладѣльцы городской территоріи, и они являлись главными плательщиками поземельной подати. См. изображение состава населенія имперскихъ городовъ у Куна, Марквардта, Виллемса, Карловы и др. Опять же только въ немногихъ самыхъ большихъ населенныхъ пунктахъ (столичнаго типа) стало образовываться специфически городское населеніе.

²⁾ Изученіе развитія формъ осѣдлости въ римской Италіи и провинціальному мірѣ можетъ въ самомъ дѣлѣ многое разъяснить въ экономической исторіи Рима. Авторъ настоящей книги попытается это показать въ слѣдующемъ сочиненіи, которое составитъ дальнѣйшее развитіе даннаго. Древній городъ Римъ, какъ средоточіе воздѣлывателей *ager Romanus* (какъ *Ackerstadt*, см. *R. Pöhlmann*, *Die Anfänge Roms*, Erlangen, 1881, p. 41), которые вмѣстѣ съ тѣмъ въ большинствѣ случаевъ выдѣлывали себѣ все необходимое для домашняго обихода, то-есть, жили въ оikosномъ обособленіи,—явились прототипомъ формы поселенія, оставшейся характерною для римскаго міра до самаго паденія имперіи. Такое единство осѣдлости, при господствѣ котораго, какъ указано, городскими домовладѣльцами были главнымъ образомъ собственники окружающей сельской территоріи, гдѣ у нихъ возникали лишь особыя мизы (*villae*); слабое развитіе деревень, какъ спеціальныхъ обиталищъ носителей земледѣльческаго труда; сохраненіе, наконецъ, за представителями сельскаго хозяйства функцій индустріи, а также торговли — все это облегчаетъ прослѣживаніе судебъ оikosной системы въ хозяйственномъ строѣ римскаго міра.

труда въ городѣ, являвшіеся въ то же время руководителями земледѣлія въ деревнѣ, только распредѣляли между индустріею и сельскимъ хозяйствомъ части рабочей силы, находившейся въ ихъ распоряженіи. При этомъ не создавалось постоянной дифференцировки земледѣльческаго и ремесленного производства, какъ не было контраста между городомъ и селомъ. Хозяева-сосѣди (муниципальные граждане) производили прежде всего на себя, а затѣмъ непосредственно обмѣнивались между собою излишками въ предѣлахъ городского спроса. Безъ сомнѣнія, въ общемъ правилѣ они пускали въ оборотъ на всемірный рынокъ мало продукта, но городской насыщали настолько сильно, что немного оставляли мѣста для самостоятельной инициативы скопившагося въ извѣстной степени внутри городскихъ оградъ свободнаго безземельнаго ремесленнаго люда ¹⁾.

Съ другой стороны то, что говорится о процвѣтаніи городовъ римской имперіи, должно понимать лишь условно.—Возвышеніе городовъ въ это время было вызвано утвержденіемъ мира и лучшаго управленія, вслѣдствіе чего они могли избавиться отъ матеріальнаго кризиса, до котораго были доведены римскимъ завоеваніемъ и хищеніями республиканскихъ магистратовъ. Легче всего оправались и наиболѣе высоко поднялись въ своемъ благосостояніи самые богатые или состоятельные изъ муниципальных гражданъ, то-есть, мѣстные крупные или средніе землевладѣльцы. Показателемъ обогащенія явилась въ частности роскошь ихъ быта, которая отразилась и на украшеніи городовъ. Факты, свидѣтельствую-

¹⁾ То, что было выше сказано о городскихъ (муниципальныхъ) торговыхъ корпораціяхъ, еще болѣе справедливо относительно ремесленныхъ. *Plebs urbana* римскихъ провинціальныхъ городовъ такъ же, какъ и столицы, находилась въ жалкомъ положеніи нужды, безработицы и зависимости отъ всякаго рода превратностей жизни. Такой городской ремесленный пролетаріатъ легко попадалъ въ „ойлосную кабалу“ сильныхъ магнатовъ, и коллегіи взаимомощи плохо спасали его отъ необходимости подчиниться личному патронату какого-нибудь главара частнаго замкнутаго хозяйства. См. *Goldschmidt*, *Handelsrecht*, I, 61. Ср. *E. Kuhn*, *Städt. u. bürg. Verf. d. röm. Reichs*, I, 75 ff. Въ этомъ смыслѣ правильно говоритъ Вюхеръ (*Zeitschr. für die ges. Staatsw.* 1894, p. 199): „Ackerbau und Fabrikation waren noch in einem Wirtschaftsbetriebe vereinigt, ein gewerbliches Unternehmerkapital war kaum noch vorhanden“.

щие съ перваго взгляда о блестящемъ прогрессѣ городской культуры, указываютъ только на оживленіе въ областяхъ римской имперіи хозяйственной жизни, подавленной смутами послѣдняго вѣка республики. Но отъ нихъ нельзя еще прямо заключать о распространеніи на широкое пространство ея территоріи новой формы экономического строя; нельзя смотрѣть на города, какъ на сложные по внутреннему строенію члены огромнаго соціального организма, опиравшагося будто бы на вполнѣ развитое міровое (или по бюхеровской терминологіи — „народное“) хозяйство; нельзя также представлять себѣ эти города очень сильными „промышленными“ центрами, объединенными всемірнымъ „торговымъ“ рынкомъ съ безграничною потребительною способностью ¹⁾. Изъ того обстоятельства, что населеніе многихъ городовъ увеличивалось, еще не слѣдуетъ выводить выгодныхъ послѣдствій для развитія внутри ихъ свободнаго ремесленнаго труда.—Города заселялись богатыми и богатѣвшими сельскими хозяевами-собственниками и ихъ слугами, а затѣмъ наполнялись растущею толпою пролетаріата, не находившаго работы ²⁾. Только въ сравнительно немногихъ самыхъ большихъ городахъ могло развиваться сколько-нибудь значительное ремесленное производство, вызываемое повседневымъ настоятельнымъ

¹⁾ Роб. Пельманъ (*Aus Alt. und Gegenw.* 348—349) отлично группируетъ всѣ вопросы, на которые необходимо отвѣтить, чтобы можно было утверждать установленіе въ римскомъ мірѣ формъ мірового хозяйства. Но онъ же совершенно справедливо замѣчаетъ, что до сихъ поръ не произведено изслѣдованіе, которое могло бы доказать правильность такого представленія объ экономическомъ процессѣ, совершавшемся въ римскомъ государственномъ организмѣ во времена его наибольшаго роста.

²⁾ Гартманъ (*Zeitschr. für Social- und Wirthschaftsgesch.* IV, 1895, p. 156) очень хорошо и правильно замѣчаетъ, что быстрый ростъ городского населенія въ римской имперіи вовсе не обозначалъ значительныхъ успѣховъ индустриальнаго производства, какъ наблюдается въ современныхъ государствахъ. Авторъ говоритъ; „Als im Alterthume... ein Theil der Landbevölkerung zu grossstädtischem Proletariate wurde, entsprach diesem Zuflusse kein Bedürfniss, keine industrielle Thätigkeit, und was bisher auf dem Lande productiv gearbeitet hatte, fand in der Stadt keine Arbeit.“ Онъ заключаетъ, что такое смѣшеніе причинъ и послѣдствій однороднаго явленія въ древности и въ новыя времена приводитъ Мейера (*Die wirtschaftl. Entw. d. Altertums*, p. 60) къ выводу, совершенно невѣрному и опасному для истиннаго истолкованія его.

спросомъ сильно скученнаго населенія ¹⁾. Но и тамъ возможность расцвѣта этой отрасли промышленнаго труда стѣснялась многими неблагоприятными обстоятельствами—въ области мелкой торговли государственными поставками, въ области мелкой индустріи ввозомъ со всѣхъ концовъ выдѣланныхъ произведеній различныхъ мѣстностей. Благодаря ему, въ эти главные центры потребленія собирались небольшіе излишки производства отдѣльныхъ городовъ и мѣстностей всего міра, образуя въ совокупности изъ большого числа малыхъ слагаемыхъ внушительную сумму, болѣе чѣмъ достаточную даже для переполненія большихъ рынковъ городовъ столичнаго типа.—Такимъ образомъ крупнѣйшіе населенные пункты римскаго міра въ общемъ правилѣ до конца остались мало индустріальны ²⁾.

Бюксеншюцъ и Блюмнеръ ³⁾ много говорятъ о громадномъ развитіи индустріи въ римскомъ мірѣ. Изложеніе ихъ блещетъ массою собранныхъ разнообразныхъ и сильныхъ фактовъ. Ремесленные продукты, которые производились поданными римскихъ императоровъ, и которые авторы описываютъ красками, взятыми изъ подлинныхъ источниковъ, должны были, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, засыпать

¹⁾ См. примѣры у М. Фойгта (*Privatalt.* p. 433 ss.), также у Фридлендера (*Sittengeschichte*, I, 299 ss.) и др.

²⁾ Пельманнъ (*Die Uebersiedelung der antiken Städte*, p. 35 ff.) искусно пользуется третьей сатирой Ювенала (стихи 21 и сл., 162 и сл., 38 и сл.), чтобы нарисовать живой эскизъ того, какъ трудно было прожить въ Римѣ немущему человеку вслѣдствіе именно невозможности найти достаточный заработокъ. Ср. *Ibid.* p. 30—31; 52 ff. Въ такомъ смыслѣ яркій контрастъ всемірной столицѣ представляла Александрія.—Тамъ дѣйствительно процвѣтала громадная индустрія, снабжавшая своими продуктами всѣ области имперіи. Отъ тонкой наблюдательности императора Адриана не ускользнуло такое различіе Александріи отъ Рима; тамъ постоянно держался высокій спросъ на трудъ, поглощавшій всѣ безъ исключенія руки многочисленнаго рабочаго населенія, стекавшагося въ богатый и предприимчивый городъ. Адрианъ характерно пишетъ (*Flav. Vor. Saturnin.* 8): „Alii vitrum conflant, aliis charta conficitur, alii linifones, omnes certe cuiuscunque artis et videntur et habentur. Podagrosi quod agant habent, habent caeci quod faciant, ne chiragrici quidem apud eos otiosi vivunt.“—Это былъ, конечно, самый крупный индустріальный центръ тогдашняго міра. См. другіе тексты о мануфактурномъ производствѣ Александріи (и Антиохіи) у Пельманна стр. 31, 32. — Но это были рѣдкія исключенія изъ общаго правила малой индустріальности римскихъ городовъ.

³⁾ За ними слѣдуютъ и другіе — Фойгтъ, Фридлендеръ и т. д.

или залить многочисленные и обширные рынки, вызвать необходимость весьма дѣятельной торговли. Но у названныхъ историковъ, если приглядѣться къ ихъ изложенію, говорится преимущественно о видахъ фабрикатовъ, которые выдѣлывались внутри римскаго міра (ихъ оказывается очень много), и о мѣстахъ, которыя славились выдѣлкою тѣхъ или другихъ изъ нихъ (ихъ также перечисляется весьма немало). О способахъ же, какими они производились, солидные ученые говорятъ гораздо меньше, точно такъ же, какъ не сосредоточиваются въ достаточной мѣрѣ на опредѣленіи высоты производства, то-есть, количества выдѣлываемыхъ продуктовъ разныхъ категорій. А разрѣшеніе именно послѣднихъ пунктовъ особенно важно, если данные факты выдвигаются, какъ доказательство наличности и господства народно-хозяйственной организациі въ государствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что общество, богатое и культурное, нуждалось въ значительномъ количествѣ не только сырыхъ (натуральныхъ), но и выдѣланныхъ предметовъ потребления. Однако они могли приготовляться въ рамкахъ „внутренно-оикоснаго раздѣленія труда“ руками „рабовъ“. Въ такомъ случаѣ очень большое число хозяйствъ могло сохранять самодовлѣніе и даже подчинить себѣ имѣющіеся рынокъ, высылая туда свои излишки. Ойкосы и на такомъ поприщѣ легко могли выдерживать конкуренцію со слабыми представителями образующихся чисто ремесленныхъ группъ и не допускать утвержденія новыхъ формъ хозяйства, которыя разрушали бы обособленіе. — Нельзя ли предположить, что въ римскомъ мірѣ во время наибольшаго процвѣтанія его богатства и производительной энергіи имѣла мѣсто именно такая комбинація?—Многое заставляетъ думать, что дѣло происходило дѣйствительно такъ ¹⁾.—И въ такомъ случаѣ можно убѣдиться, что выдвинутая здѣсь особенность социальной жизни имперіи—отсутствіе опредѣленно выдѣлившихся торговаго и ремесленнаго классовъ—была не только отзвукомъ раньше изображенныхъ отличительныхъ признаковъ эконо-

¹⁾ Ср. *Bücher* въ „*Zeitschr. f. die ges. Staatsw.*“ 1894, p. 199; 201.—Самъ Бюксеншютцъ признаетъ, что рабы и зависящие отъ магнатовъ (кабальные) рабочіе занимали въ индустріи видное мѣсто. См. *Die Hauptstätten des Gewerbflusses im kl. Alt.* (Einleitung, S. 2, 4).

мического быта, но находила свою причину и въ характерѣ расчлененія общества, а потому вліяла сама по себѣ на сохраненіе ойкоснаго хозяйства.

3. Мейеръ стремится сильно умалить значеніе рабства въ Римѣ, особенно во времена имперіи. Указывая на ослабленіе рабства въ эту эпоху, онъ не хочетъ признавать задерживающаго дѣйствія рабовладѣльческаго ойкоснаго хозяйства на развитіе индустріи, какъ самостоятельной отрасли производства, которая въ частности, по его мнѣнію, должна была породить и укрѣплять развитіе торговаго обмѣна ¹⁾. Авторъ не подвергаетъ этого новаго тезиса детальному изслѣдованію и систематическому обоснованію ²⁾, и врядъ ли можетъ быть подтверждена справедливость его въ такой общей формулировкѣ. Конечно, при современной возможности болѣе точнаго разъясненія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ пунктовъ соціальной исторіи римскаго міра нельзя, напри- мѣръ, выражать количественное развитіе рабства въ такихъ высокихъ цифрахъ, какія устанавливались въ старыхъ историческихъ сочиненіяхъ ³⁾. Невозможно также теперь сводить

¹⁾ Такое пониманіе дѣла требуется, чтобы окончательно провести опроверженіе системы Бюхера. Господство крупныхъ ойкосовъ надъ хозяйствомъ страны и государства не могло осуществляться безъ наличности большой подчиненной господамъ ихъ рабской трудовой силы. Отрицаніе ея существованія — одинъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ такого опроверженія.

²⁾ Онъ ставитъ вопросъ только догматически въ брошюрѣ, посвященной проблеме съ Бюхеромъ (*Die wirtschaftliche Entwicklung d. Altertums*, p. 37 ff.), и въ послѣдней небольшой работѣ — *Ed. Meyer, Die Sklaverei im Altertum* (Dresden, 1898).

³⁾ Намѣтитъ въ области рѣшенія этого вопроса границы научнаго благо- разумія уже съ успѣхомъ пытался шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ *Dureau de la Malle* (въ своемъ сочиненіи „Economie politique des Romains“). Правильное понятіе о распространеніи рабства въ римскомъ обществѣ и о пропорціональномъ отношеніи рабовъ къ свободной половинѣ населенія устанавливаются, насколько возможно, точнымъ статистическимъ способомъ въ солидномъ трудѣ *J. Beloch, Die Bevölkerung d. griechisch-römischen Welt* (Leipzig, 1886). Мейеръ въ такихъ словахъ повторяетъ приблизительный общій выводъ, какой вытекаетъ по данному пункту изъ соціально-историческихъ изслѣдованій послѣдняго времени: „So unberechtigt wie die Anschauung von der Stellung der freien Arbeit ist die Meinung, dass jeder antike Bürger oder auch nur die grössere Hälfte derselben mindestens einen Sklaven besessen habe. Die Zahl der Skla-

всего римскаго хозяйства къ эксплуатаціи рабской силы. Приходится еще ввести въ самую картину его рядъ дополнительныхъ признаковъ, опредѣляющихъ въ немъ во всё времена долю извѣстнаго участія и вольнаго труда ¹⁾. Съ другой стороны оказывается также важнымъ отмѣчать и внутри исторіи рабства перемѣны, свидѣтельствующія о постепенномъ вырожденіи его чистой формы, созданіи различныхъ путей и способовъ смягченія, которые знаменовали начало новой эволюціи ²⁾. Однако не слѣдуетъ преувеличивать это ограниченіе. Безъ сомнѣнія, рабство до конца оставалось одною изъ существенныхъ чертъ хозяйственнаго строя древности въ области организаціи трудовыхъ отношеній.

Самъ Эд. Мейеръ принужденъ смягчать свою конструкцію, основанную на отрицаніи опредѣляющаго значенія рабства ³⁾, и признать, что первое время расцвѣта „римскаго

venhalter ist immer die Minderheit gewesen, und die Sklavenzahl hat die der freien Bevölkerung nur sehr selten erreicht und höchstens in einzelnen Industriestaaten überstritten“. — Ср., впрочемъ, *K. Bücher*, *Die Aufstände d. unfreien Arbeiter in Rom*, p. 35, и *L. Friedländer* въ „*Jahrbüch. f. Nationaloek.*“ XX Band, p. 350 ff.

¹⁾ Какъ указано было въ предшествующемъ изложеніи (съ ссылками на соответствующую литературу), внимательное и полное изученіе источниковъ, время котораго наступило особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ систематически собираться и изслѣдоваться эпиграфическій матеріалъ, вскрываю и въ столицѣ, и въ большихъ городахъ значительное число свободнаго населенія, зарабатывавшаго жизнь трудомъ своихъ рукъ. Мейеръ особенно подчеркиваетъ это. См., напримеръ, *Die Sklaverei*, p. 32; 37; 38; *Die wirtsch. Entw.* p. 36 ss. etc.

²⁾ Въ своемъ мѣстѣ уже было указано вліяніе законодательства императоровъ на улучшеніе положенія рабовъ (см. еще *Ciccotti*, *Il tramonto della schiavitù*, 1899, p. 240 ss.). Родбертусъ въ своемъ сочиненіи—„*Die agrarische Entwicklung der Kaiserzeit* (въ *Jahrbücher für Nationaloek.* II, 1864) хорошо показалъ хозяйственную причину такого измѣненія (см. изложеніе взгляда Родбертуса въ статьѣ автора настоящей книги—„Новое изслѣдованіе о колонатѣ“ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1886 г. ноябрь). Онъ обнаружилъ, какъ барскіе рабы (*servi rustici*) во время имперіи (съ конца I в. по Р. Хр.), мало-по-малу переходили въ „нашанныхъ“ оброчниковъ (*servi casati*). Если теперь нельзя выводить всего происхожденія сложнаго явленія римскаго крестьянскаго крѣпостнаго права (колоната) изъ соціальнаго теченія, открытаго знаменитымъ экономистомъ, то все же оно признано и современною наукою, какъ одинъ изъ путей эволюціи рабства къ полу-свободѣ. См. *Fustel de Coulanges*, *Le colonat romain* (въ книгѣ „*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*“, p. 54 ss. („*Les tenures serviles*“). Ср. *M. Voigt*, *Privataltert.* p. 390.

³⁾ Поучительно въ этомъ смыслѣ прочесть его талантливую и интересную брошюру—*Die Sklaverei im Altertum*—съ цѣлью не только понять и усвоить

капитализма“ именно сопровождалось огромнымъ ростомъ рабства и его примѣненія къ крупному производству, земледѣльческому и индустриальному ¹⁾. Сельскохозяйственные писатели предполагаютъ рабство, такъ сказать, самимъ собою разумѣющимся, неизбѣжнымъ главнымъ основаніемъ рабочаго устройства большого хозяйства ²⁾. Въ послѣдующіе вѣка имперіи рабство, какъ исчезающій, хотя, можетъ быть, худѣющій нижній слой соціальной почвы прослѣживается почти во всѣхъ источникахъ различныхъ категорій, сохранившихся отъ нихъ ³⁾; и это общественное со-

его основную мысль, но и подѣлать, какъ авторъ принужденъ поневогѣ подавать руку критикамъ. То, что онъ говоритъ (въ самомъ началѣ) о невозможности придерживаться прямолинейной прогрессивной схемы всемірной исторіи трудящихся классовъ отъ рабства черезъ крѣпостничество къ свободѣ съ предположеніемъ о томъ, что эти три фазы совпадали съ тремя установленными научною рутинною великими отдѣлами человѣческой культуры — древностью, средними вѣками и новымъ временемъ, — конечно, совершенно справедливо, но это уже не новая мысль. Всѣ занимающіеся исторіею знаютъ, что, напримѣръ, средніе вѣка, являясь эпохою регресса въ цивилизаціи, ознаменовались и для трудящихся классовъ не улучшеніемъ, а колебаніями ихъ соціального status'a. — Никакой свѣдущій историкъ не станетъ теперь сравнивать древность съ дѣтствомъ человѣчества, средніе вѣка съ юностью и новыя времена съ зрѣлостью его. Такъ что тутъ авторъ борется противъ оставленнаго уже воззрѣнія. Основная же идея Мейера о рабствѣ хоть и исправляетъ нѣкоторые шаблонные, устарѣлые и риторическіе взгляды, не можетъ быть все-таки названа истинною.

¹⁾ См. любопытна страница у *Ed. Meyer*, *Die Sklaverei*, 40 ff. (Ср. тамъ же стр. 24 и сл.).

²⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно перечитать Катона, Варрона и Колумеллу. Каждый изъ нихъ упоминаетъ, правда, рядомъ съ рабами и другіе виды рабочаго люда, необходимаго для веденія хозяйства въ крупномъ помѣстьѣ, но всѣ эти разновидности земледѣльцевъ свободнаго происхожденія играютъ, сравнительно, второстепенную роль лишь добавочныхъ элементовъ, суррогатовъ, вспомогательныхъ чрезвычайныхъ силъ.

³⁾ См. богатое собраніе ссылокъ и указаній въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи рабства, напримѣръ, у *Wallon*, *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité* (tomes II et III) или *P. Allard*, *Les esclaves chrétiens*. См. еще группировку матеріала о рабахъ въ римскомъ мірѣ у *Marquardt*, *Privatleben der Römer* (I Band, 4 Abschnitt). Законодательство императоровъ (т. е., кодексъ Феодосія и Сигриу Юстиніана) специально занимается, между прочими предметами, порицаніемъ юридическаго положенія рабовъ, какъ особаго класса общества. См. о рабахъ въ послѣдній періодъ имперіи у Фюстель де Куланжа, „*L'invasion germanique et la fin de l'empire*“ р. 81—95 (и ниже о вольноотпущенныхъ). Можно сослаться еще на соотвѣтствующія главы много разъ цитированныхъ сочиненій Куна, Виллемса, Миспула и др.

стояніе передается римскою имперіею варварскимъ государствамъ, чтобы исчезнуть лишь въ глубинѣ средневѣковья ¹⁾).

Такой ходъ развитія рабства въ римскомъ мірѣ не долженъ представляться необычайнымъ. Онъ былъ естественнымъ результатомъ сначала роста капитализма, понимаемаго въ смыслѣ накопленія въ однѣхъ рукахъ большихъ средствъ и возможности обращенія ихъ на производство, а потомъ упадка интенсивности экономической жизни населявшаго имперію общества. Возбужденная громаднымъ обогащеніемъ и утвердившимся широкимъ взаимодействіемъ между странами и народами предпринимательская энергія руководящихъ классовъ, которые воспользовались побѣдою, искала дешеваго труда, выгодныхъ орудій производства. Таковыя представлялись готовыми въ массѣ приводимыхъ изъ походовъ военнопленныхъ, за безцѣнокъ продававшихся въ рабство. Рабы наводнили хозяйство; ими было убито сохранявшееся еще въ Италіи крестьянство; ими стало двигаться, прежде всего, въ земледѣліи барское латифундіальное плантаціонное производство. Тотъ же процессъ распространялся въ различныхъ степеняхъ и на провинцію ²⁾. Разъ утвердившись, такая организація труда сдѣлалась характернымъ явленіемъ жизни на долгія времена, и нескоро могли сломить ее новыя даже не-

¹⁾ См. *Fustel de Coulanges*, *L'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne*, p. 50 ss., 273 ss. Ср. *Inama Sternegg*, *Deutsche Wirthschaftsgeschichte*, I, 287, ff. Известный французскій историкъ *B. Guérard* въ своемъ замѣчательномъ специальномъ сочиненіи о крестьянствѣ во времена Каролинговъ, съ большою вѣроятностью утверждаетъ, что классическая форма рабства исчезла постепенно уже въ варварскихъ государствахъ подъ вліяніемъ измѣнившихся условій хозяйства, политическаго бита и нравовъ. См. *Le polyptyque de l'abbé Irminon* (Prolégomènes, p. 277 s.).

²⁾ Это—известный процессъ, который одинъ современный историкъ (М. Веберъ) картинно называетъ „посмертнымъ мщеніемъ Ганнибала Риму-побѣдителю“, и который составлялъ оборотную сторону соціальной жизни республики въ періодъ достиженія римскимъ народомъ всемірнаго владычества. Его много разъ (хотя въ большинствѣ случаевъ поверхностно) описывали въ общихъ обозрѣніяхъ по римской исторіи; крайнее развитіе его подорвало республику, отъ его послѣдствій не могла избѣгаться и имперія. Указанную здѣсь главную причину, почему утвердившееся въ Римѣ капиталистическое хозяйство оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ рабскимъ, хорошо подчеркиваетъ самъ Мейеръ (см. *Skla-veci*, p. 42—45; стр. 33; 35).

благоприятныя ей условія ¹⁾. Вотъ почему имперіи, не смотря на многократныя измѣненія въ комбинаціи экономическихъ факторовъ, влиявшихъ на ея развитіе, до конца не удалось освободиться отъ рабства и даже кореннымъ образомъ ослабить его социальное воздѣйствіе ²⁾.

Какъ сейчасъ сказано относительно земледѣлія, такъ же точно правильно будетъ признать, что рабская масса, находившаяся въ распоряженіи главарей крупныхъ ойкосовъ, должна была явиться могущественною силою, конкурирующею съ организациею на свободныхъ началахъ ремесленного труда. Если справедливо назвать тенденціознымъ тезисъ о полномъ вытѣсненіи свободныхъ рабочихъ рабами изъ сферы индустриальнаго производства ³⁾, то все же нельзя сомнѣваться,

¹⁾ См. *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung*, p. 32—37; 44.—Дешевизна „рабскаго товара“ уже стала исчезать, когда сократились войны, являвшіяся вмѣстѣ съ тѣмъ „охотами на рабовъ“, и пришлось выискивать различныя законныя и незаконныя средства для пополненія спроса на „рабскихъ рынкахъ“. См. *K. Bücher*, *Die Aufstände der unfreien Arbeiter* (passim; особенно стр. 34—37). Ср. *Marquardt*, *Privatleben d. Römer*, I, 166 ff. — Когда постепенно стали иссякать источники, откуда работоторговцы извлекали людей, работодателя стали искусственно насаждать и воспитывать рабскую породу. Правительство охраняло ее же законодательствомъ, смягчающимъ участь рабовъ. Только гораздо позже, когда энергія предпринимателей пала вслѣдствіе ослабленія стимуловъ для производства (отъ разложенія единства и мирнаго общенія въ имперіи, пониженія богатства и спроса, новаго суженія рынковъ), они перестали поддерживать рабство, и началось его перерожденіе.

²⁾ См. у *M. Вебера* (*Die sozialen Gründe des Unterg. d. ant. Kult.* p. 61) красивыя и жѣткія выраженія: „Die antike Kultur ist Sklavenkultur... Der Sklavenhalter ist der ökonomische Träger der antiken Kultur geworden, die Organisation der Sklavenarbeit bildet den unendbehrlichen Unterbau der römischen Gesellschaft.“.—Мейеръ не отрицаетъ, что римское правительство никогда не ставило задачи уничтожить рабство (см. *Die Sklaverei*, 36).

³⁾ Валлонъ (*Hist. de l'escl. dans l'ant. t. II, et III* passim) и Алларъ (*Les escl. chrétiens*, p. 47 ss.) собираютъ множество фактовъ, чтобы доказать любимое ихъ воззрѣніе, будто только христіанство возвысило свободный трудъ и положило начало его солидной организаціи, между тѣмъ какъ поддерживавшееся языческимъ Римомъ рабство не оставляло почвы для трудовой дѣятельности свободныхъ людей. Такое преувеличеніе вліянія рабства въ римскомъ мірѣ вовсе не нужно для обоснованія теоріи Бюхера объ ойкосномъ хозяйствѣ, какъ отличительной чертѣ экономическаго строя римской древности. Онъ самъ въ книгѣ о рабскихъ возстаніяхъ (вышедшей въ 1874 г.) определенно говоритъ о появленіи у римлянъ свободной индустріи еще до періода наибольшаго развитія рабства, т.-е., указываетъ на начало выдѣленія профессиональныхъ группъ („Die Berufsbildung“). Онъ подтверждаетъ то же самое въ

что она сильно стѣснялась эксплуатаціею подневольнаго люда ¹⁾. Систематическая обработка матеріала по исторіи организациі труда въ римское время можетъ дать еще много новаго для освѣщенія этого частнаго вопроса ²⁾. Но и теперь ясно, что въ эпоху расцвѣта римской имперіи „рабохозяева“, то-есть, „ойкосные господа“ выдѣляли для цѣлей индустріи немалую часть принадлежавшихъ имъ, какъ собственность, человѣческихъ рабочихъ рукъ. Они устраивали это дѣло также на крупныхъ капиталистическихъ началахъ, и такъ возникали „частно-владѣльческія мастерскія“, приводимыя въ движеніе рабами. Эти „промышленныя заведенія“ нельзя назвать „фабриками“ въ современномъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ онѣ представляли весьма значительное соединеніе труда—„большія мануфактуры“ ³⁾. Въ нихъ рабскіе элементы играли очень выдающуюся, хотя бы и не исключи-

относящейся къ 90-мъ годамъ (т.-е, ко времени, когда у него окончательно сложилась теорія о фазахъ экономическаго развитія и отношеніи ихъ къ исторіи) статья *Gewerbe* (въ „*Handwörterbuch d. Staatswiss.*“ 1894, III, 926 f. 929—931) и въ изслѣдованіи о діоклетіановскомъ эдиктѣ *de pretiis* (*Zeitschrift f. d. ges. Staatsw.* 1894).

¹⁾ Данна, собранна Валлономъ и Алларомъ, при всей необходимости критическаго отношенія къ ихъ толкованію и группировкѣ текстовъ, уже убѣждаютъ во многомъ. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на новѣйшую работу миланскаго профессора *E. Ciccotti*, *Il tramonto della schiavitù nel mondo antico* (Torino, 1899). У него найдемъ попытку построить эволюцію рабства въ древности — изобразить его развитіе и перерожденіе, причѣмъ оно всегда изучается радомъ съ исторіею свободнаго труда.

²⁾ Здѣсь и явится возможность, привлекая къ дѣлу всѣ имѣющіяся данна, особенно собравъ все, что даютъ надписи, и что еще довольно мало затрогивалось именно съ такой точки зрѣнія, показать, насколько далеко повели свои утвержденія представители крайнихъ взглядовъ, и каковы приблизительные предѣлы распространенія въ римскомъ мірѣ рабскаго и свободнаго труда. Такъ получится примѣрная сравнительная статистика этого вопроса.

³⁾ Отсутствие машинъ не позволяетъ назвать ихъ этимъ именемъ, столь характернымъ для современной экономической культуры и столь отличающимъ ее отъ древней. См. *W. Roscher*, *Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte* (3 Aufl.), I, 16 ff.—Недостатокъ искусственныхъ орудій при выросшей необходимости большаго производства пополнялся у римлянъ именно „сосредоточеніемъ массы рабочаго люда“ въ одномъ мѣстѣ (*Menschenanhäufung*) и приложеніемъ къ одному дѣлу „массоваго человѣческаго труда“ (*die Massenhaftigkeit der angewandten Menschenkraft*). См. *Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung d. antiken Städte*, p. 31 — 32. Ср. *M. Voigt*, *Privatalt.* p. 443.

тельную роль: и вотъ объясненіе, почему стѣснено было образованіе въ имперіи свободнаго ремесленнаго класса,— фактъ, на который уже обращалось вниманіе выше ¹⁾. Организовались подобныя крупныя предпріятія для обработки предметовъ житейской необходимости на помѣстьяхъ земельныхъ магнатовъ, причемъ въ мастерскія отряжались многочисленные *servi rustici*, проходившіе для этого специальную ремесленную выучку; иногда они возникали внутри большихъ и малыхъ городовъ, такъ что и подгородное хозяйство въ имѣньяхъ богатыхъ предпринимателей получало специальное направленіе, согласуясь съ потребностями такого „внутренне-ойкоснаго раздѣленія труда“. Въ такихъ случаяхъ необходимое сырье, добываемое въ послѣднихъ сельскими рабами, передавалось въ руки городскихъ рабовъ — *servi urbani* того же господина ²⁾. Такимъ образомъ, дѣйствительно, огромный домъ не только самъ удовлетворялъ себѣ, но и легко отвѣчалъ внѣшнему спросу, то-есть, насыщалъ сравнительно неширокій рынокъ ³⁾. Слѣдовательно свободный трудъ, безъ сомнѣнія,

¹⁾ Ср. *Ed. Meyer*, Die Sklaverei, 46 - 47, (сfr. 41).

²⁾ Здѣсь нѣтъ возможности обработать весь имѣющійся матеріалъ для укрѣпленія надлежащаго вывода. Но не будетъ преждевременнымъ сказать, что тѣ данныя, которыя тщательно собраны и прилежно сопоставлены въ извѣстныхъ трудахъ по римскимъ частнымъ древностямъ (Марквардта, Фойгта, Фрилендера) или въ специальныхъ трактатахъ о различныхъ промыслахъ — кирпичномъ, гончарномъ, валаальномъ, ткацкомъ и др. — съ большою силою подсказываютъ вѣроятность высказаннаго въ текстѣ предположенія. См. специально, кромѣ другихъ сочиненій, сжато сгруппированный матеріалъ и хорошо подобранную литературу у *M. Voigt*, Röm. Privatalt. (2 Aufl.) p. 442 ff. (Сfr. *Ibid.* p. 368; 379). Много новыхъ любопытныхъ соображеній объ этомъ найдемъ въ интересныхъ двухъ статьяхъ *K. Bücher*, „Die Dickletianische Taxordnung vom Jahre 301“ (въ *Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.* 1894). Онѣ являются превосходнымъ дополненіемъ къ тому, что онъ говоритъ объ организаціи ремесленнаго труда у римлянъ въ статьѣ — *Gewerbe* (въ *Handwörterb. d. Staatswiss.*). См. также выше цитированную книгу *E. Ciccotti*, Il tramonto della schiavitù, напримѣръ, стр. 198 и сл., 288 и сл. Весьма полезныя свѣдѣнія сообщаютъ еще различныя работы по исторіи эксплуатаціи кирпичныхъ и гончарныхъ заводовъ въ римскомъ мірѣ. Вопросъ этотъ возбудилъ особый интересъ, благодаря массѣ находимыхъ памятниковъ этой индустрии (*opus doliare*) съ чрезвычайно важными, хотя и краткими эпиграфическими текстами. См. введеніе Дресселя къ XV тому *Corp. Inscr. Lat.*, гдѣ собраны доліарныя надписи Рима.

³⁾ См. *R. Pöhlmann*, Die Ueberv. p. 32. Ср. *Rodbertus*, въ „Jahrbuch. f. Nationalök. IV, 343 ff; V, 306 ff.; *K. Bücher*, въ „Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.“ 1894, p. 210, 214, 689 etc.

выбивался изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя были наиболѣе выгодны и могли устраиваться „en grand“. Свободнымъ же ремесленникамъ оставалось преимущественно прилагать свой трудъ, къ наименѣе прибыльнымъ видамъ индустрии, работая чаще всего одиночками.

Но и въ этой области „мелкаго промысла“ они встрѣчали на своемъ пути рабовъ. Ойкосные господа приспособившіеся уже къ уменьшенію доходности плантаціоннаго производства на своихъ крупныхъ помѣстьяхъ и начавшіе для этого переводить рабовъ изъ барскаго двора на оброчные участки, нашли также выходъ изъ невозможности утилизировать всю присвоенную имъ рабскую силу и въ сферѣ своего личнаго индустріальнаго хозяйства. Они снабжали своихъ рабовъ извѣстными деньгами и движимостями (*peculia*) съ разрѣшеніемъ заниматься ремесломъ на свой страхъ и пользоваться частью дохода для себя по милости господина ¹⁾. На это явленіе въ наукѣ обращалось вниманіе преимущественно какъ на признакъ улучшенія имущественнаго (а потомъ и личнаго) положенія раба ²⁾. Но недостаточно оцѣнена обратная сторона вліянія „пекуліарнаго промысла“ рабовъ. Рабъ—владѣлецъ пекулія, начинавшій съ его помощью свое отдѣльное мастерство, всетаки оставался въ зависимости отъ прежняго собственника, доставляя ему доходъ въ формѣ увеличиваемаго по его произволу оброка. Образую филиальную ячейку, не вполне оторвавшуюся отъ дома богача, изъ котораго онъ выдѣлился, рабъ, снабженный *peculium*'омъ, то есть, отдѣльнымъ хозяйствомъ, расширялъ экономическую

¹⁾ См. интересныя замѣчанія Фюстель де Кулажа (*L'alleu*, p. 52 ss.) о связи между пекуліемъ и рабскою арендою (и возраженія *Beaudouin*, „N. rev. hist. de dr.“ 1897, p. 689).

²⁾ Въ числѣ ученыхъ, затрогивавшихъ вопросъ о *peculium* съ экономической точки зрѣнія, интересныя замѣчанія высказываютъ, наиримѣръ, *H. Scheel*, *Die wirthschaftlichen Grundbegriffe im Corp. iuris. civ.* (въ *Jahrb. für Nationalök.* VI, 1866, p. 377 ss.), *O. Karlowa*, *Röm. Rechtsgeschichte* (II, 111—114), *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung der antiken Städte* (p. 32—34), *Marquardt*, *Privatleben d. Römer*, I, 163—166 и др.—Ср. *K. Bücher*, *Gewerbe* (въ *Handwört. d. Staatswiss.* III, 929 — 930) и *E. Ciccottì*, *Il tramonto della schiavitù*, p. 216 — 220.

силу этого дома, работая въ извѣстномъ смыслѣ на него ¹⁾. Съ другой стороны онъ, оставаясь подчиненнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался защитой хозяина и тѣмъ самымъ становился сильнѣе бѣднаго свободнаго ремесленника, предоставленнаго собственной экономической неустойчивости, и невольно также вытѣснялъ его съ рынка. — Такое вытѣснение вольнаго рабочаго трудомъ подневольнаго человѣка совершалось еще въ другой формѣ — именно при помощи довольно широко распространенной (и сохранившейся до паденія имперіи) практики такъ-называемой *locatio operarum* или *operis*. Владѣльцы, обладавшіе особенно значительнымъ числомъ рабскихъ рукъ, отдавали въ наемъ излишекъ ихъ, или пуская ихъ на работу въ другія хозяйства или принимая заказы извнѣ и исполняя ихъ у себя дома силами такихъ излишковъ ²⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ *peculium*, остававшійся по праву собственностию господина, — это признакъ не столько распадающагося оikosнаго хозяйства и перехода его въ денежное, какъ хочетъ *Scheel* (см. „Jahrb. für Nationalök.“ VI, 337), сколько видоизмѣненія перваго съ приспособленіемъ къ обстоятельствамъ, видоизмѣненія, не приводившаго его непременно къ разложенію. — Даже если рабъ, какъ часто бывало, обращался въ вольноотпущенника, все же онъ оставался экономически связаннымъ патронатными правилами съ бывшимъ господиномъ. См. *Marquardt*, *Privatleb. d. Röm.* I, 163 - 166; 202—204; *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung*, p. 32. Ср. *Ciccotti*, *Il tramonto della schiavitù*, p. 220 ss.

²⁾ Последний вопросъ оригинально выясненъ въ настоящее время Бюхеромъ въ цитированныхъ статьяхъ его *Gewerbe* и *Diokletianische Taxordnung*. См. также довольно подробную разработку матеріала по этому пункту съ указаніемъ литературы у *Ciccotti*, *Il tramonto della schiavitù*, p. 230—240. Cfr. *Ibid.* 804 ss. Приведемъ здѣсь только одинъ примѣръ такого употребленія рабской силы, принадлежавшей крупному замкнутому дому, которое приводило къ подавленію свободнаго труда и расширенію могущества оикоса. Онъ особенно интересенъ, такъ какъ относится къ очень раннему періоду и къ личности, о которой упоминалось въ настоящей книгѣ для характеристики экономической спекуляціи во времена Аттика. Дѣло идетъ о Крассѣ. Выше было сказано (стр. 302), какъ онъ обогащался между прочимъ спекуляціей и перепродажей участковъ городской земли. Онъ принималъ также къ строительному промыслу эксплуатацію рабскаго труда. Онъ держалъ большое количество хорошо обученныхъ каменщиковъ и отдавалъ ихъ партиями въ наймы предпринимателямъ по возведенію новыхъ домовъ. Благодаря, вѣроятно, очень высокому спросу на рабочія руки именно въ этой отрасли, онъ могъ назначать почти произвольныя цѣны. См. *Plut. Crass.* 2: „...τοσοῦτους δὲ κερτιμένους τεχνίτας οὐδὲν φοβόμηνεν αὐτὸς ἢ τὴν ἰδίαν οἰκίαν, ἀλλ' ἔλεγε τοὺς φιλοκοδόμους αὐτοῦ; ὑφ' ἑαυτῶν καταλύεσθαι χωρὶς ἀνταγωνιστῶν“. См. *Pöhlmann*, *Die Ueberv.* p. 89; *Ciccotti*, *Il tramonto d.*

Такъ или иначе, но невозможно отрицать огромнаго, подавляющаго значенія рабской конкуренціи, какъ существеннаго препятствія выдѣленію индустріи въ специальную отрасль общественно-раздѣленнаго производства и группировкѣ около нея многочисленнаго и самостоятельнаго класса свободныхъ ремесленниковъ. Это констатируется не только Родбертусомъ и Бюхеромъ, но и учеными, не вполне согласными съ ихъ теоріею ¹⁾. Должны дѣлать уступки и прямые противники ихъ ²⁾. Теперь можно спокойно и твердо предположить, что профессиональныя коллегіи, о которыхъ уже говорилось, имѣли главнымъ образомъ въ виду необходимость организациі взаимопомощи бѣдными свободными рабочими въ разореніи, производимомъ именно непосильнымъ для нихъ соперничествомъ съ рабскимъ трудомъ, руководимымъ магнатами ³⁾. Слѣдуетъ также повторить здѣсь въ видѣ уже заключительнаго вывода, что нельзя, говоря о Римѣ, до конца его исторіи противопоставлять крупную обрабатывающую промышленность крупному сельскому хозяйству: носителями той и другой не были, какъ въ настоящее время, два класса или двѣ аристократіи — латифундіальныхъ землевладѣльцевъ и купцовъ-фабрикантовъ.—Обѣ отрасли производства направлялись могущественными руками единой имперской—землевладѣльче-

schiaв. p. 215.—Въ различныхъ текстахъ присковултовъ такой видъ спекуляціи рабочими рисуется довольно обычнымъ дѣломъ. См., наприм., *Dig. XL, 7, 14 (Alf. Var.)*; XIII, 6, 5, 7 (*Ulp.*). — Этотъ обычай, какъ видно, сложился именно во время развитія рабства, а стало быть и ойкоснаго хозяйства. См. *Iurisprudentiae antehadrianae quae supersunt* (ed. P. Bremer, Lipsiae, 1896), p. 185; 208.

¹⁾ Можно назвать Пельманна (*Die Uebervölkerung*, p. 32—85) и М. Фойгта (*Röm. Privatalt.* p. 376; 379; 451).

²⁾ См. специально *Ed. Meyer, Sklaverei*, 37—38. Ср. что говорит Момзенъ (*R. G.* II, 393—394) о паденіи свободного ремесла въ римской экономіи вмѣстѣ съ развитіемъ рабства.

³⁾ См. Wallon, *Hist. de l'escl.* III, 104 (ср. *Duruy, Hist. des Rom.* V, 151). *Waltzing* („Les corpor. profess.“ I, 192): „Sans nulle doute, la concurrence des esclaves fit mieux sentir aux artisans libres le besoin de s'unir; mais cette union n'eût été vraiment efficace que s'ils avaient formé des établissements pareils aux ateliers serviles, et s'ils s'étaient chargés d'entreprises communes. Nous avons vainement cherché des traces de pareilles associations“.—Надо помнить, что такія коллегіи имѣли именно взаимно-благотворительный, а не артельный характеръ.

ской и денежно-капиталистической знати ¹⁾. Стало быть въ самомъ дѣлѣ вѣрно, что ойкосная система въ эпоху наибольшаго процвѣтанія въ римской имперіи культуры, богатства, промышленности и торговли, то-есть, наибольшаго приближенія ея къ народно-хозяйственному типу экономического строя, — успѣшно боролась тамъ противъ развивавшихся новыхъ теченій не только за свое существованіе, но и за сохраненіе въ своихъ сильныхъ и цѣпкихъ рукахъ господства надъ міромъ.

То, что говоритъ Мейеръ объ упадкѣ рабства во время имперіи, объ уменьшеніи числа рабовъ вслѣдствіе исчезновенія главныхъ источниковъ, откуда они пополнялись, чрезъ измѣненіе ихъ положенія и благодаря массовымъ отпускамъ на волю, которые тогда практиковались ²⁾, не ослабляетъ правильности только что формулированнаго положенія. Образование колоната (т.-е., сначала фактически, потомъ и юридически крѣпостного крестьянства), замѣнившего постепенно рабскую (плантационную) культуру большихъ помѣстій мелкою фермерскою, не уменьшило могущества крупнаго землевладѣнія, то-есть, громаднхъ частно-владѣльческихъ ойкосовъ въ сферѣ сельскаго хозяйства ³⁾. Даже оставляя въ сторонѣ только что указанное соображеніе, надо замѣтить, что вырожденіе рабства не совершалось въ такомъ масштабѣ, чтобы открыть дѣйствительно широкую дорогу для роста сво-

¹⁾ Объ этомъ сильно и ярко говоритъ Родбертусъ (*Jahrbuch. f. Nationalök.* IV, 1866, p. 343): „...Die Grundbesitzer, welche durch ihre Sklaven die Rohproduktionsarbeiten vornehmen liessen, bewirkten auch gleich selbst durch andere Sklaven an dem Rohprodukt die Fabrikationsarbeiten, ja bei denjenigen Produkten, die überhaupt von ihnen in den Handel gebracht wurden, auch sogar die Transportationsarbeiten bewirkten, so dass also das Nationalprodukt im Laufe seines ganzen produktiven Processes niemals den Besitzer wechselte“. — См. ниже развитіе и иллюстрацію этой мысли, воплощающей любопытную разновидность, которую приняло въ Римѣ ойкосное хозяйство.

²⁾ См. *Die wirtschaftliche Entw. d. Altertums*, p. 55; 70 ff. Ср. *Die Sklaverei im Altertum*, p. 49.

³⁾ Съ этимъ согласенъ опять же самъ Эд. Мейеръ (*Die wirtsch. Entw.* 58—59). Объясняя, почему рано начался упадокъ благосостоянія и народно-хозяйственной энергіи въ имперіи, онъ какъ бы незамѣтно для себя признаетъ существованіе ойкосной замкнутости подъ оболочкою капиталистическаго хозяйства и торговаго единенія. — Ср. то, что авторъ говоритъ о паденіи республики (*Ibid.* p. 48—49).

бодныхъ формъ землепользованія или вообще независимой работы безземельнаго человѣка на чужой землѣ.—Такъ же точно нѣкоторое (даже мѣстами значительное) приложение труда свободныхъ людей къ индустріальному производству въ упомянутыхъ крупныхъ частно-владѣльческихъ мастерскихъ (фабрикахъ древняго міра), которое вскрывается источниками, не измѣняетъ существеннымъ образомъ защищаемаго вывода ¹⁾. Распаденіе единства и остановка экономического общенія между ея странами и народами начались слишкомъ рано въ имперіи, чтобы такія новыя формы труда, войдя въ цвѣтущее время до извѣстной степени въ обиходъ крупнаго индустріальнаго производства, могли дѣйствительно побѣдить такъ скоро въ данной сферѣ рабскую силу и явиться условіемъ окончательнаго перерожденія принциповъ хозяйствованія. И оброчный трудъ на землѣ, и наемная работа въ мастерскихъ были состояніями кабалными ²⁾. Вовлекали

¹⁾ *Ed. Meyer*, 36 ff. — См. обильныя указанія съ ссылками на источники у *M. Voigt*, *Röm. Privatalt.* (въ главахъ о ремеслѣ); специально у *Ciccotti*, *Il tramonto della schiavitù*, p. 291—306. Ср. еще замѣтку *J. Beloch*, *Die Grossindustrie im Altertum* (въ журналѣ „*Zeitschrift für Socialwissenschaft*“, II, 1899, p. 18).—Исключеніе, повидному, и здѣсь составляетъ Александрія египетская, гдѣ заводское производство товаровъ для сбыта во всѣ концы имперіи, организовалось, какъ кажется, при помощи вольнонаемнаго труда, и гдѣ рядомъ съ крупною мануфактурою существовала и мелкая индустрія. См. *R. Pöhlmann*, *Die Uebergölk*, p. 31.

²⁾ Мейеръ самъ признаетъ, что колонаты не былъ освобожденіемъ труда, а напротивъ регрессомъ въ положеніи рабочихъ классовъ, такъ какъ онъ былъ главнымъ образомъ послѣдствіемъ не разложенія рабства, а паденія свободы (*Die wirtsch. Entw. d. Alt.* p. 72). См. объ этомъ интересныя данныя и важныя соображенія въ замѣчательной, не разъ цитированной второй статьѣ Бюхера—„*Die Diokletianische Taxordnung*“ (*Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss.* 1894, p. 672 ss.). Мейеръ также подтверждаетъ, что этимъ авторомъ прекрасно изображены социально-экономическія отношенія въ концѣ имперіи (*Die wirtsch. Entw.* p. 62), а въ послѣдней брошюрѣ (*Die Sklaverei im Alt.* p. 49) онъ определенно заявляетъ, что паденіе рабства (которое онъ къ тому же преувеличиваетъ) „...nicht etwa der freien Arbeit Platz macht, sondern dass gleichzeitig mit ihr auch ihr Konkurrent, die freie Arbeit, zu Grunde geht“.—Пожалуй, можно сравнить положеніе индустріальныхъ рабочихъ по отношенію къ работодателямъ въ послѣдніе вѣка имперіи съ положеніемъ колонатовъ по отношенію къ землевладѣльцамъ. Быть можетъ, ближайшее изученіе организаціи императорскихъ горныхъ промысловъ и другихъ государственныхъ заводовъ и промышленныхъ заведеній, прольетъ свѣтъ на этотъ вопросъ, то-есть, покажетъ, что трудъ такого рода группъ работающаго люда былъ кабалнымъ или постепенно дѣ-

же ихъ въ кабалу крупные землевладѣльцы — они же крупные промышленные предприниматели, то-есть, ойкосные господа ¹⁾.

ладся таковымъ (*Bücher* въ „*Zeitschr.*“ р. 210—211; *M. Weber*, *Röm. Agrargesch.* р. 272—278). См. сближеніе системы эксплуатаціи рудниковъ императорскимъ правительствомъ съ системой организаціи крупныхъ императорскихъ мѣнъ (*salus*) у *М. И. Ростовцева*, *Исторія гос. откупа*, стр. 120—141 (и привед. у него литературу). Нужно думать, что и на частныхъ „заводахъ“ эволюція организаціи труда была аналогична. Закабаленію помогали, вѣроятно, отношенія вольноотпущенничества и клиентамъ рабочихъ къ работодателямъ, которые здѣсь часто должны были примѣшиваться (*Bücher*, *ibid.* р. 875). Быть можетъ еще, что закабаленіе происходило помощью распространенія сѣтей частнаго ойкоснаго патроната на группы свободныхъ ремесленниковъ (см. *Waltzing*, *Les corp. prof.* I, 426 ss.). При этомъ на подобіе того, какъ государство устраивало принудительныя корпораціи изъ нужныхъ для него рабочихъ (см. *Waltzing*, II, 223 ss. 247 ss.), такъ и частные магнаты подчиняли себѣ свободныхъ рабочихъ черезъ „*patrocinium collegiorum*“. Этотъ фактъ мало замѣченъ и плохо оцѣненъ; но онъ составлялъ аналогичное явленіе съ обращеніемъ имъ же въ свое „подданство“ цѣлыхъ группъ крестьянъ при посредствѣ хорошо констатированнаго въ источникахъ „*patrocinium vicorum*“ (см. о послѣднихъ *Lécrivain*, *Le sénat dans l'emp. romain*, р. 125 ss. *Beaudouin*, *N. rev. h. de dr. fr.* 1898, р. 111 ss.).

¹⁾ Родбертусъ первый указалъ, что система замкнутого домашняго хозяйства составляла экономическую основу древняго государства классическаго типа. Онъ говоритъ (см. *Jahrbuch. f. Nationaloek.* IV, 1865, р. 349): „Unter der Einschränkung, dass die Wirklichkeit niemals das Ideal völlig erreicht, war der Oikos die wirklich bestehende Grundlage, der lebendige, pulsirende Elementarorganismus jener berühmten antiken Staatenart, welche die Alten selbst als Polis bezeichneten. Die Konsequenzen dieser Grundlage durchdringen das ganze Staatswesen und beherrschen namentlich dessen wirthschaftliche Seite. Sie lassen sich in der Privatökonomie wie in der öffentlichen, in der Volkswirtschaft wie in der Finanzwirtschaft auf das Schlagendste nachweisen. Der Oikos so wie er nach Aristoteles sein sollte, war in der That auch die nothwendige Unterlage der Polis, wenn diese überhaupt noch ihrer Idee entsprechen, diejenige Staatenart bleiben sollte, die sie eben ihrem Wesen nach ist.“ — Вухеръ подмѣтилъ развитіе этой же основной черты (*Grundlage*) внутри всего теченія жизни того государственнаго организма, который называется римскою имперіею и представляетъ типъ мировой державы. Онъ прекрасно включаетъ свою специальную работу объ экономическихъ отношеніяхъ III и IV в. слѣдующими словами (*Zeitschr. f. d. ges. Staatsw.* 1894, р. 697): „Die ökonomische Welt des Altertums will als Ganzes aus sich selbst begriffen sein, oder sie wird überhaupt nicht verstanden werden. Das hat bis jetzt für die römische Kaiserzeit nur Einer versucht: *Karl Rodbertus*, und ich habe mich im Vorstehendem bemüht, auf dem von ihm eingeschlagenen Wege ein Stück weiter vorwärts zu dringen. Gewiss ist das Bild des Diokletianischen Zeitalters, dass wir hier gewonnen haben, nicht mehr das der reinen Oikowirtschaft mit ausschliesslichem

4. Внимательный взгляд на ходъ и характеръ экономическаго развитія римскаго міра приводитъ къ убѣжденію о непрерывномъ существованіи замкнутаго домашняго хозяйства на протяженіи всей его исторіи.

Мы убѣждаемся послѣ общей провѣрки теоріи Бюхера по наиболѣе доступному матеріалу, сохранившемуся отъ римской старины, что „ойкосъ“ долженъ быть названъ во всѣ періоды центральною (по могущественности и своеобразію), хоть и не всегда одинаково сильною и равно замѣтною фигурою въ римскомъ общественномъ строѣ. Онъ восторжествовалъ надъ всѣми затрудненіями, въ которыя ставили его „великія судьбы Вѣчнаго города“, пережилъ всѣ испытанія, которымъ подвергала его такая „долгая и славная карьера“. — Автономія обособленно хозяйствующаго дома сохранилась даже въ эпоху образованія мірового экономическаго общенія въ связанномъ властью Рима въ единую державу огромномъ комплексѣ странъ и народовъ. А когда обнаружилось разложеніе политической крѣпости и экономической гармоніи внутри всемірной имперіи, ойкосная система, оставшаяся сильною и въ вѣка расцвѣта высшихъ формъ культуры въ монархіи Цезарей, снова сдѣлалась всеильною. — Были указаны различныя обстоятельства въ самой средѣ, въ которую исторія вводила древне-римское ойкосное хозяйство, явившіяся неблагоприятными условіями для превращенія его въ хозяйство народное. Изъ сравненія всего изложеннаго можно прийти къ заключенію, что среди этихъ условій главною причиною такой стойкости первобытнаго основнаго начала экономической жизни человѣчества въ античныхъ государствахъ открывается именно замѣчательная жизнеспособность этой удивительной соціально-экономической организациі.

Послѣдняя особенность ойкосной системы была вскользь

Sklavenbetrieb. Es weist zahlreiche Verkehrserscheinungen und Uebergangsbildungen auf; aber die meisten tragen noch die Eierschale der autonomen Hauswirtschaft auf den Rücken“. Бюхеръ далъ рядъ любопытныхъ доказательствъ своего взгляда. Плодотворно было бы сдѣлать обстоятельный и полный опытъ критическаго проведенія идеи Родбертуса-Бюхера черезъ всю соціальную эволюцію римскаго міра. Авторъ настоящей книги пытается здѣсь пока лишь нѣсколько приготовить себѣ дорогу для такого опыта и обратить на нее вниманіе другихъ изслѣдователей.

отмѣчена уже и раньше въ видѣ освѣщающаго руководящаго намека. Теперь должно вернуться къ ея твердой формулировкѣ въ видѣ конечнаго обобщающаго вывода.—Замкнутое домашнее хозяйство носить въ себѣ залогъ весьма значительнаго, многосторонняго и разнообразнаго развитія, какъ внутри себя, такъ и въ отношеніяхъ его къ окружающему міру. Въ этой-то поразительной способности перерождаться согласно требованіямъ окружающей среды, мѣняющейся вмѣстѣ съ чередованіемъ эпохъ, но въ то же время сохранять неизмѣнною сущность своей природы, скрывается тайна его необыкновенной исторической живучести ¹⁾. Это косное начало *par excellence* является передъ глазами историка въ весьма различныхъ воплощеніяхъ. И вотъ почему понятіе ойкоснаго хозяйства въ эволюціонной схемѣ, которая должна охватить развитіе экономической культуры человѣчества во всемірной исторіи, превосходно выбрано въ качествѣ одного изъ главныхъ классификаціонныхъ терминовъ: оно обладаетъ дѣйствительно могучимъ динамизмомъ. Вотъ почему становится теоретически ясною возможность того, чтобы взглядъ Бюхера о господствѣ ойкосной замкнутости въ хозяйственномъ строѣ римскаго міра до конца его существованія, какъ историческаго цѣлага, оказался правильнымъ. — Обзоръ главныхъ явленій соціально-экономической эволюціи римскаго государства обнаруживаетъ, что тезисъ Бюхера оправдывается фактами въ ихъ общей комбинаціи. Надобно только въ заключеніе укрѣпить вѣрное историческое пониманіе этого тезиса примѣнительно къ данному частному случаю исторіи человѣчества. Для этого необходимо умѣть отчетливо и связно („генетически“) установить основныя „измѣненія“ и „колебанія“, которыя испытывалъ ойкосный порядокъ въ теченіе долгаго ряда вѣковъ, смѣнявшихъ другъ друга отъ возникновенія города Рима до момента образованія на почвѣ западныхъ провинцій имперіи варварскихъ королевствъ.

¹⁾ Пѣльманъ (*Aus Altertum und Gegenwart*, p. 191) остроумно называетъ эту особенность — „die Vielseitigkeit der Oikenwirtschaft.“ — Пониманіе этого однако, къ сожалѣнію, не помогло автору справедливо отнестись къ тому, въ какомъ смыслѣ Бюхеръ считаетъ возможнымъ признавать сохраненіе ойкосной системы хозяйства черезъ всю римскую исторію.

Слѣдя за судьбами римскаго домашняго замкнутого хозяйства среди, многообразныхъ процессовъ, наполнявшихъ внутреннюю жизнь великой державы, можно болѣе или менѣе точно представить себѣ его прошедшимъ черезъ три фазы: 1) первоначальнаго могучаго развитія и полнаго господства надъ общественнымъ строемъ (до упадка республики въ концѣ II в. до Р. Хр.); 2) временнаго подавленія усиленнымъ прогрессомъ экономического взаимодѣйствія между хозяйственными единицами и группами (I в. до Р. Хр. и I и II по Р. Хр.); 3) новаго возрожденія и торжества надъ высшими формами экономической организациі (начиная съ III в. по Р. Хр. съ переходомъ въ средніе вѣка) ¹⁾.—Теперь остается нѣсколько истолковать въ связи съ изложеннымъ выше эту періодизацию и высказать нѣсколько замѣчаній о значеніи символизируемаго ею социальнаго процесса, какъ въ исторической жизни римской имперіи, такъ и въ происхожденіи новыхъ формъ ея въ раннемъ средневѣковѣ.

Въ періодъ древнѣйшей исторіи Рима (въ такъ называемое время царей и старой республики) ойкасное хозяйство, мы видѣли, безусловно преобладаетъ, почти не оставляя мѣста для самостоятельнаго ремесла и весьма слабо вызывая торговлю. Субъектомъ его является болѣе или менѣе опредѣленная семейная единица, сохранившая однако извѣстныя черты первобытной родовой и общинной организациі („большая семья“). Въ послѣдней особености она черпаетъ крѣпость для борьбы за существованіе. Въ видахъ облегченія такой борьбы самостоятельно хозяйствующія своимъ домомъ группы, сохраняя каждая экономическое самодовлѣніе, срастаются въ государственный союзъ (πόλις = civitas).—Дальнѣйшая ступень внутри той же первой фазы отмѣчается, какъ хронологическими рамками, временемъ италійскихъ, а потомъ заморскихъ

¹⁾ Обозначенные хронологическіе предѣлы между періодами, разумѣется, только приблизительные. Но основной признакъ дѣленія (принципъ классификаціи), согласующійся съ теоріею Бюхера въ примѣненіи ея къ римской исторіи, показываетъ, что ея принятіе не требуетъ предвзятаго утвержденія непрерывности прогресса, а напротивъ, допускаетъ введеніе въ схему и регрессивныхъ колебаній.

завоеваній. Ойкосы индивидуализируются и разрастаются. Среди мелких домашних хозяйств крестьянскаго типа выдѣляются крупныя барскія земельныя состоянія, нашедшія въ рабскомъ трудѣ твердую опору для своего развитія и самостоятельности. Они притягиваютъ къ себѣ первыя, хотя количественно гораздо болѣе многочисленныя, но ослабѣвшія вслѣдствіе потери родовой защиты, захудавшія и разоренныя общимъ ходомъ политической и соціальной исторіи. Большіе ойкосы поглощаютъ такимъ образомъ малые или, по крайней мѣрѣ, подчиняютъ ихъ себѣ. На этой ступени эволюціи ойкосная система воплотившаяся типичнѣе всего въ формахъ латифундіальнаго хозяйства, приобретаетъ особую силу и могущество. Но тутъ-то она и встрѣчается съ развивающимся общеніемъ между странами, съ культурнымъ воздѣйствіемъ востока, распространеніемъ торговли и расширеніемъ промышленности. Крупныя ойкосы борются за свою независимость противъ идущихъ имъ навстрѣчу объединительныхъ теченій, которыя вели къ освобожденію міра отъ разобщенности, труда отъ тиранніи господъ, направлявшихъ его исключительно на свою пользу, мѣшавшихъ осуществленію дифференціаціи его отраслей для дружнаго взаимодействія между ними въ видахъ прогресса благосостоянія большинства. Въ организациі своихъ земельныхъ богатствъ ойкосныя главари сумѣли уже воспользоваться, не разрушая привычной хозяйственной системы, благами выросшаго капитализма. Теперь они стараются захватить въ свои же руки торговлю въ качествѣ новаго средства обогащенія при сохраненіи прежняго хозяйственнаго самоудовлетворенія и политическаго всемогущества. — Такое соединеніе въ вѣдѣніи однихъ хозяевъ недвижимаго и движимаго капитала ¹⁾ именно и воспрепятствовало раздѣленію экономическихъ функцій между отдѣльными классами, въ частности противопоставленію земли и денегъ, сельскаго хозяйства и промышленности, предпринимателя и рабочаго. Торговля питала крупныя ойкосы, со-

¹⁾ См. любопытныя слова о „Heisshunger des Kapitals nach Grundbesitz“ у Эд. Мейера, *Sklaverei*, p. 42.—Ср. Weber. Die sozialen Gründe d. Unterg. d. ant. Kult. (*Wahrheit*, VI, 64); K. Bücher, Die Aufst. d. unfreien Arbeiter, p.7.

здавая изъ ихъ господъ „единую олигархію капитала“, дѣйствовавшую съ помощью рабской силы и выбрасывавшую ненужное ей или неподчинявшееся ей прямо большинство изъ сферы трудовыхъ отношеній въ положеніе голоднаго, но празднаго, прокармливаемаго на государственныя средства пролетаріата ¹⁾).

Однако тутъ именно готовится переломъ или кризисъ, который можетъ привести къ двумъ обратнымъ выходамъ—окончательному разрушенію ойкосовъ захватившею ихъ болѣзнью (смерти ихъ), или побѣдѣ надъ подкашивающимъ ихъ недугомъ (выздоровленію). Стойкая неподвижность хозяйственной системы ойкосныхъ господъ и жестокая исключительность ихъ социальнаго хищничества; съ другой стороны назрѣвшія новыя потребности выдвинули на историческую сцену иныя общественныя силы — провинціальныя средніе классы. Послѣдніе оказали поддержку политическому перевороту, готовому обѣщать удовлетвореніе нуждамъ и охрану благосостоянію новыхъ мѣстностей и группъ, содѣйствовать утверженію мира, справедливой администраціи и юстиціи, гражданскаго равенства и самоуправления, а подъ всѣмъ этимъ покровительствовать производству и обмѣну для свободнаго развитія призванныхъ къ культурѣ странъ. Отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагался римскій міръ, получили такимъ образомъ общую связь, основанную уже не на военномъ насиліи и социальномъ порабощеніи, а на ощущеніи плодотворности постояннаго свободнаго взаимодѣйствія. Она даже представляется могучею естественною силою, способною образовать изъ нихъ единый сплоченный организмъ, въ которомъ исчезнутъ обособленныя ойкосныя тѣла. Имъ грозитъ раз-

¹⁾ „*Concionalis hirudo aerarii, misera ac ieiuna plebecula*“, такъ называетъ Цицеронъ (*Ad Att.* I, 16, 11) этотъ опасный слой народонаселенія, образованию и росту котораго такъ много способствовала партія или классъ, который онъ защищалъ самъ своимъ талантомъ.—См. превосходную формулировку указанного социальнаго результата у *R. Pöhlmann*, *Die Uebervölkerung d. antik. Städte*, p. 36—37.—Ср. *M. Voigt*, *Röm. Privatalt.* p. 360—361. *Ed. Meyer*, *Die wirtsch. Entw.* p. 47; *Sklaverei*, p. 38. — Названные авторы не дѣлаютъ только изъ своего изображенія по данному пункту необходимыхъ историко-экономическихъ выводовъ, которые освѣщали бы общій ходъ развитія.

ложение на многочисленныя и многообразныя профессиональныя молекулы народно-хозяйственного типа, которыя будутъ въ состояніи существовать только при условіи широкаго раздѣленія труда и постоянного общенія другъ съ другомъ въ многостепенномъ обмѣнѣ. Наставало время наибольшаго блеска и наивысшаго процвѣтанія имперіи при зарожденіи множества очаговъ, повидимому, кипучей мѣстной экономической и культурной жизни. Тогда учреждалось, могло казаться, равновѣсіе центробѣжныхъ и центростремительныхъ потоковъ, которое обусловило единство жизни въ огромномъ агрегатѣ странъ и народовъ, собравшихся подъ властью Цезарей и сросставшихся въ одно гигантское цѣлое.

Такимъ образомъ ойкосное обособленіе какъ бы исчезаетъ среди оживленной работы пестраго переплетанія между областями съ образующеюся будто бы дифференціаціей функций и видимымъ сложениемъ ихъ въ одинъ громадный производительный процессъ, направленный къ достиженію отдѣльныхъ цѣлей общей жизни. Но культурно-объединительныя условія были, какъ выше показано, недостаточно благопріятны для истиннаго торжества новыхъ началъ. А ойкосы (латифундіальныя барскія хозяйства) оставались слишкомъ крѣпкими, чтобы ихъ могла раздавить какая-нибудь опредѣленная общественная сила кромѣ именно медленно развивающагося въ одномъ противоположномъ ихъ интересамъ направленіи новаго экономического строя. Подобное сочетание какъ разъ отсутствовало въ изучаемую эпоху, такъ какъ міръ въ цѣломъ не доросъ до осуществленія народно-хозяйственныхъ началъ: черезчуръ мало было въ немъ подготовленныхъ и свѣжихъ руководителей, даже носителей необходимой для этого активной работы; черезчуръ много оставалось въ немъ варварской косности у массъ ¹⁾. Говорятъ, что римская имперія представляла собою небывалое по колоссальности и доступности поле для безпрепятственнаго обмѣна продук-

¹⁾ См. въ этомъ смыслѣ любопытныя сопоставленія у Макса Вебера въ статьѣ — „Die sozialen Gründe“ (*Wahrheit*, VI, 59), искусно поддерживающія эволюцістскій взглядъ Бюхера объ особенностяхъ римскаго хозяйственнаго строя. — Ср. замѣчанія Родбертуса о томъ же (*Jahrbücher f. Nationalök.* IV, 1865, p. 343). См. еще *Ed. Meyer, Die wirtsch. Entw.* p. 3.

товъ производства всевозможныхъ странъ между населеніемъ міра ¹⁾. Дѣйствительно, торговля широко „растекалась“ по поверхности огромной территоріи. Но что-то мѣшало ей „проникнуть вглубь почвы“. Это—„что-то“ и была неразрушенная автономія крупныхъ ойкосовъ. Имперія, выросшая какъ вождь оппозиціи поработенныхъ ими міровъ, не оказалась въ состояніи справиться съ ними ²⁾. Такъ, послѣ нѣкотораго колебанія могущества крупныхъ ойкосовъ въ борьбѣ съ возродившимся среднимъ землевладѣніемъ и выдѣлившимся отчасти ремесломъ, которыя входили въ общеніе другъ съ другомъ путемъ торговли при поддержкѣ принципата, они вновь получили первенство въ экономической жизни, подавляющее преобладаніе въ соціальной и распорядительную власть въ политической ³⁾. Этотъ новый расцвѣтъ крупныхъ замкну-

¹⁾ Пѣльманнъ (*Aus Alt. u. Gegenw.* 348) называетъ римскую имперію „ein Weltmarkt von der Ausdehnung und der Konsumfähigkeit des in gewissem Sinne ein ungeheures Freihandelsgebiet darstellenden Länderkreises, welchen die römische Universalherrschaft durch die Einheit von Verwaltung und Rechtspflege, von Münze, Mass und Gewicht, bis zu einem gewissen Grade auch von Sprache und Kultur zu einem einzigen grossen Organismus zusammengefügt hatte.“—Ср. *M. Voigt*, *Röm. Privatalt.* p. 431; 436 s. *Meyer*, *Sklaverei*, 39—41. *Goldschmidt*, *Handelsrecht*, I, 65.

²⁾ Слѣдуетъ привести здѣсь для иллюстраціи прекрасныя слова М. Вебера (*Wahrheit*, VI, 62): „Im Mittelalter bereitet sich der Uebergang von der lokalen Kundenproduktion zur interlokalen Marktproduktion durch langsames Hereindringen der Unternehmung und des Konkurrenzprinzips von aussen nach innen in die Tiefen der lokalen Wirtschaftsgemeinschaft vor, im Altertum lässt der internationale Verkehr die „Oiken“ wachsen, welche der lokalen Verkehrswirtschaft den Nährboden entziehen“. Изъ построенія Родбертуса (особенно если сопоставить его двѣ работы—о колонатѣ и о податяхъ) вытекаетъ, что ойкосное хозяйство прогрессивно разлагается во время имперіи (отсюда переходъ рабства въ колонатъ и дифференціація подати). Бюхеръ же показывается, какъ это разложеніе было неполно, тѣмъ самымъ подготовляя объясненіе его новаго усиленія послѣ III-го вѣка по Р. Хр.—М. Веберъ въ своемъ главномъ сочиненіи (*Röm. Agrargesch.* p. 241) ошибочно утверждаетъ, что экономическая независимость Oikos'a есть плодъ процессовъ, развивавшихся внутри имперіи даже въ періодъ ея паденія (Эд. Мейеръ, конечно, сочувственно подчеркиваетъ это. См. *Die wirtschaftl. Entw.* p. 3). Изученіе римскихъ „Grundherrschaften“ убѣждаетъ, что ихъ автономія (административная) была явленіемъ, по происхожденію, можетъ быть, даже предшествующимъ имперіи и во всякомъ случаѣ не обусловленнымъ тѣмъ новымъ, что было ею внесено или ее сопровождало. А такая автономія была, разумѣется, коррелятивомъ хозяйственной замкнутости ойкоса-латифундіи.

³⁾ Ср. *Hurtmann*, въ „*Zeitschr. f. Soc. und Wirthschaftsgesch.*“ IV (1896), p. 157.

тыхъ хозяйствъ во вторую половину исторіи римской имперіи составляетъ именно третью фазу эволюціи ойкосной системы въ экономическомъ развитіи римскаго міра. Онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ былъ симптомомъ паденія имперскаго единства. Имперія, какъ великая держава съ всемірно-монархическими тенденціями, должна была покоиться на народно-хозяйственной организаци, какъ экономической основѣ. Между тѣмъ имперское міровое единство уступило мѣсто „домашнему обособленію магнатскаго хозяйства“. Это было доказательствомъ неподготовленности и безсилія міра поддерживать общеніе: послѣднее, если и удовлетворяло лучше благосостоянію большинства, то шло въ разрѣзъ съ интересами тѣхъ, которые сумѣли организовать для господства и для охраны послѣдняго нуждались въ подчиненіи себѣ этого большинства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и государства.

Такъ строится остовъ социально-экономической эволюціи римскаго міра въ духѣ теоріи Родбертуса-Бюхера, переработанной и индивидуализированной въ примѣненіи къ реальному содержанію исторіи въ означенный періодъ культурнаго развитія человѣчества. Начертанная картина, можно смѣло думать, безусловно опровергаетъ главное принципиальное обвиненіе этой теоріи въ ложномъ представленіи всемірно-историческаго процесса, какъ неуклоннаго шествія впередъ въ сторону совершенствованія быта и общественнаго строя. Позволительно надѣяться, что фактическое детальное изслѣдованіе римскаго хозяйства, когда оно будетъ произведено по всѣмъ пунктамъ и проведено по всѣмъ эпохамъ исторіи Рима, подтвердитъ документально правильность и самаго содержанія формулы Бюхера, то-есть, что ойкосная система съ начала до конца оставалась тамъ основнымъ нервомъ экономической жизни общества. На предыдущихъ страницахъ настоящаго заключительнаго этюда данной книги достаточно сказано для характеристики двухъ первыхъ ступеней установленной здѣсь схемы развитія ойкоснаго хозяйства въ римскомъ мірѣ. О послѣдней (третьей) нѣтъ уже мѣста обстоятельно говорить. Тщательная разработка ея особенностей войдетъ въ составъ одного изъ слѣдующихъ сочиненій

автора ¹⁾. Теперь приходится ограничиться лишь группировкою нѣсколькихъ замѣчаній и соображеній съ цѣлью свести къ конечному выводу установленныя точки зрѣнія.

Для этого вернемся послѣдній разъ къ идеѣ о непрерывности существованія замкнутаго домашняго хозяйства внутри римскаго государства. Матеріаль, собранный и освѣщенный въ первомъ очеркѣ, заключающемся въ настоящей книгѣ, раскрываетъ типичность и распространенность въ немъ такихъ социальныхъ организмовъ (большихъ барскихъ помѣстій), которые во второмъ изъ нихъ показаны, какъ яркая разновидность автономнаго дома (крупный ойкосъ). Такой результатъ даетъ удобную исходную точку для констатированія искомой фигуры въ самый моментъ утвержденія имперіи. Кроме того, въ дальнѣйшемъ можно даже при бѣгломъ обзорѣ фактовъ, скоро бросающихся въ глаза, уловить признакъ продолжающейся жизни ойкосной системы.

У дѣловыхъ писателей, затрогивающихъ хозяйственные вопросы, мы вычитываемъ наставленія, которыя свидѣтельствуя, что замкнутое домовое хозяйствованіе является въ ихъ глазахъ традиціей, заслуживающей ревностной поддержки. Еще раньше эпохи Горація и Аттика Катонъ, въ одно время съ ними Варронъ, а позже Плиній натуралистъ опредѣленно и твердо заявляютъ или повторяютъ: добрый хозяинъ долженъ вести дѣло такъ, чтобы, по возможности, нигдѣ ничего не покупать, а все производить самъ у себя дома ²⁾. Мейеръ слишкомъ легко отдѣлывается отъ этихъ текстовъ утвержденіемъ, что въ нихъ рекомендуется лишь бережливость, то-есть, высказывается „общее мѣсто“, извѣстное каждому „крестьянину“ наизусть ³⁾. Нужно отмѣтить, что рѣчь идетъ здѣсь вовсе не о крестьянскомъ хозяйствѣ, которымъ мало интересуются названные писатели, а именно о крупномъ помѣщичьемъ, которое они видѣли кругомъ, которымъ вдохновля-

¹⁾ Таково будетъ содержаніе заключительной части большого труда о развитіи и социальной роли императорскаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ.

²⁾ *Cato*, R. r. 2: „Patrem familiae vendacem non emacem esse oportet.“ — *Varr.* R. r. I, 22, 1: „Quae nasci in fundo ac fieri a domesticis poterunt, eorum ne quid ematur.“ *Plin.* Н. н. XVIII, 40: „Nequam agricolam esse quisquis emeret, quod praestare ei fundus posset.“

³⁾ См. *Die wirtsch. Entwicklung d. Alt.* p. 3.

лись, для котораго, въ большинствѣ случаевъ, писали. Они прямо совѣтуютъ владѣльцу своего времени—не подчиняться рынку, и если ужъ обращаться къ нему, то такъ, чтобы подчинить его своей власти, а въ немъ не нуждаться (*vendere, non emere*). Авторы ободряютъ ойкосныхъ господъ на борьбу съ соблазнительными иногда уступками народно-хозяйственнымъ отношеніямъ. Въ извѣстномъ нравописательномъ романѣ Петронія передъ историкомъ развертывается въ образѣ „состоянія Трималхіона“ великолѣпная конкретная картина, такъ сказать, анатоміи и физиологіи большого самодовлѣющаго дома во времена имперіи ¹⁾. Конечно, это сатира, и пользуясь ею, какъ историческимъ документомъ, надобно умѣть снять съ нея сгущенныя краски и намѣренныя преувеличенія. Но и послѣ такой операции сохранится твердое зерно истины, безъ котораго и сатира (особенно жанровая) не могла бы вызвать желаннаго эффекта ²⁾ И въ послѣдній періодъ имперіи у агронома Палладія встрѣчаемъ отзвукъ тѣхъ же самыхъ взглядовъ, который, конечно, долженъ быть признанъ слѣдомъ продолжавшагося и тогда существованія той же системы хозяйства ³⁾. Такимъ образомъ въ области „идей“

¹⁾ См. *Satiricon* спеціально главы 30; 37; 39; 48; 53; 71; 74; 75; 76; 77 etc.—Здѣсь не приводится въ видѣ краткихъ смылокъ важнѣйшій и въ высшей степени характерный матеріалъ Петронія, который заслуживаетъ отдѣльной разработки въ самостоятельномъ этюдѣ, а въ данной связи затянулъ бы изложеніе.

²⁾ Пернисъ (*Zeitschrift f. Rechtsgesch.* XIX, 1898, p. 106) остроумно говоритъ объ аналогичныхъ сатирическихъ изображеніяхъ Горация: „Und diese Figuren sollten keine römischen Vorbilder haben? Ohne sie hätten die Darstellungen selbst und die daran geknüpften Mahnungen bei dem Dichter der Gesellschaft keinen Sinn und kein Salz.“ — Вюхеръ (*Die Entsteh. d. Volksw.* p. 69) хорошо показываетъ, какъ Мейеръ неправильно толкуетъ и неосновательно обезцѣниваетъ социальное значеніе картины Петронія.

³⁾ См. *Pallad.* R. r. I. 6.—Авторъ совѣтуетъ здѣсь сельскимъ хозяевамъ держать и воспитывать рабовъ-ремесленниковъ внутри помѣстья, чтобы не нуждаться въ помощи города („*Ferrarii, lignarii, doliorum cuparumque factores necessario habendi sunt, ne a labore solemnibus rusticos causa desiderandae urbis avertat*“). Если даже писатель этотъ несамостоятельно (какъ весьма вѣроятно) выписывалъ изъ предшественниковъ, то все же долженъ онъ былъ въ этихъ выпискахъ согласоваться въ нѣкоторомъ смыслѣ съ потребностями своего вѣка (то-есть, вѣроятно, IV по Р. X.).—Колумелла также постоянно совѣтуетъ производить у себя дома все нужное для обихода, и объ императорѣ Августѣ Светоній рассказываетъ, что онъ носилъ одежду только изъ ткани, выдѣланной въ своемъ хозяйствѣ (*Suet.* Aug. 78).—Совѣты Варрона (*R. r. I, 16,3*) заботятся объ условіяхъ сбыта,

мы прослѣживаемъ ту же преемственную традицію, что и въ области „фактовъ“.

Любопытно и важно здѣсь же обратить вниманіе еще на одинъ весьма значительный и характерный фактъ, цѣнный для аргументаціи развиваемаго воззрѣнія. Императоры, которые—можно утверждать—стремились поддерживать новыя (міровыя) экономическія теченія, сами организуютъ въ матеріальномъ отношеніи свое дѣло такъ же, какъ была организована среда, съ которою приходилось бороться, чтобы прежде всего приспособиться къ ней, а затѣмъ господствовать надъ нею. Въ самомъ дѣлѣ хозяйство принципата устраивается на подобіе частно-владѣльческаго и старается быстро вырасти въ самый крупный ойкасъ. Въ этомъ смыслѣ можно сдѣлать рядъ поучительныхъ наблюденій надъ императорскою политикою, которыя приведутъ, навѣрно, къ существеннымъ выводамъ. Несомнѣнно, когда мы разсматриваемъ имперскую администрацію въ первый періодъ принципата, „государственное хозяйство“ предстаетъ предъ нами, какъ „хозяйство домовое“ ¹⁾. Цезари искали опоры преимущественно въ крѣпости доманіальнаго могущества: создавая съ успѣхомъ крупное императорское землевладѣніе, они противопоставляли его силѣ главныхъ враговъ, территориальныхъ магнатовъ; развивая принципы верховнаго права владѣнія надъ территоріею

приобрѣтая имѣнье, не противорѣчатъ общей концепціи стремиться продавать, не покупать, то-есть, держать рынокъ въ рукахъ, дѣлать такъ, чтобы онъ не могъ обходиться безъ господина самодовлѣющаго хозяйства, а не послѣдній долженъ былъ нуждаться въ немъ.—Чтобы обнаружить господство у римлянъ замкнутаго хозяйства Бюхеръ ссылается, между прочимъ, на презрительное отношеніе ихъ къ ремесленному, отчасти и торговому труду (*Die Aufstände der unfreien Arbeiter*, p. 10, 11). См. объ этомъ очень типичный (классическій) текстъ Цицерона (*De off.* I, 42). Ср. *Mommsen*, *Röm. Gesch.* III, 520. — Большое число мѣстъ изъ источниковъ, подтверждающихъ такое представление, собрано у *P. Allard*, *Les esclaves chrétiens*, p. 379 ss. (ср. *Wallon*, *Hist. de l'escl.* t. II, III, passim). Мейеръ однако (*Die wirtsch. Entw.* p. 34) вооружается противъ справедливости такого толкованія экономическихъ взглядовъ древности по этому пункту. Ср. *Pernice* въ „*Zeitschr. f. Rechtsgesch.*“ XIX, 1898, p. 103 ss. Разобраться окончательно въ данномъ частномъ вопросѣ существенной важности—обязанность будущихъ историковъ древней торговли.

¹⁾ Бюхеръ отмѣчаетъ, выше было указано, что и во время республики государственное хозяйство обнаруживало тенденцію организоваться, какъ частное, на доманіальныхъ и рабскихъ началахъ (см. *Die Entsteh. d. Volksw.* S. 73).

государства, они надѣялись достигнуть побѣды надъ знатью и господства надъ міромъ ¹⁾. Правда, сокрушивъ оппозицію частныхъ ойкосныхъ господъ огромною силою созданнаго „государственного ойкоса“, правительство императоровъ какъ бы чувствовало, что торжеству рѣшительно способствовала поддержка тѣхъ слоевъ населенія, которые порабощались домовою тиранніею латифундіальныхъ собственниковъ и денежныхъ спекулянтовъ. Поэтому оно, сознавая, что старые враги

¹⁾ Справедливость этого утвержденія доказывается не только фактомъ созданія огромнаго фояда императорскаго землевладѣнія (*patrimonium*), но и стремленіемъ императоровъ сдѣлаться субъектами права собственности на тотъ объектъ, который получилъ названіе—*res fisci*. Такимъ образомъ, въ политикѣ ихъ обнаруживалась тенденція „приватизировать“ то, что мало-по-малу разрасталось въ цѣлое, которое должно было обнять все, что разумѣется въ наукѣ публичнаго права подъ именемъ „государственныхъ имуществъ и финансовъ“.— Теорія частной собственности императоровъ на фискальныя имущества разрабатывалась юристами классической эпохи (напримѣръ, Гаеиъ, Ульпіаномъ); но фактическое зарожденіе такихъ порядковъ и установленіе соответствующихъ имъ административныхъ приемовъ относится къ царствованію самыхъ первыхъ императоровъ. Моммзенъ (*Staatsrecht*, 3 Aufl. II, 959 ss., 988 ss., 1088 ss. etc.) смѣло въ рѣзкихъ общихъ штрихахъ выставляетъ этотъ тезисъ. Его можно обставить довольно надежными аргументами, что и будетъ предпринято авторомъ настоящей книги въ особомъ мѣстѣ. Ср. *M. Rostowzew*, статья „Fiscus“ въ „Dizionario epigr. d. ant. Rom.“ (III, 96).— Гиршфельдъ (*Verwaltungs-gesch.* p. 5—10) опредѣленно расходится по этому пункту съ знаменитымъ авторомъ „Римскаго публичнаго права“. Но съ другой стороны онъ же прекрасно показалъ (*Ibid. passim*), какъ императоры строили свою администрацію сначала именно на частно-правовыхъ принципахъ, пользуясь, какъ орудіями, своими рабами и вольвоотпущенниками, то-есть, средствами своего „дома“. Ср. *L. Friedländer*, *Sittengesch.* I, 79 ss.).— Брицъ (въ статьѣ — „Die rechtliche Natur des römischen Fiscus“, см. *Sitzungsber. d. Akad. d. Wiss. zu München*, philo-philolog. Cl. 1886, 471 ss.) замѣчаетъ, что признать дѣйствительное присвоеніе Цезарями общественныхъ владѣній и доходовъ значило бы перенести фактъ „перерожденія государства въ частную собственность государя“, „образованія государства-помѣстья“ за много вѣковъ до образованія феодализма. Авторъ выдвигаетъ эту мысль въ видѣ неопровержимаго теоретическаго доказательства въ пользу невѣроятности считать римскаго императора въ какомъ бы то ни было смыслѣ собственникомъ *rerum fiscalium*. На самомъ же дѣлѣ обратно то, что кажется ему несомнѣннымъ съ общепринятою „государственностью“ или „публичностью“ римскаго права, какъ разъ обнаруживается, что внутри римской имперіи крѣпilis социальные комбинаціи, которыя рисуются типичными только для средневѣковья. Онѣ совпадаютъ лучше всего съ тѣми, что мы называемъ здѣсь ойкосными хозяйствами, и вліяніе подобныхъ порядковъ отчетливо отражается на императорской административно-финансовой политикѣ, даже въ цвѣтущее время.

вредны не только имъ, но и народу, поставило себѣ общественную задачу, основанія которой намѣчены выше, и въ которую входило покровительство возникавшему хозяйственному объединенію міра. Но это продолжалось недолго. Порывъ къ прогрессу скоро замеръ и „обобществляющее“ течение въ экономическомъ развитіи заглохло; возникавшее государственное хозяйство, какъ одинъ изъ элементовъ зарождавшагося мірового, снова выродилось въ „частное императорское домоводство“, не успѣвъ воспитать міръ въ народно-хозяйственномъ и публично-правовомъ принципѣ.

Такимъ образомъ „по аттракціи“ съ существующимъ строемъ первоначальная экономически-финансовая организація принципата сложилась, какъ „владѣніе Цезаря“ сначала частью міра, потомъ всѣмъ имъ. Это вліяніе выработавшихся формъ оказалось настолько глубоко, что послѣ сравнительно непродолжительныхъ попытокъ ориентироваться въ новую сторону, со середины IV-го вѣка въ соціальной системѣ имперіи берутъ опять верхъ старыя начала ¹⁾. Имперія вновь „партикуляризуется“, перестаетъ служить обществу, работаетъ только для себя (государство оказывается обществомъ въ обществѣ), стремится къ подчиненію своимъ интересамъ народной массы. Императоръ былъ собственникомъ колоссальнаго земельного фонда. Онъ обладалъ наибольшею возможностью эксплуатировать свое состояніе капиталистически. Но имперія не удерживается на дорогѣ реорганизованія своего хозяйства путемъ привлеченія къ нему свободного труда и постепеннаго сліянія его съ хозяйствомъ общества. Она устраивается и тутъ по старому, орудуя, гдѣ можно, рабствомъ, но преимущественно закабалая массу вольныхъ съемщиковъ, сѣвшихъ на фискальныя и патримоніальныя земли, и выработывая изъ нихъ классъ крѣпостныхъ го-

¹⁾ Можетъ быть, въ этомъ смыслѣ полезно было бы воспользоваться тѣмъ, что говоритъ Бремеръ (*Festgabe für Thöl*, p. 42 ss.) о колебаніяхъ въ экономической политикѣ принципата: сначала императоры не рѣшались отступить отъ того, что преобладало въ республикѣ—отъ аграрнаго („ойкоснаго“) центра тяжести; потомъ перешли къ новому—торговому („народно-хозяйственному“); въ концѣ концовъ вновь вернулись къ самодовлѣющему принципу („частно-хозяйственному“).

сударственныхъ и императорскихъ колоновъ ¹⁾). Расширяя свое „частное хозяйство“, имперія послѣднихъ вѣковъ стремится создать для него обширный и разнообразный фундаментъ, который позволилъ бы ей не только обходиться безъ постоянной помощи извнѣ, но и подчинить своему предложению народный спросъ. Она захватываетъ въ свои руки рядъ монополій; сама силами своихъ зависимыхъ людей осуществляетъ отъ себя кромѣ огромной сельскохозяйственной (оброчно-барщинной и плантаціонно-рабской) культуры также и индустриально-промышленныя предпріятія. При этомъ она заботится не только объ удовлетвореніи потребностямъ собственныхъ учреждений и ихъ огромнаго персонала, она пускаетъ излишки продукта въ продажу и тѣмъ при неблагоприятныхъ условіяхъ рынка въ разстроившемся обществѣ подрываетъ частную торговлю. Параллельно съ этимъ въ самыхъ особенностяхъ внутренняго устройства императорской экономіи и во внѣшнихъ сношеніяхъ государства и общества, обнаруживаются въ высшей степени характерно наиболѣе яркіе признаки натурального хозяйства ²⁾).

Система „ойкосной замкнутости“ и „ойкосной кабалы“, принципы которой вліяютъ на экономическую политику упрочившейся имперіи, съ теченіемъ времени все разроsteается. „Рабовладѣльческія“ склонности отражаются на вмѣшательствѣ государства въ частно-хозяйственную жизнь, которое все расширяется. Имперія стремится безгранично и произвольно распоряжаться народнымъ имуществомъ и народнымъ трудомъ. Она хочетъ подчинить себѣ хозяйственно

¹⁾ См. *H. Pelham*, *The imperial domains and the colonate* (London, 1890), и различныя (преимущественно „эпиграфическія“) изслѣдованія объ устройствѣ и управленіи императорскихъ имѣній, которыя уже много разъ цитировались.

²⁾ Последнее, какъ признается въ наукѣ (см. *Philippovich*, *Polit. Oekon.* 2 Aufl. p. 21 ss.), является фактомъ, свидѣтельствующимъ о господствѣ въ обществѣ замкнутаго домашняго хозяйства: Бюхеръ далъ возможность бросить глубокий взглядъ на характеръ организаціи „государственной экономіи“ римскихъ императоровъ и превосходно обнаружилъ въ ней „натурально-хозяйственныя черты“ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ объ *edictum de pretiis* Диоклетіана.—Мейеръ (*Die wirtsch. Entw.* p. 61—63) неправильно возражаетъ, что черты эти характеризуютъ лишь паденіе: и время процвѣтанія имперіи, какъ показано выше, тако существованіе той же основной особенности, только прикрытой временно возникшими „народно-хозяйственными“ теченіями.

земледѣліе, ремесло, торговлю во всемъ мірѣ, заставитъ работать на себя—„единого хозяина“—страны и области, муниципіи, корпораціи и личности. Послѣднія, подѣ давленіемъ новыхъ неустройствъ и бѣдствій, оказываются не въ состояніи общаться между собою, добровольно раздѣляя свой трудъ въ производствѣ и распредѣляя его продуктъ свободнымъ обмѣномъ, а сами погружаются въ мѣстный сепаратизмъ. Правительство принуждаетъ ихъ по закону и подѣ страхомъ наказанія поддерживать дѣятельность и общеніе ¹⁾. Это сложная картина, очень замѣчательная, можно сказать, единственная въ исторіи эволюціи человѣческаго общества, когда государство борется съ паденіемъ въ обществѣ культуры и энергіи. Міръ вновь распадается и возвращается къ грубому натуральному хозяйству; но еще сильное государство желаетъ дать ему хоть рабское единство и гнать общество на трудъ, который нуженъ только для государства.

Много остается неизслѣдованнаго въ данномъ процессѣ огромной исторической важности. Нелегко справиться съ многочисленными и великими трудностями при раскрытіи хода, причинъ и смысла изучаемаго громаднаго кризиса въ исторіи человѣческой культуры. Авторъ настоящаго труда работаетъ надъ этой задачею. Но ему кажется полезнымъ намѣчать въ видѣ гипотетическихъ построеній ту нить развитія, которая постепенно и по частямъ вырисовывается на пути разысканія. Возможность заблужденій не принесетъ вреда, если догадки будутъ высказываться осторожно и добросовѣстно. Найденныя же истины, можетъ быть, освѣтятъ дорогу и другимъ ²⁾.

Итакъ, выйдя изъ общественной среды, которая представляла собою агрегатъ крупныхъ, домовъ, замкнуто-хозяйствовавшихъ, автономныхъ и господствовавшихъ надъ

¹⁾ См. статью „о происхожденіи колоната“ автора настоящей книги въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1896, дек. стр. 338—340.

²⁾ Нижеслѣдующія страницы представляютъ именно только краткій набросокъ положеній, которыя будутъ разработаны и аргументированы въ дальѣйшихъ сочиненіяхъ автора.

территорією и населеніємъ, обществомъ и государствомъ, принципатъ невольнo выработалъ свою экономическую организацію по ихъ образу и подобию. Спрашивается теперь, въ какихъ формахъ должны были установиться отношенія между частновладѣльческими ойкосами республики и ойкосомъ-государствомъ имперіи? Очень естественно, что, возникнувъ среди нихъ, стремясь, какъ они, къ самодовлѣнію и задѣвая ихъ интересы, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ ними. Борьба эта политически выражалась въ подавленіи монархією Цезарей республиканской олигархіи (или даже анархіи) ¹⁾. Такое положеніе вещей, то-есть, единоборство между императорами и отдѣльными видными представителями знати, группировавшейся около сената, какъ политическаго средоточія, наполняетъ собою весь первый вѣкъ, начиная съ Тиберія и кончая Домиціаномъ послѣ непродолжительной передышки при первыхъ двухъ Флавіяхъ. Это былъ страшный періодъ правительственнаго террора противъ старо-республиканской аристократіи, который наполнилъ гнѣвомъ и ужасомъ сознаніе римской интеллигенціи, выросшей въ старой традиціи. Подобныя чувства и отразились такъ мрачно въ сочиненіяхъ Тацита, Ювенала и другихъ идеологовъ павшей старины; своимъ трагическимъ колоритомъ, сгущеннымъ ненавистью, они долго скрывали отъ глазъ историковъ то, что дѣлалось новаго въ мірѣ вмѣстѣ съ утвержденіемъ принципата. Въ области хозяйственныхъ отношеній указываемый политическій процессъ воплотился именно въ фактъ созданія императорскаго землевладѣльческаго ойкоса и поглощенія послѣднимъ черезъ посредство конфискацій многихъ могущественныхъ частныхъ единицъ того же типа. Такъ порождено было грозное теченіе, картина котораго съ беспощаднымъ реализмомъ отпечатлѣвается

¹⁾ Республика была союзомъ немногихъ, эксплуатирующихъ большинство (олигархіей). Но союзъ этотъ былъ очень непроченъ, дѣйствія его членовъ весьма эгоистическія (анархическія). Отсюда происходило вырожденіе республики въ монархію. — Представители знати — Сулла, Помпей — уже стремились къ единовластію: это было соперничество между сильными, кто окажется самымъ сильнымъ. Отсюда — монархизація, которая могла, впрочемъ, укрѣпиться только расширеніемъ участія въ жизни демократическихъ элементовъ.

въ нѣсколькихъ словахъ Плинія Старшаго о „шестерыхъ господахъ“, владѣвшихъ „половиною провинціи Африки“, но павшихъ вмѣстѣ съ ихъ огромными помѣстьями жертвою алчности Нерона ¹⁾. Авторъ, аргументируя въ цитированномъ мѣстѣ гибельность для римскаго міра того явленія, которое эти магнаты сами представляли (латифундіальной собственности), какъ бы намѣренно обходитъ или не замѣчаетъ жестокаго драматизма, который въ нихъ заключается по отношенію къ судьбамъ старыхъ вождей государства. Но біографіи многихъ членовъ аристократіи изъ старыхъ родовъ и вновь возвысившихся фамилій, исторія состоянія которыхъ можетъ быть воспроизведена по источникамъ, составили бы краснорѣчивую скорбную лѣтопись этой опасной фазы въ историческихъ судьбахъ частнаго крупнаго землевладѣнія и аристократическихъ классовъ въ Римѣ. Въ этомъ смыслѣ жизнь Сенеки окажется, можетъ быть, наиболее яркою, потому что личность его была особенно на виду: потому то авторы говорятъ о немъ много; кромѣ того и самъ онъ немало сообщаетъ о себѣ въ своихъ длинныхъ моральныхъ разсужденіяхъ. Но участь его не была индивидуальнымъ случаемъ; она является типичнымъ фактомъ, который дѣйствительно заслуживаетъ большаго вниманія, какъ характерное выраженіе опредѣленнаго изгиба или колебанія въ развитіи великаго соціальнаго явленія ²⁾.

Нельзя сказать, чтобы война, объявленная принципатомъ крупному аристократическому землевладѣнію, исходила изъ принципиальныхъ основаній, то-есть, чтобы она вытекала изъ непримиримости обоихъ началъ, столкнувшихся другъ съ дру-

¹⁾ *Plin.* Н. п. XVIII, 85.

²⁾ Экономическая біографія Сенеки явится поэтому любопытною конкретною иллюстраціею отмѣчаемой фазы въ развитіи отношеній между монархіею и знатію въ императорскомъ Римѣ (и одновременно въ исторіи крупныхъ ойкосовъ въ римскомъ мірѣ).—Повѣствованія Тацита, Светонія, Плинія, Діона и др. полны указаній на другіе подобные случаи правительственной расправы съ личностію и состояніемъ членовъ сенатской знати. Можно составить цѣлый мартирологъ погибавшихъ фамилій съ огромными земельными состояніями. Очень стоитъ для провѣрки выстраиваемой здѣсь эволюціонной цѣпи изучить этотъ матеріалъ о „конфискаціяхъ“, которыя являлись экономическимъ послѣдствіемъ совершавшихся тогда политическихъ преслѣдованій.

гомъ. Имперія выступила первоначально въ качествѣ защитницы тѣхъ слоевъ общества, которые угнетались олигархіею республиканскихъ магнатовъ, и покровительницей тѣхъ экономическихъ теченій, которыя подрывали всесиліе и независимость большихъ ойкосовъ. Потому то ея дѣло одержало побѣду, и потому то новая монархія сначала приняла демократическій цвѣтъ. Но разъ она достигла властвованія съ помощью „народныхъ“ группъ или классовъ, она легко могла подъ вліяніемъ общественной рутины обратиться въ силу, которая въ новой политической формѣ возстановитъ старый социально-экономическій порядокъ и подчинится старой практикѣ утѣсненія. Тогда ничто не помѣшаетъ укрѣпившемуся императорскому режиму, обеспечивъ себѣ покорность странъ и народовъ, вернуться къ сближенію со знатью, если послѣдняя обнаружитъ готовность къ субординаціи. Какъ показываютъ историческія наблюденія, монархія даже гораздо болѣе склонна опираться въ административномъ отношеніи на аристократію, чѣмъ на народную массу. То, что для борьбы пришлось организоваться по образцу враговъ, то-есть, создать огромный правительственный ойкосъ, облегчало возможность сближенія на почвѣ девиза раздѣленія правъ и привилегій властвованія. Съ другой стороны такой эволюціи шло на помощь настроеніе самого высшаго класса. Объ этомъ уже подробно говорилось въ третьей части этюда объ Атикѣ. Вѣрность преданіямъ славной старины не составляла особенности большинства республиканскаго нобилитета, перешедшаго подъ власть Цезарей. Бруты, Катоны и даже Цицероны были исключеніемъ и во время послѣднихъ бурь при триумвиратахъ. Хозяйственные опортунисты вродѣ Атика постепенно входили въ силу уже тогда. Въ царствованіе первыхъ императоровъ были сломлены послѣдніе упорные, причемъ часто въ одномъ порывѣ репрессалій уносились совершенно невинные, готовые повиноваться. Рядомъ съ заговорщиками, даже отгѣсня ихъ назадъ, выдвигались все больше именно люди, стремившіеся вѣрно служить новымъ господамъ. Параллельно съ оппозиціонною гордою замкнутостью постоянно проявлялось угодливое желаніе отличиться передъ Цезаремъ. Тразея и Тацитъ—и тѣ не ви-

дѣли спасенія старому идеалу, и согласны были подчиниться, лишь бы приказывающій властитель былъ нравственно приличнымъ человѣкомъ и не заставлялъ совершать злодѣйства. Острота отношеній продолжалась больше, чѣмъ было необходимо, вслѣдствіе ослѣпленія пыломъ битвы: враги не замѣчали, что могли стать друзьями ¹⁾. Но императорское правительство всетаки предусматривало неизбежность и пользу сближенія съ высшимъ классомъ. Съ непоколебимо выведенною матеріальною основою его могущества трудно было справиться, не идя на рискъ отдать себя въ руки толпамъ. Можно было ослабить аристократію, вливъ въ ея составъ новые соки, дисциплинировавъ ее въ новыхъ формахъ службы. Имперія такъ и поступала. Такимъ образомъ, сквозь шумъ преслѣдованій и казней ощущается сознание необходимости считаться съ прошлымъ при устройствѣ настоящаго съ предвидѣніемъ будущаго, по крайней мѣрѣ, въ политикѣ дальновидныхъ императоровъ. Августъ заложилъ фундаментъ юридическому существованію сенаторскаго класса, предоставивъ его членамъ, какъ извѣстно, большую долю правъ и власти ²⁾. И послѣ него прослѣживается стремленіе государства расширить сословно-служилыя преимущества сенаторства. Въ началѣ ему, правда, противопоставлялось всадничество; но оно, очевидно, предназначено было лишь пополнять первое снизу, чтобы вытравить изъ него оппозиціонный духъ и окончательно переработать его въ вѣрноподданнической. Словомъ, имперія, принимая сама формы ойкосной системы, не будучи въ состояніи втянуть въ рамки своего ойкоса и погло-

¹⁾ Такое же наблюденіе дѣлаетъ Ренанъ, объясняя причину, почему зативулись гоненія имперіи противъ христіанъ, когда церковь готова была предписывать вѣрующимъ повиноваться государству, требуя только уравниенія новой вѣры со старыми, но когда упорство консерватизма въ правительствѣ поддерживало ненужную и опасную борьбу.

²⁾ См. о ходѣ и результатахъ политики Цезарей въ области организаціи „*ordo senatorius*“ въ различныхъ трактатахъ по римскому государственному праву, спеціально у Моммзена (*Röm. Staatsrecht*, въ соотвѣствующихъ отдѣлахъ III-го тома) или въ соотвѣствующихъ главахъ у Виллемса (*Le droit publ. rom.* р. 387 ss.), Мадвига, Миспулэ и др. Ср. живую картину развитія взаимодействія между принципатомъ и знатью у Фридлендера (*Sittengeschichte*, I, 237 ff.). Спеціально о монархической ориентировкѣ въ настроеніи

тять въ немъ остальные крупныя образованія подобнаго же типа, вступила съ ними въ союзъ, раздѣливъ господство надъ міромъ. Такъ, монархія солидаризируется съ главарями большихъ аристократическихъ ойкосовъ, позволяя имъ укрѣпляться на обезпеченныхъ за ними „экзимированныхъ территоріяхъ“ (барскихъ владѣніяхъ)¹⁾, населенныхъ и оплодотворяемыхъ многочисленнымъ потомствомъ раньше захваченныхъ ихъ отцами рабовъ и массою вновь забираемаго въ кабалу опустившагося свободнаго люда. Аристократія охотно шла на встрѣчу такому выгодному предложенію²⁾. Она выработала въ себѣ нужныя для поддержки монархіи настроеніе и склонности и соответствующую нравственность—готовность быть вѣрными и добросовѣстными чиновниками и даже увлекаться стремленіемъ къ отличію, но за жалованье, награды и привилегіи. Плиній Младшій является великолѣпнымъ воплощеніемъ такого типа сословной кристаллизаціи сложившейся римской монархической знати. Онъ обрисовываетъ третью фазу въ исторіи отношеній между имперією и аристократією—степень достигнутаго приспособленія послѣдней къ обезпеченному и выгодному существованію внутри первой³⁾. Организация знати, какъ высшаго правящаго класса, сдѣлала большіе успѣхи уже во времена

римской знати интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Г. Буассье (въ своей книгѣ „L'opposition sous les Césars“).

¹⁾ Выше въ своемъ мѣстѣ было указано, что теперь автономное (непосредственно-имперское, эксмуниципальное) положеніе магнатскихъ латифундій можетъ считаться доказаннымъ. См. *E. Beaudouin*, *Les grands domaines dans l'empire romain*, въ „*Rev. hist. de droit fr.*“ 1897, p. 559 ss. 1898, p. 72 ss.). А оно явилось источникомъ ихъ административно-политической самостоятельности.

²⁾ Нельзя опять же утверждать, что всѣ эти движенія и реформы являлись плодомъ сознательной работы государства и его руководителей: тутъ вскрываются теченія, возникавшія изъ самой комбинаціи обстоятельствъ; они смутно чувствуются группами, но отчетливо понимаются личностями, руководятся и направляются ими пріятнительно къ ихъ интересамъ, индивидуальнымъ и сословнымъ, а для этого пропагандируются въ литературѣ и развиваются въ правѣ, вліяя на политику.

³⁾ Вотъ почему личность, дѣятельность и вообще судьба его особенно интересны, какъ превосходное отраженіе въ индивидуальномъ сознаніи и въ жизни отдѣльнаго человѣка общественныхъ условий и реагированія первыхъ на послѣднія.

Траяна ¹⁾; послѣ же діоклетіано-константиновскихъ преобразованій новое сословіе имперскихъ сенаторовъ сдѣлалось главнымъ социальнымъ органомъ устройства и управленія имперіи ²⁾).

Организуясь, какъ громадный ойкасъ, римское государство временъ имперіи развивало въ себѣ соотвѣтствующіе инстинкты. Въ главѣ и членахъ правительства растетъ самоувѣренность, выражаясь въ формулировкѣ сознаниемъ правящихъ личностей и группъ, тѣсно связанныхъ съ администраціей (имперскаго чиновничества), истины, что общество существуетъ для государства, а не наоборотъ. Такое теченіе характеризуется въ государственномъ правѣ постепеннымъ развитіемъ монархическаго деспотизма, въ социальной политикѣ—стремленіемъ лишить различные слои населенія свободы. „Высокое самоопредѣленіе“ государства при ощущеніи возможности „самодовлѣнія“ не вызываетъ необходимости живого сотрудничества съ обществомъ, а вновь усиливаетъ „поработительскіе“ приемы. „Правительственный ойкасъ“ давитъ на общественные элементы, сплоченные въ муниципальные комплексы, требуя отъ нихъ громадныхъ средствъ и труда, и мало-по-малу истощаетъ ихъ. Только въ этомъ одномъ замѣтно сказывается тогда объединеніе, и такое объединеніе уже опять носить принудительный характеръ. Солидарность съ имперіей многочисленныхъ среднихъ классовъ (сословія куріаловъ), наполняющихъ эти мѣстные міры, при помощи которыхъ она когда-то достигла укрѣпленія своей силы, и на которой построила свое процвѣтаніе, постепенно ослабляется и исчезаетъ. Происходитъ разрывъ между государствомъ и обществомъ, не желающимъ идти во вторичное ойкасное подчиненіе ³⁾).

Указываемый процессъ осложнялся тѣмъ, что рядомъ

¹⁾ Ср. интересную статью *Gsell*, Etude sur le rôle politique du sénat romain à l'époque de Trajan въ „Mélanges de l'école française de Rome“, t. VII (1887), p. 389—388.

²⁾ Это положеніе уже хорошо выдвинуто въ сочиненіи *E. Kuhn*, Die städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs (см. въ первомъ томѣ, изданномъ въ 1864 г. главу—„Der Stand der Reichssenatoren“).—Въ прекрасномъ сочиненіи *Ch. Lécrivain*, Le sénat romain depuis Dioclétien à Rome et à Constantinople (P. 1888), оно детально разработано и убѣдительно доказано.

³⁾ Всѣ эти явленія зарождались въ глубинѣ смутъ III-го вѣка, усиливались и систематизировались въ IV-мъ.

съ правительственнымъ ойкосомъ жили и дѣйствовали частные. Первому, еслибы онъ успѣлъ вполне овладѣть вторыми, можетъ быть, удалось бы удержать мѣръ въ подчиненномъ единствѣ громадной деспотической державы. Но вторые скоро отдѣлили свои интересы отъ перваго. Они вновь смѣлѣе (при покровительствѣ государства) обратились къ старой практикѣ высасыванья экономической крови изъ окружающихъ слабѣйшихъ хозяйственныхъ тѣлецъ и присасыванія къ себѣ мельчайшихъ единицъ ¹⁾. Но, кромѣ того, они всасывали въ себя и главные элементы матеріальной силы самаго ойкоса-государства и подрывали его хозяйство, притягивая въ сферу своего владѣнія его самую существенную основу — земли ²⁾. Такимъ образомъ начиналась новая конкуренція между императорскимъ и магнатскимъ землевладѣніемъ, между государевою и барскою властью. Господамъ легче было достигнуть успѣха, то-есть, самодовлѣющаго богатства, независимости и подчиненія окружающаго: они дѣйствовали на болѣе узкомъ радіусѣ и стремились къ болѣе простой цѣли, подходившей къ культурному уровню массы. Имперія же должна была нести на себѣ великую задачу поддержанія единства со всѣми многочисленными культурными заботами, которыя вытекаютъ изъ этой трудной миссии. Выполненіе ея становилось все мудренѣе. Не только потребности огромнаго государства увеличивались и осложнялись, но и общество, которое должно было имъ удовлетворять, бѣднѣло и переставало чувствовать, что государство работаетъ для его интересовъ; оно не только стало проникаться равнодушіемъ къ процвѣтанію, даже существованію государства и переставало добровольно поддерживать его, — оно бѣжало отъ службы, которая налагалась по принужденію. Рядомъ съ этимъ раз-

¹⁾ Здѣсь открылся періодъ наиболѣе сильнаго роста латифундій-княжествъ на счетъ поддержаннаго нѣсколько принципатомихъ первыхъ вѣговъ крестьянства и покровительствуемаго тогда же средняго землевладѣнія: повторялась социальная картина конца республики, но въ еще болѣе громадныхъ размѣрахъ.

²⁾ Можно доказать, что путемъ земельныхъ раздачъ, а главнымъ образомъ развитіемъ крупной наследственной аренды императорскихъ помѣстій сенаторами, императорскія земли фактически большими массами переходили въ III и IV вѣкахъ въ частныя руки. Это фактъ очень большой исторической важности.

страивался самый механизмъ, помощью котораго государство направляло и контролировало жизнь общества: войска теряли храбрость и дисциплину, развращалась администрація; надобно было предупреждать повторенія военныхъ бунтовъ и непокорности провинціальныхъ намѣстниковъ, заговоровъ и возстаній, постоянно бороться противъ своекорыстія, лихоимства и воровства чиновниковъ. Наконецъ, извнѣ надвигались тучи варварскихъ набѣговъ, сгущавшіяся къ V-му вѣку въ опасныя, большія вторженія.

Чѣмъ далѣе идетъ и прогрессируетъ указываемое здѣсь разложеніе самой организациі хозяйства и управленія внутри, тѣмъ болѣе ослабляется сила матеріальнаго сопротивленія государства опасностямъ, тѣмъ болѣе сохнуть источники ея возстановленія и отнимаются средства добывать изъ нихъ питающую силу. Императоры, какъ указано, выпустили въ руки членовъ своей знати (сенаторскаго класса) существенные элементы своего доманіальнаго фонда. Вслѣдствіе этого податныя требованія государства съ удвоенною силою стали ложиться на мѣстныя группы: муниципальныя общины облагаются обязанностью доставлять государству деньги, продукты, рабочія руки. Онѣ дѣлаются крѣпостными государства, которое вообще симметрично сковываетъ всѣ трудящіеся классы цѣпями тяглаго рабства. Но мѣстныя группы уже были подорваны и разорены всеобщими неустройствами, въ частности притѣсненіями провинціальной знати и администраціи. Теперь онѣ падаютъ подъ двойнымъ гнетомъ обще-государственнаго ойкаса и мѣстныхъ магнатскихъ центровъ ¹⁾. Государственное крѣпостничество, принужденіе,

¹⁾ М. Веберъ (*Die sozialen Gründe*, p. 75) хорошо указываетъ: „...Die Stadt blieb bis zuletzt die offizielle unterste Zelle des Staatsorganismus. Aber die oekonomische Unterlage der breiten Masse der römischen Städte schwand immer mehr: sie sassen wie Schröpköpfe im Interesse des geldbedürftigen staatlichen Verwaltungsapparats auf einem Untergrund, der sich mit einem Netz von Grundherrschaften überzogen hatte“. — Авторъ остроумно прибавляетъ здѣсь: „Der Zerfall des Reichs war die notwendige politische Folge des allmählichen Schwindens des Verkehrs und der Zunahme der Naturalwirtschaft. Er bedeutete im wesentlichen nur den Verfall jenes Verwaltungsapparats und damit des weltwirtschaftlichen politischen Ueberbaus, der dem naturalwirtschaftlichen oekonomischen Unterbau nicht mehr angepasst war.“ Въ настоящей книгѣ подчеркивается.

наказанія, преслѣдованія и частновладѣльческая эксплуатація заставляютъ ихъ разсыпаться. Мертвѣютъ и разваливаются не только земскія (муниципальныя), но и административныя (провинціальныя) соединенія. Провинціи теряютъ жизнь послѣ того, какъ замерли муниципіи, потому что нельзя управлять населеніемъ, потерявшимъ органическую связь съ государственнымъ цѣлымъ: одни — куріалы и простонародье — разорены и потеряли силу нести повинности; другіе — имперскіе сенаторы — поднялись такъ высоко, что не желаютъ повиноваться, и приобрѣли такія права, что легко могутъ достигнуть самостоятельности. Дѣйствительно внутри имперіи сильны и упруги только громадныя владѣнія знатныхъ господъ, обратившіяся въ вполнѣ самодовлѣющія вотчины. Онѣ окончательно выросли подъ опекою вновь аристократизировавшагося государства, освободились отъ самыхъ трудныхъ обязанностей (наслѣдственный сенаторъ не долженъ служить чиновникомъ, избавленъ отъ муниципальных тягостей), а остальные не желаютъ нести (не платятъ налоговъ, не повинуются судамъ, не идутъ на войну). Государство должно само начинать борьбу противъ тѣхъ, которыхъ одарило привилегіями. Оно видитъ, что недостаточно закрѣпощать и принуждать къ работѣ низшіе и средніе классы, чтобы удерживать въ рукахъ ускользящее общество, что необходимо послѣдовательно подавлять своеволие знати ¹⁾. Оно начинаетъ, хотя уже слишкомъ поздно, понимать, что для возрожденія въ обществѣ энергіи и работы нельзя ограничиться принужденіемъ, и потому усиливается законодательною пропагандою влить въ сознанія бодрость, поддержать правительственный престижъ и между прочимъ указываетъ утомленному обществу идеалы единства, сотрудничества и общенія ²⁾.

впрочемъ, что такая „политическая надстройка“ (если уже прибѣгать къ терминологіи автора) всегда была слаба, и всемірное государство уже сначала организовало свои финансы въ главныхъ чертахъ, какъ частное хозяйство.

¹⁾ Въ законахъ V-го вѣка строгія мѣропріятія противъ насилій членовъ сенаторскаго сословія попадаютъ все чаще въ числѣ постановленій, опредѣляющихъ отношенія между сословіями съ одной стороны, между ними и правительствомъ — съ другой. Изъ содержанія и тона соответствующихъ законодательныхъ текстовъ ясно видно, какое самостоятельное положеніе заняла къ тому времени аристократія, и какое опасное для государства зло открывалось въ этомъ явленіи.

²⁾ Таковы любимыя императорскія конститудіи, въ которыхъ восхва-

Такая борьба съ магнатами (*potentes*) не могла окончиться побѣдою государства. Они же, напротивъ, должны были побѣдить населеніе. Послѣднее даже охотнѣе, какъ всегда бываетъ въ смутныя времена, идетъ въ кабалу къ мѣстному барину: она болѣе наглядно рисуется оплаченнымъ оброками и барщинами покровительствомъ, чѣмъ государственное утѣсненіе, не признающее границъ и не оберегающее подданныхъ отъ экономическаго гнета чиновниковъ и мѣстныхъ тирановъ. Внутри римскаго міра уже сложилась въ социальномъ отношеніи сеніорія, какъ законченная ячейка — „частное общество“. Ей нужно только время, чтобы развернуться политически — сдѣлаться „частнымъ государствомъ“.

Когда мы погружаемся въ изученіе организациі и жизни — анатоміи и физиологіи — латифундіальнаго владѣнія послѣднихъ вѣковъ имперіи, мы присутствуемъ при совершеніи тѣхъ процессовъ, которые подготовили и осуществили третью фазу въ исторіи развитія крупнаго замкнутаго хозяйства въ римскомъ мірѣ. Необходимо отмѣтить здѣсь, что превосходныя (несмотря на извѣстную односторонность взгляда) изслѣдованія Фюстель де Куланжа положили первое основаніе для яркаго и блистательнаго обнаруженія этого факта. Если знаменитый историкъ даетъ поводъ обвинить его въ предвзятой симпатіи къ романизму (или, вѣрнѣе, къ „антигерманизму“), то во всякомъ случаѣ онъ безусловно чистъ отъ приверженности къ гипотезѣ Бюхера, которая возникла или, по крайней мѣрѣ, распространилась послѣ его смерти. Даже тѣ начала ойкосной теоріи, какъ средства истолкованія экономической эволюціи римскаго міра, которыя уже

лются въ напыщенныхъ словахъ заботы государей о благосостояніи подданныхъ, и этотъ трудно доказуемый тезисъ аргументируется идеями, которыми правительству императоровъ хотѣлось бы поддержать распадающуюся цѣлостъ государства. Юристы этого времени стремились въ частности оживить экономическую дѣятельность — производство и обмѣнъ: они проповѣдывали „народнохозяйственные принципы“, хватаясь за тѣ остатки капиталистическихъ предприятий и торговли, которые напоминали болѣе блестящее прошлое и должны были въ ихъ намѣреніяхъ служить сѣменемъ лучшаго будущаго. Такое направленіе законодательства, такой языкъ его, могутъ вселить невѣрное представленіе о томъ, что дѣлалось въ государствѣ, и, между прочимъ, дать повншенное представленіе о формахъ экономической жизни.

заклучались въ работахъ Родбертуса, не могли повліять на него при изслѣдованіи соціальной філіаціи отъ Рима къ франкскому государству. Врагъ-преждевременнаго отвлеченнаго синтеза, онъ склоненъ былъ скорѣе протестовать противъ общихъ построений, подобныхъ системѣ Родбертуса-Бюхера, чѣмъ увлекаться ими и идти по ихъ стопамъ. Онъ изучалъ „тексты и только тексты“: но они именно открыли его изслѣдующему взору организмъ латифундіи-ойкоса съ ея могущественнымъ главаремъ—имперскимъ сенаторомъ, *potens vir*, въ центрѣ, какъ первенствующей фигуры на соціально-политическомъ горизонтѣ падающей державы ¹⁾. Онъ далъ только общій руководящій рисунокъ ²⁾. За смѣло и твердо начертанною имъ магистральною линіею, изображающею фактическій ходъ развитія, послѣдовали другія частныя работы ³⁾. Но въ области даннаго капитальнаго вопроса остается еще много великолѣпныхъ задачъ, какъ съ точки зрѣнія статическаго анализа элементовъ явленія въ ихъ комбинаціи, такъ и для генетическаго опредѣленія раскрывающейся въ немъ связи между общественнымъ строемъ Рима и соціальными порядками средневѣковья; много потребуется здѣсь наконецъ и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи детальныхъ этюдовъ, питающихъ и провѣряющихъ общее построеніе.

¹⁾ Самый терминъ—„*potens vir*“ („властель“) характеренъ, какъ отраженіе въ языкѣ самосознанія общества и государства того времени.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ надо пользоваться различными частями его основнаго сочиненія—„*Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*“, преимущественно первымъ отдѣломъ 4-го тома, озаглавленнаго „*L'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne*“ (здѣсь дается систематическое описаніе организаціи и жизни крупнаго помѣстья), затѣмъ послѣдними главами (10-й и слѣд.) 2-го—„*L'invasion germanique et la fin de l'empire*“ (здѣсь рассматривается соціально-политическое вліяніе знати) и наконецъ различными относящимися къ Риму частями 4-го—„*Les origines du système féodal*“ (здѣсь содержится анализъ отдѣльныхъ чертъ земельныхъ, сословныхъ и политическихъ отношеній, характеризующихъ общественный бытъ и права надающей имперіи). Къ названному надо еще присоединить превосходное изслѣдованіе автора—„*Le colonat romain*“ въ сборникѣ „*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*“.

³⁾ Слѣдуетъ вспомнить спеціальныя изслѣдованія *Lécrivain, Julian, Esmein, Beaudouin* и др. Въ трудѣ послѣдняго „*Les grands domaines dans l'empire romain*“ (спеціально въ § 5 и особ. на стр. 112, см. *Nouv. rev. hist. de dr. fr. et étr.* 1898, janv. fevr.) приводится довольно обстоятельно литература подобныхъ этюдовъ и монографій. Ср. въ томъ же трудѣ *Ibid.* 1897, p. 543 ss., гдѣ указаны и нѣмецкія изслѣдованія такого же характера и содержанія.

Фюстель де Куланжъ и его продолжатели не выводили обще-экономическихъ заключеній изъ своего изображенія латифундій магнатовъ сенаторовъ послѣ-диоклетіановской монархіи, не сопоставляли, въ частности, своихъ результатовъ съ основными положеніями бюхеровской теоріи. Но изъ тѣхъ данныхъ, которыя они сообщаютъ, уже ясно, что крупное частное владѣніе этой эпохи было типичнымъ ойкосомъ. **Съ этимъ** болѣе или менѣе согласны и ученые, не поддерживающіе Бюхера, даже прямые его противники ¹⁾. Въ устройствѣ и бытѣ его обнаруживаются рѣзкіе и могучіе признаки феодализации ²⁾, и это очень характерно: хозяйственное самодовлѣніе должно всегда противорѣчить широкому и крѣпкому государственному единству и идти наперекоръ не только дифференціаціи различныхъ хозяйственныхъ функций, но и отдѣленію политической отъ экономической; образование (или усиленіе) его ведетъ не только къ сліянію подъ однимъ руководствомъ „барина“ въ одномъ „домѣ“ земледѣлія, ремесла и торговли, но и къ захвату главою этого дома „государственныхъ правъ“. Ойкосу предназначено при условіи торжества его надъ хозяйственнымъ объединеніемъ обращаться въ мѣстное государство. Потому то и въ изучаемомъ случаѣ латифундіи-княжества должны были дѣйствовать разлагающимъ образомъ на всемірную имперію,

¹⁾ Можно указать въ числѣ первыхъ М. Вебера (*Die sozialen Gründe*, p. 63 ss. и *Röm. Agrargesch.* p. 260 ss.) и Гартманна (*Zeitschr. für Social- und Wirthschaftsgesch.* 1896, IV, p. 157), въ числѣ вторыхъ самого Э. Мейера (*Die wirtsch. Entw.* p. 61 ss.).

²⁾ Тутъ ясно замѣчается социальная подпочва феодализма — преобладаніе крупнаго землевладѣнія и установленіе зависимыхъ формъ труда (крѣпостничества), территориальное обособленіе и господство натурального хозяйства. Отчетливо констатируется также его политической фундаментъ: слабость государственной власти, могущество знати, развитіе частной защиты земель и личностей (прекарій, патронатъ). Мы видимъ также особую комбинацію социально-политическихъ соединеній: начало сліянія власти съ землевладѣніемъ вслѣдствіе законодательныхъ уступокъ и частнаго захвата, раздробленіе большого государственнаго цѣлаго и т. д. Приходится, стало быть, признать появленіе не только зародышей феодализма — бенефіціа, коммендаціи и иммунитета, но и болѣе типичныхъ чертъ феодальнаго государства, напримѣръ, вотчинной полиціи и юстиціи. Словомъ подъ покровомъ разлагающей имперіи заготовленъ весь почти матеріалъ, который явится впоследствии необходимымъ прецедентомъ для обращенія „союза подданства“ въ „союзъ вассальности“.

которая стремилась ихъ объединить и подчинить. Ойкосу нужно обособленіе, и такимъ обособленіемъ естественно сдавливается также необходимая для прочнаго процвѣтанія большого культурнаго государства растущая независимость народнои массы.

Въ указанной здѣсь мало разработанной сферѣ изученія социальныхъ процессовъ огромной всемірно-исторической важности, сильные и ярко обозначенные, но еще не наблюденные вблизи и всесторонне индивидуальныи образы магнатовъ-сенаторовъ времени паденія римской имперіи могутъ оказать существенную услугу. При нахожденіи отвлеченной формулы, которая опредѣлила бы типъ эволюціи древняго міра въ новый, они явятся конкретными вѣхами, сосредоточивающими, направляющими и облегчающими трудъ. Фамилія Аниціевъ, Симмахъ, Авзоній, Паулинъ Ноланскій, Сидоній Аполлинарій, Паулинъ Пельскій и мн. др. предстанутъ тутъ передъ глазами историка въ особенностяхъ развитія ихъ состоянія и вообще въ ихъ социальной роли любопытными воплощеніями государственнаго и экономическаго разложенія (спеціально — паденія народно-хозяйственныхъ теченій) и подготовленія феодальныхъ порядковъ (спеціально — возрожденія замкнуто-домоваго и натуральнаго хозяйства). Къ этимъ драгоцѣннымъ свидѣтелямъ долженъ постоянно обращаться изслѣдователь социальныхъ причинъ упадка римской имперіи. Здѣсь можно вскользь бросить по поводу ихъ интересное замѣчаніе. Тѣ изъ нихъ, которые жили раньше, ближе къ періоду процвѣтанія имперіи, не позже IV-го вѣка, отражаютъ на конфигураціи своего состоянія сохранявшееся еще тогда имперское единство: желая господствовать надъ міромъ, они стремятся растянуть свои владѣнія по значительной части поверхности его. Это—имперскіе магнаты ¹⁾; Тѣ же, которые выдвигаются изъ глубины V-го вѣка, сосредоточиваются предпочтительно внутри одной какой-нибудь

¹⁾ Это „patrimonia sparsa per orbem“ Аммиана Марцеллина (XXVII, 11, 1). Симмахъ является любопытнымъ примѣромъ этой категоріи членовъ аристократіи падающей римской имперіи, какъ и типичнымъ образцомъ уходящаго въ прошлое мировоззрѣнія. См. O. Seeck, биогр. Симмаха въ „Monumenta Germaniae historica“.

провинціи. Это—областные магнаты. Части имперіи тогда уже обособлялись, и ойкосные господа разрывали ее въ свою пользу ¹⁾. Послѣ образованія варварскихъ государствъ они составляютъ важные элементы будущей вестготской, остготской, бургундской, франкской аристократіи. Черезъ нѣсколько вѣковъ ихъ потомки или вообще члены новыхъ поколѣній, которыя постепенно воспитаются въ духѣ тѣхъ же ойкосныхъ традицій, будутъ феодальными государями. Теперь же (и въ IV, и въ V вв.) всѣ они—представители четвертой ступени въ исторіи отношеній между крупными частными ойкосами и императорскимъ—эпохи новаго и окончательнаго торжества первыхъ ²⁾.

Въ рассматриваемое время, въ римской имперіи IV-го и V-го вѣковъ, то-есть, послѣ утвержденія диоклетіано-константиновой абсолютной и бюрократической монархіи, которая не сумѣла однако обезпечить себя отъ аристократизаціи, торжество ойкосныхъ господъ, безъ сомнѣнія, знаменовало упадокъ общественнаго прогресса. Господа крупныхъ частновладѣльческихъ территорій, проникаясь „ойкоснымъ сепаратизмомъ“, перестали ощущать, что сохраненіе „имперскаго единства“ входило въ ихъ интересы. Въ нихъ совершилось стало быть такое же паденіе гражданственности, какое было произведено въ низшихъ слояхъ населенія гнетомъ государства и притѣсненіями его агентовъ. Они могли жить безъ помощи другихъ классовъ и безъ поддержки императорскаго правительства; подъ вліяніемъ такого сознанія видоизмѣнились ихъ чувствованія, и „римскій патриотизмъ“ изсякалъ въ душѣ „галльскихъ, испанскихъ, даже италійскихъ сенаторовъ-сеньоровъ“. Политическій горизонтъ ихъ суживался: они отказываются служить имперіи, хотя бы въ качествѣ первыхъ министровъ. Они не будутъ защищать ее отъ враговъ; такъ же какъ разоренная, доведенная до крайности масса, легко вступаютъ они въ подданство къ новымъ государямъ, „покрытымъ звѣриными шкурами“, и сумѣютъ овла-

¹⁾ Таковы Сидоній Аполлинарій и его друзья, можетъ быть, уже Авзоній и Паулинъ Нолянскій. См. *C. Jullian, Ausone* (P. 1893).

²⁾ Аттикъ, Сенека и Плиній Мл. были выше названы, какъ конкретные примѣры первыхъ трехъ.

дѣтъ ими еще полнѣе, чѣмъ нынѣшними своими императорами. Они научатъ ихъ принять внѣшнее обличье римской образованности, но не вольютъ въ новыя государства культурную энергію и творческія силы. Ойкость консервативенъ и непредпріимчивъ, и онъ внесетъ въ новую Европу экономическій застой, политическое омертвѣніе и духовную неподвижность. Онъ наложитъ на варварскій міръ печать феодальнаго раздробленія и удержитъ его въ грубыхъ формахъ натурального хозяйства, которыя долго будутъ тяготѣть надъ жизнью романо-германскихъ народовъ, окрашивая собою даже эпохи соціально-политическаго возрожденія, какъ, на примѣръ, время Карла Великаго ¹⁾.

Итакъ латифундія, основанная на широко разившихся началахъ ойкоснаго обособленія, управляемая магнатомъ-сенаторомъ и обрабатываемая рядомъ съ рабскою силою крѣпостными крестьянами-оброчниками различныхъ категорій ²⁾, господствуетъ съ IV-го вѣка почти всецѣло въ римскомъ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ западныхъ ея провинціяхъ; она властвуетъ безъ соперниковъ надъ государствомъ и народомъ, разрушая единство перваго, уничтожая свободу второго. Это фактъ, богатый разнообразнѣйшими и глубоко важными послѣдствіями, всемірно-историческое значеніе которыхъ еще далеко не достаточно оцѣнено. Это—прочное наслѣдье, переданное отъ одного міра другому, и въ немъ—ключъ къ пониманію существенныхъ чертъ первоначальнаго общественнаго строя варварскихъ государствъ и ихъ дальнѣйшихъ судебъ, а также къ разрѣшенію сложнаго вопроса о происхожденіи и развитіи феодализма, то-есть, истолкованію соціальной основы средневѣковой культуры. Утверждая такой тезисъ, авторъ считаетъ нужнымъ пояснить, что въ немъ не слѣдуетъ искать попытки вновь выдвинуть

¹⁾ См. *M. Weber*, Die sozialen Gründe, p. 67. Ср. *K. Bücher*, Die Entsteh. d. Volkswirtschaft, p. 74 ss.; *Inama Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgesch. (т. I, гл. 5).

²⁾ Послѣдніе въ крупныхъ вотчинахъ римской имперіи въ концѣ ея существованія берутъ постепенно верхъ надъ первою, не подавляя ее однако окончательно; и въ этомъ лишняя существенная черта сходства такихъ „позднихъ латифундій“ съ будущими средневѣковыми барскими „Frohnhöfe“ и различія ихъ со старыми римскими рабовладѣльческими плантаціонными хозяйствами.

романизмъ, какъ центральную гипотезу, опредѣляющую генезисъ и эволюцію „древней исторіи современныхъ европейскихъ націй“; здѣсь набрасывается эскизъ громадной культурной (не расовой) филиаціи учреждений и связанныхъ съ ними социальными-политическими идей и склонностей отъ одного міра въ другой, уразумѣнію которой, впрочемъ, дѣйствительно очень мѣшали односторонности германизма.

Понятіе ойкосной системы даетъ очень важный социальный терминъ для истолкованія сложнаго сплетенія процессовъ, которыми совершалось великое перерожденіе, положившее начало образованію романо-германскихъ народовъ съ ихъ общественнымъ строемъ и цивилизаціею. Въ жизни замкнуто-хозяйствующаго дома — земля и формы связи съ нею человѣка и общества являются очень важнымъ элементомъ, опредѣляющимъ сущность и направленіе движенія. Вотъ почему примѣнительно къ очень долгому ряду вѣковъ общаго теченія всемірной исторіи изученіе землевладѣнія остается капитальною проблемою научнаго изслѣдованія. Старый нѣмецкій историкъ Мёзеръ¹⁾ говоритъ, что только тогда правильно разрѣшена будетъ задача научнаго построенія исторіи нѣмецкаго отечества, когда ученые окажутся въ силахъ разъяснить всѣ измѣненія, которыя претерпѣли судьбы національной земли и ея собственниковъ, въ ихъ причинной послѣдовательности на протяженіи всѣхъ вѣковъ исторіи Германіи. Вспоминая эти слова, Пѣльманнъ²⁾ распространяетъ это положеніе на исторію всѣхъ народовъ и эпохъ: „Въ числѣ великихъ социальныхъ вопросовъ, которые во всѣ времена управляли домашними и общественными интересами человѣка, ни одинъ не связанъ такъ тѣсно со всѣмъ историческимъ существованіемъ и культурнымъ развитіемъ народовъ, ни одинъ не оказывалъ такого рѣшительнаго вліянія на столько важныхъ перерожденій или кризисовъ народной жизни, какъ именно вопросъ о социальномъ порядкѣ землевладѣнія“. — Лоренцъ Штейнъ рѣшительно заявляетъ, что „вопросъ о земельной собственности есть основаніе всей

¹⁾ Во введеніи къ его когда-то знаменитой *Osnabrückische Geschichte*.

²⁾ *Aus Altertum und Gegenwart*, p. 46—47.

исторіи Европы, и земля является въ ней всегда самымъ могущественнымъ факторомъ цивилизації¹⁾. Можетъ быть, это уже значить ийти слишкомъ далеко въ оцѣнкѣ явленія, но Фюстель де Куланжъ справедливо ставить изученіе его въ центрѣ соціальной исторіи римскаго міра²⁾.

Землевладѣніе, особенно именно крупное, окончательно восторжествовавшее въ римскомъ мірѣ къ эпохѣ діоклетіано-константиновскихъ преобразованій, но игравшее видную роль уже гораздо раньше, занимало въ самомъ дѣлѣ огромное мѣсто въ соціальной жизни того времени. Вотъ почему въ эту эпоху оно должно изучаться особенно внимательно. Оно еще плохо изслѣдовано: вотъ почему можетъ имѣть значеніе всякое, посвященное ему скромное частное разысканіе, если оно выполнено добросовѣстно. Теорія Бюхера, какъ разлагающая призма и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ собирающее зеркало при изученіи общественныхъ явленій въ означенной области оказываетъ существенную услугу. Вотъ почему можно надѣяться, что принесетъ нѣкоторую пользу для общаго освѣщенія вопроса начертанное въ заключительной части настоящей книги обзорѣніе. Оно должно быть разсматриваемо, какъ набросокъ плана и руководящаго начала для будущаго объединяющаго сочиненія или ряда отдѣльныхъ работъ, которыя будутъ связаны задачею—выяснить путемъ разработки исторіи землевладѣнія соціальныя причины разложенія античной культуры, воплотившейся въ римской имперіи. Рѣшеніе этого вопроса должно быть представлено, какъ главный фонъ, на которомъ отчетливо нарисуеться до сихъ поръ еще туманный въ наукѣ образъ древнихъ государствъ и обществъ западной Европы. Необходимо сдѣлать тутъ замѣчаніе, что при генетическомъ разсмотрѣніи всемірной исторіи трехчленная схема эволюціи хозяйства, которую

¹⁾ *Drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft*, p. 11.

²⁾ *L'invasion germanique et la fin de l'empire*, p. 190: „Le sol fut toujours, dans la société romaine, la source principale et surtout la mesure unique de la richesse... La base de la situation sociale (à Rome) fut toujours la terre“. Знаменитый авторъ высказывается, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ также еще шире: „En tout temps et en tout pays, la manière dont le sol était possédé a été l'un des principaux éléments de l'organisme social et politique“ (См. *L'alleu et le domaine rural*, p. III)

построилъ Бюхеръ, явится превосходнымъ руководителемъ или пособникомъ не только для уразумѣнія особенностей экономическаго строя Рима и внутренней связи между имперією и смѣнившимися ее политическими организмами варварской Европы; она окажется драгоценнымъ орудіемъ также для освѣщенія и объединенія всей соціальной исторіи среднихъ вѣковъ. Вспомогательное средство, врученное историку экономистомъ, поставитъ перваго, когда онъ будетъ охватывать однимъ взоромъ этотъ длинный рядъ вѣковъ, на новую точку наблюденія, которая поможетъ ему открыть массу фактовъ, произвести плодотворныя сближенія, установитъ широкія обобщающія идеи, подготовить прочные выводы ¹⁾. Это захватывающая область научно-историческихъ разысканій, требующая, правда, большого и кропотливаго труда, но вызывающая воодушевленіе и вознаграждающая надеждою на цѣнные результаты. Изслѣдуя ее, прежде всего знакомишься съ самопроизвольными и коллективными процессами, создававшими соціальную среду, которая служила почвою для жизни и работы средневѣкового человечества, и являлась атмосферою, которой оно дышало. Рядомъ съ этимъ невольно вдумываешься и въ духовную куль-

¹⁾ Авторъ настоящихъ строкъ имѣлъ не одинъ случай самъ испытать и проверить это въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ. Нельзя сомнѣваться въ возможности съ серьезнымъ успѣхомъ ставить подъ защиту теоріи Бюхера, критически разработанной и свободно истолкованной историкомъ, изученіе основныхъ вопросовъ экономической, сословной и даже политической исторіи среднихъ вѣковъ. Земледѣліе, ремесло и торговля, крестьянство и города, феодализмъ и монархія, разсмотрѣнные въ свѣтъ бюхеровской гипотезы, предстанутъ въ новыхъ формахъ и будутъ поняты глубже и правильнѣе, каждое явленіе отдѣльно и всѣ въ ихъ взаимодействіи и въ результатахъ ихъ развитія. Это сфера довольно мало еще разслѣдованная съ точки зрѣнія новыхъ научныхъ методовъ и вновь поставленныхъ историческихъ задачъ. Работы Инамы-Штернегга и Лампрехта по экономической и соціальной жизни Германіи въ средніе вѣка дали уже много матеріала для ознакомленія съ нею. Теперь сильно оживляется общая постановка наслѣдованія экономическихъ прецедентовъ и сословныхъ фазъ городского движенія. Въ трудѣ проф. М. М. Ковалевскаго, „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“ (М. 1898), упомянутые вопросы пересматриваются вновь и ставятся въ рамки широко обобщенной картины. Надобно ждать окончанія интереснаго и богатаго по содержанию сочиненія уважаемаго ученаго, чтобы одѣнить достигнутые имъ результаты. Во всякомъ случаѣ это очередное поле изслѣдованія, сулящее обильную жатву подъ условіемъ тщательной и искусной обработки.

туру этого общества или человечества и въ жизнь личности; познаешь формы взаимоотношеній между единицею и коллективностью¹⁾, замѣчаешь истинное сочетаніе многообразныхъ факторовъ общеисторическаго процесса и обучаешься провидѣть сущность основного закона исторической эволюціи.

Въ заключеніе необходимо оговориться. Авторъ не хочетъ, чтобы его взглядъ былъ понятъ въ томъ смыслѣ, будто однѣ экономическія причины привели римскій міръ къ распаденію и обусловили образованіе новой социальнo-политической группировки. Онъ не стремится доказать, что изучаетъ единую основу („*den Unterbau*“) разсматриваемой эволюціи, и что она должна, какъ сказали бы экономическіе материалисты, естественнымъ образомъ оказаться хозяйственною. Онъ желалъ сосредоточиться на наблюденіи экономическихъ признаковъ („*la face économique*“) сложной природы громаднаго явленія. Можно, правда, подумать, что, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, то-есть, въ глубокомъ перерожденіи²⁾, постепенно разрушившемъ древній міръ, экономическіе факторы играли дѣйствительно первенствующую роль, составляли „*l'allure principale*“ всего явленія, по выраженію Монтеस्कѣ³⁾. Но и такое положеніе не было бы вполне вѣрно. Основная причина упадка жизненности въ имперіи слишкомъ сложна, чтобы ее назвать экономической. Это — социальная причина. Мы формулировали ее, какъ возрожденіе и торжество крупныхъ оikosовъ внутри римскаго общества. При уразумѣннн такого сложнаго харак-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ считать правильнымъ мнѣніе Брейсига, что социальная исторія не можетъ быть только комбинаціею изученія экономическихъ порядковъ, сословнаго строя и политическихъ учрежденій; въ нее должно входить и опредѣленіе отношеній личности къ группѣ (обществу, семьѣ и т. д.) и стало быть изученіе духовнаго развитія челоуѣка и общества. См. *K. Breysig*, *Die sociale Entwicklung der führenden Völker Europas in der neueren und neuesten Zeit*, въ *Schmollers Jahrbuch*, 1897, S. 3 ff.).

²⁾ Слѣдуетъ избѣгать раньше привычнаго термина — „переворотъ“, какъ наводящаго на неправильное представленіе картины паденія римской имперіи.

³⁾ Ср. замѣтку *L. M. Hartmann*, *Ueber die Ursache des Unterganges des römischen Reichs*, въ „*Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik*“, II, 1889, p. 423 ss.

тера этой дѣйствующей причины еще разъ открывается замѣчательная методологическая плодотворность понятія — „ойкосный строй“. Въ немъ органически связываются разнообразныя черты, которыя воплощаютъ взаимодействующіе факторы исторіи. Можетъ быть, впрочемъ, (—здѣсь только высказывается въ интересахъ дальнѣйшаго теоретическаго размышленія, догадка, не лишенная, какъ кажется, принципиальнаго значенія —) при ближайшемъ анализѣ всѣхъ мельчайшихъ волоконъ и причудливыхъ извивовъ запутанной исторической ткани, рисунки которой приходилось здѣсь разсматривать въ отдѣльности и въ цѣломъ, удастся въ будущемъ свести сущность всего процесса къ могучему дѣйствию одной силы. Но сила эта рисуется лучше всего, какъ умственная; наименованіе ея всего справедливѣе почерпается въ суммѣ признаковъ, входящихъ въ видовое понятіе духовной культуры. Это будетъ терминъ варварства, первичнаго (недостатка умственнаго развитія) у массъ и вторичнаго (упадка его—варваризаціи) въ верхахъ общества.—Низкій уровень сознанія помѣшалъ развернуться экономической, соціальной и политической энергіи въ населеніи римской имперіи и не далъ ему воспользоваться благопріятными условіями въ началѣ ея исторіи, чтобы укрѣпиться въ удобныхъ формахъ самоуправленія и взять въ свои руки дальнѣйшую организацію общенія и сотрудничества на пути къ достиженію благосостоянія и образованности. Паденіе сознательности, слишкомъ мало проникшей въ умы и высшихъ слоевъ общества, или ненормальное направленіе ея развитія привело ихъ къ политической близорукости, нравственному оупѣнію, усыпленію бодрой умственной пытливости и парализаціи соціальной инициативы ¹⁾. Все это породило омертвѣніе мысли, руководительницы дѣятельности, погруженіе въ апатію и рядомъ ожесточеніе инстинктовъ, то-есть, именно новое варварство. Варваръ отличается косностью; онъ не только погруженъ въ невѣжество и грубость, но мирится вполне спокойно съ бѣд-

¹⁾ См. опять же у Фюстель де Куланжа интересную попытку характеризовать „l'état moral des populations de la Gaule sous l'empire romain“ (въ книгѣ *L'invasion germanique et la fin de l'empire*, pp. 206—224).

ностью и зависимостью. Варварство или держитъ чело-
вѣка въ неподвижности, если онъ находится въ первобыт-
номъ состояніи, или ведетъ къ упадку, если оно пред-
ставляетъ рецидивъ. Въ этомъ смыслѣ можно съ особен-
нымъ значеніемъ повторить вмѣстѣ съ Моммзеномъ ¹⁾, съ
которымъ согласенъ и Мейеръ ²⁾— „не варвары (то-есть, не
германцы) разрушили имперію, а собственное внутреннее
разложеніе“. Послѣднее же въ самомъ глубокомъ корнѣ сво-
дилось къ собственному особому варварству. — Это
было варварство, соединявшееся въ умахъ меньшинства на-
верху общества съ блестящею на видъ культурою, болѣе
поверхностною однако и утонченною, чѣмъ глубокою и силь-
ною, выработавшею въ носителяхъ ея потребность роскоши
и праздности и изысканные литературные вкусы, но неспо-
собною создать идейныхъ людей и высокіе характеры. Это
было варварство массы, легко прорвавшее тонкій слой слиш-
комъ быстро и широко развившейся романизаціи: послѣдняя
покрыла черезчуръ громадное пространство, чтобы окрѣпнуть
въ населеніи; она легко вывѣтривалась или впитывалась въ
почву, распускаясь въ ней, побѣждаемая во многихъ мѣстахъ
одичаніемъ.—Такое возрождавшееся внутри имперіи варвар-
ство сошло (такъ сказать, противоположными концами) съ
первобытною нетронутостью надвигавшихся германцевъ; по-
добное сочетаніе сознаний—разслабленность отъ пресыщенія,
забитость отъ угѣсненія или даже простая темнота невѣже-
ства—не могло явиться могучимъ мотивомъ для прогрессивной
соціальной работы, какъ индивидуальной, такъ и коллективной.
Все вступало на дорогу столкновенія инстинктовъ, слѣпой
борьбы, то-есть, конечно, паденія или, по крайней мѣрѣ,
остановки прогрессивныхъ теченій ³⁾: Показать, что про-
цессы, которые анализируются или только затрогиваются
въ настоящей книгѣ были сами результатами (воплощеніями)
извѣстнаго стадія духовнаго развитія челоѣка и челоѣче-
ства въ тѣ времена — это благодарная тема для обширнаго

¹⁾ *Abriss des römischen Staatsrecht* (Leipzig, 1893), p. 363.

²⁾ *Die wirtschaftliche Entwicklung d. Altertums*, p. 50.

³⁾ Ср. *E. Meyer, Die wirtschaftl. Entw. d. Alt.* p. 63.

культурно-историческаго изслѣдованія. Но послѣднее можетъ быть осуществлено съ успѣхомъ, лишь когда будутъ разработаны социальна-историческіе элементы картины, служащіе болѣе ловимой основою для ея воспроизведенія. Здѣсь указывается на такую задачу, чтобы выразить общее направленіе исторической мысли автора, одушевляющей его трудъ.

Новая Европа получила въ наслѣдіе отъ древней имперіи въ качествѣ единственной вполнѣ живой социальной организаци — крѣпко сплоченную и могущественную, автономную и самодовлѣющую, замкнуто живущую барскую латифундію. Это была варваризация, принявшая „ойкосныя“ формы, которая становилась на мѣстѣ культурнаго прогресса, начинавшаго раньше вырабатывать „народно-хозяйственныя“ отношенія. Тяготѣніе социальнаго матеріала около такого центра обнаружило глубокое и продолжительное дѣйствіе на ходъ исторіи средневѣковаго общества. Оно надолго задержало движеніе или придало ему болѣзненный характеръ. Утверждая или признавая это, нельзя однако представлять себѣ дѣло такъ, будто одни „элементы разложенія“ внесены были въ исторію новой Европы римскою имперіею¹⁾. Результаты великаго культурнаго развитія не могли погибнуть. Не исчезла въ частности и античная образованность: она только замкнулась въ тѣсныхъ кругахъ, пріобрѣтя тѣмъ самымъ своеобразную скрытую силу, которая съ блескомъ готовилась поддерживать императора Юліана, которую находилъ нужнымъ тѣснить изъ религиозно-политическихъ побужденій Юстиніанъ, пользуясь лишь однимъ, именно юридическимъ кругомъ ея идей. Послѣдніе проблески древней философіи — послѣднія слова великаго просвѣщенія — оказались въ силахъ повліять уже очень рано и на христіанское мышленіе и побудить Церковь во многихъ отношеніяхъ подчиниться ея традиціямъ и приемамъ²⁾. Это — важный узелъ умственной, идейной филиаціи. Великій выросавшій внутри разлагающейся имперіи „духовный ойкосъ“ христіанства, не стремился однако къ территоріальной обособленности и задавался смѣлою цѣлью

¹⁾ Сж. *H. Brunner*, *Deutsche Rechtsgeschichte*, II, 4.

²⁾ Ср. *G. Boissier*, *La fin du paganisme*, tome I, livres 2 et 3.

побѣдить міръ, чтобы создать новую всеобщую „Священную имперію“, которая осуществляла бы „Градъ Господень“ на землѣ. Христіанская идея вносила въ раздробленное средне-вѣковое человѣчество просвѣтительную проповѣдь объединенія; оно само проникалось все больше сознаниемъ необходимости науки. Оно хранило и древнее право, и древнюю литературу. Оно ставило, правда, знанію новую цѣль—обоснованіе истинъ вѣры; но старые объекты—природа, человѣкъ, общество и его судьбы, вновь увлекали сознание преданныхъ сыновъ Церкви, и вмѣстѣ съ расширеніемъ сношеній развивались точки соприкосновенія съ заглохшею, но не умершею научною, идейною стариною. Выдающіеся умы будутъ предаваться уже рано познанію истины, а впоследствии пойдутъ противъ церковной власти, чтобы осчастливить людей, привлекая къ себѣ многочисленныя группы учениковъ и адептовъ. Представители этого умственного движенія будутъ стремиться сбросить съ общества кору варварства, и не слѣдуетъ думать, что ихъ было очень ужъ мало въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Средніе вѣка—это не темная ночь сознания, погруженнаго въ сонъ, какъ до сихъ поръ любятъ повторять; это—еще облачное утро начинающагося очень дѣятельнаго дня съ уже пробужденными и даже бурными, но еще ищущими путей силами. И онѣ найдутъ выходы гораздо раньше, чѣмъ принято считать. Средніе вѣка имѣли свои возрожденія грамотности, литературы, художественнаго творчества, права, общественныхъ идеаловъ, даже исканія положительнаго знанія задолго до знаменитаго „ренессанса“. Это были вспышки тлѣющаго огня просвѣщенія, которыя накопляли знанія, укрѣпляли сознание, поддерживали ослабленное преданіе, вносили въ него новые элементы, ставили новыя цѣли... Параллельно съ этимъ совершались также нерѣдко бурными и гораздо болѣе замѣтными волнами движенія слѣпыхъ силъ исторіи, коллективные растительные процессы соціального развитія. Какъ первое пробужденіе мысли дикаря выводитъ его изъ первобытнаго состоянія на дорогу труда и образованія¹⁾, такъ и здѣсь

¹⁾ Ср. *K. Bücher*, слово „Der wirtschaftliche Urzustand“ (въ книгѣ „Die Entstehung der Volkswirtschaft“, 2 Aufl. p. 34).

въ трудную фазу „регресса“ тогда рѣшительно возстанется и твердо пойдетъ новый „прогресс“, когда пробудившаяся и вновь окрѣпшая мысль охватитъ сознание группъ и сдѣлаетъ цѣлесообразною, по крайней мѣрѣ, общественную работу ихъ руководителей. Такъ настанетъ для среднихъ вѣковъ фаза выхода изъ „ойкосной“ замкнутости и застоя въ развитіи хозяйства, общественнаго строя, политическихъ формъ и духовной жизни.

Идея, которая, по мнѣнію автора настоящей книги, должна правильно истолковывать социальныя причины разложенія римской имперіи и ея культуры, только намѣчена въ ней въ общихъ чертахъ и освѣщена разработкою лишь нѣкоторыхъ ея моментовъ. Дальше требуется систематически развить и полно обосновать ее ¹⁾. Возможно, что она ошибочна въ частностяхъ. Она выросла, какъ предварительное обобщеніе, опережающее всестороннее, исчерпывающее разысканіе. Но она оказываетъ могущественное вліяніе, какъ орудіе широкаго синтеза при общемъ выясненіи великой проблемы, критически изучаемой по частямъ. Она бросаетъ яркій свѣтъ впередъ, въ стороны и вглубь. Она дѣйствуетъ императивно и убѣдительно. Въ этомъ уже залогъ ея справедливости, и авторъ сообщаетъ ее, основываясь на добросовѣстной научной вѣрѣ, какъ вѣроятное и важное гипотетическое построеніе. Будущія сочиненія, только-что намѣченныя, можно твердо надѣяться, дадутъ идеѣ всестороннее торжество. Но жизнь

¹⁾ Надобно будетъ доказать со всѣми документами въ рукахъ, что крупныя землевладѣльческіе ойкосы покрывали имперію, разбраться подробно въ ихъ внутренней организаціи, чтобы обнаружить въ полномъ видѣ ихъ природу. Далѣе необходимо всесторонне анализировать, какъ отражалась эта система на развитіи государственнаго хозяйства и вообще на отношеніяхъ государства къ обществу и тутъ оцѣнить, обладая уже всѣми фактическими и теоретическими аргументами, какое мѣсто принадлежитъ данному социальному фактору въ исторіи величія и упадка римской имперіи. Затѣмъ весьма полезно и важно было бы прослѣдить за позднѣйшею эволюціею ойкосной системы въ среднихъ вѣкахъ, постоянно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что она давала въ своихъ судьбахъ народному благосостоянію и прогрессу культуры, или что отнимала у нихъ. Таковы дальнѣйшіе планы автора, если обстоятельства позволятъ ему продолжать научную работу.

отдѣльнаго научнаго труженика коротка, условія работы его не всегда благопріятны, и слѣдуетъ признать за нимъ право оповѣщать выводы, которые онъ считаетъ цѣнными, даже въ неполномъ видѣ. Нужно только, чтобы не покидалъ его благородный девизъ, начертанный учениками Фюстель де Куланжа, какъ эпитафія его ученой дѣятельности, девизъ, воплощенный въ словѣ—*quaero!*.. Нужно только, чтобы съ не-слабѣющею силою одушевляла его любовь къ истинѣ и жажда ея отысканія въ избранной области, поддерживая въ немъ скромное убѣжденіе въ личныхъ недостаткахъ, но не допуская его погружаться въ бездѣятельность и сближая его въ дружномъ сотрудничествѣ съ тѣми, кто любитъ и ищетъ того-же, что онъ.

Такими сильными чувствами прощается авторъ съ своимъ слабымъ трудомъ, отдавая его на судъ читателей и критики.— Человѣкъ, посвящающій свою жизнь научной работѣ, долженъ всегда имѣть въ виду, что наука откроетъ ему лишь „приблизительную“ истину; онъ долженъ мириться и съ возможностью того, что предъ познающимъ умомъ человѣка останутся закрыты конечныя проблемы бытія. Но тѣмъ не менѣе упорный безкорыстный трудъ все болѣе будетъ убѣждать его, что „познаніе—первый членъ символа вѣры естественной религіи, ибо оно — первое условіе общенія человѣка съ міромъ, проникновенія въ міръ, которое составляетъ умственную жизнь личности: познавать, значитъ приближаться къ Богу. Невѣжествомъ человѣкъ какъ бы отдѣляется отъ природы, заключается въ самомъ себѣ и вынуждается создавать себѣ фантастическій внѣшній міръ по собственному образцу. Отсюда возникаетъ то странное міровозрѣніе, въ которомъ живутъ дѣти и жилъ человѣкъ первобытныхъ вѣковъ. Мы общаемся съ міромъ лишь познаніемъ и любовью: но безъ науки мы любимъ только призраки. Наука одна даетъ реальную основу, необходимую для жизни. Представляя себѣ индивидуальную душу вслѣдъ за Лейбницемъ, какъ зеркало, въ которомъ отражается вселенная, мы скажемъ, что силою науки она пріобрѣтаетъ способность охватить болѣе или менѣе значительную часть того, что есть, и подойти къ высшей цѣли своего существованія, которое должно выразиться въ гармоніи со

всеобщностью¹⁾.—Въ этомъ смыслѣ и несовершенныя истины, добываемыя честнымъ научнымъ трудомъ, дѣлаютъ человѣка способнѣе къ творческой интуиціи и провидѣнію высшей тайны познанія, и незамѣтный работникъ ободряется мыслью и вѣрою, что онъ участвуетъ въ организуемомъ наукою великомъ дѣлѣ исканія общей правды о мірѣ и о мѣстѣ, которое занимаетъ въ немъ человѣкъ.

¹⁾ Слова Эрвеста Ренана. См. „L'avenir de le Science“, p. 17.

УКАЗАТЕЛИ.

I. Источниковъ (Index locorum) ¹⁾.

	СТР.		СТР.
<i>Aggenus Urbicus</i> (ed. Lachmann).		<i>Apuleius.</i>	
p. 82	327	Metamorph.	
<i>Ammianus Marcellinus.</i>		V. 1	162
XIV. 6	297	IX. 35	167
XXVII. 1	362; 607	<i>Aristoteles.</i>	
<i>Appianus.</i>		Etic. Nicom.	
Bellum civile.		VIII. 1	412
I. 7	326; 328; 329; 331; 339	<i>Asconius.</i>	
— 8	359	Ad Cicer. pro Milone (ed. Orelli).	
— 9	330	p. 34	299
— 10.	327	p. 100 (Pseudo-Asc.)	365
— 103	375	<i>Caesar.</i>	
— 104	169	De bello civ.	
II. 4	365	I. 15. 7	366
IV. 3	67; 170	— 17. 4	366
V. 60.	142	— 34. 2	366
Bellum Hispanum.		<i>Capitolinus.</i>	
84	196	Gordiani tres.	
Bellum Mithridaticum.		18. 2	278
22	530		
195.	253		

¹⁾ Въ настоящемъ указателѣ принять за основаніе одинъ общій алфавитъ авторовъ и анонимныхъ изданій или сборниковъ (напримѣръ, *Digesta*, *Codex Theodosianus*). Цитированныя въ книгѣ надписи перечислены подъ рубрикою *Inscriptiones*; внутри послѣдней указаны спеціальныя эпитафическія коллекціи, изъ которыхъ онѣ извлечены. Различныя сочиненія отдѣльныхъ писателей распределены подъ ихъ именами также по алфавиту и для упрощенія безъ болѣе подробной классификаціи (то-есть, напримѣръ, безъ подраздѣленія сочиненій Цицерона на группы и т. д.).

	CTP.		CTP.
Pertinax.		6. 20	412
cap. 1; 2; 3; 9; 12	230	— 22	412
3; 9	231	21. 79.	412
		Ad Atticum.	
<i>Cassius Dio.</i>		I. 1. 3	282; 283
XXVIII. 7	334	— 2. 2	281; 406
XXXVIII. 1	334	— 4. 3	279; 309
XLI. 11.	366	— 5 (6; 7; 8; 10; 11 etc.)	309
XLIII. 9.	428	— 5. 7	257; 338
XLVIII. 9	304	— 6. 1	305
— 34.	139	— 10. 4.	278; 279
LI. 3.	172	— 11. 1.	400
— 4	172	— — 3	309
LII. 29	436	— 12. 1.	283
LIII. 1	435	— 13. 1.	269, 272; 339; 343
LIV. 29	143; 436	— 15. 2.	339
LXII. 2	557	— 16. 11	584
LXXVII. 9.	538	— — 15	344
fr. 124	253	— — 18	343
		— 17. 2.	413
<i>Cassius Hemina</i> ap. Nonnium (ed. Peter).		— — 5	374; 375; 401; 418
p. 71. fr. 17	329	— — 6	406; 409
		— 18. 6.	307
<i>Cato.</i>		— — 8	268
<i>De re rustica.</i>		— 19. 1.	419
2	346; 588	— — 4	169; 355
3	346	— — 6	163; 307
4	359	— — 9	273; 274
44	359	— 20. 3.	307
136; 137; 145; 146; 148	359; 358	— — 4	273; 274
149; 150	353	— — 7	278
		II. 1. 2	280
<i>Catullus.</i>		— — 3	270
26. 1—3.	91; 159; 206	— — 7	263; 307; 406
29. 3	148	— — 8	263
31. 12.	206	— — 10.	273
44. 1	91; 92; 206	— — 11.	343
68. 25.	206	— — 12.	268; 269; 276
68. 34.	206	— 2	405
114.	148	— 4. 1	279
115.	148	— 6. 1	278
		— — 2	257; 338
<i>Priapea.</i>		— 9. 1	413
84. 19.	182; 183	— 15. 4.	332
85. 20.	182; 183	— — 4	326; 332; 351
		— 16. 1.	333; 334; 335
<i>Cicero.</i>		— — 3	389
<i>De amicitia.</i>		— 17. 3.	405
1. 5.	400		

	CTP.		CTP.
— 18. 1.	339	V. 2. 3	339
— 19. 5.	283	— 4. 1	278
— 20. 1.	283	— 9. 1	345; 351
— — 2.	283; 343	— 10. 5.	271
— 21. 6.	274	— — 6.	267
— 25. 1.	413	— 11. 6.	271; 385
— 26. 82	399	— 13. 2.	264; 269
III. 1.	269; 406	— 19. 3.	386
— 4.	406	— 20. 10.	264
— — 1.	405	— 21.	275
— 5.	405	— 21. 3.	343
— 6.	406	VI. 1.	265; 267; 275
— 7. 1.	344; 407	— — 1.	271
— 8. 3.	345; 407	— — 13.	267; 295
— — 4.	405	— — 15.	265; 267
— 9. 2.	405; 407	— — 16.	267
— 12. 1.	407	— — 17.	397
— — 3.	351	— — 20.	405
— 13. 1.	407	— — 25.	405
— 15. 6.	407	— 2.	275
— 15. 7.	408	— 2. 8.	275
— 20. 1.	293	— — 9.	276
— — 2.	283; 304; 405; 406	— — 10.	264
— — 3.	406	— 3.	275
IV. 1. 4.	292	— 3. 2.	350
— 2. 5.	304	— 4. 3.	417
— 4 b. 1.	278	— 5. 4.	417
— — 2.	277	— 6. 2.	253
— 8. 16.	257	— 15. 16.	267
— 8 a. 1.	310	VII. 1. 2.	387
— — 2.	277	— 2. 3.	284; 345; 351
— 9. 1.	408	— — 4.	402
— 10. 1.	294	— 3. 6.	306
— 11. 2.	280	— 7. 5.	436; 437
— 13. 2.	279	— 8. 1.	408
— 14.	279	— 11.	422
— 15. 1.	345	— — 1.	320
— — 2.	264	— 13 a. 5.	267; 299
— — 2. 3.	339	— 26. 2.	408
— — 7.	268	VIII. 2.	419
— 16.	267	— 6. 3.	284; 402
— 16. 1.	339; 343	— 7. 3.	267; 299
— 4.	268	— 12.	422
— — 9.	345	— — 5.	406
— — 14.	304	— 13. 2.	436
— — 15.	264; 267	— 14. 2.	409
— 17. 1.	269	— 15. 1.	345
— 19. 1.	321	IX. 1. 4.	339

	СТР.		СТР.
— 2. 1	406	XIV. 4. 2	419
— 6. 6	406	— 10. 1.	419
— 7. 3	267; 406	— — 3.	269; 357
— 9. 2	406	— 14. 6.	363
— — 4.	269; 311	— 16. 4.	267; 271
— 10.	406	— 20. 5.	386
— 12. 1.	339; 406	XV. 3. 1.	414
— 18. 1.	406	— 15. 1.	287
— 19. 4.	406	— 17. 1.	292
X. 1. 2	377	— 20.	87
— 4. 9	429	— — 4.	303
— — 12.	267	— 29.	286
— 7. 1	414	XVI. 1. 4	286
— — 3.	267; 299	— — 5.	267; 271; 303
— 8	422	— 2. 6	339; 280
— 8 b.	420	— 3. 1	287
— 11. 2.	408	— 7. 4	385
XI. 2. 4	405	— 16. 5.	286
— 13. 3.	159	— 16 A. 4.	285
— 13. 4.	405	— 16 A. 5.	286
— 14. 3.	159		
— 15. 4.	159	Brutus.	
XII. 6. 3.	280	6. 24	309
— 19.	297	ad Brutum.	
— 32. 2.	308	I. 17. 3	420
— 34. 1.	319	— 17. 4.	420
— 37. 3.	406	In Caecil. div.	
— 38. 1.	306	20. 66.	194
— 40. 1.	278	Pro Caecina.	
— 40. 5.	306	20. 57.	144
— 45. 3.	292	20. 66.	194
— 51. 2.	396; 414	Pro Caelio.	
XIII. 12. 2.	280	7. 17	304
— 13. 1.	280	In Catilinam.	
— 21. 5.	279	II. 9. 20.	224
— 25. 3.	345	IV. 7. 15	264
— 29. 2.	309	Pro Cluentio.	
— 30. 31	389	55. 151	376
— 31. 4.	284	De divinatione.	
— 33. 4.	403	I. 5. 8	309
— 37. 1.	267; 271	II. 3. 8	308
— 40. 1.	306	Ad familiares.	
— 42. 1.	408	V. 5	269
— 44.	279	— 6. 2	304
— 44. 3.	280	VII. 5. 3.	195
— — 4.	280	— 6	196
— 45. 1.	292	— 7	196
— 49. 1.	306	— 8	196

	CTP.		CTP.
— 10.	196	— — 21.	333
— 12.	196	II. 14.	116
— 13.	196	— — 36.	116
— 14.	196	— 15.	327
— 17. 2.	195	— 18. 48	333
— 20.	195	— 21. 56--57	327; 351; 376
— 23.	308	— 21. 57	330
— — 3	309	— 26. 68	337
VIII. 15. 1.	345	— — 69.	336
IX. 9. 1; 3	429	— — 70.	336
— 15. 4.	286	— 28. 76	334
XIII. 1	385	— — 76; 78	333
— — 2	381	— — 78	224
— — 5	374; 385; 413	— — —	225
— 2	385	— 29. 81	335
— 3	386	— — 81; 82	333
XV. 20	87	— 31. 84	335
De finibus.		III. 2. 7.	335
I. 4. 11	380	— — 8	336
— 5. 14.	381	— 3	327
— — 16.	385	— — 11.	337
— 7. 25.	381	— — 12.	225; 334; 336; 337
— — 26.	380	— 4. 14.	336
— 11. 37	379	— — 15.	116
— 16. 50	379	De legibus.	
— 18. 57	378	I. 1. 3.	256; 292
— 19. 62	379	— 7. 21.	386; 389
— — 63.	380	— 20. 53	385
— 20. 65	400	— 21. 54	385; 386; 389
— — 68.	399	II. 1. 2	307
— — 67; 69	398	— 3. 7	344
II. 3. 9	380	III. 1. 1.	385
— 21. 69	383	— 6. 14	389
— 25. 81	404	— 13. 30	426
— 26. 82	399	— 17. 37	396; 419
— — 83.	302	Pro Murena.	
— 33. 107	426	34. 70.	195
III. 2. 7.	426	34. 71.	194
V. 1. 3	385; 386	De natura deorum.	
— 2. 4	378	I. 26. 72.	380
Pro Fonteio.		De officiis.	
5. 11; 12.	362; 550	I. 7. 20	405
5. 12	363	— 11. 35	365
20. 46.	363; 530	— 14. 43	405
De lege agraria.		— 20. 68	405
I. 1. 3	116	— — 69	424
— 2. 4	333	— 21.	375
— 7. 20.	333	— 21. 70	418

	CTP.		CTP.
— 25. 89	261	II. 9. 16.	129
— 26.	375; 392	III. 28. 40	260
— 26. 92	392; 418; 424	Pro Roscio Amerino.	
— 39. 140	426	2. 6	430
— 42.	590	6. 15	430
II. 21.	525	7. 18	430
— 22. 79	327; 330	— 19.	198
— 23. 83	327; 330	— 20.	430
— 25. 88	302	15. 43.	430
— 25. 89	262; 355	— 44.	431
III. 18. 73	336	16. 47—48	431
— 19. 75	336	17. 48.	431
De oratore.		— 49.	430; 431
I. 58. 249	144	18. 50.	431
II. 70. 284	324	35. 99.	430
— 22. 85	116	37. 105—107.	195
III. 15. 56	424	43. 126	430
Paradoxa.		49. 141.	376
V. 1. 34	390	Pro Roscio Com.	
VI. 2. 46.	526	12. 33.	78
In Pisonem.		De senectute.	
11. 25.	365; 366	1. 1.	387; 401
16. 37.	383	14.	262
28. 68.	383	14. 46.	87
35. 86.	159	15.	262
40. 98.	271	16. 55—56	260; 262
Pro Plancio.		17.	262
2. 5	412	17. 59.	103
2. 23	258	Pro Sestio.	
De imperio Cn. Pompei.		4. 9	365
6. 16	116	10. 23.	381
12. 34.	135	12. 27.	264
Pro Quintio.		Pro Sulla.	
3. 12	116; 363	21. 60.	365
6. 28	116	25. 71.	165
Ad Quintum fratrem.		Topica.	
I. 2. 6	283	2. 10.	129
— 3. 8	405	3. 12.	117
II. 2. 1	405	Tusculanae.	
— 3. 7	284	I. 7. 13	309
— 6. 5	277	II. 3	309
III. 1. 1.	308	III. 3.	309
— 1. 2	159	II. In Verrem.	
Pro Rabirio.		II. 2. 5	135
2. 4	525	— 3. 7	232; 259; 340; 520
De re publica.		— 19. 47	525
I. 2. 3	418; 429	III. 51. 120	232
— 22. 35	378	— 79. 183	77

	СТР.		СТР.
V. 48. 127	271	— 1270; 391
De vita beata.		— 2270; 390
3. 4	386	— 3252
		4256; 263
<i>Codex Iustinianus</i>		— 1375; 378
II. 58. 2. § 5	122	— 2256
V. 27. 3. § 1	122	— 3255; 391; 407
VIII. 9	327	— 4406; 407
IX. 49. 7. § 1	358	— 5271; 281; 391
		5. 1282; 283
<i>Codex Theodosianus.</i>		— 2283
VII. 7. 2.	116	— 4408; 413
X. 3. 2	116	6. 1396
		— 2394; 395; 419
<i>Columella.</i>		— 3256; 263
De re rustica.		— 4395
I. pr. 3	355	— 5395; 396
— 18.	499	7. 1405; 414
— 3. 2	136	— 3395; 414
— 6. 1	107	8263
— 6	144	— 3264; 415
— 7176; 354	— 6405; 407; 415
— 7. 6	355	9415
— 8. 1	110	— 1414
— 8112; 449	— 2407
— pr. 13	178	— 5204; 405
— 14. 21	110	— 7418
II. 6. 3	319	10416
— 12. 7.112; 113	— 2428
III. pr. 1	112	— 5417
— 3. 3213; 318	— 6420
— 3. 8	130	11397; 401
— 3. 9130; 213	— 1397; 407
— 3. 12.	319	— 3405; 406
VI. pr. 4262; 322	— 4405; 409
		— 6390
<i>Cornelius Nepos.</i>		12. 1402; 412; 417
Atticus.		— 2405; 417
1	283	— 3407; 428
— 1	251	— 4429
— 2	252	13293
— 3375; 400	— 1256; 291; 394
2. 1252; 374	— 2283; 292; 293; 294
— 2252; 374; 375	— 3278; 297
— 3252; 254	— 4294; 297
— 4253; 254; 391	— 5294
— 6	253	— 6291; 293; 295; 401
3	390	14. 1298; 308

	СТР.		СТР.
— 2	252	XXXI. 18	304
— 3	257; 268; 289; 294; 306; 317; 339; 346	XXXII. 1. 67	116
15	401	XXXIII. 7. 9	116
— 1	400	XL. 7. 14	576
— 3	276; 407; 419	XLI. 2. 3	116
16. 1	397; 400	XLIII. 20. 1. 3	116
— 2	413	XLIII. 26	327
— 4	422	XLV. 15. 7	273
17	401; 402	L. 1. 30	122
— 3	389	— 16. 30. 5	346
18. 3—4	408	— — 115	328; 339; 346
— 5	343	— — 183	302
19	418	— — 211	346
— 1	420	— — 220	112
— 2	394		
— 4	434	<i>Diodorus.</i>	
20	420	XXXI. 18	304
— 5	412	XXXIV. fr. 2. 3	362
21. 1	284; 435		
22. 4	310	<i>Diogenes Laertius.</i>	
Cato.		X. 6	380
1	260	— 23	400
3	262	— 120	398; 399
3. 1	363	— 128	379
3. 5	262	— 131	379
Hannibal.		— 136	379; 380
13	292	— 139	379
		— 140	378
		— 143	386
		— 144	379
		— 148	398
		— 198	380
<i>Digesta.</i>		XII. 120	412
I. 5. 17	538		
— 15. 4	298	<i>Dionysius Halic.</i>	
V. 3. 27. 1	300	II. 11	365
VII. 1. 13. 4	162	— 58	251
— 1. 32	116	III. 63	87
— 4. 8	346	V. 37	91
— 8. 16	298	VII. 58	499
VIII. 5. 20. 1	117		
XIII. 6. 5. 7	576	<i>Donatus.</i>	
XIX. 2. 7	302; 303	Vita Verg.	
— — 9. 1	120	1. 1	207
— — 13. 11	120	6. 24	208
— — 24. 2	120	10. 36	170; 208
— — 19	116	12. 43	76
— — 25. 6	356	14. 54	208
— — 30	302; 303	15. 56	209
XXII. 2	261	22. 96	208
XXX. 73	122		

	CTP.		CTP.
<i>Festus</i> (ed. Müller).		229.	302
p. 40	117	421.	557
181.	326	<i>Carmina.</i>	
233.	327; 328; 339	I. 1. 2	198
241.	328; 339	— 9	141
p. 281. 21	260	— 11.	179
302.	116; 346	— 15.	557
368.	165	— 4. 13.	302
371.	122	— 7. 10.	90; 91
373.	112	— 11. 7.	200
<i>Florus.</i>		— 17. 1.	81; 113
II. 9. 27.	225	— 5	114
III. 13	327	— 11.	79; 83; 98
— 19.	232	— 14.	96; 106
— 21. 25	376	— 17.	100
— 31. 27	375	— 18. 1.	90; 107
<i>Frontinus</i> (ed. Lachmann).		— 2	91
p. 15. 4	117	— 20. 1.	81; 108
21. 1.	116	— 5	129
46. 3	348	— 9	108
48. 24.	117	— 22. 9.	81; 86; 115
50	327	— 29.	143
53. 3	142; 171; 327; 348	— 31. 3.	134
54. 21.	117	— 9	135
56. 19.	339	— 35. 6.	176; 177
<i>Fronto.</i>		— 38. 1.	104
<i>Epistolae ad Marcum Imperatorem</i> (ed. Naber).		— 6	109
I. 6. 47	198	II. 1	71
II. 10.	365	— 3. 17.	157
<i>Gaius.</i>		— 6. 5	90; 91; 93
<i>Institutiones.</i>		— 7	70
II. 7	340	— 7. 9	67
<i>Gellius Aulus.</i>		— 19.	103
<i>Noctes Atticae.</i>		— 10. 5.	200
II. 9. 2	379	— 13. 4.	123
— 12. 2.	378	— 14. 12	176; 177
VI. 20. 1	208	— 15.	104
XV. 1. 3.	302	— 1	160
XVIII. 4. 1	299	— 10—20	181
<i>Horatius.</i>		— 13.	246
<i>Ars poëtica.</i>		— 14.	161
117.	557	— 16. 13	200
		— 33.	143
		— 37—40	88; 94; 143
		— 17. 3.	198
		— 8—9.	68
		— 18. 1—5.	102; 164
		— 18. 8.	366

	СТР.		СТР.
— — 10.	200	— — 14.	102
— — 12.	76	— — 23.	115
— — 14.	81; 88	— 30. 11.	.66
— — 17.	161	IV. 2. 27.	.93
— — 22.	162	— — 30.	.91
— 20. 5.	.67	— 3. 10.	91; 93
III. 1. 9.	140	— 5. 17.	191
— — 13.	196	— 7. 17.	200
— — 25.	200	— 9. 2.	.66
— — 33.	161	— 11. 2.	103
— — 41.	161	— — 6.	102
— — 45.	.95	— — 9.	112
— — 47.	81; 88; 93	— 12. 27.	201
— 4. 21.	100	— 14. 25.	.66
— — 23.	.91	— 15. 4.	191
— 5. 53.	194	Epistolae.	
— 6. 37.	87; 181	I. 1. 4.	180
— 8. 1.	113	— — 13.	382
— — 27.	200	— — 103.	198
— 10. 5.	162	— 2. 22.	399
— 13.	106	— 4. 1.	205
— 14. 12.	176	— — 16.	200; 383
— 16. 18.	.95	— 5. 1.	201
— — 25.	66; 135	— 6. 1.	200; 382
— — 26.	176	— — 21.	156
— — 29.	76; 77; 106; 114	— — 32.	557
— — 30.	111	— 7.	68; 76
— — 31 - 33.	110; 136	— 7. 4.	201
— — 37.	76; 77	— — 15.	95; 129
— — 38.	76; 202	— — 37.	198
— — 39-40.	129	— — 44.	.93
— — 41.	136	— — 45.	90; 91
— — 42.	156	— — 80-89.	180
— 18. 2.	120	— — 84.	109
— — 3; 4; 5.	113	— 8. 3.	109
— — 7.	110	— — 6.	115
— — 9.	120; 179	— — 12.	.93
— — 11.	113	— 10. 8.	101
— — 12.	113; 123	— — 22.	162
— — 13.	.86	— — 49.	81; 84
— 23. 1.	112	— 12.	143
— 24. 1.	141	— — 1.	144; 436
— 24. 35.	557	— — 3.	145
— 29. 1.	104	— — 22.	143
— — 5.	104	— 14.	111
— — 6.	.91	— — 1.	95; 114
— — 10.	160	— — 2.	119
— — 13.	201	— — 3.	81; 123

	CTP.		CTP.
-- 4	110	-- 41.87
-- 17.	109	4.	143
-- 21.	110	-- 13.	137
-- 22.	108	5. 58	300
-- 26.	114	Satirae.	
-- 27.	113	I. 1. 6	557
-- 29.	113	-- 11.	177
-- 30.	113	-- 41.	157
-- 32.	202	-- 49.	157
-- 35.	201	-- 92.	157
-- 36.	202	-- 106	200
-- 39.	179; 201	-- 2. 12	158
-- 15. 1788	-- 55.	140
-- 47.88	-- 4. 29	557
-- 16. 1	105; 109; 111	-- 71.	299
-- 2	111	-- 107	105
-- 3	113; 160	-- 5	89; 198
-- 597	-- 50.	142
-- 8	115	-- 6. 666
-- 9	106; 114	-- 45.66
-- 10.	113	-- 46.95
-- 11.	106	-- 47.	198
-- 12.	82; 83; 106	-- 48.67
-- 15.	100; 106	-- 53.	198
-- 71.	557	-- 54—6268
-- 18. 1291	-- 62.	197
-- 104	81; 106	-- 71.66
-- 105	81; 82; 123	-- 76.78
-- 107	126	-- 86.67
-- 109	111	-- 91.66
-- 20. 1	108	-- 90.	200
-- 20.	66; 67	-- 100	219
II. 1. 25.87	-- 102	201
-- 104	194	-- 10489
-- 2. 49.	67; 172	-- 106	200
-- 50.67	-- 110—131	200
-- 51.	68; 77	-- 11488
-- 160	142; 177; 321	-- 115—116	88; 102
-- 164	143	-- 128—131	219
-- 167	140	II. 1. 34.66
-- 177	140; 157	-- 35.	176
Epodi.		-- 2	173
1. 24	113	-- 1	200
-- 25.	141	-- 112	174
-- 27.	113; 135	-- 114	173
-- 31.	76; 96	-- 115	176; 356
2. 1	178; 201	-- 116	174
-- 11.	100	-- 117—125	174

	CTP.		CTP.
— — 126	174	196. 18	117
— — 127	174	197. 10	348
— — 129	203	198. 2	117
— — 131	177	201. 12	117
— — 133	173	201. 15	117
— — 134	203	202. 1.	117
— — 135	174	202. 4.	118
— 3. 10. 94		
— — 11.	201		
— — 24.	159	<i>Inscriptiones.</i>	
— — 111	140	1) Brambach, Inscriptiones Rhenanae	
— — 122	140; 180	1138	124
— — 126	140	1676	124
— — 307—308	101	2) Bruns, Fontes (ed. 5).	
— 5. 12.	106	p. 241.	124
— 6. 1	88; 95; 101; 115	3) Corpus Inscriptionum Latinarum.	
— — 2	82; 83; 103	I. 198.	195; 332
— — 3	114	— 200	118; 332
— — 4	203	III. 656	122
— — 8	157; 219	IV. 138	299
— — 10.	179	— 3626	123; 124
— — 14.	113	— 3776	124
— — 16.	100	— 3777	124
— — 18.	201	V. 5050	118
— — 29.	198	— 5716	124
— — 36. 77	— 5878	122; 123
— — 40. 68	— 7261	122; 123
— — 41.	197	— 7450	122
— — 42.	198	VI. 934 84
— — 48.	95; 198	— 1492	292
— — 55.	172	— 3974	298
— — 60.	201	— 4347	298
— — 62.	201	— 6294—95	299
— — 63.	105	— 6296—99	296
— — 64.	114	— 7289	299
— — 65.	87; 108; 179; 201	— 9108	299
— — 66.	112	— 13696	310
— — 76.	76; 87	VII. 7148	428
— 7. 53.	128	VIII. 1282	366
— — 117—118	81; 111	— 4199	123
Scholia ad Horatium.		— 10570	119; 171
Carm. II. 15. 5	162	— 11824	359
<i>Hyginus</i> (ed. Lachmann).		IX. 1455	117; 221
114. 6.	325	— 2438	135
115. 4.	326	— 3578	124
— 6	327; 339	— 5804	124
116. 23	117	X. 1815	365
		— 5382	209; 210
		XI. 1147	117; 221

	CTP.		CTP.
— 3932	220	— 59	194
XII. 2461	122; 123	10. 16	149
XIV. 3472	92	— 225	145
— 3482	82	11. 38	148
— 3485	84	— 64	210
— 3670—71	143	— 79—182	210
4) Mommsen, <i>Inscriptiones Helveticæ</i> .		— 151	210
141.	122; 123	— 171	210
245.	122	— 177—182	210
249.	122; 124	12. 10.	210
5) Orelli-Henzen.		— 48.	148
1626	124	14. 125	156
2097	124	— 138	166
6290	299	— 150	167
6) <i>Res gestæ divi Aug.</i> (ed. Mommsen).		— 153	156
III. 22	172	— 156	149
		— 161	182
		— 173	148
		— 275	149
		— 288	210
		— 323	130
		<i>Vitæ Iuvenalis.</i>	
		I.	209
		II	209
		<i>Scholia ad Iuvenalis satiras.</i>	
		V. 3	76
		<i>Liber coloniarum</i> (ed. Lachm).	
		p. 261. 21	118
		<i>Liber pontificalis.</i>	
		I. 183.	82
		<i>T. Livius.</i>	
		I. 18. 30	87
		II. 61.	328
		III. 13	300
		— 26. 8.	178
		IV. 48.	329
		— 51.	328; 329
		VI. 5	329
		— 39.	328
		X. 47.	324
		XXI. 63.	258
		XXVIII. 46.	327
		XXXIV. 3.	257
		XXXIV. 7.	412
		XXXIX. 29	323
		— 40.	390

	CTP.		CTP.
XLII. 1	329	— 58.	151; 152
— 19.	327	— 58. 3.	159
Epit.		— 58. 33	178
LXXXIX	255	— 95. 5.	211
<i>Lucretius.</i>			
De rerum natura.			
I. 24	384	IV. 13. 8	153
— 141	384	— 27. 3.	211
II. 1	388	— 37. 4.	150; 302
— 14.	379	— 37. 5.	153
— 28.	162	— 64. 31—34.	151
III. 993	387	— 66.	112
V. 9	384	— 66. 1.	301
<i>Macrobius.</i>			
Satirae.			
I. 16. 34.	499	— 66. 5.	154
<i>Martialis.</i>			
Epigrammaton libri.			
I. 2. 7	299	— 69. 1.	151
— 3	299	V. 10.	217
— 12.	154	— 13. 1.	212
— 53. 3.	214	— 13. 2.	211
— 55. 3.	213	— 13. 6.	146
— — 7	213	— 13. 7—8.	153
— 82.	154	— 17. 2.	211
— 85. 1.	151	— 22.	212
— 104	130	— 34.	215
— 105	213; 215	— 35. 1.	153
— 107	217	— 37.	215
— 108	212	VI. 16. 1	183
— 117. 7	212	— 66. 1.	300
— — 9	299	— 73. 9.	182
II. 1. 21.	120	— 73.	183
— 11. 9.	176	— 73. 3.	183
— 32. 3.	166	— 73. 9.	182
— 38.	212	VII. 31.	215
— 43. 4.	153	— 31. 9.	154; 176
— 46. 5.	153	— 36.	213
— 53. 8.	302	— 36. 6.	214
— 90.	213	— 49.	215
— 91.	211	— 54. 3.	214
— 92.	211	— 54. 5.	215
III. 1	151	— 91. 1. 3.	214
— 10.	152	— 93.	213
— 12.	152	VIII. 40. 1	182
— 22.	152	— 56.	170
— 31. 1.	150	— 61. 6.	215
		— 61. 7.	212
		— 68. 2.	296
		IX. 9. 5.	211
		— 18.	214
		— 18. 2.	212

	CTP.		CTP.
— 22. 4	153	— 119	211; 213; 214
— 49. 4	211	XIV. 125	217
— 97. 5	211	— 155	153
— — 9	212	Spect.	
— 98.	213	2. 7.	301
— 100	217		
X. 14. 5.	153	<i>Notitia dignitatum.</i>	
— 36.	153	(Occid. ed. Böcking).	
— 44.	79; 213	p 53	135
— 47.	213		
— 48.	215	<i>Novellae Iustiniani.</i>	
— 48. 7; 19	214	78 (117), 5.	538
— 58. 10	212		
— 74.	217	<i>Orosius.</i>	
— 74. 7.	155	V. 21.	375; 376
— 74. 11	151		
— 79.	155	<i>Ovidius.</i>	
— 94. 3.	214	Amores.	
XI. 3. 5.	281	II. 16. 37	79
— 18. 1.	215	III. 15. 5	251
— 18. 26	215	Fasti.	
— 48.	208	I. 54	499
— 49.	208	V. 283—290	116; 324
— 49. 1.	182	VI. 307	84
— 61. 3.	300	— 641	295
— 78. 1.	300	Metamorph.	
XII. 18	210; 217	X. 95.	160
— 18. 1.	217	— 100	160
— 18. 26	217	— 595	162
— 21.	216	Ex Ponto.	
— 25. 1.	158	IV. 8 17	251
— 26.	196		
— 26. 1.	195	<i>Palladius.</i>	
— 26. 2.	211	De re rust.	
— 31. 1.	217	I. 6	589
— 31. 7.	216		
— 31. 8.	154	<i>Paulus.</i>	
— 57.	217	Sentent.	
— 57. 1.	214	IV. 6. 2.	122
— 57. 4.	212		
— 57. 18	296	<i>Persius.</i>	
— 62.	62	IV. 26	149
— 66.	304	V. 32.	300
— 68.	217		
— 72. 1.	182	<i>Petr onius.</i>	
XIII. 8	319	Satiricon.	
— 15.	214	30.	144
— 42.	211; 214	30; 37; 39; 48; 53; 71; 74; 75; 76;	
		77 etc.	589
		53.	293
		17.	356

	СТР.		СТР.
<i>Plato.</i>		XXXIV. 3.	428
De re publica.		XXXV. 5	386
I. p. 347	424	XXXVI. 103	304
IV. p. 430	387	<i>Plutarchus.</i>	
<i>Plautus.</i>		Cato.	
Menæchm.		1	260
IV. 2 571	194	2	260
Trinumm.		3	260
II. 2 363	390	4	260
<i>Plinius.</i>		20	261
Epistolæ.		21	261
I. 3	160	25. 1	260
— 24	125	25	262
II. 20	154	Cato minor.	
III. 7. 8	208	33	334
— 19	156	Cicero.	
— — 8	557	49.	422
IV. 1	366	Crassus.	
— 6	79	2.	297; 302; 575
VII. 25	78	2. 6	336
IX. 11	281	De latenter vivendo.	
— 37	119; 120; 356	4.	386
<i>Plinius.</i>		Lucullus.	
Historia naturalis.		39.	426
II. 175	166	40.	426
III. 54	92	41.	426
— 74	116	43.	426
— 109	84	Marius.	
IV. 53	351	3.	358
XIV. 44.	262	Numa.	
— 48	220	21.	251
— 49—52	213	N. p. suav. v.	
— 50	229	3. 10	379
— 50—51	318	Sulla.	
— 51	230	1.	304
XV. 51	345	13.	253
XVII. 2	296	31.	376; 425
XVIII. 11	116; 129	Tib. Gracchus.	
— 32	78; 426	8.	172; 319; 331
— 35	142; 596	<i>Pollio.</i>	
— 36	355	ad. Cic. Fam.	
— 40	588	X. 33.	78
— 66	319	<i>Polybius.</i>	
— 87	319	Hist.	
XIX. 25	162	VI. 17.	524; 525
— 50	78; 296		

	CTP.		CTP.
<i>Propertius.</i>		<i>De brevitae vitae.</i>	
III. 12. 7.	182	14. 2.	386
— 30. 47.	87	<i>De clementia.</i>	
— 32. 55.	172; 206	I. 6. 2.	302
IV. 1. 49.	206	<i>Cons. ad Helv.</i>	
— 4. 5.	206	6. 3.	302
— 23. 24.	206	11. 3.	297
V. 1. 127—130	172; 206	<i>Controversiae.</i>	
— 7. 81.	91	V. 5.	161; 162; 364
— 8. 1.	206	<i>Epistolae.</i>	
<i>Quintilianus.</i>		2. 6.	557
<i>Instit. orat.</i>		9. 8.	399
II. 17. 15	380	14. 18.	144
<i>Declam.</i>		21. 4.	417
XIII. 4.	184	21. 10.	381
<i>Sallustius.</i>		27. 5.	146
<i>Catilina.</i>		41. 7.	557
4.	427	66. 45.	390
— 1.	363; 426; 428	76. 15.	557
— 2.	427	79. 15.	386
12.	161; 295	85. 18.	379
13.	160	87. 7.	362
16.	224	89. 20.	137; 362; 364
20.	160	90. 39.	168
20. 4.	412	90. 43.	161; 295
— 11.	300	92. 3.	386
26.	196	104.	213
28.	169; 224	110.	213
33.	177	114. 9.	161; 295
51. 34.	376	<i>De ira.</i>	
59. 3.	366	III. 6. 4.	302
<i>Hist. fragm. Orat. Lep.</i>		<i>Nat. Quaest.</i>	
21.	376	III. 7. 1.	213; 319
<i>Iugurta.</i>		<i>De otio.</i>	
3. 1.	426	3. 30.	386
— 3.	427	<i>De tranquill.</i>	
31. 14.	412	9. 4.	278
41.	165	<i>De vita beata.</i>	
— 8.	329	3. 4.	386
<i>Invect. Sall. adscripta.</i>		<i>Servius.</i>	
2.	304	<i>In Aen.</i>	
<i>Seneca.</i>		VI. 609	165
<i>De beneficiis.</i>		<i>Ad Eclog.</i>	
IV. 2. 1.	386	IX. 7.	170
— 4. 1.	386	<i>Sextus Empiricus.</i>	
— 33. 4.	196	<i>Adv. math</i>	
— 34. 2.	195	I. 3. 4.	380

	стр.		стр.
<i>Siculus Flaccus</i> (ed. Lachmann).		<i>Vespasianus.</i>	
p. 115. 8	117	1	179; 359
137. 1.	325		<i>Tacitus.</i>
— 2	116	<i>Agricola.</i>	
— 19.	327; 339	43	436
157. 9.	117	<i>Annales.</i>	
		I. 2	432; 436
<i>Statius.</i>		— 7	432
<i>Silvae.</i>		II. 43.	251; 436
I. 2. 144.	296	— 48.	436
— 3	91	III. 9.	298
III. 3. 95	135	— 53.	160
IV. 4. 51	208	IV. 14	520
		— 20.	421
<i>Strabo.</i>		XIII. 42.	230; 557
V. p. 238	91	XIV. 22.	92
— 239	225	— 32.	557
VI. 561	116	— 43.	297
VII. 324.	257; 344; 351	— 53.	557
		XVI. 18—19	384
<i>Suetonius.</i>		<i>Dialog. de orat.</i>	
<i>Augustus.</i>		3	365
17	365	13	208
35	139	<i>Historia.</i>	
63	435	I. 86	302
66	436	III. 70	298
73	589	IV. 42	154
82	162		<i>Terentius.</i>
94	437	<i>Eunuch.</i>	
<i>Caesar.</i>		V. 2. 47.	194
20	334	— 8. 9	194
26	304		<i>Tibullus.</i>
46	162	I. 1. 5	205
77	429	— — 7	206
84	532	— — 9	205
<i>De illustr. grammatic.</i>		— — 13.	205
16	251; 345; 417	— — 15.	206
21	198	— — 17.	206
23	213; 229	— — 19	172; 205
<i>Horatius</i> (ed. Roth).		— — 21.	205
pag.		— — 22.	205; 206
296.	66	— — 29.	206
297.	67; 68; 71; 77; 199	— — 31.	206
298.	88; 192; 228	— — 33.	205
<i>Nero.</i>		— — 35.	206
38	298	— — 37.	205
<i>Tiberius.</i>		— — 41.	172; 204
6	365	— — 43.	205
7	417; 434; 436		
15	436		

	стр.		стр.
— — 49.	205	— 2. 2	284
— — 77.	205	— 2. 9	322; 324
— 9. 33.	146	— 5. 10.	345
— 10. 25	206	— 10. 11	345
II. 1. 21.	182	— 17. 2.	357
— 3. 41.	161	III. 2.	130; 213
— — 42.	147	— 4. 4	426
— — 43.	147		
III. 3. 1.	147	<i>Velleius Paterculus.</i>	
— — 11.	147	II. 10. 1.	304
— — 15.	162	— 14.	304
— — 21.	147	— 18.	530
— — 29.	206	— 22. 5.	376
IV. 1. 183	205	— 28.	255
— — 188	205	— 28. 4.	376
— 8	206	— 29. 1.	366
Priapea.		— 44.	334
81. 1.	182	— 89. 4.	191
		<i>Vergilius.</i>	
<i>Ulpianus.</i>		Aen.	
Regul.		VIII. 635	87
XIX. 5	508	Eclog.	
<i>Valerius Maximus.</i>		1. 3	171
IV. 3. 6.	365; 366	— 4	207
— 4. 7	178; 296	— 6	207
VI. 9. 7.	525	— 9	207
VII. 6. 1	135	— 64.	171
— 8. 5	283	2. 13	85
IX. 2. 1.	376	9. 1	170
— — 3.	530	— 28.	170
— 4. 1	336	Georg.	
<i>Varro.</i>		I. 59	345
Lingua latina.		— 506	183
V. 36	116; 246	II. 458	178
— 40.	346	— 495	436
De re rustica.		— 500	437
I. 2. 10	426	— 532	87
— 7	262	III. 219	116
— 16. 3.	589	IV. 125	181
— 17. 2.	352; 353; 359	<i>Vitruvius.</i>	
— 17. 5.	358	De architectura (ed. Rose).	
— 22. 1.	588	I. 10	303
— 35.	162	VI. 8. 2.	163
— 47.	141	<i>Vopiscus.</i>	
II. pr. 1.	499; 501	Saturnin.	
— 1. 16.	116; 323; 325	8	565
— 2. 1	322; 345		

II. Пособія.

- Accarias (C.)*—Précis de droit romain (4-me éd. 2 vol. Paris, 1886—91).
- Albert (M.)*—De villis Tiburtinis principe Augusto (Parisiis, 1883).
- Allard (P.)*—Les esclaves chrétiens (Paris, 1876).
- Ampère (J. J.)*—L'empire romain à Rome (2 vol. Paris, 1867).
- d'Arbois de Jubainville (H.)*—Recherches sur l'origine de la propriété et des noms de lieux habités en France (Paris, 1890).
- Barth (P.)*—Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer (Leipzig, 1890).
- Die Philosophie der Geschichte als Sociologie (I-er Band. Leipzig, 1897).
- Baudi di Vesme (C.) e Fossati (Sp.)*—Le vicende della proprietà in Italia dalla caduta dell'impero Romano fino allo stabilimento dei feudi (Torino, 1836).
- Bauer (St.)*—Рецензія на кн. *K. Bücher*, Die Entstehung der Volkswirtschaft („Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, 1896, IV, p. 146).
- Beaudouin (E.)*—Les grands domaines dans l'empire romain d'après des travaux récents („Nouvelle revue historique de droit français et étranger“, 1897—98).
- La limitation des fonds de terre à Rome dans ses rapports avec le droit de propriété (Paris, 1894).
- Becker (W. A.) und Göll (H.)*—Gallus (2 Aufl. 3 Bände, Berlin, 1890).
- Beloch (J.)*—Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt (Leipzig, 1886).
- Die Bevölkerungsgeschichte des Altertums („Jahrbücher für National-oekonomie und Statistik“, 1897, 68 Band).
- Campanien. Topographie, Geschichte und Leben der Umgebung Neapels im Altertum (Berlin, 1879).
- Griechische Geschichte (Strassburg, 1893. Русский переводъ *Гершензона*, 2 тома. Москва, 1897—98).
- Die Grossindustrie im Altertum („Zeitschrift für Socialwissenschaft“, II, 1899).
- Belot (E.)*—Histoire des chevaliers romains (2 v. Paris, 1867—73).
- La révolution économique et monétaire à Rome au milieu du III s. avant l'ère chrétienne (Paris, 1885).
- Benoist (E.)*—Les oeuvres de Virgile. Introduction (Paris, 1884).
- Bernheim (E.)*—Lehrbuch der historischen Methode (2 Aufl. Leipzig, 1894).
- Berti (T.)*—La villa di Orazio (Roma, 1886).
- Riondo (Flavio)*—Italia illustrata (Venezia, 1543).
- Благовъщенскій (H. M.)*—Гораціи и его время (изд. 2. Варшава, 1878).
- Bleu (A.)*—La propriété dans les provinces romaines (Paris, 1894).
- Bloch (G.)*—Les origines du sénat romain (Paris, 1883).
- Blumenstock (A. H.)*—Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums (I-er Band, Innsbruck, 1894).

Blümner (H.)—Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Altertums (Leipzig, 1869).

— Technologie und Terminologie der Gewerbe bei Griechen und Römern (4 Bände. Leipzig, 1874—87).

Boissier (G.)—L'Afrique romaine (Paris, 1895).

— Atticus; éditeur de Cicéron („Revue archéologique“, Nouvelle série, t. VII, 1868).

— Cicéron et ses amis (6 éd. Paris, 1882).

— La fin du paganisme (2 vol. Paris, 1891).

— Nouvelles promenades archéologiques (2 éd. Paris, 1890).

— Promenades archéologiques (3 éd. Paris, 1887).

— L'opposition sous les Césars (3 éd. 1892).

— La religion romaine (2 vol. Paris, 1874).

Bouché-Leclercq (A.)—Manuel des institutions politiques des Romains (Paris, 1886).

Bremer (F. P.)—Zur Geschichte des Handelsrechts und der Handelspolitik im Anfang der römischen Kaiserzeit (въ изд. „Festgabe zum Doctor-Jubiläum des D-r H. Thöl“, Strassburg, 1879)

Brinz (A.)—Die rechtliche Natur des römischen Fiscus („Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu München. Philosophisch-philolog. Cl. 1886).

Breysig (K.)—Die sociale Entwicklung der führenden Völker Europas in der neueren und neuesten Zeit (*Schmollers* Jahrbuch, 1897—1898).

Brunn (P.)—Die colonia partiaria (Berlin, 1897).

Brunner (H.)—Deutsche Rechtsgeschichte (2 Bände, Leipzig, 1887—92).

Bücher (K.)—Arbeit und Rythmus (1896).

— Die Aufstände der unfreien Arbeiter in Rom (Frankfurt, 1874).

— Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert (1-er Band, Tübingen, 1883).

— Die Diokletianische Taxordnung („Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“, 1894).

— Die Entstehung der Volkswirtschaft (I Aufl. Tübingen, 1893; 2 Aufl. 1898).

— Die Frauenfrage im Mittelalter (Tübingen, 1882).

— „Gewerbe“ (статья въ изданіи *Conrad, Loening, Elster und Lexis* Handwörterbuch der Staatswissenschaften).

Büchschütz (B.)—Die Hauptstätten des Gewerbfleisses im classischen Altertum (Leipzig, 1869).

— l'emerungen über die römische Volkswirtschaft der Königszeit (Berlin, 1886).

Burn (Rob.)—Rome and Campagna (London, 1871).

Cagnat (R.) et Fernique—L'inscription de Souk-el Khmis („Revue archéologique“, 1881).

Camponon—Recherches sur la villa d'Horace (Oeuvres d'Horace, traduites par mm. Camponon et Deprès, accompagnées du commentaire de l'abbé Galiasi, 2 vol. Paris, 1821).

Cantarelli (J.)—Cecilia Attica (Roma, 1898).

Capmartin de Chaupy (L'abbé)—Découverte de la maison de campagne d'Horace (3 vol. Rome, 1767—69).

Capone (G.)—Saggio di ricerche sulle vicende della proprietà e sulla origine storica del possesso in Roma („Archivio giuridico“, vv. L, LI, 1893).

Carle (G.)—Le origini del diritto romano (Torino, 1888).

Carnazza (P.)—Il diritto commerciale dei Romani (Catania, 1891).

Carton (P.)—Découvertes épigraphiques et archéologiques faites en Tunisie (Paris, 1895).

— Двѣ статьи объ аграрныхъ эвигр. памятникахъ римской Африки (Revue archéologique 1892 et 93).

Champagny (F.)—Les Césars et les Antonins (4 vol. Paris, 1841).

Christ (W.) Die Atticusausgabe des Demosthenes („Abhandl. der bayr. Akademie“. Philol. Cl. XVI, 3 Abtheil.).

Cluverius—Italia antiqua (Leiden, 1864).

de Coqueray (G.)—Explication des passages de droit privé, contenus dans les oeuvres de Cicéron (Paris, 1857).

Costa (E.)—Il diritto privato nelle comedie di Plauto (Torino, 1890).

— Il diritto nei poeti romani (Bologna, 1898).

Cug (Ed.)—Les institutions juridiques des Romains envisagées dans leurs rapports avec l'état social et avec le progrès de la jurisprudence (I, L'ancien droit, Paris, 1891).

— Le colonat partiaire dans l'Afrique romaine (Mémoires présentés à l'Académie des inscriptions, 1898, I-ère série, t. XI, Extrait).

Danz (A.)—Lehrbuch der Geschichte des römischen Rechts (2 Aufl. Leipzig, 1871—73).

Daubeny (Ch.)—Lectures on roman husbandry (London, 1857).

Deloume (A.)—Les manières d'argent à Rome jusqu'à l'empire. (2 éd. Paris, 1892).

Dernburg (G.)—Pandekten (4 Aufl. 3 Bände, Berlin, 1890).

Desjardins (E.)—Essais sur la topographie du Latium (Paris, 1854).

Dessau (H.)—Die Finanzen des alten Roms (статья въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“).

— Prosopographia Imperii Romani (Berolini, 1897—98).

Dézobry (Ch.)—Rome au siècle d'Auguste (5 éd. 4 vol. Paris, 1886).

Diehl (Ch.)—Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (Paris, 1888).

— Sur les progrès des recherches archéologiques françaises dans l'Afrique romaine (Статья въ „Revue internationale de l'enseignement, 1894, t. XXIV).

Dirksen—Versuche zur Kritik und Auslegung der Quellen des römischen Rechts (Leipzig, 1823).

Dramard (E.)—Etude sur les latifundia (Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, 1895, t. 143).

Drumann (W.)—Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom (Königsberg, 1860).

— Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung (6 Bände. Königsberg, 1834—38).

Dubois (M.)—De l'occupation et de la concession de la terre par l'état ou par la gens à Rome (Lille, 1893).

Duchesne (L'abbé L.)—Liber Pontificalis (Paris, 1886).

Dureau de la Malle (M.)—Economie politique des Romains (2 vol. Paris, 1840).

- Duruy (V.)*—Histoire des Romains (édit. illustrée. 7 vol. 4°. Paris, 1879—85).
- Duval-Arnould*,—Études d'histoire du droit romain au V. siècle d'après les lettres de Sidoine Apollinaire (Paris, 1888).
- Dziatzko*—Autor- und Verlagsrecht im Altertum („Rheinisches Museum für Philologie“, 1894).
- Esmarch (K.)*—Römische Rechtsgeschichte, (3 Aufl. Göttingen, 1893).
- Esmein (A.)*—Cours de l'histoire du droit français (3 éd. Paris, 1897).
- Les colons du saltus Burunitanus (статья въ Journal des Savants за 1880-й годъ).
- Mélanges d'histoire du droit et de critique (Paris, 1886).
- Fabre (P.)*—Étude sur le liber censuum de l'Eglise romaine (Paris, 1892).
- Le patrimoine de l'Eglise romaine dans les Alpes cottiennes („Mélanges de l'école française de Rome“, 1884).
- Fialon (E.)*—Thesis in T. Pomponium Atticum (Lutetiae Parisiorum, 1861).
- Flach (J.)*—Études critiques sur l'histoire du droit romain au moyen âge (Paris, 1890).
- Les origines de l'ancienne France (2 v. Paris, 1886—1893).
- Frandsen (P.)*—C. Cilinius Maecenas (Altona, 1842).
- Friedländer (L.)*—Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms (6 Aufl. 3 Bde, Leipzig, 1888—1890).
- Fritsch (N.)*—Das horazische Landgut, seine Lage und Beschaffenheit („Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik“, 1895).
- Fustel de Coulanges (N. D.)*—Histoire des institutions politiques de l'ancienne France:
- 1) La Gaule Romaine (8 éd. P. 1891).
 - 2) L'invasion germanique et la fin de l'empire (3 éd. P. 1891).
 - 3) L'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne (P. 1889).
 - 4) Les origines du système féodal (P. 1890).
- Questions historiques (Par. 1893).
- Recherches sur quelques problèmes d'histoire (P. 1885).
- Garsonnet (P.)*—Histoire des locations perpétuelles et des baux à longue durée (Paris, 1879).
- Gatti*—статья о „lex horreorum“, (въ „Bulletino archeologico comunale di Roma“, vol. XIII).
- Gauckler (P.)*—La propriété collective à Rome (Nancy, 1883).
- Gaudenzi (A.)*—Sulla proprietà in Italia (Roma, 1884).
- Geffroy (A.)*—L'épigraphie doliaire chez les Romains („Journal des Savants“, 1886).
- Géraud (H.)*—Essai sur les livres dans l'antiquité, particulièrement chez les Romains (Paris, 1840).
- Gibbon (G.)*—History of the decline and fall of the roman empire (ed. Bury, London, 1897).
- Gilbert (O.)*—Geschichte und Topographie der Stadt Rom (3 Bände. 1883—1890).
- Gildebrand (Br.)*—Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft (1849).
- Giraud (Ch.)*—Recherches sur le droit de propriété chez les Romains (t. I, Paris, 1883).
- Glasson (E.)*—Histoire des institutions et du droit français (t. I, Paris, 1887).

Goldschmidt (L.)—Universalgeschichte des Handelsrechts (I. B. I Liefer. 3 Aufl. Stuttgart, 1891).

Gregorovius (F.)—Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter (4 Aufl. Stuttgart, 1889).

Гревсъ (H. M.)—Большое сельское помѣстье древней Италіи и крупное землевладѣніе въ римскомъ мірѣ къ концу I-го вѣка имперіи. („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1897, сент.—окт.).

— Новое изслѣдованіе о колонатѣ (тамъ же 1836, ноябрь—декабрь).

Grisar (A.)—Статья объ управленіи церковными имѣніями во времена папы Григорія I („Zeitschrift für catholische Theologie“, 1877, I Band).

Grosse—Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft (1897).

Grotefend (L.)—Wann erhielt Horaz sein sabinisches Landgut? („Rhein. Museum für Philologie“, 1845, III. 1).

Guérurd (B.)—Prolégomènes au polyptique de l'abbé Irminon (Paris, 1844).

Guiraud (P.)—Fustel de Coulanges (Paris, 1896).

— La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine (Paris, 1894)

Guizot (Fr.)—Histoire de la civilisation en Europe (P. 1828).

Guyau (M.)—La morale d'Epicure (Paris, 1878).

Goyau (G.)—Chronologie de l'empire romain (Paris, 1891).

Lartmann (L. M.)—Geschichte Italiens im Mittelalter (1 Bd. Leipzig, 1897).

— Рецензія на книгу *Ed. Meyer*, Die wirtschaftliche Entwicklung d. Altertums (Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, 1895).

— Ueber die Ursache des Unterganges des Römischen Reichs („Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik“, II, 1889).

— Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (Leipzig, 1889).

Hausrath (A.)—Neutestamentliche Zeitgeschichte (4 Bde, Leipzig, 1868—74).

Hegel (C.)—Geschichte der Stadtverfassung in Italien (1847, 1 Bd.).

Hehn (V.)—Culturpflanzen und Haustiere (6 Aufl. Berlin, 1894).

Heisterbergk (B.)—Die Entstehung des Colonats (Leipzig, 1896).

Herzog (E.)—Geschichte und System der römischen Staatsverfassung (8 Bde. Leipzig, 1884—1891).

Hirschfeld (O.)—Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte (1-er Band, Berlin, 1876).

His (R.)—Die Domänen der römischen Kaiserzeit (Leipzig, 1896).

Holstenius.—Adnotationes ad Cluveri Italiam antiquam (Roma, 1666).

Houdoy (A.)—Le droit municipal romain (Paris, 1875).

Huschke (Ph. K.)—Ueber den Census und die Steuerverfassung der früheren römischen Kaiserzeit (Leipzig, 1847).

d'Hugues (G.)—Une province romaine sous la république. Etude sur le proconsulat de Cicéron (Paris, 1876).

Hülleman (G.)—Diatriben in T. Pomponium Atticum (Traiecti ad Rhenum, 1838).

Humbert (G.)—Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains (2 vol. Paris, 1887).

- Статьи *Ager publicus, agrariae leges, colonia, colonus, emphyteusis* etc. у *Daremberg et Saglio*. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. *Jacobs (Fr.)*—Lectiones Vcnusinae (Vermischte Schriften, Leipzig, 1834).
- Jordan (H.)*—Topographie der Stadt Rom (3 Bände, Berlin, 1871—1885).
- Ihne (W.)*—Römische Geschichte (6 Bde. Leipzig, 1868—86; выходит новое издание).
- Ihering (R.)*—Geist des römischen Rechts (3 Aufl. 4 Bde. Göttingen, 1875—1881).
- Inama-Sternegg (K.)*—Deutsche Wirtschaftsgeschichte (1 Bd. Leipzig, 1879).
- Jullian (C.)*—La villa d'Horace et le territoire de Tibur („Mélanges de l'Ecole française de Rome“, t. III, 1883).
- Les transformations de l'Italie sous les empereurs romains (Paris, 1864).
- Jung (J.)*—Die romanischen Landschaften des römischen Reichs (Innsbruck, 1881).
- Ivanov (W.)*—De societatibus vectigalium publicorum populi Romani (Berolini, 1900).
- Карповъ (H. И.)*—Старые и новые взгляды объ экономическомъ материализмѣ (СПб. 1896).
- Кудрявцевъ (П. Н.)*—Судьбы Италіи (Москва, 1850).
- Кулаковскій (Ю.)*—Философъ Эпикуръ (Кіевъ, 1889).
- Karlowa (O.)*—Römische Rechtsgeschichte (2 Bde. Leipzig, 1885—1892).
- Книер (F.)*—Societas publicanorum (Jena, 1896).
- Kornemann (E.)*—рецензія на книгу *F. Meyer*. Die wirtsch. Entw. d. Altertums (въ „Deutsches Wochenblatt“, 1897).
- Бовалевскій (М. М.)*—Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства (т. I, Москва, 1898).
- Развитие народнаго хозяйства въ Западной Европѣ. (СПб. 1899).
- Kraus (F. X.)*—Roma satterrana (2 Aufl. Freiburg, 1879).
- Kuhn (E.)*—Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reichs. (2 Bde. Leipzig, 1864).
- Kuntze (I. F.)*—Institutionen und Geschichte des römischen Rechts (2 Bde, 2 Aufl. Leipzig, 1879).
- Laboulaye (E.)*—Histoire du droit et de la propriété foncière en Occident (Paris, 1839).
- Lamprecht (K.)*—Der Ausgang des geschichtswissenschaftlichen Kampfes. („Zukunft“, 1897).
- Рецензія на кн. *Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte. („Jahrb. f. Nationaloek. und. Statistik“, 1894).
- Lanciani (R.)*—Delle antiche ville Tuscolane (отъ въ „Bulletino archeologico comunale di Roma“, 1868).
- Lange (L.)*—Römische Alterttmer (3 Bde 3 Aufl. Berlin, 1876--1877).
- Laurent (F.)*—Rome („Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. III, 2 éd. Bruxelles, 1862).
- de *Laveleye (E.)*—La propriété et ses formes collectives (4 éd. Paris, 1891).
- Lécrivain (Ch.)*—De agris publicis imperatorisque ab Augusti tempore usque ad finem Imperii Romani (Parisiis, 1887).
- Le sénat dans l'empire romain de Constantin à Justinien (Paris, 1888).

- Lefort (L.)*—Histoire des locations perpétuelles (Paris, 1875).
- Lchalleur (P.)*—Histoire de l'emphytéose (Paris, 1844).
- Lemomnier (H.)*—Etude historique sur la condition privée des affranchis (Paris, 1887).
- Leo (H.)*—Geschichte von Italien (5 Bde, Hamburg, 1829—32).
- Letourneau (Ch.)*—L'évolution de la propriété (Paris, 1898).
- Lichtenberger (A.)*—De Ciceronis re privata (Lutetiae Parisiorum, 1895).
- List (Fr.)*—Das nationale System der politischen Oekonomie (1843).
- Lolling (H. F.)*—Topographie von Athen (*Iw. Müller's Handbuch der classischen Altertumswissenschaft*, III Bd.).
- Лувукиѹ (H. B.)*—Некрологъ Роджерса („Курьд. Вѣстн.“ 1891, февр.).
- Macé (A.)*—Les lois agraires chez les Romains (Paris, 1846).
- Madwig (I. N.)*—Verfassung und Verwaltung des römischen Staates (2 Bde, Leipzig, 1881—82).
- Magerstedt (A. F.)*—Bilder aus der römischen Landwirtschaft (3 Bde, 1859—1862).
- Marquardt (J.)*—Römische Staatsverwaltung (2 Aufl. 1-er Band, Leipzig, 1881; 2-er Band, besorgt v. *Dessau* und *Domashevsky*, 1884).
- Privatleben der Römer (2 Aufl. besorgt v. *A. Mau*. 2 Theile, Berlin, 1886).
- Martha (C.)*—Mélanges de littérature ancienne (Paris, 1896).
- Le poëme de Lucrèce (2 éd. Paris, 1873).
- Martha (J.)*—L'art étrusque (Paris, 1889).
- Mattias (P. B.)*—Die römische Grundsteuer (1882).
- Die Alimentartafeln und die römische Agrargeschichte („Jahrb. für Nationaloek. u St.“ N. S. X., 1885).
- Maynz (E.)*—Cours de l'histoire du droit romain (5 éd. Bruxelles, 1891, 3 volumes).
- Mazzoleni (A.)*—La Villa di Orazio („Rivista di filologia e d'istruzione classica, 1890—91).
- May (A.) et Becker (H.)*—Précis des institutions du droit privé des Romains destiné à l'explication des auteurs latins (Paris, 1892).
- Meitzen (Aug.)*—Siedelung und Agrarwesen der Germanen, Kelten, Römer, Finnen und Slaven. 1 Bd, Berlin, 1895).
- Meyer (Ed.)*—Статьи: *Bevölkerung*, *Gracchische Bewegung*, (въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften“).
- Die Sklaverei im Altertum (Dresden, 1898).
- Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums (Jena, 1895).
- Michel (P.)*—De l'inaliénabilité primitive des terres (Caen, 1891).
- Милюковъ (H. H.)*—Государственное хозяйство Россія въ первую четверть XVIII в. (СПб. 1892).
- Очерки по исторіи русской культуры (Вип. II, предисловіе).
- Minuttillo (N.)*—I latifondi nella legislazione dell' impero romano (Napoli, 1896).
- Mispoulet (J. B.)*—Les institutions politiques des Romains (2 v. Paris, 1882—83). Эпиграфическая замѣтка колонатъ: „L'inscription de Gasr Mézouar“ (Nouvelle revue historique de droit français et étranger, 1892).
- Mitteis (L.)*—Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig, 1891).
- Möser (J.)*—Osnabrückische Geschichte (1768).

- Mommsen (Th.)*—Abriss des römischen Staatsrechts (Leipzig, 1893).
- Die Berwirthschaftung der kirchlichen Güter unter Papst Gregor I. (Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. I Band.)
- Комментарій на эпиграфическій текстъ *legis agrariae a. 643* (въ Corpus Inscriptionum Latinarum t. I).
- Das Decret des Commodus für den Saltus Burunitanus (Hermes, XV, 1880).
- Рѣчь о первыхъ стихотвореніяхъ третьей книги Горациевыхъ одъ (Sitzungsberichte der Berl. Akademie, 1889).
- Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln (Hermes, XIX, 1884).
- Römische Geschichte (8 Aufl. Berlin, 1888).
- Römisches Staatsrecht (3 Aufl. 3 Bände. Leipzig, 1887—88).
- Moreau de Jonnés (A.)*—Statistique des peuples de l'antiquité (2 vol. Paris, 1851).
- Müller (P.)*—Die Geldmacht im alten Rom (Bruchsal, 1877).
- Müller (Christ.)*—Roms Campagna (Leipzig, 1824).
- Муромцевъ (С.)*—Гражданское право древняго Рима (Москва, 1883).
- Nibby (Ant.)*—Analisi storico-topografico-antiquaria dei contorni di Roma (Roma, 4 v. 1837—38).
- Viaggio antiquario nei contorni di Roma (1819).
- Niebuhr (B. G.)*—Römische Geschichte (I Aufl. 1811; 4 Aufl. Berlin, 1833).
- Niessen (H.)*—Italische Landeskunde (I Bd. Berlin, 1883).
- Pompejanische Studien zur Städtekunde des Alterthums (Leipzig, 1877).
- Nitzsch (K. W.)*—Geschichte der römischen Republik (2 Bde, Leipzig, 1884—85).
- Die Gracchen (1847).
- Ueber Catos Buch vom Landbau („Zeitschrift für Alterthumswissenschaft“, 1845).
- Noël des Vergers (E.)*—Etude biographique sur Horace (Paris, 1855).
- Oemler (P.)*—Antike Landwirtschaft (Berlin, 1872).
- Oertmann (P.)*—Die Volkswirtschaftslehre des Corpus iuris civilis (Berlin, 1891).
- Overbeck (I.)* und *Mau (Aug.)*—Pompei in seinen Gebäuden. Alterthümern, und Kunstwerken dargestellt (4 Aufl. Leipzig, 1884).
- Padeletti (G.) e Cogliolo*—Storia del diritto romano (2 ed. Firenze, 1886).
- Pagenstecher (C.)*—Geschichte des Eigenthumsrechts der Römer (3 Theile, 1857—59).
- Pellat (Ch.)*—Exposé des principes généraux du droit romain sur la propriété (Paris, 2 éd. 1893).
- Pelham (R.)*—The imperial domains and the colonate (London, 1890).
- Perna*—L'enfiteusi nel diritto antico e moderno (1892).
- Pernice*—Parerga, VIII. Die wirtschaftliche Voraussetzungen der römischen Rechtsätze (Zeitschrift f. Rechtsgeschichte 1898. XIX).
- Pertile*—Storia del diritto italiano (2 ed. 1891, v. I).
- Петрушевскій (Л. М.)*, рецензія на кн. П. Г. Виноградова, „Villainage in England“. Ж. М. Н. Пр. 1892, дек.)
- Pfützner (W.)*—Ueber das Sabinische Landgut des Horaz (Parchim, 1864).
- Philippi (E.)*—Zur Geschichte des Patronats über juristische Personen („Rhein Museum“ N. F. Bd. VIII, 1853).

- Philippowich*—Grundriss der politischen Oekonomie (2 Aufl. Leipzig, 1897).
- Pirenne*—Une polémique historique en Allemagne (Revue historique, t. 64. 1897).
- Pöhlmann (R.)*—Die Anfänge Roms (Erlangen, 1881).
- Die Uebervölkerung der antiken Grossstädte (Leipzig, 1884).
- Aus Altertum und Gegenwart (München, 1895).
- Рецензія на кн. *E. Meyer*, Die wirtschaftl. Entwicklung d. Altertums. (Litterarisches Centralblatt, 1895).
- Preller (J.)*—Römische Mythologie (3 Aufl. Berlin, 1881—83).
- Puchta (G. F.)*—Cursus der Institutionen (10 Aufl. 2 Bde. bearbeitet von *Krüger*. Leipzig, 1893).
- Regelsberger (E.)*—Pandekten. 1893.
- Richter (H.)*—Das Weströmische Reich besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II und Maximus (Berlin, 1865).
- Richter (O.)*—Römische Topographie (2 Aufl. München, 1897. *Iw. Müllers*, Handbuch, III).
- Rivier (A.)*—Introduction historique au droit romain (2 éd. Bruxelles, 1869).
- Robiou (F.) et Delaunay (D.)*—Manuel des institutions et des antiquités romaines (3 vol. Paris, 1885—1888).
- Rodbertus-Jagetzow (K.)*—Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des class. Altertums (*Hildebrands Jahrb. für. Nationaloekon. und Statistik*—60-не и 70-не гг.).
- Rogers (I. F. Th.)*—The economic interpretation of history (2 ed. London, 1891).
- Roscher (W.)*—Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte (3 Aufl. Leipzig, 1878, 2 Bde).
- Grundlegung der Nationaloekonomie (Stuttgart, 20 Aufl. 1892).
- Nationaloekonomik des Ackerbaues (2 Aufl. Stuttgart, 1888).
- Rosa (Pietro)*—Notizie intorno alla villa di Orazio (Bullet. dell' Institut. di corr. arch. 1857).
- De Rossi (G. B.)*—Roma sotterranea (3 vol. Roma).
- Rostoutzew (M.)*—„Fiscus“ (ст. въ Dizionario epigrafico di antichità Romane, III, 96).
- Ростовцевъ (М. И.)*—Исторія государственнаго откупа въ римской имперіи (СПб. 1899).
- Rougier (I.)*—Histoire de l'agriculture ancienne des Romains (Paris, 1834).
- Rudorff (A.)*—Die Schriften der römischen Feldmesser (Berlin, 1852).
- Комментарій къ lex agraria a 643. (Zeitschrift für die geschichtliche Rechtswissenschaft, 1842, IX).
- Статья о земельной подати въ Римѣ (Berichte der Berl. Akad. 1866—69).
- de Sanctis (Abb. Domenico)*—Dissertazione sopra la villa di Orazio Flacco (Roma, 1761; 2 ed. 1768).
- Savigny (Fr. K.)*—Das Recht des Besitzes (I Aufl. Giessen 1803; 4-e vermehrte. 1837).
- Статья о земельной подати въ Римѣ. Vermischte Schriften (II).
- Schäfer (A.)*—Die Bedeutung der alten Geschichte für die Gegenwart (Histor. Aufsätze u. Festreden).
- Schanz*—Geschichte der römischen Litteratur (*Iw. Müllers* Handbuch).

Scheel—Der Begriff des Geldes in seiner hist-oekon. Entwickl. (Jahrb. f. Nationaloek. u. Statistik, 1866—VI).

— Die wirtschaftlichen Grundbegriffe im Corp. iuris civilis (Jahrb. für Nationaloekonomie VI, 1866).

Schiller (H.)—Geschichte der röm. Kaiserzeit (2 Bde, Gotha 1885—87).

Schneidewin—Die horazische Lebensweisheit (Hannover, 1890).

Schulin (F.)—Lehrbuch der Geschichte des röm. Rechts (Leipzig, 1889).

Schulten (A.)—Die Landgemeinden im römischen Reich (Philologus, 1894, LIII).

— Die lex Hadriana de rudibus agris (Hermes, XXIX, 1894).

— Die lex Manciana, eine afrikanische Domänenordnung (Berlin, 1897.—Abh. d. K. Gesellsch. der Wissenschaften z. Gött. N. F. Bd. II, Separatabdruck).

— Die römischen Grundherrschaften, eine agrarhistorische Untersuchung (Weimar, 1896). Первоначально было напечатано в „Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, 1895.

— Römische Kolonisation (ср. в Handwörterbuch d. Staatswissenschaften“).

Schumacher—Römische Meierhöfe im Limesgebiete (Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst, XV, 1896).

Schwegler (A.)—Römische Geschichte. 1853.

Sebastian (E.)—De patronis coloniarum atque municipiorum Rom (Halle, 1884).

Seeck (O.)—Geschichte des Untergangs der antiken Welt (Berl. 1895. 1 Bd).

— Die Statistik in der alten Geschichte (Jahrb. für Nationaloekon. und Statistik, 1897, Bd. 68).

Segrè (G.)—Studio sulla origine e lo sviluppo storico del colonato romano (Archivio giuridico, 1889—90, vv. 42. 43. 44. 46).

Serrigny (D.)—Le droit public et administratif romain (2 v. 1865, Paris).

Sickel (W.)—Die Privatherrschaften im fränkischen Reiche (Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte u. Kunst, 1896).

Sombart (W.)—Die römische Campagna. Eine Socialoekonomische Studie (Leipzig, 1888).

Stammler (L.)—Wirtschaft und Recht nach der materialistischer Geschichtsauffassung (Leipzig, 1896).

Stefan (H.)—Das Verkehrsleben im Altertum (*Raumer's* Historisches Taschenbuch, 4 Folge, 9-er Jahrgang, 1868).

Stein (L.)—Drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft.

Teuffel (W.)—Geschichte der römischen Litteratur (5 Aufl. bearb. v. L. Schwabe. Leipzig, 1890. 2 Bde).

Thierry (Am.)—Tableau de l'empire romain (3 éd. Paris, 1862).

Thomas (E.)—Rome et l'empire aux deux premiers siècles de notre ère (Paris, 1897).

v. *Thünen*—Der isolierte Staat in seiner Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie (3 Aufl. 2 Bde, Berlin, 1876).

Tissot (Ch.)—Géographie de l'Afrique romaine (3 volumes. Paris, 1884—88).

Toutain (J.)—L'inscription de Henchir-Mettich (Nouvelle revue historique de droit français, 1897).

— Les cités romaines de la Tunisie (Paris, 1895).

Ueberweg-Heinse.—Geschichte der Philosophie (6 Aufl.).

Ungherini (A.)—Del carattere di T. Pomponio Attico (Torino, 1897).

- Usener (H.)*—Philologie und Geschichtswissenschaft.
- Vanucci (A.)*—Storia dell'Italia antica (4 vol. Milano. 1873—76).
- Viollet (P.)*—Caractère collectif des premières propriétés immobilières (Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, t. XXXIII, 1872).
- Visconti (C.) e Lanciani (R.)*—Guida del Palatino (Torino, 1878).
- Voigt (M.)*—Ueber die Bankiers, die Buchführung und die Litteralobligation der Römer („Abhandlungen der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Hist-Philol. Classe, Band X, Leipzig, 1888).
- Die XII Tafeln (2 Bände, Leipzig, 1883).
- Römische Privatalterthümer und Kulturgeschichte (*Iw. Müllers Handbuch*, 2 Aufl. München, 1893, IV Bd.).
- Drei epigraphische Constitutionen Constantin's des Grossen (Leipzig, 1860).
- Römische Rechtsgeschichte (I-er Band, Leipzig, 1893).
- Vuy (A.)*—De originibus et natura iuris emphyteutici Romanorum (Heidelberg, 1838).
- Waaser*—Die colonia partiaria (Berlin, 1885).
- Waits (G.)*—Gesammelte Abhandlungen (Göttingen, 1896).
- de *Walckenaer*.—Histoire de la vie et des oeuvres d'Horace (2 vol. Paris, 1858).
- Wallon (H.)*—Histoire de l'esclavage dans l'antiquité (3 volumes, Paris, 1847).
- Walter (F.)*—Geschichte des römischen Rechts (3 Aufl. 2 Bände, Bonn, 1860—61).
- Waltzing (I. P.)*—Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains (2 vol. Bruxelles, 1895—96).
- Weber (Max)*.—Agrarverhältnisse im Altertum (статья въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“).
- Römische Agrargeschichte in ihrer Beziehung für das Staats- und Privatrecht (Stuttgart, 1891).
- Die socialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur (въ журн. „Wahrheit“, VI, 64 ff.).
- Wiert (R.)*—Le régime des terres du fisc au Bas-Empire (Paris, 1894).
- Wieland*.—Horaziusbriefe übersetzt und erläutert (Leipzig, 1816).
- Wietersheim-Dahn*—Geschichte der Völkerwanderung (2 Bände, 1880).
- Wilamowitz v. Möllendorf*—Philologie und Schulreform (Göttingen, 1892).
- Willems (P.)*—Le droit public romain (6 éd. Louvain-Paris, 1888).
- Windscheid (B.)*—Lehrbuch des Pandektenrechts (7 Aufl. 3 Bde, 1891).
- Winnefeld*—Die villa des Hadrian (Jahrb. des deutsch. archeol. Instituts III. Ergänzungsheft).
- Виноградовъ (И. Г.)* Исследования по социальной истории Англии въ средние вѣка (СПб. 1887).
- Происхождение феодальныхъ отношеній въ Ломбардской Италиі (СПб. 1881).
- Фюстель де Куланжъ. Итоги и приемы работы (Русская Мысль, 1890, январь).
- Wisbaum (W.)*—Die wichtigsten Richtungen und Ziele der Thätigkeit des Papstes Gregors des Grossen (Köln, 1884).
- Wiskemann (H.)*—Die antike Landwirtschaft und das von-Tünensche Gesetz (Leipzig, 1859).

Волковъ—,Фонъ-Тюненъ. „Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи (Карльсруэ, 1857).

Zachariae v. Lingenthal (К. Е.)—Geschichte des griech-römischen Rechts (3 Aufl. Berlin, 1892).

— Статья о земельной подати у Римлянъ.—Mémoires de l'Académie de St-Pétersb. 1868.

Zeller.—Philosophie der Griechen (3 Aufl. Leipz. 1880).



ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
11 (прим.)	7 св.	замѣчательныя и оригинальныя	замѣчательныя и оригинальныя
17 (прим.)	2 св.	des	der
64 (текстъ)	16 св.	Priva/alterthümer	Priva/alterthümer.
82 (прим.)	9 св.	Adriatica	Adriatico
91 (прим.)	2 св.	III-й книги	I-й книги.
92 (прим.)	21 св.	Samilla	Samilia
94 (прим.)	6 св.	за описаніе	къ описанію
104 (прим.)	8 св.	sarijiv	sarillis.
116 (прим.)	4 св.	о нихъ	о владѣльцахъ стадъ, пользующихся такими <i>расциа</i>
119 (прим.)	4 св.	слова: „платили <i>merces</i> (арендную плату) и вѣсть съ тѣмъ“	<i>необходимо здѣсь вычеркнуть.</i>
180 (прим.)	4 св.	Pio	Pie
186 (прим.)	4 св.	Послѣ слова: „пояснить“	Вставить: „(согласно комментарію <i>Acro</i> , Ног. ор. I, 427, ed. 2, 1848):“
143 (прим.)	5 св.	дилетантъ	дилеттантъ
155 (прим.)	7 св.	extruxit	extruxit.
166 (текстъ)	9 св.	Метаморфоза	Метаморфозы
169 (прим.)	2 св.	quo	quod.
172 (прим.)	2 св.	Τορρυίας	Τορρυίας
179 (текстъ)	8 св.	Borghese,	Borghese.
184 (прим.)	8 св.	agellulum	agellulus
226 (текстъ)	13 св.	они	они
300 (прим.)	4 св.	объ отысканіи	отысканіемъ
305 (прим.)	4 св.	Wohnungsnot	Wohnungsnot.
389 (прим.)	15 св.	I, 17, 21.	I, 7, 21.
396 (прим.)	6 св.	которыя	которой.
400 (прим.)	8 св.	I, 1, 5.	1, 5.
429 (текстъ)	8 св.	ея	ея

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
469 (прим.)	19 сн.	Бадеяъ	Базель.
504 (прим.)	9 св.	р. 28.	р. 24 ss.
507 (прим.)	3 сн.	служить	служилъ.
528 (текстъ)	6 св.	самня	самне.
539 (прим.)	7 св.	и Меривэля	и <i>подробно</i> у Меривэля.
594 (прим.)	2 св.	1896.	1886.
620 (прим.)	1 св.	L'avenir de le science	L'avenir de la science.
621 (текстъ)	2 св.	<i>источниковъ</i>	лучше измѣнить въ: <i>источники</i> .

Въ указателѣ пособій пропущено.

- Kornemann (E.)*—Aegyptische Einflüsse im römischen Kaiserreich (въ „Neue Jahrbücher für das klass. Altertum und Pädagogik, 1899, III Bd)
— De civibus Romanis in provinciis consistentibus (Berol. 1892).
Schulten (A.)—De conventibus civium Romanorum (Berol. 1892).



3 2044 009 806 647

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

